ДУХОВНЫЯ ШКОЛЫ

ВЪ РОССІИ

ДО РЕФОРМЫ 1808 ГОДА.

Сочиненіе П. Знаменскаго.

КАЗАНЬ
Типографія Императорскаго Университета.
1881.

Дозволено цензурою. 1 марта 1881 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВСТУПЛЕНІЕ. . . . . 1— 17.

I. НАЧАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ДУХОВНЫХЪ ШКОЛЪ ПРИ ПЕТРѢ I.

а) Духовныя школы до учрежденія св. Синода . 17— 52.
б) Дух. школы послѣ учрежденія св. Синода . 53—140.

II. СОСТОЯНІЕ. ДУХ ШКОЛЪ ПРИ ПРЕЕМНИКАХЪ ПЕТРА.

а) Новыя дух. школы и открытіе духовныхъ семинарій . . . . . 140—188.
б) Управленіе и содержаніе дух. школъ . . 188—287.
в) Ученики дух. школъ. . . . . 288—388
г) Учебно-воспитательная часть дух. школъ . . 388—469.

III. СОСТОЯНІЕ ДУХ. ШКОЛЪ ОТЪ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ЕКАТЕРИНЫ II.

Предположенія касательно реформы дух. школъ . 469—480.
а) Штатные оклады, открытіе новыхъ школъ и внѣшняя организація духовнаго школьнаго образованія . . 480—552.
б) Сословное значеніе дух. школъ . . . 552—615.
в) Содержаніе дух. школъ . . . . 615—680.
г) Состояніе учебно-воспитательной части . . 680—805.

Первоначальное открытіе духовныхъ школъ относится ко времени реформы Петра великаго и составляетъ одну изъ важнѣйшихъ ея услугъ для православной русской церкви, дотолѣ крайне нуждавшейся въ образованныхъ кандидатахъ на церковныя должности.

Древняя Русь имѣла у себя одно лишь элементарное школьное обученіе, практиковавшееся въ приходскихъ школахъ и состоявшее въ обученіи чтенію, пѣнію и письму. Преподавателями этихъ приходскихъ школъ были или члены мѣстнаго приходскаго клира или особые, такъ называемые, мастера изъ мірянъ. И тѣ и другіе сами получали образованіе въ тѣхъ же школахъ, вслѣдствіе чего уровень школьнаго образованія постоянно оставался одинъ и тотъ же, нисколько не поднимаясь въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Школы эти были, разумѣется, открытыми для всѣхъ, желавшихъ учиться, безъ различія состояній и будущихъ занятій ихъ воспитанниковъ. Если въ нихъ и замѣчается преимущественно церковный характеръ курса, то это зависѣло отъ общаго религіознаго направленія жизни самого русскаго общества, и духовными, въ смыслѣ позднѣйшемъ, т. е. имѣющими назначеніе воспитывать дѣтей „въ надежду священства", назвать ихъ нельзя. Особаго спеціальнаго приготовленія къ духовному служенію такъ и не выработала древняя Русь до послѣдняго времени. Съ одной стороны это обстоятельство имѣло хорошую сторону, под-

держивая самую близкую связь между народомъ и его пастырями. но съ другой стороны невыгодно отражалось на состояніи самаго пастырства и на развитіи религіознаго учительства духовенства. Священнослужитель стоялъ на одинаковомъ уровнѣ религіознаго знанія съ народомъ; это былъ не пастырь-руководитель своихъ пасомыхъ въ усвоеніи высокихъ истинъ вѣры. а скорѣе представитель того же религіознаго міросозерцанія, какое господствовало въ самой массѣ темнаго народа. Единственнымъ средствомъ возвыситься надъ этимъ общимъ уровнемъ народнаго религіознаго образованія для пастыря было самообразованіе, которое достигалось съ помощію усерднаго чтенія разныхъ божественныхъ писаній, какъ тогда назывались всѣ религіозныя книги. Человѣкъ, воспользовавшійся этимъ средствомъ, получалъ дѣйствительно громадное превосходство надъ другими, слылъ премудрымъ философомъ и имѣлъ сильный авторитетъ, вслѣдствіе чего дѣлался обыкновенно безспорнымъ кандидатомъ на всѣ высшія церковныя должности и главнымъ дѣятелемъ во всѣхъ важнѣйшихъ церковныхъ дѣлахъ; но на самомъ дѣлѣ онъ все-таки и при этомъ оставался только начетчикомъ, превосходившимъ другихъ не широтой и глубиной своего религіознаго міросозерцанія, а лишь тѣмъ, что одинъ усвоялъ себѣ то, что въ массѣ раздѣлено было между многими. Типъ этихъ начетчиковъ слишкомъ хорошо извѣстенъ и въ настоящее время, чтобы его описывать. Въ древней Руси несостоятельность образованія этихъ мудрыхъ философовъ вполнѣ обнаружилась во время сильнаго церковнаго движенія второй половины XVII вѣка, когда сонный застой религіозной жизни, бывшій неизбѣжнымъ слѣдствіемъ вѣковой монотонности и одинаковаго, неизмѣннаго уровня древняго религіознаго образованія, былъ въ первый разъ до дна взволнованъ напоромъ внѣшнихъ просвѣтительныхъ вліяній и тревожными запросами новаго времени. Можно безъ преувеличенія сказать, что

большинство ихъ не только не поняло этого животворнаго движенія, долженствовавшаго обновить церковную жизнь, но встало противъ него съ прямымъ фанатическимъ отрицаніемъ и дошло до убѣжденія, что настало свѣтопреставленіе.

Неудовлетворительность стариннаго элементарнаго образованія приходскихъ школъ раньше всего была сознана въ югозападной Россіи подъ вліяніемъ опасной для православія борьбы съ польскимъ католичествомъ. За возвышеніе его уровня взялись братства, корпораціи болѣе широкія и сильныя, чѣмъ приходы. Они имѣли всѣ средства завести болѣе обширныя и богатыя школы, чѣмъ прежнія приходскія, ввели въ нихъ изученіе новыхъ предметовъ и классическихъ языковъ и, что всего важнѣе, постарались поднять въ нихъ уровень образованія, поставивъ ихъ въ общеніе со школами другихъ народовъ, старѣйшихъ по образованію, посредствомъ вызова иностранныхъ учителей и посылки своихъ школяровъ для ученія за границу. Будучи вызваны къ своему существованію борьбой за православіе противъ латинства, братскія школы вступили сначала въ тѣсную связь съ Греціей, откуда и получили первыхъ заправителей школьнаго дѣла, положившихъ въ южно-русскомъ образованіи начало преобладанію греческаго элемента. Плодомъ этой связи съ Греціей было развитіе плодотворнаго по обстоятельствамъ времени и весьма популярнаго въ Россіи еллино-славянскаго образованія, которое и господствовало въ братскихъ школахъ до реформы главной изъ этихъ школъ, кіевской коллегіи, Петромъ Могилою. Могила, получившій западное европейское образованіе, остался недоволенъ еллино-славянскимъ направленіемъ русскихъ школъ, всталъ за другую, увлекавшую его образованность,— іезуитскую, съ ея всемірнымъ латинскимъ языкомъ и всеоружіемъ схоластики. Окруживъ себя дружиною молодыхъ, ученыхъ — такихъ же воспитанниковъ латинскихъ западныхъ школъ, онъ преобразовалъ кіев-

скую братскую школу по образцу іезуитскихъ коллегій и ввелъ въ нее преобладаніе латинскаго схоластическаго элемента. Всѣ представители югозападнаго образованія и даже казаки и кіевское посполство возстали противъ него за это антинаціональное дѣло, произвели шумное и грозное волненіе, поставившее въ опасность самое существованіе новой коллегіи и жизнь ея реформаторовъ; но Могила твердо отстоялъ свою реформу, и мало по малу латинское образованіе сдѣлалось господствующимъ на всемъ югозападѣ.—Не смотря на сильное развитіе въ братскихъ школахъ религіознаго интереса, поддерживаемаго постоянною борьбою съ католичествомъ, школы эти, какъ и школы приходскія, все-таки не были школами духовными. Главною цѣлію ихъ, и до и послѣ реформы кіевской коллегіи, постоянно оставалось образованіе общее, а не приготовленіе молодыхъ людей къ церковнымъ должностямъ. Это были школы всесословныя, поддерживавшіяся всѣмъ югозападнымъ обществомъ и выпускавшія своихъ питомцевъ на всѣ возможные роды службы и жизни. Число свѣтскихъ учениковъ въ нихъ всегда было даже больше, чѣмъ духовныхъ, и не только въ XVII, но даже почти до конца XVIII столѣтія.

Въ половинѣ XVII в. просвѣтительное движеніе возбудилось и въ московскомъ государствѣ. Старое приходское образованіе оказалось неудовлетворительнымъ и здѣсь; какъ раньше въ южной Руси, такъ и здѣсь явилась потребность въ новыхъ высшихъ школахъ. На югѣ заведеніе ихъ приняло на себя общество; въ Руси московской, за отсутствіемъ сильныхъ общественныхъ корпорацій, которыя могли бы соотвѣтствовать югозападнымъ братствамъ, за это дѣло взялось правительство и для выполненія его обратилось за помощью къ югозападнымъ ученымъ. Въ Москву по этому приглашенію явилась первая дружина ученыхъ иноковъ, питомцевъ прежнихъ домогилинскихъ школъ, и сдѣлалась здѣсь первою распространитель-

ницею своего еллино-славянскаго просвѣщенія. Но вслѣдъ за этими учеными прежняго братскаго типа явились другіе кіевскіе старцы новаго послѣмогилинскаго типа съ ихъ латинско-схоластическимъ направленіемъ и возбудили противъ себя почти такое же волненіе въ средѣ православнаго общества, и преимущественно въ средѣ московскихъ начетчиковъ, съ какимъ нѣкогда встрѣчены были латинскія нововведенія Петра Могилы въ самомъ Кіевѣ. Въ теченіе послѣдней четверти XVII столѣтія вслѣдствіе этого шли непрерывныя столкновенія и споры московскихъ ученыхъ съ югозападными пришельцами, среди которыхъ послѣдніе выказали себя съ самой невыгодной для нихъ стороны. Оказалось, что латинская образованность обошлась имъ недаромъ, что съ латинскимъ языкомъ они успѣли всосать въ себя и латинскую мысль, а съ Ѳомой Аквинатомъ усвоить и схоластико-латинское воззрѣніе на догматы.

Еллино-славянское направленіе образованія среди этихъ споровъ не потеряло своей репутаціи, сдѣлалось даже еще популярнѣе въ сравненіи съ латинскимъ; поэтому іерархія возложила на него всѣ свои надежды въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія и борьбы за православіе. При типографскомъ домѣ въ 1679 г. основана была школа, въ которой велѣно было обучать греческому языку. Такъ какъ югозападные ученые были кругомъ заподозрѣны въ латинствѣ и надежда на ихъ помощь въ поддержаніи еллино-славянской науки была очень плохая, то порѣшено было войти въ ближайшее, непосредственное сношеніе съ самою Греціей. Въ типографской школѣ учителями были назначены уже греки, а въ 1682 г. для предположенной къ открытію московской академіи были вызваны изъ Греціи знаменитые братья Іоанникій и Софроній Лихуды. По пріѣздѣ въ Москву (въ 1685 г.) они начали свои курсы и академія, съ которой была соединена теперь и типографская школа, сдѣлалась центромъ еллино-славянскаго просвѣщенія и сильнымъ

противовѣсомъ противъ образованія латинскаго, шедшаго изъ Кіева. Послѣ извѣстнаго горячаго спора объ евхаристіи, взволновавшаго всю Москву, кіевскіе ученые были окончательно завинены въ латинствѣ и одинъ за другимъ должны были оставить Москву и разойтись въ разныя стороны; латинско-кіевскій источникъ образованія былъ отвергнутъ, какъ нечистый и вредный для православія; остался только другой, который проистекалъ отъ православной Греціи и теперь обильно напаялъ струями Лихудовскихъ ученій юную московскую академію, единственную надежду и государства и церкви.

Но несчастная подозрительность московскихъ начетчиковъ ко всему новому едва не закрыла и этого послѣдняго источника. Подозрѣніе въ неправославіи коснулось и самихъ Лихудовъ и довело ихъ наконецъ до заточенія въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Послѣ этого академія начала быстро клониться къ упадку. Еллинское ученіе, введенное въ нее Лихудами, поддерживалось въ ней еще годовъ пять, благодаря ученикамъ Лихудовъ въ родѣ Поликарпова, но въ 1699 году и Поликарповъ оставилъ академію, поступивъ въ типографскіе справщики. Въ такомъ положеніи застала дѣло русскаго школьнаго образованія реформа Петра и съ самаго же начала обратила на него свое особенное вниманіе.

Необходимо прибавить при этомъ, что и московская академія, какъ кіевская и другія югозападныя школы, тоже явилась школой не духовной, а общей, чѣмъ-то въ родѣ древнерусскаго университета. Въ учредительной граматѣ объ ней царя 1682 г. было сказано: „благоволимъ въ царствующемъ нашемъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ на взысканіе юныхъ свободныхъ ученій мудрости храмы чиномъ академіи устроити, и во оныхъ хощемъ сѣмена мудрости, т. е. науки гражданскія и духовныя, постановити; притомъ же и ученію правосудія духовнаго и мірскаго, и прочимъ всѣмъ свободнымъ наукамъ, ими же цѣ-

лость академіи, сирѣчь училищъ, составляется, быти". Далѣе въ п. 5 прямо сказано: „сему нашему училищу быти общему, и всякаго чина, сана и возраста людемъ, точію православныя христіанскія восточныя вѣры, приходящимъ ради наученія, безъ всякаго зазора свободному; въ немъ всякія отъ церкви благословенныя благочестивыя науки да будутъ". Въ такомъ видѣ, какъ заведеніе открытое для всѣхъ, академія явилась и на самомъ дѣлѣ. Когда на нее обратилъ свое вниманіе царь Петръ, онъ тоже высказывался объ ней, какъ о царской школѣ съ общимъ образованіемъ, изъ которой должны были выходить люди „во всякія потребы,—въ церковную службу, и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство".

Слова эти были сказаны имъ въ извѣстномъ разговорѣ его съ п. Адріаномъ вскорѣ послѣ возвращенія изъ перваго путешествія по Европѣ (1). Тогда же патріархъ услыхалъ отъ него важныя рѣчи, касав-

---

(1) Ист. Петра В. *Устрялова*, т. III, прилож. VII, стр. 45. Въ I т. Лѣтописей Тихонравова (за 1859 г.) помѣщена (смѣсь стр. 63 и далѣе) замѣтка г. *Лыжина*, въ которой отрицается подлинность этого разговора и подлогъ приписывается извѣстному кабинетъ-министру Анны Іоанновны Волынскому. Мы находимъ это отрицаніе болѣе проворнымъ и рѣшительнымъ, чѣмъ доказательнымъ. Тѣ выраженія и мысли разговора, которыя авторъ находитъ несвойственными старому времени, онъ могъ бы усмотрѣть хоть даже въ приведенной граматѣ 1682 г. объ учрежденіи академіи: тутъ есть и «знатный чинъ», и «свободныя» науки, и иноземцы-учители русскихъ дѣтей, которымъ г. Лыжинъ до крайности удивился, сочтя ихъ почему-то французскими гувернерами въ XVII в. Замѣтка его о состояніи академіи при Адріанѣ показываетъ только, что онъ въ томъ же томѣ Ист. Устрялова (стр. 336) не дочиталъ отзыва объ ней Курбатова, который мы приведемъ ниже. «На сіе надобно человѣка не единаго» сказано не о «выборѣ», а образованіи священниковъ, для чего дѣйствительно надобно не единаго учителя. Послѣ всего этого обвинять Волынскаго въ *подлогѣ* нѣтъ никакой надобности. Не понимаемъ, зачѣмъ повторилъ это же очень крупное нареканіе на несчастнаго Волынскаго авторъ послѣдней объ немъ монографіи въ Ст. и Нов. Россіи, г. Корсаковъ.

шіяся уже не общаго образованія, а вчастности образованія духовенства, которое для царя тогда было особенно важно, такъ какъ онъ очень нуждался въ образованныхъ органахъ для проведенія предпринятыхъ имъ реформъ въ массу народа. „Священники ставятся, говорилъ онъ, грамотѣ мало умѣютъ; еже бы ихъ таинствъ научати и ставити въ тотъ чинъ. На сіе надобно человѣка и не единаго, кому сіе творити, и опредѣлити мѣсто, гдѣ быти тому. Чтобы возымѣть промыслъ о вразумленіи къ любви Божіей и къ знанію Его христіанъ православныхъ и зловѣрпевъ татаръ, мордвы и черемисы и иныхъ". Московская академія не удовлетворяла этимъ нуждамъ церкви; въ ней, говорилъ царь, „мало которые учатся, что никто школы, какъ подобаетъ, не надзираетъ, а надобно къ тому человѣкъ знатный въ чинѣ и во имени и въ довольствѣ потребъ ко утѣшенію пріятства учителей и учащихся; и сего не обрѣтается ни отъ какихъ людей". Какое же предпринять средство для образованія духовенства? Средство извѣстное: „и для того въ обученіе хотя бы послати колико десять человѣкъ въ Кіевъ въ школы, которые бы возмогли къ сему прилежать". т. е. сдѣлаться учителями духовнаго юношества. Такъ высказана была въ первый разъ, хотя и не совсѣмъ ясно и рѣшительно, мысль объ устройствѣ особаго духовнаго образованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ предложено снова обратиться за наукой и въ этомъ, уже спеціально церковномъ образованіи къ тѣмъ же кіевлянамъ, которыхъ только лишь успѣли выжить изъ Москвы, какъ еретиковъ латыниковъ.

П. Адріанъ впрочемъ не дожилъ до осуществленія мысли царя. Пока онъ былъ живъ, латинскія ученія кіевлянъ были тщательно преслѣдуемы въ Москвѣ. Академія тоже не поднималась изъ своего упадка. Вскорѣ по кончинѣ патріарха прибыльщикъ Курбатовъ писалъ въ своемъ донесеніи царю: „школа, бывшая подъ надзоромъ патріарха и подъ управленіемъ монаха Палладія (Роговскаго), въ разстройствѣ; уче-

ники, числомъ 150 человѣкъ, очень недовольны, терпятъ во всемъ крайній недостатокъ и не могутъ учиться: потолки и печи обвалились".

Послѣ смерти Адріана мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола поставленъ былъ митрополитъ рязанскій Стефанъ Яворскій, при чемъ ему поручено было протекторство надъ московской академіей. Петръ наказалъ ему: 1) „дабы, не жалѣя имѣнія и доходовъ дому патріаршаго, училища учредилъ и о наученіи Закона Божія крайне прилежалъ; 2) дабы по прошествіи малаго времени ненаученныхъ по крайней мѣрѣ катихизиса и 10 заповѣдей, не освидѣтельствовавъ самъ, во священники не ставилъ". Какъ питомецъ кіевской академіи, Стефанъ сталъ вводить въ московской академіи кіевскіе порядки и „латинская ученія", на что выпросилъ у государя даже особый дозволительный указъ (1). Между Кіевомъ и Москвой тотчасъ же завязались самыя тѣсныя связи; изъ кіевской академіи одинъ за другимъ вызывались въ московскую новые преподаватели наукъ, а москвичи съ своей стороны стали ѣздить для науки въ Кіевъ, и самъ царь писалъ кіевскому митрополиту Варлааму (въ 1701 г.), чтобы онъ не возбранялъ имъ доступа въ свою академію (2). Московская академія вскорѣ сдѣлалась настоящей колоніей кіевской и точной копіей своей метрополіи. Напрасно разные ревнители православія и еллино-славянскаго ученія роптали на эти новые порядки и на разливъ латинскихъ ученій; ихъ не въ состояніи былъ поддержать въ этомъ случаѣ даже голосъ одного изъ восточныхъ патріарховъ, Досиѳея іерусалимскаго, который горько укорялъ Яворскаго за то, что онъ „еллинское училище въ конецъ стерлъ и токмо о латинскихъ старается, поставивъ

---

(1) Правосл. Обозр. 1862 г. т. IX: Изъ исторіи дух школъ, стр 87—88.

(2) П. С. Зак. IV, № 1870.

учителей въ догматѣхъ строптивыхъ", писалъ противъ направленія кіевскихъ ученыхъ къ самому царю и горячо доказывалъ, что еллинское ученіе несравненно превосходнѣе латинскаго и что „кто предпочтетъ латинскій языкъ, есть еретикъ и отступникъ, и еще яко на латинскомъ языкѣ написана суть толикая ереси, толикая шпынства, паче же безбожества" (1). Мысли такого рода уже не принимались во вниманіе. Сама реформа всѣми силами своими поворачивала Россію отъ востока къ западу, отъ прежнихъ византійскихъ вліяній къ западной цивилизаціи, взросшей на латино-римской почвѣ. Борьба прежняго еллинославянскаго направленія съ латинскимъ тянулась впрочемъ еще долгое время. и при Петрѣ и даже послѣ него, и составляетъ одинъ изъ важныхъ основныхъ мотивовъ въ исторіи духовнаго образованія первой половины XVIII в.

Мысль Петра о заведеніи особыхъ школъ для духовенства тоже начала осуществляться съ самаго начала XVIII столѣтія, благодаря особенно энергіи новыхъ іерарховъ изъ малороссовъ, воспитанниковъ кіевской академіи, которые пользовались большимъ вниманіемъ правительства и одинъ за другимъ занимали важнѣйшіе іерархическіе посты, повсюду разнося съ собою южнорусскія школьныя преданія и направленіе. Благодаря ихъ усердной дѣятельности, школьное образованіе духовенства успѣло крѣпко приняться на великорусской почвѣ въ одно почти царствованіе Петра. Первыя школы, основывавшіяся архіереями XVIII в., по старой памяти, были общими заведеніями, какими были всѣ прежнія приходскія и братскія школы, и не приспособлялись къ цѣлямъ духовной службы, но потомъ мало по малу при архіерейскихъ каѳедрахъ стали являться исключительно сословныя духовныя школы, назначавшіяся для обу-

(1) Изъ ист. дух. школъ въ Прав. Обозр. т IX, 88—90.

ченія молодыхъ людей „въ надежду священства“ и закрытыя для постороннихъ лицъ.

Явленіе это было необходимымъ результатомъ возникшаго при Петрѣ строгаго распредѣленія всего государственнаго народонаселенія по сословіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ господствовавшаго въ первой половинѣ XVIII в. крайне-утилитарнаго государственнаго взгляда на науку. Только во второй половинѣ XVIII в. заговорили о наукѣ, какъ о средствѣ къ общему гуманному развитію, къ созданію новой совершеннѣйшей породы людей. До этого времени, при Петрѣ и послѣ него, образованіе понималось въ смыслѣ выучки чему нибудь опредѣленному, годному въ узко-практическомъ отношеніи, въ смыслѣ приготовленія людей къ извѣстному роду занятій и преимущественно государственной службы. Въ приведенномъ разговорѣ съ п. Адріаномъ, коснувшись академіи, цѣлію которой даже древняя Русь выставила вообще „мудрость. съ неюже вся благая отъ Бога людямъ даруется“, Петръ выражалъ желаніе видѣть плоды ея именно въ этой исключительно ремесленной или, какъ говорятъ, профессіональной формѣ, чтобы ученики происходили изъ нея въ церковную службу и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство. Образованіе общее, необходимое для нравственнаго развитія общества, не включалось въ разрядъ задачъ государственныхъ, и правительство заботилось объ основаніи и поддержаніи однихъ спеціальныхъ школъ, къ числу которыхъ относились и духовныя. Такая постановка школьнаго образованія, какъ выучки извѣстному занятію, нужному для государства, доводилась даже до крайности, до совершеннаго пренебреженія даже общимъ элементарнымъ образованіемъ, вслѣдствіе котораго и тѣ общія школы, какія были въ приходахъ прежде, теперь должны были склониться къ упадку; при исключительномъ признаніи правительствомъ однихъ спеціальныхъ школъ, эти старыя общинныя школы поступили въ разрядъ

школъ частныхъ, домашнихъ, которыя были только терпимы.

Не можемъ не привести здѣсь нѣсколько замѣчаній г. Владимірскаго-Буданова, которому принадлежитъ честь перваго серьезнаго почина въ разработкѣ вопроса о профессіональномъ направленіи образованія въ XVIII в. „Проблескъ сознанія о томъ, что государство должно заботиться о народномъ образованіи, независимо отъ непосредственнаго приложенія его къ государственной службѣ, проблескъ, отмѣченный нами въ концѣ XVII в., погасъ. Крайнее развитіе полицейскаго характера государства, характеризующее новый вѣкъ, когда государство становитъ себя источникомъ и цѣлію всякой человѣческой дѣятельности, вовсе не благопріятствовало развитію и укрѣпленію высказаннаго принципа. Государство не призвано служить интересамъ личности человѣка, а вся личность, со всею совокупностью моральныхъ силъ, есть покорный слуга государства. Уже съ самаго перваго года XVIII в. русское законодательство начинаетъ высказывать, что оно не признаетъ никакой другой цѣли въ образованіи, кромѣ значенія его пригодности для той или другой профессіи... Государство заботится о томъ, чтобы военная, гражданская и духовная служба отправлялись наилучшимъ образомъ. Все, что мы называемъ узаконеніями объ образованіи, въ точномъ смыслѣ составляетъ узаконенія о государственной службѣ. Понятія службы и образованія смѣшиваются“. Отсюда на первомъ планѣ въ дѣлѣ образованія выучка, а не образованіе въ собственномъ смыслѣ; отсюда и цѣль образованія чисто внѣшняя— добываніе хлѣба и выслуга; отсюда и самая профессія въ рукахъ такимъ образомъ подготовленныхъ людей получаетъ характеръ чисто чиновническій, внѣшне-служебный и мертвый за отсутствіемъ внутренняго жизненнаго духа, каковою можетъ быть и профессія духовная. „То, что можетъ указать человѣку въ его профессіи высшую общечеловѣческую цѣль, по-

вести его при исполненіи профессіи далѣе „добычи“, дается не профессіональнымъ образованіемъ, а общимъ. За утратою понятія объ этомъ послѣднемъ все образованіе должно было принять ремесленно-служебный характеръ“ (1).

При раздѣленіи профессій по сословіямъ, которыя выработались у насъ въ началѣ XVIII в., все образованіе стало сосредоточиваться именно въ сословныхъ школахъ; при этомъ послѣднія сначала забрали въ свои руки даже и первоначальное элементарное образованіе, отъ чего долгое время происходила большая путаница въ опредѣленіи ихъ курса. Онѣ должны были разрѣшить очень мудреную задачу, — соединить въ своемъ курсѣ совершенно разнородные предметы обученія, первоначальные общіе съ сословно-спеціальными. Общее образованіе естественно теряло при этомъ болѣе, чѣмъ спеціальное, будучи съ самой азбуки принаровляемо къ требованіямъ послѣдняго и лишаясь отъ этого всей своей силы. Человѣкъ съ раннихъ лѣтъ наклонялся лишь къ извѣстной, внѣшней цѣли образованія и готовился къ своему будущему служенію, какъ къ ремеслу, безъ предварительнаго общечеловѣческаго развитія, которое одно могло сдѣлать для него мертвое ремесло или службу возвышеннымъ дѣломъ жизни. Со временемъ впрочемъ школьныя и сословныя начальства сами сознали непосильность принятаго ими труда и предоставили первоначальное обученіе дѣтей грамотѣ семьямъ и частнымъ школамъ, но дальше этой уступки все-таки не рѣшились пойти. Выучившись грамотѣ, въ извѣстный срокъ ребенокъ долженъ былъ потомъ непремѣнно поступить въ свою профессіальную школу.

Само спеціальное образованіе страдало крайней неопредѣленностію своего курсоваго состава и чрез-

(1) Государство и нар. образованіе въ XVIII в. Ярославль. 1874 г. стр. 155. 157—158.

вычайнымъ разнообразіемъ своей внѣшней матеріальной обстановки. Понятно, что при своемъ исключительно-утилитарномъ взглядѣ на образованіе государство не имѣло никакихъ особенныхъ побужденій создать для управленія всѣми школами что нибудь въ родѣ особаго и общаго административнаго органа, въ родѣ особаго министерства просвѣщенія. Каждый разрядъ школъ естественно подчинялся своему спеціальному вѣдомству, которое и обязано было заботиться, чтобы его школы давали своимъ воспитанникамъ подготовку какъ можно выгоднѣйшую для интересовъ его службы. Какъ пріемы воспитанія въ этихъ школахъ, такъ и составъ ихъ учебнаго курса вполнѣ зависѣли отъ требованій этого спеціальнаго ихъ вѣдомства, даже отъ вкусовъ того или другаго ихъ ближайшаго начальства въ самомъ этомъ вѣдомствѣ. Такимъ же случайностямъ подвержено было и матеріальное ихъ обезпеченіе, будучи вполнѣ предоставлено тѣмъ же ихъ сословно-профессіальнымъ вѣдомствамъ, какъ повинность послѣднихъ, и завися отъ сословныхъ и мѣстныхъ средствъ, какими могли располагать ихъ ближайшія начальства. Однообразное обезпеченіе ихъ со стороны самого правительства чрезъ назначеніе на ихъ содержаніе опредѣленныхъ штатныхъ окладовъ имѣло мѣсто лишь по той мѣрѣ, насколько правительство считало извѣстную профессію важной для государства, при чемъ, разумѣется, всего болѣе выигрывало образованіе военное и едвали не менѣе всего духовное.

Такъ продолжалось дѣло до второй половины XVIII столѣтія, когда правительство и общество сознали, что одного спеціальнаго образованія недостаточно, заговорили о необходимости образованія общаго, и мало по малу стали повсюду заводиться школы общеобразовательныя, гдѣ бы человѣкъ могъ получить общее развитіе, послѣ котораго могъ бы уже свободно избирать себѣ тотъ или другой родъ

частной выучки и спеціальнаго служенія. Утилитарный взглядъ на образованіе сталъ сглаживаться и въ исторіи русскаго образованія начался поворотъ къ новому лучшему порядку, окончательное водвореніе котораго принадлежитъ впрочемъ уже настоящему столѣтію.

Всѣ эти общія замѣчанія вполнѣ прилагаются къ частности къ исторіи нашихъ духовныхъ школъ. Главныя эпохи этой исторіи идутъ почти чрезъ равные промежутки времени, раздѣляясь одна отъ другой періодами величиной около полустолѣтія. Первый періодъ отъ начала XVIII столѣтія, времени основанія духовныхъ школъ, до 1760-хъ годовъ представляетъ собою періодъ начальной жизни этихъ школъ, когда онѣ, сформировавшись въ своемъ спеціальномъ видѣ, представляли по своему строю и матеріальной обстановкѣ всѣ черты сословно-профессіальныхъ школъ и притомъ въ наиболѣе ясной, даже крайней формѣ, подъ вѣденіемъ даже не общей духовной администраціи, а ближайшихъ, мѣстныхъ начальствъ, завѣдовавшихъ практикой духовной службы, начальствъ епархіальныхъ, и на содержаніи тоже исключительно изъ мѣстныхъ, епархіальныхъ источниковъ. Второй періодъ, отъ 1760-хъ годовъ до реформы ихъ въ царствованіе Александра I, носитъ переходный характеръ, когда онѣ стали по немногу получать общегосударственный и общецерковный характеръ, не переставая, впрочемъ, какъ и прежде, оставаться школами архіерейскими и спеціально-сословными. Общее значеніе ихъ на первый разъ выразилось въ матеріальной ихъ обстановкѣ, въ обезпеченіи ихъ штатными окладами отъ высшей, а не мѣстной епархіальной власти, за тѣмъ развивалось въ постепенномъ приложеніи къ нимъ общей учебной организаціи. Въ тоже время, частію вслѣдствіе новыхъ взглядовъ на образованіе, частію отъ того, что въ царствованіе Екатерины въ церковной жизни на первомъ планѣ явились новыя силы, дѣятели изъ великоруссовъ, прежде затертые

преобладаніемъ малороссовъ, воспитанниковъ кіевской академіи, въ духовномъ образованіи повѣяло новой жизнью, которая сильно поколебала прежнее исключительное господство кіевской схоластики и латыни. Спеціально-сословное значеніе духовныхъ школъ не потерпѣло впрочемъ ни малѣйшаго ослабленія, даже успѣло еще болѣе развиться; всѣ современные толки объ общемъ образованіи отразились на ихъ жизни лишь въ томъ, что въ курсѣ ихъ усилено было преподаваніе общеобразовательныхъ наукъ. Съ такимъ спеціальнымъ и сословнымъ характеромъ онѣ оставались и въ слѣдующемъ періодѣ, въ началѣ котораго произведена была общая ихъ реформа, предначертанная высочайше утвержденнымъ комитетомъ 1808 года. Комитетъ этотъ завершилъ всѣ прежнія попытки къ ихъ организаціи, придалъ имъ окончательно общецерковный и общегосударственный характеръ чрезъ открытіе при св. Сунодѣ особаго отдѣленія для учебнаго управленія, обезпечилъ ихъ опредѣленными окладами и опредѣлилъ ихъ учебную и воспитательную дѣятельность общими уставами. По мыслямъ его предначертаній онѣ потомъ и жили до послѣдняго періода ихъ исторіи, который открывается духовно-учебною реформою 1860-хъ годовъ.

Въ своемъ очеркѣ мы намѣрены прослѣдить исторію нашихъ духовно-учебныхъ заведеній только до реформы 1808 г. Останавливаемся на этомъ времени въ томъ разсчетѣ, что ихъ послѣдующая жизнь до новой ихъ реформы 1860-хъ годовъ кончилась еще очень недавно и доселѣ остается въ свѣжей памяти многихъ современниковъ, а съ другой стороны будучи вынуждены къ тому крайнимъ недостаткомъ матеріала нужнаго для историческаго ея изученія; матеріалъ этотъ доселѣ не успѣлъ еще скопиться въ надлежащемъ количествѣ, ни тѣмъ болѣе надлежащимъ образомъ вылежаться, такъ что можетъ быть пригоденъ пока не столько для исторической работы, сколько для литтературы мемуаровъ. Считаемъ необходи-

мымъ присовокупить къ этому, что мы во всемъ очеркѣ будемъ имѣть въ виду однѣ только школы епархіальныя, не касаясь исторіи академій, по которой въ нашей исторической литературѣ имѣются уже достаточно полныя и солидныя монографіи, за исключеніемъ только исторіи самой младшей по времени академіи—казанской.

I.

НАЧАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ДУХОВНЫХЪ ШКОЛЪ ПРИ ПЕТРѢ I.

а) духовныя школы до учрежденія св. синода.

Задавшись мыслію о распространеніи образованія среди духовенства и высказавъ п. Адріану желаніе, чтобы для этого въ Кіевѣ были обучены особые учители, Петръ затѣмъ долго не дѣлалъ никакихъ общихъ распоряженій, которыя бы относились къ устройству духовнаго образованія въ особомъ спеціальномъ видѣ. Всѣ распоряженія, какія относились къ образованію духовныхъ дѣтей, до 1708 г. имѣли въ виду только общее образованіе. Такъ, съ самаго начала шведской войны правительство начало дѣлать между дѣтьми духовенства строгіе разборы съ тѣмъ, чтобы лишнихъ между ними и неспособныхъ къ духовному служенію по безграмотности верстать въ военную службу. Первый большой наборъ изъ нихъ въ солдаты произведенъ былъ въ 1705 г. (*). Съ тѣхъ поръ эти наборы повторялись чуть не каждый годъ. Это было сильнымъ побужденіемъ для духовенства учить дѣтей грамотѣ, чтобы сохранить ихъ въ своемъ духовномъ званіи. Но о духовномъ образованіи въ сословномъ смыслѣ не было пока и рѣчи, что было

(*) *Горчакова*: Монастырскій приказъ, стр. 226—227.

совершенно естественно, потому что не было опредѣлено еще и самое понятіе о сословности духовнаго чина, не было нигдѣ и школъ спеціально-церковныхъ. Въ полномъ и опредѣленномъ видѣ сословность духовенства, какъ извѣстно, формируется только въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія, главнымъ образомъ послѣ опредѣленія церковныхъ штатовъ и послѣ разрѣшенія вопроса, какихъ лицъ духовнаго происхожденія писать въ подушный окладъ и какихъ оставить въ пользованіи свободой отъ податного состоянія. Доселѣ она имѣла только обычный или бытовой характеръ, существуя въ бытовой формѣ наслѣдственности духовнаго служенія, сформировавшейся еще въ допетровское время (1).

Съ 1708 г. указы о духовныхъ дѣтяхъ получаютъ болѣе опредѣленный смыслъ. Фактическая наслѣдственность церковнаго служенія начинаетъ переходить въ юридическую и притомъ такъ, что уже стѣсняетъ наслѣдникамъ выходъ въ другія профессіи. Образованіе, обязательное для полученія права на церковную должность, прямо пріурочивается къ греческимъ и латинскимъ школамъ, которыя такимъ образомъ сами въ свою очередь опредѣляются къ профессіональному назначенію. „Поповымъ и дьяконовымъ дѣтямъ учиться, сказано въ указѣ 1708 года, въ школахъ греческихъ и латинскихъ; а которые въ тѣхъ школахъ учиться не похотятъ, и ихъ въ попы и во дьяконы на отцовы мѣста никуда не посвящать, и въ подъячіе и въ иные ни въ какіе чины, кромѣ служилаго чина (т. е. военнаго), принимать не велѣно. И о томъ во всѣ приказы послать памяти". Черезъ два года указъ этотъ былъ подтвержденъ и, кромѣ священнослужительскихъ дѣтей, распространенъ еще на дѣтей церковнослужителей, церковныхъ сторожей

(1) Предметъ этотъ подробнѣе развитъ въ моемъ изслѣдованіи: Приходское духовенство въ Россіи.

и просвирней (1). Напуганные этими указами и суровыми разборами, дѣти духовенства поспѣшили поскорѣе занимать разныя церковныя мѣста, употребляя для этого всѣ возможныя, даже незаконныя средства, обманы, подкупы и проч. Правительство замѣтило это и въ 1711 г. выдало длинный указъ о правилахъ, какія нужно наблюдать при поставленіи ставленниковъ, гдѣ о подготовкѣ послѣднихъ говорилось впрочемъ глухо, внушалось архіереямъ только вообще при ставленическихъ экзаменахъ „быть опасными и жестокими", подъ опасеніемъ гнѣва государева и даже лишенія каѳедры (2). Въ 1718 г. вышли два указа, въ которыхъ снова намекалось на духовное образованіе въ школахъ, — кандидатовъ церковной службы указывалось заранѣе учить въ школахъ, чтобы они были годны въ попы и въ случаѣ открытія вакансій готовы къ посвященію (3). Въ томъ же году монастырскому приказу, который тогда завѣдывалъ всѣми славяно-греко-латинскими школами, предписано было, чтобы онъ удерживалъ учениковъ этихъ школъ отъ преждевременнаго выхода изъ заведенія въ разные чины; онъ обязывался сыскивать и снова отсылать въ школы всѣхъ отставшихъ отъ ученія и даже успѣвшихъ уже записаться въ разные чины, а равно и такихъ, которые будутъ отставать вновь, налагая на нихъ при этомъ наказаніе и производя изъ ихъ содержанія вычеты, что причтется, за всѣ прогульные дни (4).

Между тѣмъ по разнымъ епархіямъ съ первыхъ же годовъ XVIII столѣтія стали возникать самыя школы. Малорусскіе ученые монахи, которые вызывались для занятія архіерейскихъ каѳедръ по епар-

(1) П. С. З. IV, № 2186 и 2308.
(2) Тамже № 2352, п. 8—9.
(3) Тамже V, № 3171 и 3175.
(4) Тамже № 3182.

хіямъ Великороссіи, потому именно и вызывались для этихъ постовъ къ великому огорченію мѣстныхъ кандидатовъ архіерейства, что правительство ждало отъ нихъ бо́льшей ревности къ распространенію просвѣщенія. Ожиданія эти они оправдывали въ достаточной мѣрѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждали къ заведенію школъ и другихъ іерарховъ изъ великоруссовъ. До 1720-хъ годовъ, до времени учрежденія св. Синода, школъ впрочемъ открылось немного.

Раньше всѣхъ, въ 1700 г., въ самой Малороссіи возникла черниговская семинарія, устроенная при каѳедрѣ черниговскимъ архіепископомъ Іоанномъ Максимовичемъ изъ старой школы, переведенной изъ Новгорода сѣверскаго (гдѣ она существовала съ 1636 г. сначала въ видѣ іезуитскаго коллегіума, потомъ въ преобразованномъ видѣ православной школы) еще въ *1689* г. *Лазаремъ Барановичемъ*. По преобразованіи *Іоанномъ Максимовичемъ* она стала называться коллегіумомъ, иногда даже collegium Maximovitianum. Курсъ ея устроенъ былъ по образцу курса кіевской академіи съ полнымъ господствомъ латинскаго языка и доведенъ къ 1705 г. до риторическаго класса включительно, на которомъ расширеніе его и остановилось на долгое время (1). Какъ всѣ малороссійскія школы, черниговскій коллегіумъ былъ заведеніемъ открытымъ для всѣхъ и не имѣлъ церковнаго назначенія. Въ 1727 г. оттуда было донесено въ св. Сунодъ, что школы въ монастырѣ каѳедральномъ обрѣтаются съ 1700 г. по риторику, „а сколько учениковъ было въ школахъ по сю пору, о томъ неизвѣстно, первіе для того, что оныхъ нигдѣ не записывано, другое же— нельзя и записывати, понеже суть отходные люди,— одны зъ другихъ училищъ приходятъ и отходятъ, и которіи кончатъ школу риторики въ училищѣхъ черни-

(1) О черниг. коллегіумѣ въ Черниг. епарх. вѣд 1870 г. № 14, стр. 260—262.

говскихъ, отходятъ въ Кіевъ или въ другія епархіи до выпнихъ школъ и, скончивши школы, нѣкоторые монашескій чинъ приняли отъ епархіи кіевской, другіе въ черниговской, и нынѣ въ профессорствѣ зостаютъ; а другіе проповѣдью слова Божьяго бавятся, а иные произведены до игуменъ и другія достоинства, а которые въ свѣтскомъ стану, иные священниками поставлены, а другіе на мірскихъ властяхъ зостаютъ". И входъ и выходъ изъ школы былъ совершенно свободенъ еще и въ 1727 г., такъ что школьное начальство, зная наличное число учениковъ, не знало да и не заботилось о томъ, сколько останется изъ этого числа до окончанія учебнаго года (1). Съ такимъ же характеромъ устрояли школы малорусскіе іерархи и при великорусскихъ каѳедрахъ.

Въ Великороссіи раньше другихъ открыта школа при архіерейскомъ домѣ въ Ростовѣ, обязанная своимъ существованіемъ знаменитому іерарху изъ малороссовъ, св. Димитрію ростовскому. Онъ открылъ ее осенью 1702 г., черезъ полгода по своемъ прибытіи въ Ростовъ, и устроилъ ее тоже по образцу кіевской коллегіи. Учители—трое—всѣ были малороссы; нѣкоторые ученики тоже были изъ малороссовъ, вѣроятно изъ пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ Димитріемъ. Отъ того въ школѣ слышалась польская рѣчь и изучался польскій языкъ. Но главнымъ предметомъ изученія былъ языкъ латинскій и латинская грамматика Альвара. Въ дошедшихъ до нашего времени экзерциціяхъ ростовской школы говорится о преподаваніи въ ней и греческаго языка, но весьма неопредѣленно, безъ обозначенія какъ числа учившихся, такъ и степени изученія этого языка; сказано только, что „латинское отдѣленіе (pars) училось лучше греческаго". Изъ тѣхъ же экзерциціи видно, что усиленное занятіе латинью не совсѣмъ благопріятствовало даже изученію и чис-

(1) *Пекарскаго.* Наука и литтер. при Петрѣ, т. I, стр. 109—110.

тотъ русскаго и церковно-славянскаго языка. Курсъ своей школы всего лучше опредѣляетъ самъ Димитрій, называя ее грамматическою. По грамматикѣ учились и слаганію стиховъ. Только около 1709 г. нѣкоему о. Богомодлевскому поручено было преподать ученикамъ principia риторики. Религіозное образованіе проходило черезъ весь курсъ, было „животворящимъ духомъ ростовскаго училища, который проникалъ и пересоздавалъ въ свойственную себѣ форму даже чуждые ему предметы, неимѣющіе повидимому ничего общаго съ христіанствомъ". Святитель былъ очень привязанъ къ своему училищу, содержалъ его исключительно на счетъ архіерейскаго дома, кромѣ обычныхъ расходовъ назначалъ много подарковъ для поощренія учителей и учениковъ. Отношенія его къ ученикамъ отличались отеческою близостію; онъ самъ занимался съ ними толкованіемъ св. писанія и наблюдалъ за ихъ успѣхами и религіознымъ воспитаніемъ (1). Скудость средствъ при каѳедрѣ къ содержанію школы сильно его огорчала; въ 1707 г. школу едва было не пришлось даже закрыть. „Я грѣшный, писалъ онъ къ м. Іову новгородскому, пришедши на престолъ ростовской паствы, завелъ было училище греческое и латинское; ученики поучились года два и больше и уже начали было грамматику разумѣть недурно, но попущеніемъ Божіимъ скудость архіерейскаго дома положила препятствіе; питающій насъ вознегодовалъ, будто много издерживается на учителей и учениковъ, и отнято все, чѣмъ дому архіерейскому питаться, не только вотчины, но и церковныя дани и вѣнечныя памяти. Умалчиваю о прочихъ поведеніяхъ нашихъ. Sapienti sat" (2). Школа впрочемъ,

---

(1) Свѣдѣнія о рост. школѣ при св. Димитріи см. въ Яросл. епарх. вѣд. 1863 г. № 24—33, и въ книгѣ: Св. Димитрій м. ростовскій. Москва 1849. стр. 16—17.

(2) Ист. Россіи *Соловьева*, XVI, 30.

какъ мы видѣли, существовала еще и въ 1709 г. Св. Димитрій очень много разсчитывалъ на нее въ дѣлѣ образованія духовенства своей епархіи, невѣжествомъ котораго онъ былъ крайне пораженъ при первомъ же съ нимъ знакомствѣ (1). Кончившимъ ученіе онъ давалъ лучшія мѣста при церквахъ. При всемъ томъ и ростовская школа не имѣла характера сословнаго; въ ней учились ученики не только духовнаго, но и другихъ званій, лица „благородныя и неблагородныя", какъ говорится въ одномъ мѣстѣ ростовскаго грамматическаго учебника въ обращеніи учителя къ ученикамъ. Всѣхъ учениковъ насчитывалось до 200. Послѣ кончины св. Димитрія (1709 г.) ростовскимъ епископомъ (съ 1711 г.) сдѣланъ былъ Досиѳей, получившій такую печальную извѣстность по своему суевѣрію и религіознымъ обманамъ и потомъ (въ 1718 г.) кончившій жизнь на эшафотѣ за участіе въ дѣлѣ Евдокіи Лопухиной. Ростовская школа, оставшись безъ поддержки, кажется, тогда же была закрыта; по крайней мѣрѣ ни при Досиѳеѣ, ни послѣ него до конца Петровскаго царствованія объ ней не имѣется никакихъ извѣстій.

Почти одновременно съ ростовской школой (въ 1703 или 1704 г.) открыта была школа другимъ архіереемъ малороссомъ, м. Филоѳеемъ Лещинскимъ въ Тобольскѣ. Дѣло объ этой школѣ открыто впрочемъ еще раньше его назначенія на сибирскую каѳедру по иниціативѣ правительства, которое еще въ самомъ началѣ XVIII столѣтія обратило вниманіе на состояніе сибирской миссіи между инородцами и вслѣдствіе этого было недовольно крайнимъ недостаткомъ просвѣщенія въ сибирскомъ духовенствѣ. Еще при жизни тобольскаго митрополита Игнатія (2), въ іюнѣ

---

(1) Сочин. св Димитрія, ч. I, стр. 110, 138 и дал. ч. II, 392

(2) Въ донесеніи п. Адріана о посвященіи въ митрополиты Стефана Яворскаго сказано, что Игнатій тогда «въ умѣ повредился» и былъ отправленъ въ монастырь. Ист. Петра *Устрялова*, т. III, 539.

1700 г. въ Кіевъ былъ посланъ указъ пріискать ему преемника между учеными монахами, который бы могъ заняться дѣломъ просвѣщенія сибирскаго края христіанствомъ и кромѣ того привезъ съ собою двоихъ-троихъ монаховъ для изученія въ тѣхъ же видахъ монгольскаго и китайскаго языковъ (1). Потомъ въ самомъ началѣ слѣдующаго года, еще раньше назначенія новаго митрополита, вышелъ указъ государя объ учрежденіи въ Тобольскѣ школы для образованія сибирскаго духовенства, указъ между прочимъ объясняющій мысль Петра, высказанную въ приведенномъ разговорѣ съ п. Адріаномъ, о заведеніи именно профессіальныхъ духовныхъ школъ; дворянину тобольскаго архіерейскаго дома Андрею Городецкому поручено было, „для утвержденія и расширенія словесъ Божіихъ", устроить въ Тобольскѣ „училище поповскихъ, дьяконскихъ и церковническихъ дѣтей, робятокъ учить грамотѣ, а потомъ славенской грамматикѣ и прочимъ на славенскомъ языкѣ книгамъ и катихизису православной вѣры" (изданія 1696 г.), чтобы они, узнавъ все это, могли, „удостояся въ чинъ священства, народъ учить". Въ 1702 г. прибылъ въ Тобольскъ новый митрополитъ Филоѳей, вполнѣ раздѣлявшій мысль о необходимости школы въ Сибири; но, какъ и другіе малороссы, онъ желалъ устроить школу общую и латинскую. Въ концѣ тогоже года онъ отправилъ къ царю длинную челобитную, гдѣ, излагая нужды своей паствы, между прочимъ писалъ, что въ тобольской школѣ слѣдуетъ учить грамматикѣ славянской и латинской, въ ученики же понудить отъ всякаго чина дѣтей. Но государь настоялъ на своей первой мысли, изложенной въ указѣ Городецкому, и отвѣчалъ Филоѳею чрезъ дьяка Виніуса: „преосвященному митрополиту паче простираться въ ученіи славяно-россійской грамматики, и чтобы вся, яже по-

(1) П. С. З. IV. № 1800.

пу или діакону надобно знать, изучились и православной вѣры катихизисъ достаточно знали, и по согласію содержащій въ ней артикулъ умѣли и людей мірскихъ учили". Въ такомъ видѣ школа и была открыта. Преподавателями въ ней, какъ и въ ростовской, были пріѣхавшіе съ архіереемъ и послѣ пріѣзжавшіе малороссы, о свободномъ проѣздѣ которыхъ въ Сибирь Филоѳей нарочно писалъ въ своей челобитной, указывая на то, что безъ проповѣдниковъ и учителей школьныхъ быть невозможно. Число пріѣзжихъ малороссовъ съ теченіемъ времени увеличилось еще ссыльными. Въ 1705 г. подъ ихъ руководствомъ и по примѣру южнорусскихъ школяровъ тобольскіе *ученики разыгрывали уже предъ* тобольскими гражданами разныя комедійныя акціи. Но латынь не была введена въ преподаваніе до 1728 года и школа оставалась съ славянскимъ курсомъ, программа котораго начертана была въ царскомъ указѣ, сообщенномъ чрезъ Виніуса (1). Въ 1707 г. Филоѳей отправилъ миссію въ Монголію и при ней послалъ двоихъ юношей изъ своей школы для изученія монгольскаго языка (2).

Тобольской школѣ посчастливилось и при преемникахъ Филоѳея, Іоаннѣ Максимовичѣ и Антоніи Стаховскомъ. Основатель черниговскаго коллегіума и въ Тобольскѣ съ любовію занимался школьнымъ дѣломъ, стараясь увеличить число учащихся. М. Антоній довелъ число ихъ до 90, но скудость епархіи сильно затрудняла ихъ содержаніе, такъ что число это пришлось снова сократить до 35. Не мало приходилось

---

(1) Свѣдѣнія о тобольской школѣ см. въ Чтен. моск. ист. общ. 1863 г. кн. IV, гдѣ изложено дѣло по челоб. Филоѳея, въ Ирк. епарх. вѣд. 1866 г. № 15, 16 и др.; въ статьѣ: Филоѳей Лещинскій, во Временникѣ 1857 г. кн. XX, въ матеріал. для истор. христ. просв. Сибири — въ Ж. Мин. нар. просв. 1854 г. кн. 3.

(2) Древнія церк. грамоты вост.-сибирск. края, а. *Мелетія*. Казань, 1875 г. стр. 147.

кромѣ того юному просвѣщенію бороться съ невѣжествомъ и нестроеніями дикаго края. Въ отчетѣ учителей школы отъ 1727 г. говорится: „въ епархіи тобольской дѣти ко обученію вельми тупы; къ томуже многіе объявляютъ дѣтей болѣзненныхъ, которыя по усмотрѣнію въ школу не пріемлются;... екатеринбургскаго вѣдомства священнослужительскихъ и причетническихъ дѣтей къ намъ въ Тобольскъ для обученія въ школу не пускаютъ, а употребляютъ въ заводскую работу". Заводское начальство, радѣя о заводскихъ работахъ, забирало на заводы не только молодежь духовнаго происхожденія, но даже иногда и самихъ духовныхъ лицъ, „что и слышать христіанскому человѣку весьма странно, а духовному чину не безъ утѣсненія и не безъ порицанія" (1). Кромѣ заводскихъ работъ, заводское начальство забирало духовныхъ дѣтей екатеринбургскаго округа и въ ученье, но въ свою заводскую же школу въ Екатеринбургѣ, гдѣ они приготовлялись главнымъ образомъ для заводскаго письмоводства. Вѣроятно нѣсколько духовныхъ дѣтей того же округа училось также въ ближайшей школѣ при Далматовомъ монастырѣ, которая была основана монастыремъ собственно для обученія дѣтей монастырскихъ вотчинныхъ крестьянъ. Время ея основанія неизвѣстно; она становится извѣстною съ 1719 г. Въ ней учили чтенію, письму и ариѳметикѣ, очевидно для того, чтобы получать изъ нея грамотныхъ людей для веденія вотчинной экономіи. Учителемъ въ ней былъ мастеръ Ѳалалей Леонтіевъ. Впослѣдствіи школа эта сдѣлалась духовнымъ училищемъ (2).

Послѣ ростовской и тобольской школъ третьей великорусской школой при архіерейскомъ домѣ яв-

---

(1) Собран постан по вѣд. прав. испов. т. IV, № 1393. *Пекарскаго*, I, стр. 120—121.

(2) О Далматовской школѣ въ Пермск. епарх. вѣдом 1868 г. № 1.

ляется школа новгородская, основанная уже іерархомъ великоруссомъ, м. Іовомъ, и имѣвшая особенно важное значеніе въ началѣ XVIII в., какъ живая представительница именно великорусскихъ взглядовъ на образованіе и притомъ единственная. Недовольные усиленіемъ черкасъ, какъ звали въ Москвѣ малороссовъ, и ихъ направленіемъ, великорусскіе іерархи ограничивались однимъ только глухимъ ропотомъ противъ этого усиленія и противъ распространенія нелюбимаго ими кіевскаго образованія, но сами школъ по своему вкусу не заводили, такъ что м. Іовъ въ этомъ отношеніи явился между ними какимъ-то исключеніемъ.

Любовь къ просвѣщенію и къ образованнымъ людямъ, которою всегда отличался новгородскій святитель, особенно обнаружилась въ томъ, что когда въ Москвѣ воздвигнуто было (1690 г.) гоненіе на малороссійскихъ ученыхъ и они должны были поспѣшно выѣзжать изъ московскаго государства, онъ одинъ не гнушался ихъ и радушно ихъ принималъ у себя въ Новгородѣ, желая употребить ихъ образованіе и таланты въ пользу для своей епархіи. Такъ, у него нашли пріютъ опальные монахи изъ малороссовъ,—Гавріилъ Домецкій, бывшій прежде симоновскимъ архимандритомъ, потомъ во время гоненія на малороссовъ попавшій въ число братіи, ученый и плодовитый писатель, и Ѳеодосій Яновскій, впослѣдствіи преемникъ Іова по каѳедрѣ и первый вице-президентъ Сунода. Обрадовавшись пріобрѣтенію такихъ ученыхъ людей, митрополитъ почтилъ ихъ своимъ особымъ благоволеніемъ и полнымъ довѣріемъ и сдѣлалъ ихъ архимандритами первенствующихъ монастырей своей епархіи, перваго архимандритомъ юрьевскимъ, а втораго хутынскимъ. Представители великорусской партіи остались тогда очень недовольны такимъ возвышеніемъ въ Новгородѣ латынниковъ, подозрѣвали Іова въ измѣнѣ православію и выражали ему эти подозрѣнія прямо въ лицо. Чудовскій іеродіаконъ Дамаскинъ, одинъ изъ замѣча-

тельнѣйшихъ великорусскихъ начетчиковъ и вмѣстѣ горячихъ противниковъ черкасъ, человѣкъ весьма близкій къ Іову и едва ли даже не родственникъ, писалъ ему: „яко блаженство твое сими и сицѣвыми вѣтры, яко трость, наклоняешися и являешися отъ восточной части яко отступающъ, къ западной же склоняющся".

Пользуясь своимъ значеніемъ при митрополитѣ и ревностію послѣдняго къ дѣлу просвѣщенія, Домецкій рѣшился снова поднять чрезъ него кредитъ югозападной учености и оправдать ее отъ обвиненія въ ереси; съ этою цѣлію онъ написалъ большое опроверженіе на книгу Остенъ, въ которой было высказано послѣднее слово московскихъ ревнителей православія противъ кіевлянъ и окончательно рѣшенъ главный вопросъ, служившій предметомъ ихъ пререканій съ кіевскими учеными, о времени пресуществленія св. даровъ на литургіи. Въ 1704 г. опроверженіе это было кончено и представлено для прочтенія митрополиту, но имѣло результаты совершенно противные ожиданіямъ автора. Іовъ разочаровался въ Домецкомъ. Разочарованію этому много помогъ Дамаскинъ, глубоко возмущенный открытымъ латинскимъ направленіемъ Домецкаго и немедленно выступившій на защиту православія. Онъ написалъ противъ Домецкаго 105 отвѣтовъ и послалъ ихъ къ Іову съ убѣжденіями не довѣрять любимцу латынянину, а приблизить къ себѣ снова старыхъ друзей, недаромъ не взлюбившихъ Домецкаго, не увлекаться внушеніями латынниковъ, которые могутъ его самого „сотворить пестра", ни православнымъ, ни инославнымъ, не читать и книгъ латинскихъ, а лучше прилежать къ книгамъ греческаго языка. Говоря о Домецкомъ, Дамаскинъ постоянно обобщалъ свою рѣчь, стараясь обнаружить вредную односторонность всей вообще кіевской науки и кіевскихъ ученыхъ, исключительную склонность ихъ къ латинскому языку и латинскимъ писателямъ,—явный знакъ недостаточнаго „пріискренства къ восточной церкви", заимствованіе ими у католическихъ ученыхъ схоластическаго

метода и многихъ оттѣнковъ въ манерѣ и сущности богословствованія, непомѣрную ученую гордость, по причинѣ которой они, не разбирая ни сана, ни искусства въ писаніяхъ, всѣхъ огуломъ честили неуками и невѣждами, говорили, что въ Россіи и Греціи нѣтъ ни книгъ, ни ученыхъ людей, какіе есть на западѣ: „таковый схоластикъ бываетъ попрезлиху пакостникъ церковный и ересеизобрѣтатель, нежели неученый". Онъ горячо убѣждалъ Іова отстранить отъ себя такихъ людей, окружить себя людьми знающими греческій языкъ и не медлить этимъ дѣломъ,—пожаръ уже начался отъ сицилійскихъ головней, которыя залетѣли къ намъ, дмящеся и курящеся, съ запада,—нужно тушить опасный огонь. Бояться, что безъ кіевской учености не будетъ у насъ средствъ къ просвѣщенію, нечего: „благоволи сыскати себѣ греческихъ преводниковъ и писцовъ, и увидиши чудо преславно, узрѣши бо, коликая полнота писаній обрѣтается на еллинскомъ языкѣ, и нѣсть намъ нужды до латынниковъ никоеяже, можно и премножно намъ быти безъ нихъ: всуе льстятъ они насъ; не Богъ ихъ посылаетъ на насъ, но сатана, на прельщеніе, а не на исправленіе" (*).

Увѣщанія Дамаскина не пропали даромъ. Митрополитъ охладѣлъ къ Домецкому и оставилъ „западную часть". Къ тому же еще въ концѣ 1705 г. въ Новгородъ прибыли приглашенные Іовомъ братья Лихуды, лучшіе представители еллинскаго образованія, и своимъ ученымъ авторитетомъ давно стали затмевать гордаго Домецкаго. По всей вѣроятности охлажденію Іова къ кіевлянамъ немало поспособствовали также тяжелыя отношенія его къ неблагодарному Ѳеодосію

(*) Объ отношеніяхъ Дамаскина къ Домецкому и его полемикѣ съ нимъ см. въ Дух. Бесѣдѣ 1869 г. № 51—52; 1872 г. № 46—48; 1874 № 44 и 52; 1875 № 8—10; также въ стат. о борьбѣ между предст. малор. и великор. направленія, въ Журн. Мин. нар. просв. за 1873 г. сентябрь, стр. 89—103.

Яновскому, котораго онъ облагодѣтельствовалъ, какъ и Домецкаго, но который, заручившись благоволеніемъ царя, знать не хотѣлъ своего престарѣлаго благодѣтеля и сильно раздражалъ его своею заносчивостію (1). Домецкій не захотѣлъ уступить своего вліянія въ Новгородѣ безъ боя и поднялъ противъ своихъ недоброжелателей безпокойную борьбу. Въ 1708 г. Іовъ писалъ Сильвестру Холмскому (тогда троицкому архимандриту): „всепагубный врагъ діаволъ всегда народъ христіанскій поглотити желаетъ: подобенъ и слуга его, во плоти діаволъ Домецкій, безъ зла не усыпаетъ, на перѣ и словесѣ всегда кается, а извнутрь всепагубныя души его смертоносный ядъ повсюду износится; не глаголю много о благородныхъ синклитикахъ, но и на духовныхъ премного зіяетъ и уста свои, яко адъ, неправеднѣ лживо разширяя, оглашаетъ". Въ другомъ письмѣ (1709 г.) къ тому же лицу онъ жалуется на опасныя интриги Домецкаго, которыми онъ думалъ поправить свое положеніе, опираясь на силу своихъ земляковъ, особенно какого-то своего всегдашняго заступника, вѣроятно Яновскаго, бывшаго тогда въ большой силѣ у царя. Въ началѣ 1709 г. митрополитъ послалъ его куда-то „во оземствованіе" (2). Послѣ этой непріятной исторіи съ Домецкимъ Іовъ сталъ вообще подозрительно относиться къ кіевскимъ школамъ: школы эти, говорилъ онъ, прежде были хороши, а теперь нѣтъ. Въ 1710 г. проѣзжали чрезъ Новгородъ въ Петербургъ Ѳеофилактъ Лопатинскій и Стефанъ Прибыловичъ, ректоръ и префектъ московской академіи, и посѣтили Іова. Вотъ какое впечатлѣніе произвели они на него: „префектъ, писалъ онъ Римскому-Корсакову, господинъ Стефанъ былъ у насъ и отпущенъ съ достодолжною

(1) *Чистовича*: Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 74 и далѣе.

(2) Письма Іова изд. въ Странникѣ 1861 г. т. I; есть еще нѣсколько въ извлеченіи у *Пекарскаго*: Наука и Литт. при Петрѣ, I, 216 и дал.

честію. Благоволи на слово позвати его; мудръ есть человѣкъ и богослова себе нарицаетъ множае паче, неже иные нѣкіе; егда же услышиши, самъ весьма уразумѣеши, каковы суть богословы являются учащіеся въ кіевскихъ новыхъ аѳинейскихъ школахъ. Изряднаго изъ нихъ быти познахъ Лопатинскаго, яко мужъ кротокъ есть и смиренъ во всяцѣмъ своемъ состояніи, паче же во страсѣ Божіи".

Свои новгородскія школы онъ устроилъ съ помощію Лихудовъ на основахъ славяно-еллинскаго образованія (1). Школъ этихъ, или точнѣе классовъ, было двѣ; одна была еллино-славянская, считавшаяся главною, первою станицею, другая для малостатейныхъ учениковъ—славянскаго общаго діалекта. На первыхъ порахъ митрополитъ думалъ завести и латинскій классъ, но потомъ вѣроятно отложилъ это намѣреніе,—по крайней мѣрѣ при его жизни о существованіи этого класса не имѣется никакихъ извѣстій. Учениковъ съ самаго же начала набрали до 100 человѣкъ изъ разныхъ чиновъ и разныхъ возрастовъ, преимущественно изъ дѣтей духовенства и изъ духовныхъ лицъ; тутъ были и архіерейскіе пѣвчіе, и подъяки, и дьяконы съ дьячками; учился даже самъ митрополичій архидіаконъ: какъ видится, Іовъ энергично принялся просвѣщать свое духовенство. Въ низшей славянской школѣ ученики учились читать, писать и славянской грамматикѣ по руководству М. Смотрицкаго; въ высшей изучали греческій языкъ и греческую грамматику, составленную самими Лихудами, а нѣкоторые проходили и риторику. Курсъ новгородскихъ школъ пользовался особенною популярностію и число учениковъ постоянно держалось на томъ же уровнѣ. Всѣ они содержались на счетъ архіерейскаго дома,

---

(1) Послѣдующія свѣдѣнія о новг. школахъ заимствуемъ изъ книги *Пекарскаго* Наука и Литература при Петрѣ т. I, стр. 113 примѣч., и особенно изъ прекрасной по обстоятельности своей статьи г. *Прилежаева* въ Христ. Чт. 1877 г. т. I, стр. 331.

откуда брали пищу, одежду и учебныя пособія. Въ 1715 г. на школы обратило вниманіе правительство и стало посылать въ нихъ учиться грамотѣ безграмотныхъ дворянскихъ недорослей; въ теченіе двухъ лѣтъ такихъ недорослей оказалось въ присылкѣ 102 человѣка; они составляли особое отдѣленіе новгородскаго училища, обучались грамотѣ у особыхъ учителей, иподіакона и дьячка, квартиры имѣли въ частныхъ домахъ, но пищей и учебными пособіями довольствовались отъ архіерейскаго же дома, какъ и другіе ученики.

Митрополитъ былъ очень занятъ своими школами и оказывалъ имъ особенное вниманіе. Отношенія его къ Лихудамъ были самыя дружескія. Онъ съ восторгомъ писалъ объ ихъ трудахъ и успѣхахъ ко всѣмъ своимъ знакомымъ и друзьямъ, къ Сильвестру Холмскому, къ Мусину-Пушкину, Римскому-Корсакову, Никитѣ Зотову, княгинѣ Меншиковой и др. лицамъ. Къ первому онъ писалъ: „словеснѣйшіе учители, честнѣйшіе іеромонаси, Іоанникій и Софроній Лихудіевы, обрѣтающіеся по указу монаршему въ домѣ Софійскомъ, воистину высокоучени суть, добри же и вѣрни, трезви и бодри, и во ученіи усердни, непрестанно на кійждо день учениковъ греческимъ, латинскимъ и славянскимъ письмяномъ, безъ всякаго сокрытія, вседушно обучаютъ; при нихъ же и старіи ихъ нѣцыи ученики для ученія и переводу книгъ греколатинскихъ съ радостію у насъ трудятся... Слава всевидящему и назирательному оку Божію, тако устроившему въ пользу и непреходимую память церкви своей святѣй, о чесомъ выну радуюся". Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ онъ извѣщалъ объ успѣхахъ своихъ школъ Зотова. Лихуды такимъ образомъ, по свидѣтельству писемъ Іова, не оставили совершенно преподаванія латинскаго языка, за которое по милости п. Досиѳея подверглись опалѣ въ Москвѣ, но ихъ преподаваніе было все-таки весьма отлично отъ преподаванія кіевлянъ. Схоластическаго богословія они вовсе не приняли въ свой

курсъ и въ Новгородѣ, какъ въ Москвѣ. Риторикѣ, которую они преподавали у Іова, они дали особенную постановку. „Въ основѣ ея лежалъ тотъ же Аристотель, но они его искусно сокращали и приноровляли къ національному характеру своихъ учениковъ: примѣры брались ими преимущественно изъ твореній св. отцевъ, а не изъ сочиненій древнихъ мудрецовъ и риторовъ. Божественное и героическое краснорѣчіе, т. е. по ихъ терминологіи—св. писаніе и творенія отцевъ, они ставили выше человѣческаго, т. е. заключающагося въ твореніяхъ Цицерона, Демосѳена и др. языческихъ ораторовъ, которыми исключительно занимались въ Кіевѣ.... Вслѣдствіе этого ихъ риторика, сохранившаяся въ рукописи новгородской софійской библіотеки, совершенно отлична и отъ древнихъ и отъ современныхъ имъ западныхъ руководствъ по этой наукѣ... Латинскому языку они не давали предпочтенія предъ греческимъ" (1), преподавали напротивъ преимущественно на греческомъ, на которомъ написана была и ихъ риторика (2).—Кромѣ преподаванія въ школѣ, новгородскіе ревнители просвѣщенія занимались еще литературными трудами, составленіемъ и переводомъ книгъ, какія находили нужными по требованіямъ времени (3). Для распространенія этой дѣятельности Іовъ намѣревался завести у себя особую типографію и много хлопоталъ объ этомъ передъ царемъ, прося его о присылкѣ изъ Москвы становъ и другихъ типографскихъ принадлежностей, оставшихся во дворцѣ безъ всякаго употребленія отъ бывшей „верхней" типографіи Симеона Полоцкаго; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нѣсколько разъ писалъ къ разнымъ сильнымъ лицамъ при Петрѣ, чтобы въ Нов-

(1) Характеристику преподаванія Лихудовъ см. въ статьѣ объ нихъ *Образцова* въ Журн. мин. нар. просв. 1867 г. кн. IX.

(2) Истор. моск. акад. *Смирнова*, 44—56.

(3) О трудахъ Лихудовъ см. у *Пекарскаго* и въ Обзорѣ *Филарета*.

городъ прислали изъ Москвы новыхъ переводчиковъ изъ числа типографскихъ справщиковъ, Николая Семенова Головина, который и самъ просился въ Новгородъ, не уживаясь въ Москвѣ съ латынниками, Карпа Ѳедорова, Германа и Каріона монаховъ Чудова монастыря. „Азъ ничего иного желаю и прошу, писалъ святитель, точію да будетъ у насъ вѣрному народу благоутишная пристань, роса благодати, дождь душевнаго веселія, сѣмя церковнаго согласія и плодъ богоугоднаго благославія". Онъ имѣлъ самые широкіе просвѣтительные замыслы, хотѣлъ съ помощію своихъ сотрудниковъ издать новый, болѣе правильный и близкій къ греческому тексту переводъ ветхаго завѣта, перевести разныя нужныя для православія греческія книги, въ числѣ ихъ 18 книгъ, присланныхъ съ востока п. Досиѳеемъ, и вообще сдѣлать Новгордъ средоточіемъ православной греко-славянской образованности. Мечтамъ его не суждено было осуществиться вполнѣ; дѣло новаго изданія Библіи поручено было послѣ другимъ дѣятелямъ; переводчиковъ ему не посылали, отняли у него даже одного изъ самихъ Лихудовъ; типографіи тоже не удалось завести. При всемъ томъ новгородская ученая дружина нѣкоторое время имѣла важное значеніе и съ честію соперничала съ московской дружиной кіевлянъ, завладѣвшихъ московской академіей.

Есть извѣстія, что новгородская школа Іова и Лихудовъ не совсѣмъ одобрительно смотрѣла на московскую академію, подозрѣвая ее въ уклоненіи на латинскую сторону. Въ 1711 г. Іовъ отъ лица своей школы предложилъ московской академіи три ученыхъ вопроса: 1) философскій: „если душа созидается отъ Бога, то откуда въ ней нечистота? если отъ тѣла, то зачѣмъ Богъ вводитъ чистую душу въ нечистое тѣло? если отъ души, то противно Богу нечисту душу создати"; 2) метафизическій: „вода св. крещенія освящаетъ ли только тѣло или вмѣстѣ и душу? если одно тѣло, то душа не крещена пребываетъ; если

вмѣстѣ и душу, то какъ возможно вещественной водѣ очистить невещественную душу"? 3) богословскій: „какъ объяснить слова Діонисія Ареопагита: кругловидно божественніи умы... соединяются безначальнымъ и безконечнымъ осіяніемъ безконечнаго благаго Бога". Стефанъ Яворскій, бывшій протекторомъ академіи, хорошо понялъ, что присылка этихъ вопросовъ есть нечто иное, какъ камень въ его огородъ, что новгородскіе ученые хотятъ испытать мудрость московскихъ, и самъ написалъ всѣ отвѣты; въ предисловіи онъ замѣтилъ, что вопрошатели сами не знаютъ, о чемъ вопрошаютъ, что первый вопросъ вовсе не философскій, а второй вовсе не метафизическій, а всѣ три богословскіе, и вообще въ тонѣ своего рукописанія не скрылъ, что принялъ такое вопрошательство къ сердцу. Митрополитъ Іовъ благодарилъ за отвѣты, хотя они и не изгладили его предубѣжденія къ мудрецамъ „новыхъ аѳинейскихъ школъ" (1). Нѣкоторое время онъ былъ не особенно хорошаго мнѣнія о самомъ мѣстоблюстителѣ, что довольно ясно можно видѣть наприм. изъ одного письма его къ Сильвестру Холмскому; въ этомъ письмѣ онъ извѣщаетъ о присылкѣ въ Новгородъ двѣнадцати духовныхъ лицъ, пытанныхъ и рваныхъ, которые пострадали почти напрасно отъ дурнаго управленія въ рязанской епархіи (епархіи Стефана) и хотѣли жаловаться на своего архіерея самому царю.

Скоро впрочемъ Іовъ понялъ, что малороссы не всѣ одинаковы, что наприм. Стефанъ или Ѳеофилактъ Лопатинскій далеко не то, что Ѳеодосій Яновскій или Стефанъ Прибыловичъ. Позднѣйшія отношенія его къ Стефану, судя по ихъ перепискѣ, были уже самыя дружественныя. Онъ принималъ живое участіе въ борьбѣ Стефана и Ѳеофилакта съ московскими ере-

(1) Изъ исторіи нашихъ дух. школъ. Прав. Обозр. 1862 г. т. IX. 93—94.

тиками и въ 1713 году даже рекомендовалъ послѣдняго царевичу Алексѣю, какъ добраго и надежнаго защитника православія, которому слѣдуетъ оказать всевозможное содѣйствіе. Съ Стефаномъ и Ѳеофилактомъ примирились впрочемъ и всѣ остальные іерархи великоруссы, нестѣснявшіеся въ выраженіи своего недовольства въ отношеніи къ другимъ черкасамъ. Кроткій и уступчивый, новгородскій святитель, котораго за это даже обвиняли въ трусости, не любилъ рѣзко высказываться противъ сильной партіи черкасъ, больше молчалъ и таилъ свое недовольство въ себѣ, но были случаи, когда и ему приходилось не втерпежъ, наприм. въ извѣстномъ столкновеніи съ Ѳеодосіемъ Яновскимъ, вызвавшимъ его на рѣзкое обличительное посланіе (1). Сохранилось одно изъ писемъ его къ царевичу Алексѣю въ отвѣтъ на вопросъ, что значитъ вѣяніе воздухомъ надъ св. дарами на литургіи при пѣніи символа вѣры. Представивъ требуемое объясненіе, составленное совершенно въ духѣ старыхъ русскихъ начетчиковъ, онъ видимо хвалится своею литургическою изобрѣтательностію предъ молодыми либералами черкасами и многозначительно киваетъ на Ѳеодосія: „благоволи, государь, онаго петербургскаго архимандрита вопросити, какой отвѣтъ о сихъ великихъ и страшныхъ пренебесныхъ таинствахъ можетъ вашему царскому величеству дати. Не во уничиженіе его сіе предлагаю, но яко да духовный и первоначальнѣйшій содержатель, многоученый мужъ, да отвѣщеваетъ". Мы де неученые, а онъ учился въ новыхъ аѳинейскихъ школахъ, такъ вотъ пусть лучше нашего и отвѣтитъ.

Понятно, какъ долженъ былъ огорчиться митрополитъ, когда на другой же годъ по открытіи новгородскихъ школъ у него вздумали взять въ Москву для

(1) Издано въ Лѣтоп. русск. литературы *Тихонравова*, 1859 г. кн. 2, 154—159 въ III отдѣлѣ.

вновь открывавшейся тамъ греческой школы самихъ Лихудовъ. Всѣ просвѣтительные планы его могли бы чрезъ это разрушиться окончательно; къ счастію взяли только одного изъ братьевъ, Софронія, а Іоанникія оставили въ Новгородѣ. Митрополитъ долго хлопоталъ о томъ, чтобы изъ-за московской греческой школы не роняли его новгородскихъ школъ, и нѣсколько разъ принимался писать по этому дѣлу въ Москву къ разнымъ лицамъ, тѣмъ болѣе что его не переставали тревожить слухи о переводѣ въ Москву и другаго брата Лихуда. Такъ, въ 1709 г. онъ писалъ къ Меншикову: „Молю азъ, смиренный архіерей, не взятися отъ мене къ Москвѣ учителю іеромонаху Іоанникію, пользы ради Христовы церкви. Много бо на Москвѣ уже учителей; у мене же единъ точію. Молю паки, аще возможно, и брату его учителю іеромонаху Софронію при немъ Іоаникіѣ у насъ быти, сотворите и заступите пожалуйте. А онъ Іоанникій по премногу его брата своего желаетъ и проситъ. Подобне и братъ его сего не отречется. Ибо Москва и Новгородъ едина держава Божія и купная слава самодержавнаго царскаго величества и ваша неугасимая похвала въ роды родовъ“. Въ слѣдующемъ году онъ писалъ о томъ же къ Римскому-Корсакову. За тѣмъ нѣсколько разъ принимался чрезъ послѣдняго хлопотать о присылкѣ переводчиковъ, жалуясь на крайній недостатокъ въ людяхъ. Какъ видно, отъѣздъ Софронія, младшаго и энергичнѣйшаго изъ братьевъ, чувствительно отозвался и на переводческой дѣятельности въ Новгородѣ, и на школьномъ дѣлѣ. Іоанникій былъ уже очень старъ и требовалъ дѣятельныхъ помощниковъ въ своихъ многочисленныхъ занятіяхъ, а помощниковъ оказывалось мало. Въ школьныхъ занятіяхъ ему помогалъ только ученый монахъ Савватій, да еще ученики высшей школы приглашались къ занятію съ учениками низшей. Въ 1715 г. Іоанникій сталъ уже очень плохъ. отъ старости выжилъ изъ ума, „началъ быть малодушенъ“, какъ выражался Тов,

между прочимъ сталъ разсылать и раздавать рѣдкія и нужныя книги, какія были въ его библіотекѣ; воспользовавшись его малодушіемъ, около него появились разные греки и другіе иноземцы, старавшіеся выманивать у старика его книжныя сокровища за ничтожную цѣну. Извѣщая объ этомъ кабинетъ-секретаря Макарова, Іовъ снова просилъ, чтобы изъ Москвы прислали Софронія, теперь особенно необходимаго брату (1). Между тѣмъ самъ Іоанникій, нуждаясь въ братѣ, съ своей стороны выхлопоталъ указъ о переводѣ своемъ въ Москву. Митрополитъ все таки попытался удержать его въ Новгородѣ и послѣ этого. Въ 1716 году онъ послалъ къ государю свою послѣднюю предсмертную просьбу о любимыхъ своихъ школахъ, чтобы не брали изъ нихъ учителя, „дабы то ученіе, во общую христіанскую пользу еще вкореняющееся, не истребилося и иждивеніе, на то употребляемое, туне не погибло". Вскорѣ послѣ этого онъ скончался, а Іоанникій уѣхалъ въ Москву.

Послѣ смерти Іова школы его стали упадать, не смотря на то, что онъ съ клятвой завѣщалъ управителямъ своего дома поддерживать ихъ въ заведенномъ порядкѣ. Во главѣ школьнаго дѣла сталъ ученикъ Лихудовъ іеромонахъ Іовъ, человѣкъ уже старый и больной, но цѣлымъ мѣсяцамъ не являвшійся въ классъ, такъ что ученики совсѣмъ отстали отъ школы и являлись въ нее лишь за хлѣбами, которые получали отъ ключника архіерейскаго дома. Въ 1718 г. этотъ Іовъ былъ отставленъ и помѣщенъ въ хутынскую больницу, въ которой вскорѣ затѣмъ и умеръ. При преемникѣ его иподіаконѣ Ѳедорѣ Максимовѣ дѣла пошли нѣсколько лучше. Это былъ старшій и лучшій воспитанникъ новгородской школы, изучившій у І. Лихуда грамматику и риторику и самъ въ послѣднее время преподававшій эти науки въ школѣ при

(1) Пекарск. I, 218.

іеромонахѣ Іовѣ. Послѣ, въ 1723 г., онъ издалъ свою славянскую грамматику, „первый сея школы плодъ“, имѣвшую важное значеніе въ исторіи развитія этой науки послѣ употреблявшейся прежде грамматики М. Смотрицкаго (1). Благодаря ему, славяно-еллинское и грамматическое ученіе, положенное м. Іовомъ въ основу образованія Новгородскихъ школъ, нѣсколько времени продержалось въ нихъ, и послѣ того, какъ при новомъ владыкѣ Ѳеодосіи Яновскомъ онѣ подвергнулись преобразованію чрезъ введеніе въ нихъ латинскаго курса.

Послѣ переѣзда изъ Новгорода въ Москву І. Лихудъ вскорѣ скончался. Софроній продолжалъ преподавать въ московской греческой школѣ и заниматься переводами. Около него соединились первые Лихудовскіе ученики-переводчики, Ѳедоръ Поликарповъ, Николай Семеновъ, монахи Ѳеологъ и Іосифъ, и составили изъ себя дѣятельное переводческое общество. Общество это вмѣстѣ съ греческой школой и было единственнымъ послѣ новгородскихъ школъ средоточіемъ и поддержкой еллино-греческаго просвѣщенія для всей Россіи. Самымъ важнымъ дѣломъ его въ царствованіе Петра были занятія по пересмотру библейскаго перевода для изданія новой славянской Библіи, занятія впрочемъ не достигшія своего конца.

Греческая школа Софронія, открытая съ 1708 г., существовала отдѣльно отъ славяно-латинской академіи и составляла самостоятельное учебное заведеніе, хотя ученики той и другой большею частію были одни и тѣже. Сначала она помѣщалась на казанскомъ подворьѣ, потомъ съ 1722 г. соединена съ типографіею, гдѣ трудилось переводческое общество. Завѣдываніе ей было предоставлено директору типографіи Поликарпову. Главнымъ учителемъ былъ Софроній Лихудъ, но онъ былъ уже человѣкъ престарѣлый и

(1) Пекарск. I, стр. 185—186.

ослабѣлъ въ преподаваніи, такъ что школа не могла при немъ достигнуть цвѣтущаго состоянія, а тѣмъ болѣе хоть сколько нибудь сравняться съ славяно-латинской академіей, чтобы выдерживать съ ней конкурренцію и служить ей противовѣсомъ. Въ донесеніи Поликарпова отъ 1715 г. начальнику монастырскаго приказа Мусину-Пушкину читаемъ: „грекъ-учитель старѣетъ, а ученики шалѣютъ. По 7 лѣтъ учатъ грамматику, а листа перевести не умѣютъ. Числомъ ихъ 13 человѣкъ". Было больше, но 40 человѣкъ бѣжало. Учители подали въ сенатскую канцелярію роспись этихъ бѣглецовъ съ просьбою, чтобы приняты были мѣры къ ихъ возвращенію въ школу. Но Поликарповъ изъявлялъ сомнѣніе, какъ бы строгія мѣры еще болѣе не повредили греческой наукѣ: „обаче сомнѣваюсь, дастся ли по неволѣ своевольнымъ наука. Глаголетъ бо Назіанза свѣтильникъ: пастырь, аще похощетъ, можетъ доить козлища, но вмѣсто млека источитъ кровь его... а нынѣ наипаче нужда умножати греческую науку". Жалованіе учителей было ничтожное; такъ, греку Анастасію, котораго хотѣли пригласить въ помощь Софронію, обѣщано было выдавать 10 руб. въ годъ. Школа очевидно была какою-то заброшенною. Въ 1722 г. Софроній по старости уволенъ отъ обученія и сдѣланъ архимандритомъ Солотчинскаго рязанскаго монастыря. На мѣсто его поступилъ грекъ Аѳанасій Скіада, но черезъ два года отказался отъ службы, такъ какъ въ 1724 г. вышелъ указъ перевести греческую школу въ академію и поставить ее въ зависимость отъ общаго академическаго начальства. Вѣроятно служившіе при школѣ боялись, что подъ начальствомъ представителей латинскаго образованія ей будетъ очень плохо. Она впрочемъ осталась въ томъ же вѣдомствѣ типографской канцеляріи и по присоединеніи къ академіи; окончательное сліяніе ея съ латинскими школами послѣдо-

вало уже въ 40-хъ годахъ XVIII столѣтія (1). При А. Скіадѣ и его преемникѣ Алексѣѣ Барсовѣ состояніе греческой школы нѣсколько улучшилось, но она все-таки далеко не могла тягаться съ латинскою. По отчету 1727 г. въ ней училось 35 учениковъ, тогда какъ въ русской школѣ при академіи было 108, а въ латинскихъ классахъ 362 человѣка. Изъ этого же отчета видимъ, что какъ изъ греческой школы ученики переводились въ латинскую, такъ и изъ латинской въ греческую (въ 1725 г. первыхъ переведено было 9, вторыхъ 28 человѣкъ) „для того, чтобы были обучены на русскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ", сказано въ поясненіе (2).

Вслѣдъ за новгородскими школами, около 1714—1715 гг., митроп. Дороѳей Короткевичъ открылъ школу въ Смоленскѣ. Просвѣщенный архипастырь, уроженецъ и воспитанникъ Кіева, ввелъ въ ней латинское обученіе, собралъ до 35 учениковъ и вызвалъ въ учители монаха Іоасафа Маевскаго, учившагося въ кіевской академіи. Хотя Маевскій и не доходилъ въ академіи до высшихъ классовъ, философіи и богословія, но былъ человѣкъ знающій и полезный для юной школы. Съ помощію его ученіе доведено было даже до риторики. Дальнѣйшимъ успѣхамъ ея помѣшала кончина Дороѳея (въ 1718 г.). Преемникомъ Дороѳея явился Сильвестръ Холмскій, человѣкъ недальняго образованія и извѣстный своимъ нерасположеніемъ къ черкасамъ. Учитель Маевскій еще до его пріѣзда въ Смоленскъ почему-то почелъ нужнымъ убраться изъ Смоленска за польскую границу. Сильвестръ чрезъ нѣсколько времени опять пригласилъ его пріѣхать „для казанія предики", но въ школу не опредѣлилъ и дер-

(1) О греч. школѣ см. Ист. росс. іер. I, 348; *Евгенія* Словарь свѣтск. писат., 20—21. Черты изъ ист. книжн. просвѣщ. при Петрѣ— въ Русск. Арх. 1868 г. № 7 и 8.

(2) *Пекарскаго*, I, стр. 114.

жалъ при себѣ простымъ крестовымъ монахомъ. Между тѣмъ школа стала упадать. Десять человѣкъ школьниковъ взяты изъ нея въ архіерейскіе пѣвчіе, да 23 человѣка отпущены учиться въ домы отцовъ. Сильвестръ чрезъ годъ переведенъ былъ въ Тверь, но при его преемникахъ, Варлаамѣ Каховскомъ, человѣкѣ больномъ (умеръ въ томъ же 1721 году), и грекѣ Филоѳеѣ (правилъ до 1727 г., потомъ уволенъ на покой), запустившемъ всю епархію, школьное дѣло шло не лучше. По отчету 1727 г. учениковъ въ смоленской школѣ значилось всего 19, а ученіе ихъ ограничивалось чтеніемъ, письмомъ и пѣніемъ (1).

Кромѣ перечисленныхъ школъ, при архіерейскихъ домахъ еще, кажется, не было открываемо ни одной школы для образованія духовенства за все время отъ 1700 до 1721 года. Сохранились свѣдѣнія о казанской школѣ, которую казанскій митрополитъ Тихонъ устроилъ для обученія инородцевъ въ 1707 г. и въ которой было собрано до 32 мальчиковъ, учившихся часослову и псалтири. Но эта школа имѣла спеціально-миссіонерское назначеніе, притомъ же существовала всего два года; въ 1709 г. графъ Апраксинъ распустилъ учениковъ ея по домамъ „для того, что оныя новокрещеныя дѣти, будучи въ Казани безъ отцовъ и матерей своихъ, зачали помирать а другіе заболѣли (2).

Въ подмогу архіерейскимъ школамъ для образованія духовенства указаны были школы цифирныя. Школы эти правительство указало заводить въ 1714 году и назначило для общаго образованія всякаго чина дѣтей, опричь однодворцевъ; цифирными они названы были потому, что въ составѣ ихъ элементарнаго курса, по странной прихоти законодателя, на

---

(1) Описан. смоленск. епарх. Спб. 1864 г., стр. 180. *Пекарск.* I, 118. О Маевскомъ см. въ книгѣ *Чистовича*: Ѳеофанъ Прокоповичъ.

(2) Опис. арх. св. Синода, стр. 368 и прилож. XXVIII.

первомъ планѣ поставлено было обученіе „цифири и нѣкоторой части геометріи“ (циркульнымъ пріемамъ, тригонометріи плоской, тангенсамъ). Учителями назначались въ нихъ ученики навигацкихъ школъ, которыхъ и велѣно для этого отправить по два въ каждую губернію. Наука цифирная объявлена до того обязательною, что юношамъ, не получившимъ отъ учителей свидѣтельства объ окончаніи цифирнаго курса, не велѣно было давать вѣнечныхъ памятей, т. е. разрѣшенія на бракъ. Самыя школы велѣно было открывать при архіерейскихъ домахъ и знатнѣйшихъ монастыряхъ (1). Хотя эти школы и объявлены сначала всесословными, но обязательность ихъ курса пала преимущественно на дѣтей духовенства, да еще на дьячихъ и подъячихъ дѣтей, потому что, кромѣ однодворцевъ, составлявшихъ народное поголовное ополченіе и уволенныхъ отъ цифирнаго обученія съ самаго начала, правительство вскорѣ уволило отъ него еще дворянъ тоже нужныхъ ему для службы, а потомъ въ 1720 г. дѣтей посадскихъ, чтобы вслѣдствіе держанія ихъ въ школахъ не было ущерба торгамъ и сбору таможенныхъ пошлинъ (2). Въ 1719 г. завѣдывавшій этими школами Скорняковъ-Писаревъ прямо доносилъ, что въ нихъ исключительно учились дѣти духовныхъ лицъ (3); къ тому же способствовало самое мѣсто помѣщенія этихъ школъ при архіерейскихъ домахъ.

Не знаемъ, насколько полезны были цифирныя школы для епархій, гдѣ вовсе не было архіерейскихъ школъ, но напр. въ Новгородѣ открытіе такой школы едва не уронило школъ м. Іова (4). Послѣ нѣсколькихъ требованій о высылкѣ духовныхъ дѣтей къ ци-

---

(1) П. С. З. V, № 2778. 2971. *Пекарскаго*, I, 117.

(2) Тамже, VI, № 3575.

(3) Тамже, V, № 3447.

(4) Дѣло о цифирной школѣ въ Новгородѣ см. въ указанной статьѣ Хр. Чт. 1877 г., т. I, стр. 348—352.

цирному ученію управители новгородскаго архіерейскаго дома въ началѣ 1720 г. вынуждены были отправить въ Сенатъ на царское имя прошеніе съ объясненіемъ, что въ ихъ епархіи 14 лѣтъ уже существуетъ своя собственная школа, „церковничьимъ дѣтямъ весьма свойственная“, что поэтому новгородская епархія имѣетъ отмѣну отъ другихъ, въ которыхъ не обрѣтается такихъ еллино-греческаго діалекта школъ, и не подлежитъ силѣ распоряженій о навигацкихъ или цифирныхъ школахъ, что кромѣ того „ежели оные церковничьи и прочихъ архіерейскаго суда людей дѣти въ навигацкую школу будутъ опредѣлены, то оной греко-славянской школѣ не только растенія не получить, но и процвѣтающее растеніе принуждено будетъ увянуть“. Между тѣмъ мѣстная губернская администрація, не дожидаясь по этой просьбѣ рѣшенія сверху, торопила архіерейскій разрядъ, чтобы скорѣе приготовлено было мѣсто для цифирной школы, и сама собой распорядилась разборомъ дѣтей годныхъ въ ученіе, для чего отъ приказной палаты по всей епархіи разосланы были нарочные. которые сейчасъ же начали вызывать духовенство съ дѣтьми въ канцеляріи для переписи, а ослушниковъ, отказывавшихся отъ явки своихъ дѣтей за неимѣніемъ о томъ указа отъ епархіальной власти, забирать подъ караулъ. Управлявшій епархіей викарій Ааронъ съ другими членами архіерейскаго разряда возсталъ противъ этихъ распоряженій и замѣтилъ приказной палатѣ, что въ новгородскомъ архіерейскомъ домѣ цифирной школѣ вовсе не слѣдуетъ быть да и негдѣ, такъ какъ здѣсь есть своя школа, и что съ другой стороны дѣти духовенства „причинны“ къ греко-славянской школѣ, гдѣ они съ извѣстныхъ лѣтъ и начинаютъ обучаться „свойственному отцевъ ихъ служенію“, и если отдать ихъ въ цифирное ученіе, то некого будетъ посвящать на церковныя мѣста. Но когда палата донесла объ этомъ представленіи въ Петербургъ, Скорняковъ-Писаревъ только разсердился и

отвѣчалъ епархіальнымъ властямъ дерзостями. Дивился я, писалъ онъ, риторическому сложенію онаго представленія; должно быть, авторъ его много начитался новгородскихъ исторій отъ Рюрика до царя Ивана Васильевича. а дальше не прочиталъ, что было въ 7078 лѣто при архіепископѣ Пименѣ, „ибо ежели бы оную гисторію челъ, никако бы дерзнулъ такой отвѣтъ писать, понеже его величествю государь нашъ всероссійскій Петръ Алексѣевичъ о своихъ подданныхъ неусыпно трудится, дабы изъ тьмы необученія просвѣтить науками, и того ради милостиво соизволилъ во всемъ своемъ царствіи всякаго чина людей учить ариѳметики и нѣкоторой части геометріи, и обуча отпускать попрежнему въ достойныя кому жде чина служенія.... и тотъ указъ и наука вышезначенная въ ученіи греко-славянскаго діалекта и въ поставленіи священнаго чина дѣтей въ священническій чинъ, а дьячимъ и поддьячимъ въ пищикахъ быть не есть препятіе, но и способъ, ибо оныя науки во всецѣлой человѣческой жизни зѣло человѣкомъ надобны, и много времени не требуютъ, а именно понятнѣйшіе могутъ обучиться въ годъ; а вамъ показалась оная за препятіе, не знаю для чего, а чаю, что вы сами оной наукѣ неискусны, то и сладости оной непричастився, и прочихъ всѣхъ вышеозначенныхъ чиновъ дѣтей неразумѣемъ своимъ оной науки отлучаешь по писанному: самъ не искусився, како можешь искушаемымъ помощи"?—Возбудивъ такой гнѣвъ „его изящества", епархіальныя власти испугались и послали къ нему извиненіе, въ которомъ ссылались на примѣръ купецкихъ людей, не испытавшихъ на себѣ никакого гнѣва за подобную же, даже менѣе резонную, просьбу объ освобожденіи ихъ дѣтей отъ цифирнаго ученія, и просили, чтобы въ эту науку не брали по крайней мѣрѣ дѣтей нужныхъ для архіерейской греко-славянской школы. Послѣ этого ничего не оставалось дѣлать, какъ исполнить требованія его изящества, отвести для школы мѣсто и послать по духо-

венству послушный указъ о высылкѣ въ нее требуемыхъ дѣтей.

Въ слѣдующемъ году архіепископомъ новгородскимъ сдѣлался вліятельный Ѳеодосій Яновскій и крѣпко заступился за новгородскую школу; кромѣ того дѣло о высылкѣ духовныхъ дѣтей къ цифирному ученію скоро, какъ увидимъ, было поднято въ самомъ св. Синодѣ и стало рѣшаться въ томъ же сословномъ направленіи, въ какомъ высказывались прежде и правители новгородскаго архіерейскаго дома въ своей перепискѣ съ Сенатомъ и Скорняковымъ-Писаревымъ.

За неимѣніемъ другихъ указаній, мы можемъ считать эту переписку первымъ по времени яснымъ выраженіемъ со стороны духовныхъ властей взгляда на епархіальныя школы съ сословной точки зрѣнія, какъ на школы, назначенныя для приготовленія духовныхъ дѣтей къ духовному же служенію. Само собой разумѣется, что при самомъ заведеніи своихъ школъ архіереи прежде всего должны были разсчитывать на нихъ въ интересахъ духовной службы, но разсчетъ этотъ далеко не былъ исключительнымъ; они принимали въ эти школы всѣхъ желающихъ учиться, точно также и выпускали изъ нихъ безпрепятственно на всѣ возможные роды службы; самое образованіе въ этихъ школахъ организовалось въ формѣ образованія общаго, какое было во всѣхъ школахъ древней Руси, какъ въ югозападной Россіи, такъ потомъ и въ московскомъ государствѣ. Когда правительство стало высказывать свою мысль объ устройствѣ именно профессіальныхъ духовныхъ школъ, въ которыхъ бы учились лишь дѣти духовенства для церковной службы, такая постановка школъ показалась на первыхъ порахъ даже неудовлетворительною и вызвала, какъ мы видѣли, возраженіе со стороны Филоѳея тобольскаго, который находилъ лучшимъ устроить у себя школу на старыхъ началахъ всесословнаго обученія, такъ что Петръ почелъ нужнымъ снова подтвердить ему свое распоряженіе въ болѣе ясныхъ чертахъ.

Съ теченіемъ времени мысли правительства касательно этого предмета все болѣе выяснялись и требованія дѣлались настоятельнѣе, по мѣрѣ того, какъ рѣзче опредѣлялось сословное раздѣленіе государственнаго населенія. Съ 1708 г., какъ мы видѣли, профессіональное образованіе въ славено-греко-латинскихъ школахъ сдѣлано для духовныхъ дѣтей обязательнымъ, а въ 1718 г. приняты мѣры и противъ преждевременнаго выхода ихъ изъ этихъ школъ для поступленія на свѣтскую службу. Впрочемъ касательно этой послѣдней стороны вопроса о духовныхъ школахъ распоряженія правительства, какъ теперь, такъ и послѣ, не отличались особенной рѣшительностію. При крайнемъ недостаткѣ образованныхъ людей для него было бы крайне невыгодно, если бы выходъ молодыхъ людей изъ духовныхъ школъ на свѣтскую службу остался закрытымъ. Равнымъ образомъ невыгодно было самую обязательность духовныхъ школъ доводить до того, чтобы дѣти духовенства уже не имѣли права поступать ни въ какія другія учебныя заведенія, наприм. въ цифирныя школы или въ медицинскую науку. Но изъ тѣхъ же государственныхъ видовъ оно зато весьма послѣдовательно развивало другую сторону сословнаго значенія духовныхъ школъ, именно ихъ замкнутость для постороннихъ лицъ, которыхъ государству нужно было удержать на своей собственной службѣ, какъ-то дворянскихъ дѣтей. Съ 1715 г. послѣднія должны были исключительно и обязательно поступать въ свои профессіональныя училища,—морскую академію, артиллерійскую и инженерную школы и въ сухопутную гвардію. Въ 1716 г. дворянскимъ недорослямъ, учившимся въ московской академіи славяно-латинской наукѣ, дозволено было окончить въ ней курсъ, если они записались въ нее раньше 1715 года, а поступившихъ туда послѣ 1715 г. штрафовать. Въ 1717 г. всѣ эти недоросли въ числѣ 213 человѣкъ, были вытребованы изъ академіи въ Петербургъ, гдѣ государь самъ сдѣлалъ для нихъ на-

значеніе: однихъ помѣстилъ въ морскую академію, другихъ въ гвардію, многихъ отправилъ за границу. Своевольно записавшіеся въ академію ссылались даже на три года въ галерную или каторжную работу (1). Послѣ этого дворянскія дѣти стали поступать въ духовныя школы только по особому распоряженію правительства, которое, производя имъ смотры, находило между ними столько безграмотныхъ людей, что не находило у себя никакихъ средствъ дать имъ всѣмъ нужное для нихъ общее элементарное образованіе и разсылало ихъ для этой цѣли то въ новогородскія, то въ московскія славено-латинскія школы. Само собою понятно, что обученіе этихъ недорослей при такихъ условіяхъ было не столько правомъ, сколько повинностію духовныхъ школъ въ пользу государственной службы. Въ узаконенный срокъ, лѣтъ въ 16 отъ роду, всѣ подобные ученики должны были выходить изъ духовныхъ школъ и являться или въ свои собственныя школы, или на службу. Во время самаго обученія, по крайней мѣрѣ въ новгородскихъ школахъ, они рѣзко отдѣлялись отъ другихъ учениковъ, составляя особое отдѣленіе. Нечего и говорить, что приготовленіе ихъ къ церковной службѣ было совершенно немыслимо.—О поступленіи въ духовныя школы учениковъ изъ податныхъ классовъ вопроса въ описываемое время не возбуждалось, какъ потому, что по новости школьнаго образованія такихъ учениковъ не было, такъ и потому, что заботы правительства о цѣлости этихъ платежныхъ классовъ и заключеніи выхода изъ нихъ въ привиллегированныя состоянія развиваются главнымъ образомъ послѣ установленія подушнаго оклада.

Понятно, что при такихъ условіяхъ и духовныя власти съ теченіемъ времени тоже должны были измѣнить свой прежній взглядъ на свои школы, какъ

(1) Государство и народн. образованіе, стр. 111—112. 115—116.

на заведенія общеобразовательныя, и приняться за развитіе сословно-профессіональнаго ихъ назначенія. Но въ то время, какъ правительство въ своихъ интересахъ старалось преимущественно о стѣсненіи доступа къ ихъ профессіональному образованію для постороннихъ людей, нужныхъ для государственной службы, духовныя власти, въ интересахъ церковной службы, обратили вниманіе на другую сторону дѣла, на выходъ своихъ лучшихъ молодыхъ людей въ посторонія вѣдомства, который, при малочисленности образованныхъ кандидатовъ священства и при слишкомъ частыхъ вызывахъ школьниковъ и вообще грамотныхъ духовныхъ дѣтей со стороны правительства къ разнымъ свѣтскимъ наукамъ и службамъ, былъ весьма не выгоденъ для духовнаго вѣдомства. Наприм. въ 1711 г. велѣно было чрезъ монастырскій приказъ взять 50 человѣкъ церковниковъ въ адмиралтейство, грамотѣ и писать умѣющихъ, и опредѣлить ихъ тамъ къ обученію разнымъ мастерствамъ. Въ 1718 г. встрѣчаемъ даже такого рода распоряженіе: „набрать въ адмиралтейскіе плотники изъ церковническихъ дѣтей 500 человѣкъ, въ томъ числѣ чтобы, сколько возможно, было больше грамотныхъ“, а мѣстоблюстителю патріаршаго престола Стефану Яворскому для вѣдома отписать, „чтобы во всей московской губерніи до окончанія того разбору поповыхъ, и дьяконовыхъ, и пономаревыхъ, и сторожевыхъ, и просвирниныхъ и всякихъ церковниковыхъ дѣтей въ духовный чинъ не посвящать до указу“. Стефанъ написалъ на присланномъ къ нему извѣщеніи: „буди указъ великаго государя непремѣннымъ о томъ, что изъ церковниковъ избирать въ плотники, а что не посвящать въ попы, идѣже самая нужда требуетъ, сему дѣлу нѣсть должно быти“. Съ 1712 по 1720 г. по подобнымъ присылкамъ было принято въ адмиралтейство къ разнымъ мастерствамъ 836 человѣкъ, но изъ нихъ 524 человѣка бѣжали (1).

(1) *Горчакова*: Монаст. приказъ; прилож. стр. 38. 136—137.

Московская медицинская школа при госпиталѣ доктора Бидло была вся укомплектована учениками славяно-латинскихъ школъ; притомъ же въ нее вызывались тѣ изъ нихъ, которые лучше другихъ успѣвали въ латинскомъ языкѣ. Потомъ съ 1714 г. духовныхъ дѣтей стали повсюду привлекать въ цифирныя школы.

Всѣ эти вызовы молодыхъ людей естественно должны были возбуждать въ духовной администраціи невольныя сожалѣнія, тѣмъ болѣе, что изъ духовнаго вѣдомства этимъ путемъ уходили большею частію лучшія его силы, на которыя впереди возлагались большія надежды. Въ 1718 г. вышелъ извѣстный указъ монастырскому приказу о неувольненіи школьниковъ славено-латинскихъ школъ въ разные чины до окончанія ученія. По чьей иниціативѣ былъ изданъ этотъ указъ, не знаемъ, но едвали не по представленіямъ духовной администраціи, которой ближе всего было желать изданія подобнаго указа. Вѣроятно по ея же настоянію въ 1719 г. штатсъ-конторъ-коллегія запретила доктору Бидло принимать учениковъ славяно-латинскихъ школъ въ московскій госпиталь безъ особливаго указа (1). Затѣмъ, какъ мы видѣли, изъ Новгорода послышались сильныя возраженія противъ набора духовныхъ дѣтей въ цифирныя школы. На практикѣ впрочемъ ни указы 1718 и 1719 годовъ, ни представленія духовныхъ властей не имѣли надлежащей силы до самаго учрежденія Синода. Мы видѣли, чѣмъ кончилось новгородское дѣло о цифирной школѣ. Докторъ Бидло спокойно продолжалъ переманивать студентовъ въ госпиталь и отъ 1719 г. до 1722, когда въ это дѣло вступился св. Синодъ, успѣлъ переманить 108 человѣкъ, число весьма краснорѣчивое, всего лучше показывающее, какъ еще трудно было тогда духовной администраціи соблюсти свои спеціальные интересы при повсюдной нуждѣ въ образован-

(1) Опис. синод. арх. стр. 677.

ныхъ людяхъ. Самъ Бидло послѣ объяснялъ, что безъ учениковъ славяно-латинскихъ школъ ему рѣшительно было бы невозможно поддерживать комплекта хирургическихъ школъ, и просилъ уволить его отъ запрещенія 1719 года. Тоже самое говорила и администрація школъ цифирныхъ.

Кромѣ этого обстоятельства, вызову учениковъ духовныхъ школъ на свѣтскія профессіи, а равно обученію въ этихъ школахъ учениковъ постороннихъ вѣдомствъ много содѣйствовала еще первоначальная неразвитость профессіональнаго элемента въ самомъ курсѣ этихъ школъ и въ ихъ администраціи. Не смотря на всю ясность, съ какой духовныя власти стали высказывать мысль, что дѣти духовенства „причинны“ именно къ архіерейскимъ школамъ, назначеннымъ для обученія ихъ „свойственному отцевъ ихъ служенію“, курсъ этихъ школъ по прежнему носилъ на себѣ общій элементарный характеръ, съ прибавленіемъ лишь въ нѣкоторыхъ изъ нихъ изученія классическихъ языковъ. Ближайшее управленіе школами было въ рукахъ мѣстныхъ архіереевъ, но высшее сосредоточено въ монастырскомъ приказѣ,—органѣ не духовной, а свѣтской власти, подчиненномъ Сенату и завѣдывавшемъ не только духовными, но и вновь заводимыми свѣтскими школами, наприм. нѣмецкими (1). Онъ долженъ былъ побуждать архіереевъ къ заведенію новыхъ школъ, наблюдалъ за исполненіемъ указовъ объ обязательномъ обученіи въ нихъ духовныхъ дѣтей, принималъ прошенія о поступленіи ихъ въ самую академію, заботился объ усиленіи учебной части, вѣдалъ учителей и учениковъ по суду и заботился о средствахъ ихъ содержанія. Чрезъ него же шло опредѣленіе въ эти школы для науки дворянскихъ недорослей, а равно и отправленіе дѣтей духовенства для обученія въ другія учрежденія. Лѣнивыхъ и не желавшихъ учиться

(1) П. С. З. IV, № 2389.

онъ же подвергалъ обычнымъ разборамъ для отдачи ихъ въ военную службу, наблюдалъ даже надъ самими епархіальными архіереями, чтобы не посвящали въ попы и дьяконы неученыхъ (1). Матеріальное обезпеченіе архіерейскихъ школъ производилось правда на спеціальныя церковныя средства, на доходы съ церковныхъ вотчинъ, что должно бы было естественно повлечь за собою подчиненіе ихъ спеціальной церковной же администраціи; но всѣ вотчинные и другіе церковные доходы были тогда отписаны отъ завѣдыванія духовныхъ властей въ свѣтское вѣдомство монастырскаго приказа, который выдавалъ изъ нихъ на содержаніе церковныхъ учрежденій только опредѣленные штатные оклады, а всѣ остаточныя отъ нихъ суммы расходовалъ на указанныя ему правительствомъ государственныя и общественныя нужды, въ числѣ которыхъ было и содержаніе школъ, что существенно измѣняло вопросъ о подчиненности послѣднихъ духовному или свѣтскому вѣдомству и дѣлало ихъ не столько церковными и сословно-духовными, сколько государственными учрежденіями, которыми правительство могло чрезъ монастырскій приказъ свободно распоряжаться для своихъ обще-государственныхъ цѣлей.

Въ такомъ положеніи вопросъ о духовныхъ школахъ существовалъ до 1720-хъ годовъ, до времени учрежденія св. Синода.

б) духовныя школы послѣ учрежденія св. синода.

Со времени учрежденія св. Синода распространеніе духовнаго образованія пошло успѣшнѣе. Къ этому времени правительство успокоилось отъ тяжелой войны и получило возможность сосредоченнѣе заняться внутренними дѣлами государства. Въ самомъ Синодѣ, во главѣ церковной администраціи, первенствующими

---

(1) См. *Горчакова*: Монаст. приказъ, стр. 181—183.

членами поставлены были такія лица, просвѣтительныя стремленія которыхъ были вполнѣ испытаны, каковы: Стефанъ Яворскій, Ѳеодосій Яновскій и особенно Ѳеофанъ Прокоповичъ. Послѣдній сдѣлался правою рукою Петра во всѣхъ церковныхъ реформахъ, въ томъ числѣ и въ организаціи духовнаго просвѣщенія. Къ этому же времени, когда въ новооткрытомъ дух. коллегіумѣ всѣ важнѣйшія мѣста заняты были кіевскими учеными, окончательно опредѣлилось и то направленіе, въ какомъ пошло развитіе духовнаго образованія.—Одновременно съ учрежденіемъ Синода публикованъ былъ главный организаціонный актъ духовнаго вѣдомства, въ которомъ изложены были всѣ существенныя предначертанія правительства касательно новаго строя какъ церковнаго управленія, такъ и всей вообще церковной жизни,—Духовный Регламентъ. Между этими предначертаніями весьма важное мѣсто занимаютъ правила относительно организаціи духовнаго образованія, на которыя мы прежде всего и должны обратить свое вниманіе.

Замѣчательно, что, излагая свои требованія объ умноженіи дух. школъ и правила для ихъ устройства, Регламентъ долженъ былъ еще усиленно доказывать то, что ученіе полезно, и посвятить этому предмету длинную тираду, полную полемическаго духа; но при этомъ нельзя не замѣтить и того, что авторъ Регламента, Ѳеофанъ Прокоповичъ, съ перваго же слова заговорилъ здѣсь объ ученіи или образованіи именно въ профессіональной его формѣ. „Извѣстно есть всему міру, каковая скудость и немощь были воинства россійскаго, когда оное не имѣло правильнаго себѣ ученія, и какъ несравненно умножилась сила его, когда державнѣйшій нашъ монархъ обучилъ оное изрядными регулами; тоже разумѣть и о архитектурѣ, и о врачевствѣ, и о политическомъ правительствѣ, и о всѣхъ прочіихъ дѣлахъ. И наипаче тоежъ разумѣть о управленіи церкви: когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму церкви поведенію, и нельзя не быть

нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ". Затѣмъ авторъ прямо нападаетъ на противниковъ ученія, о которыхъ вѣроятно слыхалъ не мало. „Дурно многіе говорятъ, что ученіе виновно есть ересей, ибо кромѣ древнихъ, отъ гордаго глупства, а не отъ ученія бѣсновавшихся еретиковъ,... наши русскіе раскольники не отъ грубости ли и невѣжества толь жестоко возбѣсновалися?... И если посмотримъ чрезъ исторіи, аки чрезъ зрительныя трубки, на минопедшіе вѣки, увидимъ все худшее въ темныхъ, нежели въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ. Не спѣсивились такъ епископы до 400-го лѣта, какъ послѣ возгордѣлися, наипаче константинопольскій и римскій; ибо тогда было ученіе, а послѣ оскудѣло. И аще бы ученіе церкви или государству было вредное, то не учились бы сами лучшія христіанстіи особы и запрещали бы инымъ учитися; а то видимъ, что и учились вси древніи наши учители не токмо свящ. писанія, но и внѣшней философіи... Убо ученіе доброе и основательное есть всякой пользы какъ отечества, такъ и церкви, аки корень и сѣмя и основаніе; но се накрѣпко наблюдать подобаетъ, чтобы было ученіе доброе и основательное, ибо есть ученіе, которое и имени того недостойно есть, а обаче отъ людей, хотя и умныхъ, но того не свѣдущихъ, судится быть за прямое ученіе" (1). Это крѣпкое наблюденіе за тѣмъ, чтобы сдѣлать ученіе въ новыхъ духовныхъ школахъ добрымъ и основательнымъ, заставило потомъ, какъ увидимъ, автора Регламента во многомъ смягчить свой взглядъ на духовное образованіе съ профессіональной точки зрѣнія и восполнить его введеніемъ въ его курсъ значительной доли общеобразовательныхъ знаній. Тѣмъ не менѣе профессіонально-сословное назначеніе духовныхъ школъ опредѣлено было Регламентомъ въ чертахъ весьма ясныхъ и точныхъ.

(1) Реглам. о домахъ училищныхъ.

„Вельми ко исправленію церкви полезно есть сіе, сказано объ этомъ назначеніи, чтобы всякъ епископъ имѣлъ въ домѣ своемъ или при домѣ школу для дѣтей священническихъ или и прочихъ, въ надежду священства опредѣленныхъ... Таковыхъ единыхъ, въ школѣ архіерейской наставленныхъ учениковъ, когда уже за помощію Божіею довольное число ихъ покажется, производить на священство, или, аще кто отъ нихъ монашескій чинъ изберетъ, то въ архимандриты или игумены. А если епископъ неученаго въ оной школѣ человѣка поставитъ въ священники или въ монашескій степень, минувъ ученаго, и безъ вины правильной, то подлежитъ наказанію, яковое опредѣлено будетъ въ Духовномъ коллегіумѣ“ (1). Исключеніе изъ этого правила допускается въ томъ только случаѣ, „развѣ бы нѣкій знатный порокъ на семинаристѣ показался, и то не былъ бы оный порокъ отъ клеветы; а на завистниковъ и клеветниковъ опредѣлить бы жестокое наказаніе“. Духовная служба такимъ образомъ тѣсно была связана съ школьной къ ней подготовкой и законъ объявлялъ ее недоступной для тѣхъ, кто не прошелъ до нея чрезъ духовную школу. Въ настоящемъ случаѣ намъ нѣтъ пока нужды до практики, которая долго представляла уклоненія отъ этого правила; мы имѣемъ дѣло пока съ принципомъ, по которому съ этого времени практика постепенно начала перестраиваться и которому современемъ дѣйствительно подчинилась. Но съ другой стороны самая школа, какъ мы видѣли, все болѣе и болѣе закрывалась для всѣхъ постороннихъ людей не духовнаго происхожденія. Обученіе въ ней дворянскихъ недорослей допускалось лишь по необходимости, за неимѣніемъ другихъ школъ, и по назначенію правительства, которое строго слѣдило за тѣмъ, чтобы это обученіе не повлекло со стороны учениковъ-дворянъ избранія самой службы ду-

(1) Тамже: Дѣла епископовъ, п. 9 и 10.

ховной. Классъ городскихъ, торговыхъ и ремесленныхъ людей былъ замкнутъ еще раньше дворянскаго (1). Наконецъ ревизія къ 20-мъ годамъ замкнула классъ крестьянъ и всѣхъ вообще податныхъ людей. Духовная школа со всѣми правами обученія въ ней очевидно оставалась доступною только для дѣтей духовенства. Послѣ этого духовенство стало отдѣляться отъ другихъ сословій въ самомъ своемъ образованіи и положено было прочное начало его сословной замкнутости.

Для духовныхъ дѣтей, обязанныхъ къ духовному служенію своихъ отцевъ, духовная школа объявлена Регламентомъ обязательною. „О ученикахъ, сказано въ главѣ о домахъ училищныхъ, сіе разсужденіе: должны всѣ протопопы и богатшіи и иніи священницы дѣтей своихъ присылать во академію. Мощно тоежъ указать и градскимъ лучшимъ приказнымъ людемъ". Вотъ единственный классъ постороннихъ людей, которыхъ Регламентъ находилъ еще возможнымъ привлекать къ духовному образованію и службѣ. Но въ томъ же 1721 г. сталъ замыкаться и этотъ классъ; велѣно было „учинить школу, гдѣ учить подъячихъ ихъ дѣлу, куда бы приказные люди дѣтей своихъ повинны были отдавать" (2). Пріемъ духовныхъ дѣтей въ школу получалъ всѣ черты тогдашняго набора людей въ службу. Служебная карьера духовнаго лица дѣйствительно и начиналась со школы. Новоопредѣляемаго ученика велѣно испытывать, не тупъ ли онъ, чтобы не потерять на него попустому денегъ; „а чтобъ который не притворялъ себѣ тупости, желая отпуску въ домъ, какъ то другіе притворяютъ тѣлесную немочь отъ солдатства, искушенію ума его цѣлый годъ положить; и можетъ умный учитель примыслить способы искушенія таковые, яковыхъ онъ

(1) П. С. З. № 1674. 2220.
(2) П. С. З. VI, № 3845.

познать и ухитрить не дознается". Принятый ученикъ обязывался оставаться въ школѣ до конца указаннаго въ ней ученія, чтобы не было ущерба для службы, къ которой онъ готовился. Регламентъ строго осуждаетъ заведенія, гдѣ ученики, сколько хотятъ, столько и учатся, и куда хотятъ, туда и отходятъ. „Что съ того добра? Только суетный убытокъ". Для удержанія ихъ велѣно съ нихъ брать записи или письменныя обязательства, „что до конца ученій пребудутъ, подъ великимъ штрафомъ, если бы обѣта своего не исполнили безъ крайней нужды". Даже по окончаніи курса ректоръ не долженъ отпускать ихъ изъ семинаріи, „пока прежде не обвѣститъ до Коллегіумъ Духовнаго", и имъ не будетъ назначена служба. Въ случаѣ отпущенія учениковъ за взятку самими школьными начальствами послѣднимъ объявлено за это жестокое наказаніе. Исключать ученика дозволено только въ самомъ крайнемъ случаѣ: „буде покажется дѣтина непобѣдимой злобы, свирѣпый, до драки скорый, клеветникъ, непокоривъ, и буде чрезъ годовое время ни увѣщаніи, ни жестокими наказаніи одолѣть ему не возможно". Но послѣ исключенія у такого дѣтины велѣно отнять уже всякую надежду чина священническаго. Вообще, по мысли Регламента, нечего заведенію хвалиться множествомъ учениковъ, какъ это дѣлали югозападныя общеобразовательныя школы, не имѣвшія въ виду опредѣленной служебной пользы отъ своихъ курсовъ: „сіе бо весьма суетно есть, но смотрѣть, какъ много есть остроумныхъ и добрѣ учащихся, съ великою пользы надеждою, и какъ бы оныхъ додержать постоянныхъ до конца".

Сообразно съ новымъ спеціальнымъ характеромъ духовныхъ школъ для нихъ организовалось и новое спеціальное управленіе. Прежнее подчиненіе ихъ свѣтской власти въ формѣ монастырскаго приказа оказалось теперь уже неумѣстнымъ и высшее управленіе ими Д. Регламентъ поставилъ въ числѣ дѣлъ, подлежащихъ новому Духовному Коллегіуму. Опредѣленіе

это потомъ вскорѣ подтверждено было особымъ указомъ 16 февраля тогоже 1721 г., при чемъ цифирныя школы, хотя и состоявшія при духовныхъ учрежденіяхъ, архіерейскихъ домахъ, были выдѣлены изъ подчиненія Синоду: „печатному двору и школамъ славенскаго и греколатинскаго языковъ, что въ Москвѣ, и друкарнѣ, что въ С.-питербурхѣ, быть, кромѣ навигацкихъ школъ, въ вѣденіи Дух. Коллегіи“ (1). Ближайшее, мѣстное управленіе школами ввѣрено Регламентомъ мѣстнымъ архіереямъ. Изъ этого подчиненія архіереямъ не исключалась даже кіевская академія, испоконъ вѣка школа братская, управлявшаяся братскою корпораціею и несостоявшая въ епархіальномъ вѣдомствѣ. Въ іюлѣ 1721 г. св. Синодъ для управленія школами и типографіями устроилъ у себя особую контору, правителемъ которой назначилъ своего совѣтника архимандрита Гавріила Бужинскаго съ титуломъ школъ и типографій протектора. Въ указѣ ему по этому поводу о югозападныхъ школахъ особо прибавлено: „а кіевскія и черниговскія (училища), аще и надлежать должны до своихъ имъ архіереевъ, обаче егда имѣти имутъ нужду какую до св. Синода, писать имъ въ помянутую контору“ (2). Такимъ образомъ и эти школы притянуты были къ общему вѣдомству сословно-спеціальныхъ духовныхъ школъ. Указы впрочемъ мало дѣйствовали на измѣненіе ихъ вѣковаго общесословнаго характера почти до самаго конца XVIII вѣка, когда сословность духовенства утвердилась и въ Малороссіи. Вліяніе епархіальной власти на кіевскую академію было весьма слабо въ теченіе всего царствованія Петра; даже послѣ него встрѣчаемъ жалобу кіевскаго архіепископа Варлаама, что академія не хочетъ быть послушной и повольной его смиренію (3). Въ великорусскихъ епархіяхъ школы съ

(1) Собран. постановл. I, № 5.

(2) Тамже № 132.

(3) Описан. синод. архива, I, стр. 471.

самаго начала своего существованія вполнѣ подчинялись епархіальной власти, отъ которой зависѣло все ихъ существованіе.

Помѣщеніе школъ назначено при архіерейскихъ домахъ, и архіереи призваны къ попеченію о всѣхъ подробностяхъ школьной жизни. Обязанностью архіерея было пріискивать для своей школы учителей и всѣхъ вообще приставниковъ. На первый разъ рекомендовалось пріискать хотя по одному учителю „умному и честному, который бы дѣтей училъ не только чисто, ясно и точно по книгамъ честь, но училъ бы честь и разумѣть"; потомъ постепенно расширять преподаваніе въ школахъ до высшихъ наукъ. Матеріальное обезпеченіе школъ вполнѣ возложено на архіерейскіе дома съ отчетностію предъ св. Синодомъ. При учрежденіи Синода всѣ имѣнія духовныхъ учрежденій изъ свѣтскаго вѣдомства были, какъ извѣстно, снова возвращены для управленія въ вѣдомство духовное; самый монастырскій приказъ, управлявшій ими до этого времени подъ вѣдомствомъ Сената, былъ подчиненъ св. Синоду и сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ хозяйственнаго его отдѣленія. Послѣ этого содержаніе всѣхъ учрежденій, которыя съ 1701 года заводились и содержались на остатки штатныхъ окладовъ отъ монастырскаго приказа, въ томъ числѣ и содержаніе школъ, перешло отъ этого приказа въ вѣдомство духовныхъ властей, которыя теперь сами стали управлять своими имѣніями и собирать съ нихъ доходы.

Издержки на школы предположены весьма значительныя. „Дабы не было роптанія отъ родителей ученическихъ, сказано въ статьѣ объ обязанностяхъ епископскихъ, за великій онымъ копѣ на учителя, и на покупаніе книгъ, такожде и на пропитаніе сыновъ своихъ, далече отъ дому своего учащихся, подобаетъ, чтобы ученики и кормлены и учены были туне и на готовыхъ книгахъ епископскихъ". Въ статьѣ о домахъ училищныхъ положено кромѣ того заводить

при школахъ библіотеки, домовыя церкви, особыя больницы и аптеки для учениковъ. Но такъ какъ возложить всѣ эти расходы по школѣ на средства одного архіерейскаго дома было бы черезчуръ для него обременительно, то въ подмогу ему назначенъ хлѣбный сборъ со всѣхъ монастырскихъ и церковныхъ земель въ епархіи, — съ первыхъ двадцатой, а со вторыхъ тридцатой доли со всего приплоднаго хлѣба, получаемаго съ нихъ ежегодно. Въ видахъ контроля за правильностію этого сбора и въ предотвращеніе утаекъ со стороны церквей и монастырей по всѣмъ епархіямъ велѣно установить ежегодную подачу въ архіерейскіе приказы подробныхъ вѣдомостей о количествѣ хлѣбныхъ доходовъ какъ отъ церквей, такъ и отъ монастырей; послѣдніе кромѣ того обязывались ежегодно посылать свои приходорасходныя книги въ св. Синодъ. Съ количествомъ собраннаго на школу хлѣба предположено сообразовать и число учениковъ въ школѣ съ потребными служителями, насколько человѣкъ его можетъ достать въ теченіи года. „А учителей довольствовалъ бы епископъ кормомъ и денежною ругою изъ архіерейской казны... А чтобъ епископы не возроптали, будто имъ убыточно будетъ ружить учителя или учителей, указуется имъ, чтобъ лишнихъ служителей не держали, ненужныхъ строеній не дѣлали, такожъ священнаго себѣ одѣянія и своего платья надъ подобающую чести своей потребу не умножали“. Подобнаго же рода экономія въ пользу благосостоянія школъ рекомендовалась и монастырямъ. Въ статьѣ о домахъ училищныхъ находимъ важное дополненіе къ правилу о содержаніи учениковъ. Кромѣ содержащихся на счетъ архіерейскихъ домовъ, здѣсь еще допускаются во первыхъ ученики приходящіе, не живущіе въ школѣ и содержащіеся на своемъ коштѣ, а во вторыхъ, хотя и живущіе въ школѣ, но съ платою за свое содержаніе опредѣленной суммы. На основаніи этой статьи число всѣхъ учениковъ въ школѣ могло и не сообразоваться

съ количествомъ хлѣбнаго сбора, а болѣе или менѣе превышать его, смотря по тому, сколько могло найтись учениковъ способныхъ содержаться на свой собственный счетъ.

Послѣ опредѣленія внѣшней организаціи духовнаго образованія составителю Регламента предстояла важная и трудная задача — опредѣлить его учебный составъ, и такъ какъ духовныя школы предназначалось устроять съ общежитіями для учениковъ, то, кромѣ учебной части, предначертать для нихъ еще правила по части воспитательной и дисциплинарной. Предварительныхъ распоряженій въ этомъ родѣ до сихъ поръ еще не было, кромѣ развѣ слишкомъ общихъ указаній, сдѣланныхъ въ началѣ XVIII столѣтія м. Филоѳею при открытіи духовной школы въ Тобольскѣ; практика школъ архіерейскихъ тоже не успѣла еще выработать ничего опредѣленнаго въ требуемомъ профессіональномъ родѣ, до послѣдняго времени держась стараго заведеннаго порядка братскихъ школъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ выполнилъ эту задачу, представивъ въ Регламентѣ подробный проектъ образцоваго духовнаго училища, которое онъ назвалъ здѣсь академіею, въ связи съ семинаріумомъ. Подъ названіемъ академіи онъ разумѣлъ заведеніе собственно учебное, а подъ семинаріумомъ—воспитательное общежитіе для духовныхъ дѣтей, отданныхъ въ науку. Поэтому правила, начертанныя имъ для первой, обнимаютъ собою учебную, а правила семинаріума—воспитательную часть духовныхъ училищъ.

Главною цѣлію обученія въ духовныхъ школахъ поставлено, разумѣется, образованіе богословское, нужное „для добраго церкви поведенія“. Но Ѳеофанъ, вполнѣ раздѣляя современный ему взглядъ на образованіе съ профессіональной точки зрѣнія, все таки яснѣе, чѣмъ кто либо изъ его современниковъ сознавалъ весь вредъ односторонняго религіознаго образованія, не соединеннаго сколько нибудь съ изученіемъ такъ называемыхъ artium humanarum. Со стороны

этой религіозной односторонности русскихъ начетчиковъ божественныхъ писаній шло тогда главное противодѣйствіе Петровской реформѣ, а Θеофанъ, сдѣлавшись правою рукою реформатора царя, какъ разъ стоялъ въ самомъ средоточіи борьбы его съ этими противниками. Но съ другой стороны, восполнивъ религіозное образованіе включеніемъ въ курсъ духовныхъ школъ наукъ человѣческихъ, нужно было имѣть въ виду устраненіе изъ духовнаго образованія другаго рода односторонности, которою страдали югозападныя школы вслѣдствіе господства въ нихъ принесеннаго латинскою іезуитскою наукою схоластическаго направленія, съуживавшаго все гуманное образованіе въ одно изученіе формъ рѣчи и мысли, въ одну діалектику, безъ реальныхъ знаній, дающихъ формѣ содержаніе. Типъ этихъ школьныхъ ученыхъ былъ также хорошо извѣстенъ Прокоповичу, какъ и типъ начетчиковъ, и возбуждалъ въ немъ одинаковое отвращеніе. Столкновенія его съ этими школярами начались еще съ первыхъ дней его службы при кіевской академіи, когда онъ только лишь явился туда молодымъ профессоромъ новаторомъ и началъ въ своей аудиторіи бить безпощадной сатирой всѣ старыя іезуитско-схоластическія замашки въ кіевской наукѣ, и потомъ преслѣдовали его во все время его жизни, не смотря на всѣ подчасъ слишкомъ тяжелые удары, какіе онъ такъ хорошо умѣлъ наносить своимъ врагамъ. Не мудрено, что онъ не утерпѣлъ, чтобы не задѣть этихъ школяровъ и въ Регламентѣ. „Обычно вопрошаютъ мнози: въ которыхъ школахъ былъ онъ сица? И когда услышатъ, что былъ онъ въ реторикѣ, въ философіи и въ богословіи, за едины тыя имена высоко ставятъ человѣка, въ чемъ часто погрѣшаютъ“. Училища вездѣ, во всей Европѣ, стали улучшаться съ 1400-хъ годовъ и съ тѣхъ поръ выставили дѣйствительно многихъ искуснѣйшихъ ученыхъ, а до этого времени вездѣ царило темное невѣжество, такъ что у самыхъ лучшихъ авторовъ видимъ лишь остро-

уміе великое, а свѣта не видимъ. Но и теперь „многія училища въ прежней тинѣ остались, такъ что у оныхъ реторики и философіи и прочихъ ученій имена точію суть, а дѣло не тое... Таковаго, тако рещи, привидѣннаго и мечтательнаго ученія вкусивши человѣцы глупѣйшіи бываютъ отъ неученыхъ: ибо весьма темни суще, мнятъ себя быти совершенны, и помышляя, что все, что либо знать мощно, познали, не хотятъ, но ниже думаютъ честь книги и больше учитися". Богословствуя, они постоянно впадаютъ въ ереси, а мнѣнія своего, разъ высказаннаго, перемѣнить не хотятъ, чтобы не показаться чего нибудь не знающими. Они „вредны суть и дружеству, и отечеству, и церкви; предъ властьми надъ мѣру смиряются, но лукаво, чтобъ такъ украсть милость ихъ и пролезть на степень честный; равнаго чина людей ненавидятъ, и если кто во ученіи похваляемъ есть, того всячески тщатся предъ народомъ и у властей обнести и охулити; къ бунтамъ склонны, воспріемля надежды высокія". „Сіе предложить судилось за благо, объясняетъ авторъ, что если царское величество похощетъ основать академію, разсуждало бы Духовное Коллегіумъ, каковыхъ испервa учителей опредѣлить и каковый ученія образъ указать онымъ, дабы не вотще пошло государское иждивеніе, и вмѣсто чаянной пользы, не была бы тщета, смѣха достойная".

Съ своей стороны составитель академическаго курса почелъ нужнымъ ввести въ него раньше спеціально-духовнаго образованія приготовительный курсъ образованія общаго, состоящаго, кромѣ реторики и философіи,—наукъ, всегда считавшихся необходимыми преимущественно для духовнаго образованія и потому даже не вводившихся въ свѣтскія школы,—изъ изученія языковъ, математики, географіи и исторіи. Этимъ путемъ онъ надѣялся устранить изъ духовныхъ школъ и религіозную исключительность, и схоластическую односторонность, сбить съ школяровъ ихъ пустое самомнѣніе, внушить имъ ученое смиреніе и любознатель-

ность, чтобы они „никогда сытости не имѣли въ познаніи своемъ, хотя бы и Маѳусалевъ вѣкъ прожили“. Такой разносторонній составъ курса какъ разъ соотвѣтствовалъ и нуждамъ времени, которыя, за недостаткомъ образованныхъ людей, требовали, чтобы каждый образованный человѣкъ занимался вразъ нѣсколькими дѣлами, иногда совсѣмъ разнородными, и старался усвоивать себѣ по возможности нѣсколько спеціальностей, лучшій примѣръ чего представлялъ самъ Петръ и большая часть окружавшихъ его сотрудниковъ. Въ самомъ же Регламентѣ видимъ нѣсколько указаній на то, что правительство, вводя духовное образованіе, попрежнему думало въ случаѣ надобности пользоваться учениками духовныхъ школъ для своей собственной службы на разныхъ поприщахъ.

Но какъ скоро составителю Регламента пришлось распредѣлять указанный курсъ въ подробностяхъ, такъ и оказалось нужнымъ наблюдать экономію времени, а для этого общимъ образованіемъ пожертвовать въ пользу спеціальнаго. Курсъ всего ученія назначенъ въ 8 лѣтъ. Изъ него на богословіе, какъ главную науку въ духовномъ образованіи, отчислено два года, „ибо хотя и всякое ученіе пространное есть, сказано въ поясненіе, обаче въ школахъ (т. е. духовныхъ) сокращенно толковать надобѣ и главнѣйшія только части; послѣ самъ долгимъ чтеніемъ и практикою совершится, кто тамъ доброе руководство получитъ“. Богословіе положено преподавать въ послѣдніе годы, чтобы имъ завѣнчать весь курсъ. Изъ остальныхъ, гуманныхъ наукъ болѣе всего, по году времени, назначено на тѣ, которыя считались наиболѣе свойственными духовному обученію: 1) на логику или діалектику, 2) риторику съ піитикой, 3) физику съ метафизикой, составлявшую существенную часть тогдашнихъ философскихъ системъ, 4) политику краткую Пуффендорфову (въ замѣнъ ифики), впрочемъ „аще она потребна судится быть, или присовокупить ее къ діалектикѣ“, наконецъ 5) на ариѳметику съ гео-

метріей,—это уже вѣроятно вслѣдствіе особой любви къ этимъ наукамъ царя и съ цѣлію сдѣлать для духовныхъ дѣтей ненужнымъ обученіе въ цифирныхъ школахъ, куда ихъ насильно тянули. Меньше всего посчасливилось наиболѣе важнымъ наукамъ въ общемъ курсѣ—исторіи и географіи; ихъ велѣно преподавать одинъ годъ и притомъ совмѣстно съ изученіемъ грамматики или языковъ: такъ какъ де при изученіи грамматики требуются непремѣнно переводныя экзерциціи, то учитель пусть и дѣлаетъ съ учениками экзерциціи эти надъ географіей и исторіей, при чемъ годъ, назначенный для изученія грамматики, такъ и раздѣлить на два полугодія, — въ первое проходить ее съ географіей, а во второе—съ исторіей. „И се вельми полезно, хвалитъ Регламентъ свою оригинальную выдумку, ибо ученицы великое ко ученію возымѣютъ доброхотство, когда невеселое языка ученіе толь веселымъ міра и мимошедшихъ въ мірѣ дѣлъ познаніемъ растворено имъ будетъ, и скоро отъ нихъ грубость пропадетъ, и еще при брегѣ училищномъ немало драгихъ товаровъ обрящутъ". Относительно изученія языковъ нельзя не замѣтить, что во всѣхъ статьяхъ, гдѣ упоминается объ этомъ предметѣ, вездѣ говорится лишь о языкѣ латинскомъ, который сталъ получать теперь исключительное господство въ духовныхъ школахъ; говорится напр. о томъ, какъ испытывать въ знаніи этого языка кандидата на учительство, какого автора латинскаго избрать для перевода при изученіи исторіи (историка Юстина) и т. п. О языкахъ греческомъ и еврейскомъ сказано только кратко, что и они, „если будутъ учители, между иными ученіи урочное себѣ время пріимутъ".

О преподаваніи богословія Регламентъ распространился довольно подробно. Ѳеофанъ, какъ извѣстно, былъ реформаторомъ русской богословской науки, первый сдѣлалъ попытку эмансипировать ее отъ рабскаго подражанія разнымъ католическимъ summa'мъ theologiae, изъ которыхъ она почерпала и свой схоласти-

ческій методъ, и аргументацію, и нерѣдко самыя богословскія понятія, и по слѣдамъ протестантскихъ ученыхъ, но въ духѣ православія, старался сблизить ее съ самими первоисточниками богословскихъ истинъ. Свои любимыя мысли объ этомъ онъ постарался провести и въ Регламентѣ, рекомендуя учителю богословія читать самому и полагать въ основаніе своихъ лекцій ученикамъ св. писаніе и творенія св. отцевъ, перечисляя поименно и самихъ отцевъ, кто изъ нихъ какой догматъ преимущественно изъяснялъ по вызову современныхъ ему нуждъ церкви, и предостерегая отъ ненадежнаго руководства всякихъ иновѣрныхъ учителей: „многажды бо лгутъ господа оные, и чего не бывало приводятъ, многажды же слово истинное развращаютъ... Долженъ убо учитель богословскій не по чужимъ сказкамъ, но по своему вѣденію учить, и иногда избравъ собственное время, показать въ книгахъ и ученикамъ своимъ, чтобъ и они извѣстны сами были, а не сумнились бы, правду ли говоритъ или лжетъ учитель ихъ".

Кромѣ изученія богословія, согласно спеціальному назначенію духовныхъ школъ, въ курсѣ ихъ обращено также особенное вниманіе на изученіе ихъ воспитанниками проповѣдническаго искусства, которое Петръ, какъ извѣстно, цѣнилъ весьма высоко въ качествѣ сильнаго средства дѣйствовать на массу народа и проводить въ ея среду новыя идеи. Послѣ статей о школахъ въ Регламентѣ помѣщенъ особый отдѣлъ о проповѣдникахъ, излагающій регулы, которымъ они должны слѣдовать. Право проповѣдывать Слово Божіе могутъ получать лишь люди ученые и свидѣтельствованные отъ Д. Коллегіума. По содержанію проповѣдь должна быть прямо приноровлена къ удовлетворенію тогдашнихъ потребностей.—къ наученію народа христіанскимъ обязанностямъ всякаго чина, преимущественно обязанности повиновенія властямъ, паче же самой высочайшей власти царской, и къ искорененію всякаго рода суевѣрій. Къ этому прибавлено

нѣсколько пунктовъ гомилетическаго содержанія, — чтобы проповѣдникъ избѣгалъ на каѳедрѣ личностей, не мстилъ кому нибудь въ своей рѣчи („таковые проповѣдники самые бездѣльники суть"), не говорилъ съ заносчивостію, не хвалился послѣ проповѣди своимъ искусствомъ, а также не порицалъ себя, вызывая другихъ на комплиментъ, подражалъ бы въ манерѣ Златоусту, а „казнодѣйшковъ легкомысленныхъ, каковые наипаче польскіе бываютъ, не челъ бы", при произношеніи избѣгалъ бы неумѣстныхъ тѣлодвиженій, не „шатался вельми, будто въ суднѣ весломъ гребетъ, руками не спляскивалъ, въ боки не упирался, не подскакивалъ, не смѣялся, да и не рыдалъ" [1].

Послѣ правилъ касательно ученія Регламентъ излагаетъ правила касательно воспитанія духовныхъ школьниковъ въ опредѣленныхъ къ открытію школьныхъ общежитіяхъ. „Но что паче всего, и почитай едино есть потребно и полезно: быть при академіи, или въ началѣ и безъ академіи, семинаріумъ для ученія и воспитанія дѣтей, какіе вымышлено не мало во иноземныхъ странахъ". Эти педагогическія правила всѣ основаны на той мысли, что для воспитанія дѣтей на новыхъ началахъ, для образованія новаго поколѣнія пастырей церкви въ духѣ реформы, нужно совершенно оторвать воспитанниковъ отъ современнаго общества, находящагося въ неудовлетворительномъ состояніи, даже отъ ихъ родныхъ семей, отстранить такимъ образомъ отъ нихъ всякія неподходящія къ цѣли воспитанія постороннія вліянія и поставить ихъ въ отрѣшенную отъ дѣйствительности, искуственно созданную обстановку такъ называемаго закрытаго заведенія. Закрытыя заведенія признавались тогда

---

[1] Ѳеофанъ Прокоповичъ не утерпѣлъ, чтобы не задѣть Стефана Яворскаго даже въ такомъ законодательномъ актѣ, какъ Регламентъ, и начертилъ здѣсь его портретъ, по сознанію современниковъ довольно сходный съ оригиналомъ. См. извлеченіе изъ Молотка на Камень вѣры у *Чистовича* стр. 390—391.

лучшими воспитательными орудіями и въ западной Европѣ. Въ Ѳеикѣ—іерополитикѣ, составленной въ 1712 году въ Кіевѣ „къ наставленію и пользѣ юнымъ“ и издававшейся потомъ два раза въ Петербургѣ (1718 и 1724 гг.), говорится, что при домашнемъ воспитаніи ребенокъ легко можетъ испортиться, что поэтому и въ Персіи, и въ Лацедемоніи, въ Аѳинѣхъ и Критѣ, а потомъ и во всемъ западѣ многимъ иждивеніемъ созидали вездѣ закрытыя училища и что польза ихъ несомнѣнна и очевидна: „аще и тигръ нравомъ будетъ (т. е. ребенокъ), агнчую тамо воспріиметъ кротость на ся,... аще самолюбіемъ, или гордостію, или напыщеніемъ, или высокимъ о себѣ мнѣніемъ, или иною какою безмѣрною страстію поврежденъ есть, въ толицѣмъ собраніи не трудно обрящетъ врачество болѣзнѣмъ симъ; смирится бо, тишайшій будетъ и не велико о себѣ мудрствовати начнетъ“.

Для помѣщенія семинаристовъ рекомендуется построить „домъ образомъ монастыря“, гдѣ и жить имъ безысходно, бѣднымъ на даровомъ казенномъ содержаніи, болѣе состоятельнымъ съ опредѣленной платой за кормъ и одѣяніе. Нѣкоторымъ ученикамъ позволяется по желанію жить и внѣ стѣнъ семинарской бурсы, — для нихъ предположено построить дома съ общими квартирами, но эти общія квартиры должны были устроиваться по образцу той же бурсы. Учениковъ велѣно принимать въ семинарію отъ 10 до 15 лѣтъ, въ такомъ возрастѣ, когда педагогическія мѣры могутъ еще имѣть силу, „а выше того развѣ за прошеніемъ честныхъ лицъ, свидѣтельствующихъ, что отрокъ и въ домѣ родительскомъ жилъ въ страсѣ и добромъ насмотрѣніи“. Съ этого времени связь его съ міромъ совершенно прекращалась; его не велѣно отпускать изъ семинаріи, куда бы то ни было, даже къ роднымъ, „пока не обыкнетъ, пребывая въ семинаріумѣ, и не ощутитъ знатной пользы таковаго воспитанія“. Черезъ три года по вступленіи въ въ бурсу ему разрѣшалось повидаться съ родственни-

ками, но не болѣе какъ два раза въ годъ, и для этого отлучаться изъ семинаріи срокомъ не больше недѣли. Инспекція чрезъ довѣренное лице должна была слѣдить за его поведеніемъ и въ отлучкѣ, а по возвращеніи въ семинарію его велѣно испытывать, не явилось ли въ немъ „нѣкоей прежнихъ нравовъ охоты и измѣны". Если родственники сами явятся посѣтить семинариста, принимать ихъ въ саду, въ трапезѣ или иной какой общей избѣ, а свиданіе съ ними семинариста устроивать въ присутствіи ректора или кого нибудь изъ начальниковъ.

Во главѣ заведенія поставленъ ректоръ изъ ученыхъ людей, монахъ или свѣтскій; это „дому всего управитель, верховная власть, всѣхъ всякимъ по разсужденію наказаніемъ наказывать можетъ"; онъ наблюдаетъ за всѣмъ, за поведеніемъ и ученіемъ воспитанниковъ, за преподаваніемъ и усердіемъ къ дѣлу учителей. Для надзора за послѣдними онъ обязанъ въ теченіи недѣли обойти всѣ классы и въ каждомъ прослушать чтеніе наставника по крайней мѣрѣ съ полчаса; объ учителяхъ неисправныхъ и непреклонныхъ его наставленію долженъ доносить высшему начальству, которое и приметъ противъ такихъ свои мѣры. Ученики вѣряются въ его полную власть; только исключать ихъ онъ обязывается не иначе, какъ съ вѣдома Д. Коллегіи. Для легчайшаго надзора за всѣмъ, что дѣлается въ заведеніи, ректору признано полезнымъ имѣть особыхъ фискаловъ.—Помощникомъ ректора въ исполненіи его обязанностей назначенъ префектъ, тоже изъ ученыхъ. Въ бурсѣ положено еще опредѣлить двоихъ ученыхъ же экзаменаторовъ, „сіесть розыщиковъ ученія, какъ кто учится, лѣниво или прилежно". Въ каждой комнатѣ бурсы должны быть опредѣлены надзиратели или префекты, которые могутъ быть и изъ неученыхъ людей, только были бы честнаго житія, не пьяницы, „не вельми свирѣпые и не мелянхолики", лѣтами отъ 30 до 50. Дѣло комнатнаго префекта смотрѣть, чтобы между семинаристами

не было ссоръ, драки, сквернословія, и чтобы всякій изъ нихъ занимался своимъ дѣломъ; безъ его „благословенія“ семинаристъ не долженъ отлучаться даже изъ комнаты; провинившихся въ чемъ нибудь онъ имѣетъ право наказывать,—„малыхъ розгою, а среднихъ и большихъ словомъ угрозительнымъ“, а въ случаѣ недѣйствительности этихъ мѣръ долженъ доносить о непослушныхъ ректору.

Жизнь семинаристовъ, подъ постояннымъ надзоромъ перечисленныхъ приставниковъ, подчинена самой строгой дисциплинѣ, которая въ то время постоянно призывалась замѣнять собою воспитаніе. Вся бурса, какъ назывались семинарскія общежитія, подѣлена на избы или комнаты, въ которыхъ положено помѣщать по 8—9 учениковъ по возрастамъ, большихъ, среднихъ и малыхъ отдѣльно однихъ отъ другихъ; и всякому мѣсто опредѣлить при стѣнѣ, гдѣ бы стояла его кровать, шкафъ для книгъ, стулъ и другія вещи. Порядокъ всѣхъ дневныхъ занятій, а также отдыха опредѣленъ по часамъ: „когда спать ложиться, когда вставать, молиться, учиться, итить за трапезу, гулять и проч.; и вси бы оные часы колокольцемъ означать, и вси бы семинаристы, какъ солдаты на барабанный бой, такъ на колокольцевъ голосъ, принимались за дѣло, какое на часъ уреченный назначено“.

„Таковое младыхъ человѣкъ житіе, сознается самъ составитель Регламента, кажется быти стужительное и заключенію плѣнническому подобное; но кто обыкнетъ такъ жить, хотя чрезъ единъ годъ, тому весьма сладко будетъ“, тѣмъ болѣе, что принимать въ семинарію велѣно было въ раннемъ возрастѣ, когда привычку къ соблюденію дисциплинарныхъ правилъ можно вкоренять съ большею легкостію и успѣхомъ. Все-таки далѣе признано нужнымъ опредѣлить нѣкоторыя регулы и къ врачеванію скуки молодыхъ людей, запертыхъ въ бурсѣ; для этого назначено развлекать ихъ прогулками и разными увеселеніями, которыя

впрочемъ подъ перомъ составителя устава получаютъ тоже какой-то оффиціальный и обязательный характеръ. „На всякъ день два часа опредѣлить на гулянье семинаристомъ, а именно по обѣдѣ и по вечери, и тогда бъ не вольно нѣкому учитися и ниже книжки въ рукахъ имѣть. А гулянье было бы со играми честными и тѣлодвижными,... ибо сіе и здравію полезно есть и скуку отгоняетъ. А еще лучше таковыя избрать, которыя съ потѣхою подаютъ нѣкое полезное наставленіе, такое наприм. есть водное на регулярныхъ судахъ плаваніе, геометрическіе размѣры, строеніе регулярныхъ крѣпостей и прочая", т. е. что, какъ извѣстно, составляло господствующую страсть самого царя. Кромѣ того для той же цѣли назначены увеселительныя поѣздки семинаристовъ въ лѣтнее время за городъ, составлявшія такъ называемыя рекреаціи, и по большимъ праздникамъ за трапезой „гласъ мусикійскихъ инструментовъ", на которыхъ дозволено учиться и семинаристамъ. Предположено также увеселять семинаристовъ чтеніемъ за ихъ трапезой „ово исторій воинскихъ, ово церковныхъ" и „повѣстей о мужахъ въ ученіи просіявшихъ, о церковныхъ великихъ учителѣхъ, о древнихъ и нынѣшнихъ философахъ, астрономахъ, риторахъ, историкахъ и проч.; ибо таковыхъ повѣстей слышаніе и сладко есть, и къ подражанію мудрыхъ оныхъ людей поощряетъ", да еще разными акціями, какія водились еще въ кіевской академіи, диспутами, комедіями и риторскими экзерциціями", которыя „веселую перемѣшку дѣлаютъ" и кромѣ того „зѣло полезны къ наставленію и къ резолюціи, си есть честной смѣлости, каковыя требуетъ проповѣдь слова Божія и дѣло посольское". Наконецъ „могутъ уставлены быть и нѣкія почести добрѣ и тщательно учащимся".

Пересматривая всѣ эти правила, нельзя не замѣтить, что, какъ ни трудна была задача, взятая на себя Ѳеофаномъ, какъ по существу своему, такъ и по новости, онъ выполнилъ ее болѣе, чѣмъ удовлетвори-

тельно для своего времени. Послѣдующая практика духовныхъ школъ долгое время стояла далеко ниже его указаній, изложенныхъ въ Регламентѣ. Крайнее развитіе въ нихъ профессіональнаго характера, какъ увидимъ послѣ, не допускало приложенія и тѣхъ немногихъ требованій касательно общаго образованія, какія выработалъ Регламентъ, а въ воспитательной части устраняло и тѣ слабые проблески педагогическаго взгляда на дѣло, какіе мелькали у Прокоповича, предоставивъ полное господство одной суровой дисциплинѣ и чисто юридическому взгляду на духовныхъ воспитанниковъ. Ѳеофанъ впрочемъ самъ не могъ выдержать высказанныхъ имъ взглядовъ на образованіе духовныхъ школъ и, заведя въ Петербургѣ собственную школу, не рѣшился показать въ ней практическій примѣръ соединенія общаго образованія съ спеціальнымъ, а далъ ей значеніе просто общеобразовательнаго заведенія, которое устроить было легче.

Обращаясь къ практическому приложенію правилъ Регламента, мы прежде всего встрѣчаемся съ тѣми препятствіями, которыя извѣстныя уже намъ нужды времени на первыхъ же шагахъ ставляли развитію самой существенной стороны новаго духовнаго образованія. Не смотря на совершенно ясно высказанную мысль о назначеніи духовныхъ школъ въ пользу собственно церковной службы, самъ же Регламентъ постоянно сбивается въ своихъ правилахъ относительно ихъ практической пользы на другую противуположную точку зрѣнія и выражаетъ ясное намѣреніе правительства привлекать духовныхъ воспитанниковъ и на разные роды свѣтской службы. Такъ напр., желая ученіе въ духовныхъ школахъ сдѣлать привлекательнымъ для юношества, онъ объявляетъ: „всѣмъ повсюду извѣстно буди, что гдѣ будетъ человѣкъ ученый въ академіи и отъ академіи свидѣтельствованный, того на степень духовной или гражданской чести не можетъ упредить неученый, съ вели-

кимъ штрафомъ на власти оныя, которыя бы инако сдѣлали". Далѣе о всѣхъ кончившихъ курсъ ученикахъ велѣно доносить Духовной Коллегіи со свидѣтельствомъ искусства ихъ, а Дух. Коллегія въ свою очередь обязывается, очевидно для выбора годныхъ въ гражданскую службу, презентовать ихъ его царскому величеству. Сами семинаристы при переходѣ въ высшіе классы, по распоряженію Регламента, должны были давать присягу въ вѣрности государю и готовности ко всякой службѣ, „до которой угоденъ есть и позванъ будетъ указомъ государевымъ". Требованія времени отразились, какъ мы видѣли, на опредѣленіи самаго курса духовныхъ школъ и даже рекреаціонныхъ ученическихъ игръ. Не смотря на все это, принципъ спеціальности и сословнаго значенія духовныхъ школъ оказался достаточно сильнымъ на первыхъ же порахъ и успѣшно сталъ развиваться на практикѣ при самомъ же Петрѣ. Какъ бы ни желательно было правительству извлечь изъ дух. школъ побольше выгодъ для своей собственной службы, спеціальное назначеніе ихъ воспитывать людей для службы церковной должно было необходимо стоять на первомъ планѣ уже по одному тому, что это были школы архіерейскія, церковныя, и содержались исключительно на церковныя же средства, на сборы съ духовенства, безъ помощи со стороны правительства. Церковному вѣдомству очевидно было невыгодно употреблять эти средства на образованіе постороннихъ людей и на „иныя" службы, не выгодно ему было также выпускать на такія иныя службы и своихъ питомцевъ, составлявшихъ его лучшія и, по малочисленности своей, чрезвычайно нужныя силы.

Св. Синодъ съ самаго же начала своего существованія прямо высказался въ пользу спеціальной и сословной постановки духовнаго образованія. Первый поводъ къ этому подалъ извѣстный уже намъ вопросъ о вызовѣ дѣтей духовенства въ цифирныя школы. Въ началѣ іюня 1721 г. адмиралтейская коллегія въ

своемъ доношеніи св. Синоду изъяснила, что въ цифирныя школы учениковъ доселѣ въ присылкѣ находится малое число и что пусть бы св. Синодъ распорядился объ отсылкѣ годныхъ къ ариѳметическому ученію дѣтей по своему вѣдомству, ни мало не медля, чтобы опредѣленные уже въ губерніяхъ и провинціяхъ учители, за неприсылкою оныхъ дѣтей, безъ дѣла не были и даромъ жалованья не брали. По поводу этого доношенія св. Синодъ опредѣлилъ высылать въ цифирныя школы только такихъ дѣтей своего вѣдомства, которыя не обучаются въ духовныхъ школахъ и не потребуются къ поступленію въ семинарію, а другихъ, которыя потребны для самой церкви, для ея собственныхъ школъ, не высылать. Въ ноябрѣ тогоже года онъ почелъ нужнымъ сдѣлать государю особый докладъ, въ которомъ просилъ освободить отъ посылки въ ариѳметическія школы всѣхъ вообще священно-церковно-служительскихъ дѣтей, и получилъ на то утвердительную резолюцію (1). Дѣло впрочемъ этимъ не кончилось, потому что безъ духовныхъ дѣтей ариѳметическія школы почти совсѣмъ опустѣли, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они еще не успѣли открыться, стало вовсе невозможно и заводить ихъ. Такъ напр. одинъ энергичный воевода въ Вяткѣ Чаадаевъ какъ разъ въ 1721 году вздумалъ возревновать объ открытіи цифирной школы и началъ о томъ переписку съ архіерейскимъ приказомъ, но обученіе духовныхъ дѣтей въ свѣтской цифирной школѣ оказалось и здѣсь непріятнымъ для духовенства, какъ вездѣ; дѣтей въ школу не высылали, не смотря на то, что требованіе Чаадаева повторено было три раза. Воевода наконецъ рѣшился устроить школу собственными средствами при провинціальной канцеляріи, помимо епархіальной власти, для чего и разослалъ по уѣзду собственныхъ провинціальныхъ солдатъ и приставовъ съ поручені-

(1) Собр. постан. по вѣд. прав. испов. I. № 100 и 285, п. 10. Опис. Синод арх. I, 338.

емъ забирать всѣхъ годныхъ для школы и доставлять ихъ въ Вятку. Но къ этому времени успѣлъ уже выйти указъ св. Синода о непосылкѣ духовныхъ дѣтей въ свѣтскія школы, и дѣло объ открытіи вятской школы остановилось (1). Мѣстныя власти, завѣдывавшія цифирными школами, и учители ариѳметики, проживавшіе по губерніямъ безъ дѣла, забезпокоились и обратились въ 1722 г. съ жалобами на духовное вѣдомство въ адмиралтейскую коллегію и канцелярію академіи наукъ. Московская губернская канцелярія доносила, что въ Москвѣ открыта цифирная школа на нижегородскомъ подворьѣ, но духовенство дѣтей своихъ, по многимъ посылкамъ, въ нее не ведетъ. Изъ Коломны комиссаръ Новиковъ писалъ, что коломенскій митрополитъ Іоанникій высылать духовныхъ дѣтей въ школу безъ послушнаго синодальнаго указа прямо запретилъ, а такого послушнаго указа изъ Синода доселѣ не прислано. Изъ Новгорода писалъ учитель Залуцкій, что прежде школа ему была отведена при архіерейскомъ домѣ, были въ ней и ученики изъ духовнаго вѣдомства, а нынѣ по приказу преосвящ. Ѳеодосія „въ тое школу его учить учениковъ не пускаютъ и учитъ де онъ на квартирѣ своей съ великою нуждою, также де и учениковъ изъ духовнаго вѣдомства къ нему не опредѣляютъ, а которые де и опредѣлены были во ученіе, многіе безъ отпусковъ отлучились“. Калужскій учитель Губинъ и рязанскій Павловъ донесли, что мѣстныя епархіальныя власти безъ послушнаго указа Синода ни учениковъ къ нимъ не посылаютъ, ни даже мѣстъ для школъ не отводятъ. Академическая канцелярія представила обо всѣхъ этихъ доношеніяхъ св. Синоду, прося его сдѣлать надлежащее опредѣленіе. Выслушавъ ея бумагу, св. Синодъ повторилъ о духовныхъ дѣтяхъ прежніе указы 1721 г. и кромѣ того рѣши-

(1) Ист. вятской семин. въ Вятск. епарх. вѣдом. 1868 г. № 1, стр. 6—8.

тельно отказалъ канцеляріи въ отводѣ для цифирныхъ школъ мѣстъ при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, потому что, писалъ онъ, хотя указы о такомъ отводѣ и дѣйствительно были прежде изданы, но это было еще до изданія Д. Регламента, а теперь при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ положено заводить духовныя школы, поэтому цифирные учители пусть и обращаются съ своими просьбами о мѣстахъ для школъ къ свѣтскимъ командирамъ, а не къ духовнымъ (1). Требованія и даже насильственные наборы духовныхъ дѣтей въ цифирныя школы въ разныхъ мѣстахъ долго не прекращались и послѣ этихъ рѣшительныхъ распоряженій Синода, такъ что приведенные указы Синоду пришлось повторить еще нѣсколько разъ (2); онъ все-таки достигъ своей цѣли и успѣшно отстоялъ свой принципъ, что духовныя дѣти не должны быть требуемы въ свѣтскія школы.

Но едва только покончился этотъ вопросъ, какъ изъ него возникъ другой, не менѣе опасный для интересовъ духовнаго вѣдомства. Цифирныя школы стали совсѣмъ пустѣть; изъ губерній и провинцій писали, что „въ тѣхъ школахъ сначала въ присылкѣ было учениковъ по 722 годъ 1389, изъ того числа выучено 93 человѣка (только), а затѣмъ остальные едва не всѣ синодальной команды бѣжали“, т. е. вѣроятно уволились отъ цифирнаго ученья, воспользовавшись приведенными указами Синода (3); учителей изъ Москвы и Петербурга было отправлено въ губерніи 47 человѣкъ, изъ нихъ 18 воротились назадъ за неимѣніемъ учениковъ (4). Въ ученіи цифирномъ обязательно оста-

---

(1) Собр. постан. по вѣд. прав. испов. т. II, № 624.

(2) Также № 648, 850, 890, 900. Сравн. Опис. синод. арх. I, стр. 337—338, 714—715, 656—657.

(3) П. С. З. VII. № 4975.

(4) *Пекарскій.* Наука и литт. при Петрѣ, т. I, 126 Также см. вчастности о цифирной школѣ въ Рязани: изъ 96 учениковъ, учившихся въ ней, въ 1722 г. ушло изъ нея «самовольно» 59 человѣкъ. Стр. 117.

вались лишь дѣти приказнаго чина и монастырскихъ слугъ, такъ что цифирныя школы оказывалось не изъ-за чего и содержать. Между тѣмъ св. Синодъ въ своихъ вѣденіяхъ и указахъ по вопросу о посылкѣ въ нихъ дѣтей духовенства заявлялъ, что особое цифирное обученіе для его вѣдомства не нужно, что въ школахъ при архіерейскихъ домахъ между другими предметами будетъ преподаваться также и цифирное обученіе, такъ что воспитанники ихъ въ одно и тоже время удовлетворятъ и требованію указовъ 1714—1716 гг. о цифирной наукѣ, и требованію Д. Регламента относительно свойственнаго ихъ происхожденію духовнаго образованія. Послѣ этого у правительства естественно возникала мысль: оставлять ли цифирныя школы въ самостоятельномъ видѣ на казенномъ содержаніи или для сокращенія издержекъ присоединить ихъ къ школамъ архіерейскимъ? Въ маѣ 1723 г., присутствуя въ адмиралтейской коллегіи, государь на докладъ коллегіи о школахъ поставилъ именно этотъ самый вопросъ и указалъ заняться обсужденіемъ его Сенату. Св. Синодъ едва ли ожидалъ такого оборота дѣла; духовныя школы, о сословномъ значеніи которыхъ онъ такъ много заботился, въ случаѣ присоединенія къ нимъ ариѳметическихъ школъ, кромѣ воспитанія духовныхъ дѣтей въ надежду священства, очевидно должны были принять на себя еще нелегкую повинность обучать ариѳметикѣ разныхъ юношей посторонниихъ вѣдомствъ и для цѣлей вовсе не церковныхъ. Конференція его съ сенатомъ по этому предмету состоялась уже въ половинѣ сентября тогоже года. Сенатъ прямо потребовалъ присоединенія цифирныхъ школъ вмѣстѣ съ учителями къ архіерейскимъ. Св. Синодъ сталъ уклоняться отъ этого рѣшенія и возразилъ, что этого сдѣлать нельзя, потому что архіерейскія школы еще нигдѣ и не открыты, кромѣ Новгорода. Можно замѣтить здѣсь кстати, что прежде при рѣшеніи вопроса о посылкѣ въ цифирныя школы дѣтей духовенства онъ этого не говорилъ, а

упиралъ исключительно на то, что школы при архіерейскихъ домахъ непремѣнно будутъ открыты по требованію Д. Регламента. Сенатъ отвѣчалъ, что требуемое соединеніе школъ можно пока и ограничить однимъ Новгородомъ. Синоду, разумѣется, пришлось на это согласиться, но онъ все-таки успѣлъ выговорить два весьма выгодныя условія, чтобы новогородская цифирная школа и учители ея поступили подъ общую съ архіерейской школой дирекцію епархіальную, а расходы на нее и на жалованье учителямъ покрывались не изъ церковныхъ суммъ, а на счетъ прежняго источника, т. е. губернскихъ доходовъ (1). Общій вопросъ такимъ образомъ сведенъ былъ пока къ частному рѣшенію и притомъ далеко не въ томъ смыслѣ, какой первоначально имѣло правительство; но и въ этомъ видѣ рѣшеніе конференціи 1723 года не приводилось въ исполненіе во все время царствованія Петра (2). Послѣ него при Екатеринѣ I въ октябрѣ 1726 г., вслѣдствіе новыхъ представленій о цифирныхъ школахъ изъ адмиралтейской коллегіи, вышелъ именной указъ уже объ общемъ ихъ сліяніи съ архіерейскими школами; побужденіемъ къ этому распоряженію выставлено то, что въ нихъ было попрежнему очень мало учениковъ, что при означенномъ сліяніи они не потребуютъ лишнихъ издержекъ, что наконецъ и учатся въ нихъ доселѣ все больше дѣти духовнаго вѣдомства. На этотъ разъ школы эти должны были поступить на общее содержаніе съ архіерейскими и въ полное вѣдѣніе св. Синода (3). Но и этотъ указъ тоже остался безъ исполненія; Синодъ не принялъ ихъ въ свое вѣдомство, какъ до духовнаго правительства не подлежащія. Судьба назначила

---

(1) Собр. постан. по вѣд. прав. испов. IV, № 1262.

(2) Новгор. епарх. школы. Христ. Чт. 1877 г. т. I, 358 въ примѣчаніи.

(3) П. С. З. VII, № 4975

имъ сліяніе не съ духовными школами, а съ гарнизонными, каковое и послѣдовало въ 1744 году уже при импер. Елизаветѣ (по указу 26 октября).

Посылка для образованія въ духовныя школы разныхъ людей свѣтскаго вѣдомства, въ родѣ дворянскихъ недорослей, дьяковскихъ и подъяческихъ дѣтей, посадскихъ и др., при Петрѣ практиковалась въ довольно широкихъ размѣрахъ, такъ что наприм. въ петербургской семинаріи такихъ свѣтскихъ учениковъ было даже больше, чѣмъ духовныхъ. Но какъ ни очевидно доказывали законы Петра его любимую мысль, что для излишка огромныхъ церковныхъ доходовъ самое лучшее употребленіе будетъ, если на счетъ ихъ заводить школы для образованія народа и хорошихъ слугъ для государства, сословный и финансовый интересы оказались сильнѣе всякихъ доказательствъ. Св. Синодъ въ своихъ указахъ постоянно настаивалъ на той мысли, что духовныя школы назначены для образованія духовныхъ дѣтей въ надежду лучшаго священства. Въ первый же годъ по смерти Петра въ петербургской семинаріи всѣ ненужные для духовной службы свѣтскіе ученики были переведены съ монастырскаго на свое содержаніе, а многіе и вовсе высланы изъ заведенія для избранія рода жизни. Въ московской академіи ректоръ Гедеонъ въ 1725 г. отказалъ въ пріемѣ присланнымъ въ нее по старой памяти дворянскимъ недорослямъ на томъ основаніи, что „въ той школѣ происходятъ во ученіе токмо духовныхъ персонъ дѣти, которыя бъ могли въ духовный чинъ происходить“ (1).

Въ тѣхъ же видахъ духовное начальство чрезвычайно дорожило каждымъ ученикомъ, котораго успѣло или только имѣло еще въ виду завербовать въ школу изъ своего вѣдомства, и употребляло всѣ мѣры, чтобы удержать его у себя и не выпустить въ свѣт-

(1) Ист. спб. акад. стр. 7. 11. 15—16. 45. Истор. моск. акад. стр. 179.

скую службу или науку. Отъ записи въ податное состояніе и отъ опредѣленія въ военную службу ученики духовныхъ школъ были освобождены самимъ правительствомъ. Потомъ тѣмъ же докладомъ 1721 г., которымъ дѣти духовенства освобождались отъ цифирныхъ школъ, св. Синодъ исходатайствовалъ для нихъ свободу отъ посылки „и къ прочимъ свѣтскимъ наукамъ", такъ какъ они нужны для открывающихся духовныхъ школъ (1). При крайней нуждѣ въ образованныхъ людяхъ по всѣмъ вѣдомствамъ, св. Синодъ долженъ былъ бдительно беречь свои школы отъ посторонныхъ покушеній на ихъ учениковъ. Въ іюлѣ 1721 г., по докладу изъ московской академіи „о защитѣ пребывающихъ во ученіи, чтобъ никто не имѣлъ власти отнимать ихъ, по различнымъ приказамъ таскать и къ инымъ дѣламъ и ученіямъ опредѣлять", онъ опредѣлилъ безъ синодальнаго указа учениковъ никуда не отдавать и ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять (2). Но нарушенія подобныхъ распоряженій въ тогдашнее время были почти неизбѣжны и приведеніе ихъ въ исполненіе стоило не мало хлопотъ. Въ слѣдующемъ напр. году префектъ московскихъ словено-латинскихъ школъ Гедеонъ Грембецкій жаловался Синоду на доктора Бидло, что онъ, докторъ Быдловъ, презрѣвъ запретительный государевъ указъ, „не вѣдомо, какою властію, потаенно, словено-латинскихъ школъ что ни лучшихъ учениковъ къ себѣ призываетъ и записуетъ въ анатомическое ученіе безъ ректорскаго и префектовскаго вѣдома; и буде помянутому доктору таковый умыселъ хитрый указомъ изъ св. прав. Синода не заградится, то весьма школамъ словено-латинскимъ быть въ раззореніи, якоже и прежде бывало, покамѣсть ему Быдлову указомъ его императорскаго величества не запрещено было". Бидло съ

(1) Собр. постан. по вѣд. прав. исп. I, № 285, п. 10.

(2) Тамже I, № 118.

своей стороны доносилъ, что брать учениковъ славяно-латинскихъ школъ, знающихъ латинскій языкъ, ему необходимо для пополненія комплекта хирургическихъ школъ, что кромѣ того ученики поступаютъ къ нему доброхотно, сами желая быть въ хирургической наукѣ. Не знаемъ, чѣмъ кончилось это дѣло, но по справкѣ въ св. Синодѣ оказалось, что съ 1719 по 1722 годъ Бидло успѣлъ перетянуть къ себѣ изъ славяно-латинскихъ школъ 108 человѣкъ духовныхъ воспитанниковъ (1). Были случаи, что духовныхъ воспитанниковъ забирали даже въ матросы и солдаты, хотя это было положительно запрещено правительствомъ. Такъ, въ 1723 г. тотъ же ректоръ Гедеонъ донесъ, что изъ академіи взято 5 учениковъ въ матросы да еще одного ученика, солдатскаго сына, потребовали въ солдаты. Св. Синодъ вступился въ это дѣло и потребовалъ отъ сената, чтобы взятые ученики были возвращены назадъ „и чтобъ впредь такія дѣйства были пресѣчены, и ученію школьному препятія не чинилось", при чемъ въ подкрѣпленіе своего требованія привелъ распоряженіе Регламента и упомянутый указъ 1721 г. о томъ, чтобы безъ вѣдома Синода ученики никуда не были увольняемы изъ духовно-учебныхъ заведеній. Нельзя не обратить въ этомъ дѣлѣ вниманія на весьма важное обстоятельство: одинъ изъ учениковъ, о которыхъ говорилось въ донесеніи, былъ не духовнаго происхожденія, но всей вѣроятности и другіе пятеро были такіе же, иначе довольно мудрено представить, какъ ихъ могли забрать въ матросы. Въ своемъ опредѣленіи св. Синодъ не даромъ потребовалъ отъ Гедеона справки: „о пріемѣ всякаго чина людей къ наукамъ въ школы, какіе гдѣ съ состоянія тѣхъ школъ указы обрѣтаются ль, и буде гдѣ такіе указы есть, выписавъ обстоятельно, прислать въ св. Синодъ копіи" (2). Кромѣ того, что

(1) Опис. синод. арх. I, стр. 676—678.

(2) Собр. постан. по вѣд. прав. исп. IV, № 1464.

духовное вѣдомство, какъ мы уже говорили, само не совсѣмъ благосклонно смотрѣло на обученіе въ своихъ школахъ постороннихъ людей, за пріемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ дух. школы можно было опасаться неудовольствія и отъ правительства, которое очень ревниво стояло за интересы своей службы и тягла и не могло смотрѣть сквозь пальцы на то, какъ его служилые и податные люди чрезъ поступленіе въ школы, будутъ выходить изъ служилаго и податнаго состояній въ духовное. Мы не имѣемъ свѣденій, какія справки представилъ Гедеонъ на требованіе св. Синода, продолжалось ли это дѣло далѣе и вообще возникалъ ли вопросъ о пріемѣ въ дух. школы учениковъ изъ податнаго класса и изъ солдатскихъ дѣтей при Петрѣ. Но послѣ него вскорѣ такой вопросъ дѣйствительно былъ поднятъ и указомъ св. Синода 1728 г. рѣшенъ былъ въ отрицательномъ смыслѣ (1).

Для дѣтей духовенства обученіе въ духовныхъ школахъ послѣ изданія Д. Регламента получило обязательный характеръ; равнымъ образомъ для епархіальныхъ начальствъ стало обязательнымъ заведеніе этихъ школъ. Требованія представлять духовныхъ дѣтей въ школы сдѣлались чаще и настойчивѣе. Прежде всего эти требованія коснулись, разумѣется, духовенства московской епархіи, гдѣ было уже готовое учебное заведеніе, — академія. Въ первый же годъ своего существованія предъ открытіемъ годичнаго курса въ академіи (отъ 28 августа) св. Синодъ издалъ строгій указъ, чтобы всѣ священно-и-церковнослужители московской епархіи приводили своихъ дѣтей отъ 13 до 20 лѣтъ въ славяно-латинскія школы безъ всякаго отлагательства, съ поручными записями, чтобы быть этимъ дѣтямъ въ школахъ неотъемлемо до самаго окончанія курса. „А ежели, угрожалъ указъ, изъ оныхъ кто дѣтей своихъ въ школы для наукъ

(1) Ист. Росс. іерарх. I, стр. 429. П. С. З. VIII, № 6066.

нѣ объявитъ, или по отдачѣ въ оныя школы, не окончивъ, паки отлучитъ, или изъ оныхъ ихъ дѣтей который сбѣжитъ, то отцы, не точію каждый отъ своей церкви отлученъ будетъ, но и нигдѣ служить допущенъ не будетъ. А таковыхъ священническихъ и діаконскихъ дѣтей, которыя въ школахъ наукъ не пріимутъ, въ священники не производить; а ежели дьячковскія и пономарскія дѣти науки примутъ, и таковыхъ и въ священники производить, не смотря и на священническихъ дѣтей" (1). По поводу вопроса объ освобожденіи дух. дѣтей отъ цифирныхъ школъ сила этого частнаго указа была потомъ въ томъ же 1721 и въ слѣдующемъ годахъ распространена на всѣ епархіи, потому что, согласно ходатайству Синода, освобождаясь отъ обученія въ цифирныхъ школахъ, дѣти духовенства тѣмъ самымъ обязывались къ поступленію въ духовныя школы (2). Въ тоже время въ Синодѣ и Сенатѣ шло рѣшеніе другаго весьма важнаго для духовенства вопроса о томъ, записывать ли духовныхъ дѣтей въ подушный окладъ. Первоначальное рѣшеніе этого вопроса въ свѣтскомъ вѣдомствѣ направлялось въ томъ смыслѣ, что отъ подушнаго оклада слѣдуетъ освободить лишь однихъ священнослужителей самихъ лично, а всѣхъ церковниковъ и всѣхъ дѣтей какъ ихъ, такъ и священнослужительскихъ записать въ податное состояніе. Св. Синодъ энергично возсталъ противъ такого рѣшенія и неоднократными представленіями правительству въ теченіи почти двухъ лѣтъ въ 1722 г. успѣлъ исходатайствовать свободу отъ подушнаго оклада для всѣхъ штатныхъ или дѣйствительно-служащихъ духовныхъ лицъ вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми; но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтей этихъ уже непремѣнно велѣно учить въ школахъ для приготовленія къ церковнымъ должностямъ, а неучившихся или лѣ-

(1) Собр. постан. по вѣд. прав. исп. I, № 168.

(2) Тамже т. II, № 648.

ниво учившихся „пріобщить къ числу такихъ церковническихъ дѣтей, которыя, яко излишнія и свыше потребы подъ именемъ церковнаго причта бывшія, во оной подушный окладъ выключены“ (1). Такимъ образомъ сынъ духовнаго лица, уклоняясь отъ обязательной для него школы, тѣмъ самымъ долженъ былъ лишаться своего званія и поступать въ податное состояніе. Правило это имѣло потомъ важное практическое значеніе во время частыхъ разборовъ духовенства какъ при Петрѣ, такъ и послѣ него въ теченіи всего XVIII столѣтія.

Въ тоже время для привлеченія духовныхъ дѣтей въ школы св. Синодъ въ своихъ указахъ настойчиво развивалъ мысль Регламента объ опредѣленіи на церковныя мѣста лишь ученыхъ кандидатовъ. Приведеніе этой мысли въ исполненіе тоже началось съ Москвы, гдѣ ко всѣмъ лучшимъ церквамъ въ священники и дьяконы велѣно было поставлять только учениковъ славяно-латинскихъ школъ (2), потомъ по возможности распространялось по всѣмъ епархіямъ. Въ епархіяхъ, гдѣ не было школъ или гдѣ изъ однихъ школьныхъ учениковъ не возможно было получать достаточнаго числа кандидатовъ священства по малости школы, руководствовались распоряженіями объ обязательномъ изученіи для всѣхъ ставленниковъ по крайней мѣрѣ Букваря Ѳеофана Прокоповича. Постановленіе объ экзаменѣ ставленниковъ 1711 года было подтверждено съ особенною подробностію въ прибавленіи къ Регламенту. Каждый ставленикъ обязанъ былъ прожить нѣсколько времени при архіерейскомъ домѣ для изученія своихъ обязанностей, а между тѣмъ архіерей долженъ былъ испытывать его, кромѣ того, знаетъ ли онъ книжицу о вѣрѣ, еще въ томъ, „не ханжа ли онъ и не притворяетъ ли смиренія, что

(1) *Знаменскаго*. Прих. дух въ Россіи. стр. 192—194. 369—372.

(2) Собран. пост. по вѣд. прав. испов. I, № 90. II, № 371.

умному человѣку не трудно узнать; такожде не сказуютъ ли своихъ о себѣ или и о иномъ сновъ и видѣній: ибо отъ таковыхъ каковаго добра надѣятися, развѣ бабьихъ басенъ и иныхъ вредныхъ въ народѣ плевелъ вмѣсто здраваго ученія" (1). Изъ описанія ставленическихъ экзаменовъ у Посошкова видно, что архіереи первоначально сами производили эти экзамены (2); но потомъ при архіерейскихъ каѳедрахъ возникла особая должность экзаменаторовъ, которая постепенно получала все болѣе и болѣе важное значеніе въ ставленическомъ дѣлопроизводствѣ.

Выполненію указовъ о поставленіи на церковныя должности людей ученыхъ нѣкоторое время и при Петрѣ и даже при его преемникахъ мѣшали приходскіе выборы членовъ приходскаго клира и права наслѣдниковъ церковныхъ мѣстъ. Не отвергая обычая приходскихъ выборовъ въ принципѣ. Петровское законодательство настоятельно требовало, чтобы эти выборы не стѣсняли правъ ученыхъ кандидатовъ на церковныя должности, и съ этой стороны значительно ихъ ограничило, такъ что въ случаѣ челобитья о мѣстѣ со стороны кандидата, обученнаго въ архіерейской школѣ, просимое мѣсто могло достаться ему и безъ согласія прихожанъ: „хотя, сказано въ указѣ 24 мая 1721 г., о нихъ (объ ученыхъ кандидатахъ) и отъ приходскихъ людей челобитья не будетъ, которое не такъ нужно, какъ ученая требуется персона, отъ которой можетъ быть полезное народу нравоученіе и къ добродѣтелемъ наставленіе" (3). Правило это могло быть очень непріятно для приходовъ, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ приходскіе выборы были болѣе развиты и чаще практиковались, какъ наприм. въ южной Россіи, и дѣйствительно въ нѣко-

(1) Прибл. къ Регл. о пресвит. и 1. 4. Собр. постан. II, № 648.

(2) Сочинен. Посошкова, стр. 18.

(3) Собран. постан. I, № 90, 418 и др.

торыхъ случаяхъ, когда архіереи при поставленіи членовъ приходскаго клира вовсе обходили прихожанъ, вызывало со стороны послѣднихъ протесты и горячее противодѣйствіе епархіальной власти; но за то съ удовольствіемъ было встрѣчено епархіальными властями, которыя давно уже тяготились недостойными приходскими избранниками и жаловались на то, что надъ церквами архіереи воли не имѣютъ, владѣютъ церквами мужики. Въ ученикахъ своей школы архіерей могъ всегда имѣть болѣе или менѣе достаточный контингентъ своихъ, хотя сколько нибудь испытанныхъ и надежныхъ, кандидатовъ на церковныя должности, которыхъ и могъ, сообразно съ своими видами, противопоставлять приходскимъ избранникамъ, имѣя при этомъ крѣпкую опору для себя въ случаѣ противодѣйствія приходовъ въ указахъ правительства и св. Синода (1). — Борьба ученыхъ кандидатовъ съ наслѣдниками церковныхъ мѣстъ была гораздо труднѣе и не мало вредила успѣхамъ школьнаго дѣла.

Новые указы не отрицали наслѣдственности церковнаго служенія, даже сами признавали ее, только требовали, чтобы наслѣдники церковныхъ мѣстъ подготовлялись къ занятію ихъ въ школахъ, угрожая въ противномъ случаѣ, что они лишатся своихъ правъ въ пользу постороннихъ кандидатовъ, принявшихъ науку. Но угрозу эту привести въ исполненіе оказывалось чрезвычайно трудно, потому что наслѣдники въ случаѣ надобности могли всегда выставить въ защиту своихъ правъ свои общепризнанныя тогда владѣльческія права на наслѣдные дома и строенія при родовыхъ церквахъ, потребовавъ за нихъ отъ своихъ ученыхъ конкуррентовъ высокой платы. Еще въ 1718 г. выданъ былъ указъ, чтобы священнослужители не

(1) Подробности см. въ книгѣ: Приходск. духовенство, гл. I; здѣсь же и о наслѣдникахъ церковныхъ мѣстъ.

имѣли при церквахъ своихъ собственныхъ домовъ, а жили въ церковныхъ, которые бы и передавали своимъ преемникамъ даромъ (1). Указъ этотъ подтверждался не одинъ разъ, потомъ въ 1722 г. распространенъ былъ и на дома церковнослужителей (2), но скоро привести его въ исполненіе очевидно было нельзя, потому что для заведенія требуемыхъ церковныхъ домовъ по всѣмъ приходамъ не было матеріальныхъ средствъ. Вотъ одно донесеніе св. Синоду завѣдывавшаго славяно-латинскими школами архимандрита Ѳеофилакта Лопатинскаго отъ 1721 г., всего лучше объясняющее непріятныя столкновенія школьниковъ съ наслѣдниками: „по тому указу (1718 г.), писалъ онъ, били челомъ нѣкоторые школьники о опредѣленіи ихъ на порожнія церковныя мѣста, и съ великою трудностію, волокитою и нудженіемъ доступили ихъ и доселѣ во всегдашнемъ опасеніи отказу и перемѣны отъ своихъ мѣстъ пребываютъ неизвѣстны. Причина сему: обычай прежній о наслѣдіи церквей, продажею и куплею стяжаемомъ, неразсмотрительнѣ введенный, и непокорство прихожанъ, которые, по сродству, знаемости и по своимъ прихотямъ, избираютъ себѣ священниковъ и діаконовъ и мѣстъ священническихъ и діаконскихъ нарочно не хотятъ окупати изъ церковныхъ денегъ, будто нѣтъ таковыхъ денегъ,... что видя, прочіе школьники не смѣютъ и бить челомъ на вышеозначенныя мѣста, чтобъ имъ не вдать себе въ лишнія трудности и бѣдства“. Св. Синодъ подтвердилъ указъ (3), но изъ этого, разумѣется, ничего не вышло. Въ 1723 г. московская дикастерія прислала въ св. Синодъ докладъ, гдѣ между прочимъ спрашивала: если послѣ смерти священнослужителей останутся наслѣдники невозрастные, то опредѣлять ли къ ихъ наслѣднымъ церквамъ до ихъ возраста вика-

(1) П. С. З. V. № 3171. 3173.

(2) Собр. постан. II, № 876 и П. С. З. VI, 4120.

(3) Собр. постан. I. № 118

ріевъ? во вторыхъ, если на вакантную должность при церкви явится кандидатъ, особенно изъ ученыхъ, а наслѣдники его предшественника будутъ требовать за свое строеніе при церкви платы по купчей крѣпости, то взыскивать ли эту плату съ новопріемнаго? и если не взыскивать, то съ кого ее брать, потому что изъ церковныхъ денегъ по отзыву церковныхъ старостъ за такіе священнослужительскіе дворы платить нечѣмъ? На первый вопросъ Синодъ отвѣтилъ по смыслу Регламента опредѣленіемъ: ставить на вакантныя мѣста изъ учившихся въ школахъ, не дожидаясь возраста наслѣдниковъ, но на послѣдніе вопросы не далъ удовлетворительнаго отвѣта, а этимъ ослабилъ и первое опредѣленіе; опредѣлено было только, чтобы плата за дворы наслѣдниковъ производилась не по купчимъ, а по особой оцѣнкѣ, въ предотвращеніе лишнихъ со стороны владѣльцевъ запросовъ, но по прежнимъ указамъ изъ церковныхъ же денегъ; хотя старосты и показали, что этихъ денегъ въ требуемомъ количествѣ не имѣется, но на это важное показаніе вниманія не обратили (1). Вопросъ о церковныхъ мѣстахъ такъ и остался нерѣшеннымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ осталась неподкрѣпленной и привиллегія ученыхъ кандидатовъ на священныя должности предъ наслѣдниками; плата за церковныя мѣста въ пользу послѣднихъ попрежнему продолжала взиматься съ первыхъ, а не изъ церковныхъ денегъ, при чемъ духовная власть для облегченія поступавшихъ на наслѣдныя мѣста и защиты ихъ отъ прижимокъ со стороны наслѣдниковъ только и могла воспользоваться узаконеніемъ объ оцѣнкѣ наслѣдныхъ домовъ, которую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и назначено было производить при посредствѣ епархіальныхъ чиновниковъ, экспертовъ изъ лѣсныхъ торговцевъ и депутатовъ отъ прихожанъ (2).

(1) Тамже III, № 1044, п. 18. 23 и 24.

(2) Истор. московск. епарх. управл. *Розонова*, I, стр. 135, примѣчаніе 459.

Такимъ образомъ, вмѣсто уничтоженія владѣльческихъ отношеній наслѣдниковъ къ церковнымъ мѣстамъ, пришлось напротивъ даже утвердить ихъ, признать оффиціально, что лишить наслѣдника его наслѣднаго мѣста въ пользу болѣе достойнаго кандидата изъ ученыхъ можно неиначе, какъ окупивъ это мѣсто по оцѣнкѣ. Дѣтямъ духовенства, у которыхъ въ виду имѣлось наслѣдственное мѣсто, оставалось еще довольно вѣроятности обойтись и безъ школы, въ которую ихъ тянули и которую они считали для себя лишней съ своей практической точки зрѣнія. При всемъ томъ новыя требованія времени не могли не произвести сильнаго потрясенія въ наслѣдственныхъ отношеніяхъ духовенства къ церковнымъ мѣстамъ, доселѣ развивавшихся свободно и безъ всякой помѣхи. Новый принципъ избранія кандидатовъ на духовныя должности по степени подготовки ихъ къ духовному служенію, помимо родовыхъ счетовъ, былъ провозглашенъ рѣшительно и поддерживался духовною властью постоянно, нерѣдко уступая силѣ противныхъ ему условій практики, но не ослабѣвая въ своей внутренней силѣ; привиллегированными кандидатами священства для архіереевъ становились теперь школьники ихъ собственныхъ архіерейскихъ школъ, а наслѣдники съ своими правами очутились въ такихъ же отношеніяхъ къ архіереямъ, въ какихъ были когда-то полуграмотные мужики — избранники приходскихъ общинъ въ сравненіи съ дѣтьми духовенства. Такое натянутое положеніе ихъ, при всей силѣ владѣльческихъ правъ на церковныя мѣста, не могло продолжаться постоянно, и наслѣдникамъ рано или поздно, но необходимо нужно было позаботиться о томъ, чтобы свои старыя, со всѣхъ сторонъ колеблемыя права, подкрѣпить новыми, какихъ требовало новое время и которыя давала человѣку архіерейская школа. Собственно наслѣдственности духовнаго служенія школа эта нисколько не подрывала, потому что сама была сословно-спеціальнаго характера и для

постороннихъ лицъ не духовнаго происхожденія стремилась сдѣлаться современемъ совсѣмъ недоступною.

Но пока еще школы заводились, пока шло въ нихъ образованіе новыхъ кандидатовъ на церковныя мѣста, пока число этихъ кандидатовъ возрасло до того, что неученому человѣку дѣйствительно становилось трудно поступать на церковную службу, прошло много времени, въ теченіе котораго въ средѣ духовенства шла упрямая оппозиція противъ обязательности школьнаго образованія. Нужды въ этомъ образованіи, котораго не знали ни отцы, ни дѣды, благополучно служившіе при церквахъ и безъ него, не понимали, видѣли въ немъ только потерю времени и лишнія тяжести. Прежде сынъ духовнаго лица выучивался часослову и псалтирю у своего отца или мастера, спокойно оставаясь при своей семьѣ, и не только не требовалъ расходовъ на свое содержаніе въ школьномъ городѣ, а еще самъ приносилъ семьѣ доходъ, съ раннихъ лѣтъ служа при родной церкви въ низшихъ должностяхъ клира и при этомъ практически готовясь на отцевское или другое наслѣдное мѣсто; теперь нужно стало лѣтъ съ 10 или 13 ѣхать въ епархіальный городъ, съ чувствительными издержками, далеко отъ семьи, мѣнять свободную жизнь у себя въ деревнѣ на монастырское заключеніе въ школѣ, на жизнь, стѣсненную съ утра до вечера формами, на глазахъ строгихъ префектовъ съ лозами въ рукахъ, кромѣ того учиться тамъ какой-то новой наукѣ, латинской, едвали даже не еретической, во всякомъ случаѣ совершенно ненужной съ тогдашней привычной точки зрѣнія на подготовку къ духовному служенію. Воображая всѣ трудности мудреной науки и всѣ строгости школьной жизни, о которыхъ съ такою любовію говоритъ наприм. Иоика-іерополитика, рядъ наказаній весьма нелегкихъ въ школахъ Петровскаго времени, тогдашнее духовенство составило о школахъ понятіе, какъ о мѣстѣ мученія, и съ величайшей скорбью отдавало туда своихъ дѣтей. Не даромъ Д. Регламентъ срав-

нивалъ наборъ дѣтей въ школы съ наборомъ въ солдаты. Въ одной интермедіи начала XVIII в. (¹), до насъ сохранился горькій плачъ дьячка, у котораго отобрали „на муку въ проклятую серимарію (sic)“ дѣтей:

„О, мои дѣтушки сердечные!
Не на ученье васъ берутъ, но на мученье безконечное....
Лучше бъ васъ своими руками въ землю закопалъ,
Нежели въ серимарію на муку отдалъ“.

Ни угрозы, ни привиллегіи не могли подѣйствовать на сердобольныхъ отцевъ и наборъ въ школы шелъ чрезвычайно туго. Кромѣ того не мало было хлопотъ съ духовными дѣтьми и послѣ того, какъ ихъ удавалось заманить въ науку; вкусивъ сладости школьной жизни, о которой говорилъ Д. Регламентъ, ученикъ, улучивъ время, бѣжалъ изъ школы домой къ роднымъ пенатамъ, гдѣ посыльные изъ школы или изъ монастырскаго приказа съ трудомъ могли его отыскать, чтобы препроводить обратно въ кандалахъ для продолженія ученія; сами же отцы укрывали своихъ бѣглыхъ дѣтей, не смотря на то, что за это Синодъ угрожалъ лишеніемъ должности.

Однихъ указовъ объ отдачѣ дѣтей въ школы оказывалось мало; поэтому для поддержанія требованій объ обязательности школьнаго ученія пришлось прибѣгнуть къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ. Осенью 1722 г., вѣроятно вслѣдствіе полученныхъ тогда свѣдѣній о маломъ числѣ поступающихъ въ школы, св. Синодъ издалъ указъ переписать всѣхъ священнослужительскихъ дѣтей годныхъ по лѣтамъ въ ученье какъ въ московской, такъ и въ другихъ епархіяхъ и по переписи „производить ихъ по вышеобъявленному въ Д. Регламентѣ опредѣленію въ школы“ (²). Осенью слѣдующаго 1723 г. на духовныя школы обратилъ

(¹) *Пекарскаго.* Наука и Литт. при Петрѣ, т. I, стр. 434.
(²) Собран. постан. II, № 896.

вниманіе самъ государь и при свиданіи съ архіепископомъ Ѳеодосіемъ Яновскимъ, вицепрезидентомъ Синода, объявилъ ему свою волю, чтобы духовныхъ дѣтей, которыя учиться могутъ, духовныя начальства непремѣнно набирали въ школы; „а которыя, прибавилъ онъ къ этому, въ ученіи быть не похотятъ, тѣхъ имать въ школы и неволею и учить ихъ въ надеждѣ лучшаго священства, какъ Д. Регламентомъ опредѣлено". Ѳеодосій объявилъ этотъ словесный указъ Синоду, а Синодъ „безъ всякаго медленія" разослалъ его по епархіямъ, опредѣливъ, чтобы учениковъ для школьнаго ученія имали между дѣтьми духовенства отъ 7 до 18 лѣтъ (1). Съ этихъ поръ въ епархіяхъ, гдѣ были заведены школы, стали каждогодно предъ началомъ ученія дѣлать нѣчто въ родѣ смотра духовныхъ недорослей, для чего ихъ или привозили въ епархіальный городъ или собирали у окружныхъ духовныхъ управителей и заказчиковъ; здѣсь производился имъ разборъ по лѣтамъ и отчасти по способностямъ, послѣ чего годные записывались въ школу и ввѣрялись школьному начальству. Для наблюденія за успѣхами школьнаго ученія указомъ отъ 14 февраля 1724 г. школьнымъ начальствамъ велѣно подавать Синоду рапорты ежегодно два раза (въ январѣ и іюлѣ) съ обозначеніемъ, кто въ какихъ наукахъ и съ котораго времени обучается, съ какимъ прилежаніемъ и совершенствомъ, на манеръ такихъ же рапортовъ, заведенныхъ по свѣтскимъ школамъ для подачи въ Сенатъ (2).

Вводя обязательное школьное ученіе среди духовенства, св. Синодъ въ тоже время торопилъ заведеніемъ школъ самихъ архіереевъ, постоянно напоминая имъ въ своихъ указахъ извѣстное распоряженіе Д. Регламента и отличая тѣхъ изъ нихъ, которые

(1) Также III, № 1098 и 1108. Объ исполненіи его: IV, № 1228. 1364.

(2) Опис. синод. арх. I, стр. 716.

показывали наибольшую ревность къ распространенію школьнаго образованія (1). Самыми ранними школами, явившимися въ первый же годъ по открытіи Синода, были школы петербургскія и нижегородскія.

Въ Петербургѣ школа была открыта по указу архіеп. Ѳеодосія при Александро-Невскомъ монастырѣ, отъ котораго и содержалась. По своему курсу она впрочемъ не подходила къ типу новыхъ школъ, требовавшихся Д. Регламентомъ, была только словенскою. Сначала одинъ, потомъ два учителя изъ новгородскихъ школъ учили въ ней славянской грамотѣ, грамматикѣ и цифири; поэтому она занимала среднее мѣсто между славянскими и цифирными школами. Большинство учениковъ, учившихся въ ней, было изъ свѣтскаго званія, изъ дѣтей канцелярскихъ и монастырскихъ служителей; въ 1725 г. число ихъ простиралось до 82 человѣкъ (2).

По мысли Регламента въ Петербургѣ слѣдовало открыть академію съ семинаріей, и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ авторъ Регламента, взявшись за это дѣло, въ началѣ 1721 г. входилъ уже въ новоучрежденный Синодъ съ докладомъ о нужныхъ для семинаріи постройкахъ, о пріемѣ учениковъ, выборѣ учителей и названіи училищнаго дома. Учениковъ совѣтовалъ онъ принимать не старше 10 лѣтъ, „ибо таковаго возраста дѣти еще не вельми обучилися злонравію, и если обучилися, однакожъ не закрѣпили обычаемъ, и можно таковыхъ не трудно отучить, такожъ бунтовать и бѣжать прочь не могутъ еще“. Учителей предполагалось пріискать „не каковыхъ ни есть, но изрядныхъ и свидѣтельствованныхъ, изъ академій иноземныхъ. Не надобѣ опасатися, дабы оные дѣтей нашихъ не совратили къ своей богословіи, ибо мож-

(1) Собр. постан. IV, 1228.

(2) *Чистовича*: Ист. спб. акад. 7—12. *Пекарскаго*: Наука и Литт. I, 112.

но имъ артикулами опредѣлить, чего оные учить будутъ должны, и надсматривать, не учатъ ли нѣчто нашему исповѣданію противное. А именно преподавали бы они только ученія внѣшняя, языковъ, философіи, юриспруденціи, исторіи и проч., а не богословскихъ догматовъ, которыхъ учиться имѣютъ ученики отъ единовѣрныхъ себѣ учителей. И если не опасаются господа русскіе посылать дѣтей своихъ во академіи иноземскія, гдѣ учители свободно свои мнѣнія предлагаютъ, то для чего бы опасаться у насъ, гдѣ они артикулами и надсмотрѣніемъ какъ бы связаны будутъ"? Назвать академію предлагалось Петергартенъ въ память ея великаго фундатора (1). Мѣстомъ для академіи назначенъ домъ кунсткамеры на берегу Невы противъ Охты. Составлены были планъ и смѣта для построекъ. Ѳеофанъ съ своей стороны хлопоталъ о средствахъ на эти постройки и содержаніе академіи. предлагалъ употребить на это дѣло нѣсколько тысячъ вѣнечныхъ денегъ смоленскаго архіерея, которыя этотъ просилъ употребить на постройку каменной церкви, предлагалъ даже помѣщеніе у себя въ домѣ для 30 учениковъ. прося только освободить его въ замѣнъ этого отъ постоя солдатъ. Въ декабрѣ 1721 г. государь велѣлъ отпустить на академію до 2000 рублей. Постройка началась въ 1722 г., но за недостаткомъ денегъ въ томъ же году остановилась, и для академіи предоставленъ былъ домъ умершей царевны Екатерины Алексѣевны. Она и тутъ впрочемъ не успѣла водвориться. Въ августѣ 1724 г. Синодъ просилъ государя назначить средства для довольствованія учениковъ, учителей и прислуги, но дѣло объ этомъ затянулось до кончины Петра, а при его преемникахъ остановилось совсѣмъ. Домъ царевны ветшалъ и разваливался, а ремонта въ немъ не производили; пока еще можно было въ немъ жить,

(1) Докладъ этотъ изд. у *Пекарскаго*, т. I, 561—564.

онъ употреблялся на жительство разныхъ лицъ; одно время была въ немъ артиллерійская школа; потомъ въ немъ жили придворные птичьи охотники. Наконецъ въ 1743 г. св. Синодъ совсѣмъ отказался отъ него за его негодностію, послѣ чего имъ овладѣла полиція и распилила его на дрова (1).

Между тѣмъ въ томъ же 1721 г., когда началось дѣло объ академіи, Ѳеофанъ завелъ собственную школу въ своемъ петербургскомъ домѣ на р. Карповкѣ для бѣдныхъ дѣтей всякаго званія. Въ ней преподавались: законъ Божій, русскій, латинскій и греческій языки, грамматика, реторика, логика, римскія древности, ариѳметика, геометрія, географія, исторія и рисованіе. Въ числѣ учителей ея значатся: знаменитый датчанинъ Адамъ Селлій и профессоръ академіи наукъ Теофилъ Сигфридъ Байеръ. Ѳеофанъ очень любилъ свою школу, употреблялъ на нее много денегъ и попеченій и успѣлъ сдѣлать ее лучшею школою своего времени. Для нея онъ написалъ особую весьма полную инструкцію, которая по содержанію своему была выраженіемъ и развитіемъ тѣхъ же педагогическихъ взглядовъ, какіе онъ высказалъ раньше въ отдѣлѣ Регламента о домахъ училищныхъ; въ ней узаконяется таже строгая дисциплина съ точнымъ распредѣленіемъ часовъ для занятій и увеселеній, тотъ же строгій надзоръ за учениками, тоже отрѣшеніе школьной жизни отъ всякихъ постороннихъ вліяній и проч. Нѣкоторые пункты ея даже носятъ на себѣ ясные слѣды іезуитскаго происхожденія, наприм.: „никогда двоимъ, ниже троимъ не отлучаться отъ прочихъ въ сторону и тайно ничего съ собою не говорить, но говорить явно и въ слухъ прочимъ... Но и въ компаніи съ другими ничего отнюдь въ ухо другому не шептать... Одинъ съ другимъ писемцами объ

(1) Опис. син. арх. I, стр. 132. Ѳеофанъ Прок. *Чистовича*, стр. 133—137.

не пересылались, и если сіе учинитъ, то хотя бъ что доброе писалъ, жестоко яко бездѣльникъ наказанъ будетъ; тожъ получитъ и тотъ, кто отъ одного до другаго переносить или передавать письменно будетъ. Никому никуды въ сторону писемъ, не объявивъ ихъ прежде директору, не посылать; такожъ и кому откуду, хотя отъ родителей письма присланы будутъ, не распечатывать и не читать, но нераспечатанныя подавать директору, и когда онъ распечатавъ и прочитавъ отдастъ, тогда читать можно". Такъ какъ директору невозможно было услѣдить за всѣми мелочами регулъ семинарскихъ, то узаконялись доносы учениковъ другъ на друга; доносить велѣно всѣмъ безъ исключенія и обо всемъ, что увидятъ или услышатъ непозволительнаго. подъ страхомъ жестокаго наказанія за утайку, равнаго наказанію за утаенное преступленіе. — Для развлеченія учениковъ Ѳеофанъ завелъ при школѣ сценическія представленія и музыку, для обученія которой учениковъ дазволено было имѣть даже наемнаго учителя, что тогдашніе ревнители церкви считали весьма предосудительнымъ. Школа Ѳеофана держалась до самой его смерти. а потомъ упразднилась (1).

Въ Нижнемъ Новгородѣ школьное обученіе завелъ въ томъ же 1721 г. извѣстный ревнитель православія противъ раскола архіерей Питиримъ. По его распоряженію при архіерейскомъ домѣ устроено три школы или класса: еллино-греческая. славяно-россійская и букварная. Впослѣдствіи Питиримъ завелъ и латинскій классъ, но на первыхъ порахъ онъ оставался вѣренъ популярному въ Великороссіи славяно-еллинскому типу духовнаго образованія. Учениковъ собрано было очень много; въ букварномъ классѣ ихъ было 427, въ славяно-россійскомъ 110, въ греческомъ

---

(1) См. Ѳеоф. Прокоп. *Чистовича*, стр. 631—637 и приложен. № VIII.

48; число это тѣмъ удивительнѣе, что ученики учились на своемъ содержаніи за скудостію хлѣба въ епархіи, а отъ архіерейскаго дома только давалось содержаніе учителямъ и покупались учебныя пособія. Въ 1724 г. Питиримъ подалъ въ св. Синодъ доношеніе объ успѣхахъ своихъ школъ, въ которомъ значилось, что изъ 427 школьниковъ, поступившихъ въ букварный классъ, 132 человѣка кончили уже курсъ и производились епархіальнымъ начальствомъ въ должности на разныя церковныя вакансіи. Св. Синодъ рѣшилъ: „послать оному епископу отъ лица св. Синода грамату... съ похвалою, понеже его архіерейскимъ прилежаніемъ въ домѣ его обучалося и обучается священнослужительскихъ дѣтей многое число“. Къ концу царствованія Петра успѣли разойтись по мѣстамъ и остальные изъ 427 первоначально набранныхъ въ школу букваристовъ и букварный классъ совсѣмъ былъ закрытъ, такъ какъ вновь учить букварю духовныхъ дѣтей епархіальное начальство отказалось, предоставивъ это обученіе ихъ родителямъ, и оставило у себя въ школѣ только два класса, славянскій и еллинскій (1).

Въ слѣдующемъ 1722 г. началось дѣло объ открытіи тверской школы. Архіереемъ тверскимъ въ это время былъ Сильвестръ Холмскій, переведенный въ Тверь изъ Смоленска. Побуждаемый указами св. Синода, онъ распорядился собрать учениковъ и назначилъ для обученія ихъ шестерыхъ учителей изъ мѣстнаго духовенства. Мѣсто для школы отведено при Ѳедоровскомъ монастырѣ, который предположено приписать къ архіерейскому дому; вмѣстѣ съ тѣмъ проектированы планъ и смѣта для семинарскихъ построекъ и средства для содержанія заведенія. Но этими распоряженіями заботы Сильвестра о школѣ пока

(1) Пекарскаго, I, 118—120. Собр. постан. IV, № 1228. Истор. нижегор. семин. іеромон. *Макарія*. 1849 г. стр. 1—2. 7.

и ограничились, потому что въ концѣ года состоялось распоряженіе о переводѣ его на рязанскую каѳедру. Предначертаніями его воспользовался уже преемникъ его по тверской каѳедрѣ, Ѳеофилактъ Лопатинскій, который послѣ многихъ хлопотъ въ 1724 г. дѣйствительно устроилъ школу, доселѣ помѣщавшуюся на частной тѣсной квартирѣ, въ Ѳедоровскомъ монастырѣ. Учениковъ въ тверской школѣ, собранныхъ еще при Сильвестрѣ, было 39. Обученіе ихъ ограничивалось славянскою грамматикою и букваремъ (1).

Въ 1723 г. вразъ открылось пять школъ: въ Казани, Суздалѣ, Коломнѣ, Вяткѣ и Холмогорахъ. Казанская школа была заведена митрополитомъ Тихономъ при архіерейскомъ домѣ. Учениковъ собрано было 52 человѣка, но къ концу того же года ихъ оставалось всего пятеро,—прочіе, кто отказался отъ школы по бѣдности, такъ какъ всѣ ученики должны были содержаться на своемъ коштѣ, кто оказался тупымъ и неудобнымъ къ принятію науки, нѣкоторые отпущены учиться по домамъ, а большая часть бѣжали. Въ 1724 г. опять было собрано до 36 учениковъ изъ русскихъ и 13 изъ инородцевъ—татаръ и черемисъ, но въ мартѣ этого года м. Тихонъ скончался, оставивъ свою школу неустроенною и не сдѣлавъ никакихъ распоряженій для обезпеченія ея существованія. Онъ былъ человѣкъ престарѣлый, больной и мало занимался школьными дѣлами; поэтому школа организовывалась при немъ почти сама собою. Въ учители ея попалъ одинъ польскій шляхтичъ Свѣнцицкій; поэтому, можетъ быть, въ курсъ ея и вошелъ латинскій языкъ, хотя митрополитъ и былъ коренной великоруссъ. Свѣнцицкій обучалъ чтенію и письму, пославянски и полатини, букварю, грамматикѣ и четыремъ правиламъ ариѳметики, или, какъ онъ самъ

---

(1) Біографіи тверск. іерарховъ *Чередѣева*. Тверь. 1859 г. стр. 102. У *Пекарск.* I. 114. Собр. постановл. IV, № 1409.

писалъ для пущей важности въ своемъ отчетѣ: „букварей наизусть, толкованій грамматическихъ четырехъ статей, орѳографіи, этимологіи, просодіи орѳографійной и синтаксіи осми частей слова, уравненій, окончаній родовъ, склоненій, спряженій, такожде діалекта латинскаго, вокабулъ, сентенцій, деклинацій и регулъ со экспликаціями и писанія того же діалекта, о 7 тайнахъ церковныхъ, гратуляцій и привѣтствій различныхъ, комедійныхъ акцій, которыя различно съ начала ученія целебровалися повсягодно въ семинаріи казанской публичнѣ, такожъ интермедій, ариѳметическихъ частей,—нумераціи, аддиціи, субстракціи, мультипликаціи и прочаго обхожденія политическаго, къ семинаріи принадлежащаго“ (1).

Въ Суздалѣ школу открылъ архіерей Варлаамъ Леницкій изъ малороссовъ, но не успѣлъ ввести въ нее латинскаго языка, за скорымъ переводомъ своимъ на коломенскую каѳедру; 109 учениковъ, собранныхъ имъ, засажены были пока за буквари и грамматики. Но въ Коломнѣ, куда Варлаамъ прибылъ въ томъ же году и гдѣ тотчасъ же набралъ 30 учениковъ, онъ съ самаго начала школьнаго обученія, кромѣ букваря, велѣлъ преподавать въ школѣ латинскій элементарь (2).

Въ Вяткѣ школа открыта епископомъ Алексіемъ изъ великороссовъ, о которомъ историкъ вятской іерархіи Платонъ Любарскій прямо говоритъ, что онъ, какъ и его антецессоры, былъ изъ неученыхъ дворянъ. Школа его едва держалась безъ попеченій начальства до 1730-хъ годовъ, когда за устройство ея принялся ученый преемникъ Алексія Лаврентій Горка. При Алексіѣ 35 учениковъ учились „славянской азбукѣ, часослова, букварей, псалтири, толкованія блаженствъ евангельскихъ и писать; а болѣе, прибавле-

(1) См. изданные мною матеріалы для ист. казанск. семин. въ Прав. Собесѣдн. 1868 г. т. II, стр. 270—274.

(2) *Пекарск.* I, 116, 114. Ист. росс. іер. I, 426.

но въ отчетѣ о школѣ, другимъ наукамъ учить некому, для того что такихъ учителей во оной вятской епархіи не обрѣтается".—Въ Холмогорахъ заведена была такая же славянская школа. Учениковъ было сначала 39, потомъ 59; учили псалтирь, часословъ, букварь и грамматику (1).

Къ числу школъ, возникшихъ въ 1722—1723 гг., нужно причислить еще бѣлгородскую, основанную епископомъ Епифаніемъ и бывшую колыбелью извѣстнаго потомъ харьковскаго коллегіума, который былъ открытъ уже въ 1726 г.; какъ при открытіи своемъ, такъ и послѣ, когда въ Харьковѣ возникъ коллегіумъ, бѣлгородская школа ограничивалась только первоначальнымъ обученіемъ дѣтей грамотѣ, письму и букварю (2).

Въ 1724 г. архіерей Павелъ завелъ школу въ Вологдѣ и собралъ въ нее 45 учениковъ; курсъ обученія ограничивался букваремъ и ариѳметикою. Вѣроятно эта школа была въ связи съ бывшей здѣсь же школой ариѳметической, можетъ быть изъ нея и преобразовалась, по крайней мѣрѣ извѣстно, что изъ 45 учениковъ въ ней было 27 подлежавшихъ приписке въ подушный окладъ, которые изъ нея вскорѣ и были взяты. Школа эта существовала не долго и въ 1725 г. распущена вся по неизвѣстной причинѣ, вѣроятно по случаю кончины архіерея Павла (3).—Въ томъ же 1724 г. основана духовная школа въ Рязани, или точнѣе въ Переяславлѣ рязанскомъ, гдѣ архіереемъ былъ переведенный изъ Твери Сильвестръ Холмскій. Предшественникъ его м. Стефанъ Яворскій, будучи въ постоянномъ отсутствіи изъ своей епархіи по дѣламъ высшаго церковнаго управленія,

(1) Вятск. епарх. вѣдом. 1868 г. № 1: Исторія вятск. семинаріи. У *Пекарск.* стр. 118. 120.

(2) Истор. росс. іерарх. I, стр. 424. *Пекарск.* стр. 110.

(3) Волог. епарх. вѣдом. 1865 г. № 9, стр. 298—299.

при своей жизни такъ и не успѣлъ завести своей архіерейской школы, и рязанская епархія должна была довольствоваться одною цифирною школою, открытой здѣсь въ 1722 г. и содержавшейся отъ сбора съ церквей хлѣба (1). На ряду съ свѣтскими учениками, дѣтьми дьяковъ и подъячихъ, въ ней учились и дѣти духовенства. Епархіальное начальство впрочемъ въ томъ же году отдѣлило ихъ отъ первыхъ въ особую группу, изъ которой потомъ и образовалась архіерейская школа. Въ то время, какъ первые преимущественно обучались ариѳметикѣ, дѣтей духовенства обучали главнымъ образомъ чтенію, письму, пѣнію и ученію вѣры по букварю. Въ 1724 г. Сильвестръ сталъ формировать особую архіерейскую школу, отвелъ ей мѣсто въ Семіоновскомъ монастырѣ, собралъ до 70 учениковъ и для внутренняго устроенія ея приказалъ списать въ тверскомъ училищѣ пункты, къ учрежденію школъ служащіе, но ученія за неимѣніемъ учителей не открывалъ до самаго своего отъѣзда изъ Рязани въ Казань, куда онъ переведенъ въ 1725 г. уже по смерти Петра (2).

Въ іюлѣ того же 1724 г. пришло въ св. Синодъ любопытное донесеніе изъ далекаго Иркутска отъ вознесенскаго архимандрита Антонія Платковскаго. Онъ тоже вздумалъ заводить у себя школу для обученія духовныхъ дѣтей и сиротъ монгольскому и китайскому языкамъ. Вездѣ, писалъ онъ, по епархіямъ посланы указы о заведеніи школъ, только вдовствующая иркутская епархія не получала такого указа, а обученіе монгольскому и китайскому языкамъ въ Иркутскѣ нужно. Въ 1721 г. посланный въ Китай капитанъ Измайловъ однажды былъ въ большомъ затрудненіи, получивъ грамату на монгольскомъ языкѣ и нигдѣ не найдя знающаго переводчика, и тогда же

(1) *Пекарскаго* I, 116—117.

(2) Тамъ же и Истор.-стат. Описаніе рязанской семин. арх. Макарія, стр. 7—9.

говорилъ ему Антонію: „іезуиты изъ Европы ѣздятъ къ монголамъ и китайцамъ и языкъ ихъ довольно знаютъ, не имѣя никакого акцесса пограничнаго, а наше де духовенство и пограничнаго языка не умѣетъ". По совѣту Измайлова онъ, Антоній, тогда же началъ хлопотать о заведеніи монгольской школы, для чего нарочно ѣздилъ къ тобольскому митрополиту Антонію за благословеніемъ, но получилъ отъ него такой отвѣтъ: „чего де не бывало давно, нечего того вновь и вымышляти". Начавъ вновь тоже дѣло, Платковскій предлагалъ школу монгольскую помѣстить въ Вознесенскомъ иркутскомъ монастырѣ, а на содержаніе ея приписать къ нему Преображенскій забайкальскій монастырь и обратить къ нему же въ крестьянство вкладчиковъ, которые поселились на его земляхъ и только пустошили его, находясь на полномъ его содержаніи. Св. Синодъ согласился на всѣ пункты этого доношенія и школа была открыта. Первоначально она была спеціально монгольская, потомъ уже послѣ смерти Петра расширила свой курсъ преподаваніемъ русскаго языка и явилась въ томъ видѣ, въ какомъ были другія духовныя школы по епархіямъ (1).

Такимъ образомъ въ теченіе четырехъ лѣтъ послѣ учрежденія Синода успѣло возникнуть до 13 школъ въ разныхъ епархіяхъ. Школьное обученіе распространялось довольно поспѣшно, но, не смотря на всѣ побужденія, какія шли сверху къ епархіальнымъ начальствамъ, непремѣнно и какъ можно скорѣе заводить школы по всѣмъ епархіямъ, оно все-таки не успѣло сдѣлаться при Петрѣ повсемѣстнымъ, да и тамъ, гдѣ уже было заведено, большею частію не успѣло утвердиться на прочномъ основаніи и подвержено было въ своемъ существованіи разнымъ случайностямъ. Современники приписывали замедленіе въ открытіи школъ при нѣкоторыхъ архіерейскихъ каѳедрахъ не

(1) Собран. постан. IV, № 1381. Также у *Пекарск.* стр. 121.

одному отвращенію отъ ученія со стороны низшаго духовенства, но и самимъ архіереямъ. „И сего не вѣмъ, чего ради тако дѣется, писалъ Посошковъ, токмо мню, аще и страшно ми изрещи, дабы архіерейская клятва на мя не пала, а наипаче не вѣмъ, како ми восписати, понеже азъ признаваю, еѣе отъ оплошки архіерейскія тако чинится" (1). Нѣкоторые изъ великорусскихъ архіереевъ дѣйствительно показали большое нерасположеніе къ кіевскимъ нововведеніямъ, къ числу которыхъ относили и учрежденіе школъ, принимались за это дѣло неохотно, тянули его, а послѣ смерти грознаго царя, „вмѣняя себѣ въ добродѣтель все прежде небываломе въ Россіи истреблять безъ остатку" (2), немедленно распускали собранныхъ учениковъ по домамъ, а школы закрывали. Но одну архіерейскую оплошку все-таки никакъ нельзя считать единственною причиною не столь быстраго и прочнаго зеведенія школъ, какое бы желалось. Припомнимъ, что даже такіе архіереи-ревнители образованія, какъ св. Димитрій ростовскій, принуждены были иногда почти вовсе отступаться отъ тяжелаго школьнаго дѣла и горько жаловались на неблагопріятныя для него условія. Какъ только началось устроеніе школъ по Д. Регламенту, такъ и архіереи и самъ св. Синодъ встрѣтились при этомъ съ непреодолимыми на первый разъ препятствіями, какія представляла крайняя скудость какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ средствъ по епархіямъ.

Правда, нѣкоторые архіерейскіе домы были богаты, но другіе никакъ не могли покрыть тѣхъ расходовъ, какіе сопряжены были съ заведеніемъ и содержаніемъ школы. Хлѣбный сборъ съ церковныхъ и монастырскихъ земель, положенный Регламентомъ въ самую основу школьной экономіи, кромѣ того, что тре-

(1) Сочин. *Посошкова*, стр. 3.

(2) Слова И. Любарскаго о Гаврилѣ казанскомъ.

бовалъ для своей организаціи времени, самъ по себѣ былъ источникомъ непостояннымъ, вполнѣ завися отъ степени мѣстнаго урожая хлѣбовъ въ тотъ или другой годъ, и кромѣ того сопровождался большими затрудненіями при его доставкѣ въ школу, особенно изъ отдаленныхъ отъ нея приходовъ и монастырей тогдашнихъ огромныхъ епархій. Въ 1724 году въ новгородской епархіи придумана была мѣра, направленная къ устраненію этихъ неудобствъ: хлѣбный сборъ для церквей замѣненъ былъ денежнымъ, по 4 алтына и 4 деньги съ каждой четверти земли, а доставка хлѣба натурой оставлена за одними монастырями; „понеже, писалось въ архіерейскомъ указѣ, новгородская епархія имѣетъ разстояніе великое, и за такимъ въ дальнихъ верстахъ разстояніемъ тѣмъ церковнымъ служителямъ каждому своя часть хлѣбомъ въ Великій Новгородъ привозить зѣло трудно и убыточно, ибо съ тѣхъ церковныхъ земель имѣетъ быть токмо четверика по 3, а съ малоимущихъ по четверику“,—монастыри же, какъ болѣе или менѣе крупные землевладѣльцы, могутъ менѣе стѣсняться доставкой натуральнаго сбора (1). Но при этомъ не обращено было вниманія на тяжесть такой замѣны для духовенства въ годы неурожайные, потому что денежный сборъ назначенъ былъ уже не съ приплоднаго хлѣба, какъ узаконено было Регламентомъ, а съ самой земли, давала ли она надлежащій доходъ владѣльцамъ, или нѣтъ. Наконецъ, количество хлѣбнаго сбора по разнымъ епархіямъ было чрезвычайно неравномѣрно, такъ какъ зависѣло отъ количества поземельныхъ надѣловъ у церковныхъ учрежденій; въ однихъ епархіяхъ не только монастыри, но и многія церкви имѣли большія земельныя дачи; въ другихъ церкви большею частію вовсе не имѣли земель, а монастырей было мало, такъ что введеніе хлѣбнаго сбора для содержанія школъ было

(1) Новогородск. школы. Христ. Чт. 1877 г. ч. I, 361 и примѣч.

почти безполезно. Но обратимся къ фактическимъ даннымъ.

Въ 1727 г. верховный тайный Совѣтъ потребовалъ отъ Синода свѣдѣній: „при всѣхъ ли епархіяхъ школы и ученики по силѣ Д. Регламента содержатся? Сколько въ которой епархіи тѣхъ учениковъ сначала было и нынѣ обрѣтается, и до какихъ наукъ произошли, и въ какое достоинство куда произведены? А буде зачѣмъ въ которой епархіи таковыхъ школъ и учениковъ не содержится, о томъ объявить именно. И по силѣ того Регламента на пропитаніе учениковъ всякаго хлѣба, отъ монастырей 20, а отъ церковныхъ земель 30 часть, берется ли“? Въ отвѣтъ на этотъ запросъ св. Синодъ, на основаніи донесеній изъ епархій, составилъ подробную вѣдомость о всѣхъ школахъ своего вѣдомства, представляющую любопытныя данныя касательно состоянія, въ какомъ они остались послѣ смерти Петра.

Изъ этой вѣдомости оказывается, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ школъ вовсе не было открыто, какъ-то: въ крутицкой „за неимуществомъ монастырей“, въ переяславской „за скудостію епархіи, въ которой и служителей небольшое число содержатся съ нуждой“, въ астраханской затѣмъ, что „оныхъ школъ и учениковъ содержать нечѣмъ, понеже при домѣ архіерейскомъ и монастырѣхъ и при церквахъ никакихъ вотчинъ и земель не обрѣтается“. Въ другихъ епархіяхъ хлѣбный сборъ производился не сполна, или вовсе не производился за бѣдностію церковныхъ учрежденій. Такъ, въ Бѣлгородѣ „церковники своихъ дѣтей учили сами собою, а которые за крайнею скудостью прокормиться не могутъ, сказано въ вѣдомости, тѣ питаются отъ дому архіерейскаго въ учрежденной бурсѣ, а монастыри весьма скудны и доходовъ ни откуда не получаютъ, питаются своими трудами и мірскимъ подаяніемъ“. Въ коломенской епархіи хлѣбъ собирался только съ нѣкоторыхъ монастырей за бѣдностію остальныхъ; съ церквей назначенъ былъ го-

довой сборъ, съ каждой по 3 четверти хлѣбомъ и по 5 коп. деньгами, безотносительно къ годовому количеству хлѣба приплоднаго, какъ въ Новгородѣ. Въ вятской епархіи за недородомъ и скудостію хлѣбъ не собирался вовсе и школа содержалась исключительно на средства архіерейскаго дома. Въ Нижнемъ архіерейскій домъ содержалъ только учителей и покупалъ на свой счетъ учебныя пособія, а ученики всѣ учились на своемъ коштѣ; хлѣбъ не сбирался, „потому что въ епархіи имѣется знатный одинъ Печерскій монастырь, но изъ него оставшійся за братскимъ расходомъ и за сѣменами хлѣбъ, по присланнымъ указамъ, берется повсягодно въ Москву, а на другіе расходы держать не велѣно, а въ прочихъ во всѣхъ монастыряхъ за братскими расходами не токмо повсягодной какой остатокъ хлѣбу бываетъ, но еще многой имѣется и недостатокъ. Также и при приходскихъ церквахъ у священниковъ съ причетники церковныхъ земель, съ которыхъ они данныя деньги платятъ, нигдѣ довольныхъ не обрѣтается, и ежели отъ тѣхъ земель взять у нихъ законныя части, священникомъ съ причетники, за малоимуществомъ тѣхъ церковныхъ земель, въ пропитаніи будетъ немалая тщета. И того ради, во общую тѣхъ священниковъ съ причетники пользу, въ вышереченныя школы къ принадлежащимъ наукамъ брались, по распоряженію преосвящ. Питирима, дѣти отъ такихъ отцевъ, кои бъ могли во время бытія въ тѣхъ школахъ довольствовать сами своимъ коштомъ“. Въ Холмогорахъ въ годъ собиралось 134 четверти хлѣба, но по недостаточности этого количества архіерейскій домъ долженъ былъ дѣлать къ нему значительныя прибавки отъ себя, наприм. выдавалъ ученикамъ соль, масло, капусту, рыбу, молоко и проч., также дрова. Изъ тобольской епархіи писали, что по скудости церквей и монастырей хлѣбъ тамъ не сбирался,—только съ Далматова монастыря присылалось небольшое количество солода на квасъ школьникамъ. Въ иныхъ мѣстахъ епархі-

альныя начальства принуждены бывали вдругъ переводить всѣхъ учениковъ съ своего содержанія на ихъ собственное за случайнымъ оскудѣніемъ хлѣба, вслѣдствіе неурожая, какъ наприм. случилось въ тверской епархіи, а то даже и вовсе распускали ихъ по домамъ. Изъ Казани писали, что по распоряженію архіерея весной 1723 г. „за недостаточествомъ студентамъ пищи и одежды, отпущено дѣтей въ домы свои до указу—9, да изъ малолѣтнихъ отдано отцамъ ихъ для обученія въ домѣхъ своихъ часословцевъ и псалтырей — 11, выпущено въ подушный окладъ — 3, за неудобностію и непріятіемъ науки отослано 2, умерло 6, въ побѣгѣ 14, въ священническій чинъ произведены 2“; въ школѣ на лице осталось всего навсего 5 человѣкъ. Въ суздальской и вологодской епархіяхъ всѣ ученики распущены по домамъ; впрочемъ это случилось уже послѣ смерти Петра и было, кажется, проявленіемъ архіерейскаго нерасположенія къ школамъ; въ Вологдѣ при этомъ и хлѣба нѣсколько собрали, но по роспускѣ учениковъ онъ былъ употребленъ на засѣвъ архіерейской земли.—Указаны и другія причины недостаточности средствъ къ школьному содержанію, которыя зависѣли уже отъ самого правительства. Такъ, мы видѣли, что изъ Нижняго остаточный хлѣбъ велѣно было брать въ Москву. Изъ рязанской епархіи, по указу царя, онъ весь поступалъ „на синодальное правительство“. Изъ Ростова доносили, что хлѣбъ тамъ не сбирался „за недородою, да и для того, что хотя гдѣ остаточный хлѣбъ за сѣмяны и за обыкновенными расходами и былъ, и оный бранъ въ Москву въ камеръ-контору и генералитету, отъ чего ученикамъ въ обученіи учинилась остановка, того ради они распущены въ домы свои, со взятіемъ у отцевъ ихъ сказокъ, дабы показаннымъ наукамъ (чтенію и пѣнію) обучали въ домѣхъ своихъ“ (1).

(1) Извлеченія изъ этой вѣдомости см. у *Пекарскаго*, I, 109—121.

Изъ этой же вѣдомости видимъ также, что ни хлѣбный сборъ, ни другіе источники содержанія школъ, зависѣвшіе отъ архіерейскихъ домовъ, при Петрѣ не успѣли еще получить надлежащей организаціи. Дѣло было совершенно новое, какъ слѣдуетъ не выясненное, и потому вполнѣ еще зависѣло отъ большей или меньшей находчивости и энергіи мѣстныхъ архіереевъ. Св. Синодъ общихъ способовъ для содержанія школъ не имѣлъ, а мѣстныхъ источниковъ не зналъ и руководить ихъ употребленіемъ былъ не въ состояніи. Неизвѣстность эта простиралась до того, что въ Синодѣ не въ состояніи были опредѣлить даже приблизительныхъ цифръ архіерейскихъ и монастырскихъ доходовъ по епархіямъ; само правительство должно было назначать свои окладные и неокладные сборы съ церковныхъ учрежденій почти наобумъ. Несмотря на то, что указы о составленіи экономическихъ вѣдомостей и инвентарей по церковному вѣдомству выходили одинъ за другимъ непрерывно еще съ 1701 года, вѣдомости эти такъ и не были составлены въ полномъ и опредѣленномъ видѣ во все время царствованія Петра, а между тѣмъ безъ нихъ центральная администрація не могла составить ни точныхъ штатовъ для архіерейскихъ домовъ и монастырей, ни назначить общихъ окладовъ на школы, о которыхъ не разъ возникалъ у нея вопросъ. Въ концѣ 1724 г. вицепрезидентъ Синода Ѳеодосій Яновскій предлагалъ внести вопросъ о содержаніи духовныхъ школъ на разсужденіе въ конференціи Сената съ Синодомъ, имѣющей состояться по представленіи сочинявшихся въ Синодѣ вѣдомостей о содержаніи церковныхъ учрежденій для аппробаціи государя. Св. Синодъ приговорилъ: „о ономъ школъ содержаніи, коликихъ гдѣ учителей и учениковъ на какомъ денежномъ и хлѣбномъ трактаментѣ и прочемъ довольствѣ имѣть, о томъ учинить съ правит. Сенатомъ конференцію, на которой предложить синодальное мнѣніе, что надлежитъ въ генеральномъ о архіерейскихъ до-

мѣхъ опредѣленіи, по учиненному въ Д. Регламентѣ опредѣленію, на содержаніе въ архіерейскихъ домахъ школьныхъ учителей и учениковъ и на прочія ихъ потребности, назначенную отъ каждаго монастыря двадцатую долю всякаго хлѣба изъ числа собираемаго хлѣба для отдачи въ архіерейскіе домы выключать особно и изъ тѣхъ монастырей отсылать непремѣнно; а о денежныхъ на то школьное содержаніе доходахъ, въ которые домы поколику откуду опредѣлить, о томъ дабы учинено было разсмотрѣніе въ правит. Сенатѣ, въ который для того сообщить вѣдѣніе по обыкновенію" (1). Вслѣдъ за этимъ во всѣ епархіи разосланы были грозные указы немедленно составить вѣдомости, требуемыя къ генеральному опредѣленію объ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, и представить ихъ въ Синодъ (2). Но такіе же грозные указы съ строжайшими подтвержденіями и назначеніемъ штрафовъ за промедленіе неоднократно посылались и прежде, а *дѣло о вѣдомостяхъ плохо подвигалось впередъ; не подвинулось и теперь.*

Вслѣдствіе такихъ *обстоятельствъ все матеріальное благосостояніе* духовныхъ школъ должно было зависѣть единственно отъ епархіальныхъ начальствъ, а не отъ центральной духовной администраціи. По донесеніямъ изъ епархій о скудости архіерейскихъ домовъ и монастырей св. Синоду ничего не оставалось дѣлать, какъ только посылать архіереямъ разрѣшеніе на сокращеніе числа учениковъ по разсчету мѣстныхъ средствъ къ ихъ содержанію. Въ 1723 г. митрополитъ тобольскій Антоній доносилъ св. Синоду, что при его домѣ въ школѣ состояло до 90 учениковъ, и просилъ указанія касательно средствъ къ ихъ содержанію: архіерейскій де домъ скуденъ, за недородомъ и служителей своихъ всѣхъ прокормить не

(1) Собран. постановл. IV, № 1434. Сравн. № 1187, п. 1.

(2) Тамже № 1435.

можетъ, церковныхъ вотчинъ нѣтъ, монастырей обильныхъ хлѣбомъ по близости Тобольска не обрѣтается,— едва на братію достаетъ, а по Д. Регламенту слѣдуетъ брать на школы изъ однихъ хлѣбныхъ доходовъ. Синодъ отвѣчалъ на это только ссылкой на тотъ же Регламентъ и прибавилъ, что, если по скудости „довольнаго числа школьниковъ содержать не можно, то содержать толико, коликимъ возможно удовольствованнымъ быть, безъ излишества“ (1). Послѣ такого рода распоряженій св. Синоду, разумѣется, не приходилось быть особенно взыскательнымъ и въ томъ случаѣ, когда гдѣ нибудь архіерей и совсѣмъ распуститъ свою школу, донося, что хлѣбъ не уродился по всей епархіи, и ученикамъ содержаться рѣшительно нечѣмъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда сами архіереи указывали ему усмотрѣнный ими новый источникъ содержанія для своихъ школъ, онъ былъ очень доволенъ и посылалъ съ своей стороны полное разрѣшеніе этимъ источникомъ пользоваться. Сюда можно отнести любопытный указъ отъ 20 ноября 1724 г. въ Бѣлгородъ въ отвѣтъ на просьбу епископа Епифанія, который усмотрѣлъ, что въ с. Каплуновкѣ ахтырскаго полка при чудотворномъ образѣ Богоматери много находится дорогихъ привѣсовъ, а причтъ приходской церкви получаетъ много дохода отъ молебновъ, и просилъ позволенія воспользоваться этими привѣсами и доходомъ въ пользу своихъ школъ. Св. Синодъ опредѣлилъ: привѣсы, какъ запрещенные закономъ, отобрать на содержаніе школъ, а для молебновъ опредѣлить іеромонаховъ архіерейскаго дома, которымъ и собирать всѣ молебенные доходы съ надлежащими записями въ книги, „и что собрано будетъ, по присылкѣ въ домъ употреблять на означенныхъ школьныхъ учителей и учениковъ содержаніе, а въ другіе расходы отнюдь никуды не держать“; членамъ причта каплу-

(1) Собран. постановл. IV, № 1393, п. 6.

новскаго довольствоваться своими обычными церковными доходами и въ сборы іеромонаховъ архіерейскихъ не вступаться. Св. Синодъ не побоялся въ этомъ случаѣ отмѣнить даже распоряженіе кн. Меншикова, который когда-то, по просьбѣ каплуновскаго причта, самъ разрѣшилъ ему пользоваться доходами отъ иконы, принадлежавшими прежде Ахтырскому монастырю (1).

Одной изъ самыхъ раціональныхъ облегчительныхъ мѣръ для школьной экономіи было дозволеніе младшимъ школьникамъ получать начальное элементарное образованіе внѣ школы, при чемъ обязательность обученія духовныхъ дѣтей могла оставаться во всей силѣ, а между тѣмъ въ школѣ устранялось чрезвычайное и почти безполезное для дѣла скопленіе мальчиковъ, которые легко могли обучиться грамотѣ и дома или у старыхъ приходскихъ мастеровъ, не отрываясь отъ необходимой для нихъ по ихъ возрасту семейной обстановки и не обременяя своимъ содержаніемъ архіерейскаго дома. Прямыхъ распоряженій объ этомъ отъ высшаго начальства не было, но практика, какъ видимъ изъ указанной вѣдомости, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ очень рано прибѣгнула къ такой мѣрѣ, а со временемъ сдѣлала ее повсюдною. Такимъ образомъ на дѣлѣ само собой обнаружилось, что администрація навязала новой духовной школѣ слишкомъ непосильную для нея задачу не только въ педагогическомъ, но и въ матеріальномъ, экономическомъ отношеніи. Сама жизнь требовала отдѣленія элементарнаго обученія отъ профессіональнаго и поддержки старыхъ приходскихъ школъ, на которыя администрація теперь вовсе не желала обращать вниманія. Приходскія школы и мастера оставались на своихъ мѣстахъ по очевидной въ нихъ нуждѣ и продолжали свое скромное дѣло распространенія грамотности, какъ дѣ-

(1) Собр. постан. IV, № 1421.

ло частное и свободное, безъ всякой матеріальной поддержки со стороны властей, какая требовалась для школъ новыхъ, и даже безъ всякаго руководительнаго надзора. Пока архіерейскія школы только лишь устроивались и число выпускаемыхъ ими привиллегированныхъ кандидатовъ на церковныя мѣста было не велико, этѣ частныя школы и мастера оставались даже самыми главными источниками для образованія духовенства и давали наибольшій контингентъ кандидатовъ на духовныя должности. Такое значеніе они сохраняли не только при Петрѣ, но неопредѣленно-долгое время и при его преемникахъ (1). Не обращая на нихъ вниманія, духовная администрація очевидно уже слишкомъ увлекалась своими утилитарно-служебными видами и надеждами исключительно на однѣ свои собственныя духовныя школы. Только въ одной новгородской епархіи встрѣчаемъ со стороны епархіальнаго начальства попытку поставить элементарное образованіе подъ свой надзоръ посредствомъ заведенія общеобразовательныхъ низшихъ школъ въ главныхъ пунктахъ епархіи отъ архіерейскаго дома и назначенія въ нихъ учителей изъ учениковъ архіерейской школы, попытку скоро впрочемъ оставленую безъ вниманія;—объ этомъ предметѣ мы еще будемъ говорить послѣ. Приходскія и др. низшія частныя школы съ ихъ мастерами такъ и остались въ сторонѣ отъ современнаго просвѣтительнаго движенія, а духовная власть между тѣмъ отъ этого самаго выпустила изъ своихъ рукъ важнѣйшую для ея попеченій сторону народной жизни,—народное образованіе.

Не менѣе матеріальной скудости развитію духовныхъ школъ мѣшала скудость въ средствахъ духов-

(1) О прих. школахъ см. Очерки быта малоросс. дух. въ Рук. для сельск. паст. 1864 г. № 42, и 1861 г. № 39 и 51. Госуд. и народное образованіе *Владимірскаго-Буданова*: въ Журн. М. Нар. Просв. 1873 г. Окт. и ноябр.

ныхъ. Какъ только въ епархіяхъ приступили къ практическому осуществленію плановъ Д. Регламента, такъ прежде всего возникъ вопросъ о томъ, откуда взять нужное число способныхъ учителей новыхъ латинскихъ ученій. Московскую академію еще кое какъ удалось наполнить ими изъ Кіева. Но удовлетворить такому огромному запросу на нихъ, какой единовременно и почти неожиданно явился на нихъ въ разныхъ концахъ Россіи, одинъ Кіевъ удовлетворить оказывался не въ состояніи, а еще взять ихъ было неоткуда. Со временемъ московская академія должна была оказать въ этомъ случаѣ большую подмогу для кіевской, но ждать этого было долго. Сами кіевляне не совсѣмъ охотно отправлялись въ великорусскія епархіи, зная, что ихъ тамъ не особенно жалуютъ въ народѣ и духовенствѣ и что единственной поддержки можно тамъ ждать отъ одного развѣ архіерея, если впрочемъ онъ тоже изъ малороссовъ и если его не скоро переведутъ куда нибудь на другую каѳедру. Неохотно отпускали ихъ туда и ихъ собственныя кіевскія начальства, академическое и епархіальное, сами имѣя до нихъ немалую нужду. На требованія изъ Москвы прислать въ академію такихъ-то и такихъ-то ученыхъ монаховъ изъ Кіева неоднократно отвѣчали просьбами, нельзя ли оставить ихъ при кіевской академіи или каѳедрѣ, которыя тоже крайне въ нихъ нуждаются. Такъ въ 1721 г. кіевская лавра доносила св. Синоду, что съ отъѣздомъ требовавшихся тогда въ Москву четырехъ ученыхъ монаховъ кіевскія школы „будутъ праздны и собранные ученики принуждены будутъ разойтись врознь и за границы для исканія ученія“. Въ 1723 г. на подобное же требованіе о высылкѣ ученыхъ людей кіевскій архіепископъ Варлаамъ писалъ, что у него при каѳедрѣ и по монастырямъ по всей епархіи такое чувствуется въ ученыхъ людяхъ оскудѣніе, что на игуменскія вакансіи или на послушаніе казнодѣйское (проповѣдническое) и экзаминаторское негдѣ ихъ и

достать, особенно съ тѣхъ поръ, какъ по новымъ указамъ стѣснили свободу постриженія для желающихъ монашества, въ томъ числѣ и для студентовъ;—Богъ вѣсть, гдѣ ихъ придется искать и на профессорство въ коллегіи (1). Св. Синодъ сердился на такія представленія, дѣлалъ выговоры, но не могъ не чувствовать всей ихъ справедливости. Въ самомъ Регламентѣ говорилось о недостаткѣ въ ученыхъ людяхъ и потому позволялось выбирать въ учители архіерейскихъ школъ и „неискусныхъ въ требуемомъ ученіи", а только „остроумныхъ" людей: „такому повелѣть полгода или годъ самому учиться отъ авторовъ въ дѣлѣ томъ искусныхъ, аще учителемъ хощетъ быть".

Нѣкоторые архіереи-малороссы, отправляясь на великорусскія каѳедры, успѣвали заранѣе запастись учителями въ Малороссіи, которыхъ и привозили съ собой на мѣсто своего служенія; другіе вызывали желающихъ, уже поступивъ на каѳедру и справившись съ ея средствами для заведенія школъ. Но и эти учители были большею частію изъ некончившихъ академическій курсъ въ Кіевѣ, какъ наприм. упомянутый Маевскій въ Смоленскѣ. Въ вѣдомости св. Синода 1727 г. упоминаются даже учители польской породы, можетъ быть даже не православные, которыми архіереи, за неимѣніемъ лучшихъ, спѣшили воспользоваться для введенія въ свои школы латинскаго языка, каковы: въ Казани шляхтичъ Свѣнцицкій или въ Тобольскѣ нѣкто Michaylo Lukaszewicz. За тѣмъ въ большинствѣ школъ видимъ все учителей изъ мѣстнаго духовенства, изрѣдка изъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ архіерейскаго дома, а большею частію изъ мѣстныхъ дьяконовъ, дьяковъ, пономарей, поповыхъ дѣтей, не пристроившихся къ мѣсту, и архіерейскихъ пѣвчихъ. Съ помощію такихъ людей обученіе, разумѣется, не могло далеко уйти и курсы архіерейскихъ школъ должны были постоянно держаться на уровнѣ почти одного элементарнаго обученія.

(1) Опис. син. арх. I, 675—676. Собран. постан. IV, 1169.

Вслѣдствіе такого недостатка въ просвѣтительныхъ средствахъ св. Синодъ на другой же годъ долженъ былъ значительно спустить тонъ просвѣтительныхъ требованій, слишкомъ высоко настроенный Д. Регламентомъ. Въ указѣ 31 мая 1722 г. о заведеніи школъ было сказано: „А понеже совершеннѣйшихъ ученій, богословскаго и философскаго, также и нужднѣйшихъ языковъ искусства, еще за скудость довольныхъ къ сему учителей, предавать невозможно, того ради учить нынѣ въ архіерейскихъ школахъ церковническихъ дѣтей, въ надежду священства опредѣленныхъ, по недавно изданнымъ перваго отроковъ ученія книжицамъ, букварями именуемымъ (сочиненія Ѳеофана Прокоповича)... И къ тому ученію во оныя школы, коемуждо архіерею въ своемъ домѣ, опредѣлить умныхъ и честныхъ учителей, которые въ книжномъ чтеніи были бы остры и разумны, и правоглаголаніе добрѣ произносить, и удареніе просодіи, и препинаніе строчное безпогрѣшно соблюдать знали и другихъ научить были довольны, и могли бъ оныхъ учить не только чисто, ясно и точно по книгамъ читать, но и разумѣть, а наипаче такъ тщались бы имъ оные буквари въ твердую память вложить, дабы изустно читать могли. И какъ уже тѣхъ букварей они изучатся и писать понавыкнутъ, тогда начинать имъ во обученіе славенскую грамматику, какъ уже въ новогородской епархіи такое букварное въ школахъ тверженіе и грамматическое ученіе, не точію при архіерейскомъ домѣ въ В. Новгородѣ, но и въ прочихъ городѣхъ и уѣздѣхъ дѣйствительно является. А къ тому грамматическому ученію коемуждо архіерею ученыхъ людей получать, откуду кто возможетъ, и о томъ грамматическомъ ученіи всеприлежное имѣть тщаніе, дабы тое во общую пользу вездѣ размножалося". Кромѣ этого, какъ мы видѣли выше при разсматриваніи тогдашняго вопроса объ ариѳметическихъ школахъ, въ архіерейскія школы рекомендовалось ввести еще ариѳметическое ученіе. Такъ какъ въ

епархіяхъ ощущался большой недостатокъ въ книгахъ, то св. Синодъ распорядился о немедленномъ напечатаніи потребнаго числа букварей и о разсылкѣ какъ ихъ, такъ и славянскихъ грамматикъ (славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго, изданная Поликарповымъ въ 1721 г.) по всѣмъ епархіямъ по настоящей цѣнѣ, каковую и взять съ архіерейскихъ домовъ (1). Такимъ образомъ св. Синоду послѣ широкихъ проектовъ Д. Регламента волей неволей пришлось повернуть назадъ, чуть не къ старому допетровскому идеалу обученнаго человѣка, ограничивъ свои требованія въ дѣлѣ подготовки кандидатовъ на церковное пастырство одною грамотностію, да изученіемъ начатковъ православнаго ученія и ариѳметики. Что касается до самой практики духовныхъ школъ, то она отставала даже и отъ этихъ, болѣе чѣмъ скромныхъ, требованій.

Кромѣ двухъ академій, въ наиболѣе удовлетворительномъ положеніи находились школы въ черниговской и новогородской епархіяхъ, гдѣ школьное обученіе было довольно устроено еще раньше Д. Регламента на прежнихъ началахъ и по мѣстнымъ вкусамъ. Черниговская школа представляла поэтому типъ малороссійскихъ школъ кіево-латинскаго направленія, какія малороссійскіе іерархи стремились заводить и по великорусскимъ епархіямъ. Школа новогородская, возникшая на основѣ славяно-еллинскаго образованія, наиболѣе популярнаго въ Великороссіи, до конца Петровскаго царствованія продолжала сохранять главныя черты направленія, даннаго ей м. Іовомъ и Лихудами, не смотря на то, что на каѳедрѣ м. Іова возсѣлъ Ѳеодосій Яновскій и въ самой школѣ явился учитель латинскихъ ученій, а потому имѣла особенно важное значеніе въ ряду школъ описываемаго времени, обратившее на нее вниманіе и св. Синода и самого правительства. Остальныя школы тянулись уже

(1) Ист. росс. іер. I, 428. *Пекарск.* I, 114. 117—118.

за этими образцами и подходили болѣе или менѣе къ тому или другому изъ двухъ указанныхъ типовъ.

По своей близости къ кіевской академіи, — этой almae matris южно-русскаго духовнаго образованія, и частому духовному съ ней общенію, Черниговъ издавна отличался развитіемъ духовной учености между всѣми городами Малороссіи и насчитывалъ въ своемъ прошломъ уже довольное число именъ, прославившихся въ духовной литературѣ, каковы имена Лазаря Барановича, Адама Зерникава, Димитрія Туптала, Іоанникія Голятовскаго, Лаврентія Крещановича и др. Черниговскій коллегіумъ (1) быстро достигъ такого цвѣтущаго по тому времени состоянія, что приводилъ въ восторгъ современниковъ; они величали его черниговскимъ Олимпомъ, лицеемъ или вертоградомъ Паллады, Палладиною ареною, черниговскими Аѳинами и т. п. Число учениковъ въ немъ восходило до 250 человѣкъ. Курсъ его далеко не простирался, доходилъ только до риторики включительно; но за то еще въ 1708 г. коллегіумъ щегольнулъ собственной риторикой, которая вышла подъ названіемъ Clavis scientiarum, hoc est parva logica, vulgo dialectica ad expoliendas mentes tullionae iuventuti porrecta. Собственные учебники выпускала пока только сама alma mater, и появленіе Clavis'a было поэтому событіемъ весьма блестящимъ и славнымъ для черниговскихъ Аѳинъ. Изъ названія Clavis'a видно кромѣ того, что, хотя въ коллегіумѣ и не была еще преподаваема философія, но этотъ недостатокъ старались вознаградить сообщеніемъ ученикамъ главныхъ правилъ логики, нужныхъ для тогдашнихъ диспутовъ и другихъ проявленій учености, во время преподаванія риторики.

Характеръ школьнаго строя въ коллегіумѣ былъ точной копіей съ характера таковаго же строя въ кіевской академіи. Латынь стояла въ обученіи на первомъ планѣ съ самыхъ низшихъ классовъ. Прямо

(1) О черниг. коллегіумѣ см. Черн. епарх. изв. 1870 г. № 16.

послѣ перваго обученія мальчика чтенію и письму въ фарѣ и инфимѣ его сажали за Альварову грамматику и латинскія вокабулы. Въ грамматическомъ классѣ и синтаксимѣ Альваръ былъ уже въ полномъ ходу и сопровождался практическими упражненіями въ переводахъ съ латинскаго и польскаго языка на славянскій и обратно, извѣстныхъ подъ названіемъ exercitia и occupationes; въ черниговской семинарской библіотекѣ сохранилась одна тетрадь такихъ упражненій, выразительно названная ludus litteralis in arena scholastica. Тутъ же начинались разговорныя упражненія въ латинскомъ языкѣ и вводился въ употребленіе извѣстный calculus, длинный листъ въ футлярѣ, гдѣ записывались имена учениковъ, проговорившихся во время латинскаго разговора порусски, или выразившихся полатинѣ съ ошибками. Calculus этотъ сопровождалъ учениковъ изъ класса и въ ихъ бурсацкія комнаты; провинившійся противъ латини таскалъ его съ собою до тѣхъ поръ, пока не успѣвалъ самъ подловить въ латинской ошибкѣ или въ русскомъ словѣ другаго, которому и спѣшилъ передать опасный футляръ; у кого calculus переночевывалъ, тотъ подвергался на другой день ударамъ пали или ферулы. При подачѣ оккупацій учителю ученики могли заявлять certamina или споры на сидѣвшихъ въ классѣ выше ихъ, надписывая на тетради: certo de loco, de erratis, de diligentia cum domino NN; а то писалось также de plagis, или бѣдными учениками на богатыхъ: de pane, de candella и проч. Наказанія за неисправности были весьма суровыя. „Мню, говоритъ одна оккупація, яко должно заболѣти на сердцу и сотрепетати по рукамъ и ногамъ, кто хощетъ въ интихъ Аѳинахъ радоватися душею съ честнаго ученія, ибо Екклезіастій глаголи: всякаго ученія корень горекъ“.— Въ піитикѣ и риторикѣ начинался другаго рода ludus litteralis, состоявшій въ изученіи разнообразнѣйшихъ и мельчайшихъ формъ рѣчи стихотворной и прозаической, въ пріученіи учениковъ подламывать подъ эти

формы всякую мысль или, лучше сказать, мысль замѣнять формою, подбирать наиболѣе красивыя и звонкія слова, дѣлать всевозможныя амплификаціи, замѣняя одно слово цѣлымъ потокомъ синонимъ и эпитетовъ, составлять изъ нихъ полные, симметрическіе и плавные періоды, и наконецъ въ раскрытіи всѣхъ внѣшнихъ секретовъ силлогистики. Положительныхъ знаній не сообщалось никакихъ и все ученіе спеціально вращалось въ области однихъ формъ, сначала языка, потомъ рѣчи, и наконецъ всякаго рода конклюзій. Случайно какъ нибудь попадавшееся по дорогѣ in arena scholastica положительное свѣдѣніе принималось къ свѣдѣнію и интересовало схоларей единственно почти со стороны его пригодности для какого нибудь украшенія рѣчи, примѣра, подобія и т. п., въ качествѣ болѣе или менѣе подходящаго матеріала для той же ludus litteralis, которая составляла начало и конецъ всей этой формальной учености. Ученость эта давала человѣку одну возможность заняться наукой, одни грубыя орудія послѣдней, но, если онъ не восполнялъ своей односторонности послѣ новымъ ученіемъ и не побѣждалъ ее своимъ природнымъ талантомъ, онъ на весь вѣкъ оставался съ этими орудіями способнымъ составлять одни свои тонкіе силлогизмы и конклюзіи, можетъ быть крѣпкія съ формальной точки зрѣнія, но до наивности слабыя съ точки зрѣнія здраваго смысла и прямаго взгляда на вещи.

Въ Великороссіи большинство духовенства совершенно не понимало надобности подобнаго образованія и притомъ же на латинскомъ языкѣ. Преданія здѣшней духовной учености, еще очень пока свѣжія и не успѣвшія сгладиться подъ напоромъ западнаго вліянія, какъ они сгладились послѣ, тяготѣли къ православной Греціи, требовали знакомства съ греческимъ языкомъ и ничего не имѣли общаго съ Римомъ и его латынью. Ни въ народѣ, ни въ духовенствѣ не могли и представить, для чего будущему православному пастырю

нужно учиться латинскому языку, когда и греческій языкъ считался пока необычайно рѣдкою роскошью учености и удѣломъ немногихъ избранныхъ спеціалистовъ. Латинскій языкъ, по тогдашнему убѣжденію, не годился и въ качествѣ пособія для богословскаго образованія. Посошковъ писалъ, что православному богослову не зачѣмъ изучать труды какихъ нибудь Ѳ. Аквината, Бонавентуры, Васквеца, Бернарда и тѣмъ подобныхъ, церкви восточной противныхъ, латинскихъ авторовъ и что гораздо лучше было бы преподавать въ школахъ догматы вѣры на основаніи великихъ вселенскихъ учителей, св. отцевъ, а для этого слѣдовало бы перевести всѣ ихъ творенія на русскій языкъ. Замѣчательно, что почти туже мысль объ изученіи богословія провелъ Ѳеофанъ Прокоповичъ въ Д. Регламентѣ (въ отдѣлѣ о домахъ училищныхъ). Помимо этого въ латинскомъ образованіи югозападной школы того времени дѣйствительно было много фиктивнаго и несостоятельнаго. Латынь большею частію была какой-то формой безъ содержанія, пустой вывѣской учености, которой самой по себѣ, понимаемой въ собственномъ смыслѣ, за этой вывѣской на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не существовало. Фиктивность эта на югѣ по крайней мѣрѣ еще маскировалась знаніемъ самаго языка, которое весьма часто и благополучно могло скрывать полнѣйшее невѣжество относительно того, что на этомъ языкѣ преподавалось; въ Великороссіи и этой маски пока не было, потому что знакомство съ латинскимъ языкомъ только что вводилось. Человѣкъ безъ всякаго толку зубрилъ вокабулы, элементарь и первыя страницы Альвара по нѣсколько лѣтъ и оканчивалъ курсъ, дойдя только до синтаксиса, не изучивъ еще ровно ничего; а въ нѣкоторыхъ школахъ не доходили даже и до грамматики. Собственно говоря, духовенство было во многомъ право, уклонялсь отъ представленія своихъ дѣтей въ латинскія школы. Школа требовала большихъ жертвъ и со стороны отцевъ, и со стороны дѣтей, а между

тѣмъ плодовъ отъ этихъ жертвъ не видѣлось, кромѣ развѣ легчайшаго доступа къ церковному мѣсту. Въ латинской грамматикѣ, да въ какомъ нибудь „обхожденіи политичномъ, до семинаріи надлежащемъ“, практическій умъ не видалъ никакого проку и вовсе не находилъ резоновъ мѣнять старыя, привычныя средства къ приготовленію на церковныя должности у себя дома на новыя, непривычныя и сомнительныя. Еще далеко было не доказано, кто больше былъ обыкновенно приготовленъ къ священнослужительству, псалтырникъ ли, съ дѣтства служившій при церкви и практически изучившій и чтеніе, и пѣніе, и уставъ, или латынникъ изъ школы, заучившій только нѣсколько вокабулъ и латинскія флексіи. При такихъ условіяхъ очень естественно, что школьное обученіе дѣтей казалось для духовенства только тяжелою повинностью, неизвѣстно для чего ему навязанною, и правительство, радѣя о школьномъ дѣлѣ, должно было заняться такою же охотою за разбѣгавшимися школьниками, какою оно занималось за всѣми, уклонявшимися отъ назначенныхъ имъ повинностей.

Замѣчательно, что на такихъ недоучившихся латынниковъ весьма дурно смотрѣли и въ самой Малороссіи, гдѣ латынь была уже старинной и привычной принадлежностью ученыхъ людей. Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ мы видѣли, чрезвычайно желчно отзывался объ этихъ „школярикахъ, латиною губы помазавшихъ“, называя ученіе ихъ „привидѣннымъ и мечтательнымъ“, отъ котораго „вкусившіи человѣцы глупѣйшіи бываютъ неученыхъ, ибо, весьма темни суще, мнятъ себе быти совершенныхъ“. Латынь ихъ не простиралась далѣе частаго употребленія ими словъ: reverendissime, honestissime, pater, frater, dominus, amicus, stultus, asinus, salve, vale, ergo и т. п., а между тѣмъ отъ гордости и чванства ихъ никому житья не было. На мѣстахъ своихъ они постоянно сутяжничали, заводили ссоры, жаловались на оскорбленіе своей чести и требовали сатисфакціи. Прихо-

жане иногда формально просили архіерея, чтобы онъ далъ имъ въ священники человѣка простаго, а не латынника, потому что латынники неспокойно живутъ (¹). Въ Великороссіи, разумѣется, пока до этого не доходило, но въ послѣдствіи времени подобныя явленія обнаружились и здѣсь.

Заводя по великорусскимъ епархіямъ латинское ученіе, іерархи изъ малороссовъ невольно должны были почувствовать, что почва, на которой они сѣяли свое сѣмя, была почва совершенно новая и исторически къ тому не подготовленная, что учебныя потребности здѣсь вовсе не тѣ, какъ въ Малороссіи, и что волей неволей нужно допустить въ учебной программѣ нѣкоторыя принаровленія. Самъ царь, который требовалъ образованія духовенства и мысли котораго были хорошо извѣстны главнымъ заправителямъ этого дѣла, въ родѣ Ѳеофана Прокоповича и Ѳеодосія Яновскаго, далеко не былъ благосклоненъ къ риторической болтовнѣ и тратѣ времени на изученіе въ школахъ такихъ вещей, которыя могли пригодиться послѣ, при большемъ развитіи образованія, а не нужны были сейчасъ, требовалъ главнымъ образомъ катехизическаго ученія по какимъ нибудь краткимъ и яснымъ книжкамъ, въ которыхъ бы заключалось все, что нужно для народнаго наставленія, и ученіе о главныхъ догматахъ вѣры, и правила нравственной жизни, требовалъ, чтобы учители, и школьные и народные, не тратя лишнихъ словъ, прямо показывали дѣло, учили кратко и ясно, въ чемъ состоитъ путь спасенія. Когда издано было „Первое ученіе отроковъ“ Ѳ. Прокоповича, Петръ былъ очень доволенъ этой краткой брошюрой съ такимъ обильнымъ катихизическимъ содержаніемъ, велѣлъ обязательно ввести ее и въ школьное, и въ частное обученіе, а для народа читать по церквамъ за богослуженіемъ вмѣсто Ефре-

(¹) Очерки быта малоросс. дух. въ Руков. для сельск. пастырей 1864 г. № 46.

ма Сирина и другихъ чтеній, положенныхъ по уставу (1). При такихъ неблагопріятныхъ для кіевскихъ ученій условіяхъ введеніе этихъ ученій по епархіальнымъ школамъ пришлось лишь имѣть въ предметѣ для болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго времени, а въ данное время пока съузить и видоизмѣнить затѣянную программу школьныхъ курсовъ примѣнительно къ ближайшимъ потребностямъ мѣстнаго духовенства и народа. Наиболѣе удачный образчикъ такого примѣненія представила новгородская школа, пользовавшаяся вслѣдствіе этого особеннымъ вниманіемъ св. Синода.

Занявъ въ 1721 г. каѳедру м. Іова, Ѳеодосій Яновскій тогда же поспѣшилъ было завести въ новгородской семинаріи латинское ученіе и пригласилъ учителя, іеродіакона московскаго Заиконоспасскаго монастыря Іоасафа Туркевича (2). Латинскій учитель сразу занялъ первенствующее положеніе въ школѣ: одного жалованья ему назначено было 150 рублей въ годъ, тогда какъ лучшій изъ прежнихъ учителей греко-славянскаго ученія иподіаконъ Ѳедоръ Максимовъ получалъ только 20 руб. деньгами и 20 четвертей хлѣба (ржи и овса). Но не Туркевичу пришлось стать на первый планъ въ школьной жизни впослѣдствіи, а тому же греко-славянскому учителю Максимову. Не латынью стала извѣстна новгородская школа, а славянскою грамматическою мудростью, на которую былъ главный запросъ въ Великороссіи. Тогда какъ черниговскій коллегіумъ заявилъ себя изданіемъ риторическаго Clavis scientiarum, новгородская школа выступила въ свѣтъ изданіемъ (въ 1723 г.) „Грамматики славянской, вкратцѣ собранной въ греко-славянской школѣ, яже въ В. Новѣградѣ при домѣ архіерейскомъ“, которую авторъ Максимовъ посвятилъ Ѳеодосію, „яко

---

(1) П. С. З. т. VII, № 4472.

(2) О новгор. школѣ см. цитованную статью въ Христ. Чт. 1877 г. ч. I.

первый сея школы плодъ". Неизвѣстно, какъ училъ латинскій учитель и сколько было у него учениковъ, но у греко-славянскихъ учителей учениковъ было попрежнему весьма значительное число,—до 70, изъ коихъ 20 учились погречески; въ 1723 г. нѣкоторые изъ нихъ проходили даже славянскую риторику, приступивъ къ ней послѣ изученія греческаго языка.— Къ счастію для школы Ѳеодосій понялъ, въ чемъ была главная ея сила и не настаивалъ на непремѣнномъ преобразованіи ея на югозападный ладъ, на замѣнѣ славянской грамматики латинскою, какъ это сдѣлано было въ московской академіи; напротивъ самъ даже сдѣлался дѣятельнымъ распространителемъ грамматическаго ученія.

Къ его времени относится учрежденіе нѣсколькихъ малыхъ школъ для обученія дѣтей какъ духовнаго, такъ равно и свѣтскаго происхожденія, по разнымъ мѣстамъ обширной новогородской епархіи. Всѣхъ ихъ было 15: знаменская, николаевская, разважская, великолуцкая, новоторжская, каргопольская, старорусская, устюжно-желѣзопольская, олонецкая, онтинская, потомъ (съ 1724 г.) вмѣсто нея петрозаводская, тихвинская, валдайская, бѣжецкая, хутынская и юрьевская (1). Кромѣ трехъ школъ, каргопольской, гдѣ преподавалась славянская грамматика, новоторжской, гдѣ учились даже греческому языку, и великолуцкой, гдѣ преподавалась риторика, всѣ эти школы имѣли первоначальный курсъ, состоявшій въ обученіи славянскому чтенію и письму и изученіи книжки Ѳеофана „Первое ученіе отрокомъ". Учителями въ эти школы посылались новогородскіе грамматисты съ содержаніемъ отъ архіерейскаго дома или мѣстныхъ монастырей. Изъ одного предложенія Ѳеодосія св. Синоду отъ

(1) Учрежденіе этихъ школъ въ Ист. Росс. Іер. несправедливо приписывается м. Іову. Кромѣ одной знаменской школы, всѣ они возникли въ началѣ 1720-хъ годовъ. См. указ. статью въ Христ. Чт. стр. 352—353, и *Пекарскаго* I, 113.

1723 г. видно, что онъ возлагалъ большія надежды на своихъ грамматистовъ въ дѣлѣ распространенія религіознаго образованія и кромѣ того намѣревался чрезъ нихъ дать правильную организацію подъ вѣденіемъ духовной власти всему вообще элементарному народному образованію своей епархіи, замѣняя ими прежнихъ вольныхъ мастеровъ грамотности, пользовавшихся у начальства очень дурной репутаціей. Упомянувъ въ этомъ предложеніи о распоряженіяхъ касательно возможно большаго распространенія катихизическаго обученія дѣтей по Букварю Прокоповича, онъ выставляетъ далѣе необходимость толкованія при изученіи этого Букваря и необходимость при этомъ грамматики: „толкованіе не такъ свойственно есть тѣмъ, которые грамматическаго непричастны суть художества, какъ грамматистомъ оное прилично и способно; того ради опредѣлено мною какъ въ В. Новгородѣ, такъ и во всей моей епархіи у онаго дѣтей ученія быть однимъ точію грамматистомъ, которые въ обрѣтающейся при домѣ моемъ школѣ славенскую грамматику ученіемъ окончили, а невѣждъ до такого дѣтей ученія, которое, яко невѣжеское, не полезно есть, допущать невелѣно и весьма имъ въ томъ запрещено“. Съ цѣлью отстранить невѣждъ отъ обученія дѣтей и заводились школы по разнымъ мѣстамъ новгородской епархіи. Въ виду удобствъ, какія онѣ представляли для обученія дѣтей, каждая въ своей мѣстности, духовныхъ дѣтей, которыя къ тому ученію удобны, ведѣно было отъ епархіальнаго начальства понуждать къ поступленію въ школы „всѣхъ необходно, дабы не въ невѣжествѣ возрастали, но потребнаго имъ ученія отъ лѣтъ отроческихъ были научены“. Что касается до дѣтей свѣтской команды, то къ понужденію ихъ у епархіальнаго начальства не было достаточно средствъ и власти. Поэтому Ѳеодосій представлялъ св. Синоду: хотя и „заказано въ епархіи моей, дабы, кромѣ оныхъ славянскую грамматику кончившихъ, никого никто учить отнюдь не

держалъ,... однакожъ не во всѣхъ то содержится, но однѣ токмо духовной власти подчиненные дѣтей своихъ во оное грамматистомъ ученіе отдаютъ, которыхъ уже въ епархіи моей по разнымъ городамъ и мѣстамъ больше 500 человѣкъ обрѣтается, а отъ разночинцовъ самое весьма малое дѣтей значится число, а именно при толикомъ оныхъ множествѣ едва съ 30 человѣкъ находится,... и тѣмъ дается знать, что оные свѣтскіе обыватели, презирая вышеозначенное уставленіе, паки дѣтей своихъ попрежнему обучаютъ невѣждами". Вслѣдствіе этого онъ просилъ, чтобы св. Синодъ позаботился сдѣлать обученіе дѣтей въ школахъ у грамматистовъ обязательнымъ и для свѣтскихъ людей (1). Св. Синодъ тоже не могъ этого сдѣлать самъ и снесся съ Сенатомъ. Въ Сенатѣ порѣшили издать указъ согласно предложенію Ѳеодосія, но обязали грамматистовъ не принимать свѣтскихъ дѣтей свыше 15 лѣтъ возраста, чтобы они подъ предлогомъ школьнаго ученья не уклонялись отъ смотровъ и государственной службы (2).—Вслѣдствіе такой настойчивости епархіальнаго начальства число учениковъ въ школахъ было всегда весьма значительное, не смотря на то, что они содержались во время ученья на свой собственный счетъ. По вѣдомости о школахъ 1727 г., представленной св. Синодомъ въ верховный совѣтъ, со времени учрежденія этихъ школъ по 1726 годъ въ нихъ обучалось 923 ученика (3).

Не можемъ здѣсь кстати не привести нѣкоторыхъ свѣдѣній, сохранившихся въ архивѣ св. Синода, касательно внутренней жизни этихъ школъ и отношеній между учителями и учениками. Судя по одной жалобѣ учениковъ каргопольской школы на учителя Степана Максимова, положеніе учениковъ въ этихъ

---

(1) Собран. постан. III, 1097.

(2) Тамъ же IV, 1262.

(3) *Пекарск.* I, 113.

школахъ было очень похоже на то, какое обыкновенно устраивалось въ домовыхъ школахъ у старинныхъ мастеровъ книжнаго ученія. Ученикъ поступалъ къ учителю не только въ науку, но и въ услуженіе, долженъ былъ помогать ему по дѣламъ домоводства, исправлять домашнія работы, быть на посылкахъ и т. п. Каргопольскіе ученики жаловались, что учитель чуть не каждый день посылалъ ихъ версты за три въ лѣсъ по дрова, при чемъ они должны были возить эти дрова на себѣ, зимой въ саняхъ, а лѣтомъ на карбасѣ по водѣ, а послѣ такого дневнаго труда уже вечеромъ сажалъ ихъ за книгу и держалъ часовъ до 11—12, отправлялъ ихъ также верстъ за 9 и дальше для сбора ягодъ; однажды самъ съ женой вздумалъ прогуляться за ягодами въ лодкѣ и заставилъ учениковъ тянуть лодку по озеру бичевою, версты четыре вдоль берега, по поясъ въ водѣ; когда они продрогли и измучились, такъ едва ихъ пустилъ на карбасъ, да еще чуть не прибилъ, — зачѣмъ ягодъ мало набрали; въ другое время поѣхалъ къ знакомымъ на праздникъ Рождества Богородицы верстъ за 100 и проѣздилъ 3 недѣли, — карбасъ на эту поѣздку нанятъ былъ на счетъ учениковъ, ученики же и возили его, то садясь въ весла, то принимаясь за бичеву. Свѣдѣнія эти могутъ служить любопытнымъ дополненіемъ къ обрисовкѣ извѣстнаго типа старинныхъ нашихъ мастеровъ-педагоговъ, подвизавшихся въ партикулярныхъ школахъ; учитель Максимовъ съ этой стороны можетъ съ честью занять мѣсто наряду съ знаменитымъ по запискамъ Данилова пономаремъ Брудастымъ.

Грамматическое обученіе, заведенное въ Новгородѣ, св. Синодъ призналъ нужнымъ и для другихъ духовныхъ школъ; устройство учебной части въ новгородской школѣ сдѣлалось образцомъ, на который св. Синодъ указывалъ всѣмъ епархіальнымъ начальствамъ для руководства еще раньше приведеннаго предложенія Ѳеодосія въ указѣ 31 мая 1722 года,

гдѣ говорилось о невозможности устроить училищные курсы въ полномъ видѣ и необходимости ограничить ихъ на первыхъ порахъ лишь необходимыми предметами низшаго образованія. Такимъ образомъ кіевскія ученія пришлось отложить пока въ сторону и начать дѣло образованія духовенства не съ латинскихъ наукъ, а именно съ того самаго мѣста, на которомъ остановились прежніе великорусскіе ревнители просвѣщенія въ Новгородѣ.

Съ начала 1723 г. стали въ самомъ дѣлѣ принимать мѣры къ введенію въ школахъ грамматическаго ученія. Бывшій директоръ синодальной типографіи и издатель грамматики М. Смотрицкаго Поликарповъ вошелъ въ св. Синодъ съ доношеніемъ, въ которомъ писалъ: „нынѣ любомудрымъ Вашего Святѣйшества тщаніемъ повсюду разсѣваются грамматики славянскія, непотребныхъ трудовъ моихъ послѣдній плодъ, ради познанія орѳографіи и праворѣчія; но что можетъ дѣйствовать сама грамматика безъ наставника? и коль много преподаяти ону инымъ юнымъ охотниковъ обрѣтеся? Воистину жатва многа, дѣлателей же мало! А училища на сію особую науку нигдѣ не обрѣтается, кромѣ школъ греческихъ и латинскихъ, малымъ чѣмъ славянской способствующихъ, ибо всякому языку своя грамматика учительница; прочее, дабы съ размноженіемъ книгъ умножить и учителей, при помощи Сильнаго въ крѣпости, и сего ига взяти на себе не отрекуся въ пользу церкви и всероссійскому государству, а во оставленіе моихъ согрѣшеній“. Св. Синодъ опредѣлилъ его учителемъ грамматики къ заиконоспасской московской школѣ, предписавъ ему „во ученіи поступать по школьнымъ регуламъ радѣтельно, дабы потребное славянской грамматики ученіе, общей пользы виновное, умножено было безъ продолженія времени“ (1). Но пока полезное

(1) Собран. постан. III, № 982.

ученіе еще только умножалось, скудость грамматическаго знанія была очень чувствительна. Грамматистовъ только и можно было добыть изъ Новгорода, куда и обращались за ними при всякомъ случаѣ надобности. Такъ, въ томъ же году въ Синодѣ почувствовалась крайняя нужда въ знающихъ орѳографію канцеляристахъ и копіистахъ; канцелярія Синода докладывала присутствію, что она имѣетъ у себя только одну какую-то персону, отчасти понимающую орѳографію, а больше не имѣетъ ниединаго такого ученаго человѣка, и просила пріискать какого нибудь знающаго, „хотя одну орѳографіи часть, на первозаводство“ по крайней мѣрѣ „одного человѣка, отъ котораго нѣкіе копіисты могутъ впредь правописанію обучены быть“. Св. Синодъ указалъ взять одного грамматиста изъ новгородской школы, да еще „въ прибавокъ“ другаго человѣка, правописаніе знающаго, изъ московской греческой школы (1).

Архіереямъ, разумѣется, еще труднѣе было добывать грамматистовъ, чѣмъ св. Синоду. Когда разосланы были указы о заведеніи въ епархіальныхъ школахъ грамматическаго ученія, епархіальныя начальства пришли въ крайнее затрудненіе, откуда имъ добыть для этого учителей. Въ указахъ говорилось объ этомъ слишкомъ обще: „откуда кто возможетъ“,—изъ епархій потребовали разъясненій. Ростовскій епископъ Георгій Дашковъ доносилъ наприм., что у него обучается букварямъ 203 человѣка, а грамматикѣ учить некому (2). Въ отвѣтъ на такія представленія Синодъ ничего не могъ придумать лучше, какъ порекомендовать архіереямъ обратиться за требуемыми учителями къ той же новгородской школѣ, къ которой обращался за грамматистами и самъ. Въ октябрѣ 1723 г. вышелъ указъ: „ежели гдѣ такихъ учителей не обрѣ-

(1) Собран. постан. III, № 1080.

(2) Христ. Чт. 1877 г. т. I, стр. 366.

тается, то для обученія грамматическаго художества, усмотря тамо изъ подьяковъ или и изъ поповскихъ дѣтей остроумныхъ и книжному чтенію искусныхъ отъ 15 до 20 лѣтъ, прислать въ домъ синодальнаго вицепрезидента преосв. Ѳеодосія, архіепископа новгородскаго, изъ каждой епархіи по 3 человѣка, которыхъ пропитаніемъ довольствовать въ томъ домѣ на счетъ оныхъ архіерейскихъ домовъ, и выуча тѣхъ присланныхъ грамматикѣ, отсылать для обученія жъ тамошнихъ священнослужительскихъ дѣтей въ тѣже архіерейскіе домы, откуда кто присланъ будетъ, чтобъ съ того времени впредь никто неимуществомъ учителей отъ того ученія неотговаривался“ (1). Такое распоряженіе, придававшее новгородской школѣ значеніе педагогической семинаріи, всего лучше показываетъ практическую важность тѣхъ началъ, какія положены были въ ея основу м. Іовомъ. Новые кіевскіе просвѣтители въ Великороссіи, подчиняясь неодолимой силѣ современнаго имъ status quo rerum, сами должны были стать наконецъ почти на туже точку зрѣнія, на которой стоялъ знаменитый великорусскій святитель. Классъ славянской грамматики должна была ввести у себя и сама московская академія, изучавшая доселѣ одну грамматику латинскую.

Большая часть епархій довольно скоро приступили къ исполненію приведеннаго распоряженія (2). Раньше всѣхъ, въ ноябрѣ того же 1723 г., явились два ученика изъ тверской семинаріи, посланные тверскимъ архіереемъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, потомъ въ маѣ 1724 г. пріѣхали еще двое; всѣ они поступили для грамматическаго ученія въ ближайшую къ Твери торжковскую школу. Въ февралѣ 1724 г. епископъ Боголѣпъ, назначенный на устюжскую ка-

(1) Собран. постан. III, № 1131.

(2) Извлекаемъ послѣдующія свѣдѣнія изъ вѣдомости Синода 1727 г. у *Пекарскаго* и вѣдомости Ѳеодосія новгородскаго, изд. въ извлеченіи въ указанной статьѣ Хр. Чт. 1877 г., I, стр. 368—370.

Ѳедру, проѣздомъ черезъ Новгородъ оставилъ въ школѣ двоихъ подъяковъ изъ своей свиты. Въ мартѣ присланы три ученика изъ Ростова и одинъ изъ Суздаля; въ октябрѣ — два подъяка и одинъ церковникъ изъ Рязани. Въ началѣ 1725 г. явились трое учениковъ изъ Коломны и трое же изъ Воронежа. Всего въ новогородскую и новоторжскую школы поступило для приготовленія къ учительству 18 человѣкъ, отъ 11 до 24 лѣтъ возраста. Кромѣ того въ тѣже школы ѣхало трое учениковъ изъ Тобольска и сколько-то изъ Ярославля и Смоленска. Изъ Смоленска сначала было донесли, что оттуда некого выслать, такъ какъ изъ подъяковъ и изъ поповскихъ дѣтей остроумныхъ и къ грамматическому ученію искусныхъ во всей епархіи никого не явилось, но потомъ вѣроятно раздумали ограничиться такой отпиской и нашли требуемыхъ остроумныхъ людей. Изъ крутицкой епархіи для приготовленія къ учительству предпочли посылать учениковъ въ московскія славено-латинскія школы и въ 1723 г. отправили туда съ этой цѣлію 6 человѣкъ.—Къ апрѣлю 1725 г. 10 человѣкъ изъ 18 присланныхъ учениковъ по табели Ѳеодосія показаны были уже кончившими грамматическій курсъ. Нѣкоторые изъ нихъ остались въ Новгородѣ для изученія латинскаго языка; другіе отправлены по епархіямъ на учительскія должности. Такъ, одинъ изъ устюжскихъ подъяковъ въ томъ же году открылъ грамматическое обученіе въ устюжской школѣ. Изъ коломенскихъ учениковъ одинъ въ 1726 году опредѣлился въ учители при своей школѣ, двое другихъ заняли учительскія должности въ Тулѣ и Орлѣ. Въ томъ же году воротились въ Рязань рязанскіе грамматисты. Воронежскіе вернулись домой еще въ 1725 г., но учительства не получили за неоткрытіемъ самой школы. Дѣло такимъ образомъ пошло было на ладъ, какъ неожиданный ударъ сразу его порушилъ.

Главный заправитель его Ѳеодосій попалъ подъ политическое обвиненіе и былъ низложенъ, а на нов-

городскую каѳедру вступилъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, одинъ изъ виновниковъ страшнаго паденія Ѳеодосія, и поспѣшилъ уничтожить всѣ плоды его попеченій, наложилъ свою тяжелую руку даже на самую школу при новгородскомъ архіерейскомъ домѣ. Въ декабрѣ 1725 г. онъ доложилъ св. Синоду, что по требованію бывшаго архіерея Ѳеодосія въ новгородскія школы выслано изъ епархіи школьниковъ многое число для обученія грамматики и прочихъ къ познанію св. писанія приличныхъ наукъ, но по его архіерейскому усмотрѣнію „они не имѣютъ никакого плода въ томъ ученіи, но туне токмо время провождаютъ и домовую пищу тратятъ, и впредь въ томъ ученіи къ пользѣ надѣянія имѣть не можно“, и что поэтому ихъ слѣдуетъ распустить по своимъ мѣстамъ. Въ предложеніи этомъ не было ни одного пункта справедливаго:—учениковъ было вовсе не многое число, домовой пищи они не тратили, будучи на содержаніи отъ пославшихъ ихъ епархій, плоды ученія ихъ обозначились уже съ достаточною ясностію и подавали большія надежды впереди; св. Синодъ тѣмъ не менѣе согласился съ мнѣніемъ своего сильнаго члена и въ январѣ 1726 г. грамматисты были распущены. Чрезъ два года Ѳеофанъ взялъ изъ Новгорода самыхъ лучшихъ учениковъ въ свою петербургскую школу на Карповкѣ и новгородская школа окончательно упала. Вмѣстѣ съ ней рушился послѣдній остатокъ популярнаго въ Великороссіи еллино-славянскаго школьнаго направленія и послѣдній противовѣсъ новому славяно-латинскому образованію, шедшему изъ Кіева.

Въ такомъ положеніи осталось школьное духовное образованіе послѣ реформы. Подводя послѣдніе результаты къ тому, что было сдѣлано для духовнаго образованія при Петрѣ, найдемъ, что результаты эти сами по себѣ были пока не велики; но мы не должны забывать, что для такого короткаго времени, въ какое они были достигнуты, они были все-таки болѣе, чѣмъ удовлетворительны,—тѣмъ болѣе, что дѣло

школьнаго образованія въ началѣ XVIII столѣтія было совершенно новое; поле для сѣянія сѣмени школьныхъ ученій было совершенно неподготовлено,—труднякамъ этого дѣла нужно было еще поднимать цѣлину и бороться съ непреодолимыми почти препятствіями, представляемыми дикой и неизслѣдованной почвой. Напоминаніе такого рода здѣсь весьма нелишнее, потому что изслѣдователь Петровскаго времени невольно, такъ сказать, избаловывается необычайной энергіей и быстротой всѣхъ дѣлъ великаго преобразователя и часто остается недоволенъ, встрѣчая въ этихъ дѣлахъ даже малѣйшій тормозъ и такое замедленіе, которое въ другое время можетъ ему же показаться замѣчательно-быстрымъ успѣхомъ.

Очень естественно, что процентъ духовныхъ лицъ, получавшихъ школьное образованіе былъ не великъ, а еще меньше было такихъ, которые получали образованіе высшее, богословское и философское. Пересматривая указанную вѣдомость св. Синода отъ 1727 г., находимъ въ этомъ отношеніи очень краснорѣчивыя цифры учениковъ. Въ кіевской академіи считалось во всѣхъ классахъ 654 человѣка, но оканчивавшихъ полный курсъ, до богословія включительно, было всего 48; въ московскихъ школахъ было 505 учениковъ, но богослововъ изъ нихъ всего 12. Такимъ образомъ на всю Россію, потому что въ другихъ школахъ высшихъ классовъ не было, приходилось только 60 человѣкъ, получившихъ богословское образованіе. Разумѣется, для нихъ открыты были настежь всѣ двери къ высшимъ мѣстамъ и едвали хоть одинъ изъ нихъ попалъ въ число скромныхъ приходскихъ пастырей церкви. Философовъ было: въ кіевской академіи 84, въ Москвѣ 12, всего 96 (не считаемъ 23 философовъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ, котораго при Петрѣ еще не было). Риторовъ считалось: въ Кіевѣ 79, въ Москвѣ 21, въ Новгородѣ 24 за все время существованія школы, да еще сколько-то (число не показано) въ Черниговѣ. Не много побольше

было пѣтовъ. За тѣмъ слѣдовали все синтаксисты, грамматисты, элементарники и большею частію псалтырники славено-россійскихъ школъ, ничѣмъ не отличавшіеся отъ псалтырниковъ приходскаго и домашняго образованія. Это приходское и домашнее образованіе въ дѣлѣ приготовленія кандидатовъ духовнаго служенія очевидно еще вполнѣ преобладало надъ школьнымъ, а потому немудрено, что духовенство все еще не могло понять надобности отдавать своихъ дѣтей въ школу и уклонялось отъ этой новой, излишней въ его глазахъ, повинности.

Само духовное начальство скоро должно было сознаться въ томъ, что оно не можетъ сосредоточить всего образованія духовныхъ дѣтей въ однихъ собственныхъ своихъ школахъ, какъ вслѣдствіе недостатка къ тому матеріальныхъ средствъ, такъ и вслѣдствіе множества самихъ кандидатовъ на школьное обученіе, и должно было сокращать курсъ этихъ школъ посредствомъ предоставленія первоначальнаго элементарнаго обученія духовныхъ дѣтей ихъ отцамъ или, что почти все равно, прежнимъ приходскимъ школамъ и мастерамъ. Но такъ какъ и въ духовныхъ школахъ образованіе недалеко заходило выше элементарнаго, и совершенное выдѣленіе послѣдняго изъ ихъ курса равнялось почти ихъ уничтоженію; то болѣе состоятельныхъ духовныхъ дѣтей все-таки тянули въ духовныя школы, что еще болѣе давало обученію въ нихъ характеръ повинности и усиливало въ духовенствѣ мысль о его ненадобности. Такъ наприм. въ нижегородской епархіи принято было такое правило: „а у коихъ священниковъ съ причетники въ вышепоказанныя еллиногреческую и славенороссійскую школы, за скудостію ихъ, дѣтей не взято, тѣмъ повелѣно, въ надежду священства, буквари учить каждому въ домѣ своемъ, безъ котораго ученія ни въ которое достоинство не производятся“. Несостоятельные ученики поэтому должны были по мѣстамъ ограничиваться однимъ домашнимъ образованіемъ, даже если бы и желали поступить въ

школу для продолженія своего обученія. Изъ холмогорской епархіи наприм. доносили въ 1727 г.: „изъ зачинаемыхъ нынѣ учениковъ (т. е. изъ имѣющихъ поступить въ школу) и много есть, которые и скудные и индѣ учитися не имѣютъ гдѣ и за что, а весьма наслаждатися ученія желаютъ, изъ которыхъ могутъ быть и остроумные ученики", но за недостаткомъ средствъ ихъ все-таки приходилось распускать по домамъ. При такомъ серьезномъ преобладаніи въ духовномъ вѣдомствѣ стариннаго домашняго и приходскаго образованія надъ школьнымъ между прочимъ очевидно, какъ для самой духовной службы невыгодно было это увлеченіе духовныхъ начальствъ исключительно своими духовными школами, которое заставило ихъ упустить изъ вниманія практику старыхъ элементарныхъ школъ, не говоря уже о томъ, что чрезъ это изъ рукъ духовнаго вѣдомства ускользало все народное образованіе, и какъ безтактно было съ его стороны поступлено въ концѣ 1725 года, когда по представленію Ѳеофана Прокоповича постарались уничтожить единственную раціональную попытку регулировать общее элементарное образованіе подъ надзоромъ епархіальныхъ начальствъ, какая стала было приводиться въ исполненіе въ новгородской епархіи.

Вслѣдствіе того же слабаго развитія школьнаго образованія между кандидатами на духовныя должности, духовныя начальства вынуждены были крѣпко поддерживать и даже развивать старинный способъ приготовленія этихъ кандидатовъ къ ихъ будущему служенію при архіерейскихъ домахъ во время самого ставленическаго производства. Мы видѣли, что еще въ 1711 г. правительство обратило свое вниманіе на ставленическіе экзамены и указало усилить ихъ внимательность и строгость. Въ прибавленіи къ Регламенту было потомъ опредѣлено ставить на мѣста или такихъ ставленниковъ, которые учились въ школахъ при домахъ архіерейскихъ, или достаточно обученныхъ при самомъ поставленіи, для чего каждому

ставленику „велѣть изучить книжицы о вѣрѣ и законѣ христіанскомъ, о должностѣхъ всѣхъ чиновъ, и пота онаго не ставить, пока онъ наизусть не изъучитъ". потому что „многіи въ священническій чинъ вдираются не для чего иного, только для большей свободы и пропитанія, а никаковаго званію своему должнаго искусства не имѣютъ". Далѣе: „пріятаго же ставленика не тотчасъ ставить, но изучилъ бы прежде помянутыя книжицы, а между тѣмъ искушать его, не ханжа ли онъ, и не притворяетъ ли смиренія, такожде не сказуетъ ли своихъ о себѣ или о иномъ сновъ и видѣній, ибо отъ таковыхъ каковаго добра надѣятися, развѣ бабьихъ басенъ и вредныхъ въ народѣ плевелъ, вмѣсто здраваго ученія" (1)? Кромѣ ставленниковъ, книжицы о вѣрѣ и законѣ должны были изучать и сами священнослужители во время прохожденія своего служенія. Желаніе поскорѣе просвѣтить духовенство побудило Петра притянуть къ такому обязательному изученію нужныхъ для духовнаго служенія предметовъ даже самихъ епископовъ: въ Д. Регламентѣ находимъ распоряженіе, чтобы при трапезѣ архіерея ежедневно поурочно читались церковныя правила съ тою цѣлію, чтобы архіерей могъ такимъ образомъ достаточно изучить ихъ для руководства въ исполненіи своихъ обязанностей.

Въ заключеніе всего считаемъ не лишнимъ упомянуть о мѣрахъ Петра, помощію которыхъ онъ думалъ распространить образованіе среди монашествующаго духовенства, на которое онъ не могъ не обратить своего вниманія вслѣдствіе того значенія, какое оно имѣло по своей давнишней монополіи на церковно-административныя должности. Въ прибавленіи къ Регламенту было сказано: „По всѣмъ монастырямъ монаховъ учить подобаетъ, не точію да читаютъ писанія, но да и разумѣютъ. А на сіе учинить соб-

(1) Приб. Регл. о свящ. п. 2. Собран. пост. II, стр. 241. Срав. № 379.

ственно келію, и монаховъ приставить на сіе избранныхъ, иже знаютъ бож. писанія разумъ. И тако обученныхъ да избираютъ достойныхъ въ чинъ священства и всякаго начальства" (1). У Петра была мысль возвратить монастырямъ ихъ древнее просвѣтительное значеніе, которое такъ высоко ставило ихъ въ глазахъ нашего стариннаго религіознаго общества и которое совершенно упало ко времени реформы. Одинъ изъ птенцовъ Петра, историкъ Татищевъ, любившій проводить мысли обожаемаго имъ царя въ своей Исторіи Россійской, утверждаетъ, что монастыри на то и устроены, чтобы возрастныхъ монахи учили въ церкви за богослуженіемъ, а юныхъ въ училищахъ, и для того имъ довольное къ содержанію жалованье опредѣлено, что какъ только они утрачиваютъ это просвѣтительное значеніе, такъ и дѣлаются совершенно безполезными, и доходы ихъ тунегиблемыми; съ этой точки зрѣнія онъ смотритъ на всю исторію секуляризаціи монастырскихъ имѣній или точнѣе—вмѣшательства въ управленіе этими имѣніями со стороны государства; съ этой именно точки зрѣнія, по его мнѣнію, нужно понимать и распоряженія о монахахъ Петра Великаго (2).

Отъ мысли объ обученіи монаховъ Петръ дѣйствительно не отставалъ до самаго конца своего царствованія. Скоро онъ убѣдился, что въ монастыряхъ учить монаховъ было некому и въ 1723 г., въ одно время съ объявленіемъ извѣстнаго уже указа учить духовныхъ дѣтей въ надежду священства „и неволей", выдалъ другой указъ—забирать въ школы молодыхъ монаховъ изъ монастырей „и учить, кого какихъ наукъ по остротѣ его возможно". Во исполненіе этого указа св. Синодъ распорядился переписать по монастырямъ всѣхъ молодыхъ монаховъ отъ 20 до 30 лѣтъ и собрать ихъ для обученія наукамъ въ Заико-

(1) Собран. постан. II, стр. 232.

(2) Истор. Россійск. т. II, 243; т. III, примѣч. 443.

носпасскій монастырь въ тамошнія школы, за исключеніемъ тѣхъ, которые проходятъ по своимъ монастырямъ должности ризничихъ или казначеевъ, также іеромонаховъ и іеродіаконовъ,—послѣднихъ въ случаѣ крайней въ нихъ надобности по монастырямъ (1). Не смотря на всю рѣшительность этого распоряженія, мѣра, придуманная царемъ, не пошла въ ходъ, какъ бы ему желалось. По свидѣтельству историка московской академіи, при Петрѣ въ ней училось только 13 монаховъ, въ томъ числѣ іеродіаконъ изъ Тобольска уже 35-ти лѣтъ; черезъ два года онъ былъ отпущенъ отъ науки домой въ Сибирь за старостію лѣтъ и неспособностью. Замѣчательно, что всѣ эти монахи были изъ отдаленныхъ мѣстностей, а не изъ московскихъ монастырей. Въ 1727 г. ректоръ Гедеонъ Вишневскій доносилъ св. Синоду, что въ академіи училось въ это время только 5 человѣкъ монаховъ, одинъ изъ присланныхъ по указу 1723 г. двоихъ іеродіаконовъ смоленской епархіи (другой бѣжалъ) да четверо своею охотою, что ни изъ московскихъ монастырей, хотя въ нихъ и довольно молодыхъ и ко ученію способныхъ монаховъ, изъ которыхъ бы могъ быть плодъ церкви и произошли бы въ учители и предикаторы, ни изъ прочихъ епархій и понынѣ никто не присыланъ (2).

Въ 1724 г. вышло извѣстное Объявленіе о монашествѣ,—обширный указъ, содержавшій въ себѣ проектъ реформы всего монашества въ Россіи. Всѣ монахи раздѣлялись здѣсь на два класса,—на простыхъ, неученыхъ монаховъ, которые поступаютъ въ монастырь для спасенія своей души, и ученыхъ, которые предназначаются и приготовляются къ занятію высшихъ іерархическихъ должностей. Во избѣжаніе праздности, которая есть матерь всѣхъ пороковъ, по выраженію указа, первыхъ положено занять разными работами и службою при монастырскихъ благотвори-

(1) Собран. постан. III, №№ 1099 и 1136.

(2) Истор. моск. акад. стр. 178. Полн. С. З. VII, № 5091.

тельныхъ заведеніяхъ. Послѣдніе назначались къ тому, чтобы содѣйствовать осуществленію просвѣтительнаго значенія монастырей. При нѣкоторыхъ монастыряхъ, болѣе удобныхъ къ развитію просвѣщенія, наприм. въ Петербургѣ при Невскомъ, предполагалось устроить ученыя братства и школы, въ средѣ которыхъ и сосредоточить образованіе будущихъ высшихъ церковныхъ дѣятелей. Въ число этого послѣдняго класса монаховъ велѣно постригать уже кончившихъ семинарскій курсъ и достигшихъ законнаго для постриженія возраста (30 лѣтъ). Обязательный для всѣхъ постригавшихся трехлѣтній искусъ долженъ былъ для этихъ постриженниковъ состоять въ такихъ упражненіяхъ, которыя бы не препятствовали ихъ ученымъ занятіямъ. Труды ученыхъ монаховъ въ монастырѣ должны были состоять въ переводахъ ученыхъ сочиненій, въ собственныхъ оригинальныхъ сочиненіяхъ, въ чтеніи книгъ монастырской библіотеки и преимущественно въ упражненіяхъ проповѣдническихъ. Всѣ они должны были состоять подъ руководствомъ одного ученаго монаха-директора, которому назначалось почетное мѣсто въ монастырѣ, второе по архимандритѣ, и который обязывался доносить послѣднему о всѣхъ занятіяхъ, характерѣ и поведеніи монаховъ своего вѣдомства. Въ видахъ поощренія ученымъ монахамъ давались предъ прочею братіею разныя преимущества въ пищѣ и одеждѣ. Кончившихъ весь курсъ монастырскаго образованія архимандритъ и директоръ должны были рекомендовать высшему начальству въ настоятели лучшихъ въ Россіи монастырей и въ начальники духовныхъ школъ; несоотвѣтствовавшихъ своему назначенію, послѣ разныхъ исправительныхъ мѣръ, велѣно лишать всѣхъ дарованныхъ имъ преимуществъ и зачислять въ число простыхъ монаховъ (1). Предположенія эти не были осуществлены: подобныхъ

(1) Собран. пост. по дух. вѣд. IV, № 1197. Въ П. С. З. т. VII, № 4450.

ученыхъ братствъ ни при Петрѣ, ни послѣ него не видимъ ни при одномъ монастырѣ; тѣмъ не менѣе Объявленіе 1721 г. весьма любопытно для насъ, какъ полное выраженіе просвѣтительныхъ плановъ тогдашняго правительства. Впрочемъ Невскій монастырь, который преимущественно имѣлся здѣсь въ виду, при Петрѣ дѣйствительно имѣлъ значеніе нѣкоего „семинаріума“ духовныхъ властей, хотя нѣсколько и съ другой стороны. Сюда вызывались обыкновенно кандидаты на высшія духовныя должности для испытанія степени ихъ подготовки къ будущему служенію и степени ихъ благонадежности съ государственной точки зрѣнія.

II.

СОСТОЯНІЕ ДУХОВНЫХЪ ШКОЛЪ ПРИ ПРЕЕМНИКАХЪ ПЕТРА.

а) новыя духовныя школы и открытіе духовныхъ семинарій.

Въ началѣ 1725 г. великій преобразователь Россіи скончался,—не стало сильной руки, которая неослабно тянула русское просвѣщеніе въ гору, не смотря на то, что въ тоже время милліоны, по словамъ Посошкова, тянули его подъ гору. Просвѣтительная дѣятельность правительства замѣтно послѣ этого ослабѣла и началось время реакціи, которая чувствительно и весьма неблагопріятно отозвалась на многихъ дѣлахъ Петра. Духовная школа, еще не успѣвшая запастись достаточными внутренними силами къ своему существованію по своей крайней молодости, тоже должна была тяжко почувствовать вліяніе начавшейся реакціи.

Таже самая вѣдомость св. Синода 1727 г., которою мы воспользовались для опредѣленія результа-

товъ, достигнутыхъ по школьному вопросу за время царствованія Петра, можетъ ясно показать, до какой степени тогда же, всего два года спустя послѣ Петра, успѣла ослабѣть возбужденная имъ ревность къ распространенію школьнаго образованія среди духовенства. Заведеніе новыхъ школъ сдѣлалось рѣдкостью; даже нѣкоторыя изъ заведенныхъ уже прежде быстро устремились къ упадку. Такъ въ ростовской епархіи только лишь открылись въ 1725 г. двѣ школы въ Ростовѣ и Ярославлѣ, съ 200 учениковъ, какъ въ 1726 г. всѣ эти ученики были распущены по домамъ за недородомъ хлѣба у церквей и монастырей; для поддержанія начавшагося въ епархіи ученія епархіальное начальство распорядилось только съ отцовъ распущенныхъ учениковъ взять сказки, что они будутъ обучать дѣтей дома всѣмъ „показаннымъ наукамъ“, т. е. чтенію и пѣнію. Въ Вологдѣ въ первый же годъ по смерти Петра вся школа была распущена даже безъ объясненія причины, а хлѣбъ, собранный на нее, пошелъ на засѣвъ архіерейской земли. Въ 1726 г. за недостаткомъ хлѣба распущено 100 учениковъ, учившихся въ суздальской школѣ. Въ Устюгѣ школа, только лишь въ 1725 г. открытая, закрылась за смертію заведшаго ее епископа Боголѣпа и за неимѣніемъ учителя.

Подобные факты, находящіеся въ оффиціальномъ актѣ и по всей вѣроятности болѣе или менѣе сглаженные, представляли бы весьма безотрадное показаніе усердія къ школьному образованію въ современной духовной администраціи и духовенствѣ, если бы рядомъ съ ними не встрѣчались другого рода факты просвѣтительной ревности нѣкоторыхъ изъ образованныхъ архіереевъ, большею частію изъ малороссовъ, которые и прежде были главными устроителями духовныхъ школъ. Въ 1725 г. знаменитый ревнитель духовнаго просвѣщенія Рафаилъ Заборовскій открылъ новую школу въ своей тогдашней псковской епархіи, собравъ въ нее 58 учениковъ. Въ 1726 г. бѣлогородскій епископъ Епифаній

Тихорскій, извѣстный уже основаніемъ архіерейской бѣлогородской школы съ низшимъ курсомъ, завелъ новое высшее училище въ Харьковѣ, которое нѣсколько времени спустя стало извѣстно подъ славнымъ въ свое время именемъ харьковскаго коллегіума. Усерднымъ и щедрымъ помощникомъ его въ этомъ дѣлѣ явился тогдашній главнокомандующій слободскою украйною генералъ-фельдмаршалъ кн. М. М. Голицынъ, снабдившій коллегіумъ обильными матеріальными средствами. Мѣстомъ школы былъ назначенъ купленный за 500 р. у полковника Шедловскаго домъ при Покровской церкви, которая тогда же обращена архіереемъ въ монастырскую; послѣ утвержденія архіерейскаго распоряженія въ 1729 г. св. Синодомъ, монастырь этотъ получилъ названіе Покровскаго училищнаго и расширенъ былъ разными нужными для школы постройками. Въ 1727 г. коллегіумъ состоялъ уже изъ 8 классовъ до философіи включительно и имѣлъ 420 учениковъ. Какъ и всѣ югозападныя школы, онъ былъ заведеніемъ всесословнымъ, на что была и воля его благодѣтеля кн. Голицына, и содержался не столько на церковныя, сколько на общественныя средства. Учители его были впрочемъ всѣ изъ монаховъ, кромѣ одного иподіакона, все таки значитъ лица духовнаго, который училъ въ низшемъ славянскомъ классѣ (1). Въ Иркутскѣ, гдѣ прежде заведена была по указу Синода одна миссіонерская монгольская школа при Вознесенскомъ монастырѣ, святитель иркутскій Иннокентій Кульчицкій открылъ вновь при этой школѣ церковнославянское ученіе и увеличилъ число учениковъ до 32 человѣкъ (2). Школа послѣ этого получила обычный характеръ архіерейской, хотя продолжала по-

(1) О Коллегіумѣ, кромѣ Пекарскаго, см. Дух. Бесѣд. 1863 г. № 23, стр. 170—174; Истор. іерарх. т. 4, 632—633.

(2) Въ 1730 г. было даже 35, какъ видно изъ присяжныхъ листовъ при восшествіи на престолъ Анны Іоанновны.

прежнему оставаться всесословною. Святитель улучшилъ ея помѣщеніе, увеличилъ жалованье ея двоимъ учителямъ до 150 р. каждому (прежде получали по 100 р.) и при всей скудости своей епархіи, съ трудомъ содержавшей его самого, до самой смерти усердно снабжалъ ее всѣмъ нужнымъ для ея содержанія. По указу св. Синода на школу должны были доставлять хлѣбъ и одежду монастыри Киренскій, Посольскій и Селенгинскій. Но такъ какъ первый монастырь при опредѣленіи границъ новой иркутской епархіи съ тобольскою, остался за послѣднею, то митрополитъ тобольскій Антоній рѣшительно запретилъ ему выдавать деньги и провіантъ на иркутскую школу, „понеже велѣно каждому архіерею въ своей епархіи имѣть для обученія малолѣтнихъ причетническихъ дѣтей школы и на пропитаніе имъ брать своей же, а не чужой епархіи съ монастырей указное число, чего ради и у насъ въ Тобольскѣ не безъ школы“. Святитель Иннокентій вмѣсто Киренскаго монастыря возложилъ слѣдовавшую съ него часть сбора на Успенскій нерчинскій монастырь. Но монастырь этотъ вскорѣ погорѣлъ. Между тѣмъ и остальные монастыри иркутской епархіи слезно просили архіерея пожаловать ихъ, уволить отъ школьнаго сбора. Тогда святитель прибѣгнулъ къ послѣднему средству для поддержанія школы,—опредѣлилъ въ ея пользу денежный налогъ на все духовенство, по 50 к. съ священника, 30 съ дьякона и 10 съ причетника, но все-таки, пока былъ живъ, успѣлъ поддержать ее. Послѣ его смерти она пришла въ большой упадокъ, отъ котораго поддержалъ ее потомъ другой образованный иркутскій архіерей, Иннокентій Неруновичъ, воспользовавшійся для этого преимущественно трудами разныхъ ссыльныхъ ученыхъ людей, наприм. Платона Малиновскаго (1).

(1) Иркутск. епарх. вѣдом. 1863 г. № 38, 39, 47; 1864 № 23 и 34; 1870 г. № 49. Русск. святые *Филарета*, ноябрь стр. 458—460.

Благодаря дѣятельности подобныхъ архіереевъ, ревнителей духовнаго просвѣщенія, получали новое оживленіе и прежнія школы, а закрывшіяся снова возстановлялись. Такъ, когда послѣ Сильвестра Холмскаго, начавшаго дѣло объ основаніи рязанской школы, но не открывавшаго въ ней ученія за недостаткомъ учителей, въ рязанскую епархію пріѣхалъ новый архіерей, извѣстный переводчикъ разныхъ книгъ и проповѣдникъ Петровскаго времени, Гавріилъ Бужинскій, рязанская школа въ одинъ годъ увеличилась съ 70 учениковъ, первоначально собранныхъ въ нее Сильвестромъ, до 269; изъ Новгорода въ нее явилось три учителя; нашлись и средства къ содержанію, не смотря на то, что весь остаточный хлѣбъ съ епархіи еще со времени Стефана Яворскаго, рязанскаго митрополита и президента Синода, по указу царя отсылался на синодальное правительство; въ курсъ школы, какъ у всѣхъ архіереевъ малороссовъ, немедленно былъ введенъ латинскій элементарь (1). Смоленская школа, запущенная при томъ же Сильвестрѣ Холмскомъ и его преемникахъ, Варлаамѣ и Филоѳеѣ, снова стала поправляться съ поступленіемъ на смоленскую каѳедру въ 1728 Гедеона Вишневскаго. Дѣятельный архіерей немедленно ввелъ въ нее латинское ученіе и кромѣ того успѣлъ выпросить на нее даже ежегодный окладъ отъ правительства изъ коллегіи экономіи въ 500 р. Для помѣщенія школы выстроены были тогда же два двухъэтажныхъ корпуса въ Аврамьевскомъ монастырѣ; постройка эта едвали не цѣликомъ пала на счетъ архіерейскаго дома, потому что 500 рублей школьнаго оклада шли на жалованье учителямъ и на содержаніе учениковъ, хотя впрочемъ въ одномъ донесеніи и сказано было, что семинарія строена была въ 1728 г. коштомъ государевымъ (2). Изъ Астрахани въ 1727 г. доносили, что тамъ школа не открыта, потому что ее со-

(1) Пекарскаго: I, 116.

(2) Историко-стат. опис. смол. епархіи стр. 181.

держать нечѣмъ; но въ 1729 г. новый архіерей Варлаамъ Ленинкій нашелъ къ тому средства, побудивъ къ пожертвованіямъ астраханское купечество, и завелъ латинскую школу (1). Въ Вологдѣ распущенная школа снова была открыта въ 1729 же году архіереемъ Аѳанасіемъ Кондоиди (2).

Такимъ образомъ судьба школъ вполнѣ зависѣла отъ личностей, стоявшихъ во главѣ епархіальной администраціи, и измѣнялась вмѣстѣ съ ихъ перемѣной. Едвали не единственное исключеніе отсюда встрѣчаемъ въ ростовской епархіи, гдѣ школы, распущенныя въ 1726 г., снова были открыты въ 1728 г. при одномъ и томъ же архіереѣ Георгіѣ Дашковѣ (3); насколько зависѣло отъ него это возстановленіе школъ и на сколько въ этомъ случаѣ повліяло на него его членство въ Синодѣ, гдѣ былъ тогда главный центръ просвѣтительнаго движенія въ русской церкви, не знаемъ, но что онъ самъ далеко не отличался ревностію къ духовному просвѣщенію, это извѣстно. Съ большимъ усиленіемъ въ Синодѣ подобныхъ ему людей изъ великорусскихъ архіереевъ, которые „малороссійцевъ весьма ненавидѣли“, а вмѣстѣ съ тѣмъ не благоволили и къ распространявшемуся по милости этихъ малороссійцевъ школьному образованію, послѣднему нечего было ожидать хорошаго впереди. Со смертью Петра II, при которомъ реакція реформѣ особенно усилилась, и воцареніемъ Анны курляндской это неблагопріятное для духовныхъ школъ переходное время кончилось и наступило новое болѣе благопріятное.

Неоспоримыя заслуги царствованія Анны въ пользу просвѣщенія во многомъ искупаютъ дурныя его стороны. Нѣмецкіе правители очень любили украшать себя ролью просвѣтителей дикой Московіи и дѣй-

---

(1) Ист. Росс. іерарх. I, 430—434.

(2) Тамъ же 434. Волог. епарх. вѣд. 1865 г. № 9, стр. 299.

(3) Ист. іер. I, 430.

ствительно много посодѣйствовали прекращенію времени реакціи. Во главѣ церковныхъ дѣлъ снова сталъ и возвысился до степени церковнаго временщика Ѳеофанъ, одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ памяти и идеямъ Петра птенцовъ его, неуклонно стоявшій подъ знаменемъ реформы и въ добрые и въ тяжелые для него дни. Административныя распоряженія о духовныхъ школахъ сдѣлались энергичнѣе. Собственно правительственные указы о скорѣйшемъ умноженіи образованнаго духовенства доходили иногда даже до крайностей, въ которыхъ такъ и видѣнъ кабинетный бюрократизмъ иноземныхъ ревнителей, отличавшійся крайне плохимъ знаніемъ наличныхъ средствъ просвѣщаемой ими страны. Задавшись крайнею мыслію замѣстить церковно-служебныя мѣста одними образованными людьми, правительство въ нѣсколько лѣтъ своей просвѣтительной практики едва не отставило отъ должностей всего тогдашняго духовенства, по крайней мѣрѣ оставило громадное количество церквей вовсе безъ причтовъ и еще большее съ неполными причтами.

Вскорѣ же по пріѣздѣ новой императрицы въ Россію, въ манифестѣ 1730 г. 17 марта, велѣно было по Регламенту учредить духовныя школы по всѣмъ епархіямъ (1). Послѣ этого торжественнаго объявленія высочайшей воли въ епархіяхъ начались усиленные хлопоты о школахъ; собирали учениковъ, устанавливали болѣе или менѣе прочныя средства къ ихъ содержанію, отыскивали учителей, расширяли училищные курсы, доселѣ вращавшіеся только около предметовъ элементарнаго обученія, введеніемъ предметовъ средняго образованія и преобразовывали ихъ на юго-западный манеръ. Съ самаго начала 1730-хъ годовъ архіерейскія школы одна за другой усвоиваютъ себѣ даже новое названіе семинарій, которое именно долж-

(1) Ист. іер. I, 432.

но было обозначать эту новую степень ихъ развитія и новое ихъ значеніе, какъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ отличіе отъ нисшихъ школъ грамотности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ расширенія ихъ курсовъ чрезъ введеніе латинскаго языка и высшихъ наукъ, все рѣзче опредѣлялось ихъ сословное значеніе, какъ школъ, назначенныхъ спеціально для обученія духовныхъ дѣтей въ надежду священства. Новыя школы заводились уже прямо въ формѣ семинарій. Царствованіе Анны не безъ основанія можно считать поэтому довольно важной въ исторіи духовнаго образованія эпохой, съ которой начинается собственно исторія нашихъ духовныхъ семинарій.

Указанныя перемѣны въ школьномъ образованіи первоначально до 1737 года вводились исключительно практическимъ путемъ, безъ особенныхъ побужденій со стороны правительства, благодаря главнымъ образомъ дѣятельности новыхъ лицъ, усилившихся во главѣ епархіальной администраціи. Первые годы царствованія Анны Іоанновны, какъ извѣстно, очень дорого стоили великорусской партіи іерархіи; болѣе видные представители ея одинъ за другимъ попали въ опалу у нѣмецкаго правительства и гибли въ ссылкахъ по отдаленнымъ монастырямъ; ряды ея значительно порѣдѣли. По епархіямъ на архіерейскихъ постахъ вездѣ появились малороссы и повсюду принялись за свою обычную просвѣтительную дѣятельность, которая составляла ихъ главную миссію въ пріютившей и возвысившей ихъ странѣ. Оставшись послѣ паденія противной имъ туземной партіи іерарховъ на полномъ просторѣ, они безпрепятственно принялись вводить въ подвѣдомыя имъ школы привычное латинское образованіе и преобразовывать ихъ по кіевскому образцу. Въ теченіе царствованія Анны Іоанновны преобразованіе это обняло собою всѣ русскія духовныя школы, какія были на лицо, и укоренилось на прочныхъ основаніяхъ. На великорусской почвѣ никакъ не прививалась только одна существенная при-

надлежность югозападнаго школьнаго строя,—это общесословность школьнаго обученія, доселѣ твердо державшаяся въ Малороссіи. и великорусская духовная школа, подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій государственнаго строя имперіи, о которыхъ намъ уже приходилось говорить выше и придется еще не разъ впереди, съ самаго начала своего существованія являлась съ полными задатками школы сословно-спеціальной и потомъ уже неуклонно развивалась въ этомъ исключительномъ направленіи.

Съ 1737 г. перемѣны, обозначившіяся въ характерѣ духовныхъ школъ, обратили на себя вниманіе правительства и стали закрѣпляться путемъ законодательства, старавшагося при этомъ выставить свою просвѣтительную ревность какъ можно виднѣе. До этого времени указы ограничивались пока только общими предписаніями объ обученіи духовныхъ дѣтей и посвященіи на церковныя мѣста ученыхъ кандидатовъ, согласно указамъ Петра великаго. 24 января 1737 г. вышелъ синодальный указъ о школахъ, въ которомъ св. Синодъ между прочимъ изъявлялъ намѣреніе подчинить ихъ своему собственному контролю и едвали не въ первый еще разъ высказывалъ неудобство ихъ низменной постановки въ исключительномъ завѣдываніи однихъ только мѣстныхъ епархіальныхъ властей. Св. Синодъ, говорилось здѣсь, разсуждалъ, „что при всѣхъ ли въ епархіяхъ архіерейскихъ домахъ школы по силѣ Д. Регламента учреждены, и сколько гдѣ въ тѣхъ школахъ какова званія учениковъ отъ состоянія св. Синода въ коемъ году порознь было, и какія кто науки происходилъ, и сколько гдѣ ихъ въ ономъ 1737 г. и въ какихъ наукахъ обрѣталося, и въ такомъ ли оные смотрѣніи и порядкѣ, какъ Д. Регламентомъ и приполнительными о томъ... указами повелѣно, содержаны были, и сколько жъ изъ нихъ, когда и въ какіе чины и куда произведены; и на пропитаніе ихъ всякаго хлѣба съ монастырей 20-й и съ церковныхъ земель 30-й части порознь, по годамъ и

по званіямъ мѣстъ въ домы архіерейскіе по 1737 г. въ сборѣ, и изъ того на пропитаніе школьниковъ въ расходѣ, и затѣмъ изъ году въ годъ въ остаткѣ было, совершеннаго въ св. Синодѣ извѣстія не имѣется. и надлежащихъ о томъ всягодныхъ репортовъ ниоткуда въ присылкѣ не бываетъ". На этомъ основаніи порѣшено было: вышеписанныя извѣстія выслать изъ епархій въ Синодъ въ самомъ непродолжительномъ времени, а „впредь о состояніи тѣхъ школъ, какъ о начальствѣ учениковъ, такъ и о всемъ вышеписанномъ вѣдомости присылать по вся годы безъ всякаго отлагательства" (1).

Указанная цѣль этого распоряженія поднять дух. школы изъ ихъ исключительно епархіальнаго положенія была впрочемъ достигнута въ извѣстной только мѣрѣ; онѣ по прежнему остались школами исключительно архіерейскими, и весь контроль Синода относительно ихъ только и ограничился указанными вѣдомостями, которыя подавались ему къ свѣденію, потому что у высшаго церковнаго правительства не было никакого органа для завѣдыванія школьнымъ дѣломъ, даже такого, какимъ при Петрѣ одно время былъ состоявшій при Синодѣ протекторъ школъ архимандритъ Гавріилъ Бужинскій. Тѣмъ не менѣе это вниманіе къ школамъ, какое Синодъ высказалъ въ приведенномъ указѣ, не могло не остаться безъ вліянія на ихъ возвышеніе и усовершенствованіе, служа для ихъ непосредственныхъ епархіальныхъ начальствъ сильнымъ поощрительнымъ средствомъ къ усиленію объ нихъ заботъ. Самый указъ едвали не былъ вызванъ возникшимъ тогда дѣломъ о распущеніи одной изъ наиболѣе устроенныхъ семинарій, казанской, казанскимъ архіереемъ Гавріиломъ и вѣроятно имѣлъ цѣлію устраненіе подобныхъ явленій на будущее время. Вмѣстѣ съ тѣмъ Синодъ обратилъ особенное вниманіе на производство ставленниковъ и грозилъ архіереямъ немалымъ штрафованіемъ, если они будутъ

(1) Истор. Росс. іерарх. I, 435—436.

производить неученыхъ въ священство и даже въ церковно-служители; для большей отчетности въ этомъ дѣлѣ велѣно было при каждомъ производствѣ писать о достоинствѣ производимаго лица въ докладныхъ выпискахъ точно (1).

Въ сентябрѣ того же 1737 года вышелъ именной указъ болѣе важнаго содержанія, которымъ прямо предписывалось заведеніе дух. школъ въ объемѣ семинарій: духовныхъ дѣтей велѣно „обучать на россійскомъ языкѣ грамотѣ, а потомъ грамматикѣ и реторикѣ и др. высшихъ наукъ, и того ради во всѣхъ епархіяхъ и въ другихъ пристойныхъ городѣхъ школы учредить и искусныхъ учителей, и на содержаніе тѣхъ школъ и на пропитаніе школьниковъ изъ архіерейскихъ и монастырскихъ и церковныхъ доходовъ, которые по сіе время на архіереевъ и на монастыри собиралися, сумму опредѣлить, и сіе полезнѣйшее дѣло толь наискоряе въ дѣйство произвесть, чтобы отъ сего времени неученые люди въ церковные чины опредѣляемы не были“ (2). Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого указа изъ кабинета министровъ вышелъ другой указъ на имя св. Синода, въ которомъ для учениковъ, обучившихся въ семинаріяхъ латинскаго и греческаго діалектовъ и другихъ высшихъ наукъ, опредѣлялись служебныя права и вмѣстѣ обязательность какой нибудь, духовной или гражданской, службы, „дабы отъ нихъ польза государству и отечеству впредь быть могла“; отъ службы военной эти обучившіяся дѣти духовенства освобождались; оказавъ такое вниманіе къ семинаріямъ въ интересахъ государственной службы, правительство въ томъ же кабинетскомъ указѣ требовало далѣе, чтобы св. Синодъ собралъ объ нихъ подробныя вѣдомости, сколько въ которомъ году, начиная съ 1730 г., въ нихъ было учениковъ, чему обучились

(1) П. С. Зак. X, № 7204.

(2) Тамъ же VIII, № 7364.

и куда опредѣлены, для представленія Ея имп. величеству и затѣмъ представлять подобныя же вѣдомости объ ученикахъ, какъ кончившихъ ученіе, такъ и учащихся, ежегодно (1). Этими двумя указами учрежденіе семинарій закрѣплено было оффиціально высшею государственною властію; вмѣстѣ съ тѣмъ, кромѣ указаннаго синодальнаго контроля, надъ школами явился контроль государственный, который долженъ былъ значительно усилить для епархіальныхъ властей обязательность распространенія семинарскаго образованія. Въ февралѣ слѣдующаго года св. Синодъ разослалъ по епархіямъ формы вѣдомостей объ училищахъ и отчетность въ этомъ дѣлѣ была установлена (2).

Въ указахъ постоянно говорилось о важности духовнаго образованія и повторялись строгія внушенія касательно его распространенія духовнымъ начальствамъ. „Понеже мы, писалось напр. въ указѣ 1738 г. объ учрежденіи троицкой семинаріи, потомъ въ другомъ—о штатѣ семинаріи новгородской, всегда особливое тщаніе и стараніе имѣемъ въ томъ наипаче всего, чтобы св. церкви снабдены были учительными священниками для лучшаго подтвержденія христіанскаго закона и благочестія поученіями, проповѣдію слова Божія изъ свящ. писанія, ибо простой и подлый народъ, не имѣя въ сердцахъ страха Божія и надлежащаго наставленія къ добрымъ дѣламъ, и тако отъ невѣжества и грубіанства преклоняется на всякое зло, а именно: впадаетъ въ лѣность, въ пьянство, въ татьбы, разбои, смертныя убивства, мятежи и прочія богомерзостныя дѣла симъ подобныя,... еже все имѣя въ разсужденіи, милосердуя о своихъ подданныхъ и матерински сожалѣя и соболѣзнуя о таковой крайней человѣческой погибели, отвращая сіе зло, всемилостивѣйше повелѣваемъ, дабы Синодъ обще съ обрѣтающимися въ епар-

(1) П. С. Зак. VIII, № 7385.

(2) Ист. Росс. іерарх. I, 440.

хіяхъ архіереями имѣли крайнее попеченіе о поправленіи ученіемъ духовнаго чина чрезъ учрежденіе семинарій, понеже ученіе есть дѣло весьма въ государствѣ полезное и нужное“ и проч. т. п. Правительство кстати припомнило при этомъ и о многочисленныхъ въ имперіи „невѣрныхъ“ инородцахъ, „которыхъ легко можно привесть ученіемъ святымъ въ вѣру Христову, еслибъ ученые священники были и архіереи бы въ епархіяхъ къ тому тщаніе и прилежность по своему званію имѣли“ (1).

Не ограничиваясь только подобнымъ торжественнымъ провозглашеніемъ своихъ просвѣтительныхъ стремленій, правительство въ 1738 г. подняло важный вопросъ объ опредѣленіи духовныхъ школъ штатами и кабинетскимъ указомъ отъ 9 іюня поручило св. Синоду собрать всѣ нужныя для того свѣденія и составить надлежащія предположенія для аппробаціи императрицы. Дѣло это указывалось произвести со всевозможною скоростію: „и дабы сіе толь нужнѣйшее дѣло какъ наискоряе начато и въ дѣйство произведено быть могло, для того надлежитъ, оставя другія не весьма важныя дѣла, о семъ трудиться и окончить, и для всемилостивѣйшей ея имп. величества аппробаціи въ кабинетъ подать“ (2). Какъ ни торопился Синодъ составленіемъ проекта этихъ штатовъ и какъ ни скоро выполнилъ возложенное на него порученіе, важность котораго онъ сознавалъ лучше самого кабинета, мысль о штатахъ такъ и не была осуществлена при Аннѣ Іоанновнѣ, но хорошо было уже и то, что сдѣланъ былъ по крайней мѣрѣ починъ въ этомъ дѣлѣ и выясненіе самаго вопроса; полный отвѣтъ на этотъ вопросъ явился уже во второй половинѣ XVIII столѣтія.

Съ того же 1737 г., когда правительство особенно возревновало о распространеніи духовнаго образова-

(1) П. С. З. X, № 7660, и кн. штатовъ о новгор. семинаріи.

(2) Ист. Росс. іер. I, 440—441.

нія и заведеніи семинарій, начались усиленные разборы духовенства, которые между иными, наприм. политическими цѣлями, имѣли въ виду и очищеніе духовнаго чина отъ необразованныхъ и вообще недостойныхъ людей. Побужденія къ образованію дѣтей духовенства въ это страшное время были даже до крайности усилены; доставалось и епархіальнымъ начальствамъ, которыя не могли сразу образовать все подвѣдомое имъ духовенство и замѣстить всѣ церковныя должности людьми учеными. Очищеніе духовнаго чина производилось такъ энергически, что въ началѣ 1739 г. ея императорскому величеству стало извѣстно, что множество церквей стоитъ безъ причтовъ, и именной указъ по этому случаю опрокинулся съ тяжелымъ упрекомъ не на кого другаго, а прямо на архіереевъ: они де на мѣсто убылыхъ священнослужителей сейчасъ же должны бы были поставлять новыхъ, „всячески обученныхъ и наставленныхъ христіанскому закону и страху Божію“, а они вмѣсто того „толь важнымъ и человѣческому спасенію потребнымъ дѣломъ“ пренебрегли, „а между тѣмъ люди безъ покаянія и причастія св. таинъ помираютъ, слѣдственно же надлежитъ и тому быть, что въ отдаленныхъ отъ церквей мѣстахъ люди принуждены жить безъ принятія отъ церкви брака, и тако многія души погибаютъ напрасно, еже ея имп. в—во о таковомъ нерадѣніи и упущеніи съ великимъ прискорбіемъ и особливымъ ея имп. в—ва сожалѣніемъ нечаянно услышать принуждена“. Не обращая вниманія на настоящія причины умноженія церковныхъ вакансій, указъ настойчиво требовалъ неученыхъ кандидатовъ священства не посвящать, а выбирать въ священники „по крайней мѣрѣ такихъ, которые бы законъ христіанскій основательно знали и ко чтенію св. писанія прилежали и по возможности разсудить могли, что читаютъ“, а между тѣмъ поспѣшить заведеніемъ семинарій по всѣмъ

епархіямъ (1). Чрезъ непродолжительное время въ томъ же году вышелъ новый указъ, еще грознѣе приведеннаго и съ еще болѣе безцеремоннымъ выговоромъ архіереямъ, чтобы репорты о состояніи семинарій посылались изъ епархій въ Синодъ каждую третъ: „хотя, гласилъ этотъ указъ, объ учрежденіи семинарій многіе указы изъ св. Синода въ епархіи посланы были, однако раченіе въ нѣкіихъ мѣстахъ является быть не токмо слабое, но почти мало нѣтъ; а чего ради такое небреженіе чинится, не извѣстно, что все относится на главную духовную команду (т. е. Синодъ), а тому виновные, хотя то и явственно видятъ, обаче толь отважно и нечувственно пребываютъ, какъ бы ихъ собственнаго долга въ этомъ нимало не зависитъ“ (2).

Нельзя не замѣтить, что подобные упреки архіереямъ, за исключеніемъ лишь немногихъ случаевъ, были вовсе несправедливы и вызывались не столько дѣйствительнымъ положеніемъ школьнаго дѣла по епархіямъ, сколько желаніемъ высшаго правительства громче заявить свои просвѣтительныя стремленія и общею тогда въ высшей административной сферѣ привычкой къ грубымъ окрикамъ на подчиненныхъ и къ употребленію крѣпкихъ выраженій. Просвѣтительное движеніе по епархіямъ началось еще раньше приведенныхъ указовъ, вслѣдъ за первымъ манифестомъ новой императрицы, и годъ отъ году возрастало повсюду, особенно благодаря усиленію архіереевъ малороссовъ. Если когда, то именно въ описываемое время, послѣдніе съ честію выполняли свою главную историческую миссію въ Великороссіи; каждый изъ нихъ, явившись въ великорусскую епархію, прежде всего принимался за устройство своей епархіальной школы, преобразовывалъ ее въ славенолатинскую семинарію, открывалъ въ ней классы по образцу югозападныхъ школъ, вызывалъ учителей и учениковъ, изыскивалъ разныя средства къ ихъ со-

(1) П. С. З. X, № 7734.

(2) Тамъ же № 7749.

держанію, причемъ не щадилъ для нея и спеціальныхъ средствъ своей каѳедры, какъ бы эти средства ни были малы. Издавая свои грозные указы, правительство не обращало вниманія на то, что школы заводились исключительно на одиночныя средства каждой епархіи отдѣльно и что поэтому замедленія въ заведеніи и расширеніи ихъ были неизбѣжны, какъ бы архіереи ни „чувственно пребывали“ въ сознаніи своего просвѣтительнаго долга, не принимало въ разсчетъ и того, что само же отдало архіерейскія имѣнія въ руки коллегіи экономіи, а между тѣмъ штатныхъ окладовъ на школы не назначило, ограничивалось только громкимъ заявленіемъ ихъ необходимости да нѣсколькими указами на счетъ скорѣйшаго составленія ихъ проекта въ св. Синодѣ, не давало даже частныхъ временныхъ пособій, о которыхъ просили изъ епархій, и такимъ образомъ всю вину „нечувственнаго пребыванія“ брало на свою голову въ тѣмъ большей мѣрѣ, чѣмъ краснорѣчивѣе упрекало въ ней духовную команду. Укажемъ на дѣятельность наиболѣе видныхъ въ просвѣтительномъ отношеніи архіереевъ, причемъ соберемъ свѣдѣнія о самихъ школахъ, какъ преобразованныхъ, такъ и вновь открытыхъ за все время отъ 1730 г. до царствованія императрицы Елизаветы.

На первомъ планѣ въ ряду этихъ архіереевъ стоитъ, разумѣется, самъ ѳеофанъ, котораго школа на р. Карповкѣ считалась образцовою, хотя какъ мы видѣли, съ курсомъ не спеціально-духовнымъ. Невская семинарія, благодаря его сильному вліянію въ административной сферѣ, тоже сравнительно съ другими стояла весьма высоко. Преобразованіе ея въ славяно-греко-латинскую семинарію послѣдовало еще въ концѣ 1725 года, но преподаваніе въ ней классическихъ языковъ, порученное ученому греку Аѳанасію Скіадѣ, продолжалось только до 1729 г., когда Скіада оставилъ семинарію; потомъ она оставалась безъ учителей до 1734 г., въ которомъ явился въ ней учитель, датчанинъ Адамъ Селлій. Съ этого времени она

начала скоро подниматься. Преемники Селлія (съ 1736 г.) Г. Кременецкій и А. Зертисъ-Каменскій въ четыре года успѣли довести своихъ учениковъ до риторики и собирались начать преподаваніе философіи. Учениковъ въ 1735 г. было 35 человѣкъ, а къ 1741 г. уже 108. Послѣ смерти Ѳеофана (1736 г.) семинарія увеличилась вслѣдствіе перевода въ нее учениковъ изъ карповской школы и изъ новгородской семинаріи. Съ 1732 г. на содержаніе невской семинаріи положено отпускать по 1607 р. въ годъ изъ вотчинныхъ монастырскихъ доходовъ, а послѣ отобранія монастырскихъ вотчинъ въ управленіе коллегіи экономіи она одна, за исключеніемъ потомъ съ 1740 г. новгородской семинаріи, удостоилась назначенія штатнаго оклада въ 1917 р. (1). Счастье особенно благопріятствовало этой семинаріи какъ вслѣдствіе ея столичнаго значенія, такъ благодаря просвѣщенному вниманію къ ней св. Синода и личностей, занимавшихъ мѣсто настоятелей Невскаго монастыря, въ ближайшемъ вѣденіи котораго она состояла, Петра Смѣлича и Стефана Калиновскаго.

По благопріятной обстановкѣ, сильной поддержкѣ со стороны сильныхъ людей и богатству матеріальныхъ средствъ, изъ семинарій съ ней могла сравняться развѣ только семинарія харьковская, благодаря покровительству и щедрости князя М. М. Голицына. Въ 1730 г. онъ разослалъ по своему управленію грамоту объ огражденіи коллегіума и пожертвованныхъ въ его пользу своихъ имѣній отъ обидъ и налоговъ, угрожая притѣснителямъ изъ высшихъ чиновъ воинскимъ судомъ, а изъ низшихъ тѣлеснымъ наказаніемъ. А въ 1731 году преосвящ. Епифаній исходатайствовалъ въ пользу харьковской семинаріи высочайшую грамоту, въ которой, воздавъ должную похвалу просвѣщенному усердію епископа Епифанія къ основанію и устроенію полезной школы, импера-

(1) *Чистовича:* Ист. спб. академіи, стр. 71.

трица утверждала на вѣчныя времена всѣ права и имущества училищнаго Покровскаго монастыря и семинаріи и ограждала ихъ отъ обидъ и притѣсненій со стороны какъ военныхъ, такъ и штатскихъ, и всякаго чина и званія людей: „а учить, писалось въ грамотѣ согласно съ общесословнымъ значеніемъ школы, всякаго народа и званія дѣтей православныхъ, не токмо піитики, риторики, но и философіи и богословіи, славяно-греческимъ и латинскимъ языкамъ; такожде стараться, чтобъ такія науки вводить на собственномъ россійскомъ языкѣ, и преподавать ученіе съ усерднымъ тщаніемъ, ревностію и радѣніемъ, отнюдь не отлучаясь ни въ чемъ св. восточныя церкви исповѣданія, а неспокойныхъ и вражды творящихъ учителей и учениковъ унимать и смирять, и ни до какого своевольства не допускать". Преемники Епифанія Досиѳей Богдановичъ-Любимскій (1731—1736) и Петръ Смѣличъ (1736 — 1742) съ успѣхомъ поддержали и возвысили его учрежденіе. Вскорѣ послѣ его смерти въ семинаріи открылся высшій богословскій классъ и она постоянно начала называться коллегіумомъ. При Петрѣ Смѣличѣ заведены были классы новыхъ языковъ (нѣмецкаго и французскаго), математическій, архитектурный, историческій и географическій, вскорѣ впрочемъ послѣ него упраздненные. Изъ донесенія епископа Досиѳея св. Синоду видно, что лучшіе студенты коллегіума съ самаго начала его существованія отправлялись для приготовленія къ учительскимъ мѣстамъ за границу, въ Германію. При П. Смѣличѣ вызывались изъ иностранныхъ училищъ учители (1). Благодаря всѣмъ этимъ благопріятнымъ условіямъ, харьковскій коллегіумъ сдѣлался образцовымъ училищемъ на югѣ, первымъ послѣ кіевской академіи, и далеко превзошелъ старѣйшую его южную семинарію черниговскую, которая прежде называлась коллегіумомъ,

(1) Ист. іерарх. Росс. I, 632. Дух. Бесѣд. 1863 г. № 23.

но не успѣла завести у себя высшихъ классовъ во все описываемое время и остановилась въ своемъ развитіи на риторикѣ.

За исключеніемъ невской и харьковской школы, всѣ другія школы по епархіямъ преобразовывались въ семинаріи и расширяли свои курсы при самой бѣдной обстановкѣ, единственно благодаря только энергіи своихъ мѣстныхъ епархіальныхъ властей и поддержкѣ со стороны мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ. Раньше другихъ, въ 1730 году, преобразована была славяно-россійская школа въ Холмогорахъ, заведенная еще въ 1723 году архіепископомъ Варнавою; въ это время учителемъ въ нее опредѣлился „обучавшійся за моремъ“ Иванъ Цареградскій, начавшій въ первый разъ обучать учениковъ латинскому языку, и она получила наименованіе славяно-латинской и значеніе семинаріи (1). Послѣ Варнавы объ устройствѣ ея особенно позаботился преемникъ его Германъ Копцевичъ (1731—1735) бывшій ректоръ московской академіи, тотъ самый, который въ 1728 г. принялъ въ академію на свою отвѣтственность геніальнаго рыбака Ломоносова. Содержаніе семинаріи было принято при немъ на счетъ архіерейскаго дома. Курсъ семинаріи съ помощію преемника Цареградскаго, учителя іеромонаха Венедикта (изъ малороссовъ), доходилъ до пиитики (2). Въ томъ же году архіерей Аѳанасій Кондоиди завелъ вологодскую семинарію и за неимѣніемъ учителей самъ даже училъ въ ней латинскому языку; при его преемникахъ, Амвросіѣ Юшкевичѣ и особенно при Пименѣ Савеловѣ (съ 1740 г.), число учителей умножилось пріѣзжими кіевлянами и семинарія получила прочное существованіе (3). Въ слѣдующемъ

---

(1) См. *Пекарск.* I, 120. Русск. Педагог. Вѣстн. 1858 г. т. V, отдѣл. III, стр. 18.

(2) О Германѣ см. Странникъ 1878 г. сентябрь стр. 195—197.

(3) Волог. епарх. вѣд. 1865 г. № 9, стр. 499.

1731 году, епископомъ Веніаминомъ Сахновскимъ преобразована была въ семинарію коломенская школа; первоначально въ нее введенъ былъ только латинскій языкъ, а съ 1740 г. при архіереяхъ Кипріанѣ и особенно Саввѣ Шпаковскомъ въ нее вызваны были учители изъ Кіева, которые должны были открыть въ ней обычные семинарскіе классы до философіи; къ концу царствованія она доведена была до риторики (1). Въ 1733 году псковскій архіепископъ Варлаамъ Леницкій открылъ въ своей школѣ первый латинскій классъ и началъ преобразовывать ее въ семинарію, каждый курсъ открывая новые классы; къ концу своего управленія епархіей (1738) онъ довелъ обученіе до философскаго класса, послѣ чего она сдѣлалась одной изъ самыхъ полныхъ семинарій. Число учениковъ ея достигло при немъ до 200 человѣкъ. Преемникъ его Стефанъ Калиновскій въ 1739 г. ввелъ философскій классъ, устроилъ для помѣщенія семинаріи двухъэтажный домъ близъ печерскаго подворья, въ которомъ она первоначально помѣщалась (2). Въ томъ же 1733 г. была открыта семинарія въ Казани. Судьба этой семинаріи за описываемое время особенно обращаетъ на себя вниманіе, потому что представляетъ выразительное указаніе на тогдашнее значеніе для епархіальныхъ школъ личности того или другаго архіерея, управлявшаго епархіею.

Послѣ м. Тихона, заведшаго казанскую школу съ первоначальнымъ курсомъ, школьное дѣло въ Казани мало подвигалось впередъ. Преемникъ Тихона Сильвестръ, не отличавшійся ни образованіемъ, ни особенною ревностію къ распространенію школьнаго образованія въ духовенствѣ, не имѣлъ никакого вліянія на увеличеніе курса въ казанской школѣ и, какъ человѣкъ преимущественно практическаго, хозяйственна-

(1) Ист. Росс. іер. I, 433. Ист. кіевск. акад. 188.

(2) Ист. псковск. сем. въ Чтен. 1866 г. т. I; Смѣсь, стр. 25, 27, 39.

го направленія, успѣлъ оказать ей только матеріальную, впрочемъ весьма важную, помощь, приписавъ къ ней, на содержаніе ея, вотчины двухъ упраздненныхъ монастырей, сарапульскаго Успенскаго и осинскаго Преображенскаго, за которыми числилось до 549 душъ крестьянъ; для помѣщенія школы отведено было мѣсто въ Ѳеодоровскомъ монастырѣ и выстроенъ домъ цѣною въ 250 рублей. Назначеніе въ Казань (въ 1732 г.) новаго архіерея Иларіона Рогалевскаго, человѣка Прокоповичевской школы и партіи, живо подвинуло школьное дѣло впередъ. Въ первый же годъ по пріѣздѣ Иларіонъ завелъ въ Казани латинское обученіе, для котораго и вызвалъ изъ Кіева двоихъ учителей, Стефана Головацкаго и Веніамина Пуцека-Григоровича. Новые учители немедленно завели въ школѣ кіевскіе порядки и раздѣленіе классовъ на фару, инфиму и т. д. и архіерейская школа обращена была въ семинарію; курсъ ея простирался до риторики включительно; число учениковъ возросло съ 80 до 120 человѣкъ. Для управленія семинарскими дѣлами устроена была семинарская контора, во главѣ которой поставленъ спасскій архимандритъ Германъ Барутовичъ. Содержаніе учителей и учениковъ было усилено, для чего всѣ сборы на школу были увеличены вдвое и къ прежнимъ вотчинамъ, отписаннымъ на семинарію, были прибавлены новыя отъ Спасскаго, Ѳеодоровскаго и Раифскаго монастырей (по одному селенію отъ каждаго). Для помѣщенія семинаріи, по высочайшему рескрипту, начата постройка особаго каменнаго зданія близъ Петропавловской церкви; вся епархія была приведена въ напряженіе, чтобы доставить для этой постройки нужныя средства. Случай послалъ въ подмогу важное пособіе. Въ 1728 г. умеръ въ Казани извѣстный суконный фабрикантъ Михляевъ, строитель Петропавловской церкви, около которой воздвигалась семинарская постройка, и оставилъ послѣ себя завѣщаніе, въ которомъ распорядился предоставить этой церкви свой дворъ при ней и 34 лавки

въ уплату оставшагося за нимъ долга въ 3000 рублей. Дѣло объ этомъ завѣщаніи затянулось и рѣшилось какъ разъ во время семинарской стройки въ 1734 году. Наслѣдники Михляева почли за лучшее, вмѣсто двора и лавокъ, передать церкви самую сумму долга, которую Иларіонъ и употребилъ на семинарію. Постройка пошла успѣшнѣе и возведенъ былъ уже весь первый этажъ, какъ въ 1735 г. Иларіонъ былъ переведенъ изъ Казани въ Черниговъ, а на мѣсто его пріѣхалъ бывшій суздальскій архіерей Гавріилъ изъ великоруссовъ стариннаго направленія, вмѣнявшій „въ добродѣтель все прежде въ Россіи небывалое истреблять безъ остатка".

Все, надъ чѣмъ Иларіонъ употребилъ столько трудовъ и энергіи, пошло врозь. Семинарская постройка остановилась на первомъ этажѣ; покрыли его лубьями и донесли, что дальше „строить весьма нечѣмъ". Школьниковъ изъ 120 осталось 35; остальные, кто отпущенъ былъ домой, кто опредѣленъ въ дьячки, кто въ архіерейскій хоръ, кто просто бѣжалъ, нѣкоторые попали подъ разборъ и улетѣли въ солдаты. Германъ Барутовичъ былъ уволенъ отъ должности и уѣхалъ въ Москву. Изъ учителей одному, преподававшему въ низшихъ классахъ, отказано отъ мѣста, послѣ чего низшіе классы закрылись и можно было опасаться, что ученіе совсѣмъ прекратится за невозможностію принимать новыхъ учениковъ; другіе два учителя подумывали воротиться восвояси, въ Кіевъ. Духовенство почуявъ, что архіерей не будетъ стоять за школу, поднялось съ жалобами на разореніе отъ школьныхъ поборовъ и отъ содержанія дѣтей въ школѣ; монастыри подали челобитья о возвращеніи отписанныхъ у нихъ вотчинъ. Изъ св. Синода пришелъ запросъ, почему школа распущена. Гавріилъ, разумѣется, сталъ оправдываться истощеніемъ епархіи, указалъ на жалобы духовенства изъ-за двойныхъ сборовъ, на то, что монастыри послѣ отписки у нихъ вотчинъ на школу принуждены кормиться Христовымъ именемъ, что школа

заведена слишкомъ большая, а съ епархіи не только двойныхъ, но и обыкновенныхъ сборовъ собирать нельзя, благодаря недавнему башкирскому раззоренію. Но въ Петербургѣ такими объясненіями не удовлетворялись. Ссылаться на недостатокъ средствъ къ поддержанію школъ было не принято; средствъ нѣтъ,—нужно ихъ изобрѣсти, какъ изобрѣталъ преосв. Иларіонъ. Потребовали справокъ о прежнемъ состояніи казанской школы и о доходахъ тамошняго архіерейскаго дома, а между тѣмъ Гавріила вызвали въ Петербургъ на чреду. Справки оказались не въ пользу архіерея; въ донесеніи его о расходахъ на школу обнаружены преувеличенія. Узнавъ обо всемъ этомъ, правительство осталось очень недовольно и въ началѣ 1737 г. именнымъ указомъ изъ кабинета св. Синоду поручено было школу въ Казани возстановить по прежнему, а о распущеніи ея произвести слѣдствіе. Слѣдователями назначены были губернаторъ Голицынъ, зилантовскій архимандритъ Епифаній Адамацкій и воротившійся въ Казань Германъ Барутовичъ. Слѣдствіе это протянулось весь 1737 годъ и дотянулось до 1738, когда Гавріилъ былъ переведенъ изъ Казани въ Устюгъ, а на мѣсто его назначенъ былъ устюжскій епископъ Лука Конашевичъ, одинъ изъ любимцевъ покойнаго Ѳеофана Прокоповича, стяжавшій потомъ въ Казани славу просвѣтителя казанскаго духовенства. Ему тоже поручено было принять участіе въ слѣдственномъ процессѣ о закрытіи школы. Окончательное донесеніе о результатахъ всего слѣдствія было отослано уже въ маѣ 1739 года за подписомъ епископа Луки и губернатора Голицына; виной упадка школы во всемъ, разумѣется, оказался Гавріилъ. По всей вѣроятности именно это непріятное дѣло и послужило поводомъ къ упомянутому высочайшему указу 1739 г., который такъ рѣзко укорялъ духовную команду въ нечувственномъ небреженіи.

На казанскую семинарію правительство обратило особенное вниманіе; еще въ 1737 г. въ указѣ им-

пратрицы было высказано требованіе, чтобы семинарія эта не только въ добромъ порядкѣ была утверждена, но чтобъ „отъ времени до времени въ наукахъ размножалась, съ такимъ подкрѣпленіемъ, что въ Казани наипаче другихъ мѣстъ ученые священники потребны ради обращенія иновѣрцевъ". Воспользовавшись этимъ заявленіемъ, Лука Конашевичъ въ первый же годъ своего архіерейства собралъ въ нее до 183 учениковъ и принялся хлопотать о средствахъ къ ея обезпеченію и расширенію. Въ докладѣ кабинету о результатахъ слѣдствія, во исполненіе высочайшаго соизволенія и намѣренія, приведены были два важныхъ пункта: 1) объ открытіи въ казанской школѣ двухъ высшихъ классовъ, философскаго и богословскаго, и 2) объ опредѣленіи на нее штатнаго оклада. Но послѣ этого сейчасъ же оказалось, что отъ высказыванія благихъ намѣреній до исполненія ихъ еще далеко. Стремленію архіерея ревнителя усовершать свою семинарію были, разумѣется, очень рады, но оклада на эту семинарію ему не дали. Послѣ его ходатайствъ объ этомъ предметѣ въ концѣ концовъ ему все-таки пришлось ограничиться въ своихъ заботахъ о семинаріи исключительно тѣми же мѣстными средствами, какія употреблялись и при его предшественникахъ. Величайшимъ торжествомъ для него было и то, что онъ успѣлъ какимъ-то образомъ исходатайствовать 3000 рублей на постройку семинарскаго корпуса,— примѣръ ассигновки денегъ, составлявшій тогда не только необыкновенную рѣдкость, но даже настоящее исключеніе изъ общаго порядка. Еще въ мартѣ 1737 г. архимандритъ Германъ представлялъ св. Синоду, что для продолженія начатой постройки семинарскаго зданія требуется воспособленіе, и просилъ употребить на этотъ предметъ находившіяся при архіерейскомъ приказѣ лазаретныя деньги 1734 и 1735 годовъ, но представленіе его осталось тогда безъ успѣха. По ходатайству Луки Конашевича св. Синодъ отпустилъ на

постройку указанную сумму изъ наличныхъ при Синодѣ денегъ, оставшихся послѣ духовныхъ персонъ (1).

Въ сосѣдней съ казанскою вятской епархіи архіерейская школа была обращена въ семинарію въ 1735 г., благодаря просвѣтительной ревности архіерея Лаврентія Горки, „музъ любителя и богослова", какъ его величаетъ стихотворная надпись на его гробницѣ, одного изъ друзей Прокоповича. Историкъ вятской епархіи Платонъ Любарскій даетъ объ немъ весьма сочувственный отзывъ: „Онъ имѣлъ превосходныя дарованія душевныя и тѣлесныя, ученостію славный мужъ, нравомъ простъ, совѣстенъ, благочестивъ, нелицепріятенъ, непамятозлобивъ, только чрезмѣрно горячъ и вспыльчивъ, но не надолго. Сіе послѣднее свойство было причиною, что онъ подчиненнымъ своимъ не очень нравился; почему за строгость многія отъ нихъ св. Синоду приносимы были жалобы, для прекращенія коихъ переводимъ былъ во многія епархіи, изъ астраханской въ устюжскую, рязанскую, а съ сей на Вятку. Къ оной строгости подавали ему случай подчиненныхъ его грубые обычаи, кои простотою его прежнихъ антецессоровъ исправляемы не были, въ наукахъ непросвѣщенность, кои онъ противъ желанія ихъ заводить старался, и наконецъ заматорѣлая распустность невоздержанія, безчиніе, и другіе пороки, которые онъ на переломъ прекратить старался... До прибытія его на Вятку никакихъ здѣсь словесныхъ наукъ не было; онъ первый вызвалъ изъ кіевской академіи учителя, именемъ Михаила Финитскаго, завелъ славенолатинскія училища, въ кои способныхъ священно-церковно-служительскихъ дѣтей набиралъ почти не безусильно. Къ искорененію прежняго суевѣрія, грубости, омерзенія къ наукамъ и къ вкорененію истиннаго благочестія, вѣжливости и про-

(1) Казанск. семин. въ первое время существованія, въ Правосл. Собесѣдн. 1868 г. кн. 8.

свѣщенія такое прилагалъ стараніе, что самоперсонально ежедневно почти посѣщалъ училища, поощрялъ, обнадеживалъ учениковъ, учредивъ для нихъ во облегченіе скуки разныя забавы, выгоды и преимущества: выписывалъ состоящую изъ весьма полезныхъ и знатныхъ авторовъ книгъ библіотеку; неученыхъ и покрайней мѣрѣ чтеніемъ книгъ не просвѣтившихся, какого бы они званія не были, гнушался, обхожденія съ ними не имѣлъ, таковыхъ изъ подчиненныхъ своихъ не только во священство и на другія степени, но ниже въ причетъ церковный не производилъ, почему рукоположенія его изъ священниковъ и причетниковъ весьма были немногіе.... св. писаніе, древнюю исторію, хронологію и хорошее чиноположеніе самъ изъяснялъ, ревностно желая вліять на просвѣщеніе“ (1).

Для открытія и обезпеченія семинаріи Лаврентій поднялъ на ноги всю епархію, самъ узнавалъ доходы духовенства и назначалъ, сколько кому давать семинарскаго сбора; въ тоже время производилъ энергичный наборъ духовныхъ дѣтей для записи въ ученіе, старался побудить къ отдачѣ въ свою школу дѣтей даже свѣтскихъ горожанъ, для чего было и сносился съ губернскою канцеляріею, но безъ успѣха. Его крутыя мѣры къ образованію духовныхъ дѣтей подняли противъ него такую упрямую оппозицію со стороны подчиненнаго духовенства, что въ борьбѣ съ ней, не смотря на всю свою энергію, онъ приходилъ иногда въ совершенное отчаяніе. „Вси единодушно на мое зло настроены и развращены, писалъ онъ въ 1734 г. св. Синоду, вси не слушаютъ; иные бѣгаютъ, другіе укрываются и неисповѣдимыя пакости мнѣ творятъ. Хотѣлъ я и ученія славяно-латинскія въ епархіи вятской заводить и учителей изъ Кіева двухъ человѣкъ

(1) Сборн. Казанск. древн. *Любарскаго*. Казань. 1868 г. стр. 172—173.

мірскихъ вызвалъ, но за такимъ гоненіемъ и противностями ждать добраго не возможно". Борьба эта продолжалась больше года и разстроила даже здоровье ревностнаго архипастыря (въ 1737 г. онъ умеръ отъ паралича). Семинарія все-таки была основана и получила надлежащія средства къ своему существованію; она помѣщалась въ четырехъ небольшихъ избахъ при самомъ архіерейскомъ домѣ; учениковъ было набрано до 400, хотя впрочемъ они и не всѣ поступили въ школу, а частію розданы для обученія въ монастыри и духовнымъ лицамъ г. Вятки, частію отправлены къ отцамъ съ обязательствомъ явиться въ семинарію уже въ латинскій классъ.—Но едва только Лаврентія не стало, какъ все заведенное имъ съ такими усиліями стало рушиться. Архіерейскій приказъ не только не заботился о поддержаніи заведенной семинаріи, но явно противъ нея недоброхотствовалъ. Ученики побѣжали по домамъ; учители, не получая жалованья, одинъ за другимъ уѣхали, кромѣ одного; школьныя постройки безъ ремонта пришли въ такое состояніе, что въ нихъ трудно стало жить. Разстройство это продолжалось до 1739 г., когда въ Вятку пріѣхалъ архіерей Веніаминъ Сахновскій, во многомъ напоминавшій собой Лаврентія. Разными строгими и крутыми мѣрами онъ снова успѣлъ все возстановить постарому и даже значительно разширить совсѣмъ было упадавшую школу; къ концу 1740 года число учениковъ возросло до 450, кромѣ того открыты были новые классы,—піитика и риторика (1).

Въ 1738 году началось преобразованіе нижегородской архіерейской школы, доселѣ остававшейся съ двумя только классами, славяно-россійскимъ и еллинно-греческимъ, и дававшей своимъ питомцамъ старинное образованіе еллино-славянскаго типа, любима-

(1) Ист. вятск. семин. въ Вятск. епарх. вѣдом. 1868 г. см. №№ 1, 2, 4 и 12.

го архіереями великоруссами. Видя повсюду водвореніе латинскаго ученія, Питиримъ нижегородскій рѣшился завести его и у себя и открылъ при школѣ третій грамматическій классъ, славено-латинскій; всѣ три класса или школы, какъ ихъ тогда называли, съ этихъ поръ начали называться однимъ именемъ семинаріи. Учениковъ въ нихъ считалось 200 человѣкъ. Въ тоже время, находя для своей обширной епархіи одну семинарію недостаточной, Питиримъ началъ устроять по епархіальнымъ пятинамъ низшія школы; онъ предположилъ открыть ихъ 8 въ пятинахъ: работкинской, лысковской, терюшевской, павловской, катунской, алатырской, порѣцковской и курмышской, и еще 5 школъ въ мѣстностяхъ, приписанныхъ къ нижегородской епархіи отъ синодальной области, — въ Балахнѣ, Юрьевѣ поволжскомъ, Арзамасѣ, Вязниковской слободѣ и въ галицкомъ уѣздѣ. Предположеніе это было утверждено св. Синодомъ, и въ нѣкоторыя изъ означенныхъ мѣстностей были уже посланы учители, которымъ даны были и надлежащія инструкціи; но смерть Питирима († 1738 г. въ маѣ) помѣшала осуществленію предпринятаго имъ дѣла. Преемникъ Питирима Іоаннъ Дубинскій изъ малороссовъ усердно занялся благоустройствомъ семинаріи, но по своей болѣзненности и кратковременности управленія епархіей (до 1742 г.) не успѣлъ завести высшихъ классовъ, хотя и стремился къ этому. До 1740-хъ годовъ семинарія поэтому оставалась только съ грамматическимъ классомъ. Узнавъ объ ассигновкѣ суммъ на постройку казанской семинаріи, Іоаннъ хотѣлъ выхлопотать такое же пособіе и для своей школы и послалъ о томъ въ св. Синодъ донесеніе, представляя все неудобство ея помѣщенія въ архіерейскомъ домѣ. Св. Синодъ потребовалъ, чтобы составлена была смѣта предстоящихъ при постройкѣ расходовъ, но на этомъ дѣло и покончилось. Преосв. Іоаннъ все-таки не оставлялъ своей мысли о семинарской постройкѣ, до самаго конца своего управленія кодилъ на нее

деньги и оставилъ послѣ себя такихъ денегъ 300 рублей, которыя и употребилъ по назначенію уже его преемникъ по каѳедрѣ Димитрій Сѣченовъ (1).

Въ томъ же 1738 г. епископъ Лука Конашевичъ открылъ семинарію въ Устюгѣ передъ самымъ своимъ отъѣздомъ въ Казань; семинарія эта имѣла впрочемъ только низшіе классы до грамматическаго включительно (2). На противоположномъ южномъ концѣ Россіи въ тоже время первый самостоятельный епископъ переяславскій Арсеній Берло открылъ семинарію въ Переяславѣ, которая съ самаго же начала устроилась по южнорусскому типу (3).

Въ 1739 г. по именному указу императрицы Леонидомъ, архіепископомъ сарскимъ, учреждена крутицкая семинарія съ 30 учениками. Помѣщеніе ей опредѣлено въ г. Вязьмѣ въ Предтеченскомъ монастырѣ. Послѣ (въ 1744 г.) она была переведена въ Москву на крутицкій архіерейскій дворъ (4). Въ февралѣ того же года преобразована въ семинарію тверская школа. Преосвященный Ѳеофилактъ въ свое управленіе тверской епархіей успѣлъ выстроить для этой школы проектированныя его предшественникомъ Сильвестромъ зданія въ Ѳеодоровскомъ монастырѣ и завести первоначальное обученіе, оканчивавшееся елино-словенской грамматикой; латинское ученіе не было при немъ введено. Преемникъ его (съ 1739 г.) Митрофанъ Слотвинскій затѣялъ, впрочемъ неудавшееся, дѣло о построеніи особаго каменнаго училищнаго зданія близъ архіерейскаго дома и ввелъ въ школу латинское ученіе, послѣ чего она переимено-

---

(1) *Макарія* Ист. нижег. семин. и Ист. нижегор. іерархіи 100, 105—107.

(2) Ист. Росс. іер. I, 443.

(3) Тамъ же и Ист. кіевск. акад. 188.

(4) Ист. Росс. іер. I, 443. Моск. любоп. мѣсяц. 1776 г. О крутицкой семинаріи.

вана въ семинарію. Для преподаванія новыхъ предметовъ онъ выписалъ изъ Кіева учителей, въ числѣ которыхъ былъ знаменитый знатокъ греческаго языка Іаковъ Блонницкій. Съ помощію этихъ учителей въ 1740-хъ годахъ онъ завелъ въ семинаріи всѣ классы до философіи включительно (1). — Въ томъ же году началось прочное существованіе рязанской семинаріи, которая доселѣ имѣла очень непостоянную судьбу. Мы видѣли, что при архіереѣ Гавріилѣ Бужинскомъ она было успѣла значительно подняться; къ 1729 г. для помѣщенія ея существовало уже особое зданіе, а учениковъ насчитывалось до 339 человѣкъ; но послѣ смерти Гавріила, съ самаго начала царствованія Анны Іоанновны, ученіе въ ней почти вовсе не производилось въ теченіи чуть не цѣлыхъ 9 лѣтъ, хотя непосредственнымъ преемникомъ Гавріила и былъ такой ревнитель просвѣщенія, какъ Лаврентій Горка. Причиною было неимѣніе нужныхъ учителей; Лаврентій по пріѣздѣ въ рязанскую епархію немедленно собралъ 56 учениковъ и вызвалъ учителя изъ московской академіи, но на другой же годъ учитель этотъ померъ и ученіе остановилось; да и самъ Лаврентій не долго оставался въ Рязани, въ 1733 г. переведенъ былъ въ Вятку. Назначенный на его мѣсто изъ Вятки Алексѣй Титовъ, по отзыву Любарскаго, не былъ охотникомъ до школъ и не поддержалъ дѣла Лаврентіева. Уже въ 1738 г. онъ собралъ 227 человѣкъ, но въ томъ же году опять распустилъ ихъ. Въ слѣдующемъ году уже самъ св. Синодъ настоялъ, чтобы ученіе непремѣнно было открыто, и въ школу было снова собрано до полутораста учениковъ. Въ 1740 г. она была устроена на семинарскихъ началахъ съ введеніемъ латыни и съ раздѣленіемъ классовъ (2).

---

(1) Біографіи тверск. іерарх. *Чтеніяхъ*, 1859 г., стр. 115—116. Словарь м. Евгенія объ І. Блонницкомъ.

(2) Ист. рязанск. сем. *Макарія*. Ист. Росс. іер. I, 442.

Въ 1740 году открыта семинарія въ Новгородѣ. Мы видѣли, какъ новгородскія школы м. Іова были приведены въ упадокъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ ради его карповской школы. По закрытіи послѣдней новгородскіе ученики учились въ невской семинаріи до самаго 1740 г., когда при преемникѣ Ѳеофана, Амвросіѣ Юшкевичѣ, состоялся высочайшій указъ объ открытіи новгородской семинаріи и объ ея штатномъ содержаніи. Обучать въ ней велѣно „латинскаго, еллино-греческаго, и аще возможно, и еврейскаго языковъ, начавъ отъ грамматики даже до риторики, философіи, теологіи. И для того избрать искуснѣйшихъ учителей изъ монаховъ и свѣтскихъ, сколько потребно, и наградя оныхъ довольнымъ жалованьемъ, опредѣлить и набрать учениковъ въ ту семинарію до 200 человѣкъ, выбирая способнѣйшихъ къ наукамъ изъ священническихъ, церковническихъ и архіерейскаго дому и монастырскихъ слугъ дѣтей, которыя уже обучены читать и писать въ русскомъ языкѣ, а именно отъ 10 до 12 лѣтъ, и какъ о добромъ ихъ обученіи, такъ и о порядочномъ содержаніи крайнее попеченіе имѣть, дабы оная семинарія праздна и безполезна не была, и отъ времени до времени ученіемъ процвѣтала, и въ совершенный порядокъ приведена была“. На содержаніе ея штатнаго окла̀да ассигновано было 7859 р. 37 к. въ годъ. Устройство ея проектировано было въ широкихъ размѣрахъ, со всѣми классами до богословія включительно и кромѣ того для учениковъ малоспособныхъ съ классомъ ремесленнымъ, гдѣ предположено обучать иконописному искусству, съ большой бурсой и правильно организованнымъ экономическимъ и педагогическимъ управленіемъ, при чемъ главная и непосредственная власть надъ всей семинаріей ввѣрялась архіерею, какъ и во всѣхъ другихъ архіерейскихъ школахъ. На первый разъ впрочемъ ученіе заканчивалось синтаксическимъ классомъ и только въ іюлѣ 1741 г. введена была въ семинарію піитика; открытіе слѣдующихъ классовъ

послѣдовало уже въ царствованіе Елизаветы. Помѣщеніе для семинаріи Амвросій отвелъ въ Антоновѣ монастырѣ, переведя его монаховъ въ ближайшій Деревяницкій монастырь. Кромѣ того внѣ монастыря для помѣщенія учениковъ, которымъ не доставало мѣста въ монастырѣ, построено было нѣсколько деревянныхъ корпусовъ, а въ началѣ 1741 года начата для семинаріи и ея библіотеки постройка каменнаго зданія, кончившаяся въ слѣдующемъ году (1).

Кромѣ перечисленныхъ школъ, преобразованныхъ въ семинаріи съ 1730 до 1741 года, какъ мы знаемъ, были еще двѣ школы, которыя образовались по семинарскому типу еще раньше, школы черниговская и смоленская. Такимъ образомъ всѣхъ семинарій къ началу 1740 годовъ можно насчитать до 17, за исключеніемъ низшихъ школъ и такихъ, которыя существовали лишь непродолжительное время и потомъ или закрывались или снова обращались въ низшія школы. Такъ въ 1731 г. воронежскимъ архіереемъ Іоакимомъ Струковымъ положено было основаніе воронежской семинаріи; въ ней съ самаго начала введено было преподаваніе латинскаго языка, для чего изъ Кіева былъ приглашенъ одинъ учитель; но по смерти Іоакима въ 1742 году она была закрыта, такъ и не успѣвши уйти дальше латинскаго элементаря (2). Въ 1739 г. архіепископъ ростовскій Іоакимъ открылъ семинарію на мѣсто старой ростовской школы, но къ 1745 г. она опять стояла уже на степени низшей школы съ элементарнымъ обученіемъ чтенію по Псалтири и Часослову, чистописанію и церковному пѣнію (3). Въ 1740 г. при епископѣ Симонѣ въ Суздаль присланъ былъ іеромонахъ Іустинъ для заведенія суздальской семинаріи, но только лишь эта семинарія

(1) См. П. С. Зак. книгу штатовъ и Ист. Росс. іер. I, 591—605.

(2) Ист. кіевск. акад. 184.

(3) Ист. Росс. іер. I, 444. Яросл. еп. вѣд. 1872 г. № 12.

была заведена, какъ Іустинъ померъ, и черезъ два года она снова закрылась (1).

Низшія, славяно-россійскія, а по мѣстамъ и славяно-латинскія, школы съ заведеніемъ семинарій теряли свое прежнее значеніе, какое онѣ имѣли, когда сами замѣняли семинаріи, и дѣлались школами приготовительными, которыя должны были съ одной стороны облегчать трудъ семинарій, освобождая ихъ отъ скопленія учениковъ, нуждавшихся въ первоначальномъ элементарномъ обученіи, а съ другой, будучи распредѣлены по разнымъ епархіальнымъ округамъ, доставлять большее удобство къ такому обученію духовныхъ дѣтей ихъ родителямъ, особенно въ обширныхъ епархіяхъ, и такимъ образомъ замѣнять старинныя школы мастеровъ грамотности. Мысль о такомъ ихъ значеніи сформулирована въ указѣ 1740 года о штатѣ новгородской семинаріи, гдѣ было между прочимъ велѣно: „чтобы во ученіи грамотѣ никто не имѣлъ отговорки, что школъ не учреждено и учителей сыскать не могъ, для того... какъ въ городѣ, такъ и въ уѣздѣ той епархіи въ пристойныхъ мѣстахъ учредить школы для обученія порусски читать и писать, и избирать къ тому ученію священниковъ и церковниковъ такихъ, которые въ правоглаголаніи и въ правописаніи знаютъ силу, которымъ за такое ученіе опредѣлить цѣну противъ прежнихъ примѣровъ, почему за что до сего времени учителямъ ученики платили".

Эти низшія школы возникали и прежде около главныхъ школъ съ болѣе широкимъ курсомъ, каковы были школы новгородской епархіи Петровскаго времени. По мѣрѣ расширенія курсовъ въ главныхъ епархіальныхъ училищахъ онѣ стали открываться одна за другой въ разныхъ епархіяхъ. Полный перечень ихъ за недостаткомъ свѣденій довольно труденъ; сколько из-

(1) Ист. Росс. іер. I, 445.

вѣстно, такія школы были устроены: въ епархіи новгородской уже перечисленныя выше,—послѣ упадка новгородской школы и онѣ впрочемъ пришли, какъ видится, въ упадокъ, потому что указъ 1740 г. ихъ совсѣмъ игнорируетъ, а въ концѣ 1750-хъ годовъ ихъ пришлось открывать снова;—въ городахъ Тулѣ и Орлѣ коломенской епархіи, гдѣ въ 1726 г. открыли обученіе кончившіе курсъ въ новгородскихъ школахъ грамматисты; въ Ярославлѣ ростовской епархіи, учрежденная въ 1725 г., и въ Угличѣ, извѣстія о которой сохранились отъ 1740 г. (1); въ Бѣлгородѣ, оставшаяся послѣ учрежденія харьковскаго коллегіума въ качествѣ низшей школы, хотя и была не просто славенороссійскою, а славено-латинскою. При Аннѣ Іоанновнѣ, архіепископъ бѣлогородскій Петръ указомъ 1737 г. распорядился завести въ своей епархіи еще двѣ низшія школы (словено-латинскія же) въ Курскѣ и въ Старомъ-Осколѣ; побужденіемъ къ такому распоряженію въ указѣ выставлено то, что хотя въ бѣлогородской епархіи и есть уже школы въ г. Харьковѣ, но отъ многихъ епархіальныхъ мѣстъ Харьковъ находится въ отдаленности. кромѣ того въ одномъ городѣ и трудно помѣстить всѣхъ духовныхъ дѣтей со всей епархіи, тѣмъ болѣе что въ Харьковѣ безпрестанно состоятъ квартирами генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры и войска, производя большое стѣсненіе и недостатокъ въ квартирахъ; старо-оскольское училище было впрочемъ въ 1741 г. снова закрыто (2). Въ 1735 г. епископъ иркутскій Иннокентій Неруновичъ открылъ школу въ Якутскѣ при тамошнемъ Спасскомъ монастырѣ. Еще раньше существовала низшая школа въ тобольскомъ Знаменскомъ монастырѣ, хотя сама архіерейская школа въ Тобольскѣ оставалась

---

(1) Яросл. епарх. вѣд. 1872 г. № 12: Средства содерж. школъ яросл. епархіи.

(2) Курск. епарх. вѣд. 1873 г № 14, стр. 666 и далѣе.

только элементарною (1). Ко времени царствованія Анны Іоанновны относится также устройство низшихъ школъ въ смоленской епархіи: по справкамъ объ этихъ школахъ, требовавшимся въ 1785 г. въ св. Синодъ, оказалось, что въ смоленской епархіи было пять такихъ школъ,—въ г. Дорогобужѣ, открытая не позже 1730 г. при преосв. Гедеонѣ Вишневскомъ, въ г. Бѣломъ—около того же времени, въ Рославлѣ, извѣстная по документамъ въ 1738 г., въ Торопцѣ, построенная по указу импер. Анны коштомъ торопецкихъ гражданъ и духовенства въ 1736 г., и наконецъ въ г. Вязьмѣ, явившаяся уже при имп. Елизаветѣ (2). Наконецъ мы уже видѣли, что съ преобразованіемъ въ семинарію нижегородской школы потребность въ низшихъ школахъ явилась и въ нижегородской епархіи; за недостаткомъ опредѣленныхъ указаній мы не можемъ впрочемъ сказать, всѣ ли 13 школъ, проектированныхъ Питиримомъ, были открыты на самомъ дѣлѣ, или только нѣкоторыя изъ нихъ (3).

Пересматривая весь этотъ перечень новыхъ и преобразованныхъ духовныхъ школъ, нельзя не сознаться, что за такое короткое время, около 11 лѣтъ, духовная команда, которую винили въ нечувственномъ небреженіи, сдѣлала очень много, особенно если взять во вниманіе, что все устройство этихъ школъ произведено безъ правительственныхъ пособій, единственно на мѣстныя епархіальныя средства, и при обстоятельствахъ далеко неблагопріятныхъ для требовавшихся при этомъ расходовъ; — разумѣемъ отобраніе церковныхъ вотчинъ въ управленіе коллегіи экономіи и замѣтное тогда повсюду обѣдненіе архі-

---

(1) Ирк. епарх вѣд. 1866 г. № 15. Ист. іерарх. I, 430.

(2) Историко-стат. опис. смол. епарх. Спб. 1864 г. стр. 191—192.

(3) О нижегор. школахъ а. *Макарія*. Педагог. Вѣстн. 1858 г. № 2, стр. 14. Инструкція Питирима Юрьевецъ-поволгской школѣ. См. Временникъ кн. XVII въ смѣси.

ерейскихъ домовъ. Нѣсколько крупное пособіе получила одна только казанская семинарія, а постоянные оклады, послѣ всѣхъ возгласовъ объ нихъ въ указахъ и послѣ усиленныхъ и быстрыхъ работъ по ихъ опредѣленію, получили только двѣ семинаріи—петербургская и новгородская. Распоряженія правительства объ устройствѣ семинарій были дѣйствительно очень энергичны, но какъ только дѣло доходило до денегъ, такъ сейчасъ же или затягивалось или вовсе останавливалось, и дѣятельная, практическая энергія проявлялась послѣ этого на сторонѣ однихъ только исполнителей строгихъ распоряженій, епархіальныхъ архіереевъ. Все это впрочемъ было очень естественно при тогдашнемъ воззрѣніи государства на образованіе, какъ только на приготовленіе къ службѣ въ томъ или другомъ вѣдомствѣ, о которомъ и должно уже заботиться это самое вѣдомство, а не высшая администрація.

Въ ноябрѣ 1741 года взошла на престолъ императрица Елизавета, на которую духовенство возлагало большія надежды, ожидая отъ нея всякихъ благъ для православной церкви, между прочимъ и поддержки для духовнаго просвѣщенія. Новая государыня дѣйствительно была любительницей этого просвѣщенія, читала духовныя книги, любила слушать проповѣди, хорошо знала церковный чинъ и обрядность. Къ духовнымъ школамъ съ самаго же начала царствованія она оказывала рѣдкую внимательность, которой онѣ еще никогда неудостоивались отъ Высочайшихъ особъ. Такъ, вскорѣ по восшествіи на престолъ она потребовала отъ Невскаго монастыря извѣстія о тамошней семинаріи, сколько въ ней воспитанниковъ, чьихъ отцевъ дѣти, чему учатся и на что содержатся. Учители Кременецкій и Зертисъ-Каменскій донесли по этому указу, что учениковъ у нихъ 85, обучаются до риторики включительно и классическимъ языкамъ. Воротившись въ 1743 г. изъ Москвы въ Петербургъ послѣ коронаціи, императрица посѣтила

Невскій монастырь и была торжественно встрѣчена здѣсь воспитанниками семинаріи, одѣтыми въ особо приготовленныя на этотъ случай красныя епанчи, съ вѣнками на головахъ и съ лавровыми вѣтвями въ рукахъ. При этомъ она соизволила повелѣть, чтобы, въ случаѣ назначенія въ семинаріи диспутовъ, диспуты эти не были производимы безъ ея высочайшаго присутствія. Вскорѣ она дѣйствительно была на одномъ такомъ диспутѣ по случаю окончанія перваго въ невской семинаріи философскаго курса, при чемъ вмѣстѣ съ ней былъ въ семинаріи и в. кн. наслѣдникъ Петръ Ѳеодоровичъ (1). По свидѣтельству Бантышъ-Каменскаго, посѣщая послѣ этого неоднократно Невскій монастырь, императрица никогда не забывала приглашать къ себѣ наставниковъ семинаріи (2). Въ другомъ уважаемомъ ею монастырѣ, въ Троицкой лаврѣ, по ея именному указу было ускорено открытіе новой семинаріи, предпринятое еще въ 1738 году при Аннѣ Іоанновнѣ. Во время своего посѣщенія лавры въ 1742 году императрица сама назначила содержать въ новой семинаріи штатомъ до 100 учениковъ, обучающимся на своемъ коштѣ обѣщала производство высшихъ чиновъ и пожаловала учителямъ, не имѣвшимъ свящ. сана, свѣтскія отличія (шпаги). Послѣ, нерѣдко посѣщая лавру, иногда раза по три въ годъ, она всегда оказывала семинаріи свое милостивое вниманіе и имѣла ее подъ своимъ высочайшимъ покровительствомъ. Сохранилось описаніе ея торжественныхъ встрѣчъ въ семинаріи, при чемъ по обычаю въ честь ея пѣлись канты, говорились рѣчи и стихи. Императрица приглашала къ себѣ при этомъ начальниковъ и наставниковъ, жаловала ихъ къ рукѣ и дѣлала на семинарію щедрыя пожертвованія; наприм. въ 1744 г. пожаловала 2000, въ 1749 г. 1000 рублей (3).

(1) Ист. петерб. акад. *Чистовича*, стр. 21. 24—25.

(2) Жизнь Амвросія московскаго. М. 1813 г. стр. 7.

(3) Ист. троиц. семин. *Смирнова*, стр. 7—8. 92—94.

Но подобными частными заявленіями личнаго благорасположенія къ духовнымъ школамъ и ограничилось участіе къ ихъ судьбѣ новой императрицы. Какихъ нибудь общихъ мѣръ къ улучшенію ихъ состоянія не было ею предпринимаемо въ теченіе всего ея царствованія. Возвращеніе въ 1744 г. церковныхъ вотчинъ изъ вѣдомства коллегіи экономіи снова въ вѣдомство духовныхъ властей, разумѣется, должно было послужить къ лучшему для епархіальныхъ учебныхъ заведеній, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ святительствовали архіереи ревнители образованія, потому что послѣ этого послѣдніе получили больше средствъ изливать свою щедрость на любимыя ими школы. Но за то съ этого же времени правительство отказалось отъ выдачи всякихъ окладовъ на дух. школы съ своей стороны и предоставило разрѣшеніе вопроса о назначеніи имъ штатныхъ окладовъ св. Синоду на средства исключительно духовнаго вѣдомства. Въ св. Синодѣ вопросъ этотъ остался безъ разрѣшенія и дух. школы постарому остались на содержаніи изъ частныхъ одиночныхъ средствъ каждой епархіи. Понятно, что при такихъ условіяхъ не могло произойти никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ ихъ жизни. Судьба каждой школы по прежнему зависѣла отъ личности мѣстнаго архіерея, отъ степени его склонности къ распространенію образованія и изобрѣтательности въ изысканіи для этого матеріальныхъ средствъ. Хотя и рѣже прежняго, но еще встрѣчаемъ примѣры даже прямаго нерасположенія къ школамъ со стороны архіереевъ великоруссовъ. Въ Архангельскѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, семинарія доведена была до цвѣтущаго состоянія въ царствованія Анны, при Елизаветѣ явился архіерей великоруссъ Варсонофій (1740—1759) и нашелъ, что эта черкасская затѣя требуетъ только лишнихъ расходовъ. „Чего ради, говорилъ онъ, такая не по здѣшней епархіи школа построена? Да школамъ въ здѣшней скудной епархіи и быть не надлежитъ; къ нимъ охоту имѣли бывшіе здѣсь архіереи

черкасишки, ни къ чему негодницы". Ненавидя ученыхъ малороссовъ, онъ обижалъ экзаменатора Венедикта Галецкаго, не произвелъ его въ архимандриты въ Антоніевъ сійскій монастырь, не смотря на то, что его велѣно было туда опредѣлить по указу св. Синода, не пускалъ его къ себѣ въ келью и кромѣ того обижалъ въ содержаніи. Галецкій не вынесъ прижимокъ и уѣхалъ изъ епархіи, потому что при тогдашней нуждѣ въ ученыхъ людяхъ подобный ему человѣкъ могъ легко отыскать себѣ хорошую должность. Варсонофій не сталъ объ немъ тужить, а еще порадовался его отъѣзду: „Слава де Богу, черкашенина избыли" (1)! Встрѣчаемъ примѣры, какъ иногда дурно дѣйствовала на судьбу семинарій смѣна архіереевъ, какъ семинарія, поднятая при одномъ архіереѣ, приходила въ упадокъ при другомъ, потомъ снова поправлялась при слѣдующемъ.—Но все-таки время не безслѣдно проходило надъ молодыми разсадниками духовнаго просвѣщенія. Нужда въ ученіи съ каждымъ годомъ дѣлалась все настойчивѣе, и человѣку, нигдѣ не учившемуся, все хуже и хуже становилось жить на свѣтѣ. Подъ руководствомъ ученыхъ малороссіянъ подъ конецъ царствованія Елизаветы успѣло воспитаться цѣлое поколѣніе великорусскихъ молодыхъ людей, которые сами начали выступать на просвѣтительное поприще, какъ живые свидѣтели того, что новое школьное образованіе уже достаточно привилось въ средѣ великорусскаго духовенства, стоявшаго прежде противъ него. Открывались новыя школы; старыя, при всемъ недостаткѣ питанія и благопріятныхъ условій, крѣпли и увеличивались какъ по числу учащихся, такъ и по объему своихъ курсовъ.

Новыхъ школъ открыто было не такъ много, какъ въ предшествовавшія царствованія, потому что самая горячая пора ихъ первоначальнаго учрежденія прошла

(1) Истор. Россіи *Соловьева*, т. XXII, 272.

и они существовали уже въ большей части епархій. Первою семинаріей, открытой въ царствованіе Елизаветы, была троицкая, учрежденіе которой было предположено еще въ указѣ 1738 года, изданномъ императрицею Анною (1); но пока въ Синодѣ писалась инструкція объ устройствѣ этой семинаріи, пока монастырское начальство составляло соображенія объ ея помѣщеніи и содержаніи, прошло два года, императрица Анна скончалась, а при императорѣ Іоаннѣ III дѣло оставалось безъ движенія. Елизавета возобновила это дѣло указомъ изъ Синода на имя архимандрита троицкаго Кирилла Флоринскаго и въ 1742 послѣдовало дѣйствительное открытіе семинаріи. Она поставлена была въ ближайшую связь съ лаврой, въ которой помѣщалась и отъ которой получала свое содержаніе, такъ что и управлялась архимандритомъ и монастырскимъ соборомъ, имѣя у себя для внутренняго управленія только контору и префекта и не имѣя особаго ректора до 1748 года. Съ осени 1742 года, постепенно открывая новые классы, до 1751 года она успѣла завести у себя полный курсъ до богословія включительно и такимъ образомъ почти сравняться съ академіями (2).

Въ 1745 году воронежскій архіерей Ѳеофилактъ открылъ воронежскую семинарію, которая, какъ мы видѣли была основана въ видѣ латинской школы еще въ 1731 году, но потомъ закрылась. Не смотря на всѣ затрудненія, какія представляло ему невѣжество его полудикой епархіи, особенно казацкаго донскаго края, онъ не только возобновилъ въ Воронежѣ прервавшееся ученіе, но при этомъ постарался еще организовать воронежскую школу въ видѣ семинаріи. Первоначально были заведены низшіе классы,—русскій, латинскій и пѣвческій; единственный учитель се-

(1) П. С. З. X, 7660.

(2) Исторія троицкой семинаріи *Смирнова*. М. 1857 г.

минаріи (кромѣ особаго учителя пѣнія) студентъ кіевской академіи Лукіанъ Стасіевичъ въ нѣсколько лѣтъ прошелъ потомъ съ учениками всѣ классы до риторики включительно. На риторическомъ классѣ развитіе семинаріи остановилось на долгое время, до 70-хъ годовъ XVIII столѣтія. Въ 1751 году тотъ же преосвященный Ѳеофилактъ вызвалъ было изъ Кіева студента Прокла Бухартовскаго, человѣка очень умнаго и порядочнаго философа, для открытія философскаго класса, но предположеніе это почему-то не состоялось; по крайней мѣрѣ до царствованія Екатерины II мы нигдѣ не находимъ извѣстій о преподаваніи въ Воронежѣ философіи. Подъ конецъ описываемаго времени здѣсь уничтожился даже и риторическій классъ. Епископъ воронежскій Кириллъ въ 1761 году перемѣщенъ былъ въ Черниговъ и увезъ съ собой учителя риторики, послѣ чего въ Воронежѣ остался учитель только низшаго класса. Преемникъ Кирилла Іоанникій, по словамъ кіевскаго митрополита Евгенія, былъ самъ изъ неученыхъ, а потому не только не позаботился о поддержаніи заведенныхъ до него классовъ, но по пріѣздѣ въ Воронежъ порѣшилъ совсѣмъ прекратить латинское ученіе и оставилъ одно славяно-россійское, которое преподавалось въ двухъ школахъ, при архіерейскомъ домѣ и въ г. Острогожскѣ. Семинарія снова поднялась изъ упадка уже въ 1760-хъ годахъ, въ управленіе воронежской епархіей преосв. Тихона (1).

Съ 1744 г. началось преобразованіе въ семинарію тобольской школы, которая доселѣ все еще оставалась при одномъ элементарномъ славяно-россійскомъ обученіи. Преобразовать ее въ семинарію м. Антоній I думалъ еще въ 1738 г., но недостатокъ средствъ и вскорѣ (въ мартѣ 1740 г.) послѣдовавшая

(1) Ворон. епарх. вѣд. 1867 г. № 1: Историч. свѣдѣнія о воронежской семинаріи. См. также въ Ист. росс. іер. т. I и Ист. кіевск. акад. 184—185. Педагог. Вѣстн. т. V, 1858 г. Смѣсь стр. 17.

кончина его не позволили привести этого намѣренія въ исполненіе. Преемникъ его Арсеній Мацѣевичъ въ 1742 г. входилъ въ св. Синодъ съ представленіемъ, чтобы „за скудость епархіескихъ доходовъ латинскимъ школамъ въ Тобольску при домѣ архіерейскомъ не быть“; но св. Синодъ на это не согласился, какъ на предложеніе противное высочайшимъ указамъ, и порекомендовалъ только, въ случаѣ крайняго недостатка средствъ, уменьшить число учениковъ (1). Слѣдующій тобольскій митрополитъ Антоній Нарожницкій отнесся къ школѣ съ большимъ вниманіемъ, выстроилъ для нея каменное зданіе на архіерейскомъ дворѣ, послалъ въ Кіевъ приглашеніе студентамъ къ учительству и сдѣлалъ новый вызовъ учениковъ. Изъ Кіева на его приглашеніе пріѣхали 4 учителя и въ 1744 г. семинарія была открыта подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ. Въ 1748 году ученики проходили въ ней 6 классовъ до риторики включительно. Антоній поэтому считается обыкновенно основателемъ тобольской семинаріи. Преемникъ его м. Сильвестръ Гловацкій съ успѣхомъ поддержалъ его дѣло и въ 1755 г. открылъ при семинаріи классъ философскій (2).

Въ 1747 г. Арсеній Мацѣевичъ, управлявшій въ это время ростовской епархіей, открылъ семинарію въ Ярославлѣ; она была образована изъ соединенія переведенныхъ сюда славяно-латинской грамматической школы ростовской и славяно-россійской угличской съ бывшей въ Ярославлѣ прежде славяно-россійской школой. Помѣщеніе для новой семинаріи было отведенно въ Спасопреображенскомъ монастырѣ (3).

Въ томъ же году основана семинарія въ Костромѣ. Костромская епархія была еще новая. Первый

(1) Пермск. еп. вѣд. 1868 г. № 1, стр. 7.

(2) Странникъ 1867 г. кн. VII въ стат. объ Антоніи Нарожницкомъ, и 1868 г. кн. VII въ ст. о Сильвестрѣ Гловацкомъ. См. также Ж. Мин. нар. просв. 1854 г. кн. III. Матеріалы для ист. христ. просв. Сибири.

(3) Яросл. епарх. вѣд. 1872 г. № 13, и въ Истор. іерарх. I. 416.

ея архіерей Симонъ Тодорскій управлялъ ею недолго, менѣе полгода (въ 1745 г.) и не успѣлъ ничего сдѣлать для ея просвѣщенія. Послѣ него на костромскую каѳедру былъ возведенъ извѣстный своею ученостію, бывшій ректоръ кіевской академіи, Сильвестръ Кулябка и по пріѣздѣ въ свою епархію немедленно принялся наводить справки о доходахъ подвѣдомыхъ ему монастырей и церквей съ цѣлію изыскать средства на содержаніе будущей семинаріи. Открытіе послѣдней встрѣчено было съ большимъ неудовольствіемъ по всей епархіи и вслѣдствіе противодѣйствія духовенства затянулось почти на два года. Съ большимъ трудомъ преосвященному удалось кое-какъ организовать сборъ семинарскаго хлѣба, и набрать до 30 учениковъ. Семинарія открылась въ концѣ 1747 года въ Ипатьевскомъ монастырѣ при архіерейскомъ домѣ и состояла только изъ низшихъ классовъ съ латинскимъ обученіемъ, но и въ этомъ видѣ продержалась только до перевода Сильвестра въ Петербургъ, до 1750 г.; по отъѣздѣ его ученіе въ ней прекратилось, а ученики были распущены по домамъ. Чрезъ 3 года со вступленіемъ на костромскую каѳедру Геннадія Андреевскаго (1753 г.) снова собрано было до 30 учениковъ и въ 1754 г. опять открылось ученіе, на этотъ разъ не въ Ипатьевскомъ, а въ Семеновскомъ монастырѣ въ самомъ городѣ (близъ церкви богоотецъ Іоакима и Анны). Въ продолженіе архіерейства Геннадія до 1757 г. семинарія успѣла дойти уже до риторики и на столько окрѣпла, что по увольненіи Геннадія на покой уже не была закрываема, какъ въ 1750 г. Окончательнымъ своимъ устройствомъ и даже процвѣтаніемъ она обязана была преемнику Геннадія, преосв. Дамаскину Аскаронскому, который въ первый же годъ своего управленія обратилъ на нее свое особенное вниманіе. Къ осени 1758 г. для нея былъ уже выстроенъ особый деревянный корпусъ съ 20 комнатами, церковію и помѣщеніемъ для префекта и учителей въ 1½ верстахъ отъ города въ Запрудкѣ, гдѣ

подлѣ училищнаго корпуса преосвященный для ближайшаго надзора за семинаріей выстроилъ деревянный домъ и для себя. Въ слѣдующемъ году съ его стороны послѣдовалъ изъ Кіева вызовъ новыхъ учителей, повторявшійся и въ послѣдующіе годы; въ 60-хъ годахъ курсъ семинаріи заключалъ въ себѣ уже всѣ классы и съ богословіемъ, а число учениковъ простиралось до 80 человѣкъ (1).

Во Владимірѣ (1748—1757) явился энергическій архіерей, любитель просвѣщенія Платонъ Петрункевичъ и въ 1749 г. порѣшилъ открыть владимірскую семинарію. Мѣстомъ для нея онъ выбралъ Богородицкій дѣвичій монастырь, находившійся тогда въ крайнемъ упадкѣ, немедленно велѣлъ перевести изъ него четырехъ жившихъ въ немъ монахинь въ Успенскій дѣвичій монастырь и распорядился приспособить его къ потребностямъ школьной жизни. Когда послѣ этого открылось, что значительною частью земли Богородицкаго монастыря завладѣли жившіе въ сосѣдствѣ его богатые купцы, Зюзинъ и Мартыновъ, онъ велѣлъ эту землю отъ нихъ отобрать, вслѣдствіе чего произошла упорная тяжба между консисторіей и магистратомъ, въ которой послѣдній отстаивалъ права купцовъ и которую консисторія съ большимъ трудомъ выиграла въ пользу школы. Истощивъ всѣ свои средства въ спорѣ, она прибѣгнула даже къ помощи самаго опаснаго въ то время крючка:—изъ упорства, съ какимъ посадскіе люди не хотѣли воротить захваченной ими земли, заключила, что они вѣроятно придерживаются раскола и во всякомъ случаѣ должны быть люди опасные какъ для церкви, такъ и для государства,—не даромъ де прихожане приписанные къ монастырю, при всемъ своемъ богатствѣ, много лѣтъ уже не могутъ добыть себѣ священника да и монастырь напол-

(1) Педагог. Вѣсти. 1858 г. т. V, Смѣсь: Корреспонд. а. Макарія, стр 18 и далѣе.

нили какими-то колейницами бѣлицами, что и самъ магистратъ, защищающій таковыхъ позорныхъ и къ расколу склонныхъ людей, долженъ быть заподозрѣнъ въ томъ же. Испугавшись такого маневра консисторіи, магистратъ уступилъ ей и объявилъ, что означенные купцы готовы воротить захваченную землю для семинаріи и немедленно снесутъ всѣ поставленныя на ней свои постройки. Между тѣмъ преосвященный разослалъ строгіе указы по духовенству о наборѣ въ новую семинарію дѣтей и о сборѣ надлежащаго количества хлѣба по Регламенту. Менѣе, чѣмъ въ годъ, всѣ эти предварительные хлопоты были окончены и въ 1750 году семинарія была открыта. Курсъ ея съ 1760-хъ годовъ заканчивался классомъ риторики (1).—Въ епархіи суздальской, отъ которой была отдѣлена владимірская, духовная семинарія была, какъ мы видѣли, закрыта въ 1743 г.; при архіереѣ Порфиріѣ Крайскомъ въ 1755 г. она снова открыта и съ этого времени началось наконецъ прочное ея существованіе (2).

Черезъ три года (въ 1753 г.) послѣ открытія владимірской семинаріи заведена была семинарія въ Переяславлѣ Залѣсскомъ при епископѣ Серапіонѣ Латошевичѣ. Епархія переяславская недавно только (въ 1744 г.) была открыта, а потому въ Переяславлѣ не было доселѣ еще ни одного училища. Дѣти духовенства ѣздили для обученія въ лаврскую троицкую семинарію; многочисленность этихъ учениковъ и дороговизна ихъ содержанія въ троицкой семинаріи заставили наконецъ преосв. Серапіона озаботиться заведеніемъ собственной семинаріи. Преемникъ его Амвросій Зертисъ-Каменскій поддержалъ его учрежденіе и переяславская семинарія скоро достигла до степени одного изъ наиболѣе устроенныхъ духовныхъ учи-

(1) Ист. влад. семинаріи *Надеждина*. Владиміръ. 1873 г.
(2) Ист. Росс. іер. I, 445.

лищъ. Помѣщеніе ея было въ Даниловскомъ монастырѣ, въ зданіи нынѣшняго училища. Курсъ простирался до риторическаго класса, но вмѣстѣ съ риторикой учениковъ въ этомъ классѣ знакомили и съ высшими науками, философіей и богословіемъ, такъ что онъ разомъ отвѣчалъ за три высшихъ класса. Учениковъ было до 90 слишкомъ (1).

Въ 1757 г. преосв. Георгій Конисскій основалъ семинарію могилевскую. Особенныя нужды православной церкви въ бѣлорусской епархіи, обуреваемой католическимъ и уніатскимъ гоненіемъ, были причиною того, что правительство явилось особенно щедрымъ къ новой семинаріи и по ходатайству архіерея назначило для поддержанія ея ежегодный окладъ въ 400 р. Семинарія могилевская впрочемъ долго оставалась съ одними низшими классами и уже только въ 80-хъ годахъ XVIII столѣтія успѣла завести высшіе (2).

Къ 1764 г., ко времени учрежденія духовныхъ штатовъ, семинарій считалось 26, а учениковъ 6000 человѣкъ, тогда какъ при Аннѣ Іоанновнѣ по вѣдомостямъ 1738 г. число учащихся простиралось всего до 2589 (3). По всей вѣроятности въ это число 6 тысячъ входили и ученики низшихъ школъ, заведеніе которыхъ все усиливалось по мѣрѣ распространенія семинарскаго образованія и числа учащихся въ семинаріяхъ. Полное перечисленіе этихъ школъ пока невозможно. Вотъ нѣсколько школъ, о которыхъ мы имѣемъ кое-какія свѣдѣнія: угличская и ростовская, упразднившіяся съ учрежденіемъ ярославской семинаріи въ 1747 г.; вяземская, бывшая прежде

(1) О переясл. семинаріи см. во Владим. епарх. вѣдом. 1866 г. № 23: стат. *Свирьлина*.

(2) Ист. кіевск. акад. стр. 190 и жизнеопис. Георгія при его сочиненіяхъ.

(3) См. въ Докладѣ комит. о усовершн. дух училищъ 1808 г. и въ Ист. Росс. іер. I, стр. 440.

крутицкой епархіальной семинаріей, но оставшаяся нисшимъ училищемъ послѣ перевода этой семинаріи въ Москву въ 1744 г.; чрезъ 6 лѣтъ она было закрылась, но съ 1761 г. снова открыта (1); школы новгородскія, которыя въ началѣ царствованія совсѣмъ упали, но съ 1758 г. стараніемъ митрополита Димитрія Сѣченова снова открыты въ числѣ 13, съ нѣсколько измѣненнымъ противъ прежняго распредѣленіемъ по епархіи, именно: въ Олонцѣ, Великихъ Лукахъ, Торжкѣ, Устюжнѣ, Бѣжецкѣ, Старой Русѣ, Тихвинѣ, въ погостѣ Вышневолоцкомъ, въ новой Ладогѣ, въ селѣ Валдаѣ, въ Крестовскомъ заказѣ, въ Зарусской и Залѣсской половинахъ и въ Каргополѣ (послѣдняя еще съ 1742 г.) (2); школа черкасская, заведенная въ Черкасскѣ въ 1746 г. вслѣдъ за открытіемъ воронежской семинаріи и назначенная для духовныхъ дѣтей среди донскаго казацкаго войска, которое не давало ихъ для обученія въ воронежскую семинарію и не дозволяло даже ихъ переписывать, отстаивая свои привиллегіи (3); той же епархіи школа острогожская, заведенная въ концѣ описываемаго времени пресв. Іоанникіемъ Павлуцкимъ (4); школа бѣлевская крутицкой епархіи, открытая въ 1761 г. (5); двѣ школы въ вятской епархіи, въ Кунгурѣ и Соликамскѣ, открытыя въ 1760 г. преосв. Варѳоломеемъ Любарскимъ (6); въ тобольской епархіи послѣ открытія семинаріи въ Тобольскѣ м. Антоній Нарожницкій, кромѣ прежней нисшей школы въ тобольскомъ Знаменскомъ монастырѣ, поспѣшилъ завести новыя приготовительныя школы въ Рафаиловскомъ и Енисейскомъ мона-

(1) Опис. Смол. епарх. стр. 192. Ист. Росс. іер. I, 444.

(2) Ист. Росс. іер. I, 606. 608—609.

(3) Тамъ же, 445—446.

(4) Жизнь св. Тихона ворон. при его сочиненіяхъ, т. I, стр. 10.

(5) Тульск. епарх. вѣд. 1862 г. № 2, стр. 38.

(6) Іерархія вятск. епархіи *Никитникова*. Вятка. 1863 г. стр. 76.

стыряхъ, въ г. Троицкѣ и въ томскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ; около 1748 г. въ число духовныхъ училищъ для приготовленія духовныхъ дѣтей къ семинаріи включена и прежняя монастырская школа при Далматовомъ монастырѣ,—къ 1761 году она уже была славяно-латинскою; въ 1761 же году учреждены латинскія школы по заказамъ въ г. Ишимѣ, Ялуторскѣ, Тюмени, на Нижне-Тагильскомъ заводѣ, въ Рафаиловскомъ монастырѣ и въ Екатеринбургѣ (1). Есть извѣстіе, что въ 1760 г. завести русскія школы при каждомъ духовномъ правленіи распорядился преосв. Дамаскинъ костромской; не извѣстно, приведено ли это распоряженіе въ исполненіе (2). Къ числу низшихъ духовныхъ школъ отчасти можно отнести инородческія школы, учрежденныя для обученія инородцевъ въ казанской епархіи, потому что курсъ этихъ школъ былъ преимущественно духовнаго характера и воспитанники ихъ если не всѣ, то по крайней мѣрѣ многіе получали послѣ церковныя должности. Одной изъ раннихъ школъ этого рода была школа новокрещенская свіяжская, существовавшая въ 1730-хъ годахъ; потомъ въ 1740 г. епископъ Лука Конашевичъ открылъ новокрещенскую школу въ Зилантовомъ монастырѣ. Правительство проектировало открыть 4 школы для инородцевъ: —въ казанскомъ Ѳеодоровскомъ монастырѣ, въ Елабугѣ, Царевококшайскѣ и Цивильскѣ; вмѣсто нихъ въ 1740-хъ годахъ дѣйствительно существовали школы свіяжская, елабужская и царевококшайская,— о существованіи школы въ Ѳеодоровскомъ монастырѣ опредѣленно неизвѣстно. Въ 1753 г. епископъ Лука соединилъ эти школы въ одну около церкви Захаріи и Елизаветы въ Казани. Съ начала своего существованія инородческія школы еще довольно ясно выдѣлялись

---

(1) Странникъ 1868 г. VII, 8—9: Сильвестръ Гловацкій. О Далмат. школѣ Пермск. епарх. вѣд. 1868 г. № 1, стр. 7—8.

(2) Педагог. Вѣстн. 1858 г. т. V, Разныя извѣст. стр. 21.

изъ системы спеціальныхъ духовныхъ школъ какъ по своему преимущественно миссіонерскому назначенію, такъ и по своей подвѣдомственности новокрещенской конторѣ, но съ конца 40-хъ годовъ почти совсѣмъ превратились въ обыкновенныя духовныя школы подъ вѣдомствомъ епархіальной власти, въ которое они переданы были св. Синодомъ по ходатайству самой же новокрещенской конторы (1). Въ началѣ царствованія Екатерины II само духовное начальство представляло о совершенномъ ихъ закрытіи на томъ основаніи, что для образованія учителей и священнослужителей въ инородческіе приходы достаточно обыкновенныхъ духовныхъ школъ, а низшее обученіе дѣти инородцевъ могутъ получать у членовъ своего приходскаго клира. Императрица не согласилась съ этимъ представленіемъ и поддержала отдѣльное существованіе инородческихъ школъ, но существованіе ихъ было послѣ этого очень жалкое и къ концу XVIII в. все-таки прекратилось безъ всякаго распоряженія объ ихъ закрытіи, само собой (2).

б) управленіе и содержаніе духовныхъ школъ.

Мы видѣли, что не смотря на постоянныя внушенія, какія св. Синодъ дѣлалъ по своему вѣдомству относительно важности духовнаго образованія и какія шли также со стороны государственной власти, высшая церковная администрація такъ и не завела у себя особаго органа для управленія открывавшимися повсюду духовными школами. Въ 1726 г. св. Синодъ уничтожилъ даже бывшую при немъ для завѣдыванія школами и типографіями контору Гавріила Бужинскаго, „поручивъ московскія школы тамошнему ректору, а прочія мѣстнымъ архіереямъ и архимандри-

(1) О новокр. школахъ о. *Малова* въ Прав. Обозр 1868 г. іюль.
(2) Тамъ же и П. С. З. № 12126.

тамъ, а типографіи директорамъ", т. е. однимъ только мѣстнымъ начальствамъ (1). При Синодѣ послѣ этого въ теченіе XVIII в. только и было одно особое отдѣленіе,—экономическое, носившее въ разное времена разныя названія. Раннее появленіе его было совершенно естественно, потому что централизація управленія, выражающая въ администраціи сознаніе общаго характера извѣстной стороны жизни, подлежащей ея надзору, вездѣ и всегда начиналась съ внѣшности, съ матеріальныхъ средствъ жизни; церковныя имущества при томъ же сильно были затронуты государственнымъ вопросомъ ихъ секуляризаціи, который еще въ древней Руси возбудилъ въ іерархіи усиленное стремленіе выставить на первый планъ ихъ общецерковный характеръ и выработать для нихъ общецерковныя формы управленія. Духовное образованіе, не затрогиваемое особенно никакими вопросами подобнаго рода, неизмѣнно продолжало оставаться въ одномъ епархіальномъ вѣдомствѣ, изъ области котораго не выходили даже академіи, —заведенія, по кругу своей просвѣтительной практики имѣвшія уже вовсе не епархіальное значеніе. Вся административная дѣятельность св. Синода въ отношеніи къ духовнымъ школамъ ограничивалась только тѣмъ, что онъ побуждалъ епархіальныя начальства заводить ихъ, и тѣмъ контролемъ надъ отношеніями къ нимъ архіереевъ, о которомъ говорилось въ Регламентѣ и съ большею ясностью еще въ упомянутыхъ указахъ 1737 года. Школа духовная, получившая спеціальное назначеніе воспитывать духовныхъ дѣтей въ надежду священства, была отдана въ полное вѣдомство также спеціальнаго начальства, которое посвящало во священство и ближайшимъ образомъ заботилось объ улучшеніи служебной практики послѣдняго.

Семинарія такъ обыкновенно и называлась архіерейскою, собственною его преосвященства семина-

(1) Описан. синод. архива I, стр. 468—469.

ріею. Архіерей ее устраивалъ; онъ же изыскивалъ для нея всѣ матеріальныя и учебныя средства, опредѣлялъ ея курсъ, составъ начальствующихъ и учителей, распоряжался всѣми мелочами разныхъ сторонъ ея жизни. Посредствующимъ звеномъ въ сношеніяхъ между архіереемъ и семинаріей обыкновенно была мѣстная консисторія (или, какъ назывались эти мѣста епархіальнаго управленія до 1744 г., духовный приказъ, дикастерія, канцелярія его преосвященства), чрезъ которую и шли всѣ духовно-училищныя дѣла, очевидно поставленныя въ одинъ разрядъ со всѣми епархіальными дѣлами. Въ консисторію наприм. подавались прошенія учениковъ о пріемѣ въ школу, о снабженіи ихъ казеннымъ содержаніемъ и объ увольненіи отъ ученія; тѣмъ же путемъ шло опредѣленіе на должности учителей; консисторія получала изъ школъ разныя третныя и мѣсячныя вѣдомости о предметахъ преподаванія, о числѣ, способностяхъ и успѣхахъ учащихся, а также о кончившихъ ученіе и т. д.

До 1740-хъ годовъ семинаріи большею частію даже вовсе не имѣли у себя особаго, такъ или иначе организованнаго, внутренняго управленія. Ближайшее наблюденіе за ихъ учебными и экономическими дѣлами поручалось самимъ учителямъ, а надъ ними непосредственно начальствовала уже консисторія. Особые ректоры были въ однихъ академіяхъ. Какъ ни близки были отношенія къ семинаріямъ самихъ архіереевъ, послѣдніе однако не могли не сознавать многихъ неудобствъ и своего личнаго управленія учебными епархіальными заведеніями и, тѣмъ болѣе, управленія консисторскаго, очевидно чуждаго учебно-воспитательному дѣлу. Съ 1740 г. по всѣмъ епархіямъ начинаются организовываться внутреннія школьныя управленія въ формѣ семинарскихъ конторъ, а во вновь заводившихся съ этого времени семинаріяхъ конторы являются съ самаго начала—или на другой, на третій годъ по открытіи заведенія. Одной изъ раннихъ конторъ была контора новгородской семинаріи, заведен-

ная преосв. Амвросіемъ Юшкевичемъ, который кромѣ того едвали не первый изъ архіереевъ ясно при этомъ выразилъ сознаніе незаконности прежняго смѣшенія семинарскихъ дѣлъ съ епархіальными: въ декабрѣ 1740 г. онъ вовсе исключилъ семинарію изъ вѣдомства епархіальнаго разряда и казеннаго приказа и принялъ ее въ непосредственное свое вѣденіе и смотрѣніе; тоже онъ подтвердилъ опредѣленіемъ въ началѣ слѣдующаго 1741 г. (1). Въ другихъ епархіяхъ конторское управленіе было поставляемо въ такое же подчиненіе епархіальнымъ органамъ, какъ и прежнее учительское.

Особые ректоры и при конторскомъ управленіи были очень рѣдки. Во главѣ конторы обыкновенно стоялъ интендантъ, лице большею частію свѣтское, завѣдывавшее собственно дѣлами семинарской экономіи; подручными людьми у него были конторскіе писцы и разсыльщики. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ полномочія такого интенданта простирались и на учебно-воспитательную часть. Такъ, въ троицкой семинаріи интендантъ Павловскій вмѣстѣ съ учителями производилъ ученическіе экзамены и принималъ всякаго рода отчеты учителей (2). Въ псковской семинаріи такой управитель, тоже человѣкъ свѣтскій, Григорій Андреевскій, носилъ названіе директора; въ 1740-хъ годахъ послѣ постриженія въ монашество съ именемъ Геннадія онъ сдѣлался первымъ ректоромъ своей семинаріи (3). Въ вологодской семинаріи такое же лице, нѣкто Василій Терлецкій титуловался прокураторомъ (4). Епископъ Лука Конашевичъ, учредивъ (1738 г.) семинарію въ Устюгѣ, поручилъ ее

---

(1) Истор. Росс. іерарх. I, 605.

(2) Ист. троицк. семин. стр. 10.

(3) Ист. псковск. семин. въ Чтен. 1866 г. I, стр. 33. Съ 1751 г. онъ былъ епископомъ костромскимъ.

(4) Волог. епарх. вѣд. 1865 г. № 9, стр. 308—309.

вызванному имъ изъ Москвы канцеляристу Попову (1). Въ другихъ семинаріяхъ вмѣстѣ съ интендантомъ назначался въ контору префектъ изъ духовныхъ лицъ, которому и поручалась вся учебно-воспитательная часть; интендантъ при немъ получалъ уже спеціально экономическое значеніе. Такъ наприм. было съ 1744 г. въ нижегородской семинаріи (2). Префекты задолго предварили появленіе ректоровъ, но въ разныхъ семинаріяхъ и они являются очень поздно, наприм. въ тобольской уже въ 1755 г. при архіереѣ Сильвестрѣ Головацкомъ; первымъ префектомъ назначенъ былъ тогда Михаилъ Миткевичъ, вызванный изъ Кіева еще при Антоніи Стаховскомъ въ 1749 г. (3). Наконецъ нѣкоторыя епархіальныя начальства, не желая поручать учебно-воспитательную часть въ своихъ семинаріяхъ интенданту, но въ тоже время не имѣя кандидатовъ на префектуру, постарому предоставляли эту часть на попеченіе самихъ учителей, которые и сносились по всѣмъ учебнымъ дѣламъ непосредственно съ консисторіей; интендантъ въ свою очередь сносился съ нею же по своей экономической части.

Всего легче, разумѣется, было бы избѣгнуть затрудненій по управленію семинарскими дѣлами посредствомъ назначенія въ семинаріи ректоровъ на манеръ академическихъ; но эта важная должность требовала такихъ кандидатовъ для своего замѣщенія, какихъ въ то время рѣдко можно было найти между епархіальными духовными лицами. Если въ епархіи случайно иногда и появлялся монахъ, представлявшій въ своемъ лицѣ сколько нибудь благопріятное соединеніе административныхъ талантовъ съ образованіемъ, то, при повсюдномъ недостаткѣ въ образованныхъ людяхъ его живо тянули на болѣе видные іерархическіе посты помимо семинаріи, въ настоятели какого нибудь

(1) *Вологдина* Лѣтоп. о градѣ Устюгѣ, л. 24.

(2) Ист. нижег. семин. стр. 9—10.

(3) Странникъ 1868 г. іюль стр. 20.

знаменитаго монастыря или въ архіереи. Не въ состояніи будучи найти подходящихъ кандидатовъ на ректуры, епархіальныя начальства въ разныхъ епархіяхъ старались устраивать по своимъ семинаріямъ по крайней мѣрѣ нѣкоторое подобіе ректорскаго управленія, поручая ихъ наблюденію какого нибудь мѣстнаго архимандрита, особенно если семинарія помѣщалась въ монастырѣ. Образчикъ такого управленія представляли собой лаврскія семинаріи,—невская и троицкая, вполнѣ подчиненныя мѣстнымъ архимандритамъ и монастырскимъ соборамъ. До 1740 г. монастырское начальство назначало управителями невской семинаріи учителей, каковыми были въ 1726—1729 гг. Иванъ Соснинъ, потомъ Адамъ Селлій и Гавріилъ Кременецкій. Въ 1740 г. послѣдній по поступленіи въ монашество сдѣланъ былъ первымъ ректоромъ семинаріи; въ тоже время другой учитель монахъ Амвросій Зертисъ-Каменскій наименованъ префектомъ [1]. Въ троицкой семинаріи первый префектъ является въ 1745 году, іеромонахъ Аѳанасій Вольховскій; въ 1748 онъ же сдѣлался первымъ ректоромъ, и семинарія получила особое начальство, все-таки впрочемъ подчиненное лаврскому архимандриту. До этого времени для веденія ея дѣлъ существовала только интендантская контора, во главѣ которой стоялъ упомянутый интендантъ Павловскій. Архимандритъ лавры и ея соборъ, какъ до, такъ и послѣ учрежденія семинарской ректуры, имѣли такую же власть надъ семинаріей, какую имѣли епархіальные архіереи надъ своими мѣстными семинаріями. Порядокъ преподаванія, опредѣленіе ректора, префекта и учителей, педагогическія мѣры, назначеніе вакатнаго времени, утвержденіе списковъ учителей и учениковъ, участь учениковъ по окончаніи курса,—все зависѣло отъ „ихъ гос-

---

[1] *Чистовича:* Ист. петерб. акад. 34. 36.

подствія", какъ титуловала семинарія лаврскій соборъ (1).

По примѣру лаврскихъ семинарій и другія семинаріи, помѣщавшіяся въ монастыряхъ, подчинялись обыкновенно мѣстному монастырскому начальству. Начальникъ монастыря дѣлался и начальникомъ семинаріи, иногда даже прямо съ титуломъ ректора, какъ наприм., было въ переяславской семинаріи, съ самаго открытія своего (въ 1750 г.) помѣщавшейся въ Даниловомъ монастырѣ. Даниловскій архимандритъ ректоръ не несъ на себѣ трудовъ преподаванія и былъ исключительно администраторъ, каждую недѣлю обязанъ былъ представлять архіерею репорты о состояніи семинаріи и разнаго рода оккупаціи и проповѣди учениковъ, а каждую треть полную вѣдомость объ ученикахъ, ихъ происхожденіи, возрастѣ, способностяхъ и успѣхахъ. Семинарія до 1780-хъ годовъ не имѣла у себя даже особаго префекта (2). Бывало и такъ, что надзоръ надъ семинаріями поручался настоятелямъ такихъ монастырей, которые не были связаны со школами. Наприм. казанская семинарія съ 1733 г. помѣщена была въ загородномъ Зилантовомъ монастырѣ и на первыхъ порахъ поступила въ вѣденіе тамошняго архимандрита Епифанія Адамацкаго, но потомъ преосв. Иларіонъ, устраивая ее по всѣмъ частямъ, сдѣлалъ управителемъ семинарской конторы образованнаго архимандрита Спасскаго монастыря Германа Барутовича. Въ 1740 г. въ Казань пріѣхалъ архимандритъ Димитрій Сѣченовъ, назначенный въ настоятели свіяжскаго Бородицкаго монанастыря и въ управители конторы новокрещенскихъ дѣлъ; епар-

---

(1) Ист. троицк. сем. *Смирнова*, стр. 10—13.

(2) Ист. переясл. семин. во Владим. епарх. вѣдом. 1866 г. № 23. Харьковскій коллегіумъ тоже былъ связанъ съ монастыремъ (Покровскимъ) и управлялся общимъ съ нимъ начальствомъ, но за то здѣсь самый монастырь былъ обязанъ своимъ существованіемъ школѣ и носилъ названіе училищнаго. Ист. іерарх. т. I, 633—637.

хіальное начальство, воспользовавшись пріѣздомъ такого образованнаго монаха, немедленно поручило ему и надзоръ за семинаріей уже въ должности ректора. Его преемникъ Сильвестръ Головацкій тоже былъ свіяжскимъ архимандритомъ. За тѣмъ ректура обыкновенно стала соединяться съ настоятельствомъ Спасскаго монастыря въ самой Казани. За недостаткомъ годныхъ людей епархіальнымъ архіереямъ приходилось иногда почти всю контору въ семинаріяхъ составлять изъ совершенно посторонних для семинаріи лицъ, наприм. изъ монаховъ архіерейскаго дома, какъ это мы видимъ въ 1740 г. въ вятской епархіи (1). Во владимірской семинаріи членами конторы были сдѣланы въ 1750 г. архимандритъ Царевоконстантиновскаго монастыря Павелъ, іеромонахъ Гурій,—оба члены консисторіи, и каѳедральный священникъ Иванъ Алексѣевъ; кромѣ того назначенъ былъ еще въ семинарію экономъ, секретарь консисторіи Димитрій Поповъ, который впрочемъ скоро проворовался и былъ замѣненъ малороссійскимъ дворяниномъ, служившимъ при архіерейскомъ домѣ, Василіемъ Лазаревичемъ, съ званіемъ интенданта. Архимандритъ Павелъ стоялъ во главѣ конторы и имѣлъ ректорскую власть. Это былъ человѣкъ необразованный, кромѣ того пьяный и вздорный, но лучше его не нашлось. Самъ преосв. Платонъ, основатель семинаріи, былъ имъ недоволенъ и неоднократно высказывалъ въ своихъ указахъ консисторіи: „не знаю, кому вручить управленіе семинаріи“. Не надѣясь на Павла, онъ съ самаго же начала семинаріи началъ поручать учебныя дѣла помимо главнаго управителя одному изъ учителей, іеродіакону Гедеону. Потомъ вскорѣ явился въ семинаріи префектъ. Члены семи-

(1) Вятск. епарх. вѣд. 1868 г. № 12: Ист. вятской семинаріи. Въ числѣ членовъ конторы былъ впрочемъ одинъ учитель.

нарской конторы и послѣ назначались здѣсь изъ лицъ епархіальнаго же вѣдомства (1).

Такое смѣшеніе училищнаго управленія съ епархіальнымъ было, разумѣется, очень невыгодно для успѣховъ школьнаго дѣла, особенно до учрежденія семинарскихъ конторъ, когда семинаріи предоставлены были въ полное вѣдомство людей вовсе не съ педагогическимъ, а съ чиновничьимъ характеромъ, большею частію нисколько не понимавшихъ важности возлагаемыхъ на нихъ новыхъ обязанностей. Послѣ учрежденія семинарскихъ конторъ семинаріямъ не нужно стало обращаться за всякою мелочью къ консисторіямъ, — у нихъ явилось свое внутреннее управленіе, которое могло придавать школьной жизни нѣкоторую самостоятельность и выдѣлять ее изъ общаго теченія жизни епархіальной. Но и теперь консисторія все-таки оставалась главнымъ органомъ епархіальнаго управленія надъ семинаріей, безъ котораго контора не могла сдѣлать ни шагу, а наполненіе конторскихъ должностей людьми посторонними для семинаріи парализовало выгоды новаго учрежденія еще болѣе, чѣмъ подчиненіе его консисторіи.

Порученіе семинарскихъ дѣлъ постороннимъ лицамъ, если гдѣ и могло достигать хорошихъ результатовъ, такъ развѣ только въ столицахъ, гдѣ въ епархіальномъ вѣдомствѣ еще можно было найти довольно людей образованныхъ и сочувствовавшихъ успѣхамъ дух. образованія. Обѣ лаврскія семинаріи, находившіяся въ монастырскомъ управленіи, чувствовали себя сравнительно хорошо; хотя освященный соборъ какъ въ той, такъ и въ другой лаврѣ и не отличался особеннымъ образованіемъ, но во главѣ соборнаго управленія всегда стояли архимандриты изъ людей ученыхъ, которые были такими же отцами своихъ школъ, какъ лучшіе изъ епархіальныхъ архі-

(1) Ист. влад. семин. гл. IV—VI.

среевъ для своихъ семинарій. Благодаря такимъ администраторамъ, троицкая семинарія въ короткое время послѣ своего основанія успѣла подняться до образцоваго тогда устройства и даже до равенства съ академіями. Въ невскомъ монастырѣ отношенія монастырскаго начальства къ семинаріи были менѣе безукоризненны и не разъ вызывали послѣднюю къ невольнымъ съ нимъ пререканіямъ по разнымъ экономическимъ вопросамъ (1). Въ епархіяхъ семинаріямъ нельзя было ожидать подобнаго сочувствія и попеченія ни отъ консисторскихъ, ни отъ каѳедральныхъ чиновъ, которые ими управляли.

При первоначальномъ заведеніи своемъ семинарія находила себѣ поддержку обыкновенно въ одномъ лишь архіереѣ. Какъ консисторскіе, такъ и каѳедральные чины содѣйствовали ему въ этомъ дѣлѣ неохотно, даже прямо примыкали къ оппозиціи, которая на первыхъ порахъ возбуждалась противъ новой семинаріи по всей епархіи. При такихъ условіяхъ смѣны архіереевъ и болѣе или менѣе долгіе промежутки между отъѣздомъ изъ епархіи одного и пріѣздомъ другаго нерѣдко вели къ совершенному упадку благосостоянія мѣстныхъ духовныхъ школъ, такъ какъ объ нихъ въ это время некому было позаботиться. Ученики начинали разбѣгаться по домамъ; духовенство уклонялось отъ сборовъ на содержаніе семинаріи; заказчики, обязанные доставлять эти сборы, ослабѣвали въ исполненіи своихъ обязанностей; учители не получали жалованья и расходились по другимъ семинаріямъ; самыя зданія семинаріи приходили въ запущенный видъ. Такъ наприм. было въ вятской семинаріи послѣ смерти ея основателя Лаврентія Горки съ весны 1737 до лѣта 1739 года, когда пріѣхалъ на вятскую каѳедру епископъ Веніаминъ Сахновскій. Духовный приказъ относился къ ненравив-

(1) Ист. петерб. акад. стр. 71—72.

шейся ему школѣ небрежно, бѣглыхъ учениковъ не разыскивалъ, содержанія на школу не отпускалъ, такъ что св. Синодъ долженъ былъ послать ему свой указъ: „собранныхъ въ школахъ учителей и учениковъ жалованьемъ и прочимъ пропитаніемъ содержать такъ, какъ при жизни архіерея Лаврентія было, во всемъ неотмѣнно, и увольненія имъ отъ архіерейскаго дому никому, такожъ и тѣсноты никакой не чинить". Тѣсноты однако продолжались и послѣ этого указа, содержаніе изъ архіерейскаго дома тоже выдавалось съ грѣхомъ пополамъ. Зимой 1738 г. семинарскій цѣловальникъ пріѣхалъ въ архіерейскій домъ за дровами, которыя указалъ отпускать на семинарію еще покойный архіерей, наклалъ возъ, а казначей, онъ же членъ дух. приказа, іеромонахъ Трифонъ приказалъ старостѣ всѣ дрова съ возу побросать опять назадъ. Другой членъ приказа архимандритъ Лаврентій приказалъ отпускать дрова въ семинарію попрежнему. Но исполнилъ ли это распоряженіе Трифонъ, неизвѣстно, потому что члены были между собой въ ссорѣ. Преосв. Веніаминъ возстановилъ упадавшую семинарію и въ предотвращеніе безпорядковъ на будущее время завелъ въ ней внутреннее конторское управленіе. Но и послѣ этого, при преемникѣ его Варлаамѣ Скамницкомъ, когда семинарія уже значительно окрѣпла, консисторское управленіе ею, по случаю трехлѣтняго отсутствія архіерея изъ Вятки (съ 1745 г. онъ былъ въ Петербургѣ), опять чуть было ее не повергло въ разстройство. Главный членъ консисторіи, протоіерей Никонъ, былъ мало къ ней расположенъ и не разъ подвергался выговорамъ отсутствовавшаго архіерея, что „о пользѣ школы нимало не старался"; школьники стали плохо учиться и съ голода пускались въ бѣги (1).

Архіереямъ ревнителямъ образованія приходилось нерѣдко почти насильно заставлять своихъ консисто-

(1) Вятск. еп. вѣд. 1868 г. № 4 и 12.

ристовъ заниматься семинарскими дѣлами и употреблять для этого самыя энергическія побужденія и наказанія. Въ 1742 г. псковскій преосвященный Стефанъ Калиновскій писалъ консисторіи строгіе выговоры за то, что по ея небрежности и невнимательности къ школамъ, самому первѣйшему и весьма благополезному дѣлу, въ нихъ мало находится учениковъ и ученье идетъ вяло, нѣкоторые ученики учатся азбукѣ по три года да часослову лѣтъ по семи, многіе находятся въ бѣгахъ, и требовалъ, чтобы она смотрѣла за семинаріей, какъ слѣдуетъ, иначе будетъ строго оштрафована. Небрежность консисторіи простиралась до того, что, помимо уже педагогической части въ школьномъ управленіи, она не исполняла въ отношеніи къ семинаріи даже чисто чиновничьихъ обязанностей. Въ 1745 году архіерею понадобились справки о лѣтахъ учениковъ и онъ обратился за ними къ консисторіи. Оказалось, что свѣдѣній объ этомъ предметѣ у нея не было; консистористы обратились за ними къ учителю. Учитель въ свою очередь сослался на консисторію, что про это она знаетъ, ибо де не прежде ученикъ приводится въ школу, какъ въ консисторіи запишутъ его лѣта. Еще съ 1737 г. св. Синодъ по высочайшему указу требовалъ изъ епархій вѣдомостей объ ученикахъ, разосланы были повсюду и формы для этихъ вѣдомостей, но проходили годы, а псковская консисторія никакъ не могла составить ихъ съ надлежащею полнотою, не смотря на неоднократные повторительные указы, такъ что св. Синодъ въ 1745 г. вынужденъ былъ выдать указъ: консисторскаго секретаря и канцелярскихъ служителей держать въ консисторіи безвыходно подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока не представятъ требуемыхъ вѣдомостей, выдачу имъ жалованья также пріостановить. Послѣ этого вѣдомости, надобно полагать, были представлены, но потомъ съ 1746 по 1756 г., за цѣлое десятилѣтіе, опять не были представляемы. Въ 1756 г. на запросъ преосвященнаго о причинѣ та-

кого опущенія консисторія для очистки дѣла отвѣчала такимъ образомъ: „списки не посылались или потому, что учители не подавали ихъ въ надлежащей формѣ, а секретари консисторіи и приказные не требовали ихъ, которыхъ впрочемъ (секретарей и приказныхъ) въ живыхъ не находится, или потому, что поданные по формѣ его преосвященству сгорѣли съ архіерейскимъ домомъ, да и тѣ ученики, о коихъ были упомянутые списки, уже изъ школъ въ церковный причтъ выбыли, поэтому и теперь нѣтъ возможности представить требуемыхъ вѣдомостей“ (1). Въ 1749 г. въ воронежской епархіи встрѣчаемъ такой же примѣръ наказанія консистористовъ за семинарію, какъ во Псковѣ въ 1745 г.: за слабое смотрѣніе надъ семинаріей. изъ которой тогда разбѣжались всѣ ученики, преосв. Ѳеофилактъ указалъ всѣмъ членамъ оставаться въ консисторіи безвыходно, а секретаря съ канцеляристами содержать подъ карауломъ скованныхъ до тѣхъ поръ, пока не представятъ отвѣта, почему семинарія запущена, и не соберутъ всѣхъ разбѣжавшихся учениковъ (2).

Кромѣ подобныхъ явленій, архіереямъ ревнителямъ приходилось бороться противъ другаго вопіющаго зла принятой системы училищнаго управленія. Въ тогдашнее время повальнаго взяточничества семинарія нерѣдко трактовалась своими чуждыми ея дѣлу попечителями, какъ лишній. прибавочный для нихъ источникъ дохода. Мало обращая вниманія на недоступную ихъ административнымъ талантамъ и развитію часть учебную, эти люди однако крѣпко держались за семинарскую экономію и не безъ выгоды для себя доводили ее до такой крайности, что ученики, при всей своей забитости и страхѣ передъ начальствомъ, поневолѣ должны были подавать на

(1) Ист. псковск. семин. въ Чтен. стр. 30. 36—38.

(2) Воронежск. епарх. вѣд. 1868 г. № 7, стр. 213.

нихъ архіерсямъ челобитныя. „Вашимъ преосвященствомъ, жаловались напр. въ 1735 г. ученики переяславской семинаріи, въ которой экономіей завѣдывалъ казначей переяславскаго Данилова монастыря, повелѣно давать намъ пищу добрую, а мы, нижайшіе, получаемъ гнилой горохъ, и въ праздничные дни скоромные отъ мясъ, а въ постные отъ рыбы ничего не получаемъ; того ради вашего архипастырства слезно просимъ, дабы соблаговолено было вашимъ архипастырскимъ указомъ опредѣлить намъ въ праздничные дни постные для нашего расхода рыбы, а въ скоромные баранины изъ находящихся въ Даниловомъ монастырѣ барановъ". Преосв. Серапіонъ нѣсколько разъ дѣлалъ казначею замѣчанія въ пользу семинаристовъ, наконецъ уволилъ его отъ семинарской экономіи и велѣлъ выбрать въ приходорасходчики одного изъ учениковъ (1). Когда консисторія завладѣвала семинаріей, особенно въ отсутствіе архіерея, положеніе учениковъ да и самихъ учителей дѣлалось невыносимымъ, такъ что за недостаткомъ содержанія и тѣ и другіе начинали поспѣшно оставлять заведеніе и расходились, кто куда могъ, какъ это мы напр. видѣли въ вятской семинаріи.

Не можемъ не привести здѣсь нѣсколько фактовъ этого рода изъ Исторіи владимірской семинаріи, которые выразительно опредѣляютъ всю разницу въ отношеніяхъ къ ученикамъ со стороны самихъ семинарскихъ учителей и со стороны постороннихъ попечителей семинаріи. „Распорядители семинарской экономіи, говоритъ авторъ, заставляютъ испытывать учениковъ невыносимый голодъ, а учители дѣлятся съ учениками своимъ бѣднымъ кускомъ хлѣба. Нерѣдко бывало, что ученикъ, истомленный голодомъ, идетъ къ своему учителю и робкою рукою стучится у его двери.—Урокъ что ли прослушаться пришелъ? спра-

(1) Владим. епарх. вѣд. 1866 г. № 23, стр. 1306.

шиваетъ учитель своего воспитанника.—Нѣтъ, я голоденъ, отвѣчаетъ онъ. И бѣдный учитель раздѣляетъ съ голоднымъ ученикомъ свои скудные припасы". Въ началѣ существованія семинаріи экономомъ ея, какъ мы уже упоминали, былъ секретарь консисторіи Поповъ, смотрѣвшій на свою должность, какъ на подспорье къ своимъ консисторскимъ акциденціямъ. При сборахъ на семинарію съ церквей и монастырей онъ за взятки дозволялъ имъ доставлять не все нужное количество сборовъ, потомъ года черезъ два, когда недоимка на епархіи возросла до почтенной цифры, которой духовенству уже никакъ нельзя было выплатить заразъ, началъ строго ее взыскивать и при этомъ бралъ еще болѣе взятокъ за снисхожденіе и новыя отсрочки. Кромѣ того, сообразивъ, что для него выгоднѣе будетъ покупать припасы на семинарію, чѣмъ употреблять уже готовые отъ натуральныхъ сборовъ съ духовенства, сталъ ложно показывать послѣдніе негодными къ употребленію и продавать, а вмѣсто нихъ покупать новые дѣйствительно дурные, пользуясь такимъ образомъ барышомъ и при продажѣ и при покупкѣ. Года въ два семинарская экономія доведена была до того, что денегъ у нея вовсе не стало, а припасовъ „для учителей и учениковъ, кромѣ самомалѣйшаго числа крупъ и гороху, ничего не отпускалось". Узнавъ объ этомъ, преосв. Платонъ, бывшій тогда въ Петербургѣ, назначилъ произвести въ семинаріи ревизію, по окончаніи которой за „толикое безсовѣстное мытарство и крайнее тому училищу недоброжелательство" эконома, по указу архіерея, велѣно было „наказать непоблажно плетьми предъ духовной консисторіей и по учиненіи сего наказанія содержать въ консисторіи подъ карауломъ въ ножныхъ желѣзахъ", членовъ семинарской конторы, попавшихся „въ тѣхъ же фальшивыхъ непорядкахъ и скверномъ прибытчествѣ", тоже держать въ консисторіи подъ карауломъ до окончательнаго рѣшенія. Окончательнымъ рѣшеніемъ всѣ они были уволены отъ

управленія семинаріей и замѣнены другими.—Хорошо еще, если архіерей умѣлъ постоять за свою школу, какъ Платонъ. Послѣ смерти Платона на владимірскую каѳедру вступилъ архіепископъ Антоній, грузинъ, не знавшій русскаго языка и вовсе не занимавшійся дѣлами. Злоупотребленія въ семинарской конторѣ достигли крайней степени, потому что на мѣсто старыхъ сквернопрыбытчиковъ явились новые. Членомъ по экономической части сдѣлался дмитріевскій протопопъ Андрей Степановъ, который тоже не посовѣстился наживаться на счетъ бурсацкой нищеты и довелъ семинарскую экономію до полнаго упадка. Ректоръ Амвросій, человѣкъ дѣятельный и любимый учениками, успѣлъ было его выжить изъ конторы, но при другомъ ректорѣ Авраміѣ, не отличавшемся особенной энергіей, онъ снова втерся въ семинарію, поддѣлавшись къ архіерею, и сдѣлался даже судіею конторы. Дѣйствія его были такого рода, что чрезъ годъ (въ 1762 г.) вызвали противъ него общее возстаніе учениковъ, поддержанное и со стороны учителей. Архіерею была подана на него жалоба, подписанная учителемъ Субботинскимъ и 58 учениками, по которой онъ обвинялся въ пьянствѣ и воровствѣ: укралъ себѣ всю лучшую капусту съ семинарскаго огорода, оставивъ для семинаріи только негодную; бралъ себѣ ежедневно хлѣба казеннаго по короваю и больше, а ученикамъ выдавалъ только по ¼ фунта въ день; сторожей (служителей) всѣхъ распустилъ, отъ чего произошла остановка въ работахъ, присмотрѣ, чистотѣ и отопленіи зданій; покрылъ воровство расходчика, который укралъ изъ семинаріи мѣшки съ пшеничной мукою и пойманъ съ поличнымъ посторонними людьми; по стачкѣ съ купцами для своей прибыли покупалъ на семинарію дурные припасы; не только не унимался отъ воровства, не смотря на частыя жалобы на него ректору, а, соединившись заодно съ канцеляристомъ и копіистомъ, продолжалъ все больше и больше обирать семинарію; однихъ

свѣчъ воровали штукъ по сотнѣ на день, а ученикамъ для вытверживанія уроковъ приходилось добывать себѣ свѣчи на сторонѣ; муку и крупу тащили пудами. По этой жалобѣ назначено было слѣдствіе, открывшее нѣсколько новыхъ подробностей. „Скудость у насъ въ семинаріи при судіи протопопѣ Степановѣ, показывали ученики, невыносная во всемъ, только и было поддержки во время крайней нашей скудости, что мы на учительскомъ коштѣ пребывали;... ради своей корысти распустилъ даже прислугу и наипаче поваровъ и доводилъ насъ до великаго голода, — почасту и штей сварить некому". Кромѣ этого, Степановъ бралъ съ учениковъ взятки,—придетъ въ классъ и проситъ себѣ у учениковъ денегъ на вино;—не дать нельзя, человѣкъ властный,—отмститъ; но такъ какъ большею частію ученикамъ нечего было дать, то онъ требовалъ отъ нихъ уступки въ его пользу разныхъ припасовъ, наприм. отъ завтрака: „будете де сыты и безъ завтрака, а не откажетесь отъ завтрака—смотрите". Продукты въ пищу выдавалъ такіе, что „не только человѣку кушать, но ниже и скоту ѣсть невозможно" (1).

При изученіи внутренней, учебно-воспитательной стороны школьной жизни мы еще будемъ имѣть случай встрѣтиться съ другими не менѣе важными неудобствами конторскаго управленія школами и сліянія школьныхъ дѣлъ съ епархіальными, а теперь будемъ продолжать рѣчь о внѣшнихъ условіяхъ благосостоянія духовныхъ школъ за описываемое время.

Мы видѣли, что при импер. Аннѣ, вмѣстѣ съ мыслью возвести школьный вопросъ изъ епархіальной сферы до значенія обще-церковнаго, возникла мысль о снабженіи школъ постоянными штатными окладами изъ доходовъ съ церковныхъ имѣній. Отобравъ эти имѣнія въ общее завѣдываніе коллегіи экономіи, правитель-

---

(1) Ист. влад. семин. стр. 41—42. 49—54.

ство потребовало отъ св. Синода свѣдѣній для опредѣленія штатнаго положенія духовныхъ училищъ; указомъ кабинета отъ 9 іюня 1738 г. велѣно было ему войти въ разсужденіе: 1) какое число гдѣ школьниковъ содержать по числу имѣющихся въ епархіяхъ церквей, 2) чему ихъ обучать, 3) сколько и какихъ наукъ учителей содержать и откуда опредѣлять, 4) какія для ученія ихъ книги и инструменты имѣть и откуда жъ ихъ получать, 5) какое жалованье учителямъ и ученикамъ на пропитаніе въ годъ положить и какою пищею имъ довольствоваться и откуда оную получать, и сколько гдѣ лекарей для пользованія больныхъ, съ ихъ медикаментами, и на какомъ жалованіи содержать,—и о всемъ томъ основательный штатъ учинить. Штаты такимъ образомъ предполагалось установить въ очень полныхъ размѣрахъ, обнимавшихъ собою и содержаніе учащихъ съ учащимися, и снабженіе школъ учебными пособіями, и даже содержаніе при нихъ больницъ. Судьба ихъ послѣ осуществленія этого плана получила бы, разумѣется, совершенно иной характеръ. Затребованный проектъ о штатахъ былъ скоро представленъ, но увидавъ, какая значительная сумма требовалась по нему къ ежегодной выдачѣ, правительство къ сожалѣнію отказалось отъ осуществленія своихъ благихъ намѣреній. Церковныя вотчины оно все-таки впрочемъ удержало въ своихъ рукахъ, въ вѣдомствѣ коллегіи экономіи, послѣ чего положеніе школъ, вмѣсто улучшенія сдѣлалось еще хуже прежняго. Лишившись управленія своими вотчинами и оставшись при однихъ только штатныхъ окладахъ изъ коллегіи экономіи, архіереи уже не въ состояніи стали изливать на школы прежней своей щедрости и должны были оставить ихъ на единственномъ обезпеченіи отъ епархіальныхъ сборовъ. Штатное жалованье успѣли тогда получить только двѣ семинаріи, петербургская, какъ бывшая на гла-

захъ у правительства, и новгородская, какъ семинарія первенствующаго члена св. Синода (1).

Штатное положеніе новгородской семинаріи, утвержденное въ маѣ 1740 г., отличалось особенною обстоятельностію правилъ и значительностію годоваго оклада и по всей вѣроятности вполнѣ соотвѣтствовало начертаніямъ о штатахъ, какія составилъ св. Синодъ по требованію кабинетскаго указа 1738 г. Содержаніе назначалось на 200 учениковъ и 12 учителей: на первыхъ положено въ годъ 2076 р., кромѣ того на обмундировку ихъ особо 613 р., на учебныя пособія и библіотеку 638 р., на жалованье служащимъ при семинарской больницѣ, аптекарскому ученику, лекарю, подлекарю и лекарскимъ ученикамъ 268 р.; учительскіе оклады простирались отъ 60 до 300 р.; кромѣ денежнаго жалованья на учениковъ и учителей опредѣлены были хлѣбные оклады;—всего вообще положено отпускать на семинарію 7859 р. 37 коп. (2). Невская семинарія получала гораздо меньше,—сначала по штату 1732 г. всего 1607 р. въ годъ, притомъ же сумма эта, назначенная изъ доходовъ Невскаго монастыря, отпускалась самимъ монастырскимъ начальствомъ и никогда не выдавалась сполна; потомъ по штату 1740 г. назначено отпускать въ годъ по 1917 р. уже изъ коллегіи экономіи, послѣ чего содержаніе семинаріи отдѣлилось отъ содержанія монастыря (3). Кромѣ этихъ семинарій и академій, постоянный окладъ существовалъ еще въ смоленской семинаріи, назначенный въ количествѣ 500 р. изъ остаточныхъ денегъ отъ содержанія архіерейскаго дома, слѣдовавшихъ къ отсылкѣ въ коллегію экономіи; окладъ этотъ, какъ мы видѣли, исходатайствованъ былъ для семинаріи преосв. Гедеономъ Вишневскимъ еще въ 1728 г. (4).

---

(1) Ист. росс. іерарх. I, 440—442.

(2) П. С. З. XLIV,—Книга штат. II, 5—11.

(3) Ист. петерб. акад. 70—71.

(4) Опис. смоленск. епарх. стр. 186.

При имп. Елизаветѣ вопросъ о штатныхъ окладахъ на семинаріи получилъ другой оборотъ. Въ 1744 г. церковныя вотчины, состоявшія доселѣ въ завѣдываніи коллегіи экономіи, снова были возвращены въ управленіе духовныхъ властей, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожался главный поводъ, по которому духовная власть хлопотала предъ правительствомъ о назначеніи училищныхъ штатовъ. Съ возвращеніемъ вотчинъ духовенству всѣ издержки на поддержаніе разнаго рода учрежденій по духовному вѣдомству и вся отвѣтственность въ этомъ отношеніи естественно возлагались опять на само же духовное вѣдомство, а правительство затѣмъ слагало съ себя объ этомъ предметѣ всякое попеченіе. Даже прежде учрежденные оклады въ выдачѣ стали зависѣть отъ духовныхъ же властей; невская семинарія, только лишь освободившаяся отъ своихъ непріятныхъ экономическихъ отношеній къ Невскому монастырю, снова поступила на его содержаніе. За все время отъ 1741 до 1760-хъ годовъ намъ извѣстны только два случая назначенія новыхъ окладовъ на семинаріи: въ 1741 г., еще до возвращенія вотчинъ отъ коллегіи экономіи, велѣно выдавать прибавочный къ прежнимъ 500 р. окладъ на смоленскую семинарію, на трактаментъ ея учителямъ, изъ доходовъ съ вотчинъ Авраміевскаго училищнаго монастыря въ количествѣ 133 р. 13 к., слѣдовавшихъ къ отсылкѣ въ коллегію экономіи [1]; да еще преосв. Георгій Конисскій, какъ мы видѣли, успѣлъ выхлопотать 400 р. ежегоднаго оклада для своей могилевской семинаріи, уже почти къ концу царствованія Елизаветы. Правительство не переставало настаивать на необходимости опредѣлить семинаріи штатами, но всѣ расходы по этому будущему штатному опредѣленію прямо уже возлагало на само духовное вѣдомство, которое ближайшимъ образомъ

[1] Опис. смоленск. епарх. стр. 186.

обязано было заботиться объ интересахъ духовной службы и о лучшей подготовкѣ къ ней кандидатовъ и которое къ тому же теперь имѣло у себя въ рукахъ достаточныя, по мнѣнію правительства, спеціальныя средства для всѣхъ расходовъ по этому предмету. Въ маѣ 1745 г. оберъ-прокуроръ св. Синода кн. Шаховскій подалъ св. Синоду докладъ, въ которомъ мысль правительства выражена была весьма ясно и опредѣленно.

„Хотя ваше святѣйшество, по силѣ неоднократно подтвердительныхъ имянныхъ указовъ, всевозможное о учрежденіи въ епархіяхъ семинарій и о приведеніи ихъ въ доброосновательное состояніе и желаемую церковную и государственную пользу стараніе употреблять изволите, но токмо оное крайне нужнѣйшее дѣло въ совершенство еще и понынѣ не пришло и тѣмъ семинаріямъ основательнаго, какъ вышереченными указами повелѣно, штата за разными препятствіями не учинено, а понеже, какъ по производящимся въ св. Синодѣ дѣламъ видѣть можно, нѣкоторыя епархіи, по скудости доходовъ и другихъ ради неудобностей, не токмо чтобъ въ совершенномъ къ содержанію тѣхъ семинарій съ принадлежащими библіотеками могли быть состояніи, но и въ заведеніи оныхъ крайній имѣютъ недостатокъ (да не токмо въ таковыхъ, но и въ нѣкоторыхъ знатныхъ епархіяхъ, въ которыхъ уже дѣйствительно семинаріи учреждены, чтобъ студенты все школьное ученіе могли совершенно безъ продолженія излишнихъ лѣтъ оканчивать, неуповательно), а по присланнымъ вѣдомостямъ оказуется, что въ нѣкоторыхъ чрезъ немалые уже годы заведенныхъ семинаріяхъ во обученіи студентовъ находится весьма малое число, да и то въ самыхъ низшихъ наукахъ, отъ которыхъ, а особенно отъ непонятныхъ (каковыхъ немалому во всѣхъ семинаріяхъ чаятельно быть числу), мало и не скоро надѣяться можно впредь пользы, и таковыми ль въ тѣхъ заведенныхъ понынѣ въ епархіяхъ семинаріяхъ

школьнаго ученія регулы, какъ въ Д. Регламентѣ изображено, семинаристамъ преподается, о томъ, также и о непонятныхъ св. Синоду неизвѣстно; того ради не изволите ль, ваше святѣйшество, о непродолжительномъ того штата семинаріямъ сочиненіи, о различеніи въ тѣхъ семинаріяхъ студентовъ, также и объ увольненіи отъ школьнаго ученія тѣхъ епархій, которыя къ содержанію оныхъ не въ состояніи, и о прочемъ къ порядочному содержанію онаго толь нужнѣйшаго дѣла установленію принадлежащемъ, учинить благопристойное свое опредѣленіе" (1).

Еще выразительнѣе высказанъ взглядъ правительства на обезпеченіе дух. школъ въ указѣ Сената отъ 1748 г. объ учрежденіи семинаріи въ Тобольскѣ. Устроитель этой семинаріи, митрополитъ Антоній Стаховскій рѣшился ходатайствовать передъ правительствомъ объ обезпеченіи ея штатнымъ окладомъ и съ этою цѣлію вошелъ въ св. Синодъ съ представленіемъ, что „для такого, яко весьма церкви святѣй полезнаго и крайне нужнаго дѣла, надлежитъ студентовъ той семинаріи и учителя и проповѣдника, по примѣру московской славяно-греко-латинской академіи, содержать на трактаментъ изъ казны ея имп. величества"; онъ просилъ, чтобы на семинарію дозволено было употреблять собиравшіяся по епархіи лазаретныя деньги съ вѣнечныхъ памятей (въ количествѣ—до 500 р. въ годъ), такъ какъ на содержаніе лазаретовъ или госпиталей „изобрѣтены уже другіе немалые сборы". Кромѣ содержанія учителей и проповѣдника, деньги эти предполагалось употреблять еще на снабженіе студентовъ одеждой и обувью, на пищу имъ митрополитъ просилъ особой ассигновки, по крайней мѣрѣ въ половинномъ количествѣ противъ того, что отпускалось на студентовъ московской академіи, т. е. по ½ коп. въ сутки каждому, изъ не-

(1) Записки Шаховскаго. 1872 г. Приложж. XXVII, стр. 279.

окладныхъ не положенныхъ въ штатъ доходовъ сибирской губерніи, Св. Синодъ сообщилъ просьбу митрополита въ Сенатъ вмѣстѣ съ своимъ ходатайствомъ. Сенатъ отвѣчалъ, что „хотя онъ разсужденіе объ учрежденіи при тобольскомъ архіерейскомъ домѣ семинаріи и за полезное признаетъ, токмо показанныхъ на содержаніе той семинаріи доходовъ опредѣлить не можетъ, затѣмъ, что оные положены по особливымъ указамъ на разные расходы, а изъ прочихъ доходовъ за многими повсягодными и чрезвычайными расходами удѣлить не изъ чего“, и прямо предложилъ св. Синоду опредѣлить на содержаніе тобольской семинаріи какъ деньги, такъ и хлѣбный окладъ изъ доходовъ духовнаго вѣдомства, „ибо, какъ уповательно, что при домахъ архіерейскихъ и при монастыряхъ и въ канцеляріи экономическаго правленія (при св. Синодѣ) за расходами денежной казны и хлѣба остается не малая сумма“ (1).

Дѣло было ясно, — на полученіе отъ правительства чего нибудь въ пользу духовныхъ школъ, кромѣ разныхъ случайныхъ и частныхъ пожалованій въ родѣ подарковъ императрицы троицкой семинаріи, надѣяться было нечего. Св. Синодъ съ своей стороны тоже не дѣлалъ никакого распоряженія объ устройствѣ семинарскихъ штатовъ и оставался при прежнемъ своемъ взглядѣ на духовныя школы, какъ на заведенія, назначенныя въ надежду священства, о которыхъ должны заботиться ближайшія духовныя власти, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ кандидатамъ священства и къ ихъ опредѣленію на мѣста, слѣдовательно какъ на заведенія исключительно епархіальныя. Когда церковныя имѣнія были въ рукахъ коллегіи экономіи, онъ усердно заботился о выработкѣ штатнаго положенія для школъ на счетъ пользовавшагося церковными доходами государства, но какъ скоро по возвращеніи вотчинъ въ руки ду-

(1) П. С. 3. XII, № 9528.

ховенства вопросъ объ устройствѣ этихъ штатовъ повернулся такъ, что оно пало на счетъ самого духовнаго вѣдомства и при этомъ оказалось необходимымъ поднять этотъ вопросъ изъ епархіальной сферы до значенія вопроса общецерковнаго, высшая духовная власть оказалась къ тому неподготовленною и все оставила въ старомъ привычномъ положеніи. Сложивъ всѣ расходы по духовнымъ школамъ на епархіальныя средства, св. Синодъ неохотно соглашался на выдачу даже временныхъ пособій, о которыхъ просили его изъ епархій, наприм. для школьныхъ построекъ, превышавшихъ епархіальныя средства. Такъ, казанскій епископъ Лука Конашевичъ, занятый постройкой семинарскаго корпуса на 3000 р., отпущенныя ему при императрицѣ Аннѣ, напрасно обращался къ св. Синоду съ просьбой о прибавкѣ для устройства при главномъ зданіи семинаріи больницы и разныхъ необходимыхъ служебныхъ зданій. Это было впрочемъ въ 1742 г. еще до упраздненія экономическаго управленія церковными вотчинами. Въ томъ же 1742 и 1749 гг. Казань была опустошена страшными пожарами, отъ которыхъ пострадала и семинарія. Это обстоятельство дало епископу Лукѣ поводъ снова обращаться за пособіями къ св. Синоду; для поправки погорѣвшаго зданія семинаріи онъ просилъ 1099 руб. На этотъ разъ просьба его была удовлетворена, но это стоило ему не малыхъ усилій и терпѣнія,—семинарія была отстроена не ранѣе, какъ уже къ 1754 г. Притомъ же означенная сумма была разрѣшена ему къ расходованію не изъ средствъ синодальнаго экономическаго отдѣленія, а изъ денегъ, отпускавшихся въ контору новокрещенскихъ дѣлъ изъ доходовъ архіерейскаго же дома; по его просьбѣ деньги эти за два года и были обращены въ пользу семинаріи (1). Другой архіерей, нижегородскій Дмитрій Сѣченовъ

(1) Лука Конашевичъ. Прав. Собесѣдн. 1858 г. т. II, 577—759.

тоже просившій денегъ на строеніе семинаріи въ размѣрѣ 1000 р., не получилъ отъ св. Синода ничего (1).

Такимъ образомъ содержаніе духовныхъ школъ во все описываемое время исключительно зависѣло отъ мѣстныхъ одиночныхъ средствъ каждой епархіи, отъ ихъ количества и отъ степени умѣнья и энергіи, съ какою ими пользовались въ пользу дух. образованія мѣстныя епархіальныя власти. Нельзя не удивляться, что и при такихъ очевидно весьма неблагопріятныхъ условіяхъ школы возникали все-таки весьма быстро во всѣхъ концахъ Россіи и потомъ каждая по своемъ возникновеніи крѣпко прививалась къ своему мѣсту и упорно жила, не смотря ни на безденежье, ни даже на временное пренебреженіе къ ней со стороны нѣкоторыхъ епархіальныхъ архіереевъ; примѣры закрытія школъ были большой рѣдкостью, — большею частію онѣ только на время нѣсколько слабѣли въ своихъ силахъ, но потомъ, выждавъ лучшихъ обстоятельствъ, снова оживали и продолжали свое развитіе.

Всего тяжелѣе для духовенства и архіереевъ были расходы на первоначальное открытіе и обзаведеніе школъ. За невозможностію въ скоромъ времени собрать нужную для этого сумму съ епархіи, архіереи чаще всего производили первые расходы по этому предмету изъ сбереженій своей каѳедры или домоваго приказа, потомъ уже, что было можно, собирали для облегченія себя съ епархіальныхъ церквей и монастырей. При открытіи владимірской семинаріи преосв. Платонъ Петрункевичъ, указавъ приспособить для училищныхъ потребностей Богородицкій монастырь, писалъ въ консисторскомъ указѣ: „а чтобы остановки быть не могло, покамѣсть оную семинарію отстроить на счетъ домоваго его преосвященства приказа съ возвратомъ по разсчету всего издер-

(1) Ист. нижегор. іерарх. а. *Макарія*, стр. 120

жаннаго отъ казеннаго приказу" (1). До какой степени отъ затратъ этого рода истощались и каѳедра и епархія, можно судить наприм. изъ донесенія св. Синоду преосв. Досиѳея Любимскаго отъ 1732 г. объ издержкахъ на открытіе харьковскаго коллегіума; припомнимъ при этомъ, что онъ открывался при помощи такихъ богатыхъ пожертвованій, какихъ не видала при своемъ возникновеніи ни одна изъ семинарій. Описавъ нужды коллегіума, донесеніе жалуется, что архіерейскій домъ не имѣетъ у себя средствъ даже для приличнаго содержанія самого архіерея: „живу, какъ схимникъ, — одна келейка и комнатка деревянныя, и то весьма ветхія и всѣ сгнили. Еще же вашему святѣйшеству всесмиренно предъявляю, антецессоръ мой коллегіумъ харьковское строилъ такимъ видомъ: имѣлъ великаго патрона, и почитай онъ фундаторъ того коллегіума, покойный князь М. М. Голицынъ. Онъ и своимъ знатнымъ указомъ и здѣшнихъ господъ всячески прошеніемъ и приказаніемъ понуждалъ на строеніе того коллегіума. Такожъ и антецессоръ многими прошеніями со всей епархіи и съ господъ и съ священниковъ деньгами и прочими запасами тое коллегіумъ собиралъ. А сверхъ того отчинки домовыя (т. е. архіерейскія), которыхъ самое малое число имѣемъ, всего 1000 душъ, вовсе раззорилъ. А котора слобода черкасъ, тые разошлись для несносной коллегіумъ харьковской работы, о чемъ здѣсь всѣмъ обывателямъ извѣстно" (2). За то коллегіумъ и устроился богаче другихъ семинарій съ самаго же начала своего существованія, кромѣ покровскаго мѣста, пріобрѣлъ два большихъ сосѣднихъ мѣста полковника Шедловскаго (покупкою за 500 р.) и сотника Черняка (чрезъ пожертвованіе отъ его вдо-

(1) Ист. владим. семин. стр. 13.

(2) *Чистовичъ:* Къ Истор. харьк. колл—ма. Дух. Бесѣда 1863 г. т. XIX. 659—660.

вы) и обзавелся для своего помѣщенія каменнымъ двухъэтажнымъ корпусомъ и нѣсколькими деревянными зданіями для квартиръ наставниковъ и для службъ (1).

Изъ другихъ епархій ниодна не въ состояніи была устроить такихъ богатыхъ школъ. За недостаткомъ средствъ вопросъ о помѣщеніи новыхъ школъ обыкновенно рѣшался по мысли Д. Регламента и Петровскихъ указовъ, указывавшихъ для этого помѣщенія на архіерейскіе домы и монастыри. Такъ при архіерейскихъ домахъ помѣщались семинаріи: нижегородская (до 1743 г.), крутицкая (1744—1751), вологодская, вятская (до 1744 г., когда была переведена въ Успенскій Трифоновъ монастырь), холмогорская, воронежская, астраханская, тобольская. Монастыри дѣлались пріютомъ разсадниковъ духовнаго образованія еще чаще, чѣмъ архіерейскіе домы. Въ монастыряхъ водворились обѣ наши академіи и семинаріи: невская, троицкая, новгородская, крутицкая (съ 1751 г. въ московскомъ Покровскомъ монастырѣ), смоленская, псковская (до 1738 г. на подворьѣ Печерскаго монастыря), вятская (съ 1744 до постройки собственнаго дома въ 1758 г.), казанская (послѣдовательно въ монастыряхъ Зилантовомъ, Ѳедоровскомъ и Спасскомъ до постройки собственнаго зданія), тверская, рязанская, костромская (при Ипатскомъ, потомъ при Семеновскомъ по 1758 г.), ярославская, владимірская, переяславльская (въ Даниловѣ монастырѣ). Въ монастыряхъ же большею частію находили себѣ помѣщеніе и низшія школы, которыя еще менѣе имѣли возможности обзавестись особыми зданіями, чѣмъ семинаріи.

Но само собою понятно, что такое, повидимому легкое, разрѣшеніе вопроса о помѣщеніи школъ было весьма не легкою жертвою со стороны епархіальныхъ

(1) Очеркъ ист. харьк. коллег—ма. Дух. Бесѣда 1863 г. т. XVIII, 171. 179—180.

монастырей и архіерейскихъ домовъ; какъ иногда ни многочисленны были монастырскія строенія, школа все-таки должна была сильно стѣснять монастырь, а тѣмъ болѣе архіерейскій домъ, а между тѣмъ и сама не могла найти здѣсь вполнѣ удовлетворительнаго для себя помѣщенія. Изъ нѣкоторыхъ монастырей, для большаго удобства помѣщавшихся въ нихъ школъ, монашествующіе даже вовсе переводились въ другіе монастыри; наприм. для помѣщенія новгородской семинаріи монахи Антоніева монастыря переведены были въ Деревяницкій; для помѣщенія владимірской семинаріи монахини Богородицкаго монастыря въ Успенскій. Только немногія, богато обстроенныя, обители могли предоставить школамъ достаточно просторныя зданія. Роскошнѣе всѣхъ были помѣщены невская и троицкая семинаріи. Послѣдняя занимала большое зданіе съ пристройками въ стѣнахъ самой лавры. Первая помѣщалась подлѣ монастыря невскаго сначала въ старомъ домѣ въ монастырской слободѣ, потомъ съ 1741 г. въ новомъ по Шлиссельбургскому тракту. Большею же частію семинаріи занимали при монастыряхъ помѣщенія и малыя по величинѣ, и плохо приспособленныя къ потребностямъ школьной жизни. Для переяславльской семинаріи Даниловъ монастырь отвелъ три кельи, въ которыхъ помѣщались и учители и бурса, состоявшая изъ 60 казеннокошныхъ учениковъ (1). Вознесенскій монастырь въ Иркутскѣ могъ отвести для архіерейской школы съ 25 учениками только одну избу за монастырскими стѣнами съ двумя половинами,—черною и чистою (2). Въ архіерейскихъ домахъ школамъ тоже нельзя было найти большаго простора. Въ вологодскомъ арх. домѣ школа занимала четыре палаты,—двѣ для бурсы, имѣвшей до 30 бурсаковъ, одну для кухни и одну, разгороженную пере-

(1) Владим. епарх. вѣд. 1866 г. № 23, стр. 1304.

(2) Иркутск. епарх. вѣд. 1863 г. № 18, стр. 603.

борками на 3 части, для классовъ (1). Вятская школа занимала четыре деревянныхъ избы, изъ которыхъ одна была двухъэтажная, остальныя малыя (2). Есть извѣстія, что вслѣдствіе нерасположенія монастырей къ школамъ, навязаннымъ имъ епархіальною властію, монастырскія начальства плохо заботились о школьномъ помѣщеніи и въ томъ случаѣ, когда располагали къ тому достаточными средствами. Въ 1738 г. учитель курской школы Кондратовичъ жаловался архіерею: „за прошлаго 1737 году обучалъ я нижайшій школу въ келіи, опредѣленной на школу противъ трапезы и церкви св. апостоловъ Петра и Павла, на святыхъ воротахъ стоящей, аще и не безъ опасенія было, паче же стѣна извнѣ монастыря раскололась сверху до самаго фундаменту, а нынѣ уже и кирпичи изъ стѣны падаютъ, и весьма опасно, дабы подъ часъ собранія учениковъ не обвалилися, и сего ради, оставивъ оную школу, въ помянутой трапезѣ обучаю учениковъ, но весьма тѣсно и не могутъ всѣ ученики размѣститься. А въ томъ курскомъ монастырѣ обрѣтаются кельи праздныя и на школу удобныя, въ которыхъ капитанъ стоялъ И. А. Чеботоевъ, а за прежнихъ учителей оная опредѣлена была на школу, которую прошу всепокорно вашего преосвященства повелѣть указомъ оправить и трапезу на св. воротахъ стоящую покрыть, понеже подъ часъ дождь зѣло течетъ, и помянутую келію и трапезу опредѣлить на школу". Епархіальное начальство распорядилось удовлетворить этой просьбѣ и пригрозило монастырскому начальству взысканіемъ за нерадивое исполненіе указа. Архимандритъ донесъ, что исполнилъ указъ, а между тѣмъ жалобы на дурное помѣщеніе школы все таки продолжались до 1741 г. Въ этомъ году въ Курскъ переведена была еще школа изъ Стараго Оскола и

(1) Волог. епарх. вѣд. 1865 г. № 9, стр. 300—301.
(2) Вятск. епарх. вѣд. 1868 г. № 2, стр. 27.

вслѣдствіе увеличенія числа учениковъ забота объ ихъ размѣщеніи сдѣлалась неотложною необходимостію (1).

Въ тѣхъ, немногихъ впрочемъ, случаяхъ, когда школа не находила себѣ пристанища ни при архіерейскомъ домѣ, ни въ монастырѣ, помѣщеніе для нея устроивалось или въ наемномъ, или въ купленномъ, или во вновь построенномъ для нея домѣ на счетъ духовенства. Въ инструкціи Питирима нижегородскаго отъ 1738 г. объ открытіи числихъ школъ по нижегородской епархіи сказано: „Гдѣ есть монастыри и пустыни и въ нихъ праздныя кельи, то до устроенія школъ на удобныхъ церковныхъ или монастырскихъ земляхъ, въ оныхъ монастырскихъ праздныхъ кельяхъ (помѣстить школы), а гдѣ монастырей нѣтъ, тамъ учениковъ содержать въ наемныхъ у тамошнихъ обывателей домѣхъ“ (2). При заведеніи въ 1737 г. въ бѣлогородской епархіи низшихъ училищъ одно изъ нихъ, старооскольское, за неимѣніемъ по близости удобнаго къ его помѣщенію монастыря, должно было помѣститься въ наемномъ домѣ на счетъ окружнаго духовенства. Соборный протоіерей Козьма Венедиктовъ, назначенный попечителемъ училища, предложилъ купить для него собственный его протоіерея домъ, уступая его за безцѣнокъ, вмѣсто 250 р. его настоящей стоимости—за 100 р. Духовенство согласилось на это и купило домъ (3). Такъ какъ низшія школы сохраняли свой всесословный характеръ долѣе семинарій и въ нихъ съ дѣтьми духовенства нерѣдко обучались и дѣти мѣстныхъ обывателей свѣтскаго званія, то въ заботахъ о помѣщеніи ихъ помогало иногда и общество. Напр. упомянутая выше духовная школа

---

(1) Курск. еп. вѣд. 1873 г. № 17. стр. 807—809. Учениковъ въ соединенныхъ школахъ насчитывалось 180—200 человѣкъ.

(2) Временникъ общ. ист. кн. XVII.

(3) Курск. еп. вѣд. 1873 г. № 16.

въ г. Торопцѣ въ 1736 г. была построена коштомъ духовенства и торопецкихъ гражданъ.

Безъ сборовъ съ духовенства дѣло не обходилось впрочемъ и при готовомъ помѣщеніи новой школы въ монастырѣ или архіерейскомъ домѣ. Помѣщеніе это всегда приходилось болѣе или менѣе перестроивать для приспособленія къ школьнымъ потребностямъ, снабжать утварью и школьными принадлежностями, а иногда и расширять пристройкою новыхъ зданій. Богатые монастыри, какъ троицкая и невская лавры, всѣ издержки этого рода брали на себя. Но въ большинствѣ случаевъ онѣ покрывались изъ сборовъ съ духовенства. Мы уже видѣли, какъ при открытіи владимірской семинаріи преосв. Платонъ распорядился въ 1750 г. всѣ издержки по обзаведенію ея въ Богородицкомъ монастырѣ, сдѣланныя архіерейскимъ домомъ, отнести на счетъ казеннаго приказа, куда шли всѣ епархіальные сборы. При открытіи вятской семинаріи при архіерейскомъ домѣ преосв. Лаврентій распорядился, чтобы всѣ священно-и-церковнослужители, сторожа церковные и просвирни немедленно явились въ арх. домъ для поновленія своихъ ставленныхъ грамотъ и указовъ; потомъ, когда они стали являться, онъ подробно разузнавалъ объ ихъ доходахъ и тутъ же опредѣлялъ сумму, какую каждый изъ нихъ безпрекословно долженъ былъ внести на устройство школы (1). Для нѣкоторыхъ семинарій, помѣщавшихся при монастыряхъ, постройки предпринимались въ очень обширныхъ размѣрахъ и совершенно равнялись съ устройствомъ особыхъ семинарскихъ домовъ, наприм. для семинарій лаврскихъ, владимірской и др. Для семинаріи смоленской преосв. Гедеонъ Вишневскій выстроилъ при Аврамьевскомъ монастырѣ два каменныхъ двухъэтажныхъ корпуса,—учительскій и библіотечный, въ самомъ монастырѣ, да три каменныхъ корпуса,—для классовъ и учениковъ,

(1) Ист. вятск. семинаріи. Вятск. еп. вѣд. 1868 г. № 1, стр. 13.

внѣ монастыря на особомъ, купленномъ для того мѣстѣ (1). Для помѣщенія новгородской семинаріи въ Антоніевскомъ монастырѣ при архіеп. Амвросіѣ Юшкевичѣ въ 1740 г. было устроено за стѣнами монастыря нѣсколько деревянныхъ корпусовъ; кромѣ того въ слѣдующемъ году Амвросій предпринялъ постройку каменной семинаріи и библіотеки на подобіе кіевскихъ школъ и кончилъ ее съ небольшимъ въ годъ (2). Для костромской семинаріи, послѣ перевода ея изъ Симеоновскаго монастыря въ загородный Запрудненскій, преосв. Дамаскинъ въ 1758 г. выстроилъ большой трехъэтажный деревянный корпусъ въ 20 комнатъ, изъ которыхъ 14 было теплыхъ, остальныя холодныя, и всѣ оштукатурены, кромѣ того особые покои для префекта и учителей и деревянную на каменномъ фундаментѣ семинарскую церковь (3). При митрополитѣ Антоніи Нарожницкомъ выстроенъ былъ на дворѣ тобольскаго архіерейскаго дома каменный корпусъ для тобольской семинаріи (4). При преосв. Антоніи Илляшевичѣ и Варѳоломеѣ Любарскомъ при архіерейскомъ вятскомъ домѣ возникли зданія вятской семинаріи.

Устройство собственныхъ домовъ для семинаріи внѣ монастырей и архіерейскихъ домовъ обходилось дороже подобныхъ построекъ только развѣ потому, что для него нужно было пріобрѣтать еще мѣсто; покупка эта впрочемъ тоже была весьма чувствительна для епархіальныхъ средствъ, а потому заботливые архіереи старались обойтись безъ нея, пользуясь для семинарій готовыми мѣстами монастырскихъ подворій или уступленными по духовнымъ завѣщаніямъ. Такъ

---

(1) Историко-стат. опис. смол. епарх. стр. 181.

(2) Ист. росс. іерарх. I, стр. 604—605.

(3) Педагогич. вѣстникъ 1858 г. т. V, Извѣстія, стр. 21—22.

(4) Странникъ 1867 г. кн. XII: въ статьѣ объ Антоніи Нарожницкомъ.

каменный семинарскій корпусъ во Псковѣ, построенный Стефаномъ Калиновскимъ въ 1738 г., возникъ около печерскаго подворья, гдѣ семинарія помѣщалась прежде (1). Въ 1743 г. переведена была изъ архіерейскаго дома на настоящее мѣсто нижегородская семинарія. Для постройки ея дома преосв. Дмитрій Сѣченовъ воспользовался уступленнымъ въ ея пользу мѣстомъ синодальнаго подворья, на которомъ и устроилъ церковь семинарскую и др. зданія; ему все-таки пришлось къ этому мѣсту прикупить еще сосѣднее мѣсто вдовы Пушниковой съ готовымъ двухъэтажнымъ каменнымъ домомъ, надворнымъ строеніемъ и садомъ, за которое и было заплачено 700 р. (2). При устройствѣ дома казанской семинаріи епархіальное начальство воспользовалось пустопорожнимъ мѣстомъ, уступленнымъ семинаріи отъ города, и кромѣ того 3000 р. денегъ, полученныхъ по завѣщанію фабриканта Михляева. Надобно впрочемъ замѣтить, что Михляевъ оставилъ завѣщаніе свое не на строеніе семинаріи, а въ пользу Петропавловской церкви въ уплату сдѣланнаго имъ когда-то займа изъ церковныхъ денегъ, поэтому епархіальное начальство, употребивъ ихъ на семинарію, сдѣлало такимъ образомъ налогъ на означенную церковь (3). Точно также у города Воронежа въ 1748 г. было выпрошено пустопорожнее мѣсто для постройки зданій воронежской семинаріи (4).

Всѣ такіе, особо построенные для семинарій домы какъ при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, такъ и внѣ ихъ, на нарочно пріобрѣтенныхъ мѣстахъ, были, разумѣется, гораздо обширнѣе и удобнѣе гото-

(1) Ист. псковск. семин. въ Чтен. 1866 г. т. I, стр. 39.

(2) Ист. нижегор. семин. арх. *Макарія*, стр 2. Все устройство семинаріи стоило 1700 рублей. Ист. нижег. іерархіи, стр 120.

(3) Казанск. семин. въ первое время существованія. Прав Собесѣдн. 1868 г. кн. 8.

(4) Ворон. епарх. вѣдом. 1867 г. № 23.

выхъ, случайно отведенныхъ помѣщеній, въ которыхъ одни семинаріи помѣщались въ первое время своего существованія, а другія и во все описываемое время. Нѣкоторые изъ нихъ были выстроены въ большихъ размѣрахъ и составляли самую лучшую сторону матеріальной обстановки школъ, хотя и въ нихъ все-таки чувствовалась немалая тѣснота, наприм. нигдѣ въ самыхъ обширныхъ семинаріяхъ не было особыхъ дортуаровъ и занятныхъ комнатъ, а часто и особыхъ классовъ, не говоря уже о больничныхъ комнатахъ, которыхъ до м. Платона не имѣла сама московская академія. Но чего стоили всѣ подобныя постройки архіерейскимъ домамъ и епархіальному духовенству?... Архіереи нарочно многіе годы копили для нихъ деньги, урѣзывая всѣ возможныя статьи расходовъ въ своихъ домахъ и въ семинаріи, склоняли къ жертвованіямъ разныхъ достаточныхъ лицъ въ епархіи, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, наконецъ, когда приступали къ самымъ постройкамъ, назначали по всей епархіи чрезвычайные сборы. Въ монастыри и ко всѣмъ причтамъ посылались указы съ приглашеніемъ къ пожертвованіямъ, кто сколько можетъ дать по совѣсти, или съ обязательнымъ назначеніемъ опредѣленнаго количества взносовъ деньгами и строительными матеріалами. Отъ монастырей, владѣвшихъ вотчинами, требовались разные матеріалы изъ ихъ лѣсныхъ и другихъ угодій и даровые работники. Въ архивахъ монастырей казанской епархіи, Раиѳской и Седміозерной пустыни, сохранилось нѣсколько любопытныхъ указовъ епископа Луки Конашевича (отъ 1738, 1739, 1742, 1753 и 1754 гг.), относящихся къ построенію казанской семинаріи, совершавшемуся въ нѣсколько пріемовъ и прерывавшемуся не разъ пресловутыми казанскими пожарами. Всѣ эти указы настойчиво требуютъ отъ монастырей бревенъ, кирпичей и работниковъ; о послѣднихъ въ одномъ указѣ прибавлено, чтобы присылали ихъ на монастырскомъ же коштѣ, да здоровыхъ и способныхъ къ работѣ, а

если будутъ присланы старые или увѣчные, то власти подвергнутся за нихъ тяжкому штрафу. Послѣ пожара 1742 г. изъ монастырей указывалось выслать для покрытія развалинъ семинарскихъ 200 лубьевъ, а для новой стройки 50 плотниковъ. Въ 1754 г., излагая подобныя же требованія, указъ грозилъ монастырскимъ властямъ за ослушаніе плетьми. Какъ велики были въ подобныхъ случаяхъ расходы епархіи, можно судить изъ того, что наприм. при строеніи казанской семинаріи на вспоможеніе ей правительствомъ два раза ассигновались ей значительныя по тому времени суммы, при Аннѣ Іоанновнѣ 3000 р., потомъ при импер. Елизаветѣ 1099 р., но этихъ суммъ такъ было мало, что преосв. Лука послѣ пожара 1742 г. просилъ еще о вспоможеніи въ 7000 р., указывая на крайнюю необходимость въ этихъ деньгахъ. Св. Синодъ отказалъ; слѣдовательно вся эта сумма должна была лечь на епархію, которая и безъ того уже много платилась (1). Еще примѣръ: въ 1759 г. порѣшилъ строить семинарію тамбовскій епископъ Пахомій Симанскій; по указу его со всей епархіи собрано было 1984 р. денегъ, 1000 брусьевъ и множество тесу, и замѣчательно, что эта крупная жертва со стороны епархіальнаго духовенства употреблена была вовсе не на семинарію, а на разныя постройки по архіерейскому дому; семинарія же такъ и не была открыта (2).

Кромѣ издержекъ на постройку семинарскихъ зданій требовались, разумѣется, немалые расходы на ихъ ремонтъ. На этотъ предметъ тоже не было опредѣлено никакихъ суммъ. Встрѣчаемъ только одинъ указъ св. Синода отъ 1740 г., которымъ монастыри уполномочивались употреблять на починку находящихся при нихъ школьныхъ зданій деньги, выручав-

---

(1) Лука Конашевичъ въ Прав. Собесѣдн. 1858 г. т. II, 577—579.

(2) Ист. описан. тамб. епархіи *Хитрова*: о Пахоміи.

шіяся отъ продажи церковныхъ свѣчъ (1); само собой понятно, что полномочіе это нисколько не служило къ облегченію монастырей, потому что свѣчная продажа была одной изъ важныхъ доходныхъ статей для нихъ самихъ. Въ случаѣ болѣе крупныхъ ремонтовъ точно также, какъ и при постройкѣ школьныхъ зданій вновь, назначались съ духовенства и монастырей особые чрезвычайные сборы добровольныхъ и не добровольныхъ пожертвованій. Обыкновенные мелкіе ремонты покрывались изъ текущихъ школьныхъ доходовъ, на счетъ сбереженій по разнымъ статьямъ школьной экономіи.

Текущіе, обыкновенные доходы, на которые содержались дух. школы. были тѣже самые, которые указаны еще въ Д. Регламентѣ, и нѣкоторые новые, которые отъ времени до времени были изобрѣтаемы ревнителями архіереями вновь на счетъ своихъ домовъ, монастырей и бѣлаго духовенства. Первое мѣсто между ними занимали хлѣбные сборы съ церковныхъ и монастырскихъ земель, съ первыхъ 30-й, со вторыхъ 20-й доли всякаго приплоднаго по умолоту хлѣба, предписанные еще Д. Регламентомъ, но только теперь получившіе свою полную организацію.

Согласно предписаніямъ Регламента церкви и монастыри каждой епархіи обязаны были ежегодно доставлять своей консисторіи вѣдомости о количествѣ урожая и умолота хлѣбовъ на своихъ земляхъ, а знатнѣйшіе монастыри должны были кромѣ того представлять по экземпляру своихъ приходо-расходныхъ книгъ въ св. Синодъ. Вѣдомости эти, собиравшіяся чрезъ духовныя правленія и заказчиковъ, служили единственнымъ основаніемъ для опредѣленія количества хлѣбнаго семинарскаго сбора, а потому на вѣрность ихъ обращалось особенное вниманіе. Въ указѣ ростовскаго митрополита Арсенія 1748 г. углич-

(1) П. С. З. XI, № 8287.

скому духовному правленію по поводу открывшейся утайки хлѣба всѣхъ духовныхъ управителей и повытчиковъ велѣно нарочно собрать въ консисторію для внушенія, чтобы „впредь по вся годы о церковной пашенной землѣ, о посѣвѣ, умолотѣ и приплодѣ всякаго хлѣба вѣдомости собирали и принимали суще справедливыя и весьма осмотрительно и неоплошно, дабы священно-и-церковнослужители въ тѣхъ вѣдомостяхъ своихъ какъ о церковной пашенной землѣ, такъ и о посѣвѣ, вымолотѣ и приплодѣ всякаго хлѣба показывали правдиво и нимало той пашенной земли посѣву, вымолоту и приплоду всякаго хлѣба утайки не чинили, въ чемъ имъ управителямъ и повытчикамъ при поданіи оныхъ вѣдомостей крѣпкое осмотрѣніе и наблюдательство имѣть безъ всякаго пристрастія, слабости и нерадѣнія своего.... неправдивыхъ и ложныхъ вѣдомостей отнюдь не принимать, а взыскивать правдивыхъ... подъ опасеніемъ, ежели они управители и повытчики въ собраніи тѣхъ вѣдомостей поступать будутъ неосмотрительно и оплошно, лишенія чиновъ ихъ и жесточайшаго истязанія". За утайку велѣно взыскивать втрое противъ положеннаго. При представленіи вѣдомостей съ священнослужителей и монастырскихъ настоятелей бралась подписка, что больше показаннаго количества хлѣба въ вымолотѣ и приплодѣ у нихъ не имѣется; „а ежели въ сей вѣдомости хотя мало что ложно и неправдиво показали, пашенной земли, посѣяннаго, умолотнаго и приплоднаго всякаго хлѣба утаили, и за то повиненъ я NN, по разсмотрѣнію его преосв—ва, лишенію чиновъ своихъ и надлежащаго штрафа и истязанія неотмѣнно" (1).

На основаніи представленныхъ вѣдомостей въ консисторіи, дух. правленіяхъ или въ самой семи-

(1) Средства сод. школъ въ яросл. епархіи. Яросл. епарх. вѣдом. 1872 г. № 13. Педагог. Вѣстн. т. II, 1857 г. стр. 541: Письмо арх. *Макарія*. Тамже т. V (1858), стр. 21.

нарской конторѣ составлялись потомъ реэстры о томъ, сколько обязаны доставить въ школу хлѣба каждый монастырь и каждая церковь, и разсылались по всѣмъ заказчикамъ и настоятелямъ монастырей при указахъ, въ которыхъ прописывалось, чтобы означенный въ реэстрахъ хлѣбъ былъ ими собранъ и доставленъ къ извѣстному сроку и въ извѣстное мѣсто, въ консисторію, въ дух. правленіе, если школа была въ его округѣ, или въ самую школу. Кромѣ заказчиковъ, духовныхъ управителей и настоятелей, доставка хлѣба производилась также выборными отъ духовенства церковниками и др. духовными лицами, а иногда сборщиками, посланными изъ консисторіи или изъ семинарской конторы. На мѣстѣ доставки доставившему хлѣбъ давалась квитанція въ пріемѣ. Затѣмъ хлѣбъ былъ отправляемъ въ архіерейскую или семинарскую житницу, гдѣ хранился подъ надзоромъ особыхъ надзирателей изъ выборныхъ церковниковъ или учителей школы, которые вели ему приходо-расходную запись (1). Съ устройствомъ и развитіемъ семинарскихъ конторъ обязанность пріема и расходованія хлѣба и отчетность въ томъ и другомъ легла на нихъ и главнымъ образомъ на ихъ интендантовъ или экономовъ. До 1737 г. отчеты о приходѣ и расходѣ хлѣба представлялись одной епархіальной власти; потомъ синодскимъ указомъ 24 января этого года велѣно было „по вся годы безъ всякаго отлагательства“ представлять ихъ также и св. Синоду (2). Приведемъ нѣсколько образчиковъ тѣхъ операцій, какія производились съ сборнымъ хлѣбомъ въ самихъ семинаріяхъ.

Такъ, при открытіи воронежской семинаріи къ 1746 г. всего хлѣба собрано было съ епархіи 291 четверть и 6¼ четвериковъ на 100 слишкомъ чело-

(1) См. указ. статью въ Яросл. вѣдом. № 12. Инструкц. Питирима во Временникѣ т. XVII, § 14 и 16.

(2) Ист. Росс. іер. I, 435—436.

вѣкъ, поступившихъ въ семинарію; вслѣдствіе очевидной недостаточности этого количества сбора число послѣднихъ пришлось сократить до 35. Доставка хлѣба была произведена выборными изъ заказовъ осмью церковниками; когда они пріѣхали, консисторія ихъ же порѣшила выбрать въ приставники къ собранному хлѣбу и къ семинарскимъ деньгамъ; одинъ приставленъ былъ къ приходу и расходу штрафныхъ денегъ, другой къ караулу тѣхъ денегъ, третій къ пріему хлѣба, четвертый—къ расходу его, пятый къ караулу, а остальные трое опредѣлены были къ должностямъ служителей. Въ теченіе года количество хлѣба дошло до 350 четвертей слишкомъ, а между тѣмъ, не смотря на то, что число учениковъ было 51, въ расходъ его пущено было на первый разъ крайне малое количество, такъ что въ остаткѣ къ 1747 г. оказалось 302 четв. и 4 четверика. Въ концѣ года семинарскій расходчикъ подалъ въ консисторію доношеніе, что остаточный хлѣбъ начинаетъ уже портиться, и егда оный погибнетъ, чтобы въ вину ему причтено не было. Обсудивъ это доношеніе, консисторія вошла къ преосв. Ѳеофилакту съ мнѣніемъ, что оный остаточный хлѣбъ слѣдуетъ продать, а деньги отъ продажи употребить на семинарскіе же расходы, тѣмъ болѣе, что семинарія на будущій годъ можетъ быть удовольствована въ своемъ пропитаніи хлѣбомъ вновь собраннымъ отъ церквей и монастырей; представлена была и тогдашняя цѣна хлѣба,—около 50 к. за четверть,—по которой семинарія должна была получить отъ продажи 91 р. деньгами. Въ половинѣ 1747 г. консисторія въ докладѣ своемъ архіерею указывала самые расходы, которые слѣдовало покрыть этими деньгами, именно: „на покупку бумаги, свѣчъ, чернилъ, перьевъ, дровъ, мяса, рыбы, масла коровьяго и конопляного сиротамъ, кои отцевъ и матерей не имѣютъ, рубашекъ, одеждъ и обуви“. На 1747 г. собрано было разнаго хлѣба,—съ монастырей: ржаной муки 5 четвертей и 2 четверика, крупъ 1 чт. 1 чк., овса

2 чт. и 2 чк.; съ церквей: ржаной муки 194 чт. 1 чк., пшеничной 22 чт. и 6 чк., пшена 14 чт. 1 чк., крупъ 31 чт., овса 23 чт. 2 чк., ячменя 2 чт., гороху 2½. Въ остаткѣ, слѣдовавшемъ въ продажу, къ 1748 г. оставалось: ржи 130 четв. 1 четверикъ, пшеничной муки 17 чт. 6 чк., пшена 8 чт. 7 чк., крупъ 26 чт. 6 чк., овса 25 чт. 4 чк., ячменя 2 чт., городу 2½ чк. И такъ далѣе изъ году въ годъ (¹).

Продажа остаточнаго хлѣба повсюду играла важную роль въ семинарской экономіи. Кромѣ добываемыхъ этимъ путемъ, да еще штрафныхъ, семинаріямъ неоткуда было получать денегъ, а безъ денегъ во многихъ случаяхъ обойтись было совершенно не возможно. Изъ этихъ же напр. денежныхъ доходовъ производились и всѣ семинарскія постройки. Можно было бы, вмѣсто хлѣба, прямо получать съ плательщиковъ деньгами; но такая замѣна натуральнаго сбора денежнымъ во многихъ епархіяхъ на первыхъ порахъ существованія семинарій была большой рѣдкостью. Въ 1739 г. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, вмѣсто хлѣба, внесъ на содержаніе вологодской семинаріи деньги въ количествѣ 61 р. 37 к. Въ семинарской конторѣ отнеслись къ этому обтоятельству, какъ къ небывалой новости, и сдѣлали особое опредѣленіе объ употребленіи этой суммы, ибо де „особливаго денежнаго сбора школьнаго, кромѣ хлѣбнаго, не имѣется“, т. е. того, который получался отъ продажи остаточнаго хлѣба. По вѣдомости 1746 г. такого остаточнаго хлѣба въ вологодской семинаріи продано было (ржи и овса) на 179 р. 15 к. Въ приходо-расходныхъ книгахъ послѣдующихъ годовъ при означеніи денежнаго дохода показываются такія суммы, которыя прямо показываютъ, что онъ получался тѣмъ же путемъ:

(¹) Ист. ворон. семинаріи. Ворон. епарх. вѣдом. 1867 г. см. №№ 3, 6, 7, 8 и 10. Исторія этой семинаріи, замѣтимъ кстати, преимущественно богата данными для изслѣдованія семинарскаго экономическаго быта.

въ 1750 г. 130 р., въ 1751—266, въ 1752—188, въ 1753—200 р. съ копѣйками. Въ тѣхъ же книгахъ находимъ любопытныя данныя касательно того, какъ въ разные годы количество хлѣбнаго сбора было разнообразно: въ 1739 г. было собрано 879 четвертей (до 7000 пуд.), тогда какъ въ 1745 г. всего только 536, слѣдовательно на 343 чт. меньше. Вслѣдствіе такого, весьма чувствительнаго для благосостоянія семинаріи и по всей вѣроятности не рѣдкаго колебанія въ количествѣ сборнаго хлѣба семинарскія начальства, чтобы не оставить семинаристовъ безъ пропитанія, должны были пускать въ продажу не весь остаточный хлѣбъ, а на всякій случай оставлять болѣе или менѣе значительное количество его въ запасъ. Въ 1746 г. такого запаснаго хлѣба въ вологодской семинаріи числилось 2442 четверти. Но и при такомъ распоряженіи все-таки дѣло нерѣдко доходило до того, что хлѣба оказывалось мало на всѣ годовые расходы, особенно когда доставка новаго изъ разныхъ мѣстъ епархіи по какому нибудь случаю запаздывала. Въ такихъ случаяхъ семинарскія конторы прибѣгали къ займамъ въ арх. домѣ. Такъ въ 1740 г. вологодская семинарія заняла у арх. дома 44 четв. ржи. Съ своей стороны впрочемъ и архіерейскій домъ одолжался у семинаріи; въ томъ же напр. году онъ занялъ у нея 225 четв. овса и 6 р. 76 к. деньгами, а въ 1745 г. былъ долженъ ей 1041 чт. 2 чк. разнаго хлѣба и болѣе 130 р. деньгами (1).

Разныя неудобства хлѣбнаго сбора, особенно при доставкѣ его въ семинарію изъ отдаленныхъ мѣстностей,

---

(1) Вологод. епарх. вѣд. 1865 г. № 9, стр. 302—304; № 10, стр. 380—381. Можно указать еще нѣсколько примѣровъ какъ количества хлѣбныхъ доходовъ въ семинаріяхъ, такъ и крайняго неравенства этого количества для одной и той же семинаріи въ разные годы, а равно способовъ распоряженія при этихъ сборахъ приходомъ и расходомъ принаднаго хлѣба въ семин. конторахъ. См. наприм. Прав. Собесѣдн. 1868 г. кн. 8: Казанская семин. въ первое время ея существованія. Ист. псковск. семин. въ Чтен. 1866 г. т. I, стр. 40—44 и друг.

а также настоятельная потребность усилить именно денежные доходы семинарій естественно приводили епархіальныя начальства къ мысли замѣнить этотъ натуральный сборъ денежнымъ. Мы видѣли, что въ обширной новгородской епархіи эта замѣна произведена была еще въ 1724 г.: всѣ церкви обязывались доставлять въ школы вмѣсто хлѣба деньги, и только монастыри остались при прежнемъ натуральномъ сборѣ хлѣбомъ. Въ другихъ епархіяхъ это случилось позже въ разныя времена, преимущественно въ 1730-хъ годахъ. По всей вѣроятности желающіе изъ плательщиковъ могли всегда переводить слѣдующее съ нихъ количество хлѣба на деньги; по крайней мѣрѣ при подачѣ вѣдомостей о приплодномъ хлѣбѣ съ самаго начала хлѣбнаго сбора не безъ причины принято было постоянно обозначать въ нихъ послѣ количества разныхъ родовъ хлѣба и цѣнность каждой его четверти и четверика. Съ 1730-хъ годовъ архіереи старались придать этой замѣнѣ хлѣба деньгами характеръ обязательный, выпрашивая иногда для этого даже особенные синодальные указы. Нововведеніе это было важно и само по себѣ, но съ нимъ соединялось еще другое болѣе важное, касавшееся самыхъ основаній школьнаго сбора. Мы видѣли, что при первомъ же установленіи денежныхъ сборовъ на школы въ новогородской епархіи сборы эти стали взиматься уже не съ приплоднаго хлѣба, какъ установлено Регламентомъ, а съ самой земли, съ каждой ея четверти, безотносительно къ тому, давала она урожай или нѣтъ, или даже вовсе не была распахана. Епархіальное начальство очевидно имѣло въ виду устранить необходимое при системѣ Д. Регламента непостоянство въ количествѣ школьнаго сбора, зависѣвшее отъ случайностей мѣстнаго урожая хлѣбовъ, и положить въ основу его болѣе прочныя единицы обложенія. Въ такомъ видѣ школьный сборъ по новогородской епархіи оставался и въ описываемое время; въ экстрактѣ о доходахъ новогородскаго арх. дома 1735 г. сказано,

что съ церковныхъ земель въ пользу школы архіерейской взималось по 6½ коп. съ четверти, всего 358 р. 47¼ к.; съ монастырей, согласно прежнему опредѣленію, взимался натуральный сборъ хлѣбомъ,— до 1468 четвертей со всѣхъ, а деньгами собиралось только 34 р. (1). Такія же и даже еще большія перемѣны въ основаніяхъ раскладки школьнаго сбора съ церквей происходили и въ другихъ епархіяхъ, куда проникала замѣна натуральнаго сбора денежнымъ; въ большей части епархій явились даже новыя единицы обложенія съ очевидною цѣлію какъ усилить количество школьнаго сбора, такъ и сообщить ему больше постоянства.

При старомъ порядкѣ хлѣбнаго сбора, какъ онъ предписанъ Регламентомъ, отъ него оставались свободными всѣ безземельныя церкви и монастыри, что, какъ мы уже видѣли, было крайне невыгодно для школъ въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ церковныя учрежденія имѣли мало земли; неудобство это очевидно не было устранено и при новомъ денежномъ сборѣ, пока онъ имѣлъ въ основаніи одинъ тоже поземельный доходъ церквей и монастырей. Вслѣдствіе этого при назначеніи этого сбора въ разныхъ епархіяхъ вмѣсто земли основаніемъ обложенія для церквей приняты были приходскіе дворы. Такъ именнымъ указомъ изъ Синода, посланнымъ въ 1739 г. въ крутицкую епархію, предписано было на содержаніе вновь учреждавшейся здѣсь семинаріи, вмѣсто хлѣбнаго сбора, собирать съ каждаго приходскаго двора всей епархіи (т. е. съ приходскаго духовенства за каждый дворъ въ приходѣ) по 1 копѣйкѣ (2). Этотъ копѣечный сборъ распространился потомъ по всѣмъ епархіямъ, гдѣ при-

---

(1) Въ Кн. штатовъ. Сравн. Новгор. школы въ Христ. чт. 1877 г. I, 361 и примѣч.

(2) О крутицк. семин. въ Любоп. мѣсяцесл. на 1776.

нята была подворная раскладка школьнаго сбора (1). Но и при этой системѣ раскладки школьный сборъ все-таки могъ обнимать собою далеко не всѣ церкви; кромѣ приходскихъ церквей, были, какъ извѣстно, церкви ружныя, соборныя, домовыя, неимѣвшія приходовъ, да и приходскія содержались не отъ однихъ приходскихъ дворовъ, а еще отъ разныхъ своихъ угодій, кортомныхъ дворовъ, лавокъ и т. п. хозяйственныхъ статей, которыя тоже полезно было сдѣлать предметами обложенія. Наиболѣе полный образчикъ такой раскладки школьнаго сбора видимъ въ нижегородской епархіи. Указомъ 1743 г., отмѣнившимъ хлѣбный сборъ для этой епархіи, новый сборъ деньгами назначался: „съ каждаго приходскаго двора по 1 коп., а съ ружныхъ денежныхъ дачъ или оброчныхъ дворовъ, лавокъ, сѣнныхъ покосовъ, отдаваемыхъ въ наймы, равно какъ и съ ружнаго жалованья и съ оброчныхъ вотчинъ по 3 коп. съ рубля". Послѣ этого указа въ семинарской конторѣ въ приходныхъ книгахъ стали переписываться всѣ приходскія церкви съ подробнымъ показаніемъ при нихъ не однихъ уже земель и хлѣбныхъ доходовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ числа приходскихъ дворовъ, количества годовыхъ окладныхъ доходовъ всякаго рода и оброчныхъ статей. Что касается до монастырей, то съ нихъ попрежнему продолжался сборъ 20-й части приплоднаго хлѣба (2).

Указанныя перемѣны въ раскладкѣ школьнаго сбора вообще касались лишь церквей и бѣлаго духовенства, оставляя монастыри на старомъ положе-

---

(1) Въ тобольской епархіи взималось только по 1 деньгѣ съ двора при безземельныхъ церквахъ, но къ этому сбору прибавленъ еще новый сборъ съ гривенъ, которыя по указу 1722 г. (П. С. З. VI, 4009, п. 24) духовенство получало съ каждой души въ приходахъ раскольническихъ; въ пользу дух. школъ велѣно отчислять изъ этого дохода половину съ каждой гривны. Пермск. епарх. вѣд. 1868 г. № 1, стр. 7. Въ другихъ епархіяхъ этого полугривеннаго сбора не видно.

(2) Ист. нижег. сем. а. *Макарія*, стр. 4.

ніи, потому что епархіальныя начальства считали болѣе выгоднымъ снабжать свои школы готовымъ хлѣбомъ изъ монастырскихъ вотчинъ, чѣмъ покупать его на деньги. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ денежный сборъ распространенъ былъ впрочемъ и на монастыри. Въ 1758 г. послѣдовала отмѣна хлѣбнаго сбора въ костромской епархіи; монастыри были обложены при этомъ деньгами, какъ и церкви, хотя основанія для обложенія приняты были разныя: церкви обязаны были копѣечнымъ платежемъ съ каждаго приходскаго двора, а монастыри должны были платить по 3 коп. съ каждой урожайной или приплодной четверти хлѣба; велѣно было внести деньгами и всѣ недоимки прежнихъ лѣтъ (1). Въ пользу переяславской семинаріи денежный сборъ съ монастырей собирался по числу крестьянскихъ душъ въ монастырскихъ вотчинахъ, по три коп. съ души; въ годъ собиралось 868 р. 20 к. (2). Послѣдній способъ раскладки денежнаго сбора съ монастырей, кажется, впрочемъ только и существовалъ въ одной переяславской епархіи, да и здѣсь явился уже въ началѣ 1760-хъ годовъ. Вообще же этотъ сборъ, гдѣ онъ ни касался монастырей, былъ устраиваемъ посредствомъ простой замѣны хлѣба деньгами по текущимъ цѣнамъ.

Изъ представленныхъ примѣровъ достаточно видно, что какъ въ количествѣ сборовъ на школы, такъ и въ основаніяхъ обложенія ими духовенства въ епархіяхъ господствовало величайшее разнообразіе. Иначе и не могло быть, такъ какъ все дѣло содержанія дух. школъ предоставлено было исключительно на усмотрѣніе епархіальныхъ архіереевъ, причемъ естественно кто изъ нихъ какъ умѣлъ и какъ находилъ удобнѣе, такъ и собиралъ школьные сборы, даже и не спрашиваясь о томъ высшей власти. Въ однихъ

---

(1) Педагог. Вѣстн. 1858 г. т. V, стр. 24

(2) Владим. епарх. вѣд. 1866 г. № 23, стр. 1304.

епархіяхъ при замѣнѣ натуральныхъ сборовъ денежными послѣдніе собирались съ прих. дворовъ и другихъ доходныхъ статей духовенства, въ другихъ съ прежнихъ единицъ обложенія — четвертей приплоднаго хлѣба по текущимъ цѣнамъ, а съ дворовъ только при безземельныхъ церквахъ, въ третьихъ — съ четвертей церковной земли и т. д. Самая замѣна хлѣбнаго сбора денежнымъ въ однихъ епархіяхъ произведена очень рано, въ другихъ позднѣе, въ третьихъ, какъ въ воронежской, вологодской, псковской, смоленской, владимірской и тобольской епархіяхъ, до послѣдняго времени оставался хлѣбный сборъ, а деньгами сбирали только съ нѣкоторыхъ церквей, наприм. съ безземельныхъ (въ тобольской епархіи), съ отдаленныхъ отъ школьнаго города въ облегченіе трудностей при доставкѣ хлѣба (во владимірской) (1) и т. п. Денежный сборъ вообще организовывался не вдругъ, а постепенно, какъ и хлѣбный, иногда послѣ нѣсколькихъ попытокъ устранить разныя неудобства послѣдняго. Вотъ наприм. какъ происходилъ процессъ его организованія въ ростовской епархіи, гдѣ онъ явился сравнительно довольно поздно.

Первоначально епархіальное начальство принимало только мѣры противъ разныхъ злоупотребленій духовенства при самомъ назначеніи хлѣбныхъ окладовъ, требуя, чтобы вѣдомости о количествѣ церковной земли и ежегоднаго урожая съ нея подавались правдивыя, безъ всякой утайки. Потомъ, уже черезъ 7 лѣтъ послѣ открытія семинаріи, оно обратило вниманіе на одно изъ самыхъ важныхъ неудобствъ хлѣбнаго сбора, на постоянныя случайности хлѣбнаго урожая въ разныхъ мѣстахъ епархіи, вслѣдствіе которыхъ каждый годъ требовалось составлять чуть не для каждой церкви новое опредѣленіе количества взимавшейся съ нея 30-й части приплода, въ одинъ годъ больше, въ другой меньше по мѣрѣ произведеннаго

(1) Ист. влад. семин. стр. 21.

ею самою сбора съ своихъ земель, и происходила большая путаница въ мелкихъ разсчетахъ. Въ концѣ 1754 г. митроп. Арсеній пришелъ къ мысли составить общее уравнительное опредѣленіе сбора для всей епархіи на нѣсколько лѣтъ впередъ и сдалъ въ консисторію указъ „учинить (о семинарскомъ хлѣбѣ) росписаніе и положить противу посѣву всякій хлѣбъ самъ третей и собирать всегда, съ кого надлежитъ хлѣбомъ, по тому одному росписанію, а съ кого подлежитъ брать деньги, то съ тѣхъ такимъ же образомъ росписавъ съ посѣвомъ самъ третей же, и положа трехъ годовъ сложную цѣну четверти, т. е. дорогой, средней и малой цѣнъ, и изъ того третью часть отдѣлать, и по той третьей части (т. е. по средней цѣнѣ) за каждую четверть брать деньги повсягодно уравнительно, и какъ оной хлѣбъ, такъ и деньги всегда по прошествіи года платить въ генварѣ мѣсяцѣ неопустительно“. Консисторія высчитала указанную среднюю цѣнность хлѣба (за четверть ржи 93¼ к., овса—53¼, ячменя 66¼, пшеницы 1 р. 50 к., гороху 1 р. 30 к.) и разослала указъ по епархіи. Въ это же время опредѣленъ былъ денежный сборъ съ духовенства кортомныхъ (отъ отдаточныхъ въ наемъ хозяйственныхъ статей) и ружныхъ денегъ. Дѣло семинарскихъ сборовъ должно было послѣ этого значительно облегчиться, потому что при данномъ опредѣленіи средняго урожая (самъ третей), съ котораго обязательно должно было платить 30-ю долю, въ распредѣленіи школьныхъ платежей оставалось имѣть въ виду только одно количество церковной земли, хорошо извѣстное консисторіи и постоянное. Опытъ вѣроятно удался и въ началѣ 1756 г. епархіальное начальство сдѣлало послѣдній рѣшительный шагъ, выдало распоряженіе о замѣнѣ хлѣбнаго сбора денежнымъ, принявъ въ основаніе при раскладкѣ сбора прежнее среднее количество приплоднаго хлѣба (самъ-третей), а при опредѣленіи цѣнности разныхъ сортовъ хлѣба назначивъ руководствоваться ежегодны-

ми справочными цѣнами по объявленіямъ изъ магистрата (1).

Какъ хлѣбный, такъ и замѣнявшій его денежный сборъ былъ основнымъ и общимъ источникомъ содержанія для всѣхъ дух. школъ. Другимъ такимъ же источникомъ былъ сборъ штрафной за уклоненіе духовенства отъ обученія въ школѣ своихъ дѣтей и за неисправность по школьному сбору, составлявшій печальную, но тѣмъ не менѣе довольно крупную статью школьныхъ доходовъ въ каждой епархіи, особенно на первыхъ порахъ по открытіи школъ. Вмѣстѣ съ деньгами, выручавшимися отъ продажи школьнаго хлѣба, штрафныя деньги въ теченіи года скоплялись въ значительную сумму отъ 100 до 300 р., на которую и производились всѣ денежные расходы по школѣ, такъ какъ другихъ денежныхъ доходовъ, до замѣны хлѣбнаго сбора денежнымъ, вовсе не было (2). Въ приходо-расходныхъ книгахъ семинарскихъ конторъ для записыванія этой суммы существовало даже особое и постоянное отдѣленіе. Епархіальныя начальства такимъ образомъ съумѣли обращать въ пользу духовнаго образованія самое недоброхотство, съ какимъ къ нему относилось духовенство. При имп. Елизаветѣ вышелъ указъ (20 апр. 1743 г.), подвергавшій въ пользу дух. училищъ, или собственно московской академіи, штрафу даже свѣтскихъ лицъ, которыя не заботились объ обученіи своихъ дѣтей катихизису: велѣно было брать съ шляхетства по 10 р., а съ прочихъ по 2 р. (3). Находя штрафныя деньги очень важной статьей для содержанія школъ, нѣкоторые архіереи старались увеличивать штрафную сумму по-

(1) Яросл. епарх. вѣд 1872 г. №№ 12, 13, 14 и 17: Средства содержанія грам. школъ и яросл. семинаріи.

(2) См. наприм Воронеж. еп. вѣд. 1869 г. № 7, стр. 228—230, № 8, стр. 277—278.

(3) П. С. З. № 8726.

средствомъ причисленія къ ней штрафныхъ денегъ съ духовенства и по разнымъ его служебнымъ винамъ. Взысканія этого рода были не одни денежныя; наприм. виновныхъ по епархіальному суду иногда отсылали въ семинаріи на семинарскіе труды, что замѣняло для нихъ монастырское подначало, такимъ образомъ семинаріи снабжались даровыми служителями (1).

Кромѣ перечисленныхъ источниковъ для содержанія дух. школъ, не было еще никакихъ другихъ, которые можно было бы назвать источниками общими для всѣхъ епархій. Но и эти общіе источники были очевидно характера весьма непостояннаго, зависѣли отъ разныхъ случайностей, подвергая такимъ же случайностямъ и судьбу самихъ дух. школъ. О штрафномъ сборѣ нечего и говорить; на подобнаго рода случайныхъ доходахъ, какъ бы они по временамъ ни были значительны, основать матеріальное обезпеченіе школы было, разумѣется, невозможно. Самый основной, хлѣбный, а потомъ денежный сборъ на школы подверженъ былъ такимъ сильнымъ колебаніямъ, что это непостоянство его можно считать едва ли не главною причиною медленнаго успѣха дух. школъ во многихъ епархіяхъ,—по крайней мѣрѣ исключительно на эту причину указывали сами епархіальныя начальства каждый разъ, какъ только ни приходилось имъ получать сверху разные выговоры, насчетъ наприм. „нечувственнаго небреженія о толь важномъ и человѣческому спасенію потребномъ дѣлѣ“. Жалобы на недоимки по сборамъ были такимъ обычнымъ явленіемъ, что можно крѣпко сомнѣваться въ томъ, чтобы какая нибудь семинарія въ какой нибудь

(1) О способ. содерж. дух. училищъ въ Странникѣ 1860 г. кн. VIII, стр. 134—136. Ист. вятск. іерархіи *Никитникова* стр. 53: Взято въ 1745 г. на семинарію 30 р. штрафа съ арх. казначея за неисправность по службѣ и 5 р. съ ключаря.

годъ сполна получала все слѣдовавшее ей по разсчету количество сбора.

Содержа свои бѣдныя школы на свои нищенскія средства, духовенство крайне тяготилось возложенными на него платежами на этотъ предметъ, старалось ихъ оттянуть, урѣзать, а то и вовсе отъ нихъ уклониться, ссылаясь на свою бѣдность, неурожай хлѣба, трудность его доставки и т. п. Какъ только епархіальное начальство рѣшалось открыть у себя школу, по всей епархіи начинались обыкновенно усиленные хлопоты для собранія прежде всего надлежащихъ свѣдѣній о доходахъ монастырей и церквей и для составленія правдивыхъ вѣдомостей о количествѣ посѣва, урожая и умолота хлѣбовъ на церковныхъ земляхъ, хлопоты, продолжавшіеся по мѣстамъ цѣлые годы. Такъ, при открытіи вятской семинаріи вѣдомостей о хлѣбѣ нельзя было собрать въ теченіи цѣлаго года. Въ костромской епархіи указъ о составленіи перечневыхъ вѣдомостей по главнымъ статьямъ монастырскихъ доходовъ былъ выданъ преосв. Сильвестромъ въ 1745 г. Въ слѣдующемъ году онъ предписалъ собрать вѣдомости отъ монастырей и церквей касательно урожая и умолота хлѣбовъ. Но ни то, ни другое распоряженіе не были исполнены до весны 1747 г. Вскорѣ послѣ этого изъ консисторіи были высланы реэстры о томъ, сколько каждый монастырь и церковь должны были представить хлѣба въ консисторію, съ назначеніемъ срока и угрозою штрафа, но исполненія не было и по этому указу слишкомъ полгода. Притомъ хлѣбъ слѣдовало представить за два года, но изъ многихъ мѣстъ онъ высланъ былъ только за годъ, и то уже къ концу 1747 г., вслѣдствіе чего ранѣе этого не могла быть открыта и самая семинарія (1). Въ монастыряхъ еще можно было по крайней мѣрѣ приблизительно узнать количество

(1) Педагогич. Вѣстн. 1858 г. т. V, Замѣтки, стр. 19—20.

приплоднаго хлѣба, соображаясь съ количествомъ монастырской земли, которое было всегда болѣе или менѣе извѣстно епархіальному начальству. Но относительно церквей, разбросанныхъ по всему пространству епархіи и владѣвшихъ обыкновенно весьма небольшими участками земли, большею частію нельзя было составить и такого приблизительнаго опредѣленія, тѣмъ болѣе, что церкви владѣли землями на разныхъ, правахъ и условіяхъ съ приходами, такъ что не только консисторіи или семинарской конторѣ, но и болѣе близкимъ начальствамъ-заказчикамъ весьма не легко было разобрать, какая земля церковная и какая приходская. Вслѣдствіе неизбѣжной при этомъ неточности свѣдѣній о доходахъ духовенства самые оклады семинарскихъ сборовъ часто приходилось составлять почти наобумъ, по приблизительнымъ разсчетамъ, отъ чего, разумѣется, тоже нерѣдко приходилось допускать ошибки, для нѣкорыхъ церквей опредѣлять оклады слишкомъ большіе, тяжкіе для плательщиковъ, а для другихъ, успѣвшихъ благополучно утаить свои настоящіе доходы, слишкомъ малые, обидные для самой семинаріи.

Самое собираніе сборовъ по окладамъ было источникомъ новыхъ безпокойныхъ хлопотъ, повторявшихся притомъ же каждый годъ. Въ началѣ каждаго года въ консисторіи или въ семинарской конторѣ прежде всего изготовлялись окладные реэстры съ требованіями годовыхъ взносовъ; за тѣмъ слѣдовали разсылка ихъ, переписка съ поповскими старостами, заказчиками, дух. правленіями и настоятелями монастырей, жалобы изъ приходовъ на тяжесть окладовъ и на неурожаи, донесенія сборщиковъ объ утайкахъ и недоимкахъ, а то даже и о прямомъ противодѣйствіи имъ со стороны плательщиковъ; повторительные и побудительные указы о платежѣ, посылки нарочныхъ сборщиковъ по инструкціямъ на счетъ неплательщиковъ, штрафы, правежи недоимокъ и проч. Пока хлѣбный сборъ оставался въ епархіи въ своемъ

первичномъ видѣ безъ замѣны его денежнымъ, постоянный и правильный надзоръ за вѣрностію семинарскихъ платежей былъ едвали даже возможенъ. Бумажныя средства, разныя вѣдомости о приплодномъ хлѣбѣ и шнуровыя приходо-расходныя книги, разумѣется, помогали плохо, а ближайшій мѣстный надзоръ за духовенствомъ и его доходами со стороны низшихъ епархіальныхъ властей, разныхъ заказчиковъ, самъ былъ заподозрѣнъ въ невѣрности и недобросовѣстности. Епархіальной власти только и оставалось пугать неисправныхъ неплательщиковъ да и самихъ сборщиковъ грозными предостереженіями, грозить первымъ тройными сборами и др. штрафами, а послѣднимъ лишеніемъ чиновъ и жесточайшимъ истязаніемъ, брать при взносѣ сборовъ подписки, что взносъ сдѣланъ правильно, безъ утайки и т. п. Послѣ перевода хлѣбнаго сбора на деньги, особенно когда при этомъ составляли постоянное, уравнительное распредѣленіе сборовъ на нѣсколько лѣтъ впередъ и опредѣляли для церквей количество взносовъ не по четвертямъ приплоднаго хлѣба, а по болѣе постояннымъ единицамъ обложенія, по приходскимъ дворамъ и разнымъ доходнымъ статьямъ причтовъ, безотносительно къ количеству ихъ частнаго, случайнаго дохода въ тотъ или другой годъ, наблюденіе за вѣрностію семинарскихъ сборовъ должно было значительно облегчиться. Но тутъ возникало обыкновенно новое затрудненіе. Масса плательщиковъ, за исключеніемъ только очень небольшаго числа духовныхъ лицъ и нѣкоторыхъ болѣе богатыхъ монастырей, состояла изъ людей бѣдныхъ, жившихъ день за день, не имѣвшихъ никакихъ сбереженій, которыми они могли бы покрывать случайные дефициты въ своихъ доходахъ въ неурожайные годы; вслѣдствіе этого выполненіе разныхъ уравнительныхъ росписаній, какъ бы они снисходительно ни были составлены, въ иные несчастные годы было положительно невозможно и за духовенствомъ являлась недоимка, отягощавшая и

путавшая для него семинарскіе взносы и на другіе болѣе счастливые годы. Не говоримъ уже о томъ, что недобросовѣстные плательщики имѣли при этомъ полную возможность изливаться предъ начальствомъ въ преувеличенныхъ жалобахъ на оскудѣніе своихъ доходовъ и отыскивать другіе удобные предлоги къ уклоненію отъ денежныхъ сборовъ.

Теряясь въ изобрѣтеніи мѣръ къ устраненію недоборовъ, нѣкоторыя епархіальныя начальства пришли къ мысли допустить въ семинарскихъ сборахъ участіе самихъ семинарій, какъ это ни было обременительно и неестественно для школьной администраціи. Въ костромской епархіи статья эта была организована еще довольно удобно для семинаріи, но за то по всей вѣроятности весьма не дешево для самой епархіи: при всѣхъ дух. правленіяхъ опредѣлены были особые семинарскіе сборщики въ зависимости отъ консисторіи и правленій, которые и собирали школьные взносы, каждый въ своемъ округѣ. Мѣра эта оказалась успѣшною, такъ что костромская епархія имѣла на себѣ школьной недоимки менѣе всѣхъ: въ 1763 г., предъ временемъ Екатерининскихъ штатовъ, недоимочныхъ денегъ на ней насчитывалось всего 10 р. 62 к. (1). Въ другихъ епархіяхъ старались достичь тѣхъ же результатовъ безъ назначенія особыхъ семинарскихъ сборщиковъ, съ помощью самой школьной администраціи, поручая ей не только право контроля за вѣрностію взносовъ, которое она имѣла вездѣ, но и самую процедуру ихъ собиранія съ епархіи. Въ ростовской епархіи даже встрѣчаемъ особое распоряженіе, направленное къ поощренію семинарской конторы въ исполненіи этого рода обязанностей: съ каждой церкви членамъ конторы предоставлялось получать въ свою пользу по 11 коп., а при пріемѣ монастырскаго хлѣба по 3 коп. съ каждой платежной

(1) Педагог. Вѣстн. 1858 г. V, стр. 21: Замѣтки.

четверти (1). Но спрашивается: какимъ образомъ контора могла производить свои сборы по епархіи, когда она не имѣла для этого дѣла никакихъ органовъ, въ родѣ тѣхъ, какіе были для той же цѣли у епархіальной администраціи? Понятно, что ей не иначе можно было исполнять свои новыя обязанности, какъ или съ помощію тѣхъ же епархіальныхъ сборщиковъ всякихъ сборовъ, которыхъ она должна была бы замѣнить, заказчиковъ, поповскихъ старостъ и дух. управителей, людей вовсе ей неподчиненныхъ, или же съ помощію лицъ, принадлежащихъ къ самой семинаріи, пользуясь для этого временемъ, свободнымъ отъ исполненія ихъ прямыхъ обязанностей. Конторы практиковали и тотъ и другой пріемъ, предоставляя епархіальнымъ сборщикамъ обычную процедуру сборовъ, а своихъ людей облекая для тѣхъ же сборовъ временными полномочіями.

Во время семинарскихъ вакацій учители нерѣдко получали отъ своего начальства порученія произвести по епархіи ревизію приплоднаго хлѣба на мѣстѣ, въ самихъ приходахъ, да кстати уже и собрать надлежащее количество его для доставки въ семинарскую контору. Въ 1753 г. въ воронежской епархіи подобное порученіе дано было даже отпущеннымъ на вакатъ ученикамъ риторики и философіи,—высшихъ тогда классовъ воронежской семинаріи. Въ инструкціи, данной имъ по этому случаю, сказано было, чтобы по своему пути они вездѣ присмотрѣли годныхъ къ школѣ духовныхъ дѣтей, да позаботились бы и о сборѣ хлѣба на семинарію. Пріѣхавъ въ извѣстное мѣсто по данному реэстру, гласила инструкція, „нимало не медля, взявъ съ собою тѣхъ мѣстовъ духовныхъ управителей и приказныхъ служителей, велѣть имъ каждому въ вѣдомствѣ своемъ у каждаго протопопа, попа, дьякона, дьячка, пономаря и у просвирницы, также въ монастыряхъ и пустыняхъ, новоурож-

(1) *Владим.-Буданова*: Государство и нар. образованіе, стр. 304.

деннаго озимаго и яроваго всякаго хлѣба при нихъ студентахъ освидѣтельствовать и по освидѣтельству коликое число и у кого именно сжатаго на поляхъ и свознаго въ скирдахъ копенъ и молоченаго въ закромахъ четвертей явится, учиня опытъ и по опыту по колику числу съ копны умолоту было или будетъ, и изъ того умолоту на содержаніе семинаріи у монастырей 20-й, а съ церковнослужителей 30-й доли вычетъ, надлежитъ учредить правдивыя по формѣ за руками ихъ дух. управителей и приказныхъ служителей вѣдомости, которыя имъ студентамъ по пріѣздѣ... подать въ сем. контору при доношеніяхъ, а имъ дух. управителямъ по тѣмъ вѣдомостямъ и изъ того описнаго хлѣба... прислать (указныя 30 и 20 доли) въ семинарскую контору при доношеніяхъ, и впредь таковыя жъ доли въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ присылать бездоимочно". Кромѣ этого студентамъ указывалось освидѣтельствовать у дух. управителей квитанціи въ платежахъ за прошлый годъ, а „у которыхъ дух. управителей въ платежѣ того хлѣба квитанціи не имѣется, тѣхъ самихъ дух. управителей привезть на Воронежъ и объявить въ семин. конторѣ при доношеніи" (1). Распоряженія эти могутъ казаться необыкновенно-странными въ настоящее время, когда едвали кому придетъ въ голову поставить всѣхъ сельскихъ благочинныхъ, не говоря уже о духовенствѣ, подъ такого рода надзоръ семинарскихъ философовъ и риторовъ, но тѣмъ они характернѣе рисуютъ тогдашнюю безпомощность семинарской и епархіальной администраціи. Видно, что хватались за всякія средства, лишь бы только чѣмъ нибудь помочь горю вѣчныхъ недоимокъ.

Бывали и такіе случаи, что сборъ на семинарію, уже благополучно и сполна конченный, не доходилъ до семинаріи по злоупотребленіямъ самихъ сборщиковъ; не даромъ въ инструкціяхъ имъ постоянно вну-

(1) Воронежск. еп. вѣд. 1868 г. № 23, стр. 753—755.

шалось, чтобы они дѣйствовали безъ всякой фальши подъ опасеніемъ жестокаго истязанія. Въ 1752 г. въ той же воронежской епархіи былъ такой случай. Осенью этого года консисторія недосчиталась хлѣбнаго сбора на семинарію съ цѣлаго острогожскаго округа. Навели справки и узнали, что въ свое время, въ концѣ 1751 г., весь хлѣбъ въ острогожскомъ уѣздѣ на содержаніе семинаріи въ предстоящемъ году былъ описанъ и, какъ слѣдуетъ, переложенъ на деньги подканцеляристомъ Гурьевымъ, деньги были сполна собраны и сданы сторожу Протопопову и дьячку Степанову. Послѣ этого началось слѣдствіе, куда же эти деньги дѣвались. Всѣ указанныя лица забраны въ консисторію и разсажены подъ крѣпкій караулъ въ кандалахъ. Гурьевъ на допросѣ показалъ, что деньги за хлѣбъ онъ дѣйствительно собралъ, а не доставилъ ихъ во время по болѣзни, которая заставила его про эти деньги запамятовать; въ свидѣтели своей болѣзни онъ представилъ іеромонаха Ѳеофана, который самъ видѣлъ его больнымъ. Отецъ Ѳеофанъ былъ повидимому великій ораторъ, кромѣ того пріятель подсудимаго и на запросъ консисторіи написалъ свое свидѣтельство весьма цвѣтисто, съ явнымъ желаніемъ и другу удружить, и себя показать. „Въ прошломъ 1752 г., писалъ онъ, въ генварѣ мѣсяцѣ, а въ которомъ числѣ не упомнитъ, по случаю же его Ѳеофана тогда, якоже иногда отъ человѣка впадшемъ въ разбойники лежащемъ и уязвленномъ вранами, и священникъ нѣкто мимо иде, такожде и левитъ или церковный причетникъ миможъ иде, самарянинъ же нѣкто умилосердися, якоже и онъ язычникъ и мытарь многогрѣшный сталъ надъ нимъ и вопросивъ его, что тебѣ бысть? онъ же ему тогда рече: немощствуя лежу и нѣсть исцѣленія плоти моей и весь разслабленъ, яко не стюденъ ни теплъ, аки обуморенъ и весь огнемъ сожженъ; онъ же многогрѣшный тогда ему глаголахъ: молися Богу и покайся прежнихъ своихъ дѣлъ и отъ всѣхъ скорбей твоихъ ис-

цѣлитъ тя Господь вскорѣ, а потомъ болѣе не вѣдаетъ, что ему тогда было". Свидѣтельство это однако не пригодилось къ оправданію Гурьева, потому что относило болѣзнь его къ слишкомъ давнему времени; ни одна острая болѣзнь не могла протянуть такого страннаго забвенія о неотосланныхъ, куда слѣдуетъ, деньгахъ отъ января до ноября мѣсяца, когда объ нихъ возникло дѣло. По опредѣленію консисторіи утаенныя деньги велѣно было взыскать съ виновнаго, а самого его наказать въ присутствіи консисторіи нещадно плетьми. Но послѣ наказанія онъ снова былъ возвращенъ къ прежней должности при острогожскомъ правленіи, при чемъ долженъ былъ дать только письменное обязательство впредь такихъ дѣлъ не чинить (1).

Не перечисляя множества другихъ фактовъ этого рода, ограничимся здѣсь небольшимъ извлеченіемъ изъ Исторіи владимірской семинаріи, которое одно можетъ представить для насъ довольно цѣльную и выразительную картину разныхъ затрудненій, хлопотъ и злоупотребленій при семинарскихъ сборахъ. Въ первый же годъ по открытіи этой семинаріи (1750) за епархіей оказалась огромная недоимка въ семинарскихъ платежахъ: вмѣсто 1273 р., которые нужно было собрать по смѣтѣ и по реэстрамъ, собрано было всего 778 р., не смотря на всѣ указы изъ консисторіи и разныя строгія мѣры въ предотвращеніе недобора, и юная семинарія очутилась въ большомъ затрудненіи; по словамъ архіерейскаго указа, вслѣдствіе „толикихъ недобросовѣстныхъ безпорядковъ многіе ученики, лишаясь должнаго имъ быть при той семинаріи довольствія, ходили и просили сущихъ подобіемъ нищихъ прокормленія". По ближайшемъ изслѣдованіи причиною „безпорядковъ" оказались разныя злоупотребленія и со стороны плательщиковъ, и со стороны органовъ самой епархіальной администра-

(1) Тамъ же № 22, стр. 729—734.

ціи. Консисторія и дух. правленія воспользовались новымъ налогомъ на духовенство для своей собственной наживы и за взятки составляли неправильныя вѣдомости о хлѣбѣ, съ утайками. Такъ какъ взятки давались главнымъ образомъ богатыми плательщиками, то вся тяжесть сборовъ и падала на бѣдныхъ, которые не въ состояніи были ублаготворить администраторовъ. Съ самаго же начала сборовъ со всѣхъ сторонъ стали приходить въ консисторію и контору жалобы. Одни жаловались на свою крайнюю бѣдность, что „и дневныя пищи себѣ не имѣютъ“, напр. одинъ дьяконъ въ самомъ городѣ Владимірѣ не могъ уплатить причитавшихся на его долю 68 коп. и долго за то содержался въ консисторіи подъ арестомъ. Другіе указывали на то, что денежная оцѣнка припасовъ, назначенныхъ къ сбору на семинарію, слишкомъ высока, за четверть гороху нужно платить 1 р. 80 к., или что земли переписаны по приходамъ неправильно, худыя пошли въ вѣдомостяхъ за хорошія, пустыя за воздѣланныя: „наши де земли лежатъ впустѣ и поросли лѣсомъ, пашенной земли нѣтъ, ржи, овса и прочаго хлѣба на семинарію тоже нѣтъ ничего, а иными землями владѣютъ духовные бобыли, которые ничего за сіе не платятъ, и за тѣ земли на семинарію взыскиваютъ“. Третьи указывали на разныя случайныя обстоятельства, изъ-за которыхъ они дошли до раззоренія и не могутъ платить; наприм. члены одного причта показали, что въ прошломъ 1749 г. они были вызваны въ консисторію для какихъ-то спросовъ, и послѣ этого не только приплоднаго хлѣба, но и на пропитаніе имъ ничего не осталось. Злоупотребленія при описаніи земель заставили преосв. Платона предпринять трудъ даже лично объѣхать нѣкоторые уѣзды для повѣрки вѣдомостей.

Чтобы уменьшить огромную недоимку за епархіей, епархіальное начальство сначала принялось писать грозные указы, въ которыхъ обличало духовенство въ презрѣніи и божескихъ и царскихъ повелѣ-

ній, въ небреженіи „о самоперв'ѣйшемъ епархіи дѣлѣ“, въ томъ, что такимъ небреженіемъ духовныя лица „привели семинарію въ крайнее несостояніе, и дѣтей своихъ и сродниковъ отъ нихъ воспитываемыхъ отъ такого преполезнаго ученія отвлекли и въ тинѣ глубочайшаго неразумія и невѣденія свѣта ученія загрузили“ и проч., грозило штрафами и плательщикамъ, если впредь будутъ неисправны, и дух. управителямъ, если будутъ чинить послабленія при взыскѣ платежей. Не смотря на эти указы, недоимка продолжала возрастать въ грозной прогрессіи по всей епархіи. Тогда преосв. Платонъ учредилъ для взыска денегъ особую коммиссію изъ нѣсколькихъ духовныхъ лицъ г. Владиміра, нѣчто въ родѣ доимочной канцеляріи. Въ качествѣ ея органовъ по всѣмъ уѣздамъ разосланы были священники и даже пономари съ строгими инструкціями не дѣлать плательщикамъ никакихъ послабленій и съ страшными полномочіями ковать виновныхъ въ кандалы, кто бы они ни были, не только священниковъ, но и самихъ дух. управителей, и немедленно везти ихъ въ консисторію. Вся епархія пришла въ волненіе. Въ краснослободскомъ уѣздѣ не оказалось никакой возможности собрать недоимку. Разсыльщики донесли объ этомъ консисторіи съ присовокупленіемъ весьма выразительнаго мнѣнія, что такъ какъ де съ бѣднаго духовенства дѣйствительно взять нечего, то не благоугодно ли будетъ консисторіи дозволить въ уплату семинарскихъ денегъ описать домы оныхъ священниковъ. Нѣкоторые сельскіе священно-и-церковнослужители, еще издали заслышавъ о приближеніи сборщиковъ, оставляли дома и пускались бѣжать, куда глаза глядятъ. Консисторія указала привезти краснослободскихъ ослушниковъ во Владиміръ, а если они будутъ укрываться, то брать женъ и дѣтей ихъ. Послѣ этого указа одинъ изъ священниковъ, Петръ Нестеровъ, пришелъ въ такое отчаяніе, что когда сборщики явились къ его двору, „оный попъ ворота заперъ и на

дворъ не пускалъ и говорилъ: вы де напрасно пріѣхали, — хотя бы де цѣлая рота драгунъ прислана была, я бъ де и тѣхъ велѣлъ побить до смерти". Въ консисторіи ослушниковъ велѣно держать въ кандалахъ до тѣхъ поръ, пока они очистятъ недоимку. Но такъ какъ въ колодничей денегъ взять было неоткуда, а между тѣмъ приходы арестованныхъ священниковъ оставались безъ богослуженія, то консисторія потомъ догадалась посылать своихъ арестантовъ на нѣкотораго рода заработки, отпуская ихъ на недѣлю, на двѣ, чтобы, гдѣ хотѣли, добывали себѣ деньги въ уплату недоимки. Съ помощію такихъ крутыхъ мѣръ недоимка дѣйствительно стала было уменьшаться; но въ концѣ 1750-хъ и началѣ 1760-хъ годовъ снова пошла расти въ гору, потому что на архіерейской каѳедрѣ явился тогда другой менѣе энергичный архіерей, упомянутый уже нами грузинъ Антоній. Такъ, за ярополческимъ дух. правленіемъ въ 1749 г. она доходила до 301 р., въ 1751 г. уменьшилась до 255 р., но въ 1754 при архіереѣ Антоніи ея снова было 387 р., а въ 1761—397 р. съ копѣйками (1).

Описанные нами хлѣбные и денежные сборы на содержаніе семинаріи употреблялись также и на содержаніе нисшихъ епархіальныхъ школъ. Очень неудивительно, что послѣднія заводились въ небольшемъ числѣ и въ епархіяхъ болѣе обширныхъ и богатыхъ, потому что сборнаго хлѣба и денегъ въ большей части епархій едва хватало и на содержаніе одной епархіальной семинаріи. Когда въ извѣстномъ епархіальномъ округѣ открывалась нисшая школа, округъ этотъ естественно долженъ былъ взять ее на свое полное содержаніе и при этомъ уже освобождался отъ платежей на центральное училище; послѣднее чрезъ это должно было всегда терять болѣе или менѣе значительную и чувствительную для его благосостоянія

(1) Ист. владим. семин. стр. 21—28. 85.

долю содержанія. Такъ напр. распредѣлялись епархіальные сборы между училищами въ епархіи ростовской (1). смоленской (2) и нижегородской (по инструкціи Питирима юрьевской школѣ). Есть извѣстія, что епархіальныя начальства, радѣя о благосостояніи своихъ главныхъ школъ, даже вовсе иногда закрывали нижнія школы. Такъ объясняется упраздненіе угличской и ростовской школъ послѣ открытія ярославской семинаріи. Когда въ 1737 г. въ бѣлогородской епархіи открыты были нижнія школы въ Курскѣ и Старомъ Осколѣ, харьковскій коллегіумъ оказался этимъ недоволенъ и сталъ жаловаться на то, что средства его стали оскудѣвать, такъ какъ не весь хлѣбъ съ епархіи сталъ собираться въ его пользу. Вспомнимъ при этомъ, что коллегіумъ былъ тогда одной изъ самыхъ богатыхъ семинарій и что учрежденіе новыхъ школъ, какъ оно мотивировано въ указѣ преосв. Петра Смѣлича, было вызвано весьма уважительными нуждами духовенства отдаленныхъ отъ Харькова курскаго и старооскольскаго округовъ. Въ 1738 г. два учителя коллегіума подали жалобу, что за послѣднюю треть 1737 г. имъ вовсе не выдавали жалованья. На запросъ архіерея о причинѣ этого обстоятельства начальство коллегіума отвѣчало, что коллегіумъ оскудѣлъ въ своихъ средствахъ вслѣдствіе неполнаго полученія хлѣба съ епархіи, и просило собрать недоимку. Такія же жалобы о неуплатѣ жалованья повторились въ слѣдующемъ 1739 и 1740 году. Между тѣмъ духовенство при сборѣ неидоимки заявляло съ своей стороны, что многіе изъ среды его вовсе и не считаютъ себя обязанными платить сбора на коллегіумъ, такъ какъ дѣти ихъ съ 1737 г. учатся не въ коллегіумѣ, а въ курской школѣ; въ заявленіи этомъ

---

(1) Яросл. епарх. вѣдом. 1872 г. № 12, стр 94—95; № 13, стр. 109

(2) Опис. смол. епарх. стр. 193.

очевидно высказывалось желаніе, чтобы школьный сборъ былъ распредѣляемъ по училищнымъ округамъ. Епархіальное начальство, разумѣется, больше дорожило своимъ благоустроеннымъ коллегіумомъ, чѣмъ нисшими школами, и видя съ ихъ стороны подрывъ коллегіуму, въ 1741 г. рѣшилось уменьшить ихъ число соединеніемъ старооскольской школы съ курскою. Замѣчательно, что послѣ при имп. Екатеринѣ II духовенство само хлопотало о возстановленіи обѣихъ школъ въ отдѣльномъ видѣ (1).

За недостаткомъ извѣстій о низшихъ школахъ трудно впрочемъ сказать, многія ли изъ нихъ пользовались описанными сборами съ епархій. Такъ какъ онѣ обыкновенно помѣщались при монастыряхъ, то вѣроятно большая часть ихъ и содержалась отъ этихъ монастырей, тѣмъ болѣе, что онѣ требовали для своего содержанія очень немногихъ издержекъ. Учители получали въ нихъ ничтожное жалованье, а ученики большію частію были на своемъ собственномъ содержаніи. Другія школы, существовавшія при дух. правленіяхъ и церквахъ, могли быть устроены согласно указу 1740 г. о штатѣ новгородской семинаріи и устройствѣ нисшихъ школъ новгородской епархіи, на подобіе школъ старыхъ мастеровъ съ платою за ученіе, „почему за что до сего времени учителямъ ученики платили“.

Кромѣ хлѣбнаго (или замѣнявшаго его денежнаго) и штрафного сборовъ, составлявшихъ общіе источники содержанія духовныхъ школъ, по епархіямъ изобрѣтались разные другіе, частные, мѣстные способы улучшенія внѣшняго школьнаго быта, зависѣвшіе отъ степени усердія къ школьному образованію и личной изобрѣтательности того или другаго архіерея, отъ большаго или меньшаго богатства епархій и отъ др. мѣстныхъ и случайныхъ обстоятельствъ.

---

(1) Курск. епарх. вѣдом. 1873 г. № 17 и 18.

Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, по иниціативѣ архіереевъ-ревнителей образованія, назначались съ духовенства лишніе сборы сверхъ положенныхъ по Регламенту. Такъ, Иларіонъ Рогалевскій казанскій для увеличенія содержанія своей семинаріи (въ 1734 и 1735 гг.) распорядился собирать положенные Регламентомъ сборы со всей епархіи въ двойномъ количествѣ, вмѣсто 30-й доли хлѣбнаго приплода 15-ю, а вмѣсто 20-й 10-ю (1). Въ нижегородской епархіи въ 1750-хъ годахъ былъ установленъ совершенно новый сборъ, нигдѣ, кажется, еще несуществовавшій, сборъ съ отцевъ за обученіе ихъ сыновей въ семинаріи, по 7 руб. за каждаго сына въ годъ; платежъ этотъ впрочемъ производился неисправно, такъ какъ былъ слишкомъ тяжелъ для духовенства (2). Въ иркутской епархіи, за недостаткомъ хлѣбныхъ сборовъ, архіерей Иннокентій Неруновичъ въ свое время велѣлъ собирать на содержаніе школы деньги со всѣхъ дух. лицъ, какъ имѣющихъ дѣтей, такъ и бездѣтныхъ, по 50 к. въ годъ со священника, 30 съ дьякона и 10 съ причетниковъ (3). Въ смоленской наряду съ сборомъ хлѣба собирались еще прибавочныя деньги на отопленіе семинаріи; съ 242 церквей четырехъ уѣздовъ епархіи собиралось 7 р. 26 к. (4). Въ псковской сборъ этотъ производился натурой съ псково-градскихъ и уѣздныхъ церквей съ двороваго числа; количество сбора въ разные годы было неодинаково: въ 1759 г. 216 саженъ дровъ, въ 1760 — 266½, въ 1761 — 243 (5). Въ нѣкоторыхъ другихъ епархіяхъ дрова получались изъ монастырскихъ лѣс-

(1) Казанск. семинарія въ первое время существованія. въ Прав. Соб. 1868 г. кн. 8.

(2) Ист. нижегор. семинаріи, стр. 5. Сборъ этотъ впрочемъ производился едвали не за содержаніе учениковъ въ семинаріи.

(3) Ирк. епарх. вѣдом. 1870 г. № 49, стр. 583.

(4) Опис. смоленск. епархіи, стр. 187.

(5) Ист. псковск. семин. стр. 42—44.

ныхъ дачъ или, какъ въ вятской, отпускались изъ архіерейскаго дома. Но сборъ этотъ все-таки былъ не повсемѣстный; гдѣ его не было, тамъ семинаріи, какъ напр. воронежская, должны были для своего отопленія покупать дрова изъ денегъ, собранныхъ съ церквей на содержаніе учениковъ или вырученныхъ отъ продажи остаточнаго сборнаго хлѣба. Семинаріи вѣроятно не мало получали отъ монастырей и разныхъ другихъ припасовъ путемъ пожертвованій.

Пожертвованія были одной изъ важныхъ статей неокладныхъ, случайныхъ доходовъ дух. школъ, особенно пожертвованія архіерейскія, отъ которыхъ, можно сказать, существеннымъ образомъ зависѣло благосостояніе духовно-учебныхъ заведеній. Они были самыя разнообразныя,—деньгами, припасами изъ архіерейскаго дома, книгами для семинарскихъ библіотекъ, жалованьемъ учителямъ и проч. Мы знаемъ наприм., что Ѳеофанъ Прокоповичъ содержалъ при своемъ петербургскомъ домѣ на Карповкѣ цѣлую семинарію. Его преемникъ по каѳедрѣ Амвросій Юшкевичъ былъ незабвеннымъ благодѣтелемъ для своей новогородской семинаріи, отпускалъ на ея нужды потребныя суммы изъ неокладныхъ доходовъ своего архіерейскаго дома, самъ на своемъ коштѣ содержалъ нѣкоторое число учениковъ, оставилъ въ ея пользу свою богатую библіотеку и наконецъ въ свидѣтельство своей любви къ устроенному имъ заведенію самого себя завѣщалъ погребсти не въ св. Софіи, гдѣ искони погребались тѣла новогородскихъ владыкъ, а на паперти соборной церкви училищнаго Антонова монастыря (1). Смоленская семинарія обязана была своимъ устроеніемъ и процвѣтаніемъ попеченіямъ и щедротамъ преосв. Гедеона Вишневскаго, по имени котораго она и величалась Wiszniowianum collegium, какъ кіевская коллегія величалась нѣкогда Могилянскою и Заборовскою по имени своихъ благодѣтелей

(1) Ист. росс. іер. I, 605 и 607.

кіевскихъ архипастырей (1). Архангельскій епископъ Германъ принялъ на счетъ своего архіерейскаго дома все содержаніе архангельской семинаріи. Тоже самое почти сдѣлалъ св. Иннокентій иркутскій, епархія котораго въ его время рѣшительно не могла содержать семинаріи на свои собственныя средства безъ щедрой помощи своего безкорыстнаго архипастыря. Нижегородскій епископъ Іоаннъ оставилъ послѣ своей кончины 300 р. на устройство семинарскихъ зданій; кромѣ того при немъ и при его преемникѣ Дмитріѣ Сѣченовѣ отчислялись въ пользу семинаріи деньги, собиравшіяся съ ставленниковъ (2). Не перечисляя всѣхъ именъ преосвященныхъ благотворителей нашихъ дух. школъ, замѣтимъ вообще, что каждая семинарія непремѣнно можетъ указать въ своей прошлой исторіи по одному и болѣе такихъ священныхъ для нея именъ. Кромѣ того архіереи располагали къ пожертвованіямъ на духовныя школы духовенство своей епархіи, монастыри и даже свѣтскихъ лицъ. Такъ наприм. въ Астрахани, при открытіи латинской школы, купечество астраханское обѣщалось давать отъ себя жалованье учителю школы въ размѣрѣ 100 р. въ годъ, кромѣ того по 15 четв. хлѣба и по 10 саж. дровъ (3). На счетъ донскаго войска одно время, какъ мы видѣли, содержалось училище черкасское. Не мало пожертвованій получали отъ свѣтскихъ лицъ южно-русскія духовно-учебныя заведенія, кіевская академія, черниговскій и особенно харьковскій коллегіумы.

Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, какъ-то владимірской и нижегородской, для улучшенія содержанія учениковъ были отводимы земли подъ семинарскіе огороды

---

(1) Опис смоленск епархіи, стр. 185

(2) Ист. нижегор. іерарх. 107. 118—120. Ист. нижегор. семинар. стр. 6.

(3) Ист. росс. іер. I, 431.

и подъ покосы, на которыхъ ученики сами же и работали (1). Нѣкоторыя семинаріи, имѣвшія свои дома и домовыя мѣста, получали доходы отъ отдаточныхъ въ наемъ помѣщеній подъ лавки, склады товаровъ и т. п. Наприм. казанская семинарія въ 1730-хъ гг. получала такихъ денегъ до 16 р. въ годъ и больше. Еще болѣе обильный источникъ содержанія для семинарій составляли приписывавшіеся къ нимъ по мѣстамъ доходы съ монастырскихъ вотчинъ и самыя вотчины. Такъ, смоленская семинарія ежегодно получала 133 р. 13 к. изъ вотчинныхъ доходовъ Авраамьевскаго монастыря (2). Сильвестръ казанскій приписалъ къ своей семинаріи вотчины двухъ упраздненныхъ монастырей, осинскаго и сарапульскаго, монахи которыхъ по своей малочисленности переведены были въ уфимскій монастырь; за тѣмъ и другимъ монастыремъ считалось 114 дворовъ или 549 крестьянскихъ душъ муж. пола, съ которыхъ оброчныхъ денегъ собиралось 203 р. 46 к. Преемникъ Сильвестра Иларіонъ Рогалевскій приписалъ къ семинаріи новыя вотчины отъ болѣе достаточныхъ казанскихъ монастырей, Спасскаго, Ѳедоровскаго и Раиѳскаго, отъ первыхъ двухъ по одной деревнѣ, отъ послѣдняго село Тихія Горы. Кромѣ денегъ съ этихъ вотчинъ собирались на содержаніе учителей и учениковъ разные припасы, хлѣбъ, крупы, масло, мясо, рыба, соль и проч. Сборъ оброчныхъ денегъ съ прежде приписанныхъ вотчинъ увеличенъ былъ вдвое. Семинарія впрочемъ не долго пользовалась этимъ обильнымъ источникомъ содержанія, потому что при слѣдующемъ архіереѣ Гавріилѣ, по челобитью монастырей, вотчины были снова отъ нея отписаны и возвращены своимъ владѣльцамъ (3).

---

(1) Ист. владим. семин. 49. Ист. нижегор. сем. 6.

(2) Опис. смол. епарх. 187.

(3) Казанск. семинарія... въ Прав. Собесѣдн. 1868 г. кн. 8.

Своихъ собственныхъ вотчинъ у семинарій не было, за исключеніемъ, кажется, одного только харьковскаго коллегіума, богато одареннаго своими щедрыми благодѣтелями, преосв. Епифаніемъ, княземъ М. М. Голицынымъ и разными харьковскими обывателями. Въ самомъ городѣ ему принадлежало болѣе 30 дворовыхъ мѣстъ, съ разными постройками, садами, огородами, дивадами, постоялыми дворами, питейными домами, пивоварнями и др. заведеніями и угодьями. Лучшія угодья въ окрестностяхъ Харькова тоже принадлежали коллегіуму. Владѣнія его были въ уѣздахъ харьковскомъ, валковскомъ, зміевскомъ, изюмскомъ, грайворонскомъ и въ курской губерніи. Всего съ 1730 до 1798 г. насчитывалось за нимъ: 3076 десятинъ пашни, сѣнокоса и лѣса, съ 650 приписныхъ черкасовъ, 50 мельницъ, 3 винокуренныхъ завода, скотные дворы, сады и проч. Сюда принадлежали: деревня Рубанова — даръ вдовы эсаула Рубанова, слобода Пѣсочки и Замосскій кустъ—даръ М. М. Голицына, хутора: Клочки, Липецкій, Немышенскій, Даниловскій, Шаповаловскій, Череватый, пустоши: Уставникова, Куленговская, Гринцевъ рогъ, и деревня Гуки. Владѣнія эти были увеличены еще преосв. Епифаніемъ, который приписалъ къ коллегіуму три пустыни (Озарянскую, Аркадіевскую и Чугуевскую), долго впрочемъ оспаривавшіяся у него ахтырскимъ архіерейскимъ домомъ; они были утверждены за коллегіумомъ и училищнымъ монастыремъ въ 1740-хъ годахъ указами св. Синода (1). Кромѣ того въ 1740 г. ему же предоставлены были доходы (до 600 р.) отъ Каплуновской иконы Богоматери, собиравшіяся доселѣ на бѣлгородскія школы (2).

Представленный обзоръ источниковъ содержанія дух. школъ, какъ общихъ, такъ и частныхъ, вполнѣ

(1) Очеркъ ист. харьк. колл. въ Дух. Бесѣдѣ 1863 г. № 23.

(2) Странникъ 1860 г. кн. 8, стр. 138.

оправдываетъ отзывъ комитета объ усовершенствованіи дух. училищъ 1808 г., что всѣ способы этого содержанія, „сами по себѣ неопредѣлительные, по количеству домовыхъ вотчинъ весьма различные и отъ единаго личнаго усмотрѣнія зависящіе, при ежегодномъ приращеніи числа учащихся, не могли быть ни прочны, ни достаточны". Чтобы ясно и точно судить о степени матеріальнаго благосостоянія нашихъ духовно-учебныхъ заведеній, для этого, разумѣется, всего нужнѣе было бы опредѣлить общія цифры ихъ приходовъ и расходовъ; но при томъ чрезвычайномъ разнообразіи, какое существовало въ этомъ отношеніи въ разныхъ епархіяхъ, при полномъ отсутствіи даже мѣстныхъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ и постоянныхъ окладовъ на школы и крайне неравномѣрномъ распредѣленіи между ними всякаго рода матеріальныхъ средствъ, зависѣвшемъ отъ разныхъ мѣстныхъ и случайныхъ условій, сдѣлать этого положительно невозможно. Однѣ семинаріи имѣли средства достаточныя, другія крайне плохія, съ которыми едва-едва тянули свое жалкое существованіе; даже въ одной и той же школѣ одинъ годъ не походилъ по доходамъ на другой. При весьма сильномъ колебаніи цифры школьныхъ доходовъ нужно еще обратить вниманіе на такое же почти колебаніе цифры учениковъ, требовавшихъ расходовъ на свое содержаніе.

Въ началѣ существованія духовныхъ школъ ученики почти вездѣ содержались на счетъ самихъ школъ; это было довольно удобно тогда вслѣдствіе небольшаго еще числа школьниковъ, а съ другой стороны даже и необходимо, чтобы родители, мало еще расположенные къ обученію своихъ дѣтей въ школѣ, не имѣли причины отговориться отъ того своею бѣдностію, невозможностію содержать ихъ въ школѣ, какъ объ этомъ прямо говоритъ Регламентъ, предписывая архіереямъ учить и кормить учениковъ въ школѣ „туне". Потомъ чѣмъ болѣе образованіе распространялось

среди духовенства и чѣмъ болѣе семинаріи стали наполняться учащимися, тѣмъ болѣе такое содержаніе ихъ туне стало дѣлаться стѣснительнымъ и даже невозможнымъ. Тогда все чаще и чаще стали прибѣгать къ другому правилу Регламента, въ которомъ говорилось: „семинаристы (воспитывающіеся на готовомъ содержаніи) едины будутъ люди убогіе, а другіе богатыхъ людей дѣти должны будутъ платить за кормъ и одѣяніе“, или, что тоже, содержаться на собственный коштъ. Въ менѣе обезпеченныхъ и болѣе многолюдныхъ семинаріяхъ ученики поэтому стали раздѣляться на казеннокоштныхъ или бурсаковъ и своекоштныхъ; къ этимъ двумъ разрядамъ присоединялся еще третій—полубурсаковъ, которые пользовались отъ семинаріи помѣщеніемъ, а пищу и одежду имѣли собственную, или получали отъ нихъ и помѣщеніе и пищу, а свою имѣли только одежду.

Число получавшихъ полное содержаніе отъ семинаріи было всегда значительно и въ общемъ счетѣ всѣхъ учащихся едвали не превышало числа своекоштныхъ даже и подъ конецъ описываемаго времени. Правда, въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ сравнительно съ своекоштными ихъ было немного: такъ, въ смоленской семинаріи на казенномъ содержаніи считалось до 75 учениковъ, тогда какъ общее число простиралось далеко за 200; въ псковской, имѣвшей тоже свыше 200 учащихся, въ 1743 г. казеннокоштныхъ было 224, потомъ за недостачей хлѣба оставлено было только 23, въ 1745 г. число ихъ снова увеличено до 139 человѣкъ; въ переяславской семинаріи изъ 90 слишкомъ учащихся въ 1753 г. было 30 казеннокоштныхъ, а съ 1755 г. 50—60 человѣкъ. Но за то во многихъ другихъ семинаріяхъ учащіеся всѣ состояли на казенномъ содержаніи. Такъ было въ троицкой семинаріи, содержавшей на счетъ лавры всѣхъ своихъ учениковъ (до 100 человѣкъ), за исключеніемъ пріѣзжихъ изъ другихъ епархій, за содержаніе которыхъ

въ семинарскую казну вносились деньги отъ присылавшихъ ихъ начальствъ. Въ невской семинаріи ученики (до 70 человѣкъ) тоже содержались отъ монастыря и пищей и одеждой, исключая небольшаго числа священно-служительскихъ дѣтей, которыя получали отъ монастыря только пищу, а одежду имѣли отъ отцевъ. Такимъ образомъ содержались ученики въ семинаріяхъ вологодской (60—80 человѣкъ), костромской (до 1763 г.), казанской (200—300 человѣкъ), вятской и др. Число казеннокоштныхъ учениковъ вообще опредѣлялось количествомъ сборовъ съ епархіи и было такъ же непостоянно, какъ непостоянно было послѣднее. Въ случаѣ оскудѣнія сборовъ или увеличенія числа нуждающихся въ семинарскомъ содержаніи консисторія или семинарская контора дѣлали въ началѣ года докладъ архіерею, что въ предстоящемъ учебномъ году неизбѣжно имѣетъ быть въ прокормленіи учениковъ недостача, и представляли смѣту, сколько учениковъ дѣйствительно можно прокормить по принятому положенію на наличныя средства. Архіерей утверждалъ предположенное число казеннокоштныхъ учениковъ, причемъ стараясь включить въ него болѣе нуждавшихся и болѣе способныхъ духовныхъ дѣтей, остальныхъ отчислялъ на коштъ ихъ отцевъ, оставляя ихъ при семинаріи же или отсылая по домамъ съ обязательствомъ обучиться тамъ извѣстнымъ предметамъ (чтенію, письму, пѣнію, краткому катихизису) къ назначенному сроку. Вслѣдствіе общей бѣдности духовенства и малаго еще сочувствія его къ школамъ казенное содержаніе учениковъ въ школѣ до того было распространено по епархіямъ и до того считалось необходимымъ, что уменьшеніе числа казеннокоштныхъ учениковъ въ семинаріяхъ большею частію было тожественно съ уменьшеніемъ вообще числа учащихся. Епархіальныя и семинарскія начальства отъ этого постоянно ставились въ необходимость держать въ своихъ заведеніяхъ гораздо большее число бурсаковъ, чѣмъ требовалось по смѣтѣ доходовъ,

хотя бы для этого нужно было значительно ухудшить ихъ содержаніе, лишь бы только вовсе не лишать ихъ школьнаго обученія.

Въ образчикъ того, какъ устроивалось содержаніе учениковъ, приведемъ нѣкоторыя данныя изъ исторіи воронежской семинаріи. Послѣ открытія ея и перваго сбора съ епархіи какъ учениковъ, такъ и хлѣба на ихъ содержаніе, въ началѣ 1746 г., учитель Стасіевичъ подалъ архіерею доношеніе, что все готово къ начатію ученія, и просилъ распоряженія о назначеніи ученикамъ въ силу Д. Регламента пропитанія и о выдачѣ свѣчъ, бумаги и прочаго, что въ семинаріи можетъ быть потребно. Консисторія съ своей стороны, учинивъ справки о числѣ собранныхъ учениковъ (до 130 человѣкъ) и количествѣ хлѣба, донесла, что послѣдняго за 1745 г. собрано 291 четверть и 6½ четвериковъ, да столько же ожидается за 1746 г., а въ будущіе годы можетъ быть его и менѣе, что „того ради для спервозаведенія семинаріи надлежитъ быть въ славено-латинской школѣ по числу собраннаго хлѣба въ нынѣшнемъ 1746 г. 30-ти, а по крайней мѣрѣ 40 человѣкамъ, ибо на толикое число, сколько нынѣ при домѣ вашего преосв—ва въ семинаріи находится, и на иныя нужды собраннаго хлѣба къ удовольствію и на одинъ нынѣшній годъ не достанетъ, и за тѣмъ въ хлѣбѣ недостаточествомъ не могло бы ученикамъ въ удовольствіи послѣдовать нужды, а когда хлѣба впредь по описямъ болѣе нынѣшняго явится, тогда въ силу Д. Регламента, по числу собраннаго хлѣба, учениковъ, которые россійской грамотѣ выучились, прибавлять къ лучшему способу будетъ удобнѣе“. Епархіальное начальство не приняло на себя рѣшенія такого щекотливаго вопроса, потому что знало, какъ на верху сердятся каждый разъ, когда услышатъ объ уменьшеніи числа учащихся по епархіямъ, и порѣшило на всякій случай спроситься св. Синода, которому и послало доношеніе, что за убожествомъ монастырей и недоста-

точествомъ сборнаго хлѣба всѣхъ наличныхъ въ семинаріи учениковъ пропитать будетъ нельзя. Дѣло это затянулось на полтора года, и въ теченіи всего этого времени хлѣбъ расходовался въ такомъ маломъ количествѣ, что къ 1747 г. его еще осталось до 300 четвертей, — вѣроятно имъ кормили только самыхъ нуждавшихся учениковъ. Наконецъ уже въ іюлѣ 1747 г. пришелъ изъ Синода указъ, которымъ, согласно съ Д. Регламентомъ, разрѣшалось содержать на казенный счетъ лишь однихъ бѣдныхъ учениковъ, а дѣтей достаточныхъ отцевъ оставить на коштѣ оныхъ ихъ отцевъ. Послѣ этого пошелъ разборъ, кто изъ отцевъ бѣденъ, кто достаточенъ: по всѣмъ дух. управителямъ, старостамъ поповскимъ и заказчикамъ посланы изъ консисторіи указы, чтобы они собрали о томъ свѣдѣнія—каждый въ своемъ округѣ. На основаніи этихъ справокъ и разсчета о расходѣ семинарскаго хлѣба казеннокоштныхъ учениковъ оставлено до 35 и прокормленіе ихъ затѣмъ пошло обычнымъ порядкомъ. Замѣчательно, что въ 1748 и 1749 г. больше этого числа и не было учащихся въ семинаріи, стало быть на своемъ коштѣ никто не учился.—По приходо-расходнымъ книгамъ разныхъ годовъ въ той же семинаріи можно видѣть самое количество расходовъ на учениковъ, что можетъ опредѣлить и качество ихъ содержанія. Такъ въ 1748 г. на 35 человѣкъ израсходовано было 56 чтвт. 4 чк. ржаной муки, 4 чт. 3½ чк. пшеничной, 6 чт. 2 чк. пшена и 3 чт. крупъ. Въ 1751 г. на 24 ученика издержано 82 чт. 2 чк. ржаной, 1 чт. 1 чк. пшеничной муки, 4 чт. 2 чк. пшена, 7 чт. 3 чк. гречневыхъ крупъ; стало быть, пшеничная мука и пшено сначала употреблялись чаще, чѣмъ въ этомъ году, когда главный расходъ падалъ на рожь и гречу. За 1749 г. находимъ запись расхода на деньги, вырученныя отъ продажи хлѣба и отъ штрафовъ. Всѣхъ денегъ числилось въ приходѣ 100 р. 6½ коп.; изъ нихъ для 35 учениковъ дѣлались расходы на покупку мяса и рыбы (5—10 коп. въ день на всѣхъ),

масла, капусты, сала, свѣчъ, дровъ, четырехъ чашекъ и красныхъ ложекъ, и на все это израсходовано за цѣлый годъ 51 р. 88 к. Въ слѣдующемъ году на 29 человѣкъ издержано 140 р. 65½ к., но въ это число вошли крупные расходы по производившейся тогда постройкѣ для семинаріи новаго помѣщенія (1).

Само собой впрочемъ понятно, что количество выдаваемыхъ ученикамъ припасовъ и денежныхъ на нихъ расходовъ въ разныхъ семинаріяхъ было чрезвычайно разнообразно. Самымъ богатымъ содержаніемъ, которое можно считать за maximum, пользовались троицкіе семинаристы, жившіе богаче даже московскихъ академиковъ. Ученикамъ первыхъ 4-хъ школъ или классовъ выдавалось по фунту въ день мяса, а прочихъ классовъ по ½ фунта, чего не бывало ни въ одной семинаріи; въ постные дни имъ давали соотвѣтственное количество рыбы, а по праздникамъ пироги братскіе, семгу, зернистую икру, иногда даже пиво и медъ (въ 1757 г. наприм. израсходовано на нихъ 214 ведеръ пива и 6 меду). Общій расходъ на ихъ содержаніе (на 80—90 человѣкъ) лавра считала въ 1429 р. (2). Въ троицкой семинаріи до открытія семинаріи въ переяславльскомъ Даниловомъ монастырѣ каждый годъ училось по нѣсколько учениковъ изъ переяславльской епархіи, которая вносила за нихъ деньги по разсчету содержанія лаврскихъ семинаристовъ, но въ 1752 г. переяславльская консисторія объявила себя не въ состояніи нести за своихъ учениковъ такой большой расходъ и просила содержать ихъ побѣднѣе: повседневныя мясо, рыбу и пироги отмѣнить, а давать имъ по вся дни хлѣбъ, шти, кашу гречневую съ масломъ, рыбу же, мясо и пироги производить только по праздникамъ и брать за содер-

---

(1) См. Истор. ворон. семин. въ Ворон. епарх. вѣдом. за 1867 и 1868 гг.

(2) Ист. троицк. семин. 23—24.

жаніе каждаго ученика въ годъ по 8 рублей. Лавра на это согласилась (1). Надобно замѣтить при этомъ, что когда въ переяславльской епархіи заведена была своя семинарія, содержаніе семинаристовъ тоже было весьма достаточное, едва ли не лучше, чѣмъ во всѣхъ епархіальныхъ семинаріяхъ. На каждаго ученика, на пищу, одежду и учебныя принадлежности, въ годъ причиталось до 10 р. 13 к. Припасы выдавались довольно обильно: по 3 ф. хлѣба, по ½ и болѣе фунт. мяса или въ посты соотвѣтствующее количество рыбы (бѣлужины и снятковъ) въ день на человѣка, 3 ф. масла на 60 человѣкъ тоже въ день, 4 гарнца крупъ на кашу и т. д. (2). Изъ другихъ епархіальныхъ семинарій, какъ наиболѣе роскошную въ этомъ отношеніи, можно указать еще на семинарію казанскую, въ которой на содержаніе учениковъ въ числѣ 120 шло ежегодно 1281 чт. ржаной и 50 пшеничной муки, 92 чт. разныхъ крупъ (гречи, проса, полбы), 15 пуд. скоромнаго и 30 ведеръ постнаго масла, 400 пуд. говядины и 300 свинины, 50 пуд. рыбы и т. д.; цифры эти относятся впрочемъ къ періоду самыхъ усиленныхъ сборовъ на нее по епархіи при Иларіонѣ Рогалевскомъ; поддерживалось ли подобное содержаніе семинаристовъ въ послѣдующее время, при Лукѣ Конашевичѣ и Гавріилѣ Кременецкомъ, когда число учениковъ доходило до 200—300, за это ручаться нельзя, хотя семинарія и послѣ слыла одной изъ наиболѣе богатыхъ (3). Затѣмъ большинство остальныхъ дух. школъ по епархіямъ обставлено было самымъ нищенскимъ образомъ.

Ржаной хлѣбъ и квасъ были почти повсюду основными принадлежностями семинарскаго стола; пироги и булки являлись, какъ рѣдкость; еще рѣже

---

(1) Ист. троицк. семин. стр. 32—33.

(2) Владим. епарх. вѣд. 1866 г. № 23, стр. 1304—1305.

(3) Каз. семин. въ Прав. Соб. 1868 г. кн. 8.

выдавались мясо и рыба, — эти припасы покупались вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими рѣдкостями, напр. масломъ, особо на счетъ экономическихъ сбереженій и считались праздничными харчевыми статьями. Такъ, въ вологодской семинаріи пшеничной муки въ 1746 г. расходовано было не болѣе ¼ пуда на человѣка; на покупку мяса и рыбы для 80 или около того человѣкъ издержано во весь годъ до 3 р. 75 к. всего на всего. Въ другіе годы этотъ расходъ впрочемъ нѣсколько увеличивался; — самый большой былъ въ 1738 г., когда для 29 человѣкъ куплено было мяса на 6 р. 99 к. и рыбы на 8 р. 49 к. Но и весь вообще денежный расходъ по семинаріи былъ не великъ, простирался наприм. въ 1750 г. до 122 р., въ 1751 до 211, въ 1752 до 167, въ 1753 до 197 р., притомъ же вмѣстѣ съ жалованьемъ служащимъ при семинаріи, которое простиралось до 55 р. въ годъ (1). Въ псковской семинаріи въ 1745 г. составлено было общее положеніе о содержаніи семинаристовъ, въ основѣ котораго видимъ исключительно хлѣбныя дачи: риторамъ (ученикамъ высшаго тогда класса) въ день положено выдавать по 6 ф. хлѣба, піитамъ по 5, синтаксистамъ по 4, тоже грамматистамъ и инфимистамъ, ученикамъ фары по 3, славено-россійской школы по 2 ф.; прежде выдавалось меньше. Денежныхъ расходовъ на семинарію (при 150 и болѣе казеннокоштныхъ ученикахъ) было почти столько же, какъ въ Вологдѣ: въ 1759 г. 80 р. 66½ к., въ 1760—117 р. 77 к., въ 1761—216 р. 67 к. (2). Мы приводимъ примѣры еще далеко нескуднаго содержанія учениковъ; были оклады гораздо бѣднѣе. Въ смоленской напр. семинаріи на каждаго ученика въ годъ приходилось не болѣе 1 четв. хлѣба и до 2 р. де-

---

(1) Волог. еп. вѣд. 1863 г. № 10, стр. 382—384, 387; № 9, стр. 301—302.

(2) Ист. псковск. сем. въ Чтен. 1866 г. стр. 40—44.

негъ на все (1). Въ ростовской епархіи въ 1740 г. на дачу ученикамъ положено было производить по 2 четверика ржи, да вмѣсто крупъ овса по два гарнца въ мѣсяцъ (2). Во владимірской семинаріи въ началѣ 1760-хъ гг., какъ мы видѣли выше, ученики получали всего только по ½ ф. хлѣба на день; остальное содержаніе было также скудно, такъ что ректоръ Амвросій изъ жалости къ голодавшимъ бурсакамъ иногда на свой счетъ кормилъ ихъ пирогами; бывали также подачки отъ учителей (3).

Изъ жалобы владимірскихъ семинаристовъ 1762 г. мы знаемъ, что скудость ихъ много зависѣла отъ дурной и недобросовѣстной экономіи; но и при самой строгой экономіи, даже при всевозможномъ сокращеніи числа казеннокоштныхъ учениковъ попытки къ улучшенію ихъ содержанія въ большей части епархій имѣли болѣе, чѣмъ скромные результаты: возможность потѣшить учениковъ по праздникамъ „харчевыми статьями“ составляла уже нѣчто въ родѣ идеала. Въ вятской семинаріи послѣ перевода ея въ богатый Трифоновъ монастырь харчевыя статьи по праздникамъ были предписаны даже архіерейскимъ указомъ, но послѣ четырехлѣтняго опыта и послѣ сокращенія числа учениковъ съ 400 на 200 исполненіе этого указа оказалось совершенно невозможнымъ: „ученики, по словамъ преосв. Антонія Илляшевича, и за толикимъ оныхъ числомъ, не токмо нижнихъ школъ, но и риторическіе студенты питались токмо единымъ хлѣбомъ, а харчевыхъ припасовъ... на праздничные дни ничего не получали, и затѣмъ, какъ въ препитаніи, такъ и въ школьныхъ потребахъ несли крайнюю нужду“. Вслѣдствіе этого, разсуждая по Регламенту, „яко не подобаетъ академіи хвалитися

(1) Описан. смол. епарх. стр. 188.

(2) Яросл. епарх. вѣд. 1872 г. № 12, стр. 95.

(3) Ист. влад. семин. стр. 48.

тѣмъ, что много учениковъ имѣетъ", преосв. Антоній въ 1748 г. порѣшилъ сократить ихъ число еще на половину, оставивъ въ семинаріи не болѣе 95; кромѣ того ввелъ въ семинаріи подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ такую строгую экономію, что она многимъ казалась даже скупостью, и усилилъ въ пользу семинаристовъ сборъ штрафныхъ денегъ. Результатомъ всѣхъ этихъ мѣръ и заботъ его было то, что къ хлѣбу, квасу и толокну, получаемымъ отъ монастыря, въ продовольствіи студентовъ прибавилась солонина, а въ праздники свѣжее мясо и каша съ коровьимъ масломъ, въ постные дни горохъ и капуста, а въ праздники рыба, когда впрочемъ была не дорога въ продажѣ (1).

Вслѣдствіе скудости и крайней простоты семинарскихъ дачъ въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ не были устроены даже общія трапезы. Варить и жарить было нечего, а хлѣбъ можно было безъ хлопотъ раздавать ученикамъ по рукамъ; и то было хорошо, что его выдавали не мукой, а почти вездѣ уже въ испеченномъ видѣ. Дачи эти производились извѣстными порціями помѣсячно и понедѣльно, если выдавались мукой, или въ формѣ готовыхъ ломтей хлѣба поденно, съ прибавкой иногда небольшаго количества крупъ на кашу. Хлѣбныя, въ которыхъ приготовлялся и раздавался ученикамъ хлѣбъ, находились обыкновенно при самихъ училищахъ или при монастыряхъ, гдѣ послѣднія помѣщались (2). Въ 1744 г. вятскій епископъ Варлаамъ предписалъ Трифонову монастырю, чтобы въ пищу вятскимъ студентамъ хлѣбъ выдавался уже печеный, къ тому жъ квасъ, толокно, капуста для щей и крупа для каши (3). Ученики русской

(1) Вятск. еп. вѣд. 1868 г. № 12, стр. 200—203.

(2) О способ. содерж. д. училищъ въ Странникѣ 1860 г. сент. стр. 187.

(3) Вятск. епарх. вѣд. 1868 г. № 12, стр. 200.

школы при московской академіи получали хлѣбныя дачи изъ хлѣбной при синодальномъ домѣ; другіе студенты академіи получали себѣ содержаніе деньгами посуточно, философы и богословы по 4 к., низшихъ классовъ студенты по 3 (1). Понятно, какъ должны были бѣдствовать при такой системѣ содержанія ученики, поставленные въ необходимость при полученіи своихъ скудныхъ окладовъ аккуратнѣйшимъ образомъ разсчитывать, сколько изъ нихъ проѣсть и сколько оставить на удовлетвореніе другихъ потребностей. Вотъ наприм. что писалъ о своемъ пребываніи въ московской академіи знаменитый Ломоносовъ (въ письмѣ къ Шувалову): „занимаясь въ спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія. Съ одной стороны отецъ, съ другой несказанная бѣдность; имѣя одинъ алтынъ жалованья въ день, нельзя было употреблять на пропитаніе въ день болѣе, какъ денежку на хлѣбъ и денежку на квасъ, а прочее на бумагу, на обувь и другія нужды". Между тѣмъ оклады на учениковъ академіи считались еще высокими; мы видѣли, что м. Антоній тобольскій просилъ для своей семинаріи только половины академическихъ окладовъ. Замѣчательно, что раздача хлѣбныхъ порцій по рукамъ существовала даже въ новгородской семинаріи, въ штатномъ положеніи которой 1740 года прямо было предписано устроить для семинаристовъ общую трапезу, а на руки ни денегъ, ни хлѣба не давать. Святитель Тихонъ воронежскій, учившійся тамъ на казенномъ содержаніи, такъ разсказывалъ послѣ о своемъ житьѣ: „терпѣлъ великую нужду по недостатку къ содержанію себя; и такъ бывало, когда получу казенный хлѣбъ, то изъ онаго половину оставлю для продовольствія себя, а другую продамъ и куплю свѣчу; съ нею сяду за печку и читаю книгу. Но бога-

(1) Ист. моск. акад. стр. 99.

тыхъ отцевъ дѣти, соученики мои, играютъ, или найдутъ лапти и учнутъ надо мною смѣяться и оными махать на меня, говоря: величаемъ тя" (1).

На одежду ученикамъ семинарскихъ средствъ хватало еще менѣе, чѣмъ на пищу. Въ штатѣ новгородской семинаріи 1740 г. находимъ полное перечисленіе разныхъ принадлежностей этой одежды; вотъ что должно было по нему составлять „мундиръ" семинариста: шляпа, кафтанъ сермяжнаго сукна, кафтанъ сукна васильковаго русскаго и такой же сукна иностраннаго, штаны толстаго суроваго сукна и другія замшенныя, красная суконная шапка на овчинѣ съ чернымъ околышемъ, галстуки черный фланелевый и бѣлый полотняный, двѣ пары бѣлья, двѣ же пары башмаковъ съ пряжками и чулковъ. Но подобнаго достоинства мундиръ былъ едвали возможенъ для какой нибудь другой семинаріи, кромѣ развѣ еще невской и троицкой. Мы видѣли, какъ богатая Троицкая лавра кормила своихъ школяровъ; на одежду ихъ она тоже была не скупа. Сначала, когда семинарія только лишь открылась и наѣхали въ нее чуть не голые ребята, изъ которыхъ многіе „и рубашки не имѣли", лавра одѣла ихъ пока кое чѣмъ изъ своей рухлядной палаты; потомъ въ 1743 г. введенъ былъ для всѣхъ однообразный мундиръ, по примѣру обрѣтающатося въ Невскомъ монастырѣ; для праздниковъ и парадовъ положено выдавать: суконные васильковые кафтаны на стамедовой или крашенинной подкладкѣ, обложенные галусомъ, съ мѣдными пуговицами и красными обшлагами, подъ кафтаны красные камзолы тоже съ галусомъ и галстуки изъ тонкаго холста,—для обыкновеннаго употребленія сермяжные кафтаны и холстовое нижнее платье, нѣмецкіе сапоги по двѣ пары и бѣлые русскіе чулки, на голову кожаную шапку, а для зимы теплую шапку, ов-

(1) Записки Чеботарева въ Прав. Обозр. 1861 г. т. V, стр. 304—305.

чинный тулупъ и рукавицы. Въ 1758—1761 гг. богословамъ и философамъ шили суконныя епанчи, лазоревые казакины и замшевые штаны, а прочимъ ученикамъ казакины и штаны смураго сукна; на зиму богословамъ и философамъ выдавались тулупы крытые сукномъ и шапки лисьи, а прочимъ тулупы нагольные и шапки кожаныя (1). Въ другихъ семинаріяхъ даже наиболѣе щедрыхъ на содержаніе учениковъ, на одежду имъ употреблялось больше сермяжное сукно и овчины. Въ костромской семинаріи вся одежда бурсака цѣнилась въ 5 р. и состояла изъ сермяжнаго кафтана, бараньей шубы, рукавицъ съ варегами и сапоговъ (2), въ переяславской тоже съ прибавленіемъ на зиму выхухлевой шапки и еще бѣлья двухъ паръ (3). Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, на прим. въ вологодской, и сапоги существовали только для праздничнаго употребленія, а въ обычное время ученики ходили въ котахъ (по 3 коп. за пару) (4). Одежда считалась вообще дорогой статьей и выдавалась только самымъ бѣднымъ юношамъ, которымъ уже рѣшительно нечѣмъ было прикрыться, а въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ даже вовсе не выдавалась (5). Семинарскій классъ поэтому почти вездѣ представлялъ изъ себя собраніе людей, одѣтыхъ во всевозможныя отрепья разнообразнѣйшихъ матерій, цвѣтовъ и покроевъ, и обутыхъ, кто въ сапоги, кто въ коты, кто просто въ лапти. Для бѣдныхъ учениковъ, въ родѣ святителя Тихона въ его молодости, и послѣдняя обувь была непосильной роскошью, такъ что они старались обходиться

---

(1) Ист. троицк. сем. 22—23.

(2) Странникъ 1860 г. кн. IX, стр. 189.

(3) Владим. епарх. вѣд. 1866 г. № 23, стр. 1306.

(4) Волог. епарх. вѣд. 1865 г. № 10, стр. 385—386.

(5) Одежда не выдавалась наприм. въ тобольской (Пермск. епарх. в. 1868 г. 1868 г. № 1, стр. 7) и смоленской семинаріяхъ (Опис. смол. епарх. 188).

безъ нея, обуваясь въ лапти только для того, чтобы идти въ церковь, или для явки начальству. Лапти были впрочемъ довольно обычною обувью чуть не у всѣхъ сельскихъ церковниковъ и дѣтей духовенства. Ставленники сплошь и рядомъ являлись для посвященія въ арх. домъ въ лаптяхъ, такъ что напр. при вологодскомъ арх. домѣ однажды нарочно велѣно было завести двѣ пары казенныхъ сапоговъ, чтобы наряжать въ нихъ такихъ лапотниковъ для церемоніи посвященія (1).

Вопросъ о содержаніи въ чистотѣ семинарскихъ помѣщеній и вообще о прислугѣ, за недостаткомъ средствъ, тоже рѣшался съ грѣхомъ пополамъ. На содержаніе служителей можно было употреблять только самыя малыя суммы. Наприм. въ вологодской семинаріи за 1749—1754 гг. всей прислуги было 5 человѣкъ и шестой подъячій или письмоводитель; платилось имъ въ годъ: подъячему 2 рубля деньгами и и 3 четверти хлѣбомъ, прачкѣ 8 р. и 2 четв. хлѣба, повару, хлѣбнику и сторожу, по 1½ р., истопнику 9 р., тоже съ прибавкой хлѣбныхъ дачъ (2). Въ обширной казанской бурсѣ изъ 120 человѣкъ въ 1730-хъ годахъ было два хлѣбника, 3 повара и сторожъ, получавшіе въ годъ по 3 р. и 6 чт. хлѣба, хлѣбный цѣловальникъ, двѣ коровницы и портомои, получавшіе по 3 р., наконецъ четвертый главный поваръ, получавшій 12 р. и 12 чт. хлѣба. При семинарской конторѣ особо служили канцеляристъ, сторожъ и три пристава (3). Въ семинаріяхъ, помѣщавшихся при монастыряхъ, старались обойтись какъ нибудь съ помощію прислуги монастырской, а особыхъ служителей держали главнымъ образомъ для приготовленія семинарской пищи. Такъ, въ переяславской семинаріи бы-

(1) Волог. епарх. вѣд. 1865 г. № 10, стр. 386. См. также Ист. моск. епарх. управл. ч. II, отд. I, стр. 28—29.

(2) Тамъ же, стр. 386—387.

(3) Казанск. семинарія... въ Прав. Собес. 1868 г. Августъ.

но только трое служителей, хлѣбникъ и два повара, которые получали въ годъ по 2 р. и по 6 чт. хлѣба (1). Весьма важнымъ подспорьемъ для семинарской экономіи были даровые служители изъ штрафованныхъ церковниковъ и др. духовныхъ лицъ, посылавшихся въ наказаніе на семинарскіе труды. Нечего и говорить, что вся наличная прислуга въ семинаріяхъ далеко не могла удовлетворять всѣмъ потребностямъ учениковъ, кромѣ приготовленія пищи могли еще развѣ исполнять разныя дворовыя черныя работы. Наблюденіе за чистотою внутри самихъ помѣщеній классовъ и бурсы всегда, даже и въ позднѣйшее время, лежало на самихъ ученикахъ. Встрѣчаемъ жалобы на то, что такое исполненіе учениками служительскихъ обязанностей мѣшало ихъ класснымъ успѣхамъ. Въ 1746 г. учитель пѣвческой школы въ Воронежѣ доносилъ: „Имѣющіеся въ черкасской музыки школѣ ученики имѣютъ не малую нужду, какъ на поварню ходятъ посуду, блюда и ложки мыть, такъ и школу метутъ сами, отъ чего въ ученіи происходитъ не безъ остановки; а для караула не имѣется въ школѣ ни единаго человѣка, и если какъ онъ резнтъ, такъ и прочіе его ученики, во время божественной службы, ходятъ до церкви Божіей, а школа остается безъ караульнаго, а въ оной школѣ имѣется нѣсколько пѣвчихъ книгъ, отъ чего онъ реэнтъ опасенъ, дабы не учинилось бы какой траты" (2).

Относительно жизни учениковъ своекоштныхъ отъ описываемаго времени не сохранилось почти никакихъ извѣстій; но судя по одинаковости тѣхъ условій, какими она была обставлена въ послѣдующее время, о которомъ мы знаемъ болѣе, можемъ съ увѣренностію утверждать, что она была еще скуднѣе и бѣдственнѣе, чѣмъ жизнь бурсаковъ, обезпеченныхъ по крайней мѣрѣ, какимъ ни на-есть, кормомъ и пріютомъ. Въ смо-

(1) Владим. епарх. вѣд. 1866, № 23, стр 1306.

(2) Ворон. епарх. вѣд. 1867 г. № 7, стр. 233.

ленской епархіи, гдѣ между учениками было особенно много своекоштныхъ, многіе изъ нихъ „должны были искать себѣ пріюта въ опустѣлыхъ домахъ, крѣпостныхъ башняхъ и вымаливать подаяніе Христовымъ именемъ“ (1). За исключеніемъ тѣхъ счастливцевъ, которые могли заплатить за свое содержаніе въ семинарскихъ общежитіяхъ или найти себѣ пріютъ у разныхъ родственниковъ и сердоболей, остальные своекоштные ученики по всей вѣроятности и тогда, какъ въ позднѣйшее время, должны были отыскивать для найма нищенскіе углы у разнаго отребія городскаго народонаселенія. Въ южной Россіи было обыкновеніе разсылать подобныхъ учениковъ на жительство въ городскія приходскія школы, помѣщавшіяся при церквахъ, гдѣ они и жили вмѣстѣ съ занимавшими должности учителей (бакаляровъ) церковниками (2); въ Великороссіи подобныхъ школъ не было, вслѣдствіе чего школьному начальству и архіереямъ оставалось настаивать только на томъ, чтобы семинаристы по возможности размѣщались по семействамъ и по квартирамъ у духовныхъ лицъ. Въ бѣлогородской епархіи встрѣчаемъ любопытное распоряженіе отъ 1737 г. архіерея Петра Смѣлича, которымъ на духовенство въ пользу школяровъ налагалась своего рода квартирная повинность: ко всѣмъ дух. лицамъ города, гдѣ было тогда предположено открыть школы, къ домовымъ архіерейскимъ служителямъ указывалось поставить на квартиры человѣка по два и по три своекоштныхъ учениковъ, съ обязательствомъ, чтобы хозяева смотрѣли за ними, какъ за своими дѣтьми, и обо всѣхъ безпорядкахъ ихъ доносили учителямъ; въ вознагражденіе за этотъ постой подвергавшимся ему

(1) Опис. смоленск. епарх. стр. 188.

(2) *Аскоченскаго*: Кіевъ съ древн. его училищемъ, II, 172. Въ инструкціи кіевской академіи Рафаила Заборовскаго было сказано, чтобы ученики не занимали квартиръ въ домахъ почему нибудь зазорныхъ. Тамъ же стр. 106—107.

предположено выхлопотать свободу отъ постоя по свѣтской командѣ, о чемъ въ губернскую, воеводскія и военныя канцеляріи и посланы были изъ архіерейскаго приказа промеморіи. По этимъ промеморіямъ свѣтское начальство потребовало справокъ о числѣ учениковъ, очевидно склоняясь къ тому, чтобы исполнить предложеніе преосвященнаго. Справки были доставлены; но чѣмъ кончилось это дѣло, не извѣстно (1).

Самымъ употребительнымъ средствомъ для облегченія содержанія своекоштныхъ учениковъ въ семинаріяхъ было зачисленіе за ними церковныхъ мѣстъ (2). Зачисленіе это, какъ извѣстно, выродилось изъ обычая наслѣдственности церковныхъ мѣстъ. Съ тѣхъ поръ, какъ реформа Петра потребовала отъ всѣхъ кандидатовъ духовнаго служенія образованія и въ руководство при опредѣленіи ихъ на мѣста на первый планъ выставила правило, чтобы обучившійся въ школѣ кандидатъ былъ во всякомъ случаѣ предпочитаемъ не ученому, хотя бы и наслѣднику, зачисленіе церковныхъ мѣстъ, практиковавшееся доселѣ на основаніи исключительно родовыхъ счетовъ, стало все болѣе и болѣе связываться не столько съ правами наслѣдственными, сколько съ правами школьнаго обученія. Во всѣхъ семинаріяхъ каждый годъ было по нѣсколько учениковъ, за которыми еще за долго до окончанія курса были зачислены разныя мѣста, какъ священнослужительскія, такъ и причетническія. При этомъ они имѣли права полныхъ владѣльцевъ этихъ мѣстъ, для служенія держали на нихъ викаріевъ, а сами пользовались отъ нихъ извѣстной долей (половиной или третью) церковныхъ доходовъ для своего содержанія въ школѣ. Съ теченіемъ времени наслѣдственныя права при этомъ даже вовсе стали упускаться изъ виду.

---

(1) Курск. епарх. вѣд. 1873 г. № 14, стр. 670—671, № 16, стр. 762—765.

(2) См. объ немъ: Прих. дух. въ Россіи, стр. 68. 148 и далѣе.

Епархіальныя начальства весьма часто предоставляли ученикамъ мѣста, соображаясь единственно съ ихъ школьными успѣхами. Мѣста эти за ними даже перемѣнялись: если ученикъ оказывалъ бо́льшіе успѣхи, числившееся за нимъ, не совсѣмъ хорошее, мѣсто перемѣнялось на другое, лучшее и на оборотъ. Въ московской епархіи очень рано вошло въ обычай священническія мѣста предоставлять преимущественно богословамъ, дьяконскія философамъ и т. д. Причетническія должности въ случаѣ удобства ученики могли исправлять сами лично, не нанимая викаріевъ. Въ инструкціи Питирима нижегородскаго юрьевской школѣ опредѣлено отпускать такихъ учениковъ изъ школы къ ихъ церквамъ въ воскресные и праздничные дни съ тѣмъ только, чтобы они по отправленіи службы немедленно возвращались въ школу того же дня или на утро, смотря по разстоянію мѣста. Если приходъ былъ дальній, ученики для исправленія своихъ причетническихъ обязанностей и полученія своихъ доходовъ отправлялись въ него во время ваката.

Другимъ обычнымъ средствомъ для содержанія бѣдныхъ семинаристовъ были такъ называемыя кондиціи, состоявшія въ обученіи учениками дѣтей разныхъ городскихъ священнослужителей, дворянъ и другихъ болѣе достаточныхъ обывателей; за это обученіе они получали плату, около рубля въ мѣсяцъ, или по условію пользовались готовымъ столомъ и квартирою. Къ помѣщикамъ, жившимъ съ семействами по деревнямъ, семинаристы нанимались въ учители даже въ отъѣздъ на время ваката. Кондиціи эти, разумѣется, не мало должны были вредить ихъ собственнымъ успѣхамъ въ семинаріи,—начальству это было извѣстно очень хорошо, но запретить ихъ было все-таки нельзя вслѣдствіе крайней нужды юныхъ учителей, а потому приходилось смотрѣть на это дѣло снисходительно. Иногда сами ректоры по просьбѣ разныхъ лицъ отпускали къ нимъ своихъ учениковъ на уроки, даже съ своими рекомендаціями. Этотъ способъ содер-

жанія бѣдныхъ учениковъ преимущественно былъ развитъ въ югозападныхъ епархіяхъ; въ другихъ мѣстахъ, частію по меньшему развитію потребностей въ образованіи среди самаго населенія, частію по молодости самихъ духовныхъ школъ, онъ сталъ развиваться въ болѣе обширныхъ размѣрахъ уже нѣсколько позднѣе (1). Но въ великорусскихъ епархіяхъ за то гораздо шире практиковался другой родъ кондицій, — въ самихъ семинаріяхъ, — состоявшихъ въ томъ, что нѣкоторые лучшіе ученики получали здѣсь должности учителей еще до окончанія своего собственнаго курса. Вездѣ, гдѣ это было допущено, т. е. чуть не во всѣхъ великорусскихъ семинаріяхъ, настоящіе учители занимались лишь въ высшихъ классахъ, а въ низшіе для преподаванія посылали своихъ учениковъ. Правда въ большей части семинарій изъ экономіи такіе ученики должны были нести свои учительскія обязанности даромъ изъ послушанія начальству, пользуясь за это только какими нибудь школьными преимуществами; но въ нѣкоторыхъ болѣе достаточныхъ семинаріяхъ и при болѣе щедромъ начальствѣ имъ назначалось за ихъ труды извѣстное жалованье и они такимъ образомъ пріобрѣтали себѣ не маловажныя при ихъ бѣдности собственныя средства жизни. Напр. св. Тихонъ, будучи студентомъ богословія новгородской семинаріи за преподаваніе въ низшихъ классахъ греческаго языка получалъ жалованье въ количествѣ 50 р. и 9 чт. хлѣба въ годъ (2). Въ одномъ донесеніи казанской семинаріи при архіереѣ Сильвестрѣ въ числѣ получавшихъ жалованье упоминаются даже семинарскіе авдиторы (двое), получавшіе въ годъ по 4 р. и по 8 четв. хлѣба (3).

---

(1) О способ. содерж. дух. школъ въ Странн. 1860 г. IX, 196. Ист. кіевск. акад. 107. Опис. смоленск. епарх. 189. Вятск. епарх. вѣд. 1868 г. № 15, стр. 254—255.

(2) Русск. святые *Филарета*. Августъ, стр. 39.

(3) Казанск. семин... въ Прав. Собесѣдн. 1868 г.

Хитрая на выдумки нужда заставляла бѣдныхъ учениковъ и самихъ изобрѣтать разныя средства къ снисканію себѣ пропитанія. Многіе добывали себѣ кусокъ хлѣба переписки книгъ и рукописей, отъ которой испоконъ вѣка кормилось наше духовенство. Работы этого рода было довольно и въ XVIII вѣкѣ, потому что печатная книга и тогда была еще значительно дороже рукописной (1). Случалось, что ученики съ дозволенія начальства поступали въ письмоводители къ разнымъ начальственнымъ лицамъ. Въ инструкціи Питирима юрьевской школѣ читаемъ: „Которые ученики скорописи и цифири скоро навыкнутъ, а у тамошняго суди дух. дѣлъ или градскихъ и уѣздныхъ священниковъ съ причетники случатся какія приказныя или домовыя письменныя потребы, и будутъ изъ тѣхъ учениковъ кого требовать для того письма изъ платы добровольно,—и имъ въ томъ дать позволеніе, писать велѣть въ школѣ или приказѣ или и внѣ школы и приказа на квартирахъ по ихъ судейской и священнической потребѣ, гдѣ хотятъ, токмо послѣ обѣда; а до обѣда отъ школы никого и ни для чего не отпускать, но развѣ какое нужнѣйшее по указомъ государственное дѣло случится, тогда должны и всѣ умѣющіе для государственной пользы и скорѣйшаго отправленія трудъ приложить, елико возможно, со тщаніемъ". Въ своей тяжелой борьбѣ за существованіе низшіе ученики брались и за другія занятія уже менѣе имъ сродныя, напр. поступали въ услуженіе или нанимались на черныя работы. У начальниковъ и учителей дух. школъ прислуга всегда состояла изъ бѣдныхъ учениковъ. Славный Ломоносовъ, учась въ московской академіи, былъ келейникомъ у одного изъ заиконоспасскихъ монаховъ. Во время каникулъ многіе питомцы кіевской академіи нанимались на черныя сельскія работы (2). Тоже дѣлали и воспитанники

(1) Странникъ 1860 г. кн. IX, стр. 197.

(2) Ист. кіевск. акад. 107.

другихъ школъ; большею частію впрочемъ по вакатамъ имъ приходилось нести эти работы даромъ у своихъ бѣдныхъ отцевъ и родственниковъ, у которыхъ гостили. Св. Тихонъ воронежскій, учась въ новгородской школѣ, до своего поступленія на благодѣтельную бурсу, въ свободное время нанимался копать у новгородскихъ огородниковъ гряды (1).

Наконецъ весьма распространеннымъ способомъ къ добыванію пропитанія у школяровъ были разнаго рода поборы по добрымъ людямъ. Сюда относятся старинныя суплики или славленья учениковъ со звѣздою и вертепомъ въ Рождество и въ Пасху, перешедшія изъ Польши сначала въ кіевскія школы, потомъ уже отсюда распространившіяся по всей Россіи. Всѣ эти суплики съ ихъ стихами, рѣчами, діалогами, пѣснями и представленіями изъ свящ. исторіи были охотно дозволяемы самими школьными начальствами, которыя принимали иногда даже личное участіе въ составленіи діалоговъ и драмъ для ученическихъ представленій, находя послѣднія полезными не въ одномъ матеріальномъ отношеніи, но и для развитія воспитанниковъ. Кромѣ того въ семинаріяхъ, почти вездѣ, гдѣ были архіереи и школьные учители малороссы, непремѣнно устраивались семинарскіе театры, въ которыхъ, какъ говорили семинарскіе отчеты, „целебровалися различныя комедійныя акціи повсягодно публичне, такожде интермедіи“, и на которые даже отпускались особыя деньги изъ арх. дома. Суплики были удобнымъ средствомъ почтить разныхъ высокихъ и нужныхъ для школъ персонъ, восхвалить ихъ добродѣтели и заслуги и тѣмъ расположить ихъ къ большимъ щедротамъ. Семинарская риторика едвали не больше всего изощрялась въ составленіи разныхъ панегирическихъ словъ и виршей. Въ училищныхъ городахъ, по примѣру Кіева, рѣдкое семейное торже-

(1) Жизнь св. Тихона при его твореніяхъ т. I, 3.

ство въ богатомъ и знатномъ домѣ, въ родѣ имянинъ, свадьбы, похоронъ и проч., обходилось безъ того, чтобы мѣстная школа устами какого нибудь бурсака не прославила виновниковъ его въ цвѣтистыхъ стихахъ или рѣчахъ (1). Сами архіереи въ торжественные праздники принимали у себя семинарскихъ ораторовъ и поэтовъ съ поздравленіями и давали имъ за ихъ рѣчи и стихи поощрительные подарки (2). Въ вакатное время ученики южно-русскихъ школъ отправлялись съ своими супликами, орацiями и кантами по епархіи, снабженные для своихъ сборовъ даже билетами отъ начальствъ, и такимъ образомъ добывали себѣ средства продовольствія на предстоящій учебный годъ (3).

Въ южно-русскихъ школахъ сборы учениковъ доходили до настоящаго нищенства. Бѣдняки, даже студенты высшихъ классовъ, по окончаніи ученія каждый день отправлялись на свой нищенскій промыселъ, ходили съ своими торбами и горшечками по всему городу, становились толпой подъ окнами или на дворахъ и начинали пѣть хоромъ разныя партесныя псальмы и канты, испрашивая подаянія, потомъ набравъ всякой всячины, что подавали имъ сердобольные хозяева и хозяйки, спѣшили въ семинарію производить своего рода дуванъ (4). Въ великорусскихъ епархіяхъ это крохоборничество подъ окнами было менѣе развито, но все-таки существовало. Архіереи жаловались, что ученики и здѣсь тоже „ходили на подобіе сущихъ нищихъ, выпрашивая себѣ дневной пищи“ (5). Старыя преданія разсказываютъ также, что нищіе ученики,

---

(1) Ист. кіевск. акад. 106—107. *Пекарскаго*: Наука и Литт. I, глава XIV. Описаніе кіево-соф. соб. *Евгенія* стр. 216. Странникъ 1860 г. кн. IX, 198. Ист. нижегор. сем. 5—6.

(2) Ист. нижег. іерарх. 130.

(3) Странн. 1860 г. кн. IX, 198.

(4) Ист. кіевск. акад. 105—106.

(5) Ист. влад. семин. 29.

какъ и всѣ нищіе, не сумнились, что плохо лежало, забирать въ свою собственность и безъ просьбы...

Поборы по добрымъ людямъ производимы были не только своекоштными учениками, но и бурсаками; самое названіе бурсы произошло отъ лат. bursa-кошель. На юго-западѣ эти сборы на бурсу производились съ участіемъ начальства и получили даже правильную организацію въ формѣ, такъ называемаго, конгрегаціоннаго сбора. Начало его было положено еще въ старинныхъ братскихъ школахъ. Вотъ какъ производился этотъ сборъ въ кіевской академіи. „За мѣсяцъ до академическаго праздника зачатія св. Анны, во храмѣ, посвященномъ сему событію, подъ начальствомъ настоятеля конгрегаціонной церкви, ученики торжественно избирали, а на самый праздникъ объявляли двухъ такъ называемыхъ префектовъ, одного изъ братій или студентовъ старшаго братства, другаго изъ учениковъ братства младшаго; назначали въ помощь каждому изъ нихъ же товарищей по два ассистента и по одному секретарю. Симъ-то избраннымъ и обнародованнымъ лицамъ вручаема была бѣлая, неисписанная книга, называемая album, съ которой они обязаны были въ продолженіе года ходить по домамъ кіевскихъ и повѣтовыхъ гражданъ для испрошенія пожертвованій на конгрегаціонную церковь, приглашая съ собой въ важнѣйшіе домы и самого ея настоятеля. Пожертвованія сіи употреблялись большею частію на житейскія нужды содержавшихся въ сиротскомъ училищномъ домѣ. Въ два академическіе праздника, въ день зачатія св. Анны и въ день благовѣщенія пресв. Богородицы, таже книга предлагаема была гостямъ въ бурсацкой трапезѣ послѣ торжественнаго обѣда, на который они нарочито приглашаемы были академическимъ начальствомъ по окончаніи литургіи“ (1). Такой же конгрегаціонный сборъ по примѣру Кіева заведенъ былъ въ Черниговѣ, гдѣ

(1) Ист. кіевск. акад. 106—107.

конгрегація сосредоточивалась около коллегіумской церкви Іоанна Богослова въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, но называлась собраніемъ преблагословенныя Дѣвы Богородицы. Какъ и кіевская, она имѣла свой album, выдававшійся для сборовъ на бурсу тоже въ день зачатія св. Анны ученикамъ высшихъ классовъ. Для поощренія жертвователей при церкви былъ заведенъ конгрегаціонный синодикъ, въ который и вписывались ихъ имена для поминовенія за здравіе и упокой. Въ день открытія конгрегаціи совершалось ихъ общее и торжественное поминовеніе. Жертвы были разныя—деньгами и продуктами; нѣкоторые богатые патроны коллегіума возвышали свои подачки до 1—2 руб. и до червонца. Въ 1737 г. при архіереѣ Иларіонѣ Рогалевскомъ происходило возстановленіе конгрегаціи, вѣроятно почему нибудь пришедшей до этого времени въ упадокъ (1). Конгрегаціонные сборы очевидно были уже нѣсколько облагороженной и упорядоченной формой нищенства. Ученики, за исключеніемъ избранныхъ префектовъ и ассистентовъ, по крайней мѣрѣ избавлялись отъ деморализовавшаго ихъ непосредственнаго попрошайства по дворамъ, да и самимъ сборщикамъ, какъ лицамъ уполномоченнымъ на свои сборы отъ начальства, по всей вѣроятности приходилось меньше терпѣть разныхъ униженій и терять добраго чувства чести, чѣмъ бѣднымъ ученикамъ, которые ходили по дворамъ съ своими спѣваньями и миркованьями сами отъ себя. Въ великорусскихъ епархіяхъ конгрегаціонныхъ сборовъ не было; имъ соотвѣтствовали здѣсь сборы подаяній отъ разныхъ благодѣтелей, производившіеся на содержаніе учениковъ семинарскими начальствами и архіереями.

Намъ остается сказать еще о содержаніи школьныхъ преподавателей, которое, какъ и содержаніе

(1) Черниг. Коллегіумъ въ Черниг. епарх. вѣд. 1870 г. № 12. Здѣсь же описанъ любопытный синодикъ конгрегаціи, заведенный съ благословенія архіерея Иларіона.

учениковъ, производилось изъ тѣхъ же мѣстныхъ источниковъ, будучи возложено Регламентомъ на архіерейскіе домы. Оно тоже было чрезвычайно разнообразно по количеству. Назначеніе того или другаго учительскаго оклада вполнѣ зависѣло отъ усмотрѣнія архіереевъ, которые руководствовались въ этомъ случаѣ разными соображеніями. Такъ учителямъ изъ духовныхъ лицъ, имѣвшимъ доходы отъ мѣстъ своего служенія, а также (впрочемъ не всегда) монашествующимъ, содержавшимся отъ монастырей, оклады назначались въ уменьшенномъ количествѣ или даже вовсе не назначались, какъ наприм. по инструкціи Питирима юрьевской школѣ учители изъ священнослужителей должны были содержаться на собственномъ коштѣ. Далѣе, разность окладовъ зависѣла отъ предметовъ преподаванія; учитель богословія получалъ болѣе, чѣмъ учитель философіи, а этотъ болѣе риторическаго и т. д. Окладъ возвышался также, когда одинъ учитель преподавалъ два или три предмета. Были примѣры, что учитель иностранецъ получалъ высшій окладъ, чѣмъ его сослуживцы изъ своихъ русскихъ людей. Обращалось затѣмъ вниманіе на степень усердія и успѣховъ учителя въ преподаваніи (1) и т. д. Не мало разнообразилось жалованье учителей и отъ того, чѣмъ оно выдавалось, деньгами или хлѣбомъ, и въ какомъ отношеніи были хлѣбные дачи къ денежнымъ.... Вывести какія нибудь общія среднія цифры здѣсь такъ же не возможно, какъ при обозрѣніи содержанія учениковъ.

Maximum окладовъ, которому могли позавидовать даже преподаватели академіи, опять находимъ въ троицкой семинаріи. Денежнаго жалованья на первыхъ порахъ выдавалось здѣсь четверымъ учителямъ по 200 р. и одному низшаго класса 100 р. Въ 1747 г. ректоръ, префектъ и учитель іеродіаконъ получали

(1) Странник 1860 г. IX, 178—183: О содерж. дух. училищъ

почти по 300 р., одинъ учитель бѣлецъ 130 и учитель ариѳметики 108 р. Въ 1758 г. жалованье было расписано такъ: ректору 200 р., префекту 150, учителямъ по 100, учителямъ латинскаго класса высшаго 70, низшаго 60. Кромѣ этихъ денежныхъ окладовъ учители пользовались полнымъ и весьма щедрымъ содержаніемъ отъ лавры. Въ первые годы имъ выдавалось (пятерымъ учителямъ и интенданту—всѣмъ вмѣстѣ): 2 окорока, въ 30 ф. каждый, и 2 говяжьихъ студеней на недѣлю, каждодневно 30 ф. говядины, 20 ф. баранины, 2 курицы, а въ праздники гусь или индѣйка или пара утокъ, 30 яицъ, ¼ ведра сметаны, ¼ ведра молока, ⅛ в. творогу, ½ ф. меду сырцу, 1½ бѣлыхъ хлѣба, по хлѣбу братскому, 16 булокъ, 1 ф. бѣлой соли, по 5 золотн. перцу и имбирю, затѣмъ достаточное же количество хрѣну, уксусу, капусты, крупъ и луку, муки гречневой и крупичатой по 5 ф., 2 бутылки бѣлаго вина, по бутылкѣ водки сладкой и анисовой, ½ ведра меду, ведро пива, квасу и кислыхъ штей — сколько потребуется. Все это отпускалось для общаго обѣда и ужина учителей, да кромѣ того въ праздники каждому отпускалось извѣстное количество пива, меду или чего потребуется, на домъ. Дачи эти не уменьшались и въ послѣдующіе годы, хотя на освященномъ соборѣ лавры и поднимался вопросъ объ ихъ упорядоченіи и сокращеніи. Въ 1759 г. архимандритъ Гедеонъ составилъ подробное расписаніе провизіонныхъ дачъ на семинарію, чтобы не выдавалось лишняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ всего бы было и нескудно. По этому росписанію каждому изъ учителей выдавалось: по хлѣбу бѣлому и ситному на недѣлю, за тѣмъ ежедневно по 2 ф. муки куличной, по 2½ ф. осетрины просольной, по ½ ф. семги, ½ тешки, по ¼ ф. икры, по 1 щукѣ, свѣжей рыбы по 15 рыбъ, ½ ф. коровьяго масла, 4 яйца, ¼ пива, ⅛ крѣпкаго меду, ¼ кислыхъ штей, да въ годъ вязиги по пуду, по 7 вед. сивухи, по ведру водки и проч. Префекту назначено выдавать еще больше. Кромѣ

того всѣмъ велѣно выдавать разныя крупы, горохъ, толокно, муку, когда что будетъ потребно, по разсмотрѣнію намѣстника. На счетъ лавры учители получали и одежду; въ первый же годъ архим. Кириллъ распорядился сшить учителямъ по два мундира, — одинъ для ежедневнаго употребленія, другой для праздниковъ изъ самаго лучшаго сукна. Для разъѣздовъ учителямъ лавра назначила изъ своихъ конюшенъ 10 лошадей (1). При такихъ условіяхъ жизнь начальниковъ и учителей семинаріи была такъ хороша, что м. Платонъ вспоминалъ объ ней (въ своей автобіографіи), какъ о самомъ счастливомъ, „райскомъ“ времени своей жизни. „Особливо мнѣ нравилось, что все въ лаврѣ находилъ готовое, яко то: всегда довольный столъ, напитки и выѣздъ, и ни мало о томъ не заботился“. — Въ невской семинаріи и жалованье и хлѣбныя дачи были несравненно скуднѣе. Всѣхъ больше получалъ здѣсь одно время учитель Аѳанасій Скіада (1726 — 1729 г.), именно 400 р. деньгами, 10 саж. дровъ и варю пива въ 7 четвертей, но это потому, что онъ былъ иностранецъ. Служившій вмѣстѣ съ нимъ учитель ариѳметики, Соснинъ, получалъ всего 60 р. въ годъ. Въ 1737 г. два учителя, Кременецкій и Зертисъ-Каменскій, получали — первый 150 р. въ годъ, второй 100; въ 1740 г. оба они были уже монахами и въ качествѣ ректора и префекта стали получать по 220 р., а Каменскій (Амвросій) кромѣ того еще 100 р. за преподаваніе греческаго языка; въ 1742 г. Кременецкій получилъ 300, а Каменскій 250 р., но при этихъ окладахъ они не получали хлѣбныхъ дачъ, имѣвшихъ обыкновенно большее значеніе, чѣмъ денежное жалованье; другіе учители (свѣтскіе) вознаграждались всего 25 рублями въ годъ съ прибавленіемъ хлѣбнаго оклада въ 6 чет. (2).

Изъ епархіальныхъ семинарій большими учитель-

(1) Ист. троицк. семин. 17—20.
(2) Ист. петерб. акад. 15. 71.

скими окладами отличались семинаріи новогородская и переяславльская. Въ первой по штатному положенію 1740 г. положено выдавать учителямъ нисшихъ классовъ 80 р., грамматическому 120, синтаксическому 130, піитическому 150, риторическому 180, учителю философіи 200, богословія и еврейскаго языка по 300; оклады эти были выше троицкихъ, но за то хлѣбные оклады были гораздо скуднѣе того содержанія, какое давала своимъ учителямъ Троицкая лавра, и ограничивались только выдачей муки, солоду, крупы, гороху, соли и дровъ, простираясь въ переводѣ на деньги до 477 р. 60 к. на 12 человѣкъ (общая сумма всего денежнаго жалованья учителей высчитана была въ 1920 р.). Въ переяславльской семинаріи ректоръ, какъ настоятель Данилова монастыря, гдѣ она помѣщалась, не получалъ ничего. Объ окладѣ учителей можно судить по контракту 1753 г. съ новымъ учителемъ риторики Дьячковымъ; ему назначено было къ годовой выдачѣ: 100 р. деньгами, хлѣба ржанаго и яроваго по 10 чет., солоду на пиво 7 чет., мяса 1 п. 10 ф., масла 1 п. 5 ф.; кромѣ того полагались: келлія, дрова, истопникъ, коляска и пара лошадей для выѣздовъ. По разсчету мѣстныхъ цѣнностей того времени окладъ этотъ, по замѣчанію автора Исторіи переяславской семинаріи, на наши деньги доходитъ до 1200 р. Подъ 1757 г. находимъ любопытное распоряженіе архіерея объ денежныхъ окладахъ учителямъ піитики и риторики; обоимъ назначено по 100 р., „ибо, сказано здѣсь, хотя Гуссельщиковъ (второй) предъ Радовичемъ (первымъ) и болѣе трудовъ имѣетъ нести, но въ разсужденіи оказанной его преосв-вомъ къ нему милости, изъ которой каѳедральнымъ коштомъ домъ ему построенъ, долженъ онъ вышеписаннымъ жалованьемъ быть доволенъ. А Семену Камкову за тотъ резонъ, что онъ въ семинаріи на казенномъ коштѣ содержится (онъ былъ еще ученикомъ высшаго класса), производиться имѣетъ жалованье по тому, чего бу-

детъ впредь достоинъ" (1). Довольно близки къ переяславльскимъ окладамъ были оклады казанской семинаріи: денегъ выдавалось меньше, — всего по 60 р., затѣмъ хлѣбныхъ дачъ мукою, крупами и горохомъ назначалось по 47 четвертей, масла по 2 п., постнаго по два ведра, по 500 свѣчъ, 3 п. соли, по два стяга говядины, по 6 барановъ, по 6 свиныхъ тушъ, по 10 вед. вина и по 5 двойной водки.

Для опредѣленія важности дачъ продуктами можно привести извѣстія объ окладахъ учителямъ воронежской семинаріи. Въ 1748 г. при опредѣленіи на должность учителя Оранскаго ему назначено было 36 р. годоваго денежнаго жалованья, продуктами въ годъ же по 12 пуд. говядины, по 6 пуд. свинины, по 6 барановъ, по 12 п. рыбы свѣжей и 6 соленой, масла 3 п., постнаго 3 в., муки пшеничной 12 четвериковъ, крупъ и пшена 18 чет., 300 свѣчъ, 18 вед. вина, кромѣ пива и меду; сверхъ того положены квартира, поваръ съ посудою и конюхъ съ лошадью и со всѣмъ уборомъ. Другому учителю Стасіевичу, получавшему тотъ же окладъ, по случаю посвященія его въ попы и выбытія съ семинарской квартиры, дачи продуктами положено было выдавать деньгами, и при этомъ по разсчету оказалось, что эти дачи цѣнностію равнялись чуть не тройному окладу деньгами: въ 1752 г. такихъ провизіонныхъ денегъ онъ получилъ за одну треть 31 р. 56 к. (2). Пропорція эта при переводѣ провизіи на деньги соблюдалась однако не вездѣ; въ бѣдныхъ семинаріяхъ учителя при этомъ проигрывали очень много. Такъ было въ Смоленскѣ. Денежные оклады здѣсь бѣли слѣдующіе: учителю богословія 50 р., философіи 48, риторики 45, піитики 40, синтаксимы 36, грамматическому 30, инфимическому 28, русской школы 20, за греческій языкъ, преподававшійся однимъ изъ перечисленныхъ учителей,

(1) Владим. еп. вѣд. 1866 г. № 23. стр. 1301—1302.
(2) Ворон. еп. вѣд. 1867, № 14, стр. 463; 1868 г. № 22, стр. 732

въ прибавокъ давалось 20 же рублей. На столъ и трактаментъ всѣмъ имъ выдавалось деньгами: учителю богословія только 20 р., философіи 10, риторики 9, піитики 8, синтаксимы 7, грамматики 6, инфимы 5, русскому 4, греческому 10 р. (1). Нельзя не замѣтить, что на деньги въ семинаріяхъ вообще болѣе соблюдали экономіи, чѣмъ на припасы, особенно, разумѣется, въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ не переводились на деньги самые сборы съ духовенства. Денежные оклады въ этихъ епархіяхъ спускались иногда до самыхъ ничтожныхъ цифръ, рублей до 20 учителю высшаго класса, притомъ же въ разные годы были неодинаковы, завися вполнѣ отъ количества денежныхъ доходовъ въ самой кассѣ семинаріи (2).

Въ низшихъ школахъ оклады были меньше и рѣдко превышали цифру 20 р. въ годъ. Хлѣбное жалованье было тоже не велико, — четвертей 5 — 10. Въ нижегородской епархіи, по извѣстной инструкціи Питирима, принято было учителямъ низшихъ классовъ назначать порціонныя дачи въ двойномъ количествѣ противъ учениковъ и даже кормить ихъ за одною общею трапезою съ учениками. Такія общія трапезы бывали впрочемъ и въ семинаріяхъ, наприм. въ костромской (3).

Всѣ учители какъ высшихъ, такъ и низшихъ школъ, кромѣ женатыхъ, пользовались казенными квартирами съ отопленіемъ, освѣщеніемъ, прислугою и, какъ мы видѣли въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, съ экипажами и лошадьми для выѣздовъ. Квартиры эти были обыкновенно не большія, состояли изъ одной кельи, а то даже въ такой кельѣ помѣщались и по два человѣка заразъ. Учители женатые казенныхъ квартиръ не имѣли, такъ какъ большая часть школъ

---

(1) Опис. смол. епарх. 187—188.
(2) Волог. еп. вѣд. 1866 г. № 9.
(3) Странникъ 1860 г. кн. IX, стр. 178.

помѣщалась въ монастыряхъ и при арх.-домахъ, да и вообще женщинамъ жить въ семинарскихъ зданіяхъ считалось неприличнымъ. Въ случаѣ женитьбы учителей архіереи даже вовсе увольняли ихъ отъ должностей. Въ 1748 г. воронежскій архіерей Ѳеофилактъ сдалъ наприм. такую резолюцію объ учителѣ Лукіанѣ Стасіевичѣ, который только лишь женился: „Понеже въ семинаріи женатому учителю быть неприлично, ибо по св. писанію не оженившійся печется о Господнихъ, како угодити Господеви, а оженившійся печется о женскихъ, како угодити женѣ, того ради... помянутому учителю пріискать въ домѣ его преосвященства или въ епархіи воронежской праздное поповское или діаконское мѣсто, и гдѣ пріищетъ, объявить ему его преосвященству доношеніемъ, куда по желанію его и будетъ удостоенъ“. Но женатые священнослужители и церковники сплошь и рядомъ бывали учителями дух. школъ, только не жили въ школьныхъ помѣщеніяхъ и получали провизіонные оклады себѣ на домъ. Такъ, тотъ же Стасіевичъ послѣ своего посвященія долго продолжалъ занимать должность семинарскаго учителя, получая за провизіонныя дачи деньгами (1).

Въ случаѣ недостатка средствъ къ улучшенію быта школьныхъ учителей за ними, какъ и за учениками, зачислялись церковныя мѣста. „Вамъ учителямъ, сказано въ инструкціи Питирима, будучи для прилежнаго учениковъ всегдашняго ученія и ради домоваго вашего пропитанія, въ награжденіе вамъ, въ городѣ или уѣздѣ пріискивать порожнихъ священническихъ и діаконскихъ и церковничьихъ мѣстъ и, пріискавъ каждому себѣ, о бытіи при тѣхъ церквахъ на праздныхъ мѣстахъ... прислать за своими руками, а гдѣ подпишутся и приходскіе люди съ прочими тѣхъ церквей священноцерковнослужители, которые

(1) Ворон. епарх. вѣд. 1867 г. № 14, стр. 461—464.

за наилучшій способъ приняты будутъ, прошенія на указной гербовой бумагѣ, по которымъ прошеніямъ о бытіи вамъ при тѣхъ церквахъ на священно-церковнослужительскихъ праздныхъ мѣстахъ и о владѣніи церковнымъ доходомъ, землею, угодьи и домы вамъ будутъ указы, а современемъ и посвящены будете въ тѣ требуемые священно-и-церковнослужительскіе чины". — Можно прибавить къ этому, что учители получали иногда отъ щедрости своихъ архипастырей разные поощрительные подарки деньгами, платками, кушаками и т. п., наприм. въ праздники за произносимыя ими поздравительныя рѣчи (по рублю на брата) (1).

Кромѣ того учительская служба не чужда была и другаго рода доходовъ, которые въ тогдашнее время были общею принадлежностію всякаго рода службы. „Вамъ, говорится въ той же инструкціи Питирима, будучи при тѣхъ школахъ, какъ за пріемъ въ школы и за ученіе учениковъ, такъ и за отпускъ изъ школы, съ опредѣленныхъ или и сродниковъ ихъ и свойственниковъ никаковыхъ ни съ кого ни за что денежныхъ и съѣстныхъ и питейныхъ и прочихъ всякаго званія запросовъ и взятковъ не касаться, подъ лишеніемъ за преступленіе чиновъ вашихъ вовсе съ тяжкимъ наказаніемъ". Но подобныя запрещенія при всей ихъ строгости обыкновенно плохо выполнялись на практикѣ; разнаго рода презенты учителямъ, особенно при пріемѣ учениковъ или послѣ возвращенія ихъ изъ домовъ родительскихъ съ ваката, всегда были весьма употребительны въ духовныхъ школахъ и послѣ штатовъ 1764 г. и даже въ текущемъ столѣтіи. Между учителями попадались люди, которые не совѣстились возмутительнымъ образомъ живиться на счетъ бурсацкой нищеты. Въ 1750 г., вскорѣ по открытіи владимірской семинаріи, изъ нея былъ вы-

(1) Ист. нижегор. іерарх. 130, примѣч. Ист. нижегор. сем. 8.

гнанъ учитель Ѳ. Радикорскій человѣкъ пьяный, занимавшійся въ классѣ „отобраніемъ у учениковъ съ мученіемъ и принужденіемъ денегъ". Ученики жаловались на него, что у одного онъ взялъ посредствомъ вымогательства 80 к., у другаго 30, у третьяго 15, у четвертаго, у котораго денегъ не было, отнялъ шапку и заложилъ ее за 6 коп. въ кабакѣ. Надобно впрочемъ сказать, что это былъ человѣкъ далеко незаурядный; еще раньше поступленія во владимірскую семинарію онъ былъ уже выгнанъ изъ вятской семинаріи; во Владимірѣ онъ дошелъ до того, что его выгнали не только изъ семинаріи, но и изъ города (1). Нужно полагать, что такихъ людей по дух. школамъ было не много.

Въ такомъ видѣ, содержаніе школъ оставалось во все описываемое время до 1760-хъ годовъ. Въ 1762 г. при Петрѣ III, въ связи съ секуляризаціонной попыткой этого императора относительно церковныхъ вотчинъ, правительствомъ снова было поднято дѣло о назначеніи на содержаніе дух. школъ опредѣленныхъ штатныхъ окладовъ; проектированы были (2) и самые оклады: среднимъ счетомъ на каждую изъ 26 семинарій предполагалось ассигновать по 3000 р. въ годъ, при чемъ дальнѣйшее, болѣе подробное распредѣленіе между ними всей (78000 р.) штатной суммы по ихъ многолюдству и другимъ обстоятельствамъ предоставлялось св. Синоду, который по собраніи надлежащихъ свѣденій и долженъ былъ принять на себя заботу о равномѣрномъ ихъ обезпеченіи. Императору не пришлось видѣть исполненія этого указа; переворотомъ 29 іюня того же года царствованіе его кончилось и на престолъ взошла Екатерина II...

---

(1) Пст. владим. семин. 37. Вятск. епарх. вѣд. 1868 г. № 12, стр. 204.

(2) Въ указѣ 21 марта 1862 г.

в) ученики дух. школъ и обязательность школьнаго образованія для дѣтей духовенства.

Предоставленная въ полное распоряженіе епархіальной власти и обязанная всѣмъ своимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ исключительно сословнымъ средствамъ духовенства, духовная школа, разумѣется, должна была быстро развиваться въ томъ же сословномъ направленіи, начало котораго мы видѣли еще при Петрѣ, и усиливать свой замкнутый характеръ. Среди почти повсемѣстной скудости школьныхъ средствъ, стоившихъ однако такихъ тяжкихъ жертвъ бѣдному духовенству, и при явной ихъ недостачѣ для образованія дѣтей самого духовенства, въ интересахъ ближайшихъ для духовной администраціи, въ надежду лучшаго священства, нечего было и думать о допущеніи въ дух. школы людей постороннихъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя по смерти Петра Великаго, когда герольдмейстерская контора по обыкновенію прислала нѣсколько дворянскихъ недорослей для обученія въ московскую академію, ректоръ послѣдней Гедеонъ прямо отвѣчалъ конторѣ, что принять ихъ въ академію нельзя, потому что „въ той школѣ происходятъ въ ученіе токмо духовныхъ персонъ дѣти, которыя бы могли въ духовный чинъ происходить“ (1) Всего замѣчательнѣе здѣсь то, что такой взглядъ на дух. школу былъ высказанъ начальствомъ такого заведенія, которое было основано нѣкогда съ цѣлію сосредоточить въ немъ не сословное, а именно общее образованіе, долгое время выполняло такое назначеніе и послѣ, по крайней мѣрѣ до 40-хъ гг., въ XVIII в., оставаясь среди другихъ чисто профессіональныхъ школъ разныхъ вѣдомствъ единственнымъ учебнымъ заведеніемъ, въ которомъ дворянскимъ дѣтямъ можно было получать приготовительное, къ ихъ

(1) Ист. моск. акад. 179.

спеціальному обученію общее элементарное образованіе (1). Правительство оставило заявленіе академіи безъ вниманія и продолжало посылать въ нее недорослей, причемъ по прежнему заботилось о томъ, чтобы послѣдніе не продолжали въ ней ученія дольше законнаго 16-ти лѣтняго возраста, когда должны были являться на службу. Въ 1736 г. по опредѣленію Сената въ академію заразъ поступило 158 дворянскихъ дѣтей, между которыми были князья Оболенскіе, Хилковы, Тюфякины, Хованскіе, Голицыны, Долгорукіе, Мещерскіе и др. (2). Въ тоже время въ ней обучалось нѣсколько дѣтей разночинцевъ, приказныхъ людей, которыя также, какъ дворянскіе недоросли, не доходили до высшихъ классовъ и въ узаконенные сроки тоже должны были являться или на службу или для обученія въ свои спеціальныя школы. Въ одномъ указѣ 1744 г. прямо говорилось, что въ академіи не одни духовныя, но и всякаго чина людей дѣти въ обученіи находились (3). Тѣмъ не менѣе сословный принципъ, такъ ясно высказанный еще въ 1720-хъ гг., неуклонно продолжалъ развиваться въ академіи, придавая ей замкнутый характеръ и вытѣсняя изъ нея всѣ посторонніе, пришлые элементы, безполезные для духовной службы. Не далѣе какъ черезъ 4 года послѣ сейчасъ приведеннаго оффиціальнаго заявленія объ ея всесословномъ характерѣ, свѣтскихъ учениковъ, дѣтей разночинцевъ, въ ней оказалось до того мало, что на требованіе изъ нея такихъ 1748 г. для поступленія въ медицинскую школу она могла прислать всего только 8 человѣкъ, и докторъ Блюментростъ, завѣдывавшій медицинской школой, просилъ у Сената дозволенія вызывать изъ академіи

---

(1) Госуд. и нар. образованіе *Влад.-Буданова*, стр. 115—116.
(2) Ист. моск. акад. 107.
(3) П. С. З. № 8904.

учениковъ уже изъ духовныхъ дѣтей, потому что разночинскихъ дѣтей тамъ болѣе нѣтъ (1).

Почти одновременно съ тѣмъ, какъ московская академія въ лицѣ своего ректора Гедеона вздумала было рѣшительно заявить о своемъ сословномъ характерѣ, такое же стремленіе къ сословной замкнутости открылось въ другой столичной школѣ, невской, которая оставалась открытою для свѣтскихъ учениковъ до конца Петровскаго царствованія, даже и учреждена была, какъ гласилъ указъ архіепископа Ѳеодосія (11 іюля 1721 г.), „во общую пользу". Въ составѣ ея воспитанниковъ значительное большинство было изъ дѣтей монастырскихъ вотчинныхъ служителей, дьяческихъ, подьяческихъ, посадскихъ, дворянскихъ и другихъ, а дѣтей духовенства училось въ ней очень мало. Въ 1725 г. она была переименована въ семинарію съ спеціальнымъ назначеніемъ воспитывать достойныхъ служителей церкви и ограничена штатомъ въ 50 человѣкъ, въ число которыхъ поступили преимущественно дѣти священно-и-церковнослужителей и только лучшіе изъ постороннихъ, а остальнымъ предоставлено было избирать родъ жизни или оставаться при семинаріи на своемъ коштѣ. Послѣ этого изъ людей свѣтскаго званія семинарія обучала у себя главнымъ образомъ дѣтей служителей Невскаго монастыря, которыя по окончаніи своего ученія и поступали не на церковныя должности, а на разные роды монастырской службы, гдѣ требовались грамотные люди (2).

Съ своей стороны правительство, распредѣляя все государственное населеніе по классамъ въ интересахъ своей службы и тягла, формируя изъ этихъ классовъ замкнутыя наслѣдственныя сословія, никакъ не могло благосклонно смотрѣть на поступленіе служилыхъ и тяглыхъ людей въ дух. школы, откуда они

(1) Ист. Россіи *Соловьева* XXII, 334—335.
(2) Ист. спб. академіи, стр. 7, 11. 15—16, 45.

могли выйти въ дух. службу. Относительно высшаго служилаго класса, дворянскаго, законодательство ясно успѣло высказаться въ этомъ направленіи еще при Петрѣ. Относительно же дѣтей нисшаго служилаго люда, солдатъ, матросовъ и т. п., тогда еще не сдѣлано было никакихъ прямыхъ опредѣленій, но стремленія правительства были ясны и безъ того. Мы видѣли, что еще въ 1723 г. изъ академіи было вытребовано 5 учениковъ въ матросы и одинъ, солдатскій сынъ, въ солдаты, и что св. Синодъ тогда же распорядился по этому случаю собрать справки, есть ли какіе нибудь указы о пріемѣ въ духовныя школы всякаго чина людей, кромѣ духовныхъ. Что касается до цѣлости податныхъ классовъ, то она вполнѣ была упрочена еще первой ревизіей. Заботливость правительства объ ихъ неприкосновенности простиралась до того, что въ духовный чинъ положительно запрещалось принимать даже церковниковъ, если только они какимъ нибудь образомъ попадали въ подушный окладъ, дабы тѣмъ, какъ объяснено было въ одномъ указѣ 1725 года, „въ сборѣ оклада не чинить помѣхи“, — этого мало, запрещалось выписывать изъ оклада и тѣхъ изъ попавшихъ въ него церковниковъ, которые какъ нибудь успѣли получить даже священнослужительскій санъ, а повелѣвалось „брать съ нихъ подушныя деньги наряду“ (1). Распоряженія эти имѣли за тѣмъ полную силу въ теченіе всего XVIII в. (2).

Въ виду такихъ обстоятельствъ дух. школа могла принимать постороннихъ учениковъ развѣ только для элементарнаго обученія ихъ въ своихъ нисшихъ классахъ, но во всякомъ случаѣ уже не „въ надежду священства“, а это было, разумѣется, не въ ея интересахъ и служило только лишнею тяжестію для ея матеріальной скудости, тяжестью, отъ которой ей всего лучше было освободиться. И вотъ въ 1728 г.

(1) П. С. З. VII, № 4802, 4804.

(2) См. Приходск. духов. въ Россіи, стр. 94—100. 105—109.

(7 іюня) отъ св. Синода былъ изданъ относительно этого предмета рѣшительный указъ, который, хотя и имѣлъ въ виду одну московскую академію, но сталъ потомъ служить руководствомъ и для другихъ дух. школъ. „По опредѣленію св. прав. Синода, а по доношенію коллегіи экономіи, велѣно обрѣтающихся въ московской славяно-греко-латинской академіи въ школахъ солдатскихъ дѣтей, обуча, отослать въ полки въ службу и впредь для обученія принимать таковыхъ, о которыхъ тѣхъ полковъ, въ которыхъ отцы ихъ служатъ, отъ командировъ прислано будетъ письменное увѣдомленіе, что они нынѣ и впредь въ полки не надобны; а помѣщиковыхъ людей и крестьянскихъ дѣтей, также непонятныхъ и злонравныхъ отъ упомянутой школы отрѣшить и впредь таковыхъ не принимать“ (1). Указъ этотъ, составленный совершенно въ духѣ сословныхъ интересовъ, соблюдался академіею со всею точностію даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ ней чувствовался крайній недостатокъ учениковъ и „ученіе распространеніемъ пресѣкалось“ (2). Также строго слѣдовали высказаннымъ въ немъ требованіямъ и другія дух. школы, хотя онъ прямо къ нимъ и не относился. Епархіальныя школы, уже прямо открывавшіяся для сословно-спеціальнаго назначенія, имѣли еще большій интересъ слѣдовать этимъ требованіямъ, чѣмъ академія, долго имѣвшая болѣе широкое назначеніе. Какъ на школы спеціальныя и сословныя, смотрѣли на нихъ и администрація и разные классы общества. Вслѣдствіе этого всякое, даже случайное уклоненіе ихъ отъ этого назначенія и расширеніе своего просвѣтительнаго вліянія на людей другихъ сословій считалось явленіемъ незаконнымъ

(1) Ист. Росс. іер., I, 429.

(2) П. С. З. VIII, № 6066. Крестьянскій сынъ Ломоносовъ, какъ извѣстно, только обманомъ могъ попасть въ академію, сказавшись сыномъ священника.

или по крайней мѣрѣ несвойственнымъ для нихъ и влекло за собой иногда весьма чувствительныя непріятности.

Въ 1733 г., когда сословные принципы достигли уже значительной крѣпости, вятскій архіерей Лаврентій Горка, малоруссъ, привыкшій къ всесословному характеру южно-русскихъ школъ, вздумалъ было придать такой же характеръ только лишь открытой имъ въ Вяткѣ архіерейской школѣ. Опираясь на слова Регламента о пріемѣ въ архіерейскія школы „дѣтей и лучшихъ градскихъ людей“, недавно только цѣликомъ повторенныя въ указѣ имп. Анны 1731 г. о заведеніи новыхъ дух. школъ, онъ издалъ распоряженіе о наборѣ въ ученіе, кромѣ духовныхъ дѣтей, еще дѣтей лицъ свѣтскихъ, какъ находившихся въ вѣденіи самой духовной власти, разныхъ монастырскихъ и домовыхъ стряпчихъ, приказныхъ, жившихъ на монастырскомъ кормѣ отставныхъ солдатъ, сержантовъ, поручиковъ, капитановъ и т. п., такъ и другихъ лицъ гражданскаго вѣдомства. Первыхъ, согласно указу 1723 г. о дух. дѣтяхъ, онъ безъ церемоніи подвергнулъ обычному порядку набора, „имая въ школу и неволею“; о послѣднихъ, какъ людяхъ неподвѣдомственныхъ ему, снесся съ провинціальной канцеляріей, настойчиво потребовавъ отъ нея, чтобы она сама распорядилась годныхъ изъ нихъ выслать въ арх. домъ для опредѣленія въ школу. Но какъ онъ на этомъ ни настаивалъ, какъ ни убѣждалъ самихъ горожанъ въ пользѣ латинскаго ученія для ихъ дѣтей, ревность его не повела ни къ чему. Вскорѣ ему пришлось горькимъ опытомъ убѣдиться, что онъ не въ Малороссіи, что здѣсь къ дух. школѣ только и могутъ быть „причинны“ дѣти лицъ дух. же вѣдомства. Въ 1736 г. изъ за одного посадскаго мальчика, котораго вѣроятно неволею имали въ арх. школу, дѣло дошло до настоящаго бунта противъ архіерея. „По злобѣ Злыгостева (отца взятаго въ школу мальчика), писалъ Лаврентій въ своемъ доношеніи на высочайшее имя, по по-

данной отъ него въ воеводскую канцелярію челобитной, дому нашего келейниковъ и стихарныхъ подьяковъ и учениковъ и служителей въ тое воеводскую канцелярію похватали,... и тоежъ канцеляріи подъячіе, и разсыльщики, и посадскіе человѣкъ со сто и больше на домъ архіерейскій, въ которомъ и школы имѣются, съ дубинами и съ палками и съ кирпичьемъ нападали, и школы раззоряли, и въ домъ архіерейской, и въ избу кирпичьемъ бросали, и въ ворота необычно ломились, что тѣ ворота были отъ нихъ и досками подперты. И мое смиреніе въ домѣ архіерейскомъ, яко во осадѣ, доселѣ содержусь, и нельзя изъ дому архіерейскаго никому вонъ вытить. Понеже изъ оной канцеляріи дому нашего учителей и служителей хватать различно похваляются, а нѣкоторыхъ служителей содержатъ въ той канцеляріи другую недѣлю“ (1). Послѣ этого посадскихъ людей пришлось, разумѣется, не безпокоить больше никакимъ словено-латинскимъ ученіемъ.

Въ 1742 г. открылась новая семинарія въ Троицкой лаврѣ и съ самаго же начала, какъ невская, наполнена была свѣтскими людьми лаврскаго вѣдомства, которыхъ лавра считала нужнымъ обучить для своихъ вотчинныхъ службъ, дѣтьми монастырскихъ приказныхъ, подъячихъ, солдатъ, конюховъ, портныхъ, колесниковъ и др. лаврскихъ служителей, такъ что въ числѣ 92 учениковъ перваго курса духовныхъ дѣтей училось въ ней всего только 12 человѣкъ. Но черезъ два года такой составъ школьнаго курса значительно измѣнился. Въ концѣ 1744 г. солдатскихъ дѣтей велѣно было отпустить къ ихъ отцамъ и впредь таковыхъ не принимать. Дѣти крестьянъ потребовались къ производившейся тогда второй ревизіи для записи въ подушный окладъ, хотя еще предъ ревизіей св. Синодъ исходатайствовалъ у Сената указъ,

(1) Іерархія вятск. епархіи *Никитникова*, прилож. 30, стр. 193—194. Вятск. епарх. вѣд. 1868 г. №№ 2 и 4: Ист. вятск. семинаріи.

чтобы ученики академіи и семинарій, какъ дух. званія, такъ и всякаго чина людей дѣти, не были отдаваемы ни въ службу, ни въ окладъ. Не довольствуясь этимъ, московская канцелярія ревизіи записала въ окладъ еще разныхъ учившихся въ троицкой семинаріи дѣтей захребетниковъ и служителей лавры, въ числѣ 67 человѣкъ. Лавра горячо заступилась за своихъ питомцевъ и подняла объ нихъ длинное и дорого ей стоившее дѣло. Сначала канцелярія ревизіи отвѣчала на протестъ монастыря тѣмъ, что она не знаетъ и о существованіи троицкой семинаріи, кѣмъ и по какимъ указамъ она заведена; потомъ, когда лавра представила, что семинарія основана по высочайшей волѣ, сообщила въ подлинникѣ и самые указы объ ея основаніи, ревизіонная коммисія не урезонилась и этимъ, а потребовала еще свѣденій о томъ же предметѣ изъ св. Синода; наконецъ, уже по полученіи отвѣта изъ св. Синода, въ 1750 г., почти черезъ 6 лѣтъ послѣ начатія дѣла, семинаристы изъ оклада были выписаны. Какъ слѣдовало ожидать, кромѣ хлопотъ, лавра должна была потерпѣть въ этомъ дѣлѣ еще немалыя издержки на взятки генералитету и чиновникамъ, ублажить ихъ деньгами, икрой, винами, лимонами, свиными тушами, сѣномъ и подносными иконами. Послѣ этого въ семинарію стали приниматься только духовныя, служнія, приказныя и подъяческія дѣти изъ лаврскаго вѣдомства. Но и между ними было соблюдаемо строгое сословное различіе. Въ 1746 г. лаврскій соборъ постановилъ правиломъ, чтобы дѣти духовенства учились въ школѣ въ надежду священства, а служительскія въ пользу Троицкія лавры. Поступленіе послѣднихъ въ священнослужители допускалось только въ видѣ исключенія для особенно успѣвшихъ въ наукахъ; большею же частію они опредѣлялись къ письменнымъ дѣламъ при лаврѣ и въ ея вотчинахъ (1).

(1) Ист. троицк. семин. 26. 29—31. 34. 101. 104.

Между всѣми дух. школами исключеніе составляли только школы южно-русскія, неизмѣнно удерживавшія свой прежній общесословный характеръ, и нѣкоторыя нижшія училища въ самой Великороссіи. Въ кіевской академіи, по словамъ ея историка, „въ продолженіе всего ея существованія (до реформы) постоянно воспитывались дѣти всѣхъ сословій государственныхъ, отъ дворянскаго до земледѣльческаго, а прежде открытія въ нашемъ отечествѣ народныхъ училищъ и университетовъ воспитывались и дѣти всѣхъ почти малороссійскихъ и нѣкоторыхъ великороссійскихъ знатнѣйшихъ фамилій". Число свѣтскихъ учениковъ даже превышало число духовныхъ (1). Въ черниговской семинаріи и харьковскомъ коллегіумѣ, тоже обучались и дворянскія, и казацкія, и мѣщанскія дѣти, выходя потомъ на разныя роды службы и занятій. Харьковскій коллегіумъ, при самомъ основаніи своемъ получившій общее назначеніе „учить, какъ гласила высочайшая грамота 1731 г., всякаго народа и званія дѣтей православныхъ", до самой реформы начала текущаго столѣтія былъ заведеніемъ совершенно открытымъ для всѣхъ сословій и имѣлъ характеръ не столько семинаріи, сколько гимназіи. Такъ на него постоянно смотрѣли главные его благодѣтели, разные представители фамиліи Голицыныхъ, прямо высказываясь, что они поддерживаютъ его именно за ту пользу, какую онъ приноситъ всему обществу, а не одному духовенству Слободской украйны (2). Нижшія епархіальныя школы, по мѣрѣ своего возникно-

(1) По пітическому каталогу учениковъ $17^{69}/_{70}$ г. свѣтскихъ учениковъ значится 69, духовныхъ 47. Кіевъ съ его древн. учил. *Аскоченскаго*. II, 268. Ист. кіевск. академіи, стр. 200.

(2) Ист. харьк. коллег. Дух. Бесѣда 1863 г. № 23. Харьк. епарх. вѣд. 1872 г. № 22, стр. 427. Здѣсь между прочимъ сказано, что главноуправляющій Слободской украйной кн. Голицынъ потому и принялъ участіе въ бѣлогородской семинаріи, чтобы дать возможность обучаться въ ней дворянскимъ дѣтямъ, поэтому упросилъ перевести ее въ Харьковъ, гдѣ имѣлъ резиденцію.

венія, повсюду получали характеръ заведеній приготовительныхъ къ семинаріямъ и такъ какъ кромѣ того содержаніе ихъ производилось большею частію изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ съ семинаріями, то для обученія въ нихъ, какъ и въ семинаріи, обыкновенно набирались дѣти духовенства. Но съ другой стороны по элементарному характеру своего курса онѣ представляли собою самыя удобныя, а при полномъ недостаткѣ другихъ даже единственныя заведенія для элементарнаго народнаго обученія. Поэтому, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ оставались открытыми для всѣхъ, желавшихъ получить въ нихъ первоначальное обученіе. Такъ наприм. это извѣстно объ упомянутой нами школѣ Далматовскаго монастыря по обращеніи ея въ дух. училище и о другихъ школахъ тобольской епархіи (1). Кромѣ платы за своихъ дѣтей, обучавшихся въ дух. школѣ, обыватели школьнаго города принимали по мѣстамъ участіе въ содержаніи самой школы, какъ наприм. это извѣстно объ астраханскомъ купечествѣ, принимавшемъ живое участіе въ самомъ открытіи астраханской школы и назначившемъ отъ своего общества сумму на жалованье учителю, также о гражданахъ г. Торопца, которые вмѣстѣ съ духовенствомъ участвовали въ строеніи и содержаніи торопецкой школы (2).

Обязательность обученія въ дух. школѣ для дѣтей духовенства была достаточно утверждена еще прежнимъ Петровскимъ законодательствомъ и съ теченіемъ времени дѣлалась все настоятельнѣе по мѣрѣ распространенія духовно-учебныхъ заведеній по епархіямъ. Ограничивая практику духовной службы опредѣленнымъ для нея сословіемъ духовенства, правительство постоянно требовало отъ этого послѣдняго извѣстной подготовки къ ней въ дух. школѣ, наз-

(1) О Далмат. школѣ въ пермск. еп. вѣд. 1868 г. Домов. дѣт. Андреева въ Чтен. 1870 г. IV, смѣсь.

(2) Ист. росс. іер. I, 431. Опис. смоленск. епарх. 190.

наченной „въ надежду священства“, и вмѣстѣ съ духовной администраціей смотрѣло на школьное обученіе духовныхъ дѣтей, какъ на необходимую предварительную часть самой духовной службы. Уклоненіе отъ этого обученія трактовалось, какъ уклоненіе отъ самой службы духовной, отъ существеннаго назначенія духовнаго сословія, и необходимо должно было вести или къ мѣрамъ принудительнаго привлеченія уклонявшихся въ школу, или къ совершенному отчисленію ихъ отъ самаго духовнаго сословія. Указы Петра объ „иманіи дух. дѣтей въ школы неволею“ (1723 г.) и объ отдачѣ неучившихся изъ нихъ, яко излишнихъ, въ солдаты и въ подушный окладъ постоянно приводились въ указахъ его преемниковъ на справку, какъ главное основаніе всѣхъ новыхъ распоряженій о дѣтяхъ духовенства, и имѣли полную силу въ практикѣ. Не большое ослабленіе ихъ замѣтно только въ короткій періодъ реакціи отъ смерти Петра до восшествія на престоръ имп. Анны, но съ начала 1730-хъ годовъ, когда правительство съ особенною настойчивостью стало требовать, чтобы „неученыхъ въ духовныхъ чинахъ уже не было“, они стали приводиться въ исполненіе съ величайшей и даже, можно сказать, неумолимой энергіей.

Въ 1731 г. св. Синоду было донесено изъ московской академіи, что „въ оную академію священники и діаконы и причетники дѣтей своихъ для обученія не отдаютъ, отъ чего число учениковъ въ академіи умалилось и ученіе распространеніемъ пресѣкается, а оные священники и діаконы и причетники отдаютъ дѣтей своихъ въ разныя коллегіи и канцеляріи въ подъячіе“. Донесеніе это вызвало со стороны Синода указъ, весьма замѣчательный по той рѣшительности, съ какою высказанъ былъ въ немъ принципъ сословной замкнутости духовенства: всѣ священно-и-церковно служители обязывались „дѣтей своихъ для наученія въ надежду священства отдавать въ школу безъ всякаго отлагательства и отговорокъ, а въ подъ-

ячіе по коллегіямъ и канцеляріямъ, также и въ другіе чины отнюдь не отдавать, подъ лишеніемъ чиновъ своихъ и подъ безпощаднымъ наказаніемъ; и для того велѣно отъ дух. дикастеріи ихъ поповъ и діаконовъ съ причетники обязать въ томъ письменно съ подпискою ихъ рукъ, и коликихъ лѣтъ у кого священниковъ и діаконовъ и причетниковъ дѣти не въ службѣ нынѣ суть, взять сказки, и тѣ сказки и обязательныя письма подать во оную дикастерію, а изъ нея, учиня изъ того обстоятельный реэстръ, взнесть для вѣдома въ св. Синодъ; а въ епархіяхъ архіереямъ о таковыхъ поповскихъ и діаконовскихъ и причетническихъ дѣтяхъ чинить по усмотрѣнію потребности и лѣтъ ихъ и по силѣ указовъ; а чтобъ отнынѣ тѣхъ священническихъ и проч. дѣтей въ коллегіи и канцеляріи въ подъячіе и въ другіе свѣтскіе чины принимать было запрещено, о томъ изъ св. прав. Синода сообщить въ прав. Сенатъ вѣденіе". Сенатъ согласился на это вѣденіе и въ слѣдующемъ году издалъ о томъ же предметѣ указъ отъ себя. Свѣтское вѣдомство правда крайне нуждалось въ подъячихъ и канцеляристахъ, такъ что въ томъ же 1732 г. потребовалось издать особый сенатскій указъ, чтобы къ дух. дѣламъ въ подъячіе нигдѣ не были опредѣляемы приказные изъ свѣтской команды, а только люди изъ команды синодальной, изъ дѣтей духовенства; но оно все-таки безъ особеннаго сожалѣнія могло отказаться отъ пріема въ свою службу лишь поповичей, еще не учившихся въ школахъ, о которыхъ говорилъ указъ Синода; — отъ права принимать на службу тѣхъ же дух. дѣтей, но уже вышедшихъ изъ дух. школъ съ извѣстнымъ образованіемъ, оно, какъ увидимъ, не отказалось, какъ это обстоятельство ни было не выгодно для духовнаго вѣдомства. Замѣчательно, что какъ ни грозенъ былъ приведенный указъ св. Синода, въ слѣдующемъ году его еще пришлось повторить два раза, потому что изъ московской академіи все еще жаловались, что безъ дух. дѣтей тамъ ученіе пресѣ-

кается, а солдатскихъ, помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ и крестьянскихъ дѣтей принимать запрещено (1).

Съ 1736 г. уклонявшіяся отъ ученія дѣти духовенства подверглись страшной грозѣ разборовъ, которые цѣлыми сотнями погнали ихъ въ школы, гдѣ только и можно было спастись отъ бѣды (2), потому что отъ солдатства или подушнаго оклада освобождались, кромѣ старыхъ и малыхъ, только тѣ лица духовнаго званія, которыя или состояли на дѣйствительной церковной службѣ или еще готовились къ ней обученіемъ въ своей сословной и спеціальной школѣ. Разборъ 1736 г. былъ назначенъ на основаніи точнаго смысла Петровскихъ указовъ и съ тѣмъ „претекстомъ, какъ гласилъ сенатскій указъ (28 сентября), что всѣхъ дѣйствительно служащихъ священно-церковнослужителей дѣтямъ велѣно въ надежду священства учиться въ школахъ, чего для они и въ подушный окладъ неположены, а нынѣ вѣдомо учинилось, что многіе дѣтей своихъ въ школы не отдаютъ, но въ подъячіе по канцеляріямъ и въ прочіе чины производятъ и другими разными виды отъ того ихъ укрываютъ; того ради велѣно ихъ всѣхъ отъ мала до велика переписать и годныхъ ко ученію отъ негодныхъ разобрать, по которой переписи и разсмотрѣніе учинено будетъ въ прав. Сенатѣ обще съ св. Синодомъ". Перепись эту велѣно произвести губернаторамъ и воеводамъ вмѣстѣ съ архіереями по сказкамъ поповскихъ старостъ, заказчиковъ и самихъ причтовъ,

---

(1) П. С. З. VIII, №№ 5882. 6066. 6152. 6267. Ист. моск. акад. стр. 106.

(2) Въ біографіи св. Тихона воронежскаго при его сочиненіяхъ разсказывается, что напуганныя указами о разборѣ дух. лица новгородской епархіи «съ послѣднимъ иждивеніемъ своимъ» старались помѣстить своихъ дѣтей въ школу при архіер. домѣ, такъ что учащихся набралось въ ней тогда до тысячи человѣкъ. По донесенію коммиссіи о разборѣ, она сама въ теченіе двухъ лѣтъ разбора отослала въ новгородскую школу 621 человѣкъ. П. С. З. X, 7790.

засвидѣтельствованнымъ отъ мѣстныхъ свѣтскихъ властей, помѣщиковъ, приказчиковъ, сельскихъ управителей и старостъ; за утайку въ этихъ сказкахъ какъ числа людей, такъ и количества ихъ лѣтъ виновнымъ назначена смертная казнь безъ пощады. Затѣмъ всѣхъ церковниковъ и дух. дѣтей, которыя по разбору окажутся не на дѣйствительной службѣ и не въ школѣ, за исключеніемъ малолѣтнихъ, назначенныхъ по достиженіи извѣстнаго возраста къ опредѣленію въ дух. школы, велѣно годныхъ взять въ солдаты, а остальныхъ записать въ окладъ. Вслѣдъ за этимъ указомъ послѣдовалъ рядъ новыхъ подтвердительныхъ указовъ, въ которыхъ правительство торопило скорѣйшей присылкой вѣдомостей о духовенствѣ изъ епархій и грозило разными строгостями за нерадѣніе о переписи и утайки; велѣно было подвергнуть разбору и тѣхъ людей духовнаго происхожденія, которые, уклоняясь отъ дух. школы, а между тѣмъ желая спастись отъ разбора свѣтской службой, поспѣшили опредѣлиться на службу при канцеляріяхъ уже послѣ сентябрьскаго указа о разборѣ (1).

Съ самаго начала разбора было объявлено, что не желающіе поступать въ военную службу могутъ поставлять за себя наемщиковъ; но при этомъ правительство постаралось устранить у нихъ всякую мысль о томъ, что, откупившись отъ солдатства, они могутъ послѣ этого быть уже свободны и отъ обязательнаго обученія въ дух. школѣ. Обстоятельное разъясненіе касательно этого предмета находимъ въ указѣ 6 февр. 1737 г. Послѣ поставки за себя рекрута, которая, замѣтимъ кстати, сама по себѣ обставлена была условіями слишкомъ тяжелыми для бѣднаго духовенства (съ обмундированіемъ и вооруженіемъ рекруть оцѣнивался въ 200 р.), всякій откупившійся такимъ образомъ отъ службы, долженъ былъ тутъ же

(1) П. С. З. IX №№ 7070. 7138. 7164.

дать обязательство непремѣнно поступить въ дух. школу, иначе долженъ былъ приписаться къ подушному окладу; а чтобы школа не сдѣлалась для такихъ молодыхъ людей мѣстомъ одного укрывательства отъ службы, черезъ три года послѣ поступленія въ нее ихъ велѣно подвергать экзамену предъ архіереями и губернаторами, послѣ чего успѣвшихъ въ наукахъ опредѣлять по достоинству въ духовные и гражданскіе чины, а тѣхъ, которые тѣ годы провели праздно, отдавать въ солдаты безъ всякаго зачета (1). Нельзя не обратить при этомъ вниманія на то, что, увлекаясь своими просвѣтительными замыслами, законодатели совсѣмъ упускали изъ виду даже издавна принятый порядокъ и продолжительность обычнаго семинарскаго курса: въ три года эти новые школяры должны были пройти ариѳметику, геометрію, грамматику, риторику и, буде есть охота, философію, т. е. пройти чуть не всѣ классы, кромѣ богословскаго. Но о странности этого распоряженія тогда никто не осмѣливался сдѣлать замѣчанія. Св. Синодъ рѣшился войти объ этомъ съ представленіемъ, какъ увидимъ, гораздо позже, уже по окончаніи назначеннаго трехлѣтняго срока, когда несостоятельность указа обнаружилась на дѣлѣ и вызвала непреоборимыя затрудненія въ его практическомъ примѣненіи.

Въ сентябрѣ того же 1737 г. опредѣленъ былъ самый возрастъ, послѣ котораго дѣти духовенства, не поступившія въ школу, подлежали разбору, именно 15-ти лѣтній, равно какъ и возрастъ, послѣ котораго люди дух. званія, не имѣвшіе службы, освобождались отъ солдатства, именно 40-лѣтній. Но дней черезъ 12 распоряженіе это было измѣнено и велѣно брать въ солдаты здоровыхъ и крѣпкихъ людей, хотя бы они были записаны и ниже 15 или выше 40 лѣтъ. Черезъ недѣлю новый указъ; правительство добралось до самихъ школьниковъ, какъ учащихся, такъ

(1) Тамъ же X, 7169.

особенно выбывшихъ изъ школы, и распорядилось: разыскать всѣхъ прежнихъ школьниковъ, живущихъ праздно, и распредѣлить до службамъ, лѣнивыхъ и непонятныхъ въ школѣ отнюдь не держать, а прямо отсылать чрезъ гражданскихъ управителей въ военную службу; кончившихъ ученіе до тѣхъ поръ не выпускать изъ школы, пока не сыщутъ по желаніямъ своимъ мѣсто и къ тому потребованы и опредѣлены будутъ (1). Крѣпко держа въ головѣ мысль, что всякій человѣкъ въ государствѣ непремѣнно долженъ или платить окладъ или служить, и не допуская никакихъ отсюда исключеній, законодатели на этотъ разъ забыли даже то, на чемъ сами же настаивали нѣсколько недѣль тому назадъ (въ сентябрьскомъ указѣ 1737 г.), чтобы во священство никого, въ томъ числѣ и кончившихъ школьный курсъ, не ставить раньше 30 лѣтъ возраста.

Перепись и разборы духовенства миновали только Малороссію и Землю Войска Донскаго, откуда пришли представленія, что наслѣдственнаго духовнаго сословія тамъ не было, что церковники и дѣти духовенства больше въ казачьемъ званіи обрѣтаются, вообще живутъ въ особомъ опредѣленіи (2); но зато въ другихъ мѣстахъ они производились очень сурово и имѣли своимъ результатомъ совершенное опустошеніе духовнаго чина, который поэтому сохранилъ о царствованіи имп. Анны самое тяжелое воспоминаніе. Поводами къ такой суровости разборовъ послужили во первыхъ тогдашняя тяжелая война съ Турціей, потребовавшая усиленныхъ наборовъ въ солдаты, во вторыхъ дошедшія до правительства извѣстія о множествѣ лицъ дух. званія, не исполнившихъ въ 1730 и 1731 гг. государственныхъ присягъ на вѣрность императрицѣ, извѣстія, возбудившія въ правительствѣ сильную подозрительность въ отношеніи къ духовен-

(1) Тамъ же № 7364. 7378. 7385. 7389.
(2) Тамъ же №№ 7144. 7331.

ству и повлекшія за собой огромное и придирчивое слѣдствіе о неприсягавшихъ по всѣмъ епархіямъ. Въ то время, какъ война естественно должна была придавать разборамъ особую энергію, дѣло о присягахъ сообщило имъ еще какой-то карательный характеръ, характеръ настоящаго гоненія на духовное вѣдомство.

Не смотря на то, что правительство въ своихъ указахъ постоянно высказывало свою ревность о распространеніи школьнаго образованія между духовенствомъ и нѣсколько разъ подтверждало, что учащіеся въ дух. школахъ и отъ записи въ окладъ и отъ солдатства освобождаются, что самые разборы назначены для очищенія дух. чина отъ невѣждъ и др. лишнихъ людей, разборы все-таки должны были сильно задѣвать и дух. школы. Всѣ эти указы о трехлѣтнемъ срокѣ обученія въ нихъ молодыхъ людей, откупившихся отъ службы поставкою вмѣсто себя наемщиковъ, о строгихъ имъ экзаменахъ въ присутствіи воеводъ, о немедленной отдачѣ въ солдаты учениковъ малоуспѣшныхъ, о записи въ окладъ или въ солдатство 15-ти лѣтнихъ дух. дѣтей и моложе, которыя, при тогдашнемъ обыкновеніи поздно начинать ученіе, могли бы еще поступить въ школу, о тщательныхъ переписяхъ всѣхъ школьниковъ и т. п. невольно заставляютъ подозрѣвать въ законодателяхъ какое-то сожалѣніе, что въ школахъ пропадаетъ слишкомъ много силъ, которыя можно было бы употребить въ пользу военной службы или въ окладъ. Нѣкоторые ревнители государственнаго интереса, участвовавшіе въ производствѣ разбора, такъ эти указы и понимали. Изъ Новгорода наприм. въ началѣ 1737 г. пришла въ Синодъ жалоба на вице-губернатора Бредихина, что онъ совсѣмъ опустошилъ причты при церквахъ, по дѣлу о присягахъ забралъ въ солдаты даже нѣсколько школьниковъ, которые въ надежду священства въ архіер. школѣ обучены были. Такая же жалоба на забираніе школьниковъ къ разбору въ 1739 г.

была подана изъ тверской епархіи (1). На первую жалобу новогородская губернская канцелярія прислала любопытное объясненіе: въ объясненіи этомъ она съ своей стороны жаловалась Сенату на епархіальное начальство, что оно мѣшаетъ разбору, споритъ съ губерніей о томъ, что сначала нужно удовольствовать церковниками и дух. дѣтьми церковныя мѣста по штату и оставить извѣстное число ихъ для занятія впредь имѣющихъ открыться вакансій, а за тѣмъ остальныхъ уже подвергать разбору, а по мнѣнію де ея, канцеляріи, духовные управители должны наполнять церковный штатъ преимущественно изъ людей негодныхъ уже въ солдаты, остающихся послѣ разбора, въ противномъ случаѣ можно будетъ почти всѣхъ распредѣлить по церквамъ и въ запасъ, ибо они и всѣ того же желаютъ, да и духовные правители о томъ же стараются, въ чемъ наивящше произойдутъ безпорядки, понеже всѣ священнослужители и церковники, не желая дѣтямъ своимъ быть въ службѣ, будутъ всякими своими происки и пронырствы искать того, чтобы дѣти ихъ были при мѣстахъ, а другія впредь для наслѣдства тѣхъ мѣстъ оставлены (т. е. отданы въ школу или причислены къ церквамъ), отъ чего въ службу годныхъ мало и останется (2). Такимъ образомъ въ пользу дух. службы и для опредѣленія въ школы въ надежду священства долженъ былъ употребляться одинъ только оборъ отъ военной службы. Замѣчательно при этомъ, что правительство не находило въ этомъ мнѣніи ничего страннаго и въ своихъ указахъ само высказывалось въ томъ же смыслѣ. Выдавъ помянутый указъ 1737 г. о привлеченіи къ разбору всѣхъ не дѣйствительно служащихъ людей дух. званія отъ 15 до 40 лѣтъ возрастомъ, оно прямо высказывало свое неудовольствіе на то, что приставленныя къ раз-

(1) П. С. З. X. № 7790.
(2) Тамъ же № 7198.

бору особы „самыхъ лучшихъ людей изъ подлежащихъ разбору въ штатъ пишутъ и подъ разными видами отъ службы кроютъ и защищаютъ, не разсуждая того, что при нынѣшнемъ военномъ времени въ укомплектованіи полковъ крайняя нужда“ (1). Послѣ этого указа и другаго того же года о недержаніи въ школахъ малоуспѣшныхъ учениковъ отдача послѣднихъ въ солдаты значительно усилилась. Такъ напр. въ псковской семинаріи въ первые годы царствованія имп. Анны до 1738 г. изъ 149 учениковъ отдано въ солдаты 31, а въ 1738 г. 30 учениковъ (изъ 236) въ одинъ годъ (2). Точно также правительство ревновало и о цѣлости подушнаго оклада. Уже подъ конецъ разбора св. Синодъ просилъ кабинетъ министровъ, чтобы при записи разныхъ церковниковъ въ подушный окладъ не были выключены изъ дух. вѣдомства по крайней мѣрѣ дѣти ихъ, которыхъ можно помѣстить для обученія въ дух. школы. Кабинетъ отказалъ въ этой просьбѣ на томъ основаніи, что безъ дѣтей такихъ церковниковъ за собой въ окладъ никто и записать не похочетъ, согласился выписать изъ оклада только нѣкоторыхъ изъ нихъ самыхъ дряхлыхъ, которыхъ уже никто за себя не бралъ, но дѣтей ихъ все-таки велѣлъ числить въ податномъ состояніи (3).

Указы очевидно преслѣдовали разомъ двѣ цѣли: усилить духовное образованіе для интересовъ дух. службы и въ то же время въ прямой ущербъ для нея поддержать интересы государственной службы и тягла. Стремленіе къ послѣдней цѣли оказывалось сильнѣе и не могло не мѣшать достиженію первой. Неудивительно поэтому, что подъ конецъ царствованія имп. Анны результаты просвѣтительныхъ мѣръ, предпринятыхъ съ 1736 г., оказались далеко не соот-

(1) Тамъ же № 7364.
(2) Ист. Псковск. семин. въ чтен. 1866 г. стр. 26.
(3) П. С. З. XI. 8105. 8148 п. 2.

вѣтствовавшими степени ихъ форсированности. Дух. школы наполнились множествомъ учениковъ и обязательность школьнаго образованія для дѣтей духовенства утвердилась весьма крѣпко; но въ тоже время духовное сословіе доведено было до такого опустошенія, что многочисленныя церковныя вакансіи по всѣмъ епархіямъ все-таки пришлось замѣщать людьми неучеными или недоучившимися въ школахъ. Когда возникъ вопросъ объ этомъ замѣщеніи вакансій, св. Синодъ въ 1739 г. вошелъ къ императрицѣ съ докладомъ, въ которомъ прямо просилъ, за крайнимъ недостаткомъ духовенства, отъ кандидатовъ священства не требовать обученія высшихъ наукъ, а дозволить ставить ихъ на мѣста, только обуча букварю и катихизису и главнымъ образомъ обращая вниманіе лишь на доброе и непорочное ихъ житіе. Императрица согласилась. До такой степени пришлось спустить тонъ прежнихъ горячихъ и многорѣчивыхъ просвѣтительныхъ требованій въ отношеніи къ духовенству. Въ слѣдующемъ году Синоду пришлось сдѣлать другой подобный же докладъ по просьбѣ нѣкоторыхъ изъ дѣтей духовенства, которые, откупившись отъ рекрутчины при разборѣ 1737 г., были посланы на 3 года въ школы учиться грамматикѣ, риторикѣ и философіи подъ угрозой въ случаѣ неуспѣшности быть записанными въ солдаты. Въ просьбѣ своей они представляли, что „они за превосшествіемъ отроческихъ лѣтъ оныхъ наукъ понять никакъ не могутъ, зачѣмъ де ихъ въ духовные чины на праздныя мѣста не производятъ". „А понеже, писалъ св. Синодъ въ своемъ докладѣ, риторическое и прочихъ высшихъ школъ ученіе преподается, начиная отъ нижнихъ школъ, и производится въ высшія отъ школы въ школу не краткимъ временемъ, и для того таковымъ священно-и-церковнослужительскимъ дѣтямъ, кои уже въ превозрастныхъ лѣтахъ находятся, а между тѣмъ многимъ уже и въ супружествѣ обязавшимся, онаго достигнуть въ скорости совершенно неудобно,... въ церковномъ же кли-

рѣ повсюду крайній недостатокъ, и хотя долженствуетъ, чтобы священнослужители вездѣ поне мало были учительны, но того, доколѣ могутъ произойти таковые изъ начавшихся училищъ, долго ждать, а между тѣмъ безъ священниковъ крайняя настоитъ прихожанамъ во всякихъ христіанскихъ требахъ нужда". Принимая все это во вниманіе и нѣсколько обобщая вопросъ, св. Синодъ просилъ всѣхъ освобождавшихся отъ военной службы лицъ духовнаго происхожденія отъ 20 до 30 и болѣе лѣтъ, яко къ понятію высшихъ наукъ неспособныхъ, отъ обученія тѣхъ наукъ уволить и дозволить опредѣлять на мѣста, обуча только тому, чему повелѣно въ приведенномъ сейчасъ именномъ указѣ 1739 года. Правительство согласилось и на это (1).

Послѣ тяжелаго для духовенства времени 1730-хъ годовъ настала болѣе счастливая для него пора царствованія имп. Елизаветы. Разборы церковниковъ и дух. дѣтей много потеряли своей прежней суровости, но не были прекращены совершенно. Въ 1743 г. была предпринята новая ревизія и для производства ея выдана подробная инструкція, составленная на тѣхъ же самыхъ началахъ, которыя лежали въ основѣ первой ревизіи при Петрѣ (2). Неизбѣжные послѣ этого разборы духовенства тоже во всей точности слѣдовали принципамъ, выработаннымъ для нихъ при Петрѣ и при Аннѣ Іоанновнѣ, не представляя въ этомъ отношеніи ничего новаго, кромѣ развѣ меньшей степени энергіи, съ какой эти принципы приводились въ исполненіе (3). Обязательность школьнаго обученія для кандидатовъ на духовную службу во всѣхъ указахъ мыслилась въ качествѣ предмета совершенно безспорнаго. Въ 1746 г. св. Синоду представился случай высказать свои возрѣнія на этотъ предметъ съ особен-

(1) Тамъ же 8199.
(2) Тамъ же XI. 8836.
(3) См. подробнѣе Приходск. дух. въ Россіи стр. 243 и далѣе.

ною ясностію вслѣдствіе вновь возникшаго при разборѣ вопроса о духовенствѣ казачьихъ земель, которое и теперь, какъ въ 1730-хъ гг. отказывалось отъ переписи своихъ дѣтей, ссылаясь на свое исключительное положеніе.

Дѣло это началось въ 1745 г. въ землѣ донскаго войска, причислявшейся къ воронежской епархіи. Въ это время въ Воронежѣ открывалась семинарія и по распоряженію епархіальнаго начальства со всей епархіи собирались вѣдомости о дѣтяхъ духовенства, годныхъ къ пріему въ ученье, и о хлѣбѣ на содержаніе новой школы. Донское войско чрезъ своихъ атамановъ объявило, что въ своихъ станицахъ оно не дозволитъ произвести переписи ни хлѣба, ни семействъ духовенства, причемъ сослалось на свои казацкія привиллегіи и на указъ 1737 г., которымъ при тогдашнихъ разборахъ духовенства дѣти донскаго духовенства были исключены изъ переписи, какъ состоящія въ войсковомъ порядкѣ. О томъ же донесло оно чрезъ военную коллегію и св. Синоду. Въ 1746 г. въ Синодѣ состоялось рѣшеніе (17 іюня), что переписи и смотра дѣтей казачьяго духовенства „для обученія оныхъ въ надежду священства св. Синодъ оставить не можетъ, потому что по Д. Регламенту и по указомъ ихъ имп. величествъ онымъ въ школѣ архіерейской для обученія быть должно, ибо безъ обученія къ священству способны быть не могутъ; и описи хлѣба, на земляхъ церковныхъ рождающагося, отрѣшить не надлежитъ", тоже согласно постановленію Д. Регламента (1). Послѣ этого дѣло перенесено въ Сенатъ. Въ указѣ своемъ отъ 30 іюля Сенатъ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ Синода, что дѣти духовенства дѣйствительно должны обучаться въ архіерейскихъ школахъ въ надежду священства, но въ тоже время, не желая обижать сильнаго войска, призналъ

(1) Воронежск. епарх. вѣд. 1867 г. № 1, стр. 19, № 6. стр. 206.

нужнымъ все-таки, согласно указу 1737 г.. не тревожить дѣтей тамошняго духовенства ни переписью, ни взятьемъ въ школу, такъ какъ всѣ они причислены не къ дух. званію, а къ войску, служатъ на войсковомъ жалованіи и по возрастѣ принимаютъ казачью службу, и предложилъ Синоду—для образованія кандидатовъ священства изъ донскаго края послать туда достойныхъ изъ семинаристовъ воронежской или другихъ епархій, „коимъ тамъ и обучать желающихъ дѣтей въ надежду священства позволить“ (1). Но св. Синодъ, привыкнувъ къ установившимся уже порядкамъ, никакъ не могъ примириться съ такимъ только частнымъ обученіемъ въ надежду священства, безъ обязательной школы, обученіемъ только желающихъ, притомъ же изъ казачьихъ, а не непремѣнно изъ духовныхъ дѣтей, и въ своемъ указѣ на имя воронежскаго архіерея предписалъ: выбравъ изъ дѣтей тамошняго духовенства, сколько потребно безъ малѣйшаго недостатка на убылыя впредь церковныя мѣста, „отослать ихъ для обученія въ домовую архіерейскую воронежскую семинарію.... а буде сіе возмнится имъ (казакамъ и духовенству) тягостно и неудобно, то позволить имѣть въ Черкасскѣ или въ другомъ по ихъ разсмотрѣнію удобномъ мѣстѣ семинарію же или училищный домъ и содержать оной на своемъ коштѣ и учителя“ (2). О томъ же Синодъ послалъ указъ въ военную коллегію, твердо стоя на своемъ, что „производимымъ въ священническіе и дьяконовскіе чины въ школьномъ обученіи надлежитъ быть неотмѣнно“. Въ сентябрѣ того же года Сенатъ однако отмѣнилъ это распоряженіе, признавъ какъ содержаніе новой школы, такъ и посылку учениковъ въ Воронежъ для войска донскаго отяготительнымъ и невозможнымъ и возстановилъ силу своего прежняго рѣшенія (3). Учили-

(1) П. С. З. XII. 9299.
(2) Истор. росс. іерарх. I, 445—446.
(3) П. С. З. XII, № 9329.

ще въ Черкасскѣ все-таки впрочемъ, какъ мы видѣли, въ 1761 г. успѣло устроиться, хотя и не долго продержалось.

Въ 1755 г. подобное же дѣло возникло относительно духовенства въ земляхъ яицкаго казачества, гдѣ казанскій архіерей Лука Конашевичъ, къ епархіи котораго эти земли причислялись, сталъ тогда вводить обычные епархіальные порядки, намѣревался открыть дух. правленіе и привлечь дѣтей духовенства къ обученію въ казанской семинаріи. Епархіальное начальство и здѣсь, какъ среди донскихъ казаковъ, очевидно стремилось къ тому, чтобы выдѣлить духовенство изъ казацкаго войсковаго порядка въ особый наслѣдственный классъ, не подвѣдомый войсковому управленію, и сдѣлать дух. дѣтей свободными отъ казацкой службы, для чего самымъ лучшимъ средствомъ было обученіе ихъ въ семинаріи въ надежду священства. Узнавъ о дѣйствіяхъ казанскаго епископа чрезъ донесеніе казаковъ военной коллегіи, Сенатъ указалъ не трогать и яицкихъ казацкихъ порядковъ, но на этотъ разъ распоряженія его были менѣе рѣшительны, чѣмъ относительно духовенства донскаго: для общей пользы духовенства и войска дозволено было дѣтямъ духовенства и прочимъ, кто пожелаетъ, „потребному числу въ надежду священства и въ казанской семинаріи обучаемымъ быть, чего для и надлежащее о томъ его преосвященству разсмотрѣніе учинить“ (1).

Изъ самаго характера этихъ узаконеній о казацкомъ духовенствѣ видно, что они составляютъ только исключеніе изъ общаго порядка, какого одинаково держались и Синодъ и Сенатъ какъ относительно развитія наслѣдственнаго, сословнаго характера духовной службы, такъ и относительно введенія въ духовномъ сословіи обязательнаго, сословнаго же и спеціальнаго обученія дѣтей. Исключеніе это явилось

(1) Тамъ же XIV, 10460.

вслѣдствіе того, что въ казацкихъ земляхъ при ихъ военно-общинномъ бытѣ задатки сословнаго раздѣленія были очень слабы; классъ духовенства, при неразвитости наслѣдственности духовнаго служенія, постоянно восполнялся поступленіемъ въ него новыхъ членовъ изъ среды казачества и самъ постоянно выдѣлялъ изъ себя молодыхъ людей на казацкую службу. При такихъ условіяхъ правительству оставалось наблюдать только за тѣмъ, чтобы чрезъ посвященіе новыхъ дух. лицъ не наносился ущербъ казацкой службѣ, чтобы грунтъ казацкій, съ котораго казакъ несъ свою военную службу, не дѣлался грунтомъ неслужилымъ, а оставался постоянно обложеннымъ казацкими повинностями и послѣ посвященія своего владѣльца въ духовный санъ. Грунтъ этотъ для казака, поступившаго въ дух. службу, былъ тѣмъ же, чѣмъ для посвящавшагося въ дух. санъ податнаго человѣка былъ подушный окладъ, платежъ котораго тоже не слагался послѣ посвященія. Дѣти того и другаго должны были оставаться въ прежнемъ званіи своего отца (*). Духовной администраціи, любившей замѣщать церковныя вакансіи своими людьми, очень естественно было настаивать на замѣнѣ этого вольнаго казацкаго духовенства наслѣдственнымъ; но для правительства такая замѣна была очевидно такъ же невыгодна, какъ и выписка изъ подушнаго оклада священнослужителей изъ податныхъ людей со всѣми ихъ семействами.

Указанными общими распоряженіями къ введенію въ духовенствѣ обязательнаго образованія ограничиваются почти всѣ мѣры, какія предпринимались по этому предмету со стороны высшей, какъ государственной, такъ и духовной, власти. Дальнѣйшее развитіе ихъ въ частностяхъ и примѣненіе къ практикѣ

(*) См. наприм. П. С. З. X. 7144. 7331. XII, 9299. 9329. XIV, 10461. XVII, 12454.

предоставлялось затѣмъ епархіальнымъ властямъ и самимъ дух. школамъ.

Мы видѣли, какъ ревностно шло по епархіямъ заведеніе дух. школъ; съ такою же ревностью архіереи заботились о наполненіи этихъ школъ учениками. Нужда въ образованномъ духовенствѣ была крайняя, и на мѣстѣ, въ сферѣ епархіальнаго управленія чувствовалась несравненно сильнѣе, чѣмъ представителями высшей власти. Съ одной стороны грозные указы правительства, требовавшіе посвященія на церковныя мѣста только ученыхъ, съ другой новыя нужды церкви при распространеніи новаго образованія послѣ реформы, новыя опасности для вѣры, требовавшія особеннаго напряженія духовныхъ силъ для борьбы, крайнее униженіе духовнаго чина предъ образованнымъ обществомъ и т. п. заставляли архіереевъ дорожить каждымъ, хотя сколько нибудь поучившимся человѣкомъ. А такихъ было крайне мало. Кончившій курсъ въ риторикѣ былъ уже рѣдкій ученый и обязывался сказывать проповѣди своего сочиненія. Число семинаристовъ, попадавшихъ на священнослужительскія мѣста, было болѣе, чѣмъ мы видѣли подъ конецъ Петровскаго времени, но немногимъ. Изъ 2589 человѣкъ времени имп. Анны или изъ 6000 времени имп. Елизаветы, учившихся во всѣхъ классахъ семинарій, едва ли и 20-я часть доходила до высшихъ классовъ. Поэтому даже въ Москвѣ и Петербургѣ ученаго священника можно было встрѣтить лишь при немногихъ церквахъ. Въ началѣ царствованія имп. Елизаветы въ пажескій корпусъ потребовался образованный священникъ въ законоучители; петербургскій архіерей Никодимъ отвѣчалъ на это требованіе, что ученыхъ священниковъ въ Петербургѣ такъ мало, что для означенной должности ни однимъ изъ нихъ поступиться нельзя (1). Въ Москвѣ въ 1749 г. насчитыва-

(1) Преосв. Никодимъ спбургскій въ Страни. 1868 г. кн. I, стр. 19.

лось всего 40 человѣкъ ученыхъ священнослужителей, въ томъ числѣ были риторы и даже доходившіе только до піитики. Что касается до остальнаго духовенства московской епархіи, то преосв. Платонъ Малиновскій жаловался, что въ средѣ его многіе священнослужители не знаютъ даже букваря, по которому ихъ учили при поставленіи (1). Въ другихъ епархіяхъ несовсѣмъ заурядным явленіемъ были и такіе священнослужители, которые умѣли только удовлетворительно читать. По разнымъ отдаленнымъ областямъ нашего обширнаго отечества не мало было даже и вовсе безграмотныхъ священнослужителей. Наприм. въ Сибири въ началѣ царствованія имп. Анны, когда духовенство приводили къ присягѣ, оказалось, что на всемъ пространствѣ нынѣшнихъ тобольской и томской епархій только половина духовенства была въ состояніи сдѣлать собственноручную подпись подъ присяжными листами; за остальныхъ расписывались другіе, обозначая въ подписи, что онъ попъ, за котораго прикладывали руку, грамотѣ не умѣетъ, или немного стыдливѣе: онъ попъ очами скорбенъ. Въ восточной Сибири безграмотныхъ оказывалось еще больше (2).

Между духовными семействами безграмотность оставалась очень распространенною, не смотря на всѣ строгости, съ какими дѣтей духовенства принуждали, если не къ школьному, то по крайней мѣрѣ къ домашнему ученію. Наприм. по вѣдомостямъ пермскихъ заказчиковъ за 1741 и 1742 гг. оказывается, что изъ 399 юношей и отроковъ отъ 7 до 20 лѣтъ неграмотныхъ по епархіи было 119 человѣкъ, т. е. чуть не треть оставалась безъ всякаго обученія (3). Во время

(2) Ист. московск. епарх. управл. *Розонова*, ч. II, отд. 1, стр. 64—66; примѣч. 345.

(1) *Серафимовича*: Очерки просвѣщ. въ Сибири. Отеч. Зап. 1867 г. кн. 20, стр. 703.

(3) Матеріалы для ист. пермск. епарх. въ Пермск. еп. вѣд. 1870 г. № 31, 617; № 31, 378.

смотра дух. дѣтей въ 1750 г. при открытіи владимірской семинаріи въ одномъ Кинешемскомъ уѣздѣ оказалось 26 неграмотныхъ изъ 40 человѣкъ (1). При наборахъ въ духовныя школы новыхъ учениковъ епархіальнымъ и школьнымъ начальствамъ каждый разъ приходилось отсылать домой для обученія грамотѣ множество изъ представленныхъ на смотръ духовныхъ дѣтей. Для общаго заключенія о распространеніи образованія по епархіямъ мы имѣемъ за время Анны Іоанновны цифру всѣхъ учившихся тогда по разнымъ школамъ 2589 и цифру всѣхъ мужскаго пола лицъ духовнаго сословія по исповѣднымъ росписямъ, слѣдовательно за исключеніемъ малолѣтнихъ, — 124,923 души (2); сравнивая эти цифры, находимъ, что одинъ учащійся приходился на 25, — отношеніе крайне неудовлетворительное для сословія, члены котораго должны были учиться всѣ безъ исключенія. При этомъ нужно взять во вниманіе еще то, что указанная общая цифра духовенства извлечена изъ росписей 1737 г. уже послѣ того, какъ надъ нимъ разразился разборъ, исключившій изъ среды его большую часть разныхъ безграмотныхъ церковниковъ и дух. дѣтей, послѣ того, какъ изъ нихъ только въ солдаты было отдано 6557 человѣкъ, кромѣ записанныхъ въ подушный окладъ. Не имѣемъ права вести дальнѣйшихъ заключеній въ болѣе частномъ и опредѣленномъ смыслѣ прямо на счетъ того, сколько молодыхъ людей въ духовныхъ семействахъ оставалось вовсе безъ ученія, потому что не имѣемъ опредѣленныхъ свѣденій о степени распространенности обученія внѣ школъ.

Ставленики, являвшіеся къ архіереямъ для посвященія на священнослужительскія мѣста, постоянно оказывались не подготовленными къ своему будущему служенію, не знали самыхъ существенныхъ пунктовъ вѣроученія даже въ предѣлахъ обязательна-

(1) Ист. Влад. семинаріи стр. 19.
(2) П. С. З. X, № 7790.

го для нихъ съ Петровскаго времени знанія Прокоповичева букваря. Вслѣдствіе этого старинное обученіе ставленниковъ при каѳедрѣ не только не ослабѣвало, но по мѣрѣ развитія запросовъ на образованіе духовенства еще усиливалось, не смотря на умноженіе школъ. Наиболѣе строгіе указы объ этотъ предметѣ встрѣчаемъ въ царствованіе имп. Анны. Всѣмъ архіереямъ предписывалось посвящать ставленниковъ не иначе, какъ послѣ достаточнаго обученія ихъ вѣрѣ и закону, не ограничиваясь однимъ испытаніемъ ихъ только въ чтеніи и пѣніи, а для этого держать ихъ при архіерейскихъ домахъ или при ближнихъ монастыряхъ неменѣе 3-хъ мѣсяцевъ, причемъ экзаменовать ихъ каждую недѣлю, подмѣчать состояніе житія ихъ и поступковъ и посвящать изъ нихъ лишь достойныхъ; св. Синоду указано разослать по епархіямъ учительныхъ священниковъ или іеромонаховъ по одному или по два, чтобы они съ крайнимъ прилежаніемъ обучали ставленниковъ, приводя ихъ къ совершенному познанію должности священнической (1). При каждомъ арх. домѣ непремѣнно былъ экзаменаторъ или, лучше сказать, учитель ставленниковъ, имѣвшій огромное значеніе въ ставленическомъ производствѣ. Подъ вліяніемъ новыхъ порядковъ испытаніе ставленниковъ такъ и называлось школой; въ помѣтахъ объ немъ на ставленическомъ дѣлѣ писалось: „послать въ школу“, — „произошелъ школу“. Вотъ одна изъ полныхъ программъ ставленическаго обученія, изображенная въ указѣ (1748 г.) воронежскаго архіерея новому экзаменатору, учителю семинаріи Стасіевичу: обучать „символу вѣры православной, заповѣдямъ Божіимъ и церковнымъ таинствамъ, добродѣтелямъ богословскимъ и евангельскимъ, апостольскимъ и отеческимъ преданіямъ и прочему, до букваря и катихизиса принадлежащему, что священнику необходимо вѣдать

(1) Тамъ же X, № 7734. 7749.

надлежитъ, всему со истолкованіемъ писанія, въ чемъ состоитъ законъ христіанскій и проч., а притомъ примѣчать состояніе житія ихъ и поступки, чтобы къ чтенію св. писанія прилежали и, что читаютъ, разсуждать могли и не словомъ, но самымъ дѣломъ образъ сами собою другимъ простымъ людемъ оказывать могли". Экзаменаторъ, по крайней мѣрѣ въ той же воронежской епархіи, долженъ былъ примѣчать состояніе житія не только самого ставленика, но и жены его, долженъ былъ дать епарх. начальству свидѣтельство и объ ея характерѣ и поведеніи (1). Обученіе катихизису при архіерейскомъ домѣ было тѣмъ болѣе необходимо, что книжки этого катихизиса были очень рѣдки въ уѣздахъ и кандидату священства все равно нужно было ѣхать въ городъ, чтобы ихъ найти для пользованія, и проживать здѣсь до тѣхъ поръ, пока не выучитъ всего наизусть, что не могло сдѣлаться скоро, потому что тогдашнія необработанныя и непривыкшія къ книгѣ головы осиливали ее съ весьма большимъ трудомъ. Только въ 1742 г. св. Синоду указано было позаботиться о распространеніи катихизисовъ въ достаточномъ числѣ по всѣмъ епархіямъ и приходамъ (2). Ставленическіе экзамены до того усердно поддерживались епарх. начальствами, что въ томъ же видѣ продолжались и послѣ, когда уже на всѣ церковныя мѣста стали опредѣляться одни ученики семинарій, до самой реформы духовныхъ училищъ 1808 г. И въ позднѣйшее время XVIII столѣтія, когда они обратились уже въ одну формальность, отъ нихъ не освобождался никто изъ ставленниковъ, хотя бы даже кончившій курсъ академіи, человѣкъ несравненно болѣе образованный, чѣмъ самъ экзаменаторъ, какой нибудь полуграмотный іеромонахъ архіерейскаго дома.

---

(1) Воронежск. еп. вѣд. 1867 г., стр. 674—675, и 1868 г. стр. 558.
(2) П. С. З. IX, № 8743.

Не ограничиваясь обученіемъ однихъ ставленниковъ, многіе архіереи заставляли изучать катихизисъ и самихъ священнослужителей, стараясь этимъ средствомъ хоть сколько нибудь замѣнить для послѣднихъ недостатокъ предварительнаго школьнаго обученія. Въ 1742 г. при разсылкѣ по епархіямъ вновь напечатанныхъ катихизисовъ св. Синодъ предписалъ, чтобы всѣ священно-и-церковнослужители непремѣнно ихъ изучали наизустъ, а епархіальные архіереи строго за этимъ наблюдали. Наблюденіе это производилось обыкновенно при объѣздѣ архіереями епархій и при явкѣ въ каѳедральный городъ самихъ дух. лицъ по дѣламъ, причемъ каждый разъ имъ производился экзаменъ, особенно если они просили о переводѣ ихъ съ мѣста на мѣсто или о повышеніи въ должности. Кромѣ архіереевъ, свидѣтельствомъ дух. лицъ въ знаніи катихизиса занимались особо назначенные для того экзаменаторы (1) и дух. правленія. Отъ такого свидѣтельства по нѣкоторымъ мѣстамъ не освобождались и церковники; такъ въ 1753 г. преосв. Платонъ Малиновскій двоихъ церковниковъ московской епархіи за отказъ учить катихизисъ велѣлъ наказать на страхъ другимъ плетьми и кромѣ того лишить церковнаго дохода до тѣхъ поръ, пока не выучатъ, что слѣдуетъ. Въ томъ же году онъ разослалъ по епархіи окружную грамоту, которая всего лучше показываетъ, какъ это обученіе было тогда нужно: „Понеже намъ извѣстно учинилось, что епархіи нашея при церквахъ священно-и-церковнослужители, какъ въ давнихъ, такъ и въ недавнихъ лѣтѣхъ произведенные, надлежащаго по ихъ должности ученія, которое имъ предъ посвященіемъ по букварю и по особливо изданной тетрадкѣ отъ экзаменаторовъ преподается, ничего не знаютъ, ибо по посвященіи своемъ совсѣмъ оное забываютъ, умышленно никакого радѣнія о со-

(1) Наприм. см. *Никитникова*: Іерархія вятск. епарх. стр. 50.

держаніи того въ памяти не прилагая; а иные.... того ученія никогда и не учили, да и впредь о знаніи того никакого радѣнія не имѣютъ, чѣмъ они смертно грѣшатъ" и проч.,—велѣно всѣхъ оныхъ священно-и-церковнослужителей обязать подписками, чтобы непремѣнно учили букварь и упомянутую тетрадку наизустъ, подъ угрозою лишенія въ противномъ случаѣ чиновъ своихъ и мѣстъ (1). Мѣры подобнаго рода употреблялись въ отношеніи къ духовенству и въ другихъ епархіяхъ. Бѣлогородскій архіерей, извѣстный ревнитель дух. просвѣщенія, Іоасафъ Горленко въ 1749 г. велѣлъ духовенству своей епархіи непремѣнно выучить книгу о таинствахъ и строго слѣдилъ за исполненіемъ этого предписанія, вызывая незнавшихъ означенной книги священниковъ для наученія ея въ Бѣлгородъ. Въ 1750 г. вызвано было для этого 27 человѣкъ; всѣ они до окончательнаго изученія должны были исполнять послушаніе въ хлѣбной. Въ 1752 г. сдѣлалось извѣстнымъ, что книги о тайнахъ не знало цѣлое ахтырское благочиніе, гдѣ однихъ священниковъ было 21 человѣкъ; всѣхъ ихъ велѣно вызвать въ Бѣлгородъ, а чтобы отъ этого не воспослѣдовало остановки въ службѣ и требоисправленіяхъ, преосвященный распорядился привозить ихъ въ Бѣлгородъ поочередно, по 3 человѣка. Въ томъ же году въ оскольскомъ уѣздѣ за незнаніе книги о тайнахъ и за неправильное совершеніе службы онъ лишилъ 10 священниковъ сана (2).

Весьма важнымъ пособіемъ для изученія катихизиса были заведенныя при дух. школахъ катихизическія бесѣды, посѣщеніе которыхъ въ назначенные для нихъ праздничные дни было открыто для всѣхъ. Троицкая лавра, заведя эти бесѣды при своей семинаріи,

---

(1) Истор. моск. епарх. управы. *Розонова* ч. II, отдѣл. 1, стр. 65, 140—141, и примѣч. 338.

(2) Описан. харьк. епарх. стр. 14—15.

объявила посѣщеніе ихъ даже обязательнымъ какъ для своихъ монаховъ, такъ и для ближайшаго къ лаврѣ подвѣдомаго ей духовенства и назначила за опущеніе этой обязанности штрафъ, — для священниковъ по 1 рублю, для дьяконовъ по полтинѣ, для причетниковъ по 25 коп. въ пользу семинаріи. Наблюденіе за ними поручено префекту семинаріи, для чего ему вручены были списки какъ монаховъ, такъ и духовенства, по которымъ онъ и долженъ былъ по окончаніи каждой бесѣды дѣлать имъ перекличку. Сельскіе священники и дьяконы лаврскаго вѣдомства обязывались учить катихизисъ поурочно у себя по домамъ. Въ назначенное время каждый изъ нихъ долженъ былъ являться къ префекту; префектъ задавалъ явившемуся урокъ и назначалъ срокъ, когда вновь явиться для прослушанія заданнаго и назначенія слѣдующаго урока по порядку книги, пока послѣдняя не будетъ выучена до конца. За неявлявшимися въ срокъ велѣно было посылать нарочныхъ; за невыученный урокъ взимался денежный штрафъ (1).

Кромѣ этого обученія дух. лицъ внѣ школъ, встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попытки къ привлеченію ихъ въ самыя школы. Въ московской епархіи нерѣдко случалось, что епархіальное начальство, за недостаткомъ образованныхъ кандидатовъ на церковныя мѣста, посвящало въ св. санъ неокончившихъ курсъ академистовъ и послѣ этого все-таки заставляло ихъ доучиваться въ академіи, угрожая въ противномъ случаѣ отрѣшеніемъ отъ мѣста. Такихъ посвященныхъ студентовъ въ академіи всегда было довольно, наприм. человѣкъ по 10 дьяконовъ и по столько же поповъ (2). Бывали такіе и въ троицкой семинаріи (3). Въ другихъ епархіяхъ, вслѣдствіе неполноты семинарскихъ курсовъ въ большей части семина-

(1) Ист. троицк. сем. стр. 58—63.
(2) Ист. моск. акад. 177—178.
(3) Ист. троицк. семин. 103.

рій, такіе примѣры едва ли могли быть часты. Въ 1761 г. смоленскій архіерей Парѳеній сдѣлалъ распоряженіе посылать въ школы для доучиванія причетниковъ, не исключая женатыхъ, но это распоряженіе не имѣло успѣха: не смотря на всякія тѣлесныя наказанія, какимъ эти невольные ученики подвергались въ школѣ, они такъ и отбились отъ рукъ педагоговъ (1). Въ самомъ началѣ описываемаго времени св. Синодъ вспомнилъ Петровскій указъ 1723 г. о привлеченіи въ дух. школы молодыхъ монаховъ и въ 1727 г. вздумалъ его подтвердить (2), но этотъ подтвердительный указъ по всей вѣроятности такъ же мало имѣлъ успѣха, какъ и указъ 1723 г., по крайней мѣрѣ извѣстій о посылкѣ такихъ монаховъ въ школьное ученіе изъ монастырей до насъ не дошло, кромѣ извѣстій изъ исторіи владимірской семинаріи. При открытіи ея и при наборѣ въ нее учениковъ преосв. Платонъ велѣлъ переписать безграмотныхъ и малограмотныхъ монаховъ менѣе 40 лѣтъ и „представить ихъ въ скорѣйшемъ времени въ семинарію". Неизвѣстно, въ какомъ числѣ, но такіе монахи дѣйствительно были представлены въ семинарію и поселены вмѣстѣ съ семинаристами въ Богородицкомъ монастырѣ. Скоро однако оказалось, что они были ученики несовсѣмъ удобные. Въ 1752 г. въ консисторіи объ нихъ возникло дѣло, изъ котораго явствуетъ, что они зажили въ семинарскомъ монастырѣ по своему обычаю, завели у себя по кельямъ водку и вмѣстѣ съ школьниками производили такіе безпорядки, что однажды чуть не сожгли самой семинаріи (3). Долго ли потомъ они учились въ семинаріи, не знаемъ.

Всѣ подобныя мѣры къ обученію наличнаго, уже состоявшаго на мѣстахъ духовенства, какъ онѣ иног-

(1) Опис. смоленск. епарх. 164.

(2) П. С. З. VII, № 5091.

(3) Ист. владим. семин. 39—40.

да ни были малоуспѣшны, достаточно опредѣляютъ ту степень энергіи, съ какой по епархіямъ принялись поднимать уровень образованія духовенства. Понятно, съ какимъ усердіемъ епархіальныя начальства должны были при этомъ держаться за провозглашенный реформою принципъ обязательности школьнаго обученія для молодаго поколѣнія духовенства, на которомъ покоились главныя надежды лучшаго священства.

Школьное обученіе все еще приходилось навязывать силою. „Рѣдкіе отцы и матери охотно провожали дѣтей въ семинарію, разсказываетъ авторъ Исторіи нижегородской семинаріи, большею же частію разставались съ прискорбіемъ и тяжкою грустію, съ горькими слезами и воплями. Многіе отцы считали счастливымъ сына, если онъ избѣгалъ школы, оставаясь въ числѣ церковниковъ или приписывался къ вѣдомству крестьянъ. На школьное ученіе смотрѣли, какъ на военную службу или мѣсто истязанія. Только невольное и усильное принужденіе могло собирать въ семинарію дѣтей и разлучать ихъ съ родителями... Большая часть учащихся съ перваго же года смотрѣли вонъ изъ семинаріи“ (1). Вотъ какое доношеніе въ 1734 г. подалъ преосв. Ѳеофилакту Лопатинскому учитель тверской школы Евдокимовъ: „Иже должнаго си ученія удаляющіися различныя неудобности дѣтямъ своимъ предлагаютъ, реку же: или малолѣтство или многолѣтство (Христосъ истинно глаголетъ: кто отъ васъ пекійся можетъ возрасту своему прибавити лакоть единъ? но се могутъ здѣ и прибавити и убавити), или притворяютъ немощь, или женитву, или хирагру, или подагру, или одночіе; но, что ужаснѣе, сказуютъ отъ бѣса дѣти своя мучимы быти. Сія же вся въ приказѣ (архіерейскомъ) сказкою нѣцыи показаша. И что глаголю? Велію и яко удобнѣйшую скважину изобрѣтоша многи брать себѣ

(1) Ист. нижегор. семин. стр. 6.

новоявленую (дьячковскую грамоту). Не иныя же яковыя либо вины вся сія творятъ, точію да не будутъ во ученія свѣтѣ. А инде разглашаютъ: прежде меньше знали да больше ѣдали. О отцы святіи! Разумѣйте убо, кому подобни есте. Не онымъ ли званымъ на вечерю велію, иже начаша купно отрицатися вси" [1]? Подобныя же обличенія духовенству за нерадѣніе о школьномъ обученіи дѣтей писали архіереи въ своихъ грамотахъ и указахъ о наборѣ учениковъ въ школы [2].

Одной изъ сильныхъ, хотя и косвенныхъ, мѣръ къ привлеченію дѣтей духовенства въ школы было устраненіе неученыхъ кандидатовъ священства отъ посвященія къ просимымъ ими мѣстамъ. По епархіямъ вслѣдствіе этого шла сильная борьба архіереевъ, стоявшихъ за своихъ кандидатовъ на мѣста, учениковъ епархіальныхъ школъ, противъ приходскихъ выборовъ, если послѣдніе падали на необразованныхъ кандидатовъ, и съ наслѣдниками церковныхъ мѣстъ, которые, опираясь на одни свои наслѣдственныя права, не желали подкрѣпить этихъ правъ школьнымъ образованіемъ [3]. Въ Малороссіи, гдѣ и право приходскихъ выборовъ и права наслѣдниковъ имѣли особенную силу вслѣдствіе сравнительной слабости епархіальной власти, борьба эта доходила до того, что обезпокоила даже верховную власть и въ 1735 г. вызвала именной указъ, запрещавшій всѣмъ малороссійскимъ архіереямъ навязывать прихожанамъ поповъ и дьяконовъ силою, безъ приходскаго избранія [4]. Недостатокъ въ образованныхъ людяхъ впрочемъ повсю-

---

[1] Странникъ 1878 г. сент. стр. 398—399.

[2] Наприм. см. Труды кіевск. акад. 1860 г. ч. II. 247 — 251: объ Іродіонѣ черниговскомъ.

[3] См. подробн. въ книгѣ: Прих. духовенство въ Россіи, стр. 49—61. 144—148.

[4] П. С. З. IX, 6724.

ду составлялъ непреодолимое препятствіе къ полному проведенію принципа, которому желали слѣдовать епархіальныя начальства, а вмѣстѣ съ тѣмъ сильно продолжалъ поддерживать въ дѣтяхъ духовенства надежды попасть на наслѣдное или даже на свободное церковное мѣсто и безъ школьнаго обученія. Продержавъ у себя сына до извѣстныхъ лѣтъ и обучивъ его или самъ или чрезъ кого нибудь изъ мѣстнаго причта въ частной школѣ, въ Малороссіи въ школѣ дяка, чтенію и пѣнію, отецъ поскорѣе опредѣлялъ его въ причетники, а чтобы еще вѣрнѣе освободить его отъ школы, гдѣ не принято было держать даже женатыхъ учителей, спѣшилъ заблаговременно его женить и затѣмъ уже оставался совершенно спокоенъ на счетъ его будущей участи и на счетъ даже возможности современемъ оставить ему въ наслѣдство свое собственное мѣсто, хотя бы и священническое. Большинство кандидатовъ священства почти въ теченіе всей первой половины XVIII в. все еще являлось именно изъ этого церковническаго класса, а не изъ семинарій. Въ своемъ стремленіи привлечь дѣтей духовенства къ обязательному школьному обученію архіереямъ поэтому естественно было обратить на этотъ классъ особенное вниманіе.

Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ архіереи старались достигнуть своей цѣли, стѣсняя слишкомъ свободный доступъ къ причетническимъ должностямъ, которыя часто, даже едва ли не большею частію замѣщались единственно по волѣ настоятеля прихода и самихъ прихожанъ, безъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ со стороны епархіальной власти. Вновь опредѣленный причетникъ иногда вовсе не считалъ для себя нужнымъ запастись какимъ нибудь указомъ на свою должность или новоявленною памятью и цѣлый вѣкъ затѣмъ служилъ вольнымъ, безуказнымъ церковникомъ. Для духовныхъ лицъ была поэтому полная свобода держать своихъ сыновей при церквахъ на низшихъ должностяхъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Регламентъ

постановилъ, чтобы священники не держали дѣтей своихъ церковниками при своей церкви, но ихъ можно было, разумѣется, держать при другихъ церквахъ, да кромѣ того это постановленіе плохо и соблюдалось (1). Свободу поступленія въ церковники безъ указовъ, очень мало, кажется, стѣсняли самые разборы духовенства, потому что коммиссіи о разборахъ наблюдали только за тѣмъ, чтобы при церквахъ не было церковниковъ лишнихъ, служившихъ свыше штата и считавшихся поэтому не дѣйствительно-служащими, также положенныхъ въ подушный окладъ, а остальныхъ, служившихъ не свыше штата и свободныхъ отъ оклада, оставляли въ покоѣ, считая ихъ дѣйствительно-служащими, какіе бы они ни были, указные или безуказные. Епархіальныя начальства имѣли прямой интересъ подчинить замѣщеніе церковническихъ вакансій своему надзору и, воспользовавшись указами объ обязательности школьнаго образованія для духовныхъ дѣтей, а также указами объ испытаніи ставленниковъ, стали строго требовать, чтобы безъ вѣдома ихъ духовныя лица не опредѣляли своихъ дѣтей на церковную службу раньше обученія въ школѣ.

Изъ южно-русскихъ архіереевъ съ этой стороны сталъ особенно извѣстенъ черниговскій Иродіонъ Жураховскій. Въ своихъ универсалахъ, разсылавшихся по епархіи, онъ сильно обличалъ священно-служителей, пренебрегавшихъ школьнымъ образованіемъ своихъ дѣтей, державшихъ ихъ при себѣ на дьячковствѣ и женившихъ въ раннихъ лѣтахъ: „что сынамъ священническимъ, писалъ онъ, не безвредительно, поневажъ лѣта свои до науки способніи надаремнѣ теряютъ... Такъ мы, хотячи тотъ худый и вредительный обычай исправити, поставляемъ, аби отселѣ всякъ священникъ, хотящій сына своего бракомъ законнымъ сочетати, отсылалъ его самого къ намъ въ катедру по

(1) Приход. духов. въ Россіи стр. 28—38.

квити безъ всякой виновки; такожде бы каждый священникъ при своей церкви не держалъ сына своего на дьяковствѣ и на пономарствѣ", а посылалъ учиться въ коллегіумъ. Ослушникамъ универсалы эти грозили лишеніемъ парохіи и священства, а дѣтямъ ихъ отнятіемъ всякой надежды будущаго священства (1). Такія же грамоты разсылали по своей епархіи бѣлогородскіе архіереи Досиѳей Богдановичъ—Любимскій и Іоасафъ Горленко (2). Въ московской епархіи строгія мѣры противъ самовольнаго опредѣленія причетниковъ въ молодыхъ лѣтахъ и безъ указовъ являются сравнительно довольно поздно, при архіереяхъ Платонѣ Малиновскомъ (1748—1754) и Тимоѳеѣ Щербатскомъ (3); но въ нѣкоторыхъ другихъ великорусскихъ епархіяхъ онѣ практиковались еще съ 1730-хъ годовъ (4). Притомъ же при наборахъ дух. дѣтей въ школы въ Великороссіи мало обращали вниманія на этихъ молодыхъ безуказныхъ церковниковъ,—вмѣстѣ съ другими забирали въ ученье и ихъ, даже иногда, какъ мы видѣли, и послѣ женитьбы. Женитьба для избѣжанія школы преслѣдовалась строго во всѣхъ епархіяхъ, гдѣ были заведены дух. школы. Въ 1744 г. съ одного сельскаго дьякона троицкой вотчины за такую женитьбу сына, назначавшагося въ троицкую семинарію, взяли штрафа 15 руб., а другаго такого же юношу заставили учиться и послѣ женитьбы (5). При открытіи владимірской семинаріи нѣкоторые церковники, прослышавъ о наборѣ въ ученье, тоже поспѣшили поскорѣе жениться. Преосв. Платонъ наложилъ на нихъ особаго рода штрафъ натурою: они

---

(1) Труды кіевск. акад. 1860 г. кн. II, 245—247. 250—251.
(2) Опис. харьк. епарх. I. 8. 19—20.
(3) Ист. моск. епарх. управл. ч. II, кн. 1. 47—48. кн. 2, 56.
(4) Пермск. епарх. вѣд. 1870 г. стр. 617—618. Іерарх. вятск. епархіи *Никитникова*, стр. 48—49.
(5) Ист. троицк. сем. 27.

должны были поочереди всѣ прослужить въ семинаріи по году служителями и притомъ на своемъ собственномъ содержаніи. Съ нихъ взяты были при этомъ подписки „быть при семинаріи (въ теченіи года) неотлучнымъ, и караулъ и всякую работу исправлять безлѣностно, а за отлучку изъ семинаріи и неисправности свои подвергаться жестокому на тѣлѣ истязанію". Такихъ церковниковъ оказалось тогда столько, что, благодаря наложенному на нихъ штрафу, семинарія цѣлыхъ 10 лѣтъ могла имѣть у себя даровыхъ служителей (1). Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ браки сыновей духовныхъ лицъ положено было заключать не иначе, какъ съ разрѣшенія епарх. власти. Во время одного объѣзда своей епархіи Лука Конашевичъ казанскій замѣтилъ, что духовенство часто женитъ сыновей своихъ въ очень раннихъ лѣтахъ, чтобы не отдавать ихъ въ семинарію, и разослалъ указъ, по которому въ духовныхъ семействахъ не велѣно было допускать не только самовольныхъ браковъ, а даже съ разрѣшенія однихъ нижнихъ епарх. властей, которыя выдавали вѣнечныя памяти, заказчиковъ и духовныхъ управителей, „безъ собственнаго его преосвященства повелѣнія и безъ подписаннаго рукою его преосв-ва о каждомъ особливаго приказанія о вѣнчаніи", а священноцерковнослужителямъ велѣно „объявить съ подписками, дабы они тѣхъ дѣтей своихъ безъ приказанія его преосв-ва отнюдь женить не дерзали и отъ школьнаго ученія не таили подъ жестокимъ штрафомъ неотмѣнно (2).

Прямыя мѣры къ привлеченію дѣтей духовенства въ школы оставались въ основныхъ чертахъ тѣже, какія были намѣчены при Петрѣ, и состояли въ переписи всѣхъ достигшихъ извѣстнаго возраста дѣтей священно-и-церковнослужителей въ особыхъ вѣдо-

(1) Ист. владим. сем. 33.
(2) Указъ отъ 29 авг. 1751 г. (рукопись).

мостяхъ, разсылкѣ призывныхъ списковъ къ явкѣ ихъ на смотръ и принудительныхъ наборахъ къ ученью. Благодаря отчасти указамъ правительства, особенно 1730-хъ годовъ, отчасти мѣстнымъ распоряженіямъ епархіальныхъ начальствъ, мѣры эти въ описываемое время получили полное развитіе во всѣхъ подробностяхъ.

Указомъ 1731 года, запрещавшимъ отдавать дух. дѣтей въ канцелярскую службу, между прочимъ предписывалось по всѣмъ епархіямъ собирать съ духовенства правдивыя сказки о томъ, сколько у кого дѣтей мужескаго пола и какихъ лѣтъ, и обязательныя письма или подписки, что дѣти эти въ свое время будутъ представляемы въ семинаріи. Сказки собирались поповскими старостами и дух. правленіями и представлялись въ консисторію, которая, сведя ихъ вмѣстѣ, составляла изъ нихъ реэтръ для отсылки въ св. Синодъ и призывные списки для вызова достигшихъ опредѣленнаго возраста дѣтей на смотръ. Возрастъ этотъ въ епархіальныхъ и правительственныхъ указахъ опредѣляется различно, отъ 7 до 10, 15 и 18 лѣтъ. Кромѣ лѣтъ записанныхъ дѣтей, велѣно также писать, кто изъ нихъ чему обучается или обучился (1). Въ нѣкоторыхъ сказкахъ писались даже особыя примѣты дѣтей, вѣроятно на случай розыска ихъ при наборѣ, наприм.: „города N, N церкви, сынъ священника такой-то 12 лѣтъ, возрастомъ одного аршина 6 вершковъ съ половиною, круглъ лицемъ, глаза сѣрые, волосомъ бѣлъ, грамотѣ обученъ“. Другіе родители старались вставлять въ своихъ сказкахъ разныя обстоятельства, по которымъ бы дѣти ихъ могли освободиться отъ ученія, въ родѣ такихъ: „исправляетъ дьячковскую должность“, или: „имѣется весьма боленъ чесотною болѣзнію, имѣется въ ломотной болѣзни,

(1) Странникъ 1876 г. т. II. 86—87: въ стат. о Никодимѣ петербургскомъ.

имѣется слабъ, безъ ноги и безъ зубъ“ (¹). При подачѣ сказки о дѣтяхъ каждый отецъ давалъ за себя обязательное письмо, наприм. такого содержанія: „я N N священникъ по евангельской непорочной заповѣди, еже ей ей, въ правду сказалъ: имѣю у себя столько-то сыновей такихъ-то лѣтъ, и по указу его преосвященства сына N N, достигшаго лѣтъ, привезу тогда-то для ученія на свой коштъ. а ежели на означенное число дѣтей своихъ не предъявлю, то взять на мнѣ по показанному указу штрафъ, что его архіерейство укажетъ, — въ томъ я N N и подписуюсь“ (²).

Указы объ объявленіи дѣтей, особенно при открытіи новыхъ школъ, писались обыкновенно въ очень энергическомъ тонѣ и съ разными угрозами. Наприм. при открытіи низшихъ школъ бѣлгородской епархіи указомъ Петра Смѣлича 1737 г. дух. управителямъ велѣно переписать всѣхъ дѣтей духовенства, не минуя ни единаго, начавъ отъ 14 лѣтъ до сущаго младенца, подъ угрозою жесточайшаго наказанія и лишенія должностей безъ всякія отмѣны (³). При открытіи владимірской семинаріи преосв. Платонъ указалъ дух. правленіямъ собрать и представить списки дѣтей въ консисторію въ одну недѣлю безъ прибавленія и уменьшенія лѣтъ, а за неисправности и утайки пригрозилъ членамъ и подъячимъ правленій неослабнымъ на тѣлѣ истязаніемъ. Духовенству объявлялось: „ежели кто дѣтей своихъ въ школу для наукъ не объявитъ, или по отдачѣ въ оныя школы, не окончивъ науки, отлучитъ, или изъ оныхъ дѣтей кто убѣжитъ, а отцы ихъ будутъ у себя держать, и оные отцы не точію каждый отъ своей церкви отлученъ бу-

---

(¹) См. напр. Ист. воронеж. сем. въ Ворон. епарх. вѣдом. 1867 г. № 1.

(²) Иркутск. еп. вѣд. 1870 г. № 19, стр. 382. Ист. влад. сем. 18.

(³) Курск. епарх. вѣд. 1873 г. № 14, стр. 668.

детъ, но нигдѣ служить не будетъ“ (1). Не смотря на подобныя строгости, вѣдомости о дѣтяхъ духовенства составлялись по мѣстамъ очень по долгу, наприм. въ вятской епархіи цѣлый годъ, и съ большими утайками дѣтей и ихъ лѣтъ. Для [illegible] изъ епархіальнаго города посылались иногда особые разсыльные (2). Въ обыкновенномъ порядкѣ, послѣ преодолѣнія первыхъ препятствій при первоначальномъ заведеніи школы, наблюденіе за правильнымъ веденіемъ этихъ вѣдомостей поручалось заказчикамъ, поповскимъ старостамъ и дух. управителямъ (3).

Еще труднѣе было набрать въ школу самихъ дѣтей. При открытіи каждой школы по епархіи обыкновенно разсылался указъ, чтобы всѣ достигшіе опредѣленнаго возраста мальчики ѣхали въ епархіальный городъ на смотръ, который будетъ произведенъ имъ при архіерейскомъ домѣ, при консисторіи или въ самой школѣ. Указы этого рода наводили тогда не меньшій ужасъ на духовенство, какъ и страшные указы правительства о разборахъ. Кромѣ стариннаго взгляда на школу, какъ на заведеніе безполезное въ практическомъ отношеніи, а между тѣмъ крайне тягостное, кромѣ финансовыхъ пожертвованій на содержаніе въ ней дѣтей, съ 1730-хъ годовъ явились еще другія причины, внушавшія къ ней страхъ и отвращеніе. Наборъ въ школы совершенно слился въ сознаніи духовенства съ тогдашними суровыми наборами духовныхъ дѣтей въ солдаты. Переписи ихъ для опредѣленія въ школы и для разбора производились всегда почти одновременно и съ одинаковыми пріемами. Притомъ же одинъ изъ указовъ 1737 г. о разборѣ прямо предписывалъ „непонятныхъ въ наукахъ

---

(1) Ист. влад. семин. 18.

(2) Иркутск. епарх. вѣд. 1870 г. стр. 583.

(3) Это писалось и въ ихъ инструкціяхъ. См. напр. тамъ же 1864 г., стр. 544. Пермск. епарх. вѣд. 1870 г. № 33, стр. 398 и друг.

долго въ школахъ не держать, но отсылать ихъ къ гражданскимъ управителямъ для опредѣленія въ военную службу, дабы на такихъ глупыхъ или лѣнивыхъ людей напраснаго расхода и другимъ трудолюбивымъ людямъ въ ихъ наукахъ препятствія отъ нихъ не было" (1). Такое распоряженіе, будучи направлено къ тому, чтобы заставить школьниковъ лучше учиться, въ тоже время дѣлало школу однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ орудій разборовъ, потому что неспособность человѣка не могла въ ней утаиться и неизбѣжно вела за собой отдачу въ солдатство, отъ котораго, въ случаѣ не поступленія въ нее, все еще была надежда какъ нибудь спастись, наприм. втершись въ составъ какого нибудь причта. Разборы 1737 и 1738 гг. въ самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, очень чувствительно задѣвали дух. школы и записали въ солдаты значительное число ихъ учениковъ. Въ замѣткахъ о костромской семинаріи арх. Макарія разсказывается, что подозрительность духовенства въ отношеніи къ школамъ сохранилась и въ царствованіе имп. Елизаветы. При открытіи этой семинаріи духовенство не представляло въ нее дѣтей подъ разными предлогами, такъ что консисторія разослала за ними по епархіи особыхъ разсыльщиковъ. „Главною причиною, почему отцы неохотно отдавали дѣтей въ семинарію, была молва, что непонятныхъ учениковъ будутъ отдавать въ военную службу. Недоброжелатели просвѣщенія находили къ этому поводъ въ узаконеніяхъ импер. кабинета отъ 26 сентября 1737 г. (въ 6 пунктѣ) и въ регламентѣ новгородской семинаріи отъ 24 мая 1740 г., что лѣнивыхъ повелѣно отдавать въ солдаты. Предубѣжденіе это противъ семинаріи долго оставалось среди духовенства" (2).

---

(1) П. С. З. № 7385.

(2) Р. Педагог. Вѣстн. 1858 г. т. V, стр. 19—20.

Насильственные наборы учениковъ оказывались необходимыми при открытіи всякой новой семинаріи, потому что на смотръ вездѣ являлось только самое малое число дѣтей. Въ невскую семинарію по вѣдомости дух. правленія о дѣтяхъ духовенства 1733 г. слѣдовало собрать 79 учениковъ, которыхъ синодскимъ указомъ и предписано „отобрать у отцовъ;“ но указъ этотъ пришлось повторить нѣсколько разъ, да и послѣ этого только въ началѣ 1736 г. явилось 19 человѣкъ, а 60 не бывало; къ полугоду еще доставлено 24, изъ которыхъ по освидѣтельствованіи „удобными къ ученію“ оказались только трое. При открытіи семинаріи Троицкой лавры успѣли собрать въ нее только 12 мальчиковъ изъ дѣтей духовенства, такъ что почти весь первый курсъ (92 человѣка) семинаріи составился изъ дѣтей подручныхъ лаврѣ свѣтскихъ лицъ, служителей, приказныхъ и т. д., взято было даже 10 человѣкъ нищихъ изъ дѣтей вотчинныхъ крестьянъ (1). Въ воронежскую семинарію въ первый годъ собрано было по всей епархіи только 8 учениковъ, да въ слѣдующій 7 и только въ началѣ третьяго года набрано 124 человѣка (2). Въ костромской семинаріи долгое время число учениковъ не превышало 30, тогда какъ въ епархіи считалось болѣе 700 церквей (3). Въ отвѣтъ на строгіе указы о явкѣ дѣтей на смотръ сердобольные отцы отвсюду начинали обыкновенно присылать самыя разнообразныя отговорки, наприм. одни доносили, что ихъ дѣти поступили уже въ причетники или даже женились, другіе, что ихъ дѣти болѣзненны, третьи, что простоумны и къ понятію наукъ неспособны, четвертые, что не годны къ школѣ за урослѣмъ или что нужны дома къ земледѣльству и т. п. Нѣкоторые отцы находили даже лучшимъ приписывать дѣтей къ подушному окла-

(1) Ист. спб. акад. 17. Ист. троицк. сем. 24.
(2) Ворон. епарх. вѣд. 1867 г. № 1.
(3) См. указанную цитат. Педагог. Вѣстн.

ду, чѣмъ отдавать въ школу. При Иннокентіѣ Неруновичѣ въ Иркутскѣ былъ такой случай: одинъ сынъ пономаря, отбывая отъ набора въ школу, сказалъ, что отецъ его пономарь неуказный и что слѣдовательно его, какъ непринадлежащаго къ дух. званію, несправедливо присуждаютъ къ школѣ; по справкѣ оказалось, что онъ солгалъ, но любящій отецъ самъ поспѣшилъ выручить сына изъ школы, пожертвовалъ для этого и своей свободой отъ податей и своей тридцатилѣтней службой при церкви и приписался къ посаду въ подушный окладъ, послѣ чего сына его, разумѣется, уже не тревожили (1). Сами дух. управители и заказчики держали сторону духовенства и за одно укрывали дѣтей послѣдняго, не смотря на угрозы лишеніемъ должностей, штрафами и жестокимъ наТѣлѣ наказаніемъ, или же при всемъ усердіи не могли сломить упрямства отцевъ и въ отвѣтъ на указы о высылкѣ дѣтей слали въ епархіальный городъ жалобы, что ничего не могутъ подѣлать съ противниками указовъ, что отцы даже не показываютъ имъ дѣтей своихъ, сказывая ихъ въ дальнихъ отлучкахъ или въ бѣгахъ. Бѣги эти тоже были не рѣдкость; будущихъ школяровъ не мало разбѣгалось еще съ дороги, когда ихъ только что везли изъ родныхъ селъ въ епархіальный городъ на смотръ (2).

Смотры дѣтей назначались очевидно вслѣдствіе того, что епархіальное начальство не надѣялось произвести набора учениковъ съ помощію однихъ ихъ родителей и разныхъ окружныхъ своихъ органовъ, ясно чувствовало, что въ этомъ дѣлѣ непремѣнно требуется его собственный глазъ. Но иногда чрезъ окружныхъ властей не надежно было устраивать и самые смотры. Въ такомъ случаѣ оставалось одно средство: отправлять по епархіи для сбора дѣтей нароч-

---

(1) Иркутск. епарх. вѣд. 1863 г. № 39, стр. 626.
(2) Ист. владим. семин. 19.

ныхъ разсылыщиковъ. При открытіи дух. школъ къ этому средству приходилось прибѣгать почти повсюду. Вотъ какъ наприм. происходилъ наборъ школьниковъ въ новооткрытую вятскую семинарію. Разославъ по епархіи указы о сборѣ дѣтей духовенства, архіеп. Лаврентій сперва около полгода ждалъ дѣйствія ихъ, но такъ ничего и не дождался, наконецъ, потерявъ всякое терпѣніе, въ исходѣ 1734 г. указалъ своему дух. приказу послать за ребятами нарочныхъ приставовъ съ порученіемъ сыскивать ихъ „всякими сыски“ и, кого сыщутъ, всѣхъ везти въ Хлыновъ, а въ случаѣ сопротивленія ихъ вязать, заковывать въ колодки и отправлять въ арх. домъ партіями за надлежащимъ карауломъ; заказчики должны были оказывать этимъ сыщикамъ всякое вспомоществованіе. Набравъ такимъ образомъ нѣсколько ребятъ, разсыльные ѣхали съ ними въ другое мѣсто, затѣмъ въ третье и т. д., пока не набирали партію человѣкъ въ 10—15, которыхъ и везли наконецъ съ собой въ Хлыновъ, если они не разбѣгались по дорогѣ, и сдавали здѣсь подъ росписку въ архіерейскомъ приказѣ. Дѣло набора этимъ путемъ пошло такъ живо, что въ началѣ слѣдующаго 1735 г. въ арх. домѣ набралось до 400 школьниковъ отъ 7 до 25 лѣтъ (1). Такимъ же порядкомъ шелъ наборъ школьниковъ въ новооткрытую костромскую и др. семинаріи. Троицкая лавра посылала за ребятами для своей семинаріи солдатъ, снабжая ихъ инструкціями ѣхать по реэстру туда-то, забирать всѣхъ годныхъ къ ученію, не слушая никакихъ отговорокъ, а если кто изъ нихъ будетъ укрываться, высылать въ лавру тѣхъ, у кого они будутъ жительствомъ показаны (2).

Послѣ первоначальнаго, самого труднаго набора учениковъ дѣло укомплектованія школъ учащимися

(1) Вятск. епарх. вѣд. 1868 г. № 2, стр. 25—26.
(2) Ист. троицк. семин. 25.

становилось нѣсколько легче; духовенство постепенно привыкало къ своей новой повинности и оказывало менѣе противодѣйствія при представленіи дѣтей на смотры, но все-таки оказывало. Даже въ такихъ епархіяхъ, какъ московская, гдѣ школьное образованіе сдѣлалось извѣстно уже давно, отецъ, который самъ бы, по доброй волѣ, представилъ дѣтей своихъ въ школу, былъ большою рѣдкостью даже въ концѣ 1740-хъ годовъ. М. Платонъ въ своей автобіографіи разсказываетъ, что секретарь московской консисторіи былъ сильно удивленъ настойчивостью, съ какой отецъ Платоновъ добивался пріема своихъ дѣтей, его Платона и брата его Александра, въ московскую академію. „Ну, ты прямо отецъ дѣтямъ, сказалъ изумленный секретарь. Здѣсь мы не можемъ обирать денегъ отъ священниковъ, кои просятъ, чтобъ ихъ дѣтей въ школу не брали, а отъ тебя не могу отвязаться, чтобы дѣтей твоихъ въ школу опредѣлить".

Вслѣдствіе первоначальной неопредѣленности семинарскихъ программъ и неустановившейся продолжительности курсовъ по времени, вызовы новыхъ учениковъ въ школы не имѣли еще характера періодическаго, производились въ разные сроки, смотря по надобности и усмотрѣнію архіерея, часто зависѣли даже отъ случайнаго уменьшенія числа наличныхъ учениковъ вслѣдствіе опредѣленія нѣкоторыхъ изъ нихъ на церковныя вакансіи, исключенія негодныхъ, или усилившихся между ними побѣговъ. По докладу семинарскаго начальства о замѣщеніи школьныхъ вакансій архіерей сдавалъ въ консисторію распоряженіе о наборѣ новыхъ школьниковъ на смотръ. Вотъ одинъ такой докладъ учителя холмогорской семинаріи Либеровскаго архіерею Варсонофію отъ 1752 г. „Въ домовныхъ вашего архипастырства словено-латинскихъ школахъ за отпускомъ въ прошломъ 1751 и 1752 годахъ 12-ти человѣкъ имѣется нынѣ во ученіи въ риторикѣ (высшемъ классѣ) 17, въ піитикѣ 13, въ синтаксисѣ 7, итого 37 человѣкъ, да изъ тѣхъ нѣкото-

рое число крайне непонятны, а въ грамматикѣ, инфимѣ и фарѣ уже никого нѣтъ (набора очевидно не было по крайней мѣрѣ три года), отъ чего къ производству впредь высшія школы слѣдуетъ остановка, ибо по обыкновенію училищъ всегда въ тожъ самое время, когда высшія даются школы, и въ нижнихъ для заготовленія къ ежегодному производству бываетъ учениковъ по немалому числу, дабы въ таковой ежегодной промоціи на праздныя мѣста изъ школы въ другую вступить имѣли и не были бы каковые классы отъ того праздны. А по присланному прошлаго 1744 г. апрѣля 16 дня ея имп. в-ва изъ св. прав. Синода къ вашему преосвященству указу велѣно въ реченныхъ вашего архипастырства школахъ всегда быть 50 человѣкамъ непремѣнно. Того ради по мнѣнію моему нижеименованнаго, къ лучшей означенныхъ вашего архипастырства школъ пользѣ надлежитъ нынѣ изъ епархіи вашего преосв-ва, малолѣтнихъ св.-и-ц.-служительскихъ дѣтей, по славянски совершенно читать, писать и нотнаго пѣнія умѣющихъ, собрать въ реченныя в. пр-ва школы для ученія до 50 человѣкъ или и вящше, дабы по силѣ Д. Регламента изъ оныхъ понятныхъ, по времени разсмотря, потребное число во ученіе опредѣлить было можно, дабы тупыя и непонятныя напраснымъ сидѣніемъ въ школахъ времени втуне не потеряли и отцевъ своихъ въ безполезныя издержки не подвергли; ибо таковымъ ученикомъ по силѣ вышеписаннаго е. и. в-ва указу надлежитъ быть въ реченныхъ школахъ во ученіи на своемъ отцевскомъ пропитаніи и одеждѣ, для чего и высылкѣ оныхъ учениковъ потребно быть изъ мѣстъ хлѣбородныхъ и отъ таковыхъ св.-и-ц-служителей, которые могутъ дѣтямъ своимъ произвесть упомяненное содержаніе, чтобъ неимѣніемъ пропитанія и одежды ученики отъ трудовъ ученія не могли отговариваться. А изъ вышепрописаннаго нынѣ въ упомяненныхъ школахъ находящагося числа учениковъ, изъ пиитики и изъ синтаксиса, крайне непонят-

ныхъ повелѣно бъ было, куда надлежитъ, отъ ученія освободя, отъ школъ выпустить, ибо отъ таковыхъ плода ждать почеловѣчески неуповательно, а учащимся отъ того происходитъ несносное, но напрасное затрудненіе и трудъ безполезный. На сіе все на высокое архипастырства вашего благоразсмотрѣніе" и проч. (1).

Смотры дѣтей все еще оказывались необходимыми при опредѣленіи новыхъ учениковъ и въ старыя семинаріи и, судя по сейчасъ приведенному докладу учителя, требовали немалой внимательности въ распознаваніи годныхъ и негодныхъ къ ученію; вѣроятно, какъ во времена Д. Регламента, нѣкоторыя изъ дѣтей, желая отбыть отъ ученія, и теперь нарочно „притворяли себѣ тупость". Но при установившемся уже порядкѣ школьнаго обученія въ епархіи смотры эти облегчились тѣмъ, что епархіальное и семинарское начальства по крайней мѣрѣ имѣли у себя уже готовыя вѣдомости о дѣтяхъ, по которымъ болѣе или менѣе знали, кого вызывать въ школу, и не имѣли постоянной надобности дѣлать тяжелыхъ и для себя и для духовенства генеральныхъ вызововъ дух. дѣтей со всей епархіи. Подобные вызовы производились уже только въ экстренныхъ случаяхъ, когда до начальства доходили извѣстія объ усиленіи укрывательства отъ школы. Такой наприм. смотръ дѣтей назначила однажды въ 1746 г. троицкая лавра (2). Въ 1751 г. Лука Конашевичъ казанскій во время посѣщенія своего г. Сызрани и сызранскаго заказа замѣтилъ, что многія дѣти духовенства, „годныя къ обученію въ семинаріи, отпущены на оброкъ, а иныя для обученія читать и писать на долгое время безъ приказанія его преосвященства фальшиво, а иные священно-церковнослужители

(1) Странникъ 1878 г. ноябрь: въ стат. о Варсонофіѣ архангельскомъ, стр. 147—148.

(2) Ист. троицк. семин. 27.

дѣтей своихъ возрастныхъ и по нынѣ въ семинарію ко обученію не представляютъ и утаиваютъ, а нѣкоторые тѣхъ дѣтей своихъ уже и оженили въ несовершенныхъ лѣтахъ, какъ видно, точію для того, чтобы имъ въ семинаріи не быть, къ тому же въ нѣкоторыхъ данныхъ тѣмъ священно-и-церковнослужительскимъ дѣтямъ за подписаніемъ его преосв-ва билетахъ явились въ прописаніи термина чиненія и поправки и во многихъ присланныхъ изъ семинарской конторы указѣхъ оказались нѣкоторыя сумнительства". Вслѣдствіе этого указомъ его преосв-ва отъ 29 августа велѣно было всѣмъ заказчикамъ казанской епархіи „имѣющихся въ вѣдомствахъ ихъ дѣтей, кромѣ самыхъ малолѣтнихъ, какъ женатыхъ, такъ и не женатыхъ, не обходя тѣхъ, которыя отъ казанской семинарской конторы отпущены были изъ обучающихся въ школахъ за болѣзньми и за непонятіемъ наукъ и на время, и которые отъ казанской консисторіи опредѣлены въ правленіе дьячковскихъ и пономарскихъ должностей, а его преосв-вомъ еще не произведены, выслать къ представленію для освидѣтельствованія его преосв-вомъ въ семинарскую контору и съ данными имъ указами, и для того имѣющіяся въ заказахъ о семинаристахъ дѣла и посланные объ нихъ изъ семинарской конторы указы, какіе ни есть съ 1742 г., всѣ прислать же на разсмотрѣніе при доношеніяхъ и при именныхъ реэстрахъ въ немедленномъ времени конечно къ октября 1 числу 1751 г. А когда св.-церковнослужительскія дѣти высланы будутъ, тогда отцамъ ихъ съ ними же ѣхать въ Казань и отъ парохіи своей отлучаться не велѣть, дабы безъ нихъ въ исправленіи мірскихъ требъ не воспослѣдовало остановки и упущенія, того ради выбрать имъ, духовнымъ управителямъ и заказчикамъ, изъ нихъ же священниковъ, кого пристойно, по разсмотрѣнію своему, къ каждымъ 30 или 10 селамъ по одному десятоначальнику, коимъ велѣть тѣхъ священноцерковнослужительскихъ дѣтей, которыя къ нимъ въ надсмат-

риваніе поручены будутъ, привозить въ Казань и въ семинарской конторѣ объявлять самимъ безъ всякихъ отговорокъ". Далѣе слѣдуетъ приведенное уже выше распоряженіе о неразрѣшеніи молодымъ людямъ въ духовныхъ семействахъ вступленія въ бракъ безъ личнаго согласія самого архіерея (1). Мы нарочно привели этотъ любопытный указъ почти цѣликомъ, потому что въ немъ съ одной стороны подробно описана процедура вызововъ дух. дѣтей на школьные смотры, а съ другой указываются тѣ виды укрывательства отъ школьнаго ученія, заведеннаго въ епархіи уже около 28 лѣтъ, которые вызывали подобные генеральные смотры, простиравшіеся не только на ребятъ, но и на служившихъ на мѣстахъ, даже женатыхъ церковниковъ.

На обыкновенные смотры вызывались тѣ изъ дѣтей духовенства, которыя по лѣтамъ стояли, такъ сказать, на очереди къ несенію школьной повинности; *вызовъ ихъ производился обычнымъ порядкомъ чрезъ заказчиковъ и дух. управителей*, но вслѣдствіе уклоненія многихъ изъ нихъ отъ школы нерѣдко и за ними надобно было посылать нарочныхъ. Въ вѣдомствѣ Троицкой лавры посылка за учениками солдатъ продолжалась во все описываемое время. Нужно впрочемъ замѣтить здѣсь кстати, что многіе изъ причтовъ въ троицкихъ вотчинахъ имѣли особую, весьма важную причину уклоняться отъ представленія своихъ дѣтей въ лаврскую семинарію: вотчины лавры были раскинуты на огромномъ пространствѣ, среди нѣсколькихъ епархій, въ которыхъ были свои семинаріи, а между тѣмъ лавра требовала, чтобы подвѣдомственныя ей дух. лица непремѣнно везли своихъ дѣтей въ ея семинарію и ни подъ какимъ видомъ не отдавали ихъ въ ближайшія мѣстныя семинаріи. По жалобамъ духовенства св. Синодъ въ 1755 г. выдалъ было распо-

(1) Изъ рукоп. собранія матеріаловъ для ист. казанск. епархіи.

ряженіе представлять въ троицкую семинарію дух. дѣтей только изъ ближайшихъ монастырскихъ вотчинъ, отстоящихъ отъ лавры не далѣе 200 верстъ, но въ 1758 г. распоряженіе это было отмѣнено. Въ 1761 году вмѣсто солдатъ лавра послала по вотчинамъ за ребятами учителей, снабдивъ ихъ строгими инструкціями и большими полномочіями: пріѣхавъ въ извѣстное мѣсто, собрать по сказкамъ духовенства всѣхъ дѣтей мужск. пола и, освидѣтельствовавъ ихъ лично въ чтеніи, писаніи и въ способностяхъ, годныхъ къ ученію всѣхъ выслать на крестьянскихъ подводахъ въ лавру при доношеніяхъ; въ случаѣ непослушанія отцевъ требовать, гдѣ надлежитъ, команды и забирать дѣтей силой, не пріемля никакихъ отговорокъ, а о противникахъ репортовать; по пріѣздѣ въ лавру о всѣхъ забранныхъ въ семинарію подать учрежденному собору подробную вѣдомость; во время пути обидъ и налогъ никому не чинить и взятокъ не касаться, — этотъ послѣдній пунктъ въ тогдашнее время составлялъ необходимую принадлежность всякаго рода инструкцій, писался и въ упомянутыхъ солдатскихъ инструкціяхъ. Посылка учителей съ такими порученіями была, разумѣется, полезнѣе, потому что учитель набиралъ дѣтей въ школы съ разборомъ, послѣ экзамена, и высылалъ только годныхъ къ ученію, тогда какъ при обыкновенномъ представленіи на смотръ всякаго рода ребятъ, огуломъ множество изъ нихъ не подготовленныхъ къ школѣ, пріѣхавшихъ иногда издалека, приходилось отправлять назадъ съ большими издержками насчетъ или ихъ отцевъ или самой администраціи (1). Но такая мѣра едва ли могла быть употребляема въ другихъ семинаріяхъ, имѣвшихъ большею частію самое ограниченное число учителей. Въ воронежской епархіи въ 1753 г. епархіальное начальство уполномочило для такого набора дѣтей учени-

(1) Ист. троиц. сем. 2 —29

ковъ высшихъ классовъ семинаріи (риторовъ и философовъ), отпущенныхъ тогда на вакатъ: въ инструкціи, данной имъ на этотъ предметъ, было сказано, чтобы они пересмотрѣли по вѣдомостямъ всѣхъ дѣтей духовенства 7—10 лѣтъ „въ ростъ, лѣта и примѣты“ и затѣмъ обученныхъ славяно-россійской грамотѣ, т. е. букваря, часослова, псалтири и письма, взяли въ семинарію, а съ дух. управителей и всего духовенства собрали подписки „съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ подъ штрафомъ“, чтобы они дѣтей своихъ съ 7 лѣтъ непремѣнно обучали славяно-русской грамотѣ, а въ 10 лѣтъ представляли уже обученныхъ въ семинарію, каковыя подписки по возвращеніи съ ваката и представили бы въ семинарскую контору (1).

Самымъ благовиднымъ и обычнымъ средствомъ избавиться отъ представленія въ школу, кромѣ притворенія себѣ тупости, было еще притвореніе себѣ болѣзни. Въ предотвращеніе этого рода обмановъ епархіальныя начальства прибѣгали къ строгому освидѣтельствованію всѣхъ отказывающихся отъ школы за болѣзнью чрезъ заказчиковъ и нарочныхъ изъ дух. правленій. Стремленіе уклониться отъ школы у нѣкоторыхъ духовныхъ юношей простиралось до того, что они нарочно наносили себѣ разныя увѣчья, какъ при наборахъ въ солдаты. Какъ поступали при доношеніяхъ объ увѣчьяхъ и болѣзняхъ будущихъ учениковъ, показываетъ наприм. слѣдующее дѣло 1763 г. о сынѣ одного попа ярославской епархіи угличскаго уѣзда Діомида Ильина. Увѣчье на этотъ разъ было невольное: въ челобитной своей въ угличское правленіе попъ Діомидъ писалъ, что попущеніемъ Божіимъ во время пожара сыну его Ефиму „упадшимъ съ избы его попа бревномъ расшибло лѣвую руку такъ жестоко, что кости въ той рукѣ — большую раздробило, а малую отъ оной отшибло и вся та рука весь-

(1) Воронеж. епарх. вѣд. 1868 г. № 23, стр. 755—756.

ма распухла и отъ того де онъ Ефимъ находится въ тяжкой болѣзни, за коею его въ тое семинарію. по взятому съ него попа заказчикомъ въ силу указовъ обязательству, представить не можно", вслѣдствіе чего онъ попъ, опасаясь, чтобы семинарская контора не наложила на него безвинно штрафа, и проситъ сына его освидѣтельствовать. Изъ дух. правленія по этой челобитной былъ посланъ нарочный копіистъ съ инструкціей „накрѣпко изслѣдовать, онаго попова сына рука подлинно ли во время бывшаго пожарнаго случая нечаянно упавшимъ съ избы поповой бревномъ расшибена, а не другимъ какимъ случаемъ, и не нарочно ль то имъ учинено". Копіистъ донесъ, что дѣйствительно такъ все случилось, какъ сказано въ челобитной. Къ слѣдствію въ качествѣ свидѣтелей привлечены были мѣстные крестьяне; и они тоже показали, что все случилось „Божіимъ попущеніемъ, а не другимъ какимъ порядкомъ, нарочно" (1). Были примѣры, что признанныхъ больными учениковъ сначала увольняли отъ ученья, но потомъ, услыхавъ о ихъ выздоровленіи, снова привлекали въ школу. Въ троицкой семинаріи однажды заставили одного такого ученика учиться даже послѣ того, какъ онъ успѣлъ уже жениться (2).

Въ случаѣ безуспѣшности всѣхъ перечисленныхъ мѣръ къ привлеченію духовныхъ дѣтей въ школы, епархіальныя начальства прибѣгали къ разнообразнымъ мѣрамъ карательнымъ, которыя направлены были какъ противъ дѣтей, такъ и противъ ихъ отцевъ. Для дѣтей важнѣйшимъ наказаніемъ за неученіе было лишеніе правъ духовнаго званія чрезъ отдачу въ подушный окладъ или въ солдатство по разборамъ или по опредѣленію самого епархіальнаго начальства. Затѣмъ слѣдовало, часто впрочемъ неосуществлявшее-

(1) Госуд. и народное образованіе, стр. 233, примѣчаніе.
(2) Ист. троицк. семин. 27.

ся въ практикѣ, лишеніе возможности получить церковное, преимущественно священнослужительское мѣсто. Наконецъ, въ случаѣ побѣговъ отъ школы, они подвергались болѣе или менѣе жестокимъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Нѣкоторыя изъ карательныхъ мѣръ, направленныхъ противъ отцевъ, намъ уже извѣстны изъ тѣхъ угрозъ, какими наполнены всѣ архіерейскіе указы о представленіи дѣтей къ смотрамъ, — это тѣлесныя наказанія и лишеніе должностей. Что угрозы эти не были только пустыми словами, на это можно привести множество примѣровъ. Въ практикѣ впрочемъ всего употребительнѣе были наказанія посредствомъ денежныхъ штрафовъ.

Штрафы эти первоначально вполнѣ зависѣли отъ усмотрѣнія архіереевъ и потому были очень разнообразны по епархіямъ, начинаясь съ копѣекъ и доходя до десятковъ рублей. Въ иркутской епархіи принято наприм. было взыскивать съ отцевъ по 15 руб. за каждаго не представленнаго въ свое время къ ученію сына. Въ нижегородской епархіи количество штрафа соразмѣряемо было съ степенью виновнаго лица, съ священника больше, дьякона меньше и т. д., и съ степенью самой виновности; брали по 3, по 2 рубля, по рублю, полтинѣ, 25 коп. (1). Въ 1742 г. св. Синодъ издалъ указъ, которымъ повелѣвалось за непредставленіе ученика къ ученію въ назначенный срокъ брать съ его родственниковъ штрафъ въ 10 руб. Въ 1744 г. явилось новое общее распоряженіе о штрафахъ; указомъ 23 февраля предписано было за каждый мѣсяцъ укрывательства ученика брать съ протопоповъ по 2 р., со священниковъ по 1½, съ дьяконовъ по 1 р., съ причетниковъ по полтинѣ (2). Указъ этотъ съ самаго же начала былъ принятъ въ руко-

---

(1) Иркутск. еп. вѣд. 1864 г. № 34, стр. 544. Ист. нижегор. семин. 5

(2) Ист. московск. акад. 107. Ист. троицк. сем. 25.

водство по всѣмъ семинаріямъ, хотя и не безъ исключеній, большею частію впрочемъ состоявшихъ не столько въ уменьшеніи, сколько напротивъ въ усиленіи указанныхъ штрафныхъ сборовъ. Въ слѣдующемъ наприм. году, какъ извѣстно, открылась воронежская семинарія и. когда нѣкоторые отцы не представили дѣтей своихъ къ сроку, къ нимъ тогда же было примѣнено и новое распоряженіе о штрафахъ, хотя въ оправданіе своей неисправности они выставляли довольно уважительные резоны — дальность разстоянія и рабочую пору. Изъ опредѣленій воронежской консисторіи видимъ, что штрафная сумма аккуратно высчитывалась не только по мѣсяцамъ, но и за каждый день просрочки, наприм. положить штрафъ свыше объявленнаго имъ сроку. съ августа съ 20 сего же 1745 г. ноября по 27 число, что надлежитъ съ попа августа за 12 дней 60 коп.; за сентябрь 150 к., за октябрь тоже число. да ноября съ 26 дней 120 к., итого 4 р. 90 к. Съ дьячка на тѣжъ числа августа за 12 дней 20 к. 3 полушки, за сентябрь 50 к., за октябрь 50 к., да ноября за 26 дней 45 к. 2 полуденьги. итого съ дьячка 1 р. 66 к. 2 полуденьги и т. д. (1). Въ доказательство того, что епархіальное начальство могло всегда наложить штрафъ и выше указаннаго. можно указать на примѣръ ростовской консисторіи, которая однажды положила собирать съ неисправныхъ отцевъ по 5 руб. за каждую просроченную недѣлю (2). Кромѣ того штрафъ, какъ мы видѣли, отягчался еще въ случаѣ самовольнаго поступленія назначеннаго къ призыву въ школу на церковную службу и преждевременной женитьбы.

Уклонявшихся отъ школы такъ было много, что штрафныя деньги, какъ мы знаемъ, составляли очень

---

(1) Воронѣ. епарх. вѣд. 1867 г. стр. 22. Сравн. Ист. псковск. сем. 39 и Ист. влад сем. 18—19.

(2) Госуд. и народное образов. примѣч. къ 234 стр.

важную статью содержанія тогдашнихъ семинарій. Но мы знаемъ также, что, благодаря настойчивости, съ какой епархіальныя начальства проводили принципъ обязательности школьнаго образованія для дѣтей духовенства, число кандидатовъ этого образованія все болѣе и болѣе увеличивалось и на семинарскіе смотры стали привозить такое множество ребятъ, что въ школахъ не оказывалось для нихъ ни достаточнаго мѣста, ни достаточныхъ матеріальныхъ средствъ. Отсюда явились неизбѣжныя и невольныя ограниченія принципа обязательности школьнаго обученія, выразившіяся въ двухъ формахъ, въ формѣ устраненія изъ епархіальныхъ школъ первоначальнаго элементарнаго обученія и въ штатахъ, какими пришлось ограничить число учениковъ въ каждомъ учебномъ заведеніи.

Первая форма ограниченія явилась еще раньше, при Петрѣ Великомъ. Мы видѣли, что какъ только школы стали разширять свои курсы введеніемъ латинскаго языка, изъ элементарныхъ, славяно-россійскихъ преобразовываться въ среднія, такъ и обнаружилось, что славено-россійское обученіе составляетъ для нихъ только лишнее бремя, которое слѣдуетъ сдать по принадлежности семействамъ духовныхъ дѣтей или низшимъ школамъ грамотности, и что духовная администрація, пренебрегши послѣдними, взявши все обученіе дѣтей духовенства только на себя, взялась за дѣло для себя непосильное. Послѣ этого славяно-россійское обученіе въ архіерейскихъ школахъ все болѣе и болѣе стало удаляться на задній планъ, наконецъ съ 1730-хъ гг., когда онѣ преобразовались въ семинаріи, все почти вниманіе епархіальныхъ архіереевъ поглотило поддержаніе однихъ этихъ семинарій, въ которыхъ курсъ уже прямо начинался съ латини. Славено-россійскія школы заводились въ небольшомъ числѣ и преимущественно въ епархіяхъ или болѣе богатыхъ, которыя могли содержать ихъ безъ особеннаго ущерба для главныхъ своихъ школъ, —

семинарій, или въ болѣе обширныхъ, въ которыхъ при трудности сосредоточить все духовное образованіе въ одномъ каѳедральномъ городѣ, чувствовалась настоятельная потребность въ мѣстныхъ школахъ по епархіальнымъ округамъ, приготовительныхъ къ главной каѳедральной школѣ. Да и эти приготовительныя школы по большей части являлись уже въ формѣ славено-латинскихъ; въ славено-латинскія же нерѣдко преобразовывались и старыя нижнія школы разныхъ епархій. При наборѣ дѣтей въ семинарію отъ нихъ вслѣдствіе этого повсюду стали требовать, чтобы они предварительно были выучены грамотѣ и могли приступать уже прямо къ латинскому ученію. Практика епархіальныхъ властей была вполнѣ одобряема и указами правительства, особенно указами 1738 и 1740 гг. объ учрежденіи семинарій троицкой и новгородской. Въ томъ и другомъ было сказано, что въ семинарію слѣдуетъ принимать только тѣхъ дѣтей, которыя читать и писать на русскомъ языкѣ уже обучены, а „понеже, прибавлено во второмъ указѣ, отчасти извѣстно, что до сего времени при семинаріи такихъ учениковъ содержатъ, которые порроссійски читать и писать не обучены, того ради всѣхъ такихъ отдать родителямъ ихъ съ такимъ опредѣленіемъ, чтобы они тѣхъ дѣтей своихъ до пришествія ихъ возраста въ 12 лѣтъ всему тому конечно обучили и, обучивъ, для обученія прочихъ наукъ въ семинарію ихъ отдавали“, подъ опасеніемъ штрафа и отдачи необученныхъ дѣтей въ военную службу. Указъ 1740 г. не отрицалъ впрочемъ, какъ мы уже упоминали, и существованія въ епархіяхъ нижнихъ школъ, даже нарочно велѣлъ завести ихъ въ разныхъ мѣстахъ новгородской епархіи, но только на манеръ частныхъ школъ, относя вознагражденіе ихъ учителей на счетъ самихъ учениковъ по обычной платѣ за

ученіе, какъ вознаграждались за свои труды прежніе мастера грамотности (1).

Приведенные указы имѣли частное значеніе относительно только троицкой и новгородской семинарій; въ началѣ августа 1740 г. вышелъ такого же содержанія общій указъ, который главною цѣлью имѣлъ опредѣлить возрастъ, съ какого отцамъ слѣдовало начинать первоначальное обученіе своихъ дѣтей, и затѣмъ какихъ лѣтъ опредѣлятъ ихъ въ семинарію, но, заговоривъ объ этомъ первоначальномъ обученіи, предложилъ нѣсколько новыхъ разъясненій касательно его организаціи, дозволивъ архіереямъ заводить и иныя школы грамотности, только бы онѣ не были въ ущербъ семинаріямъ. На основаніи Регламента и приведенныхъ указовъ 1738 и 1740 гг. въ семинарію дозволялось принимать дѣтей отъ 10 до 12 лѣтъ и непремѣнно обученныхъ уже грамотѣ; „которыя же по достодолжному и ревностному отцевъ своихъ тщанію россійской грамотѣ и писать обучены и прежде 10 лѣтъ возраста, и таковыхъ принимать, не ожидая, пока они тѣхъ лѣтъ достигнутъ, безъ отреченія, точію выше пятнадцатилѣтнихъ отнюдь не принимать, развѣ съ такимъ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ, какъ въ Д. Регламентѣ показано (т. е. что отрокъ и въ домѣ родительскомъ жилъ въ страсѣ и добромъ надсмотрѣніи); а которыя россійской грамотѣ и писать отъ 10 до 12 лѣтъ не обучены и обучаются въ школахъ при арх. домѣ на опредѣленномъ отъ монастырей пропитаніи, и таковыхъ, — гдѣ ежели отъ содержанія оныхъ другимъ отрокомъ, кои учатся въ латинскихъ школахъ, можетъ воспослѣдовать въ довольствованіи и въ прочемъ къ содержанію ихъ какое недовольство, — для того россійской грамотѣ обученія, кромѣ убогихъ, отдавать отцемъ и сродникомъ ихъ съ надлежащими оныхъ, въ коликое время тѣхъ, кто

(1) Ист. троицк. сем. 4. Ист. росс. іер. 594 и 601—602.

чему еще не обучены, обучить и потомъ на который срокъ въ школы для обученія высшимъ наукамъ представить долженъ, обязательствы подъ немалымъ штрафомъ. А ежели которые архіереи похотятъ при арх. домѣхъ обучать и изъ такихъ, кои оной россійской грамотѣ еще не обучены, то въ томъ оставляется быть на ихъ пропитаніи. Такожъ и прочимъ всѣмъ священно-церковнослужителямъ съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ приказать, дабы они дѣтей своихъ славено-россійской грамотѣ, т. е. букваря съ десятословіемъ, часослова, псалтири и скорописному, обучали отъ себя, начиная имъ то ученіе всеконечно съ 7-лѣтняго ихъ возраста, съ положеніемъ имъ на то ученіе по послѣдней мѣрѣ трилѣтняго срока, въ которомъ каждый сына своего долженъ, всему оному обучавъ, для обученія высшимъ наукамъ представить въ домѣ архіерейскомъ неотмѣнно, въ чемъ тѣхъ отцевъ ихъ потому жъ обязать штрафомъ по разсмотрѣнію архіереевъ, и тотъ штрафъ съ тѣхъ, кто дѣтей своихъ на опредѣленный срокъ, вышепоказанному обуча, не поставитъ, и взыскивать безъ упущенія, и для того онымъ обязательствамъ имѣть въ домѣхъ архіерейскихъ, у кого надлежитъ, для всегдашней памяти и дѣйствомъ исполненія записную книгу, а потому смотрителю, кому такая книга будетъ дана, къ наставленію, какъ ему въ томъ поступать, дать инструкцію" (1).

Такимъ образомъ со времени преобразованія дух. школъ въ семинаріи и особенно послѣ приведенныхъ указовъ всѣ дѣти, оказывавшіяся на смотрахъ необученными русской грамотѣ, стали считаться негодными для поступленія въ семинаріи и отсылались обыкновенно назадъ въ домы отцевъ, но отъ обязанности учиться все-таки не освобождались. Въ силу тѣхъ же указовъ и еще раньше ихъ практически утвердилпа-

(1) Педагог. Вѣстн. 1857 г. т. II, 544. Ворон. епарх. вѣдом., 1867 г. №3, стр. 82—84 въ примѣч. Ист. Нижегор. іерарх. стр. 106. прим. 3.

гося обычая съ отдовъ такихъ неграмотныхъ дѣтей брались обязательства представлять ихъ вновь въ семинарію въ трехлѣтній срокъ уже обученными. Штрафъ за неисполненіе этого обязательства взимался обыкновенно въ возвышенномъ количествѣ противъ штрафа за непредставленіе дѣтей по вызову на первый смотръ, наприм. въ троицкой семинаріи простирался до 10 р. Въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ были готовыя славяно-россійскія школы или оставались русскіе классы при самихъ семинаріяхъ, неграмотные дѣти оставлялись для предварительнаго обученія при нихъ, но такъ какъ число такихъ неграмотныхъ оказывалось слишкомъ велико, то въ школы эти принято было включать главнымъ образомъ сиротъ и другихъ подобныхъ дѣтей, которыя почему нибудь не имѣли возможности учиться дома и на свои средства. Въ нѣкоторыхъ болѣе достаточныхъ семинаріяхъ для обученія такихъ дѣтей даже нарочно открывали русскіе классы, наприм. Троицкая лавра въ 1743 г. открыла у себя такой классъ на 20 сиротъ, не включая ихъ въ штатное сотное число учениковъ семинаріи, т. е. сверхъ штата. Объ открытіи новыхъ низшихъ школъ по округамъ разныхъ епархій мы уже говорили. Большинство дух. дѣтей по всей вѣроятности должно было учиться въ частныхъ школахъ при церквахъ, у разныхъ членовъ приходскихъ причтовъ, или при монастыряхъ. Этимъ частнымъ обученіемъ для распространенія грамотности въ дух. семействахъ пользовались по мѣстамъ и сами епархіальныя начальства, когда послѣ смотра представленныхъ въ семинарію дѣтей находили нужнымъ вступиться въ дѣло обученія неграмотныхъ и указать имъ самые способы этого обученія. Такъ, при открытіи вятской семинаріи преосв. Лаврентій извѣстное число неграмотныхъ, сколько было можно, опредѣлилъ въ русскую школу при своемъ домѣ, остальныхъ же частію возвратилъ отцамъ, которые обязались сами учить ихъ, чему надобно, и оказались къ тому способными, частію отослалъ для той же цѣли къ разнымъ искус-

нымъ въ чтеніи дьякономъ и причетникамъ г. Хлынова, либо въ монастыри (*).

Второе ограниченіе школьнаго обученія, состоявшее въ опредѣленіи числа учениковъ штатами, еще ближе касалось принципа сословной обязательности дух. образованія. Штаты постепенно сформировались во всѣхъ дух. школахъ частію на основаніи прямыхъ указовъ правительства, какъ въ семинаріяхъ невской, новгородской и троицкой, частію путемъ практическимъ, будучи вызваны ограниченностію матеріальныхъ средствъ въ той или другой епархіи. Послѣдняго рода штаты, разумѣется, не могли быть такъ постоянны, какъ первые, съ перемѣною въ количествѣ матеріальныхъ средствъ къ содержанію учениковъ нерѣдко измѣнялись и сами. Но и тѣ и другіе, ограничивая число учениковъ извѣстною цифрою, необходимо вели за собою устраненіе отъ школы множества дух. дѣтей, призывавшихся къ смотрамъ, и такимъ образомъ прямо ослабляли принципъ обязательности сословной школы для духовенства. При замѣщеніи семинарскихъ вакансій архіереи обыкновенно распоряжались сначала опредѣлить число учениковъ казенно-коштныхъ, включая въ него болѣе талантливыхъ и болѣе нуждавшихся молодыхъ людей, затѣмъ собирали справки, сколько еще новыхъ учениковъ могутъ содержаться на собственныя средства, причемъ приходилось собирать самыя достовѣрныя справки о доходахъ ихъ отцевъ съ помощію заказчиковъ, потому что многіе отцы вовсе не желали видѣть своихъ дѣтей въ школѣ и нарочно утаивали свои средства, наконецъ, опредѣливъ этимъ путемъ и число своекоштныхъ, всѣхъ остальныхъ отсылали отъ семинаріи по домамъ съ обязательствомъ непремѣнно пріобрѣсти низшую степень образованія, какая обыкновенно требовалась отъ ставленниковъ, т. е. умѣнье читать, пи-

(*) Вятск. епарх. вѣд. 1868 г. № 2, стр. 26—27.

сать и пѣть и знаніе по букварю краткаго катихизиса. Епархіальныя начальства при этомъ озабочивались иногда еще назначеніемъ изъ епарх. духовенства самыхъ лицъ, у которыхъ такія непринятыя въ семинарію дѣти могли получать требуемое отъ нихъ образованіе частнымъ образомъ, если того желали или если въ томъ нуждались. Устраненіе затрудненія, производимаго семинарскими штатами, этою обязательностію низшаго дух. образованія и ограничивалось. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ къ обязательному обученію въ школахъ призывались иногда дѣти однихъ священнослужителей, а церковнослужительскія только отъ болѣе богатыхъ церквей, какъ это наприм. было въ ростовской епархіи (1); этимъ устранялись хлопоты при собираніи справокъ о доходахъ отцевъ.

Какъ много молодыхъ людей должно было вовсе оставаться безъ школьнаго образованія, можно видѣть изъ нѣсколькихъ взятыхъ на выдержку извѣстій о числѣ являвшихся на смотры. Такъ въ вятскую семинарію при ея открытіи явилось до 400 дѣтей, но принято было всего 200, а затѣмъ и это число упало до 95; въ воронежской семинаріи изъ 130 первоначально явившихся на смотръ принято 30; во владимірскую явилось на смотръ 862, сколько изъ нихъ принято не знаемъ, но судя по maximum числа учениковъ въ другихъ семинаріяхъ, едва ли многимъ болѣе 200 и т. д. Приведемъ еще примѣръ изъ исторіи холмогорской семинаріи, особенно любопытный по своимъ выразительнымъ подробностямъ. Семинарія эта была одна изъ бѣднѣйшихъ и въ началѣ 1740-хъ годовъ при архіереѣ Варсонофіѣ, о которомъ мы уже упоминали, какъ о недоброжелателѣ черкасскихъ затѣй, едва не закрылась. Въ 1742 г. св. Синодъ потребовалъ изъ епархіи вѣдомостей о томъ, сколько

(1) Госуд. и нар. образованіе, стр. 238.

семинарія можетъ содержать учениковъ на казенномъ коштѣ, затѣмъ сколько найдется учениковъ, которыхъ отцы могутъ содержать въ ней на свой собственный счетъ, и наконецъ сколько за онымъ должно остаться дѣтей духовенства безъ школьнаго образованія, при одномъ россійскомъ обученіи. Въ силу этого указа къ концу года составлены были вѣдомости, по которымъ перваго рода учениковъ показано въ наличности только 8, втораго 19, — всего 27; къ концу года слѣдовало собрать новыхъ учениковъ изъ ребятъ, умѣющихъ грамотѣ, отъ 10 до 15 лѣтъ, но принять на казенный коштъ ниодного изъ нихъ было нельзя; поэтому слѣдовало вызвать къ ученію только такихъ, которыхъ отцы могли содержать на своемъ пропитаніи; — таковыхъ оказалось 26 всего на всего, тогда какъ всѣхъ дѣтей духовенства, подлежащихъ по лѣтамъ къ вызову въ школу, было по епархіи 451 человѣкъ. Вся эта масса молодыхъ людей должна была слѣдовательно оставаться при одномъ только славяно-россійскомъ обученіи. При представленіи этихъ вѣдомостей арх. канцелярія рѣшила: показанныхъ дѣтей къ обученію россійскихъ наукъ, — часослова, псалтири, писать, букваря съ толкованіемъ, катихизиса и церковнаго пѣнія, — раздать по уѣздамъ священно-и-церковно-служителямъ великоприходныхъ церквей (которыхъ сама же и указала), „и которые отцы пожелаютъ взять дѣтей своихъ въ домы для совершеннаго оныхъ россійскихъ наукъ, кромѣ катихизиса, изученія, и тѣхъ отдавать имъ учителямъ на срочное время, смотря по остротѣ дѣтей ученія, а для скораго собранія по всѣмъ уѣздамъ оныхъ дѣтей и общаго съ учителями термина отпуску послать домовыхъ служителей, знающихъ совершенно оныхъ россійскихъ наукъ, и людей добросовѣстныхъ, понеже по вышеозначенному указу велѣно о изученіи ихъ съ вышеобъявленными обучающимися въ домѣ вашего преосвященства школьники присылать въ св. прав. Синодъ репорты, различая, которые чему въ школахъ и кои че-

му при церквахъ обучаются именно". Затѣмъ представленъ реэстръ самихъ священно-и-церковнослужителей разныхъ уѣздовъ, при домахъ которыхъ должны были учиться эти непопавшія въ семинарію дѣти, каждый въ своемъ уѣздѣ: „У гор. Архангельскаго боровской-Успенской церкви священникъ Яковъ да Воскресенской церкви діаконъ Никита. Въ Холмогорахъ соборный дьяконъ Филиппъ, пѣвчій Терентій Шабанинъ. Въ Емецкомъ Никольской волости попъ Аѳанасій" и т. д. всѣхъ 20 человѣкъ; дѣтей съ вотчинъ Соловецкаго монастыря велѣно для обученія отдать въ монастырь (1).

Такимъ образомъ, громко провозгласивъ принципъ обязательности сословнаго образованія дух. дѣтей именно въ архіерейскихъ школахъ и на основаніи этого принципа совершенно осудивъ прежнее обученіе ихъ у отцовъ и въ частныхъ приходскихъ школахъ, даже, какъ мы замѣчали, относясь къ послѣднимъ съ пренебреженіемъ, духовная администрація въ концѣ концовъ все-таки пришла къ тому, что сама созналась въ непосильности принятой на себя задачи и обратилась за помощью и содѣйствіемъ къ тѣмъ же частнымъ школамъ. Къ счастію эти школы, не смотря на все пренебреженіе къ нимъ, еще сохранились и продолжали свою невидную, но полезную дѣятельность, распространяя грамотность не только въ духовенствѣ, но и въ народѣ, о которомъ тогда пока никто еще съ этой стороны не заботился. Судьба ихъ впрочемъ и послѣ была незавидная; при имп. Екатеринѣ II правительство озаботилось объ образованіи народномъ и тоже, вмѣсто того, чтобы воспользоваться уже готовыми для того средствами, обратить вниманіе на организацію старыхъ приходскихъ школъ,

(1) Странникъ 1878 г. ноябрь, стр. 144—146: въ стат. о Варсонофіи архангельскомъ.

взялось за дѣло съ обычною у всѣхъ нашихъ реформаторовъ и попечителей народа радикальностію и презрѣніемъ къ исторіи, стало заводить новыя школы по послѣдней западной модѣ, а старыя ломать...

Обращеніе къ помощи приходскихъ школъ и домашняго обученія дѣтей допускалось впрочемъ лишь, такъ сказать, практически, какъ нѣкотораго рода исключеніе изъ общаго правила, вынужденное обстоятельствами; самое правило, принципъ обязательности именно семинарскаго образованія, въ сознаніи дух. властей оставалось неприкосновеннымъ. Изъ просвѣтительной практики разныхъ епархіальныхъ начальствъ къ удивленію нашему узнаемъ, что съ непринятыхъ въ семинарію дѣтей духовенства взимались даже штрафы точно такъже, какъ съ уклонявшихся отъ нея произвольно, по нежеланію учиться. Такъ въ одномъ донесеніи 1736 г. о казанской семинаріи говорится, что „многія священноцерковнослужительскія дѣти, которыя посвящены по просьбамъ къ церквамъ въ причетъ церковной (не бывши въ семинаріи), другія за малолѣтствомъ отпущенныя въ домы отцовъ своихъ“ платили „въ ту семинарію оброчныя деньги“ по рублю въ годъ (1). Вятскій архіерей Антоній Иллящевичъ при имп. Елизаветѣ, какъ мы знаемъ, сталъ сокращать число учениковъ въ семинаріи для поправленія семинарской экономіи; исключивъ изъ семинаріи до 100 учениковъ, признанныхъ малопонятливыми или великовозрастными, онъ обложилъ при этомъ всѣхъ ихъ денежными штрафами, „смотря по состоянію, кто что понести можетъ“. Еще выразительнѣе другое его распоряженіе, въ силу котораго „съ произведенныхъ имъ и впредь съ производимыхъ поповъ, дьяконовъ, также дьячковъ и пономарей, кои въ латинской школѣ въ наукахъ не были, на содержаніе

(1) Прав. Собесѣдн. 1868 г. т. II. 295: Казанск. семинарія.

студентовъ, каждый годъ" стали „брать съ священниковъ по рублю, съ дьяконовъ по 50 к., съ пономарей и дьячковъ по 25 к. съ человѣка" (1). Налогъ этотъ очевидно былъ тоже чѣмъ-то въ родѣ штрафа за необученіе въ школѣ. Такіе же штрафы взимались еще съ учениковъ, которые выходили изъ школъ на церковную службу раньше времени, не кончивъ курса. Основаніемъ для этихъ послѣднихъ штрафовъ служило правило Регламента о томъ, чтобы вновь принимаемые въ академію студенты „давали на себе запись, что до конца ученій пребудутъ подъ великимъ штрафомъ, если бы обѣта своего не исполнили безъ крайней нужды" (2).

Попавшій въ семинарію совершенно былъ къ ней прикрѣпляемъ и долженъ былъ выходить изъ нея не иначе, какъ по окончаніи всего курса и прямо на духовную службу. Семинаристы были въ этомъ отношеніи чѣмъ-то въ родѣ церковныхъ кантонистовъ, для которыхъ по идеѣ школа духовная и служба церковная были одинаково обязательны и неразрывно между собою связаны, какъ начало и конецъ, средство и цѣль. Извѣстнымъ намъ указомъ 1737 г. было прямо опредѣлено: „которые впредь для наукъ будутъ опредѣлены", тѣхъ не выпускать изъ школъ, „хотя бы кто и совершенно обучился", до тѣхъ поръ, пока или сами не отыщутъ по желаніямъ своимъ мѣстъ, или не будутъ куда нибудь опредѣлены начальствомъ. Духовное начальство въ тѣхъ видахъ, чтобы получившіе семинарское образованіе какъ нибудь не растеривались по окончаніи курса и не уклонялись отъ обязательной для нихъ дух. службы, само по мѣрѣ возможности поддерживало выполненіе этого правила и

(1) Вятск. епарх. вѣд. 1868 г. № 12, стр. 202—203.

(2) Образчикъ записи можно видѣть въ Иркутск. епарх. вѣдом. 1863 г. № 47, стр. 777—778.

заставляло старшихъ ученниковъ семинарій учиться въ послѣднемъ классѣ иногда по нѣскольку лѣтъ. Наприм. въ троицкой семинаріи въ богословскомъ классѣ иные учились всего по году или даже меньше, другіе же, не успѣвшіе скоро найдти мѣста, года по 3, по 4 и даже по 5. Такъ бывало даже и въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ высшихъ классовъ вовсе не было. Въ вятской наприм. семинаріи въ 1740 г. учениковъ оставили такимъ образомъ въ риторикѣ и нѣкоторые изъ нихъ подняли жалобы, что „за непроизведеніемъ въ школѣ высшихъ наукъ быть имъ въ риторикѣ вельми стало скучно, и въ оной школѣ они всуе содержатся и токмо лѣта теряютъ напрасно“ (1).

Обязательность духовной службы для кончившихъ семинарскій курсъ прямо вытекала изъ всего сословнаго характера семинарій и поддерживалась духовными властями съ величайшей энергіей. Всѣ семинаристы, за очень немногими исключеніями, по окончаніи курса прямо опредѣлялись на церковныя мѣста, а нѣкоторые поступали въ монахи. Даже изъ лаврскихъ семинарій, которыя были содержимы Александро-невскою и Троицкою лаврами между прочимъ въ видахъ образованія кандидатовъ на разныя свѣтскія службы по лаврскимъ вотчинамъ, на эти свѣтскія службы принято было опредѣлять только учениковъ изъ дѣтей лаврскихъ служителей, приказныхъ и другихъ разночинцевъ, а дѣтей духовенства выпускали непремѣнно на духовную службу. О всѣхъ церковныхъ вакансіяхъ въ своихъ вотчинахъ Троицкая лавра обыкновенно давала знать въ семинарскую контору съ предложеніемъ, не пожелаетъ ли кто занять ихъ изъ семинаристовъ; кромѣ того ходатайствовала за своихъ воспитанниковъ предъ архіереями тѣхъ епархій, куда они отправлялись по окончаніи курса, прося объ опредѣленіи ихъ на священнослужительскія мѣста (2). Са-

(1) Ист. троицк. семин. 103. Вятск. епарх. вѣд. 1868 г. стр. 199.
(2) Ист. троицк. сем. стр. 102.

ми ученики привыкли смотрѣть на себя, именно какъ на кандидатовъ дух. службы, къ которой тянули ихъ и родовыя симпатіи и характеръ ихъ семинарскаго образованія. Въ 1747 г. доступъ къ церковнымъ должностямъ былъ стѣсненъ строгимъ указомъ, настойчиво требовавшимъ, чтобы въ священники посвящались имѣвшіе не менѣе 30, а въ дьяконы не менѣе 25 лѣтъ, — и вотъ какую жалобу подали по этому случаю въ св. Синодъ ученики, кончившіе тогда курсъ въ невской семинаріи. „Гдѣ намъ нижайшимъ правильныхъ лѣтъ дожидаться? У родителей или у сродниковъ? но тѣхъ большее насъ число не имѣетъ. Рукодѣліемъ кормиться? но того не обучались. Куплями ли промышляти? но и на двѣ лепты почти у всѣхъ насъ не наберется. А хотя у одного и другаго изъ насъ и родитель сыщется, но и самъ онъ на силу пропитаніе имѣетъ: какъ же кормить столь возрастнаго сына, отъ котораго и самъ себѣ въ такія лѣта надѣялся помощи, станетъ? При семинаріи уже ни сякъ — ни такъ оставаться и 30 лѣтъ дожидаться вовсе не мочно; ибо и такъ уже бѣдственное школьническое житіе паче мѣры наскучило, внѣ котораго, можетъ быть, давно уже иной честное себѣ заслужилъ прокормленіе. И такъ мы нижайшіе, вмѣсто чаятельнаго за труды 12-тилѣтные награжденія, Богъ вѣсть съ какою надеждою остаемся. Въ монахи постриженія нѣтъ; въ священники безъ всякаго изъятія по 30 лѣтъ требуется; въ діаконы желаемаго прихожаны голосу недостаетъ; въ дьячки или пономари стыдно и весьма обидно и, кромѣ посмѣянія отъ всѣхъ, а наипаче отъ тѣхъ, которые за тупостію къ ученію или другимъ коимъ недостаткомъ отставлены отъ семинаріи или и ногою въ оной не бывали, и давно по мѣстамъ таковымъ опредѣлены благополучно себѣ живутъ въ совершенномъ житія станѣ, — больше нѣтъ чего надѣяться. Какъ впредь быть и что дѣлать, и сами невѣдаемъ. Отъ чего и тѣмъ, которые въ классахъ обрѣтаются, уповательно, что охота къ ученію крайне

ослабѣетъ". Строгость постановленія о законныхъ лѣтахъ была впрочемъ скоро ограничена въ отношеніи ко всѣмъ, кончившимъ курсъ въ семинаріяхъ и академіяхъ (1). Нельзя опускать при этомъ изъ вниманія и того, что многіе, если не большая часть учениковъ, при тогдашнемъ обыкновеніи начинать школьное обученіе поздно, уже въ изрядномъ великовозрастіи, оканчивали курсъ въ лѣтахъ совершенно удовлетворительныхъ для посвященія по крайней мѣрѣ въ дьяконы.

Нѣкоторая часть семинаристовъ, сравнительно впрочемъ меньшая съ числомъ поступавшихъ на священнослужительскія мѣста, преимущественно изъ малороссійскихъ школъ и главнымъ образомъ въ видахъ учительскихъ должностей, поступали на духовную службу чрезъ постриженіе въ монахи. При Аннѣ Іоанновнѣ постриженіе ихъ было сильно стѣснено сначала указомъ 1733 г., запретившимъ постригать студентовъ безъ трехлѣтняго искуса и ранѣе 30 лѣтъ, потомъ другимъ 1734 г., которымъ, кромѣ отставныхъ солдатъ и вдовыхъ священнослужителей, вовсе не велѣно было постригать никого (2). Указы эти грозили совершеннымъ уничтоженіемъ ученаго монашества и вызвали горькія жалобы на то, что въ ученыхъ монахахъ сталъ ощущаться крайній недостатокъ даже въ Малороссіи, гдѣ ими держались всѣ дух. школы. Въ 1738 г. правительство сочло поэтому нужнымъ умѣрить строгость своихъ указовъ о постриженіи, по крайней мѣрѣ для Малороссіи, гдѣ безъ ученаго монашества духовныхъ школъ не могли и представить, и снова дозволило тамъ постриженіе ученыхъ людей, только съ особаго на каждый случай разрѣшенія отъ кабинета министровъ и Синода (3). Но подъ конецъ царствованія въ монашествѣ, какъ въ

---

(1) Ист. спб. акад. 50—54.

(2) П. С. З. IV. № 6504. 6585.

(3) Тамъ же X. 7634. 7674.

рядовомъ, такъ и ученомъ, чувствовалось все-таки крайнее оскудѣніе и св. Синодъ не переставалъ высказывать серьезныя опасенія касательно самаго его существованія (1). По неоднократнымъ его представленіямъ объ этомъ предметѣ въ 1741 г. дано было наконецъ довольно широкое разрѣшеніе постригать въ монашество всѣхъ желающихъ, только съ соблюденіемъ прежнихъ штатныхъ опредѣленій о числѣ монаховъ, а семинаристовъ и студентовъ кромѣ того дозволено освобождать при постриженіи и отъ законнаго трехлѣтняго искуса, замѣняя послѣдній только шестимѣсячнымъ (2). Но указъ объ этомъ предметѣ дѣйствовалъ весьма непродолжительное время. Въ царствованіе имп. Елизаветы, отмѣнившей всѣ распоряженія брауншвейгскаго правительства, при которомъ онъ былъ изданъ, онъ потерялъ всякую силу и постриженіе стало опять производиться на основаніи указа 1738 г., т. е. только съ особаго высочайшаго разрѣшенія и по указу изъ св. Синода (3). Малороссійскія дух. начальства снова стали жаловаться на оскудѣніе ученаго монашества и на этотъ разъ, пользуясь особенной любовью императрицы къ малороссамъ, въ 1749 г. успѣли выхлопотать для себя такой указъ, который шелъ совершенно въ разрѣзъ всему прежнему законодательству о монашествѣ со временъ Петра Великаго: этимъ указомъ дозволялось постригать молодыхъ людей даже съ 17-ти лѣтняго возраста и съ разрѣшенія однихъ только епархіальныхъ архіереевъ, а въ кіевской лаврѣ съ разрѣшенія одного архимандрита. О великоруссахъ въ этомъ указѣ сказано было лишь мимоходомъ и очень неопредѣленно: „не постригать никого неволею и ранѣе 17 лѣтъ, особенно изъ вели-

---

(1) П. С. З. XI, 8303.

(2) Тамъ же № 8382.

(3) См. напр. въ Ист. спб. акад. стр. 69.

россіянъ, безъ высочайшаго повелѣнія", вслѣдствіе чего онъ и былъ относимъ только къ однимъ малороссамъ и имѣлъ для великорусскаго монашества очень невыгодные результаты, о которыхъ правительство узнало уже въ 1761 г. Въ сентябрѣ этого года изданъ былъ новый указъ, распространявшій силу перваго и на великорусскіе монастыри. Ея величеству, говорилось въ немъ, извѣстно учинилось, что съ 1749 г. постриженіе въ монахи въ великороссійскихъ монастыряхъ совсѣмъ оставлено затѣмъ, будто бы въ указѣ 1749 г. постригать великороссіянъ невелѣно, между тѣмъ „таковое высочайшее повелѣніе не для другаго какого намѣренія воспослѣдовало, какъ только дабы годные въ службу и мужья отъ живыхъ женъ и жены отъ живыхъ мужей, такожъ несвободные и младолѣтные по принужденію родителей и родственниковъ постригаемы не были; того ради" и проч.,—дозволено постригаться всѣмъ желающимъ съ разрѣшенія однихъ архіереевъ, а въ Синодъ велѣно представлять годичныя вѣдомости о постриженныхъ для свѣденія (1). Послѣ этого указа свобода постриженія на непродолжительное время стѣснена была указомъ Петра III 1762 г. (2), но съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II снова возстановлена.

Духовныя начальства въ интересахъ духовной службы чрезвычайно дорожили кончившими въ семинаріяхъ полный курсъ и употребляли все стараніе, чтобы удерживать учениковъ въ школахъ до конца; съ этою цѣлію право увольненія учениковъ отъ ученія архіереи постоянно старались удерживать исключительно въ своихъ собственныхъ рукахъ, не довѣряя въ этомъ случаѣ ни ректорамъ, ни семинарскимъ кон-

(1) П. С. З. XIII, № 9591. XV, № 11332.

(2) Тамъ же XV. 11441.

торамъ (1). Законъ по прежнему дозволялъ увольненіе молодыхъ людей изъ школы раньше конца курса только въ крайнихъ случаяхъ, когда ученикъ или крайне тупъ, или лѣнивъ и дурнаго поведенія, и требовалъ, чтобы оно сопровождалось для уволенныхъ исключеніемъ ихъ изъ самаго духовнаго сословія (2). Но разныя настоятельныя нужды, встрѣчавшіяся въ практикѣ епархіальныхъ властей, невольно заставляли ихъ отступать отъ выполненія такихъ суровыхъ требованій, увольнять отъ школы не однихъ только никуда негодныхъ учениковъ и не для только отдачи ихъ въ солдаты или записи въ подушный окладъ, а также и притомъ большею частію для церковной же службы. Само правительство сознавалось, что того долго ждать, когда явится возможность замѣщать церковныя вакансіи одними учеными людьми, и въ виду чрезвычайнаго множества этихъ вакансій послѣ разборовъ позволяло ставить въ священнослужительскія должности даже вовсе неученыхъ, за одно доброе житіе. Понятно, что какой нибудь уже достаточно возрастный риторъ во всякомъ случаѣ былъ лучшимъ кандидатомъ на священнослужительскую должность, чѣмъ вовсе неучившійся въ школѣ церковникъ. Когда открывалась церковная вакансія, въ семинарію нерѣдко нарочно посылались предложенія, не пожелаетъ ли кто занять ее изъ учащихся. Даже въ московской епархіи въ священники сельскихъ приходовъ могли поступать академисты прямо изъ піитики. На наслѣдныя священническія мѣста посвящали риторовъ въ самой Москвѣ, хотя общій порядокъ, принятый тамъ въ руководство при производствѣ въ священнослужительскія степени, требовалъ, чтобы на эти мѣста въ столицѣ посвящались только богословы и философы,

(1) Наприм. см. Курск. епарх. вѣд. 1873 г. № 14, стр. 672.

(2) П. С. З. № 7385. Ист. Росс. іерарх. I, 440.

а риторы лишь на дьяконскія (1). Въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ дѣло доходило до того, что вслѣдствіе такого преждевременнаго посвященія учениковъ высшіе классы семинаріи совсѣмъ пустѣли; наприм. въ 1756 г. въ трехъ высшихъ классахъ псковской семинаріи не осталось ни одного ученика, потому что въ епархіи было слишкомъ много при церквахъ вакансій, а въ 1755 г. присланъ былъ высочайшій указъ замѣстить эти вакансіи въ возможно скорѣйшемъ времени (2). Кромѣ замѣщенія священнослужительскихъ вакансій, множество учениковъ увольнялось изъ семинарій для опредѣленія на церковническія должности; должности эти были обыкновеннымъ удѣломъ исключенныхъ изъ высшихъ классовъ.

Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе большаго наплыва учениковъ въ семинаріи и недостатка средствъ къ ихъ содержанію, заставлявшаго архіереевъ прибѣгать къ сокращенію семинарскихъ штатовъ, исключеніе учениковъ стало производиться все чаще и все въ большихъ размѣрахъ. Понятно, что оцѣнка ученическихъ успѣховъ при этомъ естественно становилась гораздо взыскательнѣе, чѣмъ на первыхъ порахъ существованія дух. школы, когда, по требованію Регламента, тупаго ученика до исключенія нужно было испытывать цѣлый годъ, чтобы не обмануться тупостью притворной, а злонравнаго столько же времени предварительно исправлять, чтобы окончательно убѣдиться, что онъ дѣйствительно „дѣтина непобѣдимой злобы“. Исключались не одни никуда негодные юноши, а просто только сравнительно менѣе талантливые, иногда даже только менѣе состоятельные, которые не могли содержаться въ заведеніи на свой счетъ, а на казенный не попали за излишествомъ. Къ этому при-

(1) Ист. моск. академіи и Ист. троицк. семин. 102.

(2) Ист. псковск. семин. стр. 50—51.

соединялись еще разные семейные разсчеты самихъ отцевъ, желавшихъ уволить своихъ дѣтей отъ ученія и обращавшихся о томъ съ просьбами. Вся эта масса уволенныхъ, если не попадала неожиданно подъ разборъ, и расходилась затѣмъ по нижнимъ церковнымъ должностямъ.

Епархіальныя начальства, допуская эти случаи преждевременнаго увольненія учениковъ въ силу практической необходимости, все-таки старались выдержать принципъ обязательнаго и полнаго обученія дух. дѣтей въ школахъ посредствомъ наложенія на уволенныхъ штрафовъ или оброковъ, какъ на нарушителей закона, хотя бы въ такомъ нарушеніи они не были лично виновны ни душей, ни тѣломъ. Штрафы, разсказываетъ авторъ Исторіи нижегородской и рязанской семинарій, собирались „съ дѣтей за увольненіе ихъ за урослѣмъ, за непонятіемъ и за всякими неспособностями. Отецъ бралъ неспособнаго къ ученію сына домой, иногда при самомъ вступленіи въ школу, иногда по истеченіи нѣкотораго времени, и за это вносилъ за него ежегодное количество денегъ. По опредѣленіи къ мѣсту самъ уволенный отъ школы долженъ былъ платить за себя каждый также годъ штрафныя деньги. Изъ сего оброка, какъ значится въ бумагахъ, выключались только за совершенствомъ лѣтъ, за скудостію и за пожарнымъ разореніемъ“ (1). Мы упоминали уже, что въ вятской епархіи архіерей Антоній обложилъ такимъ оброкомъ или штрафомъ въ пользу семинаріи даже всѣхъ вообще духовныхъ лицъ, получавшихъ при немъ посвященіе безъ предварительнаго обученія въ школѣ. Количество этихъ оброковъ вполнѣ зависѣло отъ усмотрѣнія архіерея и въ разныхъ епархіяхъ для разныхъ лицъ было разное. Вслѣдствіе почти общаго тогда нерасположенія духовенства

(1) Ист. нижегор семин. стр. 4—5. Р. Педагог. Вѣстн. 1858 г. т. III, 24—25. Странникъ 1868 г. т. II. стр. 295.

къ школѣ увольненіе учениковъ на оброкъ, разумѣется, не обходилось безъ злоупотребленій. Между дух. отцами было слишкомъ много такихъ, которые желали бы поскорѣе видѣть своихъ дѣтей „въ совершенномъ житія станѣ“ безъ излишней потери времени на латинское ученіе, а между дѣтьми еще болѣе „паче мѣры скучавшихъ отъ бѣдственнаго школьническаго житія“. Какъ только архіерей выпускалъ это дѣло изъ своихъ собственныхъ рукъ, такъ и начинались разные подкупы семинарскаго начальства, увольненіе мальчиковъ талантливыхъ, которыхъ слѣдовало бы непремѣнно удержать отъ выхода изъ школы, и другія злоупотребленія (1). Поэтому, кромѣ штрафовъ, архіереи старались затруднить дѣло увольненія семинаристовъ еще разными справками объ ихъ успѣхахъ, семейныхъ обстоятельствахъ и т. п., а главное постоянно держать это дѣло въ зависимости отъ своего собственнаго усмотрѣнія. Любопытно, что, привыкнувъ къ поборамъ отъ второстепенныхъ семинарскихъ и епархіальныхъ начальствъ, духовенство являлось откупать своихъ дѣтей отъ школы деньгами и къ самому архіерею, можетъ быть смотрѣло съ такой точки зрѣнія и на самые оброки и штрафы. Въ 1748 г. одинъ священникъ воронежской епархіи подалъ наприм. такую челобитную архіерею Ѳеофилакту: „Пожалуй, архипастырь Божій, преосв. владыко, повели отъ школы отпустить сына моего Матвея въ Ольховатовку ко храму Введенія Богородицы дьячкомъ и выдати изъ своей архіерейской крестовой палаты указъ и освятити въ стихарь. Прошу слезне вашего архипастырства и отъ своего убожества преосвященству вашему рублей 20 кланяюсь“. Архіерей велѣлъ консисторіи деньги принять съ выдачей просителю кви-

(1) См. наприм. приведенный выше указъ 1751 г. Луки Конашевича казанскаго. Также *Погодина*: Татищевъ и его время, стр. 735.

танціи и употребить на семинарскіе расходы, а объ ученикѣ Матвеѣ навести надлежащія справки. По справкамъ оказалось, что онъ обучался въ третьей школѣ, въ грамматикѣ, но точію за разными болѣзнями училъ оную тупо. Послѣ этого его вѣроятно уволили въ Ольховатовку (1). Не надѣясь преодолѣть всѣ затрудненія при увольненіи законнымъ порядкомъ, нѣкоторые, желавшіе поскорѣе пожить въ совершенномъ житія станѣ, уходили изъ школы самовольно и при помощи подкуповъ, обмановъ и др. средствъ сами втирались на дьячковскую службу; но такіе ученики считались уже бѣглыми и подвергались особаго рода наказаніямъ, о которыхъ рѣчь впереди...

Всего непріятнѣе и невыгоднѣе для духовнаго вѣдомства были частые вызовы учениковъ духовныхъ школъ въ учебныя заведенія свѣтскаго вѣдомства или прямо на разные роды государственной службы. Вызовы эти одинаково нарушали и принципъ обязательности полнаго семинарскаго образованія въ дух. вѣдомствѣ, и принципъ обязательности для духовныхъ воспитанниковъ церковной службы, потому что вызванные такимъ образомъ молодые люди въ свое прежнее вѣдомство потомъ уже не возвращались. Интересы дух. вѣдомства въ этомъ случаѣ рѣзко сталкивались съ интересами государственными: тогда какъ первое естественно старалось замкнуть всякій выходъ изъ своихъ школъ на всѣ постороннія для него службы, настоять на строгомъ выполненіи ихъ спеціальнаго назначенія исключительно въ пользу службы церковной, ради интересовъ которой и предпринимались всѣ эти матеріальныя затраты и всѣ эти заботы, какихъ онѣ стоили, государство напротивъ, не менѣе церкви нуждаясь въ образованныхъ людяхъ, заботилось только о томъ, чтобы замкнуть одинъ доступъ въ эти школы для людей постороннихъ вѣдомствъ,

(1) Ворон. епарх. вѣдом. 1867 г. № 11, стр. 362—363.

а выходъ изъ нихъ на постороннія, государственныя службы сдѣлать свободнымъ. Какъ мы видѣли, оно охотно допускало запрещеніе принимать на свѣтскую службу духовныхъ дѣтей и церковниковъ еще до поступленія ихъ въ школу, т. е. людей худшихъ, которыми не очень дорожило и само духовное вѣдомство, но никогда не отказывалось отъ права принимать въ эту службу дѣтей духовенства, которыя уже побывали въ духовной школѣ (1), т. е. такихъ, на которыхъ дух. вѣдомство возлагало свои самыя лучшія надежды и которыя составляли лучшія его силы. Само собой понятно, что перевѣсъ въ этомъ столкновеніи духовнаго вѣдомства съ государствомъ оставался всегда на сторонѣ послѣдняго.

Отъ этихъ вызововъ учениковъ въ свѣтское вѣдомство чаще всего приходилось терпѣть тѣмъ дух. школамъ, которыя были въ столицахъ и поблизости ихъ. Ректоры московской академіи не переставали жаловаться св. Синоду, что свѣтскія школы постоянно отнимаютъ у нихъ студентовъ. Вотъ одна такая жалоба ректора Стефана Калиновскаго по случаю присланнаго въ 1735 г. вызова студентовъ въ академію наукъ: онъ писалъ, что изъ учениковъ „немногіе доходятъ до богословія: ибо иніи посылаемы бываютъ въ Санктпетербургъ для обученія оріентальныхъ діалектовъ и для камчадальской экспедиціи, иніи въ Астрахань для наставленія калмыковъ и ихъ языка познанія, иніи въ сибирскую губернію съ д. ст. сов. В. Татищевымъ, иніи въ оренбургскую экспедицію съ ст. сов. Иваномъ Кирилловымъ, иніи же берутся и въ московскую типографію и въ монетную контору, мнозіи же и бѣгаютъ, которыхъ и сыскать невозможно, еще же суть, что и по разнымъ приказамъ принимаются, а искоміи укрываются, а отъ другаго вопрошены, отъ чего бѣгаютъ, говорятъ, искать де мѣ-

(1) См. напр. П. С. З. № № 7169. 7385 и др.

ста и хлѣба за времени, понеже де мало видимъ тыхъ, которіи по совершеніи теченія наукъ своихъ угодное пристанище получаютъ; а что паче всего есть, что которіи ученики по многотрудныхъ въ фарѣ, инфимѣ, грамматикѣ, синтаксимѣ, чрезъ 2, 3 и 4 лѣта около ихъ тщаніяхъ и прилежностяхъ, въ піитику уже, риторику и философію поступятъ, а остроумнѣйшіи и надежнѣйшіи покажутся, тотчасъ московскія гошпитали учениками, яко своими друзьями, понеже изъ московскихъ же латинскихъ школъ туды переведенными, для довольнѣйшаго, честнѣйшаго въ госпитали, нежели въ академіи, ученическаго состоянія и содержанія, удобно наговорены, повсягодно въ московскую гошпиталь опредѣляются и отсылаются, а въ московской академіи почти самое остается дрождіе". Св. Синодъ распорядился отпускать въ гошпиталь учениковъ не изъ дѣтей духовенства, а изъ разночинцевъ, и притомъ такихъ, которые ушли не дальше синтаксимы, а изъ высшихъ школъ студентовъ не отпускать. Кромѣ того академія старалась сбыть туда учениковъ похуже, такъ что гошпиталь иногда возвращалъ ихъ назадъ (1). Только такими мѣрами и оставалось поддерживать себя безсильному духовному вѣдомству. Медицинская профессія всего болѣе отнимала у него ученыхъ молодыхъ людей, а между тѣмъ за интересы этой профессіи стояло само правительство. Въ указѣ слѣдующаго 1736 г. о разборѣ духовенства, гдѣ настойчиво проведена мысль, что изъ дух. сословія только и есть одинъ выходъ, — въ подушный окладъ да въ солдаты, вдругъ ни съ того ни съ сего читаемъ: „а изъ славяно-греко-латинской академіи учениковъ по прежнимъ указамъ опредѣлять въ хирургическую науку, а изъ той науки достойныхъ въ полки въ лекари, какъ и напредъ сего чинилось" (2).

---

(1) Ист. московск. акад. 240. 243—244.
(2) П. С. З. IX, № 7070.

Съ 1735 г. вызовы дух. воспитанниковъ въ академію наукъ не прекращались. По первому вызову между прочимъ былъ посланъ въ академію знаменитый Ломоносовъ. Впослѣдствіи, будучи уже профессоромъ, онъ предлагалъ академіи просить сенатъ о дозволеніи выбирать къ слушанію лекцій при академическомъ университетѣ студентовъ изъ семинаристовъ, особенно изъ невской и новгородской семинарій, и выставлялъ это мѣрой въ высшей степени полезной для русскаго просвѣщенія (1). Воспитанники дух. школъ дѣйствительно до такой степени были необходимы для академической гимназіи и университета, что до прибытія ихъ изъ семинарій академія наукъ не открывала своихъ годичныхъ курсовъ. Мысль Ломоносова нашла себѣ осуществленіе въ 1747 г. при учрежденіи академическаго университета. На основаніи регламента академіи наукъ, утвержденнаго тогда же, президентъ академіи графъ Разумовскій обратился въ св. Синодъ съ представленіемъ, что въ канцеляріи академіи за благо разсуждено вызвать въ университетъ 30 воспитанниковъ изъ семинарій невской и новгородской и изъ московской академіи, изъ каждой по пропорціи. Св. Синодъ распорядился учениковъ требуемыхъ выслать, по 10 изъ каждаго изъ упомянутыхъ заведеній, но выбрать для этого нужное число не изъ дѣтей духовенства, воспитывающихся въ надежду священства, а изъ дѣтей разночинцевъ, и только за крайнею нуждою изъ дѣтей причетническихъ. Въ Москвѣ, гдѣ учениковъ академіи было до 400, и въ Новгородѣ, гдѣ въ семинаріи по штату было 200 воспитанниковъ, вызовъ изъ академіи наукъ не встрѣтилъ препятствій, но петербургскую семинарію, гдѣ было только около 70 учащихся, привелъ въ затрудненіе. Петербургскій архіепископъ Ѳеодосій про-

(1) *Пекарскаго* Ист. акад. наукъ т. I, 523. II, 286—287, 358. *Сухомлинова* Истор. россійск. академіи вып. 2, стр. 5—6.

силъ св. Синодъ, нельзя ли набрать въ академію учениковъ изъ какой нибудь другой семинаріи за малолюдствомъ невской: „студенты, которые слушаютъ богословіе, въ богословскихъ лекціяхъ далеко произошли и лѣтами уже не молоды; человѣкъ 17 мальчиковъ, которые обучаются грамматикѣ, почти токмо еще на опробаціи содержатся и къ выбору негодятся: и такъ только тѣ, которые въ піитикѣ и риторикѣ (ибо сего года философія въ александроневской семинаріи не преподается, потому что не доспѣли еще ученики какъ лѣтами, такъ и ученіемъ къ слушанію оныя) находятся, человѣкъ съ однимъ тридцать къ выбору могли бы быть представлены, да и они нужны для епархіи". Св. Синодъ распорядился было по этому представленію выбрать изъ невской семинаріи только пять воспитанниковъ, а остальныхъ 5 вызвать изъ семинаріи смоленской; но Разумовскій настаивалъ на своемъ и не безъ колкости писалъ Синоду, что онъ могъ бы и всѣхъ 30 человѣкъ взять изъ одной невской семинаріи, но пожалѣвъ ее, распорядился сдѣлать вызовъ изъ трехъ школъ, чтобы ее не отягчить, а въ заключеніе пригрозилъ, что въ случаѣ дальнѣйшаго упорства и оттяжки дѣла доведетъ обо всемъ до свѣденія ея величества. Въ томъ же тонѣ онъ послалъ письмо и къ архіепископу Ѳеодосію, внушая ему, что вызовъ учениковъ произведенъ по высочайшему именному указу и что въ государевыхъ дѣлахъ отстрочки дѣлать не годится. Уступая необходимости, св. Синодъ предписалъ исполнить требованіе академіи, но разрѣшая выбрать 10 человѣкъ изъ невскихъ семинаристовъ, все-таки поспѣшилъ при этомъ по возможности смягчить эту потерю нужныхъ людей тѣмъ, что велѣлъ произвести выборъ по крайней мѣрѣ изъ семинаристовъ, не посвященныхъ въ стихарь, потому что посвященныхъ, „яко уже на степень священнаго церковнаго причта молитвами, съ призываніемъ Духа святаго, въ церкви при народномъ собраніи возведенныхъ, отъ церкви св. отрѣшать и въ помянутый уни-

верситетъ, яко къ свѣтскому дѣлу требуемыхъ, отдавать не подобаетъ“ (¹). — Съ 1755 г. изъ дух. школъ начались вызовы въ новый московскій университетъ, который тоже преимущественно сталъ наполняться учениками обѣихъ академій и семинаристами.

Между тѣмъ въ томъ же 1755 г. духовная администрація снова была обезпокоена вопросомъ объ уходѣ духовныхъ воспитанниковъ въ медицинскую науку и службу. Мы видѣли, что въ 1735 г. св. Синодъ рѣшилъ этотъ вопросъ распоряженіемъ посылать въ эту науку учениковъ изъ разночинцевъ. Распоряженіе это было подтверждено еще разъ въ 1754 г. по случаю вызова студентовъ въ медико-хирургическую академію. Но дух. школы, развиваясь въ своемъ сословномъ духѣ, съ теченіемъ времени все менѣе и менѣе принимали къ себѣ дѣтей недуховнаго происхожденія. Разночинцы исчезли даже изъ московской академіи и еще въ 1748 г. докторъ Блюментростъ, какъ мы видѣли, задавалъ вопросъ, откуда же ему брать учениковъ въ госпиталь, такъ какъ дѣтей духовенства вызывать для этого изъ академіи не дозволялось. Тотъ же вопросъ задала теперь и медико-хирургическая академія и просила св. Синодъ дозволить поступать въ медицинское ученіе не однимъ разночинцамъ, но и дѣтямъ духовенства. Синодъ отвѣчалъ ей на это рѣшительнымъ отказомъ „для нѣкоторыхъ, какъ онъ объяснялъ, указныхъ и настоящихъ резоновъ“. Академія, крайне нуждаясь въ студентахъ, такой неопредѣленной отговоркой не урезонилась и стала настаивать на болѣе выгодномъ для себя рѣшеніи важнаго вопроса. Въ 1756 г. изъ канцеляріи ея послѣдовала въ Синодъ новая просьба, въ которой, указывая на настоятельную потребность умноженія медицинскихъ знаній въ Россіи, она просила выслать

(¹) Ист. спб. акад. 56 — 57 и *Сухомлинова* Ист. росс. акад. I, 6—8.

по крайней мѣрѣ человѣкъ 50 семинаристовъ изъ разныхъ епархій. Въ св. Синодѣ наконецъ рѣшили: ради крайней потребности въ русскихъ медикахъ отпускъ семинаристовъ въ медицинскую науку дозволить, но отпускать все-таки не всѣхъ, а кои въ священствѣ и въ прочемъ церковномъ причтѣ быть не похотятъ и пожелаютъ сами обучаться медицинской и аптекарской наукѣ, откуда и сколько человѣкъ въ то пятидесятное число можно, по усмотрѣнію архіереевъ и ректоровъ (1). Желающихъ въ медицинскую и въ др. свѣтскія науки находилось всегда довольно, потому что съ развитіемъ замкнутости духовнаго сословія это былъ единственный честный и выгодный выходъ изъ него для всѣхъ, кто чувствовалъ себя нерасположеннымъ къ духовной службѣ.

Намъ остается сказать о случаяхъ самовольнаго выхода учениковъ изъ школы, выражавшихся въ формѣ бѣгства, противъ котораго семинарскія и епархіальныя начальства вооружались всѣми карами, какія находились въ ихъ распоряженіи. Не смотря на всѣ страхи, бѣгство отъ ученія доходило въ семинаріяхъ до какихъ-то повальныхъ размѣровъ, о которыхъ теперь даже трудно составить понятіе, такъ что удерживать учениковъ въ школѣ было едва ли еще не труднѣе, чѣмъ набирать ихъ вновь. Въ исторіяхъ разныхъ семинарій находимъ наприм. такія извѣстія. Въ псковской семинаріи въ 1741 год. изъ 253 учениковъ бѣглыхъ числилось 24, въ 1742 — 30 человѣкъ, въ 1744—60, которыхъ и отыскать не могли (2). Въ воронежской семинаріи по одной вѣдомости 1746 г. изъ 102 учениковъ бѣгали 41, нѣкоторые вторично и въ третій разъ; въ 1748 г. изъ 29 человѣкъ въ бѣгахъ значилось 7, а въ слѣдующемъ 1749 году, только лишь собрано было 35 учениковъ вновь, какъ вес-

(1) П. С. З. т. XIV, № 10521.

(2) Ист. пск. семин. 29, 36.

ной, во время Пасхи, бѣжало изъ нихъ 30 человѣкъ, вслѣдствіе чего пришлось остановить самое ученіе; въ послѣдующіе годы, благодаря строгимъ мѣрамъ, предпринятымъ противъ бѣглыхъ и ихъ отцевъ, бѣгство значительно уменьшилось, но все еще существовало въ очень почтенныхъ размѣрахъ; — такъ въ 1751 г. изъ 24 учениковъ въ бѣгахъ показано 6, да 5 человѣкъ отмѣчены часто отлучавшимися отъ школы, т. е. бѣгавшими, такъ сказать, по мелочамъ; объ одномъ изъ нихъ замѣчено, что онъ „отъ школы невѣдомо на какіе промыслы часто отлучался“ (1). Въ тверской семинаріи въ началѣ ея существованія былъ такой случай: въ маѣ 1732 г. нѣсколько учениковъ отпущено было на вакатъ, но вмѣстѣ съ ними разбѣжались по домамъ и остальные; прошло лѣто, прошла и осень, а въ семинарію ни изъ отпущенныхъ, ни изъ бѣжавшихъ никто не являлся, наконецъ уже 15 декабря учитель Евдокимовъ донесъ объ этомъ событіи архіерейскому приказу, при чемъ представилъ списокъ однихъ только отпущенныхъ, а о бѣжавшихъ показалъ, что онъ ихъ не знаетъ, кто были такіе, потому что во время отпуска, когда они бѣжали, такъ вѣроятно утащили у него съ собой и всѣ ученическіе списки (2). Въ вятской епархіи по смерти ревностнаго поборника просвѣщенія и основателя хлыновской школы Лаврентія ученики толпами побѣжали изъ нея по домамъ, такъ что въ 1737 — 1739 г. она оставалась почти совсѣмъ пустая (3).

Одной изъ важнѣйшихъ мѣръ къ отвращенію такого бѣгства служило загражденіе для бѣглецовъ доступа къ причетническимъ должностямъ, къ которымъ они обыкновенно стремились. Мы знаемъ что мѣра

---

(1) Воронежск. епарх. вѣд. 1867 г. № 6, стр. 203. № 14, стр. 467 и 1868 г. № 6, стр. 169, № 7, стр. 212.

(2) Странникъ 1878 г. сент. 399—400.

(3) Вятск. епарх. вѣд. 1868 г. № 4, стр. 59—60

эта прилагалась и къ тѣмъ дѣтямъ духовенства, которыя вовсе уклонялись отъ школы, но знаемъ также, какъ она плохо исполнялась на дѣлѣ вслѣдствіе долгой почти полной независимости церковническихъ мѣстъ отъ епархіальной власти. Бѣглый ученикъ тоже могъ довольно легко сдѣлаться церковникомъ, особенно если имѣлъ возможность выждать время, когда объ его бѣгствѣ забывали при каѳедрѣ, — въ этомъ случаѣ онъ могъ даже надѣяться на полученіе указа и зачислиться въ дѣйствительно-служащіе дьячки. На указанную мѣру поэтому мало надѣялись духовныя начальства и старались обыкновенно накрывать бѣглецовъ какъ можно скорѣе, по свѣжимъ слѣдамъ. Когда счастливо удавалось ихъ услѣдить, тогда ихъ не спасало уже и дьяковство, на которое они иногда поступали. Въ 1744 г. въ Троицкой лаврѣ возникло дѣло о троихъ такихъ бѣглецахъ, успѣвшихъ уже заявиться въ духовную дикастерію для полученія указовъ на церковническія мѣста и для большаго успѣха заручившихся подложными увольнительными документами изъ троицкой канцеляріи. Приказный и повытчикъ канцеляріи показали, что эти ученики высланы въ дух. дикастерію по указу императрицы. Показаніе по справкамъ оказалось ложнымъ и надъ виновными разразилась гроза: съ приказнаго велѣно взять 100 руб. штрафу въ пользу семинаріи, повытчикъ опредѣленъ въ конюхи, а учениковъ уволили съ худыми рекомендаціями, которыя тогда вели за собою запись въ подушный окладъ или солдатство (1). Встрѣчаемъ извѣстія, что епархіальныя начальства отыскивали своихъ бѣглыхъ учениковъ даже по канцеляріямъ на свѣтской службѣ. Въ 1750 г. въ воронежской консисторіи допрошенъ былъ объ одномъ бѣгломъ школьникѣ отецъ его соборный дьячокъ и показалъ, что сынъ его успѣлъ уже опредѣлиться копіистомъ въ московскую

(1) Ист. троицк. сем. 177—178.

дворцовую контору. Архіерей воронежскій Ѳеофилактъ немедленно донесъ объ этомъ св. Синоду и просилъ, для удержанія отъ побѣгу прочихъ домовой его семинаріи студентовъ, помянутаго бѣглаго студента въ помянутой дворцовой конторѣ сыскать и въ семинарію возвратить, а отъ оной дворцовый конторы, по какому указу приняла она бѣглаго студента, взять правдивый отвѣтъ и рѣшеніе учинить по указамъ и государственнымъ правамъ. Удовлетворена ли была такая рѣпительная просьба, неизвѣстно (1).

Отвѣтственность за бѣглыхъ учениковъ возлагаема была на всѣ епархіальныя власти, на духовные приказы или потомъ консисторіи, на дух. управителей и заказчиковъ, и на семейства самихъ бѣглецовъ. Въ 1742 г. псковскій архіерей Стефанъ въ своемъ указѣ консисторіи писалъ: „бѣглыхъ учениковъ консисторіи въ скоромъ времени отыскать и представить въ школы безъ всякихъ отговорокъ, иначе она будетъ оштрафована за потворство, по которому она, несмотря на неоднократныя подтвержденія его преосв-ва, допустила болѣе 30 человѣкъ жить въ бѣгахъ; значущихся въ вѣдомостяхъ больными призвать въ дух. консисторію и вмѣстѣ съ ректоромъ и префектомъ, приглася лекаря, освидѣтельствовать и о послѣдующемъ за рукоприкладствомъ свидѣтельствовавшихъ отрепортовать его преосв-ву; безъ вѣдома его преосвва ни этихъ учениковъ, ни имѣющихъ поступить, хотя бы и за болѣзнію, не отпускать подъ опасеніемъ штрафа“ (2). Когда въ 1749 г. воронежская семинарія совсѣмъ было опустѣла отъ бѣгства учениковъ, Ѳеофиликтъ воронежскій задалъ консисторіи сильный нагоняй. Узнавъ, писалъ онъ, что въ семинаріи не осталось ниодного человѣка, приказали мы нашей консисторіи прислать намъ правдивый отвѣтъ, чего

(1) Ворон. епарх. вѣд. 1868 г. № 22, стр. 724—725.

(2) Ист. псковск. сем. 36.

ради въ домовой нашей семинаріи учениковъ не обрѣтается и кѣмъ распущены или же бѣжали, и о тѣхъ бѣжавшихъ отъ учителя Оранскаго въ подачѣ въ консисторіи репорты имѣются ли и по тѣмъ репортамъ онымъ ученикамъ каковой о томъ консисторіи сыскъ былъ и для чего до нынѣ та наша дух. консисторія о помянутой семинаріи къ намъ не репортовала и смотрѣнія своего о томъ о той семинаріи не имѣла, а пока помянутый отвѣтъ (будетъ присланъ), также и всѣ ученики въ семинарію будутъ собраны и въ дѣйствительное ученіе вступятъ, за слабое духовной консисторіи присутствующихъ смотрѣніе, тѣмъ присутствующимъ быть въ той консисторіи неисходно, правящаго же секретарскую должность канцеляриста, ключаря и канцеляриста, у котораго о той семинаріи дѣла имѣются, содержать въ той консисторіи подъ карауломъ скованныхъ безъ выпуску" (1). Въ отысканіи бѣглыхъ консисторія участвовала или сама чрезъ нарочныхъ сыщиковъ изъ своихъ служителей, или чаще всего поручая это дѣло ближайшимъ окружнымъ властямъ, мѣстнымъ духовнымъ правленіямъ и закащикамъ.

Разыскиваніе бѣглыхъ составляло непремѣнную обязанность заказчиковъ, о которой постоянно писалось въ ихъ инструкціяхъ съ разными угрозами за неисправность, наприм.: „а ежели твоимъ небреженіемъ и несмотрѣніемъ, паче же понаровкою будутъ оные школьники жить въ домахъ своихъ подъ укрывательствомъ отцевъ ихъ и невысыланы въ школу и отъ того въ сыску ихъ, въ посланіи указовъ и нарочно посланныхъ произойдетъ архіерейскому дух. приказу затрудненіе, и за то позванъ ты будешь къ отвѣту и жестоко наказанъ неотмѣнно" (2). Наказаніемъ

---

(1) Ворон. епарх. вѣд. 1868 г. № 6, стр. 212—213.

(2) Иностр. 1739 г; заказчику вятск. епархіи: Перм. епарх. вѣд. 1870 г. № 33. стр. 399.

за неисправность было для нихъ лишеніе должности и денежные штрафы, наприм. въ вятской епархіи до 3 рублей (1). Заказчики ловили бѣглыхъ во время своихъ объѣздовъ по заказамъ или же поручали это другимъ лицамъ. Такъ, въ петербургской епархіи, получивъ указъ изъ консисторіи о бѣгломъ ученикѣ своего заказа, заказчикъ подговаривалъ къ поимкѣ его какого нибудь мужика или солдата, давалъ ему инструкцію и отправлялъ въ то село, гдѣ проживалъ бѣглецъ: посланный являлся на мѣсто incognito, гдѣ нибудь выслѣживалъ ученика и, связавъ веревками или сковавъ, на ямскихъ подводахъ везъ его прямо въ консисторію (2). Кромѣ заказчиковъ, ловлей семинарскихъ бѣглецовъ обязаны были также монастырскія власти въ своихъ вотчинахъ. Вотъ одинъ указъ касательно этого предмета, посланный вятскимъ архіереемъ Лаврентіемъ въ 1735 г. властямъ Нысорскаго монастыря и заключающій въ себѣ между прочимъ любопытныя указанія на самый характеръ этой ловли бѣглыхъ учениковъ: „Какъ вы сей его преосв-ва указъ получите, и вамъ бы, ежели того монастыря и вотчинъ священно-и-церковнослужительскія дѣти, имѣющіяся въ домѣ его преосв-ва, изъ греко-латинской школы побѣгутъ и въ домы отцевъ своихъ пріидутъ, и ихъ тотчасъ имая за караулъ, стегать жестоко и высылати въ домъ его пр-ва такъ, какъ бѣглыхъ рекрутъ, скованныхъ въ колодкахъ, за карауломъ, при доношеніи своемъ, съ отцами ихъ въ самой скорости; а ежели отцы ихъ тѣхъ дѣтей своихъ, бѣжавшихъ изъ учительской школы, станутъ въ домъ къ себѣ принимать или подъ укрывательствомъ въ домѣхъ свойственниковъ или чужихъ будутъ держать, и за то сыхъ отцовъ ихъ отлучить,—поповъ и діаконовъ отъ священнодѣйствія, а церковныхъ причетниковъ и просвирницъ и сторожей отъ мѣстъ ихъ и доходу имъ никакого не давать, а дѣтей ихъ по тому же

(1) Вятск. епарх. вѣд. 1868 г. № 4. стр. 63—64.

(2) Странникъ: о Никодимѣ спбургскомъ. 1876 г. т. II, стр. 90

скованныхъ въ колодкахъ неотложно присылать" и проч. (1). Кромѣ нарочныхъ изъ консисторій, дух. правленій и отъ заказчиковъ, посылались за бѣглыми нарочные изъ самыхъ школъ. Встрѣчаемъ примѣры посылки за ними семинарскихъ учителей и даже учениковъ; въ упомянутой инструкціи отправлявшимся на вакатъ ученикамъ воронежской семинаріи о повѣркѣ по епархіи всего духовенства въ исправности несенія имъ школьныхъ повинностей между прочимъ есть пунктъ и о ловлѣ бѣглыхъ учениковъ. Наконецъ довольно живое участіе въ этой ловлѣ принимала и свѣтская полиція, потому что бѣглецы нерѣдко попадались въ противозаконномъ бродяжничествѣ и разныхъ безпорядкахъ (2). Разсылка нарочныхъ и всѣ издержки по доставкѣ учениковъ въ семинарію производились на счетъ отцевъ и вообще укрывателей бѣглецовъ, что составляло для нихъ весьма чувствительное наказаніе.

Кромѣ временнаго запрещенія отъ службы, лишенія доходовъ и издержекъ на отысканіе и доставку бѣглыхъ учениковъ, отцы ихъ или родственники за держаніе ихъ у себя подвергались штрафамъ рубля въ 2, 4, 5, 7, смотря по продолжительности укрывательства и по усмотрѣнію начальства. Нѣкоторые отцы въ своемъ потаковничествѣ дѣтямъ и въ своемъ нерасположеніи къ школѣ доходили до того, что не только содѣйствовали бѣглецамъ въ укрывательствѣ отъ заказчиковъ и разсыльщиковъ, но даже прямо ослушивались указовъ и не хотѣли выдавать своихъ дѣтей силою; тогда ихъ самихъ везли въ консисторію на расправу. Большею частію впрочемъ они и безъ подобнаго ослушанія забирались вмѣстѣ съ дѣтьми въ епархіальный городъ для того, чтобы отвѣчать при консисторскомъ слѣдствіи о бѣгахъ въ ка-

(1) Пермск епарх вѣд. 1870 г. № 31, стр. 619—620.
(2) См. наприм. Ист. моск. акад. 106—107.

чествѣ пристанодержателей (1). Дѣло рѣдко обходилось при этомъ и безъ тѣлеснаго наказанія, которымъ угрожали имъ архіерейскіе указы. Для такого наказанія виновныхъ. не только церковниковъ, но и священниковъ, въ консисторіи иногда нарочно собираемо было все духовенство епархіальнаго города и экзекуція производилась въ его полномъ присутствіи, чтобы всѣ возъимѣли должный страхъ и на такія же вины не отваживались (2). Едва ли не самымъ страшнымъ и чувствительнымъ наказаніемъ за дѣтей для отцевъ былъ арестъ при архіерейскомъ домѣ или при консисторіи, который продолжался большею частію не малое время, стоилъ имъ многихъ нравственныхъ страданій въ разлукѣ съ своими семьями, сопровождался разными униженіями и оскорбленіями, какимъ обыкновенно подвергались тогдашніе колодники, останавливалъ всѣ ихъ домашнія дѣла по хозяйству и доходы по должности, а между тѣмъ стоилъ немалыхъ издержекъ на проживаніе въ тюрьмѣ и ублаготвореніе разныхъ административныхъ лицъ, и потому иногда совсѣмъ ихъ раззорялъ. Въ указахъ писалось: взять такихъ-то священно-или-церковнослужителей за держаніе у себя бѣглыхъ ребятъ въ консисторію, а за наемныя подводы деньги доправить съ нихъ же и отдать подводчикамъ, а ежели кого изъ нихъ въ домѣхъ не найдутъ, то брать такимъ же порядкомъ въ консисторію, кто попадется, изъ домашнихъ или кто домомъ владѣетъ; по привозѣ въ консисторію отдать ихъ подъ караулъ недѣльнымъ сторожамъ съ повелѣніемъ изъ-подъ караула безъ указа никуда ихъ не выпускать до тѣхъ поръ, пока не заплатятъ всѣхъ издержекъ и положенныхъ штрафныхъ денегъ, а если сами бѣглые ребята еще не отысканы, то до тѣхъ

---

(1) Іерарх. вятск. епарх. *Никанникова*, стр. 43. Воронежск. епарх. вѣд. 1867 г. № 14, стр. 467 — 468. 470, 1868 г. № 6. стр. 169.

(2) Вятск. епарх. вѣд. 1868 г. № 4, стр. 64.

поръ, пока оныхъ бѣглыхъ не представятъ. Нѣкоторые колодники—священники отпускались впрочемъ въ свои приходы на время, на праздники Рождества и Пасхи, подъ строгимъ письменнымъ обязательствомъ послѣ праздника снова явиться въ консисторію подъ караулъ (1). Послѣ неоднократнаго повторенія подобныхъ строгостей надъ духовенствомъ оно съ теченіемъ времени само начинало поскорѣе сбывать бѣглецовъ съ рукъ, чтобы съ ними не попасться въ бѣду, и даже иногда ловить ихъ, вязать и представлять въ консисторію (2).

Сами бѣглецы подвергались суровымъ тѣлеснымъ наказаніямъ и даже понѣсколько разъ за одну вину. Какъ мы видѣли изъ указа вятскаго архіерея пыскорскому монастырю, на ихъ проступокъ смотрѣли, какъ на уголовное преступленіе, а самихъ ихъ сравнивали съ военными дезертирами. Поэтому наказаніе ихъ не ограничивалось стѣнами школы и школьными карами, а производилось по присутственнымъ мѣстамъ. Иногда ихъ „стегали жестоко“, какъ сказано въ томъ же указѣ, еще низшія власти, поймавшія ихъ, гдѣ нибудь въ дух. правленіи или въ монастырѣ, прежде сдачи въ консисторію. Послѣ сдачи въ консисторію и разсмотрѣнія дѣла судебнымъ порядкомъ слѣдовала обыкновенно одна и таже резолюція: „наказать нещадно плетьми предъ дух. консисторіею и отослать въ школу съ роспис憂ю,“ или съ видоизмѣненіемъ: вызвать въ консисторію всѣхъ учениковъ и учинить наказаніе въ ихъ присутствіи, чтобы другимъ такъ поступать было неповадно (3). Сами семинарскіе педагоги смотрѣли на бѣглецовъ съ той же уголовной точки зрѣнія, а потому пойманнымъ не легко доста-

(1) Воронежск. епарх. вѣд. 1868 г. № 6. стр. 171—173.

(2) Вятск. епарх. вѣд. 1868 г. № 4. стр. 65.

(3) Описан. смоленск. епарх. стр. 189. Воронежск. еп. вѣд. 1867 г. № 6, стр. 169.

валось расплачиваться за свою вину и въ томъ счастливомъ случаѣ, когда помимо консисторіи и дух. правленія, безъ особеннаго суда и слѣдствія, они доставляемы были прямо въ школу на ея собственную расправу.

Не смотря на всѣ ужасы этихъ экзекуцій, бѣгство учениковъ продолжалось почти неослабно во все описываемое время. „Бѣдственное школьническое житіе," надоскучивъ паче мѣры, заставляло ихъ забывать всѣ опасности житія въ бѣгахъ и предпринимать для своей свободы самыя рискованныя средства, на которыя, по замѣчанію автора Исторіи владимірской семинаріи, теперь можетъ рѣшиться развѣ рѣдкій острожный. Не обременяя вниманія читателя множествомъ фактовъ, относящихся къ этому предмету, изъ историческихъ очерковъ другихъ семинарій, ограничимся нѣсколькими извѣстіями изъ сейчасъ упомянутаго сочиненія о владимірской семинаріи. Не можемъ не замѣтить здѣсь кстати, что передъ всѣми другими сочиненіями этого рода оно отличается особеннымъ обиліемъ и рѣдкихъ мастерствомъ въ изображеніи живыхъ и типическихъ чертъ нашего стараго семинарскаго быта, между прочимъ и нашихъ семинарскихъ бѣгуновъ.

Весной 1761 г. бѣжалъ изъ семинаріи ученикъ грамматики Иванъ Тимоѳеевъ, мальчикъ лѣтъ 13, тихій и скромный сирота, сынъ одной вдовой владимірской дьяконицы. Онъ не выдержалъ, разлуки съ своей матерью, къ которой его не пустили даже въ свѣтлый Христовъ праздникъ; протосковавъ первые два дня Пасхи, на третій онъ вдругъ безъ спроса явился въ свой домъ. Зная, какъ строго поступаютъ съ бѣглыми, мать къ вечеру сама отвела его въ семинарію съ слезной просьбой пощадить ея мальчика. Суровые педагоги не обратили на эту просьбу никакого вниманія, мать прогнали съ ругательствами, которыхъ она вовсе не заслужила, а сына жестоко высѣкли, заковали въ желѣза и посадили въ семинар-

скую тюрьму. Здѣсь онъ просидѣлъ цѣлый мѣсяцъ; на другой мѣсяцъ вздумали его облегчить тѣмъ, что сняли у него съ желѣзъ тяжелый замокъ и перевязали ихъ веревками, но конца мученіямъ все—таки не предвидѣлось и ученики стали поговаривать между собой, что съ Тимоѳеевымъ что-то неладное дѣлается. Вдругъ 12 мая арестантъ пропалъ, не извѣстно куда; искали его у матери и не нашли. Спустя нѣсколько времени открылось дѣло очень плачевнаго свойства. Въ консисторію подано было прошеніе городскаго попа Якова Ѳедорова, въ которомъ было прописано, что въ ночь на 12 число у него была украдена лошадь и что съ этой лошадью въ одной деревнѣ владимірскаго уѣзда былъ пойманъ бѣглый семинаристъ Иванъ Тимоѳеевъ, прежде неоднократно у него бывавшій по знакомству его попа съ его Ивановыми родителями. Бѣглеца снова заковали въ кандалы, посадили въ тюрьму уже консисторскую, въ которой онъ по обычаю долженъ былъ и содержаться на свой коштъ, т. е. на счетъ бѣдной вдовы матери, и подвергнули строгому формальному слѣдствію, какъ уголовнаго преступника. Замѣчательно, что учители семинаріи на запросъ консисторіи дали объ немъ очень хорошій отзывъ. Показанія самого Тимоѳеева были чисто дѣтскія и самымъ характеромъ своимъ устраняли юридическую точку зрѣнія, съ какой на его проступокъ упорно смотрѣли тогдашніе консисторскіе судьи. Онъ показалъ, что воспользовавшись снятіемъ у него съ кандаловъ замка, ночью бѣжалъ изъ семинарской тюрьмы на дворъ о. Якова, спрятался на сѣнницѣ и проспалъ тамъ цѣлый день, а ночью схватилъ у него на дворѣ лошадь, сѣлъ на нее и ускакалъ за р. Клязьму, чтобы поскорѣе удалиться отъ Владиміра; украсть эту лошадь намѣренія не имѣлъ, а хотѣлъ только доѣхать на ней до с. Палищъ къ священнику дядѣ, у котораго надѣялся пріютиться, и потомъ пустить оную лошадь къ о. Якову обратно, сама де дойдетъ до дому. Онъ разсказалъ также при

этомъ исторію своего путешествія, какъ для утоленія голода просилъ у крестьянъ милостыню, какъ ночевалъ двѣ ночи среди лѣса, не спускаясь со спины лошади, чтобы не съѣли волки, какъ боялся проѣзжать по деревнямъ, чтобы не схватили мужики; оставалось уже недалеко и до Палищъ, какъ отуманенный радостью скораго спасенія отъ всѣхъ тревогъ у дяди, онъ забылъ свою осторожность—поѣхалъ прямо черезъ деревню Гришинскую; тутъ его и схватили, принявъ за конокрада, связали и представили къ попу Якову, а Яковъ въ консисторію. Выслушавъ это показаніе, консисторія привела къ дѣлу справки изъ Регламента и указовъ о сдачѣ негодныхъ семинаристовъ въ солдаты или окладъ, этого мало, — по обвиненію его въ воровствѣ обратилась къ Уложенію Алексѣя Михайловича и подвела мальчика подъ 9 пунктъ 25 главы, гдѣ велѣно татя пытать и за первую татьбу, каковою признана покража Тимоѳеевымъ лошади, бить виновнаго кнутомъ, отрѣзать ему лѣвое ухо и посадить въ тюрьму на два года въ кандалахъ, а затѣмъ сослать въ украйные города. Для исполненія этого приговора Тимоѳеевъ и былъ затѣмъ сданъ въ провинціальную канцелярію.

Приводимъ еще другой разсказъ, который выразительно показываетъ и то, какъ сильна была у учениковъ жажда свободы отъ семинарскаго житья, и то, какъ дорого стоило ихъ бѣгство какъ имъ самимъ, такъ и ихъ родителямъ, обязаннымъ за нихъ отвѣчать передъ начальствомъ. Въ концѣ января 1760 г. пропалъ изъ владимірской семинаріи ученикъ инфимы Дубровскій. Къ нему только лишь передъ этимъ пріѣзжалъ его отецъ, — священникъ изъ г. Арзамаса; во время свиданія распрашивалъ сына объ истязаніяхъ, какимъ онъ подвергался въ семинаріи, поплакалъ надъ нимъ, хотѣлъ было отпросить его у начальства къ себѣ домой отдохнуть, но, получивъ грубый отказъ, съ горестью покинулъ Владиміръ и отправился восвояси. Консисторія, получивъ донесеніе о побѣгѣ ин-

фимиста, тотчасъ же послала о поимкѣ его указы въ арзамасское дух. правленіе, къ отцу и родственникамъ бѣглеца, дала знать объ немъ съ описаніемъ его примѣтъ и въ провинціальную канцелярію. Прошелъ февраль, а объ немъ не было ни слуху, ни духу. Отецъ былъ, разумѣется, сильно встревоженъ полной неизвѣстностью объ его участи въ такое время, когда безъ средствъ и порядочной одежды мальчику легко было погибнуть отъ мороза и голода, а тутъ на него вдругъ еще опрокинулись бѣды отъ начальства, которое было увѣрено, что онъ держитъ сына тайно при себѣ, иначе бѣглецу негдѣ дѣваться такое долгое время. Стали посылаться къ нему грозные указы о высылкѣ сына, пріѣзжалъ на его счетъ нарочный приставъ, обшарилъ весь домъ и донесъ, что означеннаго школьника у отца дѣйствительно нѣтъ. Въ неизвѣстности о судьбѣ пропавшаго бѣглеца прошло за тѣмъ цѣлое лѣто. Къ осени несчастнаго священника вызвали во владимірскую консисторію и серьезно принялись допрашивать о сынѣ, потому что на него поданъ былъ его врагами доносъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ прячетъ сына у себя. Отрицательнымъ отвѣтамъ его, разумѣется, не повѣрили и посадили его въ тюрьму съ угрозой, если не выдастъ сына, лишить должности. Цѣлыхъ три съ половиной мѣсяца высидѣлъ онъ въ этой тюрьмѣ на своихъ харчахъ, въ полной неизвѣстности о сынѣ, въ страшномъ безпокойствѣ объ оставленной семьѣ и въ тревогѣ отъ предстоящаго лишенія мѣста; уже къ концу 1760 г. ему удалось вымолить себѣ отпускъ домой на праздникъ Рождества, послѣ чего его, кажется, уже не тревожили. Прошло еще 11 мѣсяцевъ, когда наконецъ въ послѣднихъ числахъ ноября 1761 г. отыскался бѣглецъ Дубровскій и самимъ отцемъ былъ представленъ въ арзамасское дух. правленіе, а отсюда подъ карауломъ препровожденъ въ консисторію. На допросѣ онъ разсказалъ самую плачевную исторію своего странствованія по разнымъ селамъ и деревнямъ, которыхъ по именамъ и

припомнить не могъ. Кормился онъ по всей дорогѣ Христовымъ именемъ, называя себя сиротою; ночи проводилъ, гдѣ Богъ привелъ,—если не пускали въ избу, такъ спалъ на гумнахъ, на которыхъ зимой по цѣлымъ ночамъ дрогъ, забившись въ солому; одѣвался въ отрепья своего изношеннаго тулупа, а обувался въ выпрошенныя Христа ради лапти и онучи. Такимъ образомъ плутая по разнымъ мѣстамъ много мѣсяцевъ, добрелъ онъ до тамбовской губерніи, гдѣ въ одномъ уѣздномъ городѣ жилъ у него дѣдъ, посадскій человѣкъ Сорокинъ. Дѣдъ этотъ пріютилъ его у себя и держалъ недѣль 10, пока какъ-то не провѣдалъ про его самовольное бѣгство изъ семинаріи. Страхъ передъ утайкой бѣглаго такъ былъ великъ, что сердобольный старикъ, какъ только узналъ, кого держитъ у себя, сейчасъ же повезъ внука къ отцу въ Арзамасъ, а отецъ, ни мало не медля, представилъ сына въ дух. правленіе. Такъ какъ по слѣдствію никакой уголовщины за этимъ бѣглецомъ не оказалось, то консисторія рѣшила наказать его сама и наказала едва ли не самымъ страшнымъ для него и для другихъ семинаристовъ готовыхъ бѣжать образомъ, не отдала его ни въ солдаты, ни въ окладъ, а примѣрно высѣкши оставила въ семинаріи.

Исключеніе для многихъ учениковъ было вовсе не наказаніемъ, а напротивъ особеннымъ счастіемъ, котораго они усиленно добивались; они и бѣгали изъ семинаріи именно отъ того, что не могли добиться законнаго изъ нея увольненія. Нѣкоторые махнули рукой даже и на будущее дьячковство и отчаянно рвались изъ семинаріи, куда бы ихъ ни вынесло, хоть бы даже и въ солдатство. Наприм. въ 1750-хъ гг, одинъ ученикъ той же всадимірской семинаріи, Мих. Гусевъ, юноша уже за 20 лѣтъ, нарочно учился и велъ себя, какъ только могъ, гаже, понадался въ уличныхъ дракахъ, въ пьянствѣ, въ воровствѣ у своихъ товарищей разныхъ вещей, все для того, чтобы его исключили, дважды подавалъ объ этомъ началь-

ству даже просьбы, въ которыхъ въ качествѣ основанія откровенно указывалъ на свою лѣность и дурное поведеніе, а во второй просьбѣ, прилагая къ себѣ извѣстный пунктъ Д. Регламента: „буде окажется дѣтина непобѣдимой злобы, свирѣпый и до драки скорый“ и проч., даже прямо старался внушить, что его слѣдуетъ непремѣнно отдать въ солдаты и что „жить ему въ семинаріи стало всячески невозможно“. Но семинарское начальство не вняло ни той ни другой его просьбѣ и только настойчиво старалось объ его исправленіи посредствомъ жестокихъ наказаній. Наконецъ, истощивъ уже всѣ свои старанія къ полученію желанной свободы и потерявъ всякое терпѣніе, онъ прибѣгнулъ къ послѣднему отчаянному средству, сказалъ за собою страшное „слово и дѣло,“ послѣ чего отправленъ былъ въ тайную канцелярію. Здѣсь на допросѣ онъ показалъ, что никакого слова и дѣла ни за собой, ни за другими онъ вовсе не знаетъ, а объявилъ то слово и дѣло потому, что ему не въ терпежъ стало семинарское житье, отъ котораго онъ никакими другими способами избавиться не могъ, и что прежде имѣлъ и теперь имѣетъ неотъемлемое желаніе быть въ военной службѣ. Послѣ этого за ложное произношеніе страшныхъ словъ онъ подвергнутъ былъ жестокому наказанію плетьми, но и тутъ все-таки не вдругъ попалъ въ солдаты, а предварительно долженъ былъ просидѣть цѣлыхъ полгода въ консисторской тюрьмѣ, да послѣ тюрьмы года два прожилъ на порукахъ въ неопредѣленномъ положеніи, потому что дѣла тогда дѣлались нескоро и цѣлые годы таскались по канцеляріямъ, какъ бы ни были просты. Въ концѣ концовъ онъ все-таки достигъ своей цѣли. Другіе такимъ же образомъ добивались приписки въ крестьянство. Какъ ни страшна была тогда тайная канцелярія, но подобныхъ примѣровъ, когда ученики употребляли ее въ качествѣ мытарства для выхода изъ школъ чрезъ сказываніе „слова и дѣла“, встрѣчается не мало въ исторіи какъ владимірской, такъ и дру-

гихъ семинарій; о нещадномъ наказаніи плетьми за ложное произношеніе указанныхъ словъ разсуждали, что хотя оно и очень больно, но по крайней мѣрѣ заразъ можно оттерпѣться отъ частыхъ и несносныхъ мучительствъ семинарскихъ (1).

Сопоставляя это упорное бѣгство учениковъ изъ школъ съ другимъ явленіемъ въ исторіи нашего школьнаго образованія, о которомъ мы уже говорили, съ такимъ же упорнымъ уклоненіемъ отъ несенія школьныхъ повинностей и обязательнаго образованія въ школахъ своихъ дѣтей со стороны самого духовенства, нельзя не видѣть ихъ совершенной однородности и по характеру и по мотивамъ. Въ борьбѣ своей съ этими явленіями духовныя власти горячо жаловались на грубое невѣжество духовенства и закоснѣлую его вражду къ просвѣщенію; духовенство съ своей стороны оправдывалось своей бѣдностью, по которой будто бы оно не могло ни школъ содержать, ни дѣтей своихъ въ нихъ воспитывать, и предоставляло все школьное дѣло попеченіямъ самой власти, которая вздумала заводить школы. И то и другое объясненіе очевидно было преувеличенно, односторонне и потому вовсе несостоятельно. Дѣло было очевидно не въ этомъ совершенно противоестественномъ отвращеніи отъ просвѣщенія въ цѣломъ сословіи, даже и не въ бѣдности этого сословія, хотя она и дѣйствительно была велика, а главнымъ образомъ въ томъ, что школа навязывалась сословію не для одного просвѣщенія, а еще съ разными посторонними цѣлями, да и просвѣщеніе вводила такое, которое не отвѣчало тогдашнему спросу на него среди духовенства. Какъ мы видѣли, она съ самаго же начала своего существованія сдѣлалась орудіемъ какого-то прикрѣпленія человѣка къ сословной обязательной службѣ, уничтожавшимъ свободный выборъ профессіи для всего молода-

(1) Ист. владим. семинаріи стр. 64—83.

го поколѣнія духовенства, орудіемъ страшной для него дилеммы: „или выучись, чему указано, или ступай въ податное состояніе, а то и въ солдатство," орудіемъ страшнаго разбора. Образованіе, какое она давала своимъ воспитанникамъ, и теперь оставалось для духовенства почти такъ же непонятнымъ, какъ и при Петрѣ Великомъ; оно казалось совершенно чуждымъ интересовъ духовной службы, связаннымъ съ нею въ качествѣ необходимаго для нея условія совершенно произвольно, по одной непонятной прихоти черкасъ. Что для лучшаго священства можно обойтись и безъ латинскихъ школъ, въ этомъ убѣждены были не одни малообразованные священники и церковники, но и сами архіереи изъ великоруссовъ, считая эти школы пустыми черкасскими затѣями и, когда было можно, открывая вмѣсто нихъ другія школы съ привычнымъ славянскимъ курсомъ. При такихъ условіяхъ самая строгость, съ какою вводилась обязательность семинарской науки, должна была усиливать противодѣйствіе ей и ронять ея внутренній авторитетъ. Насиліе вездѣ вредитъ дѣлу, въ пользу котораго предпринимается, а здѣсь и самое дѣло было еще очень спорное въ средѣ духовенства.

Излагая правила школьнаго образованія, Д. Регламентъ въ дѣлѣ водворенія этого образованія всю надежду возлагалъ на само молодое поколѣніе духовенства, которое указалъ привлекать въ новыя школы; убѣдить въ пользѣ новаго образованія старое поколѣніе онъ не понадѣялся и вслѣдствіе этого проектировалъ закрытыя дух. школы, въ которыхъ бы можно было совершенно изолировать учениковъ отъ ихъ отцевъ и такимъ образомъ безпрепятственно воспитывать ихъ въ извѣстномъ направленіи, не выпуская ихъ никуда, доколѣ „не ощутятъ знатной пользы таковаго воспитанія." Составитель Регламента, будучи вполнѣ увѣренъ въ достоинствахъ проектированной имъ учебно—воспитательной системы, разсчитывалъ, что ученикъ долженъ войти во вкусъ семинар-

ской науки и жизни не болѣе, какъ въ три года, а въ другомъ мѣстѣ утверждалъ, что „кто обыкнетъ такъ жить хотя черезъ одинъ годъ, тому весьма сладко будетъ.“ Но практика показала, что разсчетъ этотъ былъ слишкомъ коротокъ, что для развитія въ духовенствѣ сознанія сладостей новой школы нужны были не три какихъ нибудь года, а довольно длинное время преемственной череды нѣсколькихъ духовныхъ поколѣній. Конечно въ семинаріяхъ всегда были талантливые юноши, которые скоро сознавали важность своего призванія и успѣвали извлекать сладость просвѣщенія изъ-подъ самыхъ иногда горькихъ его формъ. но заурядное большинство училось изъ-подъ палки и глядѣло изъ семинаріи вонъ, не находя въ ней никакой сладости ни во внѣшней обстановкѣ семинарской жизни, ни въ пріемахъ тамошней дисциплины, ни въ свойствахъ самой науки. Внѣшнюю обстановку „бѣдственнаго школьническаго житія“ мы уже видѣли и могли достаточно взвѣсить, какъ много нужно было или сознательной и самоотверженной любви къ новому просвѣщенію, или же внѣшнихъ принудительныхъ мѣръ для того, чтобы можно было эту обстановку вынести. Обратимся теперь къ изученію внутренней стороны школьной жизни, характера семинарской педагогіи и науки.

г) состояніе учебно-воспитательной части въ духовныхъ школахъ.

Закрытый характеръ дух. школъ поддерживался вездѣ, гдѣ было можно завести сколько нибудь обширныя ученическія общежитія, причемъ правило Регламента, запрещавшее отпускать новыхъ учениковъ на вакаты, примѣнялось къ дѣлу весьма строго. Естественная потребность свиданія съ родной семьей и свободнаго отдыха отъ стѣснительныхъ рамокъ школьной дисциплины, такъ настойчиво чувствуемая въ живомъ полудѣтскомъ возрастѣ, была поэтому одной изъ

самыхъ обыкновенныхъ причинъ умноженія числа семинарскихъ бѣглецовъ.

Отпуски учениковъ на вакатъ производились съ разборомъ и не иначе, какъ съ согласія самого епархіальнаго архіерея, потому что рѣдко оканчивались безъ того, чтобы множество учениковъ не пропустило срокъ, а нѣкоторые и вовсе не пропали. Въ новыхъ семинаріяхъ первый вакатъ оттягивался обыкновенно на нѣсколько лѣтъ. Наприм. въ воронежской семинаріи первый вакатъ по просьбѣ учителя Стасіевича назначенъ былъ уже на третій годъ послѣ ея основанія. Отпускъ былъ дозволенъ только на одинъ мѣсяцъ (августъ); отпущенныхъ учениковъ велѣно обязать подписками о непремѣнномъ возвращеніи къ сроку и всѣхъ снабдить паспортами, въ которыхъ прописать, „что долженъ онъ (ученикъ) у отца или сродниковъ его въ домѣ до означеннаго срочнаго числа трезвенно и благоговѣйно обходиться и на показанный срокъ съ тѣмъ пашепортомъ въ семинарію явиться, а ежели онъ съ тѣмъ пашепортомъ не на той дорогѣ или не въ томъ мѣстѣ, куда онъ отпущенъ, явится или и въ томъ мѣстѣ, но за срокомъ, то его за бѣглеца почитать и духовнымъ того мѣста управителямъ ловить и присылать въ дух. консисторію при доношеніяхъ, за что они студенты наказаны будутъ жестоко, а съ отцевъ ихъ и сродственниковъ возмется штрафъ по указу, чего ради описывать ихъ студентовъ въ тѣхъ пашепортахъ въ ростъ, въ лѣта и въ примѣты; и кто имяны студенты, прибавлялъ консисторскій указъ, и когда тобою учителемъ въ домы отцовъ ихъ отпущены будутъ, подать его преосвященству при репортѣ вѣдомость“ (1). Въ прошеніи Стасіевича объ отпускѣ учениковъ говорится, что такая оттяжка вакаціи была принадлежностью собственно новыхъ семинарій, а въ старыхъ, успѣвшихъ уже устро-

(1) Воронеж. епарх. вѣд. 1867 г. стр. 275—276.

иться, „вездѣ студентамъ отъ 15 іюля до сентября 1 дня, которые похощутъ въ домѣхъ отцовъ своихъ побывати, дается позволеніе," но всѣмъ ли, неизвѣстно. Судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ, наприм. по приведенному изъ Исторіи владимірской семинаріи о мальчикѣ Тимоѳеевѣ, котораго не пустили на побывку къ матери, жившей въ самомъ Владимірѣ, даже въ свѣтлое Христово Воскресенье, можно думать, что въ отношеніи къ ученикамъ новичкамъ указанное постановленіе Регламента наблюдалось и не въ новыхъ семинаріяхъ. Первый вакатъ во владимірской семинаріи былъ оттянутъ еще дольше, чѣмъ въ воронежской, на цѣлыя 6 лѣтъ, да и въ это время (1756 г.) разрѣшенъ былъ уже вслѣдствіе только крайней необходимости распустить учениковъ, по случаю открывшейся между ними какой-то повальной болѣзни (1).

Епархіальныя и школьныя начальства очевидно смотрѣли на дух. школы съ той же точки зрѣнія, съ какой смотрѣлъ на нихъ авторъ Д. Регламента, какъ на заведенія воспитательныя, назначенныя къ созданію если не новой породы людей, потому что до времени Екатерины II русская педагогія еще не возвышалась до такого широкаго понятія о воспитаніи, то по крайней мѣрѣ новой породы священства, что было тогда согласнѣе съ профессіональными понятіями объ образованіи. Но на самомъ дѣлѣ воспитательная практика этихъ школъ стояла далеко ниже, хотя тоже не совсѣмъ ясныхъ, педагогическихъ идей Регламента, руководствуясь исключительно понятіями юридическими и служебными и ставя своей главной задачей не нравственное развитіе воспитанниковъ вообще, а ихъ выучку, спеціальное приготовленіе къ ихъ будущей службѣ. Самая школа, какъ мы уже замѣчали, становилась при этомъ только необходимымъ преддверіемъ службы, ея предварительною частію.

(1) Ист. влад. семин. стр. 45.

Ученикъ трактовался, какъ полный гражданинъ, человѣкъ уже служащій и присяжный. При поступленіи въ школу онъ наравнѣ съ своимъ учителемъ давалъ присягу на вѣрноподданство, что будетъ, какъ говорится въ инструкціи Питирима „дѣйствовать вся по силѣ указовъ ея имп. величества безлѣностно со всякимъ прилежаніемъ, пренебрегая всякія свои угодія и успокоенія и не притворяя себѣ никакого невѣжества и во всемъ поступать, какъ доброму слугѣ и подданному надлежитъ;“ во время розысковъ по духовенству о присягахъ въ 1730-хъ годахъ правительство очень серьезно изслѣдовало, всѣ ли школьники были у присягъ. За многіе проступки ученикъ судился не школьнымъ начальствомъ, а въ обыкновенныхъ присутственныхъ мѣстахъ своего вѣдомства, въ дух. правленіяхъ и консисторіяхъ, а за сказываніе „слова и дѣла“ его, какъ политическаго преступника или свидѣтеля, привлекали въ губернскую или же въ саму тайную канцелярію. Его бѣгство изъ школы трактовалось, какъ дезертирство человѣка служилаго.

При такомъ сліяніи школьнаго образованія съ службою педагогическія начала въ школѣ естественно замѣнялись юридическими, которыя притомъ же были болѣе понятны тогдашнимъ начальствамъ, а воспитаніе обращалось въ одну дисциплину, которая вмѣсто нравственнаго развитія имѣла своей задачей лишь водвореніе внѣшняго порядка, благопристойности и субординаціи. Вотъ почему отъ первой половины XVIII вѣка до насъ дошло чрезвычайно мало памятниковъ старой семинарской педагогіи, но за то весьма достаточное количество извѣстій о дисциплинарныхъ порядкахъ и мѣрахъ, которыми спеціально занимались школьныя начальства. Въ указахъ епархіальныхъ начальствъ о надзорѣ за семинаристами‘ въ разныхъ семинарскихъ инструкціяхъ и дѣлахъ по проступкамъ учениковъ однообразно переписывались и приводились на справку одни и тѣже извѣстные намъ пункты Д. Регламента дисциплинарнаго харак-

тера. Правила морали, въ тѣсномъ смыслѣ педагогическія воззрѣнія, когда ихъ уже непремѣнно приходилось тутъ какъ нибудь высказать, тоже не далеко возвышаются надъ чисто дисциплинарными требованіями порядка и благопристойности, вслѣдствіе чего между прочимъ стараются внушить духовнымъ воспитанникамъ мораль не столько общечеловѣческую, сколько, такъ сказать, сословную, отвратить ихъ отъ поведенія именно „церковническому чину“ непристойнаго. Такъ инструкція Питирима нижегородскаго требовала: „безчиннаго и зазорнаго житія, пьянства, лакомства и всякой игры, брани, драки, татьбы, обманства и прочихъ тому подобныхъ, закону Божію и чину церковническому подозрительныхъ причинъ отнюдь бы никто не чинилъ.“ Въ указѣ 1740 г. объ учрежденіи новогородской семинаріи велѣно огородить семинарскія палаты „особымъ дворомъ, чтобъ ходъ былъ одинъ, дабы приставленнымъ удобнѣе было за ними (учениками) смотрѣть, чтобъ они не имѣли случая по своимъ волямъ по улицамъ таскаться и излишнимъ гуляньемъ и непристойными обхожденіями и забавами напрасно время не тратили, но во всемъ, какъ въ ученіи, такъ и въ прочемъ ихъ состояніи и поведеніи, надъ ними непрестанное имѣлось смотрѣніе.“ Далѣе говорится о „порядочномъ“ хожденіи „по сигналамъ учителей“ въ церковь, въ классы, за трапезу, къ спанью и требуется, чтобы семинаристы вездѣ „учтивыми обхожденіями себя показывали.“ „Равнымъ образомъ на ихъ нравы, обычаи и поступки надзиратели и учители должны имѣть радѣтельное смотрѣніе, дабы они во всѣхъ своихъ поведеніяхъ такъ, какъ добродѣяніе, учтивость, пристойная покорность и честь повелѣваетъ, всегда чинили, а лжи и невѣрности и прочіе духовнымъ чинамъ непристойные пороки заранѣе были у нихъ искоренены.“ Въ исторіи троицкой семинаріи передается извѣстіе, что въ самомъ началѣ ея существованія архимандритъ лавры Кириллъ Флоринскій написалъ для нея инструкцію о поведе-

ніи учениковъ, которую потомъ читали ученикамъ каждую субботу; изъ этой, не дошедшей до насъ, инструкціи сохранилось въ семинарскихъ дѣлахъ одно правило: „словъ мерзкихъ никогда ни внутрь, ни внѣ семинаріи, хотя бы съ своимъ ученикомъ или съ кѣмъ другимъ случилось разговаривать, не произносить“ (1).

Практика семинарской педагогіи доводила это преобладаніе юридическихъ и дисциплинарныхъ воззрѣній на воспитаніе еще до большихъ крайностей, сводя всю нравственность воспитанника на одно аккуратное исполненіе оффицій своего званія и дѣлая изъ школы какую-то неестественную копію корпораціи не учебно-воспитательной, а чисто служебной со всѣми обычными чертами послѣдней, строгой субординаціей на началахъ обычныхъ тогдашнихъ служебныхъ отношеній между командирами и подчиненными и въ добавокъ еще монашескаго принципа послушанія, съ обычными карательными мѣрами за нарушеніе оффицій и преступленія и даже съ обычными формами тогдашняго приказнаго дѣлопроизводства, характеръ котораго достаточно извѣстенъ. Тупая канцелярщина, господствовавшая у насъ съ самаго начала XVIII в. по всѣмъ вѣдомствамъ, въ царствованіе императрицъ Анны и Елизаветы доходила до какой-то совершенно отрѣшенной отъ жизни юридической схоластики, разсматривала всякое дѣло съ полною бюрократическою отвлеченностію и бездушностію, подводила къ нему свои форменныя справки по государеву уложенію и новымъ указамъ ихъ импер. величествъ и прописывала показанное тамъ количество плетей и кнутовъ, урѣзываніе носовъ и ушей и т. п. наказанія, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на личность попадавшагося подъ ея практику, ни на обстановку разсматриваемаго дѣла, кромѣ того, путаясь въ своихъ мелочныхъ и пустыхъ формахъ, каждое, самое пустое дѣло тащила цѣлые годы по длинному

(1) Ист. троицк. семин. примѣч. къ стр. 12.

ряду инстанцій, плодила его до нельзя своимъ крючкотворствомъ и растила изъ него цѣлую гору бумагъ. Опутавъ собою всѣ государственныя вѣдомства, она проникла затѣмъ и въ разныя частныя отношенія, гдѣ одинъ человѣкъ думалъ разыгрывать роль начальника для другихъ, въ отношеніи хозяина къ рабочимъ, помѣщика къ крестьянамъ и лакеямъ, монастырскаго настоятеля къ братіи и служкамъ, священника къ причетникамъ и т. д. Въ кругу своихъ подчиненныхъ каждый старался пародировать эти почему-то соблазнительные тогда порядки канцелярій, ихъ указы, промеморіи, доношенія, входящія и исходящія бумаги, справки и самую манеру резолюцій и наказаній провинившимся. Въ старыхъ бумагахъ нашихъ монастырей и помѣщичьихъ усадьбъ можно найти множество этихъ образчиковъ подражанія канцелярскимъ порядкамъ, — какъ наприм. покупка какого нибудь предмета для монастырскаго или барскаго обихода принимала форму цѣлаго дѣла, которое нѣсколько дней шло по инстанціямъ низшихъ властей, чрезъ контору, приказчиковъ, казначеевъ, старостъ, проходило по журналамъ, входящимъ и исходящимъ книгамъ, толстѣя день ото дня отъ пожираемыхъ имъ бумажныхъ справокъ, помѣтъ и пр., и оканчивалось исполнительнымъ доношеніемъ, которое тѣмъ же порядкомъ, но въ обратномъ видѣ шло съ низу до верху, до главнаго хозяина, или какъ возникало цѣлое дѣло по всѣмъ формамъ о наказаніи извѣстнымъ количествомъ плетей пьянаго кучера и т. п.

Таже система проникала и въ семинарскую жизнь, что было для нея тѣмъ легче, что первыми семинарскими начальствами, какъ мы видѣли, были органы общаго епархіальнаго управленія, члены консисторій, попреизлиху дѣловые люди, и что школьная администрація составляла только отрасль общей епархіальной администраціи, которая не могла и создать для школьной жизни какой нибудь иной организаціи, кромѣ организаціи по типу юридическому, канцеляр-

скому. „Отношенія учителей къ ученикамъ и учениковъ между собою, характеристично замѣчаетъ авторъ Исторіи владимірской семинаріи, были чрезвычайно ложныя и странныя. Собственно нравственныхъ отношеній ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не было; самыя добрыя наклонности иного начальника или наставника уступали неумѣстной и нелѣпой оффиціозности. Учителя слишкомъ униженно держали себя предъ начальствомъ. Ученики смотрѣли на учителей, не какъ на добрыхъ наставниковъ, но какъ на слишкомъ строгую полицейскую власть; они умѣли только бояться, а не любить и уважать.“ Все это было совершенно понятно при замѣнѣ нормальныхъ педагогическихъ основъ школьной жизни основами юридическими, когда вмѣсто моральныхъ принциповъ педагогія держалась на одной оффиціи, авторитетъ наставника замѣняла для учениковъ авторитетомъ закона и дѣлала этого наставника только блюстителемъ закона, начальствомъ. Вотъ и другая черта школьныхъ отношеній, подмѣченная тѣмъ же авторомъ: „на проступокъ ученика смотрѣли, не какъ на проступокъ мальчика или юноши, а судили его, какъ взрослаго, даже какъ гражданина. Положимъ, подрались ученики между собою въ обыкновенный будничный день; это легко могло сойти съ рукъ, особенно, если никто изъ нихъ не жаловался, но если тоже самое происходило въ торжественный день, они судились въ консисторіи по всѣмъ формальностямъ, и не какъ ученики, а какъ взрослые, какъ и всѣ граждане, нарушившіе спокойствіе и тишину такого дня. Начальники и наставники какъ будто боялись стать въ отношенія къ ученикамъ неоффиціальныя; мало—мальски важное распоряженіе или приказаніе отдавались на бумагѣ, причемъ отъ учениковъ требовалась расписка въ ея чтеніи. Съ своей стороны ученики обязывались обращаться къ начальству преимущественно на бумагѣ. Украли наприм. у семинариста одежу, — онъ, подозрѣвая товарища, не прямо заявляетъ объ этомъ

начальству, но по всѣмъ правиламъ тогдашней казуистики подаетъ прошеніе о розысканіи украденнаго. Даже когда случались факты, прямо вызывающіе наставника обратиться къ ученику съ серьезными внушеніями и разсужденіями, то и въ такихъ случаяхъ учитель какъ бы не смѣлъ стать въ положеніе наставника."

Юридическій характеръ воззрѣній на проступки школьниковъ мы уже имѣли случай видѣть въ дѣлахъ о бѣглыхъ ученикахъ. За болѣе тяжкія вины ученики судились въ общихъ со всѣми присутственныхъ мѣстахъ своего епархіальнаго вѣдомства,—это прямо обозначало, что школьный судъ трактовался только, какъ низшая инстанція общаго епархіальнаго суда, которая имѣетъ право вершить дѣла извѣстнаго дисциплинарнаго суда между людьми ея вѣдомства, а болѣе важныя должна переносить дальше,—въ консисторію. По инструкціи Питирима нижегородскаго начальство дух. школы уполномочивалось судить школьника даже въ „легкихъ винахъ" только до пяти винъ, а о шестой обязывалось доносить уже духовному судіѣ, которому въ свою очередь повелѣвалось, „сыскавъ таковаго преступника и сковавъ въ ножныя желѣза," отсылать въ Нижній въ архіерейскую канцелярію на его ученикових подводахъ, совершенно такъ же, какъ производилась отсылка виновныхъ въ чемъ нибудь священно-церковнослужителей. За воровство и прочія тяжкія вины велѣно было прямо отсылать виновныхъ въ канцелярію, не судя школьнымъ судомъ. Къ довершенію всего инструкція присовокупляетъ къ этому правило, очевидно скопированное съ правилъ общаго законодательства: того, кто за кѣмъ свѣдавъ какую вину утаитъ, подвергать равномѣрному наказанію, чему и виноватый подлежитъ, — правило слишкомъ безнравственное для школы, хотя и постоянно практиковавшееся въ нашихъ духовныхъ школахъ, и въ самой общественной жизни XVIII в. служившее только поддержкой страшной язвы доносовъ и крюч-

кодѣйства. Замѣчательно то, что правило это распространяется и на учителей, которые такимъ образомъ становятся въ юридическую отвѣтственность за своихъ учениковъ передъ высшимъ своимъ начальствомъ не какъ педагоги за своихъ питомцевъ, а какъ одни граждане за другихъ: „ежели и вы, учители, сами виноватому въ чемъ учините послабленіе, воспріимете равномѣрное наказаніе, какъ и объ ученикахъ показано“ (1). Въ случаѣ обвиненія семинариста въ уголовномъ дѣлѣ, наприм. въ кражѣ, дѣло объ немъ, какъ мы это видѣли изъ дѣла о бѣгломъ 13-ти лѣтнемъ мальчикѣ, укравшемъ лошадь во Владимірѣ, не заканчивалось и въ консисторіи, а переносилось въ свѣтскій судъ, потому что консисторіи въ подобныхъ дѣлахъ принадлежалъ только первоначальный судъ надъ людьми своего вѣдомства, а для окончательнаго рѣшенія дѣла и исполненія приговора виновные отсылались въ провинціальную или губернскую канцелярію. Тѣмъ болѣе, разумѣется, такая отсылка школяровъ къ свѣтскому суду имѣла мѣсто въ дѣлахъ политическихъ.

На дѣла этого послѣдняго рода въ первой половинѣ XVIII в. былъ громадный запросъ у подозрительнаго правительства. Язва политическихъ доносовъ, заразившая вслѣдствіе этого все русское общество съ самыхъ верхнихъ слоевъ его до самыхъ нижнихъ, благодаря тому же юридическому взгляду на учениковъ, успѣла проникнуть и въ духовныя школы. Политическаго въ нихъ ровно ничего не было, но тайная канцелярія спеціально обязана была вѣрить всякому вздору доносовъ. Ученики, какъ и другіе подданные Россійской имперіи, тоже стали сказывать за собою „слово и дѣло,“ то желая избавиться отъ наказанія, то стремясь къ совершенному увольненію изъ семинаріи, то просто изъ дѣтской злобы на какого

(1) Ист. нижегор. семин. стр. 10. Инстр. Питирима въ Времен. т. XVII.

нибудь суроваго педагога, изъ злораднаго желанія насладиться видомъ его безсильной злобы и его тревоги вслѣдствіе опасенія самому попасть въ безтолковую и жестокую власть тайной канцеляріи, изъ которой рѣдкіе уходили цѣлыми. Послѣ произнесенія магическихъ словъ, на всѣхъ наводившихъ тогда ужасъ, ученикъ сейчасъ же выходилъ изъ подъ власти своихъ педагоговъ,—и кто зналъ, что онъ могъ наказать на нихъ на допросахъ? Въ тайной канцеляріи рѣдко кому удавалось очиститься даже отъ явной клеветы и то послѣ неизбѣжныхъ пытокъ, но легко можно было оказаться и на самомъ дѣлѣ виноватымъ, послѣ чего впереди предстояли страшныя муки, а можетъ быть, даже ссылка куда нибудь въ Нерчинскъ или Охотскъ, смотря потому, какой оборотъ приметъ дѣло; для этого наприм. достаточно было, чтобы учитель или префектъ ударилъ ученика въ высокоторжественный день.

Во владимірской семинаріи (въ 1759 г.) былъ такой случай. Въ праздникъ Рождества ученикъ Снегиревъ въ пьяномъ видѣ прибилъ товарища. За обиженнаго вступился учитель Вороновъ и собирался, какъ слѣдуетъ, высѣчь обидчика и посадить на цѣпь. Снегиревъ еще раньше этого вытерпѣлъ жестокую экзекуцію отъ Воронова, былъ зодъ на него и теперь въ пьяномъ видѣ рѣшился сорвать на немъ свое сердце, оттолкнулъ его отъ себя, сказавъ за собою „слово и дѣло,“ и съ торжествомъ вышелъ изъ учительской комнаты, оставивъ его крайне озадаченнымъ. Поднялась суматоха въ семинаріи, а затѣмъ въ консисторіи, которой немедленно дано было знать о происшествіи и которая въ тотъ же день собралась на экстренное засѣданіе. На консисторскомъ допросѣ Снегиревъ отперся отъ сказанныхъ имъ словъ и показалъ, что только оттолкнулъ отъ себя учителя, сказавши, что наказывать себя не дастъ, а „слова и дѣла“ не говаривалъ. Но на этомъ показаніи въ такомъ важномъ тогда дѣлѣ остановиться было невозможно;

консисторія дала ученику и учителю очную ставку, на которой оба они остались при прежнихъ показаніяхъ, послѣ чего постановлено было ученика отослать въ провинціальную канцелярію, а учителя Воронова держать до окончанія дѣла въ консисторской тюрьмѣ на его иждивеніи. Дѣло могло протянуться очень долго и Воронову, Богъ знаетъ, когда пришлось бы освободиться отъ тюрьмы, если бы къ счастію его Снегиревъ не сознался въ провинціальной канцеляріи, что дѣйствительно сказалъ слово и дѣло, но отъ пьянства, желая избыть наказанія и не зная ни за кѣмъ ничего тайнаго. Провинціальная канцелярія послѣ этого отослала его въ Москву, гдѣ порѣшили бить его плетьми и отослать обратно въ консисторію для исключенія изъ духовнаго званія въ подушный окладъ. Пока это дѣло шло, бѣдному учителю все-таки пришлось просидѣть въ консисторской тюрьмѣ цѣлыхъ три мѣсяца на своемъ содержаніи и въ страшной тревогѣ за свое будущее (1).

Педагогическія мѣры въ отношеніи къ ученикамъ въ стѣнахъ самой школы исключительно состояли въ наказаніяхъ, которыя, притомъ же, какъ и слѣдовало ожидать, имѣли нравственно-исправительный и воспитательный характеръ, а именно карательный, совершенно согласный съ общимъ юридическимъ взглядомъ на школьную жизнь и учениковъ, и были весьма суровы. Наказанія эти иногда регламентировались и въ этомъ случаѣ пересчитывались и прилагались къ разнымъ винамъ совершенно въ той же формѣ, какъ наказанія уголовныя, наприм. въ инструкціи Питирима за легкую вину, кромѣ татьбы и другихъ тяжкихъ винъ, до двухъ разъ велѣно наказывать ученика словеснымъ выговоромъ, въ третій разъ въ собраніи учениковъ смирять шелепами, въ 4-й и 5-й наказывать плетьми и недѣльнымъ заключеніемъ въ тюрьму, въ

(1) Ист. владим. семин. 81—83.

6-й разъ доноситъ о виновномъ духовному судіѣ. Пріемы наказанія не ограничивались только указанными въ этомъ скудномъ ихъ перечнѣ, были очень разнообразны и большею частію вполнѣ зависѣли отъ изобрѣтательности школьныхъ начальствъ и учителей; тутъ были и колѣнопреклоненія на горохѣ и безъ гороха, болѣе или менѣе продолжительныя, и заимствованные изъ южныхъ школъ удары палями по рукамъ, и сажаніе на цѣпь, и нещадное сѣченіе въ одну и въ двѣ лозы, даже на воздусѣхъ, иногда біеніе батогами, даже кошками и тому подобныя „мучительства семинарскія," отъ которыхъ, какъ жаловались ученики, „жить въ семинаріи становилось всячески не возможно" и отъ которыхъ они иногда готовы были спасаться даже въ солдатствѣ.

Въ исторіи псковской семинаріи встрѣчаемъ указъ преосв. Симона Тодорскаго (отъ 1745 г.), которымъ опредѣлялись педагогическія полномочія ректора и префекта семинаріи; послѣдній уполномочивался наказывать по своему личному усмотрѣнію всѣхъ учениковъ до философскаго класса, а философовъ могъ штрафовать только съ согласія ректора (1). Но подобныя ограниченія едва ли были распространены по семинаріямъ; и префектъ и всѣ учители въ кругу своихъ учениковъ постоянно были полными хозяевами и могли по Регламенту наказывать виновныхъ „всякими по разсужденію наказаніями." Еще менѣе можемъ ожидать отъ описываемаго времени распоряженій, которыя бы ограничивали самую суровость школьныхъ наказаній: въ качествѣ необыкновеннаго и едва ли не единственнаго въ этомъ родѣ факта указываемъ на распоряженіе переяславльской консисторіи отъ 1758 г., т. е. отъ самаго конца описываемаго времени, предписывавшее прямо не наказывать учениковъ переяславльской семинаріи жестокими наказаніями (2).

(1) Ист. псковск. сем. стр. 33.
(2) Владим. епарх. вѣдом. 1866 г. № 23, стр. 1300.

Система суроваго каранія виновныхъ развита была тогда по всѣмъ вѣдомствамъ и, можно сказать, во всѣхъ сферахъ жизни, а въ школахъ считалась до того необходимой, что даже самые добрые и любимые учениками наставники ставили себѣ непремѣннымъ долгомъ держаться ея, какъ можно крѣпче (1). Высшія начальства сами требовали, чтобы воспитатели не давали потачки воспитанникамъ, и одобрительно принимали ихъ оффиціальныя донесенія о варварскихъ истязаніяхъ послѣднихъ, какъ о доказательствахъ ихъ служебнаго усердія и ревности къ своему дѣлу. Вотъ какъ однажды доносилъ невскому монастырскому собору объ исправленіи учениковъ учитель петербургской невской семинаріи, знаменитый Адамъ Селлій, даже не русскій ученый, а пріѣхавшій къ намъ съ болѣе насъ образованнаго запада. Ученикъ Брызгаловъ, писалъ онъ, три недѣли притворялся по лѣности больнымъ, „но я его служительскимъ хлѣбомъ и розгами въ прежнее здоровье привелъ," послѣ этого „онъ публично людемъ, въ здѣшней слободѣ живущимъ, доношеніе на меня показалъ, что я его невѣрно училъ, что онъ у меня позабылъ больше, нежели научился, что я его братскимъ хлѣбомъ не кормилъ и проч. Того ради укрѣпляю я ему получше ученыя вещи плетьми, дабы онъ ихъ не позабылъ." (2). Среди этой грубой системы семинарскихъ экзекуцій и вырабатывались эти долго господствовавшіе въ нашихъ бурсахъ, доживавшіе и до нашей памяти, типы старыхъ бурсаковъ — кремней, притерпѣвшихся къ плетямъ и физической боли экзекуцій до такой степени, что, по пословицѣ, уже ни за какимъ лишнимъ тычкомъ не гнались, способны были выдержать какія угодно истязанія отъ начальства, не уступивъ ему ни на волосъ, могли хоть сейчасъ же отправиться

(1) Ист. владим. семин. стр. 56—57.

(2) Истор. спб. академіи стр. 19—20.

подъ шпицрутены солдатской службы или подъ муки тайной канцеляріи, — выработывался тотъ и доселѣ извѣстный по преданіямъ бурсацкій закалъ, во имя котораго всякая чувствительность, нѣжность нравственнаго чувства, особенно совѣстливость предъ педагогическими внушеніями преслѣдовались въ средѣ учениковъ, какъ черты бабьи, недостойныя порядочнаго бурсака, закалъ, который обязывалъ человѣка и дѣлалъ для него возможнымъ не поморщиться подъ самыми жгучими ударами и этою геройскою, презрительною безчувственностію къ наказанію уколоть и посрамить бѣсившагося педагога. Педагоги страшно мучились съ подобными „дѣтинами непобѣдимой злобы“ и обращались иногда къ архіереямъ съ просьбами въ родѣ наприм. такой, какую въ 1761 г. подали вяземскіе учители Парѳенію смоленскому, докладывая ему, что многіе ученики совсѣмъ отбиваются у нихъ отъ рукъ, и прося позволенія выгнать такихъ изъ училища: „хотя де таковымъ обыкновенное по регуламъ наказаніе и бываетъ, но они, не пріемля то за страхъ, ласкаются тѣмъ, что школьное наказаніе имъ на тѣлѣ сносно, чего ради не только не можно таковыхъ привесть къ указному учрежденнаго ученія окончанію, но и не надежно ожидать отъ нихъ успѣха“ (1). Выйдя потомъ изъ школы на службу, эти закаленные люди, презиравшіе и свои и чужія страданія, сами дѣлались тиранами своихъ подчиненныхъ или по крайней мѣрѣ своихъ женъ и дѣтей и вѣрными продолжателями той же системы каръ и жестокостей. Не знаемъ, много ли было тогда людей, которые способны были возмущаться господствомъ этой системы, но знаемъ, что съ теченіемъ времени число ихъ и въ школахъ и на дух. службѣ все увеличивалось и подъ конецъ описываемаго времени въ средѣ ихъ созрѣла сильная и плодотворная реакція господствовавшему

(1) Описан. смоленск епархіи стр. 164.

доселѣ порядку вещей, реакція, принесшая плоды уже въ царствованіе Екатерины II.

Вслѣдствіе такого преобладанія въ школьномъ воспитаніи юридическихъ началъ надъ нравственными собственно педагогическія отношенія учителей и начальниковъ къ ученикамъ были, разумѣется, крайне слабо развиты. Во всемъ строѣ тогдашней школьной корпораціи видимъ не дѣтей и отцевъ, какъ бы слѣдовало ожидать, а исключительно подчиненныхъ и начальниковъ или, какъ ихъ тогда выразительно называли, командировъ. Командирство это охватывало собою всѣ школьныя отношенія сверху до низу. Ректоръ былъ командиръ префекта и учителей, префектъ и учители командиры учениковъ и служителей. Между самими учениками одни были командирами другихъ и облзывались чисто начальственнымъ надзоромъ за послѣдними и служебными доносами о ихъ проступкахъ подъ угрозой законнаго наказанія за не донесеніе. Выше всѣхъ стояли лучшіе ученики высшихъ классовъ, сами занимавшіе должности учителей для учениковъ низшихъ классовъ. За ними слѣдовали классные и комнатные сеніоры или старшіе, наблюдавшіе за всей дисциплиною въ классѣ или въ комнатахъ, и авдиторы или нотаторы, изъ которыхъ каждый приставлялся къ 5—10 человѣкамъ изъ своихъ товарищей для ежедневнаго прослушиванія ихъ въ знаніи заданныхъ имъ уроковъ и надлежащей о томъ отмѣтки въ особой нотатѣ или эрратѣ. Всѣ эти ученическіе чины были перенесены въ семинаріи цѣликомъ изъ кіевской академіи. Для насъ особенно любопытно то, что прежде, чѣмъ они были усвоены въ нѣкоторыхъ школахъ, заведенныхъ и управлявшихся архіереями великоруссами, наприм. въ нижегородскихъ школахъ преосв. Питирима, распредѣленіе учениковъ по рангамъ, съ цѣлію надзора однихъ за другими, прямо было снято съ порядковъ обычнаго древне-русскаго строя низшей администраціи: ученики раздѣлялись на станицы и поставлялись подъ надзоръ избран-

ныхъ между ними же десятниковъ, пятидесятниковъ, сотниковъ и старосты, людей добросовѣстныхъ; о замѣченныхъ за рядовыми учениками проступкахъ десятники доносили пятидесятникамъ, эти сотникамъ, а сотники старостѣ (1). Кромѣ этихъ оффиціальныхъ командирскихъ чиновъ, было много командирствъ неоффиціальныхъ, признававшихся семинарскою средою только практическимъ образомъ, de facto; такими командирами были всѣ ученики высшихъ классовъ въ отношеніи къ ученикамъ низшихъ, разные ученики, назначавшіеся для наблюденія за пріемомъ сборнаго хлѣба и другихъ припасовъ и за выдачей ихъ на расходъ, ученики, служившіе келейниками у ректоровъ, префектовъ, учителей и т. п. люди.

Всѣ эти крупные и мелкіе командиры держались въ отношеніяхъ къ своимъ подкомандным одной и тойже системы грубой строгости, величанія своимъ начальствомъ и внушенія передъ собою страха посредствомъ разнаго рода истязаній. Грубыя права командира были необходимою, общепризнанною принадлежностію его командирства. На него и жаловаться было не безопасно, потому что жалоба была бы принята, какъ явный знакъ возстанія со стороны жалобщика противъ субординаціи, которая наблюдалась больше всего. Даже въ случаяхъ крайнихъ злоупотребленій командира, когда подкомандный человѣкъ окончательно терялъ терпѣніе, жалоба съ его стороны сопряжена была съ большими затрудненіями: нужно было подавать челобитную на бумагѣ, начинать формальное дѣло съ разными справками, допросомъ свидѣтелей и т. п., и при этомъ подвергаться не малому риску, потому что начальство считало непремѣннымъ своимъ долгомъ поддерживать командира во имя дисциплины и порядка. При возникновеніи подобныхъ жалобъ первымъ дѣломъ начальства была справка,

(1) См. инстр. Питирима и Ист. нижегор. семин. стр. 10.

дѣйствительно ли челобитчикъ находится подъ командой отвѣтчика, потому что это обстоятельство играло первую роль и въ движеніи всего дѣла и въ опредѣленіи окончательнаго по нему рѣшенія. Дѣйствительный командиръ рѣдко получалъ сколько нибудь серьезное внушеніе за свою жестокость. Начальство проявляло свою строгость преимущественно только надъ командирами самозванцами, отчасти также надъ превышавшими свою власть. Фальшивыхъ командировъ было тогда тоже не мало, особенно между разными келейниками и лакеями семинарскихъ начальниковъ и учителей, которые не упускали случаевъ пользоваться своею близостію къ этимъ настоящимъ источникамъ власти и сильно зазнавались передъ всѣми учениками и служителями школы. Приведемъ образчики дѣлъ по жалобамъ на дѣйствительныхъ и недѣйствительныхъ командировъ изъ исторій владимірской и воронежской семинарій.

Въ 1752 г. весной изъ архіерейскаго дома во Владимірѣ поступила въ тамошнюю семинарію жалоба на командира надъ пѣвчими Аѳанасьева. Архіерея въ городѣ тогда не было за отѣздомъ въ Петербургъ и старшій его хора, этотъ самый Аѳанасьевъ, сильно загулялъ. Послѣ одного, особенно удачнаго, хожденія съ пасхальными концертами по купцамъ онъ воротился вечеромъ домой съ сильною потребностію показать свое командирское значеніе, явился въ этомъ состояніи въ пѣвческую столовую и привязался ни за что ни про что къ пѣвчему Трофимову: „я де тебя высѣку, понеже я твой командиръ.“ — Хотя де ты и командиръ, отвѣчалъ тотъ, а бить тебѣ меня не за что. — Аѳанасьевъ принялъ это за грубость, разсвирѣпѣлъ, ударилъ Трофимова въ лице, этотъ выскочилъ изъ палаты съ крикомъ: „караулъ,“ Аѳанасьевъ за нимъ и принялся таскать его по архіерейскому двору. На допросѣ командиръ оправдывался тѣмъ, что хотѣлъ только пожурить Трофимова и звалъ его для этого къ себѣ въ келью, но онъ ослушался, за что

и былъ наказанъ. Не смотря на то, что по другимъ справкамъ онъ оказался вполнѣ виноватымъ какъ въ безпорядкѣ, который былъ произведенъ имъ въ домѣ его преосвященства, такъ и въ пьянствѣ, начальство оставило его все таки безъ наказанія, вѣроятно чтобы не уронить его командирскаго авторитета, и такимъ образомъ благословило его и на дальнѣйшую командирскую практику подобнаго рода.

Вотъ другое дѣло о недѣйствительномъ командирѣ. Въ той же семинаріи у учителя іеромонаха Палладія былъ келейникомъ ученикъ Гусевъ, дѣтина нахальный и къ тому же пьяный, отъ котораго много доставалось и товарищамъ и семинарскимъ служителямъ. Долго онъ командирствовалъ, не зная удержу, колотилъ и сѣкъ, кого попало, и никто не смѣлъ жаловаться на такое важное лице, хотя оффиціальной команды онъ и не имѣлъ. Наконецъ въ 1752 г. открылся подходящій случай разоблачить его командирское самозванство. У повара Алексѣева собака стащила изъ кухни рыбу, которую онъ готовилъ къ столу учителя Палладія. Явился на кухню Гусевъ за кушаньемъ и, узнавъ о несчастіи, вышелъ изъ себя, началъ бить повара по щекамъ, потомъ не урезонившись этимъ, „велѣлъ другому служителю принести еще розогъ: и оными розгами, показывалъ поваръ, меня именованнаго онъ Гусевъ велѣлъ бить немилосердно, и ругался всячески, и похвалялся еще больше бить.“ Сошло бы ему и это съ рукъ, если бы на его бѣду вся эта экзекуція не пришлась на 24 ноября, какъ разъ въ тезоименитство супруги наслѣдника, в. княгини Екатерины Алексѣевны. Кто-то надоумилъ объ этомъ Алексѣева и вотъ въ семинарскую контору явилась отъ него просьба на имя преосьященнаго, что де такъ и такъ, наказанъ въ такой великій день, прошу его Гусева допросить и учинить съ нимъ, какъ по ея имп. величества законамъ надлежитъ. На формальномъ слѣдствіи по этому дѣлу обвиненный показалъ, что повара билъ за дѣло, а о высокоторжественности дня

въ сердцахъ запамятовалъ. Послѣднее оправданіе принято было во вниманіе и контора на этомъ обвинительномъ пунктѣ больше не настаивала; не обратила она за тѣмъ никакого вниманія и на нравственное безобразіе этой расправы зазнавшагося бурсака съ пожилымъ служителемъ, и привязалась только къ тому, что онъ не имѣлъ права бить повара, потому что не былъ поставленъ надъ нимъ командиромъ. Вотъ самая резолюція, всего лучше обрисовывающая понятія тогдашнихъ педагоговъ о правахъ командировъ: „семинарская контора, разсудивъ, что оный студентъ Гусевъ, надъ онымъ поваромъ Алексѣевымъ никакой команды не имѣющій, такъ дерзостно бить отважился,—ибо если бы поименованнаго повара Алексѣева въ чемъ была погрѣшность, то ему Гусеву, не имѣя команды, ни почему бить не слѣдовало, а должно о томъ кому слѣдуетъ представить, а собою, сверху всякаго права, дерзостно такъ устремляти, что не точію по щекамъ, но и розгою положа наказывалъ, какъ командующій,—постановила наказать его Гусева при собраніи всѣхъ студентовъ, учинивъ нещадное розгами наказаніе, дабы и другимъ, на сіе смотря, такъ безстрашно дѣлать было неповадно." Т. е. если бы тоже безобразіе учинилъ другой, дѣйствительный командиръ, нечего было бы и толковать объ этомъ, да и самая жалоба едва ли была бы подана, какъ не правая (1).

Мы уже упоминали, что въ число семинарской прислуги входили иногда разные штрафованныя духовныя лица. Не смотря на то, что это были люди уже вполнѣ самостоятельные, бывшіе на церковныхъ должностяхъ, семинарскому командирству со всѣми его послѣдствіями должны были подчиняться и они на ряду со всѣми служителями. Нужно замѣтить при этомъ, что въ семинаріяхъ и между учителями и меж-

(1) Ист. владим. семин. стр 58 – 63.

ду учениками непомѣрно развивался духъ ученой кичливости, по которому они считали себя какими-то высшими существами и ни во что не ставили какого нибудь попавшаго въ ихъ среду дьяка, не знавшаго ни единаго латинскаго слова. Очень плохо приходилось среди такой высокоученой братіи не только церковникамъ, проходившимъ въ семинаріяхъ служительскія должности за разныя провинности, но и такимъ, которые прикомандировывались сюда епархіальною властію къ разнымъ дѣламъ. Вотъ наприм. какое прошеніе одинъ такой церковникъ подалъ въ 1746 г. преосв. Ѳеофилакту воронежскому на учителя воронежской семинаріи Стасіевича. „Имѣюся я нижепоименованный (Михаилъ Поповъ) въ томъ домѣ его преосв-ва при семинаріи у приходу и расходу денежной казны, и сего декабря 21 дня показанный учитель призвалъ меня именованнаго предъ себя и учалъ мнѣ говорить, что у тебя школьникомъ рыбы нѣтъ, и я ему на то отвѣтствовалъ, что мнѣ какъ отъ его преосвященства, такъ изъ воронежской дух. консисторіи отъ присутствующихъ приказу никакого о покупкѣ той рыбы не было; и оной учитель, взявъ меня именованнаго за волоса, поваля на земь, и приказалъ школьникамъ держать и билъ въ три раза, заворотя рубашку, изъ своихъ рукъ превеликою калмыцкою плетью и мучительски безвинно; и дабы указомъ повелѣно было: на мнѣ нижайшемъ бои осмотря описать, а показаннаго учителя въ воронежской дух. консисторіи сыскать и въ безвинномъ мучительствѣ такомъ меня именованнаго въ боѣ допросить, а по допросѣ учинить съ нимъ, какъ указы повелѣваютъ." Челобитная сильно напираетъ именно на безвинность боевъ, давая знать, что если бы челобитчика за вину отстегали калмыцкою плетью, то ему бы и челомъ бить было нечего. По резолюціи преосв-го консисторія на другой день въ своемъ засѣданіи осмотрѣла бои, „а по осмотрѣ на немъ Поповѣ явилось, какъ гласилъ протоколъ, сѣдалище все избито и имѣются великіе синевые зна-

ки, и какъ латинской школы учитель Стасіевичъ его Михайлу калмыцкой плетью билъ, — и приговаривалъ ему Михайлу: „для чего ты моего пива не варишь и на поварнѣ не работаешь.“ Чѣмъ кончилось это дѣло и наказали ли чѣмъ нибудь Стасіевича, не извѣстно (1).

Основныя черты семинарской дисциплины вполнѣ прилагались начальствами даже не къ однимъ ученикамъ, но и къ самимъ учителямъ. Ректоръ, а тѣмъ болѣе архіерей обращались съ ними совершенно такъ же, какъ они сами обращались съ учениками. Старинная грубая система управленія, вся основанная лишь на „смиреніи“ подчиненныхъ, имѣла тогда самое широкое примѣненіе въ практикѣ. Отъ дѣйствія ея въ епархіальномъ управленіи, къ которому причислялось и школьное, не были изъяты и самые почтенные духовные сановники, протопопы и архимандриты, нерѣдко подвергавшіеся въ консисторіяхъ унизительнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, тѣмъ менѣе могли считать себя застрахованными отъ подобныхъ мѣръ тогдашней административной практики учители дух. школъ, положеніе которыхъ въ ряду епархіальныхъ чиновъ было очень не высоко. Извѣстная намъ инструкція Питирима, опредѣливъ наказанія за школьныя вины учениковъ, кандалы, шелепы, плети, вслѣдъ за этимъ прямо говоритъ, что и учители за свое послабленіе подлежатъ „равномѣрному наказанію, какъ и объ ученикахъ показано.“ Что слова эти не были только пустой угрозой, которая впрочемъ и сама по себѣ выразительна, на это имѣемъ фактическія указанія, относящіяся притомъ же къ самому уже концу описываемаго времени. Такъ, по преданію извѣстно, что указанныя мѣры смиренія въ 1750 г. заставили бѣжать изъ казанской семинаріи одного изъ лучшихъ ея преподавателей изъ ея же воспитанниковъ, знаме-

(1) Воронежск. епарх. вѣд. 1867 г, № 6, стр. 204—205.

нитаго потомъ витію Гедеона Криновскаго, бывшаго тогда уже монахомъ и назначеннаго даже въ префекты; бѣглеца пріютила въ своихъ стѣнахъ московская академія. Подобный же случай извѣстенъ изъ біографіи м. Платона Левшина московскаго. Во время своего учительства въ московской академіи, будучи еще свѣтскимъ преподавателемъ піитики, онъ проходилъ должность академическаго катихизатора и своимъ необыкновеннымъ ораторскимъ талантомъ привлекалъ на свои катихизическія бесѣды такую массу слушателей, что академическая аудиторія не могла ихъ вмѣщать. На бѣду молодаго оратора этой ранней славѣ его, стяжавшей ему почетное прозваніе московскаго апостола, позавидовалъ присутствовавшій въ московской синодальной конторѣ переяславльскій архіерей Амвросій, потребовалъ тетради его поученій къ себѣ, къ чему-то въ нихъ придрался и порѣшилъ высѣчь учителя Левшина передъ собраніемъ академіи и выгнать изъ службы. Наказаніе это не было исполнено, благодаря только заступничеству ректора Геннадія Драницына, который производилъ слѣдствіе по этому дѣлу и не нашелъ въ бесѣдахъ катихизатора ничего предосудительнаго. Такимъ образомъ, грозный для своихъ учениковъ, какъ полный ихъ командиръ, учитель самъ долженъ былъ постоянно трепетать предъ своими собственными командирами, въ отношеніи къ которымъ былъ крайне маленькимъ и безправнымъ человѣкомъ.

Такая низменная постановка учительскаго званія, составляющая весьма характерное явленіе при изученіи учебно—воспитательной части тогдашнихъ школъ, была необходимымъ результатомъ того же исключительно служебнаго взгляда на науку и школу, который уже достаточно нами обрисованъ. Образованіе имѣло значеніе только практическое, для извѣстнаго рода службы, къ которой приготовляло человѣка, а не само по себѣ. Равнымъ образомъ и ученый человѣкъ оцѣнивался не по своему личному ученому до-

стоинству и ученой профессіи, а по своему служебному рангу, который одинъ давалъ права и авторитетъ. Если и теперь для возвышенія достоинства ученаго человѣка, профессора, учителя, государство находитъ еще нужнымъ возводить его въ извѣстный рангъ и опредѣляетъ достоинство ученыхъ степеней и званій посредствомъ приложенія къ нимъ извѣстныхъ канцелярскихъ чиновъ, то въ прежнее время, время еще крайне не зрѣлой цивилизаціи безъ этого положительно нельзя было обойтись. Ученый безъ ранга и служебнаго положенія не внушалъ къ себѣ уваженія, былъ совершенно безправенъ предъ человѣкомъ служилымъ и въ высокомъ рангѣ, часто былъ настоящимъ его холопомъ, по крайней мѣрѣ постоянно нуждался въ его покровительствѣ, а для этого долженъ былъ принижаться передъ нимъ, льстить ему, какъ меценату. Это меценатство ранга надъ наукой и литературой охватывало собою всю сферу образовательныхъ учрежденій отъ академіи наукъ до школы грамотности и всѣхъ лицъ, служившихъ дѣлу образованія, отъ Ломоносова, у котораго былъ меценатъ Шуваловъ, до пономаря, учившаго ребятъ читать по часослову. Встрѣчаемъ и такія явленія, что могъ сдѣлать человѣкъ ранга, не взлюбившій человѣка ученаго: Волынскій хлещетъ по щекамъ Третьяковскаго. Въ самой академіи наукъ люди науки, профессоры, вызванные изъ за границы, должны были лакействичать предъ чиновникомъ Шумахеромъ или уѣзжать, откуда пріѣхали.

Въ духовномъ вѣдомствѣ наука была болѣе знакома властямъ и цѣнилась ими высоко, но тоже не столько сама по себѣ, сколько по отношенію къ интересамъ духовной службы, которымъ вполнѣ подчинялась. Званіе ученаго, должность учителя и здѣсь не могли еще быть самостоятельной спеціальностію, давать человѣку положеніе и права въ предѣлахъ его вѣдомства сами по себѣ. Оставаясь только при нихъ однихъ, онъ только и могъ существовать подъ мене-

натствомъ представителя духовной службы,—архіерея, оставался чѣмъ-то въ родѣ безмѣстнаго, безправнаго наемщика, служащаго на частной службѣ по найму, и самъ смотрѣлъ на свое учительство, какъ на состояніе лишь переходное, какъ на средство заслужить вниманіе епархіальнаго начальства и потомъ получить чрезъ него настоящее служебное положеніе въ священствѣ или монашествѣ. Когда учительство соединялось съ другою, — епархіальною должностію, то положеніе учителя опредѣлялось именно этою послѣднею, а первое при ней считалось только побочнымъ послушаніемъ, которое какъ мы знаемъ, даже иногда не вознаграждалось и особымъ окладомъ. Остатки подобныхъ понятій, въ свое время господствовавшихъ, сохраняются, какъ извѣстно, и доселѣ у многихъ духовныхъ властей, все еще не привыкшихъ мыслить духовную науку безъ духовнаго ранга. Единственная возможность свѣтскому учителю дух. школы пріобрѣсти нѣкоторыя права открывалась только тогда, когда онъ дѣлался интендантомъ или префектомъ (ректоромъ могъ быть только монахъ), вообще какъ нибудь приставлялся къ школьной администраціи, т. е. самъ дѣлался чиновникомъ, органомъ епархіальнаго управленія надъ школою и слѣдовательно командиромъ.

При всей своей ревности къ развитію школьнаго образованія, архіереи держали своихъ учителей въ довольно черномъ тѣлѣ за исключеніемъ развѣ учителей высшихъ классовъ, но и то больше потому, что высшія науки преподавались лицами, имѣвшими болѣе или менѣе высокій духовный санъ. Матеріальная обстановка учительской должности намъ уже извѣстна. Не высоко было положеніе учителя, когда онъ ничѣмъ почти не отличался отъ служекъ архіерейскаго дома, часто вмѣстѣ съ ними имѣлъ и помѣщеніе и столъ, получалъ 20—30 руб. годоваго оклада, былъ поощряемъ въ своемъ усердіи къ дѣлу праздничными подачками платковъ и кушаковъ за поздравленіе начальства витіеватою рѣчью и состоялъ въ

полнѣйшей зависимости отъ воли своихъ командировъ, епархіальныхъ и школьныхъ, которые по своему личному усмотрѣнію могли и лишить его мѣста и наказать какимъ нибудь школьническимъ наказаніемъ. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ учители подчинены были надзору ректоровъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ ученики, наприм. одинаково съ послѣдними не смѣли безъ дозволенія ректора выходить за стѣны семинаріи (1).

Правъ у учителя не было, кромѣ развѣ командирскихъ правъ надъ учениками, а между тѣмъ въ назначеніи ему количества тяжкихъ обязанностей и работы не скупились. Какъ бы ни велико было число учениковъ въ школѣ, въ опредѣленіи числа учителей епархіальныя начальства наблюдали обыкновенно крайнюю экономію. На цѣлый классъ полагался одинъ только учитель, такъ что сколько открывалось классовъ, столько же при школѣ было и учителей. Такимъ образомъ каждый учитель долженъ былъ всякій день заниматься съ учениками безсмѣнно въ теченіи всѣхъ учебныхъ часовъ, которыхъ было притомъ же не мало: ученики находились въ классахъ утромъ съ 7 до 10 и 11 часа, да послѣ обѣда отъ 1 часа до 4; ученики русскаго класса для большей практики въ чтеніи и письмѣ учились еще дольше, съ 6 часовъ утра, а послѣ обѣда отъ часа до 6 вечера (2). Кромѣ того учителю еженедѣльно приходилось читать и поправлять разныя ученическія версіи, экзерциціи и окупаціи; не говоримъ уже о приготовленіи разныхъ отчетовъ объ успѣхахъ учениковъ, которое возлагалось на него же. Притомъ же и такое въ обрѣзъ необходимое число учителей существовало еще далеко не во всѣхъ, а лишь только въ болѣе богатыхъ семина-

---

(1) Ист. владим. семин. 54.

(2) См. Р. Пед. Вѣсти. 1858 г. т. Ш: стат. Макарія о школахъ. Ист. переясл. семин. въ Влад. епарх. вѣд. 1866 г. стр. 300. Ворон. епарх. вѣд. 1867 г. стр. 231—234.

ріяхъ, какъ-то въ троицкой, новогородской, харьковскомъ, отчасти въ казанской. Въ большей части семинарій старались сократить и это число, соединяя въ однихъ рукахъ преподаваніе нѣсколькихъ предметовъ иногда въ разныхъ классахъ, и облегчая въ такомъ случаѣ непомѣрные труды учителей только чрезъ допущеніе къ преподаванію низшихъ предметовъ учениковъ старшихъ классовъ. Даже въ такой, довольно богато обставленной семинаріи, какъ переяславльская, нѣкоторое время существовалъ всего одинъ учитель, преподававшій риторику: въ 1753 г. архіерей Серапіонъ писалъ ректору семинаріи, что „больше учителей и не надобно для того, что риторики ученики есть свои и школы (классы) меньшія могутъ учить совершенно." Потомъ впрочемъ видимъ четверыхъ учителей (1). Заваленные работой, учители должны были просто выбиваться изъ силъ; и сами архіереи сознавались, что они находятся на своей учительской службѣ „въ невыносныхъ трудахъ" (2). Въ низшихъ русскихъ школахъ по епархіальнымъ округамъ постоянно полагалось по одному учителю; другой учитель опредѣлялся, когда въ такой школѣ вводилось преподаваніе начатковъ латинскаго языка.

Трудность преподавательской должности не мало должна была увеличиваться еще вслѣдствіе полнаго отсутствія спеціальности въ ея прохожденіи. За исключеніемъ малообразованныхъ учителей низшихъ классовъ, которые только и могли учить элементарнымъ предметамъ, каждый учитель послѣдовательно преподавалъ одинъ за другимъ нѣсколько предметовъ семинарскаго курса, переходя изъ одного низшаго класса въ высшій, иногда даже вмѣстѣ съ своими учениками; въ этой формѣ выражалось тогда служебное его повышеніе за усердіе къ своему дѣлу. Такимъ об-

---

(1) Владим. епарх. вѣд. 1866 г. № 23, стр. 1299.

(2) Ист. владим. семин. стр. 38—39.

разомъ образованный учитель могъ послѣдовательно пройти весь семинарскій курсъ отъ элементаря до философіи и префектовской должности включительно, а если за тѣмъ принималъ монашество, то могъ сдѣлаться учителемъ богословія и ректоромъ. Примѣры этого во множествѣ представляютъ біографіи нашихъ высшихъ духовныхъ сановниковъ, архіереевъ, архимандритовъ изъ ученыхъ, которые почти всѣ начинали свою карьеру со школьнаго учительства. Учительство въ извѣстномъ классѣ очевидно трактовалось, какъ извѣстная служебная степень или чинъ. Пройдя всѣ эти чины, человѣкъ попадалъ на вожделѣнный путь другаго рода чиновъ, начиналъ шествіе по лѣствицѣ высшихъ іерархическихъ должностей. Но большая часть учителей уходила съ тяжелой школьной службы раньше. Понятно, что тогда никому и въ голову не могло прійти избрать эту службу въ качествѣ постоянной, жизненной для себя спеціальности. Учители смѣнялись очень часто; прослуживъ много года 4—5, каждый изъ нихъ спѣшилъ поскорѣе пристроиться на какую нибудь другую, преимущественно епархіальную службу.

Въ новыхъ семинаріяхъ съ первоначальными низшими курсами по всей вѣроятности не возбуждалось и вопроса о возвышеніи положенія учителей. На учительскія мѣста опредѣлялись разные грамотники изъ мѣстнаго духовенства, дьяконы (рѣдко священники), дьячки, пономари, поповы дѣти, пѣвчіе и т. п. люди, съ которыми начальству нечего было особенно церемониться. Когда не находилось годныхъ людей изъ духовенства, архіереи приглашали къ преподаванію разныхъ грамотѣевъ изъ постороннихъ людей, но тоже не высокаго полета и мало претендательныхъ. При открытіи русской школы въ Иркутскѣ (въ 1728 г.) духовенству поручено было выбрать въ учители какого нибудь грамотника и добронравнаго дьячка, но такого между иркутскими дьячками не оказалось и въ учители былъ нанятъ послѣ этого одинъ посад-

скій, „человѣкъ добрый и не пьяница,“ какъ его рекомендовало духовенство, который и обязался за 20 р. въ годъ учить дѣтей всему добрымъ порядкомъ, чтобы было въ твердость (1). Въ тобольской епархіи учителемъ далматовской школы былъ (съ 1747 г.) одинъ разстриженный священникъ Кирило Павловъ (2). Труднѣе было найти учителя для преподаванія латыни, которой великорусское духовенство прежде не училось. Въ началѣ описываемаго времени латынщики такъ были еще рѣдки, что наприм. вологодскій архіерей Аѳанасій Кондоиди, открывъ у себя латинскую школу, нѣкоторое время самъ преподавалъ въ ней латинскій языкъ. Но съ теченіемъ времени и такіе учители, по крайней мѣрѣ годные для преподаванія элементаря, мало по малу переставали быть рѣдкостью. Архіереи малороссы, заводившіе латинскіе классы въ великорусскихъ школахъ, всегда пріѣзжали на епархіи въ сопровожденіи большой свиты изъ земляковъ, которыхъ забирали съ собою въ качествѣ своихъ будущихъ помощниковъ по управленію или же келейниковъ и служителей. Люди эти были большею частію недальняго образованія, но для обученія ребятъ элементарю годились. Въ самой Малороссіи такіе латынники, разумѣется, давно были не рѣдкость.

Всѣ эти импровизованные учители ничѣмъ не возвышались надъ старинными мастерами грамотности и современными имъ учителями частныхъ школъ, разными пономарями Брудастыми, и ни по своимъ знаніямъ, ни по своимъ нравственнымъ достоинствамъ не способны были внушить къ себѣ уваженіе и поднять себѣ цѣну. Большинство изъ нихъ можно было только терпѣть на первый разъ по безлюдью и по новости школьнаго дѣла; но попадались между ними и такіе, которыхъ и на безлюдьи терпѣть было нельзя, какъ

---

(1) Иркутск. епарх. вѣд. 1863 г. № 39, стр. 624—625.

(2) Пермск. епарх. вѣд. 1868 г. № 1, стр. 8.

наприм. извѣстный намъ учитель сначала вятской, потомъ владимірской семинаріи Ѳ. Радикорскій, пропивавшій у учениковъ шапки, или наприм. самъ ректоръ владимірской семинаріи архим. Павелъ, который во главѣ учителей, учениковъ и служителей своей семинаріи выходилъ на драку съ городскими купцами и мѣщанами, довелъ ихъ до того, что они мимо семинаріи и ходить боялись, а когда подали на него въ консисторію жалобу, такъ противъ нихъ же заявилъ претензію, что въ дракѣ ему спину расшибли (1). Въ спискахъ учителей разныхъ семинарій можно встрѣчать отмѣтки: „уволенъ за нерадѣніе,“ или „за недобропорядочную, небережливую жизнь, за пьянство.“ Въ 1746 г. въ воронежской семинаріи встрѣчаемъ жалобу одного ученика на преподаваніе учителей. Учители пѣнія, регентъ Степановъ да попъ Семенъ Григорьевъ, донесли на него, „якобы онъ нотному пѣнію непонятенъ и обучить его тому пѣнію не можно; а я именованный, жаловался онъ, нотному пѣнію обучаться всеусердно желаю и понять могу, точію они за ихъ праздностію и лѣностію меня не обучають и въ школы мало приходятъ, а меня тѣми ихъ доношеніями обносятъ напрасно: и дабы указомъ повелѣно было меня именованнаго въ помянутой пѣвческой музыкѣ обучать той музыки пѣвчимъ В. Бахмутскому да В. Старику, понеже они при той школѣ почитай всегда имѣются безотлучно, а отъ упомянутыхъ учителей меня освободить.“ Консисторія навела по этой жалобѣ справки и нашла на учителяхъ еще другую вину: оказалось, что они доселѣ не подавали ни одного мѣсячнаго репорта о своихъ занятіяхъ. Въ отвѣтахъ своихъ по этому поводу они объяснили, что въ школѣ бываютъ по 4 часа утромъ и по 3 часа послѣ обѣда каждый день, показуя ученикамъ самое существо, чему и сами обучены, что же касается до репортовъ,

(1) Истор. владим. семин. 36.

то попъ Семенъ показалъ, что не подавалъ ихъ за неимѣніемъ въ школѣ писцовъ и за дѣлами, а регентъ Степановъ прямо признался, что ему съ такимъ дѣломъ не справиться, что у него для того ни чернилъ, ни бумаги не имѣется, а купить не на что (1).

Съ расширеніемъ курсовъ потребовались болѣе образованные учители, которыхъ приходилось искать, зазывать на учительскія должности назначеніемъ высшихъ окладовъ и приманкой лучшей обстановки. Главными, наиболѣе желательными кандидатами этого рода были студенты кіевской академіи, — этой almae matris всѣхъ архіереевъ малороссовъ, смотрѣвшихъ на нее, какъ на высшій образецъ для своихъ епархіальныхъ школъ. Въ 1739 г. Гедеонъ Вишневскій, вызывая изъ Кіева студентовъ для своей смоленской семинаріи, писалъ кіевскому митрополиту Рафаилу: „изобиловала всегда учеными людьми академія кіевская, и имѣла себѣ честь сицевую, что отъ нея, аки съ преславныхъ оныхъ Аѳинъ, вся Россія источникъ премудрости почерпала и вся своя новозаведенныя училищныя колоніи напоила и израстила.“ „Не проходило года, замѣчаетъ по поводу этого письма историкъ кіевской академіи, въ который бы многіе изъ питомцевъ кіевскихъ по безпрестаннымъ приглашеніямъ не поступали въ разныхъ семинаріяхъ на учительскія должности; не проходило года, въ который бы другіе не отправлялись сами на тѣже должности, бывшія для нихъ выгоднѣйшимъ родомъ службы,—и это продолжалось постоянно до самаго конца древней академіи“ (2). Съ учителями, вызванными такимъ образомъ изъ Кіева, архіереи, какъ мы видѣли, должны были заключать контракты, въ которыхъ обозначались какъ обязанности учителей, такъ съ другой стороны и обя-

(1) Воронеж. епарх. вѣд. 1867 г. №7, стр. 231—234.

(2) Ист. Кіевск. акад. 194. Здѣсь же (стр. 184—190) можно видѣть самыя имена многихъ лицъ, отправлявшихся изъ академіи въ учителя по епархіямъ.

зательства самой епархіальной власти относительно ихъ содержанія, а иногда опредѣлялся самый срокъ обязательной службы учителя, послѣ котораго онъ по желанію могъ уйти съ своего мѣста на другое. Все это, кажется, не могло бы не повліять на улучшеніе быта и положенія учителей самымъ рѣшительнымъ образомъ. Но на самомъ дѣлѣ улучшеніе это все—таки шло весьма медленно. Въ болѣе ясныхъ чертахъ оно обнаруживалось только въ тѣхъ немногихъ семинаріяхъ, гдѣ были открыты классы философскій и богословскій, требовавшіе для учительства не кое-какихъ кіевлянъ, а кончившихъ полный академическій курсъ, даже монаховъ. По пріѣздѣ на должность, эти учители получали высшіе оклады, назначались въ ректоры и префекты, опредѣлялись въ члены консисторій и въ настоятели монастырей и такимъ образомъ занимали видное положеніе не только въ школьной, но и въ епархіальной службѣ. Но такихъ привиллегированныхъ учителей было тогда не много во всей Россіи. Остальные кіевляне, разные риторы, философы, даже нарочно вызывавшіеся въ епархіи по контрактамъ, имѣли участь немного лучшую той, какая выпадала на долю разнымъ импровизованнымъ учителямъ,—ихъ предшественникамъ.

Отчасти по экономическимъ разсчетамъ архіереевъ, искавшихъ въ свои школы учителей по средствамъ, такъ сказать попроще, отчасти потому, что академія дорожила студентами богословія, прочя ихъ на свои собственныя учительскія мѣста и на разныя духовныя должности въ Малороссіи, изъ Кіева въ епархіи ѣхали почти одни недоучившіеся студенты, хотя и изъ успѣшныхъ въ наукахъ. Очутившись на чужбинѣ прямо съ академической бурсы, гдѣ съ дѣтства были воспитаны въ страхѣ предъ начальствомъ, бѣдные догола, безпомощные, по пріѣздѣ на мѣсто службы они вполнѣ предавали себя и свою судьбу въ волю приглашавшихъ ихъ архіереевъ патроновъ. Хорошо ли, худо ли имъ за тѣмъ жилось, выходу изъ

службы никуда не было, кромѣ какого нибудь епархіальнаго мѣста, находившагося въ распоряженіи того же архіерея патрона; уѣхать въ другую епархію *было нельзя, потому что не на что*; бѣдняки не имѣли *за душой ничего* и не въ состояніи были прожить *самаго короткаго срока* до пріисканія новаго мѣста. *Понятно, что въ такихъ обстоятельствахъ* не имѣли *значенія никакіе* контракты. Кромѣ того, съ теченіемъ времени цѣна такихъ кіевлянъ не только не возрастала, но даже замѣтно опускалась съ одной стороны вслѣдствіе все болѣе и болѣе усиливавшагося ихъ наплыва въ епархіи, гдѣ заводились школы, а съ другой вслѣдствіе быстро развивавшейся конкурренціи съ ними студентовъ другихъ дух. школъ, особенно студентовъ великоруссовъ.

Открывая свои школы и по необходимости воздерживаясь отъ слишкомъ большихъ расходовъ на нихъ, епархіальныя начальства вездѣ старались по возможности оттянуть вызовы учителей—кіевлянъ на болѣе или менѣе продолжительное время, чаще всего до открытія высшихъ классовъ, начиная съ риторики, а до этого, въ случаѣ неизбѣжной нужды въ латынникахъ, привлекали къ дѣлу учительства малороссовъ, случайно находившихся у нихъ въ епархіяхъ, или же разныхъ недоучившихся академистовъ, которые сами пріѣзжали къ нимъ искать учительскихъ мѣстъ и являлись, разумѣется, кандидатами самыми скромными, готовыми на всякій условія. И тѣхъ и другихъ кандидатовъ было довольно почти повсюду, особенно съ царствованія имп. Анны, такъ благопріятнаго для усиленія партіи малороссовъ въ іерархіи и развитія латинскаго образованія по семинаріямъ. Даже наприм. въ отдаленной иркутской епархіи, гдѣ при святителѣ Иннокентіи едва могли найти даже русскаго учителя для архіерейской школы и откуда еще въ началѣ царствованія Анны другой архіерей Иннокентій Неруновичъ нарочно посылалъ для приготовленія въ учители двухъ служителей своего дома въ московскую

академію, подъ конецъ того же царствованія семинарія имѣла возможность обильно воспользоваться преподавательскими услугами ученыхъ малороссовъ, на этотъ разъ впрочемъ ссыльныхъ, между которыми встрѣчаемъ даже такого ученаго, какъ архимандритъ Платонъ Малиновскій, бывшій префектъ московской академіи, затѣмъ ректоръ харьковскаго коллегіума (по возвращеніи изъ ссылки архіепископъ московскій) (1). Студенты, которые выходили изъ академіи раньше конца курса и старались прежде размѣщаться больше у себя на родинѣ, заслышавъ о множествѣ учительскихъ вакансій въ новыхъ семинаріяхъ, тоже стали чаще являться въ великорусскихъ епархіяхъ, такъ что отысканіе подходящаго по условіямъ учителя для преподаванія не только какой нибудь синтаксимы, но и піитики съ риторикой уже едва ли гдѣ могло представлять серьезныя затрудненія. Если при этомъ примемъ во вниманіе то, какъ епархіальные архіереи старались воздерживаться отъ увеличенія числа учительскихъ каѳедръ, до послѣдней возможности обходясь съ помощію одного или двоихъ преподавателей высшихъ классовъ, то мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что предложеніе учительскихъ услугъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, должно было увеличиться быстрѣе самаго спроса на нихъ, что не могло не отзываться на пониженіе самой ихъ цѣнности.

Далѣе, пользуясь молодостію новыхъ школъ и небольшой величиной требованій отъ кандидатовъ на учительскія въ нихъ должности, съ кіевлянами счастливо стали конкуррировать воспитанники другихъ западно-русскихъ школъ, наприм. харьковскаго коллегіума. Въ исторіи воронежской семинаріи находимъ нѣсколько фактовъ, которые довольно выразительно рисуютъ положеніе этого рода кандидатовъ на учи-

(1) *Чистовичъ* Ѳ. Прокоповичъ, 676. Ирк. епарх. вѣд. 1870 г. стр. 587—589.

тельство. Черезъ два года по учрежденіи семинаріи (въ 1747 г.) начальство нашло нужнымъ облегчить труды ея единственнаго за все это время преподавателя Стасіевича и стало искать въ помощь ему другихъ учителей. Изъ харьковскаго коллегіума разомъ явилось три кандидата: одинъ риторъ Гаврило Винецкій, запасшійся на всякій случай рекомендательнымъ письмомъ знакомаго архіерею подполковника острогожскаго полка Тевяшева, у котораго жилъ при какихъ-то дѣлахъ 4 года, да два философа, Ѳ. Оранскій и К. Черняховскій, подавшіе витіеватое прошеніе прямо отъ себя, въ которомъ откровенно писали, что „весьма не имѣютъ мѣста, гдѣ бы жить," и „смиренно молили имъ, нынѣ всякимъ несчастіемъ объятымъ, архипастырскую явити милость." Осенью всѣ трое явились въ Воронежъ. Винецкій, обнадеженный протекціей подполковника и въ самомъ дѣлѣ зачисленный въ учители еще съ сентября, только безъ жалованья, пріѣхалъ даже съ братомъ, такимъ же бѣднякомъ, какъ самъ. Но архіерей не торопился окончательнымъ рѣшеніемъ дѣла и только въ декабрѣ надумалъ сначала еще справиться о способностяхъ кандидатовъ у ректора коллегіума. Бѣдные студенты, въ ожиданіи „высокомилостиваго призрительнаго пожалованія, безъ всякихъ обстоятельствъ живучи," въ конецъ проживались въ Воронежѣ и неустанно осаждали архіерея униженными просьбами о рѣшеніи своей участи. Винецкій по крайней мѣрѣ имѣлъ хоть какую нибудь увѣренность въ своемъ успѣхѣ, кромѣ того успѣлъ выхлопотать брату священническое мѣсто; товарищи же его теряли всякую надежду, одинъ уже собирался уѣхать, другой, Черняховскій, дошелъ почти до прошенія милостыни. „Хочай и многажды, писалъ онъ въ одной изъ своихъ просьбъ, стужали вашему преосв-ву и уже какъ много весьма опечалились, но не иное насъ, какъ крайняя нужда, зоветъ.... Меня бѣднаго весьма видимое несчастіе мое облѣнило, и какъ разсуждаю, это мнѣ бѣдному и не безъ урону

и крайняго убытку стало, яко остатніе вещи спродалъ и ямщику 3 руб. уплатилъ, и донеже жадной (ни одной) надежды и жалнаго опредѣленія не имѣю и отыскивать усумнѣваюсь, того ради всесмиренно прошу ваше пр-во мене бѣднаго, чѣмъ ни на есть, отъ всещедрой своей десницы пожаловать." Рѣшеніе послѣдовало уже въ началѣ 1748 г.: учителемъ опредѣленъ былъ Оранскій, признанный вѣроятно лучшимъ. Винецкій же такъ и остался съ одной прикомандировкой къ семинаріи безъ жалованья и прожилъ въ этомъ положеніи въ Воронежѣ цѣлыхъ 1½ года, пока не былъ опредѣленъ въ дѣйствительные учители уже по смерти Оранскаго (1).

Около конца 1720-хъ гг. по семинаріямъ стали являться новые кандидаты на учительство, сдѣлавшіеся еще болѣе опасными соперниками кіевлянъ, студенты московской академіи. По своему образованію они не многимъ уступали кіевлянамъ и то развѣ только въ началѣ описываемаго времени, а между тѣмъ для великорусскихъ семинарій были, такъ сказать, больше подъ рукой и по всей вѣроятности менѣе претендательны, чѣмъ привиллегированные студенты кіевляне. Вслѣдствіе этого въ московскую академію за учителями нерѣдко стали обращаться даже такіе архіереи, которые болѣе другихъ отличались любовью къ кіевскимъ студентамъ, наприм. Гедеонъ Вишневскій смоленскій, вызвавшій къ себѣ въ учителя ученика московской академіи Бестужева еще въ 1728 г. Семинаріи коломенская и крутицкая имѣли у себя учителей почти всегда изъ московскихъ студентовъ. Вызывали ихъ также въ Астрахань, Псковъ, въ Нижній, Владиміръ, Устюгъ, Вологду, Вятку, Архангельскъ, въ семинарію троицкую и въ обѣ сибирскія.

---

(1) Воронежск. еп. вѣд. 1867 г. № 8, 9, 11, 14; 1868 г. № 7. Въ петербургской семинаріи видимъ учителей изъ воспитанниковъ Черниговскихъ. Ист. спб. акад. стр. 38.

Нѣкоторые архіереи, особенно изъ великоруссовъ, нарочно посылали своихъ учениковъ въ Москву, чтобы приготовить ихъ къ учительству (1). Кромѣ московской академіи, къ концу описываемаго времени учителей стали поставлять еще нѣкоторыя болѣе благоустроенныя семинаріи, троицкая, новогородская, казанская (2). Наконецъ почти во всѣхъ семинаріяхъ на низшихъ учительскихъ должностяхъ встрѣчаемъ ихъ собственныхъ воспитанниковъ (3), а въ нѣкоторыхъ, наприм. въ новогородской, троицкой, петербургской, собственные воспитанники допускались къ учительству уже и въ высшихъ классахъ. Пріобрѣтеніе учителя изъ своихъ собственныхъ воспитанниковъ было самымъ большимъ торжествомъ семинаріи, лучшимъ свидѣтельствомъ ея высшаго развитія и вѣрнымъ залогомъ ея будущихъ успѣховъ. Въ костромской епархіи сохранилось преданіе, какъ при опредѣленіи на должность перваго учителя изъ воспитанниковъ тамошней семинаріи, И. Красовскаго, архіерей Дамаскинъ, самъ вводя его въ классъ, плакалъ отъ умиленія и возсылалъ Господу Богу благодареніе за то, что сподобилъ семинарію дожить до своихъ доморощенныхъ учителей (4).

Извѣстная борьба великоруссовъ съ малорусами, господствовавшая въ средѣ іерархіи за все описываемое время, имѣла самое большое вліяніе на умноженіе числа учителей изъ студентовъ московской

---

(1) Имена вызывавшихся въ учители студентовъ см. въ Исторіи моск. академіи.

(2) Вятск. епарх. вѣд. 1868 г. № 12, стр. 201. Въ троицкую семинарію посылали изъ епархій учениковъ для приготовленія къ учительству точно такъ же, какъ въ московскую академію. Ист. троицк. сем. 33. 105.

(3) Для посылки на учительство въ школы, находящіяся не въ семинарскомъ городѣ, такихъ учениковъ иногда нарочно исключали изъ семинаріи раньше окончанія курса. Напр. см. Курск. еп. вѣд. 1873 г. стр. 673—674.

(4) Р. Педаг. Вѣстн. 1858 г. т. V, отд. 3. стр. 23.

академіи. Въ то время, какъ архіереи малороссы старались выдвигать на учительскія мѣста кіевлянъ и считали главнымъ источникомъ всякаго просвѣщенія свою знаменитую кіевскую академію, архіереи великороссы обращали свои надежды къ родной московской академіи, въ которой видѣли въ будущемъ близкое уже спасеніе отъ тяжкой работы черкасамъ для всѣхъ великорусскихъ школъ и для всего великорусскаго духовенства. Мы видѣли примѣры, какъ плохо приходилось учителямъ — малороссамъ, когда послѣ призвавшаго ихъ и водворившаго въ семинаріи архіерея земляка случайно являлся въ епархіи архіерей великороссъ, враждебно относившійся къ черкасскимъ затѣямъ. Были случаи, что школы, заведенныя черкасами, совсѣмъ распускались: но большею частію гоненіе на черкасъ ограничивалось только перемѣною учителей. Такъ наприм. въ вологодской семинаріи при архіереѣ Амвросіѣ Юпкевичѣ видимъ учителей малороссовъ: при преемникѣ его великороссѣ Пименѣ Савеловѣ (1740—1752) всѣ учители были тоже великороссы. При своемъ вступленіи на вологодскую каѳедру онъ нарочно послалъ въ московскую академію троихъ учениковъ своей семинаріи, чтобы они усовершенствовались тамъ въ наукахъ и могли приготовиться къ учительству, и все время ихъ академическаго курса содержалъ ихъ на счетъ арх. дома: въ 1751 г. въ расходной книгѣ архіер. дома значится даже расходъ въ 5 руб., сдѣланный архіерейскимъ канцеляристомъ въ Москвѣ „въ почтеніе за учениковъ," т. е. на подарки за ихъ обученіе академическимъ властямъ. По возвращеніи на родину всѣ они сдѣланы были учителями, и одинъ изъ нихъ, Ключаревъ, читалъ уже философію. По смерти преосвященнаго при его преемникѣ Серапіонѣ Лятушевичѣ (изъ малороссовъ) положеніе этихъ учителей, должно быть, было не совсѣмъ хорошо: извѣстно по крайней мѣрѣ, что самый видный изъ нихъ Ключаревъ получалъ всего 20 рублей жалованья,—окладъ въ тогдашнее время крайне обид-

ный для учителя философіи (1). Мы видѣли также, какъ сурово отнесся къ черкасскимъ затѣямъ и учителямъ черкасамъ холмогорскій архіерей Варсонофій. Въ началѣ его архіерейства заведенная черкасами холмогорская семинарія совсѣмъ было рушилась, но дальнѣйшія его дѣйствія показали, что онъ вовсе не былъ врагомъ духовнаго образованія вообще, и даже латинскаго въ частности, а именно хотѣлъ только вытѣснить непріятныхъ ему малороссовъ. Въ 1743 г. онъ снова возобновилъ семинарію, вытребовавъ въ нее для преподаванія студента московской академіи Заостровскаго; въ 1747 г. учитель этотъ выбылъ и замѣненъ другимъ тоже изъ Москвы, Либеровскимъ, который довелъ семинарскій курсъ до риторики; въ 1758 г. видимъ третьяго учителя, Бѣлокриницкаго, опять изъ московскихъ студентовъ (2). Очень можетъ быть, что нѣкоторые архіереи не прочь были бы и отъ того, чтобы ослабить въ школахъ и самое господство латыни, но это было уже не возможно, потому что господство это было уже вполнѣ упрочено и кромѣ того крѣпко поддерживалось высшею духовною властію, которая смотрѣла на упадокъ въ школѣ латыни, какъ на упадокъ самой школы. Въ 1741 г. тобольскій архіерей Арсеній Мацѣевичъ вошелъ было въ св. Синодъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ латинскаго ученія въ тобольской семинаріи вслѣдствіе крайней скудости ея средствъ, но получилъ такой отвѣтъ, который прямо показывалъ, что объ этомъ предметѣ не слѣдуетъ заводить и рѣчи (3). Въ концѣ описываемаго времени встрѣчаемъ примѣръ дѣйствительнаго прекращенія латинскаго ученія въ воронежской семинаріи при архіереѣ Іоанникіѣ Павлуцкомъ, который по пріѣздѣ въ епархію совсѣмъ распустилъ учениковъ

---

(1) Вологод. епарх. вѣд. 1865 г. № 9,

(2) Странн. 1878 г. ноябрь, стр. 144.

(3) Пермск. епарх. вѣд. 1868 г. № 1, стр. 7.

высшихъ классовъ и оставилъ при школѣ одно славянское ученіе, но и этотъ примѣръ едвали можно объяснить однимъ только отвращеніемъ новаго архіерея отъ черкасскихъ затѣй, хотя онъ дѣйствительно былъ изъ людей не получившихъ школьнаго образованія,—дѣло естественнѣе объясняется тѣмъ, что предшественникъ его Кириллъ при переходѣ своемъ изъ Воронежа въ Черниговъ взялъ съ собой самаго лучшаго изъ тогдашнихъ троихъ учителей семинаріи, учителя риторики и префекта Іероѳея Малицкаго, а другой учитель (синтаксимы) іеромонахъ Смарагдъ Расчисловскій вскорѣ, еще до пріѣзда Іоанникія, померъ, и въ семинаріи остался только одинъ учитель низшаго класса, Тимоѳей Далматовъ: новыхъ учителей Іоанникій вѣроятно не успѣлъ отыскать, потому что и самъ прожилъ въ Воронежѣ всего только 9 мѣсяцевъ (1).

Къ концу Елизаветинскаго царствованія число ученыхъ людей великорусскаго происхожденія успѣло возрасти до того, что они почувствовали себя въ состояніи поддержать дѣло учительства въ мѣстныхъ семинаріяхъ одни, безъ особенной нужды въ помощи малороссовъ. Малороссы тѣмъ не менѣе повсюду продолжали сохранять преобладающее значеніе въ школьномъ мірѣ, занимая въ семинаріяхъ всѣ начальственныя должности и пользуясь кромѣ того сильной поддержкой со стороны своихъ земляковъ — архіереевъ, тоже продолжавшихъ удерживать за собой преобладающее значеніе въ іерархіи. Сквозь ихъ крѣпко сплоченные ряды трудно было пробиться впередъ, на болѣе видное мѣсто, человѣку не ихъ партіи и приходилось волей неволей вѣчно оставаться позади, въ досадномъ, но неизбѣжномъ у нихъ подчиненіи. Тяжесть этого подчиненія въ началѣ XVIII вѣка казалась по крайней мѣрѣ зломъ необходимымъ, потому что наѣз-

(1) Странникъ 1868 г. сент., стр. 107: Объ Іоанникіѣ. Также см. въ житіи св. Тихона воронежскаго при 1 т. его сочиненій.

жіе ученые были пока единственными учителями, которые могли преподавать въ новыхъ латинскихъ школахъ; по той же причинѣ можно было терпѣть пока и непріятное поведеніе этихъ довольно нахально державшихся гостей, смотрѣвшихъ на хозяевъ гордо и заносчиво, какъ на невѣждъ и людей ни къ чему не способныхъ. Но съ теченіемъ времени они все менѣе дѣлались необходимыми: просвѣтительная миссія ихъ оказалась болѣе успѣшною, чѣмъ они сами того ожидали, и очевидно приходила къ концу. Подъ ихъ суровой ферулой успѣло воспитаться уже не одно поколѣніе молодыхъ великорусскихъ ученыхъ, изъ которыхъ многіе ничѣмъ не уступали своимъ учителямъ, если еще не превосходили ихъ своимъ болѣе свѣжимъ и близкимъ къ родной жизни направленіемъ, и которые сами порывались теперь къ самостоятельной дѣятельности. Старая монополія черкасъ на первенство и власть очевидно переставала быть необходимою и удерживать ее въ своихъ рукахъ стало крайне для нихъ невыгодно и опасно, значило только усиливать противъ себя раздраженіе и вести дѣло къ такому же концу, какъ въ послѣднихъ годахъ XVII столѣтія, когда москали позорно прогнали ихъ отъ себя во свояси. Черкасы, разумѣется, этого не понимали и подобно всѣмъ старымъ учителямъ не захотѣли уступать ученикамъ ни своихъ мѣстъ, ни своего авторитета, стали дѣлать къ нимъ разныя придирки съ явнымъ желаніемъ принижать мѣстные таланты, держать ихъ въ черномъ тѣлѣ и не давать имъ слишкомъ бойкаго хода впередъ. Мы уже указывали случаи подобнаго рода изъ жизни Гедеона Криновскаго и Платона Левшина. Въ царствованіе имп. Елизаветы общій ропотъ великорусскаго духовенства противъ черкасъ усилился до того, что дошелъ до ушей самой императрицы и, не смотря на то, что она сама очень благоволила къ малороссамъ, что и духовникъ и фаворитъ ея были оба малороссы, побудилъ ее къ изданію извѣстнаго указа 1754 г., которымъ дозволено было на важ-

ные духовные посты возводить не однихъ кіевлянъ, но и изъ великороссійскихъ людей. Стало быть, доступъ къ этимъ важнымъ постамъ до сихъ поръ былъ до такой степени стѣсненъ для великороссійскихъ людей, что оказался нужнымъ даже особый указъ для его облегченія.

Усиленію малороссовъ едва ли не болѣе всего помогли приведенные нами указы о постриженіи въ монашество, составлявшее всегда необходимую ступень къ высшимъ постамъ. Малороссы какъ мы видѣли, успѣли очень рано освободить свои юго-западныя школы и кіевскую академію отъ всѣхъ почти стѣсненій, какими эти указы окружили постриженіе студентовъ, а при имп. Елизаветѣ по указу 1749 г. добились такой свободы для поступленія ихъ въ монашество, которая уже явно противорѣчила всему законодательству относительно этого предмета съ самаго начала XVIII в. и близко напоминала еще старое до петровское время, тогда какъ великоруссы должны были подчиняться всей строгости новыхъ постановленій о монашествѣ.[1] По указу 1738 г., который дѣйствовалъ въ отношеніи къ великоруссамъ и при Елизаветѣ, въ случаѣ намѣренія семинарскаго или академическаго начальства удостоить кого нибудь изъ великорусскихъ учениковъ постриженія въ монахи, на этотъ предметъ каждый разъ испрашивалось особое высочайшее дозволеніе (1). Добиться этого дозволенія безъ особаго хода тайства начальства было вѣроятно не легко: по крайней мѣрѣ въ знакомой намъ жалобѣ кончившихъ курсъ петербургскихъ семинаристовъ 1747 г. на то, что имъ некуда дѣваться вслѣдствіе строгихъ указовъ о законныхъ лѣтахъ для посвященія, прямо говорится, что постриженія въ монахи для нихъ тогда не было. Даже указъ 1749 г., такъ благопріятный для мало-

(1) Ист. спб акад 69: о постриженіи шести учениковъ въ 1748 г. Здѣсь впрочемъ невѣрно сказано, что они пострижены по указу 1741, а не 1738 г.

россовъ, въ отношеніи къ великоруссамъ былъ кѣмъ-то истолкованъ въ смыслѣ полнаго запрещенія постригать ихъ и толкованіе это имѣло практическую силу до сентября 1761 г., т. е. до самаго почти конца царствованія Елизаветы. Между тѣмъ безъ поступленія въ монашество съ теченіемъ времени все труднѣе и труднѣе становилось занять сколько нибудь видное положеніе, не говоримъ о высшихъ духовныхъ постахъ, даже и на учительской службѣ, потому что и учительскія мѣста стали постоянно связываться тоже съ монашескимъ саномъ.

Кіевскіе учители, усвоивъ себѣ духъ иночества въ древней столицѣ православія, старались и въ великороссіи утвердить господство въ области науки за монашествомъ. Сначала это имъ долго не удавалось, потому что при существованіи въ семинаріяхъ только высшихъ курсовъ преподаваніе поручалось всякаго рода людямъ и большею частію не имѣвшимъ не только монашескаго, но и священнослужительскаго сана. Въ 1733 г., по случаю возбужденія вопроса о постриженіи студентовъ московской академіи, самъ св. синодъ высказался въ своемъ указѣ, что монашество вовсе не необходимо для учительства, и подтверждая правило Дух. Регламента объ обязательности для желающихъ постриженія трехлѣтняго искуса, прямо требовалъ, чтобы учители тоже не были отъ него освобождаемы, и служили эти три года искуса въ свѣтскихъ чинахъ. Но потомъ мысль о монашествѣ учителей стала все болѣе и болѣе усвоиваться и въ 1741 г. тотъ же св. Синодъ, ходатайствуя передъ правительствомъ о сокращеніи этого трехлѣтняго срока для кандидатовъ на учительство въ шестимѣсячный, утверждалъ уже другую мысль, что не только въ академіи, но и въ епархіальныхъ училищахъ „пристойнѣе и весьма полезнѣе быть учителямъ изъ монашествующихъ,“ съ чѣмъ тогда согласилось съ нимъ и правительство (1).

(1) П. С. З. XI, № 8382.

При имп. Елизаветѣ монаховъ учителей встрѣчаемъ почти во всѣхъ семинаріяхъ, и въ нѣкоторыхъ, наприм. въ псковской, число ихъ даже превышало число свѣтскихъ и не только въ высшихъ, но и въ низшихъ классахъ. Нечего и говорить, что значительное большинство такихъ учителей было изъ малороссовъ. Въ московской академіи съ начала 1740-хъ гг., по свидѣтельству ея историка, монашество до того успѣло укорениться, что „было много курсовъ, когда между наставниками не было ни одного свѣтскаго лица. Любопытный случай представляется въ 1744 г.; въ этомъ году всѣ наставники были монашествующіе, кромѣ одного учителя низшаго класса Г. Кондакова, которому, вѣроятно послѣ непринятыхъ имъ убѣжденій вступить въ монашество, послѣдовало на представленіи ректора *такое опредѣленіе св. Синода:* „Г. Кондакова изъ учителей, понеже онъ монашескаго чина понынѣ не пріемлетъ, исключивъ, ни къ какимъ школамъ не опредѣлять.“ Въ 1753 г., избравъ въ учители бѣльцовъ, Лоанасія Нельскаго и Григорія Дранницына, академія писала Синоду въ объясненіе: „сіи учители хотя бѣльцы, однакожъ люди весьма надежные.“ Дранницынъ дѣйствительно оказался надежнымъ, принялъ монашество съ именемъ Геннадія, но о другомъ ректорѣ Варлаамъ въ слѣдующемъ году подалъ такое доношеніе въ Синодъ: „риторикѣ обучалъ А. Нельскій исправно, но понеже онъ монашества пріяти не желаетъ, а затѣмъ, что не всѣ учители монахи, бываетъ въ предикахъ остановка, того ради не повелитъ ли св. Синодъ, откуду пристойно, взять на его мѣсто монаха?“ Св. Синодъ согласился и уволилъ ненадежнаго учителя (1).

Понятно, что, подвергнувшись всей строгости указовъ о монашествѣ, великорусскіе ученые съ трудомъ могли пробиваться на высшіе посты въ училищной,

(1) Ист. московск. акад. 84—85.

а потомъ и на іерархической службѣ. Въ московской академіи первымъ префектомъ (съ 1755 г.), потомъ ректоромъ (съ 1757 г.) изъ великороссовъ видимъ Геннадія Границына уже въ послѣднее пятилѣтіе царствованія Елизаветы. Въ троицкой семинаріи первымъ великорусскимъ ректоромъ былъ Гавріилъ Петровъ уже въ 1758 г.; онъ же былъ вторымъ ректоромъ академіи. Въ другихъ семинаріяхъ такихъ ректоровъ встрѣчаемъ раньше, но большею частію одиночно и по случайнымъ причинамъ: таковы напр.: въ петербургской семинаріи Сильвестръ Старогородскій (съ 1756 г.), сынъ придворнаго священника и крестникъ имп. Елизаветы, въ казанской — Димитрій Сѣченовъ (съ 1740 г.), бывшій въ Казани главою новокрещенской конторы и завѣдывавшій дѣломъ образованія новокрещенныхъ инородцевъ, въ новгородской (съ 1746 г.) Дамаскинъ Аскаронскій, назначенный въ ректоры, кажется, временно, безъ преподавательской должности, въ качествѣ только администратора. На поприщѣ іерархической службы первымъ изъ великороссовъ возвысился Димитрій Сѣченовъ, сдѣлавшійся съ 1757 г. архіепископомъ новгородскимъ, главнымъ членомъ св. Синода и сильнымъ человѣкомъ при дворѣ. Нѣсколько раньше его (въ 1755 г.) въ Синодъ былъ посаженъ другой великоруссъ, придворный проповѣдникъ, архимандритъ Гедеонъ Криновскій, но до назначенія въ Новгородъ Димитрія не имѣлъ особенной силы, состоя въ невысокомъ сравнительно съ другими членами санѣ. Соединившись вмѣстѣ, они потомъ были постоянными покровителями затертыхъ до селѣ великороссовъ, съ 1758 г. внимательно отыскивали между ними людей наиболѣе талантливыхъ, склоняли ихъ къ принятію монашества, и затѣмъ употребляли все свое вліяніе, чтобы дать имъ больше ходу къ высшимъ мѣстамъ. Сдѣлавшись съ 1758 г. архимандритомъ Троицкой лавры, Гедеонъ обратилъ особенное вниманіе на троицкую семинарію, стараясь сдѣлать ее главнымъ средоточіемъ и разсадникомъ мѣстныхъ талан-

товъ. Такъ, замѣтивъ въ Москвѣ воспитанника академіи Гавріила Петрова, который уже нѣсколько разъ упорно отказывался отъ монашества, не пошелъ далее изъ за этого отказа на учительскую службу академіи и занялъ скромную должность типографскаго корректора, Гедеонъ насильно вытянулъ его изъ этой должности въ учители риторики при своей семинаріи, затѣмъ также почти насильно заставилъ постричься и послѣ этого при содѣйствіи Димитрія быстро провелъ по всей лѣствицѣ монашескихъ и училищныхъ чиновъ до архимандритства и ректуры сначала въ троицкой семинаріи, потомъ въ академіи; впослѣдствіи это былъ знаменитый іерархъ Екатерининскаго царствованія, митрополитъ петербургскій. Вслѣдъ за Гавріиломъ онъ точно также обратилъ вниманіе на другую будущую знаменитость — Платона Левшина, который какъ мы упоминали, подвергся въ московской академіи такимъ же непріятностямъ отъ черкасъ, какъ самъ Гедеонъ нѣкогда въ казанской семинаріи, и былъ едва вырученъ изъ бѣды тогдашнимъ ректоромъ академіи, великоруссомъ Геннадіемъ; точно такъ же, какъ и Гавріилъ, Платонъ былъ привлеченъ сначала въ троицкую семинарію, затѣмъ постриженъ въ монахи и послѣ перевода Гавріила въ академію сдѣланъ ректоромъ;—это былъ впослѣдствіи знаменитый Платонъ митрополитъ московскій. Въ тоже время сильные великоруссы замѣтили еще третьяго талантливаго человѣка, который послѣ примкнулъ къ блестящей плеядѣ свѣтилъ Екатерининскаго вѣка, префекта московской академіи Иннокентія Нечаева. Димитрій отъ лица Синода назначалъ было его въ ректоры своей новогородской семинаріи (въ 1761 г.), но Гедеонъ перетянулъ его въ Троицкую лавру, гдѣ и сдѣлалъ своимъ намѣстникомъ. Въ новгородской семинаріи въ управленіе Димитрія приняли монашество и потомъ быстро стали возвышаться два учителя, Симонъ Лаговъ, сдѣланный въ 1759 г. архимандритомъ Антоніева монастыря и ректоромъ семинаріи (при Екатеринѣ епи-

скопъ костромскій, потомъ архіепископъ рязанскій), и Тихонъ Соколовъ, назначенный въ томъ же 1759 г. префектомъ. Вскорѣ онъ былъ переведенъ изъ Новгорода въ ректоры тверской семинаріи, но Димитрій Сѣченовъ, весьма его уважавшій, черезъ два года (въ 1761 г.) снова воротилъ его въ Новгородъ и сдѣлалъ своимъ викаріемъ (при Екатеринѣ онъ получилъ самостоятельную каѳедру въ Воронежѣ). Такъ, благодаря поддержкѣ Сѣченова и Криновскаго, въ послѣднее время успѣла сформироваться цѣлая дружина молодыхъ монаховъ великоруссовъ, которые въ свою очередь усердно поддерживали другъ друга и сами, каждый въ предѣлахъ доставшагося въ его власть вѣдомства, старались всѣми силами поддерживать и привлекать къ монашеству болѣе талантливыхъ учениковъ или молодыхъ учителей, все болѣе и болѣе усиливая свою партію, готовившуюся вытѣснить монополію черкасъ и занять ихъ мѣста самой. Цѣль эта была достигнута великорусской партіей уже въ царствованіе Екатерины II.

Раздраженіе, которое накопилось надъ головою черкасъ, не ограничивалось только служебной сферой; въ школьной жизни оно было одинаково сильно; великоруссъ воспитывался въ немъ еще со школьной скамьи какой нибудь фары или инфимы. Нельзя сказать, чтобы школьная система малоруссовъ была особенно сурова и груба сравнительно съ той, какая испоконъ вѣка господствовала у мѣстныхъ великорусскихъ мастеровъ грамотности; основные пріемы педагогіи были одни и тѣже и у тѣхъ и у другихъ, съ той развѣ разницей, что малороссійскія школы ихъ подробнѣе выработали и развили. Точно также едва ли грубѣе великорусской была и система администраціи, какой держались черкасы, завладѣвъ высокими духовными постами. Но, какъ всегда водится, когда власть дѣлается монополіей одного класса людей, всѣ ошибки, тяжести и другіе недостатки администраціи приписывались обыкновенно не общему ея

строю или духу времени, а именно этому классу монополистовъ власти, причемъ недовольные менѣе всего думали о томъ, не точно ли бы также при томъ же административномъ строѣ стали поступать на мѣстѣ черкасъ и самые коренные великоруссы; въ школьной жизни было тоже самое, — все непріятное, тяжелое, невыносимое, что только здѣсь встрѣчалось, приписывалось тоже черкасамъ, потому что и ректоръ и префектъ и почти всѣ учители были черкасы. Нужно при этомъ взять во вниманіе то, что всѣ эти приставники школы были для учениковъ люди въ собственномъ смыслѣ чужіе, наѣзжіе изъ какой-то чужой земли, какой тогда представлялась Малороссія, съ своеобразными привычками, понятіями и самою наукою, съ своею малопонятною, странною для великорусскаго уха рѣчью, притомъ же не только не хотѣли приноровиться къ просвѣщаемому ими юношеству и призвавшей ихъ странѣ, но даже явно презирали великоруссовъ, какъ дикарей, надъ всѣмъ смѣялись и все порицали, что было непохоже на ихъ малороссійское, а все свое выставляли и навязывали, какъ единственно хорошее. Сдѣлавшись преподавателями въ великорусскихъ школахъ, они не оставили даже своего провинціальнаго нарѣчія, вслѣдствіе чего, по замѣчанію одного изъ изслѣдователей по исторіи нашихъ семинарій, часто „ни учители учениковъ, ни ученики учителей не понимали. Преданность ихъ къ своему нарѣчію доходила до такое степени, что они даже въ классѣ осмѣивали формы великороссійскаго нарѣчія и принуждали учениковъ объясняться такъ, какъ они сами говорили, наприм. запрещали говорить въ Кіевѣ, а—о у Кіеви. Оттого ученики иногда подвергались отъ учителей незаслуженному наказанію палею, т. е. дубовою круглою палкою по правой ладони и стояніемъ голыми колѣнами на песку или на разсыпанномъ горохѣ“ (1). Понятно, какія чувства въ отношеніи къ

(1) Р. Педаг. Вѣстн. 1858 г. т. V. Замѣтки, стр. 22.

нимъ воспитывалъ въ себѣ каждый ученикъ и затѣмъ выносилъ изъ школы на всю свою жизнь, потому что на школьныя впечатлѣнія человѣкъ бываетъ очень злопамятенъ.

Самая наука, которую принесли съ собою учители малороссы, стоила многихъ мученій великорусскому юношеству и долго возбуждала въ немъ непреодолимое отвращеніе, пока кое какъ не привилась на новой непривычной къ ней почвѣ. Противодѣйствіе ей, которое мы видѣли на первыхъ порахъ ея введенія въ дух. школы при Петрѣ, продолжалось, очень медленно ослабѣвая въ своей силѣ, во все описываемое время. Изъ всѣхъ ревнителей новаго образованія, архіереевъ черкасъ, едва ли не одинъ Ѳеодосій Яновскій сдѣлалъ въ свое время попытку примѣнить его къ мѣстнымъ великорусскимъ преданіямъ; другіе ревнители дѣйствовали прямо въ подрывъ этимъ преданіямъ. Семинарскіе курсы повсюду дѣлались точною копіею курса кіевской академіи, который сформировался подъ вліяніемъ своеобразныхъ историческихъ условій югозападной Россіи и образцовъ латинско-католическихъ коллегіумовъ, условій и образцовъ далеко чуждыхъ и непонятныхъ въ Великороссіи, испоконъ вѣка тянувшей не къ западу, не къ Риму, а къ востоку,—къ Греціи. Если что и напоминало въ этомъ курсѣ старину, такъ это только преподаваніе въ низшемъ классѣ словено-россійскаго ученія и церковнаго пѣнія, но и этотъ низшій классъ съ теченіемъ времени совсѣмъ выдѣлился изъ состава семинарскаго курса, сдѣлался классомъ только приготовительнымъ къ нему, а въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ и вовсе былъ упраздненъ, какъ такой, предметы котораго относятся не къ школьному, а къ частному и домашнему обученію. Затѣмъ слѣдовали все новые, чисто уже черкасскіе латинскіе классы или, какъ ихъ называли тогда, школы, не извѣстныя въ Великороссіи до самаго нашествія новыхъ учителей: фара или

аналогія, инфима, грамматика, ситаксима, пінтика, риторика, философія и богословія.

Прямо послѣ славяно-россійскаго класса ученики должны были вплотную присаживаться за изученіе латинскаго языка, считавшагося фундаментомъ всѣхъ знаній. Въ фарѣ или аналогіи учили только читать и писать полатыни по элементарю, отъ чего и сами фаристы или анологисты назывались еще элементарниками. Несмотря на всю нехитрость элеменгаря, дикія и совершенно невоздѣланныя головы тогдашнихъ ребятъ часто по нѣскольку лѣтъ не могли осилить его премудрости, причемъ, разумѣется, не безъ вины былъ и самый методъ тогдашняго преподаванія. Между аналогистами встрѣчаемъ ребятъ лѣтъ 26; въ русской школѣ были ученики еще старше, но при этомъ нужно взять во вниманіе то, что здѣсь нерѣдко учились уже давно бывшіе на мѣстахъ церковники, уличенные архіереями въ безграмотности (1).

За аналогіей слѣдовала другая еще болѣе трудная школа,—инфима, гдѣ начиналось грамматическое ученіе, продолжавшееся затѣмъ въ школахъ грамматики и синтаксимы. Здѣсь ученики должны были въ первый разъ погрузиться въ мудрость великаго Альвара, какъ называлась толстая латинская грамматика Эммануила Альвара, напечатанная для польскихъ школъ, потомъ перешедшая изъ нихъ въ русскія, чрезвычайно трудная для пониманія не только начинающихъ учиться латинскому языку, но даже и для достаточно съ нимъ знакомыхъ. Не смотря на то, что ученики съ огромнымъ трудомъ осиливали этотъ темный учебникъ, онъ пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ въ семинаріяхъ и восхвалялся до небесъ. На первомъ листѣ книги грамматика эта изображалась въ видѣ плодовитаго дерева съ тремя отдѣлами сучьевъ и пояснительными надписями сбоку: infima clas-

(1) Опис. Смоленск. епарх. 184.

sis, media classis, suprema classis. Въ предисловіяхъ, сочинявшихся преподавателями, это древо Альварово сравнивалось съ древомъ въ видѣніи пророка Даніила, досягающимъ до неба и укрывающимъ своими вѣтвями и звѣрей земныхъ и птицъ небесныхъ. „Высоко это древо и досягаетъ до неба, ибо Творецъ неба, самъ сый премудрость, любитъ ищущихъ полезной мудрости. Весь міръ осѣняетъ это древо, ибо всюду имѣетъ мѣсто мудрость. Чудесенъ плодъ его, ибо питаетъ души смертныхъ въ учителяхъ и проповѣдникахъ церкви. Витаютъ звѣри подъ этимъ древомъ, ибо мудрость заграждаетъ уста невѣрныхъ и еретиковъ. На вѣтвяхъ этого древа укрываются птицы небесныя, т. е. ангелы, любители мудрости. Пріиди и виждь это древо, восходи по нему умомъ и духомъ, вкушай плоды его, пребудь подъ его тѣнью и, усладившись, воскликнешь съ поэтомъ: exigit ad coelum radiis felicibus arbor.... Высоко это древо, но вотъ три класса, какъ бы лѣствица о трехъ ступеняхъ, низшій, средній и высшій: восходи по нимъ и рви плоды грамматики“ (1). Не смотря на подобныя краснорѣчивыя восхваленія великаго Альвара, семинаристы далеко несклонны были восторгаться его тремя томами—квадрантами и самихъ учителей малороссовъ ругательно прозвали альварями (2).

Въ низшемъ классѣ (infima) преподавались первоначальныя этимологическія правила Альваровой грамматики, причемъ ученики пріучались къ грамматическому разбору и начинали писать небольшія переводныя экзерциціи. Въ слѣдующемъ классѣ, называвшемся грамматикою, проходились почти всѣ грамматическія правила, не исключая и главныхъ синтаксическихъ, имѣющихъ болѣе частое приложеніе въ практикѣ переводовъ; занятія переводными экзерци-

(1) Яросл. епарх. вѣдом. 1863 г. №27, стр. 264.

(2) Черниговск. Вѣстн. 1858 г. т. V. Замѣтки, стр. 23.

ціями и оккупаціями усиливались и ученики серьезно вооружались Кнапіушемъ, какъ назывался латинскій лексиконъ Кнапія (Cnapius), изданный первоначально для польскихъ школъ и на польскомъ языкѣ. Здѣсь же начинались упражненія въ латинскихъ разговорахъ подъ руководствомъ разговоровъ Лангіевыхъ и Діалоговъ Себастіана Кастеллія и въ первый разъ пускали въ ходъ извѣстный намъ calculus. Въ высшемъ грамматическомъ классѣ, синтаксимѣ, совсѣмъ заканчивали грамматику съ синтаксисомъ, чтобы, какъ сказано въ одной инструкціи кіевской академіи, „уже ничего въ Альварѣ не разумѣемаго не оставалось и даже рѣдкаго употребленія регулъ.“ Большая часть времени посвящалась переводамъ съ латинскаго на русскій и съ русскаго на латинскій языкъ. Переводы эти писались или въ классѣ (экзерциціи), или давались на домъ (оккупаціи). Упражненія въ латинскомъ разговорѣ считались обязательными и въ классѣ и дома. Вслѣдствіе огромнаго значенія латинскаго языка въ тогдашней семинарской наукѣ учители грамматики и синтаксимы имѣли у себя въ день до 5 учебныхъ часовъ каждый, въ теченіи которыхъ они то экспликовали Альваровы регулы, то упражняли учениковъ въ переводахъ, то занимались караніемъ лѣнивыхъ и малоспособныхъ, получавшихъ отъ своихъ нотаторовъ и авдиторовъ неудовлетворительныя отмѣтки: ns (nihil scit), nt (non totum), nr (non recitavit), err (erranter). Для поощренія прилежныхъ и способныхъ употреблялось повышеніе ихъ по спискамъ или по мѣстамъ сидѣнія въ классѣ. По примѣру кіевской академіи въ семинаріяхъ принято было писать спорныя оккупаціи и экзерциціи изъ соревнованія съ выше сидѣвшимъ товарищемъ; такое упражненіе подавалось учителю съ надписью: certo cum NN de erratis, или de calligraphia, de dilegentia или прямо de loco. Бѣдные ученики могли писать на богатыхъ, но лѣнивыхъ товарищей на болѣе практическій призъ, надписывая на своихъ упражненіяхъ: cer-

to de pane, или de candella, de calceis и т. п. Но едва ли не болѣе всякихъ поощрительныхъ мѣръ для вперенія въ учениковъ всѣхъ таинствъ великаго Альвара употреблялись мѣры карательныя. Кромѣ помѣтъ въ нотатахъ и постояннаго спрашиванія уроковъ учителями, для контроля надъ успѣхами учениковъ имъ каждый годъ производились экзамены, ученикамъ нисшихъ классовъ, въ большей части школъ по синтаксиму включительно, три раза въ годъ, передъ каникулами рождественскими, пасхальными и лѣтними, а въ высшихъ классахъ дважды, по полугодіямъ.

Время ученія въ грамматическихъ классахъ было такъ же неопредѣленно, какъ и въ фарѣ, хотя оффиціально на курсъ каждаго класса и назначалось по году. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, какъ наприм. въ воронежской, инфимисты, грамматисты и синтаксисты, кажется, даже и учились вмѣстѣ, не отдѣляясь одни отъ другихъ. Неудовлетворительность тогдашнихъ методовъ преподаванія и непобѣдимыя для юношества трудности Альвара были причиною крайней медленности въ успѣхахъ учениковъ. Въ годичныхъ каталогахъ, гдѣ отмѣчались ихъ успѣхи и удостоеніе промоціи или перевода въ слѣдующую школу, встрѣчаемъ отмѣтки: non negligens, sed ipsissima negligentia est, или по русски: „великъ, но пустъ, тѣломъ силенъ, но умомъ немощенъ, — мало чего изучилъ“, на испытаніи отвѣчалъ злѣ и задачу написалъ злѣ, произведенія недостоинъ (1). Такихъ недостойныхъ произведенія въ нисшихъ классахъ оказывалось на половину; многіе малые учились лѣтъ по 6—8 въ одномъ классѣ и достигали до весьма почтеннаго возраста, лѣтъ 27—28, пока наконецъ не выбывали куда нибудь на мѣсто или по своей собственной просьбѣ, или будучи исключаемы за великовозрастіе.

(1) Прав. Собес. 1858 г. т. II, стр. 569 въ стат. о Лукѣ Конашевичѣ.

По одной вѣдомости смоленской семинаріи отъ 1741 года нѣкоторые инфимисты значутся поступившими въ семинарію еще въ 1729 году. Въ 1760 г. одинъ синтаксистъ московской академіи оказался сидѣвшимъ въ синтаксимѣ цѣлыхъ 10 лѣтъ; св. Синодъ, узнавъ объ этомъ, сдѣлалъ ректору выговоръ за излишнее снисхожденіе къ такому юношѣ (1).

Синтаксимой заканчивался рядъ низшихъ школъ. Обучившись латини, ученики переводимы были въ высшія школы, начинавшіяся съ піитики, и послѣ изученія разнообразныхъ регулъ и формъ языка принимались за изученіе регулъ и формъ піитической и риторской рѣчи. Но прежде, чѣмъ достигнуть до этой новой мудрости, составъ учениковъ, учившихся въ низшихъ школахъ, сокращался обыкновенно болѣе, чѣмъ на половину (2). Какъ ни старалось дух. начальство доводить семинаристовъ непремѣнно до конца курса, обстоятельства постоянно заставляли его допускать преждевременное увольненіе учениковъ изъ заведеній и притомъ въ огромныхъ размѣрахъ. На малочисленность учениковъ въ высшихъ классахъ жаловались даже академіи (3), въ которыхъ эти классы существовали уже давно и утвердились на болѣе крѣпкихъ основаніяхъ, чѣмъ по семинаріямъ.

Піитика, какъ ars oratione metrica rem quamlibet per imitationem effingens ad delectationem avdientium, или проще, какъ ars pangendi versus (искусство плести вирши), ставилась весьма высоко кіевлянами, имѣвшими, какъ извѣстно, общую слабость къ виршамъ, и удостоилась въ школахъ особаго класса, наравнѣ съ реторикой, философіей и богословіемъ.

---

(1) Вятск епарх. вѣд. 1868 г. № 14, стр. 242. Ист. моск. акад. 182. Опис. смоленск. епарх. 181.

(2) По вѣдомости смоленской семинаріи 1741 г. въ аналогіи учениковъ было 75, а въ піитикѣ всего 16. Въ московской академіи въ 1738 г. въ фарѣ училось 168 человѣкъ, а въ піитикѣ 31.

(3) Ист. моск. акад. 180.

Но понятіе объ ней было весьма узкое, именно только, какъ о наукѣ сплетать вирши. Чисто формальная наука духовныхъ школъ, можно сказать, нигдѣ не проявляла своей односторонности въ такой рѣзкой и уродливой степени, какъ въ системахъ піитики, которыхъ доселѣ еще довольно можно отыскать въ бумажномъ семинарскомъ хламѣ. Семинарскіе учебники, даже печатные, у насъ доселѣ еще не подвергались спеціальному библіографическому и критико-педагогическому разбору. Существуетъ только нѣсколько краткихъ характеристикъ произведеній этого рода въ исторіяхъ нашихъ семинарій, какъ-то троицкой, вятской, смоленской, которыми и приходится пока довольствоваться въ общихъ изслѣдованіяхъ о характерѣ нашего стараго семинарскаго образованія.

Учебники поэзіи всѣ составляютъ болѣе или менѣе близкія копіи піитикъ кіевской академіи. Хотя семинарская піитика и задавалась цѣлію учить сложенію стиховъ какъ латинскихъ, такъ и славянскихъ, въ южныхъ школахъ кромѣ того еще польскихъ, но на самомъ дѣлѣ преимущественно занималась стихосложеніемъ латинскимъ. Піитическое обученіе такъ и начиналось съ латинской просодіи и версификаціи; о славянскомъ стихосложеніи говорилось очень немного и притомъ только о стихосложеніи по силлабическому размѣру, дальше котораго семинарскіе піиты не простирались даже и послѣ того, какъ Тредьяковскій указалъ на непримѣнимость этого размѣра къ русскому языку, а Ломоносовъ написалъ свою знаменитую оду на взятіе Хотина новымъ тоническимъ размѣромъ и сдѣлался отцемъ новой русской поэзіи. Послѣ изложенія правилъ стихосложенія піитики обращали особенное вниманіе на украшенія піитическаго стиля, на разные тропы и фигуры, на амплификаціи, состоящія въ замѣнѣ одного простаго слова цѣлымъ рядомъ звучныхъ и красивыхъ словъ подобозначущихъ или какимъ нибудь фигуральнымъ оборотомъ, затѣмъ на источники и пособія поэтическаго вымысла (fictio),

главнымъ образомъ миѳологію, исторію и басню, и наконецъ на разные виды и подвиды стиховъ и стихотворныхъ произведеній. Въ этомъ подробномъ, до крайности мелочномъ и формальномъ изложеніи разныхъ рецептовъ, какъ писать стихи, учебники не пренебрегали ничѣмъ; когда наприм. у піиты не хватало или риемы или набора красивыхъ синонимическихъ словъ для амплификаціи, то совѣтовалось ему обратиться затѣмъ и другимъ къ лексикону Кнапія. Въ тѣхъ же интересахъ изученія формъ поэзіи учители піитики долго останавливались на правилахъ стихотворнаго размѣра и перечитывали роды стопосложенія примѣнительно къ тому или другому роду піитическихъ произведеній, указывая, гдѣ идетъ спондей, гдѣ анапестъ, гдѣ диррахій и т. д., и представляя образцы самыхъ затѣйливыхъ поэтическихъ прихотей въ этомъ родѣ, о которыхъ и не снилось нынѣшнимъ поэтамъ; тутъ были и стихи ретроградные, которые можно читать и спереди назадъ и сзади напередъ, и четырнадцатисложные стихи львиные съ двумя риемами въ серединѣ каждаго, кромѣ третьей главной на концѣ, и стихи змѣиные, и стихи перекрестные, и стихи звѣздой и многіе др. Образцы приводились частію изъ стихотворныхъ прегрѣшеній Яворскаго, Прокоповича, Іоанна Максимовича и Димитрія Ростовскаго, большею же частію изъ латинскихъ поэтовъ. Изъ классической исторіи и миѳологіи заимствовались также и такъ называемыя subsidia poëseos. Въ отдѣлѣ піитикъ объ этихъ субсидіяхъ, по словамъ историка вятской семинаріи, излагались „свѣдѣнія о всѣхъ богахъ и богиняхъ Олимпа, богахъ и богиняхъ рощъ, лѣсовъ, нимфахъ, наядахъ, сильфидахъ, герояхъ, героиняхъ и нѣкоторыхъ лицахъ историческихъ. Тутъ встрѣтите Сарданапала на ряду съ Ёвриѳеемъ, Александра македонскаго рядомъ съ Ахиллесомъ, Аннибала съ Тезеемъ; за Прометеемъ слѣдуетъ Крезъ, послѣ Иракла и Іуды искаріотскаго видите имя какой нибудь музы либо гарпіи и проч. и проч.“. Изъ

многочисленныхъ тогдашнихъ видовъ поэзіи, которыхъ учебники касаются большею частію лишь въ сухомъ перечнѣ и схоластическихъ дефиниціяхъ, всего подробнѣе изучались тѣ, которые имѣли въ тогдашнее время особенное практическое примѣненіе въ семинарской жизни, какъ-то: трагедія, комедія и интермедія, образцы которыхъ, или заимствованные у прежнихъ кіевскихъ піитовъ, или изрѣдка вновь являвшіеся въ свѣтъ изъ-подъ пера уже новыхъ семинарскихъ драматурговъ, „целебровалися публичне“ едвали не во всѣхъ семинаріяхъ, гдѣ были учители и начальники кіевляне, затѣмъ эпиграммы, оды, акростихи и т. п. виды стихотвореній, весьма нужные тогда для поздравленія съ праздниками и восхваленія епархіальныхъ архіереевъ и др. школьныхъ патроновъ, а также и для приносившихъ доходъ бѣднымъ семинаристамъ спѣваній и гратуляцій по частнымъ домамъ семинарскаго города. Въ столичныхъ семинаріяхъ гратуляціонная поэзія имѣла случаи проявляться съ особеннымъ блескомъ во время посѣщенія семинарій высочайшими особами (1).

Надобно впрочемъ замѣтить, что кіевская піитика въ Великороссіи имѣла далеко не такіе успѣхи, какъ на своей родинѣ. Великорусскіе воспитанники не увлекались ей, какъ малороссійскіе, по крайней мѣрѣ не считали ее особенно необходимой въ семинарскомъ образованіи. Подъ конецъ описываемаго времени въ троицкой семинаріи встрѣчаемъ касательно ея преподаванія замѣчательное распоряженіе Гедеона Криновскаго. Въ первый же годъ своего архимандритства въ Троицкой лаврѣ (1758) этотъ извѣстный уже намъ представитель партіи великорусскихъ ученыхъ распорядился совсѣмъ уничтожить классъ піитики, поручивъ ея преподаваніе учителю риторики и назна-

(1) См. Ист. вятск. семин. въ Вятск. еп. вѣд. 1868 г. № 14; Ист. троицк. семин. 45—50. 90 и др.

чивъ для того всего только одинъ день въ недѣлѣ: „понеже, сказано въ опредѣленіи, піитика не столь нужна церкви, и для того особливо ее учить и время тѣмъ продолжать не разсуждается за благо, да и въ другихъ знатныхъ училищахъ особливаго учителя ей не имѣется". Такого же мнѣнія о піитикѣ держался потомъ и Платонъ Левшинъ, самъ преподававшій ее троицкимъ семинаристамъ во дни своей молодости (1).

Риторика, какъ мы видѣли, въ большей части семинарій до послѣдняго времени оставалась высшей наукой, которой завершалось все тогдашнее семинарское образованіе. Поэтому на нее смотрѣли весьма высоко, особенно гдѣ вовсе еще не было философскаго и богословскаго классовъ; риторамъ предоставлялись лучшія мѣста на духовной службѣ, и сами они смотрѣли на себя, какъ на превзошедшихъ всякую мудрость. Въ сущности риторское обученіе было продолженіемъ той же ludus litteralis, игры въ словесныя формы, какъ и обученіе піитическое.

Сохранилось нѣсколько рукописныхъ учебниковъ риторики, составленныхъ академическими и семинарскими учителями. Всѣ они на латинскомъ языкѣ, имѣютъ значительный объемъ и носятъ весьма пышныя заглавія, выражающія сознаніе ихъ важности и драгоцѣнности: Thesavrus praeciosissimo rerum et verborum pondere abundans, ad thesavrisandos oratorum animos comparatus; Arena Tullianae eloquentiae; Regia Tullianae eloquentiae (2) и т. п. Но всѣ эти сокровищницы, чертоги, арены представляютъ собою не болѣе, какъ наборъ однихъ чисто механическихъ рецептовъ, какъ писать періоды, хріи, письма и цѣлыя ораторскія рѣчи на всевозможные случаи жизни и преимущественно для проповѣднической практики. Какъ и въ піитикахъ, въ нихъ цѣлые отдѣлы посвя-

(1) Ист. троицк. семин. 50. 317—318.

(2) См. Ист. указанныхъ семинарій и Ист. моск. акад. 170—172.

щены правиламъ амплификаціи, украшенія рѣчи тропами и фигурами и такъ называемаго изобрѣтенія мыслей. Обязательные авторы записокъ представляютъ своимъ ученикамъ для заучиванія цѣлые словари разныхъ словъ и выраженій, относящихся къ амплификаціи и украшенію рѣчи, nomina laudis et vituperii (похвалы и порицанія), правила, какъ восхвалить область, городъ, зданіе, поле, рѣку, гору, садъ и т. п., общіе шаблоны, съ какихъ сторонъ разсматривать тотъ или другой предметъ, большіе запасы самыхъ матеріаловъ для разныхъ рѣчей на болѣе ходячія темы, — supellex eruditionum (собраніе примѣровъ изъ исторіи), supellex sententiarum (разныхъ изреченій ученыхъ мужей), supellex symbolorum (символическихъ изображеній, надписей, гербовъ, девизовъ и т. д.), наконецъ образцы для указанія практическаго примѣненія общихъ правилъ (praxis), взятые или изъ латинскихъ авторовъ, или рѣже изъ отечественной литтературы на русскомъ языкѣ. Послѣ длиннаго отдѣла объ изобрѣтеніи мыслей слѣдуетъ такой же длинный и мелочной отдѣлъ о расположеніи мыслей и о частяхъ ораторскаго сочиненія. Все это предлагалось не въ видѣ серьезнаго научнаго анализа человѣческой рѣчи, а именно какъ сборъ регулъ, имѣющихъ практическое значеніе научить человѣка писать и выработать изъ него оратора. Поставленная такимъ образомъ, риторика представляла изъ себя цѣлый арсеналъ разныхъ готовыхъ механическихъ пріемовъ, высокопарныхъ фразъ, сравненій, подобій, сентенцій и примѣровъ изъ исторіи, съ помощію которыхъ риторъ могъ бы безъ дальняго затрудненія составить рѣчь на какую угодно заданную тему и насколько угодно высокопарнымъ языкомъ.

Лучшимъ украшеніемъ ораторскаго, какъ и піитическаго языка, подъ вліяніемъ тогдашняго псевдоклассицизма считались миѳологическіе термины, безъ которыхъ не обходилось ни одно сочиненіе и которыми обильно изпещрены самые образцы, приводимые

въ учебникахъ. Въ рѣчи напр. на новый годъ, говорится въ исторіи вятской семинаріи, „встрѣчаете повѣсть о Фаетонтѣ, о Палладиномъ дождѣ, объ Еритрейскихъ маргаритахъ, Додонскихъ дубахъ, Марсовыхъ кипрессахъ и т. д. Вы читаете рѣчь на празднество Крещенія Господня, и тутъ идутъ разсказы объ аквилонахъ, фавоніяхъ, Клеопатрѣ и Антоніи. Вамъ попадается какая-то рѣчь о греческомъ царѣ Периклѣ, о несчастномъ Велизаріѣ, о Діогенѣ и Александрѣ, о тиранѣ сиракузскомъ Діонисіѣ, о Дамонѣ и Питіасѣ; вы недоумѣваете, къ чему тутъ перебираются всѣ упомянутыя личности и, обращаясь къ заглавію, узнаете, что все это не что иное, какъ утѣшительная рѣчь юной вдовѣ, лишь только лишившейся супруга, похищеннаго злою фортуною". Можно судить, насколько полезна была развиваемая въ семинаріяхъ привычка къ подобнаго рода болтовнѣ для того служенія, къ которому спеціально приготовлялись семинарскіе риторы. Интересно было бы знать, какъ отнеслись къ кіевскимъ риторскимъ замашкамъ обладавшіе болѣе практическимъ смысломъ великорусскіе учители риторики въ троицкой семинаріи, но къ сожалѣнію лекціи ихъ не дошли до нашего времени. Судя по образчикамъ ученическихъ сочиненій этой семинаріи, изданныхъ въ ея исторіи, ложноклассическій хламъ имѣлъ здѣсь менѣе значенія въ риторской практикѣ, чѣмъ въ заведеніяхъ, гдѣ учителями были кіевляне.

Кромѣ обученія формамъ рѣчи, составлявшаго спеціальность риторическаго класса, въ этомъ классѣ начиналось обыкновенно первоначальное развитіе у учениковъ формальнаго мышленія и они подготовлялись такимъ образомъ къ курсу слѣдующаго философскаго класса. Риторика, близко граница съ одной стороны съ грамматикой, а съ другой — съ логикой, обыкновенно наполовину наполнялась правилами, относящимися либо къ той, либо къ другой изъ этихъ наукъ. Изъ логики риторы болѣе всего знакомились

съ силлогистикой, которой никакъ нельзя было имъ избѣжать, какъ только они начинали составлять свои простыя и превращенныя хріи, а тѣмъ болѣе когда изучали расположеніе частей ораторской рѣчи и формы доказательствъ. Въ кіевской академіи риторическому учителю нарочно предписывалось въ инструкціяхъ: „понеже nemo est rhetor nisi philosophus, dialecticam вкратцѣ предлагать“ (1). Въ семинаріяхъ, гдѣ философскій классъ не былъ еще открытъ или открывался поздно, такое краткое преподаваніе діалектики было, разумѣется, еще необходимѣе и дѣйствительно заведено было въ нѣсколькихъ семинаріяхъ. Такъ, при архіереѣ Дмитріѣ Сѣченовѣ оно заведено было въ нижегородской семинаріи, еще задолго до открытія особаго философскаго класса (2). Въ началѣ 1750-хъ годовъ въ вологодской семинаріи, точно также еще до открытія философскаго класса, преподавалась цѣлая философія; особый философскій классъ видимъ здѣсь уже въ 1778 году (3). Въ воронежской семинаріи нѣсколько времени (съ 1751 г.) читалъ философію ученикъ кіевской академіи Проклъ Бухартовскій и оставилъ даже послѣ себя записки (4). Въ вятской семинаріи въ риторикѣ читалась краткая діалектика, а о переяславской семинаріи извѣстно, что въ риторическомъ ея классѣ преподавались не только начатки философіи, но и самонужнѣйшіе трактаты изъ богословія (5). По всей вѣроятности съ богословіемъ знакомили риторовъ и въ другихъ семинаріяхъ, гдѣ не было высшихъ классовъ.

---

(1) Ист. кіевск. акад. 128.

(2) Ист. нижегор. іер. 121. 143.

(3) Волог. епарх. вѣдом. 1865 г. № 9 и 14, стр. 574.

(4) Ист. кіевск. акад. 185.

(5) Вятск. епарх. вѣд. 1868 г. № 14, стр. 248. Владим. епарх. вѣд. 1866 г. № 23.

Съ риторики всего болѣе обращалось вниманія на письменныя упражненія семинаристовъ. Духовное начальство предписывало „къ большему успѣху наичаще содержать учениковъ въ экзерциціяхъ“ (1). Экзерциціи эти развивали у риторовъ мыслительность и своего рода ловкость и находчивость до такой степени, что за недостаткомъ философовъ и богослововъ они могли иногда замѣнять этихъ ученыхъ мужей и въ преподаваніи и на проповѣдническомъ поприщѣ. Нѣкоторые архіереи заставляли ритористовъ говорить ихъ ученическія проповѣди даже въ церкви. Вотъ наприм. что писалъ первый учитель риторики вятской семинаріи Финитекій архіерею Варлааму въ 1745 г.: „въ школахъ, мною основанныхъ, нѣкоторые изъ студентовъ въ толикую моими трудами произошли науку, что во всю покойнаго преосвященнаго Веніамина бытность поученія въ церквахъ сказывали, такожъ уже и въ бытность вашего преосв—ва, каковаго суть оные ученія, въ самоперсональномъ проповѣданія ихъ слушаніи ваше преосвященство опробовать ихъ изволили“ (2). Въ виду такой важности риторическаго обученія на него назначалось два года. Въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ весь курсъ оканчивался риторикой, ученики оставались въ риторическомъ классѣ года по 4 и больше до пріисканія мѣста, точно такъ же, какъ въ полныхъ семинаріяхъ они оставались по окончаніи курса въ богословскомъ классѣ (3). Въ новгородской семинаріи въ 1742 году риторы были оставлены въ томъ же классѣ на 4 года въ ожиданіи замедлившагося тогда открытія философскаго класса (4). Не говоримъ объ обыкновенныхъ случаяхъ

(1) Ист. моск. акад. 115.

(2) Вятск. епарх. вѣд. 1868 г. № 15.

(3) Тамъ же № 12, стр. 199.

(4) См. житіе св. Тихона при I т. его сочиненій. Въ 1746 г. философы оставлены въ риторикѣ за неимѣніемъ учителя философіи въ смоленской семинаріи. Смол. епарх. вѣд. 1878 г. № 2, стр. 59.

оставленія учениковъ безъ перевода за безуспѣшность. Въ псковской семинаріи въ 1752 г. встрѣчаемъ такой случай: начальство узнало, что ученики, переведенные уже въ философію, почему-то плохо знали риторику, и распорядилось снова преподать имъ эту важную науку въ философскомъ классѣ (1).

Въ философію переводилось еще менѣе учениковъ, чѣмъ въ піитику и риторику. Поэтому прошедшіе оба высшихъ класса считались очень рѣдкими учеными до конца описываемаго времени, тѣмъ болѣе, что самыхъ семинарій съ обоими этими классами было всего только 8 (кромѣ академій), да и въ этихъ 8 семинаріяхъ полные курсы явились большею частію уже въ царствованіе имп. Елизаветы. Раньше всѣхъ завелъ у себя высшіе классы харьковскій коллегіумъ, — философію въ 1727, богословію въ 1731 гг. Затѣмъ довольно рано явились они въ семинаріи смоленской (2). Въ Казани и Псковѣ при имп. Аннѣ былъ только философскій классъ (съ 1739 г.); богословіе введено въ Псковѣ съ 1746 г., а въ Казани съ 1751. Не ранѣе этого послѣдняго года полный курсъ сформировался въ семинаріи петербургской, — первый философскій курсъ кончился здѣсь еще въ 1743 г. (3). Въ новгородской семинаріи философія стала читаться съ 1746 г.; богословскій классъ открыли было съ 1748 г., но въ томъ же году начавшій въ немъ преподаваніе учитель Іосифъ Ямницкій померъ, ученики снова были переведены назадъ въ философію и приступили къ изученію богословія уже черезъ два го-

---

(1) Ист. псковск. семин. 29.

(2) Въ опис. смоленской епархіи сказано, что оба класса открыты съ 1728 г., но тамъ же говорится, что въ семинарской вѣдомости 1741 г. значится еще одинъ философскій классъ. Стр. 181. 184. Первый учитель богословія упом. въ 1746 г. Смол. епарх. вѣдомост. 1878 г. № 2: Матеріалы для ист. смол. семинаріи стр. 59.

(3) Сильвестръ Кулябка въ Странн. 1875 г. т. I, стр. 80—84.

да (1). Въ 1749 г. философія введена въ троицкую семинарію, богословскій классъ открылся черезъ два года въ 1751 г. Около того же времени философія стала читаться въ семинаріи тверской, а въ 1759 г. новый ректоръ ея архимандритъ Тихонъ, знаменитый послѣ святитель воронежскій, приступилъ къ преподаванію ея ученикамъ богословія (2). Кромѣ этихъ 8 полныхъ семинарій были еще 3 семинаріи съ однимъ философскимъ классомъ: тобольская съ 1755 г., рязанская съ 1757 г., нижегородская со времени архіерея Ѳеофана Чарнуцкаго (3). Мы упоминали, что философскіе классы стали было заводиться также въ семинаріяхъ воронежской и вологодской, но за недостаткомъ средствъ и учителей не продержались до конца.

Обѣ высшія науки читались въ семинаріяхъ на латинскомъ языкѣ по рукописнымъ запискамъ, составленнымъ подъ руководствомъ академическихъ лекцій. Записки эти остаются неизвѣстными въ нашей литературѣ до настоящаго времени и о содержаніи ихъ можно судить только по извлеченнымъ изъ нихъ конспектамъ и краткимъ ихъ характеристикамъ въ исторіяхъ семинарій (4). Философія проходилась въ два года и раздѣлялась обыкновенно на пять частей: діалектику или логику, физику, психологію или, какъ ее иногда называли, анимостику, метафизику и ѳтику. Изъ нихъ двѣ первыя обращали на себя особенное вниманіе преподавателей; логика была важна въ видахъ господствовавшаго схоластическаго образованія, физика была единственною наукою, которая, при всей своей отсталости и наивности въ понятіяхъ о природѣ и объясненіяхъ физическихъ явленій, дава-

(1) См. житіе св. Тихона.

(2) Тамъ же и Біогр. тверск. іерарх. стр. 116.

(3) См. выше стр. 181. Ист. Нижегор. іерархіи стр. 132 и 143.

(4) См Опис. смол. епарх 182 — 183 и Ист. троицк. сем. 36 и далѣе.

ла семинаристу хотя кое-какія реальныя знанія. Въ основѣ всей философіи лежали начала Аристотеля, а господствующимъ методомъ былъ методъ схоластическій. Въ 1750-хъ гг. господство Аристотеля стало сильно колебаться на философскихъ каѳедрахъ обѣихъ академій; въ среду академическихъ схоластиковъ незамѣтно начали проникать идеи новой философіи Бэкона, Декарта и особенно Лейбница и Вольфа. Было ли что нибудь подобное въ семинаріяхъ, за недостаткомъ фактовъ сказать не можемъ.

Въ богословскомъ классѣ ученики оставались неопредѣленное время до пріисканія мѣста. Напр. изъ вѣдомости троицкой семинаріи 1758 г. видно, что одни изъ учениковъ учились богословію 2 года и менѣе, другіе 3, 4 и 5 лѣтъ. Самый курсъ науки разсчитанъ былъ въ однихъ семинаріяхъ на два, въ другихъ на 4 года. Получившіе мѣсто ранѣе этихъ сроковъ большею частію оставляемы были при семинаріи доучиваться. Богословіе преподавалось по тому же схоластическому методу. Образцомъ богословствованія былъ латинскій богословъ Ѳома Аквинатъ, система котораго была долгое время главнымъ руководствомъ и для академическихъ лекцій. Семинарскія записки по богословію держались впрочемъ не столько системы самого Аквината, сколько лекцій его академическихъ послѣдователей, особенно лекцій кіевскаго богослова Іоасафа Кроковскаго и московскаго Ѳеофилакта (характеристику ихъ можно читать въ исторіяхъ кіевской и московской академій), которыя онѣ только перифразировали и сокращали. По характеру своему онѣ представляли собою обыкновенные схоластическіе трактаты со всѣми обычными недостатками стараго схоластическаго богословствованія. Такъ наприм., разбирая записки по богословію смоленской семинаріи 1747 и 1755 гг., авторъ Описанія смоленской епархіи говоритъ, что онѣ „состояли изъ разныхъ болѣе или менѣе утонченныхъ дефиницій, квестіоновъ, диспутацій, изложенныхъ безъ систематиче-

скаго порядка; чрезвычайная дробность дѣленій и подраздѣленій, изысканность и сухость силлогистическихъ формъ, въ которыхъ посылки большею частію извнѣ пригнаны къ готовымъ заключеніямъ, незначительность, иногда мелочность вопросовъ, пустая терминологія и отсутствіе истиннаго духа ученія христіанскаго только порождали любопреніе и ошибочную самоувѣренность въ пріобрѣтеніи мудрости." Еще въ началѣ XVIII столѣтія въ Кіевѣ явилась новая система богословія, система Ѳеофана Прокоповича, изложенная по образцу новыхъ протестантскихъ теологій Германіи и нанесшая сильный ударъ старому схоластическому методу богословствованія, но она долго не принималась въ руководство ни въ семинаріяхъ, ни въ академіяхъ. Первыя попытки освободиться отъ схоластики и приблизиться къ направленію Прокоповича въ академіяхъ встрѣчаемъ уже въ 1740-хъ гг. Послѣ этого система Прокоповича начала понемногу проникать и въ семинаріи, начиная съ троицкой. Первый троицкій учитель богословія Аѳанасій Вольховскій оставилъ записки, составляющія почти копію съ лекцій Ѳеофана, но съ разными отступленіями отъ его метода въ пользу отживавшей свой вѣкъ схоластики. *Разборъ этихъ записокъ, представляющихъ* собою „разительный примѣръ борьбы между привязанностію къ схоластикѣ и стремленіемъ къ свободному преподаванію науки," можно видѣть въ Исторіи троицкой семинаріи.

Рука объ руку съ господствомъ въ богословіи схоластики шло господство въ немъ латинскаго языка. Тонкости и абстракціи схоластическаго богословія не нашли для себя въ русскомъ языкѣ равносильныхъ формъ и выраженій, да и въ самой латыни требовали множества техническихъ, нарочно выдуманныхъ въ средніе вѣка терминовъ, о которыхъ и не снилось римскимъ классикамъ, въ родѣ наприм. ubicatio, entitas, quidditas, aseitas, porseitas, futuritio и т. п. Съ другой стороны эта варварская латынь въ свою очередь

оказывала важную услугу схоластикѣ, составлял обманчивый покровъ для пустоты и безполезности ея богословскихъ разглагольствій. Съ первыми же опытами изложенія богословія на русскомъ языкѣ въ 60-хъ гг. XVIII столѣтія покровъ этотъ сталъ спадать и богословская схоластика быстро склонилась къ упадку. Но пока это случилось, латынь и схоластика успѣли много повредить развитію у насъ богословскаго образованія, отвлекая вниманіе учениковъ богословія отъ содержанія науки къ одной ея формѣ. Путаясь въ безплодныхъ діалектическихъ тонкостяхъ и варварскихъ терминахъ, богословъ только и годился для школьныхъ диспутовъ въ кругу такихъ же педантовъ, какъ онъ самъ, но не могъ попонятнѣе и на русскомъ языкѣ объяснить самыхъ простыхъ истинъ вѣры, что собственно и требовалось отъ будущаго народнаго учителя и пастыря. Русскій научно-богословскій языкъ, образчикъ котораго можно видѣть наприм. въ тезисахъ для публичныхъ диспутовъ въ московской академіи (1), былъ до того мало развитъ, что стоялъ несравненно ниже даже языка нашихъ старинныхъ переводчиковъ св. отецъ и оригинальныхъ богословскихъ произведеній древней Руси. Мысль о преподаваніи наукъ на русскомъ языкѣ высказана была еще въ 1731 г. въ грамотѣ харьковскому коллегіуму, гдѣ говорилось, чтобы высшія науки „старались вводить на собственномъ россійскомъ языкѣ.“ Не смотря на это, первую попытку подобнаго преподаванія богословія встрѣчаемъ уже въ 1759 г. въ кіевской академіи: м. Арсеній распорядился тогда читать богословамъ по русски Православное Исповѣданіе П. Могилы; но и эта уступка требованіямъ жизни допущена была академіею, такъ сказать, ради человѣческой слабости, въ видѣ прибавленія къ настоящему богословскому курсу, который все-таки положено чи-

(1) Ист. моск. акад. прилож. № 4.

тать, „сохраняя чистый латинскій штиль и оберегаясь грубаго простаго нарѣчія“ (1). Раньше этого практическимъ потребностямъ богословскаго образованія семинаристовъ могли удовлетворять только упражненія въ составленіи русскихъ проповѣдей и особенно заведенныя въ нѣсколькихъ семинаріяхъ, по примѣру академій, катихизическія бесѣды, на которыхъ только и можно было услышать живое слово объ истинахъ вѣры на родномъ языкѣ, такъ какъ эти бесѣды имѣли публичный характеръ. Для семинаристовъ посѣщеніе бесѣдъ было строго обязательно, поэтому передъ началомъ каждой бесѣды имъ обыкновенно дѣлалась перекличка по списку. Составленіе и произношеніе бесѣдъ поручалось ректору или префекту или кому нибудь изъ учителей большею частію духовнаго сана. Можно положительно сказать, что катихизація была лучшимъ богословско-образовательнымъ средствомъ для самихъ нашихъ богослововъ, съ нея началъ свое богословское поприще и знаменитый авторъ нашего перваго русскаго Богословія, м. Платонъ (2).

Торжествомъ богословско-философской учености въ семинаріяхъ, какъ и въ академіяхъ, были публичные диспуты, производившіеся на латинскомъ же языкѣ въ концѣ каждаго учебнаго года. Схоластическая тонкость и изворотливость и знаніе латинскаго языка проявлялись здѣсь во всемъ своемъ блескѣ. Объявленія о диспутахъ разрисовывались на матеріи или вырѣзывались на желѣзныхъ листахъ съ разными символическими фигурами, представлявшими заслуги архіерея или благотворныя слѣдствія просвѣщенія, прибивались вмѣстѣ съ назначенными для диспута тезисами къ воротамъ семинаріи и привлекали въ семинарскій залъ множество любопытныхъ посѣтителей. О многолюдствѣ подобныхъ собраній можно судить по-

(1) Ист. кіевск. акад. 142 и 143.

(2) О катихизаціи въ семинаріяхъ см. ист. троицк. сем. 58. Ист. спб. акад. 26. Казанск. древн. Любарскаго 107. Ист. іерарх. I, 604.

тому, что наприм. въ смоленской семинаріи на наемъ однихъ стульевъ для публики въ день диспута выходило свыше 14 рублей, — сумма тогда очень большая для семинаріи; замѣчательно, что въ той же семинаріи и въ тоже время на лекарства и содержаніе больныхъ семинаристовъ за цѣлый годъ расходовалось всего 9 р. 19 к. Многіе посѣтители, ничего не понимая полатыни, являлись просто изъ любопытства посмотрѣть какъ будутъ спорить между собою назначенные для состязанія бурсаки оппоненты и дефенденты, или изъ желанія послушать всегда сопровождавшаго эти диспуты партеснаго пѣнія кантовъ и концертовъ. Кромѣ этихъ торжественныхъ диспутовъ въ богословскомъ и философскомъ классахъ отъ времени до времени, большею частію помѣсячно, производились еще диспуты частные для упражненія учениковъ въ діалектикѣ. Въ петербургской семинаріи заведены были еще общія собранія всѣхъ воспитанниковъ и учителей каждую субботу, на которыхъ дѣйствующими лицами были ученики всѣхъ классовъ, кромѣ богословскаго; риторы и философы читали тутъ свои сочиненія, піиты декламировали вирши, синтаксисты и грамматисты вели между собой сочиненные для нихъ на разныхъ языкахъ разговоры, а ученики нисшихъ классовъ читали наизусть мѣста изъ свящ. исторіи и катихизиса. По окончаніи всего лучшіе ученики получали отъ ректора похвалу, а дурные нагоняй (1).

Всѣ перечисленные нами классы или школы были латинскіе. Преподаваніе греческаго языка было повсюду въ упадкѣ. Сама московская академія до 1738 г. оставалась съ одной только латынью и далеко отстала въ этомъ отношеніи отъ кіевской, которая все-таки имѣла у себя греческіе классы, хотя и не обязательные для всѣхъ студентовъ, и могла выставлять изъ среды своихъ питомцевъ такихъ рѣдкихъ

(1) Ист. спб. акад. 23—24. Опис. смол. епархіи 184.

еллинистовъ, какъ Симонъ Тодорскій, Варлаамъ Лящевскій и Іаковъ Блонницкій. Въ 1738 г., когда греческій языкъ велѣно было ввести въ московскую академію, за преподавателями его пришлось обратиться именно въ Кіевъ, который Москва сама когда-то упрекала за исключительную привязанность къ латыни. Съ этого же времени стали заботиться о преподаваніи греческаго языка и въ семинаріяхъ. Въ указахъ о штатѣ новгородской семинаріи и объ открытіи семинаріи троицкой онъ поставленъ былъ въ семинарскомъ курсѣ наравнѣ съ латинскимъ. На практикѣ такого равенства онъ впрочемъ никакъ не могъ достигнуть. Въ смоленской наприм. семинаріи для него не было особаго учителя, а поручалось преподавать его одному изъ наличныхъ учителей въ качествѣ прибавочнаго предмета. Въ псковской съ 1743 г. ему велѣно было обучать только понятнѣйшихъ и надежнѣйшихъ учениковъ по 3 раза въ недѣлю въ послѣобѣденное время (1). Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ преподаваніе его введено очень поздно, наприм. въ нижегородской и рязанской (1757 г.) (2). Всего успѣшнѣе онъ преподавался въ Харьковѣ, Новгородѣ, Твери и въ семинаріяхъ петербургской и троицкой. Студентъ петербургской семинаріи Пельскій въ 1745 г. по знанію греческаго языка признанъ достойнымъ занять въ московской академіи мѣсто выбывшаго изъ учителей Іакова Блонницкаго; тверскіе семинаристы были хорошо заправлены въ знаніи этого языка еще при Ѳеофилактѣ Лопатинскомъ, который самъ былъ его знатокомъ, потомъ о преподаваніи его много заботился другой тверской архіерей Митрофанъ Слотвинскій (1739—1752), который лично задавалъ ученикамъ

(1) Опис. смол. епархіи 187. Ист. псковск. семин. 26.

(2) Ист. нижегор. іерарх. 129. 122.

разные переводы и пересматривалъ всѣ ихъ греческія упражненія (1).

Къ числу „діалектовъ наипаче приличныхъ дух. чину" присовокуплялся еще языкъ еврейскій, но сами указы о введеніи его въ семинаріи говорили только условно: „если возможно." Поэтому онъ преподавался лишь въ немногихъ болѣе устроенныхъ семинаріяхъ, невской, новгородской, троицкой. Въ послѣдней ученики начинали изученіе его съ младшихъ классовъ и такъ въ немъ успѣвали, что въ спискахъ 1761 года одинъ изъ нихъ Новиковъ отмѣченъ умѣющимъ поевр ейски даже non inelegantеr colloqui. Въ послѣднее время въ академіяхъ начали заботиться о введеніи преподаванія новыхъ языковъ. Изъ семинарій, сколько извѣстно, первая ввела у себя эти языки, нѣмецкій и французскій, харьковская при Петрѣ Смѣличѣ, но послѣ него въ 1741 г. каѳедры ихъ были снова закрыты (2). Въ 1758 г. Гедеонъ Криновскій распорядился о введеніи новыхъ языковъ въ троицкой семинаріи; чтобы приготовить учителей къ ихъ преподаванію, лавра отправила двоихъ троицкихъ студентовъ въ московскій университетъ. Вѣроятно около того же времени преподаваніе этихъ языковъ введено въ семинаріи петербургской. Въ Нижнемъ архіерей Ѳеофанъ завелъ классъ французскаго языка, а въ Новгородѣ уже въ 1762 г. открытъ классъ нѣмецкій (3). Объ изученіи мѣстныхъ инородческихъ языковъ тогда еще не заботились. Мы можемъ указать на одинъ только фактъ, относящійся къ этому предмету, и то касавшійся учениковъ исключенныхъ изъ семинарій. Въ 1748 г. петербургскій архіепископъ Ѳеодосій распорядился взять съ двоихъ такихъ учениковъ подписку,

(1) Жит. св. Тихона. Ист. моск. акад. 221. Біограф. тверск. іерарх. 105. 116. Ист. троицк. семин 53.

(2) Ист росс. іерарх. I, 637—638.

(3) Ист. троицк. семин. 53. Ист. нижегор. іерарх. 143. Ист. рос. іерарх. I, 609.

чтобы они научились чухонскому языку „ради необходимо случающихся въ здѣшнихъ странахъ нуждъ;“ при этомъ, въ случаѣ хоронихъ успѣховъ, имъ обѣщаны были не только дьяконскія, но и священническія мѣста (1). Исключеніе составлялъ языкъ польскій, преподававшійся въ югозападныхъ семинаріяхъ, кажется, повсюду, какъ и въ кіевской академіи.

Кромѣ перечисленныхъ главныхъ предметовъ семинарскаго курса, по именамъ которыхъ назывались самые классы, по программѣ Д. Регламента въ семинаріяхъ должны были преподаваться другія свѣтскія науки, совокупность которыхъ могла бы составлять необходимое восполненіе сословно-спеціальнаго курса духовной школы, его часть общеобразовательную: ариѳметика съ геометріей, географія, исторія, физика и политика. Но гдѣ и какъ онѣ преподавались на самомъ дѣлѣ, объ этомъ мы имѣемъ очень мало опредѣленныхъ извѣстій. Въ извѣстныхъ доселѣ документахъ по исторіи разныхъ семинарій говорится только въ общихъ чертахъ, что ученики учились въ фарѣ, инфимѣ,... философіи, богословіи, но чему они тамъ обучались, раздѣльно не говорится. Политика, сколько извѣстно, не преподавалась ни въ одной семинаріи. Физика составляла часть философіи и преподавалась съ философско-богословской точки зрѣнія, какъ натур-философія, а не какъ наука изъ области естествовѣденія. Не много также посчастливилось въ семинаріяхъ и наукѣ математической.

Св. Синодъ, какъ мы знаемъ, обѣщался при Петрѣ завести цифирное обученіе во всѣхъ своихъ школахъ, но обѣщанія своего не выполнилъ. Ариѳметика введена была главнымъ образомъ въ тѣхъ изъ архіерейскихъ школъ, которыя возникали на мѣсто прежнихъ цифирныхъ или были съ послѣдними въ какой нибудь связи, какъ наприм. архіерейскія школы въ Вологдѣ и Рязани. Да и самое обѣщаніе завести въ

(1) Ист. спб. акад. 52.

своемъ вѣдомствѣ цифирное обученіе дано было не столько по сознанію его важности для образованія дѣтей духовенства, сколько изъ желанія освободить ихъ отъ невыгодной для духовнаго сословія посылки ихъ въ цифирныя школы вмѣсто духовныхъ и изъ угожденія царю, который желалъ развить это обученіе въ духовныхъ школахъ въ интересахъ государственной службы (1). Нѣкоторыя же мѣстныя дух. начальства тогда же стали освобождать отъ этого обученія всѣхъ учениковъ, готовившихся собственно къ духовной службѣ; такъ въ смѣшанной рязанской школѣ ариѳметикѣ обучались дѣти только свѣтскихъ липъ, готовившіяся на государственную службу, а ученики духовные отдѣлены были отъ нихъ въ особую группу, которая ее не изучала. Послѣ Петра такой вглядъ на ариѳметику стало раздѣлять и правительство: въ указѣ 1737 г. о дѣтяхъ духовенства, откупавшихся отъ военной службы, прямо говорилось, чтобы желающіе изъ нихъ приготовиться къ свѣтской службѣ учились ариѳметикѣ съ геометріей, а готовившіеся въ дух. чинъ обучались грамматикѣ, риторикѣ и философіи (2). Тѣже науки, какъ особенно приличныя дух. званію, перечисляются въ указахъ о штатѣ новгородской семинаріи и объ открытіи троицкой. Около конца 1730-хъ годовъ извѣстія о преподаваніи въ дух. школахъ ариѳметики совсѣмъ прекращаются. Знаемъ только, что она входила въ составъ курса въ семинаріяхъ невской, смоленской и казанской (3). Въ исторіи харьковскаго коллегіума, гдѣ математическій классъ при П. Смѣличѣ организованъ былъ очень роскошно (въ немъ читались математика, геометрія и архитектура), находимъ извѣстіе, что въ 1741 г. математика вовсе

---

(1) См. выше стр. 77.

(2) П. С. З. №7169.

(3) Ист. спб. акад. 21. Ист. росс. іерарх. I, 377. Смол. епарх. вѣд. 1871 г.: инструкціи смоленской семинаріи.

была исключена изъ курса, между тѣмъ какъ коллегіумъ былъ еще не столько духовнымъ, сколько общеобразовательнымъ заведеніемъ (1). Въ троицкой семинаріи съ 1743 г. она была напротивъ введена вновь по опредѣленію лаврскаго собора (велѣно было преподавать ариѳметику, геометрію и тригонометрію), но самое это опредѣленіе всего лучше показываетъ, что она вводилась вовсе не въ качествѣ науки нужной для полноты собственно семинарскаго курса, а изъ практическихъ видовъ, для удовлетворенія потребностей самой лавры, потому что „помянутое обученіе для знанія находящихся въ монастырѣ къ приказному порядку и прочихъ нужнѣйшихъ искуствъ, за неимѣніемъ таковыхъ людей, весьма Троицкому монастырю надобно.“ Отъ того и учились этой наукѣ не всѣ семинаристы, а вѣроятно только назначавшіеся послѣ на лаврскую приказную службу, сначала 45, а потомъ съ 1750 г. всего 17 человѣкъ. Въ подобныхъ же видахъ съ 1746 г. лавра завела при своей семинаріи классъ иконописи, въ которомъ съ самаго начала обучалось 8 учениковъ, а потомъ больше; классъ этотъ давалъ лаврѣ возможность имѣть своихъ иконописцевъ (2). Въ качествѣ обязательнаго предмета ариѳметика стала читаться въ лаврской семинаріи уже при архимандритѣ Гедеонѣ съ 1758—1760 гг.

Что касается до введенія въ семинарскій курсъ преподаванія географіи и исторіи, то объ немъ стали вспоминать только подъ конецъ описываемаго времени. Раньше всѣхъ семинарій ввели у себя эти науки петербургская невская (3) и харьковскій коллегіумъ (до 1741 г., когда историческій классъ въ немъ былъ снова закрытъ вмѣстѣ съ математическимъ). Въ тро-

---

(1) Ист. Росс. іерарх. I, 637—638.

(2) Ист. троицк. семин. 50—52. Живописи учились также въ невской академіи.

(3) Ист. спб. акад. 21.

йцкой семинаріи географія съ исторіей стали преподаваться только съ 1758 — 1760 гг. при Гедеонѣ Криновскомъ; въ новгородской введена была одна географія, и то уже въ 1762 г. (1). Въ другихъ семинаріяхъ, если и сообщались какія нибудь свѣденія по этимъ наукамъ, то вѣроятно мимоходомъ и между прочимъ, наприм. въ числѣ какихъ нибудь subsidia poëseos, или, какъ было въ переяславльской семинаріи, чрезъ чтеніе географическихъ и историческихъ руководствъ въ неучебные рекреаціонные дни. Переяславльскимъ семинаристамъ принято было читать въ такіе дни по исторіи Melificium historicum, а по географіи историческую географію Целлярія. Какія руководства приняты были въ другихъ мѣстахъ, неизвѣстно.

Такимъ образомъ со стороны преподаванія общеобразовательныхъ наукъ семинарскій курсъ до послѣдняго времени постоянно оставался ниже программы, предначертанной для него въ Д. Регламентѣ, не смотря на то, что и самая эта программа, какъ мы видѣли, еще далеко не обнимала собою всѣхъ даже самыхъ существенныхъ требованій общаго образованія и отличалась въ этомъ отношеніи слишкомъ большими сокращеніями и въ числѣ назначавшихся къ преподаванію наукъ и во времени ихъ преподаванія. Причиною такой односторонности семинарскаго курса прежде всего была первоначальная неразвитость юныхъ духовныхъ школъ, потомъ большое съ теченіемъ времени развитіе въ духовномъ вѣдомствѣ извѣстныхъ намъ сословно-профессіональныхъ взглядовъ на образованіе, на основаніи которыхъ „науки святѣй церкви потребныя и наипаче духовному чину приличныя“ все рѣзче и рѣзче отдѣлялись отъ другихъ наукъ не прямо полезныхъ для духовной служ-

(1) Ист. троицк. семин. 51. Ист. росс. іерарх. I, 609.

бы. Чѣмъ болѣе развивался сословный характеръ дух. школы, тѣмъ сильнѣе онъ отражался и на составѣ ея учебнаго курса. Знанія общеобразовательнаго характера попадали въ ея курсъ, можно сказать, только случайно, или вслѣдствіе признанія ихъ полезными для изученія спеціальныхъ предметовъ, или по ихъ надобности, такъ сказать, для домашняго обихода сословія, чѣмъ наприм. мотивировано было введеніе въ троицкой семинаріи класса математики и обученія иконописи, или наконецъ по старымъ традиціямъ, какъ изученіе классическихъ языковъ, риторики съ піитикой и философіи. Не смотря на всю прочность того положенія, какое эти языки и науки издавна занимали въ семинарскомъ курсѣ, все-таки до послѣдняго времени находились люди, которые, смотря на семинарію съ исключительно профессіональной точки зрѣнія, считали ихъ вовсе не такъ для нея нужными, какъ это слѣдовало по старымъ традиціоннымъ понятіямъ;—въ числѣ этого рода людей видимъ даже одного изъ образованныхъ архіереевъ малороссовъ. Арсенія Маціевича. Какъ однако ни сильно наклонялось семинарское обученіе къ своей спеціальной цѣли и какъ вслѣдствіе этого ни съуживался объемъ его курса съ общеобразовательной стороны, общее образованіе въ семинаріяхъ было довольно высоко по тогдашнему времени и давало имъ важное преимущество предъ другими учебными заведеніями, которыя всѣ имѣли тогда спеціальные курсы. Каковы бы ни были семинарская риторика и философія, онѣ сообщали ученику не одну уже ремесленную выучку, а въ собственномъ смыслѣ образованіе, развитіе. Ихъ изучалъ одинъ семинаристъ, отъ того онъ и имѣлъ огромное преимущество предъ воспитанниками всѣхъ другихъ заведеній, гдѣ этихъ наукъ не было; отъ того такъ и дорожили имъ въ университетахъ, петербургскомъ академическомъ и въ московскомъ; отъ того такъ много замѣчательныхъ людей изъ духовныхъ воспитанниковъ встрѣчаемъ въ XVIII в. и на всѣхъ родахъ го-

сударственной и ученой службы. Надобно при этомъ замѣтить и то, что самая спеціальность дух. школъ, образованіе богословское, по своему развивающему вліянію стоитъ ближе къ общему образованію, чѣмъ всякая другая свѣтская спеціальность, и въ извѣстныхъ границахъ сама входитъ въ составъ этого образованія.

Важнѣе была другаго рода односторонность семинарскаго образованія, уже не находившая себѣ восполненія, — это слишкомъ и даже исключительно формальное его направленіе. Ученикъ въ теченіи всего своего многолѣтняго курса вращался въ однихъ формахъ, отъ формъ языка переходилъ къ формамъ піитической и ораторской рѣчи, отъ формъ рѣчи къ формамъ мысли, наконецъ всѣ эти формы учился прилагать къ разнымъ богословскимъ положеніямъ, которыя за тѣмъ и оставались почти единственнымъ ихъ содержаніемъ. Кое-какія положительныя знанія только и попадались ему, что въ разныхъ subsidia poëseos или въ источникахъ изобрѣтенія мыслей, въ разныхъ риторическихъ супеллексахъ eruditionum, sententiarum и проч., или наконецъ въ философской физикѣ; но само собою понятно, что всѣ подобные обрывки разнообразныхъ свѣденій по разнымъ наукамъ безъ правильнаго изученія этихъ наукъ, только могли служить развѣ въ качествѣ пособій для украшенія ораторскихъ рѣчей, для придаванія имъ извѣстнаго рода занимательности къ увеселенію слушателей, или въ качествѣ примѣровъ и свидѣтельствъ для усиленія діалектической аргументаціи. Недостатокъ положительныхъ знаній вредно отзывался на самомъ богословіи. Формальная, исключительно діалектическая ученость, при всемъ своемъ самомнѣніи, была слишкомъ довѣрчива и наивна. Обращая все свое вниманіе только на формальную правильность своихъ силлогизмомъ, она вовсе не отличалась критикой и простодушно набивала свои богословскіе трактаты всякими средневѣковыми бреднями, апокрифами, легендами объ анг.

гелахъ и демонахъ, росказнями о ложныхъ чудесахъ, важными рѣшеніями пустыхъ и мелочныхъ вопросовъ, которые человѣку вѣрующему и нетронутому схоластикой не могутъ прійти и въ голову, и т. п. Ѳеофанъ Прокоповичъ въ свое время колко смѣялся надъ этими трактатами, называя ихъ потѣшными кладовыми всякой всячины, смѣялся и надъ ихъ всезнающими поклонниками, которые „готовы, по его словамъ, отвѣчать на всякій вопросъ и отвѣчаютъ такъ самоувѣренно, такъ безстыдно, что ни на волосъ не хотятъ подумать о томъ, что такое говорятъ.“ Схоластическая привычка вращаться только въ области формальной діалектики производила даже какое-то отчужденіе отъ положительныхъ знаній, такъ что въ самомъ богословіи устранялась вся его положительная сторона, состоящая въ филологическомъ и историческомъ изученіи самыхъ источниковъ христіанскаго вѣроученія и церковной древности, и оставалась одна сторона логическая, лишенная всякой научной опоры и защищенная отъ діалектическаго произвола только требованіями православнаго чувства.

Надобно однако сказать и то, что старая семинарская наука имѣла слишкомъ мало средствъ для болѣе солидной своей постановки. Еще Регламентъ толковалъ о необходимости для дух. школъ библіотекъ, „ибо безъ библіотеки, какъ безъ души, академія,“ но только немногія семинаріи успѣли обзавестись нѣсколько достаточными библіотеками, большинство же крайне нуждалось даже въ самыхъ необходимыхъ учебныхъ книгахъ. Богаче всѣхъ семинарій были въ этомъ отношеніи семинаріи лаврскія, имѣвшія возможность, кромѣ своихъ библіотекъ, пользоваться еще книжными сокровищами лавръ, потомъ новгородская, на библіотеку которой въ штатѣ 1740 г. ассигнована была значительная ежегодная сумма въ 638 р. „Знатная библіотека“ троицкой семинаріи, составившаяся, частію благодаря щедрости на покупку для нея книгъ лаврскаго начальства, частію отъ по-

жертвованій разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, въ 1762 г. содержала въ себѣ 2655 книгъ и 190 рукописей. Невская лавра тоже отличалась значительною щедростію на покупку книгъ для своей семинаріи; кромѣ того послѣдняя воспользовалась для своей библіотеки собраніями книгъ и рукописей Аѳанасія Скіады, Никодима Селлія и Ѳеофана Прокоповича (1). Библіотека новгородская, кромѣ покупки книгъ на ассигнованную сумму, особенно обогатилась отдачей въ ея пользу части огромной библіотеки Прокоповича и книжными пожертвованіями новгородскихъ архіереевъ Амвросія Юшкевича и Стефана Калиновскаго. Амвросій устроилъ для нея каменный корпусъ и завѣщалъ въ ея пользу все свое весьма богатое книжное собраніе (2). Въ южной Россіи славился книжнымъ богатствомъ харьковскій коллегіумъ, благодаря поступленію въ его библіотеку книгъ Стефана Яворскаго и богатымъ пожертвованіямъ Голицыныхъ, Епифанія Тихорскаго и Петра Смѣлича. Пожертвованія архіереевъ составляли основу вообще всѣхъ семинарскихъ библіотекъ; покупка книгъ производилась только въ крайнихъ случаяхъ, и то книгъ исключительно учебныхъ, Альваровъ, элементаревъ, трезычныхъ лексиконовъ Поликарпова или Кнапіуша, Іустиновъ историковъ, Цицерона ad familiares и т. п., потому что денежныхъ средствъ для такихъ покупокъ рѣшительно не было никакихъ, кромѣ развѣ пожертвованій со стороны тѣхъ же архіереевъ. Въ 1739 г. казанскій архіерей Лука Конашевичъ, воспользовавшись тѣмъ, что правительство обратило тогда особенное вниманіе на казанскую семинарію и указало привести ее въ лучшее устройство, въ составленномъ для того штатѣ семинаріи включилъ статью объ ассигновкѣ на ея библіотеку особой суммы въ количествѣ

(1) Ист. троицк. сем. 55—58. Ист. спб. акад. 33—34.

(2) См. въ Ист. росс. іер. т. I. О новгор. семин.

500 р. на первоначальное обзаведеніе и затѣмъ постоянной каждогодной, сколько будетъ соблаговолено правительствомъ. Представленіе это, не смотря на всю свою скромность, не было, кажется, утверждено. Просвѣщенный архипастырь однако не оставилъ мысли о заведеніи библіотеки и учредилъ, по словамъ Любарскаго, на собственныя средства „библіотеку не малую, снабдѣнную многими знатныхъ авторовъ разноязычными и особливо латинскими книгами“ (1). Въ Вяткѣ такимъ же обогащеніемъ мѣстной семинарской библіотеки на собственныя средства сдѣлался извѣстенъ Лаврентій Горка, первый устроитель семинаріи. Одинъ изъ его преемниковъ, Варѳоломей Любарскій, при возстановленіи вятской семинаріи послѣ пожара 1758 г., выписалъ для ея библіотеки книгъ латинскихъ и греческихъ на 1492 р. 77 к. (2). Въ Нижнемъ къ 1764 г. изъ пожертвованій архіереевъ составилась библіотека изъ 684 экземпляровъ (3).

Но и въ подобныхъ семинаріяхъ, обильно воспользовавшихся щедротами своихъ преосвященныхъ патроновъ, самый составъ библіотекъ былъ далеко не удовлетворителенъ для потребностей учащихся, носилъ характеръ случайный, сборный, не приспособленный къ спеціальнымъ учебнымъ цѣлямъ. Большею частію было такъ, что въ библіотекѣ имѣлись дорогія и важныя для ученаго многотомныя изданія въ родѣ Maxima bibliotheca veterum patrum, Corpus iuris civilis Justiniani, Thesavrus antiquitatum graecarum et romanarum и т. п., — и не было необходимаго учебника или даже славянской Библіи. Согласно съ постановленіемъ Регламента, чтобы ученики дух. школъ учились туне и на готовыхъ книгахъ епископскихъ, архіереи не скупились на покупку учебниковъ,

(1) Прав. Собесѣдн. 1858 г. т. II, 584.
(2) Ист. вятск. іер. 30. 77.
(3) Ист. нижегор. сем. 9

но все-таки никакъ не могли удовлетворить въ этомъ отношеніи всѣхъ учащихся. Отъ этого послѣдніе должны были прибѣгать къ постоянному списыванію уроковъ и теряли на свои учебныя записки самую большую часть дорогаго учебнаго времени. Дѣло и при этомъ не обходилось безъ затрудненія: книгъ было такъ мало, что не съ чего было и списывать. Тогда учители прибѣгали къ диктовкѣ урока во время классныхъ часовъ, что необходимо должно было отнимать много класснаго времени нужнаго для экспликованія урока, какъ тогда выражались (1). Въ смоленской семинаріи встрѣчаемъ еще другой способъ для достиженія той же цѣли, указывающій на еще болѣе крайнюю нужду въ учебникахъ: преосв. Пароеній (уже въ 1766 г.) распорядился, чтобы учители сами прочитывали съ учениками уроки тоже въ классѣ (2). Вмѣсто славянской библіи въ семинаріяхъ употреблялась болѣе доступная, хотя тоже довольно рѣдкая, латинская Вульгата; пользованіе ею было тѣмъ удобнѣе, что и лекціи и оккупаціи по богословію были на латинскомъ же языкѣ. Славянская Библія была большой рѣдкостью, почти недоступной для частныхъ лицъ изъ духовенства, слишкомъ дорогой и для семинарской библіотеки даже послѣ изданія ея въ 1751 г. Неудивительно, что изученія св. Писанія вовсе не было не только въ семинаріяхъ, но даже и въ академіяхъ. Между духовенствомъ о чтеніи св. Писанія и рѣчи не было. Изданіе 1751 г., какъ извѣстно, въ первый разъ только познакомило съ Библіей русскую публику, но число экземпляровъ, выпущенныхъ въ свѣтъ, было слишкомъ недостаточно для удовлетворенія потребностямъ не только народа, но и служителей церкви, кромѣ того каждый экземпляръ стоилъ 5 рублей, большой тогда суммы денегъ. Въ смоленской наприм. епархіи, какъ разсказываетъ авторъ ея описанія (стр. 165), „не раньше

(1) Ист. пск. сем. 27.

(2) Опис. смоленск. епарх. 188.

ше, какъ 1752 г., выдано было на всю епархію,— архіер. домъ, монастыри, церкви и семинарію, 10 библій по 5 р. Какъ было подѣлиться этими книгами, когда однихъ монастырей въ епархіи было 10?“ По всей вѣроятности тоже было и въ другихъ епархіяхъ.

III.

СОСТОЯНІЕ ДУХОВНЫХЪ ШКОЛЪ СЪ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ЕКАТЕРИНЫ II.

Съ восшествія на престолъ имп. Екатерины II въ Россіи началось новое преобразовательное движеніе и наступилъ новый періодъ въ исторіи народнаго образованія. Прежній утилитарный взглядъ на образованіе, какъ на одну выучку чему нибудь непосредственно нужному для извѣстнаго опредѣленнаго рода занятій и главнымъ образомъ для пользы того или другаго рода государственной службы, смѣнился новыми, болѣе широкими, педагогическими воззрѣніями, развившимися подъ вліяніемъ философіи XVIII вѣка. Правительство сознало, что государственное благосостояніе зиждется не на одномъ распространеніи въ обществѣ непосредственно полезныхъ, спеціальныхъ знаній, а на общемъ образованіи ума и сердца гражданъ, на народномъ развитіи и нравственности, и обратило усиленное вниманіе на народное воспитаніе. „Наказъ“ императрицы провозгласилъ, что одно ученіе безсильно производить истинно полезныхъ гражданъ, отвращать преступленія и сообщать крѣпость гражданскому порядку и что „правила воспитанія суть первыя основанія, приготовляющія насъ быть гражданами.“ На основаніи такихъ воззрѣній на народное образованіе новая реформа русскаго общества поставила себѣ задачей обновить это общество нравственно, создавъ посредствомъ воспитанія „новую породу людей.“ Старыя учебныя заведенія подвергнулись пре-

образованіямъ; кромѣ того рядомъ съ ними одно за другимъ возникали новыя заведенія съ болѣе широкими общеобразовательными и воспитательными цѣлями. Учебно-воспитательная часть въ государствѣ никогда еще не пользовалась такими попеченіями со стороны правительства и никогда не была предметомъ такой щедрости, какъ въ царствованіе Екатерины. Сравнивая образовательную дѣятельность императрицы съ такою же дѣятельностію Петра Великаго, современники говорили: „Петръ Великій создалъ въ Россіи людей; Ваше Величество влагаете въ нихъ души."

На духовныя школы Екатерина обратила свое вниманіе въ первый же годъ своего царствованія. Въ инструкціи коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ она писала: „Св. Синодъ самъ довольно вѣдаетъ, что познаніе слова Божія есть первое основаніе благополучія народнаго и что изъ сего источника истекаетъ вся народная добродѣтель. Но мы съ прискорбіемъ видимъ, что народъ нашъ простой весьма удаленъ еще отъ должнаго исправленія, такъ что и самые многіе священники не токмо не вѣдаютъ истиннаго пути къ просвѣщенію народному, но и будучи сами часто малограмотные, нерѣдко простому народу служатъ собственными примѣрами къ повреждению." Для поднятія уровня духовнаго просвѣщенія она считала необходимымъ поднять благосостояніе и расширить курсы духовныхъ школъ, на что, между прочимъ согласно съ узаконеніями Петра I, назначала доходы съ церковныхъ имѣній. „Когда нѣтъ добраго учрежденія къ воспитанію и приготовленію молодыхъ людей, говорилось въ инструкціи, изъ которыхъ бы добрые пастыри и учители ко всѣмъ церквамъ опредѣляемы были, то и нынѣ въ простомъ народѣ нѣтъ никакого руководства къ отвращенію отъ пагубныхъ дѣлъ, нѣтъ исправленія нравовъ и добраго сожитія въ обществѣ." Современнымъ состояніемъ дух. школъ императрица была крайне недовольна. Прошло 40 лѣтъ со времени изданія Д. Регламента, давшаго дух. шко-

ламъ уставъ, но и „по сіе время архіерейскія семинаріи состоятъ въ весьма маломъ числѣ достойныхъ и надежныхъ учениковъ, въ худомъ учрежденіи для наукъ и въ бѣдномъ содержаніи. Семинаристы нынѣшніе обыкновенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обучаются латинскому и греческому языку отъ неискусныхъ учителей, не знаютъ иныхъ ученій, какъ только самыя школьныя и первыя основанія латинскаго языка, не обучаются ни наукъ философскихъ и нравоучительныхъ, не знаютъ исторіи церковной ни гражданской, ниже положенія круга земнаго и мѣстъ, на которыхъ въ разсужденіи другихъ народовъ живутъ. Набираются они въ семинаріи отъ отцовъ и матерей большею частію неволею и содержатся безъ разбора, способные съ тупыми и негодными, а иногда прибираются по голосамъ, дабы пѣческую повседневную должность отправляли, которая ихъ и отъ того малаго ученія иногда отводитъ." Въ этой мѣткой характеристикѣ признаны такимъ образомъ не удовлетворительными всѣ стороны быта семинарій, и экономическая, и учебная, и воспитательная. Правительство очевидно требовало полной ихъ реформы. Въ дальнѣйшемъ изложеніи той же инструкціи вкратцѣ намѣчена самая программа этой реформы. Въ каждой епархіи велѣно завести по одной семинаріи и по два — по три училища и на содержаніе тѣхъ и другихъ составить подробные штаты, причемъ опредѣлить жалованье для всѣхъ учителей и сумму на учебныя пособія (библіотеки). Согласно съ общими просвѣтительными стремленіями правительства курсъ семинарскаго ученія велѣно расширить введеніемъ общеобразовательныхъ наукъ, — математики, исторіи и географіи; ученикамъ рекомендовалось больше заниматься чтеніемъ въ имѣющихъ составиться семинарскихъ библіотекахъ, „ибо безъ чтенія такогаго одни школьные классы весьма недовольны къ просвѣщенію учащагося и къ обогащенію его, къ проповѣди слова Божія приготовляемаго." Большаго числа учениковъ, какъ въ Регламентѣ,

набирать не совѣтовалось: „ибо лучше число умѣренное содержать учениковъ, но чтобы были всѣ остротою и понятіемъ выборные и надежные, а притомъ по учительскимъ примѣчаніямъ добронравные, и контъ опредѣленный былъ бы имъ въ лучшее довольство не суетно употребляемъ“ (1).

Занявшись исключительно вопросами объ управленіи церковными вотчинами и о штатахъ для арх. домовъ, монастырей, соборныхъ и вотчинныхъ церквей, коммиссія не успѣла составить никакихъ предначертаній касательно судьбы дух. школъ. Поэтому по распущеніи ея въ 1764 г. императрица въ указѣ 26 февраля опять повторила свою волю относительно ихъ преобразованія (2). На этотъ разъ для начертанія проекта такого преобразованія составлена была особая коммиссія изъ трехъ наиболѣе талантливыхъ духовныхъ лицъ, пользовавшихся особеннымъ довѣріемъ со стороны императрицы: Гавріила, епископа тверскаго, Иннокентія псковскаго и іеромонаха Платона Левшина (послѣ митрополита московскаго). Составленный ими проектъ не былъ осуществленъ въ практикѣ, какъ и прежній такой же проектъ организаціи дух. школъ, начертанный въ Д. Регламентѣ. Тѣмъ не менѣе, какъ и проектъ Регламента, онъ весьма важенъ для исторіи духовно-учебныхъ заведеній, представляя собою полное выраженіе современныхъ ему взглядовъ на духовное образованіе и организацію духовныхъ школъ, взглядовъ самыхъ лучшихъ людей изъ духовенства, притомъ же солидарныхъ съ современными просвѣтительными идеями самой императрицы. Сличеніе его съ проектомъ Регламента всего лучше можетъ опредѣлить разницу въ тѣхъ основныхъ воззрѣніяхъ на дѣло, изъ которыхъ развивались разныя подробности въ постановкѣ дух. школъ и въ опре-

(1) П. С. З. XVI, № 11718.
(2) Тамже № 12060.

дѣленіи состава ихъ образованія въ первой и во второй половинахъ XVIII в. (1).

Согласно предписанію инструкціи 1762 г. о раздѣленіи школъ на разряды по достоинству и богатству епархій, на школы меньшія и большія, коммиссія предполагала открыть по епархіямъ два разряда семинарій, большія и меньшія, смотря по епархіи, и по 3—4 на каждую епархію низшія школы или гимназіи при монастыряхъ,—всѣ на опредѣленномъ содержаніи по штатамъ, кромѣ того особыя низшія школы грамотности при каждомъ благочиніи внѣ опредѣленнаго числа штатныхъ заведеній.

Послѣднія школы коммиссія предполагала сдѣлать всесословными и сосредоточить въ нихъ подъ вѣдѣніемъ благочинныхъ народное образованіе, о которомъ во время Екатерины въ первый разъ начались серьезныя попеченія. Курсъ ихъ ограничивался русскимъ чтеніемъ, чистописаніемъ и пѣніемъ. Гимназіямъ придавалось назначеніе двойственное, съ одной стороны такое же общенародное, для обученія дѣтей всякаго состоянія и чина, съ другой спеціальное, собственно для дѣтей духовенства, значеніе заведеній приготовительныхъ къ семинаріямъ, отъ того противъ курса низшихъ благочинническихъ школъ въ ихъ курсъ предположено ввести преподаваніе ариѳметики и первыхъ основаній латинской или греческой грамматики. Малыя семинаріи назначались спеціально для образованія кандидатовъ на духовную службу, ихъ предполагалось завести 21, т. е. въ большинствѣ епархій, „однако добавлялось въ проектѣ, чтобы епархіи, въ которыхъ учредятся меньшія семинаріи, въ равенствѣ были съ епархіями, въ которыхъ будутъ семинаріи большія, для сего изъ меньшихъ семинарій въ большія всегда нѣкоторое опредѣленное число учениковъ будетъ отсылаемо для

(1) Представляемъ существенные черты проекта по изложенію его въ Труд. кіевск. академіи за 1867 г. т. III, стр. 588—601.

совершеннаго обученія, чрезъ что всѣ епархіи нѣкоторымъ образомъ сравняются". Преподавать въ нихъ предположено классическіе языки, ариѳметику, географію, исторію, риторику съ пінтикой, логику, моральную философію и богословіе. Въ курсъ большихъ семинарій введено сверхъ этихъ предметовъ преподаваніе нѣмецкаго и французскаго языковъ, предпочтительно послѣдняго, геометріи, метафизики, теоретической физики и полемическаго богословія. „Къ большему же успѣху въ богословскихъ ученіяхъ, прибавлялъ проектъ, должно неотмѣнно присоединено быть толкованіе св. Писанія въ извѣстные дни и часы". Далѣе для лучшаго изученія св. Писанія высказана надобность ввести со временемъ въ курсъ еще преподаваніе языка еврейскаго. Большія семинаріи предположено завести только въ Новгородѣ, Казани, Ярославлѣ и въ „разсужденіи царствующаго города" въ Петербургѣ, хотя епархія его и дозволяла завести только семинарію малую. Кіевская академія должна была оставаться на старомъ положеніи. Что касается до академіи московской, то изъ уваженія къ ея давности и къ самой Москвѣ, какъ царствующему граду, коммиссія опредѣлила отличить ее отъ другихъ большихъ семинарій даже особымъ названіемъ, какъ „такое мѣсто, гдѣ всякимъ наукамъ обучаются", именно названіемъ духовнаго университета. Въ этомъ любопытномъ опредѣленіи выразилась весьма важная мысль о необходимости выдѣлить наконецъ академію изъ круга среднихъ заведеній, съ которыми она доселѣ совершенно сливалась, какъ учебное заведеніе высшее, хотя впрочемъ курсъ ея и при этомъ остался ничѣмъ неотличенъ отъ курса семинарій, кромѣ болѣе полнаго преподаванія математики и физики. Мысль эта очевидно еще далеко не выяснилась въ головахъ самихъ составителей проекта и высказана была едвали только не въ связи съ посылкой въ 1765 г. по повелѣнію императрицы нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ дух. школъ за границу, въ Оксфордъ, Геттингенъ и Лейденъ, для обученія выс-

шихъ наукъ, восточныхъ языковъ и богословія. По крайней мѣрѣ, признавая необходимость возвышенія академическаго образованія и введенія въ него преподаванія восточныхъ языковъ, проектъ прямо разсчитывалъ въ этомъ дѣлѣ на силы и знанія именно этихъ молодыхъ людей, когда они воротятся изъ-за границы для занятія профессорскихъ должностей.

Въ статьѣ о штатномъ содержаніи дух. школъ коммиссія положила раздѣлить воспитанниковъ на штатныхъ или казеннокоштныхъ и заштатныхъ, своекоштныхъ. Содержаніе назначалось изъ доходовъ церковныхъ имѣній и распредѣлялось по заведеніямъ, сообразно съ ихъ степенями, въ разнообразномъ, но вообще весьма удовлетворительномъ количествѣ. Такъ, на содержаніе гимназіи съ 20 штатными учениками и однимъ учителемъ назначалось отъ 271 до 415 р. На жалованье наставникамъ духовнаго университета исчислено 4401 р. въ годъ; на столъ 256 студентамъ 4608; всего на 4 гимназіи московской епархіи, 3 крутицкихъ и московскій дух. университетъ назначалось въ первый годъ 25,879 р. 80 к., во второй 15,101 р. 80 к., въ третій 19,625 р. 39 к., въ четвертый, какъ во второй, въ пятый 22,523 р. 40 к. и т. д.

Внутреннія администраціи школъ вверена префектамъ съ инспекторами изъ учителей; въ большихъ семинаріяхъ во главѣ всего заведенія поставленъ ректоръ. По внѣшнему управленію всѣ школы оставлены по прежнему въ вѣденіи епархіальныхъ архіереевъ, за исключеніемъ университета, подчиненнаго непосредственно Св. Синоду, а мѣстному архіерею, только какъ куратору. Въ этомъ важномъ исключеніи, какъ и въ указанномъ стремленіи отличить академію отъ семинарій, тоже нельзя не видѣть первыхъ проблесковъ идеи высшаго дух. заведенія, по самому существу своему выступающаго изъ узкой сферы епархіальной жизни въ болѣе широкую сферу жизни обще-церковной. Кромѣ этого коммиссія предположила завести еще общее центральное управленіе для всѣхъ духовныхъ школъ

въ лицѣ особаго протектора школъ изъ членовъ св. Синода и такимъ образомъ придать этой важной отрасли церковной жизни единство, котораго она никакъ не могла получить, оставаясь подъ вѣдомствомъ однихъ епархіальныхъ властей. Подобный протекторъ школъ уже былъ одно время при Синодѣ въ царствованіе Петра I, но мысль о возвышеніи учебнаго управленія на степень дѣла общецерковнаго тогда еще не созрѣла до надлежащей степени, а потому должность протектора вскорѣ, какъ мы видѣли, снова была упразднена. Проектъ коммиссіи воспользовался этимъ неудавшимся прежде учрежденіемъ и, предположивъ его возстановить, придалъ ему нѣкоторыя новыя черты и болѣе компетентный видъ. Протекторъ долженъ былъ заботиться объ усовершеніи дух. школъ, приводить въ дѣйство, что потребуется для этой цѣли по обстоятельствамъ, представлять государынѣ объ опредѣленіи на учебныя потребности новыхъ суммъ, какія окажутся нужны, имѣть общее наблюденіе за порядкомъ ученія и воспитанія во всѣхъ училищахъ и быть ходатаемъ обо всѣхъ ихъ дѣлахъ предъ св. Синодомъ и верховною властію. Назначеніе его должно было зависѣть отъ высочайшей воли. Для большей пользы дух. школъ коммиссія представляла императрицѣ „почтить наименованіемъ протектора дух. училищъ одного изъ свѣтскихъ знатнѣйшихъ особъ, дабы онъ съ тѣмъ духовнымъ протекторомъ въ пользу дух. училищъ къ вашему императ. величеству былъ надежнѣйшій предстатель“.

Относительно учебно-воспитательной части коммиссія руководствовалась особымъ, какъ говоритъ проектъ, предписаніемъ императрицы, „чтобъ ученіе соединено было съ добрымъ учащихся воспитаніемъ“. „Чтобы достигнуть сего, говорится далѣе, намъ надобно, чтобы учащіяся дѣти всѣ жили въ одномъ мѣстѣ, на однихъ благоразумныхъ правилахъ, подъ добрымъ и неопускаемымъ присмотромъ, и всѣмъ для ихъ содержанія потребнымъ были бы снабдѣны“.

Учебный курсъ для семинарій назначался въ 8лѣтъ. На классы каждый день отведено по 6 часовъ, 4 до обѣда и 2 послѣ обѣда. До риторики большая часть учебнаго времени должна была посвящаться попрежнему на изученіе латинскаго языка. На преподаваніе риторики въ первый годъ риторическаго курса назначалось по 4 часа каждый день. вмѣстѣ съ нею должны были преподаваться по часу каждый же день греческій языкъ и исторія; въ среду и субботу для послѣдней назначено еще по другому часу. Во второй годъ къ риторикѣ и исторіи, по окончаніи преподаванія греческаго языка, предполагалось присоединить обученіе стихотворству. На философію тоже назначалось по 4 часа ежедневно. Во второй годъ философскаго (и вмѣстѣ катихизическаго) курса положено читать ученикамъ катихизическое богословіе по 4 же часа и по часу Библію. Остальное время положено заниматься экзерциціями и проповѣдями. Въ большихъ семинаріяхъ распредѣленіе времени было тоже, лишь съ необходимыми измѣненіями для преподаванія тѣхъ предметовъ, которые были введены въ ихъ курсъ сверхъ предметовъ малыхъ семинарій. Послѣдніе два года въ нихъ исключительно назначались для изученія богословія.

Учителей рекомендовалось принимать въ школы съ строгимъ разборомъ, по надлежащемъ испытаніи ихъ въ знаніи предметовъ, которые они намѣрены преподавать, и удостовѣреніи въ ихъ доброй нравственности; положено произвести экзамены и тѣмъ учителямъ, которые уже состояли на службѣ. Способъ преподаванія представленъ въ такихъ чертахъ: первая обязанность учителя выслушать урокъ, потомъ толковать правила науки, которой обучаетъ, съ изъясненіемъ примѣровъ на всякую регулу, причемъ спрашивать учениковъ, всѣ ли поняли; назначать въ низшихъ классахъ переводныя экзерциціи, а въ высшихъ пристойныя сочиненія въ присутствіи учителя, которыя учитель потомъ долженъ разобрать по регуламъ; всякую субботу дѣлать ученикамъ краткое повтореніе тѣхъ

правилъ, которыя въ недѣлю толкованы, да и о томъ спросить, что читали ученики; при изученіи языковъ наблюдать, чтобы семинаристы говорили на нихъ. Кромѣ изложенія этихъ правилъ, имѣвшихъ цѣлію улучшить и упростить преподаваніе, проектъ почелъ нужнымъ предоставить учителямъ больше самостоятельности и свободы вводить отъ себя все, что найдутъ полезнымъ для учениковъ, лишь извѣщая о томъ предварительно префекта. Такъ какъ всѣ учители долженствовали быть вмѣстѣ и воспитателями, то проектъ налагалъ на нихъ обязанность внимательно наблюдать не только за успѣхами, но и за поведеніемъ семинаристовъ, посѣщать послѣднихъ въ жилищахъ, возбуждать ихъ совѣтами къ прилежному храненію учрежденнаго порядка, бывать съ ними въ церкви и во всемъ подавать собою примѣръ. Для наблюденія за успѣхами учениковъ назначались экзамены, частные и публичные. Въ первый день каждаго учебнаго года положено дѣлать торжественное собраніе „въ воспоминаніе основанія училищъ и прославленіе всегдашнее мудрыя ихъ основательницы, всепресвѣтлѣйшія самодержицы Екатерины II“, на которомъ „въ присутствіи архіереевъ и другихъ приглашенныхъ знатныхъ духовныхъ и свѣтскихъ людей одинъ изъ учителей долженъ сказать рѣчь, избравъ матерію приличную, соединяя оную съ должнымъ благодареніемъ ея имп. величеству, всемилостивѣйшей основательницѣ и покровительницѣ“. Послѣ рѣчи въ собраніяхъ слѣдовало производить диспуты и раздавать семинаристамъ подарки. Не забылъ проектъ упомянуть въ своемъ семинарскомъ уставѣ и о другихъ школьныхъ торжествахъ, которыя тогда вездѣ были въ большомъ ходу, о торжествахъ по случаю посѣщенія школъ архіереями и другими высокими персонами; при этихъ посѣщеніяхъ положено читать семинаристамъ привѣтственныя рѣчи на разныхъ языкахъ, которымъ они обучались.

Образъ жизни воспитанниковъ опредѣленъ подробными правилами. Подобно Д. Регламенту уставъ позаботился объ увеселеніяхъ семинаристовъ „для здравія и для разогнанія смутныхъ мыслей“. Раза два въ годъ дозволено быть въ семинаріяхъ комедіямъ, „пріобучающимъ семинариста къ честной смѣлости и къ вѣжливости“, только чтобы эти комедіи не заключали въ себѣ чего нибудь не приличнаго и вреднаго для нравственнаго чувства, „но подъ видомъ увеселительнаго представленія вдыхали бы воспитанникамъ нравоучительную пользу“. Дозволялись также и другія забавы подъ надзоромъ инспектора и сеньоровъ: киданіе въ мячи, катаніе парами въ фортунѣ, кетли—лѣтомъ въ саду, а зимой въ комнатахъ. Въ праздничное время позволено семинаристамъ заниматься музыкою и пѣніемъ.—Въ педагогическихъ мѣрахъ проекта, касавшихся разныхъ школьныхъ провинностей, находимъ значительное смягченіе прежней крайне суровой системы наказаній. Современная ему педагогія отрицала эту систему въ самомъ ея основаніи, устраняя въ дѣлѣ воспитанія всякое устрашеніе воспитанниковъ, чѣмъ бы то ни было, тѣлесными ли наказаніями или грубымъ принудительнымъ обращеніемъ, и замѣняя его болѣе мягкими и благородными побужденіями дѣтей къ добру и порядку, обращеніемъ къ ихъ чувству чести или стыда. Уставъ коммиссіи, не отступая отъ прежней системы устрашенія, ограничился пока только изгнаніемъ прежнихъ жестокихъ наказаній батогами, розгами и т. п. Изъ 12 видовъ дозволенныхъ имъ наказаній самыми чувствительными признавались: обуваніе провинившагося въ лапти или замаранный кафтанъ, назначеніе ему прислуживать на кухнѣ, подавать блюда за столомъ, чистить обувь и платье, лишеніе на день или на два пищи, угрозы тѣлеснымъ наказаніемъ, исключеніемъ изъ семинаріи и отдачею въ солдаты.

Въ 1766 г. составители проекта представили его на утвержденіе императрицы. Но такъ какъ въ томъ же году порѣшено было созвать знаменитую коммис-

сію о составленіи новаго уложенія, которая должна была пересмотрѣть всѣ стороны государственной жизни и отозваться на всѣ предпринятыя правительствомъ реформы, то императрица не утвердила проекта, а предоставила его разсмотрѣніе имѣющей собраться коммиссіи новаго уложенія. Послѣдняя, какъ извѣстно, была вскорѣ распущена, не оправдавъ цѣли своего созванія, и оставила дѣло о преобразованіи дух. школъ безъ рѣшенія (1). Проектъ такимъ образомъ остался не утвержденнымъ и не былъ приведенъ въ исполненіе въ цѣломъ его видѣ. Но многія мысли его, бывшія выраженіемъ современныхъ понятій о духовномъ образованіи, не остались безъ приложенія къ практикѣ школьной жизни.

а) штатные оклады, открытіе новыхъ школъ и внѣшняя организація духовнаго школьнаго образованія.

Самымъ главнымъ, исходнымъ пунктомъ въ предпринятомъ преобразованіи дух. школъ безспорно было назначеніе на ихъ содержаніе постоянныхъ штатныхъ окладовъ изъ доходовъ отобранныхъ въ казну церковныхъ вотчинъ. Такъ на это дѣло смотрѣли и инструкція коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ и проектъ коммиссіи о дух. школахъ, прежде всего и съ особеннымъ вниманіемъ остановившійся именно на опредѣленіи школьныхъ окладовъ.

Своею торжественно провозглашенною заботливостію о благѣ духовныхъ школъ императрица первоначально должна была возбудить большія надежды на скорое и блестящее улучшеніе ихъ скудной жизни. Еще недавно въ манифестѣ о церковныхъ вотчинахъ, изданномъ при Петрѣ III, на семинаріи назначалось по 3000 руб. ежегоднаго штатнаго содержанія; въ ма-

(1) Ист. росс. іер. I, 448.

нифестѣ Екатерины II всѣ распоряженія Петра о церковныхъ имѣніяхъ и штатахъ были осуждены, какъ невыгодныя для церковныхъ учрежденій; стало быть, при новомъ правительствѣ можно было ожидать еще большей щедрости и еще большаго обезпеченія для школьной братіи, что служило для нея единственнымъ утѣшеніемъ въ долговременномъ бѣдственномъ положеніи, въ какомъ она находилась въ теченіе всего времени, пока шло неожиданно затянувшееся дѣло о школьныхъ штатахъ. Монастыри почти вовсе прекратили свои школьные платежи, архіерейскіе дома тоже были стѣснены въ своей поддержкѣ школъ. Еще по указу Петра III въ 1762 году имѣнія и тѣхъ и другихъ подверглись подробной переписи, причемъ переписчики опечатывали ихъ житницы и другія хозяйственныя статьи и отбирали все наличное имущество ихъ въ свою команду. Потомъ, только лишь церковныя имѣнія были снова возвращены въ распоряженіе духовенства, какъ въ 1763 г. по распоряженію коммиссіи опять въ нихъ наѣхали переписчики и стали отбирать ихъ въ вѣдомство коллегіи экономіи. Другіе плательщики на школы, лица бѣлаго духовенства, тоже прижались, вѣроятно заслышавъ о своемъ скоромъ освобожденіи отъ церковнаго тягла. Въ февралѣ 1764 г. дѣло отобранія церковныхъ имѣній было уже кончено, и прежніе сборы съ нихъ на дух. школы прекратились; въ тоже время въ манифестѣ о прекращеніи дѣятельности коммиссіи было объявлено: „бѣлое священство во всемъ нашемъ государствѣ, каждому извѣстно, въ какомъ до сего времени находится неустройствѣ... Но понеже еще сей части учрежденія мы не совершили, а уповаемъ съ Божіею помощію и то къ желаемому концу привесть, то предварительно избавили мы только все помянутое бѣлое священство отъ сбору имъ раззорительнаго данныхъ денегъ съ церквей, который прежними патріархами былъ уставленъ и по сіе время въ отягощеніе священству продолжался, и оный вовсе сложили, такъ какъ и собираемую часть хлѣба съ монастырей и цер-

квей на семинаріи, къ немалому оскудѣнію того же священства до сего бывшія, отставили, а опредѣлили вмѣсто оной на училища отъ той же коллегіи экономіи знатную повсягодно денежную отпускать сумму, которая тогда будетъ извѣстна, когда наше учрежденіе о семинаріи въ народѣ объявится (1)".

Такимъ образомъ всѣ главные источники содержанія дух. школъ были закрыты, а между тѣмъ штатные оклады на нихъ все еще существовали только въ однихъ обѣщаніяхъ. Коммиссія, выработавшая штатное положеніе, по важности дѣла не могла скоро его кончить, да и когда кончила, дух. школы все-таки остались еще безъ опредѣленія. потому что дѣло объ ихъ преобразованіи пошло въ оттяжку. Самое тяжелое время переживали онѣ отъ 1763 до 1765 г.

Вотъ наприм. въ какомъ положеніи въ это время находилась семинарія троицкая, одна, какъ мы знаемъ, изъ самыхъ богатыхъ. Какъ только началось дѣло объ отобраніи церковныхъ имѣній, троицкій архимандритъ Лаврентій началъ высказываться, что прежнимъ щедротамъ Лавры для семинаріи скоро будетъ конецъ. Въ 1763 г. всѣ требованія семинарскаго начальства стали по возможности урѣзываться. Такъ, на представленіи семинарской конторы о пошитіи для учениковъ платья архимандритъ написалъ, чтобы эта надобность была исправлена, „ежели безъ нея крайне обойтись невозможно.... и съ крайнимъ учрежденнаго собора разсмотрѣніемъ". Выдача провизіи для ректора, префекта и учителей была уменьшена на половину противъ прежняго, да и въ такомъ количествѣ производилась неаккуратно, съ остановками, такъ что они вынуждены были покупать себѣ припасы на свое денежное содержаніе и подать о томъ жалобу монастырскому собору. Для большей экономіи учительскія порціи не велѣно было раздавать по кельямъ, а собираться для пользованія

(1) П. С. З. № 12060.

ими всѣмъ учителямъ къ обѣду и ужину за общій учительскій столъ. Въ 1764 г. для семинарскихъ надобностей нужно было произвести денежную выдачу, но соборъ отказалъ въ ней „понеже посланнымъ изъ коллегіи экономіи секундъ-маіоромъ г. Турчаниновымъ имѣющаяся въ Лаврѣ сумма вся описана и запечатана". Учениковъ содержали кое-какъ на запасы, оставшіеся отъ прежняго времени. Наконецъ учителямъ вовсе прекращена выдача жалованья. По окончаніи первой трети 1764 г. они рѣшились напомнить о себѣ и подали собору прошеніе о выслуженныхъ деньгахъ. Соборъ опредѣлилъ: „съ прописаніемъ обстоятельствъ, на какомъ основаніи и по какимъ указамъ лаврская семинарія учинена, также съ показаніемъ каждому изъ учителей подлежащаго денежнаго жалованья на генварьскую сего года треть, въ коллегію экономіи представить доношеніемъ и требовать, откуду соблаговолено будетъ учителямъ заслуженное и заслуженное жалованье выдать, ибо безъ выдачи онаго всѣ продолжающіяся въ лаврской семинаріи науки остановиться могутъ". Но коллегія отказала въ этой просьбѣ за неопредѣленіемъ штатовъ. На лѣто учениковъ распустили на вакать даже раньше времени. Къ этимъ матеріальнымъ непріятностямъ присоединилась глубокая скорбь, въ которую была погружена вся семинарія, вслѣдствіе ходившихъ тогда слуховъ объ ея скоромъ закрытіи. Ректоръ Варлаамъ писалъ Платону, бывшему тогда законоучителемъ при наслѣдникѣ престола: „слишкомъ 20 лѣтъ наука проводила счастливые дни въ лаврѣ, а теперь грустно склонила голову и ходитъ въ смущеніи... Я скорблю не столько о своей несчастной судьбѣ, сколько объ ученикахъ нашей семинаріи. Ничего мы не видимъ, не слышимъ, и едва ли можемъ чего нибудь ожидать успокоительнаго для сердца. Господинъ N, присланный въ лавру отъ коллегіи экономіи для повершенія дѣла, сперва ласкалъ насъ нѣкоторою надеждою и обѣщалъ хлопотать, чтобъ намъ выдали заслуженное жалованье, но получивъ приказъ изъ

коллегіи экономіи, не велѣлъ выдавать... Ужели не увидимъ болѣе свѣтлаго лица фортуны? Мы уже много видѣли непріятностей, подъ бременемъ которыхъ, если не будетъ легче, придется скоро пасть. Теперь скоро вакація ученикамъ; боюсь, чтобы она не была навсегда", и проч. Послѣ полученія въ сентябрѣ перваго жалованья, онъ писалъ, что страхъ закрытія семинаріи все еще не миновалъ у него; изъ того же письма видно, какими затрудненіями сопровождалось самое полученіе этого жалованья: „Хотя я получилъ жалованье за двѣ трети года, но повѣрьте, когда я хлопоталъ о немъ, почти половину издержалъ. Три раза ѣздилъ въ Москву и тамъ жилъ два раза по недѣлѣ, а въ третій разъ 10 дней. Въ лаврѣ цѣлый сентябрь ѣлъ купленый хлѣбъ, и питье у меня покупное (1)".

Въ такомъ же несчастномъ положеніи очутились и другія семинаріи. Послѣ отобранія церковныхъ вотчинъ и прекращенія хлѣбнаго сбора смоленскій архіерей Парѳеній Сопковскій писалъ въ коллегію экономіи: „И теперь учители съ великою нуждою пребываютъ; семинаристы почти Христовымъ именемъ питаются отъ подаянія (2)". Во владимірской епархіи съ 1763 г. и семинарское и епархіальное начальства поставлены были въ безвыходное затрудненіе, чѣмъ содержать семинарію. Епископъ Павелъ распорядился выдавать нѣкоторую сумму изъ архіерейскаго дома на жалованье учителямъ, выдавалъ въ пособіе семинаріи муку, крупу и т. п., раздавалъ деньги бѣднымъ семинаристамъ, „доводя до скудости" свои собственные доходы. Съ епархіи старались собрать по крайней мѣрѣ недоимки за прежнее время. При всемъ томъ до 1765 г. семинарская экономія находилась въ самомъ бѣдственномъ положеніи; начальство рѣшительно не могло опредѣлить, на какую сумму можно разсчитывать на извѣстную треть года впередъ, и очевидно должно было

(1) Ист. троицк. сем. 121—123. 174—176.

(2) Опис. смол. епарх 188.

перебиваться кое какъ день за днемъ (1). Въ костромской епархіи съ 1763 г. преосв. Дамаскинъ распорядился всѣ доходы, какіе семинарія могла еще получать, употреблять на содержаніе семинарскихъ зданій и на учительское жалованье, а учениковъ перевести всѣхъ на ихъ собственный коштъ, потому и въ семинарію указалъ набирать только дѣтей достаточныхъ отцовъ. Ученики послѣ этого могли жить въ семинарскихъ зданіяхъ и пользоваться здѣсь столомъ съ семинарской же кухни, но съ платою 6 р. 23 к. въ годъ, а одежду имѣть собственную. Въ облегченіе нуждающимся употреблялось только зачисленіе за ними причетническихъ мѣстъ, да съ нѣкоторыхъ дозволено сложить плату за семинарское помѣщеніе, но не за столъ (2).

Вслѣдствіе прекращенія семинарскихъ сборовъ съ церквей и монастырей до назначенія штатовъ семинаріи могли разсчитывать для своего содержанія главнымъ образомъ на полученіе недоимокъ за прежніе годы. Но мы знаемъ, какъ трудно было собирать эти недоимки и въ прежнее время, а когда стали ходить слухи о прекращеніи самихъ семинарскихъ сборовъ и отобраніи церковныхъ имѣній, духовенство и монастыри сдѣлались еще неисправнѣе въ платежахъ. Наприм. во владимірской епархіи духовенство почти повсемѣстно отказывалось платить деньги на семинарію. На требованія сборщиковъ члены многихъ духовныхъ управленій отвѣчали даже съ дерзостію: одинъ членъ сказалъ консисторскому писцу, посланному для сбора: „много де мы такихъ приказаній слыхали; пусть будетъ вѣдомо: въ нашемъ уѣздѣ никто не заплатитъ, да и платить нечѣмъ (3)“. Монастыри, даже такіе, какъ Троиц-

---

(1) Ист. влад. семин. 84. 87.

(2) Педагог. вѣстн. 1858 г. т. V, замѣтки, стр. 24.

(3) Ист. влад. семин. 85—86.

кая лавра, собирались положить конецъ своей щедрости. Когда имѣнія ихъ были отобраны въ коллегію экономіи и они освободились отъ годичныхъ семинарскихъ платежей, съ нихъ едвали не труднѣе стало сорвать старыя недоимки, чѣмъ съ духовенства. Вотъ одно дѣло такого рода о взысканіи семинарской недоимки за 1763 г. съ угличскаго Алексѣевскаго монастыря ярославской епархіи.

По полученіи консисторскаго указа объ уплатѣ этой недоимки уже въ 1765 г. архимандритъ Павелъ съ братіею репортовали, что „достальнаго за 1763 г. числа хлѣба—ячменя, пшеницы, гороху и за овесъ денегъ 6 р. 8¾ коп. заплатить нечѣмъ, понеже въ оном монастырѣ отъ угличской провинціальной канцеляріи коллежскими ассессорами (такими-то) какъ хлѣбъ, такъ и деньги описано и отобрано въ вѣдомство коллегіи экономіи все безъ остатку“. Въ консисторіи обсудили этотъ отвѣтъ и все-таки рѣшили: „понеже означенный монастырь имѣется положенный въ штатъ, и хотя хлѣбъ и деньги были и описаны, но по разсчету положенная на содержаніе того монастыря сумма въ тотъ монастырь уповательно непремѣнно за прошлый годъ получена да и впредь производиться имѣетъ, а какъ въ доимкѣ на томъ монастырѣ положеннаго на семинарію хлѣба и денегъ состоитъ весьма небольшое число, то оный монастырь отъ платежа той доимки уволить не можно и для того тѣ доимочные хлѣбъ и деньги отъ оного монастыря въ семинарскую контору заплатить неотмѣнно“. Взысканіе платежа поручено было семинарской конторѣ, но она уже знала хорошо алексѣевскаго архимандрита по прежнимъ платежамъ и отказалась отъ этого порученія: „Оной де конторѣ съ того монастыря вышепоказанной доимки взыскать, кромѣ (помимо) консисторіи, не можно, потому-что онаго монастыря настоятель съ братіею той доимки и прежде по требованію семинарской конторы чрезъ долгое время не плачивалъ за одними только своими отговорками, а и нынѣ того платежа вскорѣ не уповательно“. Какъ

бы въ потвержденіе этого архимандритъ прислалъ въ консисторію отвѣтъ на ея указъ съ довольно ловкимъ его опроверженіемъ; онъ извѣщалъ, что указъ получилъ, но что доимки платить все-таки нечѣмъ: „означенный монастырь хотя и имѣется положенный въ штатъ, токмо на ту семинарію платежей никакой суммы отъ коллегіи экономіи не опредѣлено". Послѣ этого консисторія разсердилась и послала въ Алексѣевскій монастырь о доставленіи доимки „въ семъ же мартѣ мѣсяцѣ (а дѣло началось еще въ январѣ) безъ всякаго отлагательства" наистрожайшій указъ. Подѣйствовалъ ли наконецъ этотъ наистрожайшій указъ, не знаемъ (1).

Надобно при этомъ взять во вниманіе еще то естественное раздраженіе, въ какомъ находилось монашествующее духовенство вслѣдствіе отнятія у него вотчинъ, чтобы въ полной мѣрѣ понять смыслъ подобнаго рода отношеній его къ семинаріямъ. Мы знаемъ одинъ весьма выразительный примѣръ, до какихъ опасныхъ для дух. школъ мыслей могло довести это раздраженіе даже архіерея, въ рукахъ котораго находилась вся судьба духовнаго образованія въ епархіи,— говоримъ объ извѣстномъ борцѣ за неприкосновенность церковныхъ вотчинъ Арсеніѣ Мацѣевичѣ ростовскомъ. Увлекшись своимъ горячимъ протестомъ противъ современной реформы, которая между прочимъ обѣщала на счетъ доходовъ съ церковныхъ вотчинъ улучшить судьбу дух. школъ, онъ прямо доказывалъ въ этомъ протестѣ, что содержать и снабдѣвать всякія науки, философскія, богословскія и др. вовсе не есть обязанность архіереевъ: „намъ по слову Божію то одолженіе, что и апостоломъ отъ Христа преданное, сирѣчь: шедше, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ... А чтобы академіи заводить, того нигдѣ не

(1) Ярославск. епарх. вѣд. 1872 г. № 17, стр. 136—137.

обрѣтаемъ. Аще бы и сіе не было противно, то чѣмъ и какимъ иждивеніемъ заводить, когда послѣднее содержаніе и пропитаніе отъ архіереевъ и монастырей отъемлется?... Нужны суть воистину школы и академіи, но надлежащимъ порядкомъ, какъ издревле бывало въ Греціи, а теперь на западѣ,—сирѣчь по мѣстамъ знатнымъ, въ царствующихъ градѣхъ, на коштѣ государевомъ, какъ то и Д. Регламентъ, еже его внятно въ тонкость прочесть, повелѣваетъ академіямъ и семинаріямъ быть при Синодѣ на государственномъ коштѣ. А при архіереяхъ быть школамъ нужно для священническихъ дѣтей къ произведенію въ священство, дабы могли исправно читать и разумѣть, что читаютъ. И таковыя школы при архіереяхъ не иныя нужны, токмо русскія, понеже въ церквахъ у насъ не полатынѣ, ниже другими иностранными языками читается и поется и служба Божія совершается, но порусски". Для разумѣнія читаемаго, по мнѣнію Арсенія, достаточно изучить только катихизисъ Петра Могилы, ибо по Екклезіасту во множествѣ мудрости множество разума, а приложивый разумъ приложитъ болѣзнь. Въ инструкціи коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ говорилось между прочимъ о развитіи церковнаго проповѣдничества; Арсеній полемизировалъ и противъ этого на основаніи словъ апостола: не мнози учители бывайте, и фактовъ древней церковной исторіи на счетъ того, какъ мало было церковныхъ проповѣдниковъ въ старое благочестивое время[1]. Онъ отрекался такимъ образомъ отъ всѣхъ просвѣтительныхъ требованій, какія выработала новая жизнь въ Россіи послѣ реформы Петра, отрекался даже отъ главной, просвѣтительной миссіи, которая такъ вознесла въ Великороссіи его земляковъ-малороссовъ, пошелъ назадъ, къ тому времени, когда для священника дѣйствительно достаточно было знать только русскую грамоту.

---

[1] Чт. О. Ист. и древн. 1863 г. кн. II.

Почти уже годъ спустя послѣ прекращенія школьныхъ сборовъ коммиссія о церковныхъ имѣніяхъ представила императрицѣ докладъ (отъ 4 янв. 1765 г.), въ которомъ писала, что „о содержаніи семинарій особливые штаты" все еще „дѣлаются съ немалымъ разсмотрѣніемъ, которые вскорѣ хотя и окончатся, однакожъ по онымъ дѣйствіе самое начато не инако быть можетъ, какъ съ сентября мѣсяца наступившаго года, дабы потому имѣть довольное время для учрежденія надлежащаго строенія и пріисканія достойныхъ учителей"; что поэтому, пока дѣло о штатахъ продолжается, изъ коллегіи экономіи слѣдуетъ выдать на содержаніе семинарій деньги за двѣ трети года до сентября мѣсяца въ количествѣ 22,951 р. 57 к. Утвердивъ этотъ докладъ, императрица округлила эту сумму, дополнивъ ее до 25.000 р. (1). Сумма эта назначена была не по разсчету предполагаемыхъ новыхъ штатовъ, а по примѣрному изчисленію прежнихъ училищныхъ расходовъ, о которыхъ для этого наводились по епархіямъ справки. Такъ напр. троицкая семинарія получила тогда за двѣ трети 3267 р. 75 к.; сумма эта опредѣлена была по вѣдомостямъ, вытребованнымъ отъ лавры, съ показаніемъ, сколько чего отъ лавры на семинарію исходитъ (2). Точно также послѣ отмѣны хлѣбнаго сбора потребованы были отъ харьковскаго коллегіума справки о томъ, какую сумму составляли ежегодно сборы за хлѣбъ, сколько изъ нея платилось жалованья учителямъ и шло въ расходъ на содержаніе бѣдныхъ учениковъ, какіе у коллегіума есть грунты и заводы и сколько съ нихъ получается и проч. (3). Изъ цифръ назначенныхъ въ 1765 г. третныхъ окладовъ нельзя однако не видѣть, что они были ниже прежнихъ се-

---

(1) Ист. Спб. акад. 73.

(2) Ист. троицк. семин. 176—177.

(3) Харьк. епарх. вѣд. 1873 г., № 4, стр 185: Очеркъ истор. харьк. коллегіума.

минарскихъ доходовъ и изчислялись или съ крайней урѣзкой послѣднихъ, или вѣроятно по количеству однихъ только расходовъ изъ хлѣбнаго сбора. Голодавшія семинаріи, разумѣется, рады были и этой выдачѣ. Притомъ же впереди была надежда на опредѣленіе постоянныхъ штатовъ. Въ этой надеждѣ прошло еще двѣ трети года и подходилъ вожделѣнный сентябрь, до котораго была опредѣлена указомъ временная выдача суммъ. Но разочарованіе наступило еще раньше; 11 августа 1765 г. послѣдовалъ высочайшій указъ коллегіи экономіи: „пока совершится новое учрежденіе о всѣхъ епархіальныхъ семинаріяхъ, о которыхъ мы теперь прилагаемъ непремѣнное попеченіе, то повелѣваемъ продолжать старое онымъ содержаніе впредь до указу". На этотъ разъ уже не назначено было и срока, до котораго можно было надѣяться получить постоянные оклады. Въ слѣдующемъ году новое учрежденіе объ епархіальныхъ семинаріяхъ, о которыхъ прилагалось такое „непремѣнное попеченіе", было наконецъ выработано съ опредѣленіемъ достаточныхъ для нихъ штатныхъ окладовъ и представлено работавшей надъ нимъ коммиссіей на высочайшее утвержденіе. Но дѣло и тутъ пошло въ оттяжку, будучи, какъ мы видѣли, передано на разсмотрѣніе коммиссіи о составленіи уложенія.

Величина окладовъ, ассигнованныхъ по указу 1765 г. далеко не оправдывала обѣщаній, какія духовенство получало до этого времени, была несравненно ниже не только той, какая была опредѣлена въ проектѣ коммиссіи о духовныхъ школахъ, но и той, которая назначалась въ указѣ императора Петра III объ отобраніи церковныхъ вотчинъ. По совершеніи секуляризаціи церковныхъ вотчинъ правительство стало получать съ нихъ до 3,000,000 руб. одного ежегоднаго оброка съ крестьянъ и роскошно воспользовалось новымъ источникомъ доходовъ для осуществленія разныхъ посторонніхъ для духовнаго вѣдомства потребностей и въ пользу разныхъ частныхъ лицъ изъ дворянства.

а на всѣ духовные штаты назначило всего 403,712 р. въ томъ числѣ только 40,000 р. на духовныя школы, такъ что слова, сказанныя недавно въ манифестѣ Екатерины о секуляризаціи, предпринятой Петромъ III: „кажется, надобность состояла только въ томъ, чтобы отобрать у духовныхъ имѣнія, а чтобъ осмотрительныя взять мѣры о порядочномъ и какъ для церкви и дух. чина безобидномъ, такъ и для отечества полезномъ управленіи, о томъ и не подумано“, могли быть въ полной силѣ приложены къ ея собственнымъ распоряженіямъ объ этомъ предметѣ. Время секуляризаціи церковныхъ вотчинъ было, можно сказать, самымъ удобнѣйшимъ временемъ для рѣшенія вопроса объ улучшеніи быта не только нашихъ духовныхъ училищъ, но даже всего нашего духовенства въ теченіе всей русской исторіи; но правительство Екатерины не воспользовалось тогда полученными имъ богатыми средствами для достиженія этой самой приличной для нихъ цѣли и оставило предстоявшій предъ нимъ вопросъ безъ рѣшенія въ тяжелое наслѣдіе послѣдующихъ царствованій до нашего времени.

Именнымъ указомъ повелѣно было впредь до положенія штатовъ на всѣ 28 тогдашнихъ духовно-учебныхъ заведеній отпускать 40,000 р. въ годъ, распредѣляя эту сумму по заведеніямъ сообразно съ ихъ важностію и числомъ учениковъ (1). На московскую академію назначено 4847 р. 16 к., На семинаріи положены слѣдующіе оклады: на новогородскую всѣхъ больше—8285 р. 23½ к., на троицкую 4901 р. 62½ к. на невскую 2146 р. 90½ к., казанскую 1635 р. 87½ к. на харьковскій коллегіумъ 816 р. съ копѣйками, потомъ, вслѣдствіе расширенія его курса нѣкоторыми прибавочными свѣтскими науками по представленію дворянъ, въ томъ же 1765 г. 3000 р. (2), на рязан-

(1) Послѣд. цифры извлекаемъ изъ Ист. Росс. іер. т. I.

(2) Ист. Харьк. колл. въ Дух. Бесѣд. 1863 г. № 23. Эти 3000 р употреблялись впрочемъ исключительно на одни прибавочные классы и

скую семинарію 1633 р. 87 к., на ярославскую и крутицкую по 1143 р. 70½ к., на смоленскую, архангельскую, коломенскую, псковскую, нижегородскую, тверскую, суздальскую и переяславль-залѣсскую по 816 р. 93¾ к., вологодскую 716 р. 93¾ к., владимірскую, устюжскую и воронежскую по 653 р. 55 к. (1), вятскую 490 р. 93¾ к., тобольскую 490 р. 16½ к. На семинаріи черниговскую и переяславскую новые оклады не были назначены, такъ какъ на Малороссію штаты еще не простирались; по той же причинѣ и кіевская академія получила только небольшую прибавку къ прежнему окладу и стала получать всего 500 р. изъ суммъ малороссійскаго казначейства. Могилевская семинарія оставлена при прежнемъ своемъ окладѣ (въ 400 р.).

Такъ какъ оклады эти объявлены были временными (впредь до положенія штатовъ), то самая выдача ихъ изъ коллегіи экономіи долгое время не организовалась, какъ слѣдовало, и производилась весьма неисправно, что было новымъ источникомъ школьныхъ затрудненій. Мы видѣли, какъ на это обстоятельство жаловался ректоръ троицкой семинаріи, находившейся въ сравнительно болѣе выгодномъ положеніи. чѣмъ семинаріи провинціальныя, и пользовавшейся сильной поддержкой Платона Левшина. Вотъ еще подобная же жалоба, поданная полковому эсаулу Слободской украйны конторою харьковскаго коллегіума: „по состоявшемуся августа 11 дня прошлаго 1765 г. именному ея имп. величества указу за собственноручнымъ ея подписаніемъ велѣно, — пока со-

---

состояли даже не въ вѣденіи коллегіумскаго начальства, а въ вѣденіи губернскаго правленія. См. Харьк. епарх. вѣдом. 1873 г. стр. 184—185: о харьк. коллегіумѣ.

(1) Изъ этой суммы въ воронежской семинаріи почему-то до 1778 г. производился третной вычетъ, возвращенный въ этомъ году сполна за всѣ 11 лѣтъ. См. Ворон. епарх. вѣд. 1868 г. № 2, стр. 43—44 въ примѣчаніи.

вершится новое учрежденіе о всѣхъ епархіальныхъ семинаріяхъ, о которомъ ея имп. величество прилагаетъ непремѣнное попеченіе, продолжать старое онымъ содержаніе впредь до указу; и въ силу того ея в—ва высочайшаго указа на содержаніе въ епархіи св. прав. Синода члена преосв. Порфирія епископа бѣлоградскаго и обоянскаго семинаріи прошлаго 1765 г. за январьскую и майскую трети жалованья изъ бѣлгородской губернской канцеляріи 544 р. 62½ к. выдано, а за сентябрьскую треть, такожъ и нынѣшняго 1766 г. за январьскую треть, которая впредь чрезъ немногія уже числа кончается, учители и ученики за невыдачею жалованья представляютъ во всемъ крайную нужду; и ежели прошедшаго 1765 за сентябрьскую, а сего 1766 годовъ за январьскую трети учители и ученики не будутъ удовольствованы, то оное коллегіумъ состоять будетъ безъ государственной пользы и всѣ, какъ учители, такъ и ученики разойдутся. О чемъ вамъ для представленія, куда надлежитъ, сообщается" (1).

Кромѣ подобнаго рода временныхъ неудобствъ, которыя съ теченіемъ времени были устранены устройствомъ выдачи окладовъ не изъ коллегіи экономіи, а изъ мѣстныхъ казначействъ каждаго семинарскаго города, духовныя школы сразу не могли не почувствовать недостаточности своего содержанія. Денежныя средства ихъ теперь почти повсюду сдѣлались богаче, чѣмъ въ прежнее время, но за то для нихъ прекратились доходы разными хозяйственными продуктами, которые составляли прежде болѣе, чѣмъ подспорье къ денежнымъ дачамъ какъ для учениковъ, такъ и для всѣхъ служившихъ въ духовно-учебной службѣ, составляли, можно сказать, главную статью семинарской экономіи. Вмѣстѣ съ сборами съ епархій послѣ 1764 г. для

(1) Харьк. епарх. вѣд. 1873 г № 4, стр. 187: Ист. Харьк. коллегіума.

дух. школъ прекратились или по крайней мѣрѣ значительно оскудѣли и прежнія щедрыя даянія изъ архіерейскихъ домовъ и монастырей, лишившихся своихъ прежнихъ богатствъ навсегда. Для монастырей штаты были еще скуднѣе, чѣмъ для школъ, а архіереи были вознаграждены за свои домовыя богатства такими окладами, на которые они едва только могли поддерживать свои дома и свое административное положеніе. Изъ епархій поэтому немедленно стало являться въ Петербургъ множество просьбъ о прибавкахъ къ школьнымъ окладамъ; временный характеръ послѣднихъ на этотъ случай очень пригодился въ качествѣ наиболѣе удобнаго мотива и подкрѣпленія подобныхъ просьбъ. Вслѣдствіе просьбъ оклады лѣтъ черезъ 10 послѣ своего назначенія стали постепенно увеличиваться, кромѣ того иногда правительство выдавало семинаріямъ пособія посредствомъ единовременныхъ денежныхъ ассигновокъ.

Послѣдняго рода пособія выдавались впрочемъ очень рѣдко. Можно сказать вообще, что получить что нибудь лишнее для своихъ школъ сверхъ штатныхъ окладовъ могли только тѣ изъ архіереевъ, которые пользовались почему нибудь особеннымъ вниманіемъ императрицы или которыхъ она считала неловкимъ обидѣть, а также тѣ, которые успѣвали сообщить ей о семинарскихъ нуждахъ лично во время ея проѣзда чрезъ ихъ епархіи, когда она особенно любила сіять щедростію. Посѣщеніе ею семинарій всегда сопровождалось разными пожертвованіями въ ихъ пользу. Епархіальныя и семинарскія начальства въ этихъ торжественныхъ случаяхъ приготовляли ей по возможности блестящую встрѣчу, для чего выбирали изъ семинаристовъ самыхъ красивыхъ отроковъ, наряжали ихъ въ тріумфальный уборъ, состоявшій обыкновенно изъ бѣлыхъ длинныхъ и накрахмаленныхъ хитоновъ съ позументами и разноцвѣтными лентами, зеленыхъ вѣнковъ на напудренныхъ и завитыхъ головахъ, чулковъ и башмаковъ на ногахъ и вѣтвей

въ рукахъ (1), сочиняли для того же особенныя рѣчи, диспуты, стихи, канты въ родѣ: „Гряди, желаннѣйшая мати," или: „Пріиди Екатерина, надежда всѣмъ едина" и т. п. Троицкая семинарія по случаю такихъ высочайшихъ посѣщеній получила: въ 1762 г. 500 р., въ 1767 — 660 отъ самой императрицы и 140 р. отъ наслѣдника престола, въ 1775 — 500 отъ императрицы, 200 отъ Потемкина, сопровождавшаго ее, и 300 отъ м. Платона (2). Такими же подарками мѣстнымъ семинаріямъ сопровождались посѣщенія ею Твери, Нижняго и Казани во время ея путешествія по Волгѣ въ 1767 году, а также ея путешествія по западному и южному краю (3). Единовременныя пособія ассигновались нѣкоторымъ архіереямъ главнымъ образомъ на постройки семинарскихъ зданій. Такъ, въ 1775 г. по ходатайству Платона, бывшаго тверскимъ архіепископомъ, тверская семинарія на устройство своего дома получила изъ казны 15000 р. (4). По просьбѣ другаго уважаемаго императрицей архіерея Дамаскина Руднева нижегородскаго нѣсколько разъ выдавались изъ казначейства суммы на возобновленіе разныхъ церковныхъ зданій въ нижегородской епархіи и между прочимъ зданій семинаріи; самъ Дамаскинъ называетъ эти выдачи „достаточными"; точное количество ихъ опредѣленно неизвѣстно. — извѣстно только, что въ теченіе одного 17-6 г. нижегородская казенная палата выдала ему 4896 р. слишкомъ (5). Послѣ казанскаго пожара 1765 г. изъ коллегіи экономіи выдана

---

(1) Въ 1762 г. троицкая семинарія издержала на такой уборъ 250 руб. 84 к.

(2) Ист. троицк. семин. 440—441.

(3) Псковская наприм. семинарія въ 1780 г. получила 500 руб. (Ист. пск. сем. 136), а Харьковскій коллегіумъ въ 1787 г. 1000 р. (Дух. Бесѣд. 1863 г. № 23).

(4) Біограф. тверск. іер. 136.

(5) Ист. нижг. іерарх. 176—177.

была сумма на возобновленіе погорѣвшаго зданія казанской семинаріи; но казанскому архіерею Веніамину Григоровичу полученіе этой суммы досталось не легко,—деньги были высланы послѣ четырехкратнаго ходатайства съ его стороны и не ранѣе, какъ черезъ годъ (1). Въ 1774 г. Казань подверглась погрому Пугачева, во время котораго семинарія вновь была сожжена вмѣстѣ съ множествомъ другихъ казенныхъ зданій, и для возобновленія ея снова потребовалось пособіе изъ казны, но на этотъ разъ казна не была такъ щедра. По первому впечатлѣнію при полученіи извѣстія о казанскомъ бѣдствіи императрица велѣла казанскому губернатору кн. Мещерскому составить подробную смѣту на необходимыя поправки казенныхъ зданій. По этой смѣтѣ на епархіальныя зданія, въ томъ числѣ на семинарію и ново-крещенскія школы требовалось 54541 р. Епархіальное начальство стало съ нетерпѣніемъ ждать утвержденія этой смѣты, но такъ и не дождалось. Постройку семинаріи пришлось вести на одни мѣстныя средства духовнаго вѣдомства, вслѣдствіе чего она затянулась до 1790-хъ годовъ и кончена была уже при архіереѣ Амвросіѣ Подобѣдовѣ. Между тѣмъ указомъ св. Синода отъ 7 сентября 1788 г. по епархіямъ было предписано, чтобы „по силѣ учиненнаго въ правительствующемъ сенатѣ опредѣленія всѣ по дух. мѣстамъ оказывающіяся въ строеніяхъ ветхости исправляемы были на отпускаемую по штатамъ сумму, отнюдь не требуя больше отъ казны.“ Указъ этотъ, выданный по поводу просьбъ изъ Казани, очень огорчилъ архіереевъ, такъ какъ отнималъ у нихъ всякія надежды на прибавочныя къ штатамъ ассигновки. „Получилъ и я извѣстіе, что отказано въ деньгахъ на поправку церковныхъ зданій, писалъ м. Платонъ Амвросію въ Казань,—и не дивлюсь этому, а тому больше удив-

(1) Прав. Собес. 1868 г. т. III. 130.

ляюсь, что наши не только не заботятся облегчить эти бѣдствія, но еще умножаютъ ихъ и увеличиваютъ. Тѣ отказали въ деньгахъ во время войны, а эти навсегда. Но тяжелѣе самаго отказа то, что мы и на свои деньги ничего не можемъ возобновлять въ домахъ и монастыряхъ, не испросивъ дозволеніе отъ свѣтскаго начальства" (1). Послѣ этого единовременныя пособія семинаріямъ изъ казны при Екатеринѣ по всей вѣроятности совершенно прекратились.

Увеличеніе штатныхъ окладовъ продолжалось до 1784 г. Сколько извѣстно, первый изъ архіереевъ рѣшился обратиться къ императрицѣ съ просьбой объ увеличеніи семинарскаго оклада Платонъ во время своего служенія въ тверской епархіи; въ 1774 г. по его ходатайству къ осьмисотенному окладу тверской семинаріи прибавлена 1000 руб.; въ 1784 г. этотъ окладъ былъ увеличенъ до 2000 руб. въ годъ (2). Въ 1779 году увеличены до 2000 руб. оклады семинарій псковской (3) и тобольской; въ 1780 г. до такой же суммы — оклады семинарій ярославльской, рязанской, смоленской, нижегородской, воронежской и владимірской и до 2500 р. окладъ семинаріи могилевской-вновь назначенъ 2000—ный окладъ для школы бѣло-городской, изъ котораго впрочемъ половина отдѣлялась въ харьковскій коллегіумъ, такъ какъ въ Бѣлгородѣ были только низшіе классы; въ 1782 г. такимъ же 2000-нымъ окладомъ обезпечена семинарія крутицкая, а въ 1783 вятская (4). Въ 1784 г. прибавлено было 2353 р. къ окладу петербургской семинаріи, такъ что она стала съ этого времени получать 4500 р. въ годъ; возвышены до 2000 р. оклады и

(1) Прав. Собесѣд. 1873 г. III. 100—101.

(2) Послѣд. цифры, кромѣ особо поцитованныхъ, извлекаемъ изъ Ист. Росс. іер.

(3) Ист. псковск. сем. 82. П. С. З. № 14894.

(4) П. С. З. IV 15753. Страни. 1860 г. Май, 157: Амвросій Подобѣдовъ.

другихъ семинарій. Вновь открывавшіяся семинаріи съ самаго же начала были обезпечиваемы 2000 руб. Съ 1784 г. на всѣ духовно-учебныя заведенія постоянно отпускалось 77431 р. 27½ к. въ годъ и менѣе 2000 р. не получала уже ни одна семинарія. Но это возвышеніе окладовъ едва ли было сколько нибудь чувствительно для благосостоянія семинарій, потому что въ теченіи 20 лѣтъ послѣ штатовъ (1765—1784) число духовныхъ учениковъ успѣло возрасти почти вдвое, увеличилось, какъ увидимъ, и число самихъ дух. школъ.

Въ 1780-хъ годахъ штатные оклады стали назначаться и на югозападныя семинаріи. Прежде всего ими обезпечивались здѣсь новыя семинаріи, — въ 1779 г. екатеринославская въ Полтавѣ и въ 1785 г. слуцкая при коадъюторѣ кіевскаго митрополита Викторѣ Садковскомъ; на ту и другую положено по 2000 р. (1). Въ 1786 г. на Малороссію простерлась секуляризація церковныхъ имѣній и потребовалось опредѣлить штатными окладами остальныя семинаріи и академію. Послѣдняя получила окладъ въ 8400 р., возвышенный въ слѣдующемъ году до 9000 р.; на семинаріи опредѣлено отпускать по 2000 руб. Окладъ этотъ назначался потомъ на всѣ вновь открывавшіяся семинаріи (2). Но вмѣстѣ съ этимъ академія и харьковскій коллегіумъ, неразрывно связанные съ своими монастырями, при которыхъ они существовали и содержались, навсегда лишились самаго богатаго источника для своего содержанія, своихъ вотчинъ, которыя были отобраны отъ нихъ вмѣстѣ со всѣми церковными вотчинами. Въ 1787 г. отъ Покровскаго харь-

---

(1) Ист. іер. I, 449. О слуцкой семин. см. Черниг. епарх. изв. 1870 г. № 21: Свидѣтельство кіевской казен. палаты отъ 10 октября 1785 г.

(2) Ист Росс. іер. I, 421. 443. 451. Черниг. епарх. Изв. 1871 г. № 12, стр. 376. Ист. кіевск. акад. 118. *Аскоченскаго*: Кіевъ II, 354. Ист. харьк. колл. въ Дух. Бес. т. XVIII, 190.

ковскаго монастыря отобраны были всѣ имѣнія, отъ которыхъ содержался коллегіумъ, не исключая и пожертвованныхъ кн. Голицынымъ, которыя тоже подведены были подъ разрядъ монастырскихъ, и вмѣсто всѣхъ доходовъ съ нихъ на содержаніе коллегіума положено было отпускать, какъ и на всѣ другія семинаріи, всего по 2000 р. въ годъ; еще раньше отобраны были отъ него въ казенное вѣдомство и доходы отъ Каплуновской иконы Богоматери (1).

Послѣ 1786 г. оклады семинарій оставались неизмѣнными до конца царствованія Екатерины. Извѣстенъ только одинъ случай увеличенія штатнаго оклада для смоленской семинаріи. Воспользовавшись посѣщеніемъ императрицей Смоленска въ 1787 г. во время ея извѣстнаго путешествія въ Крымъ, преосвященный смоленскій Парѳеній лично просилъ ее объ усиленіи средствъ къ содержанію своей семинаріи посредствомъ прибавки къ ея 2000-ному окладу еще 2260 р. на содержаніе корпусовъ, пропитаніе сиротъ, на больницу и три нормальныхъ училища. Императрица согласилась и вскорѣ отъ графа Безбородко пришло извѣщеніе: „ея величество, принявъ за благо представленіе вашего преосвященства о множествѣ учащихся, о способѣ ученія по образу нормальныхъ школъ и о намѣреніи вашемъ распространить ученіе какъ въ семинаріи, такъ и въ школахъ по городамъ, отъ нея зависимыхъ, и поспѣшествуя столь похвальному подвигу вашего пр-ва, высочайше указать изволила въ дополненіе къ получаемой на смол. семи-

(1) Дух. Бесѣд. т. XVIII 193: Истор. харьк. коллегіума, и Харьк. епарх. вѣд. 1873 г. стр. 184—185: тоже ист. коллегіума св. *Солнцева* Въ первой статьѣ отобраніе имѣній Покровскаго монастыря отнесено къ 1798 г., а отобраніе каплуновскихъ доходовъ къ 1780 г. Въ ист. Росс. іер. и то и другое помѣчается 1780 г. Во второй статьѣ о. Солнцева секуляризація покровскихъ вотчинъ правильнѣе отнесена къ 1787 г., что подтверждается приведеннымъ тамъ же въ самомъ текстѣ документомъ, указомъ мѣстнаго архіерея.

нарію годовой суммѣ дополнить еще по 2500 р.“ Сумма эта за первый годъ была немедленно выдана изъ кабинета; но ассигновка дополнительнаго оклада на послѣдующіе годы долго не была сдѣлана по причинѣ войны. Парѳеній не переставая хлопоталъ объ исполненіи указа и обращался съ просьбами о томъ къ разнымъ лицамъ, окружавшимъ государыню, наконецъ по совѣту Трощинскаго уже въ ноябрѣ 1792 г. обратился съ письменнымъ прошеніемъ къ ней самой и на этотъ разъ достигъ своей цѣли. Въ началѣ 1793 г. высочайшимъ указомъ повелѣно было отпускать на смоленскую семинарію ежегодно по 4500 р. и выдать единовременно все, что слѣдовало къ выдачѣ ей съ 1788 г., со времени первой ассигновки дополнительнаго оклада (1).

Новыя прибавки къ штатнымъ окладамъ всѣхъ вообще дух. учрежденій, въ томъ числѣ и дух. школъ, послѣдовали уже въ слѣдующее царствованіе. Императоръ Павелъ Петровичъ предпринялъ въ свое царствованіе новыя реформы духовныхъ школъ. составлявшія по характеру своему переходъ отъ Екатерининскихъ не осуществившихся предначертаній о дух. образованіи къ реформѣ его въ 1808 году. „Попеченіе о благоустройствѣ церкви и призрѣніе къ служащимъ ей почитая одной изъ главнѣйшихъ обязанностей царствованія, писалъ благочестивый государь въ указѣ отъ 18 декабря 1797 г., признали мы за благо на пользу оной слѣдующія распоряженія: какъ просвѣщеніе и благонравіе духовнаго чина способствуютъ просвѣщенію и утвержденію добрыхъ нравовъ и въ мірскихъ: то и полагаемъ начальнѣйшею надобностію устроеніе въ лучшемъ по возможности видѣ духовныхъ училищъ.“ Прежде всего, „дабы всѣ дух. училища нескудное имѣли содержаніе,“ положено было увеличить ихъ оклады почти вдвое, допол-

(1) Опис. смоленск. епарх. 129. 199—201.

нивъ прежнюю сумму, выдававшуюся на нихъ (77431 руб. 27 к.), до 142,000 р. (1). Послѣ этого менѣе 3000 р. не получала ни одна семинарія, кромѣ харьковскаго коллегіума, который оставался при прежнемъ окладѣ. Окладъ этотъ, какъ и прежде, восполнялся отдѣленіемъ въ пользу коллегіума почти половины оклада семинаріи бѣлогородской; послѣ 1797 г., когда послѣдняя получила окладъ въ 4000 р., коллегіумъ получалъ отъ нея по 1750 р. въ годъ, что продолжалось до 1800 г., когда на коллегіумъ ассигновано было по 2000 р. въ годъ особо отъ бѣлогородскаго оклада (2). Вновь учреждавшіяся семинаріи получили тоже возвышенные противъ прежняго оклады, минимумъ которыхъ не спускался ниже 2500 руб. Вслѣдствіе частныхъ прибавокъ и назначенія новыхъ окладовъ для вновь открывавшихся семинарій къ концу царствованія общая сумма училищныхъ штатовъ постепенно возвысилась до 181,931 р. 62½ к. (3).

Кромѣ возвышенныхъ окладовъ, разныя семинаріи получали отъ государя довольно щедрыя единовременныя пособія для удовлетворенія своимъ экстреннымъ нуждамъ, на которыя текущихъ доходовъ не хватало. Такъ, въ 1797 г., посѣтивъ послѣ своей

---

(1) П. С. З. т XXV, № 18273. Новые штатные оклады были распредѣлены такъ (см. Книг. штат. № 18173): для трехъ академій назначено по 12000, для четвертой казанской 10000 р., на семинаріи — новгородскую 4715, смоленскую 4500, тобольскую, ростовскую, тверскую, нижегородскую, бѣлогородскую, суздальскую, вологодскую по 4000, — столько же въ томъ же году ассигновано на семинарію виленскую, — на псковскую, рязанскую, екатеринославскую, могилевскую, коломенскую, вятскую, воронежскую, архангельскую, костромскую, тамбовскую, орловскую и переяславскую по 3500, на астраханскую, черниговскую, минскую, иркутскую и брацлавскую по 3000 р. Столько же въ томъ же году положено на семинарію подольскую. Семинарія троицкая (съ прибавкой 2000) стала получать 6901 р. 62½ коп. (Ист. троицк. сем. 212.)

(2) Ист. Росс. Іер. I, 640.

(3) Докладъ комит. 1808 г.

коронаціи Троицкую лавру, онъ пожертвовалъ на лаврскую семинарію 2100 р., которыя и были употреблены въ раздѣлъ между служившими при семинаріи и на улучшеніе бурсацкаго стола (1) Въ томъ же году по высочайшему повелѣнію ассигновано было 30,000 р. съ отпускомъ этой суммы въ три года на построеніе семинаріи виѳанской и 5000 р. на возобновленіе зданій казанской семинаріи послѣ постигшаго ее тогда пожара (2). Въ 1798 году изъ государственнаго казначейства единовременно было отпущено 32781 р. 26½ к. на исправленіе построекъ въ старыхъ семинаріяхъ; указъ объ этой выдачѣ долженъ былъ на столько же обрадовать семинаріи и архіереевъ, на сколько ихъ огорчилъ упомянутый совершенно противоположный ему Екатерининскій указъ 1788 г. Св. Синодъ тогда же разослалъ по епархіямъ запросы, въ какомъ положеніи находятся тамъ старыя семинарскія зданія, и на основаніи донесеній и просьбъ изъ епархій дѣлалъ потомъ изъ полученной суммы потребныя ассигновки. Такъ наприм. псковская семинарія, нуждавшаяся въ расширеніи своего помѣщенія, тогда же получила отъ него на устроеніе новаго флигеля 2000 р. Такъ какъ этой суммы не хватило у нея на всю постройку, то въ 1800 г. св. Синодъ разрѣшилъ семинаріи для той же цѣли получить еще 1935 р. изъ суммъ псковской консисторіи, оставшихся изъ штатнаго жалованья псковскихъ церквей по случаю упраздненія нѣкоторыхъ изъ нихъ (3). Въ 1801 г. св. Синодъ ассигновавъ 6000 р. на строенія и починки въ черниговской семинаріи „въ разсужденіи умножившагося знатнаго количества учениковъ“ (4).

---

(1) Ист. троицк. семин. 212.

(2) Правосл. Собесѣдн. 1868 г. Ш. 132. П. С. 3. № 17949.

(3) Ист псковск. семин. 83. 91. Тамбовская семинарія получила тогда же 3600 р. См. Тамб. епарх. вѣд. 1862 г. № 1, стр. 33.

(4) Черниг. епарх Изв. 1871 г. № 12, стр. 380.

Удвоеніе училищныхъ окладовъ конечно было весьма благодѣтельно для благосостоянія духовныхъ школъ, но все-таки не могло считаться окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса объ ихъ обезпеченіи, потому что къ началу XIX столѣтія и число учащихся тоже болѣе, чѣмъ удвоилось. На эти 181,931 р. нужно было содержать уже 4 академіи, 36 семинарій и (по счету комитета 1808 г.) до 115 малыхъ училищъ съ 29,000 учащихся. Поэтому, немного времени спустя, въ 1807 г. удвоенную сумму окладовъ снова потребовалось удвоить, что и сдѣлалъ императоръ Александръ Благословенный, назначивъ въ этомъ году къ отпуску на дух. школы 338,863 р. Въ тоже время, сознавая недостаточность и этой прибавки къ школьнымъ окладамъ, правительство серьезно занялось вопросомъ объ изысканіи средствъ къ постоянному обезпеченію дух. школъ и всего вообще духовенства и учредило для разработки этой задачи особый комитетъ, дѣломъ котораго была всесторонняя реформа дух. училищъ, давшая имъ новую жизнь. Въ знаменитомъ докладѣ этого комитета находимъ самое компетентное сужденіе о недостаточности существовавшихъ до него школьныхъ окладовъ: „не возможно, говорится здѣсь, содержать училищный домъ, учителей, библіотеку, учебныя пособія и до 1000 учениковъ на иждивеніи 8000 р., что составляетъ высшій окладъ семинаріи, простирающійся и въ самыхъ академіяхъ не болѣе, какъ отъ 20460 до 24000 р." Такая недостаточность окладовъ, по словамъ доклада, всегда была „непреоборимымъ препятствіемъ" для усилій и усердія епархіальныхъ начальствъ ко всякаго рода усовершенствованіямъ и по учебной части дух. училищъ, тоже страдавшей разными недостатками.

Нужно прибавить къ этому еще то, что изъ своихъ скудныхъ окладовъ семинаріи должны были удѣлять болѣе или менѣе значительныя суммы на содержаніе низшихъ школъ, потому что ни Екатерининскіе, ни Павловскіе штаты на эти низшія школы не про-

стирались, не смотря на то, что коммиссія о духовныхъ школахъ въ своемъ проектѣ при назначеніи школьныхъ окладовъ не забыла и ихъ. Казенные оклады положены были только на нѣкоторыя низшія училища уже послѣ составленія штатовъ, по особымъ всемилостивѣйшимъ распоряженіямъ. Такъ въ 1775 г. Платонъ московскій испросилъ по 300 р. оклада на два учрежденныя имъ училища въ звенигородскомъ Саввинномъ монастырѣ и калужскомъ Лаврентьевскомъ (1). Въ 1779 г. велѣно было отпускать по 500 р. ежегоднаго оклада на училище невельское псковской епархіи (2). Кромѣ этихъ окладовъ, кажется, не было еще ни одного училищнаго оклада отдѣльнаго отъ семинарскихъ. Указы объ открытіи училищъ, касаясь вопроса объ ихъ содержаніи, прямо соединяли это содержаніе съ мѣстнымъ семинарскимъ окладомъ. Въ 1787 г. сдѣлавъ упомянутую нами прибавку оклада для смоленской семинаріи, императрица въ тоже время указала смоленскому епископу Парѳенію открыть на эти увеличенныя средства нормальныя школы при своихъ училищахъ (3). Даже отдѣльные оклады училищъ выдавались въ прибавокъ къ общему семинарскому окладу. Такъ, въ 1779 г. къ окладу псковской семинаріи прибавлено было 500 р. „въ диспозицію псковскаго архіерея на заведеніе въ той же епархіи въ полоцкой губерніи школъ“ (4); эта сумма и составила окладъ невельской школы. Точно также въ случаѣ упраздненія семинаріи и обращенія ея въ низшую школу окладъ ея обращался въ собственность той семинаріи, въ подчиненіе которой она поступала. Такимъ образомъ наприм. въ 1788 г. послѣ соедине-

---

(1) Автобіогр. Платона. Ист. моск. епарх. управл. ч. III. отд I примѣч. 45. Ист. моск. акад. 289—290.

(2) Ист. пск. семин. 83.

(3) Опис. смол. епарх. 193.

(4) П. С. З. № 14894.

нія новгородской семинаріи съ петербургской и обращенія ея въ низшую школу ея окладъ въ 8285 руб. былъ присоединенъ къ окладу петербургской семинаріи; при этомъ въ указѣ императрицы на имя м. Гавріила между прочимъ было сказано: „мы надѣемся на ревность и усердіе ваше къ закону и отечеству нашему, что вы сіе наилучшимъ образомъ учредите и пользу онаго распространите и на заведеніе въ другихъ мѣстахъ епархіи, вамъ ввѣренныхъ, малыхъ училищъ“ (1).

Величина окладовъ, какіе отдѣлялись отъ семинарскихъ суммъ въ пользу низшихъ школъ, была различна, вполнѣ завися отъ усмотрѣнія епархіальныхъ архіереевъ, въ иныхъ мѣстахъ и для иныхъ школъ была довольно значительная, рублей до 200, для другихъ очень не большая, рублей до 10—5, но при малости семинарскихъ окладовъ все-таки чувствительная для семинарій, особенно если въ епархіи было нѣсколько такихъ школъ. Наибольшее количество училищной суммы, выдѣлявшейся изъ семинарскихъ средствъ, видимъ въ епархіяхъ новгородской до упраздненія новгородской семинаріи, смоленской и псковской. Въ первой на три училища въ Валдаѣ, Боровичахъ и Старой Русѣ по указу м. Гавріила отъ 1780 г. отпускалось по 150 р., впрочемъ изъ сверхштатной семинарской суммы (2). Въ смоленской епархіи послѣ усиленія семинарскаго оклада въ 1787 г. положено было выдавать на 5 училищъ 375 руб. въ годъ, но съ 1788 г. постоянно отпускалось по 200 р. въ годъ на одно только вяземское училище,—другія не получали изъ семинаріи ничего. Въ псковской епархіи, кромѣ семинарскаго оклада, существовалъ, какъ мы знаемъ, еще окладъ невельской школы; на училища выдѣлялись доли изъ того и другаго. Больше всѣхъ

(1) Тамъ же № 16695 Ист росс. іер I. 564—565.

(2) Ист Росс іерарх. I. 610.

получала школа при самой семинаріи, такъ называемая сиротская; съ 1780 г. въ пользу ея каждогодно выдѣлялось по 100 р. отъ семинаріи и столько же отъ невельской школы до 1785 г., а съ этого года по 150 отъ невельскаго оклада и по 100 отъ семинарскаго. Сама невельская школа пользовалась изъ своего оклада только 200 руб.; остальное количество съ прибавкой небольшихъ суммъ отъ семинаріи шло на другія училища, на великолуцкое 85 р., полоцкое 75 и торопецкое 95 (1). Въ другихъ епархіяхъ семинаріи выдѣляли на училища только небольшія суммы или вовсе ничего имъ не давали. Наприм. въ нижегородской епархіи, гдѣ низшихъ школъ было особенно много, участіе семинаріи въ ихъ экономическомъ бытѣ ограничивалось только административными къ нему отношеніями да выдачею имъ рублей по 5—10 въ годъ „на дрова, на покупку бумаги и чернилъ, сургучу для присылаемыхъ вѣдомостей, репортовъ и прочаго въ контору семинарскую" (2).

Большая же часть низшихъ школъ и основывались и содержались исключительно на мѣстныя епархіальныя средства. Нечего и говорить, что этотъ источникъ содержанія былъ необходимъ и для тѣхъ, которыя получали болѣе или менѣе крупныя крохи отъ скудной семинарской трапезы. Не прибѣгая къ мѣстнымъ епархіальнымъ средствамъ, семинаріи положительно не могли существовать на свои нищенскіе оклады. Мы еще будемъ говорить объ этихъ средствахъ особо при обозрѣніи экономической жизни дух. школъ, а теперь ограничимся пока только этимъ обзоромъ правительственныхъ штатныхъ окладовъ.

Назначеніе этихъ окладовъ очевидно далеко еще не рѣшало предположенной при этомъ задачи и имѣло

---

(1) Опис. смол епарх. 193. Смол. епарх. вѣд. 1879 г. № 4, стр. 115, № 8, стр. 225. Ист. псковск. семин. 83—84. 46—47.

(2) Педагог. Вѣстн. 1858 г. т. III, отд 3, стр. 18.

результатомъ своимъ не столько дѣйствительное обезпеченіе духовныхъ школъ, сколько лишь одно, хотя и богатое, воспособленіе ихъ скудости, при которомъ не устранялась потребность и въ другихъ источникахъ содержанія. Правительство Екатерины само сознавало это и потому объявило назначенные оклады только временными, ассигнованными лишь предварительно до будущаго генеральнаго учрежденія о дух. школахъ. Учрежденія этого дух. школы не дождались во все время ея царствованія. Въ послѣдующее время до дѣйствительно генеральной реформы школъ 1808 года сознаніе неудовлетворительности ихъ штатнаго обезпеченія выразилось со стороны правительства въ двукратномъ общемъ возвышеніи штатныхъ окладовъ. Тѣмъ не менѣе время назначенія училищныхъ окладовъ составило весьма крупную эпоху въ исторіи духовныхъ школъ, съ которой во всѣхъ безъ исключенія исторіяхъ частныхъ семинарій справедливо принято начинать новый періодъ школьной жизни. Въ своемъ штатномъ окладѣ дух. школа въ первый разъ нашла для себя опредѣленный и постоянный источникъ содержанія, какихъ прежде у нея не было ни одного; это была для нея первая надежная опора противъ всѣхъ случайностей, какимъ подвержено было ея существованіе въ прежнее время при обезпеченіи ея неопредѣленными и по времени и по количеству сборами съ епархіальнаго духовенства, тѣмъ болѣе, что, при всей недостаточности штатной суммы для полнаго обезпеченія заведенія, въ связи съ другими мѣстными способами содержанія она все-таки должна была составлять самую основную статью всего школьнаго бюджета даже въ самыхъ богатыхъ епархіяхъ. Далѣе, благодаря штатнымъ окладамъ, дух. школы въ первый разъ стали приходить къ большему единообразію въ своемъ внѣшнемъ бытѣ, въ содержаніи учителей и учениковъ и въ заведеніи учебныхъ пособій, что не могло не отразиться и на внутренней сторонѣ ихъ жизни. Нельзя наконецъ не обратить вниманія на то, что въ назна-

ченіи казенныхъ окладовъ на дух. школы, можно сказать, въ первый же разъ правительство выразило сознаніе не одного мѣстнаго и сословнаго, но и общегосударственнаго значенія этихъ школъ и приняло на себя обязанность непосредственно заботиться объ ихъ благосостояніи самому, а не предоставлять это дѣло однимъ только сословнымъ и мѣстнымъ властямъ. Это было необходимымъ начальнымъ шагомъ и къ ихъ дальнѣйшему устройству и къ опредѣленію государственныхъ правъ духовнаго образованія.

Понятно, что послѣ неудовлетворительнаго рѣшенія главнаго, экономическаго вопроса необходимо должно было затрудниться и рѣшеніе другихъ вопросовъ школьной реформы касательно умноженія числа дух. школъ и распредѣленія ихъ по разрядамъ. Императрица не рѣдко высказывала желаніе, чтобы духовное начальство прилагало попеченіе о заведеніи большихъ и малыхъ епархіальныхъ школъ, но особеннаго матеріальнаго вспомоществованія ему въ этомъ дѣлѣ мало оказывала. Послѣ первыхъ заявленій касательно этого предмета, высказанныхъ при учрежденіи коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ болѣе съ апріорной, чѣмъ съ практической точки зрѣнія, въ 1770-хъ годахъ она имѣла тяжкій поводъ практически убѣдиться, какъ важно для государства имѣть образованныхъ пастырей народа. Въ восточной части имперіи поднялось грозное волненіе народныхъ массъ, собравшихся подъ знамя Пугачева. Правительство было сильно недовольно поведеніемъ въ это время духовенства. Усмиритель Пугачевщины гр. Панинъ писалъ въ своихъ донесеніяхъ: „если бы духовный чинъ хотя мало инаковъ былъ, злодѣянія не возрасли бы до такой степени“; онъ находитъ духовенство „погруженнымъ въ самомъ вышнемъ невѣжествѣ и грубіянствѣ“, такъ что человѣкъ „съ настоящимъ чувствомъ добродѣтели и хотя съ нѣкоторымъ познаніемъ должности пастыря“ казался среди него какимъ-то дивомъ. Соглашаясь съ Панинымъ,

императрица писала ему: „великое невѣжество духовнаго чина, примѣченное въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находитесь, конечно ничѣмъ поправить нельзя, окромя воспитаніемъ и поученіемъ, и изъ первыхъ моихъ попеченій будетъ послѣ прекращенія всѣхъ нынѣшнихъ хлопотъ учрежденіе школъ, гдѣ только возможно,... но тогда родится другой вопросъ объ опредѣленіи священству сходственнаго содержанія съ воспитаніемъ“ (1). Послѣднее замѣчаніе особенно любопытно и невольно наводитъ на мысль, что государыня-философъ не чувствовала особенной щедрости къ духовному чину, даже подобно всѣмъ тогдашнимъ модным философамъ, и коронованнымъ, и некоронованнымъ, едвали не считала не лишнимъ держать его на всякій случай въ черномъ тѣлѣ. Пропала и Пугачевщина, а учрежденіе дух. школъ, „гдѣ только возможно“, все-таки не сдѣлалось однимъ „изъ первыхъ попеченій“ государыни. Оклады и пособія по прежнему отпускались имъ въ очень скромныхъ размѣрахъ. Наконецъ съ 1786 г., когда былъ изданъ уставъ народныхъ училищъ (2) и послѣднія стали усердно заводиться во всѣхъ губерніяхъ и намѣстничествахъ, вниманіе правительства было совершенно отвлечено отъ школъ духовныхъ. Все, что заводилось въ новыхъ народныхъ школахъ, ихъ устройство, правила воспитанія, методъ преподаванія и т. д. все это сдѣлалось своего рода конькомъ въ административныхъ сферахъ, считалось единственно хорошимъ, рекомендовалось и для духовныхъ школъ. Архіереямъ ничѣмъ нельзя было лучше понравиться императрицѣ и испросить отъ нея пособія для своихъ бѣдныхъ школъ, какъ введеніемъ въ нихъ пресловутаго нормальнаго курса и метода, чѣмъ, какъ мы видѣли, и воспользовался Парѳеній смоленскій. Заведеніе новыхъ дух. школъ продолжалось и при Екатеринѣ и при Павлѣ I,

(1) Гр. Панинъ въ Р. Вѣстн. 1869 г. іюнь.

(2) П. С. З. XXII, № 16421.

но нисколько не усиленнѣе, чѣмъ въ предшествовавшія царствованія, и благодаря не столько заботливости правительства, сколько попеченіямъ тѣхъ же епархіальныхъ властей, которыя ревновали объ этомъ дѣлѣ и въ прежнее время.

Изъ новыхъ семинарій раньше другихъ была открыта семинарія въ астраханской епархіи. Это была епархія древняя и болѣе многихъ другихъ требовавшая для себя образованнаго духовенства, но по своей бѣдности не успѣла завести у себя ни одного духовно-учебнаго заведенія, кромѣ только упомянутой нами низшей школы, открытой еще въ 1729 г. епископомъ Варлаамомъ Леницкимъ съ помощью астраханскихъ купцовъ для обученія какъ духовныхъ, такъ и купеческихъ дѣтей. Въ 1730-хъ гг. она закрылась, потомъ въ 1739 г. открыта уже въ качествѣ школы архіерейской, духовной, и на содержаніи одного духовенства, черезъ годъ опять закрылась за неимѣніемъ учителя и открылась снова по указу Синода отъ 1744 г. по прежнему въ качествѣ общесословной, хотя и существовала въ епархіальномъ вѣдомствѣ сначала при Спасскомъ монастырѣ, потомъ въ архіерейскомъ домѣ. Въ 1776 г. св. Синодъ испросилъ высочайшее дозволеніе завести въ Астрахани полную семинарію, приводя въ качествѣ уважительныхъ къ тому побужденій съ одной стороны знатность и пограничность этого города, а съ другой нужду для него въ ученыхъ людяхъ. Вслѣдствіе этого ходатайства семинаріи велѣно открыть, а на содержаніе ея ассигновать 2000 р. оклада въ распоряженіе новаго архіерея Антонія Румовскаго. Открытіе ея послѣдовало въ началѣ 1778 г. Помѣщалась она сначала въ нанятомъ домѣ, потомъ съ 1783 г. въ собственномъ помѣщеніи изъ четырехъ одноэтажныхъ каменныхъ флигелей, уступленныхъ ей городомъ отъ богадѣльни за 2500 р. Учители для преподаванія вызывались изъ разныхъ мѣстъ, изъ кіевской академіи, казанской, харьковской, рязанской и др. семинарій. Въ 1787 г. въ ней уже было введено преподаваніе богословія и фило-

софіи; въ 1791 г. учреждена ректура. Число учениковъ къ концу XVIII столѣтія простиралось до 280 человѣкъ (1).

Въ одинъ годъ съ астраханской открыта семинарія въ новой сѣвской епархіи, учрежденной уже при Екатеринѣ въ 1764 г. Обширный край, изъ котораго образована епархія съ 900 церквей, до сихъ поръ не имѣлъ у себя никакихъ школъ и отличался крайнимъ невѣжествомъ духовенства, о которомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ указы первыхъ сѣвскихъ архіереевъ Тихона Якубовскаго и Кирилла Флоринскаго (2). Священники не одни молодые, но и прослужившіе на своихъ мѣстахъ 20—30 лѣтъ, оказывались неумѣющими отслужить правильно даже литургіи Златоуста, не говоря о литургіи преждеосвященныхъ даровъ. Ставленики являлись къ посвященію, не выучившись хорошенько даже грамотѣ. Дьяконовъ приходилось сѣчь лозами, чтобы заставить поучиться читать и писать. Къ тому же средству и къ тяжелымъ штрафамъ приходилось прибѣгать для того, чтобы побудить отцевъ учить дѣтей грамотѣ. Въ 1777 г. Кириллъ Флоринскій первый изъ сѣвскихъ архіереевъ вздумалъ завести при своемъ домѣ школу, въ учителя которой вызвалъ изъ Кіева нѣкоего Роговскаго. Преемникъ его Амвросій Подобѣдовъ, прославившійся своею заботливостью объ образованіи духовенства во всѣхъ епархіяхъ, въ которыхъ проходилъ свое архіерейское служеніе, не довольствовался низшей школой, а съ самаго прибытія своего въ Сѣвскъ началъ заводить здѣсь уже полную семинарію, для которой въ 1778 г. чрезъ св. Синодъ исходатайствовалъ и штатный окладъ въ 2000 р. Въ октябрѣ того же года собралось до 70 человѣкъ уче-

---

(1) Астрах. епарх. вѣд. 1879 г. № 4: Матеріалы для истор. астрах. семинаріи.

(2) Указы эти изд. въ Орловск. епарх. вѣд. 1867 г. № 2, 6; 1868 г. № 20, 21.

никовъ и ученіе было уже открыто. Прокураторомъ семинаріи поставленъ архимандритъ Никонъ, а учителя (Дороѳея Григорьева) вызвали изъ крутицкой семинаріи. Помѣщеніе семинаріи отведено было по близости архіерейскаго дома „въ покояхъ для пріѣзжающихъ изъ епархіи духовныхъ властей и прочихъ случающихся персонъ“, но съ самаго же начала стали собираться матеріалы и средства на постройку для нея собственнаго помѣщенія. Послѣ 1778 г. открытіе новыхъ классовъ шло непрерывно, вмѣстѣ съ тѣмъ быстро возрастало и число учениковъ; черезъ три года ихъ было уже 400. Въ 1784 г. при архіереѣ Ѳеоктистѣ съ большою торжественностію открыто было богословское ученіе и семинарія организовалась вполнѣ. Ректура явилась въ ней еще въ 1781 г. Къ концу XVIII столѣтія число учениковъ простиралось до 900 (1).

Въ 1775 г. открыта была новая епархія словенская и херсонская. Первый ея архіепископъ ученый Евгеній Булгаръ на другой же годъ по пріѣздѣ своемъ въ Полтаву, гдѣ назначено было мѣсто епархіальной каѳедры, озаботился открыть семинарію на первый разъ въ видѣ низшей школы и исключительно на мѣстныя средства. Графъ Разумовскій пожертвовалъ для ея помѣщенія свой домъ. Жалованье учителямъ и сумму на содержаніе бѣдныхъ учениковъ архіерей назначилъ отъ себя и изъ доброхотныхъ пожертвованій полтавскаго духовенства, дворянства и купечества. Сочувствіе къ школѣ дворянства и купечества поддерживалось тѣмъ, что она объявлена была всесословною. Кромѣ Разумовскаго участіе въ ней принялъ бунчуковый товарищъ Петръ Паскевичъ, взявшій на себя званіе ея куратора и заботившійся объ ея экономіи. Ректоромъ сдѣланъ ученый грекъ Никифоръ Ѳеотоки, быв-

(1) О сѣвск. семинаріи см. Орловск. епарх. вѣд. 1865 г. № 6 и 9, и въ Странн. 1860 г. въ статьѣ объ Амвросіѣ Подобѣдовѣ. Май, стр. 153—155.

шій преемникомъ Евгенія. При самомъ посвященіи своемъ въ архіепископы, воспользовавшись своимъ пребываніемъ въ Петербургѣ, Никифоръ въ 1779 г. испросилъ для полтавской школы 2000-ный окладъ, съ помощію котораго завелъ въ ней бурсу и началъ постепенно открывать высшіе классы. Поэтому 1779 г. и считается обыкновенно годомъ открытія словенской семинаріи. Въ 1783 г. открытъ въ ней классъ философскій, а съ 1786 г. началось преподаваніе богословіи (1).

Въ томъ же 1779 г. открыты были семинаріи въ двухъ старыхъ епархіяхъ—иркутской и тамбовской. Въ первой духовное образованіе было распространено и прежде, со времени начальнаго ея утвержденія при св. Иннокентіи, но ни при немъ, ни при образованномъ Иннокентіи Неруновичѣ не простиралось до высшихъ семинарскихъ наукъ, а по смерти Иннокентія (1747 г.) и при преемникѣ его Софроніи, не получившемъ школьнаго образованія (изъ великороссовъ), совсѣмъ пришло въ упадокъ, такъ что при арх. домѣ оставалась одна русская школа. Наконецъ епископъ Михаилъ Митковичъ съ помощію ассигнованнаго въ 1779 году 2000-наго оклада положилъ начало прочнаго существованія иркутской семинаріи и успѣлъ даже выстроить для нея каменное двухъэтажное помѣщеніе. До богословскаго класса она дошла уже въ 1802 г. (2).

Тамбовская епархія была древнѣе иркутской, но дух. образованіе не успѣло въ ней привиться вслѣдствіе долговременнаго ея закрытія и присоединенія къ рязанской каѳедрѣ послѣ заточенія епископа Игнатія (1699 г.) въ теченіе 59 лѣтъ. Первый епископъ по ея возстановленіи, Пахомій Симанскій, какъ мы

---

(1) О словенской семин. см. въ Полт. епарх. вѣд. 1863 г. №3.

(2) Ист. Росс. іер. I, 430. Иркутск. епарх. вѣд. 1879 г. №№ 42: Историч. записка по поводу юбилея семинаріи.

видѣли, еще въ началѣ 1760-хъ годовъ собралъ съ епархіи около 2000 р. денегъ и множество матеріаловъ для постройки семинаріи но такъ ее и не выстроилъ. Между тѣмъ тамбовскій край имѣлъ въ ней самую настоятельную потребность вслѣдствіе повальнаго невѣжества мѣстнаго духовенства, вредныя слѣдствія котораго особенно обнаружились во время Пугачевщины. Въ это тяжелое для государства время ни въ одной изъ мѣстностей, взволнованныхъ бунтомъ, не было столько случаевъ измѣны между духовными лицами, какъ именно въ тамбовскомъ краѣ. Семинарія была открыта наконецъ въ 1779 г. при преемникѣ Пахомія Ѳеодосіи Голосницкомъ, и то самимъ св. Синодомъ по желанію императрицы, которая собственноручно написала на синодскомъ докладѣ повелѣніе объ ежегодномъ отпускѣ на заводимую семинарію 2000 р. За неимѣніемъ въ епархіи ученыхъ людей св. Синодъ самъ назначилъ въ ректоры новой семинаріи архим. Іоанникія изъ владимірской епархіи, а учителей велѣлъ выслать изъ епархіи рязанской по выбору тамошняго архіерея. На первый разъ семинарія помѣщена была въ нижнеломовскомъ Казанскомъ монастырѣ, но св. Синодъ указалъ въ тоже время на остаточную сумму отъ ежегоднаго оклада семинаріи „съ возможнымъ поспѣшеніемъ“ строить для нея собственное помѣщеніе въ Тамбовѣ. Не смотря на этотъ указъ о возможномъ поспѣшеніи, семинарія строилась очень долго, потому что остатковъ отъ 2000-го содержанія на постройку оказывалось очень мало. Въ 1788 г. выстроенъ былъ только нижній этажъ зданія и покрытъ на время лубъями. Въ немъ и открытъ былъ первый философскій классъ, до котораго къ этому времени семинарія только лишь успѣла развиться. Послѣ этого семинарія стала жить на два дома, — низшіе классы остались въ Ломовѣ, а высшій философскій былъ въ Тамбовѣ. Семинарскій корпусъ отстроенъ былъ уже въ 1790 г. при архіереѣ Ѳеофилѣ на пожертвованія его собственныя и разныхъ посто-

ронних лицъ. Тогда же семинарія вся была переведена въ Тамбовъ и получила законченный курсъ чрезъ открытіе богословскаго класса. Число учениковъ ея простиралось до 300, а къ концу XVIII столѣтія было 395 (1).

Въ томъ же 1779 г. открылъ у себя семинарію викарій новгородскаго митрополита Гавріила, олонецкій епископъ Іоанникій. Семинарія эта помѣщалась при архіерейской каѳедрѣ въ Александро-свирскомъ монастырѣ и на ряду съ другими получала 2000 руб. оклада. Она впрочемъ существовала не долго, упразднилась въ 1786 г. вмѣстѣ съ переводомъ новгородской викарной каѳедры въ Хутынскій новгородскій монастырь (2), послѣ чего въ Александро-свирскомъ монастырѣ осталось только нисшее дух. училище.

Еще менѣе продолжалось существованіе упомянутой нами семинаріи слуцкой, учрежденной при коадъюторѣ кіевскаго митрополита, переяславскомъ епископѣ Викторѣ Садковскомъ, для образованія духовенства польской украйны, неимѣвшаго прежде никакихъ средствъ къ обученію дѣтей, кромѣ существовавшихъ при нѣкоторыхъ церквахъ дьяковскихъ школъ грамотности. Въ 1785 г. она была учреждена, а въ 1789 г., когда преосв. Викторъ по приказанію польскаго сейма былъ взятъ подъ стражу и отвезенъ въ Варшаву, закрылась. Послѣ втораго польскаго раздѣла въ 1793 г. Викторъ снова воротился въ свою епархію, которая теперь уже вся поступила подъ власть Россіи, составивъ въ гражданскомъ отношеніи три губерніи, минскую, изяславскую, и брацлавскую, и былъ сдѣланъ уже самостоятельнымъ архіепископомъ съ титуломъ минскаго, изяславскаго и брацлавскаго. Въ томъ же году на ассигнованный 2000-ный окладъ

---

(1) Опис. тамб. епархіи свящ. *Хитрова*, въ статьяхъ объ упомянут. архіереяхъ. Также Др. и нов. Россія 1878 г. № 12, стр. 338.

(2) Ист. Росс. іер. I, 450. VI, ч. 2, стр. 721.

онъ поспѣшилъ открыть у себя въ Минскѣ новую семинарію. Послѣ третьяго раздѣла Польши эта обширная епархія еще болѣе увеличилась вновь присоединенными землями и потому въ 1795 г. подвергнулась раздробленію; нѣкоторыя мѣстности ея отошли къ епархіямъ кіевской и екатеринославской, а изъ подольской губерніи и изъ Волыни образовались новыя епархіи — подольская и волынская. Вслѣдъ за этимъ въ новыхъ епархіяхъ явились и новыя семинаріи, впрочемъ уже въ слѣдующее царствованіе при Павлѣ Петровичѣ.

Подольская семинарія открыта первымъ подольскимъ епископомъ Іоанникіемъ въ 1797 г. въ зданіяхъ Шаргородскаго монастыря и снабжена была тогда же новымъ 3000-нымъ окладомъ. Волынская въ г. Острогѣ, открытая въ 1799 г., въ первый годъ не была самостоятельной, а зависѣла отъ минской, отъ оклада которой въ пользу ея отдѣлялось 1000 р., такъ какъ и самая епархія волынская считалась пока викарною минской. Въ томъ же 1799 г. волынскій епископъ получилъ самостоятельность, а въ слѣдующемъ и на семинарію ассигновано 3000 р. особо отъ минской (1).

Кромѣ подольской и волынской, благодаря большей щедрости училищныхъ окладовъ, при имп. Павлѣ I открылось еще нѣсколько семинарій. Посѣтивъ послѣ своей коронаціи любимую обитель Платона Виѳанію, государь велѣлъ возвести ее по окладу во второй классъ монастырей и „для вящшаго распространенія преподаваемаго въ семинаріи Троицкой лавры ученія, полезные успѣхи котораго государь самъ видѣлъ, учредить въ Виѳаніи такую же семинарію въ числѣ 100 учениковъ, на содержаніе коихъ пищею, одеждою и прочимъ, также на жалованье учителямъ, на книги, дрова, свѣчи и проч. производить ежегодно

(1) Ист. Росс. іер. I, 450. VI, ч. 2. стр. 451—452

по 4000 р., на построеніе училища и покоя для житья учениковъ и учителей отпустить 30,000 въ три года по равнымъ частямъ." Семинарія съ торжествомъ была открыта въ августѣ 1800 г. (1).

Еще большей щедростью государя воспользовалась учрежденная по его волѣ въ томъ же году армейская семинарія въ Петербургѣ для обученія дѣтей военнаго, армейскаго и флотскаго, духовенства; на содержаніе ея ассигновано было по 12,000 р. въ годъ (2).

Менѣе щедро были обезпечиваемы новыя семинаріи въ провинціальныхъ городахъ. Въ 1799 г. открыты были 4 новыхъ епархіи: калужская, пермская, пензенская и оренбургская, и потребовали новыхъ семинарій. Въ Калугѣ семинарія была учреждена еще въ 1775 г. въ Лаврентьевомъ монастырѣ, тогда же получила и окладъ на первый разъ въ 300 руб., но до царствованія императора Павла такъ и не пошла далѣе обыкновеннаго курса двухкласныхъ низшихъ школъ, потому что Калуга принадлежала до этого времени къ московской епархіи, въ которой и безъ того была уже семинарія и академія. Послѣ образованія калужской епархіи первый калужскій архіерей Θеофилактъ Русановъ на другой же годъ преобразовалъ лаврентьевское училище въ полную семинарію, помѣстивъ ее въ самой Калугѣ въ зданіяхъ, назначавшихся первоначально подъ присутственныя мѣста и уступленныхъ гражданскимъ начальствомъ подъ семинарію вслѣдствіе высочайше утвержденнаго доклада св. Синода (16 окт. 1799 г.). Учители были набраны изъ московскихъ духовно-учебныхъ заведеній; оттуда же явились ученики высшихъ классовъ, большею частію изъ прежнихъ учениковъ лаврентьевскаго училища,

---

(1) Ист. моск. епарх. упр. ч. III, отд. 1, стр. 200 — 201. П. С. 3. № 17949.

(2) Истор. іерарх. I. 454.

учившихся въ Москвѣ высшимъ наукамъ; низшіе классы наполнились наличными учениками лаврентьевскаго училища. Въ 1803 г. всѣхъ учениковъ считалось до 405, потомъ это число возросло (къ 1808 г.) до 571. Учителей было 7. Сначала семинарія имѣла высшимъ своимъ классомъ философскій, но въ сентябрѣ 1802 г. открыто было и преподаваніе богословіи. Денежный окладъ семинаріи простирался до 3000 р. (1).

Пермская семинарія учреждена тоже въ 1800 г. первымъ епископомъ пермскимъ Іоанномъ и помѣщена въ деревянномъ домѣ, подаренномъ ей чиновникомъ Медвѣдевымъ, потомъ въ особомъ купленномъ для нея домѣ кн. Голицыной. Окладъ ей назначенъ былъ всего въ 2500 р., такъ что для своего содержанія она постоянно должна была прибѣгать къ помощи разныхъ жертвователей, которыхъ особенно умѣлъ склонять въ ея пользу второй пермскій епископъ Іустинъ, оставившій по себѣ прекрасную память въ семинаріи, какъ ея благодѣтель. Очень неудивительно, что курсъ ея при такихъ условіяхъ не могъ достичь надлежащей полноты до самаго ея преобразованія въ царствованіе имп. Александра, не смотря даже на удвоеніе ея оклада въ 1807 г. (2). Съ такимъ же окладомъ учреждены были семинаріи пензенская и оренбургская (3).

Такимъ образомъ за весь описываемый періодъ времени успѣло возникнуть 15 новыхъ семинарій, если не класть въ этотъ счетъ семинаріи слуцкой. Но въ тоже время, вслѣдствіе разныхъ перемѣнъ въ епархіальномъ дѣленіи Россіи, нѣкоторыя семинаріи были переводимы на другія мѣста и даже вовсе закрывае-

---

(1) Матеріалы для истор. калужск. сем. въ Калужск. епарх. вѣд. 1863 г. № 3 и 1866 г. № 7 и 11.

(2) Ист. пермск. сем. въ Пермск. епарх. вѣд 1868 г. № 22. 33, 7. Пермская епархія протоіер. *Попова*. Пермь 1879 г. стр. 109. 31 —115.

(3) Истор. іерарх. I, 454.

мы (1). Такъ, мы уже упоминали о закрытіи недолговременно существовавшихъ семинарій олонецкой и слуцкой. Особенно важными перемѣнами въ судьбѣ семинарій ознаменовался 1788 годъ, когда послѣдовалъ высочайшій указъ приводить раздѣленіе епархій въ сообразность съ новымъ раздѣленіемъ губерній, начавшимся еще съ 1775 г., съ изданія новаго учрежденія о губерніяхъ; вслѣдствіе этого указа пришлось закрыть нѣсколько старыхъ епархій, главные города которыхъ по новому дѣленію губерній сдѣлались уѣздными, и открыть новыя, каѳедры которыхъ пріурочивались къ новымъ губернскимъ городамъ, а съ этимъ вмѣстѣ потребовались и перемѣны въ установленіи центровъ семинарскаго образованія. Такъ, вмѣстѣ съ упраздненіемъ крутицкой епархіи была закрыта въ этомъ году крутицкая семинарія. Съ открытіемъ владимірскаго намѣстничества епархіи владимірская, переяславльская и суздальская соединены были въ одну, послѣ чего соединены были и ихъ семинаріи въ главномъ епархіальномъ городѣ Суздалѣ, а во Владимірѣ и Переяславлѣ оставлены были только низшіе классы. Съ присоединеніемъ г. Устюга къ вологодской губерніи упразднилась устюжская епархія и семинарія ея присоединена къ вологодской. Въ томъ же году закрытію подверглась даже такая знаменитая и древняя семинарія, какъ новгородская: по желанію Гавріила м. петербургскаго и новгородскаго она была соединена съ петербургской, а въ Новгородѣ остались одни низшіе классы, что продолжалось до 1800 г., когда м. Гавріилъ оставленъ при одной новгородской епархіи и началъ снова возстановлять свою семинарію. При императорѣ Павлѣ въ 1799 г. возстановлена также семинарія владимірская, но за то суздальская, къ которой она была прежде приписана, обращена въ низшую школу. Тогда же коломен-

(1) Свѣденія объ этомъ можно находить въ Ист. Росс. іер. и въ Исторіяхъ перечисленныхъ ниже семинарій.

ская каѳедра, еще съ 1777 г. причислявшаяся къ московской губерніи, переведена была вмѣстѣ съ семинаріей въ г. Тулу, а въ Коломнѣ осталась низшая школа. Въ 1798 г. подвергнулась переводу изъ Полтавы семинарія словенская, — вмѣстѣ съ словенскою каѳедрою она переведена въ Новомиргородъ, а послѣ въ 1804 г. еще на другое мѣсто, въ Екатеринославль. Въ 1799 г. епархія переяславская, бывшая викарною митрополіи кіевской, сдѣлана самостоятельной, а въ 1803 г. переименована въ полтавскую; тоже именованіе получила и переяславская семинарія, попрежнему впрочемъ оставаясь въ Переяславѣ (переведена въ Полтаву уже въ 1862 г.). Послѣ всѣхъ подобныхъ перемѣнъ къ 1808 г. всѣхъ семинарій по счету комитета о преобразованіи дух. училищъ было 36, кромѣ двухъ старыхъ семинарій, петербургской и казанской, переименованныхъ при Павлѣ Петровичѣ въ академіи.

Низшія духовныя школы, за исключеніемъ упомянутыхъ трехъ школъ, всѣ заводились на мѣстныя средства, по иниціативѣ мѣстныхъ архіереевъ или самого духовенства и не пользовались никакой поддержкой со стороны правительства. Понятно, что при такихъ условіяхъ число ихъ, хотя впрочемъ весьма почтенное, никакъ не могло достигнуть до той величины, какъ предполагалось правительствомъ въ началѣ 1760-хъ годовъ, и что самое существованіе ихъ не могло отличаться надлежащей прочностью; — находясь въ полной зависимости отъ своихъ случайныхъ средствъ, онѣ то открывались, то снова закрывались, переходили съ мѣста на мѣсто, соединялись съ семинаріями и т. п. Отказываясь отъ полнаго ихъ перечня, ограничимся лишь нѣсколькими образчиками ихъ возникновенія и ихъ непостоянной судьбы.

Устройство и умноженіе ихъ всего легче было, разумѣется, въ болѣе богатыхъ и болѣе образованныхъ епархіяхъ, гдѣ и матеріальныхъ средствъ было достаточно и привычка къ образованію между духовенствомъ успѣла развиться шире. Въ московской

епархіи было 4 училища: перервинское, звенигородское-савинское, дмитровское и калужское до обращенія его въ самостоятельную семинарію въ 1800 г.; съ 1799 г. явилось еще коломенское, образовавшееся изъ коломенской семинаріи, переведенной тогда въ Тулу. Вотъ что говоритъ м. Платонъ объ учрежденіи перваго изъ этихъ училищъ въ своей автобіографіи: „находя въ Перервинскомъ монастырѣ доходы не малые, издерживаемые едва на что полезное и между рукъ уходящіе, архіепископъ московскій по указу императрицы въ 1775 г. устроилъ тамъ училище и содержаніе онаго на монастырскихъ доходахъ, которые добрымъ и вѣрнымъ хозяйствомъ весьма умножилъ, такъ что на одно училище исходило въ годъ болѣе 4000 р.“ При подобныхъ средствахъ московскія училища естественно могли сдѣлаться одними изъ лучшихъ; притомъ же Платонъ, какъ мы уже знаемъ, исходатайствовалъ для двухъ изъ нихъ штатные оклады въ 300 р. Новгородская епархія въ прежнее время содержала до 13 низшихъ школъ. При м. Гавріилѣ учреждены въ ней 4 русскія школы: въ Тихвинѣ, Валдаѣ, Старой Руси и Боровичахъ, на содержаніе которыхъ отпускалось по 250 р. на каждую, по 150 изъ богатаго семинарскаго оклада и по 100 р. отъ митрополита. Въ 1784 г. школы эти по волѣ того же митрополита были закрыты и по соединеніи новгородской семинаріи съ петербургской въ новгородской епархіи оставалось одно училище, образовавшееся на мѣсто закрытой семинаріи. Съ 1802 г. послѣ новаго открытія новгородской семинаріи низшія школы опять стали открываться въ разныхъ мѣстахъ новгородской епархіи. Къ 1808 г. ихъ было 7: кирилло-бѣлозерское на мѣстѣ прежней школы, которая была въ этомъ монастырѣ съ 1778 г. во время принадлежности его къ вологодской епархіи и именовалась семинаріею, съ 264 учениками и съ курсомъ, простиравшимся до философіи включительно; тихвинское съ 130 учениками и съ курсомъ, заключавшимъ

въ себѣ логику и риторику; александро-свирское на мѣстѣ прежней олонецкой семинаріи съ 66 учениками; новгородское при архіерейскомъ домѣ съ 115 учениками; старорусское съ 68, картопольское съ 46 и петрозаводское съ 23 учениками. Всѣ были на содержаніи исключительно изъ мѣстныхъ средствъ, доставлявшихся мѣстными монастырями и духовенствомъ, а новгородское на иждивеніи архіерейскаго дома; о величинѣ этихъ средствъ новгородской епархіи можно судить по цифрамъ: первое получало на свое содержаніе ежегодно 1600 р., второе 1500, четвертое 1256, остальныя меньше, кромѣ того въ составъ ихъ окладовъ входили неопредѣленныя суммы изъ церковныхъ сборовъ (1).

Изъ другихъ епархій наибольшее число школъ находимъ въ епархіяхъ смоленской, псковской, нижегородской, тверской и тобольской, но вслѣдствіе меньшаго обезпеченія матеріальными средствами онѣ едва держались, частію благодаря только энергіи мѣстныхъ архіереевъ частію вслѣдствіе крайней въ нихъ необходимости для самого духовенства. Такъ, въ смоленской епархіи было 5 школъ: вяземская, дорогобужская, горопецкая, бѣльская и рославльская, но всѣ онѣ получали нищенское содержаніе отъ сборовъ съ духовенства; послѣднее, жалуясь на свою бѣдность, было къ нимъ скупо и давало нужныя для ихъ потребностей суммы, только благодаря энергичнымъ требованіямъ преосв. Парѳенія (2). Послѣ усиленія семинарскаго оклада въ 1787 г. преосвященный назначилъ было отдѣлять отъ него извѣстную часть на всѣ училища, но, какъ мы упоминали, ограничился только назначеніемъ 200—рублеваго оклада на одну вяземскую школу, ко-

---

(1) О новгор школахъ см. Ист. Росс. іер. I, 610—616, и въ Сказаніи о жизни и трудахъ м. Гавріила. Спб. 1857, стр. 40.

(2) Смол. епарх. вѣд 1878 г. № 11, стр. 485 и № 18, стр. 524—525: Матеріалы для исторіи дух.-учебн. завед. смоленск. епархіи.

торую, по желанію духовенства ея отдаленнаго отъ Смоленска училищнаго округа, онъ преобразовалъ въ прогимназію съ классами до риторики. Къ концу XVIII в. это училище помѣщалось въ каменномъ зданіи при Предтеченскомъ монастырѣ и имѣло до 300 учениковъ. Послѣ этого другія школы, кромѣ торопецкой, отчисленной въ псковскую епархію, по всей вѣроятности закрылись, по крайней мѣрѣ въ документахъ того времени объ нихъ уже не упоминается; извѣстно только о рославльской школѣ, что она была возстановляема въ 1796 г. (1). Въ псковской епархіи было тоже 5 училищъ: невельское (съ 1780 г.), получавшее штатный окладъ, полоцкое (съ 1788 г.) при Богоявленскомъ монастырѣ, торопецкое, отошедшее отъ смоленской епархіи, великолуцкое (съ 1789 г.) въ Троицкомъ монастырѣ и сиротская школа (съ 1780 г.) при самой семинаріи. Всѣ онѣ обязаны были своимъ существованіемъ извѣстному ревнителю просвѣщенія Иннокентію псковскому, который искусно умѣлъ раздѣлять между ними небольшой окладъ невельской школы и помогать имъ изъ семинарскихъ средствъ; послѣ него онѣ немедленно стали закрываться. Сначала, еще въ 1795 г. невельское и полоцкое училища отошли къ могилевской епархіи, послѣ этого остальныя содержались нѣсколько времени на счетъ остаточной суммы отъ невельскаго оклада, затѣмъ сиротская школа соединилась съ семинаріей, а торопецкая и великолуцкая закрылись, первая въ 1799, вторая въ 1803 г. (2).

Въ нижегородской епархіи низшихъ школъ было почти также много, какъ въ новгородской. Онѣ начали заводиться съ 1778 г. при епископѣ Антоніи Зыбелинѣ подъ именемъ гимназій на мѣсто старыхъ Питиримовскихъ школъ, изъ которыхъ нѣкоторыя еще кое-какъ существовали, другія давно уже закрылись.

---

(1) Смол. епарх. вѣд. 1879 г. № 4 и 8: также статья.

(2) Ист. псковск. семин. 46—47. 83.

Первоначально этихъ гимназій было 4: въ Алатырѣ, Саранскѣ, Курмышѣ и Лысковѣ; потомъ къ нимъ присоединились новыя въ Арзамасѣ, Починкахъ и Ардатовѣ; сверхъ того, вѣроятно подъ вліяніемъ современнаго учрежденія народныхъ училищъ, въ разныхъ мѣстахъ устроивались небольшія школы грамотности изъ двухъ классовъ для приготовленія къ самымъ гимназіямъ, наприм. въ Балахнѣ, Семеновѣ, Сергачѣ, въ селѣ Мурашкинѣ и др. Но всѣ эти школы содержались на счетъ самихъ отцевъ учившихся въ нихъ дѣтей, получая лишь небольшія дачи изъ семинарскаго оклада. Курсъ ихъ былъ доводимъ большею частію до піитическаго класса и только въ алатырской заключалъ въ себѣ и піитику съ риторикой. Въ 1799 г. эта школа вмѣстѣ съ г. Алатыремъ, а равно и школа саранская отошли къ казанской епархіи; остальныя гимназіи по распоряженію архіепископа нижегородскаго Веніамина были соединены въ одно нижегородское училище (1). Въ тверской епархіи было учреждено 4 школы: кашинская въ 1768 г. при Гавріилѣ по просьбѣ кашинскаго духовенства, новоторжская и осташковская въ 1772 при Платонѣ и бѣжецкая въ 1776 г. Но такъ какъ духовенство не въ состояніи было содержать ихъ одними собственными средствами, то по распоряженію Платона онѣ объявлены были всесословными съ цѣлію привлечь къ вспомоществованію имъ свѣтскихъ лицъ. Съ тою же цѣлію Платонъ хотѣлъ было объявить свободнымъ для свѣтскихъ лицъ и пріемъ въ семинарію; не знаемъ, было ли это намѣреніе исполнено (2). Въ тобольской епархіи, вслѣдствіе ея необычайной обширности и невозможности привлечь для образованія всѣхъ дѣтей духовенства въ одну тобольскую семинарію, нис-

---

(1) Р. Педаг. Вѣстн. 1858 г. т. Ш. Отд. 3, стр. 18—19. Ист. нижегор. іер. 195.

(2) Біогр. тверск. іерарх. 127, 133, 135. Р. Арх. 1863 г.: Два письма Платона къ ректору Арсенію.

шія школы, какъ мы видѣли, стали заводиться уже давно; въ началѣ царствованія Екатерины при ревностномъ къ просвѣщенію м. Павлѣ Конюскевичѣ ихъ насчитывалось до 11; всѣ содержались отъ сборовъ съ духовенства, помѣщавшіяся въ монастыряхъ получали небольшія пособія отъ этихъ монастырей. Лучше другихъ изъ нихъ была школа при Далматовомъ монастырѣ, дотянувшая свое существованіе до 1800 г., когда открыта была пермская семинарія и далматовскіе ученики были вытребованы въ Пермь; цвѣтущее состояніе ея продолжалось впрочемъ не долго, съ 1769 г. она была только съ низшимъ русскимъ курсомъ безъ латини (1).

Кромѣ бѣдности епархіальнаго духовенства, возникновенію школъ по нѣкоторымъ епархіямъ мѣшало и теперь все еще продолжавшееся въ духовенствѣ нерасположеніе къ школьному обученію: въ такихъ епархіяхъ школы заводились только послѣ усиленныхъ настояній духовной власти и кромѣ того рѣдко отличались долговѣчностью. Таковы наприм. были школы воронежскія, устроенныя въ началѣ царствованія Екатерины по настояніямъ святителя Тихона, который по пріѣздѣ въ воронежскую епархію былъ пораженъ невѣжествомъ духовенства и ставленниковъ и горячо принялся за распространеніе здѣсь дух. образованія. Кромѣ поддержанія прежняго острогожскаго училища, въ 1764 г. онъ завелъ еще двѣ русскихъ школы въ Ельцѣ и Черкасскѣ, а въ 1765 г. когда была возстановлена упавшая при его предшественникѣ воронежская семинарія, указалъ учредить во всѣхъ городахъ своей епархіи славянскія школы чтенія, письма и пѣнія. Не смотря на сильное противодѣйствіе духовенства и небрежность духовныхъ управителей, поблажав-

(1) О далм. школѣ Пермск. епарх. вѣд. 1868 г. № 2 и 3. Сравн. выше стр. 186—187.

шихъ невѣжеству духовныхъ лицъ, школы эти были все-таки заведены, но просуществовали всего два года. Закрылись потомъ и другія, раньше заведенныя школы. Второй преемникъ святителя, Тихонъ III съ 1780 г. завелъ было еще училище въ донецкомъ Предтеченскомъ монастырѣ, но и оно существовало не долго. Наконецъ уже въ 1799 г. по представленію епископа Меѳодія и по указу св. Синода открыты были два малыхъ училища, одно при семинаріи, другое возстановленное въ Острогожскѣ (1). Другой примѣръ такой трудности заведенія школъ представляетъ слуцкая епархія Виктора Садковскаго, образовавшаяся изъ заграничныхъ, бывшихъ польскихъ приходовъ, въ которыхъ все дух. образованіе, какое только было, сосредоточивалось доселѣ въ однихъ дьяковскихъ школахъ при церквахъ и не простиралось далѣе умѣнья читать и пѣть. Согласно распоряженію св. Синода, который указывалъ новому епископу обратить особенное вниманіе на заведеніе школъ, преосв. Викторъ потребовалъ, чтобы подвѣдомственное ему духовенство или везло своихъ дѣтей въ новооткрытую слуцкую семинарію или устроивало школы по своимъ протопопіямъ, и указалъ прислать изъ протопопій списки всѣхъ духовныхъ дѣтей. Духовенство повсюду выставило противъ этихъ распоряженій самое упорное противодѣйствіе, или совсѣмъ отказываясь объявлять и высылать дѣтей къ ученью, или стараясь какъ нибудь оттянуть отбываніе навязываемой ему школьной повинности. Изъ протопоповъ нашелся только одинъ, который поспѣшилъ открыть у себя школу въ мѣстечкѣ Ольшанкѣ, именно протопопъ чечельницкій. Лука Романовскій, да еще другой, черкасскій, сталъ вмѣстѣ съ своимъ духовенствомъ собираться открывать школу. Другія протопопіи, чигиринская и богуславская совсѣмъ отказались отъ заве-

(1) Ист. росс. іер. I, 433. Твор. св. отц. 1862 г.; Труды св. Тихона, стр. 183—184. 204—205. 211.

денія школъ за неимѣніемъ средствъ; богуславское духовенство не прислало даже и списка дух. дѣтей. Послѣ ареста Виктора въ 1789 г. покончились всѣ эти хлопоты о школахъ, а ольшанская школа тогда же прекратила свое краткое существованіе вмѣстѣ съ самой слуцкой семинаріей (1). Надобно впрочемъ замѣтить, что подобныя мелкія школы вообще не удавались даже въ болѣе образованныхъ епархіяхъ, гдѣ были заводимы. Такъ, въ 1765 г. такія школы были заведены въ епархіи крутицкой подъ именемъ десятинныхъ, по одной при каждомъ десяткѣ приходовъ, и сейчасъ же возникъ трудный вопросъ объ ихъ помѣщеніи. Въ бѣлевскомъ уѣздѣ порѣшили выстроить эти помѣщенія на сумму отъ продажи зданій бѣлевскаго русскаго училища, которое предположено было закрыть, такъ какъ большая часть его учениковъ разошлась по десятиннымъ школамъ. Вѣроятно не менѣе труднымъ оказался и вопросъ о пріисканіи для нихъ достаточнаго числа преподавателей. Не болѣе, какъ черезъ 2 года, всѣ онѣ были снова закрыты и ученики ихъ распущены по домамъ, но вмѣстѣ съ ними закрылось и городское бѣлевское училище. Новое открытіе его послѣдовало уже лѣтъ черезъ 8 послѣ этого (2). По всей вѣроятности такова же была судьба школъ при дух. правленіяхъ въ костромской епархіи, учрежденіе которыхъ, какъ мы знаемъ, было предпринято еще въ 1760 г. при епископѣ Дамаскинѣ. Преемникъ его Симонъ Лаговъ въ 1770 г. снова предписалъ, чтобы при каждомъ правленіи непремѣнно была русская школа для обученія грамотѣ, но потомъ объ этихъ школахъ опять ничего не слышно (3). Къ тому же разряду мел-

---

(1) Кіевск. епарх. вѣд. 1864 г. № 14 и 15: О состояніи просв. въ кіевской епархіи XVIII в.

(2) Тульск. епарх. вѣд. 1862 г. прибав. № 2, стр. 88—90: о бѣлевской школѣ.

(3) Р. Педаг. Вѣстн. т. VII 1859 г. Отд. 3. стр. 1.

кихъ школъ нужно отнести также упомянутыя городскія школы (кромѣ такъ называемыхъ гимназій) въ нижегородской епархіи.

Болѣе прочное существованіе имѣли старыя школы, къ которымъ духовенство уже привыкло и которыя успѣли опредѣленнѣе устроиться по разнымъ статьямъ своего быта, но и онѣ постоянно нуждались въ самой бдительной поддержкѣ со стороны епархіальной власти. Встрѣчаемъ нѣсколько примѣровъ закрытія подобныхъ школъ, особенно по случаю крупныхъ перемѣнъ, какія происходили въ описываемое время въ епархіальномъ раздѣленіи русской церкви. Съ закрытіемъ епархіи или съ отчисленіемъ какого нибудь округа отъ одной епархіи къ другой нерѣдко закрывались и мѣстныя школы. Такъ въ 1784 г. закрылись школы новгородскія вслѣдствіе присоединенія новгородской епархіи къ петербургской; въ 1788 г. съ закрытіемъ крутицкой епархіи по второй разъ закрылась школа бѣлевская; въ 1800 г. послѣ присоединенія Далматова монастыря къ новой пермской епархіи прекратила свое существованіе школа далматовская. Исключеніе составляли училища, образовавшіяся изъ упраздненныхъ семинарій, прочно занимавшія свои уже насиженныя наукой мѣста и даже сохранявшія самое названіе семинарій. Таковы училища: коломенское московской епархіи послѣ перевода коломенской семинаріи въ Тулу, устюжское вологодской епархіи, суздальское и переяславльское епархіи владимірской (1). Въ дѣлѣ поддержанія этихъ училищъ всего болѣе видимъ участія и со стороны самого духовенства. Привыкнувъ посылать своихъ дѣтей для обученія въ извѣстный семинарскій городъ, послѣ закрытія семинаріи оно само обыкновенно просило епархіальное начальство объ открытіи вмѣсто нея по крайней мѣрѣ низшей школы.

---

(1) Ист. Росс. іер. I, 434, 552. 447. Влад. епарх. вѣд. 1866 г. № 24. Волог. епарх. вѣд. 1874 г. № 17.

Такъ, при закрытіи устюжской семинаріи, немедленно по полученіи о томъ указа семь человѣкъ изъ мѣстнаго духовенства подали преосв. Иринею вологодскому прошеніе „о оставленіи въ Устюгѣ четырехъ нижнихъ классовъ на ихъ коштѣ квартиры и отопленія, на что де и всѣ почти сельскіе священноцерковнослужители, имѣющіе дѣтей въ семинаріи, согласны, потому что по дальнему разстоянію отъ Вологды и дороговизнѣ содержанія въ вологодскую семинарію дѣтей своихъ они представить не въ силахъ". Архіерей далъ полное согласіе на заведеніе не только этихъ четырехъ классовъ въ Устюгѣ, но, буде пожелаютъ, и на содержаніе риторическаго класса. На этотъ разъ духовенство отвѣтило, что болѣе просимыхъ классовъ оно содержать не въ силахъ, но потомъ нашло выгоднымъ присовокупить къ нимъ сначала піитику, а потомъ въ 1793 г. и риторику, хотя впрочемъ послѣ содержало эти классы несовсѣмъ удовлетворительнымъ образомъ. Подобное же прошеніе въ 1788 же г. подало суздальскому архіерею Виктору духовенство переяславльскаго округа по переводѣ переяславльской семинаріи въ Суздаль, принимая на себя содержаніе училища до риторики. Въ 1792 г. въ училищѣ этомъ заведена была и риторика а съ 1797 до 1800 г. существовалъ даже классъ философскій (1).

Экономическій разсчетъ былъ едвали не самымъ сильнымъ побужденіемъ, по которому духовенство принимало на себя иниціативу въ открытіи школъ. Встрѣчаемъ нѣсколько примѣровъ такой иниціативы даже въ епархіяхъ, гдѣ школьное образованіе далеко еще не было развито. Такъ, когда Амвросій Подобѣдовъ учредилъ свіяжскую семинарію и въ помощь ей по причинѣ крайней обширности своей епархіи завелъ еще орлов-

(1) Волог. епарх. вѣд. 1874 г. № 17, стр. 277—279. Владим. епарх. вѣд. 1866 г. № 24, стр. 1361—1363.

ское училище, брянское духовенство обратилось къ нему съ просьбой объ открытіи еще другой школы въ упраздненномъ Спасскомъ монастырѣ г. Брянска, ссылаясь при этомъ на дальность своихъ приходовъ отъ Сѣвска и на трудность содержанія въ немъ своихъ дѣтей при семинаріи. Просьба была удовлетворена (1). Въ 1769 и 1770 гг. поданы были такія же прошенія духовенствомъ бѣлгородской епархіи о возстановленіи старыхъ бѣлгородскихъ школъ. Духовенство курскаго округа подало архіерею Самуилу длинное прошеніе, въ которомъ подробно описывало, какъ дорого обходятся ему и проѣздъ его дѣтей до Бѣлгорода и содержаніе ихъ тамъ на дорогихъ квартирахъ, дровахъ и хлѣбѣ, какъ тяжело тамъ жить безъ призрѣнія и самимъ дѣтямъ, которыя по своему малолѣтству необходимо нуждаются въ надзорѣ и т. п., и просило о возстановленіи прежней курской школы, закрывшейся около 1759 г. Школа была открыта въ Знаменскомъ монастырѣ съ низшимъ латинскимъ курсомъ, хотя духовенство просило завести 4 или 5 классовъ; епархіальное начальство вѣроятно сообразило, что такого большаго училища духовенство поддержать не въ состояніи. Вмѣстѣ съ курскимъ поднялось духовенство старооскольскаго округа съ такимъ же прошеніемъ о возстановленіи старооскольской школы, закрывшейся еще въ 1742 г., но такъ какъ въ этомъ прошеніи вовсе опущено было изъ виду матеріальное обезпеченіе просимой школы, то на него послѣдовалъ полный отказъ. Духовенство бѣлогородскаго округа въ тоже время выражало желаніе избавиться отъ обученія своихъ дѣтей высшимъ наукамъ въ харьковскомъ коллегіумѣ и просило вмѣсто низшей школы завести въ Бѣлгородѣ полную семинарію; его желанію тоже долго не суждено было исполниться какъ по недостатку на то средствъ, такъ и потому, что епархіальное начальство было нѣ-

(1) Странникъ 1860 г. май, стр. 154.

сколько пристрастно къ своему коллегіуму и ревниво блюло его интересы; бѣлогородская семинарія освободилась отъ своего подчиненія коллегіуму не ранѣе уже 1800 г. Духовенство четвертаго округа бѣлогородской епархіи,—обоянскаго, зато само отказалось отъ основанія у себя русской школы которую ему велѣно было открыть епархіальною властью; въ 1771 г. школа все-таки была основана и безъ его воли, но тотчасъ же и закрылась, даже еще раньше начала ученія (*).

Тѣже экономическія соображенія въ своихъ внушеніяхъ духовенству относительно поддержанія школъ представляли и сами архіереи. Въ 1767 г. едва не закрылась вяземская русская школа смоленской епархіи, потому что духовенство изъявило желаніе за неурожаемъ обучать своихъ дѣтей дома, не отказываясь впрочемъ отъ возобновленія своихъ издержекъ на школу „впредь, если послѣдуетъ урожай хлѣба“. Преосв. Парѳеній нашелъ это заявленіе неосновательнымъ, „ибо дѣти ихъ (духовенства) и при хожденіи въ школу не болѣе потребуютъ хлѣба, какъ и въ домахъ будутъ.... А ученіе домашнее давно извѣстно всѣмъ, какъ оно скудно есть и недовольно для церковной общей пользы, а къ тому для чего бы и публичныя школы уставлять, буде бы ученіе безъ учителя могло быть довольно. Итакъ школѣ быть по прежнему на тѣхъ указныхъ основаніяхъ, отъ нашихъ антепессоровъ, прежнихъ архіереевъ положенныхъ“. Въ 1780 г. точно также онъ отказалъ рославльскому духовенству, которое, отказываясь отъ издержекъ на возобновленіе своей рославльской школы, истребленной тогда пожаромъ, изъявляло желаніе посылать своихъ дѣтей для обученія въ Смоленскъ. Въ 1789 г., когда преосв. Парѳеній изъявилъ намѣреніе открыть въ вяземской школѣ латинскіе классы и довести курсъ ея по семинарскому порядку до риторики, то же вяземское духовенство, ко-

(*) Курск. епарх. вѣд. 1873 г., № 17 и 18: О бѣлгор. школахъ.

торое 20 лѣтъ тому назадъ едва не закрыло этой школы, уже съ радостью отозвалось на предложеніе архіерея и по общему приговору священноцерковнослужителей вяземскаго, юхновскаго, сычевскаго и гжатскаго уѣздовъ положило ежегодно выдавать на школу до 150 р., а въ случаѣ надобности и болѣе (1).

Съ началомъ царствованія императора Александра I началась самая горячая пора для заведенія духовныхъ училищъ, особенно съ 1803 г., когда правительство въ безсмертномъ указѣ 24 января выразило особенное попеченіе о распространеніи наукъ въ Россіи и приглашало духовенство къ участію въ дѣлѣ народнаго образованія чрезъ заведеніе приходскихъ школъ и преподаваніе въ нихъ. Вопросъ объ умноженіи дух. школъ и ихъ усовершенствованіи, разработывавшійся съ самаго начала царствованія, получилъ съ этого времени особенную важность. Въ томъ же году св. Синодъ. по мысли м. Амвросія Подобѣдова, указалъ заводить по епархіямъ русскія школы, въ которыхъ могли бы получать образованіе и послѣ быть достойными сельскими священниками и учителями народныхъ школъ ученики, хотя и съ хорошими дарованіями, но по чему нибудь не успѣвшіе въ обыкновенномъ тогда школьномъ языкѣ семинарій,—латинскомъ (2). Школы эти немедленно стали заводиться при всѣхъ семинаріяхъ. Затѣмъ послѣдовало возвышеніе училищныхъ окладовъ, имѣвшее, разумѣется, не малое вліяніе на открытіе новыхъ дух. училищъ. Ревность къ образованію духовнаго юношества была возбуждена до того, что на дух. школы стали собираться многочисленныя пожертвованія и отъ духовныхъ и отъ свѣтскихъ лицъ (3). Къ

---

(1) Смол. епарх. вѣд. 1878 г. № 17. стр. 485 и 18. стр. 524—525; 1879 г. № 4, стр. 117—119.

(2) Ист. Спб. акад. 158.

(3) См. наприм. Странн. 1860 г. май, стр. 180—181.

1808 г. въ рѣдкой епархіи не было уже 2—3 низшихъ дух. училищъ, а число всѣхъ, по докладу комитета 1808 г., простиралось до 115. По всей вѣроятности въ числѣ ихъ считались и нѣкоторыя приходскія училища, заведенныя духовенствомъ и причислявшіяся иногда къ духовно-учебному вѣдомству (1). При всемъ томъ, принимая во вниманіе многочисленность духовенства и обширность епархій, комитетъ и теперь еще находилъ число этихъ школъ недостаточнымъ. „Для каждой епархіи, читаемъ въ его докладѣ, простирающейся часто на великое разстояніе и объемлющей болѣе цѣлой губерніи, учреждена одна семинарія и въ ней вмѣщены всѣ предметы ученія такъ, что кругъ ихъ, бывъ стѣсненъ въ одномъ мѣстѣ, и отъ первоначальныхъ познаній простираясь до самыхъ высшихъ наукъ, не оставляетъ симъ послѣднимъ ни надлежащаго времени, ни нужнаго пространства; къ облегченію семинарій заведены въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, какъ-то въ новгородской, московской и немногихъ другихъ (2), малыя приготовительныя училища, но сіе установленіе по недостатку способовъ не вездѣ могло воспріять свое дѣйствіе".

Не могло воспріять своего дѣйствія и предположеніе, высказанное въ началѣ царствованія Екатерины, касательно лучшаго „учрежденія" дух. школъ, раздѣленія ихъ въ стройной градаціи на разряды, хотя въ теченіе разсматриваемаго періода времени неоднократно проявлялись попытки къ его осуществленію. Попытки эти начались при Екатеринѣ съ организаціи высшаго духовно-учебнаго заведенія, которое должно

---

(1) Таковы напр. были 7 школъ петербургской епархіи, перечисленныя въ Ист. Спб акад. 161.

(2) Комитетъ здѣсь нѣсколько погрѣшилъ въ счетѣ; даже по неполному перечню этихъ школъ въ Ист. Росс. іерархіи, который составленъ раньше комитетскаго доклада, школы эти показаны почти въ половинѣ всѣхъ епархій, а не въ немногихъ только.

было сформироваться изъ старой московской академіи, ничѣмъ существенно не отличавшейся отъ семинарій.

Въ маѣ 1765 г., когда извѣстная намъ коммиссія о дух. школахъ еще продолжала составлять объ нихъ свой проектъ, гдѣ намѣчала организацію и московскаго духовнаго университета, императрица объявила св. Синоду чрезъ оберъ-прокурора Мелиссино указъ о посылкѣ 10 человѣкъ изъ болѣе талантливыхъ семинаристовъ, дошедшихъ уже до риторики, въ Англію „дабы въ университетахъ оксфордскомъ и кембриджскомъ въ пользу государства высшихъ обучатися могли наукъ и восточныхъ языковъ, не выключая и богословія“, и съ ними двоихъ инспекторовъ для надзора за ихъ поведеніемъ. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ со времени объявленія указа, какъ требуемые по нему молодые люди были уже набраны и притомъ въ большемъ числѣ, чѣмъ требовалось. Избраны были: Мартинъ Клевецкій и Семенъ Матвѣевскій изъ невской семинаріи, Алексѣй Левшиновъ, Василій Багрянскій и Петръ Розановъ изъ московской академіи, Михаилъ Быковъ, Дмитрій Новиковъ и Иванъ Наумовъ изъ семинаріи троицкой, Мина Исаевъ (учитель), Василій Антонскій и Егоръ Андреевскій изъ новгородской, Прохоръ Суворовъ изъ тверской; кромѣ нихъ явились еще два волонтера учитель московской академіи Василій Никитинъ и учитель крутицкой семинаріи Дмитрій Семеновъ—Рудневъ. По докладу св. Синода императрица изъявила согласіе послать за границу всѣхъ кандидатовъ. При увеличеніи ихъ числа между тѣмъ послѣдовало новое распоряженіе: вмѣсто отправки ихъ только въ Англію, велѣно было раздѣлить ихъ на три группы, приставивъ къ каждой по инспектору изъ явившихся къ отправкѣ за границу трехъ учителей, и первую, состоявшую изъ Суворова, Матвѣевскаго, Левшинова и Быкова съ инспекторомъ Никитинымъ, послать въ Оксфордъ, вторую изъ Розанова, Новикова, Смирнова и Андреевскаго съ инспекторомъ Рудневымъ — въ Геттингенъ,

третью изъ остальныхъ студентовъ съ инспекторомъ Исаевымъ—въ Лейденъ. Къ первой группѣ присоединился еще чиновникъ Буховецкій, посланный по высочайшему повелѣнію для изученія восточныхъ языковъ. Отправка этой группы послѣдовала въ ноябрѣ 1765 года, а остальныхъ въ іюнѣ 1766. Кромѣ инспекторовъ, людей уже зрѣлыхъ лѣтъ и хорошо подготовленныхъ, и Буховецкаго, все это были юноши, лѣтъ 16—18 и притомъ недоучившіеся, между тѣмъ весьма рьяные въ занятіяхъ, стремившіеся съ честью выполнить надежды, какія на нихъ возлагало пославшее ихъ въ науку правительство. Заграничные профессоры отзывались объ нихъ съ самыми лестными похвалами и писали объ основательномъ изученіи ими почти невѣроятной массы наукъ и языковъ,—видно, что они работали, не щадя живота. Большинство изъ нихъ серьезно перехворали за границей и воротились домой съ надорванными силами; двое изъ нихъ, Смирновъ и Исаевъ, такъ и не воротились, первый умеръ въ Геттингенѣ, второй въ Мангеймѣ на возвратномъ пути въ Россію. Левшинъ, Быковъ, Клевецкій и Наумовъ должны были за болѣзнью вернуться въ Россію, не кончивъ полнаго курса наукъ; послѣдній черезъ 4 года померъ. Изъ кончившихъ курсъ Новиковъ умеръ вскорѣ по возвращеніи, Антонскій черезъ 2 года.

Возвращеніе всѣхъ группъ въ Россію послѣдовало въ разное время отъ 1772 по 1775 г. Раньше всѣхъ явились Семеновъ—Рудневъ, Розановъ, Новиковъ и Андреевскій и были испытаны въ пріобрѣтенныхъ познаніяхъ членами особой коммиссіи изъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Послѣ удовлетворительныхъ результатовъ этого испытанія коммиссія въ своемъ докладѣ императрицѣ особенно рекомендовала инспектора Руднева, получившаго похвальные отзывы отъ лучшихъ нѣмецкихъ профессоровъ и за свои труды за границей по русской исторіи принятаго въ число экстраординарныхъ членовъ королевскаго историческаго института. Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія представила импе-

ратрицѣ свое мнѣніе объ организаціи высшаго дух. образованія, напоминавшее извѣстную часть проекта 1766 г. о московскомъ духовномъ университетѣ съ тою разницей противъ этого проекта, что теперь предполагалось устроить не особый духовный университетъ, а только особый богословскій факультетъ при университетѣ. По словамъ коммиссіи московскому университету, доселѣ состоящему только изъ трехъ факультетовъ, именно не достаетъ этого четвертаго богословскаго факультета, чтобы сравняться съ заграничными, по образцу которыхъ онъ устроенъ; выпуская своихъ студентовъ въ учители семинарій, въ духовное и монашеское званіе, факультетъ этотъ былъ бы полезенъ и для образованія духовенства, умножилъ бы со временемъ въ средѣ послѣдняго число просвѣщенныхъ людей, могущихъ читать книги на многихъ языкахъ и поэтому способныхъ къ дальнѣйшему самообразованію. Новый факультетъ предполагалось учредить подъ особеннымъ управленіемъ Синода и собственнымъ покровительствомъ императрицы. Въ профессоры рекомендовались студенты, какъ уже возвратившіеся изъ-за границы, такъ и ожидаемые еще изъ Лейдена и Оксфорда, а въ студенты для слушанія лекцій предназначалось вызывать лучшихъ воспитанниковъ изъ семинарій. Но чтобы въ тоже время почтить древность московской академіи, коммиссія предлагала соединить и новый факультетъ и академію въ одно учебное заведеніе подъ именемъ академіи. Принявъ этотъ докладъ съ благоволеніемъ, императрица поручила коммиссіи составить полный проектъ новаго духовно-учебнаго учрежденія, а воротившихся изъ-за границы ученыхъ, согласно удостоенію коммиссіи, утвердила: Семенова въ званіи профессора словесныхъ наукъ и церковной исторіи съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ, Розанова, Новикова и Матвѣевскаго въ званіи магистровъ словесныхъ наукъ съ жалованьемъ первому по 400, а прочимъ по 350 р. Кромѣ того всѣ они получали на исправленіе первыхъ нуждъ по трети назначеннаго жалованья не въ зачетъ. До

назначенія на мѣста ихъ помѣстили пока въ Александроневскомъ монастырѣ подъ надзоромъ м. Гавріила.

Но этими предварительными распоряженіями дѣло и кончилось. Проектъ богословскаго факультета былъ составленъ къ 1777 г., но уже совсѣмъ въ другомъ родѣ, чѣмъ предполагалось. Еще въ 1775 г. св. Синоду повелѣно было найти лучшее мѣсто для московской академіи, помѣщавшейся въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, и составить для нея новый уставъ и штатъ. Въ томъ же году синодальнымъ указомъ 18 ноября она отдана въ полную дирекцію своего епархіальнаго архіерея Платона, чѣмъ подрывалось не только ея будущее факультетское значеніе, но и значеніе вообще высшаго дух. заведенія, по самому существу своему выступающаго изъ узкой сферы епархіальной жизни (1). Распоряженія эти прямо показываютъ, что мысль о богословскомъ факультетѣ или и прежде не была надлежащимъ образомъ выяснена, или же запуталась въ послѣднее время. Въ 1777 г. св. Синодъ представилъ новый штатъ академіи вмѣстѣ съ проектомъ богословскаго факультета, гдѣ понятіе о факультетѣ было совершенно спутано съ старымъ понятіемъ объ академіи; вмѣсто высшаго спеціально-богословскаго духовно-учебнаго заведенія трактовалось объ учебномъ заведеніи съ прежнимъ универсальнымъ, смѣшаннымъ характеромъ. Въ курсъ этого проектированнаго заведенія, кромѣ предметовъ собственно богословскаго и философскаго характера и необходимыхъ языковъ, положено включить всякую всячину: математику, экспериментальную физику, исторію гражданскую и натуральную, медицину краткую, ботанику, нужнѣйшія правила экономіи гражданской и сельской. Св. Синодъ очевидно опустилъ изъ виду всякое понятіе не только о факультетскомъ, но и вообще о спеціальномъ характерѣ сво-

(1) Въ 1782 г. права Платона еще болѣе увеличены. См. Ист. моск. акад. 262—263.

его высшаго учебнаго заведенія, и задался одною мыслью организовать такое же самодостаточное учебное заведеніе въ сословномъ родѣ, какимъ были всѣ вообще дух. школы, чтобы, имѣть у себя, что понадобится по части образованія для сословнаго обихода, все свое и не обращаться за чѣмъ нибудь на сторону. Частные пункты проекта менѣе интересны: курсъ академическій распространенъ на 6 лѣтъ, профессорами положено дѣлать обучавшихся за границей, управленіе составить изъ ректора и префекта подъ высшимъ надзоромъ протектора, каковымъ быть московскому архіерею, и самаго св. Синода, окладъ на все заведеніе назначить въ 14,000 р.; главное назначеніе этого факультета—академіи указывалось въ подготовкѣ наставниковъ для семинарій. 25 октября 1777 г. проектъ былъ представленъ императрицѣ, но остался безъ утвержденія. Нашла ли она его незрѣлымъ или просто сама охладѣла къ мысли объ учрежденіи богословскаго факультета, неизвѣстно; всего вѣроятнѣе послѣднее. Замѣчательно, что послѣ первой партіи ученыхъ, возвратившихся изъ за границы въ 1772 г., слѣдующія партіи оставлены были ею уже безъ всякаго вниманія. не получили отъ правительства ни назначенія, ни окладовъ, и оставлены были на полное попеченіе одного св. Синода, который уже самъ распоряжался и объ ихъ испытаніи и объ ихъ распредѣленіи по мѣстамъ. Правительственныхъ назначеній на мѣста не получила впрочемъ и первая партія, долго проживавшая въ Невскомъ монастырѣ пока только съ одними званіями и окладами, безъ опредѣленныхъ занятій, такъ что св. Синоду пришлось позаботиться и объ ея членахъ. Кромѣ Никитина и Суворова, получившихъ мѣста учителей въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, Матвѣевскаго и Буховецкаго, судьба которыхъ неизвѣстна, и Левшина, посвященнаго въ протоіереи московскаго Благовѣщенскаго собора, всѣ остальные ученые были распредѣлены по учительскимъ должно-

стямъ въ петербургской и новгородской семинаріяхъ и въ московской академіи (1).

Послѣ этой неудавшейся попытки къ организаціи высшаго духовно-учебнаго заведенія, относившейся къ московской академіи, въ 1788 г. встрѣчаемъ другую, стоявшую въ связи съ вновь установленною тогда (1786 г.) организаціею народныхъ училищъ и касавшуюся петербургской семинаріи. Въ параллель съ распредѣленіемъ народныхъ училищъ на малыя и главныя, назначенныя къ образованію учителей для первыхъ, м. Гавріилъ, принимавшій участіе и въ первой попыткѣ къ устройству высшей дух. школы, возъимѣлъ мысль дать своей петербургской семинаріи значеніе главной для другихъ епархіальныхъ семинарій и обратился съ ходатайствомъ о томъ къ императрицѣ. Она согласилась и повелѣла на содержаніе этой главной семинаріи къ прежде опредѣленной на нее суммѣ присоединить еще сумму новгородской семинаріи. Съ своей стороны св. Синодъ тогда же издалъ указъ: чрезъ каждые два года присылать въ главную семинарію учениковъ изъ всѣхъ епархіальныхъ семинарій, исключая троицкой, черниговской, новгородъ-сѣверской и слуцкой, первой по ея близости къ московской, а послѣднихъ по близости къ кіевской академіямъ, однако не болѣе, какъ по два изъ каждой человѣка такихъ, кои бы надежнѣйшіе были въ благонравіи, поведеніи и въ ученіи лучшаго предъ другими понятія, не ниже риторическаго класса, для образованія ихъ къ учительской должности въ высшихъ классахъ. Студенты эти должны были учиться на казенномъ содержаніи и обязывались по окончаніи курса прослужить два года на учительской должности или въ петербургской или въ своихъ мѣстныхъ семинаріяхъ, изъ которыхъ были присланы. Въ теченіе 9 слишкомъ

---

(1) *Чистовичъ*: Ист. спб. акад 62 — 68. О богосл. факультетѣ въ Вѣстн. Европы 1873 г. ноябрь.

лѣтъ главная семинарія занималась приготовленіемъ въ учители лучшихъ воспитанниковъ изъ разныхъ семинарій не только ближайшихъ къ Петербургу, но и отдаленныхъ, именно: псковской, олонецкой, тверской, вологодской, могилевской, владимірской, воронежской, казанской, коломенской, тамбовской, рязанской, ярославской, астраханской, тобольской, иркутской и изъ харьковскаго коллегіума, и успѣла выпустить изъ своихъ стѣнъ довольно свѣтлыхъ личностей, сдѣлавшихся потомъ извѣстными на разныхъ поприщахъ службы. Ея воспитанниками наприм. были: Сперанскій, И. Мартыновъ, Ѳеофилактъ Русановъ, Амвросій Орнатскій и др. Пользуясь всѣми удобствами выбора между множествомъ талантливыхъ людей въ средѣ своихъ питомцевъ, пріѣзжавшихъ въ качествѣ лучшихъ учениковъ изъ разныхъ епархій, главная семинарія имѣла полную возможность постепенно улучшать составъ своихъ преподавателей и довести его до совершенства; м. Гавріилъ лично принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ и нерѣдко обращался къ разнымъ архіереямъ съ просьбами оставить того или другаго изъ присланныхъ ими студентовъ при своей главной семинаріи. Курсъ семинаріи сравнительно съ обыкновеннымъ семинарскимъ курсомъ былъ расширенъ введеніемъ въ него механики, физики, естественной исторіи и математики. Но при всемъ томъ она все-таки оставалась только лучшею семинаріей и никогда не достигала до степени высшаго духовно-учебнаго заведенія ни по своему вліянію на другія духовно-учебныя заведенія, ни по составу своего курса, постоянно имѣвшаго не спеціальный и высшій, а обыкновенный въ семинаріяхъ смѣшанный характеръ (1).

Въ царствованіе имп. Павла вопросъ объ организаціи духовно-учебныхъ заведеній поднятъ былъ снова и разрѣшенъ съ нѣсколько большимъ успѣ-

(1) П. С. З. XXII, № 16421. 16659. 16691. Ист. спб. акад. 75—97.

хомъ. Въ указѣ отъ 18 дек. 1797 г., заявивъ свое особенное вниманіе къ духовному просвѣщенію, государь повелѣлъ: кромѣ двухъ прежнихъ академій, открыть еще двѣ новыя, въ Петербургѣ и Казани вмѣсто существующихъ тамъ семинарій, снабдя ихъ всѣмъ, званію сему соотвѣтствующимъ и для преподаванія наукъ потребнымъ. Другимъ указомъ 11 января 1798 г. велѣно было: „потребный для благоустройства академій и семинарій порядокъ учредить во первыхъ въ невской академіи, съ тѣмъ, чтобы, примѣняясь уже къ тому, и въ прочихъ академіяхъ и семинаріяхъ такимъ образомъ ученіе происходило“ (1). Для разрѣшенія этого, довольно прямо поставленнаго вопроса св. Синодъ нашелъ нужнымъ собрать отъ всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ свѣденія, какимъ порядкомъ и какое ученіе преподается въ каждой семинаріи и какія требуются по этой части перемѣны. Полученныя по этому указу свѣденія показали, что духовно-учебныя заведенія не имѣли доселѣ ни правильнаго устройства, ни однообразнаго управленія; академіи и семинаріи находились подъ исключительнымъ вѣденіемъ мѣстныхъ архіереевъ, управлялись по ихъ инструкціямъ и безъ особаго требованія никуда не относились съ своею отчетностію; повсюду былъ недостатокъ въ мѣстныхъ и благонадежныхъ учителяхъ; въ числѣ и пространствѣ преподаваемыхъ наукъ, въ учебныхъ руководствахъ, въ распредѣленіи наукъ по классамъ и въ методахъ преподаванія господствовало величайшее разнообразіе. Разрѣшеніе вопроса о правильной организаціи школъ такимъ образомъ оказывалось почти вовсе не подготовленнымъ. До насъ дошло мнѣніе объ измѣненіяхъ, какія слѣдовало произвести въ курсѣ новой казанской академіи, составленное Амвросіемъ Подобѣдовымъ казанскимъ; изъ этого мнѣнія всего лучше видимъ, какъ

(1) П. С. З. XXV, № 18273 и 18726.

недалеко простирались преобразовательные проекты даже этого одного изъ лучшихъ архіереевъ своего времени. Нисколько не затрогивая существеннаго вопроса о характерѣ высшаго духовно-учебнаго, собственно академическаго курса, онъ только и выдумалъ, что въ казанской академіи слѣдуетъ усилить изученіе языковъ (еврейскаго, нѣмецкаго, французскаго, а по времени и татарскаго), учениковъ риторики обучать зачѣмъ-то теоретической и практической юриспруденціи и рисовальному искусству (которое самъ очень любилъ), соединить вмѣстѣ риторику съ піитикой и установить особый классъ проповѣдничества, къ философіи прибавить изученіе свящ. исторіи, а къ богословіи изученіе пасхаліи,—и только; въ заключеніе всего, вѣроятно для отличія преподавателей академіи отъ преподавателей семинарій, онъ предложилъ дать имъ особые титулы, — преподавателю богословія титулъ доктора, а учителямъ философіи и краснорѣчія титулы профессоровъ (1). Очень не удивительно, что, собирая большею частію лишь подобныя недалекія и шаткія предположенія, не могъ выработать вполнѣ удовлетворительной организаціи дух. школъ и самъ св. Синодъ. Опредѣленіе его состояло въ слѣдующихъ пунктахъ:

Для усовершенствованія въ наукахъ присылать лучшихъ учениковъ въ показанныя 4 академіи черезъ два года, изъ каждой семинаріи въ свою окружную академію (п. 1, 7—9). Курсъ академіи составить изъ преподаванія въ два года полной системы философіи, въ три года богословіи, сверхъ того высшаго краснорѣчія съ чтеніемъ и разборомъ лучшихъ авторовъ, физики и языковъ еврейскаго и греческаго обязательно для всѣхъ и нѣмецкаго съ французскимъ для желаю-

(1) Странн. 1860 г. май стр. 167—168: Амвр. Подобѣдовъ. Ист спб. акад. 103.

щихъ (п. 2—3. 5—6). Вчастности о философскомъ и богословскомъ классѣ, которые, разумѣется, попреимуществу должны были представлять собственно академическое образованіе для всего наѣзжающаго изъ семинарій юношества, было опредѣлено: въ первомъ преподавать краткую исторію философіи, логику, метафизику, нравоученіе, натуральную исторію и физику, въ богословскомъ же — краткую церковную исторію, герменевтику, систему догматико-полемической и нравственной богословіи, пасхалію, сверхъ того читать съ объясненіями св. Писаніе и книги Кормчую и о должностяхъ приходскаго священника; въ обоихъ классахъ упражнять студентовъ въ сочиненіяхъ, а также въ частныхъ и публичныхъ диспутахъ (п. 4.). Внутреннее управленіе академіи попрежнему составлено изъ ректора и префекта (п. 10). Относительно связи академій съ семинаріями сказано: дабы съ лучшимъ успѣхомъ ученіе по семинаріямъ происходило, для сего потребно каждой семинаріи имѣть свѣденіе о порядкѣ ученія, преподаваемаго въ той академіи, куда будутъ присылаемы семинаристы; равно и каждая академія должна также имѣть свѣденіе о порядкѣ ученія, въ тѣхъ семинаріяхъ преподаваемаго; ректору же академіи при всякомъ случаѣ, гдѣ нужда потребуетъ, дѣлая свои замѣчанія, служить тѣмъ семинаріямъ потребными совѣтами и наставленіемъ (п. 12) (¹).

Во всѣхъ этихъ пунктахъ очевидно не было ничего новаго, кромѣ одного новаго распредѣленія духовно-учебнаго вѣдомства по академическимъ округамъ. По кругу и характеру учебныхъ занятій академіи попрежнему не отличены отъ семинарій, такъ что если академіи и сообщали своимъ питомцамъ высшее или точнѣе лучшее образованіе, чѣмъ семинаріи,

(¹) П. С. 3. XXV, № 18726.

то это зависѣло не отъ состава и постановки ихъ учебнаго курса, а единственно отъ большихъ средствъ, дарованныхъ имъ, большаго къ нимъ вниманія администраціи, возможности завести у себя лучшій составъ преподавателей, отъ наплыва талантливыхъ молодыхъ людей изъ епархій и т. п. причинъ. Послѣ своего открытія въ новомъ видѣ академіи старались усовершенствовать свой курсъ, дѣлали въ немъ разныя перемѣны, прибавки и убавки, но всѣ эти перемѣны ограничивались только разными частностями и внѣшностію учебнаго дѣла, нисколько не касаясь самаго значенія и постановки академической науки (1). Самое распредѣленіе академическихъ округовъ, старая академіи и семинаріи въ ближайшее взаимное отношеніе, было мотивировано и развито со стороны своего назначенія весьма неопредѣленно и неполно; 12-й пунктъ указа, относящійся къ этому предмету, представляетъ собою не столько административное организаціонное распоряженіе, сколько неопредѣленный на что-то намекъ, какое то общее desiderium, чтобы академіи и семинаріи другъ къ дружкѣ приглядывались, безъ яснаго опредѣленія, какъ имъ это дѣлать и что именно отсюда должно выходить вчастности. Изъ исторіи академій, главнымъ образомъ двухъ новыхъ,—старыя продолжали пользоваться своимъ старымъ, исторически выработавшимся, значеніемъ,—мы видимъ, что отсюда дѣйствительно ничего и не вышло. Историки новыхъ академій видятъ въ пунктахъ 1797 г. начало централизаціи въ управленіи духовныхъ училищъ (2), но фактически этого не подтверждаютъ. Семинаріи продолжали жить прежнею жизнію подъ вліяніемъ своихъ епархіальныхъ начальствъ помимо всякаго вліянія академій; послѣднія въ свою

(1) См. напр. Ист. спб. акад. 105—112.

(2) Тамже стр. 163. Ист. каз. акад. старой *Благовѣщенскаго*. Казань 1875 г. стр. 197.

очередь оставались въ исключительной дирекціи своихъ мѣстныхъ архіереевъ, не относясь съ своей отчетностію никуда выше ихъ безъ особыхъ требованій (1). Поэтому, когда наступила новая реформа духовныхъ училищъ при императорѣ Александрѣ I, централизація духовно-учебнаго управленія и распредѣленіе дух. училищъ по классамъ опять были выставлены въ качествѣ все еще непочатыхъ вопросовъ и комитету 1808 г. въ качествѣ первой задачи было поручено: „начертать основательный планъ духовно-учебной организаціи сообразно съ цѣлію учрежденія разныхъ родовъ дух. училищъ, разрозненное по управленію совокупить единствомъ власти и управленія и устранить затрудненія, возникающія отъ усмотрѣннаго несоотвѣтствія между способами образованія и нуждами, равно какъ средствами и состояніемъ духовенства". Комитетъ съ своей стороны нашелъ, что дух. училища, устрояемыя отдѣльно и безъ общихъ правилъ, не имѣютъ ни общаго систематическаго образованія, ни полнаго устава, ни точной связи ихъ управленія съ академіями, хотя все это давно признавалось для нихъ нужнымъ.

Высшее духовное образованіе по крайней мѣрѣ подвергалось нѣсколькимъ попыткамъ правильной организаціи; объ организаціи семинарій и низшихъ школъ, кромѣ мѣстныхъ епархіальныхъ начальствъ, никто не заботился. Св. Синодъ въ ихъ дѣла не входилъ, считая ихъ учрежденіями исключительно епархіальными, и довольствовался только самыми общими объ нихъ свѣденіями, какія заключались въ ежегодно посылаемыхъ ему отъ архіереевъ вѣдомостяхъ, а въ вѣдомостяхъ этихъ говорилось только о числѣ учащихъ и учащихся и уже съ 1798 г. еще о томъ, что преподавалось въ классахъ (2). Изъ упомянутыхъ

(1) Ист. казанск. акад. стр. 54.

(2) Ист. пск. сем. 97.

указовъ 1775 и 1782 гг. видимъ, что онъ отдалъ въ епархіальное вѣдомство даже саму московскую академію. Семинаріи по всѣмъ своимъ частямъ находились въ непосредственномъ вѣденіи своихъ архіереевъ и епархіальныхъ консисторій, безъ вѣдома и дозволенія которыхъ семинарское начальство не могло сдѣлать ниодного самаго пустаго распоряженія. Въ консисторію семинарія подавала всѣ свои вѣдомости и отчеты; чрезъ консисторію же шли всѣ распоряженія по семинарскимъ дѣламъ какъ отъ архіереевъ, такъ и отъ св. Синода. Училищная служба не имѣла никакой самостоятельности и была не болѣе, какъ только частной отраслью службы епархіальной. Всѣ ея лица и по назначенію своему на должности, и по прохожденію послѣднихъ, и по увольненію отъ нихъ вполнѣ зависѣли отъ воли епархіальной власти. Конторское управленіе внутренними дѣлами семинарской жизни, какъ и въ прежнее время, мало содѣйствовало къ освобожденію семинарій отъ начальственнаго вліянія консисторій потому что контора сама состояла подъ указами консисторіи. Болѣе самостоятельности придавала семинаріямъ власть ректора, какъ лица почетнаго, довѣреннаго при самомъ архіереѣ и кромѣ того постоянно облекавшагося должностью первенствующаго члена въ самой консисторіи. Ректоръ являлся въ семинаріи, обыкновенно долго спустя по ея основаніи, когда она уже достаточно укрѣплялась и начинала заявлять способность твердо встать на свои собственныя ноги, и дѣлался главной поддержкой ея эмансипаціи отъ вліянія консисторскихъ дѣльцовъ, связывая ее непосредственно съ самимъ архіереемъ. Консисторіи поэтому не долюбливали ректоровъ и нерѣдко заводили съ ними сильныя пререканія, желая имъ показать свое начальство. Исходъ такихъ пререканій зависѣлъ, разумѣется, отъ того, на чью сторону склонится архіерей. Нѣкоторые архіереи, понимая неестественность такого подчиненія семинарій консисторіямъ, старались, хоть сколько нибудь, выдѣ-

лить семинарское управленіе изъ общаго строя епархіальной администраціи, наприм. Ѳеофилъ тамбовскій съ этою цѣлію учредилъ въ 1788 г. особую экспедицію семинарскихъ дѣлъ, назначивъ присутствующими въ ней ректора и префекта, съ тѣмъ, чтобы въ повытьяхъ консисторіи семинарскихъ дѣлъ уже болѣе не производилось; но зато большинство другихъ архіереевъ выказывали недовѣріе къ семинарскому начальству и старались усилить надъ нимъ надзоръ консисторій;—такъ наприм. въ 1784 г. поступилъ Иннокентій псковскій, вовсе отнявъ у семинаріи завѣдываніе расходомъ семинарской суммы и передавъ это завѣдываніе консисторіи, при чемъ даже самый расходчикъ семинарскій былъ замѣненъ при семинаріи особо назначеннымъ епархіальнымъ чиновникомъ изъ благонадежныхъ священниковъ; также поступалъ м. Платонъ относительно начальства троицкой семинаріи, которое онъ старался держать въ строгомъ подчиненіи главному своему органу—намѣстнику лавры и монастырскому собору (1). Такъ продолжалось управленіе семинаріями до 1798 г., когда вмѣсто конторъ повсюду стали заводиться семинарскія правленія изъ трехъ членовъ: ректора, префекта и эконома, съ особыми зерцалами, печатями, обычнымъ дѣлопроизводствомъ и правилами присутственныхъ мѣстъ. Правленіе, какъ и контора, состояло въ вѣдомствѣ консисторіи, получало отъ послѣдней указы и предписанія и относилось къ ней рапортами, доношеніями и представленіями, но, будучи организовано по образцу всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, составило по крайней мѣрѣ особую инстанцію въ епархіальномъ управленіи семинарскими дѣлами, что было не маловажнымъ шагомъ въ развитіи самостоятельнаго значенія семинарій (2).

(1) Тамже 96. 86—87. Тамб. епарх. вѣд. 1862 г. стр. 28—29. Ист. троицк. сем. 158—162.

(2) О правленіи см. напр. Тульск. епарх. вѣд. 1862 г. № 11, стр. 601—604. Смол. 1879 г. № 10, стр. 317 и др.

Окончательное выдѣленіе ихъ изъ епархіальнаго вѣдомства произведено уже послѣ трудовъ комитета 1808 г., создавшаго цѣлую систему особаго и самостоятельнаго духовно-учебнаго управленія, сосредоточеннаго при Синодѣ въ коммиссіи духовныхъ училищъ.

Очень неудивительно, что, находясь въ такомъ исключительно-епархіальномъ положеніи, безъ вниманія со стороны центральной церковной власти, семинарское образованіе представляло собою нѣчто въ высшей степени разрозненное и безсистемное и чуждо было всякаго общаго „учрежденія“. Покуда каждая епархія устрояла свои школы по своему, нечего было и думать о какомъ нибудь общемъ для нихъ уставѣ, а тѣмъ болѣе о какомъ нибудь систематическомъ ихъ распредѣленіи по степенямъ, въ родѣ предложеннаго въ проектѣ 1766 г. раздѣленія ихъ на меньшія и большія. Предложеніе это дѣйствительно тогда же было забыто; штаты въ теченіи всего описываемаго времени не дѣлали между семинаріями никакого различія. Этого мало; епархіальная постановка дух. школъ не смогла выработать опредѣленныхъ отношеній и даже вполнѣ яснаго различія между семинаріей и нисшими школами въ одной и тойже епархіи.

По управленію и семинарія и нисшія школы находились въ одинаковомъ непосредственномъ подчиненіи епархіальной власти, а потому послѣднія могли стоять совершенно независимо отъ семинарскаго начальства. Подчиненныя отношенія ихъ къ семинаріямъ встрѣчаемъ лишь въ немногихъ епархіяхъ и то въ видѣ отрывочномъ, безсистемномъ. Болѣе полныя опредѣленія касательно этого предмета существовали едва ли не въ одной только нижегородской епархіи, благодаря подробнымъ инструкціямъ, которыя были даны тамошнимъ гимназіямъ архіереями Антоніемъ Зыбелинымъ (1778 г.) и Дамаскинымъ Рудневымъ (1787 г.). Гимназіи давали семинарской конторѣ отчетъ въ приходѣ и расходѣ своихъ суммъ, какъ полученныхъ изъ

семинарскаго оклада, такъ и сборныхъ, а также посылали ей мѣсячныя, третныя и годичныя вѣдомости объ успѣхахъ, поведеніи и промоціи по классамъ учениковъ и о преподаваніи учителей съ приложеніемъ даже учебныхъ ученическихъ работъ, но въ тоже время непосредственно относились съ подобными же вѣдомостями и къ самому архіерею (1). Большею же частію отношенія училищъ къ семинаріямъ, гдѣ только они успѣли сформироваться, ограничивались отчетностію въ расходованіи удѣляемыхъ изъ семинарскаго оклада денегъ, вѣдомостями объ ученикахъ, главнымъ образомъ при переводѣ послѣднихъ изъ училищныхъ въ семинарскіе классы, и разными случайными сношеніями по учебной части. Въ 1766 г. въ тобольской епархіи встрѣчаемъ примѣръ ревизіи нисшихъ школъ въ разныхъ (6) заказахъ, произведенной учителемъ тобольской семинаріи іеромонахомъ Веніаминомъ. Но при этомъ нельзя не обратить вниманія на то, что ревизоръ былъ посланъ не семинаріей, а консисторіей, и кромѣ ревизіи школъ имѣлъ нѣкоторыя епархіальныя порученія, какъ-то: проэкзаменовать учениковъ, имѣвшихъ опредѣлиться въ причетники, и набрать новыхъ пѣвчихъ для архіерейскаго хора. По своему постоянному управленію всѣ тобольскія школы были въ полномъ вѣдомствѣ дух. правленій (каждая своего заказа) и консисторіи (2). Также управлялись нисшія школы и въ большинствѣ другихъ епархій, получая всѣ распоряженія непосредственно отъ епархіальныхъ органовъ администраціи, большею частію изъ дух. правленій, и къ нимъ же относясь со всякаго рода отчетностію и нуждами (3). Изолированныя отъ семинарій, вдали отъ вліянія центральной епархіальной власти, иныя школы болѣе глухихъ округовъ въ своей жизни особнякомъ, подъ на-

(1) О гимназіяхъ въ Р. И. Вѣстн. 1858 г. т. II. отд. III. 18—23.

(2) Пермск. епарх. вѣд. 1868 г. № 2, стр. 23.

(3) Напр. Смол. епарх. вѣд. 1879 г. № 1, стр. 116, 120. Тульск 1862 г. въ ст. о бѣлевской школѣ и др

чальствомъ однихъ своихъ дух. управителей, достигали изумительной степени своего рода самостоятельности. Въ 1803 г. вологодскій архіерси Антоній съ консисторіею вздумали собрать свѣденія объ устюжской школѣ, которая величала себя тогда семинаріею. Вотъ эти свѣденія: учениковъ имѣлось въ ней 75, въ томъ числѣ 6 въ риторикѣ; учителей двое—протопопъ Ильинъ и священникъ Семеновъ, обучали въ собственныхъ своихъ домахъ съ платой по 3 р. за ученика въ годъ, „Семеновъ нижніе классы, а протопопъ поэзію и риторику, а въ случаѣ его протопопа несвободности дозволялъ тому священнику и высшіе классы обучать; обучали же поутру и послѣ обѣда, не назначая особливо ни часовъ, ни дней, а когда свободное время имѣлось“ отъ другихъ должностей. Такимъ образомъ все шло очень просто; въ довершеніе всего учители объявляли: „особливые экзамены не бываютъ, такъ какъ ученики отъ учителя не переводятся, въ вологодскую семинарію на терминъ (экзаменъ) не посылаются, а по своему желанію, въ разныя времена, изъ разныхъ классовъ выпускаются съ аттестатами“. Усмотрѣвъ изъ этихъ свѣденій, что ученіе въ школѣ шло „непорядочно“, епархіальное начальство въ слѣдующемъ году распорядилось послать въ нее подробное расписаніе классовъ и того, что въ какомъ преподавать. Надзоръ за выполненіемъ этого расписанія порученъ консисторіи и мѣстному дух. правленію; послѣднему кромѣ того предписано каждогодно выбирать изъ ученыхъ священниковъ и дьяконовъ экзаменаторовъ для производства въ школѣ испытаній и для удостоенія успѣшныхъ учениковъ промоціи въ слѣдующій для каждаго классъ; получивъ отъ экзаменаторовъ вѣдомости объ удостоенныхъ перевода ученикахъ, дух. правленіе должно было снять съ нихъ копіи, изъ которыхъ одну отправить въ училище для исполненія опредѣленія о переводѣ, другую „для вѣдома и справокъ“ въ семинарское правленіе. Школу

велѣно было называть съ этого времени школою, а не семинаріею (¹).

Названіе семинаріи по старой памяти долго прилагалось ко всѣмъ вообще нижнимъ школамъ, въ которыхъ заведены были латинскіе классы. При первоначальномъ назначеніи семинарскихъ окладовъ вопросъ о томъ, какія школы считать семинаріями и какія нѣтъ, по всей вѣроятности представлялъ не мало затрудненій въ своемъ рѣшеніи и былъ рѣшенъ не столько по существу дѣла, по характеру и полнотѣ ихъ курсовъ, сколько по чисто внѣшнему признаку: семинаріями признаны были всѣ вообще главныя школы по епархіямъ, хотя иная такая главная школа, наприм. воронежская, не имѣвшая даже латинскихъ классовъ, стояла несравненно ниже многихъ нижнихъ школъ по другимъ епархіямъ. Съ 1765 г. окладъ сталъ поэтому самымъ яснымъ признакомъ семинарій, которымъ онѣ наглядно отдѣлились отъ нижнихъ школъ. Надлежащей же полноты курсовъ многія семинаріи достигли, какъ увидимъ, уже очень поздно, нѣкоторыя не ранѣе начала XIX столѣтія. Не удивительно, что нѣкоторыя болѣе устроенныя нижнія школы, особенно такія, которыя простирались до пінтики и риторики, до позднѣйшаго времени продолжали удерживать за собою названіе семинарій и не только въ обычномъ словоупотребленіи въ кругу духовенства, но и въ оффиціальныхъ бумагахъ, наприм. школы вяземская, перервинская, звенигородская, дмитровская, кирилло-бѣлозерская, переяславльская и устюжская.

Что касается до предположенія о раздѣленіи нижнихъ училищъ на главныя или гимназіи и малыя школы грамотности по благочиніямъ, то отъ него только и осталось, что употреблявшееся по мѣстамъ названіе этихъ училищъ гимназіями, наприм. въ псковской и нижегородской епархіяхъ. Точно также поки-

(¹) Волог. епарх. вѣд. 1874 г. № 17, 279—280.

нуто было намѣреніе придать обоимъ этимъ разрядамъ школъ характеръ училищъ народныхъ. Въ 1780-хъ годахъ, когда правительство занялось вопросомъ о народномъ просвѣщеніи, оно завело цѣлую систему народныхъ школъ особо отъ учебныхъ заведеній въ епархіяхъ и этимъ самымъ окончательно выдѣлило послѣднія изъ общей системы народнаго образованія въ особое спеціальное вѣдомство. Правда, императрица поощряла заведеніе новыхъ нормальныхъ школъ и при школахъ духовнаго вѣдомства, наприм. въ смоленской епархіи, но въ этихъ нормальныхъ школахъ или, лучше сказать, въ преобразованныхъ по образцу ихъ русскихъ духовныхъ школахъ продолжали попрежнему учиться одни и тѣже дѣти духовенства.

б) сословное значеніе духовныхъ школъ.

Предшествовавшая исторія духовныхъ школъ, какъ мы видѣли, шла вовсе не въ томъ направленіи, чтобы способствовать доступу въ нихъ учениковъ постороннихъ. Причины, способствовавшія къ развитію ихъ спеціально-сословнаго характера въ прежнее время, продолжали дѣйствовать и во второй половинѣ этого столѣтія нисколько не слабѣе прежняго. Правительство попрежнему смотрѣло на нихъ, какъ на школы съ спеціальнымъ назначеніемъ, обученіе которыхъ можетъ отвлечь постороннаго человѣка отъ его собственной профессіи, отъ службы или тягла. Съ своей стороны само духовное вѣдомство попрежнему продолжало заботиться о томъ, чтобы затраты, какія оно дѣлало на свои школы, шли въ пользу духовной же службы, а не на что нибудь иное. Духовная школа была обезпечена штатными окладами отъ правительства, но оклады эти съ самаго начала получили спеціальный же характеръ, притомъ по своей недостаточности требовали значительнаго восполненія тѣми же самыми способами, которые и прежде такъ сильно развивали ревнивую замкнутость духовной школы и кото-

рые при общемъ оскудѣніи архіерейскихъ домовъ и монастырей теперь сдѣлались для духовнаго вѣдомства еще тяжелѣе прежняго. Въ прежнее время лица посторонних вѣдомствъ нерѣдко поступали въ дух. школы, будучи вынуждаемы къ тому необходимостью пріобрѣсти хоть какое нибудь образованіе и вмѣстѣ крайнимъ недостаткомъ другихъ школъ; съ теченіемъ времени, по мѣрѣ умноженія свѣтскихъ школъ, все болѣе и болѣе ослабѣвало и это побужденіе, заставлявшее прежде, какъ мы видѣли, поддерживать открытый доступъ въ дух. школы для постороннихъ даже само правительство, иногда даже прямо вопреки желаніямъ духовнаго вѣдомства. Наконецъ, вслѣдствіе большаго развитія потребности образованія въ средѣ самого духовенства, дух. школы становились все менѣе просторны и для своихъ собственныхъ духовныхъ питомцевъ, а по мѣстамъ переполнялись ими до того, что съ трудомъ могли удовлетворять даже нуждамъ ближайшаго къ ихъ цѣли сословнаго образованія.

Сама московская академія, дольше всѣхъ великорусскихъ школъ сохранявшая слѣды общесословнаго характера, при Екатеринѣ имѣла уже значеніе исключительно духовнаго-учебнаго заведенія. Изъ свѣтскихъ лицъ пріемъ въ нее по указу 1769 года дозволенъ былъ только для дѣтей типографскихъ (синодальной типографіи) служителей, и то съ ограниченіемъ, только для тѣхъ, отцы которыхъ вступили въ типографію изъ священнослужительскихъ дѣтей и въ подушный окладъ не положены. Историкъ академіи за всю вторую половину XVIII столѣтія знаетъ всего только одинъ случай принятія въ академію ученика не изъ духовнаго званія: это было въ 1787 г., когда принятъ былъ въ нее одинъ можайскій купецъ Пыпинъ въ качествѣ вольнослушателя для слушанія философскихъ лекцій (1). Въ троицкой семинаріи свѣтскихъ учениковъ было больше всѣхъ

(1) Ист. моск. акад. 338—339.

другихъ великорусскихъ семинарій частію вслѣдствіе того, что лавра попрежнему продолжала обучать здѣсь дѣтей своихъ приказнослужителей и военныхъ людей, служившихъ при разныхъ ея учрежденіяхъ, частію по распоряженіямъ м. Платона. Такъ въ 1767 г. было въ семинаріи 8 учениковъ лейбъ-гвардіи унтеръ-офицерскихъ дѣтей и одинъ канцелярист, готовившійся впрочемъ къ поступленію въ монашество; въ 1773 г. поступилъ въ семинарію сирота изъ военныхъ по просьбѣ, поданной Платону дѣдомъ этого ученика генераломъ Дурново и т. д. Кромѣ того въ той же семинаріи въ разное время училось по нѣскольку человѣкъ изъ грековъ, которыхъ Платонъ очень любилъ, одинъ турокъ, изъявившій желаніе креститься, и одинъ крещеный калмыкъ изъ Астрахани (1). О Платонѣ мы впрочемъ уже знаемъ, что, еще во время своего тверскаго архіерействованія, онъ изъявлялъ желаніе сдѣлать открытою для свѣтскихъ учениковъ тверскую семинарію съ училищами, надѣясь чрезъ привлеченіе такихъ учениковъ усилить средства своихъ школъ. Удалось ли ему исполнить это желаніе, неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ подобный взглядъ на дух. школу былъ, если и не исключительно личною особенностью Платона, то по крайней мѣрѣ явленіемъ весьма необыкновеннымъ въ Великороссіи. Въ другихъ епархіяхъ не только семинаріи, но и низшія школы уже постоянно наполнялись учениками изъ дѣтей однихъ священно-и-церковнослужителей.

Общесословный характеръ попрежнему продолжали удерживать за собою однѣ югозападныя школы. Кіевская академія все еще продолжала сохранять свое прежнее значеніе для малороссіи, значеніе не столько заведенія духовнаго, сколько общесословнаго университета, въ которомъ получали высшее образованіе всѣ стремившіеся къ нему, и казаки и мѣщане. Москов-

(1) Ист. троицк. семин. 231—233.

скій университетъ, скоро отбившій такое значеніе у академіи московской, на кіевскую имѣлъ въ этомъ отношеніи только весьма слабое вліяніе. До 1790-хъ гг. число свѣтскихъ воспитанниковъ въ ней постоянно превышало число духовныхъ; такъ въ 1768 г. первыхъ было 575, послѣднихъ 506; даже послѣ учрежденія въ 1786 г. малороссійскихъ штатовъ и послѣ значительнаго уже упадка академіи и уменьшенія въ ней числа учащихся перваго рода студентовъ было въ ней 524, а духовныхъ 426, и уже въ 1790 г. въ первый разъ встрѣчаемъ превышеніе числа послѣднихъ—419 надъ первыми—232 (1). Съ этого времени академія является уже съ преобладающимъ сословнымъ значеніемъ, но полное упроченіе за ней сословнаго характера все-таки послѣдовало не ранѣе духовно-училищной реформы при импер. Александрѣ 1. Тоже самое нужно сказать о черниговской и переяславской семинаріяхъ, хотя число духовныхъ учениковъ въ нихъ было нѣсколько больше числа свѣтскихъ; такъ въ 1766 г. въ переяславской семинаріи первыхъ было 75, послѣднихъ 62 (2).

Харьковскій коллегіумъ, съ самаго начала имѣвшій характеръ гимназіи для образованія какъ духовныхъ, такъ и дворянскихъ дѣтей слободской украйны, въ 1765 г. по указу императрицы, вслѣдствіе представленія ей дворянъ, былъ даже нарочно снабженъ нѣсколькими свѣтскими классами, необходимыми для образованія дворянскихъ дѣтей, именно классами новыхъ языковъ, математики, рисованія, инженерства, артиллеріи и геодезіи, съ ассигновкой на нихъ особой суммы въ 3000 р. Фамилія князей Голицыныхъ, его благодѣтелей, постоянно смотрѣла на него, какъ на заведеніе общеобразовательное, и съ этой точки зрѣнія рѣзко отличала его отъ бѣлогородской семинаріи, въ которой ви-

(1) Ист. кіевск. акад. 108 въ примѣч.—*Аскоченскаго* Кіевъ т. II, 268 и 365.

(2) Очерки быта малорос. дух. Руков. для сельск. пастыр. 1864 г. № 42.

дѣла заведеніе сословное. Наприм. въ одномъ письмѣ (отъ 1786 г.) кн. А. М. Голицына говорится: „Бѣлогородская семинарія не такъ полезна обществу, какъ харьковскій коллегіумъ. Наше намѣреніе быть полезными харьковскому коллегіуму, а не семинаріи". Князь узналъ, что часть Голицынскихъ денегъ употреблена была на семинарію. Въ другомъ письмѣ (1797 г.) по такому же случаю онъ писалъ: „если деньги наши будутъ употреблять на другіе расходы, а не по прямому назначенію, то я прекращаю пересылку процентовъ и самую переписку съ коллегіумомъ". Благодаря сильной поддержкѣ Голицыныхъ, прежній характеръ коллегіума благополучно выдерживалъ всѣ покушенія противъ него со стороны его духовнаго начальства, естественно стремившагося придать этому заведенію болѣе сословное назначеніе. Такъ, еще въ 1768 г. прибавочные классы при коллегіумѣ, вѣроятно не безъ вліянія епархіальнаго начальства, были отдѣлены вмѣстѣ съ ассигнованной на нихъ суммой въ вѣдомство губернскаго правленія, а въ 1789 г. присоединены къ вновь открытому въ Харьковѣ главному народному училищу, послуживъ такимъ образомъ началомъ основанія въ Харьковѣ губернской гимназіи. Въ 1790 г. архіерей Ѳеоктистъ рѣшился совсѣмъ обратить коллегіумъ въ семинарію, уничтоживъ самое названіе его, и выдалъ указъ, въ которомъ говорилось, что такъ какъ де по указу св. Синода 1788 г., изданному вслѣдствіе именнаго указа ея величества, училищный Покровскій монастырь, назначавшійся прежде къ упраздненію, повелѣно оставить во второмъ классѣ „для семинаріи", а по справкѣ оказалось, что находящееся въ немъ училище именуется не семинаріей, а коллегіумомъ, то „бѣлогородскою консисторіей опредѣлено и его преосвященствомъ утверждено означенную семинарію отнынѣ впредь харьковскимъ коллегіумомъ не именовать, а называть и писать, гдѣ слѣдовать будетъ, согласно вышеписанному именному указу харьковской семинаріею, а имѣющуюся при ней контору семинарскимъ правленіемъ". Но это

распоряженіе не долго имѣло силу. Обезпечивъ свое любимое заведеніе вмѣсто отобранныхъ вотчинъ процентами съ 35000-наго капитала, Голицыны настойчиво требовали, чтобы оно существовало въ прежнемъ открытомъ видѣ. „Князья Голицыны желаютъ, говорится въ одномъ письмѣ А. М. Голицина отъ 1802 г., чтобы въ харьковскій коллегіумъ были принимаемы не одни дѣти духовнаго званія, но бѣдныхъ дворянъ и разночинцевъ. Для духовныхъ есть семинаріи, а для бѣдныхъ дворянъ и разночинцевъ такихъ заведеній мало, какъ коллегіумъ. Въ такомъ смыслѣ и названа харьковская семинарія коллегіумомъ. Если же желаніе наше не будетъ исполнено, то я отказываюсь отъ участія въ коллегіумѣ". На этомъ основаніи въ коллегіумѣ на Голицынскій счетъ постоянно содержалось 15 лучшихъ учениковъ преимущественно изъ дворянскихъ дѣтей. Такое значеніе коллегіумъ сталъ терять уже послѣ учрежденія въ 1804 г. харьковскаго университета, который съ теченіемъ времени отвлекъ отъ него всѣхъ свѣтскихъ учениковъ, такъ что и 15 вакансій Голицынскихъ пансіонеровъ стали замѣщаться лучшими учениками исключительно изъ дѣтей духовенства. Послѣ преобразованія дух. училищъ коллегіумъ былъ окончательно включенъ въ число обыкновенныхъ дух. семинарій, хотя и удержалъ свое прежнее наименованіе [1].

Обязательность школьнаго образованія въ средѣ духовнаго сословія была уже не столько общепризнаннымъ требованіемъ, что ни правительство, ни св. Синодъ не считали нужнымъ дѣлать ее предметомъ какихъ нибудь особыхъ законодательныхъ опредѣленій, какъ въ прежнее время, хотя осуществленіе ея въ практикѣ все еще нерѣдко требовало разныхъ побудительныхъ и даже принудительныхъ мѣръ къ отдачѣ дѣтей духовенства въ школы.

---

[1] О харьк. коллег. въ Дух. Бесѣдѣ 1863 г. № 23 и въ Харьк. епарх. вѣдом. 1873 г. № 4, стр. 184—185 189—190.

Со стороны правительства самою сильною мѣрою этого рода по прежнему были разборы, освобождавшіе духовное сословіе отъ всѣхъ вообще негодныхъ для его службы людей. Мы уже видѣли, какъ тревожило императрицу невѣжество духовнаго чина. Очищеніе его отъ недостойныхъ людей и возвышеніе его образованія было поставлено въ числѣ важнѣйшихъ задачъ съ самаго начала церковныхъ реформъ Екатерининскаго царствованія. Съ этою цѣлію при опредѣленіи церковныхъ штатовъ епархіальнымъ и губернскимъ начальствамъ предписано было съ наивозможною поспѣшностію собрать по всей имперіи свѣденія о числѣ всего духовенства и его дѣтей съ обозначеніемъ ихъ возраста, умѣнья читать и пѣть и поведенія. Свѣденія эти должны были послужить главнымъ основаніемъ предпринимавшагося разбора (1). По полученіи ихъ въ 1769 г. начался и самый разборъ, замѣтно отличавшійся отъ прежнихъ разборовъ тѣмъ, что при оставленіи церковниковъ и дѣтей духовенства въ дух. сословіи теперь обращалось вниманіе не столько на принадлежность ихъ или ихъ отцевъ къ числу дѣйствительно служащихъ при церквахъ, сколько на извѣстную степень ихъ образованія. Въ Малороссіи, которой разборъ этотъ коснулся еще въ первый разъ, въ духовенствѣ не даромъ поэтому распространился тревожный слухъ, что всѣхъ неграмотныхъ дѣтей духовенства будутъ брать въ солдаты или запишутъ въ крѣпостные (2). Разборъ дѣйствительно назначался главнымъ образомъ для усиленія арміи по случаю турецкой войны посредствомъ зачисленія въ солдаты разныхъ лишнихъ людей въ средѣ духовенства, которые никуда не позаботились приписаться, а между тѣмъ, по выраженію указа, и „въ семинарское ученіе до нынѣ не вступили и принадлежащими науками священническому чину достойными себя

(1) П. С. З. XVII, № 12573.

(2) Руков. для сельск. пастыр. 1864 г. т. III, 242.

не сдѣлали". Набору на этотъ разъ одинаково подлежали дѣти какъ дѣйствительно служащаго духовенства, такъ и недѣйствительно служащаго и безмѣстнаго, съ тѣмъ только различіемъ, что изъ первыхъ велѣно взять въ солдаты четвертую часть, а изъ вторыхъ половину; возрастъ, ниже котораго безграмотные и вообще не учившіеся въ семинаріяхъ разбору не подвергались, опредѣленъ въ 15 лѣтъ; остальные, не попавшіе въ солдаты, по прежнему записывались въ подушный окладъ. Семинаристы объявлены свободными отъ разбора, но чтобы дѣти духовенства не стали теперь только записываться въ семинаріи, единственно лишь для спасенія отъ разбора, въ расположеніе къ набору дозволено было не класть только тѣхъ изъ нихъ, которыя записаны въ семинаріи ранѣе этого указа. Въ заключеніе указъ выражалъ надежду, что по выполненіи всѣхъ изложенныхъ въ немъ пунктовъ при церквахъ останутся одни только грамотныя и благонравныя духовныя лица (1).

Въ 1784 г. начался новый разборъ духовенства, въ основаніе котораго положены были тѣже правила. Ученики духовныхъ школъ, которыхъ въ это время насчитывалось 11329 человѣкъ, изъяты были отъ разбора, не исключая даже и тѣхъ, которые происходили изъ податнаго состоянія; затѣмъ остальныхъ дѣтей духовенства свыше 15 лѣтъ хотя бы они были и дѣйствительно служащихъ отцовъ дѣти, но въ семинаріяхъ не обучаются и въ церковныя должности не приготовляются, всѣхъ и съ дѣтьми ихъ, если у кого такія есть, для общей и собственной ихъ пользы, чтобы праздными не оставались, велѣно было заставить избрать родъ жизни, предоставляя имъ на волю поступать въ купечество, въ военную службу, въ цехи или въ число государственныхъ крестьянъ; также поступить съ заштатными церковниками и ихъ дѣтьми, не обучившимися исправно грамотѣ и бывшими въ подозрѣ-

(1) П. С. З. XVIII. № 13236. Срав. XX, № 14295.

ніяхъ (1). Нельзя не замѣтить въ этомъ указѣ важной новости противъ прежняго времени, когда при разборахъ духовенства лишнимъ людямъ предстоялъ единственный выходъ изъ сословія—или въ солдаты или въ подушный окладъ за какимъ нибудь владѣльцемъ; теперь всѣмъ имъ давался довольно широкій выборъ рода жизни въ свободныхъ отъ крѣпости состояніяхъ купечества, мѣщанства и государственнаго крестьянства. Въ гуманное царствованіе Екатерины самые разборы уже лишены были суровости прежнихъ принудительныхъ мѣръ такъ называемаго „распредѣленія“ и предоставляли это распредѣленіе собственному желанію и выбору самихъ распредѣляемыхъ, такъ что множество отчисленныхъ отъ дух. званія людей имѣли возможность оставаться безъ приписки къ какому нибудь роду жизни многіе годы, пока ихъ не накрылъ новый большой наборъ въ солдаты 1788 г. (2). Тѣмъ не менѣе духовное сословіе было очищено отъ множества безграмотнаго и малограмотнаго люда, особенно по разбору 1784 г.; такъ осенью того же года орловская казенная палата доносила сенату, что въ одномъ орловскомъ намѣстничествѣ въ свѣтскую команду назначено было 2214 церковниковъ, изъ коихъ 194 приписались къ купечеству, 743 къ мѣщанству, 280 въ крестьяне, а остальные пока еще не явились къ разбору (3).

Въ царствованіе императора Павла открылся новый разборъ, своею суровостію напомянувшій забытые разборы временъ Бироновщины и заставившій духовенство сильно пожалѣть о спокойномъ сравнительно времени Екатерины. На другой же мѣсяцъ по воцареніи (въ декабрѣ 1796 г.) государь издалъ указъ, въ которомъ писалось, что, усмотрѣвъ изъ синодскихъ вѣдомостей, „сколь великое число состоитъ священно- и церковнослужительскихъ дѣтей, праздно живущихъ при

(1) Также XXII, № 15978.

(2) П. С. З. XXII, № 16092 16674.

(3) Также № 16092.

отцахъ своихъ, и желая устроить состояніе ихъ съ лучшею выгодою для общества", его величество повелѣлъ, распредѣливъ всѣхъ годныхъ изъ нихъ на церковныя и учительскія мѣста, остальныхъ взять въ солдаты, „гдѣ они будутъ употреблены съ пользою по примѣру древнихъ левитовъ, которые на защиту отечества вооружались" (1). На этотъ разъ, хотя разборъ и велѣно было производить на основаніи правилъ 1784 г. для подвергавшихся ему не указывалось никакого другаго выхода изъ дух. званія, кромѣ одного солдатства, такъ что негодные въ солдаты оставались совсѣмъ безъ распредѣленія до 1805 г., когда указъ 1784 г., о выборѣ ими всякаго рода жизни по желанію и способности снова былъ возстановленъ во всей своей силѣ (2). Суровость разбора, бывшая слѣдствіемъ главнымъ образомъ слишкомъ рьяной энергіи тогдашнихъ властей и привычки ихъ къ быстрому и часто суматошливому исполненію повелѣній строгаго и нетерпѣливаго государя, доходила до того, что въ солдаты улетѣло множество лицъ духовнаго происхожденія, еще прежде уволенныхъ изъ дух. званія и числившихся въ мѣщанствѣ или даже состоявшихъ на гражданской службѣ; задѣты были разные исключеные семинаристы, жившіе безъ дѣла за непріисканіемъ мѣстъ и вовсе несчитавшіеся лишними людьми въ сословіи, даже нерѣдко довольно высоко цѣнимые духовными начальствами, какъ люди уже ученые; наконецъ вопреки указу 1784 г. и постоянному правилу всѣхъ прежнихъ разборовъ забираемы были въ военное вѣдомство, именно въ гарнизонныя школы, даже малолѣтнія дѣти духовенства ниже 15 лѣтъ. Это послѣднее обстоятельство произошло единственно отъ суматошливаго недоразумѣнія производителей разбора, непоняв-

(1) Также XXIV, № 17675. 17728.

(2) Также XXVII, № 20491. 20897. XXVIII, № 21811.

шихъ одного указа 1797 года, которымъ повелѣвалось малорослыхъ церковниковъ, негодныхъ въ военную службу, а между тѣмъ назначенныхъ къ поступленію въ нее, зачислять въ военныя гарнизонныя школы, и начавшихъ энергично забирать въ эти школы, вмѣсто малорослыхъ, малолѣтнихъ. Св. Синодъ долженъ былъ по этому поводу входить съ особымъ представленіемъ въ Сенатъ, что въ самомъ указѣ о разборѣ малолѣтнихъ ниже 15 лѣтъ касаться не велѣно, такъ какъ они подлежатъ опредѣленію въ семинаріи, и что, если всѣхъ малолѣтнихъ 8—15 лѣтъ брать въ гарнизонныя школы, такъ и семинаріи совсѣмъ опустѣютъ, да и въ духовную службу опредѣлять скоро будетъ некого; Сенатъ разъяснилъ ошибку особымъ указомъ (1).

Послѣдующее царствованіе ознаменовалось только однимъ разборомъ духовенства. Разборъ этотъ произведенъ былъ въ концѣ 1806 года и всего болѣе касался дѣтей духовенства, уклонявшихся отъ обязательнаго для нихъ образованія. „Изъ оказавшагося по вѣдомостямъ св. Синода за 1805 г., говорилось въ именномъ указѣ, нѣкотораго числа священно-церковнослужительскихъ дѣтей, не обучающихся въ школахъ и живущихъ праздно при отцахъ своихъ, какъ для государственной, такъ и для собственной ихъ пользы учинить разборъ на основаніи прежде бывшихъ, и тѣхъ, кои болѣе 15 лѣтъ отъ роду, обратить всѣхъ въ военную службу, менѣе же 15 лѣтъ и знающихъ грамотѣ, разсмотрѣвъ, какихъ лѣтъ удобнѣе, отослать въ военно-сиротскія отдѣленія для обученія ихъ и приготовленія на унтеръ-офицерскія мѣста“. Въ послѣдующемъ указѣ о правилахъ разбора отсылка дѣтей моложе 15 лѣтъ въ военныя школы была впрочемъ отложена до указа и потомъ не была произведена ни разу, за то къ числу подлежащихъ отдачѣ въ солда-

(1) П. С. З. XXV, 18457. XXVII, 20897. Р. Старина 1871 г. май, стр. 630. П. С. З. XXIV, № 18109. XXVI, 19532. XXVII, 20491.

ты причислены отрѣшенные отъ мѣстъ причетники, праздные послушники и исключенные за поведеніе школьники. Разборъ продолжался только до слѣдующаго года и былъ весьма легокъ для духовенства (1). Послѣ этого разборовъ не было во-все царствованіе Александра; безъ нихъ обошлась даже отечественная война и новая ревизія 1815 года. Но за то указами 26 іюня 1808 и 27 авг. 1814 гг. велѣно было зачислять въ духовно-училищное вѣдомство всѣхъ дѣтей духовенства съ 6—8 лѣтъ и обязательность для нихъ школьнаго образованія была закрѣплена окончательно. Въ тоже время церковная служба закрылась для всѣхъ необучавшихся въ духовныхъ школахъ, вслѣдствіе чего неучившееся въ нихъ лице духовнаго происхожденія уже по этому самому волей неволей должно стало отчисляться отъ своего сословія для пріисканія рода жизни.

Разборы были весьма сильнымъ поощрительнымъ средствомъ для дух. дѣтей къ поступленію въ школу, такъ что они во множествѣ бросались въ нее при первомъ слухѣ о предстоящей вскорѣ бѣдѣ, надѣясь по миновании опасности снова уйти изъ ученья и зажить вольной жизнью при своихъ родныхъ церквахъ, что, какъ мы видѣли, замѣтило въ 1769 г. и само правительство. Но отъ разбора до разбора проходило много времени, въ теченіе котораго имъ можно было уклоняться отъ школьнаго ученія безъ опасности отъ солдатства. Къ отвращенію подобнаго уклоненія, кромѣ временныхъ мѣръ, требовались еще мѣры постоянныя.

Наиболѣе общею и наиболѣе сильною изъ этихъ мѣръ было загражденіе для неученыхъ доступа къ церковнымъ должностямъ, которое постоянно требовалось отъ епархіальныхъ начальствъ съ тѣмъ большею настойчивостію, что съ умноженіемъ ученыхъ канди-

(1) П. С. З. XXIX. 22362. 22476. XXXII, 25580.

датовъ церковной службы церковныя вакансіи могли менѣе нуждаться въ кандидатахъ неподготовленныхъ къ занятію ихъ, первыхъ попадавшихся подъ руку, случайно, по приходскимъ выборамъ или по родовымъ наслѣднымъ счетамъ. Св. Синодъ неоднократно издавалъ указы, въ которыхъ требовалось отъ архіереевъ, чтобы они непремѣнно предпочитали ученыхъ кандидатовъ на мѣста неученымъ, не взирая ни на приходскіе выборы, ни на права наслѣдниковъ, старался ограничить самыя эти наслѣдныя права опредѣленными правилами касательно сбавки цѣнности принадлежавшихъ наслѣдникамъ дворовыхъ строеній и мѣстъ при церквахъ, опредѣленіемъ степеней родства, за которыми слѣдовало признавать наслѣдныя права, отказомъ въ этихъ правахъ лицамъ, уже имѣвшимъ свои собственныя мѣста, и признаніемъ ихъ только за вдовами и сиротами (1). Сама императрица въ инструкціи коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ доводила свою заботливость о просвѣщеніи духовенства еще далѣе, прямо указавъ для посвященія ученыхъ кандидатовъ, „если мѣста готоваго не будетъ, неученыхъ отрѣшать“. Архіереи съ своей стороны повсюду старались приводить предписанія св. Синода въ исполненіе, питая совершенно согласныя съ ними убѣжденія. Отрѣшеніе отъ мѣстъ неученыхъ въ пользу ученыхъ не было принято въ епархіальной практикѣ. Оно замѣнялось здѣсь извѣстными намъ мѣрами къ возможному обученію неученаго духовенства уже на должностяхъ, предписаніями всѣмъ священно-и-церковнослужителямъ учить катихизисы, обученіемъ ихъ при архіерейскихъ домахъ когда они пріѣзжали въ епархіальный городъ по дѣламъ, а иногда и въ самыхъ семинаріяхъ, весьма нерѣдко имѣвшихъ въ составѣ своихъ учениковъ разныхъ духовныхъ лицъ. Но въ отношеніи къ ставленикамъ требованіе отъ нихъ извѣстной степени образованія

(1) Тамже XVIII, 13067. Ист. спб. акад. 51—52.

практиковалось весьма строго, особенно въ великорусскихъ епархіяхъ, гдѣ епархіальная власть была сильнѣе и гдѣ не только священнослужительскія, но и причетническія мѣста уже всѣ находились въ ея распоряженіи. Человѣкъ съ однимъ домашнимъ образованіемъ съ большимъ трудомъ могъ найти здѣсь какую нибудь церковную должность, развѣ только должность такъ называемаго недѣйствительнаго церковника, служившаго безъ указа; но разборы съ теченіемъ времени поразобрали въ солдаты и въ окладъ и такихъ недѣйствительныхъ церковниковъ. Единственными кандидатами на церковныя мѣста мало по малу сдѣлались воспитанники дух. школъ, опиравшіеся на свои школьные аттестаты, которые имѣли въ глазахъ епархіальнаго начальства большую важность, чѣмъ и выборы прихожанъ и права наслѣдства. Въ случаѣ открытія вакантныхъ мѣстъ консисторіи даже сами стали давать объ нихъ свѣденія въ семинаріи съ запросами, не пожелаетъ ли кто занять эти мѣста изъ учениковъ. Зачисленіе за учениками мѣстъ во время прохожденія ими семинарскаго курса стало практиковаться въ несравненно большихъ размѣрахъ, чѣмъ прежде, и еще строже сообразовалось съ ихъ школьными успѣхами помимо всякихъ наслѣдныхъ правъ. Духовныя власти не отвергали правъ наслѣдниковъ вовсе, но всегда ставили эти права въ зависимость отъ правъ образованія. Св. Синодъ настойчиво требовалъ: „если наслѣдникъ церковнаго мѣста будетъ неученый, таковаго къ производству на мѣсто отцевское не допускать и за мѣсто отцевское никакой платы, кромѣ только по оцѣнкѣ за домъ и то погодно, не давать.“ Опираясь на подобные указы и постепенно забирая въ свое распоряженіе и утвержденіе правъ наслѣдниковъ, и выборъ викаріевъ на наслѣдныя мѣста, и опредѣленіе условій ихъ съ наслѣдниками, епархіальныя власти во второй половинѣ XVIII столѣтія успѣли совсѣмъ сбить прежнія притязанія наслѣдниковъ, заставили ихъ на ряду съ другими дѣтьми духовенства учиться въ школахъ и изъ

полновластныхъ владѣльцевъ наслѣдныхъ мѣстъ превратили ихъ въ скромныхъ сиротъ, зависящихъ отъ милости и состраданія архіереевъ (1).

Нѣсколько медленнѣе развивалась такая зависимость церковныхъ мѣстъ отъ школы въ епархіяхъ малороссійскихъ до ихъ преобразованія въ 1780-хъ гг. по великорусскому типу. Епархіальныя власти, какъ мы видѣли, и здѣсь очень рано стали усиливать ученыхъ кандидатовъ дух. службы и вступили изъ за нихъ въ борьбу какъ съ приходскими выборами, падавшими на неученыхъ людей, такъ и съ неученными наслѣдниками, но имѣли мало успѣха съ одной стороны вслѣдствіе своей собственной слабости, съ другой по неразвитости сословнаго характера въ мѣстномъ духовенствѣ, неподходившаго подъ строгія правила объ обязательности для него сословнаго образованія. Духовенство долго не привыкало считать своихъ дѣтей принадлежавшими къ духовному сословію. Сынъ духовнаго лица вовсе не подчинялся духовнымъ властямъ и могъ безъ ихъ вѣдома избирать себѣ, какой было ему угодно, родъ жизни. Поэтому требованіе всѣхъ духовныхъ ребятъ въ архіерейскую школу было здѣсь не понятно; они по мѣстнымъ понятіямъ совершенно свободны были вовсе не ходить въ школу, а обучаться, вмѣсто ея латыни, какому нибудь художеству, наприм. краевцкому, или поступить въ купцы, козаки и т. п. и что кому до этого за дѣло? Что же касается до тѣхъ изъ нихъ, которые намѣревались или, какъ наслѣдники, должны были поступить въ духовную службу, то при слабости епархіальной власти и они большею частію безъ особеннаго затрудненія могли добиться церковнаго мѣста тоже помимо школы, единственно по правамъ наслѣдства или приходскаго выбора, пріобрѣтши предварительно только какую нибудь грамот-

(1) Факты и подробности изложены въ сочиненіи: Прих. духовенство въ Россіи, стр. 65—73. 152—162.

ность и практическое знаніе своихъ будущихъ богослужебныхъ обязанностей у себя дома, въ школѣ дьяка или при каѳедрѣ во время ставленическаго дѣлопроизводства. До самаго преобразованія малороссійскихъ епархій въ нихъ бывали такіе округи, и очень обширные, въ которыхъ едва ли и служивалъ когда священникъ, учившійся въ архіерейской школѣ. Священникъ, „достигавшій даже до философіи“, былъ рѣдкостью въ самомъ Кіевѣ и претендовалъ уже на старѣйшинство. Въ селѣ такой ученый считалъ себя въ правѣ требовать отъ начальства всякаго вниманія и наградъ, возведенія въ протопопы или по крайней мѣрѣ въ „кандидаты протоіерейства“, каковымъ титуломъ потомъ вездѣ и подписывался, а то въ крестовые іереи, что давало ему независимость отъ мѣстнаго протопопа, непосредственную подвѣдомственность консисторіи. Нижнія причетническія мѣста при церквахъ чуть не всѣ занимались по найму разными вольными дьяками, учившимися въ дьяковскихъ школахъ (1).

Изъ распоряженій югозападныхъ архіереевъ, издававшихся съ цѣлію ввести въ средѣ духовенства обязательное обученіе дѣтей, замѣчательны два распоряженія м. Арсенія Могилянскаго отъ 1765 г., одно,— чтобы священно-и-церковнослужители непремѣнно отдавали своихъ дѣтей въ академію, другое,—чтобы священники и дьяконы, желающіе сдать мѣста свои зятьямъ, выдавали своихъ дочерей за людей учительныхъ, имѣющіе парохіи дворовъ въ 80—100 за богослововъ, имѣющіе дворовъ 60—80 по крайности за философовъ и т. д., а въ случаѣ неотысканія ученаго зятя представляли о томъ, куда слѣдуетъ, доношенія, а безъ того за неучительныхъ людей дочерей не выдавали. Со времени этого указа наслѣдницу, не отыскавшую ученаго жениха, родственники обыкновенно возили къ ар-

(1) Очерки быта малоросс. дух—ва въ Руков. для сельск. паст. 1864 г. III, № 42 и 46.

хіерею съ объясненіемъ, что къ ней не случился ни богословъ, ни философъ, а архіерей отправлялъ ее къ училищному начальству, которое въ свою очередь приглашало богослововъ и философовъ на ея „оглядины“ или въ видахъ этихъ оглядинъ ставило ее саму у дверей класса (1). Но подобныя распоряженія все-таки плохо дѣйствовали на духовенство до самаго преобразованія малороссійскихъ епархій, съ одной стороны укрѣпившаго епархіальную власть, съ другой завершившаго сословный характеръ югозападнаго духовенства. Послѣ этого наприм. такое же распоряженіе объ обязательномъ обученіи дѣтей духовенства, изданное м. Самуиломъ Миславскимъ въ 1787 г., возъимѣло болѣе силы, чѣмъ распоряженіе м. Арсенія (2). Противъ вольнаго дьяковства съ особенной энергіей вооружился въ 1771 году м. Гавріилъ Кременецкій, издавшій указъ, чтобы при церквахъ было только штатное число причетниковъ и чтобы на причетническія должности были опредѣляемы только учившіеся въ школахъ люди духовнаго происхожденія, не по найму и не на время, а по указу консисторіи и послѣ посвященія въ стихарь, съ причисленіемъ на всегда къ клиру. Съ этого времени вольные дьяки изъ разночинцевъ дѣйствительно стали понемногу удаляться отъ церковной службы, но болѣе рѣшительный подрывъ этому дьяковству сдѣланъ опять таки только въ 80-хъ годахъ введеніемъ церковныхъ штатовъ и разборами (3). Въ концѣ XVIII столѣтія въ малороссійскихъ епархіяхъ во всѣхъ отношеніяхъ господствовали уже тѣже порядки какъ и въ Великороссіи; духовенство стало сословнымъ и стало вполнѣ подлежать правиламъ обязательнаго обученія своихъ дѣтей.

---

(1) Тамже стр. 409 и *Аскоченскаго* Кіевъ, II, 255—256.

(2) Ист. кіевск. акад. 108 примѣч. 2.

(3) Опис. кіевософ. соб. и Рук. для сельск. паст. 1861 г. № 39 1864 г. № 46.

Тѣснимыя со всѣхъ церковныхъ мѣстъ, неученыя дѣти духовенства по неволѣ начинали поступать въ дух. школы, хотя не надолго, чтобы пріобрѣсти какія нибудь права на церковную службу. А кто имѣлъ охоту поучиться подольше, всегда могъ расчитывать на лучшее мѣсто. „Почитая за долгъ свой, писалъ св. Синодъ къ архіереямъ въ 1770 г., всякое прилагать стараніе не токмо о распространеніи полезныхъ наукъ и о содержаніи учрежденныхъ на то училищъ въ возможномъ порядкѣ, но наипаче дабы въ оныхъ училищахъ въ пользу церкви учившіеся студенты, взирая на извѣстный трудовъ своихъ конецъ, больше поощряемы тѣмъ были оказывать похвальные свои въ ученіи и поведеніи успѣхи, слѣдственно потому и не оставлены бъ они были безъ достойныхъ мѣстъ и безъ пристойнаго по ихъ ученію содержанія, св. Синодъ повелѣваетъ, дабы... учившіеся достойные неучившимся въ произвожденіи въ св. чины были предпочитаемы неотмѣнно, и для того, въ случаѣ какой либо священнической или дьяконской ваканціи, письменно справкою требовать отъ семинаріи, не имѣется ли достойныхъ, ученіе свое окончившихъ или оканчивающихъ студентовъ, которые бы показанныя мѣста занять достойны были, и если таковые окажутся, то оныхъ предпочтительно и производить, а хотя бы которые совершенныхъ лѣтъ и не достигли, но они находятся въ высшихъ школахъ и имѣютъ окончить скоро ученія своего кругъ, за таковыми и безъ производства въ св. чинъ могутъ мѣста утверждаемы быть по пастырскому епархіальныхъ архіереевъ разсмотрѣнію“ (1). Такимъ образомъ будущая карьера студента была обезпечиваема вполнѣ еще во время его ученія по распоряженію высшей церковной власти. Если ученикъ былъ наслѣдникъ церковнаго мѣста, этого мѣста никто не могъ у

(1) Ист. спб. акад. 31.

него занять изъ постороннихъ, какъ бы долго ему ни оставалось до окончанія курса и совершеннолѣтія, потому что указъ Синода (1767 г.) прямо гласилъ: „буде послѣ умершихъ священнослужителей останутся малолѣтнія дѣти мужеска полу такія, кои дѣйствительно уже обучаются въ школахъ. то до изученія и возрасту ихъ на отцовское мѣсто никого не опредѣлять, а велѣть содержать изъ получаемыхъ отъ тѣхъ церквей доходовъ викарія“ (1).

Постоянное предпочтеніе, какое отдавалось ученымъ людямъ на духовной службѣ, побуждало поступать въ духовно-учебныя заведенія не только дѣтей духовенства, но и самихъ духовныхъ лицъ, уже служившихъ на мѣстахъ. Кромѣ академій, духовныя лица, священники, дьяконы, монашествующіе, причетники не рѣдко поступали и въ семинаріи (2). „Въ прошеніяхъ своихъ къ архіерею, говорится въ исторіи сѣвской семинаріи, многіе изъ нихъ довольно наивно прописывали самыя главныя причины, побуждавшія ихъ учиться въ семинаріи: всѣмъ извѣстно, писали наприм., что находящіеся подъ покровительствомъ вашего преосвященства по окончаніи благородныхъ наукъ особливою вашею милостію пользуются.“ Тамъ же впрочемъ сказано, что были и такіе, которые поступали съ своихъ должностей въ семинарію, „разсматривая пользу отъ ученія происходящую.“ Архіереи поощряли *такую охоту* духовныхъ лицъ къ ученію и обыкновенно *оставляли за ними* на все время ихъ обученія тѣ *самыя церковныя мѣста*, какія они занимали прежде, чтобы они могли содержаться идущими съ этихъ мѣстъ доходами. Въ свободное отъ занятій время, въ Пасху, Рождество, въ каникулы, они отпускались къ своимъ

---

(1) Ист. моск. епарх. управл. Ч. II, кн. 2, стр. 276, и П. С. З. № 13067, п. 5—7.

(2) См. напр. Ист. троицк. сем. 233. Ист. сѣвск. сем. въ Орловск. епарх. вѣдом. 1865 г. № 9, стр. 379—380.

приходамъ для исполненія приходскихъ требъ и христославленья съ обязательствомъ по истеченіи отпускнаго срока снова вернуться въ семинарію (1). Кромѣ того въ низшихъ классахъ, особенно въ русскомъ, всегда и повсюду училось по нѣскольку невольныхъ учениковъ изъ дьячковъ и пономарей, сдѣлавшихся извѣстными епархіальнымъ архіереямъ по своей малограмотности.

Къ ослабленію прежняго отвращенія отъ школы какъ въ дѣтяхъ духовенства, такъ и въ ихъ семействахъ не мало способствовали также значительныя улучшенія въ школьномъ бытѣ и въ учебно-воспитательныхъ пріемамъ дух. школъ, какія послѣдовали во во второй половинѣ XVIII столѣтія. Нѣкоторыя болѣе благоустроенныя семинаріи передъ всѣми другими отличались множествомъ учениковъ, пріѣзжавшихъ учиться въ нихъ даже изъ другихъ епархій. Такъ наприм. внутреннимъ своимъ улучшеніямъ обязаны были многолюдствомъ учениковъ учебныя заведенія московской епархіи при м. Платонѣ. Въ 1779 г. для троицкой семинаріи онъ даже вынужденъ былъ ограничить пріемъ иноепархіальныхъ учениковъ, чтобы наплывомъ ихъ не стѣснить дѣтей духовенства своей собственной епархіи. Въ прошеніи одного священника о пріемѣ въ троицкую семинарію его дѣтей (въ 1772 г.) говорится, что семинарія эта „цвѣтетъ славою наукъ съ немалымъ преимуществомъ отъ прочихъ и знатнѣйшихъ училищъ, а плоды приноситъ пользою трудовъ не только церкви святой, но и отечеству въ сладость. Сіе не требуетъ доказательствъ; ближнія и дальнія, уже многія страны вѣдаютъ и видятъ и чувствовать стали, и для того всѣ окрестные дух. чина стремятся съ охотою, яко къ доброму пристанищу или добродѣтелей питомству, сей св. лавры семинаріи дѣтей своихъ

(1) Орловск. епарх. вѣд. 1865 г. № 9, стр. 379—380.

ввѣрить“ (1). Въ академіи число учениковъ при Платонѣ увеличилось до того, что подъ конецъ описываемаго времени восходило свыше 1500 человѣкъ (2). О казанской семинаріи при Амвросіи Подобѣдовѣ находимъ такія извѣстія: „ученики, восчувствовавъ летчайшій способъ ученія, явили къ наукамъ охоту, и какъ прежде отцы почитали за несчастіе отдавать дѣтей своихъ въ семинарію, такъ нынѣ самые священники. дьяконы и прочіе приводятъ въ оную дѣтей своихъ весьма охотно. Симъ способомъ изъ 200 прежде бывшихъ учениковъ число оныхъ возросло до 500“ (3). Да и въ другихъ семинаріяхъ житіе семинаристовъ было уже гораздо менѣе жестокостное, чѣмъ прежде, и много потеряло своего грознаго характера для новичковъ и сердобольныхъ родителей. Авторъ исторіи нижегородской семинаріи говоритъ, что вслѣдствіе улучшеній въ ней съ царствованія Екатерины II „переставали уже смотрѣть на нее (семинарію) съ тѣмъ страхомъ, который обнималъ духовныхъ прежде; стали видѣть благіе плоды наукъ; многіе не только изъ духовныхъ, но и изъ мірянъ пришли къ сознанію, что ученье свѣтъ, а не ученье тьма. А непонимавшихъ этого начальство принуждало учиться насильно“ (4).

Принудительныя мѣры все-таки еще были необходимы, хотя и далеко уже не въ той мѣрѣ, какъ въ прежнее время, и главнымъ образомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ школьное обученіе распространялось еще вновь. О насильственныхъ наборахъ учениковъ въ школу чрезъ разсыльныхъ изъ консисторій и дух. правленій и о доставленіи ихъ, какъ арестантовъ, въ цѣ-

---

(1) Ист. троицк. сем. 228. 482.

(2) Ист. моск. акад. 340.

(3) Странн. 1860 г. май: Амвр. Подобѣдовъ, стр. 160,

(4) Ист. нижегор. семин. 12.

пяхъ уже вовсе не находимъ извѣстій. Въ вѣдомствѣ Троицкой лавры послѣдній разсыльный для набора школьниковъ ѣздилъ по монастырскимъ слободамъ въ 1763 г., и то для набора не дѣтей духовенства, а приказно-служительскихъ; тогда же семинарія сдѣлала Платону замѣчательное представленіе, что такія посылки „непристойны.“ Послѣ этого отдача дух. дѣтей въ школы по всей московской епархіи вполнѣ отдана была на отвѣтственность самихъ отцевъ ихъ, а чтобы они не забывали о своей обязанности, Платонъ въ первый же годъ по вступленіи своемъ на московскую каѳедру распорядился обязать все духовенство подписками чтобы они „безотговорочно отдавали своихъ дѣтей или въ московскую академію, или въ троицкую, или въ перервинскую семинарію, кому куда способнѣе или куда кто отдать пожелаетъ“ (1). Въ другихъ великорусскихъ епархіяхъ укомплектованіе принятаго въ томъ или другомъ заведеніи числа учениковъ тоже совершалось безъ особенно важныхъ затрудненій, посредствомъ обыкновеннаго вызова ихъ чрезъ консисторію. О прямомъ сопротивленіи духовныхъ лицъ вызовамъ ихъ дѣтей въ школу встрѣчаемъ только небольшее число извѣстій и то преимущественно въ началѣ царствованія Екатерины, наприм. въ воронежской епархіи при преосв. Тихонѣ I, гдѣ казацкое духовенство все еще продолжало упрямо стоять противъ воспитанія своихъ дѣтей въ духовныхъ сословныхъ школахъ и вынуждало кроткаго святителя прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ, къ штрафамъ и отдачѣ виновныхъ въ монастырскій подначалъ (2). Въ костромской епархіи въ 1768 г. духовенство, вмѣсто 83 новыхъ учениковъ, которыхъ должно было представить въ семинарію по требованію, представило всего 12 человѣкъ; преосв. Дамаскинъ всѣхъ виновныхъ въ ослушаніи его указа подвергнулъ штра

(1) Ист. троицк. семин. 226. 228.

(2) Приб. къ твор. св. отц. 1862 г. стр. 212.

фамъ, священниковъ въ размѣрѣ 1½ руб. за каждый мѣсяцъ просрочки, а дьяконовъ въ размѣрѣ 1 р.(1). Въ смоленской епархіи по штрафной книгѣ вяземскаго духовнаго правленія съ 1761 по 1766 г. значится 72 дух. лица, оштрафованныхъ за самовольное держаніе у себя въ домахъ дѣтей, на сумму 113 р. (2). Въ концѣ царствованія Екатерины и при Павлѣ I особенно прославился своею строгостью къ неучившимся и плохо учившимся дѣтямъ духовенства нижегородскій архіерей Павелъ (Пономаревъ), обыкновенно отдававшій такихъ юношей въ военную службу (3).

Вызовъ новыхъ учениковъ производился чрезъ консисторіи или дух. правленія въ разное время, по мѣрѣ открытія вакансій въ мѣстномъ семинарскомъ штатѣ. Къ концу XVIII столѣтія въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, очень впрочемъ немногихъ, эти вызовы облегчились еще болѣе вслѣдствіе вводившихся постепенно одновременныхъ сроковъ пріема, одинъ разъ въ годъ, въ сентябрѣ или январѣ, при началѣ годичнаго курса, или три раза, послѣ рождественскихъ, пасхальныхъ и лѣтнихъ каникулъ (4). Для контроля надъ отцами по прежнему употреблялась обязательная подача ими ежегодныхъ вѣдомостей о дѣтяхъ съ точнымъ обозначеніемъ ихъ лѣтъ и предметовъ ихъ домашняго обученія. Вѣдомости эти собирались благочинными и представлялись въ дух. правленія, а отсюда въ консисторіи, гдѣ по нимъ составлялись уже призывные списки имѣющихъ поступить въ школу. Лѣта для поступленія опредѣлялись въ разныхъ епархіяхъ различно, наприм

(1) Р. Педаг. Вѣстн. 1858 г. т. V, отд. III, 24—25.

(2) Смоленск. епарх. вѣд. 1878 г. № 17, стр. 486.

(3) Ист. нижегор. іерарх. 184.

(4) Орловск. еп. вѣд. 1865 г. № 9, 372: въ сѣвской семинаріи годичный срокъ въ сентябрѣ съ 1782 г. Въ троицкой 3 срока съ 1787 г. Ист. троицк. сем. 230. Въ костромской семинаріи съ 1771 г. назначенъ годичный срокъ въ январѣ. Р. Педаг. Вѣст. 1859 г. т. VII, отд. 3, стр. 3.

въ московской съ 8—15, въ смоленской съ 7, въ псковской съ 12, нижегородской съ 10 и т. д. (1). Отъ первоначальнаго обученія граматѣ теперь отказывались уже всѣ духовныя школы, предоставляя это дѣло самимъ семействамъ духовенства, а потому всѣ, вызывавшіяся въ школы, дѣти должны были выдерживать надлежащій экзаменъ въ чтеніи и письмѣ, иначе обращались назадъ въ домы отцевъ съ назначеніемъ срока, когда должны были вновь явиться къ экзамену уже съ достаточной подготовкой. За необученіе дѣтей граматѣ отцы подвергались штрафамъ. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ такое штрафованіе нерадивыхъ родителей предоставлялось непосредственнымъ блюстителямъ за поведеніемъ духовенства—благочиннымъ. Въ 1780 г. преосв. Амвросій сѣвскій выдалъ указъ: „всѣмъ священно-церковнослужителямъ заблаговременно обучать сыновъ своихъ граматѣ, а благочиннымъ строго наблюдать за этимъ и нерадивыхъ отцевъ склонять, увѣщевать, а иногда штрафовать, если сынъ великъ, а граматѣ еще не учится" (2). Пунктъ объ обученіи духовными лицами своихъ дѣтей вошелъ и въ благочинническую инструкцію м. Платона, которая служила руководствомъ для благочинныхъ по всей Россіи до новѣйшаго времени. Вслѣдствіе большаго распространенія духовнаго образованія и умноженія учениковъ въ духовныхъ школахъ епархіальныя начальства стали между прочимъ ограничивать пріемъ въ школы учениковъ великовозрастныхъ, которыхъ такъ много было въ прежнее время. Такъ наприм. при вступленіи преосв. Парѳенія на смоленскую каѳедру (1761 г.) въ славянскихъ школахъ и въ низшихъ классахъ семинаріи были сотни престарѣлыхъ учениковъ, изъ которыхъ нѣкоторые поступили въ науку еще въ 1730-хъ гг., имѣли за 40

(1) Ист. троицк. семин. 227. Истор. — стат. Опис. смол. епархіи. 195. Ист. псковск. сем. 66. Ист. нижег. іерарх. 184.

(2) Орловск. епарх. вѣд. 1865 г. № 9, стр. 371.

и даже по 49 лѣтъ отъ роду и считались безуспѣшными; они составляли такое бремя для школъ, что новый архіерей постарался немедленно очистить отъ нихъ свои заведенія и подвергнулъ ихъ исключенію. Съ этого времени въ смоленской епархіи постоянно наблюдалось правило не принимать великовозрастныхъ и не давать ученикамъ долго засиживаться въ школахъ (1). Въ московской епархіи въ 1775 г. выдано было распоряженіе: „которые свыше 15 лѣтъ и великовозрастны, тѣхъ не принимать (въ семинарію), развѣ отцы ихъ захотятъ имъ обучаться совсѣмъ на своемъ коштѣ, и то дозволять“ (2).

Съ большими сравнительно затрудненіями происходилъ наборъ учениковъ въ малороссійскихъ епархіяхъ, гдѣ вслѣдствіе слабаго развитія сословнаго характера духовенства и слабой зависимости церковной службы отъ духовной школы, обязательность сословнаго образованія для дѣтей духовенства долго не находила для себя почвы, на которой бы могла привиться, какъ въ Великороссіи. Епархіальная власть не имѣла почти никакого вліянія на дух. дѣтей, пока послѣднія не поступали сами на дѣйствительную церковную службу, даже не имѣла объ нихъ надлежащихъ свѣденій. Первыя вѣдомости объ обучившихся и неучившихся дѣтяхъ духовенства являются здѣсь со времени вступленія на кіевскую каѳедру Гавріила Кременецкаго, который первый сталъ вводить въ Малороссіи великорусскіе епархіальные порядки, а въ заграничной украйнѣ первый указъ о составленіи такихъ вѣдомостей былъ выданъ преосв. Викторомъ Садковскимъ въ началѣ 1787 г. по случаю открытія слуцкой семинаріи. Распоряженія о составленіи вѣдомостей на первыхъ порахъ встрѣчены были духовенствомъ не-

(1) Смоленск. епарх. вѣд. 1878 г. № 17: Матеріалы для ист. смоленск. школъ.

(2) Ист. троицк. сем. 228.

пріязненно и долго не приводились въ исполненіе; нѣкоторыя дух. лица старались утаивать своихъ дѣтей, другія писали неграмотныхъ грамотными, третьи для удержанія дѣтей при себѣ безъ отдачи въ школу старались выдумать какіе нибудь предлоги, наприм. писали ихъ при себѣ дьячками и пономарями или неопредѣленно—готовившимися къ церковной должности, а то обучающимися какому нибудь кравецкому или золотарскому художеству, безграмотныхъ извиняли „непонятіемъ", болѣзненностію и т. п., одного такъ даже тѣмъ, что у него „отъ природы на головѣ волосовъ нѣтъ". Самыя вѣдомости подавались изъ протопопій крайне неохотно и лѣниво, черезъ годъ и больше послѣ срока и послѣ настойчивыхъ повторительныхъ требованій изъ каѳедры. Однимъ словомъ здѣсь происходили тѣже самыя явленія, какія въ первой половинѣ XVIII в. мы видѣли въ великорусскихъ епархіяхъ. Послѣ составленія вѣдомостей о духовныхъ семействахъ епархіальнымъ властямъ предстояло еще болѣе трудное дѣло годныхъ къ школѣ ребятъ заставить въ самомъ дѣлѣ поступать въ школу. Преосв. Викторъ Садковскій вынужденъ былъ прибѣгать для этого къ самой крайней мѣрѣ, къ запрещенію не отдававшимъ дѣтей въ школу отцамъ священнослуженія. Даже въ кіевской епархіи по вѣдомостямъ 1776 г. возрастныхъ дѣтей духовенства, не учившихся въ кіевскихъ школахъ, значилось 466 человѣкъ, кромѣ успѣвшихъ уже поступить на вольныя дьяковскія мѣста (1). Окончательное утвержденіе обязательности сословнаго образованія для духовенства малороссійскихъ епархій послѣдовало, какъ мы замѣтили, уже не ранѣе конца XVIII вѣка.

Благодаря перечисленнымъ мѣрамъ къ распространенію школьнаго образованія въ духовенствѣ, а также улучшеніямъ въ самой школьной жизни и постепенному

(1) См. Очерки быта малоросс. духовенства въ Руков. для сельск. паст. 1864 г. Ш, № 42 и статью объ образ. духовенства въ Кіевск. епарх. вѣд. 1864 г. № 14 и 15.

развитію потребности въ образованіи среди духовенства, число учениковъ возрастало годъ отъ году во всѣхъ духовныхъ школахъ, за исключеніемъ развѣ югозападныхъ, которыя съ ослабленіемъ своего прежняго общесословнаго характера постепенно закрывались для всѣхъ молодыхъ людей свѣтскаго званія, составлявшихъ въ прежнее время наибольшую часть ихъ учениковъ. Въ началѣ царствованія Екатерины всѣхъ учившихся въ духовныхъ школахъ считалось до 6000 человѣкъ; въ 1783 г. ихъ было уже 11329, какъ показано въ указѣ о разборѣ духовенства 1784 г.; за 1784 г. авторъ Исторіи Россійской Іерархіи круглымъ счетомъ насчитываетъ до 12000; по свѣденіямъ, собраннымъ къ разбору духовенства 1807 г., ихъ значится уже 24167, а по счету комитета о преобразованіи дух. училищъ 1808 г.—до 29000 человѣкъ. Очень не удивительно поэтому, что строгія мѣры, какія практиковались въ прежнія времена для привлеченія духовныхъ дѣтей къ школѣ, все болѣе и болѣе выводились изъ употребленія во всѣхъ епархіяхъ. Вслѣдствіе большаго наплыва учениковъ епархіальнымъ начальствамъ приходилось заботиться уже не столько о наборѣ учащихся, сколько о разширеніи самихъ школъ и увеличеніи ихъ средствъ для содержанія большаго числа поступавшихъ въ науку.

Мы видѣли, что недостатокъ средствъ и помѣщенія въ школахъ въ прежнее время повлекъ за собою значительныя ограниченія обязательности школьнаго обученія для дѣтей духовенства. Не смотря на назначеніе школьныхъ окладовъ, эти ограниченія оказывались теперь еще болѣе необходимыми. Первые штатные оклады были положительно недостаточны для всей массы учащихся и неизбѣжно повели за собой уменьшеніе числа послѣднихъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ. На казенное содержаніе они дозволяли принимать только самое ограниченное число бѣднѣйшихъ учениковъ; всѣ же остальные должны были учиться на свой счетъ. Послѣ этого епархіальные архіереи нѣкоторыхъ епархій по неволѣ должны были огра-

ничивать школьные наборы дѣтьми только болѣе состоятельныхъ отцевъ. Наприм. въ воронежской епархіи при свят. Тихонѣ велѣно было обязательно представлять въ семинарію лишь дѣтей священно-служительскихъ, а причетническихъ только отъ городскихъ церквей; въ костромской епархіи при преосв. Дамаскинѣ опредѣлено, чтобы и изъ священно-служительскихъ дѣтей принимались въ семинарію дѣти только такихъ отцевъ, у которыхъ приходы заключаютъ въ себѣ не менѣе 100 дворовъ; допускались и такія ограниченія, что если даже у достаточнаго отца имѣлось нѣсколько сыновей годныхъ въ школу, то указывалось брать изъ нихъ только одного, болѣе способнаго, чтобы отцу не было отягощенія (1). Всѣ остальные молодые люди, стало быть, должны были оставаться при одномъ домашнемъ образованіи, объемъ котораго былъ опредѣленъ еще въ прежнее время. Съ увеличеніемъ штатовъ ограниченія этого рода естественно дѣлались рѣже, но все-таки продолжались, потому что кандидатовъ школьнаго ученія всегда оказывалось болѣе, чѣмъ сколько можно было принять по штату, и въ числѣ ихъ всегда было много такихъ, бѣдность которыхъ могла быть хорошо извѣстна епархіальному начальству по самымъ достовѣрнымъ справкамъ. Понятно, что съ ними ничего не оставалось дѣлать, какъ только отсылать ихъ отъ школы для обученія домой, обязавъ по прежнимъ примѣрамъ обычнымъ трехлѣтнимъ срокомъ, послѣ котораго они должны были явиться на экзаменъ или въ семинарію, или же прямо въ консисторію при пріисканіи мѣста. Примѣры такого увольненія молодыхъ людей отъ школы на трехлѣтній срокъ встрѣчаемъ не только въ бѣдныхъ, но и богатыхъ епархіяхъ, даже въ Петербургѣ (2). На недостатокъ средствъ

(1) Твор. св. отц. 1862 г. кн. II, стр. 206. 250. Р. Педаг. Вѣстн. 1858 г. т. V, отд. 3, стр. 24.

(2) Опис. смол. епарх. 198. Сказ. о жизни м. Гавріила стр. 128. Странн. 1870 г. т. II, стр. 99: О Симонѣ Лаговѣ костромскомъ.

къ содержанію всѣхъ нуждающихся учениковъ жаловался даже м. Платонъ, заведенія котораго были обезпечены сравнительно очень богато. „Вы счистливы, писалъ онъ въ 1787 г. Амвросію казанскому, что у васъ хлѣбъ не дорогъ; а здѣсь напротивъ: муки пудъ слишкомъ 80 к., овса четверть слишкомъ 2 р., крупъ четверть слишкомъ 8 р. Забочусь о пропитаніи семинарій. Приходится число уменьшать“ (1).

Такое „уменьшеніе числа“ и отказы въ пріемѣ къ школьному ученью вездѣ впрочемъ считались уже самою крайнею мѣрою въ воспособленіе школьнымъ недостаткамъ и допускались весьма осторожно. Явившіеся къ пріему ученики подвергались внимательному испытанію въ своихъ способностяхъ и подготовкѣ и къ домашнему обученію отсылались преимущественно юноши по чему нибудь малонадежные для школы. Съ другой стороны архіереи внимательно справлялись о достаткахъ самихъ отцевъ, которые просили объ увольненіи своихъ дѣтей отъ школы по бѣдности. Такъ наприм. въ одномъ указѣ преосв. Симона Лагова отъ 1771 г. о наборѣ учениковъ въ костромскую семинарію сказано: „набрать въ семинарію тѣхъ только мальчиковъ, которыхъ отцы могутъ содержать на своемъ коштѣ; если же не имѣютъ возможности, то объ этомъ должны взять свидѣтельство отъ дух. правленія, мѣстнаго десятоначальника и священно-церковнослужителей близкихъ селеній“ (2). Притомъ же вслѣдствіе быстраго возрастанія числа обучавшихся въ школахъ домашнее образованіе естественно стало цѣниться очень низко и въ глазахъ духовныхъ начальствъ и въ средѣ самого духовенства, да и дѣйствительно не могло быть удовлетворительно какъ за недостаткомъ порядочныхъ учителей по деревнямъ, такъ и вслѣдствіе мало благопріятной для него обстановки домашняго быта у большинства сельскаго

(1) Письма Платона, изд. при Прав. Обозрѣніи 1869 г. стр. 12.

(2) Р. Педагог. Вѣстн. т. VII, отд. 3, стр. 3 и стат. о Симонѣ въ Странн. 1870 г. т. II, 99.

духовенства. Вотъ наприм. какое донесеніе въ 1770 г. послалъ преосв. Самуилу бѣлогородскому духовный управитель обоянскаго округа, настаивавшій на основаніи въ этомъ округѣ особой дух. школы: „сего 1770 г. въ сентябрѣ города Обояни и обоянскаго уѣзду священно-и-церковнослужительскія дѣти въ дух. правленіе къ свидѣтельству, чему они чрезъ годъ въ домѣхъ отцевъ своихъ обучались, были сысканы и по свидѣтельству онаго правленія явилось, что многія дѣти, доспѣвъ до 15 и выше лѣтъ, за всегдашнимъ въ домашнихъ работахъ и во хлѣбопашествѣ отцевъ ихъ упражненіемъ, такожъ и за неимѣніемъ, кому ихъ обучать, весьма мало чему обучены, а другіе и ничему; и затѣмъ дух. правленіе построить россійскую въ г. Обояни школу признаетъ за благопотребно“ и проситъ распоряженія о сборѣ на то съ духовенства суммы „не по воли ихъ, но по необходимой надобности“ (1). Мало полагаясь на достоинство домашняго обученія, епархіальныя начальства второй половины XVIII столѣтія старались, какъ мы знаемъ, заводить особыя русскія школы по округамъ и благочиніямъ даже для первоначальнаго обученія духовныхъ дѣтей, которое возлагалось на попеченіе самихъ духовныхъ семействъ.

Мы видѣли, что такія окружныя русскія и латинскія школы основывались нерѣдко по иниціативѣ самого духовенства. Человѣкъ, учившійся только дома, въ большинствѣ случаевъ, разумѣется, могъ получить только какое нибудь плохое мѣсто въ церковномъ клирѣ, такъ какъ школьники вездѣ перебивали ему дорогу на лучшія, даже причетническія мѣста, да кромѣ того и на такое мѣсто могъ попасть только послѣ надлежащаго экзамена, подвергаться которому для большинства такихъ мало подготовленныхъ людей было довольно рискованно. За неизученіе къ сроку всего, что слѣдовало, можно было подвергнуться не только штра-

(1) Курск. епарх. вѣд. 1873 г. № 18, стр. 887—888.

фу, но даже исключенію изъ духовнаго званія, такъ какъ въ послѣднее время сами архіереи стали заботиться объ очищеніи дух. сословія отъ подобныхъ только обременявшихъ его людей, отсылая ихъ въ гражданское вѣдомство для почисленія въ податное состояніе или въ военную службу (1). На основаніи подобныхъ соображеній всѣ болѣе или менѣе заботливые отцы старались на послѣднія средства включать своихъ дѣтей, если не въ семинаріи за недостаткомъ тамъ свободныхъ вакансій, то въ нисшія окружныя школы, по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени, чтобы дать имъ нѣкоторыя болѣе надежныя права на поступленіе въ духовную службу. Отъ того число учениковъ въ нисшихъ классахъ семинарій и въ нисшихъ окружныхъ школахъ повсюду представляло весьма значительную цифру и самыя эти школы довольно быстро размножались по епархіальнымъ округамъ, особенно къ концу XVIII и въ началѣ текущаго столѣтія. Умноженіе ихъ очевидно было единственнымъ способомъ къ разрѣшенію тяжелаго вопроса о примиреніи строгихъ требованій касательно обязательнаго обученія такой громадной массы молодаго поколѣнія въ дух. сословіи съ крайнимъ недостаткомъ на то надлежащихъ средствъ у спеціально учрежденныхъ для этого епархіальныхъ семинарій. Но понятно также и то, что воспользоваться этимъ способомъ бѣдному духовенству было не легко и потому, при всемъ напряженіи его силъ къ открытію, какъ можно, большаго числа нисшихъ школъ, означенный вопросъ все-таки оставался нерѣшеннымъ до послѣдняго времени. Въ 1810 г. въ пермской епархіи касательно этого предмета возникло любопытное дѣло; преосв. Іустинъ сдѣлалъ такой запросъ семинарскому правленію: „семинарское правленіе имѣетъ подать мнѣніе, что съ тѣми дѣтьми дѣлать, которыя по сиротству грамотѣ не обучены будутъ, или по нищетѣ родителей

(1) См. наприм. Ист. вятск. іер. 81. Ист. нижег. іер. 184.

въ семинаріи содержимы быть не могутъ, а причетническихъ мѣстъ не будетъ, да и на семинарское содержаніе сверхъ комплекта приняты не будутъ". Правленіе въ отвѣтъ на этотъ запросъ предложило, разумѣется, завести по уѣздамъ и монастырямъ малыя школы грамотности. въ пособіе которымъ выдавать суммы изъ пожертвованій доброхотнодателей въ семинарію на содержаніе бѣдныхъ; „бѣдныя дѣти, кромѣ того, писалось въ предложеніи, имѣющія обучаться по уѣздамъ, могутъ быть въ содержаніи своемъ помоществуемы и родственниками своими, находящимися по близости ихъ, а притомъ и изъ домовъ родительскихъ удобнѣе будутъ получать нужное на свое содержаніе, да и содержаніе въ уѣздѣ для наставленія дѣтей чтенію, письму и пѣнію можетъ быть несравненно дешевле, нежели въ губернскомъ городѣ". Рѣшеніе вопроса было самое естественное и простое, но осущественіе его оказалось очень мудренымъ. Преосвященный изъявилъ полное согласіе на обученіе дѣтей духовенства въ малыхъ школахъ, какія были на лицо, но заводить новыя нашелъ не возможнымъ вслѣдствіе большихъ издержекъ, какія необходимо потребуются на этотъ предметъ; пересчитавъ разныя школьныя потребности, онъ писалъ: „все сіе чтобы устроить и приготовить, надобно имѣть въ готовности много тысячъ рублей; а на доброхотныя подаянія положиться не можно. Множайшіе находятся, которые едва свои семейства прокормить нынѣ могутъ. Да настоятели (монастырей) денегъ, хотя бы и имѣли, тратить для устроенія училищъ не согласятся. да безъ особливаго указа къ сему и приступить не можно. Указъ о заведеніи училищъ по городамъ и монастырямъ, хотя и изданъ, но еще не повелѣвалъ заводить оныя (разумѣется высочайше утвержденный докладъ комитета 1808 г.). Итакъ докладъ сей члены правленія представили намъ безъ дальнаго размышленія" (1). Вопросъ

(1) Ист. пермск. семин. въ Пермск. епарх. вѣд. 1868 г. № 37, стр. 637—638.

послѣ этого такъ и остался открытымъ, потому что и самое дальнее размышленіе очевидно тутъ ничего не могло придумать въ тогдашнее время.

Какъ велико было число такихъ молодыхъ людей, оставшихся безъ обученія, можно видѣть отчасти изъ цифровыхъ данныхъ о дѣтяхъ духовенства, выведенныхъ въ докладѣ св. Синода по поводу послѣдняго разбора духовенства 1806 г. для 33 подлежавшихъ этому разбору епархій. Всѣхъ обучавшихся въ дух. училищахъ считалось тогда 24,167, затѣмъ дѣтей духовенства оставшихся при отцахъ моложе 15 лѣтъ,—обученныхъ грамотѣ показано 11,329, а необученныхъ 49,460,—цифра очень большая для сословія, подлежавшаго обязательному обученію, хотя она конечно обнимаетъ собою и такихъ дѣтей, которыя еще не достигли до надлежащаго для обученія возраста; далѣе слѣдуетъ другая цифра, касающаяся дѣтей уже свыше 15-ти-лѣтняго возраста и потому допускающая менѣе ограничительныхъ объясненій,—изъ 3368 такихъ дѣтей, оставшихся при отцахъ безъ всякаго дѣла, неграмотныхъ показано 1166, слѣдовательно болѣе трети (1).

Недостатокъ мѣста и средствъ въ дух. школахъ повелъ между прочимъ и къ тому, что епархіальныя и школьныя начальства должны были значительно противъ прежняго времени облегчить для учениковъ выходъ изъ школъ до окончанія курса. При повсюдномъ скопленіи учащихся въ заведеніяхъ строгія постановленія Д. Ретламента, заставлявшія держать ученика въ школѣ до послѣдней возможности, естественно потеряли свою силу. Мы видѣли, что еще при импер. Аннѣ правительство было противъ долговременнаго удерживанія при семинаріяхъ юношей, мало подававшихъ надеждъ для церковной службы. Указъ 14 октября 1737 г., касавшійся этого предмета, теперь постоянно приводился на справку во всѣхъ дѣлахъ объ исключеніи учениковъ. Въ 1770 г. самъ св. Синодъ указалъ: „непо-

(1) П. С. З. XXIX, № 22476.

нятныхъ учениковъ, которые къ продолженію наукъ никакой о себѣ надежды не подаютъ, долговременно въ школахъ не держать". болѣе достойныхъ, не опорочившихъ себя дурнымъ поведеніемъ, опредѣлять по усмотрѣнію архіереевъ въ церковный причтъ. а негодныхъ отсылать въ свѣтскую команду (1). Поэтому исключенія учениковъ во второй половинѣ XVIII столѣтія производились весьма часто и иногда въ очень большихъ рамѣрахъ. Мы уже видѣли наприм., какому радикальному очищенію отъ неспособныхъ и засидѣвшихся въ низшихъ классахъ учениковъ подверглись смоленскія школы при вступленіи на смоленскую каѳедру Парѳенія Сопковскаго, архіерея, надобно сказать, замѣчательно добраго и гуманнаго (2). Въ троицкой семинаріи въ 1766 г. исключено было заразъ 39 человѣкъ. Опредѣленіе къ исключенію падало преимущественно на учениковъ дурнаго поведенія и на такъ называемыхъ великовозрастныхъ, безъ толку сидѣвшихъ по нѣскольку лѣтъ въ одномъ низшемъ классѣ. наприм. какой нибудь информаторіи. Въ спискѣ исключаемыхъ изъ троицкой семинаріи 1768 г. противъ одного ученика находимъ отмѣтку: potius excludi videtur ob nimiam staturam. Въ 1769 г. Платонъ предписалъ: не держать учениковъ въ грамматическомъ и синтаксическомъ классахъ болѣе 2 лѣтъ въ каждомъ и переводить ихъ въ слѣдующіе классы или исключать (3). Въ 1784 г. отъ него же вышло распоряженіе: „находящихся въ информаторіи учениковъ, имѣющихъ отъ роду 17 лѣтъ, выключить,—также хотя нѣкоторые и отъ 14 лѣтъ, да обучаются въ оной информаторіи 2 года. Такъ какъ въ информаторіи ученики обучаться должны ничему иному, какъ единственно читать и писать по латынѣ и первымъ склоненіямъ и спряженіямъ грамматическихъ правилъ, потому въ информаторіи болѣе

(1) Ист. спб. акад. 52.

(2) См. объ немъ въ Опис. смол. епарх. 114—133.

(3) Ист. троицк. сем. 555—556.

года не держать". Вслѣдствіе этого распоряженія въ слѣдующемъ же году исключено изъ академіи 43 человѣка большею частію изъ информаторіи. Нѣкоторыхъ выгоняли изъ школъ даже съ безчестіемъ, наприм. объ одномъ ученикѣ риторики Платонъ сдѣлалъ такое распоряженіе: „яко нерадиваго и лѣниваго ученика, выключить, выгнавъ его изъ академіи въ присутствіи учениковъ до воротъ метлами". Въ 1793 г. изъ московской академіи заразъ было исключено 146 человѣкъ (1).

За недостаткомъ опредѣленныхъ правилъ объ этихъ ученикахъ участь ихъ была весьма рискованная, особенно въ случаѣ нежданно накрывавшаго ихъ разбора. Болѣе надежныхъ изъ нихъ епархіальныя власти старались впрочемъ по возможности оберегать отъ выключенія изъ дух. званія, давая имъ билеты на пріисканіе мѣстъ, по которымъ они числились кандидатами на церковную службу, или зачисляя ихъ до пріисканія мѣста въ служители при семинаріяхъ (2). При имп. Павлѣ начались необычайныя строгости относительно этихъ юношей, но къ счастію для нихъ продолжались не долго, до кончины государя. Поводомъ къ этимъ строгостямъ послужило участіе одного „отставнаго семинариста" въ убійствѣ, случившемся въ 1800 г. въ Астрахани. Узнавъ объ этомъ обстоятельствѣ, государь объявилъ Синоду, что ему „удивительно, какимъ образомъ можетъ быть семинаристъ отставленъ, ибо коли онъ не годится въ духовное званіе, то слѣдуетъ быть отправленъ къ тому роду службы, куда способнымъ найдется, а отставлять изъ семинаріи совсѣмъ противно установленію". Послѣ этого св. Синодъ поспѣшилъ издать указъ: „какъ семинаристы между духовенствомъ никакого особаго состоянія не составляютъ, но будучи тѣхъ же самыхъ священно-и-церковнослужителей дѣти, предуготовляются въ семинаріяхъ къ поступленію въ св.-и-церковнослужительскіе чины и состоятъ въ числѣ прочихъ цер-

(1) Ист. моск. акад. 388—389.

(2) Пермск. епарх. вѣд. 1868 г. № 37, стр. 639—640.

ковниковъ, изъ семинарій же они не отставляются, а выписываются токмо оказывающіеся изъ нихъ въ ученіи непонятными къ продолженію высшихъ наукъ... для опредѣленія къ причетническимъ должностямъ и тогда же для пріисканія оныхъ даются имъ отъ консисторіи письменные билеты, съ коими они иногда и остаются чрезъ нѣсколько времени праздными, пріискивая себѣ тѣ мѣста; во 2-хъ же исключаются изъ семинаріи ученики опозорившіе свое состояніе и потому къ дух. званію негодные, которыхъ посему и обязанъ каждый епархіальный архіерей отправлять тогда же въ свѣтскія правительства на ихъ разсмотрѣніе": поэтому, чтобы исключенные не могли долго питаться безъ мѣстъ и производить какіе либо проступки, опредѣлено: не выписывать ихъ изъ семинарій и не снабжать билетами до тѣхъ поръ, пока они дѣйствительно не пріищутъ мѣстъ, а между тѣмъ обучать ихъ въ русскихъ школахъ всему, что нужно для причетнической должности, считая ихъ наличными, а не отставными учениками, исключаемыхъ же за дурное поведеніе немедленно отсылать къ свѣтскому начальству (¹). Мы видѣли, что почти такое же распоряженіе было издано при Аннѣ Іоанновнѣ; послѣднее, какъ очень стѣснительное для семинарій, не знавшихъ, чѣмъ содержать и наличныхъ учениковъ, кромѣ этихъ уже выбывшихъ изъ ученія, скоро само собой потеряло свою силу,—таже участь постигла и распоряженіе 1800 года.

Освобожденіе дух. школъ отъ ненадежныхъ учениковъ чрезъ исключеніе было одной изъ лучшихъ тогда формъ „уменьшенія числа", къ которому, какъ мы видѣли изъ письма м. Платона, должны были прибѣгать духовныя начальства вслѣдствіе слишкомъ большаго скопленія учениковъ въ заведеніяхъ. Кромѣ того много учениковъ выходило изъ школъ до окончанія полнаго курса по своей волѣ, изъ семейныхъ разсче-

(¹) П. С. З. XXVI, № 19532.

товъ или просто изъ желанія поскорѣе освободиться отъ непріятностей школьнаго ученія и зажить въ „совершенномъ житія станѣ“. Нѣкоторые изъ нихъ опредѣлялись въ свѣтскую службу по канцеляріямъ, которыя тогда повсюду нуждались въ писцахъ, и въ консисторіяхъ, гдѣ съ 1764 г. всѣ канцелярскія должности по высочайшему указу стали повсюду заниматься исключительно свѣтскими людьми. Консисторская служба была заманчива для такихъ недоучекъ, потому что, поступивъ на нее, можно было прежде всего избѣгнуть опаснаго разрыва съ своимъ сословіемъ, а потомъ при случаѣ достигнуть лучшаго мѣста на самой церковной службѣ, такого мѣста, которое невсегда доставалось и ученому человѣку. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ консисторской канцеляріи, такой приказный могъ потомъ смѣло проситься въ священнослужители къ выбранному имъ самимъ приходу, представивъ въ резонъ, что его пора такимъ образомъ наградить за службу, тѣмъ болѣе что де „по дозрѣлымъ лѣтамъ ему непремѣнно слѣдуетъ одружиться, ибо и еще въ позднѣйшія лѣта жениться будетъ ему совѣстно и почти не надобно“. Другимъ такимъ же вѣрнымъ средствомъ добиться хорошаго мѣста для такихъ недоучекъ была развѣ еще служба въ архіерейскихъ келейникахъ и пѣвчихъ (1). Множество юношей поступало въ послушники по монастырямъ, но тутъ ихъ всегда могли потревожить грозные разборы. Большинство же, какъ и въ прежнее время, расходилось по должностямъ причетническимъ и отчасти дьяконскимъ. Для опредѣленія въ причетники особенно много уходило изъ школъ дѣтей причетническихъ же, которыя смотрѣли на эту должность, какъ на какое-то природное, наслѣдное свое призваніе. Понятія этого рода были такъ живучи, что еще въ текущемъ столѣтіи, на нашей даже памяти, иныя дьяческія и пономарскія дѣти сами торопились поско-

(1) Прих. духовенство въ Россіи, стр. 624—626.

рѣе уйти изъ школы въ причетники, бывали даже исключаемы противъ воли своими отцами въ тѣхъ мудрыхъ видахъ,—„высшихъ де себе не ищи“ и выше своего отца не стремись. Какъ много учениковъ выходило и было исключаемо изъ заведеній до окончанія курса, видно изъ того, что число студентовъ высшихъ классовъ вездѣ составляло только самый небольшой процентъ общаго числа всѣхъ учениковъ. Многолюднѣе всѣхъ были самые низшіе классы; затѣмъ до риторики и пінтики число учениковъ годъ отъ году все уменьшалось; въ риторикѣ и пінтикѣ снова увеличивалось, потому что въ эти семинарскіе классы ученики поступали не изъ однихъ низшихъ классовъ самой семинаріи, но и изъ другихъ низшихъ школъ по епархіи, курсы которыхъ обыкновенно доводились до пінтики съ риторикой; потомъ съ перваго же года риторическаго курса опять начинало уменьшаться съ огромной быстротой. Такъ, подъ конецъ XVIII столѣтія, когда богословское и философское образованіе получило уже наибольшее распространіе въ дух. школахъ, въ московской академіи изъ 1118 всѣхъ учениковъ было только 118 богослововъ и философовъ; въ кіевской академіи по отчету 1802 г. изъ 1146 учениковъ философовъ было 75, а богослововъ 56 (1); въ петербургской академіи въ концѣ XVIII столѣтія изъ 157—философовъ 24 и 15 богослововъ; въ троицкой семинаріи изъ 264 учениковъ въ обоихъ высшихъ классахъ было 67 человѣкъ; въ харьковскомъ коллегіумѣ на 718 учениковъ приходилось 79 философовъ и 43 богослова (2). Мы пересчитываемъ только такія заведенія, въ которыя для изученія высшихъ наукъ поступали ученики даже не изъ одной, а изъ разныхъ епархій; въ другихъ исключительно епархіальныхъ заведеніяхъ философовъ и богослововъ было и того меньше. Наприм. въ смоленской епархіи въ се-

(1) Ист. моск. акад. 341. Кіевъ *Аскоченскаго*, т. II, 435.

(2) См. Ист. спб. акад. и троицк. сем. Харьк. епарх. вѣд. 1873 г. № 4, стр. 190.

минаріи и во всѣхъ нисшихъ школахъ считалось (въ 1798 г.) 986 учениковъ, а въ богословіи и философіи всего 31, въ тамбовской семинаріи изъ 592 учениковъ въ обоихъ высшихъ классахъ училось 65, въ воронежской (въ 1780-хъ гг.) на 336 человѣкъ приходилось около 20 философовъ и человѣкъ 7 богослововъ, въ вологодской на 502 человѣка—тѣхъ и другихъ 67 (1) и т. д.

Понятно, что этими рѣдкими учениками начальствамъ приходилось дорожить и теперь не меньше, чѣмъ въ прежнее время. Исключенію изъ заведенія они подвергались только въ какихъ нибудь уже крайнихъ случаяхъ. М. Платонъ наприм. самъ лично старался исправлять философовъ и богослововъ увѣщаніями, если они по своему дурному поведенію подвергались опасности быть выгнанными изъ заведенія, и утверждалъ представленія о томъ школьныхъ начальствъ уже послѣ того, какъ истощались всѣ средства къ исправленію виновныхъ (2). Также относилась къ нимъ большая часть другихъ архіереевъ. Встрѣчаемъ множество примѣровъ чрезвычайной снисходительности къ нимъ послѣднихъ. Вотъ наприм. нѣсколько резолюцій, относящихся къ богословамъ епископа владимірскаго Ксенофонта. Въ 1800 г. на одномъ представленіи семинарскаго правленія онъ писалъ: „студенту, хотя и неоднократно учинено было отъ насъ всевозможное снисхожденіе въ разсужденіи безчестныхъ и несоотвѣтственныхъ званію его поступковъ, но какъ онъ затѣмъ и понынѣ не только не оставилъ постыдной своей привычки (пьянства), но еще болѣе оказываетъ къ тому свои наклонности, навлекая на семинарію безчестнымъ своимъ ночнымъ волокитствомъ нареканіе и подавая прочимъ къ тому поводъ; и въ прекращеніе сего, призвавъ его въ

(1) Опис. смол. епарх. 195—196. Тамб. епарх. вѣд. 1862 г. № 2, стр. 81 въ примѣч. Воронеж. епарх. вѣд. 1868 г. № 2, 46; 1871 г. № 1, стр 15. Вологодск. епарх. вѣд. 1865 г. № 14, стр. 574—575.

(2) Ист. Троицк. сем. 557.

консисторію, подтвердить ему наистрожайше въ послѣдній разъ съ подпискою, что ежели впредь не удержится отъ таковыхъ поступковъ; то болѣе въ дух. званіи терпимъ не будетъ". Другая резолюція 1802 г. гласила: „NN (богослова), представленнаго намъ лично въ пьяномъ образѣ, хотя и слѣдовало бы отослать въ военную службу, но, снисходя ему въ послѣдній разъ, обязать строжайшею подпискою въ имѣніи трезвенной и честной жизни и при особенномъ за поведеніемъ его надзорѣ помѣсячно рапортовать намъ". Третій богословъ за самовольное проживаніе въ домѣ отца и за путешествія по трактирамъ отдѣлался тоже „въ послѣдній разъ" переводомъ на нѣкоторое время въ философскій классъ, а одинъ философъ, изругавшій въ пьяномъ видѣ полицейскаго и попавшій на съѣзжую,—двухчасовымъ стояніемъ на колѣнахъ и переводомъ на время въ риторику (1). Нѣкоторые архіереи употребляли въ подобныхъ случаяхъ для исправленія виновныхъ тѣлесныя наказанія, сѣченіе розгами въ собраніи товарищей или стояніе на колѣнахъ въ разныхъ классахъ поочередно, сначала въ богословіи, потомъ въ философіи, наконецъ въ риторикѣ, лишеніе казеннаго содержанія или предоставленнаго мѣста и т. п., но отъ исключенія воздерживались до послѣдней возможности (2). Встрѣчаемъ извѣстія, что привыкши къ такой снисходительности начальства, богословы считали сьое исключеніе, если наконецъ подвергались ему, чѣмъ-то незаконнымъ и обращались съ претензіями на своихъ архіереевъ въ св. Синодъ (3). Когда ученики высшихъ классовъ сами просились изъ семинаріи на какое нибудь священнослужительское мѣсто, ихъ большею частію увольняли безпрепятственно, какъ лучшихъ кандидатовъ на подобныя мѣста, но въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ, какъ въ московской,

(1) Ист. владим. семин. 112—118.

(2) См. наприм. Калужск. еп. вѣд. 1866 г. № [illegible], стр. 466—469. Смоленск. 1879 г. № 10, стр. 310.

(3) Калужск. епарх. вѣд. 1866 г. № [illegible] стр. [illegible]—472.

успѣло уже довольно явиться священниковъ изъ кончившихъ полный курсъ семинаристовъ, не всегда увольняли на церковную службу и богослововъ раньше полнаго окончанія ими богословскаго курса или заставляли ихъ доучиваться въ богословіи послѣ посвященія.

Болѣе талантливыми учениками начальство дорожило и въ низшихъ классахъ, стараясь удерживать ихъ отъ преждевременнаго выхода, хотя бы и на церковную службу и даже на наслѣдное мѣсто. „Пусть только учится прилежно, писалъ наприм. Платонъ на прошеніяхъ такихъ учениковъ объ опредѣленіи на мѣста; безъ мѣста пристойнаго не останется“, или: „велѣть ему учиться, а мѣсто за нимъ предоставить“; „велѣть обучаться и оканчивать ученіе, а доходомъ можетъ онъ пользоваться... велѣть ближнему священнику службу временно и требы исправлять“ (1). Предоставленіе за учениками мѣстъ, практиковавшееся въ большихъ размѣрахъ повсюду, между прочимъ служило къ устраненію самаго главнаго повода къ увольненію учениковъ изъ семинарій, бѣдности ихъ семействъ и разныхъ семейныхъ, наслѣдныхъ отношеній къ просимымъ ими мѣстамъ.

Самовольное уклоненіе учениковъ отъ школы, такъ часто проявлявшееся прежде въ формѣ бѣгства, съ теченіемъ времени становилось все рѣже и рѣже, точно также, какъ и случаи уклоненія духовныхъ дѣтей отъ первоначальнаго поступленія въ школу. Вотъ одно довольно точное показаніе касательно этого предмета изъ исторіи смоленскихъ школъ. За прежнее время при преосв. Гедеонѣ (1728—1761 г.) изъ 185 училищныхъ архивныхъ дѣлъ здѣсь насчитано 95 дѣлъ о побѣгахъ учениковъ, тогда какъ за все время управленія епархіею преосв. Парѳенія (1761—1795) изъ 399 дѣлъ къ побѣгамъ учениковъ и къ неявкамъ ихъ въ школу съ вакацій относится всего 41 дѣло, притомъ же самыя крупныя изъ нихъ относятся главнымъ образомъ къ

(1) Ист. троицк. сем. 546.

началу описываемаго времени, къ 1760-мъ годамъ. Такъ въ 1767 г. изъ вяземскаго училища было донесено преосвященному, что изъ 300 учениковъ записанныхъ въ школѣ „и половиннаго числа не имѣется“,—одни не явились съ ваката, другіе вовсе еще не были въ школѣ, не смотря на высылку ихъ въ нее черезъ дух. правленіе. Въ слѣдующемъ году былъ составленъ общій списокъ всѣхъ дѣтей духовенства въ смоленскомъ уѣздѣ выше 7 лѣтъ возраста, проживавшихъ въ своихъ домахъ; ихъ оказалось 40 человѣкъ, въ томъ числѣ были даже такія лица, которыя имѣли 25—60 лѣтъ и никогда еще ни въ какой школѣ не бывали. Въ послѣдующіе годы управленія Парѳенія не встрѣчается уже ни одного донесенія съ такими крупными цифрами (1). Даже въ новыхъ семинаріяхъ случаи самовольнаго ухода учениковъ и неявки съ ваката встрѣчаемъ преимущественно лишь на первыхъ порахъ, затѣмъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ они быстро начинаютъ уменьшаться. Мѣры, предпринимавшіяся противъ побѣговъ, были почти тѣже, что и прежде, съ небольшими развѣ смягченіями въ ихъ прежней энергіи вслѣдствіе болѣе мягкаго духа времени и менѣе частаго повторенія вызывавшихъ ихъ случаевъ. Отцы и родственники бѣглецовъ за держаніе ихъ у себя подвергались штрафамъ. Такъ, въ первый годъ существованія сѣвской семинаріи съ ваката не явилось 25 человѣкъ; по этому поводу архіерей далъ такую резолюцію: „велѣть выслать немедленно: отцовъ штрафовать отсылкою въ труды на недѣлю, если не покажутъ законныхъ причинъ. Дать знать всѣмъ, что впредь въ подобномъ случаѣ отцы, или у кого тѣ семинаристы будутъ жить, отсылаемы будутъ подъ начатъ на столько времени, сколько семинаристы въ домахъ ихъ за срокомъ промѣшкаютъ; въ случаѣ же болѣзни должны рапортовать благочинному, а благочинные давать знать префекту; а если кто и боленъ

(1) Смол. епарх. вѣдом. 1878 г. № 18, стр. 516—517.

былъ, но знать о томъ не дано, то наложенъ будетъ штрафъ по вышеписанному" (1). Штрафы въ разныхъ мѣстахъ были разные, съ священниковъ отъ 1 р. до 5, съ дьяконовъ 50 к.—3 р., съ причетниковъ 25 к.—2 р. и болѣе по усмотрѣнію начальства. Кромѣ штрафовъ и ссылки на труды, виновные подвергались также консисторскому аресту (2). Въ 1802 г. въ черниговской семинаріи встрѣчаемъ любопытный случай наложенія штрафа на запоздавшихъ послѣ вакаты учениковъ съ практическою цѣлію воспользоваться штрафными деньгами для производившейся тогда постройки семинарской церкви. При отпускѣ на вакаты съ учениковъ взята была подписка: „если который изъ насъ пропустить неявкою своею въ семинарію 5 число сентября, повиненъ на новостроющуюся семинарскую церковь внести 2 р., а ежели который пропуститъ 10 число сентября, повиненъ внести 3 р., а неявившіеся къ 20 сентября внести обязаны 5 р., послѣ 20 сентября неявившіеся повинны внести на церковь 10 р.". Послѣ этой подписки изъ 70 человѣкъ, отпущенныхъ на вакатъ, къ сроку явилось только 30, остальные 40 внесли штрафъ въ количествѣ не менѣе 100 р. (3) Взносъ этотъ тоже, разумѣется, падалъ не на самихъ учниковъ, а на ихъ отцовъ и родственниковъ. Частію изъ опасенія штрафовъ и гнѣва дух. начальства, частію изъ опасенія за судьбу своихъ дѣтей, духовныя лица теперь сами уже стали наблюдать за тѣмъ, чтобы ихъ дѣти не уклонялись отъ ученья, такъ что въ прежнихъ мѣрахъ къ отыскиванію бѣглецовъ чрезъ духовныя правленія, благочинныхъ и разсыльныхъ уже едва ли была какая нибудь надобность.

---

(1) Орловск. епарх. вѣд. 1865 г. № 9, стр. 378. Сравн. Ист. троицк. сем. 477.

(2) Ист. псковск. сем. 68. Тульск. епарх. вѣд. 1862 г. № 8, стр. 126. Ист. троицк. сем. 476—478.

(3) Черниговск. епарх. вѣд. 1871 г. № 12, стр. 381: Истор. семинар. церкви.

Сами бѣглецы подвергались, по мѣрѣ своей вины, или обычнымъ школьнымъ наказаніямъ, или совершенному увольненію отъ школы и даже изъ дух. званія. Духовное начальство продолжало смотрѣть на это преступленіе съ прежней юридической точки зрѣнія и, за исключеніемъ только неважныхъ случаевъ мелкаго уклоненія учениковъ отъ классовъ по лѣности и т. п., предоставляло назначеніе расправы за него не школьной администраціи, а самой консисторіи, которая въ свою очередь дѣйствовала съ доклада епархіальному архіерею. Школьныя наказанія назначалось производить чрезъ школьное начальство. Такъ, преосв. Парѳеній смоленскій, получивъ при вступленіи на каѳедру свѣденія о большомъ числѣ учениковъ, уклонявшихся отъ ученія, предписалъ чрезъ консисторію: „ректору и префекту семинаріи всѣхъ праздношатающихся учениковъ большаго возраста плетьми, а малаго лозами высѣчь нещадно“ (1). Сѣченіе взрослыхъ семинаристовъ высшихъ классовъ самимъ школьнымъ начальствомъ во 2-й половинѣ XVIII в. допускалось очень рѣдко и не во всѣхъ семинаріяхъ, но въ приговорахъ епархіальнаго суда не было исключенія и для нихъ, такъ какъ они трактовались этимъ судомъ, уже не какъ школьники, а наравнѣ со всѣми подсудимыми духовнаго вѣдомства. Кромѣ сѣченія розгами, назначались и другія школьныя наказанія, наприм. владимірская консисторія въ 1800 г. предписала указомъ, чтобы ученики училища за пропускъ срока послѣвакатной явки наказывались за два дня стояніемъ на колѣнахъ въ теченіе двухъ классовъ, за 4 дня переводомъ въ нижній классъ, а послѣ недѣльной просрочки принимались не иначе, какъ по особому отношенію въ училище (2). Нѣкоторые

(1) Смолен. епарх вѣд. 1878 г. № 17. стр. 478. Сравн. Калужск. еп. вѣд. 1866 г. № 15, 467—468.

(2) Владим. епарх. вѣд. 1866 г. № 24, стр. 1364: Переясл. училище.

бѣглецы по распоряженію епархіальной власти лишались зачисленныхъ за ними мѣстъ, на доходы съ которыхъ они содержались и на которыя они иногда спѣшили попасть на дѣйствительную службу посредствомъ преждевременнаго удаленія изъ школы (1). Ученики казеннокоштные за просрочку послѣ ваката и опущеніе классовъ подвергались вычетамъ изъ ихъ содержанія или лишенію казеннаго кошта на болѣе или менѣе длинный срокъ, смотря по числу опущенныхъ учебныхъ дней, наприм. за одинъ день на 3 дня или недѣлю, за 2 вдвое и т. д. (2). Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ они подвергались денежнымъ штрафамъ уже при выходѣ изъ школы, когда опредѣлялись на мѣста; для этого изъ семинаріи въ консисторію присылались вѣдомости о томъ, сколько дней въ теченіи курса пропустилъ каждый ученикъ, и по числу ихъ разсчитывалось количество штрафа съ каждаго, наприм. за 30 дней 2 р. и т. п. (3). Самое страшное наказаніе за побѣгъ состояло въ исключеніи изъ школы, особенно если сопровождалось еще выдачею исключеннаго свѣтскому начальству для приписки въ податное состояніе или зачисленія въ военную службу. Въ архіерейскихъ указахъ по поводу бѣглецовъ писалось: „если кто станетъ отъ школы бѣгать, то по взятьи указнаго штрафа и по жестокомъ наказаніи изъ числа церковниковъ имѣетъ быть по указамъ, яко не угодный къ церковному служенію, исключенъ и въ подушный окладъ будетъ отданъ" (4). Надобно впрочемъ замѣтить, что къ этому суровому наказанію епархіальныя начальства прибѣгали только въ крайнихъ случаяхъ, когда бѣгство ученика соединялось еще или съ дурнымъ поведеніемъ или съ поль

(1) Ист. моск. акад. 375. 340. Сравн. Рязанск. еп. вѣд. 1877 г. № 10, стр. 290, прим. 36: О дух. школахъ при Екатеринѣ II.

(2) Ист. моск. акад. 269. Ист. троиц. семин. 478.

(3) Рязанск. еп. вѣд. 1877 г. № 10, примѣч. къ стр. 293.

(4) Смолен. епарх. вѣд. 1878 г. № 17, стр. 494. Ист. пск. сем. 68—69. Орл. епарх в. 1865 г. № 9, стр. 378 и др.

ной неспособностью къ церковнической службѣ по малограмотности, когда слѣдовательно онъ оказывался дѣйствительно негоднымъ членомъ своего сословія и составлялъ для него одно только лишнее и даже вредное бремя.

Особенно не любили духовныя начальства, когда ученики дух. школъ стремились выходить изъ нихъ на свѣтскую службу. По мѣрѣ развитія замкнутости дух. сословія все болѣе и болѣе развивалась и замкнутость духовной школы, въ тоже время сама служа главной поддержкой замкнутости сословія. Всѣ затраты послѣдняго на свои школы, все ученіе этихъ школъ направлялось къ исключительнымъ интересамъ духовной службы, въ надежду лучшаго священства, и сами воспитанники, какъ высказалъ упомянутый синодскій указъ 1800 г., состояли „въ числѣ прочихъ церковниковъ". Бѣгство изъ школы трактовалось, какъ измѣна самой духовной службѣ, отъ того и судилось не школьною, а консисторскою властью и вело за собой отчисленіе отъ сословія. Многіе семинаристы состояли въ числѣ церковниковъ на самомъ дѣлѣ, имѣя за собой зачисленныя и предоставленныя мѣста, съ которыхъ получали доходъ и на которыхъ въ свободное время дѣйствительно исправляли церковную службу, любили даже и по внѣшности походить на церковниковъ, носили наприм. длинные волосы, завязанные сзади въ пучекъ, и церковническія полукафтанья. Съ своей стороны архіереи и школьныя начальства употребляли всѣ средства къ тому, чтобы вкоренить въ дух. воспитанникахъ любовь къ ихъ будущему церковному служенію и удержать ихъ отъ выхода въ свѣтское званіе. За исключеніемъ немногихъ епархій, въ которыхъ духовныя школы были постарше и успѣли уже выпустить изъ своихъ стѣнъ нѣсколько поколѣній образованныхъ священно-служителей, недостатокъ сколько нибудь поучившихся людей на церковной службѣ былъ еще слишкомъ чувствителенъ, чтобы епархіальныя начальства могли равнодушно смотрѣть на выходъ изъ ихъ

вѣдомства не только многоученыхъ риторовъ, философовъ и богослововъ, но даже весьма скромныхъ по степени своей грамотности учениковъ низшихъ классовъ. „Выходъ учениковъ въ свѣтское званіе, читаемъ въ Исторіи троицкой семинаріи (стр. 537) казался дух. властямъ дѣломъ увлеченія и необдуманности, казался совращеніемъ съ прямаго пути. Это высказалъ Платонъ по поводу просьбы ученика философіи Сокольскаго въ 1769 г. Сокольскій, прося уволить его въ университетъ для продолженія наукъ, написалъ, что онъ не имѣетъ склонности поступить въ дух. званіе. Платонъ далъ резолюцію на его прошеніи: просителю Сокольскому продолжать свое ученіе въ семинаріи нашей, о увольненіи же его отъ дух. команды по окончаніи ученія въ семинаріи нашей разсуждать принадлежитъ архіерею той епархіи, откуду онъ Сокольскій. А между тѣмъ ему Сокольскому изъяснить, что склонность къ каковой либо должности не есть непремѣняемая, но зависитъ отъ собственнаго о должности понятія. Почему, если онъ будетъ себя увѣрять (какъ то и должно), что дух. должность, по его отъ духовнаго родителя происхожденію, также и по ученію, каковое онъ въ дух. семинаріи снискиваетъ, ему есть слѣдственна, полезна и пристойна, то по таковому разсужденію онъ къ дух. должности можетъ и склонность получить". Для удержанія его отъ выхода изъ дух. званія Платонъ въ слѣдующемъ году, когда онъ перешелъ въ богословію, сдѣлалъ его даже учителемъ въ низшемъ классѣ. Мысль Платона была публично развиваема на школьныхъ диспутахъ: такъ въ 1782 г. на такомъ диспутѣ въ московской академіи два студента разсуждали о томъ, какой избирать родъ жизни, и одинъ изъ нихъ, игравшій роль Добросклонина, побѣдоносно доказалъ преимущество духовнаго званія и предъ военнымъ, и предъ судебнымъ, и предъ всякимъ другимъ, которыми увлекался по своему легкомыслію его оппонентъ, названный Вѣтрениковымъ (1). Подоб-

(1) Ист. троицк. сем. 537. 578. Ист. моск. акад. 375.

ныя же мысли высказывали и другіе архіереи. Напр. въ инструкціи рязанской семинаріи преосв. Симона Лагова читаемъ: „впечатлѣвать должно, чтобы учащіяся отъ духовенства дѣти наслѣдственнымъ себѣ считали право быть служителями церкви, и стыдно имъ должно быть, если они захотятъ отлучиться въ иные чины, а къ церкви дадутъ мѣсто изъ свѣтскихъ людей. Они тѣмъ уподобятся Исаву, который за чашу продалъ первенство свое Іакову и лишился отчаго и Божія благословенія“ (1). Веніаминъ архангельскій въ 1795 г. предписалъ: „дабы сумма, изъ казны на семинарію отпускаемая, происходила вся въ пользу церквей, то потребно въ семинаріи наблюдать, дабы на оную сумму тѣ только семинаристы содержаны были, которые къ церквамъ дѣйствительно опредѣлиться желаютъ, а которые намѣреніе имѣютъ въ сторонніе и свѣтскія званія вступить, на тѣхъ тщетно оную и сумму употреблять не надлежитъ“ (2).

Чтобы устранить такую тщетную трату семинарской суммы не въ пользу церковной службы, съ семинаристовъ, переходившихъ въ высшіе классы, принято было брать подписки, что они непремѣнно останутся въ духовномъ званіи. М. Платонъ указалъ брать эти подписки съ риторовъ при переходѣ ихъ въ философію (3). Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ ихъ брали и раньше, наприм. начиная съ риторики или даже съ синтаксимы. Въ упомянутомъ указѣ Веніамина архангельскаго говорится: „отъ семинаристовъ, на казенномъ коштѣ содержащихся, отъ синтаксиса до высшихъ школъ, отобрать сказки: кто куда желаетъ поступить, въ свѣтское или духовное званіе? И кто пожелаетъ быть въ духовномъ званіи и дастъ обязательство, что

---

(1) Рязанск. епарх. вѣд. 1866 г. № 19.

(2) Странн. 1879 г. Мартъ, 387.

(3) Ист. моск. акад. 374. Симонъ рязанскій бралъ эти подписки при посвященіи учениковъ высшихъ классовъ въ стихарь. Рязанск. еп. вѣд. 1876 г. № 5, прим. къ стр. 146.

въ свѣтское званіе никогда проискивать не будетъ, тѣхъ оставить на казенномъ содержаніи, а которые объявятъ желаніе быть въ свѣтскомъ состояніи и не дадутъ обязательства быть вѣчно въ дух. званіи, тѣмъ отъ казеннаго штату нынѣ же отказать и велѣть имъ кормиться, чѣмъ хотятъ, или проситься къ мѣстамъ,... а безъ того на казенный коштъ не принимать какъ нынѣ, такъ и навсегда". Ученики низшихъ классовъ освобождались отъ подачи обязательствъ „за малолѣтствомъ ихъ". Къ лишенію казеннаго содержанія назначались здѣсь также ученики всякихъ классовъ вообще, которые не годились на будущее время къ церковной службѣ по дурному поведенію или болѣзненнымъ припадкамъ. Когда на учениковъ не дѣйствовали ни увѣщанія, ни подписки, ихъ иногда удерживали отъ перехода въ свѣтское званіе силою. На прошеніяхъ студентовъ объ увольненіи въ свѣтскія учебныя заведенія Платонъ нерѣдко давалъ рѣшительныя резолюціи: „оставить при семинаріи", или: „обучаться ему въ семинаріи въ надеждѣ вступленія въ дух. чинъ, иначе издержанный на него духовнаго училища коштъ могъ бы почесться напраснымъ". Въ 1783 г. подалъ просьбу объ увольненіи изъ дух. званія одинъ учитель академіи Завьяловъ; Платонъ написалъ на ней: „какъ Завьяловъ недавно въ академіи должность учительскую проходитъ, то долженъ онъ еще оную продолжить и тѣмъ заслужить пріобрѣтенное имъ въ дух. училищахъ просвѣщеніе" (1). Къ такимъ же мѣрамъ прибѣгали и другіе архіереи; вотъ наприм. отрывокъ изъ письма къ м. Платону извѣстнаго нижегородскаго архіерея Дамаскина Руднева, который самъ былъ человѣкомъ свѣтскаго образованія (воспитанникомъ геттингенскаго университета), „здѣшніе (нижегородскіе) семинаристы, обучавшіеся въ московской академіи, на сихъ дняхъ (въ 1787 г.) явились ко мнѣ и просили

(1) Пет. моск. акад. 373. Ист. троицк. сем. 552.

дозволенія, чтобы имъ еще поучиться въ академіи, а потомъ въ московскомъ университетѣ, но какъ я примѣтилъ изъ ихъ реченій, что имъ хочется посредствомъ университета выйти въ другое состояніе, то и разсудилъ оставить ихъ здѣсь" (1). Богатыя семинаріи, въ родѣ троицкой, удерживали при себѣ безъ увольненія даже кончившихъ курсъ богослововъ до самаго опредѣленія ихъ на мѣста, чтобы они какъ нибудь не ушли изъ духовнаго вѣдомства (2). Лучшихъ студентовъ старались не пускать на свѣтскую службу или въ свѣтскія учебныя заведенія даже въ случаѣ вызова ихъ туда отъ свѣтскаго начальства, отдѣлываясь отъ этихъ вызововъ отправкой учениковъ похуже и учившихся не выше риторики или изрѣдка учившихся въ семинаріяхъ учениковъ свѣтскаго происхожденія. Чтобы чѣмъ нибудь оправдать такой образъ своего дѣйствія, троицкая семинарія въ одномъ такомъ случаѣ (въ 1790 г.) прибѣгнула даже къ крючковатой ссылкѣ на указъ о разборѣ 1784 г., гдѣ говорилось, чтобы учащіяся въ семинаріяхъ дѣти духовенства были оставляемы въ заведеніяхъ для укомплектованія впредь церквей и изъ вѣдомства духовнаго къ распредѣленію въ свѣтскую команду не требовались, хотя это правило касалось изъятія означенныхъ дѣтей собственно отъ разбора и къ данному случаю не имѣло рѣшительно никакого отношенія (3).

Стремленія семинарскихъ и епархіальныхъ начальствъ вполнѣ раздѣлялъ и самъ св. Синодъ, всегда, какъ мы видѣли, съ неудовольствіемъ смотрѣвшій на уходъ изъ своего вѣдомства образованныхъ людей и употреблявшій все свое вліяніе къ тому, чтобы противодѣйствовать вызовамъ ихъ въ свѣтскую команду.

---

(1) Ист. моск. акад. 351.

(2) Ист. троицк. семин. 538 и далѣе.

(3) Тамже 554.

Между тѣмъ вызовы эти въ царствованіе Екатерины сдѣлались особенно часты, такъ какъ правительство болѣе, чѣмъ когда нибудь, нуждалось теперь въ людяхъ для наполненія вновь открывшихся вакансій какъ въ гражданской службѣ, во вновь учреждавшихся и старыхъ преобразованныхъ канцеляріяхъ, такъ и въ умножавшихся годъ отъ году свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ первые годы царствованія духовное вѣдомство еще не проявляло особенной ревности къ сохраненію своей замкнутости и относилось къ вызовамъ своихъ воспитанниковъ въ свѣтскія заведенія иногда даже довольно благодушно. Такъ наприм. тотъ же Платонъ, который впослѣдствіи едвали не болѣе всѣхъ архіереевъ былъ противъ увольненія своихъ семинаристовъ и академистовъ въ свѣтскую команду, въ 1767 г. съ большой любезностью отнесся къ вызову 10 человѣкъ изъ троицкихъ семинаристовъ въ академію наукъ, велѣлъ выбрать для этого лучшихъ учениковъ изъ философіи, риторики и грамматики въ числѣ 15 человѣкъ, предоставивъ выборъ изъ нихъ нужныхъ 10 человѣкъ самому себѣ, кромѣ того тогда же отпустилъ въ академію одного богослова, который самъ пожелалъ поступить въ нее (1). Нельзя впрочемъ не обратить при этомъ вниманія на то, что это было еще въ ранній періодъ жизни Платона, когда онъ находился подъ вліяніемъ придворной среды и невольно обращалъ вниманіе на расположеніе сильныхъ лицъ въ родѣ братьевъ Орловыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ директоромъ академіи наукъ. Митрополитъ петербургскій Гавріилъ подъ подобными вліяніями и послѣ, до конца XVIII столѣтія, предоставлялъ петербургскимъ студентамъ полную свободу выходить на свѣтскую службу и простиралъ свою снисходительность въ этомъ отношеніи до того, что нѣкоторые студенты, оставлявшіеся при семинаріи учителями, открыто просили его назначить имъ болѣе легкіе предметы для преподаванія, чтобы

(1) Ист. троицк. сем. 550—551.

имѣть болѣе удобства въ пріисканіи мѣста на гражданской службѣ, и онъ удовлетворялъ ихъ желанію (1). Въ томъ же 1767 г. въ академію наукъ послано было 5 человѣкъ изъ лучшихъ же семинаристовъ отъ Иннокентія псковскаго (2). Поступленіе учениковъ на службу въ канцеляріи въ первые годы царствованія до того было легко, что нѣкоторые изъ нихъ получали канцелярскія должности даже безъ увольнительныхъ видовъ отъ дух. начальства. Такъ продолжалось до 1769 года, когда назначенъ былъ первый разборъ духовенства, заставившій безмѣстныхъ молодыхъ людей духовнаго происхожденія бросаться на всякія мѣста, гдѣ можно было укрыться отъ грозившей бѣды, и между прочимъ на канцелярскую службу. Замѣтивъ такое укрывательство, сенатъ въ маѣ того же года издалъ указъ навести справки по всѣмъ канцеляріямъ и другимъ свѣтскимъ командамъ, нѣтъ ли гдѣ тамъ людей поступившихъ на службу изъ духовнаго вѣдомства безъ увольненія отъ дух. начальства и послѣ изданія указа о разборѣ, и всѣхъ такихъ взять въ солдаты (3). Съ этихъ поръ выходъ изъ духовнаго званія въ какое бы то ни было состояніе сталъ постоянно ставиться въ зависимость отъ увольненія со стороны самого св. Синода и всѣ вѣдомства при пріемѣ въ составъ своихъ членовъ людей дух. происхожденія обязывались наводить предварительно справки, не нужны ли эти люди для церковной службы (4). Духовное вѣдомство могло теперь совершенно успокоиться въ увѣренности, что потери нужныхъ для него людей безъ согласія св. Синода больше не будетъ, но спокойствіе это очевидно было не надежно; мы знаемъ, что въ 1731 и 1732 гг. были изданы еще болѣе строгіе указы безу-

(1) Ист. спб. акад. 100.

(2) Ист. пск. семин. 74.

(3) П. С. З. XVII, № 13306.

(4) Тамже XX, № 14343.

словно закрывавшіе для духовныхъ дѣтей всѣ мѣста въ канцеляріяхъ, но крайняя нужда въ людяхъ на государственной службѣ взяла свое и сдѣлала эти указы недѣйствующими.—тоже было и теперь.

Послѣ учрежденія о губерніяхъ (1775 г.) и открытія намѣстничествъ потребовалось громадное число способныхъ молодыхъ людей для наполненія новыхъ присутственныхъ мѣстъ. Самыми первыми кандидатами на новыя канцелярскія должности явились, разумѣется, ученики семинарій и академій. Но такъ какъ увольненіе ихъ въ свѣтское званіе чрезъ св. Синодъ сопровождалось слишкомъ длинной процедурой, представлявшей для мѣстныхъ властей въ намѣстничествахъ и губерніяхъ немало затрудненій, то въ началѣ 1779 г. вышелъ новый указъ, которымъ лишнихъ дѣтей духовенства дозволялось опредѣлять на канцелярскую службу съ разрѣшенія однихъ епархіальныхъ архіереевъ. Такимъ образомъ только лишь установившійся порядокъ выхода изъ дух. званія былъ снова отмѣненъ. Въ пользу дух. вѣдомства сдѣлано было впрочемъ важное ограниченіе: архіереямъ дозволялось увольнять въ канцеляріи семинаристовъ не выше риторическаго класса (1). Какъ только этотъ указъ вышелъ, такъ семинаристы цѣлыми сотнями устремились на канцелярскую службу, гдѣ, кромѣ умѣнья писать, почти ничего больше не требовалось отъ кандидатовъ. Въ томъ же наприм. году въ канцелярію нижегородскаго намѣстничества ушло 155 человѣкъ изъ нижегородскихъ семинаристовъ (2). Гражданскія начальства, нуждаясь въ канцеляристахъ, употребляли съ своей стороны всѣ средства для привлеченія на свою службу духовныхъ воспитанниковъ. Такъ еще въ 1778 г. орловскій намѣстникъ Репнинъ, приглашая къ себѣ студентовъ кіевской академіи, обѣщалъ имъ казенную обмундировку и отъ

(1) П. С. З. XX, № 14831.
(2) Ист. нижегор. іерарх. стр. 150.

40 до 100 р. жалованья на первый же разъ; къ нему тогда же уѣхало 23 студента. Въ 1779 г. изъ академій еще просили людей въ намѣстническую службу, хотя бы, откровенно писалось въ вызовѣ, и такихъ, которые неспособны къ ученію. Въ 1783 г. изъ академіи поступило въ канцеляріи 12, а въ 1795 г. 30 студентовъ, отправленныхъ самой академіей по вызовамъ, кромѣ тѣхъ, которые сами отыскивали себѣ мѣста на гражданской службѣ (1). Въ спискахъ московской академіи съ 1775 г. противъ именъ разныхъ студентовъ тоже часто встрѣчается отмѣтка: „выбылъ въ свѣтскую команду". Московскимъ семинаристамъ вѣроятно чаще, чѣмъ какимъ нибудь другимъ, предстоялъ соблазнъ уйти на гражданскую службу,—недаромъ упомянутый нами разговоръ о выборѣ родовъ службы, читанный на актѣ въ московской академіи, былъ повторенъ еще на актѣ въ троицкой семинаріи; любопытно, что о канцелярской службѣ благомыслящій Добросклонинъ дѣлаетъ въ этомъ разговорѣ особенно дурной отзывъ (2).

Едвали еще не тяжелѣе для духовнаго вѣдомства былъ уходъ его учащейся молодежи въ свѣтскія учебныя заведенія, потому что большей части учениковъ, уходившихъ на гражданскую службу, по ихъ малоспособности къ дух. службѣ, жалѣть было нечего, между тѣмъ какъ въ учебныя заведенія вызывались и уходили люди по образованію и талантамъ весьма цѣнные. Вызовы ихъ шли непрерывно изъ года въ годъ въ теченіе всего царствованія. Такъ, очень много воспитанниковъ уходило въ университеты, при академіи наукъ и московскій, какъ по особымъ вызовамъ, такъ и по по доброй волѣ. Требованія отъ поступавшихъ въ уни-

(1) Кіевъ *Аскоченскаго* т. II, 352. Руков. для сельск. паст. 1864 г III, 404—405.

(2) Ист моск. акад. 386. Ист. троицк. семин. 577—383. См. также Ист. моск. епарх. управл. ч. III, кн. I, 46—47. Ист. псковск. семин. 73—74. Ист. спб. акад. 99 и друг.

верситетъ были тогда не велики, такъ что наприм. въ 1789 г. въ числѣ принятыхъ въ студенты видимъ даже одного ученика грамматическаго класса московской академіи, тѣмъ не менѣе большинство духовныхъ воспитанниковъ поступали въ университетъ изъ философскаго и даже богословскаго классовъ, когда ими особенно дорожило ихъ духовное начальство (1). Въ 1782 г. дружеское ученое общество основало при московскомъ университетѣ филологическую семинарію для приготовленія молодыхъ людей къ учительскому званію;—воспитанники ея большею частію тоже были вызваны изъ дух. семинарій и академій, такъ что изъ 35 человѣкъ, поступившихъ въ нее въ первый годъ, 21 были изъ духовныхъ студентовъ (2). Нѣкоторые изъ нихъ впрочемъ поступили послѣ окончанія курса на службу по духовному же вѣдомству, каковы были извѣстные потомъ іерархи Серафимъ (въ міру Стефанъ Глаголевскій) и Михаилъ (Матвѣй Десницкій).

Въ 1780-хъ гг., занявшись вопросомъ о народномъ образованіи, правительство почувствовало сильную нужду въ учителяхъ для народныхъ школъ и для удовлетворенія ея тоже обратилось къ помощи духовныхъ школъ. Коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ въ первый же годъ своего существованія (1783) вытребовала 20 воспитанниковъ изъ петербургской семинаріи для приготовленія къ учительскимъ должностямъ въ столицѣ; затѣмъ, открывъ въ Петербургѣ главное народное училище, изъ котораго могли бы выходить учители въ прочіе города имперіи, сдѣлала заразъ общій вызовъ учениковъ для наполненія этого училища изъ всѣхъ духовныхъ семинарій и академій въ числѣ 142 воспитанниковъ не моложе 18 лѣтъ, добраго поведенія и хорошихъ способностей, имѣю-

(1) См. напр. Ист. троицк. сем. 551—553. Ист. моск. акад. 379. 381. Ист. кіевск. акад. 195 и др.

(2) Русск. Арх. 1863 г. стр. 209—240

щихъ уже достаточныя основныя свѣденія въ ариѳметикѣ, грамматикѣ, катихизисѣ, исторіи, геометріи и физикѣ; слѣдовательно семинаріи должны были уступить коммиссіи лучшихъ своихъ воспитанниковъ. Въ 1786 г. рѣшено было открыть главныя народныя училища въ 25 губерніяхъ, въ которыя по высочайшему указу и выслано было 40 человѣкъ изъ разныхъ семинарій, тоже изъ лучшихъ воспитанниковъ, изъ риторики или философіи, которые по дарованію и благонравію отрекомендовали бы себя противу прочихъ достойнѣе и въ учительское званіе способнѣе. Въ томъ же году отъ главнаго народнаго училища отдѣлена учительская семинарія, въ которой былъ введенъ новый методъ преподаванія, заимствованный отъ австрійскихъ нормальныхъ школъ; для обученія въ ней этому методу опять были вызовы изъ духовныхъ семинарій. Между тѣмъ, независимо отъ этихъ вызововъ, съ того же года въ главныя народныя училища по губерніямъ начались постоянные вызовы семинаристовъ изъ разныхъ семинарій уже со стороны мѣстныхъ губернскихъ властей, по которымъ тоже выбывали туда ученики большею частію изъ высшихъ классовъ, даже изъ богословіи. Вызовы эти еще болѣе усилились съ 1788 г., когда повсюду стали открываться многочисленныя малыя народныя школы (1). Какъ тяжелы они были для духовно-учебныхъ заведеній, особенно нѣкоторыхъ, пользовавшихся лучшею репутаціею, видно изъ того, что наприм. кіевская академія въ 1786 году должна была отправить въ главное народное училище 45 студентовъ, между тѣмъ какъ въ тоже время открывалось главное училище въ самомъ Кіевѣ, которое тоже стало тянуть къ себѣ по нѣсколько студентовъ ежегодно; черезъ

(1) Ист. спб. акад. 58—60. 100. Ист. моск. акад. 377—378. Ист. псковск. сем. 73—74. Ист. троицк. сем. 548—549. Смоленск. епарх. вѣд. 1879 г. № 4, стр. 112—114. См. также П. С. З. XX, № 15342. 15978. 16342.

3 года министръ Завадовскій писалъ митроп. Самуилу, что кіевскіе студенты ему очень понравились, и просилъ прислать еще 15 человѣкъ, а черезъ мѣсяцъ—прибавить къ нимъ еще 10, потому что преосвященный черниговскій, который долженъ былъ прислать этотъ десятокъ учениковъ, отказался поступиться ими ради мѣстныхъ епархіальныхъ нуждъ въ образованныхъ людяхъ (1). Изъ петербургской семинаріи по подобнымъ вызовамъ и по собственному желанію столько выбыло учениковъ, что высшіе классы почти опустѣли и м. Гавріилъ сталъ чувствовать значительное затрудненіе въ пріисканіи достойныхъ людей для занятія священнослужительскихъ мѣстъ (2).

Въ тоже время множество духовныхъ воспитанниковъ вызывалось и поступало добровольно на издавна любимое ими поприще медицинской науки и службы. Вызовы въ медицинскую службу особенно усилились съ 1786 г., когда послѣдовало преобразованіе медицинской коллегіи и для удобнѣйшаго снабженія имперіи врачами при трехъ медицинскихъ училищахъ умножено число лекарскихъ учениковъ. Такъ какъ для укомплектованія этихъ училищъ понадобились люди знающіе латинскій языкъ, то коллегія и обратилась за ними чрезъ св. Синодъ къ семинаріямъ и академіямъ, назначивъ для пріема ихъ 3 срока,—въ январѣ, маѣ и сентябрѣ. Св. Синодъ очень неохотно взялся исполнить эту просьбу коллегіи, оговоривъ свое согласіе важными условіями, „если ко удержанію учениковъ, пожелавшихъ въ медицинскую науку, въ дух. званіи надобности не усмотрится, или которые изъ риторики къ высшимъ наукамъ безнадежны“, а отъ мѣстныхъ духовныхъ властей потребовалъ кромѣ того, чтобы они, отпуская учениковъ, обозначали въ ихъ аттестатахъ обязательство, въ случаѣ непоступленія въ назна-

(1) Кіевъ *Аскоченскаго* II, 350—354.

(2) Ист. спб. акад. 58—59.

ченный срокъ въ медицинскую науку, не опредѣляться потомъ ни въ какія иныя науки, а возвращаться въ свое дух. училище. Послѣ этого въ медицинскую науку каждогодно стало уходить множество воспитанниковъ, даже изъ академій человѣкъ по 4—15 и болѣе, такъ что дух. начальства стали насильно удерживать у себя желающихъ уйти, а на вызовы изъ медицинской коллегіи посылать отказы. По случаю турецкой войны, потребовавшей увеличенія числа медиковъ, особенно пострадала отъ этихъ вызововъ южная кіевская академія; въ 1788 г. по требованію Потемкина изъ нея взято было 29 студентовъ въ елисаветградкій госпиталь, въ 1792 г.—15 человѣкъ въ медицинскія училища, въ 1794 г.—4, въ 1795—30 да кромѣ того президентъ медицинской коллегіи требовалъ еще 25. М. Самуилъ наконецъ нашелся вынужденнымъ отвѣчать на этотъ вызовъ, что не только 25, но и одного студента онъ послать не можетъ, такъ какъ желающихъ ни одного не явилось (1).

Въ царствованіе имп. Павла пошли другіе порядки и выходъ изъ дух. званія былъ сильно стѣсненъ особенно для поступленія въ гражданскую службу. Прежде всего въ 1798 г. отмѣненъ былъ указъ 1779 г. объ увольненіи дух воспитанниковъ съ разрѣшенія однихъ архіереевъ и разрѣшеніе это какъ для поступленія на службу, такъ и для перехода въ свѣтскія учебныя заведенія попрежнему предоставлено самому св. Синоду. Въ началѣ слѣдующаго года отнятое право опять возвращено архіереямъ съ однимъ только ограниченіемъ не увольнять безъ сношенія съ Синодомъ студентовъ философіи и богословіи (2). Въ 1800 г. явился новый указъ, по которому право это отнималось опять и не только у архіереевъ, но у самаго св.

---

(1) П. С. З. XXII, № 16500. Ист. спб. акад. 60—61. Ист. моск. акад. 379—380. Ист. троицк. сем. 553—554. Кіевъ *Аскоч.* II, 350.

(2) П. С. З. XXV, № 18726 п. 15. 18880.

Синода; съ обычной неразборчивостью своего горячаго характера государь выразилъ въ этомъ указѣ сильное неудовольствіе на духовное начальство за увольненіе на статскую службу 10 семинаристовъ тверской семиріи и велѣлъ сдѣлать за это выговоръ тверскому архіерею. хотя послѣдній былъ вполнѣ правъ, не выступивъ въ этомъ дѣлѣ ни на шагъ изъ полномочій, только лишь данныхъ архіереямъ указомъ прошлаго года. „Чтобъ впредь безъ особаго моего повелѣнія, гласилъ новый именной указъ, изъ сего званія въ другія мѣста отнюдь не поступали Вы же (указъ былъ на имя м. Амвросія) имѣйте неослабный надзоръ за тѣмъ, чтобы сія моя воля по всѣмъ епархіямъ равномѣрно соблюдалась. Предпишите всѣмъ епископамъ семинаристовъ не обращать безъ воли моей ни въ какое другое званіе, о чемъ каждый разъ Синоду меня спрашиваться“ (1). Не извѣстно, къ чему понадобилось издавать такой указъ, но онъ былъ очевидно весьма не выгоденъ для интересовъ статской службы. стѣснителенъ и для самого дух. вѣдомства, у котораго отнялъ возможность увольнять изъ сословія даже лишнихъ людей, если только послѣдніе учились въ семинаріяхъ. Понятно, что изъ слишкомъ радикальнаго правила вскорѣ же потребовались исключенія, именно для вятскихъ и сибирскихъ канцелярій, которымъ. кромѣ семинарій, вовсе неоткуда было брать людей; въ началѣ 1801 г. въ этихъ мѣстностяхъ дозволено опредѣлять на канцелярскую службу дѣтей духовенства, жившихъ при отцахъ, а въ случаѣ нужды семинаристовъ, только не выше риторическаго класса (2). Въ началѣ слѣдующаго царствованія указъ 1800 г. былъ отмѣненъ совсѣмъ и возстановлена сила прежняго указа 1779 г. (3). Св. Синодъ впрочемъ скоро постарался присвоить пра-

(1) П. С. З. XXVI, 19434.
(2) Также 19723.
(3) Также 19897.

во увольненія изъ дух. званія исключительно себѣ и указами 1803 и 1804 г. потребовалъ, чтобы архіереи безъ его вѣдома не увольняли въ гражданскую службу учениковъ не только высшихъ, но и нисшихъ классовъ кромѣ опорочивающихъ себя дурнымъ поведеніемъ; такъ какъ большинство семинаристовъ подавали прошенія объ увольненіи изъ дух. званія, ссылаясь на свою неспособность къ церковной службѣ по причинѣ болѣзненнаго состоянія, то положено было подвергать такихъ просителей подъ надзоромъ ихъ архіереевъ мецицинскому освидѣтельствованію и затѣмъ архіереямъ уже представлять объ увольненіи ихъ св. Синоду (1). Соглашаясь съ этими строгими постановленіями, правительство съ своей стороны выдало нѣсколько указовъ, въ силу которыхъ людей дух. званія безъ увольненія отъ св. Синода нельзя было нигдѣ принимать на службу ни въ гражданскомъ, ни въ учебномъ, ни даже въ военномъ вѣдомствахъ (2).

Вызовы и переходъ дух. воспитанниковъ въ свѣтскія учебныя заведенія и на службу въ народныя школы продолжались впрочемъ попрежнему и въ царствованіе Павла I и въ царствованіе Александра I. Именнымъ указомъ 28 августа 1797 г. опредѣлено было изъ духовныхъ семинарій ежегодно отпускать въ медицинскую науку до 50 воспитанниковъ. Кромѣ этого въ медико-хирургическую академію каждогодно поступало значительное число риторовъ, философовъ и богослововъ по собственному желанію. Св. Синодъ по представленію медицинской коллегіи предписалъ училищнымъ начальствамъ увольнять такихъ желающихъ въ медицинскую академію безпрепятственно. Медицинское управленіе съ своей стороны, нуждаясь въ медикахъ, въ началѣ текущаго столѣтія значительно облегчило для поступающихъ въ академію экзаменъ, что

(1) Ист. моск. акад. 386. П. С. З. XXVIII, 21321.

(2) П. С. З. XXVIII, 21278. 21472. XXX, 23381 и др.

еще болѣе стало привлекать въ нее семинаристовъ (1). На службу въ народныхъ училищахъ изъ дух. воспитанниковъ уходило столько людей, что наприм. въ 1804 г. на вызовъ въ учители 5 воспитанниковъ изъ петербургской академіи м. Амвросій долженъ былъ наконецъ отвѣчать графу Завадовскому отказомъ, потому что въ академіи, объяснялъ онъ, состоитъ небольшее число студентовъ, но и тѣ надобны для помѣщенія на службу также общую, особливо по здѣшнему мѣсту, гдѣ по разнымъ духовнымъ надобностямъ таковыхъ людей много требуется. Порядочные оклады привлекали въ народныя училища много дух. воспитанниковъ и безъ вызововъ. Въ томъ же году м. Платонъ писалъ Амвросію: „Дай Богъ, чтобы на училища наши прибавка къ содержанію была. Сіе нѣсколько ободритъ. Но много паче прежнихъ временъ охотниковъ изъ студентовъ выходитъ отъ насъ. Мірскія скорыя и лучшія выгоды льстятъ ихъ. Преосв. вятскій пишетъ, что у него на Вяткѣ губернаторомъ тотъ, который съ нимъ въ академіи учился курсомъ ниже, поповъ сынъ. Не лестно ли это для другихъ? Въ деревенскихъ школахъ учителю семинаристу 200 р. жалованья да чинъ офицерскій. Попъ тутъ, гдѣ онъ будетъ, былъ можетъ быть въ семинаріи лучше его; но онъ на попа сдвали смотрѣть будетъ. Да и школы сіи при церквахъ, а никакого къ намъ отношенія—къ намъ, учителямъ церкви и народа, имѣть не обязаны. Deus meliora“! Въ народныя школы уходили не одни семинаристы, но даже учители московской академіи, а удерживать ихъ отъ этой службы, пользовавшейся особымъ вниманіемъ правительства, было не удобно. Въ 1806 г. у Платона просился въ педагогическій институтъ учитель Самаринъ, одинъ изъ собственныхъ Платоновыхъ стипендіатовъ. Платону пришлось отпустить его, выразивъ безсильную досаду по этому случаю только замѣткой

(1) Ист. спб. акад. 151—152. Ист. моск. акад. 380—381.

въ резолюціи: „хотя я кошт̀ъ положилъ на содержаніе учениковъ Платоновыхъ единственно въ томъ намѣреніи, чтобъ они обучались въ пользу церкви и быть имъ въ дух. званіи, почему учитель Платоновъ и почитается нами поступившимъ противу онаго намѣренія, и издержанный на него кошт̀ъ употребленъ напрасно: однако, когда онъ не похотѣлъ быть въ дух. званіи, то его отправить немедля, только Платонову болѣе симъ прозваньемъ не именоваться" (1).

Говоря о заслугахъ дух. школъ, дававшихъ имъ право на вниманіе правительства, комитетъ 1808 г. писалъ въ своемъ докладѣ государю: „учительская семинарія народныхъ школъ, всѣ пресвѣтныя врачебныя училища наполнялись и доселѣ наполняются большею частію питомцами дух. семинарій; сверхъ сего знатное ихъ число при учрежденіи губерній и при другихъ случаяхъ поступило въ разныя части государственной службы". Нужно прибавить къ этому, что, уступая свѣтскимъ вѣдомствамъ весьма часто свои лучшія молодыя силы, дух. школы на всѣхъ указанныхъ поприщахъ гражданской и особенно ученой службы выставили не малое число блестящихъ представителей, получившихъ историческую извѣстность. Именъ и заслугъ ихъ перечислять не будемъ, такъ какъ предметъ этотъ можетъ дать обильное содержаніе особому историческому труду. Съ общегосударственной точки зрѣнія это было дѣйствительно великой съ ихъ стороны заслугой. Но съ ближайшей точки зрѣнія сословной или точнѣе—съ точки зрѣнія спеціальнаго духовнаго вѣдомства такая потеря ими своихъ лучшихъ молодыхъ силъ была невознаградимою потерею для дух. служенія, которую іерархи въ родѣ Платона имѣли полное право оплакивать, жалуясь на неблагопріятныя для церкви обстоятельства.

---

(1) Тамже и Ист. моск. акад. 373. Ист. троицк. сем. 549.

Спеціальное значеніе дух. школы „въ надежду священства“ въ послѣднее время, какъ мы видѣли, достигло полной мѣры своего развитія, сопровождавшагося полнымъ отрицаніемъ остатковъ ея стараго общесословнаго характера, вынесеннаго ею вначалѣ изъ Малороссіи. Поэтому отвлеченіе ея воспитанниковъ отъ ихъ исключительно церковнаго назначенія въ ущербъ церковной службѣ естественно казалось іерархамъ, такъ много заботившимся о своихъ семинаріяхъ, нечѣмъ инымъ, какъ обидою церкви, актомъ духовной секуляризаціи, едва ли не болѣе непріятнымъ, чѣмъ актъ Екатерининской секуляризаціи ихъ матеріальныхъ вотчинныхъ богатствъ, „жезломъ на жребій праведныхъ“, и заставляло ихъ невольно восклицать: „Deus meliora! Еда во вѣки отринетъ Господь и не приложитъ благоволити паки“ (1)? Дѣло это не обходилось при томъ же и безъ матеріальнаго ущерба.—непроизводительно тратился училищный коштъ, тоже имѣвшій теперь еще болѣе спеціально-церковное значеніе, чѣмъ прежде, когда собирался съ самого духовенства, съ отцевъ учившагося въ школахъ юношества. Отцы имѣли естественное право коштовать своихъ дѣтей и для иныхъ, не церковныхъ цѣлей, и собиравшійся съ нихъ училищный коштъ пріобрѣталъ тогда спеціально-церковное значеніе только потому, что сама духовная школа явилась созданіемъ не духовенства, а церковной администраціи, отъ чего и сборы на ея содержаніе съ самого же начала стали трактоваться, не какъ сборы, назначенныя для удовлетворенія потребностей духовенства, какъ самостоятельнаго общества плательщиковъ, а наряду со всѣми другими тяглыми сборами съ духовенства, назначавшимися для удовлетворенія потребностей его администраціи. Послѣ штатовъ главный училищный коштъ сталъ выдаваться уже изъ суммы, прямо ассигнован-

(1) Письма Платона по изд. Прав. Обозрѣнія стр. 21.

ной на церковное вѣдомство, получавшейся изъ доходовъ бывшихъ церковныхъ имѣній и назначавшейся по указамъ „въ диспозицію архіереевъ“ спеціально на поддержаніе духовнаго образованія въ интересахъ духовной службы. Всѣ другіе способы содержанія дух. школъ получили теперь значеніе уже второстепенное, да кромѣ того сами зависѣли отъ попечительности и нелегкихъ хозяйственныхъ заботъ тѣхъ же мѣстныхъ архіереевъ или отъ доброхотства жертвователей, большею частію назначавшихъ свои жертвы, какъ м. Платонъ свои стипендіи, въ пользу церкви.

в) содержаніе духовныхъ школъ.

Вслѣдствіе очевидной недостаточности училищныхъ окладовъ для удовлетворенія всѣмъ потребностямъ школьной жизни духовная школа и послѣ штатовъ не переставала быть предметомъ тяжкихъ заботъ и пожертвованій для нашихъ архипастырей. Правда, она имѣла теперь уже свои собственныя постоянныя средства, каковы они ни были, и требовала отъ епархіальной администраціи гораздо меньше прежняго, но не нужно забывать, что послѣ 1764 г. несравненно меньше прежняго стали и самыя епархіальныя средства. Въ томъ же году, даже раньше назначенія училищныхъ окладовъ, какъ мы знаемъ, отмѣненъ былъ самый главный источникъ содержанія дух. школъ, школьные сборы съ духовенства; не говоримъ уже объ отобраніи церковныхъ вотчинъ. Распоряженіе объ освобожденіи духовенства отъ сборовъ на школы озадачило тогда всю школьную экономію, а потомъ, когда назначены были училищные оклады и обнаружилась вся ихъ недостаточность, поставило епарх. начальства въ страшное затрудненіе, чѣмъ еще помочь бѣднымъ школамъ, потому что всѣ другія епархіальныя средства, которыя употреблялись для той же цѣли, носили характеръ или исключительно мѣстный, принадлежали той или другой

частной епархіи, или случайный и непостоянный и всѣ вообще отличались мало удовлетворительными размѣрами. Правда, распоряженіе объ отмѣнѣ сборовъ было высказано въ указѣ 1764 г. почти условно, въ тѣсной связи съ обѣщаніемъ правительства немедленно назначить на школы „знатную сумму“, а потому послѣ назначенія на нихъ суммы не совсѣмъ знатной само по себѣ теряло свою практическую обязательность. Но прямо нарушать его все-таки было нельзя. Съ одной стороны духовенство, обрадованное имъ, крѣпко за него держалось и сейчасъ же прекратило свои платежи, отказываясь даже отъ взноса недоимокъ за прежніе годы, съ другой стороны послѣ своихъ торжественныхъ словъ: „избавили мы все бѣлое священство“ и проч., не могло не стоять за это распоряженіе само правительство, по крайней мѣрѣ когда нарушеніе его дѣлалось слишкомъ открыто. Въ 1788 г. изъ за подобныхъ сборовъ съ духовенства подвергся большой непріятности самъ м. Платонъ. Кто-то донесъ на него, что онъ сдѣлалъ незаконный налогъ на бѣлое духовенство въ пользу академической бурсы. Изъ Петербурга по этому случаю прислали ему самый обидный выговоръ чрезъ главнокомандующаго Москвы Еропкина, потребовали отвѣта, на какомъ основаніи онъ затѣялъ этотъ новозаведенный налогъ и указали возвратить всѣ собранныя деньги, съ кого сколько получено, по принадлежности (1). Поэтому, вынуждаемые необходимостію прибѣгать для воспособленія школамъ къ сборамъ съ духовенства, архіереи старались обыкновенно придавать этимъ сборамъ характеръ доброхотныхъ пожертвованій самого духовенства.

Нѣкоторые сборы дѣйствительно имѣли такой характеръ; таковы были большая часть сборовъ на школьныя постройки, на открытіе новыхъ школъ, въ пособіе семинарскимъ бурсамъ, особенно при первоначаль-

(1) См. письма протоіер. Алексѣева въ Р. Арх. 1863 г.

номъ ихъ заведеніи и т. п. Сборы этого рода продолжались до позднѣйшаго времени и при умѣньи архіерея возбудить щедрость духовенства трогательными воззваніями, увѣщаніями, поощреніями, а отчасти и вліяніемъ власти, были иногда очень значительны (2). Нѣкоторыя школы какъ мы видѣли, открывались прямо по иниціативѣ окружнаго духовенства и на его добровольную складчину. Но какъ ни щедры бывали иногда эти пожертвованія, въ дѣлѣ регулярнаго и постояннаго содержанія школъ положиться на нихъ все-таки было нельзя. Семинаріи, обезпеченныя штатными окладами, еще могли ими удовлетвориться, потому что нуждались въ нихъ главнымъ образомъ для удовлетворенія какихъ нибудь чрезвычайныхъ своихъ потребностей. Но нижнія школы, только ими и содержавшіяся, естественно требовали, чтобы они были обращены въ сборы постоянные и обязательные, такъ какъ доброхотство дателей, предоставленное самому себѣ нерѣдко охладѣвало и ставило школьное дѣло въ затруднительное положеніе. Встрѣчаемъ наприм. жалобы учителей на неполученіе ими жалованья. Въ 1767 г. одинъ учитель вяземскаго училища жаловался преосв. Парѳенію смоленскому, что онъ уже нѣсколько времени не получаетъ вознагражденія за труды, а это вознагражденіе состояло всего навсего изъ 10 руб. въ годъ; преосвященный велѣлъ удовлетворить его изъ штрафныхъ денегъ. Другой учитель того же училища, получавшій 50 р. въ годъ, въ 1786 г. писалъ тому же архіерею, что ему выдавалось уже нѣсколько лѣтъ жалованье не полное, такъ что къ этому году за дух. правленіемъ числилось такихъ недобранныхъ денегъ 188 р. 32 к. Преосвященный велѣлъ выдавать ему жалованье неотмѣнно по третямъ года, что, разумѣется

(2) См. наприм. Ист. пермск. семинаріи въ Пермск. еп. вѣд. 1878 г. № 33.

не могло быть исполнено безъ понудительныхъ мѣръ относительно окружнаго духовенства (1).

Въ избѣжаніе подобныхъ затрудненій въ содержаніи низшихъ школъ архіереи обращались къ доброхотству духовенства обыкновенно лишь при открытіи школъ или при первоначальномъ опредѣленіи ихъ содержанія, а затѣмъ, когда духовенство опредѣляло отъ себя на это содержаніе извѣстную сумму, сейчасъ же старались послѣднюю закрѣпить и сдѣлать на будущее время уже обязательною; послѣ этого можно было совершенно свободно практиковать всякія понудительныя мѣры противъ недоборовъ, не опасаясь провиниться противъ указа 1764 г., такъ какъ цифра сбора опредѣлялась самимъ духовенствомъ. По всей вѣроятности впрочемъ не безъ понужденія обходилось иногда и первоначальное опредѣленіе этой цифры, — по крайней мѣрѣ встрѣчаемъ примѣры, что она опредѣлялась заранѣе самимъ начальствомъ и предлагалась духовенству уже только для изъявленія на нее согласія и подписки. Наприм. при открытіи школы въ Ельцѣ (въ 1765 г.) на содержаніе ея положено было брать съ священниковъ по 30 к., съ дьяконовъ по 15, съ причетниковъ по 7½ к. въ годъ (2). При возобновленіи рославльской школы смоленской епархіи въ 1782 г. по росписанію преосв. Парѳенія на жалованье учителю и отопленіе зданія положено ежегодно собирать съ окружнаго духовенства 19 р. 99 к., считая по 1 деньгѣ со всѣхъ священно-церковнослужительскихъ и приходскихъ дворовъ (3). По поводу упомянутаго дѣла о школьномъ сборѣ съ духовенства московской епархіи московскій протоіерей Алексѣевъ писалъ духовнику императрицы Памфилову: „ежели подъ колоколами такое происходитъ своеволіе, то чего уже лучше ожидать отъ про-

(1) Смол. епарх. вѣд. 1878 г. № 18, стр. 521.

(2) Приб. къ твор. св. отц. 1862 г. 207.

(3) Смол. епарх. вѣд. 1878 г. № 18, стр. 525.

чихъ удаленныхъ отъ столицы епархій". Еще удобнѣе было употреблять принудительныя мѣры для собиранія школьныхъ сборовъ, когда они налагались не на все вообще духовенство школьнаго округа, а только на отцовъ обучавшихся въ школѣ учениковъ. Въ этомъ случаѣ школьный сборъ получалъ вполнѣ благовидный характеръ не налога, а платы за обученіе. Такъ наприм. въ устюжской школѣ, какъ уже было упомянуто, положено было брать съ каждаго ученика по 3 рубля въ годъ. Въ переяславльскомъ училищѣ принималась въ разсчетъ степень состоятельности отцовъ,— съ священническихъ дѣтей брали въ годъ по 1 р., съ дьяконскихъ 50 к., съ причетническихъ 25 (1). Въ иныхъ школахъ плата взималась за выучку ученика тому или другому предмету; такъ въ далматовской школѣ по указу тобольской консисторіи положено было платить за обученіе азбукѣ по 30 к., часослову по 50, псалтири по 1 р., письму по 2 р., пѣнію тоже по 2 р., букварю по 25 к. (2). Сборы этого рода производились безъ всякаго стѣсненія благочинными и др. мѣстными властями или чрезъ нарочно посланныхъ изъ дух. правленій и консисторій; освобождались отъ нихъ только дѣти такихъ отцевъ, съ которыхъ взять было нечего. Наприм. въ 1783 г. для сбора въ указанномъ сейчасъ размѣрѣ денегъ за учениковъ далматовской школы монастырское начальство посылало по своему заказу учителя дьякона Кривицкаго съ реэстромъ всѣхъ духовныхъ лицъ, которыя подлежали платежу, и съ наказомъ, гдѣ было между прочимъ сказано, что въ случаѣ упорства не уплатившій денегъ взятъ будетъ чрезъ солдата въ монастырь и не будетъ выпущенъ изъ цѣпи по то время, пока не заплатитъ.

Сборы на низшія школы были впрочемъ значительны и обременительны для духовенства главнымъ

---

(1) Влад. епарх. вѣд. 1866 г. № 24, стр. 1367.

(2) Пермск. епарх. вѣд. 1868 г. № 2, стр. 24—25.

образомъ только при первоначальномъ ихъ открытіи и обзаведеніи, а также въ случаѣ какихъ нибудь новыхъ къ нимъ пристроекъ, возобновленія ихъ зданій послѣ обветшанія и пожарныхъ случаевъ; постоянная же поддержка ихъ стоила не дорого. Бурсъ у нихъ за немногими исключеніями не было до позднѣйшаго времени, а потому весь расходъ на нихъ ограничивался обыкновенно отопленіемъ, нѣкоторыми учебными пособіями, жалованьемъ одному или двоимъ учителямъ и училищному сторожу. На довольно большое сравнительно училище вяземское съ тремя учителями и двоими сторожами духовенство въ 1789 г. положило платить до 150 р. въ годъ; менѣе крупныя школы довольствовались всего рублями 20 и даже 10. Подъ конецъ описываемаго времени, когда число этихъ школъ стало все болѣе и болѣе умножаться, многія изъ нихъ потребовали устройства бурсъ и болѣе сложныхъ учебныхъ расходовъ, платежи духовенства должны были увеличиться; но въ облегченіе его усилилась доля, отдѣлявшаяся на училища изъ увеличенныхъ семинарскихъ окладовъ, кромѣ того въ петербургско-новгородской епархіи, гдѣ на училища расходовалось больше всѣхъ другихъ епархій, явился новый источникъ для ихъ содержанія: по проекту тогдашняго митрополичьяго викарія, Евгенія Болховитинова, въ 1806 г., кромѣ сборовъ съ духовенства, положено отдѣлять въ ихъ пользу по одной 10 части съ церковныхъ доходовъ. О важности этого новаго источника можно судить по тому, что одно изъ этихъ училищъ, петрозаводское, считало у себя въ ежегодномъ приходѣ отъ духовенства 290½ р., а изъ церковныхъ сборовъ 396 р. 77 к. (1).

Къ числу платежей, сходившихъ на школы съ бѣлаго духовенства, нужно отнести еще упомянутые случайные платежи, штрафные за необученіе дѣтей къ къ извѣстному сроку, за непредставленіе ихъ въ школу,

---

(1) Страни. 1860 г. май: Амвросій Подобѣдовъ, стр. 180. Ист. Росс. іер. I, 615—616.

за просрочки послѣ вакаціонныхъ отпусковъ, побѣги, и держаніе бѣгуновъ у себя въ домѣ. По мѣрѣ распространенія школьнаго образованія среди духовенства этого рода штрафы съ теченіемъ времени естественно становились все рѣже и рѣже, но за то увеличивалась сумма другаго рода штрафовъ.—штрафовъ съ ученаго духовенства за несказываніе проповѣдей. Во второй половинѣ XVIII столѣтія штрафы эти были заведены, кажется. по всѣмъ епархіямъ и назначались спеціально въ пользу дух. школъ, вслѣдствіе чего и самое расписаніе проповѣдей, а также наблюденіе за его выполненіемъ предоставлены были семинарскимъ конторамъ, которымъ хорошо извѣстно было число всѣхъ ученыхъ священниковъ и дьяконовъ (1). Болѣе ревностные къ дух. просвѣщенію архіереи обращали въ пользу дух. школъ и всѣ штрафныя деньги, взыскиваемыя консисторіею за разныя неисправности духовенства, опущенія по службѣ, за безграмотность и т. п. вины. Попрежнему сохранялся также обычай посылать дух. лицъ на семинарскіе труды вмѣсто монастырскаго подначала. Напр. въ 1790 г. Ѳеофилъ тамбовскій выдалъ указъ подвергать являвшихся въ консисторію священно-и-церковнослужителей изъ неученыхъ испытанію въ чтеніи и пѣніи и тѣхъ, которые не выдержатъ, посылать на мѣсяцъ въ семинарскія работы. Во время постройки семинарскихъ корпусовъ очистка семинарскаго двора, по распоряженію того же преосвященнаго, нѣсколько лѣтъ производилась разными подначальными церковнослужителями. Авторъ Исторіи пермской семинаріи разсказываетъ, что съ самаго начала ея существованія до преобразованія въ 1818 г. въ служители ея опредѣлялись подначальныя дух. лица, исключенные ученики, безграмотные ставленики. и неучившіяся нигдѣ великовозрастныя дѣти духовенства. Эти послѣднія и исключенные ученики

(1) См. напр. Ист. нижегор. іер. 151.

должны были вмѣстѣ съ прислуживаніемъ еще кое чему учиться, чтобы приготовиться къ причетнической службѣ и наравнѣ съ учениками были подчинены семинарской дисциплинѣ. „Но посылаемые въ штрафъ діаконы и причетники, съ одной стороны не считая себя подчиненными дисциплинѣ, съ другой будучи большею частію народомъ отчаяннымъ, не только вели жизнь крайне пьянственную, но и производили такія дѣла, за которыя прямо грозили остротъ и Сибирь“ (1). Несмотря на все неудобство имѣть такой людъ при учащемся юношествѣ, не только бѣдныя, но и богатыя семинаріи, даже академіи постоянно пользовались этого рода служителями, потому что они были даровые (2).

Духовенство монашествующее съ своей стороны тоже приносило немалыя жертвы въ пользу дух. школъ, хотя и не было уже такъ щедро въ этомъ отношеніи, какъ до потери своихъ вотчинныхъ богатствъ. По прежнему большая часть дух. школъ обязана была монастырямъ своимъ помѣщеніемъ. Даже изъ семинарій очень многія все еще продолжали помѣщаться или въ самихъ монастыряхъ или въ монастырскихъ подворьяхъ и др. уступленныхъ для нихъ монастырскихъ зданіяхъ; что касается до нисшихъ школъ, то по словамъ комитета 1808 г. „по недостатку казенныхъ суммъ большая ихъ часть“ не только помѣщалась въ монастыряхъ, но и „состояла на содержаніи ихъ“ (3). Кромѣ даровaго помѣщенія монастыри много давали и для содержанія пріютившихся подъ ихъ сѣнію школъ. Такъ, Троицкая лавра даромъ отпускала на свою семинарію дрова изъ своихъ лѣсныхъ дачъ, соль изъ соляныхъ запасовъ, сѣно съ сво-

---

(1) Опис. тамб. епарх. Ш, 154. Пермск. епарх. вѣд. 1868 г. № 37, стр. 639—640. Педаг. Вѣстн. т. V, отд. 3, стр. 25.

(2) См. напр. Старая каз. акад. стр. 195—196.

(3) О способахъ сод. д. училищъ въ Странн. 1860 т. сент. 169.

ихъ луговъ для трехъ семинарскихъ лошадей, отвела для пользованія семинаріи часть подмонастырской земли подъ семинарскій огородъ, во время ремонта семинарскихъ зданій отпускала для нихъ лѣсъ, плотниковъ и небольшія денежныя пособія; лаврскій казначей безмездно исполнялъ обязанность семинарскаго эконома и одновременно съ покупкой огромныхъ монастырскихъ запасовъ дѣлалъ закупки и семинарской провизіи, чрезъ что послѣдняя становилась, разумѣется, гораздо дешевле для семинаріи (1). Изъ доходовъ Перервинскаго монастыря, какъ сказано въ автобіографіи Платона, на перервинское училище выходило до 4000 р. Въ новогородской епархіи кириллобѣлозерское училище получало отъ Кириллова монастыря по 1500 р. въ годъ и 100 р. процентовъ отъ капитала, пожертвованнаго на училище Кирилловскимъ намѣстникомъ Епифаніемъ; тихвинское получало отъ Тихвинскаго монастыря сначала 500 р., потомъ тоже 1500; свирское содержалось изъ неокладной суммы Александросвирскаго монастыря, который кромѣ того содержалъ 7 бѣдныхъ учениковъ на своемъ полномъ коштѣ (2). Такихъ богатыхъ и щедрыхъ монастырей было впрочемъ немного. Большею частію монастыри ограничивались менѣе крупными, но тоже весьма важными для школьной скудости жертвами, наприм. содержали на свой счетъ по нѣскольку бѣдныхъ учениковъ, или принимали на себя отопленіе школъ, починки ихъ помѣщеній и т. п. Немалой услугой съ ихъ стороны было даже и то, что они иногда принимали на себя содержаніе школьной братіи за извѣстную плату. Въ началѣ описываемаго времени духовенство далматовскаго заказа обратилось къ властямъ Далматовскаго монастыря съ просьбой, не возмется ли онъ содержать учащихся въ школѣ дѣтей за какое нибудь вознагражденіе, и если возмется, то за какое именно. Мона-

(1) Ист. троицк. семин. 224—226.
(2) Ист. росс. іер. I, 612—613.

стырь согласился давать желающимъ изъ учениковъ особое помѣщеніе и столъ съ платою въ годъ по 2, 2½ и 3 р. и въ счетъ той же платы обязался производить въ ученическихъ комнатахъ отопленіе и починки, нанимать необходимую прислугу и содержать для школы лошадь и водовоза (1). Когда изъ консисторій разсылались по епархіямъ воззванія къ щедрости доброхотныхъ дателей для удовлетворенія какихъ нибудь особенныхъ школьныхъ нуждъ, наприм. на необходимыя постройки или на пособія семинарскимъ бурсамъ, монастыри всегда являлись въ числѣ самыхъ крупныхъ жертвователей, отзываясь на подобныя воззванія присылкой денегъ, припасовъ, холста, посуды и др. предметовъ изъ своихъ кладовыхъ или строительныхъ матеріаловъ изъ своихъ лѣсныхъ дачъ. Настоятели монастырей изъ ученыхъ кромѣ того отъ себя лично давали или завѣщевали при кончинѣ въ пользу дух. школъ болѣе или менѣе значительные капиталы и собранія книгъ.

Заботясь о благосостояніи своихъ школъ, архіереи умѣли побуждать къ пожертвованіямъ въ ихъ пользу не одно только подчиненное свое духовенство, но и свѣтскихъ лицъ. Вотъ напр. что читаемъ въ Исторіи владимірской семинаріи о епископѣ Ксенофонтѣ, котораго современники называли радѣтелемъ духовнаго просвѣщенія: „При каждой поѣздкѣ по епархіи онъ имѣлъ въ виду между прочимъ изыскивать большія и большія средства для обезпеченія бѣдныхъ учениковъ. Нерѣдко онъ за общественнымъ столомъ предлагалъ соучастникамъ подписку въ пользу бѣдныхъ учениковъ: „не заключить ли, добрый хозяинъ, нашу трапезу добрымъ дѣломъ"? И хозяинъ предлагалъ листъ бумаги для записки пожертвованій, а епископъ всегда первый дѣлалъ починъ доброму дѣлу. Особенно значительны были пожертвованія въ пользу дух. просвѣ-

(1) Пермск. епарх. вѣд. 1868 г. № 2, стр. 21—22.

щенія въ Шуѣ... Только благодаря попеченіямъ Ксенофонта, открыты были на частныя пожертвованія училища въ Шуѣ, Переяславлѣ и Юрьевѣ". Примѣровъ подобнаго рода можно привести довольно изъ исторіи разныхъ семинарій. Архіереи не даромъ повсюду старались выставлять свои семинаріи на видъ. заводили въ нихъ торжественные акты, диспуты, публичные экзамены, привлекали семинаристовъ къ участію въ разныхъ губернскихъ торжествахъ и т. п.; чрезъ это они невольно заинтересовывали публику въ ихъ благосостояніи и привлекали къ нимъ щедрость жертвователей. Кромѣ разныхъ мелкихъ даяній по подпискамъ, въ семинарскихъ реестрахъ пожертвованій нерѣдко встрѣчаемъ весьма почтенныя цифры подаяній отъ свѣтскихъ лицъ, даже цѣлые капиталы. Такъ, мы уже знаемъ о 15000-номъ капиталѣ, пожертвованномъ харьковскому коллегіуму кн. Голицыными. К. Г. Разумовскій пожертвовалъ на московскую академію 3500 р. (1). Благотворительницею троицкой семинаріи была колл. асс. Твердышева, каждогодно присылавшая провизію и деньги для семинаристовъ въ день поминовенія своихъ родныхъ (23 окт.), а по смерти оставившая въ пользу семинаріи капиталъ въ 1539 р. 80 к. Кромѣ нея, разные богатые люди въ родѣ А. П. Демидова, посѣщая лавру и ея семинарію, не разъ дарили семинаріи, кто 50, кто 100 р. (2). Въ спискѣ пожертвованныхъ капиталовъ черниговской семинаріи за 1783—1792 гг. занесены три крупныхъ пожертвованія въ 571 р. каждое, одно отъ лица духовнаго, московскаго златоустовскаго архимандрита Варлаама, и два отъ свѣтскихъ, войсковаго товарища Симонтовскаго и ст. сов. Долинскаго (3). Въ 1780 г. генералъ-майоръ Сатинъ два раза пожертвовалъ по 500 р. на бѣдныхъ

(1) Ист. моск. акад. 273.
(2) Ист. троицк. сем. 210—211.
(3) Черниг. епарх. вѣд. 1870 г. № 17.

учениковъ воронежской семинаріи (1). Астраханская семинарія обязана подобнымъ жертвователямъ значительною частью своей библіотеки, физическимъ и минералогическимъ кабинетами и большими денежными суммами: въ 1806 г. князья Куракины по просьбѣ архіепископа Анастасія дали ей въ пособіе 1000 р., а въ 1811 г. купецъ Посылинъ—4500 на построеніе библіотеки и 500 р. на покупку физическихъ инструментовъ (2). При пермскомъ епископѣ Іустинѣ, который особенно умѣлъ возбуждать усердіе жертвователей, пермская семинарія нерѣдко получала отъ разныхъ чиновниковъ, дворянъ и купцовъ по 50, 20 и менѣе руб. Въ 1805 г. колл. сов. Яковлевъ вразъ пожертвовалъ 1000 р. на постройку семинарскихъ зданій, а одинъ заводчикъ Сѣровъ самъ занялся сборомъ пожертвованій въ ея пользу и набралъ до 520 р. (3) Являлись по мѣстамъ лица, которыя вызывались на свой счетъ держать при семинаріяхъ стипендіатовъ (4). Наконецъ мы уже знаемъ, что семинаріи полтавская и пермская обязаны были свѣтскимъ жертвователямъ домами для своего первоначальнаго помѣщенія (5).

До позднѣйшаго времени сохранялась даже извѣстная намъ старинная форма испрашиванія подаяній на школы посредствомъ суплликъ, разсылавшихся по епархіи обыкновенно предъ праздниками Рождества и Пасхи. Вотъ образчикъ такой суплики изъ исторіи калужской семинаріи. „Души благодѣтельныя, сердца чувствительныя! Для нѣжныхъ друзей человѣчества утѣшительны случаи изливать благотворныя чувствованія свои, евангельскою любовію и милосердіемъ въ

---

(1) Ворон. епарх. вѣд. 1868 г. № 2, прим. стр. 44.

(2) Астрах. епарх. вѣд. 1879 г. № 4. стр. 60—61.

(3) Пермск. еп. вѣд. 1868 г. № 33, 560—561.

(4) Калужск. еп. вѣд. 1866 г. № 20, стр. 624—626.

(5) Черниговская семинарія въ 1776 г. тоже помѣстилась въ пожертвованномъ ей домѣ. См. Черниг. еп. вѣд. 1871 г. № 12, стр. 387

сердцѣ ихъ напечатлѣнныя; насыщать алчущаго, одѣвать наготующаго...—вотъ отличительное качество Христово и братій его христіанъ, усыновляющее въ Немъ ихъ небесному Отцу. Нѣжныя и благородномыслящія души! Человѣколюбію и чувствительности вашей представляются убогіе питомцы, сирыя дѣти бывшихъ пастырей и служителей церковныхъ, алчущіе, наготующіе, скорбящіе. лишенные всякаго призрѣнія и помощи. Благотвореніе ваше, имъ оказанное, не останется на земли, но моленіями ихъ о васъ, признательными сердечными обѣтами вознесется на небо къ престолу Царя всевышняго, дарствующаго въ домахъ вашихъ славу и богатство, миръ и благословеніе. Самъ Христосъ поручился вамъ платить и воздавать за нихъ сими словами: понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ" и проч. Чувствительныя души дѣйствительно трогалась подобными воззваніями; съ одного наприм. города Калуги собиралось по супликамъ рублей 200—350 въ годъ; всего суппличнаго сбора за 1811 г. по калужской епархіи въ февралѣ 1812 г. показано 1559 р. 58 к. (1). Надобно впрочемъ замѣтить, что въ этомъ сборѣ, можетъ быть, даже не совсѣмъ добровольно, участвовало и духовенство и что до подобной цифры онъ едва ли доходилъ когда нибудь въ другихъ епархіяхъ.

Примѣромъ и живымъ побужденіемъ къ пожертвованіямъ на дух. школы были сами архіереи, имена которыхъ вездѣ стоятъ во главѣ длинныхъ списковъ другихъ жертвователей. Такъ, м. Гавріилъ назначилъ на бѣдныхъ учениковъ петербургской академіи и новогородской семинаріи свой орденскій окладъ (по ордену св. Андрея Первозваннаго), составлявшій сумму въ 2138 р., кромѣ того онъ каждогодно жаловалъ по 100 р. на нисшія училища новгородской епархіи. М. Амвросій съ 1805 г. содержалъ изъ неокладной до-

(1) Также 620—624.

новой суммы цѣлое училище при новгородскомъ арх. домѣ и въ немъ 20 человѣкъ собственныхъ стипендіатовъ (1). М. Платонъ, кромѣ мелкихъ, хотя и частыхъ благодѣяній своимъ учебнымъ заведеніямъ, особенно любимой имъ троицкой семинаріи. въ 1789 г. учредилъ при московской академіи и троицкой семинаріи по 5 стипендій своего имени, внеся для этого на вѣчныя времена достаточный капиталъ (по 4000 р. на то и другое заведеніе) въ опекунскій совѣтъ. Кромѣ этой суммы, онъ положилъ 10,000 р. своихъ денегъ въ сохранную казну на имя Троицкой лавры съ тѣмъ, чтобы проценты съ 4000 р. изъ этого вклада были обращаемы въ пользу семинаріи; а въ 1796 г. внесъ въ банкъ еще 6000 р. уже прямо на имя семинаріи. Въ пользу московской академіи поступали пожертвованія и отъ другихъ архіереевъ; такъ въ 1775 г. м. Гавріилъ внесъ на ея имя въ банкъ 1000 р., а Дамаскинъ нижегородскій въ 1790 г.—3000 р. Троицкая семинарія тоже получила въ 1802 и 1807 гг. пожертвованія отъ Аполлоса епископа архангельскаго и Серафима смоленскаго по 500 р. (2). Другія епархіальныя училища тоже постоянно пользовались отъ своихъ преосвященныхъ разными пособіями для улучшенія бурсацкаго стола и одежды, для увеличенія скудныхъ окладовъ учителей или для награжденія послѣднихъ за особенное усердіе къ дѣлу, для увеличенія библіотекъ и т. п. „Трудно было бы, говоритъ авторъ статьи о содержаніи дух. училищъ въ Россіи (3), перечислить всѣхъ, извѣстныхъ въ этомъ отношеніи, архипастырей, когда почти каждый изъ нихъ считалъ какбы своею обязанностію удѣлять изъ своихъ доходовъ извѣстную часть на училище“. Кромѣ подобныхъ случайныхъ пособій, выдававшихся изъ арх. дома

---

(1) Ист. Росс. іер. I, 610. 614. Ист. спб. акад. 154.

(2) Ист. моск. акад. 271—273. Ист. троицк. сем. 188. 202—211.

(3) Страни. 1860 г. авг. 133—134.

по требованію текущихъ нуждъ, нѣкоторыя семинаріи получали отъ своихъ архіереевъ постоянные капиталы, какъ указанныя столичныя заведенія. Такъ, Амфилохій Леонтовичъ переяславскій (1795—1799 гг.) положилъ въ банкъ 2000 р. для вспомоществованія изъ процентовъ ученикамъ „бѣдственно проходящимъ свое ученіе въ переяславской бурсѣ", какъ сказано въ завѣщаніи (1). М. Михаилъ Десницкій во время своего служенія въ Черниговѣ постоянно содержалъ при семинаріи двоихъ стипендіатовъ, въ 1804—1806 гг. роздалъ на семинарскую церковь и библіотеку свыше 10,700 р. и оставилъ послѣ себя въ семинаріи капиталъ въ 1428 р. на содержаніе бѣдныхъ семинаристовъ (2).

Всякаго рода другіе мѣстные источники восноспособленія дух. училищамъ тоже, разумѣется, открываемы были по милости мѣстныхъ же преосвященныхъ. Кромѣ сборовъ съ духовенства, самымъ обильнымъ источникомъ для такого воспособленія въ прежнее время служили церковныя имущества; источникъ этотъ теперь оскудѣлъ, но отъ него все-таки кое что осталось и для поддержки школъ епархіальные архіереи нерѣдко прибѣгали къ помощи его остатковъ. Въ пользу училищъ отдавались разныя епархіальныя зданія или матеріалы отъ нихъ по ихъ упраздненіи, оброчныя статьи, нѣкоторые церковные доходы, земли и проч. Такъ, къ московской академіи для содержанія бурсы въ 1770-хъ гг. была приписана церковь Димитрія Солунскаго на Ильинкѣ съ 4 лавками и полулавкою, потомъ въ 1790 г., когда она обветшала и была разобрана, деньги, вырученныя отъ продажи ея иконостаса и матеріаловъ, въ количествѣ 1500 р., положены были на имя академіи въ банкъ. Въ 1780 г. къ академіи были приписаны лавки, оставшіяся послѣ упраздненной церкви Покрова на Покровкѣ. У троицкой семинаріи былъ

(1) Полтавск. епарх. вѣд. 1863 г. № 16, стр. 125.

(2) Черниг. епарх. изв. 1871 г. № 13, стр. 440—441.

въ банкѣ капиталъ въ 7086 р. отъ продажи матеріаловъ и земли упраздненной Введенской церкви въ Москвѣ близъ гостиннаго двора, кромѣ того по распоряженію Платона лавра отвела для семинаріи два значительныхъ мѣста для сада и огорода (1). Такое же мѣсто для огорода было отведено Невской лаврой для петербургской академіи (2). Къ казанской академіи въ 1800 г. приписаны были зданія закрытыхъ новокрещенскихъ школъ съ церковью Захаріи и Елизаветы; кромѣ того она получала доходъ съ устроенныхъ при ея зданіи 39 лавокъ и подваловъ, простиравшійся до 3150 р., а потомъ въ 1813 г. возвышенный до 4665 р. (3). Астраханская семинарія получала доходъ отъ приписанныхъ къ ней угодій и пустыхъ покоевъ Троицкаго монастыря и отъ нѣсколькихъ лавокъ, доставлявшихъ ей арендной платы около 400, а съ 1800 г. до 700 р. (4). Кромѣ этого, благодаря заботливости и содѣйствію епархіальныхъ начальствъ, въ случаѣ надобности каждая школа могла во всякое время разсчитывать на необходимыя для нея ссуды изъ епархіальныхъ суммъ съ болѣе или менѣе выгодною разсрочкою въ уплатѣ, что имѣло для нея особенную важность при большихъ единовременныхъ расходахъ во время школьныхъ построекъ (5).

Наиболѣе распространеннымъ способомъ матеріальнаго вспоможенія школьному дѣлу былъ извѣстный уже намъ способъ вспоможенія на счетъ церковной службы, къ которому, вслѣдствіе оскудѣнія другихъ епархіальныхъ источниковъ, епарх. начальствамъ второй половины XVIII столѣтія приходилось прибѣгать

---

(1) Ист. моск. акад. 272. 276. Ист. троицк.-сем. 210. 173. 191 прим. п. II.

(2) Ист. спб. акад. 157.

(3) Ист. старой каз. акад. *Благовѣщенскаго*, стр. 28—30.

(4) Астрах. епарх. вѣд. 1879 г. № 4, стр. 60—61.

(5) См. наприм. также стр. 61, и Тульск. еп. вѣд 1864 г. № 14, стр. 66.

съ особенно усиленной противъ прежняго энергіей, оставляя въ пользу бѣдныхъ учениковъ множество церковныхъ мѣстъ незамѣщенными. Въ костромской епархіи видимъ любопытный опытъ предоставленія доходовъ отъ такихъ праздныхъ мѣстъ въ пользу самой семинаріи. До 1770-хъ гг. доходы эти обращались на содержаніе ея сполна, потомъ со времени преосв. Симона Лагова опредѣлено брать на нее только половину, а другой половиной пользоваться исправлявшимъ на такихъ мѣстахъ священнослужительскія должности. Въ 1771 г. въ пользу же семинаріи положено обращать установленные преосв. Симономъ штрафы съ приходовъ за долговременное недоношеніе о праздныхъ мѣстахъ и непріисканіе къ нимъ кандидатовъ; положено было: за каждый годъ взыскивать въ приходѣ изъ 100 дворовъ съ священническаго дохода 10 р., съ дьяконскаго и причетническаго по препорціи, въ приходахъ бѣдныхъ по расмотрѣнію дух. правленій менѣе, однако не менѣе 6 р. съ священническаго дохода; гдѣ праздному мѣсту года еще нѣтъ, взыскивать штрафъ по расчисленію времени; штрафы эти высылать чрезъ консисторію на семинарскія потребности (1). Въ другихъ епархіяхъ господствовавшая практика попрежнему предоставляла праздныя церковныя мѣста съ ихъ доходами прямо тому или другому ученику. Крайняя необходимость такого прокормленія учениковъ на счетъ церковной службы усиливала практику предоставленія имъ мѣстъ съ каждымъ годомъ, не смотря на всѣ неудобства такого порядка вещей и явный ущербъ для церковной службы. Мѣста церковническія часто оставались при этомъ даже безъ викаріевъ, которые бы исправляли на нихъ дѣйствительную службу за ихъ фиктивныхъ владѣльцевъ—учениковъ; а сами эти владѣльцы могли исправлять свои служебныя обязанности только по праздникамъ, во

(1) Р. Пед. Вѣстн. 1859 г. т. VII, отд. 3, стр. 1—2.

время свободное отъ учебныхъ занятій, и то если церковь была въ самомъ семинарскомъ городѣ, а въ другихъ мѣстахъ — только во время вакаціальныхъ отпусковъ. Священнослужительскія мѣста принято было непремѣнно замѣщать викаріями, но викаріи эти большею частію были люди негодные, изъ безмѣстнаго духовенства, исполняли свои обязанности, какъ наемники, кое-какъ, были въ тягость и приходу, и остальному причту при церкви, да и самимъ ученикамъ, за которыхъ служили, обижая ихъ въ разсчетахъ по доходу. Но дѣлать было нечего,—приходилось какъ нибудь мириться со всѣми этими неудобствами. Самъ св. Синодъ (въ приведенныхъ указахъ 1767 и 1770 гг.) долженъ былъ узаконять принятую практику предоставленія мѣстъ, „почитая за долгъ свой всякое прилагать стараніе“ о распространеніи наукъ. Въ 1784 г. во время разбора онъ издалъ одно распоряженіе весьма любопытное въ настоящемъ случаѣ: „Св. Синоду извѣстно, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ за обучающимися семинаристами для поощренія ихъ къ ученію уже зачислены мѣста и доходы съ нихъ получаютъ, то и нынѣ эти мѣста для нихъ оставить и до окончанія курса другихъ на тѣ мѣста не опредѣлять, чтобы излишняго причта умножаемо не было“ (1). Нужно взять при этомъ во вниманіе то, что св. Синодъ былъ сильно тогда озабоченъ размѣщеніемъ множества заштатныхъ священнослужителей, такъ что до распредѣленія ихъ по мѣстамъ запретилъ даже посвященіе новыхъ ставленниковъ, и что потому нужда въ церковныхъ мѣстахъ была тогда въ высшей степени настоятельна. Въ 1799 г. опубликованъ былъ высочайше утвержденный докладъ св. Синода о способахъ призрѣнія духовныхъ сиротъ; предоставленіе церковныхъ мѣстъ за такими сиротами, учившимися въ школахъ, постав-

(1) П. С. З. XXII. 15981, п. 3. См. также Прих. дух. въ Россіи, стр. 158—161.

лено и здѣсь въ числѣ важнѣйшихъ законныхъ способовъ ихъ обезпеченія [1].

Бѣдные ученики всегда смѣло могли обращаться къ архіереямъ съ просьбами, чтобы, за неимѣніемъ бурсацкихъ вакансій, для поощренія наукъ имъ предоставлены были праздныя церковныя мѣста, и такія просьбы рѣдко сопровождались отказомъ. Такое предоставленіе мѣстъ отмѣчалось затѣмъ предъ ученическими фамиліями и въ семинарскихъ вѣдомостяхъ съ обозначеніемъ, самъ ли ученикъ получаетъ доходъ съ своего мѣста и въ какомъ количествѣ, наприм.: „половинную часть дохода получаетъ", „доходомъ мать владѣетъ" и т. п. Мѣста эти попрежнему за ними перемѣнялись, смотря по ихъ успѣхамъ въ наукахъ. Обычай зачислять мѣста за учениками соотвѣтственно классамъ, церковническія—за учениками низшихъ, а священнослужительскія—за учениками высшихъ классовъ, былъ распространенъ уже едвали не во всѣмъ епархіямъ [2]. Для устраненія слишкомъ замѣтнаго ущерба церковной службѣ нѣкоторые архіереи наблюдали только, чтобы мѣста зачислялись при церквахъ неодноклирныхъ [3], а для предотвращенія слишкомъ частыхъ тяжбъ учениковъ съ ихъ викаріями изъ-за платежа доходовъ старались опредѣлять эти платежи опредѣленною цифрою. Такъ, преосв. Іеронимъ владимірскій по поводу такихъ жалобъ распорядился: „съ діаконскихъ мѣстъ за землю, покосы и съ доходовъ получать въ годъ по 10 руб., а съ дьячковскихъ и пономарскихъ по 6" [4]. Число учениковъ, владѣвшихъ мѣстами было очень значительное во всѣхъ дух.

---

[1] П. С. З. XXV, 18921.

[2] О способахъ содерж. дух. уч. въ Странн. 1860 г. кн. IX. Ист. моск. акад. 374. Ист. троицк. сем. 545—546. Орловск. еп. вѣд. 1865 г. № 9, 376 и мн. друг.

[3] Р. П. Вѣстн. т. V, стр. 24. Орл. епарх. вѣд. 1865 г. № 9, 376.

[4] Ист. владим. сем. 94.

дух. школахъ, такъ что этотъ способъ ихъ обезпеченія сдѣлался совершенно равносильнымъ, а въ иныхъ мѣстахъ даже преобладающимъ дополненіемъ казеннаго бурсацкаго кошта. Такъ, въ воронежской семинаріи въ 1782 г. на казенномъ содержаніи было 50 учениковъ, съ зачисленными мѣстами 29, но въ слѣдующемъ году первыхъ считалось только 28, а послѣднихъ стало 47. Въ орловской число казеннокоштныхъ простиралось не далѣе 20—50, тогда какъ съ предоставленными мѣстами училось въ 1780-хъ гг. по 100, въ 1790-хъ по 200, а потомъ даже до 300 человѣкъ. Въ смоленской въ концѣ прошлаго столѣтія тѣхъ и другихъ было почти поровну, около 120; въ 1801 г. на казенномъ коштѣ оставлено всего 45, зато число содержавшихся отъ мѣстъ возросло до 236. Въ нижегородской семинаріи, по словамъ ея историка, „всѣ почти изъ обучавшихся имѣли за собой мѣста, пользуясь отъ нихъ доходами, а нѣкоторые взрослые ученики были даже женаты“ (1). Были примѣры, что мѣста предоставлялись даже и казеннокоштнымъ ученикамъ. Въ началѣ текущаго столѣтія псковское епархіальное начальство распорядилось лишить казеннаго содержанія всѣхъ философовъ и богослововъ, такъ какъ они могутъ содержаться отъ предоставленныхъ имъ церковныхъ мѣстъ, а на ихъ бурсацкія вакансіи помѣстить учениковъ низшихъ классовъ, между которыми тогда особенно много сконилось совершенно безпомощныхъ бѣдняковъ (2). Есть извѣстія, что содержаніе отъ предоставленныхъ мѣстъ ученики даже предпочитали бурсацкому коштy и что, когда имъ приводилось дѣлать между тѣмъ и другимъ добровольный выборъ, то они выбирали первое. Изъ особаго уваже-

---

(1) Ворон. епарх. вѣд. 1868 г. стр. 46 въ примѣч. Орловск. еп. вѣд. 1865 г. № 9. стр. 376. Ист. нижегор. семин. 15. Смол. епарх. вѣд. 1879. № 10, стр. 314. 316.

(2) Ист. псковск. сем. 90.

нія къ ученикамъ богословіи и философіи архіереи иногда дозволяли имъ даже самимъ искать церковныхъ мѣстъ для дохода съ тѣмъ, чтобы по окончаніи курса они потомъ опредѣлялись на эти мѣста и на дѣйствительную службу. Надѣясь на благоволеніе владыкъ, нѣкоторые изъ нихъ подавали при этомъ прошенія даже на живыя мѣста, старались выжить съ нихъ ихъ настоящихъ владѣльцевъ разными доносами и заводили возмутительныя кляузы (1). Возможность подобныхъ злоупотребленій со стороны школьныхъ кандидатовъ на мѣста можетъ служить едвали не лучшимъ показателемъ той степени вниманія, какимъ они пользовались отъ епархіальныхъ начальствъ, какъ питомцы ихъ дорогихъ школъ.

Пересматривая всѣ эти мѣстныя, епархіальныя средства къ содержанію школъ, нельзя не видѣть, что всѣ они, если не вполнѣ, то главнымъ образомъ зависѣли отъ степени просвѣтительной ревности и заботливой изобрѣтательности архіереевъ. Въ дополненіе къ этому нельзя также не обратить вниманія на постоянное и необыкновенно внимательное личное участіе владыкъ во всѣхъ дѣлахъ школьной экономіи, которое тоже было весьма важно въ дѣлѣ устроенія школьнаго благосостоянія. Они, можно сказать, вполнѣ, съ начала до конца создали весь порядокъ школьной экономіи со всѣми его подробностями, такъ какъ до царствованія императора Павла касательно этого предмета не было никакихъ, даже самыхъ общихъ руководительныхъ правилъ и вся штатная сумма каждой семинаріи отдавалась обыкновенно въ полную „диспозицію“ мѣстныхъ преосвященныхъ. Они сами по собственному усмотрѣнію должны были распредѣлять ее по статьямъ, опредѣлять предметы, количество и порядокъ ея расходованія, составлять съ помощію семинарскихъ конторъ и консисторій подробныя годичныя смѣты,

(1) Ист. старой казанск. акад. 41—42.

внимательно наблюдая при томъ за каждой копѣйкой, чтобы избѣжать страшной для бѣдныхъ заведеній передержки, избирать надежныхъ разходчиковъ и экономовъ, писать для нихъ и для самихъ конторъ руководительныя инструкціи, наконецъ опредѣлять и поддерживать порядокъ экономической отчетности. При импер. Павлѣ заботы ихъ въ этомъ отношеніи нѣсколько, хотя впрочемъ весьма мало, были облегчены общимъ указомъ св. Синода, опредѣлившимъ раздѣлять семинарскую сумму приблизительно поровну на три статьи, изъ которыхъ одна должна была идти на содержаніе управленія и преподавателей, другая на учениковъ, третья на все остальное, и правильной организаціей семинарскаго правленія съ примѣненіемъ къ его дѣятельности общихъ правилъ для дѣятельности всѣхъ вообще присутственныхъ мѣстъ. Диспозиція суммъ все-таки и послѣ этого осталась въ усмотрѣніи архіереевъ. Не было такого мелкаго предмета въ хозяйственной жизни дух. школъ, который бы могъ оставаться независимымъ отъ этого усмотрѣнія.

При недостаткѣ правилъ для училищной экономіи и скудости ея средствъ малѣйшая слабость архіерейскаго надъ ней надзора нерѣдко вела къ опасному для заведенія разстройству въ хозяйствѣ, которое потомъ уже очень трудно было исправить. — Нельзя было въ этомъ дѣлѣ положиться не только на консисторскихъ дѣльцовъ, но и на самихъ даже ректоровъ и на правленія. Такъ, въ псковской семинаріи не разъ замѣчалось неправильное расходованіе суммъ, что побудило епархіальное начальство поставить семинарскихъ властей подъ усиленный надзоръ консисторіи, но и сама консисторія требовала зоркаго наблюденія за своими дѣйствіями. Въ началѣ текущаго столѣтія ректоръ Венедиктъ попалъ даже подъ судъ. „Въ архивѣ псковской консисторіи, говорится въ исторіи семинаріи, есть и теперь бумаги, показывающія, какъ она судила этого ректора за постройку каменнаго флигеля при семинаріи. Самъ преосвященный Иринеи не могъ читать ихъ

безъ скорби.—Сильно возмущается духъ мой отъ такого нестроенія,—писалъ онъ на одной изъ нихъ" (1). Начальство тамбовской семинаріи въ 1786 г. за передержку семинарской суммы подверглось замѣчанію самаго Синода и особой ревизіи, порученной за смертію мѣстнаго архіерея Ѳеодосія преосв. Симону рязанскому. Въ донесеніи своемъ св. Синоду послѣдній между прочимъ писалъ, что указанные имъ излишніе расходы нельзя ставить въ вину семинарскому начальству, потому что при преосв. Ѳеодосіи для сего предмета не было дано никакого учрежденія. Послѣ этого св. Синодъ распорядился, чтобы тамбовская семинарія приняла себѣ въ руководство положеніе рязанской семинаріи преосв. Симона. Въ 1788 г. пріѣхалъ въ Тамбовъ новый дѣятельный архіерей Ѳеофилъ и энергично принялся за устройство школьнаго дѣла по всѣмъ частямъ. Благодаря его распорядительности, семинарія въ теченіе 8 лѣтъ съ помощію одного своего оклада успѣла построить и отдѣлать для себя довольно обширное каменное зданіе и кромѣ того сберечь для будущихъ построекъ свыше 2000 р. запасной суммы (2).

Примѣры замѣчательной экономической дѣятельности архіереевъ можно встрѣчать въ избыткѣ во всѣхъ историческихъ очеркахъ нашихъ семинарій. Особенно любопытны описанныя въ исторіи троицкой семинаріи распоряженія м. Платона, получившаго между архіереями репутацію образцоваго хозяина и обвинявшагося даже въ скупости: „а какъ я, писалъ онъ въ своей автобіографіи, былъ къ хозяйству весьма склоненъ и крайне наблюдалъ, чтобы ничего излишняго и безъ причины не употреблять, то по всему сему почитался скупымъ". Общія годичныя смѣты расходовъ и частныя вѣдомости и журналы по экономиче-

(1) Ист. псковск. сем. 86—87. 96.

(2) Тамб. епарх. вѣд. 1862 г. № 1, стр. 25—31.

ской части подвергались обыкновенно самому внимательному его разсмотрѣнію и всѣ испещрялись его замѣтками, показывавшими, что никакая мелочь не ускользала отъ его хозяйственнаго взгляда. Кромѣ обычной разсчетливости въ распредѣленіи расходовъ по смѣтамъ и бумажнаго веденія хозяйственныхъ дѣлъ, онъ требовалъ отъ семинарскаго начальства дѣятельной внимательности ко всему на практикѣ и „внимательныхъ во всемъ догадокъ, ибо съ симъ будетъ во всемъ порядокъ и довольство, а безъ сего, сколько на бумагѣ ни писать, ни распоряжать, хорошаго не будетъ“,—указывалъ „поступать хозяйственно и прилежно, 1) чтобы все куплено было вѣрно и въ свое время, 2) чтобъ все было въ хорошемъ мѣстѣ бережено, 3) чтобъ все купленное. кому слѣдуетъ, было доставляемо въ точности, 4) предостерегать, чтобъ не было ни отъ кого хищенія“, самъ заботился объ организаціи правильнаго экономическаго надзора въ семинаріи, учреждалъ должности интенданта, комиссара, столоваго и хлѣбнаго инспекторовъ или сеніоровъ и самъ же писалъ для нихъ подробныя инструкціи. Внимательность его къ сбереженію семинарскаго добра доходила до того, что наприм. велѣно было вычитать изъ суммы расхода даже самыя мелкія, едва возможныя сбереженія, наприм. отъ порціи того или другаго ученика, наказаннаго такъ называемымъ голоднымъ столомъ (на хлѣбъ и на воду) или небывшаго въ столовой по случаю праздничной отлучки съ дозволенія начальства къ роднымъ. Встрѣчаемъ даже особое распоряженіе о недоѣденныхъ за обѣдомъ кускахъ хлѣба; ихъ велѣно семинаристамъ брать изъ столовой съ собой и доѣдать за ужиномъ (1). Благодаря такой строгой экономіи, передержки по расходованію штатныхъ окладовъ по семинаріямъ были рѣдки; большею час-

(1) Ист. троицк. сем. 182—200

стію архіереи успѣвали отъ каждаго года сберегать даже кое какіе остатки на разные непредвидѣнные расходы. По распоряженію Платона остаточной суммы должно было постоянно быть въ кассѣ не менѣе 1000 р. Къ 1808 г. всей такой суммы отъ прежнихъ лѣтъ въ троицкой семинаріи числилось 10,717 р. 74 к. Въ другихъ семинаріяхъ такого крупнаго остатка не встрѣчаемъ впрочемъ нигдѣ. Даже въ петербургской академіи въ 1807 г. остаточной суммы числилось всего 1115 р. 68 к. да на 3688 р. разныхъ припасовъ. Остатки этого рода употреблялись обыкновенно на ремонтъ зданій, на улучшеніе одежды и пищи бурсаковъ, на награды учителямъ, на умноженіе библіотекъ и на пособія бѣднымъ своекоштнымъ и полуказеннымъ ученикамъ.

При всѣхъ однако заботахъ архіереевъ и при всѣхъ вспомогательныхъ средствахъ, какія они могли извлечь въ восполненіе штатныхъ окладовъ изъ епархіальныхъ источниковъ, дух. школы все-таки жили бѣдно, и „духовное юношество", какъ выразился въ одной рѣчи на торжественномъ собраніи петербургской академіи (1814 г.) ректоръ Филаретъ (послѣ м. московскій), должно было „приготовляться къ служенію церкви болѣе терпѣніемъ и неутомимостію, нежели обиліемъ пособій (1)". Конечно дух. школа, получивъ постоянный штатный окладъ, стала теперь свободна отъ прежнихъ случайностей, угрожавшихъ ея существованію, все таки очень трудно рѣшить, лучше или хуже прежняго она была обезпечена теперь вообще. Бѣдныя прежде семинаріи стали теперь нѣсколько обезпеченнѣе, но богатыя, въ родѣ троицкой и др., обильно пользовавшія прежде отъ вотчинныхъ доходовъ арх. домовъ и монастырей и отъ семинарскаго тягла съ духовенства, должны были почувствовать значительную скудость въ средствахъ противъ прежняго. Число казеннокоштныхъ учениковъ съ 1764 г. въ большей час-

(1) Ист. спб. акад. 231.

ти семинарій пришлось сокращать; содержаніе ихъ, по крайней мѣрѣ въ болѣе богатыхъ прежде семинаріяхъ, тоже стало урѣзываться по всѣмъ возможнымъ статьямъ. Въ низшихъ школахъ бурсъ вовсе не было, за исключеніемъ очень немногихъ, наприм. невельской и сиротской школъ псковской епархіи и упомянутыхъ училищъ новогородской и московской епархій. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ число казеннокоштныхъ было убавляемо даже гораздо болѣе, чѣмъ дозволялъ это семинарскій штатный окладъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы болѣе оставалось денегъ на семинарскія постройки, на возведеніе которыхъ со времени штатовъ обращено было особенное вниманіе и епархіальныхъ начальствъ и самого св. Синода.

Обзаводиться собственными домами для семинарій дѣлалось теперь все болѣе и болѣе необходимымъ съ одной стороны потому, что годъ отъ году возраставшее число учениковъ уже не могло довольствоваться прежними кое-какими помѣщеніями въ монастыряхъ и др. уступленныхъ подъ семинаріи зданіяхъ епархіальнаго вѣдомства, съ другой и потому, что обѣднѣвшіе монастыри и арх. домы стали сильно тяготиться своей старой школьной повинностью. Новыя семинаріи, какъ мы видѣли, почти всѣ уже обзаводились собственными помѣщеніями, или строя ихъ вновь, или покупая и пріобрѣтая чрезъ пожертвованія. Примѣру ихъ послѣдовали и нѣкоторыя старыя. Кромѣ того, наприм. казанская семинарія въ теченіи почти всего описываемаго времени строилась по причинѣ неоднократно постигавшихъ ее пожаровъ. Всѣ эти покупки и постройки домовъ производились главнымъ образомъ въ счетъ семинарскихъ окладовъ, такъ какъ добавочныя пособія на этотъ предметъ отъ правительства были рѣдки, и въ счетъ жертвованныхъ суммъ. Самъ св. Синодъ при открытіи новыхъ семинарій указывалъ по возможности скорѣе строить для нихъ помѣщенія, и именно изъ назначавшихся на ихъ содержаніе окладовъ, которые съ этою цѣлію и ассигновались для

нихъ сполна еще прежде ихъ открытія. Такимъ порядкомъ онъ наприм. поступилъ при открытіи семинарій сѣвской и тамбовской. По случаю замедленія въ постройкѣ зданій для послѣдней онъ даже сдѣлалъ выговоръ семинарскому и епархіальному начальствамъ и назначилъ объ этомъ предметѣ слѣдствіе. Въ любопытномъ указѣ 1786 г. архіерею Ѳеодосію было сказано, что со времени открытія семинаріи (1779 г.) получено штатной суммы уже до 14,000 р., а между тѣмъ у семинарскаго корпуса выведенъ только одинъ фундаментъ, да и самой суммы, остаточной отъ оклада, показано только 3548 р.,—куда же дѣвались остальныя деньги? По слѣдствію, произведенному рязанскимъ архіереемъ Симономъ, оказалось, что семинарское начальство издержало ихъ на учениковъ, не обращая особеннаго вниманія на ускореніе постройки. Получивъ объ этомъ донесеніе, св. Синодъ прямо предписалъ, чтобы изъ ассигнуемаго оклада (2000 р.) на будущее время непремѣнно была оставляема часть суммы на постройку корпуса, и сколько возможно въ большемъ количествѣ, что очевидно должно было сильно урѣзывать содержаніе семинарской бурсы (1). Въ костромской семинаріи (еще съ 1763 г.) бурса была даже совершенно уничтожена и ученики содержались всѣ на собственномъ коштѣ, а семинарская сумма цѣликомъ была обращена на постройку, да еще на необходимое жалованье учителямъ. Зданіе для нея было выстроено довольно большое (деревянное), въ 3 этажа съ 20 комнатами, изъ которыхъ 14 было теплыхъ, но все-таки оказалось недостаточнымъ, такъ какъ по отдаленности семинаріи отъ города число учениковъ, желавшихъ въ немъ жить за извѣстную плату, оказалось слишкомъ для него велико; большая часть ихъ принуждена была съ крайними неудобствами поселяться на дурныхъ

(1) Орловск. епарх. вѣд. 1865 г. № 6. Тамб. 1862 г. № 1, 25—31

квартирахъ по близъ лежащимъ двумъ слободкамъ. Поэтому преосв. Симонъ устроилъ для пансіонеровъ еще корпусъ, гдѣ они наконецъ всѣ и помѣстились, но эта новая постройка послужила новымъ препятствіемъ къ устройству необходимой при семинаріи бурсы (1).

Старыя помѣщенія семинарій намъ уже извѣстны. Новыя были много ихъ лучше и по простору и по большимъ удобствамъ для школьной жизни, нѣкоторыя могли служить даже украшеніемъ городовъ, въ которыхъ они находились. Болѣе просторными зданіями были зданія семинарій: ярославской, о которой Платонъ замѣтилъ въ своихъ путевыхъ запискахъ: „семинарская линія нехуда и немала“; костромской въ Запрудненскомъ монастырѣ, гдѣ для лучшаго надзора за семинарскою жизнью преосв. Дамаскинъ выстроилъ и для себя загородный деревянный домъ съ церковью; нижегородской, помѣщавшейся въ каменномъ трехъэтажномъ зданіи съ флигелями и имѣвшей свою особую церковь (2); казанской, имѣвшей прекрасное каменное двухъэтажное зданіе на лучшей улицѣ города; астраханской, помѣщавшейся послѣ 1782 г. въ четырехъ каменныхъ флигеляхъ (3), назначенныхъ первоначально для богадѣльни; тамбовской послѣ упомянутой продолжительной постройки каменнаго двухъэтажнаго корпуса, къ которому въ началѣ текущаго столѣтія пристроены были еще два флигеля для учениковъ и учителей; черниговской въ пожертвованномъ ей и значительно расширенномъ при Викторѣ Садковскомъ домѣ бывшаго гетмана Полуботка съ особою семинарскою церковью (4); подольской въ двухъэтажномъ каменномъ зданіи Шаргородскаго монастыря

---

(1) Р. Пед. Вѣстн. V, отд. 3, стр. 22. 24. т. VII, отд. 3, стр. 2.

(2) Ист. нижег. сем. 2—3. 11.

(3) Астрах. епарх. вѣд. 1879 г. № 4, 58—59.

(4) Черниг. еп. изв. 1871 г. № 12, стр. 370. 378. 380.

тоже съ особою церковію (1); вятской при загородномъ архіерейскомъ, такъ называемомъ Филимоновскомъ, домѣ съ двумя каменными флигелями, устроенными преосв. Лаврентіемъ Барановичемъ (1774—1796); архангельской послѣ перевода ея въ 1771 г. изъ Спасскаго монастыря въ Архангельскій, гдѣ преосв. Антоній Зыбелинъ выстроилъ для нея 5 деревянныхъ корпусовъ (2); иркутской, съ 1790 г. помѣщавшейся въ большомъ двухъэтажномъ каменномъ корпусѣ съ домовою церковью (3). Старыя помѣщенія семинарій тоже почти вездѣ расширялись и перестроивались, наприм. семинарій троицкой, петербургской, псковской и пр.

При всемъ томъ вслѣдствіе бѣдности средствъ, какими располагали семинаріи при постройкахъ, помѣщенія ихъ, даже и вновь устрояемыя, были большею частію и теперь далеко не удовлетворительны. Тѣснота зданій чувствовалась почти повсюду, потому что вездѣ было множество учениковъ, желавшихъ жить въ семинарскихъ корпусахъ за извѣстную плату, кромѣ казеннокоштныхъ, и въ ученическія комнаты набивалось обыкновенно столько народу, сколько лишь могло влѣзть. Нечего и говорить о томъ, что занятныя комнаты вездѣ служили вмѣстѣ и спальнями: было довольно и такихъ дух. школъ, въ которыхъ эти же комнаты служили и классами. Такъ наприм. было въ рязанской семинаріи. Зданія ея состояли изъ нѣсколькихъ избъ, по избѣ для каждаго класса, и кромѣ того еще для столовой, кладовой, для учителей и проч. и представляли изъ себя нѣчто въ родѣ деревни. Въ избахъ этихъ по стѣнамъ тянулись лавки, служившія и для сидѣнья и для спанья вмѣстѣ, съ особыми подъ ними помѣщеніями для склада ученическихъ вещей или рундуками, а въ серединѣ стояли длинные столы

(1) Ист. Рос. іер VI, ч. 2, 721.

(2) Ист. вятск. іер. 80. Ист. нижегор. іер. 148.

(3) Топогр. опис. Ирк. обл. въ Др. Р. Вивліоѳ. т. XVIII.

и скамейки. „Едва ли не при каждомъ классѣ, разсказываетъ Ростиславовъ въ своей біографіи Ѳеофилакта Русанова, въ сѣняхъ была еще особая комната, которая называлась холодною, наприм. реторикою, философіею и пр., смотря потому, къ которому классу она причислялась; въ нее ученики ставили свои сундуки и на день выносили свои постели, т. е. войлоки и подушки. Ночью же постели вносились въ теплую реторику, философію и пр. и ученики располагались спать, кто на рундукахъ, кто на столахъ. Кромѣ того лѣтомъ для умыванья висѣлъ рукомойникъ въ сѣняхъ съ лоханью; но въ зимнее время и рукомойникъ и лохань, если не постоянно, то на время умыванья помѣщались въ комнатахъ. Объ опрятности въ этихъ комнатахъ смѣшно и думать; ихъ даже и мыть возможно было развѣ въ каникулы, во всякое другое время они были переполнены народомъ. Еще страннѣе было думать о чистотѣ воздуха.... Въ учебные дни сидѣло въ нихъ около 6—8 часовъ не менѣе 40, въ нѣкоторыхъ даже до 100, но и въ прочіе часы дня тутъ оставалось постоянно до 20—30 человѣкъ“ (1). Не лучше этого описываются въ мемуарахъ и біографіяхъ разныхъ лицъ помѣщенія и многихъ другихъ семинарій: тѣснота, страшный холодъ и сквозники зимой въ нетопленыхъ классахъ съ худыми, разбитыми окнами и изломанными дверями, нечистота, миріады паразитовъ, отъ которыхъ чуть не скребницами очищали бѣдныхъ мальчугановъ ихъ родные по вакатамъ, составляютъ общія черты всѣхъ подобныхъ описаній. Вотъ наприм. какъ описываетъ свое семинарское житье извѣстный архим. Фотій юрьевскій, учившійся еще въ сравнительно богатой семинаріи, новгородской. Въ ней, по его словамъ, „не бывало внѣшней чистоты“, хотя и были наблюдавшіе за ней сеньоры, цензоры и авдито-

(1) Вѣстн. Евр. 1873 г. XI кн. 247—248. Сравн. Опис. тамб. еп. 54—155.

ры,—„заботились больше о чистотѣ нравственности и наблюдали за нею строжайшимъ образомъ... Мѣста ученія, т. е. классы, мало или вовсе не были топлены въ зимнее время, отъ чего холодъ былъ такъ великъ, что иногда при сказываніи уроковъ учителямъ нельзя было открыть рта. Намѣреніе же доброе было въ маломъ топленіи келлій учебныхъ, дабы на часть, оставшуюся отъ экономіи, бѣдныхъ кормить нищею учениковъ“ (¹). Въ троицкой семинаріи, о которой такъ много заботился м. Платонъ, ученики зимой должны были и въ комнатахъ сидѣть въ тулупахъ; соблюдая экономію въ топливѣ, Платонъ замѣтилъ на одной примѣрной годичной смѣтѣ: „семинаристы могутъ зимой жить тѣснѣе“,—это чтобы не было холодно (²). Не лучше были и помѣщенія академическія: на тѣсноту въ зданіи московской академіи были постоянныя жалобы; кіевская помѣщалась въ такомъ тѣсномъ и сыромъ зданіи, что въ моровую язву 1770 г. первая подверглась опустошительному дѣйствію эпидеміи; петербургской на отдѣлку классовъ отдѣльно отъ ученическихъ помѣщеній выдана была особая сумма уже въ 1802 г.

Необходимою принадлежностью почти всѣхъ семинарій была зала для экзаменовъ, актовъ и диспутовъ, чрезъ которую, какъ единственную, можно сказать, среду сообщалась семинарія съ публикой. Это было парадное, а потому самое роскошное мѣсто во всей школѣ, на убранство котораго не жалѣли ничего, хотя впрочемъ главною принадлежностію этого убранства служили только дареные портреты высокихъ дух. особъ, да зелень и цвѣты, набиравшіеся къ торжественнымъ днямъ самими учениками. Церкви были въ немногихъ (указанныхъ выше) семинаріяхъ; школьными храмами обыкновенно были храмы приходовъ и монастырей, въ которыхъ школы имѣли свое помѣщеніе. Особыя семи-

(¹) Автобіогр въ Дом. Бесѣд. 1859. № 42
(²) Ист. троицк. сем 199.

нарскія больницы начинаютъ являться кое-гдѣ только подъ конецъ описываемаго времени, не смотря на то, что при дурныхъ санитарныхъ условіяхъ училищной жизни потребность въ нихъ была вѣроятно очень не малая; это была слишкомъ дорогая нѣжность для закаленной въ нищетѣ и грубости бурсы. Даже въ самой московской академіи больныхъ принято было отвозить въ лазаретъ; въ уплату за ихъ леченіе и содержаніе у учащихъ и учащихся вычитали изъ окладовъ лазаретныя деньги,—у ректора 3 р. въ годъ, съ учителей по 1½ р., изъ содержанія учениковъ по 1% съ каждаго рубля,—всего изъ такихъ вычетовъ собиралось въ годъ рублей до 50 (1). Въ кіевской академіи была впрочемъ своя больница. Изъ семинарій больницы извѣстны въ семинаріи смоленской (2), потомъ въ троицкой съ 1798 г. послѣ того, какъ импер. Павелъ самъ пожелалъ открытія этой больницы въ лаврѣ и пожертвовалъ на ея устройство 2000 р., и въ харьковскомъ коллегіумѣ, получавшая съ 1801 г. по распоряженію кн. Голицына по 50 р. въ годъ изъ процентовъ съ Голицынскаго капитала (3). Съ царствованія имп. Павла, предполагавшаго ввести въ семинаріяхъ преподаваніе медицины, и особенно съ 1803 г., когда это предположеніе стало осуществляться, вмѣстѣ съ медицинскимъ классомъ стали вездѣ заводиться и семинарскія больницы. Но и послѣ этого нѣкоторыя семинаріи все еще продолжали считать лекаря человѣкомъ ненужнымъ для заведенія и, не смотря на указы, не назначали для содержанія его никакого жалованья (4). По всей впрочемъ вѣроятности въ разныхъ семинаріяхъ издавна существовали запасы нѣкоторыхъ медицинскихъ веществъ

---

(1) Ист. моск. акад. 99.

(2) Годичный расходъ ея простирался въ 1800 г. всего до 30 р. Опис. смол. епарх. 202. Смол. епарх. вѣд. 1879 г. № 10, стр. 312.

(3) Стран. 1860 г. сент. 173.

(4) Ист. пск. семин. 89.

для подачи помощи больнымъ домашними средствами, преимущественно разумѣется, изъ травъ, сборомъ которыхъ еще на нашей памяти занимались семинаристы въ лѣтнее время по распоряженію своего начальства (1).

Число казеннокоштныхъ, а также полуказенныхъ учениковъ, жившихъ въ семинарскихъ зданіяхъ, вполнѣ зависѣло отъ экономическихъ соображеній училищнаго и епархіальнаго начальства и было различно не только въ разныхъ семинаріяхъ, но и въ одной и той же въ разные годы. Въ первое время послѣ назначенія штатовъ оно, какъ мы замѣтили, быстро стало упадать до minimum'а, но съ 1770-хъ гг. вмѣстѣ съ увеличеніемъ окладовъ стало опять подниматься и дошло до maximum'а къ самому концу описываемаго времени, послѣ увеличенія окладовъ при имп. Александрѣ I; кромѣ увеличенія окладовъ возрастаніе его много зависѣло также отъ расширенія семинарскихъ помѣщеній. Представимъ нѣсколько цифръ преимущественно болѣе поздняго времени. Въ троицкой семинаріи на полномъ казенномъ содержаніи съ 1775 г. было 150 человѣкъ и неопредѣленное число полукоштныхъ (по распоряженію конторы и митрополита ихъ предполагалось держать столько же); въ петербургской при м. Амвросіѣ — 100 казенныхъ, 50 полуказенныхъ и кромѣ того до 50 же на жалованьѣ или на пособіи отъ семинаріи (въ количествѣ до 750 р. въ годъ); въ смоленской въ 1800 г. до 120 всѣхъ, потомъ по распоряженію преосв. Димитрія, вслѣдствіе недостачи денегъ, 30 на полномъ и 15 на половинномъ коштѣ (2); въ нижегородской со времени преосв. Дамаскина Руднева изъ 450 учениковъ на казенномъ коштѣ содержалось 100 (3); въ казанской—изъ 500 до 100 на пол-

(1) Стран. 1860 г. сент. 173.
(2) Смол. епарх. вѣд. 1879 г. № 10, стр. 311—313.
(3) Ист. нижег. сем. 12.

номъ казенномъ коштѣ и около тогоже числа на половинномъ; въ рязанской—до 70 (1) и т. д. Семинарскія начальства и архіереи вообще не были скупы въ дѣлѣ призрѣнія бѣдныхъ учениковъ на благодѣтельной бурсѣ, а скорѣе впадали въ противоположную крайность. Въ разныхъ своихъ диспозиціяхъ они правда постоянно толковали объ осторожности въ этомъ дѣлѣ, о томъ, что пріемъ учениковъ въ бурсу долженъ строго сообразоваться съ количествомъ семинарскихъ средствъ и вмѣстимостію зданій, но нищета множества школяровъ такъ была жалостна, что эти диспозиціи большею частію не выдерживались на практикѣ и на казенный коштъ чаще всего принималось людей гораздо больше, чѣмъ слѣдовало. Исключеніе составляли семинаріи, поставленныя въ необходимость расходовать семинарскую сумму на устройство и содержаніе зданій, напр. костромская, вовсе не имѣвшая бурсы, тамбовская и сѣвская, имѣвшія небольшія сравнительно съ общимъ числомъ учениковъ бурсы—человѣкъ въ 30—50, наконецъ нѣкоторыя очень немногія семинаріи, старавшіяся нарочно уменьшать число бурсаковъ для того, чтобы можно было улучшить содержаніе оставшихся на казенномъ коштѣ, предоставляя епарх. власти обезпечивать другихъ бѣдняковъ посредствомъ предоставленія имъ церковныхъ мѣстъ, чѣмъ особенно извѣстны семинаріи смоленская при преосв. Димитріѣ и псковская, отличавшаяся величиною оклада на каждаго бурсака предъ всѣми другими семинаріями (2).

Въ 1779 г., когда эта семинарія получила 2000-ный окладъ, преосвящ. Иннокентій распорядился принять на казенный коштъ изъ высшихъ двухъ классовъ 15 учениковъ, изъ нисшихъ тоже 15 и 20 информатористовъ или учениковъ сиротской школы, назначивъ

---

(1) Рязанск. епарх. вѣд. 1876 г. № 5, стр. 152 примѣч.

(2) Ист. пск. семин. 89—90.

на первыхъ въ годъ по 25 р., на вторыхъ по 20, на третьихъ по 10; съ теченіемъ времени, съ увеличеніемъ дороговизны содержанія, оклады эти понемногу все возвышались и въ 1802 г. возросли до 50 р. на каждаго изъ учениковъ большихъ и 30 изъ малыхъ. Выше этихъ окладовъ не было нигдѣ, кромѣ семинаріи петербургской, впрочемъ уже послѣ того, какъ она объявлена была академіею и снабжена была высшимъ окладомъ; по распоряженію м. Амвросія на 100 казенныхъ и 100 полуказенныхъ ея воспитанниковъ въ 1800 г. положено было 5307 р. 25 к., а въ 1807 г.— 14,218 р. (1). Въ московской академіи въ 1797 г. на 60 человѣкъ полагалось всего 1000 р., а въ 1807 г.— 2000 на 100, причемъ оклады на каждаго ученика по классамъ разверстывались въ количествѣ меньшемъ противъ псковской разверстки почти вдвое (2). Въ троицкой семинаріи въ 1766 г. Платонъ распорядился выдавать богословамъ по 6—5½ к. въ сутки на все содержаніе, съ пищей и одеждой, философамъ по 5½— 4½, риторамъ по 4½ — 4 и т. д. до учениковъ заправнаго класса, которымъ положено всего по 2½ к. Съ теченіемъ времени расходы на учениковъ возвышались, но никогда не могли сравняться съ псковскими (3). Даже на содержаніе такъ называемыхъ Платониковъ, стипендіатовъ Платона, ассигновалось всего по 30 р., когда оклады псковской семинаріи возрасли уже до 40 р. Ближе всѣхъ подходили къ псковскимъ окладамъ оклады семинаріи смоленской съ 1801 г., послѣ того, какъ число бурсаковъ съ 120 было сокращено до 30 человѣкъ полнокоштныхъ и 15 полукоштныхъ; на всѣхъ на нихъ ассигновалось 1500 р. въ годъ (4). Затѣмъ во всѣхъ остальныхъ семинаріяхъ до

---

(1) Ист. спб. акад. 157.

(2) Ист. моск. акад. 268.

(3) Ист. троицк. сем. 179.

(4) Смол. епарх. вѣд. 1879 г. № 10, стр. 312—313.

послѣдней прибавки окладовъ въ 1807 г. доли казеннокоштныхъ учениковъ не возвышались свыше 20—25 р. (1). Послѣ 1807 г. по мѣстамъ послѣдовали увеличенія этихъ долей, напр. maximum рублей до 36 (2), но большею частію мѣстныя начальства пользовались увеличеніемъ семинарскихъ окладовъ для увеличенія самаго числа призираемыхъ на бурсѣ бѣдняковъ.

Понятно, что содержаніе казеннокоштныхъ учениковъ на такіе оклады далеко не могло быть достаточно при самой скрупулезной внимательности начальства къ семинарской экономіи. Представимъ нѣсколько образчиковъ того, что можно было сдѣлать изъ этихъ окладовъ на практикѣ.

Въ псковской семинаріи жизнь бурсаковъ можетъ представлять собою образчикъ, кажется, наиболѣе удовлетворительнаго содержанія ихъ, какого только можно было достигнуть при наибольшемъ возвышеніи ихъ частныхъ окладовъ на счетъ одной штатной суммы, такъ какъ другихъ пособій, кромѣ разныхъ подачекъ отъ архіерея, семинарія эта не имѣла еще никакихъ. Изъ одежды бурсаки получали бѣлье, затѣмъ для зимы сапоги съ чулками, шапки съ рукавицами, овчинные тулупы на три года, для лѣта башмаки съ чулками (ученики низшихъ классовъ безъ чулковъ бахилки), суконные (низшихъ классовъ сермяжные) кафтаны на 3 года съ починкою и переворотною, кушаки изъ коломейки, спали они на скамьяхъ съ подголовками и на войлокахъ, обшитыхъ холстомъ; кормили ихъ хлѣбомъ, полагая по 14 ф. на брата въ недѣлю, квасомъ, щами—въ будни безъ говядины, по праздникамъ съ говядиной (по 2 ф. на 3 человѣка), зимой со свѣжей, а лѣтомъ съ солониной, въ посты щами съ сухими снѣтками, по праздникамъ еще кашицей съ мелкой

(1) Наприм. Ворон. епарх. вѣд. 1868 г. № 3, стр. 85, прим. 2. Тамб. 1862 г. № 2, стр. 80 и др.

(2) Пермск. епарх. вѣд. 1868 г. № 37, стр. 635.

рыбой (по 3 рыбки на человѣка); кромѣ щей давалась еще изрѣдка каша; въ большіе праздники баловали бурсаковъ холодной говядиной и студенью (по блюду на 7 человѣкъ). Большіе ученики имѣли за столомъ по два кушанья, малые по одному. Посуда въ столовой вся была деревянная. Для большей экономіи семинаристы сами же мололи себѣ рожь на хлѣбъ и квасъ, скотъ для говядины тоже свѣжевался въ самой семинаріи. Любопытно, что начальство псковской семинаріи выдавало небольшія кормовыя деньги даже ученикамъ, отправлявшимся на вакатъ, большимъ по 80, малымъ по 50 к., тогда какъ въ др. семинаріяхъ, наприм. въ троицкой, остававшіяся порціи и денежныя доли отсутствовавшихъ учениковъ тщательно высчитывались и вычитались изъ общаго расхода для экономіи (1). Въ смоленской семинаріи, гдѣ содержаніе бурсы при преосв. Димитріѣ поставлено подъ условія, довольно близко подходившія къ псковскимъ, по смѣтѣ на 1802 г. на 45 учениковъ полагалось по 2 четверт. въ годъ ржаной муки, 10 кулей крупъ, 8 пудовъ масла (только постнаго), 5 пуд. сала, говядины всего на 10 р. на всѣхъ, только 2 п. сальныхъ свѣчъ, бѣлья по 3 перемѣны, по одному кафтану въ 5 р. и по тулупу въ 4 р. на два года, по парѣ сапоговъ и на поддержку имъ еще неопредѣленное количество лаптей; столъ состоялъ изъ хлѣба, щей съ саломъ или постнымъ масломъ и крупника, по праздникамъ — изъ щей съ говядиною или снѣтками и изъ каши вмѣсто крупника (2).

Лучше этого бурсаки содержались развѣ только въ петербургской семинаріи, снабженной болѣе богатымъ окладомъ, гдѣ и одежда ихъ была нарядѣе и въ столѣ полагалась каждый день говядина (по ¾ ф.

---

(1) Ист. псковск. сем. 92—94.

(2) Смол. епарх. вѣд. 1879 г. № 10, стр. 313. Опис. смол. епарх. 202.

на брата, на малыхъ по ½ ф.), (1) да еще въ семинаріи троицкой, имѣвшей свои капиталы и пользовавшейся особенной внимательностью со стороны Платона. Въ первое время по открытіи троицкой бурсы (въ 1768 г.) Платонъ старался содержать ее въ довольствѣ, приблизительномъ къ прежнему довольству до штатовъ, но вслѣдствіе этого вскорѣ явились въ ея экономіи передержки и по неволѣ пришлось урѣзать ея содержаніе по всѣмъ статьямъ. Въ Исторіи этой семинаріи находимъ любопытныя резолюціи Платона, всего лучше показывающія, какъ скудно жила ея бурса, не смотря на то, что ея житью завидовали даже казенно-коштные студенты самой академіи. Въ началѣ 70-хъ гг. убавлена была (каждодневная впрочемъ) порція мяса,—велѣно было выдавать старшимъ ученикамъ по ¾ ф., риторамъ по ½ ф., прочимъ по 1½ ф. на четверыхъ. На росписаніи стола 1771 г. о гречневой крупѣ замѣчено: „каша на ужинъ можетъ иногда отмѣнена быть... и масло потому уменьшено быть можетъ. Также разсмотрѣть, не много ли класть по 3 ложки во всякое блюдо (т. е. на четверыхъ)". На росписаніи въ 1779 г. о мясѣ и рыбѣ сказано, что вмѣсто мяса можно по временамъ приготовлять потроха, легкія или ноги, а вмѣсто рыбнаго блюда — горохъ или кисель. Въ 1789 г. Платонъ добрался и до хлѣба: „я разсуждаю, писалъ онъ, съ добрымъ хозяйствомъ довольно положить на каждаго семинариста въ 9 мѣсяцевъ (за вычетомъ времени отпусковъ) по 10 п. муки да на кислые шти по 2 п. на каждаго, а всего на 150 человѣкъ 1880 п. (вмѣсто 2231 п.), особливо что печеным хлѣбомъ болѣе выйдетъ, притомъ бываетъ иногда не полное число, и послѣ отпусковъ не всѣ вдругъ собираются". Тогда же положено пшеничной муки для булокъ по праздникамъ покупать не болѣе, какъ на 24 дня въ году, и убавлено опять количество мяса

(1) Ист. спб. акад. 157.

(по 1½ п. въ годъ на каждаго). Точно также съ теченіемъ времени сокращались расходы и на одежду. Сначала въ 1768 г. положено шить богословамъ и философамъ нѣмецкія суконныя пары, риторамъ сюртуки, прочимъ казакины изъ сукна; въ 1771 г. оставлены одни сюртуки и казакины,—для меньшихъ учениковъ отмѣнены кромѣ того штаны; въ 1779 г. въ покоѣ и въ школахъ всѣмъ семинаристамъ велѣно ходить въ однихъ халатахъ. Въ 1786 г. введена была въ семинаріи для праздниковъ парадная униформа изъ суконныхъ синихъ казакиновъ съ малиновыми воротниками и обшлагами, въ обыкновенное время велѣно носить по прежнему халаты, а зимой тулупы. Платье беречь предписывалось такъ строго, что кто изнашивалъ его раньше срока (2 лѣтъ), тотъ подвергался лишенію казеннаго кошта; для сбереженія обуви малымъ семинаристамъ велѣно было въ комнатахъ ходить босикомъ. Въ 1800 г. вышло распоряженіе рубахи, порты, шляпы, чулки и платки на шею имѣть всѣмъ собственные, а на семинарскій счетъ только мыть бѣлье. Спали семинаристы,—старшіе на соломенныхъ тюфякахъ, младшіе на войлокахъ (1).

Такъ содержалась одна изъ самыхъ богатыхъ семинарій; объ остальныхъ нечего говорить. Пустые щи, приправленные конопляннымъ масломъ или сметаной, квасъ, ржаной хлѣбъ и сухая каша не сходили со стола бурсаковъ круглый годъ; кусочка по три говядины и дешевой рыбы да ломоть бѣлаго хлѣба они видѣли только по самымъ великимъ праздникамъ. Одѣвались въ длинные камзолы или затрапезные халаты, скрывая ихъ длинностой и пестрядинные порты и босоножье. Въ высшихъ классахъ ученики облекались въ полукафтанья, при чемъ по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, обязательно должны были от-

(1) Ист. троицк. сем. 185—200.

ращивать себѣ волосы, какъ церковники (1). Въ многолюдныхъ бурсахъ содержаніе бурсаковъ ограничивалось даже однимъ только столомъ и помѣщеніемъ, а на одежду только самымъ бѣднымъ ученикамъ выдавалось по нѣскольку денегъ (2). Самое пропитаніе ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ производилось, что называется, впроголодь. Въ южнорусскихъ семинаріяхъ, черниговской, гдѣ на всю бурсу, изъ 50 учениковъ ассигновалось 585 р. въ годъ (3), и переяславльской, хлѣбныя дачи были такъ малы, что бурсаки чуть не помирали съ голоду и въ избѣжаніе такой бѣды должны были обращаться къ мірскому подаянію. Послѣ классовъ они обыкновенно партіями выходили изъ бурсы на свой нищенскій промыселъ съ горшечками и мѣшечками и разсыпались по всему городу, испрашивая подъ окнами и на дворахъ подаяніе всякой всячиной, что дадутъ хозяева, жалѣючи ихъ молодые желудки. Послѣ назначенія штатныхъ окладовъ семинарскія начальства стали стѣсняться этимъ нищенствомъ бурсаковъ и запретили его; тогда ученики стали производить свои сборы украдкой, уходя изъ бурсы тихонько отъ начальства, преимущественно по субботнимъ вечерамъ. „Вмѣстѣ съ захожденіемъ солнца въ эти дни, разсказываетъ очевидецъ такихъ сборовъ въ Черниговѣ уже въ началѣ XIX столѣтія, ходятъ бывало по дворамъ человѣкъ 15 семинаристовъ 18-ти, 8 и 7 лѣтняго возраста. Ихъ называли бурсаками. Ставъ въ кружокъ посреди двора, поютъ они согласнымъ хоромъ: „Боже, зри мое смиренье, зри мои плачевны дни!“... По окончаніи жалобнаго канта, изъ средины этой толпы вырывается рѣзкій дрожащій голосъ: „борщику“! Изобильно надѣляемые хозяевами, пѣвцы удалялись съ низкими поклонами... Если припомнить измятую и изор-

---

(1) Ворон епарх. вѣд. 1868 г. № 2, стр. 86.

(2) Ист. нижегор. сем. 15.

(3) Черниг. епарх. изв. 1871 г. № 12, стр. 376.

ванную одежду, блѣдность и худобу, то ходившіе по дворамъ для выпѣванія пищи, кажется, не подлежатъ порицанію" (1). Вотъ еще свидѣтельство о бурсацкомъ содержаніи одного ученика уже не южнорусскихъ школъ, а довольно богатой новгородской семинаріи, архим. Фотія: „въ семинаріи тяготила меня крайняя бѣдность: часто ходилъ я безъ обуви въ лютые морозы келья мнѣ давалась самая худая съ бѣдными товарищами, но радъ былъ, что оная келья была уединенна, безмолвна и къ занятію мнѣ способна. Въ трапезѣ пища была самая грубая, убогая, недостаточная, такъ что часто гладенъ исходилъ отъ стола лучшій изъ учениковъ; можно сказать, пресыщенъ не былъ никогда отъ нея; умѣренность и скудость въ пищѣ таковая полезна была весьма мнѣ; пришедъ въ келью, сномъ я не былъ никогда отягченъ" и проч. (2).

Скудость содержанія казеннокоштныхъ учениковъ въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ увеличивалась еще отъ того, что въ нихъ не было правильнаго устройства бурсацкихъ общежитій и ученическіе оклады выдавались бурсакамъ на руки. Такъ было, какъ извѣстно, въ самой московской академіи. Въ троицкой семинаріи правильное общежитіе является съ 1768 г., когда семинарское начальство доложило Платону о всѣхъ неудобствахъ содержанія учениковъ при выдачѣ имъ порціонныхъ денегъ на руки; въ псковской семинаріи въ концѣ 1770-хъ гг. (3). Сохранился одинъ любопытный уставъ бурсы, составленный въ 1784 г. преосв. Веніаминомъ для архангельской семинаріи, въ которомъ видимъ попытку упорядочить содержаніе казеннокоштныхъ учениковъ, при раздачѣ порціонныхъ денегъ въ ихъ собственное распоряженіе, на началахъ обще-

(1) О способ. сод. школъ въ Странн. 1860 г сент. 188—189.

(2) Автоб. Фотія въ Дом. Бесѣд. 1859 г. № 42.

(3) Ист. троицк. сем. 180—184. Ист. псковск. сем. 93.

житія. Назначивъ выдавать на годичное содержаніе (харчъ, дрова, свѣчи, книги) богословамъ по 9 р., философамъ и риторамъ по 8, остальнымъ ученикамъ по 7, да на одежду первымъ и вторымъ по 8, риторамъ по 7, прочимъ по 6 р., уставъ этотъ обязываетъ всѣхъ такихъ учениковъ жить непремѣнно въ тѣхъ же покояхъ, гдѣ учились, и неиначе, какъ артелями человѣкъ по 30 и не меньше 20. Для приготовленія пищи, топки печей и чистки комнатъ каждая артель должна была держать для себя особаго служителя, нанимая его по общему согласію всѣхъ своихъ членовъ съ платой по 15 руб. въ годъ изъ артельныхъ денегъ, точно также сама должна была закупать и расходовать нужные для своего содержанія предметы. На казенное содержаніе велѣно принять прежде всего всѣхъ учениковъ высшихъ классовъ до питики, а за тѣмъ уже включать въ число казеннокоштныхъ изъ остальныхъ учениковъ, сколько позволятъ средства, обращая при этомъ вниманіе на степень ихъ бѣдности и вмѣстѣ съ тѣмъ успѣшности въ наукахъ. Дозволено поступать въ составъ казеннокоштныхъ артелей и ученикамъ своекоштнымъ, разумѣется, подъ условіемъ денежныхъ взносовъ, равныхъ артельнымъ окладамъ; такіе же взносы должны были дѣлать поступавшіе въ артели ученики, которые содержались отъ предоставленныхъ имъ церковныхъ мѣстъ, „а которые, замѣчаетъ уставъ, отъ своихъ мѣстъ потребнаго къ содержанію своему имѣть не надѣются, тѣмъ, числя за собою то мѣсто, дабы при выходѣ изъ семинаріи было для поступленія имъ готово, не касаться ничего церковнаго, ни службы, ни доходовъ, ни земли, а вмѣсто того консисторія на себя пріемлетъ учредить за тѣхъ отправленіе службы и изъ доходовъ, буде что взять можетъ въ семинарію, все то въ пользу общую обращать имѣетъ“ (1).

(1) Странн. 1879 г. мартъ, въ стат. о Веніаминѣ, стр. 400—402.

Не красна была жизнь учениковъ казеннокоштныхъ въ стѣнахъ бурсы, но жизнь своекоштныхъ по квартирамъ была еще хуже. Не много между ними было счастливцевъ, отцы которыхъ въ состояніи были содержать своихъ дѣтей безбѣдно на болѣе или менѣе удовлетворительныхъ квартирахъ или которые могли жить въ училищномъ городѣ у какихъ нибудь достаточныхъ и сердобольныхъ своихъ родственниковъ. О бѣдности большинства нашего духовенства распространяться здѣсь нечего. „Даже изъ тѣхъ учениковъ, говоритъ авторъ Исторіи нижегородской семинаріи, кто имѣлъ у себя родителей, рѣдкіе не имѣли крайней нужды частію отъ бѣдности, а частію отъ какой-то безпечности нѣкоторыхъ отцевъ, не считавшихъ своею непремѣнною обязанностію содержать учащихся въ семинаріи дѣтей". Не настаивая на мысли о такой безпечности отцевъ о своихъ сыновьяхъ, считаемъ за лучшее обратить вниманіе на то обстоятельство, имѣющее вліяніе на жизнь семинаристовъ и доселѣ, что большинство изъ нихъ даже не дѣти священниковъ, а дѣти бѣдныхъ дьячковъ и пономарей, и что большинство ихъ отцевъ жители селъ, а въ селахъ самое богатство состоитъ главнымъ образомъ въ натуральныхъ продуктахъ сельскаго хозяйства, а не въ деньгахъ, которыхъ такъ много надобно для содержанія дѣтей въ городѣ, на чужой сторонѣ. Обезпечивать своихъ дѣтей въ школѣ одними деньгами духовные отцы были бы положительно не въ состояніи, а потому всегда старались доставлять имъ, что было нужно для удовлетворенія ихъ потребностей, главнымъ образомъ натурой, такъ что собственно денежной статьей расхода на дѣтей оставалась у нихъ почти одна квартира, да и за нее старались платить по возможности тоже сельскими продуктами.

На квартирахъ своихъ ученики для большей экономіи всегда становились артелями человѣкъ изъ 6—13 и болѣе и содержались сообща привезенными изъ дома припасами, вкладывая въ общій для всѣхъ столъ каж-

дый свой пай. Вотъ разсказъ одного своекоштнаго воспитанника, относящійся уже къ началу XIX столѣтія: „бывало ѣдешь послѣ вакаціи отъ родителей,— или что говорить: ѣдешь?—вѣрнѣе, идешь пѣшкомъ за лошадью, везущей цѣлый возъ разной запасной провизіи, а на верху воза паръ 10 лаптей; и не наглядишься на свое денежное богатство, состоявшее, сказать по правдѣ, много-много изъ 2—3 рублей. Составляешь разные планы, предполагаешь расходы, дѣлаешь всевозможныя смѣты и всегда, бывало, выходитъ, что данныхъ отъ родителя денегъ далеко не хватаетъ на третное содержаніе, а при этомъ должно было еще помнить строгое отцовское приказаніе: не трать денегъ по пустому... При выборѣ квартиры стараешься, чтобы она была подальше отъ семинаріи, ибо ближайшія были дороги; потомъ, чтобы квартира состояла изъ какой либо особой каюты съ русскою печью, чтобы можно было самимъ ученикамъ готовить по очереди пищу. Устроивъ такъ образомъ свою осѣдлость, считаешь себя чуть не паномъ. О дальности же разстоянія, затруднявшей ходьбу въ классъ, и не думали“ (1). Это еще ученикъ достаточный, но сколько было такихъ, которые, проработавъ для своего пропитанія весь вакатъ около деревенскаго хозяйства у своихъ родныхъ или даже въ качествѣ наемныхъ работниковъ у чужихъ, возвращались въ школу пѣшкомъ, напутствуемые однимъ благословеніемъ отца или слезами матери...

Квартиры семинаристовъ постоянно располагались на окраинахъ семинарскихъ городовъ или даже въ подгородныхъ слободкахъ, въ домахъ мѣщанъ, солдатъ и др. бѣднаго люда, который не гнался за большою платою и не боялся работъ около школьнической артели. А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сами семинаріи помѣщались

(1) Изъ оренб. губ. вѣд. 1852 г.; въ Стран. 1860 г. сент. 195: О способ. сод. дух. училищъ.

далеко отъ города. напр. семинаріи костромская, сѣвская, смоленская. Не говоримъ о нисшихъ школахъ, изъ которыхъ большая часть помѣщалась для учащихся чрезвычайно неудобно, въ небольшихъ уѣздныхъ городахъ, гдѣ квартиръ было мало, или по загороднымъ монастырямъ. На ходьбу изъ квартиръ въ классы, разумѣется, терялось множество драгоцѣннаго времени, а въ холодную и дурную погоду при плохой одеждѣ и обуви бѣдняковъ много терялось при этомъ и молодаго здоровья; кромѣ того сожительство съ разными дурными людьми, каковыми часто бывали сами хозяева учениковъ, не могло не отзываться дурно и на нравственности послѣднихъ. Касательно этого предмета укажемъ на одинъ весьма выразительный документъ, относящійся къ 1804 г. Одинъ смоленскій помѣщикъ Малышевъ, жалѣя о бѣдномъ дух. юношествѣ, предложилъ дух. начальству проектъ объ устройствѣ для квартирныхъ воспитанниковъ общежительнаго помѣщенія при семинаріи на счетъ духовенства и доброхотныхъ дателей, жертвуя на этотъ предметъ съ своей стороны для почина благаго дѣла 1000 р. Вотъ какъ онъ описывалъ въ своемъ предложеніи бытъ этихъ воспитанниковъ. „Многіе священно-церковнослужители недостаточные, привозя дѣтей своихъ въ городъ, по состоянію и возможности нанимаютъ для нихъ квартиры за малую плату у людей самобѣднѣйшихъ и нисшаго сословія и то въ отдаленности отъ семинаріи,—а чрезъ то дѣти остаются безъ надлежащаго присмотра и попеченія; за дальностію разстоянія теряютъ не мало времени въ приходѣ въ семинарію и обратно въ квартиры; въ осеннюю, зимнюю и весеннюю пору отъ ненастной погоды и стужи подвергаютъ себя разнымъ болѣзнямъ и, что всего хуже, въ самой ранней юности подвергаютъ опасности свое благонравіе необходимое сану, къ которому они предназначаются; потому что таковые бѣдные хозяева, у коихъ они квартируютъ, занимаясь большею частію мелочною торговлею на рынкѣ, тамъ безчинствуютъ и въ домахъ своихъ производятъ раз-

ныя неблагопристойности, посылаютъ ихъ въ питейные домы, пріучаютъ съ собою юношей къ нетрезвости и своими примѣрами поселяютъ въ нихъ разные пороки, которые, вкоренившись съ малолѣтства, остаются удѣломъ на всю жизнь. А хотя есть изъ нихъ и достаточные и имѣютъ хорошія квартиры и выходятъ изъ семинаріи учеными, но, будучи товарищами первыхъ, въ обращеніи дѣлаются почти таковыми же, а потомъ будучи выпущены съ каковымъ ни есть званіемъ, тѣмъ же снабжаютъ въ послѣдствіи и прихожанъ своихъ". Эта картина жизни квартирныхъ учениковъ, которой Малышевъ думалъ побудить дух. начальство къ принятію его предложенія, къ сожалѣнію имѣла вовсе другое дѣйствіе на архіерея и консисторію: они обидѣлись ею, отвѣчали на бумагу Малышева, что у нихъ, слава Богу, все идетъ благополучно и по указамъ, ученики учатся, какъ слѣдуетъ, подъ добрымъ надзоромъ семинарскихъ начальниковъ, подозрительнаго за ними ничего не примѣчено, дурные же по поведенію немедленно исключаются, что изъ духовенства преосвященному никто не заявлялъ готовности жертвовать на устройство общежитія, а принуждать дух. лицъ къ пожертвованіямъ на этотъ предметъ незаконно, и отклонили предложеніе.

Это былъ едва ли не единственный впрочемъ примѣръ такого безсердечнаго отношенія къ участи квартирныхъ учениковъ, со стороны ихъ начальства. И семинарскія и епархіальныя начальства, на сколько отъ нихъ зависѣло, вездѣ и постоянно заботились о томъ, какъ бы помочь бѣднякамъ и изобрѣсти средства къ улучшенію ихъ быта. Для наблюденія за нравственностію этихъ учениковъ употреблялись всѣ мѣры, какими могла тогда располагать инспекція. Въ семинарскихъ инструкціяхъ постоянно внушалось, чтобы ро-

---

(1) Смолен. епарх. вѣд. 1879 г. № 10, стр. 317—321. Опис. мод. епархіи, 198—199.

ители учениковъ нанимали для своихъ дѣтей квартиры у людей честныхъ, любящихъ порядокъ, и по преимуществу у духовныхъ, съ которыми легче имѣть дѣло и самому начальству какъ семинарскому, такъ и епархіальному (1). Правленіе семинаріи съ своей стороны должно было вести списки всѣхъ ученическихъ квартиръ и для надзора за квартирующими въ нихъ семинаристами назначать старшихъ. Выборъ и перемѣна квартиры поставлялись подъ непосредственное наблюденіе префекта, который имѣлъ право по своему усмотрѣнію сводить учениковъ со всякой почему нибудь неподходящей квартиры на другую (2). Но съ одной стороны бѣдность учениковъ, а съ другой недостатокъ дешевыхъ квартиръ у порядочныхъ хозяевъ парализовали всѣ подобныя распоряженія. До чего по мѣстамъ доходили затрудненія въ пріисканіи квартиръ, видно изъ того, что наприм. въ Сѣвскѣ духовенство нашло выгоднѣе для помѣщенія своихъ дѣтей построить новыя „камеры“ при семинаріи на свой счетъ, что и сдѣлало, складываясь для этого деньгами по благочиніямъ (3). Не мудрено, что въ семинаріяхъ, гдѣ бурсы были пообширнѣе, вездѣ было довольно пансіонеровъ, жившихъ въ семинарскихъ зданіяхъ за извѣстную плату. Такого рода помѣщеніе дѣтей было всего удобнѣе для отцевъ, если только у нихъ хватало средствъ вносить эту плату. Въ видахъ такого удобства и въ интересахъ педагогическихъ при нѣкоторыхъ семинаріяхъ для своекоштныхъ учениковъ нарочно заводились пансіонерскія общежитія. При костромской семиріи такое общежитіе было заведено преосв. Симономъ Лаговымъ, который въ 1770 г. нарочно выстроилъ для него большой деревянный корпусъ. Всѣ своекоштные ученики должны были жить въ немъ обязательно съ

(1) Страни. 1860 г. сент. 174 г. Рязанск. еп. вѣд. 1866, стр. 548.

(2) Тульск. епарх. вѣд. 1863 г. № 15.

(3) Орловск. епарх. вѣд. 1865 г. № 9. стр. 375.

платою 6 р. 16¼ к. въ годъ; когда эта плата для многихъ оказалась непосильной, преосвященный нашелъ возможность сдѣлать ее еще меньше, понизивъ всего до 5 р. (1). Послѣ перевода своего на епархію рязанскую онъ устроилъ такое же общежитіе и въ рязанской семинаріи, обязавъ жить въ немъ только дѣтей священническихъ, такъ какъ плата съ пансіонеровъ была здѣсь гораздо выше костромской, 13 р. 50 к. съ каждаго ученика (2). При Лаврентіи Барановичѣ вятскомъ такое же общежитіе было заведено въ семиріи вятской, именно послѣ помѣщенія ея въ загородномъ арх. домѣ (3). Въ 1790-хъ гг. строгій нижегородскій архіерей Павелъ тоже заставлялъ квартирныхъ учениковъ переселяться на жительство въ семинарское помѣщеніе, назначивъ за ихъ содержаніе довольно значительную плату, въ 22 р. съ каждаго пансіонера (4). Частію по несостоятельности духовенства, а частію вслѣдствіе недостаточной помѣстительности большей части семинарскихъ зданій число пансіонеровъ, при всей его величинѣ, было все-таки незначительно въ сравненіи со всей массой своекоштныхъ учениковъ, которые должны были кое-какъ перебиваться въ теченіе всего своего многолѣтняго курса на дрянныхъ квартирахъ.

Нечего много говорить о томъ, какъ они на этихъ квартирахъ содержались. „Зимою, разсказываетъ авторъ изслѣдованія о способахъ содержанія дух. училищъ, они спали въ избѣ на печи и на полатяхъ, а лѣтомъ на сѣновалѣ или на погребицѣ, ѣли щи безъ говядины и черный хлѣбъ. Отцы изъ остатковъ своихъ подрясниковъ и тулуповъ — произведенія

---

(1) Р. Педаг. Вѣст. т. VII, замѣтки стр 2.

(2) Рязанск. еп. вѣд. 1877 г. № 12, стр. 324.

(3) Ист. вятск. іер. 80.

(4) Ист. ниж. іерарх. 184.

домашней фабрикаціи — шили имъ лѣтніе халаты и зимнія шубки; на ногахъ ихъ только зимою появлялись сапоги—и то съ отцовской ноги и худые“ (1) и проч. Немногіе изъ нихъ получали изъ дома достаточное количество харчей на свое содержаніе; остальнымъ приходилось болѣе или менѣе значительно восполнять эти харчи самимъ, своими собственными трудами, какіе кто могъ придумать и на какіе былъ способенъ. Самое видное мѣсто между подобными трудами занималъ попрежнему трудъ переписки разныхъ книгъ и рукописей для желающихъ, а также уроковъ для болѣе состоятельныхъ товарищей. Другимъ средствомъ добывать пропитаніе были уроки или кондиціи по частнымъ домамъ, иногда репетиторство у нѣкоторыхъ состоятельныхъ городскихъ семинаристовъ. Вслѣдствіе дешевизны этихъ уроковъ (напр. рубль въ мѣсяцъ за каждодневные уроки) бѣдняки должны были занимать по нѣсколько кондицій, каждодневно исхаживать по разнымъ домамъ верстъ по пяти и терять на уроки почти все дневное время послѣ классныхъ занятій, употребляя на свое собственное ученье преимущественно ночные часы, которые только и оставались въ ихъ распоряженіи. Училищныя начальства не могли воспрещать этихъ кондицій, зная всю ихъ необходимость для учениковъ; и только старались ограничивать ихъ число. Южнорусскіе семинаристы получали отъ начальства дозволеніе брать уроки даже въ отъѣздъ по деревнямъ разныхъ помѣщиковъ и по полугоду, даже больше, вовсе не являлись въ свои семинаріи. Не брезговали бѣдняки и менѣе благородными занятіями для своего пропитанія, принимая на себя труды будильниковъ, послушниковъ, огородниковъ и даже пахарей. Наконецъ, если даже сами бурсы должны были обращаться къ пособію частной благотворительности и испрашивать для себя подаяній у доброхотныхъ жертвователей, то

(1) Страни. 1860 г. сент. 195.

своекоштное ученичество и подавно не могло обойтись безъ этого источника своего пропитанія. Нѣкоторые ученики въ буквальномъ смыслѣ содержались милостынею, какъ обыкновенные нищіе; большая же часть для той же цѣли испрошенія подаяній прибѣгали къ сборамъ супличнымъ, произношенію стиховъ и рацей, пѣнію кантовъ и т. п. Изъ южнорусскихъ училищъ въ лѣтнее время ученики по прежнему производили свои сборы даже внѣ училищнаго города, расходясь для этого по уѣздамъ. „Раннею весною, разсказывается въ автобіографіи Тимковскаго, явились на дворѣ двѣ голубыя киреи. То были переяславскіе семинаристы, отпущенные, какъ издавна велось, на испрошеніе пособій съ именемъ эпетиціи. Такіе ходаки выслуживались болѣе пѣніемъ по домамъ и церквамъ, проживали по монастырямъ и пустынямъ, еще имѣвшимъ въ то время свои деревни; инымъ эпетентамъ такъ счастливилось, что одно село разомъ обогащало ихъ; иные пробирались даже на Запорожье. Начавъ труды, они учреждали свои складки, разживались на лошадь и привозили запасы себѣ и братіи". Очень не мудрено, что при такой бѣдности учениковъ ученики попадались и въ недобросовѣстномъ пріобрѣтеніи разныхъ припасовъ для своего содержанія, что владѣльцы садовъ и огородовъ хорошо знали ихъ ловкость въ преодолѣніи трудностей, какіе предоставляли высокіе заборы, а торговки на рынкѣ, усмотрѣвъ семинаристовъ, расходившихся по домамъ послѣ классовъ, спѣшили закрывать свои лотки (1).

---

(1) См. тамъ же стр. 194—200. Ист. моск. акад. 270. Ист. ниж. сем. 15. Ист. псковск. сем. 90 и мн. др. Въ 1805 г. псковскій губернаторъ жаловался преосв. Иринею, что по обнаружившимся кражамъ въ Псковѣ и по др. развратнымъ и порочнымъ дѣйствіямъ открывались не мало въ содѣйствіи тому ученики семинаріи, жившіе на квартирахъ вдали отъ начальства. Преосв—ый распорядился принять противъ этого скорѣйшія и строжайшія мѣры. Ист. пск. сем. 72.

Преждевременный выходъ учениковъ изъ заведенія на какую нибудь причетническую должность былъ слѣдствіемъ не одной только безуспѣшности или лѣности ихъ, а нерѣдко и крайней бѣдности, которая не давала возможности доплестись до окончанія курса иногда весьма прилежному и даровитому юношѣ. Епархіальныя начальства хорошо это знали, но не имѣя возможности помочь всѣмъ такимъ бѣднякамъ, должны были, скрѣпя сердце, согласиться на ихъ прошенія объ опредѣленіи на службу; „хотя жалко, читаемъ въ одной резолюціи на такую просьбу (1805 г. Іустина пермскаго), увольнять изъ семинаріи оказывающихъ въ ученіи хорошіе успѣхи, однако какъ семинарская сумма его и другихъ содержать недостаточна, того ради дать указъ на пономарское мѣсто". (1). За недостаткомъ училищныхъ и епархіальныхъ средствъ архіереи въ этихъ случаяхъ только и могли прибѣгать къ извѣстнымъ уже намъ мѣрамъ,—къ зачисленію за лучшими и бѣднѣйшими учениками церковныхъ мѣстъ и къ увеличенію до послѣдней возможности числа казеннокоштныхъ и полуказенныхъ учениковъ въ бурсахъ, хотя бы даже къ явному ущербу въ качествѣ бурсацкаго содержанія.

Перемѣна, произведенная штатами въ содержаніи семинарскихъ преподавателей, была для нихъ положительно невыгодна въ большинствѣ дух. школъ. Они лишились теперь всѣхъ прежнихъ своихъ дачъ разными жизненными продуктами, которыя составляли такую важную статью для ихъ матеріальнаго обезпеченія даже въ самыхъ бѣдныхъ епархіяхъ, и стали получать вознагражденіе за свой трудъ исключительно денежнымъ жалованьемъ. Въ первый годъ по ассигнованіи окладовъ въ троицкой семинаріи стали было замѣнять эти провизіонныя дачи выдачей порціонныхъ денегъ въ количествѣ 35 к. въ день ректору, 30 пре-

(1) Пермск. еп. вѣд. 1868 г. № 33, стр. 559.

фекту, по 25 учителямъ монахамъ и 20 свѣтскимъ, но въ 1766 г. и эти дачи были отмѣнены и всѣмъ указаннымъ лицамъ назначено одно денежное жалованье въ количествѣ 300 р. въ годъ ректору, 250 префекту и отъ 200 до 120 учителямъ (1). Отъ прежняго обезпеченія служившихъ по духовно-учебному вѣдомству остались только однѣ квартиры, отводившіяся имъ въ семинарскихъ и училищныхъ зданіяхъ на прежнихъ основаніяхъ, т. е. съ отопленіемъ, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ и освѣщеніемъ, и подъ условіемъ, если они были люди не семейные. Семейные учители жили на собственныхъ частныхъ квартирахъ, пользуясь по мѣстамъ только казенными дровами. Въ немногихъ семинаріяхъ отличнѣйшимъ учителямъ вмѣсто наградъ выдаваемы были квартирныя деньги (2). Между тѣмъ оклады денежнаго жалованья были крайне недостаточны и лишь немногимъ превышали денежные оклады прежняго времени, а въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ и вовсе не превышали. Указанные сейчасъ оклады для преподавателей троицкой семинаріи были самые высокіе, такъ какъ и окладъ самой семинаріи былъ тоже однимъ изъ самыхъ высокихъ, превышалъ даже окладъ московской академіи. Понятно, что большинство семинарій, получавшихъ отъ 800 до 490 р. въ годъ на весь свой обиходъ, не могли назначать и такихъ окладовъ. Такъ, въ псковской семинаріи, имѣвшей окладъ въ 816 р., ректоръ получалъ 100—120 р., учитель философіи 60, риторики и піитики (за оба класса) 130, учители латинскихъ классовъ по 60—50, информаторъ всего 20—30 р.; въ семинаріи владимірской съ окладомъ изъ 653 р. учителя получали жалованья до 3 р. въ мѣсяцъ, и то не всегда исправно (3). При такихъ окла-

---

(1) Ист. троицк. сем. 177. 179.

(2) Странн. 1860 г. IX, стр. 175. Ворон. епарх. вѣд. 1868 г. № 2, стр. 42—43.

(3) Ист. пск. сем. 87. Ист. владим. сем. 87.

дахъ изъ всего состава семинарскихъ начальниковъ и учителей только и могли считаться обезпеченными лица монашествующія, получавшія кромѣ семинарскаго жалованья еще содержаніе отъ монастырей, особенно когда сами дѣлались монастырскими настоятелями. Посторонніе доходы получали еще учители изъ бѣлаго духовенства, занимавшіе мѣста при церквахъ семинарскаго города, но за то семинарское жалованье было по прежнему выдаваемо имъ въ значительно уменьшенномъ количествѣ, да и церковнымъ своимъ доходомъ они не могли пользоваться въ полной мѣрѣ, потому что часто были отвлекаемы отъ исправленія своихъ церковныхъ обязанностей семинарской службой и едвали не болѣе теряли, чѣмъ пріобрѣтали отъ своего учительства. Въ исторіи владимірской семинаріи встрѣчаемъ напр. такой случай:

Въ 1765 г. префектъ іеромонахъ Моисей, по недостатку учителей преподававшій два предмета, соединявшуюся съ префектурой философію и еще риторику, выбился изъ силъ и отказался отъ преподаванія послѣдней по причинѣ „меланхолической болѣзни, которая, какъ писалъ онъ въ прошеніи архіерею, толикое замѣшательство мыслей и затмѣніе уму его наводила, что часто и о себѣ самомъ чувства и памяти лишался“. Архіерей вмѣсто него опредѣлилъ въ риторику дьякона Степанова изъ села Крутца, для чего и перевелъ его къ одной церкви во Владиміръ. Степановъ этотъ былъ изъ студентовъ троицкой семинаріи, но подъ разными предлогами доселѣ уклонялся отъ учительства, считая за лучшее оставаться сельскимъ дьякономъ. На этотъ разъ отказаться отъ прямаго архіерейскаго назначенія на семинарскую службу было нельзя; онъ оставилъ свое село и, переѣхавъ въ городъ, принялся за риторику. Но вотъ какое прошеніе пришлось ему писать здѣсь черезъ 7 мѣсяцевъ тяжкихъ трудовъ и лишеній. „Опредѣленъ я во владимірскую семинарію... и нахожусь во отправленіи своея должности со всеохотнымъ раченіемъ; точію съ самаго меня опредѣле-

нія, чему уже седьмой мѣсяцъ совершается, не точію денежнаго за труды вознагражденія, но ниже дневныя пищи отъ семинаріи не получилъ ни малой части, съ чего, а больше перебираючись съ бываго моего жительства во Владиміръ съ нужными домашними скарбами моими наемнымъ перевезеніемъ, крайне оскудѣлъ. Такожъ и нынѣ, яко человѣкъ свѣцкой, и необходимо долженъ съ домашними моими имѣть особенный внѣ семинаріи домъ; пристраиваючи же себѣ домашную хижину, предъ многими не малымъ числомъ во всякихъ нуждахъ обязательнымъ должникомъ сдѣлался. Того ради всепокорнѣйше прошу, да соблаговолено будетъ милостиво опредѣлить мнѣ, сколько заблагоразсудится, на пропитаніе". По этой просьбѣ консисторія сочла еще нужнымъ затребовать отъ семинарскаго начальства справки о прилежаніи и успѣхахъ голодавшаго съ семьей учителя. Справки были одобрительнаго характера, что учитель прилеженъ, искусенъ и пользу приноситъ. Послѣ этого вышла наконецъ милостивая резолюція: выдать ему на пропитаніе 3 четверти ржи и 2 четв. овса изъ арх. дома, а на прочія нужды до времени 4 руб. деньгами изъ семинарской конторы [1].

Когда семинарскіе оклады были возвышены, вмѣстѣ съ ними увеличивалось постепенно и жалованье семинарскихъ наставниковъ, но далеко не въ той мѣрѣ, какъ можно было ожидать. Большая часть прибавочныхъ суммъ употреблялась главнымъ образомъ на расширеніе бурсъ въ видахъ призрѣнія бѣдныхъ учениковъ, участь которыхъ была еще жалче, чѣмъ участь преподавателей. Кромѣ того, вслѣдствіе постепеннаго расширенія семинарскаго курса, увеличивалось самое число преподавательскихъ каѳедръ. Опредѣленныхъ правилъ касательно количества наставническаго жалованья не было; какъ и всѣ другія статьи семинарской экономіи, опредѣленіе этого количества вполнѣ зависѣ-

---

[1] Ист. влад. сем. 87—89.

ло отъ усмотрѣнія архіереевъ, руководствовавшихся въ этомъ дѣлѣ тѣми же соображеніями, какія выработаны были практикой семинарской жизни еще въ прежнее время. Какъ и прежде, при этомъ обращалось вниманіе на продолжительность службы учителя, на его усердіе, на то, какую науку онъ преподаваль, главную или второстепенную, или вразъ двѣ—три науки, на его званіе, свѣтскій онъ былъ или духовный, изъ бѣлаго или монашествующаго духовенства, сколько имѣлъ посторонняго дохода, отъ монастыря или прихода и т. п. Количество наставническаго жалованья въ разныхъ семинаріяхъ, въ разное время и для разныхъ лицъ было поэтому такъ же разнообразно, какъ и до штатовъ. Разнообразіе это не уменьшилось даже послѣ упомянутаго нами опредѣленія, чтобы на жалованье служащимъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ употреблялась треть всего училищнаго оклада, потому что частнѣйшаго распредѣленія этой третной суммы по рукамъ опредѣленіе это вовсе не касалось, да кромѣ того почти такое же распредѣленіе штатныхъ суммъ на трети, какое въ немъ узаконялось, съ давняго времени существовало въ практикѣ семинарской экономіи и прежде него. Не пересчитывая всего множества разнообразныхъ окладовъ наставническаго жалованья, приведемъ только болѣе обыкновенныя его цифры.

Послѣ первыхъ прибавокъ, когда семинаріи стали получать по 2000 р., жалованье служащихъ при нихъ по наиболѣе щедрому размѣру распредѣлялось въ такомъ видѣ: ректору и вмѣстѣ учителю богословія 150 р., префекту (онъ же учитель философіи) 100, учителю риторики и нѣитики 80—100, учителямъ латинскихъ классовъ—высшаго 60—100, низшаго 50—80, информатору 45—50, учителю пѣнія около 20 р. (1). Выше этихъ окладовъ были оклады только не многихъ болѣе богатыхъ по штатамъ семинарій, въ родѣ петер-

(1) Ист. пск. сем. 87. Тамб. еп. вѣд. 1862 г. № 2, стр. 78.

бургской, троицкой, казанской; но ниже встрѣчаются нерѣдко. Такъ, въ костромской семинаріи оклады съ 1778 г. простирались всего отъ 20 до 70 р., а съ 1780 — отъ 30 до 100; въ нижегородской семинаріи высшій окладъ преподавателя философіи и богословія не возвышался дальше 80 р.; въ черниговской средній окладъ жалованья доходилъ всего до 30 р. и т. д. (1). Только подъ конецъ царствованія Екатерины, вслѣдствіе возраставшей доровизны содержанія и все болѣе и болѣе увеличивавшихся нуждъ семинарскихъ преподавателей, оклады ихъ стали увеличиваться уже по распоряженіямъ самихъ архіереевъ, наприм. ректорскій по мѣстамъ доходилъ до 200 р., префектовскій до 150 и т. д. Въ случаѣ соединенія нѣсколькихъ наукъ въ рукахъ одного преподавателя, что случалось весьма нерѣдко въ теченіе всего описываемаго времени, онъ получалъ два оклада, точно также окладъ наставника возвышался, если онъ занималъ какую нибудь должность при заведеніи, оплачиваемую особымъ содержаніемъ, должность проповѣдника, комиссара, дѣлопроизводителя. Чаще впрочемъ случалось, что въ томъ и другомъ случаѣ количество оклада было для экономіи уменьшаемо, какъ оно уменьшалось иногда въ случаѣ полученія преподавателемъ или начальникомъ семинаріи какихъ либо доходовъ изъ постороннихъ источниковъ, отъ прихода или монастыря (2). Эти прибавочные предметы и должности въ семинаріяхъ служили очень важнымъ подспорьемъ къ бѣдному содержанію преподавателей, давая имъ возможность сводить концы съ концами безъ пріисканія постороннихъ занятій. Поэтому рѣдкій наставникъ изъ послужившихъ уже при семинаріи нѣсколько лѣтъ оставался только при одной своей главной должности. Чаще всего такими прибавочными предметами были языки гре-

(1) Ист. нижег. сем. 15. Странн. 1860 г. IX, стр. 179.

(2) Странн. 1860 г. IX, стр. 181—182. Ист. псковск. сем. 98.

ческій и еврейскій, а особенно нѣмецкій и французскій. Для преподаванія этихъ послѣднихъ епархіальныя начальства рѣдко старались подъискивать какого нибудь нѣмца или француза, потому что эти господа были гораздо дороже и потому менѣе удобны, чѣмъ невзыскательные учители изъ своихъ, которые рады были хоть небольшому лишнему куску хлѣба. Въ 1778 г. воронежскій архіерей Тихонъ III нанялъ для преподаванія нѣмецкаго и французскаго языковъ берлинца Штельтера; въ контрактѣ положено было, чтобы онъ имѣлъ для преподаванія не болѣе 4 часовъ въ день и 30-ти учениковъ на оба языка съ правомъ притомъ же обучать еще столько же приходящихъ посторонникъ учениковъ, а жалованья получалъ въ годъ 150 р. (наравнѣ съ ректоромъ); черезъ 10 же лѣтъ (въ 1789 г.), когда преподаваніе этихъ языковъ поручено было своимъ семинарскимъ наставникамъ, оно стало оплачиваться, можно сказать, не замѣтно: французскій языкъ преподавалъ учитель риторики Болховитиновъ, а нѣмецкій учитель піитики и исторіи, первый получалъ всего жалованья и съ прибавкой 160 р.; второй за всѣ три предмета 140, т. е. почти столько же, сколько при тогдашнихъ уже возвышенныхъ въ семинаріи окладахъ они могли бы получить и безъ преподаванія языковъ[1]).

Послѣ удвоенія штатныхъ окладовъ при имп. Павлѣ I жалованье служащимъ при семинаріяхъ еще возросло, но, какъ и прежде, тоже далеко не въ той мѣрѣ, въ какой увеличены общіе семинарскіе оклады. Жалованье ректора и префекта доходило до 200 р., учителей риторики и піитики до 150—160, грамматическихъ классовъ до 100—140 и т. д., считая тоже по болѣе обыкновенному изъ высшихъ окладовъ. Жалованье это до общей реформы дух. школъ при имп. Александрѣ успѣло потомъ еще немного возвыситься

---

[1]) Ворон. епарх. вѣд. 1868 г. № 2, 46—47. 52; 1872 г. № 1, стр. 15. См. также Калужск. епарх. вѣд. 1866 г. № 10, 311.

въ 1807 г. (²). Въ образчикъ довольно полнаго распредѣленія жалованья можно представить табель смоленской семинаріи за 180½ гг., въ которой между прочимъ можемъ видѣть любопытныя указанія на то, какую важность имѣли для наставниковъ прибавочные предметы, даже при значительно уменьшенномъ за нихъ вознагражденіи. Ректоръ — архимандритъ, пользовавшійся доходомъ съ монастыря, получалъ отъ семинаріи всего 120 р.; учитель философіи — 150 да 50 за высшій классъ греческаго языка, всего 200; учитель риторики — 140, кромѣ того за классъ высшаго краснорѣчія и за исторію по 30, всего 200 же р.; учитель нитики — 120, да за географію 30, за французскій языкъ 65 и катихизаторство 30, всего 245 р.; учитель высшаго грамматическаго класса—100 и 30 за нисшій греческій классъ;—средняго грамматическаго класса—90 и 65 за нѣмецкій языкъ;—нисшаго—70; учитель россійскаго класса — 60; учитель нотнаго пѣнія — 30 (²). Вотъ еще образчикъ менѣе щедрыхъ окладовъ, любопытный въ томъ отношеніи, что изъ него можно видѣть, какъ жалованье наставниковъ распредѣлялось архіереями не только по важности предмета, какой кто изъ наставниковъ преподавалъ, но и по продолжительности службы каждаго наставника; онъ относится къ началу 1805 г. и къ новой пермской семинаріи. Ректоръ архимандритъ, имѣвшій монастырь, и по должности ректора и за преподаваніе (риторики) получалъ 100 р., учитель философіи 200, префектъ игуменъ, преподававшій катихизисъ, исторію и географію,—50 р., учитель синтаксимы 80, средняго грамматическаго класса — 70, нисшаго — 80, информаторіи — 40, математики — 80, греческаго языка—40,

---

(¹) См. напр. Ист. пск. сем. 88. Тамб. епарх. вѣд. 1862 г. стр. 79—80; Калужск. епарх. вѣд. 1866 г. стр. 607—608; Иркутск. 1879 г. № 42. стр. 493, и мн. др.

(²) Смол. епарх. вѣд. 1879 г. № 4, стр. 240—241.

учителю медицины (свѣтскій) 150 р.; къ сентябрю того же года учителямъ философіи, математики и греческаго языка прибавлено было еще по 20 р. Впослѣдствіи, время отъ времени, жалованье прибавлялось и другимъ учителямъ по мѣрѣ продолжительности ихъ службы и усердія къ дѣлу (1).

Жалованье учителей въ низшихъ школахъ до позднѣйшаго времени оставалось ничтожнымъ. Количество его по возможности должно было сообразоваться съ количествомъ жалованья учителямъ низшихъ классовъ семинарій, параллельныхъ училищнымъ, но такъ какъ оно производилось обыкновенно на счетъ духовенства, то часто далеко не достигало до надлежащихъ по этому соображенію размѣровъ, спускаясь иногда до крайне малыхъ суммъ, наприм. рублей до 10—8 въ годъ (2). кромѣ того въ нѣкоторыхъ училищахъ выдавалось не въ формѣ опредѣленнаго періодическаго жалованья, а въ видѣ задѣльной платы за годичное обученіе каждаго ученика въ количествѣ отъ 25 к. до 3 руб. (3), наконецъ, какъ мы видѣли, не всегда выдавалось исправно и отцами учащихся и самими дух. правленіями, на попеченіи которыхъ лежало содержаніе окружныхъ училищъ.

Архіереи очень хорошо сознавали всю скудость учительскаго вознагражденія за труды и желали бы ей помочь, но не имѣли на то достаточныхъ средствъ. Кромѣ предоставленія учителямъ разныхъ семинарскихъ должностей и преподаванія лишнихъ предметовъ, въ распоряженіи ихъ оставалось только два источника для ободренія бѣдныхъ тружениковъ науки,

---

(1) Пермск. епарх. вѣд. 1868 г. стр. 634.

(2) См. наприм. Пермск. еп. вѣд. 1868 г. № 2, стр. 21; Тульск. 1862 г. № 8, 424—426; Смоленск. 1878 г. № 18, 521, 524—525; Ист. пск. семин. 83 и др.

(3) Вологодск. еп. вѣд. 1874 г. № 17, стр. 278; Кіевск. 1864. № 15, 464.

тѣже самые, къ которымъ они прибѣгали и для пособій бѣднымъ ученикамъ,—это единовременныя вспоможенія изъ своихъ домовыхъ или остаточныхъ училищныхъ суммъ и доходы отъ церковной службы.

Перваго рода вспоможенія выдавались обыкновенно въ видѣ праздничныхъ наградъ въ Рождество, въ Пасху и передъ вакатомъ. Такъ, Платонъ изрѣдка назначалъ награды изъ остаточныхъ суммъ преподавателямъ московской академіи и троицкой семинаріи; въ пользу первыхъ въ 1782 г. онъ ассигновалъ даже постоянную наградную сумму во 150 р. въ годъ изъ доходовъ Перервинскаго монастыря, а въ 1797 г., по случаю прибавки къ окладу семинаріи 2000 р., опредѣлилъ подобную же постоянную выдачу наградъ и для служащихъ при троицкой семинаріи въ количествѣ 100 р. ректору, 60 префекту и 30 — 45 учителямъ (1). Величиною наградъ отличалась также семинарія невская, особенно въ послѣднее время, когда окладъ ея достигъ до упомянутыхъ сравнительно большихъ размѣровъ; „въ уваженіе похвальныхъ въ обученіи трудовъ“ учители ея, кромѣ праздничныхъ наградъ, получали иногда еще вспоможенія по ихъ семейнымъ обстоятельствамъ (2). Обычай такихъ праздничныхъ наградъ учителямъ соблюдался во всѣхъ епархіяхъ, даже и не такихъ богатыхъ, какъ московская и петербургская. Вотъ наприм. извѣстія подобнаго рода о воронежской епархіи: „отъ преосв. Тихона III наставники получали всегда денежные подарки, восходившіе иногда до 25 р. за поздравленіе съ праздникомъ Р. Х. и В. Х.; также преосвященные раздѣляли между ними небольшія частныя пожертвованія на семинарію; заботились о столѣ и мебели въ покояхъ наставниковъ неженатыхъ, жившихъ въ семинаріи, жившимъ же на квартирахъ выдавали такъ наз.

---

(1) Ист. моск. акад. 267. Ист. троицк. сем. 222.

(2) Ист. спб. ак. 158. См. еще Ист. старой казанск. акад. 38.

дровяныя деньги; независимо отъ того любили выдавать учителямъ рублей 5, 10, 15, 20 и болѣе не въ зачетъ жалованья для ободренія ихъ къ трудамъ". Въ 1780 г. въ семинаріи воронежской было великое торжество, — выпускъ перваго богословскаго курса. „Благодареніе Господу Богу, написалъ обрадованный Тихонъ на спискѣ учениковъ, что имѣемъ въ семинаріи въ первый разъ окончившихъ курсъ школьнаго ученія!" и приказалъ выдать префекту, преподававшему богословіе, 200 р. въ награду изъ семинарской суммы (1).

Обезпеченіе на счетъ церковной службы имѣло, разумѣется, болѣе важное значеніе въ бытѣ семинарскихъ и училищныхъ наставниковъ, чѣмъ эти временныя праздничныя подачки и пособія; оно доставляло имъ доходъ постоянный и въ большинствѣ случаевъ значительно превышавшій ихъ вознагражденіе по учебной службѣ. Отъ того большая часть ихъ по прежнему стремились занять священнослужительскія должности при церквахъ, а нѣкоторые поступали въ монахи. Самое лучшее обезпеченіе получали наставники монашествующіе, получавшіе вмѣстѣ съ семинарскимъ жалованьемъ доходы отъ монастырей и занимавшіе высшія и болѣе богатыя должности въ самихъ семинаріяхъ. Въ 1799 г. для возвышенія благосостоянія ученаго монашества вышло извѣстное распоряженіе о соборныхъ іеромонахахъ, по которому нѣкоторые монашествующіе наставники причисляемы были къ соборамъ богатыхъ монастырей и пользовались кружечнымъ доходомъ послѣднихъ (2). Степень обезпеченія учителей изъ бѣлаго духовенства вполнѣ зависѣла отъ количества доходовъ, какіе они могли получать отъ своихъ приходовъ.

---

(1) Воронеж. епарх. вѣд. 1868 г. стр. 42; 1872 г. № 1, стр. 15.

(2) Ист. моск. акад. 267. Странн. 1860 г, IX, стр. 181.

Само собою понятно, что при такомъ соединеніи церковной и учебной службы либо та, либо другая, а то и обѣ вмѣстѣ непремѣнно должны были терпѣть болѣе или менѣе значительный ущербъ. Чаще всего, разумѣется, такой ущербъ приходилось терпѣть службѣ учебной; — по ничтожному вознагражденію за ея прохожденіе она до позднѣйшаго времени такъ и не могла возвыситься до степени самостоятельнаго спеціальнаго занятія, оставаясь по прежнему или прибавочною къ главной церковной службѣ проходившаго ея духовнаго лица или переходною ступенью къ этой послѣдней; понятно что опущенія по ней проходившія ее духовныя лица считали менѣе важными, чѣмъ опущенія по своей церковной службѣ, да не иначе должно было смотрѣть на это дѣло и ихъ епархіальное начальство. А между тѣмъ опущенія эти были постоянно неизбѣжны, особенно при прохожденіи учителемъ священнослужительской службы въ большомъ приходѣ (1); монашествующее лице при немногосложности своихъ церковныхъ обязанностей могло учительствовать еще сравнительно исправнѣе, отъ чего между прочимъ архіереи и любили опредѣлять на училищную службу болѣе монаховъ, чѣмъ лицъ изъ бѣлаго духовенства. Радѣя о пользѣ учебнаго дѣла, архіереи дѣлали очень естественныя попытки назначать для учителей священниковъ и дьяконовъ приходы поменьше, требовавшіе отъ священнослужителей менѣе труда и времени; но тутъ возникало другое затрудненіе, — въ такомъ приходѣ менѣе было и доходовъ, и были случаи, что избранный въ учители священнослужитель, переведенный въ такой приходъ, отказывался отъ него и съ учительствомъ и просился на свое прежнее мѣсто. Вотъ наприм. одно прошеніе, поданное однимъ такимъ священникомъ въ 1793 г. преосв. Симону рязанскому.

---

(1) См. наприм. Ирк. епарх вѣд. 1879 г. № 42, стр. 494.

„По требованію вашего пр — ва и семинарской конторы явился я сюда для опредѣленія въ учители въ высшій классъ грамматики, которой уже нѣсколько дней и обучаю. Но поелику 40—рублевое жалованье, положенное учителю высшаго класса, для меня столь бѣдно, что едвали можетъ стать и на перевозку мою изъ села; переходъ же (приходъ?), который бы долженъ пособствовать къ моему пропитанію и содержанію, не токмо не доставитъ мнѣ онаго, но подъ видомъ онаго долженъ буду растерять и послѣднее; того ради вашего высокопреосвященства прошу меня отъ учительства означенной школы уволивъ отпустить къ моему мѣсту въ село, гдѣ я могу и скорѣе достать себѣ содержаніе и быть спокойнѣе". Преосв. Симонъ долженъ былъ согласиться на эту просьбу „для прописанныхъ отъ него обстоятельствъ" (1).

При всѣхъ однако неудобствахъ соединенія училищной службы съ церковною, практика его была чрезвычайно распространена повсюду и главнымъ образомъ по причинѣ бѣдности учительскаго званія. Потребность обезпеченія учителей на счетъ церковной службы всего выразительнѣе обнаруживалась въ томъ, что, кромѣ множества дѣйствительно проходившихъ эту службу, отъ нея до сихъ поръ еще продолжали по мѣстамъ кормиться даже учители свѣтскіе, не посвященные въ свящ. санъ имѣя за собой только зачисленныя и предоставленныя церковныя мѣста, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ бѣдные ученики (2). Въ московской епархіи такое зачисленіе церковныхъ мѣстъ за учителями практиковалось даже въ отношеніи къ монашескимъ вакансіямъ: по распоряженію м. Платона отъ 1799 г. свѣтскіе учители, изъявившіе намѣреніе постричься, зачислялись на соборныя вакан-

(1) Рязанск. епарх. вѣд. 1877 г. № 13, стр. 364—365.

(2) Странн. 1860 г. IX, 183. Смол. епарх. вѣд. 1879 г. № 1, 16. 346. Ист. каз. акад. 38—39.

сіи и получали соборные оклады еще до постриженія (1).

Считаемъ излишнимъ говорить о тѣхъ доходахъ, какіе получали семинарскіе и училищные наставники отъ самихъ учениковъ и ихъ отцевъ, въ формѣ разныхъ копѣечныхъ презентовъ деньгами и натурой при поступленіи учениковъ въ тотъ или другой классъ или при явкахъ ихъ послѣ школьныхъ отпусковъ. Эти презенты, сохранившіеся и послѣ училищной реформы 1808 г., составляли одинъ изъ самыхъ грустныхъ результатовъ и свидѣтельствъ крайней бѣдности нашихъ духовныхъ педагоговъ.

Немудрено, что званіе учителя мало привлекало къ себѣ талантливыхъ людей, которые могли имѣть иной кусокъ хлѣба болѣе сытный и за менѣе тяжелый трудъ. Подъ конецъ описываемаго времени, когда въ высшихъ сферахъ дух. администраціи уже началъ разработываться вопросъ о новой общей реформѣ дух. школъ и заинтересованные этимъ дѣломъ іерархи стали высказывать по поводу его свои собственныя соображенія, требованіе увеличить учительское жалованье постоянно ставилось ими на первомъ планѣ. Въ одномъ проэктѣ 1805 г., составленномъ м. Серапіономъ для преобразованія кіевской академіи, на первыхъ же строкахъ читаемъ: „Важнымъ предметомъ признается возвесть содержаніе (академіи) до таковой степени, чтобы опредѣлившіе себя въ учительскія должности, довольствуясь оными, не были удобно отвлекаемы видомъ другихъ выгодныхъ состояній и не устремляли бы мыслей къ избранію другихъ родовъ жизни, но имѣли бы въ виду возвышенія по степенямъ своихъ предметовъ, также, нуждаясь недостаткомъ выгодъ, не истощали бы воодушевляющей къ симъ предметамъ ихъ ревности на постороннія занятія“ (2). М. Платонъ,

---

(1) Ист. троицк. сем. 219.

(2) Кіевъ *Аскоченскаго*, II, 449.

не желавшій никакихъ существенныхъ реформъ въ принятыхъ порядкахъ учебно-воспитательной стороны дух. школъ, съ своей стороны только и настаивалъ на увеличеніи ихъ матеріальныхъ средствъ для лучшаго содержанія воспитанниковъ и вознагражденія учителей. Высказывая свои мысли объ этомъ предметѣ въ письмахъ къ м. Амвросію, стоявшему во главѣ школьной реформы, онъ между прочимъ писалъ: „Да и нѣкоторые наши братья епископы тоже ко мнѣ пишутъ. Что за нужда намъ соображаться свѣтскимъ? Пусть они отъ насъ учатся. Прибавка жалованья не отъ учрежденія зависитъ, но отъ недостатка содержанія. Теперь у меня 150 человѣкъ на содержаніи, и то на хлѣбѣ, щахъ и кашѣ; а столько же бѣдныхъ на своемъ коштѣ. Учители получаютъ 100, 150 и 200, а префектъ 250 р. А свѣтскіе получаютъ по 300, 400, 500 р. и больше. Вотъ истинная причина къ прибавкѣ“. — „Бьемся съ учителями, читаемъ въ другомъ письмѣ, — не всегда то лучшихъ найти можемъ. Въ монахи охотниковъ мало, а бѣльцы, поучивъ годъ или два, просятся вонъ или въ духовное или въ свѣтское состояніе“. Въ самый годъ реформы (1808) дух. училищъ онъ писалъ тому же Амвросію, что не находитъ нужнымъ никакихъ перемѣнъ въ духовныхъ наукахъ: „совершенное не для чего усовершенствовать, — сіе опыты доказали“, и попрежнему указывалъ только на недостатокъ учителей. „Вся сила есть въ учителяхъ способныхъ, въ коихъ есть недостатокъ. Для сего надобно разрѣшить постриженіе желающихъ ученыхъ постричься: ибо бѣльцы не надежны. Годъ или много два побудутъ и просятся вонъ;—они въ надеждѣ лучшаго мѣста только въ учители желаютъ. И учатъ нерадиво, и порядокъ ученія разстроиваютъ. А монашествующіе надежнѣе“ (1). На этотъ разъ митрополитъ уже слишкомъ увлекся своимъ пристратіемъ къ мона-

(1) Письма Платона, изд. Прав. Обозр. стр. 81. 83. 85.

шеству и отступилъ отъ своего прежняго, болѣе прямаго взгляда на дѣло. Сила была очевидно не въ монашествѣ, а, какъ онъ самъ прежде доказывалъ, въ плохомъ вознагражденіи за трудъ учительства, которое не дозволяло этому труду сдѣлаться постоянною жизненною спеціальностію приставленныхъ къ нему людей, которое и монаха побуждало смотрѣть вонъ изъ школы нисколько не менѣе, чѣмъ бѣлыца. Все преимущество монаха передъ бѣлыцомъ заключалось только въ томъ, что его легче было задержать при неблагодарномъ послушаніи, но спеціалистомъ школьнаго учительства, преданнымъ послѣднему, какъ дѣлу жизни, онъ могъ быть едва ли еще не менѣе, чѣмъ учитель свѣтскій, потому что уже по самому своему монашеству былъ кандидатомъ на высшіе посты церковной службы, къ которымъ учительство было для него только переходною степенью и притомъ рѣдко продолжительною.

г) Состояніе духовныхъ школъ по учебно-воспитательной части.

Архіереи „бились съ учителями, не всегда лучшихъ найти могли“, а между тѣмъ съ расширеніемъ учебнаго курса дух. школъ и съ приложеніемъ къ нимъ новыхъ педагогическихъ требованій вѣка потребность въ большемъ числѣ учителей и именно лучшихъ становилась годъ отъ году настоятельнѣе. Довольствоваться прежними случайными, импровизованными учителями изъ недоучившихся студентовъ, монаховъ архіерейскаго дома и разныхъ лицъ изъ мѣстнаго духовенства становилось все болѣе и болѣе неудобнымъ даже и въ низшихъ классахъ семинарій. Вопросъ о выборѣ и спеціальномъ приготовленіи учителей дѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ школьной жизни и занималъ не только епархіальную, но и высшую администрацію.

Мы видѣли, что онъ былъ возбужденъ правительствомъ еще въ самомъ началѣ царствованія Екатерины, признавшей обученіе въ дух. школахъ неудовлетворительнымъ, а учителей ихъ „неискусными“. Комиссія объ усовершенствованіи дух. училищъ 1765 г. тоже обратила на него серьезное вниманіе, предположивъ произвести строгій разборъ между всѣми наличными учителями, а новыхъ опредѣлять нечаянно, какъ послѣ внимательнаго ихъ испытанія. Въ томъ же году состоялось опредѣленіе императрицы и св. Синода о посылкѣ для приготовленія къ учительскому званію нѣсколькихъ молодыхъ людей въ заграничные университеты, а по возвращеніи ихъ оттуда проектировано учрежденіе въ Москвѣ особаго заведенія для образованія учителей дух. школъ подъ именемъ богословскаго факультета. Открытіе такого факультета не состоялось, призваніе, какое онъ долженъ былъ выполнять, по прежнему продолжало возлагаться на лучшія изъ наличныхъ духовно-учебныхъ заведеній; но мысль, лежавшая въ основѣ проекта, не пропала. Она проявлялась въ особенной заботливости администраціи о возвышеніи благосостоянія обѣихъ академій, затѣмъ въ переименованіи петербургской семинаріи въ главную съ предоставленіемъ ей значенія духовнаго учительскаго института, наконецъ въ послѣднее время въ открытіи двухъ новыхъ академій и первоначальномъ раздѣленіи семинарій на четыре академическихъ округа.

При императрицѣ Екатеринѣ не оставляли даже и той мысли, чтобы кандидаты на академическое учительство были посылаемы для довершенія образованія за границу. Въ именномъ указѣ 15 марта 1787 г. о кіевской академіи и ея штатѣ между прочимъ было прямо сказано: „изъ той же суммы посылать по разсмотрѣнію кіевскаго митрополита студентовъ въ иностранные университеты для пріобрѣтенія лучшихъ знаній въ наукахъ, дабы академія могла снабдить себя искусными учителями“. На основаніи этого указа м.

Самуилъ въ томъ же году послалъ двоихъ студентовъ въ слуцкій реформатскій конвентъ для изученія новыхъ языковъ, нѣмецкаго, французскаго и польскаго, обязавъ ихъ при этомъ подпискою, что, „показавъ плоды своего ученія“, они не отлучатся никуда безъ вѣдома и дозволенія академіи, а вступятъ въ соотвѣтствующія ихъ занятіямъ учительскія должности. Около того же времени еще два студента отправлены были для приготовленія къ учительству въ польскій виленскій университетъ (1). Въ проэктѣ 1777 г. о преобразованіи московской академіи тоже было сказано, чтобы въ профессоры ея были избираемы лица, довершившія свое образованіе въ заграничныхъ университетахъ, но, сколько извѣстно, послѣ 1765 г. изъ нея ни разу не посылали туда студентовъ съ этою именно цѣлію. О приготовленіи такимъ способомъ преподавателей для семинарій не было, кажется, и рѣчи.

Болѣе сподручнымъ и употребительнымъ средствомъ для той же цѣли какъ у академій, такъ и у семинарій была посылка студентовъ въ лучшія изъ своихъ же русскихъ учебныхъ заведеній. Замѣчательной новостью было то, что такіе кандидаты на учительство стали посылаться теперь уже не въ одни только духовныя заведенія, но и въ свѣтскія, которыя съ теченіемъ времени успѣли значительно усовершенствовать свои курсы и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стать выше духовныхъ. Самъ м. Платонъ, утверждавшій, что не духовные у свѣтскихъ, а напротивъ свѣтскіе у духовныхъ должны учиться, охотно допускалъ, чтобы его студенты „собирали плодъ познаній и съ цвѣтовъ свѣтской учености“ въ московскомъ университетѣ и филологической семинаріи Дружескаго Общества, и этимъ путемъ успѣлъ приготовить довольное число хорошихъ наставниковъ какъ для своей московской академіи, такъ и для троицкой семинаріи,

(1) Ист. Р. іер. I, 496. Кіевъ *Аскоченскаго*, II, 344. 346.

особенно по классамъ новыхъ языковъ. Таковы были: Павелъ Пономаревъ, Серафимъ Глаголевскій, Михаилъ Десницкій, Аполлосъ Байбаковъ и другія менѣе извѣстныя лица. Для того, чтобы такіе студенты не уклонялись потомъ отъ духовной службы, съ нихъ брали подписки въ томъ, что они непремѣнно останутся въ дух. званіи, съ тою же цѣлію въ теченіи всего времени ихъ обученія въ свѣтскихъ заведеніяхъ они продолжали числиться въ академическихъ или семинарскихъ спискахъ наличными студентами, т. е. не увольнялись изъ своихъ дух. заведеній, а многіе даже и на самомъ дѣлѣ продолжали слушать лекціи того класса, къ которому принадлежали. Въ 1787 г., отпустивъ 9 студентовъ на три года въ филологическую семинарію, Платонъ предложилъ Дружескому Обществу два условія: 1) чтобы эти студенты продолжали слушать богословскія лекціи въ академіи, 2) „если кто изъ нихъ для производства въ учители въ наши семинаріи нужнымъ окажется, таковаго чтобъ и прежде трехлѣтняго времени взять было мнѣ не возбранно“ (1). При м. Самуилѣ въ московскій университетъ въ тѣхъ же видахъ было отправлено нѣсколько студентовъ изъ кіевской академіи, главнымъ образомъ для изученія русскаго языка и словесности, знаніе которыхъ въ академіи стояло очень низко. Были примѣры подобной же посылки студентовъ въ университетъ и изъ семинарій. Такъ. Амвросій Подобѣдовъ казанскій, желая возвысить уровень образованія въ своей семинаріи, сдѣлалъ распоряженіе о посылкѣ нѣсколькихъ студентовъ для приготовленія къ учительству въ троицкую и невскую семинаріи, въ академію и въ московскій университетъ (2). Въ тѣхъ же видахъ въ

(1) Ист. моск. акад. 350. См. также списки учителей въ Ист. этой академіи и троицк. семинаріи. Ист. петерб. акад. 80—84

(2) Кіевъ *Аскоченскаго* II, 342. Ист. кіевск. акад. 174.

(3) Ист. Росс. іер. I, 579. Христ. Чт. 1857 г. сентябрь: Амвр. Подобѣдовъ.

московскомъ университетѣ обучалось нѣсколько лучшихъ студентовъ изъ смоленской семинаріи; преосв. Парѳеній смоленскій содержалъ ихъ тамъ обыкновенно на свой счетъ. Воронежскій епископъ Тихонъ III послалъ двоихъ студентовъ въ Москву слушать лекціи какъ въ академіи, такъ и въ университетѣ; однимъ изъ этихъ студентовъ былъ знаменитый послѣ нашъ ученый іерархъ Евгеній Болховитиновъ (1). Надобно впрочемъ замѣтить, что подобныхъ примѣровъ было очень немного. Епархіальныя начальства вполнѣ довольствовались учителями, получившими образованіе только въ лучшихъ дух. заведеніяхъ, да кромѣ того находили свѣтскія заведенія несовсѣмъ надежными для обученія своихъ семинаристовъ, потому что послѣдніе часто уходили изъ нихъ въ свѣтскую службу; изъ опасенія такой непроизводительной траты семинарскаго кошта и въ предотвращеніе ущерба духовной службѣ архіереи, какъ мы это видѣли изъ письма Дамаскина нижегородскаго къ м. Платону, не пускали въ университетъ даже такихъ юношей, которые сами туда просились.

Изъ духовныхъ заведеній приготовленіемъ кандидатовъ на учительскія должности болѣе всего ознаменовали себя заведенія м. Платона, — московская академія и троицкая семинарія. Южнорусскія школы, харьковскій коллегіумъ и кіевская академія, хотя по старой памяти все еще продолжали снабжать семинаріи учителями, но уже далеко не въ томъ количествѣ, какъ прежде, когда великорусскія школы только лишь формировались подъ руководствомъ малороссійскихъ ученыхъ. Во второй половинѣ XVIII столѣтія кіевская академія должна была уступить пальму ученаго первенства не только своей младшей соперницѣ — академіи московской, но и нѣкоторымъ лучшимъ семинарі-

(1) Сборн. матеріаловъ для біогр. Евгенія, стр. 31—32. Воронеж. епарх. вѣд. 1863 г. № 2. Опис. смол. епарх. 130.

ямъ (1) Число учениковъ ея замѣтно уменьшилось, особенно въ высшихъ классахъ, тогда какъ въ московской академіи возросло почти впятеро (2). Вмѣстѣ съ академіею высокой ученой репутаціею пользовалась любимая и возвышенная Платономъ троицкая семинарія. Архіереи наперерывъ добивались его согласія на то, чтобы ихъ лучшіе студенты довершали свое образованіе въ его заведеніяхъ, какъ самыхъ лучшихъ въ Россіи. Иногородныя семинаріи, по словамъ историка троицкой семинаріи, „считали себя счастливыми, если получали учителя изъ троицкой семинаріи, которая снабжала ими Тверь, Новгородъ, Псковъ, Кострому, Ярославль Казань, Владиміръ, Калугу, Тулу и др. города". Если иной семинаріи почему нибудь нельзя было раздобыться постояннымъ учителемъ изъ лавры, то вызывался оттуда учитель на время, наприм. на годъ, съ тою цѣлію, чтобы онъ сообщилъ по крайней мѣрѣ направленіе ходу ученія, затѣмъ лавра вызывала его обратно къ себѣ (3). Всегда внимательный къ дѣлу духовной науки, Платонъ самъ лично подбиралъ у себя составъ академическихъ и семинарскихъ преподавателей, входилъ во всѣ мелочи ихъ службы, поощрялъ и направлялъ ихъ труды и дѣйствительно довелъ свои школы до возможнаго въ то время совершенства, такъ что онѣ считались образцовыми и возбуждали самые лестные отзывы со всѣхъ сторонъ, даже за границей (4). Второе мѣсто послѣ Платоновыхъ школъ въ дѣлѣ приготовленія семинарскихъ учителей занимала семинарія петербургская, особенно послѣ того, какъ въ 1788 г. переименована была въ главную съ прямымъ назначеніемъ приготовлять наставниковъ для семинарій наравнѣ съ академіями. Для семинарій бли-

(1) Кіевъ *Аскоч.* II. 344.

(2) Ист моск. акад. 264.

(3) Ист. троицк сем. 547—548.

(4) Тамъ же 480—485.

жайшихъ къ Казани нерѣдко доставляла учителей казанская семинарія, особенно со времени управленія казанскою епархіею Амвросія Подобѣдова, когда по словамъ уже цитованнаго нами автора, она „не имѣла уже нужды заимствовать учителей изъ другихъ мѣстъ, но по справедливости хвалилась, что могла другимъ ихъ давать". Наконецъ въ 1798 г. произведено было извѣстное раздѣленіе семинарій на четыре академическихъ округа, причемъ св. Синодъ обязалъ епархіальныхъ архіереевъ,—„избирая изъ семинарій своихъ лучшихъ учениковъ, чрезъ два года, присылать ихъ въ окружныя академіи по два человѣка, такъ, чтобы когда прежде посланные поступятъ въ богословію, другіе поступали въ философію, почему и будетъ изъ каждой семинаріи обучаться въ академіи по четыре человѣка" (1).

Архіереи охотно пользовались указанными средствами къ образованію своихъ школьныхъ учителей, вслѣдствіе чего во всѣхъ приспособленныхъ къ этой цѣли заведеніяхъ число иноепархіальныхъ учениковъ всегда было значительно, даже еще раньше, чѣмъ посылка ихъ туда объявлена была обязательною. Тѣмъ не менѣе впрочемъ въ общей сложности оно, кажется, никогда не доходило до указной величины (по два съ епархіи) ни въ петербургской главной семинаріи, ни даже послѣ 1798 г. въ окружныхъ академіяхъ. Причиною этого была та же скудость матеріальныхъ средствъ, которая парализовала всѣ вообще попытки къ улучшенію дух. школъ. И посылка такихъ студентовъ въ высшее заведеніе и содержаніе ихъ тамъ производились на счетъ самихъ же семинарій и стоили имъ весьма не дешево. На казенное содержаніе студенты принимались только въ семинаріи петербургской, да еще нѣкоторое время въ троицкой; въ 1779 г. Платонъ замѣтилъ, что вслѣдствіе такой щедрости къ чу-

(1) П. С. З. XXV, 18726.

жимъ семинаристамъ семинарія должна была стѣснять-ся въ средствахъ помогать многимъ достойнымъ воспи-танникамъ своей собственной епархіи, и началъ огра-ничивать пріемъ ихъ на бурсу, а въ 1787 и 1789 гг. запретилъ вовсе (*). При открытіи окружныхъ акаде-мій предполагалось было возложить на семинаріи толь-ко расходы по проѣзду и обмундированію студентовъ, а дальнѣйшее содержаніе послѣднихъ въ теченіе ака-демическаго курса предоставить самимъ академіямъ, но предположеніе это не приводилось въ исполненіе до 1807 г., когда св. Синодъ указомъ 7 марта поста-новилъ принимать на казенное содержаніе всѣхъ ака-демическихъ студентовъ, не исключая и иноепархіаль-ныхъ. Сумма, расходовавшаяся семинаріями на каж-даго своего питомца въ академіи, простиралась обык-новенно до 60 р. въ годъ, но по бѣдности семинаріи могла спускаться и ниже этой цифры,—рублей до 40 (*). Мы знаемъ, что такіе оклады были не изъ послѣднихъ даже между самими учителями, и можемъ поэтому су-дить о тяжести ихъ для семинарской экономіи. Встрѣ-чаемъ примѣры, что, щадя скудость послѣдней, епар-хіальныя начальства для покрытія этого рода расхо-довъ принуждены бывали обращаться къ тому же из-вѣстному намъ епархіальному источнику, который отвѣ-чалъ за всѣ вообще нужды школьной братіи,—къ до-ходамъ отъ праздныхъ церковныхъ мѣстъ. Вотъ на-прим. одна резолюція Димитрія смоленскаго (отъ 1805 г.) на просьбу двухъ смоленскихъ учениковъ, учившихся въ московской академіи, о прибавкѣ къ скудному окладу на ихъ содержаніе (получали по 40 р. въ годъ): „студенты сіи могутъ просить о предоставленіи за ни-ми священническихъ или діаконскихъ мѣстъ, и дохо-

(*) П. С. З. XXII, 16691. Ист. троицк. сем. 200, 228—229.

(*) Ист. моск. акад. 269. Ист. стар. казанск. акад. 145. Воронеж. еп. вѣд. 1868 г. № 2, стр. 49. Тамб. 1862 г. стр. 81. Смоленск. 1879 г., стр. 251 и 317.

дами, получаемыми отъ оныхъ, вмѣстѣ съ нынѣ получаемымъ ими жалованьемъ, должны довольствоваться, не требуя ничего болѣе отъ семинаріи" (1). Такихъ студентовъ съ предоставленными мѣстами было довольно во всѣхъ академіяхъ.

Понятно, что изъ какого нибудь 2000-наго или даже и 4000-наго оклада платить ежегодно до 240 р. (за четверыхъ студентовъ) для семинарій было весьма не легко, и потому неудивительно, что изъ экономіи онѣ не всегда старались имѣть при академіяхъ полное число такихъ дорогихъ стипендіатовъ, посылали ихъ рѣже и меньше надлежащаго, а иногда вызывали обратно къ себѣ еще до окончанія ихъ курса, чтобы поскорѣе воспользоваться ихъ учительскою службою. Частый уходъ учителей по истеченіи какихъ нибудь двухъ-трехъ лѣтъ со времени поступленія на службу дѣлалъ такое нарочитое приготовленіе ихъ въ высшихъ заведеніяхъ, разумѣется, еще болѣе невыгоднымъ и тяжелымъ. Архіереямъ правда удавалось иногда насильно удерживать ихъ на службѣ (2), но чаще всего приходилось только безплодно сожалѣть о потраченномъ на нихъ коштѣ, какъ не разъ жаловался на это даже самъ м. Платонъ, потому что, при многочисленныхъ вызовахъ ученыхъ людей на разнаго рода свѣтскія службы, удерживать ихъ на бѣдныхъ семинарскихъ окладахъ духовнымъ начальствамъ не было никакой возможности. Нерѣдко бывало и такъ, что пославши куда нибудь нѣсколько своихъ студентовъ для приготовленія къ учительству, семинаріи не успѣвали залучить ихъ къ себѣ обратно даже и на самое короткое время, потому что ихъ разбирали къ себѣ разныя вѣдомства на службу прямо изъ академій, которыя со всѣхъ сторонъ были осаждаемы вызовами студентовъ

---

(1) Смол. еп. вѣд. 1879 г. № 10, стр. 316—317. Странн. 1860 г. IX, 202—203.

(2) Ист. моск. акад. 373.

и, стараясь отъ этихъ вызововъ отдѣлаться повыгоднѣе для своихъ епархій, преимущественно отпускали отъ себя студентовъ иноепархіальныхъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ не смотря на всѣ попеченія высшей власти и епархіальныхъ начальствъ, составъ духовно-училищныхъ преподавателей улучшался очень медленно и далеко не въ той мѣрѣ, какъ это предполагалось въ началѣ училищныхъ реформъ при Екатеринѣ. Отъ начала 1790-хъ гг. до насъ дошли весьма неблагопріятные отзывы о составѣ учителей даже въ главной невской семинаріи. Извѣстный воспитанникъ ея И. И. Мартыновъ, явившись въ нее для высшаго образованія изъ Полтавы, былъ непріятно разочарованъ преподаваніемъ самыхъ главныхъ ея наставниковъ. Одинъ изъ нихъ, іеромонахъ Павелъ, читавшій философію, „былъ большой схоластикъ и принадлежалъ къ числу тѣхъ старыхъ ученыхъ, которые незнаніе свое прикрывали лишь латинскимъ языкомъ и важностію сана. Другой (архим. Иннокентій, читавшій богословію) заикался и во весь двухгодичный курсъ былъ въ классѣ не болѣе 10 разъ и, указывая на сочиненіе Ѳеофана Прокоповича, состоящее изъ трехъ большихъ томовъ на латинскомъ языкѣ, довольствовался одною остротою: „сіе море великое и пространное, но тамо гады, имже нѣсть числа“ (1). Этотъ по крайней мѣрѣ скоро былъ уволенъ и навсегда сошелъ съ ученаго поприща, но первый въ 1792 г. сдѣланъ былъ префектомъ въ московской академіи. Другой воспитанникъ той же семинаріи и того же времени, М. М. Сперанскій разсказывалъ, что нѣкоторыхъ преподавателей вовсе не стоило слушать; былъ одинъ такой, который или былъ пьянъ или трезвый проповѣдывалъ ученикамъ Вольтера и Дидро и котораго Сперанскому безпрестанно приходилось за-

(1) См. Біограф. Мартынова въ Соврем. 1856 г. III, 9.

мѣнять на урокахъ въ частныхъ домахъ (1). Можно судить по этимъ отзывамъ о томъ, какъ медленно должно было идти улучшеніе состава преподавателей въ другихъ менѣе видныхъ и менѣе богатыхъ семинаріяхъ, особенно же въ нисшихъ школахъ.

Къ учительству въ нисшихъ школахъ, а равно и въ нисшихъ классахъ семинарій приглашались почти такія же лица, какъ и въ прежнее время, большею частію изъ мѣстныхъ семинаристовъ, даже не кончившихъ курсъ. До позднѣйшаго времени въ самихъ академіяхъ сохранялся обычай поручать преподаваніе въ этихъ классахъ ученикамъ классовъ высшихъ—богословіи, философіи и риторики,—это было самое обычное начало учительской карьеры и семинарскихъ и академическихъ преподавателей. Архіереи въ родѣ м. Платона считали такое порученіе преподаванія ученикамъ лучшимъ способомъ къ образованію изъ нихъ опытныхъ учителей и прибѣгали къ нему всякій разъ, какъ только замѣчали какого нибудь даровитаго воспитанника, на котораго можно было разсчитывать впереди, какъ на хорошаго учителя (2). Учителей съ высшимъ образованіемъ въ этихъ нисшихъ школахъ и классахъ, по крайней мѣрѣ до класса высшей грамматики, почти вовсе не видимъ за исключеніемъ развѣ столичныхъ епархій. Да и въ семинарскихъ классахъ, начиная съ пиитики, въ болѣе замѣтномъ числѣ они начинаютъ являться уже не ранѣе, какъ послѣ учрежденія окружныхъ академій, въ которыя семинаріи должны были посылать своихъ кандидатовъ на учительство обязательно. До этого времени вызовы учителей со стороны производились только въ случаяхъ какой нибудь особенной въ нихъ надобности, наприм. для открытія новыхъ классовъ, для которыхъ своихъ учителей въ семинаріи еще не было, или для того, чтобы дать но-

(1) Жизнь графа Спер—го *Корфа*, стр. 26.
(2) Ист. троицк. сем. 547.

вое лучшее направленіе ходу ученія и т. п. Съ своей стороны академіи и равнявшіяся съ ними семинаріи, дорожа своими все еще очень рѣдкими тогда богословами, внимательно разбирали, въ какую семинарію требуются новые учители, въ полную съ богословскимъ курсомъ, или неполную, и въ семинаріи перваго рода посылали богослововъ, а въ неполныя старались назначать философовъ или риторовъ, даже иногда только на время, съ обязательствомъ, что по миованіи въ нихъ надобности они снова ворогятся въ свое заведеніе для окончанія курса (1). Подобнаго рода воздержность высшихъ школъ въ разсылкѣ своихъ студентовъ по чужимъ семинаріямъ была одной изъ самыхъ главныхъ причинъ того, что при усилившейся потребности въ хорошо подготовленныхъ учителяхъ епархіальныя и семинарскія начальства стали болѣе прежняго заботиться о посылкѣ въ эти заведенія своихъ собственныхъ воспитанниковъ, на которыхъ въ дѣлѣ замѣщенія учительскихъ вакансій могли разсчитывать вѣрнѣе, чѣмъ на чужихъ. Но, раздобывшись такимъ образомъ нѣсколькими наиболѣе нужными учителями, безъ которыхъ уже вовсе нельзя было обойтись, они обыкновенно прекращали свои заботы о подобныхъ дорогихъ посылкахъ учениковъ, иногда на очень долгое время, довольствуясь при замѣщеніи учительскихъ каѳедръ молодыми талантами, которые успѣвали образовываться на мѣстѣ, дома, подъ руководствомъ прежде подготовленныхъ учителей. Отъ того въ спискахъ учителей разныхъ семинарій, послѣ перваго же выпуска учениковъ, кончившихъ полный богословскій курсъ, мы постоянно встрѣчаемъ имена все мѣстныхъ уроженцевъ и воспитанниковъ. Семинаріи даже хвалились тѣмъ, что могли поддерживать свою науку своими собственными силами и „не имѣли нужды заимствовать учителей изъ другихъ мѣстъ“. Такъ про-

(1) Тамъ же 548. Ист. моск. акад. 377.

изводилось замѣщеніе учительскихъ вакансій до того самаго времени, когда кончили курсъ первые воспитанники окружныхъ академій; съ этого времени, т. е. уже съ начала текущаго столѣтія, учители академисты стали умножаться по семинаріямъ довольно быстро, прибывая чрезъ каждые два года по академическимъ выпускамъ. Понятно, что при такомъ составѣ учительскихъ корпорацій исключительно изъ мѣстныхъ воспитанниковъ, безъ прилива новыхъ элементовъ со стороны, наука той или другой частной семинаріи должна была иногда подолгу вращаться въ одномъ и томъ же кругу, намѣченномъ для нея откуда нибудь вызванными первыми заправителями ея.

Въ числѣ препятствій къ улучшенію состава учителей нельзя не указать еще на продолжавшееся доселѣ прежнее отсутствіе въ учительскихъ занятіяхъ всякой спеціальности. Каждый учитель по старому долженъ былъ начинать свою службу съ низшаго класса и затѣмъ, по мѣрѣ своихъ заслугъ, болѣе или менѣе быстро, но постепенно переводился въ высшіе классы. Въ качествѣ исключенія изъ этого общаго правила можно указать развѣ только на то, что нѣкоторые болѣе ученые люди изъ академистовъ въ началѣ своей службы были опредѣляемы не въ самые низшіе классы, а наприм. прямо въ высшую грамматику, и оставались здѣсь менѣе продолжительное время, такъ какъ начальство спѣшило воспользоваться ихъ знаніями для преподаванія болѣе важныхъ наукъ; но и изъ этихъ привиллегированныхъ учителей рѣдкій не былъ преподавателемъ въ низшихъ классахъ еще во время своего собственнаго обученія въ семинаріи или академіи. Распредѣленіе учителей по классамъ измѣнялось поэтому въ началѣ каждаго учебнаго года. Представляя архіерею программу занятій на предстоящій годъ, семинарское начальство обыкновенно вмѣстѣ съ ней представляло также именной списокъ преподавателей съ обозначеніемъ, кто изъ нихъ въ какомъ классѣ и что имѣетъ преподавать, при

чемъ, если въ семинаріи открывалась какая нибудь учительская вакансія, на нее представлялся слѣдующій по порядку учитель, на его мѣсто слѣдующій за нимъ и т. д. до нисшаго класса, а сюда рекомендовался уже новый кандидатъ на учительство. Отъ Заведеннаго порядка такихъ представленій и семинарскія и епархіальныя начальства отступали только развѣ изъ какихъ нибудь особенныхъ побужденій, которыя сейчасъ же и объясняли, чтобы не подать повода къ обвиненію въ несправедливомъ пренебреженіи къ служебнымъ заслугамъ неповышенныхъ учителей. Въ 1803 г. въ Тулѣ умеръ учитель риторики; на мѣсто его слѣдовало перевести учителя піитики, но переведенъ былъ учитель высшей грамматики, такъ какъ учитель піитики, какъ гласило опредѣленіе консисторіи, оказался большимъ піитой: „хотя по порядку и слѣдовало на мѣсто умершаго риторическаго класса учителя перевести поэзіи учителя каѳедральнаго протоіерея Василія Протопопова, но поелику онъ протоіерей большую способность имѣетъ въ преподаваніи піитической науки и съ большею пользою можетъ обучать тотъ піитическій классъ: почему и оставить его протоіерея при той учительской должности, въ риторическій же классъ учителемъ перевести высшаго грамматическаго класса учителя Никиф Четрековскаго, который къ сему признается способнымъ". На это опредѣленіе послѣдовала такая резолюція архіерея: „поступить по сему; но каѳедральному протоіерею, у коего отнюдь не отнимаемъ мы справедливости и преимущества, прибавить 25 р. къ получаемому имъ годовому жалованью, тѣмъ паче, что поэзія, какой обучаетъ онъ протоіерей, есть высшая риторика" (1). Подобныя опредѣленія показываютъ, что на учительство въ томъ или другомъ классѣ и теперь еще продолжали смотрѣть, какъ на служебную степень или чинъ. Съ нимъ соединялись извѣстныя служебныя преимущества и извѣстный окладъ

(1) Тульск. епарх. вѣд. 1862 г. № 15, стр. 149.

жалованья. Съ служебно-административной точки зрѣнія такая промоція учителей конечно имѣла не малое значеніе, служа довольно дѣйствительнымъ средствомъ къ поощренію учителей и къ удержанію ихъ на службѣ, но съ учебно-педагогической стороны представляла очевидныя невыгоды, такъ какъ при постоянномъ практикованіи ея семинаріи могли имѣть наставниковъ все только начинающихъ и ни одного такого, который бы могъ сдѣлаться настоящимъ спеціалистомъ своего предмета и пріобрѣсти въ преподаваніи его извѣстную степень опытности.

Къ тѣмъ же результатамъ вели чрезвычайное обремененіе учителей классными занятіями и соединеніе въ рукахъ одного преподавателя нѣсколькихъ предметовъ вразъ. Число учителей противъ прежняго времени увеличилось, такъ что уже въ рѣдкой семинаріи видимъ ихъ менѣе 7, а подъ конецъ описываемаго времени, когда въ семинаріяхъ введено было преподаваніе медицины и открыты русскія школы, менѣе 9 человѣкъ, но зато увеличилось и число преподаваемыхъ предметовъ, такъ что въ концѣ концовъ каждый преподаватель имѣлъ занятій нисколько не менѣе, чѣмъ въ прежнее время, когда учители, по сознанію самихъ епархіальныхъ начальствъ, пребывали „въ невыносныхъ трудахъ“. По извѣстнымъ намъ расписаніямъ классовъ ученье ежедневно начиналось съ 8, а для низшихъ классовъ съ 7 часовъ утра и шло до 12—11, затѣмъ послѣ обѣда продолжалось съ 2 часовъ до 4, за исключеніемъ субботъ, вторниковъ и четвериовъ, когда общаго ученія послѣ обѣда не полагалось, а назначались экстраординарные классы, наприм. классы медицины, необязательныхъ новыхъ языковъ и т. п. Учители главныхъ предметовъ должны были преподавать ихъ каждый день по 2 (богословію и философію) и даже по 4 часа (риторику и латинскую грамматику), кромѣ того посвящать по нѣскольку часовъ въ недѣлю на практическія классныя же упражненія учениковъ (въ проповѣдяхъ, разборѣ диссертацій, въ со-

чиненіяхъ и переводахъ). Для второстепенныхъ предметовъ назначалось по 2—3 двухчасовыхъ уроковъ въ недѣлю. Но такъ какъ большая часть этихъ предметовъ преподавалась тѣми же наставниками предметовъ главныхъ, то и выходило, что эти наставники должны были проводить въ классахъ чуть не всѣ учебные часы ежедневно, обучая семинарское юношество самымъ разнообразнымъ наукамъ и языкамъ, которые имъ и самимъ мудрено было изучить по недостатку времени. Представляемъ примѣръ изъ сохранившихся до насъ извѣстій по учительской дѣятельности въ Воронежѣ Евгенія Болховитинова. Когда онъ былъ учителемъ риторики съ 1789 г., онъ имѣлъ уроки ежедневно съ ¾8 до 10 ч. утра по системѣ риторики, потомъ послѣ обѣда ежедневно, кромѣ субботы, отъ ¾ 2 до 4 часовъ знакомилъ учениковъ съ образцами краснорѣчія чрезъ чтеніе лучшихъ авторовъ, разборъ ихъ и опыты подражанія избраннымъ отрывкамъ, кромѣ того въ „отдохновенное время“ занимался чтеніемъ и разборомъ ученическихъ сочиненій, — по одному въ двѣ недѣли. Вмѣстѣ съ риторикой онъ преподавалъ еще французскій языкъ, уроки котораго были тоже ежедневно отъ 10 до 11 часа. Въ 1790 г. его перевели съ риторики на богословію съ порученіемъ нѣкоторое время читать и философію. Уроки богословскіе преподавались имъ каждый день, кромѣ субботы, отъ 8 до 10 ч. и послѣ обѣда, кромѣ среды и субботы, отъ 2 до 4; въ субботу утренніе часы посвящались богословскимъ диспутамъ, которыми руководилъ онъ же. Философскіе уроки занимали вѣроятно столько же времени. Сочиненій по тому и другому предмету было по 2 въ мѣсяцъ. Въ 1797 г. на богословію опредѣленъ былъ новый учитель, ректоръ семинаріи игуменъ Іустинъ; послѣ этого Болховитинову поручено было преподавать св. Писаніе, церковную исторію и греческій языкъ; толкованіе св. Писанія производилось имъ по четвергамъ и пятницамъ по 2 часа послѣ обѣда, церковная исторія читалась въ теченіи 11 и 12 ч. утра въ среду и

3—5 въ понедѣльникъ и вторникъ послѣ обѣда, греческіе же классы были ежедневно, кромѣ среды и субботы, послѣ же обѣда отъ 4 до 6 часа; кромѣ того онъ въ тоже время былъ префектомъ... и за все это получалъ жалованья 250 р. въ годъ (1).

Изъ той же біографіи Евгенія, въ которой находятся эти свѣдѣнія, можно видѣть и то, какими затрудненіями сопровождалось замѣщеніе подобныхъ многосложныхъ каѳедръ, когда онѣ дѣлались вакантными. Въ 1784 г. умеръ отъ чахотки учитель философіи іеромонахъ Палладій. Архіерей Тихонъ рѣшился вызвать на его мѣсто одного прежняго учителя, Стеф. Товарищенкова, бывшаго тогда уже протоіереемъ въ слободѣ Бѣлогорьѣ. Но Товарищенковъ нашелъ для себя такое назначеніе невыгоднымъ и архіерей иначе могъ его уломать, какъ только дозволивъ ему преподавать философію въ самой слободѣ, куда для слушанія его переведены были изъ семинаріи и всѣ философы. Въ томъ же году по указу Синода пришлось открыв ть въ семинаріи новый классъ, греческій, потребовавшій новаго учителя. Выборъ архіерея остановился на единственномъ знатокѣ этого языка въ епархіи, лебедянскомъ іеромонахѣ Транквиллинѣ, который прежде преподавалъ въ семинаріи реторику, а теперь жилъ на покоѣ. Преосв. Тихонъ перевелъ его въ воронежскій Акатовъ монастырь, въ этомъ же монастырѣ открылъ при немъ и греческій классъ. Такимъ образомъ вся семинарія распалась на три части, одинъ классъ ея былъ въ Бѣлогорьѣ, другой въ Акатовомъ монастырѣ, остальные на своемъ мѣстѣ при архіерейскомъ домѣ. Такія затрудненія при замѣщеніи учительскихъ вакансій были тогда едвали не главнымъ поводомъ къ упомянутой нами посылкѣ двоихъ воронеж-

(1) Воронеж. епарх. вѣд. 1868 г. № 2.

скихъ учениковъ въ Москву для приготовленія къ учительству (1).

Особенно трудно было пріискивать кандидатовъ на высшія школьныя должности ректора и префекта, соединявшіяся обыкновенно съ учительствомъ въ богословскомъ и философскомъ классѣ и требовавшія отъ кандидатовъ монашескаго сана. Мы видѣли, что въ 1750-хъ гг. малорусскіе ученые и іерархи успѣли уже крѣпко утвердить господство ученыхъ монаховъ во всѣхъ дух. школахъ. Господство это не поколебалось и во второй половинѣ XVIII столѣтія, не смотря на то, что духъ новаго времени вообще былъ далеко не въ пользу монашества. Отбирая въ казну монастырскія вотчины и во множествѣ закрывая самые монастыри, правительство держалось весьма благосклонно въ отношеніи къ монахамъ ученымъ, охотно давало имъ разныя привиллегіи и отличія предъ другими монахами и передъ бѣлымъ духовенствомъ, утверждало за ними монополію на всѣ высшіе іерархическіе посты и настоятельскія должности по монастырямъ (2) и во всѣхъ случаяхъ смотрѣло на нихъ, какъ на исключеніе между другими монахами. Штатное жалованье по учебной службѣ и жизнь внѣ монастырей при школахъ сами по себѣ освобождали ихъ отъ всѣхъ требованій монашескаго общежитія; кромѣ того въ 1766 г. былъ изданъ особый указъ, подтверждавшійся потомъ нѣсколько разъ, которымъ (въ отмѣну прежнихъ указовъ) за монашествующими властями или, что почти одно и тоже, за монахами изъ ученыхъ признавалось право духовныхъ завѣщаній, т. е. утверждалось право частной собственности (3). Такъ создался совершенно особый привиллетированный классъ мона-

(1) Тамъ же примѣч. стр. 46.
(2) П. С. 3 № 12332. 13632.
(3) Тамъ же №№ 12389, 12577, 16684, 17488.

шества, нѣчто въ родѣ особаго ордена, для котораго общіе монашескіе обѣты составляли только внѣшнюю форму, а главное, существенное заключалось въ его спеціальномъ ученомъ и административномъ назначеніи и который занялъ такое же монопольно-господственное положеніе и въ іерархіи и въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ, какое въ первой половинѣ XVIII столѣтія занимали монахи-черкасы. Но какъ ни милостиво было къ ученымъ монахамъ правительство, какъ ни крѣпко они держались за свое господство въ дух. школахъ, число ихъ было далеко недостаточно для замѣщенія всѣхъ школьныхъ вакансій, по принятому порядку требовавшихъ именно этого рода кандидатовъ, и кромѣ того годъ отъ году все убывало, не смотря на всѣ усилія къ восполненію его со стороны разныхъ ревнителей ученаго монашества изъ іерарховъ. Ударъ, нанесенный монашеству въ 1760-хъ годахъ, не могъ не отразиться и на монашествѣ ученомъ, какъ послѣднее ни ограждалось отъ него своими привиллегіями.

Болѣе всѣхъ іерарховъ поддержанію и усиленію ученаго монашества содѣйствовалъ м. Платонъ, который самъ былъ полнымъ его представителемъ. Еще будучи ректоромъ семинаріи, на вопросъ императрицы, за чѣмъ онъ пошелъ въ монахи, онъ высказался, что „избралъ монашескую жизнь по особой любви къ просвѣщенію". Въ тѣхъ же видахъ духовно-учебной пользы, замѣчаетъ по этому поводу авторъ Исторіи троицкой семинаріи, дѣлалъ онъ внушенія о постриженіи и учителямъ семинаріи. Жизнь эта очевидно оцѣнивалась имъ не столько съ ея наиболѣе существенной, нравственной стороны, сколько со стороны ея удобствъ для научныхъ занятій; понятно, что и призваніе къ ней распознавалось не столько по желанію и способности человѣка вмѣстить сопряженные съ ней нравственные обѣты, сколько по его склонности и способности къ занятіямъ научнымъ,—отъ того, замѣтивъ за какимъ нибудь учителемъ или студентомъ качества нужныя для ученой карьеры и сколько нибудь сносное

поведеніе, митрополитъ, уже не сумнясь, послѣ этого предлагалъ ему монашество, даже въ очень рѣшительномъ тонѣ, тогда какъ менѣе талантливымъ студентамъ иногда самъ отказывалъ въ просьбѣ о постриженіи, хотя бы они отличались удовлетворительными для монашества нравственными качествами. Начало его дѣятельности въ этомъ родѣ относится еще къ тому времени, когда извѣстная намъ борьба великорусской партіи духовенства съ малороссійскою была въ самомъ разгарѣ и постриженіе молодыхъ людей изъ ученыхъ великоруссовъ производилось съ самой усиленной энергіей, направляясь между прочимъ къ практической цѣли усиленія великорусской партіи ученаго монашества. Въ 1762 г. при его ректорствѣ въ троицкой семинаріи не было ни одного учителя немонаха. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно оставался вѣренъ своему убѣжденію въ высокомъ призваніи ученаго иночества и старался усердно увеличивать число его членовъ, пользуясь для того всѣми средствами своего вліянія и власти. При назначеніи кандидатовъ на учительскія должности онъ всегда отдавалъ предпочтеніе тѣмъ, которые изъявляли желаніе принять постриженіе, и поощрялъ такихъ своимъ особеннымъ вниманіемъ и наградами. Наставникъ, подавшій прошеніе о постриженіи, немедленно переводимъ былъ въ высшій классъ и на высшій сравнительно съ другими наставниками окладъ жалованья. Лучшіе студенты склоняемы были къ монашеству еще въ теченіе своего курса и, разумѣется, рѣдко могли устоять противъ большею частію весьма сильныхъ настояній митрополита или дѣйствовавшаго по его распоряженію своего школьнаго начальства (1). Это привлеченіе къ иночеству лучшихъ силъ духовнаго юношества, производившееся съ большой энергіей и въ большихъ размѣрахъ и въ академіи и въ троицкой семинаріи во все время управ-

(1) Ист. троицк. сем. 145—148. 492—495.

ленія Платона московскою каѳедрою, составляло поэтому весьма важный интересъ въ жизни этихъ заведеній, а такъ какъ эти же заведенія были главными разсадниками учителей и для другихъ школъ, то получило кромѣ того интересъ, можно сказать, всероссійскій. Москва стала теперь такимъ же разсадникомъ ученаго иночества, какимъ прежде былъ до этого Кіевъ.

Митрополитъ могъ справедливо гордиться успѣхами въ достиженіи цѣли своихъ завѣтныхъ стремленій; онъ видѣлъ, какъ сыны и сыны сыновъ его по постриженію непрерывной вереницей выходили одинъ за другимъ изъ его любимыхъ школъ и расходились по всей Россіи, занимая важнѣйшіе учебные и іерархическіе посты и всюду пронося просвѣтительное вліяніе школъ московскихъ (1). Указывая на эти школы и на воспитавшуюся въ нихъ дружину своихъ монаховъ-платониковъ, онъ писалъ м. Амвросію въ 1805 г. предъ самымъ временемъ общей духовно-учебной реформы: „Объ училищахъ нужно разсуждать не по учрежденіямъ, а по успѣхамъ. Успѣхъ хорошъ, то видно и учрежденіе хорошо. Что на молодыхъ смотрѣть? Мы старики, да въ семъ дѣлѣ, кажется, и довольно опытные. Вотъ Меѳодій, Августинъ, Амвросій et cæt. Дай Богъ, чтобъ такіе и впредь выходили“ (2). Но съ другой стороны онъ не могъ не сознавать и того, что эта сформированная имъ дружина ученыхъ иноковъ еще слишкомъ мала для полнаго упроченія господства монашества не только во всемъ духовно-учебномъ вѣдомствѣ, но даже и въ самихъ московскихъ школахъ, а между тѣмъ число принимавшихъ постриженіе становилось съ каждымъ курсомъ все меньше и меньше и школьнымъ властямъ, занимавшимся вербо-

---

(1) Троицкая семинарія при Платонѣ дала русской церкви болѣе 30 архіереевъ, въ томъ числѣ 8 митрополитовъ; изъ академіи вышло 3 митрополита, 8 епископовъ и 11 архіепископовъ.

(2) Письма Платона, стр. 83.

ваніемъ новыхъ кандидатовъ ученаго иночества, приходилось все чаще и чаще обращаться для этого къ тѣмъ неблаговиднымъ побудительнымъ мѣрамъ, о которыхъ до насъ сохранились преданія (1). Еще въ въ 1766 г. отъ монашества отказался самъ префектъ лаврской семинаріи Ильинскій, — этого мало,— не пожелалъ даже быть посвященнымъ въ стихарь, а прямо причислился къ свѣтскому званію въ чинѣ титулярнаго совѣтника, и Платонъ все-таки цѣлыхъ 10 лѣтъ долженъ былъ терпѣть его на префектурѣ, пока не явился ему достойный преемникъ изъ монаховъ (Амвросій Серебрениковъ) (2). Послѣ этого уже нечего было и думать о возвращеніи того времени, когда въ той же семинаріи не только префектъ, но и учители всѣ были монахи. Подъ конецъ описываемаго времени Платонъ уже съ безпокойствомъ жаловался Амвросію, что ему самому негдѣ было брать монаховъ на учительство. Въ другихъ епархіяхъ, кромѣ развѣ петербургской, постриженіе кончившихъ школьный курсъ было вообще очень рѣдко. Даже сама кіевская академія стала оскудѣвать преподобми, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ Малороссіи введены были штаты и общіе съ великорусскими церковные порядки.

При такомъ недостаткѣ ученаго монашества его монополія на высшія семинарскія должности и каѳедры не могла не повести къ ощутительнымъ затрудненіямъ, весьма вреднымъ для учебно-педагогическаго дѣла, такъ какъ архіереямъ постоянно приходилось или оставлять эти должности и каѳедры вакантными, поручая исполненіе сопряженныхъ съ ними обязанностей другимъ лицамъ школьныхъ корпорацій, или замѣщать ихъ разными монахами, бывшими въ ихъ рас-

---

(1) Церк.-Общ. Вѣстн. 1880 г. № 4—5: О монашествѣ *Ростиславовѣ*.

(2) Ист. троицк сем. 400. 495.

поряженіи, далеко не изъ лучшихъ людей на духовно-училищной службѣ. Мы уже знаемъ наприм. отзывы современниковъ о монашествующихъ преподавателяхъ въ главной (петербургской) семинаріи, считавшейся образцовою и притомъ имѣвшей въ своемъ распоряженіи несравненно болѣе широкій выборъ монашествующихъ кандидатовъ на должности, чѣмъ какая нибудь другая семинарія, такъ какъ, кромѣ своихъ она могла получать ученыхъ монаховъ еще со стороны, по вызову изъ другихъ епархій. Должность префектовскую монашество такъ и не смогло удержать исключительно въ однихъ собственныхъ рукахъ, будучи нерѣдко вынуждаемо обстоятельствами предоставлять ее ученымъ лицамъ изъ бѣлаго духовенства и даже учителямъ свѣтскимъ. Послѣдніе попадали въ префекты даже въ такихъ семинаріяхъ, которыя считались первостепенными и приравнивались къ академіямъ, какъ наприм. въ троицкой семинаріи упомянутый префектъ Ильинскій, въ казанской — Иванъ Стефановичъ (1766—1775 г,) и Кодратъ Орловъ (1790—1795), въ петербургской—Сперанскій (1795 — 1796). Духовное начальство всегда впрочемъ старалось показать, что такіе случаи свѣтской префектуры допускаются имъ только въ качествѣ исключенія изъ общаго правила, по нуждѣ, заставляющей премѣнять законъ. Съ свѣтскихъ префектовъ раньше допущенія ихъ къ должности старались по крайней мѣрѣ взять завѣреніе о ихъ склонности къ монашеству и желаніи со временемъ принять оное. Если былъ въ семинаріи уже готовый монахъ, префектура непремѣнно вручалась ему помимо всѣхъ другихъ кандидатовъ, хотя бы даже противъ принятаго порядка служебной промоціи. Такъ, въ 1785 г. префектъ троицкой семинаріи Меѳодій возведенъ былъ въ ректоры; на его мѣсто по порядку слѣдовало перевести учителя реторики И. Рижскаго, который былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ лучшихъ тогда учителей (послѣ онъ былъ ректоромъ харьковскаго университета), и могъ считаться вполь-

нѣ достойнымъ этой промоціи, но такъ какъ онъ былъ человѣкъ свѣтскаго званія, то и получилъ послѣ Меѳодія одну учительскую должность по философской каѳедрѣ, соединявшуюся съ префектурой, а префектомъ сдѣланъ былъ только что постригшійся въ монахи учитель греческаго языка Иліодоръ, младшій по службѣ. Въ псковской семинаріи въ 1784 г. поставленъ былъ префектомъ нѣкто игуменъ Адріанъ; черезъ 2 года его выгнали изъ семинаріи за дурное поведеніе, но недостача монаховъ такъ была велика, что, при желаніи начальства имѣть префектомъ непремѣнно монаха, въ 1791 г. мы опять видимъ его въ той же должности (1).

Должность ректора уже исключительно была монашескою, такъ что для учителей свѣтскихъ и изъ бѣлаго духовенства, какъ бы они ни были талантливы и благонадежны, префектура была уже самой послѣдней ступенью служебныхъ промоцій, дальше которой ихъ не пускали. Званіе префекта оставалось за ними и въ тѣхъ случаяхъ, когда за неимѣніемъ ректоровъ они становились во главѣ семинарій и управляли ими на правахъ совершенно ректорскихъ. Таковы были префекты разныхъ семинарій въ первое время существованія послѣднихъ, когда ректуры по новости еще не отличались въ нихъ надлежащимъ постоянствомъ: въ костромской семинаріи И. И. Красовскій, начавшій свое управленіе семинаріею (1771 г.) еще въ свѣтскомъ званіи, потомъ (въ 1773 г.) получившій санъ протоіерея; въ словенской семинаріи полтавскій протоіерей Іоакимъ Яновскій (съ 1780 г.) и другой протоіерей Іоаннъ Балашинскій (съ 1798 г.), при которомъ эта семинарія переведена въ Новомиргородъ; въ нижегородской протоіерей Григорій Катунцевскій (1778—1794), четвертый правитель уже по

(1) Ист. троицк. сем. 508. Псковск. 98.

учрежденіи ректуры (1), и другіе, управлявшіе разными семинаріями еще до открытія въ нихъ ректуръ. Вслѣдствіе особаго довѣрія архіереевъ къ монахамъ встрѣчаемъ даже примѣры монашескихъ ректуръ фиктивнаго характера, какія бывали въ прежнее время, когда управленіе семинаріями ввѣрялось совершенно чуждымъ для нихъ людямъ изъ епархіальныхъ сановниковъ, даже изъ неученыхъ. При Тихонѣ III такимъ ректоромъ въ воронежской семинаріи былъ архимандритъ Акатова монастыря, хотя дѣйствительное управленіе семинарскими дѣлами все лежало на префектѣ и ректору совершенно нечего было въ ней дѣлать. Въ 1797 г. архимандритомъ сдѣлался Іустинъ и первый изъ ректоровъ взялъ на себя трудъ преподаванія богословія; но въ управленіе семинаріей за отдаленностію ея отъ монастыря не вступался и онъ, вѣдая одинъ только свой богословскій классъ, такъ что семинарія и при немъ продолжала жить сама по себѣ, съ однимъ своимъ префектомъ, а ректоръ съ своими богословами составлялъ что-то въ родѣ особой семинаріи. Надобно при этомъ замѣтить, что префектомъ тогда былъ такой человѣкъ, который цѣлыхъ 10 лѣтъ былъ настоящей душою всей семинаріи, былъ извѣстенъ съ наилучшей стороны и по ученой и по административной дѣятельности, и при которомъ въ такой фиктивной ректурѣ не было рѣшительно никакой надобности,—это былъ протоіерей Болховитиновъ (послѣ м. Евгеній) (2). Въ тульской семинаріи въ первое время по переводѣ ея изъ Коломны также номинально ректорствовалъ архим. Галактіонъ, извѣстный только своею опытностію въ строительномъ дѣлѣ, для котораго собственно и вызванъ былъ изъ Коломны; послѣ

(1) Педаг. Вѣстн. 1859 г. отд. 3, стр. 5—8. Полт. епарх. вѣд. 1863 г., стр. 103, 106. Ист. нижегор. семин. 16.

(2) Ворон. епарх. вѣд. 1868 г. № 2 и 3; въ статьѣ объ Евгеніи Болховитиновѣ.

него она 6 лѣтъ оставалась вовсе безъ ректора, а потомъ въ 1807 г. получила новаго такого же ректора, архим. Кипріана. Между тѣмъ въ тогдашнемъ составѣ ея учителей были такія духовныя лица, изъ которыхъ любое могло достойно занять ректорскую должность и безъ архим. Кипріана,—это были: префектъ протоіерей И. Покровскій, достойный товарищъ по петербургской семинаріи Сперанскаго, Ѳеофилакта Русанова, Мартынова и друг., каѳедральный протоіерей В. Протопоповъ изъ воспитанниковъ и учителей московской академіи, поэтъ и извѣстный въ Тулѣ проповѣдникъ, и третій, читавшій за ректора богословіе, священникъ Ненарокомовъ, изъ воспитанниковъ той же академіи, ревностный труженикъ науки, пользовавшійся необыкновеннымъ уваженіемъ учениковъ за деликатное съ ними обращеніе (1). Такъ было въ семинаріяхъ центральныхъ, находившихся вблизи академіи. Въ семинаріяхъ отдаленныхъ встрѣчалось, разумѣется, еще больше затрудненій въ достойномъ замѣщеніи ректуръ монахами. Въ иркутской семинаріи ректура открылась уже въ 1802 г. и первыми ректорами были: извѣстный своею ученостію и вмѣстѣ своими слабостями синологъ Іакинѳъ Бичуринъ, вскорѣ уволенный отъ должности по высочайшему повелѣнію съ запрещеніемъ священнослуженія, потомъ архим. Аполлонъ, наивный простакъ, котораго обманывали всѣ ученики, вовсе не занимавшійся дѣлами; управленіе семинаріей только и держалось трудами умныхъ и дѣятельныхъ префектовъ, М. Суханова (въ монаш. Иннокентія) и протоіерея П. Лавровскаго, изъ мѣстныхъ воспитанниковъ, доучивавшихся въ петербургской академіи (2). Съ конца XVIII столѣтія по мѣстамъ стали было наконецъ являться ректоры и изъ бѣлаго духовенства, изъ мѣстныхъ протоіереевъ, каковы были

(1) Тульск. еп. вѣд. 1862 г. № 15: Тульская семинарія.

(2) Ирк. еп. вѣд. 1879 г. № 42, стр. 494—496.

ректоры семинарій переяславской Ѳеодоръ Домонтовичъ, бѣлогородской Іоаннъ Савченко, харьковской Андрей Прокоповичъ и тамбовской Гавр. Шиловскій, но старая монашеская монополія крѣпко боролась противъ такого новшества и успѣла отстоять себя даже послѣ комитета 1808 г., который уже общимъ правиломъ положилъ назначать на ректуры достойныхъ лицъ какъ изъ чернаго, такъ и изъ бѣлаго духовенства совершенно одинаково.

Само собою понятно, что всѣ перечисленныя нами препятствія къ улучшенію личнаго состава школьной администраціи и учительскихъ корпорацій должны были имѣть весьма неблагопріятное вліяніе и на улучшенія по учебно-воспитательной части. Улучшенія эти повсюду производились очень медленно, съ долгими остановками и перерывами. Всякій разъ, какъ только вводилось по этой части что нибудь новое, главнымъ заправителямъ школъ, епархіальнымъ архіереямъ, прежде всего приходилось жаловаться на то, что имъ не кѣмъ взяться, что прежде, чѣмъ приступать къ затѣянному дѣлу, нужно еще откуда нибудь добывать, а то и самимъ образовывать годныхъ для него людей. А между тѣмъ новое просвѣтительное движеніе Екатерининскаго вѣка, захвативъ собою духовныя школы, потребовало для нихъ такой всесторонней реформы, которая для своего осуществленія нуждалась въ громадномъ числѣ рабочихъ силъ не только на высшихъ, но и на самыхъ низшихъ постахъ духовно-училищной службы, силъ при томъ же совершенно новыхъ и по своему развитію, какъ можно ближе, подходящихъ къ уровню чрезвычайно высокихъ современныхъ требованій. Очень неудивительно, что между этими требованіями, разными начальственными распоряженіями и школьными инструкціями, содержавшими въ себѣ самую, такъ сказать, теорію предпринимавшейся школьной реформы, и между ихъ практическимъ осуществленіемъ въ самой школьной жизни въ теченіе всего описываемаго времени существовалъ до

того мало примиримый разрывъ, что почти порознь приходится вести и самое изученіе той и другой стороны дѣла. Нельзя впрочемъ не замѣтить, что такая же разладица между теоріей и практикой, словомъ и дѣломъ, предпріятіемъ и исполненіемъ составляла господствовавшую черту и всей вообще жизни того вѣка, задававшейся постоянно самыми высокими задачами но не имѣвшей въ себѣ ни подготовки, ни силъ къ ихъ разрѣшенію, такъ что духовно-учебное вѣдомство въ этомъ отношеніи не представляло собою ничего особеннаго.

Самая теорія, идеи и требованія новыхъ школьныхъ реформъ въ духовномъ вѣдомствѣ были встрѣчены съ большимъ сочувствіемъ и усвоены быстро, такъ какъ въ средѣ главныхъ заправителей духовнаго образованія нашли для себя хорошо подготовленную почву. Время торжественнаго превозглашенія ихъ самимъ правительствомъ какъ разъ совпало съ тѣмъ важнымъ въ исторіи дух. образованія и въ исторіи самой іерархіи временемъ, когда знакомая намъ борьба великорусской партіи духовенства съ малорусскою склонялась уже къ концу въ пользу первой и на важнѣйшіе посты на іерархической и учебной службѣ, при содѣйствіи самого правительства, одинъ за другимъ стали выступать ученые люди изъ извѣстной намъ дружины великорусскихъ монаховъ, которая, какъ мы видѣли, начала формироваться еще въ царствованіе Елизаветы. Недовольная устарѣлыми убѣжденіями и клерикальными замашками черкасъ, Екатерина съ большимъ вниманіемъ отнеслась къ этимъ новымъ силамъ въ средѣ образованнаго духовенства и съ самаго же начала своего царствованія стала пользоваться ими, какъ лучшими орудіями для выполненія своихъ предначертаній относительно духовнаго вѣдомства. Это были все люди свѣжіе, хотя и воспитанные подъ ферулой черкасъ, но не имѣвшіе за душой тѣхъ застарѣлыхъ кіевскихъ преданій, которыя имѣли послѣдніе и которыя могли быть самымъ непріятнымъ тормозомъ

въ ходѣ церковныхъ реформъ, способные къ усвоенію всего новаго и живаго и готовые со всѣмъ усердіемъ и искренностію служить власти, которая впервые ихъ возвышала изъ недавняго приниженнаго ихъ положенія. Самая реакція ихъ противъ черкасъ, въ которой каждый изъ нихъ лично участвовалъ еще съ школьной скамьи, должна была тѣсно сближать ихъ въ воззрѣніяхъ на школьное дѣло съ проповѣдниками новой системы образованія, потому что система, какой въ свое время держались черкасы, была едва ли не самымъ типическимъ выраженіемъ тѣхъ устарѣлыхъ педагогическихъ понятій, противъ которыхъ эти проповѣдники полемизировали и въ противоположность которымъ развивали всѣ основныя правила своей новой системы. Поэтому, какъ только вопросъ о преобразованіи дух. школъ поднялся и правительство для рѣшенія его потребовало у духовныхъ властей предварительныхъ соображеній, соображенія эти, представленныя въ проектѣ комиссіи 1765 г., явились не чѣмъ инымъ, какъ самымъ близкимъ и почти дѣльнымъ приложеніемъ къ жизни дух. школъ тѣхъ самыхъ идей, какія именно и проповѣдовала новая система. Тѣже самыя идеи въ большей или меньшей полнотѣ проводились затѣмъ въ разныхъ мѣстныхъ распоряженіяхъ по устройству дух. школъ и разнаго рода школьныхъ инструкціяхъ, какія выдавались въ теченіе второй половины XVIII в. наиболѣе образованными и передовыми лицами изъ епархіальныхъ архіереевъ.

Всего симпатичнѣе были встрѣчены въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ тѣ положенія новой системы образованія, которыя касались вчастности школьнаго воспитанія. Учебная часть дух. школъ казалась сравнительно еще болѣе удовлетворительною и новыя общеобразовательныя требованія прилагались къ ней съ значительными ограниченіями, направлявшимися главнымъ образомъ къ тому, чтобы при всѣхъ перемѣнахъ и прибавленіяхъ въ семинарскомъ курсѣ въ интересахъ общаго образованія, непремѣнно сохранить и его

прежній сословно-профессіональный характеръ, признаваемый необходимымъ въ интересахъ церковной службы. Воспитательная же часть могла подчиниться новымъ педагогическимъ требованіямъ почти въ полномъ и чистомъ ихъ видѣ, тѣмъ болѣе что прежній строй ея, какой она имѣла во время суроваго господства черкасъ, давно уже составлялъ самое больное мѣсто въ жизни дух. школъ и былъ въ ней самымъ главнымъ возбудителемъ и поддержкой противочеркасской реакціи. Съ другой стороны и сама новая педагогія ставила учебную часть нѣсколько въ тѣни, на второмъ планѣ, и преимущественно останавливалась на „правилахъ воспитанія", которое считала главнымъ средствомъ къ достиженію своей высокой цѣли, — „созданія новой породы людей". О правилахъ этихъ столько говорилось и оффиціально, — сначала въ Наказѣ императрицы, затѣмъ въ многочисленныхъ распоряженіяхъ правительства и въ извѣстныхъ докладахъ стоявшаго во главѣ воспитательныхъ реформъ И. И. Бецкаго, и неоффиціально, — въ литтературныхъ произведеніяхъ, писавшихся впрочемъ тоже по мыслямъ правительства, и въ сочиненіяхъ самой Екатерины, что предметъ этотъ исчерпанъ былъ, можно сказать, во всѣхъ своихъ подробностяхъ и не усвоить такъ энергично внушаемыхъ современныхъ понятій о немъ было почти не возможно.

Внѣшняя сторона школьнаго воспитанія оставалась почти неизмѣнною во всемъ духовно-учебномъ вѣдомствѣ: повсюду оставался тотъ же личный составъ школьной инспекціи, — префекты, инспекторы, сеньоры, эфоры, цензоры и т. п.; повсюду также поддерживался замкнутый строй училищныхъ общежитій, который впрочемъ былъ совершенно согласенъ и съ новыми педагогическими понятіями, въ видахъ созданія новой породы людей стоявшими тоже за закрытыя учебныя заведенія; наконецъ повсюду оставались дѣйствующими и прежнія дисциплинарныя правила для учениковъ касательно распредѣленія времени на молитву, занятія,

пріемъ пищи, забавы и отдыхъ, касательно внѣшнихъ отношеній ихъ къ разнымъ высшимъ лицамъ школьной корпораціи и между собой, отлучекъ изъ комнатъ, отпусковъ изъ заведенія на вакатъ и т. д. Нѣкоторыя новыя инструкціи для семинарій, наприм. инструкціи м. Платона, развиваютъ эти правила даже еще съ бо́льшею подробностію и, можно сказать, мелочностію, чѣмъ прежнія (1). Но во всѣ эти, повидимому вовсе не измѣнившіяся, внѣшнія формы новыя инструкціи старались вдохнуть совершенно новый духъ, придававшій имъ уже иное значеніе, не самостоятельное и безусловное, какое они имѣли при прежнемъ исключительно-дисциплинарномъ и юридическомъ воззрѣніи на дѣло школьнаго воспитанія, а значеніе вспомогательное для достиженія главной задачи воспитанія, — гуманнаго развитія воспитанниковъ. Школа при этомъ представлялась дѣйствительно школою, а не прежнимъ подражаніемъ обществу гражданскому, члены котораго связывались между собою только извѣстными правилами оффиціальной субординаціи и дисциплины и въ которомъ мы видѣли прежде не воспитателей и воспитанниковъ, а только командировъ и подкомандныхъ. Вмѣстѣ съ этимъ необходимо потребовалось смягченіе всѣхъ школьныхъ отношеній и нравовъ. Ученическія общежитія по этимъ требованіямъ не должны были походить на старыя бурсы „образомъ монастыря“ съ „стужительнымъ и заключенію плѣнническому подобнымъ житіемъ“, а должны были ограничоваться на подобіе большихъ семействъ, въ которыхъ учители и надзиратели занимали бы мѣсто отцевъ и основывали свое значеніе между учениками не на страхѣ суровыхъ юридическихъ и дисциплинарныхъ каръ, а на началахъ любви и своего нравственнаго авторитета.

„Учитель обязанъ, гласитъ одна инструкція, по состоянію своему заступить у учениковъ мѣсто роди-

(1) Ист. троицк. сем. 390—392, 149—156. 452—464.

телей, и потому чѣмъ менѣе сами родители вспомоществуютъ въ наставленіи дѣтей своихъ, тѣмъ болѣе трудиться есть долгъ учительскій". Отъ того онъ долженъ „поступать со всѣми учениками отечески, т. е. ласково и любовно... Онъ долженъ имъ дать примѣтить, что ему пріятно, когда они прилежны и въ школу всѣ часто приходятъ, и что онъ ихъ любитъ. Принявъ на себя чувствія и поступки чадолюбиваго отца, учитель долженъ быть ласковъ, не долженъ быть никогда угрюмымъ, сердитымъ и вспыльчивымъ. Паче же всего не долженъ онъ опускать ласковаго уговариванія, которое почасту имѣетъ великое дѣйствіе, что напоминанію тѣхъ охотно слѣдуемъ, коихъ любимъ и уважаемъ". А для того, чтобы пріобрѣсти такое уваженіе учениковъ и возможность дѣйствовать на нихъ своимъ личнымъ нравственнымъ авторитетомъ, онъ прежде всего самъ долженъ быть человѣкомъ добрымъ и честнымъ и „избѣгать всего того, что хотя малымъ худымъ казаться можетъ, особливо предъ дѣтьми, для того, что дѣти станутъ ему подражать" и проч. (1). Затѣмъ, какъ призванный руководить своихъ питомцевъ на пути нравственнаго, гуманнаго развитія, онъ долженъ внимательно изучать ихъ способности и склонности и дѣйствовать, сообразно съ своими наблюденіями надъ ними, на однихъ такими средствами, на другихъ другими, во всѣхъ случаяхъ поступая съ терпѣніемъ и руководясь отеческою любовію къ ввѣреннымъ ему ученикамъ (2).

Относительно поведенія учениковъ школьныя инструкціи уже не ограничивались одними дисциплинарными требованіями порядка и сословнаго приличія, а старались держаться въ своихъ предписаніяхъ на точкѣ зрѣнія общечеловѣческой морали и общепринятыхъ правилъ внѣшняго благоповеденія. Не пересказывая

---

(1) Ист. владим. сем. 97—99.

(2) Тамъ же 99—104. Ист. троицк. сем. 151 прим. п. 20.

всего содержанія ихъ, укажемъ на болѣе характерныя и современныя ихъ черты. Новая педагогія стремилась основаться на естественныхъ требованіяхъ самой дѣтской природы и воспользоваться для цѣлей воспитанія естественными благородными инстинктами дѣтей, ихъ чувствами чести и стыда. Школьныя инструкціи духовныхъ начальствъ, не оставляя своего всегдашняго религіознаго характера, воспользовались этой чертой новыхъ педагогическихъ требованій. Въ нихъ говорилось уже не столько о смиреніи учениковъ, сколько о чести и благородствѣ. Одна инструкція Платона прямо предписывала „стараться вперять въ учениковъ благородное честолюбіе, которымъ бы они, яко пружиною, были управляемы въ поступкахъ“ (1). Пружиною этою совѣтовалось пользоваться и въ мѣрахъ поощренія учениковъ благонравныхъ и въ мѣрахъ исправленія неблагонравныхъ. Такое возбужденіе въ духовныхъ воспитанникахъ сознанія своего собственнаго достоинства было весьма важно въ тогдашнее время и въ сословныхъ видахъ, въ видахъ крайней необходимости поднять духовенство изъ его униженія въ обществѣ, которую вполнѣ сознавали просвѣщенные іерархи того времени въ родѣ м. Платона, внушавшаго и дух. лицамъ тоже руководиться правилами благороднаго честолюбія и держаться съ „осанкою“ (2). Чтобы съ самаго дѣтства пріучить будущаго пастыря церкви къ этой сановитости и благородству въ мысляхъ и поступкахъ, училищные педагоги должны были удерживать ихъ отъ всѣхъ грубыхъ пороковъ, занятій, увеселеній и рѣчей, свойственныхъ необразованнымъ и „подлымъ“ людямъ, а „подавать имъ матеріи къ разговорамъ и другому упражненію приличныя ихъ состоянію и благородныя“, наблюдать, чтобы и

---

(1) Ист. троицк. сем. 152 въ прим.

(2) Ист. моск. епарх. управл. III, кн. 1, стр. 447: Инстр. Платона благочинным.

съ высшими себя и съ равными, своими товарищами, они держали себя тоже благородно и вѣжливо, удалялись отъ неблагопристойныхъ собраній и знакомствъ съ низкими и дурными людьми, стараясь заводить знакомства только между людьми благородными и честными, сохраняли благородную благопристойность въ самыхъ играхъ и т. п. Въ нѣкоторыхъ инструкціяхъ находимъ подробныя наставленія, какъ учить воспитанниковъ правиламъ внѣшняго поведенія, чтобы они могли являться въ „видѣ отличномъ отъ простолюдиновъ“, какъ они должны были держаться „предъ учителемъ, такожъ предъ родители своими, предъ сторонними людьми, особливо предъ почетными свѣтскими и духовными особами, какъ подходить подъ благословеніе, какъ онаго просить, какъ и на коликую стацію отступить, какъ смотрѣть на его, на запросы отвѣчать, какъ держать руки, шляпу и какъ всего себя порядочно и вѣжливо представлять“, равно „какъ сидѣть въ столу, какъ порядочно имѣть предъ собою тарелку, ложку, ножъ и прочее, какъ дружкѣ съ дружкою тогда обращаться или что подать“. Замѣчательно правило одной изъ Платоновскихъ инструкцій о сближеніи учениковъ съ учителями, требовавшее, чтобы „господа учители разговоры между собою серьезные и забавные имѣли почасту при ученикахъ, а особливо въ часы общихъ гуляній, отъ чего могутъ сіи послѣдніе научиться лучшему между людьми обхожденію и пристойной смѣлости“, а также освободиться отъ своей „дикости“ (1). Съ тою же цѣлію начальства поощряли знакомства семинаристовъ съ благородными свѣтскими людьми, для чего между прочимъ служило введеніе въ

(1) См. упомянутыя инстр—ціи Платона; также инстр. Тихона воронежскаго въ I т. его сочиненій; Педаг. Вѣстн. III, отд. 3, стр. 23; Смол. еп. вѣдом. 1878 г. № 17, стр. 493; Кіевск. еп. вѣд. 1864 г. № 15: О состояніи просвѣщенія въ кіевск. епархіи; Ист. влад сем. 99—101, и др.

семинарскіе курсы изученія французскаго языка, который тогда господствовалъ въ образованномъ обществѣ, и занятіе благородными искусствами, преимущественно музыкой. По семинаріямъ, кромѣ пѣвческихъ хоровъ, заводились цѣлые оркестры музыки, услаждавшіе семинаристовъ во время праздничной свободы отъ занятій и придававшіе не мало торжественности и привлекательности разнымъ актамъ и диспутамъ, на которые въ семинаріи собиралась публика. Оркестры эти играли не одни духовныя, но и свѣтскія піэсы, увертюры, марши, польскіе, экоссесы, вальсы, минуэты и русскія пѣсни (1).

При имп. Павлѣ, по случаю нѣкоторыхъ безпорядковъ въ духовенствѣ, духовно-учебныя заведенія подверглись большимъ строгостямъ, о которыхъ мы отчасти уже говорили; въ нихъ усилена была дисциплина и начался строгій разборъ учениковъ болѣе слабыхъ по поведенію, кончившійся для многихъ изъ нихъ исключеніемъ изъ заведеній и даже отдачею въ солдаты. Но общій характеръ школьныхъ требованій не измѣнялся и среди этихъ строгостей. Само правительство, особенно заботившееся въ это время о возвышеніи духовенства, о томъ, чтобы оно „имѣло образъ и состояніе важности сана своего соотвѣтственные“, и освободившее его въ этихъ видахъ отъ унизительныхъ для него тѣлесныхъ наказаній и отъ занятій земледѣліемъ, въ отношеніи къ воспитанникамъ дух. школъ тоже настаивало, чтобы въ нихъ насаждаемо было наипаче благонравіе и пуще всего искореняемы унизительные и грубые пороки буйства, пьянства, обмана и ябеды (2).

О мѣрахъ поощренія хорошихъ учениковъ инструкціи не распространялись, такъ какъ эти мѣры, состо-

---

(1) Ист. троицк. сем. 450—451 Ист. спб. акад. 126. Ист. каз. акад. старой 170.

(2) П. С. З. 17958. 18726. 19337.

явшія въ частныхъ и публичныхъ похвалахъ отъ начальства, въ разныхъ подаркахъ, въ повышеніяхъ по спискамъ, въ назначеніяхъ на должности сеньоровъ и нотаторовъ, въ предоставленіи церковныхъ мѣстъ, были однѣ и тѣже и не требовали особыхъ указаній, но за то очень много говорилось въ нихъ о мѣрахъ взысканія съ учениковъ за проступки, потому что въ этомъ пунктѣ старая и новая педагогія расходились между собою больше всего. Послѣдняя совершенно отрицала прежній юридическій и карательный характеръ этихъ мѣръ и придавала имъ значеніе только исправительное. „Наказанія, объясняетъ инструкція владимірской семинаріи 1782 г., суть зло, опредѣленное преступленіямъ правилъ для учащихся. Учитель долженъ при наказываніи учениковъ имѣть единое токмо исправленіе учениковъ“ (1), а потому и въ выборѣ наказаній ограничиваться только такими, которыя могутъ производить вліяніе именно нравственное, а не увлекаться неприложимыми къ нравственному воспитанію дѣтей идеями грубаго юридическаго возмездія. Инструкціи Платона предписывали исправлять учениковъ „болѣе моральнымъ образомъ“, „усмирять по разсужденію постыженіемъ“ и обращеніемъ къ ихъ „благородному честолюбію“ и вообще вести дѣло воспитанія такъ, чтобы они исполняли свои обязанности „не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть“. Поэтому на первомъ планѣ въ дѣлѣ воспитанія поставлялись обыкновенно увѣщанія, которыя, по опредѣленію указанной владимірской инструкціи, „суть дружественныя предостереженія“ учениковъ, напоминающія „наблюденіе ихъ должности, если они оную преступили или хотятъ преступить“. Правила этой замѣчательной инструкціи подробно указываютъ, какъ учитель долженъ вліять на учениковъ съ разными характерами и въ разныхъ душевныхъ ихъ со-

(1) Ист. влад. сем. 93.

стояніяхъ, наприм.: „во время дѣйствія въ нихъ страстей не долженъ онъ ни наказывать, ни увѣщевать ихъ, но когда волненіе ихъ утихнетъ и ученикъ придетъ въ состояніе самъ собою подумать, тогда уже учитель долженъ представить ему худыя слѣдствія упрямства его или злости". Къ наказаніямъ дозволялось приступать уже послѣ истощенія увѣщательныхъ попытокъ къ исправленію ученика и употреблять ихъ съ извѣстною постепенностію. Къ нимъ причислялись: лишеніе пріятныхъ вещей, стояніе въ школѣ у порога съ книгами и шапкой въ рукахъ, выпускъ изъ класса послѣ всѣхъ товарищей, запись въ журналъ, словесный выговоръ, голодный столъ, подаваніе купанья въ столовой, пониженіе въ спискѣ, заключеніе въ карцеръ, переводъ въ низшій классъ, лишеніе казеннаго содержанія или предоставленнаго мѣста и т. д. Самымъ крайнимъ наказаніемъ считалось исключеніе изъ заведенія. Наказанія унизительныя, „посрамленіе и честь трогающія устыженія, какъ то: уши ослиныя, названіе скотины, осла и т. п.," воспрещались, равно какъ и наказанія тѣлесныя: ремни, палки, линейки, розги, пощечины, кулаки, дранье за волосы и за уши и т. п. Сѣченіе розгами, кромѣ самихъ ректоровъ, дозволялось еще только префектамъ для исправленія учениковъ низшихъ классовъ, и то лишь за большія вины и съ согласія ректорскаго, „дабы сѣченіемъ не приводить дѣтей въ ожесточеніе" (1). Мы впрочемъ видѣли, что въ случаѣ распоряженія самого архіерея отъ сѣченія не освобождались и богословы. За то въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ тѣлесныя наказанія были вовсе запрещаемы. Въ 1800 г., не смотря на то, что въ это время вездѣ усилены были строгости въ надзорѣ за учениками, преосв. Ксенофонтъ владимірскій распорядился

(1) Тамъ же 92—94. Ист. троицк. сем. 142. 463. Педагог. Вѣстн. VII, отд. 3, стр. 23. Ворон. еп. вѣд. 1868 г. № 3, стр 90. Калужск. 1866 г. стр. 167—172 и др.

во всѣхъ классахъ своей семинаріи сдѣлать надписи: poena corporalis prohibetur, и затѣмъ энергично поддерживалъ силу этого безусловнаго запрещенія въ теченіе всего своего управленія владимірской епархіей (1).

Само собою разумѣется, что самая практика школьной педагогіи была весьма далека отъ полнаго осуществленія того, что внушалось инструкціями, и все еще продолжала отзываться старымъ духомъ грубаго командирства и суровой дисциплинарности: но важно было и то, что новыя педагогическія идеи были высказаны, поставлены въ качествѣ существенныхъ требованій новаго строя дух. школъ и дѣйствительно приняты въ руководство по крайней мѣрѣ главными, передовыми дѣятелями на поприщѣ дух. образованія, занимавшими высшіе іерархическіе и ученые посты и имѣвшими поэтому полную возможность поддерживать силу новыхъ требованій своею властію и своимъ постояннымъ надзоромъ надъ школьными нравами. Благодаря этой поддержкѣ, особенно со стороны архіереевъ изъ славной своими талантами дружины великорусскихъ ученыхъ монаховъ, духовная школа временъ Екатерины становилась уже далеко не похожа на прежнюю духовную школу первой половины XVIII столѣтія.

Перемѣна въ школьныхъ отношеніяхъ прежде всего замѣтно повліяла на положеніе самихъ учителей, которое при новыхъ педагогическихъ взглядахъ на ихъ значеніе настоятельно потребовалось возвысить. Съ оффиціальной, юридической стороны оно, какъ мы замѣчали, не измѣнилось, осталось также низменно и безправно въ отношеніяхъ къ властямъ, какъ и прежде, но сами власти стали теперь смотрѣть на званіе учителя съ большимъ уваженіемъ и притомъ безотносительно къ оффиціальному положенію носившаго его

(1) Ист. влад. сем. 109.

лица по службѣ церковной, по крайней мѣрѣ стали сдерживаться въ своихъ отношеніяхъ къ учителямъ отъ прежнихъ нерѣдко возмутительныхъ проявленій грубаго командирства. Конечно, весьма много значило здѣсь то, что люди, мало-мальски удовлетворявшіе современнымъ требованіямъ учительскаго званія, отыскивались и удерживались на своей службѣ не безъ труда; такъ какъ своими матеріальными выгодами служба эта, по словамъ Платона, мало привлекала къ себѣ охотниковъ, то по неволѣ приходилось привлекать ихъ къ ней по крайней мѣрѣ лаской. Но съ другой стороны и само командирство, очень естественное при прежней дисциплинарно-юридической постановкѣ школьнаго дѣла, становилось совсѣмъ неумѣстнымъ при постановкѣ его педагогической, требовавшей въ отношеніяхъ между его приставниками не одной дисциплины и субординаціи, а главнымъ образомъ внутренняго, нравственнаго соединенія между собой въ общемъ служеніи, взаимнаго согласія, взаимныхъ по возможности свободныхъ и равноправныхъ совѣтовъ и т. п.

Лучшими примѣрами такихъ новыхъ отношеній начальствъ къ школьнымъ учителямъ были сами архіереи. М. Платонъ, разсказывается въ Исторіи троицкой семинаріи, часто запросто прогуливался съ учителями и питомцами семинаріи въ своей любимой рощѣ на Корбухѣ, ведя съ ними ученыя бесѣды и испытывая ихъ таланты. Въ обществѣ своихъ платониковъ „онъ отдыхалъ душею, вполнѣ увѣренный, что они съумѣютъ оцѣнить его заботы о дѣтяхъ, ввѣренныхъ ихъ надзору и наставленію, и въ точности выполнятъ всѣ его распоряженія. Изъ писемъ Платона къ нѣкоторымъ изъ нихъ видимъ, какъ простъ и любвеобиленъ былъ Платонъ въ бесѣдахъ съ ними, какъ откровененъ былъ съ ними, любя ихъ, какъ любезныхъ братьевъ“. Такими же близкими, отеческими отношеніями къ семинарской братіи по мѣстнымъ преданіямъ извѣстны многіе другіе владыки, Симонъ Лаговъ, Дама-

скинъ нижегородскій. Тихонъ III воронежскій, Меѳодій тульскій, Іеронимъ и Ксенофонтъ владимірскіе и т. д. „У хлѣбосольскаго и радушнаго архипастыря, разсказывается наприм. о послѣднемъ въ Исторіи владимірской семинаріи. во время торжественныхъ празднествъ преподаватели семинаріи были первые гости. Кромѣ того они бывали нерѣдко приглашаемы и на частныя собранія, во время которыхъ допускались шутки и даже фамильярности. Само собою разумѣется, что преподаватели относились къ епископу съ неподдѣльнымъ чувствомъ уваженія и любви; а поэтому неудовольствіе, высказанное имъ. производило на нихъ особенно сильное впечатлѣніе". Въ 1803 г. онъ сдѣлалъ письменный выговоръ одному учителю за то, что тотъ не пришелъ въ классъ „по причинѣ великой грязи",—дѣло было осенью. Выговоръ такъ подѣйствовалъ на провинившагося, что. расписываясь въ прочтеніи архіерейской резолюціи, онъ не утерпѣлъ, чтобы не высказать своихъ чувствъ тутъ же на бумагѣ: „сею подпискою обязуюсь всегда ходить въ классъ, доколѣ буду здоровъ; а впредь не будетъ удерживать меня осенняя грязь, такъ какъ этотъ выговоръ, который я получилъ, стоитъ и долженъ стоить болѣе, нежели всѣ перемѣны года".

Такія же отношенія къ учителямъ архіереи внушали и семинарскимъ властямъ. Выразительную характеристику этихъ отношеній находимъ въ инструкціи Симона Лагова (отъ 1771 г.) управлявшему костромской семинаріей Красовскому. „Учителямъ. сказано здѣсь, ежели бы когда случай того востребовалъ, выговоры дѣлать. но только не индѣ гдѣ, развѣ въ своей комнатѣ или у того же учителя, сперва единому, потомъ неисправляющемуся и при другихъ товарищахъ, какъ приличествуетъ ученымъ людямъ. съ обѣихъ сторонъ, а о важнѣйшихъ (винахъ) докладывать его преосвященству". Прошло еще очень немного времени съ тѣхъ поръ, какъ учители могли подвергаться даже сѣченію розгами, но какая огромная разница въ

ихъ положеніи успѣла выразиться въ этомъ новомъ внушеніи о соблюденіи подобающаго ученымъ людямъ приличія въ самыхъ выговорахъ имъ за неисправности. Вотъ еще пунктъ той же инструкціи, въ которомъ подъ вліяніемъ новыхъ педагогическихъ идей высказывалась потребность общаго единодушія и взаимныхъ совѣтовъ въ средѣ училищной корпораціи еще задолго до введенія въ нее коллегіальнаго начала de jure. „Какъ для любопытнаго обращенія, такъ и для ученыхъ разговоровъ и нужныхъ совѣтовъ въ пользу семинаріи и учениковъ можете вы, ежели въ чемъ не воспрепятствованы будете, во всякую субботу звать къ себѣ учителей на обѣденное кушанье, а въ воскресный день долженъ являться къ его преосв—ву и съ учителями, дабы могли о нужномъ его преосв—ву доносить и требовать резолюціи и принимать наставленія. Чтобъ же имѣли вы, изъ чего сей трактаментъ дѣлать, паче же и въ отмѣну отъ другихъ за бо́льшіе труды, то на сіе опредѣлить вамъ изъ клирическихъ (соборныхъ) доходовъ 20 рублевъ, изъ той доли, которая на его преосв—во слѣдуетъ, а когда не достанетъ изъ сей части, то и отъ другихъ полагать". Наконецъ вотъ какъ въ той же инструкціи формулированъ извѣстный и неизбѣжный пунктъ всѣхъ старыхъ инструкцій, который предусматривалъ случаи ихъ нарушенія и въ прежнее время грозилъ виновнымъ плетьми и др. подобными страхами. „Когда вамъ надъ другими надзираніе препоручается, то напоминать вамъ о своемъ добромъ порядкѣ и честномъ обращеніи его пр—во считаетъ за лишнее: тѣмъ паче, что надежда его пр—ва въ чаяніи бо́льшаго успѣха предвидитъ отъ васъ какъ учености, такъ и благоразумія болѣе, нежели что его пр—во предписать хотѣлъ бы. Ежели бы паче чаянія не такъ вы начали поступать, какъ должно честному, ученому и благоразумному правителю, и что учители усмотрятъ и нестерпѣливо имъ окажется, то имѣютъ они его пр—ву доносить на васъ пристойнымъ образомъ, а уче-

ники жаловаться; только наперед объявляется, что ежели напрасное возведетъ кто и тѣмъ опорочитъ ваше доброе имя и его пр—во обезпокоитъ, тотъ тягчайшаго штрафованія не минуетъ" (1).

Требуя въ своихъ инструкціяхъ самаго близкаго общенія между духовными воспитателями и воспитанниками, архіереи и въ этомъ отношеніи могли служить примѣромъ для первыхъ. Блестящій Платонъ, любившій окружать себя въ глазахъ публики обстановкой несказаннаго велелѣпія, въ кругу своихъ семинаристовъ откладывалъ въ сторону все свое величіе и являлся простымъ, радушнымъ и для всѣхъ доступнымъ отцомъ и другомъ дѣтей; семинарія видимо была его семьею, теплымъ угломъ, гдѣ онъ могъ быть самимъ собою и отдохнуть отъ тяжестей своего епархіальнаго служенія (2). Такимъ же теплымъ угломъ была семья духовныхъ воспитанниковъ и для многихъ другихъ архіереевъ, отличавшихся большею мягкостію сердца и гуманнымъ развитіемъ. Мы видѣли, какъ они отечески вникали въ нужды бѣдныхъ семинаристовъ, давали имъ болѣе или менѣе щедрыя вспоможенія, многихъ содержали на свой счетъ. Преосв. Симонъ Лаговъ почти живмя жилъ въ своей семинаріи, зналъ порядокъ всѣхъ классныхъ занятій, какой гдѣ заданъ урокъ, каждодневно просматривалъ всѣ нотаты и провѣрялъ ихъ отмѣтки, самъ спрашивалъ по нѣсколько учениковъ, при чемъ хорошихъ старался поощрить разными подарками, раздавая имъ деньги, книги, одежду или предоставляя имъ церковныя мѣста; ему извѣстны были всѣ подробности жизни и всѣ нужды какъ учениковъ, такъ и учителей; учениковъ онъ всѣхъ до одного зналъ по именамъ и фамили-

(1) Инструкція Симона въ Педаг. Вѣстн. 1859 г, отд. 3, стр. 6—7.

(2) Чтен. изъ Ист. русск. церкви въ Прав. Собесѣдн. 1875 г. II, 338—339.

ямъ (1). Объ его собственномъ бывшемъ учителѣ, Парѳеніѣ смоленскомъ, извѣстно, что по утрамъ онъ часто запросто пѣшкомъ приходилъ въ семинарію, чтобы прослушать вмѣстѣ съ воспитанниками утреннія молитвы, затѣмъ ходилъ по классамъ, спрашивалъ уроки и хорошо отвѣчавшихъ тутъ же чѣмъ нибудь награждалъ,—для этого нарочно самъ закупалъ по дорогѣ въ семинарію булокъ и кренделей (2). Объ архіереѣ Ксенофонтѣ въ Исторіи владимірской семинаріи разсказывается, что, имѣя самое близкое общеніе съ учениками, онъ зналъ ихъ умственныя и нравственныя качества едва ли не лучше ихъ ближайшихъ воспитателей и принималъ сердечное участіе во всѣхъ ихъ нуждахъ. Не даромъ его звали „радѣтелемъ семинаріи, покровителемъ учащихся, отцемъ". „Въ особенности ученики низшихъ классовъ—мальчики—съ наивностію старались высказать ему любовь свою при всякомъ удобномъ случаѣ. На его загородной дачѣ въ Красномъ селѣ часто случалось, что во время его прогулокъ совершенно неожиданно выпрыгивалъ изъ-за куста ученикъ пѣитъ и говорилъ ему стихотворное привѣтствіе или просто подносилъ букетъ полевыхъ цвѣтовъ. И въ городѣ нерѣдко архіерей получалъ подобныя заявленія любви. Онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Аркадіемъ смотрителемъ училища, и часто отправлялся къ нему побесѣдовать. Какъ скоро это дѣлалось извѣстнымъ ученикамъ, почти каждый разъ являлся кто нибудь изъ нихъ и просилъ чрезъ своего начальника позволенія сказать стихи архипастырю, который всегда привѣтливо принималъ пѣиту" (3). Въ разныхъ епархіяхъ доселѣ хранятся преданія о разныхъ мѣстныхъ архіереяхъ прежняго времени, какъ снисходительно относились они во время

(1) Педаг. Вѣстн. VII, отд. 3, стр. 4. 5.

(2) Опис. смол. епарх. 130.

(3) Ист. влад. сем. 112. 115—117.

своихъ частныхъ визитовъ въ семинаріи къ дѣтскимъ шалостямъ и проказамъ воспитанниковъ, какъ сами лично принимали иногда участіе въ ихъ невинныхъ играхъ, особенно во время майскихъ рекреацій, на которыхъ сближеніе между школьными властями и воспитанниками проявлялось всего больше. Едва ли не повсемѣстно извѣстенъ анекдотъ, какъ бурсакъ, попавшись въ предосудительномъ поступкѣ самому архіерею и откровенно во всемъ предъ нимъ сознавшись, въ то же время настоятельно умолялъ его не сказывать ничего префекту; анекдотъ этотъ связывается съ именами разныхъ преосвященныхъ, которые извѣстны своею особенною близостью и любовью къ семинаріямъ и въ отношеніи къ ученикамъ были дѣйствительно болѣе заботливыми и снисходительными отцами, чѣмъ ихъ непосредственные школьные воспитатели.

Въ массѣ этихъ воспитателей сила старыхъ преданій и привычекъ была еще такъ велика, что не уступала иногда и силѣ архіерейской власти. Въ маленькомъ мірку школьной жизни повторялись тѣже самыя явленія, какія происходили и въ великомъ всероссійскомъ мірѣ, гдѣ правительство старалось о проведеніи въ жизнь самыхъ гуманныхъ идей, запрещало властямъ всякія суровости надъ подчиненными, ратовало противъ пытокъ на судѣ и т. п., а между тѣмъ подручныя ему начальства и сильные люди за его глазами, а иногда даже и на глазахъ, продолжали дѣйствовать совершенно по старинѣ и допускали самыя варварскія проявленія своей власти и силы надъ народомъ. Въ средѣ семинарскихъ, а тѣмъ болѣе училищныхъ преподавателей было еще очень немного людей, которые бы сами усвоили себѣ духъ новыхъ педагогическихъ требованій и которыхъ бы не нужно было почти силой удерживать отъ старинныхъ командирскихъ замашекъ. Реформа училищная, какъ и всѣ наши реформы, шла сверху, и чѣмъ болѣе спускалась внизъ, въ нижніе слои педагогическаго міра, тѣмъ дѣлалась безсильнѣе и тѣмъ чаще требовала возбужденій

сверху, со стороны школьныхъ начальствъ и самихъ архіереевъ.

Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ при нѣкоторыхъ болѣе современныхъ архіереяхъ встрѣчаемъ выразительные случаи начальственнаго вмѣшательства въ отношенія учителей къ воспитанникамъ, показывающіе, что начальства преслѣдовали своею властію не только грубыя мѣры школьныхъ взысканій, но и грубое обращеніе съ учениками. Такой наприм. случай встрѣчаемъ во владимірской семинаріи въ 1785 г. при преосв. Викторѣ. Учитель греческаго языка Грязевскій изъ богослововъ наговорилъ грубостей въ классѣ ученику философіи Левитскому: „я де какъ хочу, тебя такъ и критикую; поди вонъ, дуракъ, изъ класса", а этотъ уходя, отвѣчалъ ему тоже грубостью. Оба они были почти товарищи, ученики сосѣднихъ классовъ, но Грязевскій, какъ богословъ, поставленный притомъ же учителемъ, слѣдовательно нѣкоего рода командиръ, обидѣлся отвѣтомъ неподдававшагося ему философа и подалъ на него жалобу. Консисторія, до которой дошло это дѣло, постарому должна была бы рѣшить его въ пользу командира, но теперь по новому рѣшила его не такъ. „Всему главнымъ поводомъ, говорилось въ ея постановленіи, состоитъ самъ принесшій жалобу, учитель Грязевскій; ибо, не помня того, зачѣмъ въ классъ пришелъ, началъ производить надъ ученикомъ философіи, помянутымъ Левитскимъ, предъ нисшими учениками насмѣшку, предлагая ему самъ по себѣ негодный, но ругательный силлогизмъ, что „кто глупъ, тотъ дуракъ, а тотъ или другой глупъ, слѣдовательно тотъ или другой изъ нихъ дуракъ", что услышавъ ученики всѣ смѣялись; подобныхъ же насмѣшекъ учителю отнюдь производить не должно, особливо на высшихъ учениковъ, особливо потому, что важность учителя въ томъ теряется; слѣдовательно учителю Грязевскому и ни малой нужды не было, не жалуясь префекту, за разговоры Левитскаго штрафовать самому собою непристойнымъ выговоромъ, а потому, какъ

Грязевскій, такъ и Левитскій называли другъ друга дураками, и оба равно виноваты, а особливо учитель Грязевскій. Для того по мнѣнію консисторіи подлежитъ за показанную въ классѣ ссору, дабы впредь того чинить было не повадно, учителю Грязевскому учинить въ консисторіи строжайшій выговоръ и подтвердить, чтобы онъ должность свою исполнялъ порядочно, съ подпискою, а о штрафованіи Левитскаго представить разсмотрѣнію префекта и о томъ дать знать ему указомъ; а понеже упомянутый ученикъ прежде въ порокахъ не бывалъ и отъ учителей показанъ хорошаго понятія, то посему онаго въ семинаріи оставить, а за имѣвшею съ учителемъ Грязевскимъ ссорою греческому языку чтобы не обучался, а обучался прочимъ наукамъ, и надежды священства не лишать“ (1). Но въ тоже время, какъ владимірская консисторія вела такое дѣло изъ-за того, что учитель назвалъ ученика дуракомъ, въ другихъ семинаріяхъ учителямъ спокойно сходили съ рукъ и не такія проявленія грубаго обращенія съ учениками; въ самой троицкой семинаріи въ оффиціальныхъ отмѣткахъ объ успѣхахъ учениковъ, которыя читалъ самъ Платонъ, учители щеголяли напр. такого рода латинскими фразами: „non verbis, sed verberibus ad studia sunt excitandi; ad progrediendum in studiis calcaribus excitatur“, или: „hic est frater stultitiae; non parente, sed noverca natura nati esse videntur“ и т. п. (2).

Чаще преслѣдовались тѣлесныя наказанія учениковъ. Такъ какъ сѣченіе ихъ за вины почти вездѣ предоставлено было исключительно ректорамъ и еще съ разрѣшенія ихъ префектамъ, то учители, прибѣгая къ нему по старой привычкѣ, очевидно дѣлались чрезъ это виновными въ самовольномъ превышеніи власти и потому подвергались выговорамъ, во владимірской епар-

(1) Ист. влад. сем. 95—97.

(2) Ист. троицк. сем. 321—322. 130, прим.

хіи при арх. Ксенофонтѣ даже увольненію отъ должности. Такъ, въ 1801 г. учитель суздальскаго училища Приклонскій ударилъ одного ученика по щекѣ и грозился высѣчь его розгами; училищное начальство вступилось въ это дѣло, произвело объ учителѣ допросъ ученикамъ, изъ котораго узнали, что онъ недавно еще высѣкъ раза два одного ученика за разныя неисправности, и донесло объ этомъ архіерею Ксенофонту; не смотря на то, что означенныя наказанія употреблены были въ отношеніи къ малолѣтнимъ ученикамъ, отъ архіерея послѣдовала такая резолюція: „учинивъ учителю Приклонскому наистрожайшее подтвержденіе о ненаказываніи учениковъ безъ надлежащаго надзирателю отношенія, объявить ему о подачѣ просьбы на священническое куда-либо мѣсто“, т. е. объ увольненіи отъ учительской должности. Другой владимірскій учитель священникъ Виноградовъ въ томъ же году едва не былъ уволенъ отъ должности за наказываніе учениковъ русской школы и избѣжалъ этой участи, только благодаря вышедшему въ этомъ году милостивому манифесту, подъ силу котораго его подвели изъ снисхожденія. Съ третьяго, учителя Ельцынскаго, за то, что оттаскалъ за волосы ученика реторики, взята подписка въ подтвердительномъ слышаніи архіерейскаго указа о запрещеніи тѣлесныхъ наказаній (1). Но рядомъ съ подобными фактами встрѣчаемъ и совершенно противоположныя извѣстія. Авторъ Исторіи нижегородской семинаріи даетъ наприм. такую характеристику семинарскаго воспитанія за описываемое время: „ученики того времени смотрѣли съ удивительнымъ благоговѣніемъ и страхомъ не только на лица преосвященныхъ (между которыми, замѣтимъ кстати, были такія передовыя личности, какъ Антоній Зыбелинъ и Дамаскинъ Рудневъ), но и на каждаго изъ своихъ начальниковъ и учителей: не смѣли

(1) Ист. влад. сем. 120—124.

сказать имъ и одного противнаго слова... Слово учителя было тогда непререкаемымъ закономъ для учащихся. Наказанія были тѣже, какія и въ первомъ періодѣ семинаріи. Стояніе на колѣняхъ, соединяемое съ истязаніемъ для рукъ и для ногъ, голодный столъ, карцеръ, пали и розги были обыкновенными наказаніями. За важные проступки наказывали тѣлесно въ сѣняхъ предъ классомъ или на дворѣ подъ звонкомъ" (1). Это наказываніе учениковъ подъ звонкомъ въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ продолжало производиться даже въ текущемъ столѣтіи и доселѣ памятно многимъ старожиламъ разныхъ епархій: оно имѣло черезчуръ уже публичный характеръ, потому что звонковый колоколъ, подъ которымъ оно производилось и который звонилъ во все время экзекуціи, вѣшался обыкновенно при входѣ въ семинарское зданіе на дворѣ, а ворота во дворѣ постоянно были настежъ; уличная публика останавливалась у нихъ и съ полнымъ удовольствіемъ присутствовала при любопытномъ зрѣлищѣ исправленія бурсаковъ (2).

Наблюденіе за учителями, чтобы они не допускали грубостей и жестокостей съ учениками, принадлежало ректорамъ заведеній, которые и должны были о такихъ случаяхъ доносить консисторіи и преосвященнымъ; но въ практикѣ новаго воспитанія и они далеко не всегда могли быть надежными руководителями своихъ подчиненныхъ и сами требовали бдительнаго надзора за собою со стороны преосвященныхъ. Въ 1802 г. преосв. Викторъ черниговскій долженъ былъ объявить своему ректору архим. Павлу указъ: „не наказывать тѣлесно учениковъ богословскаго класса и притомъ за маловажныя еще причины"; но ректоръ не послушался и за глазами архіерея продолжалъ обра-

(1) Ист. нижег. сем. 16—17.

(2) См. наприм. Очерки просвѣщ. въ Сибири. Отеч. Записк. 1867 г. кн. 20, стр. 710.

щаться съ учениками по прежнему до тѣхъ поръ, пока осенью слѣдующаго года не былъ наконецъ вовсе уволенъ отъ должности „по причинѣ меланхоліи". Слово это употреблено было здѣсь вѣроятно въ томъ же смыслѣ, какъ въ извѣстномъ пунктѣ Д. Регламента, требовавшемъ, чтобы въ префекты избирались люди „не вельми свирѣпые и не меланхолики" (1). Нужно ли прибавлять къ этому, что такіе меланхолики въ значительномъ числѣ могли встрѣчаться и между самими архіереями?... Не забудемъ, что ученое монашество, изъ среды котораго выбирались всѣ главные заправители дух. школъ, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе скудѣло талантами и все чаще должно было выставлять на эти высшіе педагогическіе посты людей, по своему развитію далеко не соотвѣтствовавшихъ требованіямъ своего высокаго призванія, прикрывавшихъ свою неспособность лишь „важностію своего сана", какъ отзывался объ нихъ И. И. Мартыновъ. Та славная столькими блестящими именами дружина ученыхъ монаховъ великороссовъ, которая воспиталась во времена противочеркасской реакціи и потомъ такъ энергично выступила во главѣ всѣхъ педагогическихъ реформъ, вся разошлась по высшимъ іерархическимъ постамъ и затѣмъ постепенно вымирала, не закрѣпивъ этихъ реформъ посредствомъ опредѣленной школьной организаціи, которая могла бы поддерживать ихъ сама собою, своей внутренней силой, независимо отъ характера приставленныхъ къ школьному дѣлу личностей, и предоставивъ такимъ образомъ всю дальнѣйшую судьбу своего дѣла именно на произволъ этихъ личностей. Очень не удивительно, что преданія, завѣщанныя этими передовыми устроителями дух. школъ первыхъ десятилѣтій Екатерининскаго царствованія, улетучивались съ каждымъ но-

(1) Черниг. епарх. изв. 1871 г. стр. 384 примѣч.

вымъ поколѣніемъ ученаго монашества и изъ-подъ ихъ неокрѣпшаго слоя все яснѣе и яснѣе обозначалась знакомая рутина стараго школьнаго быта съ его командирствомъ и дисциплинарными пріемами смиренія подчиненныхъ. Не удивительно и то, что новыя педагогическія реформы въ дух. школахъ не успѣли оказать замѣтнаго вліянія и на нравственность самихъ учениковъ, продолжавшую страдать тѣми же грубыми пороками, какъ и прежде (1). Грубость разныхъ дѣтинъ непобѣдимой злобы, неподдававшаяся никакимъ благороднымъ мѣрамъ исправленія, приводила въ отчаяніе всѣхъ педагоговъ и въ свою очередь служила не малой поддержкой прежнихъ суровостей въ педагогической практикѣ даже самыхъ передовыхъ дух. школъ, наприм. школъ м. Платона, въ которыхъ excitatio verberibus вовсе не было такой рѣдкостью, какъ можно было бы предполагать на основаніи однихъ Платоновскихъ инструкцій. Суровый типъ семинарскаго бурсака мужественно крѣпился противъ всякихъ заигрываній и нѣжностей новой гуманной педагогіи, сбивая съ толку всю ея сантиментальность, и побѣдоносно перешелъ изъ XVIII столѣтія въ XIX-е почти цѣлымъ и невредимымъ.

Обратимся къ состоянію дух. школъ по части учебной. Въ этой отрасли школьной жизни новая образовательная реформа, какъ мы видѣли, потребовала значительнаго расширенія учебныхъ курсовъ введеніемъ въ нихъ изученія нѣсколькихъ свѣтскихъ наукъ и новыхъ языковъ и усовершенствованія методовъ преподаванія.

Первое изъ этихъ требованій не было новостью, потому что мысль о такомъ расширеніи программы семинарскаго обученія была развита еще въ Д. Регламентѣ; но оно получило теперь новый болѣе ясный

(1) См. наприм. Ист. псковск. сем. 71—72.

смыслъ и болѣе сильные мотивы, связанные съ основными воззрѣніями новой педагогической системы, которая впервые показала всю недостаточность въ дѣлѣ образованія одной только спеціальной выучки воспитанника въ чисто практическихъ сословныхъ или служебныхъ видахъ и потребовала, чтобы ученіе прежде всего направлялось къ общему развитію умственныхъ способностей учащихся, а потомъ уже задавалось и практическими, спеціальными цѣлями. Къ духовнымъ школамъ прикладывалось теперь именно это требованіе; спеціально-сословный курсъ ихъ обученія предполагалось восполнить предметами именно общеобразовательнаго характера, которые отчасти указаны были еще въ инструкціи императрицы для коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ, а затѣмъ подробнѣе перечислены въ проектѣ коммиссіи 1765 г. Можно было бы удовлетворить этому требованію болѣе простымъ и раціональнымъ способомъ и безъ такого смѣшенія общаго обученія съ спеціальнымъ въ однихъ и тѣхъ же школахъ, а именно обязавъ дѣтей духовенства обучаться въ обыкновенныхъ общеобразовательныхъ школахъ, которыя во второй половинѣ XVIII столѣтія стали во множествѣ заводиться самимъ правительствомъ. Тогда на попеченіи и содержаніи духовнаго вѣдомства могли бы остаться только однѣ его спеціальныя школы, въ которыя и стали бы поступать одни только желающіе взять на себя духовную профессію, уже послѣ общаго образованія въ школахъ свѣтскихъ. Но духовное вѣдомство и не думало воспользоваться этими свѣтскими школами. Сословная замкнутость духовенства была такъ уже крѣпка, что, когда заговорили о распространеніи въ его средѣ общаго образованія, мысль объ отправленіи съ этою цѣлію его дѣтей въ общеобразовательныя школы свѣтскаго вѣдомства никому не приходила и въ голову, а прямо порѣшено было присовокупить общее образованіе къ спеціальному курсу въ самихъ же духовныхъ школахъ, тѣмъ болѣе, что такіе смѣшанные курсы существовали въ нихъ и

прежде. Такой именно задачей, какъ мы видѣли, задалась и коммиссія 1765 года, порѣшившая предоставить на содержаніе дух. вѣдомства, кромѣ необходимыхъ общеобразовательныхъ курсовъ въ семинаріяхъ, еще множество низшихъ школъ съ общеобразовательнымъ элементарнымъ курсомъ и даже прямо съ всесословнымъ характеромъ, а вмѣсто спеціальныхъ высшихъ школъ, — академій, нѣчто въ родѣ цѣлыхъ университетовъ, „гдѣ, по словамъ ея проекта, всякимъ наукамъ обучаются". Таже самая мысль о соединеніи общаго образованія съ спеціальнымъ полагалась затѣмъ въ основу и всѣхъ послѣдующихъ распоряженій относительно состава духовно-учебныхъ курсовъ, и не только въ теченіи всего описываемаго времени, но и послѣ 1808 года до нашихъ дней.

Духовное вѣдомство очевидно стремилось къ тому, чтобы завести у себя школы, которыя бы могли удовлетворять всѣмъ потребностямъ въ дѣлѣ образованія дѣтей духовенства безъ посторонней помощи и при которыхъ послѣднимъ не было бы никакой надобности обращаться для изученія чего нибудь на сторону, стремилось такимъ образомъ замкнуться отъ другихъ сословій въ самомъ своемъ образованіи. Смѣшанный характеръ духовно-учебныхъ курсовъ дѣйствительно могъ удовлетворять этому стремленію, потому что ничто такъ не помогаетъ развитію замкнутости извѣстнаго сословія, какъ существованіе при немъ такого рода смѣшанныхъ, самодостаточныхъ школъ; но выгоденъ ли онъ былъ въ интересахъ самаго образованія дух. школъ, — вопросъ другой, на который нужно дать отвѣтъ отрицательный. Духовная школа становилась въ положеніи охотника, преслѣдующаго двухъ зайцевъ, и сильно рисковала потерпѣть, если не полную неудачу, то по крайней мѣрѣ значительный ущербъ въ развитіи и спеціальнаго и общаго образованія въ своемъ смѣшанномъ курсѣ. Развитію перваго не могло не мѣшать то, что отъ него отнималось много и времени, и средствъ, и рабочихъ силъ для под-

держки присоединеннаго къ нему курса общеобразовательнаго, а этотъ въ свою очередь не могъ получить надлежащаго развитія потому, что въ глазахъ духовнаго начальства, преслѣдовавшаго въ образованіи своихъ школъ прежде всего интересы духовной службы, естественно долженъ былъ имѣть значеніе только второстепенное, а потому во всемъ уступать курсу спеціальному, по возможности сокращаться для него въ своемъ объемѣ, приноровляться притомъ же къ требованіямъ спеціальнаго назначенія самой духовной школы и такимъ образомъ болѣе или менѣе терять самое существенное свое качество, свой универсальный, общечеловѣческій характеръ. Понятно, что такая замкнутая сословная школа, какъ духовная, могла не иначе выйти изъ такого затрудненія, какъ пожертвовавши интересами образованія общаго, а отнюдь не своего сословно-спеціальнаго, тѣмъ болѣе, что такой именно исходъ намѣченъ былъ ею еще и прежде, послѣ первой попытки подобной же смѣшанной организаціи ея курса въ Д. Регламентѣ. Подобно тому, какъ прежде „науки св. церкви потребныя и наипаче дух. чину приличныя“ отличались отъ всѣхъ другихъ предметовъ обученія не прямо полезныхъ св. церкви и не непосредственно приличныхъ духовному чину и выдвигались предъ послѣдними на первый планъ, и теперь всѣ предметы смѣшанныхъ духовно-учебныхъ курсовъ тоже стали раздѣляться на такъ называемые ординарные, на которые обращалось главное вниманіе, и экстраординарные, второстепенные. Послѣдніе обнимали собою образованіе общее, а первые относились къ образованію спеціально-духовному; къ нимъ причислялись еще классическіе языки, риторика и философія,—предметы въ сущности общеобразовательные, но, какъ мы знаемъ, издавна усвоенные исключительно образованію духовному.

Общій порядокъ семинарскаго курса оставался совершенно тотъ же, что и прежде, и по прежнему опредѣлялся порядкомъ постепеннаго изученія учени-

ками главныхъ предметовъ сословнаго обученія, по именамъ которыхъ назывались и самые классы. Не смотря на то, что и теперь, какъ прежде, не существовало никакой общей уставной организаціи учебныхъ курсовъ и порядокъ ихъ всецѣло зависѣлъ отъ усмотрѣнія и распоряженія однихъ епархіальныхъ начальствъ, онъ вездѣ опредѣлялся по одному и тому же общему типу, который выработала еще кіевская академія, и разнился только въ подробностяхъ, зависѣвшихъ главнымъ образомъ отъ того, какъ на какую науку смотрѣлъ извѣстный епархіальный архіерей и какую придавалъ важность ея изученію. Почти одинаково оставалось и время продолжительности всего курса, отъ 10 до 12 и 13 лѣтъ, хотя тоже отъ воли архіерея зависѣло во всякое время растянуть его, наприм. вмѣсто двухъ лѣтъ, обыкновенно назначавшихся на изученіе богословіи, продержать учениковъ въ богословскомъ классѣ 3 и 4 года (1).

Самымъ низшимъ классомъ, съ котораго начиналось училищное и семинарское обученіе, былъ классъ „заправный“ или приготовительный, называвшійся также русскою школою и информаторіею. Курсъ этого класса былъ чисто элементарный общеобразовательный и состоялъ главнымъ образомъ въ обученіи мальчиковъ чтенію и письму. Не смотря на то, что первоначальное обученіе духовныхъ дѣтей грамотѣ повсюду возлагалось на обязанность самихъ отцевъ, въ училища и семинаріи все еще сплошь и рядомъ поступали безграмотные ребята, съ которыми подолгу приводилось

---

(1) Болѣе опредѣленныя и полныя свѣдѣнія о порядкѣ преподаванія главныхъ предметовъ, которыми мы пользуемся въ послѣдующемъ очеркѣ семинарскаго курса, находятся, кромѣ исторій академій, въ стат. о гимназіяхъ Педаг. В. т. III, отд. 3, въ исторіяхъ семинаріи троицкой, псковской, смоленской (Смол. еп. вѣд. 1878 и 1879 гг.), владимірской, тульской (Тульск. еп. вѣд. 1862 г. № 9), тамбовской (епарх. вѣд. 1862 г. № 2) и нѣкотор. др., и училищъ переяславльскаго (Влад. еп. вѣд. 1866 г. № 23) и устюжскаго (Волог. 1874 г. № 17).

здѣсь биться, чтобы научить ихъ сносному чтенію и сколько нибудь правильному и чистому письму. Въ псковской семинаріи при информаторіи въ 1780 г. нарочно была заведена русская школа для обученія сиротъ, которые не имѣли возможности выучиться грамотѣ дома. Бывали, какъ мы уже видѣли, русскія школы и по другимъ епархіямъ, или остававшіяся отъ прежняго времени или даже заводившіяся вновь. Подъ конецъ XVIII столѣтія нѣкоторые заботливые архіереи, наприм. Гавріилъ петербургскій, Ѳеофилъ тамбовскій, Ириней псковскій, стали заводить русскія классы при семинаріяхъ для учениковъ, исключенныхъ изъ другихъ классовъ за неспособностію къ изученію языковъ, съ цѣлію приготовлять ихъ здѣсь къ причетническимъ должностямъ. Въ 1800 г. св. Синодъ выдалъ о заведеніи такихъ школъ или, лучше сказать, причетническихъ классовъ общій указъ для всѣхъ епархій (1). Съ начала 1780-хъ гг. въ русскомъ обученіи явилась немаловажная новость, — обученіе гражданской печати. Св. Синодъ распорядился разослать по епархіямъ гражданскія азбуки на томъ основаніи, что въ епархіяхъ священно-и-церковнослужительскія дѣти и въ семинаріяхъ ученики, при началѣ ученія чтенію россійской грамоты, обучаются по азбукамъ одной церковной печати, а Синодъ за нужное находилъ, чтобы не только обучающіеся въ семинаріяхъ, но и все духовенство разумѣло читать, сверхъ церковной, и гражданскую печать, тѣмъ паче, что выходящіе ко всенародному свѣденію и исполненію манифесты и указы, изъ коихъ нѣкоторые обнародываются въ церквахъ, обыкновенно печатаются гражданскою азбукою, а читать ихъ въ церквахъ, особливо сельскихъ, кромѣ священно-и-церковнослужителей, не

(1) П. С. З. XXVII, № 19532.

кому“ (1). Обученіе чтенію по часослову и псалтири оставалось впрочемъ преобладающимъ въ русскомъ классѣ и послѣ этого. Кромѣ чтенія и письма, тутъ же сообщались ученикамъ нѣкоторыя необходимыя грамматическія свѣденія по краткой русской грамматикѣ, изданной для народныхъ училищъ, и правила русскаго правописанія. По закону Божію информатористы выучивали символъ вѣры, главныя молитвы, заповѣди и блаженства съ краткимъ толкованіемъ по букварю съ сокращеннымъ катихизисомъ, для чего назначались преимущественно воскресные и праздничные дни. Далѣе, такъ какъ ученики весьма нерѣдко выходили изъ информаторіи прямо на причетническія мѣста, то въ этомъ же классѣ начиналось обученіе важному предмету церковнической спеціальности, — церковному пѣнію по нотамъ и по наслышкѣ, для чего назначались въ нѣкоторые дни недѣли послѣобѣденные часы. Кто способенъ былъ идти дальше, въ слѣдующіе латинскіе классы, тотъ могъ въ информаторіи заправиться и въ началахъ латинскаго ученія; для этого вмѣстѣ съ обученіемъ русской грамотѣ положено было обучать учениковъ еще чтенію и письму по латинѣ, а послѣ того, какъ они ознакомятся съ началами русской грамматики, преподавать имъ простѣйшія этимологическія правила и изъ грамматики латинской (касающіяся правильныхъ склоненій и спряженій). Учитель въ заправномъ классѣ назначался большею частію изъ учившихся еще въ семинаріи богословъ и одинъ для всѣхъ предметовъ, кромѣ церковнаго пѣнія, для котораго бывали по мѣстамъ особые преподаватели изъ мѣстнаго духовенства или изъ пѣвчихъ. Продолжительность заправнаго курса опредѣлялась въ одинъ годъ, но болѣе талантливые мальчики могли учиться въ немъ и меньше, а плохіе по

(1) Указъ этотъ см. въ Ист. моск. епарх. управл. ч. III. кн. 2, стр. 145.

прежнему просиживать въ одномъ классѣ по нѣсколько лѣтъ. Духовныя начальства теперь впрочемъ старались не давать имъ долго тутъ засиживаться и поскорѣе увольняли ихъ куда нибудь въ церковники. М. Платонъ въ 1802 г. распорядился не держать учениковъ въ информаторіи даже болѣе одного года, а непремѣнно либо переводить ихъ въ слѣдующій классъ, либо совсѣмъ исключать изъ школы.

За информаторіей далѣе, какъ и въ прежнее время, слѣдовали все латинскіе классы и русское обученіе совсѣмъ оставлялось вплоть до пѣтики и риторики, когда ученики начинали учиться сочинять. Пренебреженіе имъ доходило до того, что нѣкоторые ученики, дойдя до высшихъ классовъ, разучивались даже читать. Въ 1768 г. Парѳеній смоленскій писалъ въ одномъ указѣ: „Разсуждали мы, что многіе изъ учениковъ семинаріи, будучи уже отпущены съ аттестатами и приходя съ выборами для производства въ причтъ церковный, въ чтеніи книгъ церковныхъ и гражданскихъ, а также и въ церковномъ пѣніи являются весьма неисправны, а нѣкоторые крайне невѣжи и во всемъ, и притомъ не только ученики низшихъ школъ, но тѣмъ же недостаткамъ подвержены и ученики высшихъ, риторики, философіи и богословіи". Такое незнаніе ихъ преосвященный объяснялъ, тѣмъ, что „они долгое время проводили во ученіи латинскихъ школъ", а въ церковномъ чтеніи упражнялись мало. Вслѣдствіе этого велѣно непремѣнно заставлять семинаристовъ читать въ церкви поочереди и пѣть на клиросѣ (1). Такое очередное чтеніе въ церкви заведено было вездѣ и въ другихъ епархіяхъ. По всей вѣроятности знаніе русской грамоты не особенно строго наблюдалось и въ заправномъ классѣ, гдѣ тоже на послѣднемъ пере-

(1) Смол. епарх. вѣд. 1878 г. № 18, 513—514; сравн. 1879 г. № 4, стр. 116: запрещеніе архіерея переводить неумѣющихъ читать философовъ въ богословію.

водномъ экзаменѣ на первомъ планѣ уже фигурировала латынь, а дальше на нее и спросу не было, такъ что ученикъ, не выучась хорошенько читать, могъ почти безпрепятственно переходить по латинскимъ классамъ иногда до самой богословіи и до ставленическаго экзамена, гдѣ наконецъ его неискуство и обнаруживалось. Еще чаще проходили въ высшіе классы неумѣющіе пѣть, поэтому, чтобы поддержать искусство церковнаго пѣнія между учениками, на него назначалось по нѣсколькѣ часовъ (обыкновенно послѣобѣденныхъ) въ недѣлю въ каждомъ классѣ, не исключая и высшихъ.

Слѣдовавшіе за информаторіей латинскіе классы были грамматическіе: нисшій и высшій. Первый соотвѣтствовалъ двумъ прежнимъ классамъ, фарѣ и инфимѣ, и потому въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ самъ раздѣлялся на два класса, носившіе разныя наименованія, или прежнія или нѣсколько измѣненныя: фара и нижняя грамматика, нисшій грамматическій и средній; на курсъ тои и другой его части отряжалось по году, а соединенный классъ имѣлъ двухлѣтній курсъ. Учитель былъ одинъ (1), преподавалъ грамматику до синтаксиса, толкуя синтаксическія правила кратко, когда встрѣчалась въ томъ надобность, и занималъ учениковъ переводами съ латинскаго языка на русскій и болѣе легкими съ русскаго на латинскій. Въ этомъ же классѣ начиналось обыкновенно преподаваніе ученикамъ катихизиса, уроки котораго задавались имъ на воскресные и праздничные дни. Изученію латинской грамматики придавали почти такую же важность, какъ и прежде. „Учителю, сказано въ одной инструкціи Платона 1802 г., и при началѣ и часто внушать ученикамъ, какая польза отъ ученія грамматики, и сколько и чѣмъ различествуетъ знающій сію науку

(1) Въ раздѣленномъ классѣ бывало и по два учителя, напр. въ Смоленскѣ.

отъ незнающаго, и что безъ нея ни ораторомъ, ни стихотворцемъ, ни философомъ, ни богословомъ быть нельзя, даже не можно ничего ни писать, ни прочесть порядочно, ни выразумѣть основательно". Учебниками по латинской грамматикѣ были: отчасти старый Альваръ, съ которымъ учители не могли совсѣмъ разстаться и который служилъ при толкованіи и дополненіи новыхъ учебниковъ, затѣмъ главнымъ образомъ грамматика Лебедева, дополнявшаяся иногда грамматикою Marchica, и новая грамматика Бантышъ-Каменскаго; въ началѣ текущаго столѣтія явилась и введена была сначала въ тульской семинаріи грамматика преосв. Амвросія (тульскаго), которая просуществовала въ семинаріяхъ въ качествѣ постояннаго учебника вплоть до реформы дух. училищъ настоящаго царствованія. Въ изученіи латинскаго языка имѣлъ значеніе впрочемъ не столько учебникъ грамматики, сколько постоянныя упражненія учителя съ учениками въ переводахъ. Въ началѣ нисшаго грамматическаго курса дѣло ограничивалось болѣе легкими переводами съ латинскаго съ подробнымъ грамматическимъ разборомъ на русскомъ языкѣ: переводили обыкновенно книгу: Orbis visibilis. Но затѣмъ работа учениковъ все болѣе и болѣе усложнялась. Orbis visibilis замѣнялся Федромъ, Іустиномъ, Ливіемъ, К. Непотомъ и др. авторами, которыхъ указывалъ архіерей. Русскій грамматическій разборъ замѣнялся латинскимъ. Грамматическія регулы тоже начинали заучиваться на латинскомъ языкѣ безъ перевода. На каждый день задавалось выучить наизусть нѣсколько латинскихъ словъ изъ Целлярiева словаря и по нѣскольку изреченій (сентенцій) изъ разныхъ авторовъ; учили также разговоры Еразма или Кастеллія. Вмѣстѣ съ этимъ все чаще и чаще производились упражненія учениковъ въ переводахъ съ русскаго языка и устно и письменно; письменныя упражненія задавались раза по три въ недѣлю, тщательно разбирались учителемъ въ классѣ и затѣмъ представлялись на разсмотрѣніе семинарскому правленію. Подъ конецъ нис-

шаго грамматическаго курса ученики начинали уже довольно сносно объясняться на латинскомъ языкѣ; въ классѣ изъ устъ учителя уже почти вовсе не было слышно русской рѣчи и въ нѣкоторые дни пускался въ ходъ знаменитый calculus.

Въ продолженіе двухлѣтняго же курса [1]) въ высшемъ грамматическомъ классѣ или синтаксисѣ calculus былъ уже въ полномъ ходу. Изъ грамматики въ это время учили полный синтаксисъ и просодію. Авторы для переводовъ употреблялись тѣже и еще сочиненія (особенно Epistolae) Цицерона, а подъ конецъ курса иногда поэты Горацій, Овидій и Виргилій. Кромѣ того ученикамъ на каждый день задавались для выучиванія наизусть или тирады и сентенціи изъ разныхъ авторовъ, или по нѣсколько десятковъ словъ изъ лексикона Целлярія (словарь этотъ выучивался почти весь со всѣми своими словами какъ primitivis, такъ и derivativis), или наконецъ для лучшаго ознакомленія съ оборотами латинской рѣчи по нѣсколько примѣровъ изъ латинской фразеологіи, для той же цѣли въ синтаксисѣ существовала особая часть syntaxis figurata или ornata. Письменныя упражненія въ переводахъ съ русскаго на латинскій задавались, какъ и въ нижней грамматикѣ, раза по три въ недѣлю, но гораздо болѣе сложныя и трудныя. Устныя происходили каждый день; на каждое синтаксическое правило задавалось множество примѣровъ, а для большей легкости въ пользованіи латинской фразеологіей при устныхъ упражненіяхъ въ переводѣ требовалось, чтобы ученикъ одну и туже мысль, даже фразу, какъ можно быстрѣе и догадливѣе, перифразировалъ на латинскомъ языкѣ на нѣсколько ладовъ. При изученіи просодіи и переводѣ поэтовъ пускались въ ходъ перефракты или, какъ они назывались по русски, ломки, состоявшіе въ

([1]) Въ нѣкоторыхъ же семинаріяхъ (напр. тульской) курсъ этотъ былъ годичный.

возвращеніи въ первоначальный видъ латинскихъ стиховъ, обращенныхъ въ прозу. Помимо всѣхъ этихъ упражненій само по себѣ шло упражненіе въ латинскихъ разговорахъ. Семинарскія инструкціи только и внушали учителямъ, чтобы они, какъ можно больше, старались практиковать учениковъ подобными упражненіями, лишь бы только, предостерегаетъ одна такая инструкція, не причинить этимъ какого повреждения ихъ мозгамъ (1).

Неудивительно, что при такой настойчивой дрессировкѣ въ латинскомъ языкѣ, ученики доходили до изумительной свободы въ его употребленіи, о какой мы съ трудомъ можемъ теперь составить себѣ понятіе. У лучшихъ учениковъ онъ дѣлался чѣмъ-то въ родѣ природнаго, такъ что они, кажется, и мыслили по латинѣ; по крайней мѣрѣ, когда имъ случалось что нибудь записывать по русски или наприм. послѣ въ высшихъ классахъ составлять про себя на бумагѣ планъ какого нибудь русскаго сочиненія, они невольно пересыпали свою русскую рѣчь латинскими фразами, а нѣкоторые знатоки такъ и все сочиненіе писали первоначально на языкѣ латинскомъ, а потомъ уже переводили съ него на русскій (2). Но понятно, что среди такого усиленнаго латинскаго обученія не мало также должно было оказываться учениковъ съ поврежденными мозгами, на которыхъ латинская дрессировка производила подавляющее и отупляющее дѣйствіе и которые, какъ говоритъ таже, сейчасъ упомянутая, инструкція, „чрезъ нѣсколько лѣтъ живучи въ училищномъ мѣстѣ, не токмо не просвѣщались, но едва чѣмъ лучше выходили, нежели какъ не быть бы имъ во оном мѣстѣ“; еще больше оказывалось такихъ, ко-

---

(1) Инстр. Симона рязанскаго въ Рязанск. еп. вѣд. 1866 г. № 19—20.

(2) См. напр. Очеркъ жизни Августина. М. 1848 г. стр. 5, 93—94. Также ист. троицк. сем. 339—340.

торые отставали отъ своего курса по слабости своихъ способностей, „за невзятіемъ латинской науки“. Отъ этого, начиная съ инфимы, число учениковъ въ грамматическихъ классахъ уменьшалось съ каждымъ годомъ; начальство должно было исключать ихъ даже въ томъ случаѣ, когда вполнѣ было убѣждено въ ихъ прилежаніи, видѣло, что безъ латыни они могли бы еще довольно успѣшно продолжать свое приготовленіе къ церковной службѣ, сдѣлаться впослѣдствіи способными къ занятію не однихъ церковническихъ, но даже и священнослужительскихъ мѣстъ, и жалѣло ихъ; они исключались и пропадали потомъ въ нисшихъ духовныхъ должностяхъ единственно потому, что въ дальнѣйшихъ классахъ, гдѣ собственно и начиналось духовное образованіе для подготовки будущихъ пастырей русскаго народа, лекціи читались не на русскомъ, а на латинскомъ языкѣ, и что не успѣвшій усвоить этого языка до риторики дѣйствительно не могъ идти дальше, такъ какъ ему тамъ положительно ничего нельзя было понять. Существовавшія по мѣстамъ, а потомъ въ 1800 г. заводившіяся во всѣхъ епархіяхъ, русскія школы мало способствовали къ улучшенію участи такихъ неудачливыхъ учениковъ, потому что эти школы по своему курсу были чисто элементарныя и годились къ приготовленію воспитанниковъ только на причетническія же должности: по указу 1800 г. въ нихъ полагалось учить только чтенію, письму, пѣнію, катихизису, свящ. исторіи и церковному уставу. Такое значеніе школъ именно только причетническихъ удержалось за ними даже послѣ 1803 г., когда въ св. Синодѣ утвержденъ былъ проектъ о значительномъ расширеніи ихъ курса и притомъ съ прямою цѣлію дать ихъ воспитанникамъ доступъ не къ однимъ причетническимъ, но и къ священнослужительскимъ должностямъ.

Иниціатива этого полезнаго дѣла принадлежала м. Амвросію петербургскому. Наблюдая за ходомъ ученія и успѣхами воспитанниковъ въ своей академіи,

говорится въ Исторіи послѣдней (1), онъ замѣчалъ, что многіе ученики нисшихъ классовъ, имѣющіе хорошія способности и дарованія, но по какому нибудь случаю не успѣвавшіе въ латинскомъ языкѣ, исключаются изъ академіи, и не находя этого справедливымъ, желая дать возможность къ образованію и подобнымъ воспитанникамъ, предложилъ св. Синоду учредить при академіи русскую школу съ тѣмъ, чтобы дѣти духовенства, неспособныя по незнанію латинскаго языка къ продолженію высшихъ наукъ, могли образоваться, оставаясь при своемъ природномъ языкѣ, и чрезъ то съ пользою послужить церкви, причемъ представилъ и самый проектъ курса предлагаемой къ открытію школы. Св. Синодъ утвердилъ его предложеніе и предписалъ архіереямъ учредить подобныя русскія школы повсюду и опредѣлять кончившихъ въ нихъ курсъ учениковъ на священническія мѣста по селамъ и въ учители заводившихся тогда приходскихъ училищъ для образованія народа. Курсъ для нихъ назначенъ пятилѣтній, раздѣленный на три класса. Въ первомъ классѣ съ годичнымъ курсомъ положено обучать чтенію, чистописанію, пѣнію по обиходу и краткой россійской грамматикѣ по книжкѣ, изданной для народныхъ училищъ; во второмъ съ курсомъ двухгодичнымъ—краткой св. исторіи, географіи при помощи изданныхъ для народныхъ училищъ ландкартъ, краткой исторіи всеобщей и русской по Голбергову сокращенію исторіи, ариѳметикѣ по народной книгѣ и пасхаліи; въ третьемъ (тоже двухгодичномъ)—краткой россійской логикѣ и риторикѣ по книжкѣ, изданной 1785 г., ученію о должностяхъ человѣка и гражданина по книгѣ, изданной для народныхъ училищъ, и о должности пресвитеровъ приходскихъ по книгѣ 1796 г., пространному катихизису, руководству къ чтенію св. Писанія по книгѣ м. Амвросія 1779 г. и наконецъ церковному

(1) Ист. спб. акад. 158—160.

уставу по руководству 1800 г. Кромѣ неспособныхъ къ изученію латинскаго языка учениковъ, въ русскихъ классахъ велѣно обучать еще малограмотныхъ церковниковъ.—Распоряженія о такомъ устройствѣ русскихъ школъ тогда же стали приводиться въ исполненіе, причемъ для сокращенія расходовъ первый классъ обыкновенно соединяемъ былъ съ классомъ заправнымъ, а два другихъ открывались вновь. Однѣ болѣе богатыя семинаріи сразу открыли у себя полныя русскія школы, остальныя только одинъ первый классъ, т. е. собственно говоря, не открыли ничего, а только переименовали въ первый классъ старую свою информаторію, наполнивъ его тѣми же учениками и малограмотными причетниками, какіе въ немъ учились и прежде, и оставивъ за нимъ совершенно прежнее значеніе, вслѣдствіе чего предписанное Синодомъ учрежденіе теряло всю свою силу (1). Не больше впрочемъ оно удалось и въ первыхъ семинаріяхъ, такъ какъ и въ нихъ наполнялся учениками одинъ только первый же классъ; кончивъ въ немъ курсъ, ученики, минуя остальные русскіе классы, или переходили въ грамматику, чтобы продолжать обыкновенный курсъ семинарскаго ученія, или же прямо поступали на причетническія мѣста, такъ что для послѣдующихъ русскихъ классовъ оставалось только самое не большое число учениковъ. Наприм. въ смоленской семинаріи съ самаго же начала существованія этихъ классовъ въ I было 194 человѣка, во II уже 78, въ III 24, а въ 1808 г.—въ I было 135, а въ III только 20; въ тамбовской семинаріи за неимѣніемъ учениковъ классы эти вскорѣ закрылись сами собой; въ петербургской академіи, гдѣ первый русскій классъ существовалъ отдѣльно отъ информаторіи, въ русской школѣ главнымъ образомъ учились только причетники,—въ 1807 г. изъ 62 учениковъ ея 53 было причетниковъ и только

(1) См. напр. Ист. пок. сем. 50—52.

9 простыхъ учениковъ, которые отданы были въ нее отцами, какъ въ заправной классъ, для приготовленія въ академію и для которыхъ потому особо преподавались здѣсь начатки латинскаго языка (1). Такимъ образомъ русскія школы, оставаясь попрежнему школами только причетническими, такъ и не успѣли получить значенія русскихъ семинарій для приготовленія дѣтей въ надежду священства.

Мысль объ усиленіи въ семинарскомъ курсѣ русскаго языка прилагалась къ преподаванію и въ высшихъ классахъ семинарій. Мы видѣли, что въ подобномъ видѣ, хотя изрѣдка и въ весьма неопредѣленной формѣ, она высказывалась еще и въ прежнее время, при полномъ господствѣ въ дух. наукѣ кіево-латинскихъ преданій, высказывалась притомъ же не одними малообразованными людьми изъ простаго духовенства, но даже нѣкоторыми изъ образованнѣйшихъ людей между самими малороссами іерархами. Между новыми вождями духовнаго образованія изъ великороссовъ она сдѣлалась господствующею. Еще въ 1766 г. Платонъ въ одномъ распоряженіи касательно преподаванія наукъ въ троицкой семинаріи писалъ: „упражненія должно задавать (ученикамъ риторики) дѣлать на томъ и другомъ языкѣ (латинскомъ и русскомъ) попеременно, ибо нелѣпо пріучать къ языку латинскому, а родную рѣчь бросать“ (2). Въ продолженіе царствованія Екатерины изученіе русской риторики и піитики введено было уже во всѣхъ семинаріяхъ совмѣстно съ латинской. При изученіи уроковъ по философіи и богословіи вошло во всеобщее употребленіе переводить ихъ непремѣнно на русскій языкъ. Часть ученическихъ упражненій въ высшихъ классахъ тоже писалась на русскомъ языкѣ. Нечего, разумѣется, и

---

(1) Смол. епарх. вѣд. 1879 г. № 10, стр. 304. № 14, стр. 438; Тамб. 1862 г. № 2, стр. 77; Ист. спб. акад. стр. 161.

(2) Ист. троицк. сем. 310.

говорить, что по русски же шло преподаваніе экстраординарныхъ свѣтскихъ наукъ. Но этимъ успѣхи русскаго языка пока и ограничивались. Старыя латинскія преданія такъ были еще сильны, что ни у кого изъ архіереевъ не хватало смѣлости ввести русскій языкъ въ самое преподаваніе и въ учебники высшихъ наукъ. Въ 1765 г. вышла въ свѣтъ первая русская система богословія м. Платона и вскорѣ стала понемногу вводиться въ качествѣ руководства во всѣ семинаріи и академіи, но все-таки не сдѣлалась главнымъ учебникомъ по этому предмету, а проходилась только въ качествѣ какого-то дополненія къ главнымъ латинскимъ учебнымъ системамъ, точно такъ же, какъ прежде нея проходилось учениками богословіи Православное исповѣданіе Петра Могилы. Такъ было даже въ семинаріи самого м. Платона, троицкой; всѣ ея преподаватели богословія считали нужнымъ составлять для ея учениковъ свои собственныя системы, не смотря на то, что Платонъ еще въ 1775 г. прямо изъявилъ желаніе, чтобы богословіе изучалось по его книгѣ только съ дополненіями изъ другихъ авторовъ. Самая большая вольность противъ латыни, до какой только могли дойти здѣсь въ богословскихъ лекціяхъ уже къ концу XVIII столѣтія, состояла въ томъ, что въ ихъ латинскій текстъ стали вставлять тексты св. Писанія по славянской Библіи безъ перевода на латинскій языкъ (1). Любопытно, что въ тульской семинаріи, гдѣ система Платона была главнымъ учебникомъ, ученики учили ее все-таки не въ русскомъ подлинникѣ, а въ латинскомъ переводѣ (2). Самъ Платонъ, хотя одинъ изъ первыхъ заговорилъ объ изученіи русскаго языка въ семинаріяхъ, крѣпко стоялъ за латынь и внушалъ въ одной инструкціи 1802 г.: „непрестанно задавать ученикамъ работу, чтобы они съ

(1) Ист. троиц. сем. 279—280.
(2) Тульск. еп. вѣд. 1862 г. № 9. стр. 488—489.

большимъ напряженіемъ входили въ знаніе латинскаго языка". Въ 1800 г. вопросъ о преподаваніи семинарскихъ лекцій на русскомъ языкѣ поднятъ былъ въ самомъ св. Синодѣ. Платонъ по этому случаю писалъ м. Амвросію: „чтобы на русскомъ языкѣ у насъ въ училищѣ лекціи преподавать, я не совѣтую. Наши духовные и такъ отъ иностранцевъ почитаются почти неучеными, что ни по французски, ни по нѣмецки говорить не умѣемъ. Но еще нашу поддерживаетъ честь, что мы говоримъ полатынѣ и переписываемся. Ежели же латинскому учиться такъ, какъ греческому, то и послѣднюю честь потеряемъ, поелику ни говорить, ни переписываться не будемъ ни на какомъ языкѣ; прошу сіе оставить. На нашемъ языкѣ и книгъ классическихъ мало. Знаніе латинскаго языка совершенно много содѣйствуетъ краснорѣчію и россійскому. Сіе пишу съ общаго совѣта ректоровъ, — академическаго и троицкаго, и префектовъ и преосв. Серафима" (1). Понятно послѣ этого, какое значеніе въ семинарскомъ курсѣ должны были имѣть латинскіе грамматическіе классы. „Латинскія школы, писалъ преосв. Симонъ Лаговъ въ своей инструкціи, не токмо основаніе полагаютъ, но и самое зданіе выводятъ учености". М. Амвросій, по иниціативѣ котораго Синодъ поднялъ вопросъ о русскомъ языкѣ, не раздѣлялъ впрочемъ подобныхъ крайнихъ убѣжденій: въ 1804 г. правленіе его петербургской академіи въ своемъ планѣ преподаванія наукъ на этотъ годъ сдѣлало либеральное постановленіе о сокращеніи числа латинскихъ уроковъ на томъ основаніи, что латинскій языкъ есть только средство къ просвѣщенію, а не составляетъ самъ по себѣ онаго и при всемъ томъ однакоже занимаетъ большую часть времени каждый день до полудня (2). Въ 1808 г. противъ чрезмѣрнаго преобладанія латин-

(1) Ист. троицк. сем. 340—344.

(2) Ист. спб. акад. 106.

скаго языка въ дух. образованіи возсталъ наконецъ и комитетъ о преобразованіи дух. училищъ.

Изъ синтаксимы, которой заканчивался рядъ нисшихъ классовъ, ученики переводились въ первый собственно уже семинарскій классъ, піитику или, если семинарія не имѣла этого класса, прямо въ риторику. Мы уже замѣчали, что и прежде великорусскіе ученые не отличались такой чрезвычайной привязанностію къ виршамъ, какъ малороссы. Въ описываемое время, когда веденіе школьнаго дѣла совсѣмъ попало въ ихъ руки, классъ піитики въ отдѣльномъ видѣ уничтоженъ былъ во многихъ семинаріяхъ и присоединенъ къ риторическому, даже не увеличивая обыкновеннаго двухлѣтняго курса послѣдняго, а гдѣ по старой памяти и существовалъ въ отдѣльномъ видѣ, имѣлъ только одногодичный курсъ. Объ усиленіи піитическихъ занятій начальство заботилось мало. Такъ, въ троицкой семинаріи по цѣлымъ мѣсяцамъ о поэзіи не бывало и помина до тѣхъ поръ, пока ректоромъ ея не сдѣлался Аполлосъ Байбаковъ, авторъ извѣстной піитики, изданной имъ въ 1774 г. и сдѣлавшейся учебникомъ для всѣхъ семинарій и академій. Въ 1778 г. онъ просилъ Платона отдѣлить для своего любимаго предмета особый классъ. Платонъ написалъ на этомъ прошеніи резолюцію, которая всего лучше выражаетъ почти общій тогда взглядъ дух. начальствъ на эту науку: „согласенъ я, только не навсегда, а на время; ибо, когда риторическій учитель будетъ и къ поэзіи способенъ, тогда долженъ сей классъ съ риторикою соединенъ быть. А нынѣ ректору, избравъ изъ риторики учениковъ, которые къ поэзіи склонны, обучать ихъ оной въ недѣлю 2 раза въ извѣстные часы, только такъ, чтобъ они обучались и риторикѣ и никакова бы имъ въ обученіи риторикѣ затрудненія не было“. Раздѣленіе обоихъ классовъ обязательное для всѣхъ семинарій произведено уже указомъ св. Синода 1798 года. Но и послѣ этого піитика все-таки проходилась весьма кратко, потому что прежде, чѣмъ приступить

къ ея изученію, ученики піитическаго класса должны были изучить предварительно цѣлую первую часть риторики, трактовавшую о періодахъ, хріяхъ и украшеніяхъ рѣчи—тропахъ и фигурахъ, на что и уходило около половины всего піитическаго курса. Упражненія въ піитическомъ родѣ требовались отъ учениковъ съ меньшей обязательностію, чѣмъ риторическія; „Успѣхъ въ стихотворствѣ, замѣчалъ Платонъ, зависитъ наиболѣе отъ склонности счастливой природы", и на этомъ основаніи совѣтовалъ не требовать строго упражненій въ поэзіи отъ всѣхъ, „а поощрять тѣхъ, въ комъ откроется къ стихотворству свободная жила". Охотниковъ до поэзіи, у которыхъ открывалась эта свободная жила, являлось впрочемъ довольно много и начальства усердно ихъ поощряли, потому что запросъ на піитическія произведенія былъ большой. Вѣкъ Екатерины, вѣкъ попреизлиху риторическій, время всякаго рода торжественныхъ одъ и хвалебныхъ рѣчей, имѣлъ огромное вліяніе на семинарскую музу. Публичные акты и диспуты, семинарскіе храмовые праздники или праздники святымъ патронамъ разныхъ классовъ (І. Златоусту праздновали риторы, Іустину философу — философы, Іоанну Богослову—ученики богословія), майскія рекреаціи, встрѣчи разныхъ именитыхъ особъ, похороны учителя или товарища, поздравленія ректорамъ и особенно архіереямъ съ праздниками Рождества Христова и Пасхи или съ днями именинъ, — всѣ эти случаи не обходились безъ того, чтобы не извлечь изъ Кастальскаго источника семинарской піитики цѣлыхъ потоковъ разнообразнѣйшихъ стихотвореній на русскомъ и латинскомъ языкахъ, которыя считались самою необходимою принадлежностію всякаго рода и радостныхъ и печальныхъ торжествъ. Тутъ были и оды, и гимны, и дифирамбы, и мадригалы, и эпиграммы, и аллегоріи, и разные канты, и акростихи, и прихотливые стихи ретроградные, львиные, змѣиные, или въ видѣ звѣзды и солнца, которые подавались архіерею на бумагѣ, тщательно написанной и разрисованной

бордюрами и виньетками, и т. п. До послѣдняго времени сохранялись по семинаріямъ даже остатки целебровавшихся въ прежнее время драмматическихъ дѣйствъ, ограничивавшіеся впрочемъ теперь только стихотворными или прозаическими разговорами нѣсколькихъ учениковъ передъ публикой о разныхъ предметахъ. Иногда разговоръ такого рода велся съ эхомъ, причемъ ученикъ, выбранный для него, говорилъ свою рѣчь среди семинарской залы, задавая эху разные вопросы, а эхо, изображаемое кѣмъ нибудь изъ школьныхъ басовъ, забиралось въ уголъ на хоры и оттуда повторяло концы стиховъ, давая такимъ образомъ болѣе или менѣе удачные отвѣты.

Характеръ семинарской піитики почти вовсе не измѣнился противъ прежняго. Это была по старому ars versus pangendi, трактовавшая исключительно объ однихъ формахъ и внѣшнихъ красотахъ піитической рѣчи. Разница новой піитики противъ прежней, кажется, только тѣмъ и ограничивалась, что въ трактатахъ о русскомъ стихосложеніи, вмѣсто силлабическаго размѣра, она стала излагать разные виды и подвиды новаго размѣра, тоническаго. Главное вниманіе было впрочемъ попрежнему обращено на стихосложеніе латинское. Повторивъ тщательно изъ грамматики просодію, ученики большую часть времени проводили въ изученіи классическихъ поэтовъ Горація, Овидія и Виргилія, переводили, учили ихъ наизусть, дѣлали изъ нихъ перефракты и писали имитаціи избраннымъ отрывкамъ. Изъ русскихъ произведеній для изученія и имитацій употреблялись преимущественно сочиненія Ломоносова и Сумарокова, но ими занимались менѣе, чѣмъ латинскими. Изъ сличенія русскихъ сочиненій (ученическихъ) съ латинскими, говоритъ авторъ Исторіи троицкой семинаріи, можно замѣтить, что послѣднія по той легкости, съ какою написаны, и по чистотѣ языка имѣютъ преимущество передъ первыми, въ которыхъ нерѣдко видны слѣды усильной и напряженной работы надъ риѳмою. Видно, что латинскимъ

языкомъ владѣли тогда лучше, нежели русскимъ". Нѣкоторые лучшіе ученики доходили до такой легкости въ употребленіи латинскаго стиха, что были въ состояніи пускаться даже въ импровизаціи на заданныя темы (1). Господствующимъ учебникомъ по піитикѣ была книжка Аполлоса Байбакова о стихотвореніи россійскомъ и латинскомъ съ дополненіями изъ принятыхъ тогда риторикъ. Къ піитикѣ присоединялось еще ученіе о классическихъ древностяхъ или частнѣе о миѳахъ, потому что главнымъ источникомъ поэтическаго изобрѣтенія и всѣхъ поэтическихъ красотъ считалась древняя миѳологія, которой тогда обильно пользовались въ своихъ произведеніяхъ и не одни семинарскіе піиты. Руководствомъ къ изученію этого необходимаго тогда предмета служили Метаморфозы Овидія и Pantheum mysticum Помея.

Риторическій курсъ, всегда считавшійся весьма важнымъ для развитія учениковъ, продолжался не менѣе двухъ лѣтъ. Риторика, какъ и піитика, имѣла теперь уже постоянныя печатныя руководства, а не изучалась по измѣнчивымъ запискамъ преподавателей. Таковы были латинскія риторики Бургія, Гейнекція, Воссія, и русскія Ломоносова, Рижскаго и Амвросія Серебреникова, господствующими изъ нихъ до конца XVIII столѣтія были Бургій и Ломоносовъ. Въ 1798 г. св. Синодъ указалъ замѣнить Бургія новоизданною риторикою Франциска Лежая; но семинаріи, привыкшія къ старому руководству, не оставляли его и послѣ этого указа, употребляя новую риторику только для разныхъ дополненій и объясненій къ старой. Впрочемъ большой разницы между этими учебниками не было; оба они держались одного и того же чисто формальнаго воззрѣнія на науку словесности и одного и тогоже метода; Бургій былъ только нѣсколько суше Лежая и нѣсколько устарѣлъ противъ послѣдняго по приво-

(1) См. наприм. Очеркъ жизн. Августина иоск. 7—8.

димымъ на риторическія правила примѣрамъ и образцамъ. Съ другой стороны, при чисто практическомъ способѣ преподаванія словесности, какой господствовалъ въ нашей старой семинаріи, учебникъ по риторикѣ имѣлъ для учениковъ также мало значенія, какъ въ грамматическихъ классахъ учебники грамматики. Система зубренія учебниковъ по этимъ предметамъ, по нашему мнѣнію, есть продуктъ болѣе нашего вѣка, чѣмъ прошлаго. По программамъ преподаванія, которыя сохранились отъ тогдашнихъ учителей, видно, что по прочтеніи обыкновенно очень небольшаго урока изъ учебника къ слѣдующему дню учитель сначала заставлялъ учениковъ перевести его съ латинскаго языка на русскій, потомъ объяснялъ встрѣчавшіеся въ немъ трудные термины и самую сущность прочитанныхъ правилъ, заставлялъ своихъ слушателей повторять это объясненіе, затѣмъ пускался въ длинный рядъ примѣровъ, то составляя ихъ самъ, то заставляя придумывать ихъ самихъ учениковъ. „Пусть помнитъ г. учитель, внушалъ Платонъ въ 1766 г., что учениковъ должно занимать больше практикою, нежели теоріею". „Объясненія, писалъ онъ въ одной троицкой инструкціи 1802 г., надлежитъ непрестанными примѣрами утверждать не только учителю въ школѣ при толкованіи, но и ученикамъ задавать, чтобъ они сочиняли по латынѣ и по русски періоды, хріи и большія рѣчи по правиламъ, и на всякой тропъ и на всякую фигуру имѣли бы особые образцы". Письменныя упражненія учениковъ, задававшіяся каждую недѣлю, въ началѣ курса даже раза по два, дѣйствительно строго слѣдовали порядку изучаемыхъ въ классѣ отдѣловъ риторики; сначала ученики составляли періоды, потомъ хріи прямыя и превращенныя и т. д., обязательно отмѣчая на поляхъ своихъ тетрадей всѣ части каждаго сочиненія по ихъ названіямъ, а также какое гдѣ взято во вниманіе locum topicum или употреблено украшеніе рѣчи и т. п. Такимъ же порядкомъ писались и русскія сочиненія и преподавалась

русская риторика. На послѣднюю впрочемъ мало употребляли времени, ограничиваясь въ ея изученіи больше практическими упражненіями на русскомъ языкѣ. Въ видахъ того же практическаго изученія риторики учитель обязательно занимался съ своими учениками почти ежедневнымъ чтеніемъ латинскихъ и русскихъ образцовыхъ сочиненій; изъ латинскихъ болѣе всего рекомендовались для чтенія избранныя рѣчи и трактаты (de officiis, de natura deorum, consolationes) Цицерона, сочиненія Квинтиліана (De oratore, de compparatione Demosthenis et Ciceronis, de pronunciacione, de imitatione), рѣчи Мурета, историки Ливій, Тацитъ, Курцій, письма Плинія, сочиненія Лактанція и др.; изъ русскихъ—проповѣди Ѳеофана, Гедеона Криновскаго, Дмитрія Ростовскаго, Платона, сочиненія Державина и Ломоносова. Чтеніе всегда сопровождалось разборомъ читаемаго, но уже не грамматическимъ, какъ въ низшихъ классахъ, а такъ называемымъ риторическимъ, состоящимъ въ указаніи составныхъ частей и риторическихъ красотъ разбираемаго отрывка примѣнительно къ правиламъ риторической науки; дѣлались при этомъ также имитаціи. Кромѣ классныхъ чтеній, ученикамъ для упражненія въ образцахъ давались еще чтенія домашнія, съ требованіемъ отчета въ прочитанномъ и выписокъ болѣе замѣчательныхъ почему либо отрывковъ въ особыя тетради. Въ началѣ настоящаго столѣтія въ риторической наукѣ нашихъ дух. заведеній начали проявляться робкія и неясныя попытки эстетической критики, выразившіяся въ заведеніи по мѣстамъ класса высшаго краснорѣчія (1), гдѣ затѣвалось предлагать ученикамъ мнѣнія о изящномъ и высокомъ Квинтиліана, Лонгина, Фенелона, Ролленя и т. п. авторовъ и критически разбирать разные образцы краснорѣчія.

(1) По указу 1798 г. онъ открыть былъ первоначально при окружныхъ академіяхъ.

Но привычка къ исключительно-формальному направленію риторики такъ и не дала развиться этимъ попыткамъ; въ классѣ высшаго краснорѣчія ученики продолжали заниматься однимъ и тѣмъ же риторическимъ разборомъ авторовъ и изученіемъ однихъ и тѣхъ же формъ ораторской рѣчи, что и въ классѣ обыкновенной риторики,—въ отличіе отъ послѣдней главное вниманіе здѣсь обращали только на сочиненіе ораторскихъ рѣчей и въ частности проповѣдей, какъ высшихъ проявленій краснорѣчія. Проповѣдей своего сочиненія риторамъ однако еще не дозволялось произносить въ церкви, они пока читали ихъ только въ классѣ, пріучаясь такимъ образомъ къ своему будущему проповѣдническому служенію. Нельзя не упомянуть здѣсь объ употреблявшейся тогда въ риторикѣ и піитикѣ весьма важной отрасли словеснаго обученія, которая въ наше время къ сожалѣнію совершенно оставлена безъ вниманія; мы разумѣемъ обученіе правильному ораторскому чтенію или, какъ оно называлось въ старыхъ семинаріяхъ, перораціи, пронунціаціи. Съ цѣлію этого обученія риторическіе и піитическіе учители постоянно заставляли учениковъ читать вслухъ съ классной каѳедры, причемъ слѣдили за произношеніемъ каждаго слова, пріучали ихъ къ вѣрнымъ грамматическимъ и логическимъ удареніямъ рѣчи, поправляли невѣрности въ интонаціи и даже учили приличному употребленію жестовъ. Въ началѣ текущаго столѣтія начальство петербургской академіи нарочно приглашало на ученическія собранія знаменитаго тогдашняго актера Яковлева, — и тотъ или самъ декламировалъ стихи, наприм. оду Богъ, или заставлялъ читать учениковъ и при каждой ошибкѣ поправлялъ чтеніе. Не мудрено, что наши старыя духовно-учебныя заведенія выпускали столько извѣстныхъ своею пронунціаціей ораторовъ и что чтеніе какого нибудь скромнаго піиты или ритора на какомъ нибудь старомъ семинарскомъ собраніи отличалось большею осмысленностію и правильностію, чѣмъ даже

публичная актовая рѣчь любаго профессора нашего времени.

Риторическія упражненія учениковъ продолжались и въ слѣдующемъ философскомъ классѣ. М. Платонъ постоянно требовалъ, чтобы преподаватель философіи отъ времени до времени повторялъ объясненіе риторики и задавалъ студентамъ темы для сочиненія писемъ, хрій и всякаго рода рѣчей: „въ противномъ случаѣ, если они будутъ заняты одними умозрѣніями, писалъ онъ, риторическія упражненія легко могутъ выйти у нихъ изъ памяти". Съ тою же цѣлію философскія диссертаціи велѣно было излагать не въ формѣ однихъ сухихъ силлогизмовъ, но на манеръ рѣчи ораторской. Отъ самаго учителя требовалось, чтобы въ объясненіяхъ философскихъ матерій, поставивъ на каждую матерію требуемыя ею положенія или тезисы методомъ аналитическимъ и доказавъ каждое въ формѣ силлогистической, онъ затѣмъ приводилъ ихъ въ порядокъ методомъ синтетическимъ и излагалъ уже не въ формѣ философской демонстранціи, а въ формѣ риторической. Подъ конецъ описываемаго времени, когда по нѣкоторымъ семинаріямъ стали заводиться классы высшаго краснорѣчія, вмѣстѣ съ риторами ихъ обязывались посѣщать и философы съ богословами.

Философскій курсъ, какъ и риторическій, располагался тоже на два года. Философское движеніе второй половины XVIII в. заставило духовныхъ властей обратить особенное вниманіе на усовершенствованіе и обновленіе философскаго преподаванія въ семинаріяхъ. Старые рукописные трактаты по философскимъ предметамъ, основанные на началахъ Аристотелевой и схоластической философіи, оказывались теперь уже неудовлетворительными и по почину академій стали замѣняться новыми руководствами. Разрушительной силѣ модной французской философіи въ дух. школахъ старались противопоставить новыя системы солидной нѣмецкой философіи, между которыми особеннымъ благо-

воленіемъ у нашихъ философовъ пользовались системы Лейбнице-Вольфіанской философіи, казавшейся наиболѣе благопріятной для философскаго обоснованія религіозныхъ истинъ; выработанныя ею онтологическія понятія, какъ извѣстно, служатъ главнымъ основаніемъ для построенія всѣхъ раціональныхъ доводовъ, какими пользуются для подтвержденія религіозныхъ положеній всѣ наши догматическія системы до сего времени. Система одного изъ умѣреннѣйшихъ и многостороннѣйшихъ представителей этой философіи Баумейстера (Elementa Philosophiae recentioris) сдѣлалась общимъ учебникомъ для всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній еще съ 1760-хъ годовъ, а въ 1780-хъ по частямъ была переведена уже на русскій языкъ. Ученымъ духовенствомъ она цѣнилась весьма высоко. Впечатлѣніе, какое она производила на знакомящихся съ нею своимъ свѣжимъ и сравнительно свободнымъ отъ схоластики направленіемъ, прекрасно выражается въ отзывѣ, какой еще въ 1755 г. сдѣлалъ объ ней Георгій Конисскій въ письмѣ къ митрополиту кіевскому Тимоѳею; онъ считалъ для себя за особенное несчастіе, что не учился и не училъ по ней въ свое время самъ, „ибо на сметтяхъ (сорѣ) интерпретовъ Аристотелевыхъ времени всуе не потерялъ бы было... Что ни учится въ ней, все основательно, твердо и ясно учится, и нѣтъ кажется ничего, что бы не было средствіемъ ко смѣтѣ философіи, т. е. блаженному человѣческому житію. Логика его отъ смеття схоластиковъ, можно сказать, седмижды перечищенная. Метафизика твердыя основанія прочимъ дисциплинамъ по ея должности полагаетъ. Этика человѣку къ познанію себе и своей должности чувствительно очи отворяетъ“ (1). Полный курсъ философскихъ наукъ состоялъ по Баумейстеру изъ логики, физики, метафизики и нравственной философіи. Но нѣкоторыя изъ

(1) Кіевъ *Аскоченскаго*, II, 176.

этихъ наукъ читались съ дополненіями изъ другихъ авторовъ, другія даже вовсе замѣнялись иными руководствами. Такъ въ логикѣ прибавлялись трактаты о законахъ мышленія изъ Прокоповича и de logicis distinctionibus изъ Вейссена, физика читалась съ большими дополненіями изъ Винклера, Мушенброка и Эйлера, въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ даже вовсе замѣнялась физикою, изданной для нормальныхъ школъ; ѳѳика дополнялась или замѣнялась сочиненіемъ Пуффендорфа о должностяхъ человѣка и гражданина, а по мѣстамъ вовсе не читалась въ надеждѣ на то, что все относящееся къ морали лучше будетъ изучено въ богословскомъ классѣ по христіанскому ученію. Кромѣ того вездѣ было принято вводить въ преподаваніе философіи элементъ историческій, который много способствовалъ къ смягченію въ этомъ преподаваніи остатковъ прежняго схоластическаго направленія науки. Каждая глава учебника должна была предваряться историческимъ изложеніемъ прежнихъ философскихъ мнѣній объ ея предметѣ съ изложеніемъ ихъ доказательствъ и критикою послѣднихъ. Краткія замѣчанія этого рода у Баумейстера дополнялись изъ Буддея, Гейнекція и Бруккера, а потомъ съ теченіемъ времени по семинаріямъ введено было преподаваніе полной исторіи философіи въ отдѣльномъ видѣ, большею частію по Бруккеру. — Необходимою принадлежностію философскаго класса были диспуты, которые съ него начинались и затѣмъ продолжались въ богословіи. Ученики философіи, равно какъ и богословіи, считались высшими и въ отличіе отъ другихъ учениковъ по прежнему носили названіе студентовъ.

Мы видѣли, что до царствованія Екатерины оба высшихъ класса существовали только въ 8 семинаріяхъ и еще 3 семинаріи заканчивали свои курсы философіей. Въ теченіе описываемаго времени классы эти открыты были уже во всѣхъ семинаріяхъ за исключеніемъ только нѣкоторыхъ самыхъ новыхъ, которые до 1809 г. еще не успѣли завести ихъ по краткости вре-

мени своего существованія. Лучшимъ свидѣтельствомъ того, какъ много препятствовала полному развитію курсовъ прежняя семинарская бѣдность, можетъ служить то, что съ того времени, какъ на семинаріи стали назначаться постоянные штатные оклады, особенно въ 2000 р., открытіе высшихъ классовъ пошло гораздо живѣе, чѣмъ прежде. Въ новыхъ семинаріяхъ, съ самаго начала снабжавшихся 2000-мъ окладомъ, открытіе ихъ, какъ мы видѣли, происходило большею частію очень скоро. Изъ старыхъ богословскій классъ до оклада заведенъ былъ, кажется только въ одной тобольской семинаріи, около 1762 г. при м. Павлѣ Конюскевичѣ [1]; затѣмъ въ остальныхъ вездѣ уже послѣ назначенія окладовъ: въ 1760-хъ гг. въ семинаріи владимірской и костромской [2], въ 1769—70 въ ярославской [3], около 1775 — въ вятской [4] и нижегородской — сначала въ одномъ классѣ съ философіей, потомъ послѣ прибавки оклада въ 1780 гг. въ отдѣльномъ видѣ [5], въ 1778 и 1779 г. въ воронежской [6], около 1779—въ рязанской и вологодской [7]. Изъ старыхъ югозападныхъ семинарій до штатовъ высшіе классы открыты были только въ семинаріи переяславской, философія въ 1774, богословія въ 1778 гг., но въ 1785 г. по случаю приписки этой семинаріи къ кіевской академіи снова были закрыты и вновь открылись уже въ 1799 г., когда она опять объявлена са-

---

[1] Странн. 1868 г. XI; 67.

[2] Въ 1765 г. уже читалась философія. Ист. влад. сем. 87. Педаг. Вѣстн. т. VII, отд. 3, стр 9.

[3] Педаг. Вѣстн. т. V. отд. 3. 23.

[4] Вятск. іерарх. 77—79.

[5] Ист. нижегор. сп. 151. 173.

[6] Ворон. еп. вѣд. 1872 г. стр. 13. № 1.

[7] Рязан. епарх. вѣд. 1866 г. стр. 548—549. Волог. еп. вѣд. 1865 г. стр. 574—575.

мостоятельною (1). Другія семинаріи, черниговская и бѣлорусская, завели высшіе классы уже послѣ назначенія окладовъ (2). Открытіе богословскаго класса вездѣ считалось великимъ торжествомъ для семинаріи, такъ какъ этимъ актомъ завѣнчивались всѣ тяжелые труды и заботы мѣстнаго дух. начальства и по устроенію самой школы и по обезпеченію церковной службы людьми богословскаго образованія. Архіереи праздновали это торжество, не только какъ школьное, но и какъ общественное, имѣющее значеніе для всего мѣстнаго края. Для этого передъ днемъ открытія богословскаго класса публикѣ давалось надлежащее извѣщеніе о предстоящемъ праздникѣ, наканунѣ въ соборѣ или въ семинарской церкви служилась торжественная литургія съ участіемъ самого архіерея и почетнаго духовенства города, въ присутствіи всей городской знати и народа. По окончаніи богослуженія изъ церкви открывалось церемоніальное шествіе всей семинарской корпораціи, архіерея, духовенства и публики въ семинарскій залъ при звонѣ всѣхъ городскихъ колоколовъ и пѣніи церковныхъ пѣсней; здѣсь происходилъ публичный актъ съ рѣчами, изъяснявшими важность богословской науки и важность празднуемаго торжества, стихами, кантами, концертами и диспутами учениковъ. Послѣ акта архіерей благодарилъ публику за участіе въ школьномъ и вмѣстѣ епархіальномъ торжествѣ и приглашалъ почетныхъ посѣтителей и учителей къ себѣ на обѣдъ (3).

Богословскій курсъ продолжался обыкновенно два года, но, принимая во вниманіе важность его для духовнаго образованія, и по разнымъ практическимъ соображеніямъ нѣкоторые архіереи рас-

---

(1) Полт. еп. вѣд. 1863 г. № 15, стр. 94, № 17, 155—156.

(2) Труд. кіев. ак. 1860 г. II. 271. Ист. кіев. акад. 190.

(3) Орловск. еп. вѣд. 1865 г. № 6, 252—253. Полт. еп. вѣд. 1863 г. № 3, стр. 103—104.

тягивали его на 3 и на 4 года; вотъ наприм. какъ мотивировано было подобное распоряженіе (1787 г.) Парѳеніемъ смоленскимъ: „чрезъ сокращенное преподаваніе наукъ (богословскихъ) ученики оказываются безъ твердаго знанія въ богословіи, какъ относительно св. Писанія, въ священной и церковной исторіи, такъ и въ моральной наукѣ оказываются недостаточными, и при томъ въ такихъ младыхъ лѣтахъ изъ семинаріи выходятъ, что не только къ священству, но и къ дьяконству правильныхъ лѣтъ не имѣютъ“ (1). Богословскій классъ дѣйствительно былъ средоточіемъ всего спеціальнаго духовнаго образованія и въ интересахъ церковной службы требовалъ особеннаго вниманія со стороны духовныхъ властей и самихъ учащихся, такъ какъ раньше его, въ младшихъ классахъ, изученіе истинъ православной вѣры и нравственности ограничивалось однимъ общеобразовательнымъ катихизическимъ обученіемъ съ очень небольшимъ числомъ уроковъ, задававшихся изъ Катихизиса или Прав. Исповѣданія вѣры на праздничные дни, да еще обязательнымъ для всѣхъ учениковъ слушаніемъ катихизическихъ поученій въ семинарской или училищной церкви по воскресеньямъ до или послѣ литургіи. Съ другой стороны богословскій курсъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе разрастался по своему объему и по числу входившихъ въ его составъ предметовъ, такъ что, при господствовавшемъ тогда чисто практическомъ методѣ преподаванія послѣднихъ, мало имѣвшемъ необходимой для экономіи времени компактности могъ, дѣйствительно, сильно стѣсняться однимъ двухлѣтнимъ срокомъ. Такъ наприм. изученіе св. Писанія и отцовъ производилось съ помощію одного ежедневнаго класснаго ихъ чтенія и устнаго толкованія наставника и безъ учебныхъ руководствъ требовало очень много времени и труда; по изученію св. Писанія трудъ этотъ еще нѣсколько

(1) Смол. еп. вѣд. 1878 г. № 4, стр. 117.

облегчался Руководствомъ къ чтенію св. Писанія Амвросія Подобѣдова и нѣкоторыми латинскими пособіями (Озіандера, Буддея, Турретина, Кальмета и Рамбахія), но отцы прямо читались въ подлинникѣ. Изученіе каноническаго права тоже состояло въ чтеніи и толкованіи церковныхъ правилъ въ ихъ полномъ видѣ по порядку Кормчей; къ нему присоединялось еще изученіе книги о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ, замѣнявшей тогда такъ называемое пастырское богословіе. Церковная исторія въ отдѣльномъ видѣ стала вводиться въ семинаріи уже въ самомъ концѣ XVIII в. и преподавалась—общая большею частію по Лангію, Мосгемію и Бингаму, русская—по исторіи м. Платона. Раньше же церковно-историческія свѣденія сообщались ученикамъ отрывочно и далеко не сполна, главнымъ образомъ при преподаваніи богословской системы примѣнительно къ исторіи догматовъ, при чемъ нужныя свѣденія заимствовались преподавателями и выписывались учениками изъ Іосифа Флавія, Евсевія, Сократа, Созомена, Θеодорита и др., а также изъ Мосгемія и Бингама. Церковная археологія изучалась исключительно по Бингаму. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, преимущественно въ костромской и рязанской при преосв. Симонѣ Лаговѣ и въ тульской при Меѳодіи, въ семинарскій курсъ введена была еще пасхалія, которой указанные архіереи придавали очень важное значеніе, будучи сами авторами нашихъ первыхъ пасхальныхъ руководствъ.

Въ преподаваніи самого богословія система Θеофана Прокоповича получила господство во всѣхъ семинаріяхъ, ею руководствовались почти всѣ авторы новыхъ и письменныхъ и печатныхъ системъ богословія, которыя въ описываемое время являлись въ разныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1770-хъ гг. трудами Самуила Мисловскаго въ первый разъ были изданы въ печати и самые трактаты Прокоповича. Богословская наука значительно оживилась, попавъ въ руки новыхъ дѣятелей на поприщѣ духовнаго образо-

ванія изъ великоруссовъ и сдѣлала рѣшительный шагъ къ освобожденію своему отъ узъ мертвившей ее схоластики. Вмѣсто системъ католическихъ, новые богословы вслѣдъ за Прокоповичемъ стали исключительно руководствоваться системами протестантскими Квенштедта, Голлазія, Гергарда, Брейтгаупта, Буддея. Турретина и др., стараясь съ помощію ихъ замѣнить въ своемъ богословствованіи прежніе исключительно—діалектическіе пріемы въ раскрытіи богословскихъ истинъ пріемами новой протестантской науки, основанными на тщательномъ изученіи св. Писанія, церковной исторіи и церковныхъ древностей, хотя и нерѣдко рискуя слишкомъ далеко увлечься самими богословскими воззрѣніями протестантизма въ ущербъ своему православію. Таковы были особенно богословскія системы издателя и продолжателя Прокоповичевскихъ трактатовъ, бывшаго ректора кіевской академіи, потомъ митрополита Самуила Миславскаго, и ректора московской академіи Ѳеофилакта Горскаго, имѣвшія большое вліяніе на богословское образованіе, такъ какъ въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ были приняты прямо въ качествѣ учебныхъ руководствъ. Нѣсколько новыхъ системъ явилось въ самихъ семинаріяхъ. Одними изъ самыхъ раннихъ были: система, читанная въ троицкой семинаріи на латинскомъ языкѣ Платономъ (1761—1763 г.), затѣмъ его же Сокращенная христіанская Богословія (1765 г.) на русскомъ языкѣ, принятая вскорѣ за руководство для преподаванія богословія на русскомъ языкѣ во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Преемники Платона по богословской каѳедрѣ, Иларіонъ, Павелъ Зерновъ, Аполлосъ, Меѳодій Смирновъ тоже составляли свои записки по богословію, слѣдуя направленію Прокоповича, котораго отчасти держался и Платонъ, и все болѣе и болѣе освобождая богословскую науку отъ остатковъ схоластики, но записки эти остались неизданными въ печати. Лекціи Меѳодія, который, хотя и очень близко подражалъ Ѳеофану, но гораздо больше всѣхъ своихъ предше-

ственниковъ успѣлъ развить въ богословіи элементъ историческій и освободиться отъ скучнаго хлама схоластическихъ тонкостей, до такой степени пришлись по душѣ его слушателямъ, что когда въ 1790 г. онъ былъ переведенъ изъ семинаріи въ московскую академію, троицкіе студенты толпами устремились за нимъ въ академію, чтобы слушать лекціи любимаго наставника. Ректоръ коломенской семинаріи (1771—1772 г.) Іакинѳъ Карпинскій (изъ воспитанниковъ кіевской академіи) составилъ для своихъ учениковъ Compendium orthodoxae theologicae doctrinae, которое послѣ своего изданія въ печати въ 1786 г. принято было во многихъ семинаріяхъ, какъ весьма удобное по своей краткости руководство, и въ непродолжительномъ времени выдержало три изданія. Тверская семинарія прославилась богословскими трудами двоихъ своихъ ректоровъ св. Тихона (славнаго воронежскаго святителя) и Макарія Петровича, воспитанника московской академіи, родомъ изъ Венгріи, изданными въ 1780-хъ годахъ на русскомъ языкѣ. Сочиненіе перваго Объ истинномъ христіанствѣ, составленное имъ изъ тверскихъ его лекцій не въ формѣ ученой системы, а въ формѣ простаго и общедоступнаго изложенія богословскихъ истинъ, имѣло значеніе только книги для назидательнаго чтенія; но Православное ученіе восточныя церкви Макарія вскорѣ послѣ своего изданія сдѣлалось лучшимъ руководствомъ для семинарій почти на равнѣ съ богословіей Платона и послѣ, при имп. Александрѣ I, рекомендовано комиссіей о усовершенствованіи дух. училищъ къ классическому употребленію. Въ самомъ концѣ XVIII столѣтія явилась еще новая латинская система богословія (Compendium theologiae classicum), составленная ректоромъ казанской академіи Сильвестромъ Лебединскимъ по Прокоповичу и Голлазію, а въ 1802 г. въ Кіевѣ вышло новое Compendium самой системы Прокоповича и Мисловскаго, составленное ректоромъ кіевской академіи Иринеемъ Фальковскимъ и

рекомендованное послѣ комиссіей объ усовершенствованіи дух. училищъ въ качествѣ учебника.

Освобожденію богословской науки отъ схоластики всего болѣе способствовало постепенное введеніе въ ея преподаваніе русскаго языка и особенно изданіе на немъ въ печати самихъ богословскихъ системъ. Явившись изъ своего прежняго школьнаго заключенія передъ публикой, она сама должна была почувствовать все неприличіе своего прежняго средневѣковаго наряда изъ старыхъ схоластическихъ отрепьевъ и странность своихъ угловатыхъ школьныхъ пріемовъ и своего условнаго языка, понятнаго для однихъ школяровъ и дикаго для всѣхъ обыкновенныхъ людей внѣ школы; въ переводѣ на русскій языкъ видѣе стала также фиктивность и безплодность разныхъ ея старыхъ дефиниціи, дистинкціи, изысканныхъ квестіоновъ, диспутаціи, рефутаціи и аргументовъ и она должна была пріучаться къ болѣе ясному, естественному и самостоятельному взгляду на богословскіе предметы. Можно положительно сказать, что эта разработка богословія на отечественномъ языкѣ была въ одинаковой мѣрѣ полезна какъ для публики, въ первый разъ знакомя ее съ богословской наукой, такъ и для самихъ русскихъ богослововъ, способствуя развитію ихъ богословскаго языка и самой богословской науки. Начало ея имѣло такое же значеніе въ исторіи нашей богословской школы, какое въ развитіи ученика-дитяти имѣетъ тотъ моментъ, когда онъ въ первый разъ разъ чувствуетъ себя въ состояніи пересказать свой урокъ уже не только чужими словами учебника, но и сознательно своими собственными словами. Понятно то впечатлѣніе, какое въ кругу ученаго русскаго духовенства произведено было появленіемъ на русскомъ языкѣ первой богословской системы Платона. „Богословіе, вами сочиненное, писалъ къ нему ректоръ лаврской семинаріи Варлаамъ, получилъ я съ такимъ удовольствіемъ, какое обыкновенно чувствуетъ человѣкъ отъ величайшаго, неожиданнаго радостнаго событія.

Доселѣ всѣ мы при изученіи богословія пользовались книгами чужими для насъ какъ по языку, такъ и по религіознымъ воззрѣніямъ, отъ чего многимъ пришлось не мало уклониться отъ вѣры православной. Но теперь, когда станутъ читать напечатанную на отечественномъ языкѣ вашу книгу, не будетъ нужды въ иностранныхъ руководствахъ, потому что все необходимое для спасенія можно почерпнуть изъ вашей книги. И такъ вы достойны того, чтобы ученые и неученые, но желающіе просвѣтить свой умъ истиною божественною, принесли вамъ глубокую благодарность... Не подумайте, чтобы въ моихъ словахъ скрывалась лесть; свидѣтельствуюсь истиною божественною, которая такъ изложена точно въ вашей книгѣ, имѣющей особенно то достоинство, что она очищена отъ безполезныхъ вопросовъ схоластическихъ и тонкостей въ изъясненіи св. Писанія, которыя представляютъ много трудностей, а ко спасенію или мало или вовсе не относятся“ (1).

Школьные богословы впрочемъ долго не могли разстаться ни съ латынью, ни съ схоластическими формами изложенія своихъ уроковъ, такъ что въ полномъ своемъ видѣ общедоступная форма богословствованія на русскомъ языкѣ была прилагаема ими только къ катихизаторству, которое поэтому и доселѣ еще не потеряло своего прежняго воспитательнаго значенія для русскихъ богослововъ. Популярная форма Платоновскаго богословія все еще казалась какъ-то мало солидною для серьезной аудиторіи. Самъ Платонъ, внушая своимъ троицкимъ ректорамъ, что „Богословіе Христово состоитъ не въ препретельныхъ человѣческія мудрости словесѣхъ“, и требуя отъ нихъ, чтобы въ преподаваніи „устраняемы были всѣ пустые и безполезные вопросы, которыми обезображены книги рим-

(1) Ист. троицк. сем. 255—256.

скихъ католиковъ", находилъ все таки необходимо нужнымъ преподавать богословіе въ прежнихъ школьныхъ формахъ и непремѣнно на латинскомъ языкѣ, кромѣ того обращалъ большое вниманіе на діалектическое развитіе учениковъ богословіи въ духѣ прежней схоластики и требовалъ, „чтобы диспуты бывали чаще и чтобъ они способствовали къ большему поощренію ума учениковъ". Диспуты эти дѣйствительно производились по семинаріямъ очень часто. Одни изъ нихъ, диспуты приватные, производились въ одномъ семинарскомъ кругу, пріурочиваясь къ семинарскимъ собраніямъ, въ однихъ семинаріяхъ каждую субботу, въ другихъ чрезъ двѣ недѣли, въ третьихъ каждый мѣсяцъ. Другіе диспуты были публичные, назначались по два раза въ годъ, предъ рождественскими и лѣтними каникулами, или только однажды передъ послѣдними каникулами при окончаніи учебнаго года, и сообразно съ требованіями тогдашняго пышнаго вѣка обыкновенно окружались особенно торжественной обстановкой, стоившей большихъ хлопотъ и приготовленій для всей семинаріи, начиная съ ректора и оканчивая послѣднимъ служителемъ, который долженъ былъ усыпать пескомъ и травой весь путь преосвященнаго по семинарскому двору и корридорамъ въ актовый залъ. Самый залъ убирался цвѣтами. Ученики, назначенные участвовать въ торжествѣ, облекались въ особое платье, наприм. въ костромской семинаріи они являлись на „препоты", какъ звали диспуты костромичи, одѣтыми въ длинные бѣлые хитоны съ крыльями назади, въ вѣнкахъ и съ вѣтвями въ рукахъ. Объявленіе о диспутахъ и тезисы, о которыхъ назначалось спорить, разсылались передъ диспутомъ ко всѣмъ почетнымъ лицамъ семинарскаго города на разрисованныхъ листахъ. Семинарскіе пѣвчіе и музыканты, гдѣ послѣдніе были, готовили къ увеселенію публики разные канты и др. піэсы. Приведемъ въ образчикъ опи-

саніе диспутовъ въ нижегородской семинаріи при пр. Дамаскинѣ Рудневѣ ( ).

Для этихъ диспутовъ здѣсь была устроена даже особая каѳедра по примѣру геттингенскаго университета, гдѣ учился когда-то самъ архіерей. „На ней было два мѣста вверху и внизу, занимаемыя во время диспутовъ возражающимъ и отвѣчающимъ. На трехъ боковыхъ стѣнахъ этой каѳедры были изображенія изъ миѳологіи и древней исторіи. Съ одной стороны нарисованъ былъ великолѣпный храмъ Минервы съ латинскими стихами о постепенномъ пріобрѣтеніи просвѣщенія; съ другой Діогенова бочка съ надписью о мудрости, почивающей не на мягкомъ ложѣ; а съ третьей изображенъ былъ горящій свѣтильникъ, какъ символъ просвѣщающихъ наставниковъ. Предъ наступленіемъ диспута пѣвчими изучаемы были канты, а студентами рѣчи на разныхъ языкахъ, стихи, разговоры и темы для ученыхъ состязаній. Все это заранѣе представляли самому Дамаскину на разсмотрѣніе. Наканунѣ диспута покупали пудры, шпилекъ и нанимали парикмахера для уборки 13 студентовъ. Тоже было и предъ поздравленіемъ преосв—го во дни торжественные и праздничные, когда произносились студентами поздравительныя рѣчи. Въ день самаго диспута преосв — ный съ почетными лицами, въ сопровожденіи хора пѣвчихъ, торжественно ходилъ изъ своего дома въ семинарію. По приходѣ въ большой ея залъ произносились убранными студентами привѣтственныя и благодарственныя рѣчи на 8 языкахъ: русскомъ, латинскомъ, греческомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, татарскомъ, чувашскомъ и мордовскомъ. На первыхъ трехъ языкахъ читались и стихи, а по русски разговоры и состязанія между двумя приготов-

---

(1) Ист. нижег. іерарх 174—175. См. также Ист. моск. акад. 343—345. 184—186. Ист. троицк. сем. 471 — 476. Р. Пед. Вѣстн. VII, отд. 3, стр. 9 и др.

ленными студентами подъ руководствомъ префекта или ректора. Для большаго увеселенія публики различныя чтенія перемежались пѣніемъ кантъ". Также производились диспуты и въ другихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ большей части этихъ заведеній они велись не на русскомъ, а на латинскомъ языкѣ. Подготовка диспутовъ и веденіе ихъ стоили ректорамъ и префектамъ такъ много хлопотъ, что нѣкоторые архіереи давали имъ за это особыя награды отъ 10 до 25 р. (1). Особенно горячи были диспуты въ Кіевѣ, гдѣ въ нихъ нерѣдко вступались посѣтители изъ иновѣрцевъ. Можетъ быть, не по этой ли причинѣ м. Самуилъ Мислављскій и порѣшилъ совершенно вывести ихъ изъ употребленія въ своей академіи, послѣ чего они и остались тамъ въ однихъ только классахъ между студентами (2).

Кромѣ диспутовъ, студенты богословіи должны были упражняться и заявлять свои успѣхи въ разныхъ диссертаціяхъ на латинскомъ и русскомъ языкѣ, которыя задавались въ этомъ классѣ обыкновенно на мѣсяцъ, и еще въ проповѣдяхъ, сочиненіе которыхъ было для нихъ обязательно по нѣсколькѣ разъ въ годъ. Послѣ предварительнаго разсмотрѣнія учителемъ богословіи или риторики и надлежащей подготовки авторовъ въ декламаціи, проповѣди эти по выбору произносились въ семинарской церкви. Для этого студенты богословіи въ теченіи своего курса почти всѣ были посвящаемы поочереди въ стихарь.

Всѣ разсмотрѣнные доселѣ предметы относились къ числу спеціальныхъ предметовъ дух. образованія, считавшихся ординарными, на которые обращено было главное вниманіе дух. начальства и преподаваніе которыхъ развивалось съ особеннымъ успѣхомъ, какъ

---

(1) Воров. еп вѣд. 1868 г. стр. 57.

(2) Ист. кіевск. акад. 132,

наиболѣе полезное для подготовки воспитанниковъ къ церковной службѣ. Къ числу подобныхъ же спеціально-духовныхъ предметовъ издавна относились еще греческій и еврейскій языки, но изученіе ихъ подъ давленіемъ латыни развивалось уже не такъ успѣшно и они никогда не могли возвыситься до степени предметовъ ординарныхъ, считаясь только полезными. До 1780-хъ гг., когда на усиленіе греческаго языка въ семинаріяхъ обратило вниманіе само правительство, увлекавшееся тогда своимъ пресловутымъ греческимъ проектомъ, греческій классъ не считался для семинарій даже обязательнымъ и былъ заводимъ въ нихъ разными архіереями по доброй волѣ и по мѣрѣ матеріальныхъ средствъ. Ученики поступали въ него тоже по желанію или по назначенію начальства въ самомъ ограниченномъ числѣ и притомъ не съ нисшихъ классовъ, а только изъ риторики, философіи и богословіи. Такъ даже въ троицкой семинаріи, гдѣ греческій языкъ преподавался усиленнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ семинаріяхъ, по особенной любви къ нему Платона, число учениковъ греческаго класса въ 1767 г. доходило только до 9, потомъ до 15; Платонъ приказалъ увеличить его еще по крайней мѣрѣ до 20. Въ 1784 г. именнымъ указомъ предписано было „предпочтительнѣе другихъ языковъ преподавать въ семинаріяхъ греческій языкъ, какъ въ разсужденіи, что книги священныя и учителей православной нашей грекороссійской церкви на немъ написаны, такъ и потому, что знаніе сего языка многимъ другимъ наукамъ способствуетъ“, и по истеченіи трехъ лѣтъ послѣ этого распоряженія принять за правило замѣщать убылыя мѣста на церковной службѣ преимущественно людьми знающими этотъ языкъ. Вслѣдствіе этого указа св. Синодъ распорядился ввести изученіе греческаго языка во всѣхъ семинаріяхъ въ самомъ скоромъ времени и учить на немъ „не только читать, но писать, говорить и переводить совершенно, для чего и учителей опредѣлять достойныхъ и знающихъ“; вмѣстѣ съ тѣмъ

предписано въ представляемыхъ въ Синодъ спискахъ учащихъ и учащихся обозначать, кто изъ нихъ и какъ знаетъ греческій языкъ (1). Но и послѣ этого распоряженія изученіе этого языка, хотя и дѣйствительно было введено повсюду, все-таки по прежнему считалось для учениковъ необязательнымъ и находило очень немного охотниковъ; обязательнымъ оно объявлено было другимъ высочайшимъ указомъ въ царствованіе Павла Петровича 1798 г. (2). Еще въ большемъ пренебреженіи было изученіе языка еврейскаго, такъ что до 1798 г. классовъ его въ большинствѣ семинарій не было вовсе, а гдѣ и были, то посѣщались только небольшимъ числомъ учениковъ двухъ высшихъ классовъ, богословіи и философіи (3). Такъ продолжалось до 1798 г., когда по упомянутому указу государя Синодъ предписалъ: „языкамъ еврейскому, а наипаче греческому, яко нужнымъ для уразумѣнія св. Писанія, обучаться всѣмъ студентамъ". Ординарными предметы эти не сдѣлались однако и послѣ этого указа, да и самая обязательность ихъ вводилась не скоро и не во всѣхъ семинаріяхъ; такъ наприм. въ смоленской семинаріи греческому языку до самаго конца описываемаго времени учились только желающіе изъ учениковъ старшихъ четырехъ классовъ, начиная съ пѣтики, а еврейскій классъ въ 1804 г. только лишь былъ открытъ (4). Еще позже онъ открылся въ семинаріи нижегородской (5), а въ нѣкоторыхъ, даже весьма видныхъ семинаріяхъ, наприм. псковской и владимірской, кажется, такъ и не открывался до самой реформы дух. училищъ.

---

(1) П. С. З. XXII, № 16047. 16061.

(2) П. С. З. XXV, № 18726, т. 6.

(3) См. напр. Ист. троицк. сем. 238—240 таблицы числа учениковъ въ разныхъ классахъ.

(4) Смол. епарх. вѣд. 1879 г. стр. 298. Въ псковской семинаріи греческій языкъ сталъ обязательнымъ уже съ 1816.

(5) Ист. нижег. сем. 13.

Руководствомъ по грамматикѣ греческаго языка служила грамматика Варлаама Лящевскаго, а для переводовъ употреблялись Новый Завѣтъ, сочиненія Златоуста, рѣчи Демосѳена, разговоры Лукіана и Посселіевы и др. авторы. Для изученія еврейскаго языка служили грамматика Васмута, Пфейфера, Шредера, Clavis Hebraei codicis Лангія, Philologia sacra Глассія, изъ Библіи книги Бытія и Псалмовъ. На томъ и другомъ языкѣ ученикамъ полагалось не только читать, но и говорить. По еврейскому языку такіе знатоки едвали гдѣ бывали по семинаріямъ, но въ греческомъ, не смотря на то, что изученіе его, какъ и еврейскаго, назначалось только въ высшихъ классахъ, лучшіе ученики дѣйствительно доходили до весьма высокой степени знанія, такъ что могли свободно писать на немъ свои упражненія и въ прозѣ и въ стихахъ. Выше всѣхъ семинарій въ этомъ отношеніи стояла семинарія троицкая, для которой Платонъ нарочно подъискивалъ учителей или по крайней мѣрѣ репетиторовъ изъ природныхъ грековъ, а учителей изъ русскихъ заранѣе спеціально готовилъ къ ихъ должности. Кромѣ древняго греческаго, студенты изучали здѣсь еще новогреческій языкъ и привыкали на немъ объясняться. Въ помощь студентамъ при изученіи еврейскаго языка Платонъ тоже подыскивалъ иногда репетиторовъ изъ природныхъ евреевъ (1). Не смотря впрочемъ на всѣ старанія объ усиленіи преподаванія этихъ языковъ и со стороны правительства и со стороны епархіальныхъ властей, оно до послѣдняго времени было подавляемо исключительнымъ преобладаніемъ латыни, что замѣтилъ и комитетъ 1808 года. Греческій языкъ находилъ еще значительное число усердныхъ и знающихъ какъ учителей, такъ и студентовъ, и судя по сохранившимся до насъ упражненіямъ учениковъ, самъ по

(1) Ист. троицк. сем. 341—345. Тульск. еп. вѣд. 1862 г. стр. 642—643.

себѣ преподавался на теперешній взглядъ, можно сказать, даже блестяще, такъ что успѣхи его преподаванія могли казаться тогда слабыми только сравнительно съ преподаваніемъ латыни, но преподаваніе еврейскаго языка дѣйствительно было слабо безотносительно. Когда въ 1809 г. для преобразованной петербургской академіи набирался первый курсъ изъ самыхъ лучшихъ студентовъ всѣхъ академій и 23 семинарій, то на произведенномъ имъ пріемномъ экзаменѣ познанія ихъ въ еврейскомъ языкѣ, оказались, по отзыву профессора Хорна, „крайне недостаточными (1).

По языкознанію весьма важною новостью въ описываемое время было введеніе въ духовно-учебный курсъ изученія новыхъ языковъ, нѣмецкаго и французскаго, чрезъ которые духовная школа получала возможность входить въ общеніе не съ одною отжившею мудростью народовъ древнихъ, но и съ мудростью народовъ новыхъ и чрезъ то подниматься понемногу на современный уровень образованія. Мы видѣли, что сознаніе важности этой отрасли образованія стало развиваться между дух. властями еще въ царствованіе имп. Елизаветы и что въ концѣ этого царствованія нѣкоторыя болѣе богатыя и благоустроенныя духовныя школы начали дѣйствительно заводить у себя французскіе и нѣмецкіе классы. Троицкая лавра для приготовленія къ занятію ихъ каѳедръ отправила двоихъ студентовъ въ университетъ, а въ 1763 г. открылось и самое преподаваніе этихъ языковъ въ семинаріи. Послѣ назначенія школьныхъ окладовъ, особенно въ 1770-хъ и 1780-хъ гг., архіереи одинъ за другимъ заводили язычные классы въ своихъ семинаріяхъ; новыя семинаріи были снабжаемы этими классами съ самаго начала своего существованія. Къ концу опи-

(1) Ист. спб. акад. 215.

сываемаго времени ихъ не доставало развѣ, можетъ быть, только въ очень небольшомъ числѣ семинарій. Замѣчательно, что епархіальныя и школьныя начальства прилагали особенное стараніе о достойномъ замѣщеніи ихъ каѳедръ людьми знающими, особенно каѳедры языка французскаго, имѣвшаго такое важное значеніе въ тогдашнемъ образованіи. Знаніе того и другаго, особенно послѣдняго языка требовалось отъ учениковъ живое, такое, чтобы они могли не только читать, но и объясняться по нѣмецки и по французски. Поэтому преподаваніе того и другаго иногда поручалось или природнымъ нѣмцамъ и французамъ, обыкновенно съ возвышенными противъ другихъ учителей окладами жалованья, или русскимъ учителямъ изъ людей свѣтскихъ, между которыми легче можно было найти требуемое знаніе этихъ языковъ, чѣмъ между духовными. Мы видѣли также, что для приготовленія къ учительству по новымъ языкамъ нѣкоторые архіереи отправляли своихъ студентовъ въ свѣтскія учебныя заведенія. Уроки по языкамъ были каждодневные и на половину состояли въ разговорныхъ упражненіяхъ. По времени они распространялись обыкновенно на 4—6 лѣтъ, начинаясь или въ синтаксимѣ или чаще въ риторикѣ и заканчиваясь въ философіи, рѣдко въ богословіи. Ученики съ своей стороны охотно записывались на язычные классы, особенно на французскій, и, судя по табелямъ троицкой семинаріи, даже въ большемъ числѣ, чѣмъ даже на греческій, тѣмъ болѣе на еврейскій классъ. Кромѣ того, что новые языки, особенно французскій, были въ модѣ и незнаніе ихъ было нѣкоторымъ образомъ постыднымъ признакомъ человѣка необразованнаго, у духовныхъ воспитанниковъ при изученіи ихъ были еще разные практическіе разсчеты. Наприм. кіевская академія въ объясненіе того, почему студенты мало записываются на еврейскій языкъ, писала м. Арсенію, что знаніе этого языка мало полезно бѣднымъ ученикамъ, ибо съ этимъ знаніемъ никого не приглашаютъ къ себѣ

господа на кондиціи, тогда какъ знающихъ французскій и нѣмецкій языки непрестанно приглашаютъ (1). Нечего и говорить, что этотъ резонъ долженъ былъ имѣть важное значеніе не въ одномъ только Кіевѣ. Изъ записокъ Мартынова видно, что студенты главной петербургской семинаріи извлекали еще другую пользу изъ знанія новыхъ языковъ, переводя съ нихъ на русскій языкъ разныя статьи для журналовъ. „Тогдашніе издатели студенческими переводами не брезгали, зная по опыту, что они дешевле всякихъ другихъ. Случалось и такъ, что переводъ дѣлалъ студентъ за какую нибудь ничтожную плату, а на заглавномъ листкѣ выставлялось имя какого нибудь извѣстнаго уже россійскаго Клопштока“ (2). Такого рода пользу изъ знанія новыхъ языковъ удобнѣе можно было извлекать, разумѣется, только въ столичныхъ школахъ, гдѣ поэтому главнымъ образомъ и процвѣтало языкознаніе, но изрѣдка переводные труды семинаристовъ являлись въ свѣтъ и изъ провинцій. Такъ, изъ воронежской семинаріи явились составленные подъ редакціей префекта Болховитинова ученическіе переводы книгъ абб. Нонота Вольтеровы заблужденія и Мопертюи Философскія размышленія о происхожденіи языка и знаменованіи словъ.

Нельзя не замѣтить здѣсь кстати, что знакомство съ французскимъ языкомъ, дававшее студентамъ возможность знакомиться съ произведеніями модныхъ французскихъ писателей, иногда дурно отзывалось на ихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Въ своемъ Путешествіи изъ Петербурга въ Москву Радищевъ не даромъ выводитъ въ одномъ мѣстѣ семинариста приверженца вольнодумныхъ идей. Сочиненія модныхъ авторовъ можно было добывать тогда очень легко; ихъ имѣли даже нѣкоторыя семинарскія библіотеки, наприм. тро-

(1) Ист. кіевск. акад. 157

(2) Ист. спб. акад. 81.

ицкая, гдѣ значились купленными въ 1772 г. творенія Монтескьё и Вольтера, и воронежская, въ каталогѣ которой значилось 123 т. французской энциклопедіи, словарь Бэйля и множество томовъ сочиненій Вольтера (1). Между самими учителями, особенно изъ свѣтскихъ, находились люди, которые, по приведенному уже нами свидѣтельству Сперанскаго, осмѣливались въ классѣ проповѣдывать ученикамъ Вольтера и Дидро. Пока въ высшихъ сферахъ общества и государства шла извѣстная игра въ философію, все это благополучно сходило съ рукъ: но послѣ того, какъ грозныя событія французской революціи обнаружили весь смыслъ этой рискованной игры и противъ модной французской философіи началась правительственная реакція, реакціонныя мѣры дошли и до нашихъ скромныхъ разсадниковъ духовнаго просвѣщенія, но, какъ и доселѣ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, опрокинулись не на результаты извѣстнаго направленія науки, а на самую науку. Въ августѣ 1794 г. м. петербургскій писалъ кіевскому: „семинаристы ваши обучаются французскому языку; но какъ опытъ доказалъ, что неблагонамѣренные изъ нихъ знаніе сего языка злоупотребляютъ, мнѣ поручено вашему преос—ву писать, чтобъ благоволили сей классъ оставить“ (2). Такое же распоряженіе объявлено было и во всѣ другія епархіи. Къ счастію оно дѣйствовало не долго; въ апрѣлѣ 1797 г. имп. Павелъ, будучи у Платона въ Виѳаніи, далъ приказъ снова открыть французскій классъ по семинаріямъ (3).

Изъ многочисленныхъ языковъ самой Россійской имперіи изучался одинъ польскій и въ однихъ только западныхъ семинаріяхъ (псковской и бѣлорусской) и

---

(1) Ист. троицк. сем. 378. Ворон. еп. вѣд. 1868 г. стр. 59—60.

(2) Ист. кіевск. акад. 156 въ прим.

(3) Ист. троицк. сем. 353.

въ кіевской академіи. На изученіе инородческихъ языковъ поволжья первый обратилъ вниманіе преосв. Дамаскинъ Рудневъ нижегородскій. Въ 1784 г. императрица поручила ему составить словарь всѣхъ языковъ его епархіи, „считая, какъ она писала въ рескриптѣ, что въ нижегородской семинаріи преподается ученіе языковъ разныхъ народовъ, въ епархіи пребывающихъ". Въ семинаріи ученіе это едвали тогда еще преподавалось, но людей знакомыхъ съ инородческими языками найти было можно и въ семинаріи между учениками и особенно между духовенствомъ инородческихъ приходовъ. Знаніями ихъ Дамаскинъ и воспользовался для выполненія высочайшаго порученія; работа пошла быстро и въ 7 мѣсяцевъ составленъ былъ огромный двухтомный словарь четырехъ инородческихъ языковъ, — татарскаго, мордовскаго, чувашскаго и черемисскаго. Занявшись этимъ дѣломъ, архіерей увлекся имъ, даже самъ занялся составленіемъ мордовской грамматики, а главное — ввелъ изученіе татарскаго, мордовскаго и чувашскаго языковъ въ своей семинаріи. Въ 1787 г. ученики говорили уже на этихъ языкахъ рѣчи во время торжественнаго семинарскаго диспута (1). Въ концѣ XVIII в. въ астраханской епархіи тоже начались попытки къ введенію въ тамошней семинаріи преподаванія языковъ татарскаго, армянскаго и калмыцкаго, но „по недостатку учителей сія вѣтвь знаній не имѣла желаемаго успѣха" (2). Очень долго она не имѣла успѣха даже въ такой важной для инородческаго вопроса семинаріи, какъ казанская, хотя по потребностямъ мѣстной христіанской миссіи среди инородцевъ мысль о преподаваніи инородческихъ языковъ по всей вѣроятности должна была возникнуть здѣсь гораздо раньше, чѣмъ въ нижегородской епархіи. Напуганное волненіями инородцевъ вос-

(1) Ист. нижегор. іерарх. 171—173. 175—176.

(2) Астрах. епарх. вѣд. 1879 г. № 4, стр. 60.

точнаго края, правительство имп. Екатерины и Павла I, какъ извѣстно, довольно неблагопріятно смотрѣло и на дѣло самой миссіи, такъ что едва вовсе его не уронило. Пришли въ упадокъ даже прежнія инородческія школы казанской епархіи. Проповѣдниковъ, которые были учреждены здѣсь для дѣла миссіи въ 1764 г. послѣ закрытія новокрещенской конторы, въ 1799 г. не велѣно было посылать къ инородцамъ безъ предварительнаго сношенія съ губернаторомъ. Среди такихъ обстоятельствъ вопросъ объ изученіи инородческихъ языковъ въ казанской семинаріи въ первый разъ оффиціально былъ поднятъ уже въ 1798 г. при преобразованіи семинаріи въ академію. Представляя св. Синоду свое мнѣніе о томъ, что требуется въ семинаріи исправить или пополнить, казанскій преосвященный Амвросій Подобѣдовъ высказалъ здѣсь между прочимъ желаніе ввести въ нее преподаваніе татарскаго языка. Черезъ два года послѣ этого, когда закрыты были новокрещенскія школы, классъ татарскаго языка дѣйствительно былъ открытъ при академіи и съ этихъ поръ оставался при ней постоянно. Классы чувашскій и черемисскій явились уже послѣ общей реформы дух. школъ при имп. Александрѣ I. Ученики начинали свое обученіе татарскому языку съ низшихъ классовъ и продолжали его чрезъ весь семинарскій курсъ, но по недостатку учебныхъ пособій и неудобству назначеннаго для него времени (по субботамъ послѣ обѣда) успѣвали въ немъ такъ мало, что „самое обученіе, по отзыву объ немъ, сдѣланному въ 1829 г. преосв. Филаретомъ Амфитеатровымъ, почти никакой существенной пользы не приносило“ (1).

Не принимая въ разсчетъ малоуспѣшности этой отрасли языкознанія и еще сравнительно слабыхъ успѣховъ учениковъ въ изученіи языка еврейскаго, и го-

(1) Изложеніе хода миссіон. дѣла. *Макарьевскаго*. М. 1880. стр. 109. 172. Ист. стат. каз. акад. стр. 10. 115—117.

воря вообще, мы не можемъ не признать, что языкознаніе составляло едвали не самую сильную сторону общаго образованія нашихъ старыхъ семинарій, которая заставляла высоко цѣнить ихъ воспитанниковъ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, куда они поступали учиться, и отчасти на разныхъ поприщахъ службы гражданской. При сильномъ логическомъ и и діалектическомъ развитіи и привычкѣ къ умственному труду знаніе языковъ давало семинаристу богатыя средства быстро оріентироваться на какомъ угодно ученомъ поприщѣ, на которое наталкивала его прихотливая судьба, и, что называется, не ударить въ грязь лицемъ. Къ сожалѣнію нельзя того же сказать о другихъ экстраординарныхъ предметахъ, относящихся къ тому же общему образованію, такъ какъ они постоянно оставались въ пренебреженіи и со стороны учениковъ и со стороны школьныхъ начальствъ,—мы говоримъ о математикѣ, географіи и исторіи.

Математическое образованіе ограничивалось изученіемъ одной ариѳметики. Взгладъ на него дух. властей всего лучше выражается въ судьбѣ математическихъ наукъ въ семинаріи троицкой, гдѣ онѣ преподавались какъ мы знаемъ, и прежде въ качествѣ наукъ нужныхъ собственно для приказной лаврской службы. Въ 1763 г. воротился изъ университета по сланный въ него на лаврскій счетъ студентъ Башиловъ и лавра поручила ему преподавать въ семинаріи геометрію, тригонометрію, геодезію и др. науки, которымъ онъ самъ обучался, но не семинаристамъ, готовившимся на церковную службу, а по прежнему только дѣтямъ лаврскихъ приказныхъ и служителей, назначавшимся на службу лаврскую. Чрезъ 2 года по выбытіи его со службы классъ этотъ закрылся и при семинаріи осталось одно ариѳметическое обученіе, и то до 1767 г. не для всѣхъ учениковъ обязательное; въ этомъ году Платонъ потребовалъ, чтобы ученики низшаго класса всѣ учились ариѳметикѣ. Въ 1772 г. явился въ лаврѣ другой студентъ изъ универ-

ситета подобный Башилову, Ключаревъ, и семинарія изъявила было намѣреніе поручить ему обученіе семинаристовъ геометріи, тригонометріи и алгебрѣ, но Платонъ далъ на это такую резолюцію: „обучать геометріи, тригонометріи и алгебрѣ въ семинаріи нашей, яко духовной, нужды не признается, а можно назначить его обучать ариѳметикѣ". Въ 1790 г. опять случайно открытъ классъ „математическихъ частей или высшей ариѳметики" нѣкіимъ коллежскимъ ассессоромъ Назаровымъ, который попалъ въ лавру для постриженія въ монахи, но и на этотъ разъ держался не долго (1). Другой примѣръ такой же судьбы математическихъ наукъ представляетъ исторія харьковскаго коллегіума. Мы видѣли, что въ 1765 г. еще во время полнаго развитія его общесословнаго значенія, мѣстное дворянство исходатайствовало ему у императрицы 3000 р. оклада для усиленія въ немъ преподаванія новыхъ языковъ и нѣкоторыхъ свѣтскихъ наукъ, въ томъ числѣ математики, инженерства, артиллеріи и геодезіи, нужныхъ для учившихся въ немъ молодыхъ людей изъ дворянъ. Преподаваніе этихъ дворянскихъ наукъ дѣйствительно было открыто при коллегіумѣ, но такъ же, какъ и преподаваніе математики въ троицкой семинаріи, отдѣльно отъ общаго семинарскаго курса, для однихъ свѣтскихъ учениковъ, а года черезъ три коллегіумъ постарался и совсѣмъ освободиться отъ этихъ чуждыхъ ему классовъ, отдавши и самый окладъ на нихъ въ распоряженіе губернской канцеляріи (2). Изъ всѣхъ семинарій нѣкоторымъ развитіемъ математическихъ знаній отличалась только петербургская послѣ 1788 г., когда она объявлена главной и организована на манеръ главныхъ народныхъ училищъ; съ этого времени сверхъ ариѳметики въ ней стали преподаваться геометрія и тригонометрія, кромѣ

(1) Ист. троиц. сем. 335—337.
(2) См. выше 555—556.

того еще опытная физика, механика и естественная исторія (1), которыхъ не было еще ни въ одной семинаріи. Послѣ 1798 г. математика въ этихъ же размѣрахъ, а также естественная исторія съ физикой введены были въ курсъ четырехъ окружныхъ академій. Затѣмъ всѣ остальныя семинаріи и училища до послѣдняго времени оставались при одной ариѳметикѣ. Первоначально даже и она была введена не повсюду, а гдѣ и была введена, то оставалась большею частію предметомъ не обязательнымъ для учениковъ, какъ это мы видимъ даже въ такой образцовой семинаріи, какъ троицкая. Повсюдное распространеніе ея по дух. школамъ въ качествѣ науки общеобязательной началось уже съ 1786 г., когда по требованію правительства и указу св. Синода (отъ 27 декабря 1785 г.) въ семинаріяхъ и училищахъ сталъ вводиться порядокъ, установленный въ народныхъ училищахъ. Но и послѣ этого на нее долго не обращали почти никакого вниманія; она преподавалась только въ двухъ грамматическихъ классахъ и обыкновенно въ послѣобѣденные часы по субботамъ, въ нѣкоторыхъ школахъ еще по средамъ, чтобы не мѣшала главному предмету этихъ классовъ,—латыни. Число уроковъ по ней стало увеличиваться уже передъ самымъ временемъ общей училищной реформы; въ это же время вмѣстѣ съ нею кое гдѣ стали преподаваться еще геометрія по книжкѣ, изданной для народныхъ школъ, и естественная исторія.

Въ такомъ же пренебреженіи по дух. школамъ были и географія съ исторіей, не смотря на то, что въ извѣстной намъ инструкціи императрицы комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ о необходимости этихъ наукъ, для дух. школъ говорилось съ особеннымъ удареніемъ. Желаніе императрицы не осталось впрочемъ безъ результатовъ: классы этихъ наукъ или обѣихъ вмѣстѣ,

(1) Ист. спб. акад. 77.

или которой нибудь одной дѣйствительно стали заводиться по семинаріямъ и училищамъ вскорѣ по учрежденіи семинарскихъ штатовъ, больше всего въ 1770-хъ гг., а затѣмъ послѣ указаннаго распоряженія 1785 г. о введеніи въ дух. школы порядка народныхъ школъ. Географію учили воспитанники, учившіеся въ классахъ грамматическихъ, преимущественно въ синтаксимѣ, рѣдко еще піиты, исторія же составляла принадлежность класса риторическаго и по мѣстамъ еще философскаго. Для исторіи такое раздѣленіе по классамъ было выгодно, такъ какъ риторика составляла классъ уже семинарскій, а семинаріи заводили у себя всѣ науки своихъ классовъ вообще скорѣе, чѣмъ нисшія училища; географія же, причислявшаяся къ нисшимъ классамъ, кромѣ семинарій, должна была преподаваться еще во множествѣ нисшихъ училищъ, изъ которыхъ рѣдкія имѣли полный составъ курсовъ, занимаясь больше одной только латынью. Отъ того множество духовныхъ воспитанниковъ переходили изъ училищъ въ семинарскіе классы безъ всякихъ географическихъ свѣденій. Такъ наприм. мы ни откуда не видимъ, чтобы географія преподавалась въ гимназіяхъ нижегородской и псковской епархій. Въ 1802 году для устюжской школы начальствомъ составлено было полное расписаніе курса всѣхъ классовъ, предметовъ и часовъ, въ какіе какой предметъ слѣдовало преподавать; о географіи и здѣсь не сказано ни слова (1), между тѣмъ какъ въ это время составъ духовно-учебныхъ курсовъ уже достаточно успѣлъ установиться по всѣмъ предметамъ и безъ географическаго и историческаго обученія едвали оставалась хоть одна семинарія, кромѣ развѣ новыхъ, только лишь формировавшихся. Учебныя книги по тому и другому предмету до 1785 г. постоянно мѣнялись по мѣстнымъ распоряженіямъ начальства, съ этого же времени приняты были руко-

(1) Волог. епарх. вѣд. 1874 г. № 17, стр. 281—282.

водства, изданныя для народныхъ училищъ; подъ конецъ описываемаго времени по исторіи въ дух. школахъ водворилось руководство Шрекка. Уроковъ назначалось по два въ недѣлю какъ для географіи, такъ и для исторіи. Для болѣе яснаго представленія того, въ какомъ положеніи находилось преподаваніе исторіи по семинаріямъ, приведемъ въ примѣръ постановку его въ троицкой семинаріи м. Платона, который, какъ *извѣстно, самъ былъ любителемъ и знатокомъ этой науки. Въ 1766 г. для преподаванія ея былъ учрежденъ отдѣльный классъ*, на который ученики (высшихъ классовъ) должны были записываться по желанію. Желающихъ оказалось всего 13 человѣкъ; „*въ разсужденіе пользы сея науки*“ Платонъ велѣлъ прибавить къ этому числу еще 5. Черезъ 4 года онъ рѣшился еще усилить преподаваніе ея и писалъ начальству семинаріи: „напоминается, чтобы прилежное тщаніе имѣть, дабы ученики учены были и успѣвали, особливо въ риторикѣ, исторіи церковной и гражданской и географіи: сіе бо наипаче человѣка просвѣщеннымъ дѣлаетъ“. Но не смотря на это предписаніе, исторія все-таки преподавалась слабо, только въ свободные часы. Руководствами были сначала Первыя основанія универсальной исторіи Дилтея, доведенныя до Августа, потомъ краткая исторія Лакроца, съ 1775 г. исторія всеобщая Голберга и т. д. Въ началѣ текущаго столѣтія особый необязательный классъ исторіи Платонъ отмѣнилъ и велѣлъ преподавать ее въ высшихъ классахъ каждому учителю въ своемъ классѣ, въ пиѣтикѣ два часа въ недѣлю по Голбергу, въ риторикѣ 2 же часа русскую исторію по Несторовой и Никоновской лѣтописямъ и по Щербатову, въ философіи 4 часа по Маттею, въ богословіи 4 же часа наиболѣе церковную исторію по Лангію съ дополненіями изъ греческихъ историковъ, а также изъ Мосгемія и Бингама; въ 1802 г. руководствами назначены по русской церковной исторіи, исторія самого Платона, по гражданской — Щербатова, по общей — Фрей-

ера и Шрекка. Но изъ отзывовъ учителей видно, что, вопреки желаніямъ Платона, историческое обученіе постоянно оставалось на самомъ заднемъ планѣ, въ риторикѣ и поэзіи многіе мѣсяцы проходили вовсе безъ историческихъ чтеній, потому что главные предметы занимали все время наставниковъ (1).

Кромѣ перечисленныхъ экстраординарныхъ предметовъ къ духовно-учебному курсу по временамъ и въ разныхъ мѣстахъ причислялись еще нѣкоторые другіе предметы, но большею частію только по случайнымъ вкусамъ и видамъ разныхъ мѣстныхъ начальствъ, безъ соображенія съ общей системой этого курса, и потому могутъ нейдти въ общій счетъ предметовъ духовнаго образованія. Такъ напр. м. Самуилъ въ Кіевѣ и Амвросій Подобѣдовъ въ Петербургѣ завели при академіяхъ классы живописи и архитектуры. Рисованію нѣкоторое время обучали еще въ харьковскомъ коллегіумѣ, полтавской семинаріи и казанской академіи; въ коллегіумѣ кромѣ того былъ классъ музыки. Классъ музыки, вѣроятно приватный, былъ также въ троицкой семинаріи (2). Дамаскинъ Рудневъ при своей нижегородской семинаріи собирался завести переплетное искуство (3). Мы нисколько не колеблемся къ числу такихъ же прибавочныхъ и случайныхъ предметовъ семинарскаго обученія отнести начавшееся въ концѣ описываемаго времени обученіе воспитанниковъ семинарій сельскому хозяйству и медицинѣ, хотя инициатива этого дѣла и принадлежала самому правительству.

Въ 1798 г. по высочайшему повелѣнію св. Синодъ входилъ въ разсмотрѣніе средствъ къ предупреж-

---

(1) Ист. троицк. сем. 352—355.

(2) Ист. кіевск. ак. 124. Ист. спб. акад. 115 Ист. Росс. Іер. 632. Полт. еп. вѣд. 1863 г. № 3, стр. 103. Ист. троицк. сем. 450—451. Ист. старой казанск. акад. 117.

(3) Ист. ниж. іерарх. 74.

денію бѣдственнаго состоянія крестьянъ по причинѣ ихъ безпомощности противъ разныхъ болѣзней, особенно оспы, производившей между ними сильную смертность, и постановилъ, чтобы ученики семинарій во время своего курса пріобрѣтали нѣкоторыя свѣдѣнія о врачеваніи болѣзней, а также о сельской и домашней экономіи: „ибо такимъ образомъ кромѣ общей пользы могутъ они въ будущее время служить своимъ прихожанамъ совѣтомъ или наставленіемъ и чрезъ то снискивать у нихъ особую довѣренность ко внушеніямъ, существенною своею должностію налагаемымъ". Въ исполненіе этого указа по семинаріямъ положено было для ознакомленія учениковъ съ сельскимъ хозяйствомъ давать имъ для чтенія Экономическій магазинъ и др. т. п. книги, а для пріобрѣтенія медицинскихъ свѣденій посылать учениковъ поочереди въ семинарскія больницы, гдѣ такія есть, присматриваться къ леченію болѣзней, собирать съ лекаремъ лекарственныя травы и т. п. Классное обученіе медицинѣ стало открываться уже съ 1802 г. вслѣдствіе новаго высочайшаго указа, которымъ медицина введена была въ составъ семинарскаго курса. Тѣмъ же высочайшимъ указомъ повелѣно было распорядиться о посылкѣ на казенный счетъ нѣсколькихъ воспитанниковъ изъ семинарій въ медицинскіе институты съ цѣлью образовать изъ нихъ преподавателей медицины для семинарій, а пока они тамъ учатся, врачебнымъ управамъ посылать въ семинаріи для преподаванія медицины искуснѣйшихъ врачей, наконецъ медицинской коллегіи озаботиться составленіемъ краткаго наставленія о леченіи болѣзней и употребленіи лекарствъ для распространенія его по дух. училищамъ и приходскимъ церквамъ. Распоряженія эти тогда же стали приводиться въ исполненіе. Уроки по медицинѣ назначены были въ богословскомъ и философскомъ классахъ по два часа въ недѣлю въ послѣобѣденное время. Студенты въ медицинскіе институты были отправлены; семинарскія библіотеки стали обзаводиться нужными для новой

науки книгами. Но дѣло все-таки не пошло въ ходъ. Преподаватели, посылавшіеся медицинскими управами, большею частію относились къ своему дѣлу нерадиво; въ псковской семинаріи одинъ такой преподаватель въ теченіе цѣлаго года посѣтилъ свой классъ всего только три раза; во многихъ семинаріяхъ преподаваніе медицины совсѣмъ и не начиналось. Постоянныхъ учителей изъ посланныхъ въ медицинскую науку студентовъ къ 1808 г. было только 5, — въ московской академіи и въ семинаріяхъ новгородской, ярославской, владимірской и тульской. Вслѣдствіе всего этого въ іюлѣ того же года новымъ высочайшимъ указомъ медицинскіе классы были снова закрыты, а посланныхъ въ медицину студентовъ велѣно, исключивъ изъ дух. вѣдомства, обратить въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ. Послѣ этого, нѣсколько времени спустя, въ 1811 г. семинаристовъ велѣно было обучать только способу прививанія коровьей оспы (¹).

Такимъ образомъ, за исключеніемъ языкознанія, изъ экстраординарныхъ предметовъ, даже самыхъ необходимыхъ для общаго образованія воспитанниковъ дух. школъ, ни одинъ не успѣлъ получить надлежащаго развитія въ курсѣ этихъ школъ до самаго конца описываемаго времени. Спеціально-сословное образованіе совершенно подавляло въ нихъ образованіе общее и попытка соединить въ нихъ то и другое въ одинъ цѣльный смѣшанный курсъ, предпринятая еще въ началѣ Екатерининскаго времени, въ концѣ концовъ имѣла немного болѣе успѣха, чѣмъ и первая попытка этого же рода, затѣянная въ свое время Д. Регламентомъ, такъ что, когда настала пора новыхъ учебныхъ реформъ въ началѣ XIX столѣтія, комитетъ 1808 г., въ третій разъ задавшись рѣшеніемъ той же

(¹) Ист. соб. акад. 117—120. Ист. троицк. сем. 355—356. Ист. псков. сем. 50. Смоленск. епарх. вѣдом, 1879 г., стр. 292. Тульск. 1862 г., стр. 595—599

неблагодарной задачи, нашелъ, что вся предшествовавшая подготовка къ этому рѣшенію состояла пока въ одномъ только простомъ допущеніи общеобразовательныхъ предметовъ въ семинарскій курсъ, а дѣло объ органической связи ихъ съ этимъ курсомъ и о надлежащей постановкѣ каждаго изъ нихъ въ частности нужно начинать чуть не самаго начала. Далѣе, мы видѣли, что старое семинарское образованіе сильно страдало недостаткомъ положительныхъ знаній, имѣло исключительно-формальное направленіе, и что введеніе въ него новыхъ наукъ, — исторіи, физики, географіи, имѣло цѣлію между прочимъ именно то, чтобы восполнить въ немъ такой недостатокъ. Понятно, что при слабомъ изученіи этихъ наукъ цѣль эта была плохо достигаема и семинаристу второй половины XVIII столѣтія по прежнему приходилось все еще слишкомъ много разсуждать и диспутировать, имѣя при этомъ дѣло не съ предметами, а съ одними разсудочными построеніями и схоластическими фикціями и помогая такой пустотѣ своего содержанія только общими мѣстами или какими нибудь другими источниками такъ называемаго изобрѣтенія мыслей. Изъ среды семинарскихъ философовъ и богослововъ на поприще жизни все еще во множествѣ продолжали выступать совершенно оторванные отъ жизни схолари и софисты, которые со всей самоувѣренностію невѣжественныхъ діалектиковъ дерзко бросали въ лице улыбавшемуся на нихъ образованному обществу свое гордое: „возражайте“, или, забравшись на церковную каѳедру, принимались изливаться въ трогательныхъ риторскихъ фразахъ о добродѣтели и порокѣ, имѣя въ головѣ не живые, реальные ихъ образы, а только ихъ отвлеченныя схемы, заученныя изъ латинскихъ школьныхъ тетрадокъ... Все это дѣйствительно было, все это успѣло рѣзко отразиться даже и въ тогдашней духовной литературѣ. Но изъ-за этой отрицательной стороны дѣла нельзя все-таки не видѣть и другой стороны положительной. Духовная школа второй половины XVIII

столѣтія выставила изъ своей среды не однихъ схоларей стараго типа; она съумѣла образовать въ тоже время цѣлый рядъ высокихъ церковныхъ дѣятелей, живыхъ и современныхъ ораторовъ, высокообразованныхъ подвижниковъ на разныхъ поприщахъ науки и не одной духовной, но и свѣтской, имена и труды которыхъ хорошо извѣстны исторіи и которые служатъ живыми показателями значительнаго поступательнаго движенія въ развитіи воспитавшей ихъ школы; изъ нея же вышли и знаменитые дѣятели учебной реформы 1808 года съ такими широкими и твердыми взглядами на школьное образованіе, что результатъ ихъ преобразовательной работы весьма не безполезно принять въ соображеніе и нашему времени съ его далеко не безупречными понятіями объ организаціи школьнаго образованія.

Какъ ни слаба была постановка общеобразовательныхъ предметовъ въ семинарскомъ курсѣ, они все-таки были уже въ него введены и это было весьма важною и совершенно достаточной заслугой со стороны его тогдашнихъ заправителей, больше которой едва ли справедливо отъ нихъ требовать, если взять въ разсчетъ ту борьбу, какую имъ приходилось при этомъ дѣлѣ выдерживать и съ недостаткомъ матеріальныхъ средствъ, и съ закорѣнелыми схоластико-латинскими традиціями дух. школы, и съ ея исключительно-сословнымъ направленіемъ. Послѣдующимъ дѣятелямъ такой борьбы выдерживать уже не приходилось и они могли спокойно сосредоточить свое вниманіе на однихъ дальнѣйшихъ, собственно педагогическихъ подробностяхъ въ организаціи духовно-учебнаго курса. Между тѣмъ уже самое существованіе въ этомъ курсѣ указанныхъ наукъ необходимо должно было оказывать на него болѣе или менѣе замѣтное вліяніе, открывая передъ глазами спеціально-сословной школы цѣлый міръ новыхъ общеобразовательныхъ и притомъ положительныхъ знаній, важности которыхъ она не могла не сознавать, хотя бы даже въ интересахъ одно-

го собственно спеціальнаго образованія. Старый типъ схоларя, какъ онъ ни крѣпко еще держался повсюду, все-таки повсюду же замѣтно сталъ сглаживаться. Въ массу отрѣшенной отъ жизни формальной учености сама собою стала пробиваться свѣжая и оживляющая струя новыхъ фактическихъ свѣденій, передъ которыми все яснѣе и яснѣе стала обнаруживаться пустота старыхъ діалектическихъ фокусовъ. Мы видѣли, что историческіе обзоры мало по малу сдѣлались постоянною принадлежностію и философскаго и богословскаго преподаванія. Сохраняя всю ловкость и изворотливость прежнихъ діалектиковъ философовъ и богослововъ, новые семинарскіе философы и богословы получили возможность пріобрѣтать къ этому еще болѣе широкіе взгляды на предметы своихъ наукъ чрезъ сравнительное изученіе того, что и какъ думали объ этихъ предметахъ другіе. Содержаніе науки при такихъ условіяхъ необходимо становилось выше своей діалектической формы, о которой прежде только и заботились, и господство схоластики съ латынью стало сильно колебаться и въ богословской и въ философской наукѣ. Богословская истина въ первый разъ и не въ одномъ только храмѣ, но отчасти и въ школѣ заговорила на общепонятномъ русскомъ языкѣ, стремясь къ сближенію съ жизнью и съ понятіями общества, а это сближеніе въ свою очередь все болѣе и болѣе освобождало ее отъ разныхъ условныхъ фиктивныхъ формъ, въ которыя запрятывала ее прежняя школа, и придавало ей новую жизненную силу. Такимъ образомъ духовное образованіе, хотя и во многомъ еще сохраняло свои прежнія черты, не сомнѣнно стало уже на новый путь развитія. Окончательное утвержденіе его на этомъ пути произведено было потомъ реформою 1808 г., которая дала ему новую, подробно разработанную и общую организацію.

Мы видѣли, что, кромѣ состава и направленія духовно-учебнаго курса, школьная реформа Екатерининскаго времени обратила вниманіе и самый методъ

господствовавшаго въ дух. школахъ преподаванія. Въ первое время до 1780-хъ гг. касательно этого предмета не было никакихъ опредѣленныхъ распоряженій; высказывались одни только неопредѣленныя общія желанія касательно этого лучшаго „учрежденія“ для семинарскихъ наукъ и упрощенія преподаванія. Улучшенія въ преподаваніи являлись сами собой по мѣрѣ того, какъ въ дух. школы вводились новыя болѣе свѣжія и понятныя руководства, на мѣста учителей поступали новые люди изъ великоруссовъ, повсюду вносившіе новый духъ и оживленіе въ учебную жизнь дух. школъ и старавшіеся преподавать возможно простымъ и доступнымъ для учениковъ образомъ, наконецъ едва ли не главнымъ образомъ по мѣрѣ усиленія въ преподаваніи русскаго языка. Въ своихъ инструкціяхъ школамъ архіереи обращали большое вниманіе на методъ, подъ которымъ разумѣли и преподавательскіе пріемы и вмѣстѣ порядокъ, въ какомъ преемственно шло преподаваніе разныхъ наукъ и ихъ частныхъ отдѣловъ, и требовали отъ учителей, чтобы въ своихъ программахъ и отчегахъ они все это обозначали въ точности. Вмѣшательство въ это дѣло высшаго начальства началось уже съ 1786 г., когда по желанію императрицы св. Синодъ издалъ указъ о введеніи въ дух. школы метода школъ народныхъ, заимствованнаго тогда у нормальныхъ школъ австрійскихъ. Въ основаніи своемъ и въ своемъ подлинномъ видѣ методъ этотъ имѣлъ много хорошихъ сторонъ по удачному выбору предметовъ, вводимыхъ въ кругъ народнаго образованія, и по образу ихъ преподаванія приспособительно къ постепенно развивающимся смышленности и любознательности воспитанниковъ, и могъ бы принести у насъ несомнѣнную пользу, если бы былъ надлежащимъ образомъ усвоенъ и нашелъ смышленыхъ и опытныхъ выполнителей лежавшихъ въ основѣ его педагогическихъ понятій. Но такихъ людей оказывалось тогда очень мало между самими руководителями народнаго образованія, которые писали для

послѣдняго инструкціи и уставы. Отъ того у насъ и усвоена была не столько сущность, сколько одна внѣшняя сторона этого метода, въ родѣ наприм. совокупнаго чтенія урока всѣми учениками, совокупныхъ же отвѣтовъ на вопросы учителя словами или чрезъ поднятіе рукъ, писанія урока на доскахъ, тетрадкахъ и т. д. Между тѣмъ правительственное вмѣшательство придало всѣмъ подобнымъ пустякамъ, которыя слѣдовало бы предоставить на волю самихъ учителей, положившись на ихъ догадливость и опытность, силу неизмѣняемаго закона, который совершенно стѣснялъ свободу преподавателей и все преподаваніе обращалъ въ какую то формальность (1). Съ другой стороны методъ этотъ былъ разсчитанъ только на школы низшія, народныя, и вовсе не былъ приспособленъ къ преподаванію высшихъ предметовъ и уже взрослымъ, развитымъ ученикамъ, каковы были ученики послѣднихъ трехъ-четырехъ классовъ семинарій. Неудивительно что онъ мало находилъ сочувствія въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ и усвоивался здѣсь главнымъ образомъ, кажется изъ угожденія императрицѣ, въ глазахъ которой составлялъ лучшую рекомендацію школы. Раньше всѣхъ дух. школъ онъ былъ введенъ въ обѣихъ академіяхъ (2), затѣмъ въ семинаріяхъ казанской, смоленской, нижегородской, переяславской, псковской владимірской (3) и др. Но наприм. даже нарочно организованная тогда по образцу главныхъ семинарій семинарія петербургская, которой поэтому всѣхъ раньше подобало бы его усвоить, сдѣлала это не скоро (4), а въ троицкой семинаріи онъ и вовсе не имѣлъ успѣха.

---

(1) О новомъ методѣ см. Ист. моск. акад. 314—315. Ист. спб. акад. 76—77. Стат. *Сухомлинова* въ Ж. М. Н. Пр. 1863 г. кн. 1.

(2) Ист. моск акад. 314, Кіевской 171.

(3) Ист. Р. Іер. I, 579. Смол. еп. вѣд. 1879 г. стр. 121. Черниг. еп. изв. 1870 г., стр. 443. Ист. пск. сем. 53—54.

(4) Ист. спб. акад. 77

Исторія его введенія въ эту послѣднюю семинарію по нѣкоторымъ выразительнымъ подробностямъ особенно для насъ любопытна.

Для ознакомленія съ требованіями новаго метода предъ его введеніемъ у себя дух. школы обыкновенно отправляли по нѣскольку своихъ студентовъ въ главныя народныя училища и потомъ по возвращеніи ихъ оттуда дѣлали ихъ у себя учителями (¹). Троицкая семинарія въ 1787 г. тоже послала съ этою цѣлью одного студента Богданова въ московскую академію, въ которой новый методъ введенъ былъ раньше. Посланный прямо отнесся къ дѣлу критически и въ своемъ отчетѣ о видѣнныхъ имъ новыхъ порядкахъ преподаванія описалъ ихъ въ чисто комическихъ чертахъ: въ информаторіи де примѣчено, что по прочтеніи урока учителемъ тоже читаютъ ученики совокупно, примѣры на правила сначала учитель пишетъ на доскѣ, а ученики тоже пишутъ на бумагѣ, на вопросы учителя знающіе вмѣстѣ и порознь поднимаютъ лѣвыя руки въ знакъ того, что знаютъ отвѣтъ; въ нисшемъ грамматическомъ классѣ особеннаго примѣчено только то, что ученики тоже поднимаютъ лѣвыя руки и производятъ совокупное чтеніе; въ грамматическомъ высшемъ подобный же порядокъ ученія происходитъ; въ поэзіи же и риторикѣ, кромѣ того, что учители напередъ, а потомъ порознь ученики читаютъ, и кромѣ также поднятія рукъ, ничего особенно не примѣчено. Начальство семинаріи съ своей стороны представило Платону собственное мнѣніе о новомъ методѣ, въ которомъ обратило вниманіе на другія болѣе серьезныя его требованія, касавшіяся самаго состава учебнаго курса и порядка въ послѣдовательномъ преподаваніи наукъ. Противъ введенія въ семинарскій курсъ новыхъ наукъ, физики, географіи, исторіи, ариѳметики, оно не имѣло

(¹) Напр. см. Смол. еп. вѣд. 1879 т. 114—115. Жизнеоп. м. Августина стр. 4—5.

ничего, тѣмъ болѣе что эти науки и такъ уже преподавались въ семинаріи, но оно замѣтно было возмущено тѣмъ значеніемъ, какое новый методъ придавалъ въ школахъ русскому языку и которое семинарскимъ латынникамъ казалось чрезвычайно опаснымъ для поддержанія прежнихъ успѣховъ языка латинскаго. Въ Регламентѣ сказано, говорилось въ этомъ мнѣніи, что на первый годъ въ школѣ довольно учить латинской или греческой грамматикѣ, „а чтобы учиться россійскому прежде языку, не повелѣвается; а притомъ, ежели принять правило народныхъ училищъ въ разсужденіе ученія россійской граматѣ и писанію, то предвидится изъ того впредь послѣдовать препятствіе успѣхамъ въ латинскомъ языкѣ: ибо тѣ, которые должны будутъ учиться напередъ россійской граматѣ и писанію, къ ученію латинскаго языка будутъ приступать уже гораздо позже.... Почему не приказано ли будетъ вашему преос—ву представить, что по вышеописаннымъ резонамъ сей образъ ученія народныхъ училищъ въ разсужденіи ученія россійской граматѣ и писанію принять въ здѣшнюю семинарію неудобно". М. Платонъ и самъ, кажется, не прочь былъ отказаться отъ новаго метода, по крайней мѣрѣ онъ и послѣ, какъ мы видѣли, всегда высказывалъ убѣжденіе, что не дух. школы у свѣтскихъ, а напротивъ свѣтскіи у духовныхъ должны учиться и заимствоваться, какъ у старѣйшихъ и имѣющихъ лучшія учрежденія; но въ томъ же 1787 году, когда шло это дѣло о новомъ методѣ, пришли извѣстія изъ Смоленска, что императрица въ бытность свою тамъ нарочно справлялась, введенъ ли новый методъ въ тамошней семинаріи, и Платонъ почелъ нужнымъ на всякій случай освѣдомиться у своей семинаріи, что она сдѣлала по введенію у себя этого метода, чего для этого не достаетъ и что слѣдуетъ подготовить „для могущаго случиться высочайшаго прибытія". Учители низшихъ классовъ отвѣчали, что въ ихъ преподаваніи нормальный методъ употребляется, только по инымъ предметамъ не

тѣ учебники, да не достаетъ еще аспидныхъ досокъ и ученики поэтому не пишутъ правилъ, изображаемыхъ учителемъ на черной доскѣ, каждый у себя, — это было уже отголоскомъ комическихъ отзывовъ о новомъ методѣ студента Богданова. Онъ и самъ тоже подалъ свой голосъ, перечисливъ предметы, которыхъ не доставало въ семинаріи для того же новаго метода, и между прочимъ указалъ: „въ главѣ 4 руководства учителямъ, въ 6 стат., во 2 п. о употребленіи тетрадей предписывается: употреблять сначала ученикамъ или тѣ линеванныя тетради, которыя употребляются въ главномъ с.-петербургскомъ училищѣ, или разлиневанныя карандашемъ или свинцовымъ прутикомъ. Но какъ здѣсь употребляется издавна просто, то и оныя тетради не употребляются". Чѣмъ кончилось это дѣло, неизвѣстно; только изъ всего хода его, по словамъ историка троицкой семинаріи, можно видѣть, что семинарія смотрѣла на пресловутый методъ далеко неблагопріятно; года черезъ три объ немъ въ семинаріи не было уже и помина (1).

По всей вѣроятности не долго продержался онъ и въ другихъ дух. училищахъ, которыя его приняли; по крайней мѣрѣ послѣ 1780-хъ гг. настойчивые толки объ немъ совсѣмъ умолкаютъ. Но распоряженія о введеніи его и особенно о томъ, чтобы дух. школы сообразовались съ порядками, принятыми въ народныхъ школахъ, остались все-таки не безъ вліянія на развитіе дух. образованія. Можно было смѣяться надъ мелочностію нормальнаго метода, надъ его регламентаціей на счетъ линеванныхъ тетрадокъ и поднимания лѣвыхъ рукъ, но упрощеній, какія онъ дѣйствительно вводилъ въ преподаваніе, нельзя было не принять во вниманіе и не цѣнить по достоинству. Благодаря главнымъ образомъ этому методу, въ дух. школахъ стало развиваться преподаваніе наукъ на русскомъ языкѣ и преподаваніе самого языка, какъ ни

(1) Ист. троицк. сем. 326—332.

крѣпко возставали противъ этого семинаріи въ родѣ троицкой, заступаясь за свою латынь, — уже одно это должно было произвести весьма важную и благодѣтельную перемѣну во всемъ строѣ духовно-училищнаго преподаванія. Кромѣ того мы видѣли, что благодаря тому же распоряженію 1785 г. о введеніи въ дух. школы порядковъ школъ народныхъ, въ духовно-учебномъ курсѣ упрочилось самое преподаваніе вводимыхъ въ него общеобразовательныхъ наукъ, до сихъ поръ никакъ не прививавшихся къ традиціонному, спеціально-сословному образованію дух. школъ, и курсъ этотъ окончательно получилъ свой характерный смѣшанный составъ, съ какимъ остается въ главныхъ чертахъ доселѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ впервые обязательные для всѣхъ дух. школъ размѣры, которыхъ уже не могла сокращать воля однихъ мѣстныхъ епархіальныхъ начальствъ. Порядки нормальныхъ школъ правда не были усвоены семинаріями въ полномъ своемъ видѣ, даже не совсѣмъ для нихъ были и пригодны, такъ какъ были приспособлены только къ низшимъ и свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ, вслѣдствіе чего преподаваніе главныхъ наукъ духовно-учебнаго курса и все устройство высшихъ классовъ семинарій продолжало неизмѣнно держаться своихъ обычныхъ традиціонныхъ порядковъ: но низшіе классы дѣйствительно весьма многое заимствовали у нормальныхъ школъ, равнымъ образомъ преподаваніе свѣтскихъ общеобразовательныхъ предметовъ по необходимости должно было сообразоваться съ преподаваніемъ ихъ въ тѣхъ же школахъ, потому что собственныя традиціи дух. школъ не представляли для этого никакихъ опредѣленныхъ руководительныхъ правилъ. Въ 1802 г. Платону, не желавшему заимствоваться мудростію у свѣтскихъ, привелось высказаться въ инструкціи для виѳанской семинаріи о преподаваніи исторіи, и вотъ что только онъ могъ написать объ этомъ предметѣ: „ученикамъ (риторики) изучать краткую исторію всесвѣтную и россійскую, а учителя долгъ есть

только наблюдать, чтобъ они сіе твердо знали, ибо знаніе исторіи состоитъ наипаче въ чтеніи и памятованіи ея, а толкованія много не требуетъ". Въ троицкой семинаріи все дѣло преподаванія исторіи онъ предоставлялъ благоразумѣнію и рачительности учителей, которые сами не знали, что имъ дѣлать по этому предмету,—отъ того послѣдній и былъ въ семинаріи въ полномъ пренебреженіи (1). Наконецъ мы видѣли также, что для преподаванія общеобразовательныхъ наукъ народныя школы сообщили семинаріямъ самые учебники и пособія, чѣмъ много способствовали къ удовлетворенію всегда чувствовавшейся въ дух. школахъ крайней нужды въ учебныхъ средствахъ.

Считаемъ нужнымъ сказать въ заключеніе нѣсколько словъ и объ этихъ учебныхъ средствахъ, скудость которыхъ въ предшествовавшее время служила такимъ сильнымъ препятствіемъ къ развитію духовнаго образованія. Здѣсь прежде всего наше вниманіе останавливаетъ на себѣ введеніе въ изученіе почти всѣхъ предметовъ семинарскаго курса постоянныхъ печатныхъ учебниковъ. Въ настоящее время, при нынѣшнемъ даже слишкомъ обильномъ количествѣ этого рода пособій, мы съ трудомъ можемъ и представить себѣ всю важность этой новости для XVIII вѣка. Кромѣ того, что она подарила учащимъ и учащимся для ихъ домашнихъ и классныхъ занятій множество дорогаго времени, которое первые должны были убивать прежде на составленіе своихъ немудрящихъ записокъ и ихъ диктовку, а послѣдніе на механическій трудъ безконечнаго ихъ списыванія, она давала дух. школамъ еще новыя средства изучать предметы ихъ курса въ болѣе точномъ и совершенномъ изложеніи и чрезъ то положительно способствовала къ поднятію уровня ихъ образованія. Какъ бы ни слабы казались намъ принятые тогда учебники, въ свое время они

(1) Ист тромцк. сем. 335.

все-таки были одними изъ лучшихъ. избирались изъ многихъ наличныхъ руководствъ по разнымъ наукамъ не только русскихъ, но и заграничныхъ, подвергались передъ изданіемъ тщательной отдѣлкѣ уже ради самой печати и кромѣ того внимательному разсмотрѣнію со стороны духовной администраціи и во всякомъ случаѣ стояли несравненно выше невѣдомыхъ міру доморощеныхъ записокъ семинарскихъ ученыхъ.

Но вмѣстѣ съ этою новостію въ дух. школахъ необходимо должна была увеличиться потребность въ усиленіи библіотечныхъ средствъ, на которыя въ прежнее время можно было менѣе обращать вниманія, полагаясь на одни случайныя пожертвованія книгъ со стороны доброхотныхъ дателей. Вопросъ объ этихъ средствахъ возникъ еще въ самомъ началѣ духовно-учебныхъ реформъ. Импер. Екатерина высказала было весьма благое намѣреніе назначить для духовно-училищныхъ библіотекъ особую штатную сумму: „Надлежитъ, гласила инструкція комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ, чтобы ученики въ заведенныхъ библіотекахъ въ тѣхъ же училищныхъ домахъ пользовались чтеніемъ полезныхъ церковныхъ и нравоучительныхъ книгъ, ибо безъ чтенія таковаго одни школьные классы весьма недовольны къ просвѣщенію учащагося и къ обогащенію разума его, къ проповѣди слова Божія приготовляемаго“; поэтому предположено было, „какимъ библіотекамъ быть при всякомъ домѣ училищномъ, тому сочинить примѣрный каталогъ, на которыя книги коллегія (экономіи) и сумму единожды опредѣлить можетъ, а другую малую назначить въ повсегодный штатъ для пріумноженія книгами“. Но предположеніе это, какъ и многія другія, высказанныя императрицей въ началѣ секуляризаціи церковныхъ вотчинъ, по окончаніи этого дѣла не было приведено въ исполненіе. Въ семинарскихъ штатахъ о библіотекахъ ни слова не было сказано и онѣ должны были по прежнему и заводиться и пополняться на счетъ однихъ скудныхъ сбереженій отъ бѣдной школьной экономіи

да отъ щедрости жертвователей и преимущественно отъ послѣдней, такъ какъ остаточныхъ суммъ у всѣхъ семинарій было чрезвычайно мало.

Жертвователями книгъ или денегъ на покупку ихъ попрежнему были главнымъ образомъ архіереи, отъ всей души помогавшіе своимъ любезнымъ школамъ и въ этой важной потребности школьной жизни, и многія ученыя лица изъ другихъ высшихъ духовныхъ сановниковъ. Авторъ Исторіи троицкой семинаріи замѣчаетъ, что даже въ этой богатой семинаріи „книги были пріобрѣтаемы болѣе путемъ пожертвованій, нежели покупкою". Такъ, въ 1762 г. архим. Лаврентій пожертвовалъ ей 34 названія собственныхъ книгъ; въ 1795 г. Платонъ подарилъ ей 234 тома; въ 1803— поступило въ нее 40 №№ по смерти эконома лавры Гедеона; кромѣ того Платонъ не разъ жертвовалъ на покупку книгъ деньгами. Библіотека казанской семинаріи была значительно пополнена книгами, оставшимися послѣ архіепископа Веніамина Григоровича, большая часть которыхъ поступила впрочемъ по его завѣщанію въ кіевскую академію. и отъ пожертвованій Амвросія Подобѣдова (1). Нижегородская семинарія получила довольно книжныхъ пожертвованій отъ преосв. Дамаскина и Веніамина (2). Въ составъ архангельской библіотеки вошли библіотеки мѣстныхъ епископовъ Антонія Зыбелина, Арсенія Верещагина, Веніамина Краснопѣвкова, Аполлоса Байбакова (3). Преосв. Викторъ Садковскій подарилъ черниговской семинаріи до 500 экз. польскихъ и французскихъ книгъ (4). Благодаря щедрости воронежскихъ преосвященныхъ, особенно Тихона Ш, въ библіотекѣ воронежской семинаріи къ 1789 г. числилось свыше 4000

(1) Ист. троицк. сем. 376—379. Ист. казан. акад. 131—132.

(2) Ист. нижегор. іерарх. 174. 195.

(3) Странн. 1860 г. IX, стр. 207.

(4) Черниг, епарх. изв. 1870 г. стр. 380.

названій книгъ, изъ которыхъ было 1261 названіе книгъ учебныхъ. „Даже отдѣлъ атласовъ, историческихъ и географическихъ, читаемъ въ одной біографіи м. Евгенія, бывшаго тогда библіотекаремъ въ этой семинаріи, былъ настолько богатъ, что въ настоящее время, болѣе доступное для пріобрѣтенія ихъ, можно завидовать тогдашней библіотечной постановкѣ. Нельзя не удивляться и не благоговѣть предъ просвѣщенною щедростію преосвященныхъ собирателей книгъ". Затѣмъ при преосв. Иннокентіи Полянскомъ число книгъ до 1795 г. увеличилось еще на 520 экземпляровъ (1). „Въ исторіяхъ іерархій и въ жизнеописаніяхъ іерарховъ, говорится въ извѣстной статьѣ о способахъ содержанія дух. училищъ, весьма обыкновенны выраженія въ родѣ слѣдующаго: такой-то іерархъ библіотеку свою отдалъ такой-то семинаріи, въ которой учился, и въ завѣщаніяхъ весьма многихъ епископовъ есть статьи въ родѣ слѣдующей: библіотеку мою келейную, писалъ въ своемъ завѣщаніи Анастасій архіеп. астраханскій, всю причислить къ библіотекѣ астраханской семинаріи въ пользу учащихъ и учащихся чрезъ чтеніе, а не чрезъ хищеніе". Вслѣдствіе этого послѣдняго пожертвованія астраханская библіотека, и прежде имѣвшая до 1500 книгъ, увеличилась почти вдвое (2). Кромѣ дух. лицъ, жертвователями на семинарскія библіотеки бывали и свѣтскіе покровители дух. школъ. Такъ, въ 1800 г. въ пользу библіотеки троицкой семинаріи было пожертвовано 100 р. сенаторомъ И. В. Лопухинымъ. Казанская академія при своемъ преобразованіи изъ семинаріи въ 1798 г. получила 44 № книгъ отъ надв. сов. Полянскаго. Графиня Шереметьева отказала все свое книгохранилище харьковскому коллегіуму. Астраханская семинарія

---

(1) Ворон. еп. вѣд. 1868 г. стр. 57—60

(2) Стран. 1860 г. IX, стр. 206—208. Астрах. епарх. вѣд 1879 № 4, стр. 61.

получила до 300 книгъ отъ генерала Канавина (1) и т. д. Нѣкоторыя семинаріи кромѣ того могли пользоваться богатыми библіотеками монастырей, при которыхъ существовали, какъ лаврская и петербургская, и архіерейскихъ домовъ, какъ наприм. псковская, имѣвшая очень бѣдную библіотеку. Бѣдность ея между прочимъ можетъ служить выразительнымъ свидѣтельствомъ того, какую важность имѣли для семинарскихъ библіотекъ пожертвованія архіереевъ. Въ Псковѣ этихъ пожертвованій не было, такъ какъ всѣ книжныя богатства, остававшіяся послѣ здѣшнихъ архіереевъ, поступали не въ семинарію, а въ библіотеку архіерейскаго дома; послѣдняя поэтому выросла съ теченіемъ времени до значительныхъ размѣровъ, тогда какъ семинарская оставалась въ крайней бѣдности до начала текущаго столѣтія, когда книги архіерейской библіотеки были наконецъ въ нее переданы и сразу ее обогатили (2).

На собственныя средства дух. школы могли покупать только самое небольшое количество наиболѣе нужныхъ книгъ. преимущественно для класснаго употребленія. Особыхъ суммъ для библіотекъ не получали не только старыя, но и вновь заводившіяся семинаріи, для которыхъ на первыхъ порахъ требовались по этой части огромныя единовременныя издержки. Такъ наприм. въ 1800 г. при открытіи калужской семинаріи „для открытія классовъ“ сейчасъ же потребовалось 300 р. на одни только учебники, которые лѣтомъ того же года и были закуплены; затѣмъ осенью израсходована такая же сумма на покупку разныхъ нужныхъ книгъ для фундаментальной библіотеки; въ декабрѣ въ учебникахъ оказался недостатокъ и ихъ закуплено еще на 147 р. 70 к. Въ слѣдующемъ году

---

(1) Ист. троицк. сем. 397—380. Ист. старой каз. акад 183. Странн. 1860 г. сент. 208. Астрах. епарх. вѣд. 1879 г. № 4, стр 60.

(2) Ист. пск. сем. 63.

семинарія получила въ свое владѣніе библіотеку бывшей крутицкой семинаріи, вслѣдствіе чего ея расходы на покупку книгъ должны были значительно облегчиться, но все-таки были очень для нея обременительны; въ 1807 г. правленіе наприм. доносило св. Синоду: „на казенномъ коштѣ не имѣется никого (изъ учениковъ), потому что, за употребленіемъ семинарской суммы какъ на починки и передѣлки вчернѣ и съ немалыми ветхостями отданнаго семинаріи корпуса, такъ и на снабдѣніе семинарской библіотеки книгами и обзаведеніе семинаріи др. потребными вещами, семинаристамъ изъ оной никакого пособія въ содержаніи производить было не возможно“ (1). Текущіе обыкновенные расходы на покупку книгъ семинаріи производили изъ скудныхъ остаточныхъ суммъ отъ своей экономіи и отъ неполнаго числа семинаристовъ. Когда штатная сумма стала раздѣляться на статьи, библіотечные расходы стали производиться изъ той трети ея, которая назначалась на содержаніе дома. Во всякомъ случаѣ суммы, какими могли располагать библіотеки для своего пріумноженія, были очень не велики. Вотъ наприм. расписаніе расходовъ по этой части, производившихся въ разное время псковской семинаріей, имѣвшей, какъ мы замѣтили, особенную надобность заботиться о пріумноженіи своей библіотеки, такъ какъ въ нее очень мало поступало книгъ жертвованныхъ. Въ 1779 г., когда она стала получать 2000-й окладъ, на содержаніе ея дома и въ томъ числѣ на учебники и лекарства для учениковъ расходовалось всего навсего 300 р. да еще 195 р. остаточныхъ отъ всей экономіи денегъ на умноженіе казенной библіотеки; послѣ увеличенія штатныхъ окладовъ при Павлѣ Петровичѣ, когда семинарія стала получать ежегодно

---

(1) Калужск. еп. вѣд 1866 г. стр. 315—316 и 215. Оренбургская семинарія въ 1807 г. выписала изъ Москвы книгъ на 1164 руб. 14 к. Странн. 1860 г. IX, 218.

3500 р., на содержаніе дома и библіотеки, какъ учебной, такъ и фундаментальной, отпускалось 883 р. 3½ коп., изъ которыхъ на долю собственно библіотеки выпадало едва ли болѣе 300 р.; наконецъ въ 1807 г. когда окладъ возросъ до 7000 р., изъ него положено расходовать 540 р. уже на одну библіотеку (1). По всей вѣроятности не болѣе издерживали на книги и другія семинаріи, если библіотечная сумма не была увеличиваема въ нихъ какими нибудь случайными пожертвованіями, а семинаріи, содержавшія при себѣ многолюдныя бурсы, едва ли могли рѣшаться и на такіе расходы. Даже въ академіяхъ до 1807 г. библіотечная сумма ежегодно простиралась всего только до 200—300 р. (2).

Понятно, что при такихъ средствахъ семинарскія библіотеки не могли быть особенно велики. Самыя большія цифры общаго количества книгъ видимъ въ семинаріяхъ новогородской и троицкой; въ началѣ текущаго столѣтія въ той и другой насчитывалось по 6000 книгъ (3). Затѣмъ въ другихъ семинаріяхъ количество это не превышало 4500 книгъ (въ воронежской) и чаще всего простиралось тысячъ до двухъ, въ числѣ которыхъ были и книги одного и того же названія; даже наприм. въ харьковскомъ коллегіумѣ въ 1788 г. насчитывалось только 2500 книгъ; въ казанской академіи число названій въ 1798 г. простиралось всего до 1370 (4). Другихъ учебныхъ пособій, кромѣ книгъ, въ библіотекахъ почти вовсе не было, кромѣ развѣ прописей для обучавшихся письму и еще церковныхъ обиходовъ для пѣнія. Географія изучалась, вмѣсто

(1) Ист. псковск. сем 85—86.

(2) Ист. спб. акад. 127. 157. Ист. стар. каз. акад. 134.

(3) Страни. 1860 г. IX, 207. Ист. троицк. сем. 380.

(4) Ворон еп. вѣд. 1868 г. стр. 58. 60. Страни. 1860 г. IX, 207. Харьк. еп. вѣд. 1873 № 4, стр. 187. Астрах. 1879 г. стр. 60—61. Ист. казан. акад. 132. Смол. еп. вѣд. 1879 г. стр. 251 и др.

картъ и глобусовъ, почти по пальцамъ. Въ 1788 г. св. Синодъ выслалъ во всѣ семинаріи потребное количество изданныхъ комиссіею народныхъ училищъ прописей, картъ и глобусовъ (1), но это потребное количество было крайне ничтожнымъ; въ послѣдующихъ каталогахъ и спискахъ библіотекъ пересчитываются обыкновенно 5—6 картъ да 2 или 4 глобуса, иногда съ отмѣтками: „худы и къ употребленію мало годны", и больше ничего (2). Подъ конецъ описываемаго времени стали появляться въ семинаріяхъ пособія для изученія естественныхъ наукъ, даже медицины, попадавшія впрочемъ въ нихъ большею частію какъ нибудь случайно, послѣ какого нибудь архіерея или другаго любителя естественныхъ наукъ, и въ числѣ немногихъ предметовъ, изъ которыхъ нельзя было составить никакой опредѣленной коллекціи. Нѣсколько минераловъ изъ русскихъ горныхъ породъ или нѣсколько разрозненныхъ физическихъ инструментовъ, въ родѣ небольшаго телескопа, микроскопа, магнита, призмъ или райковъ и волшебнаго фонаря, носили громкія названія минералогическаго и физическаго кабинетовъ (3). Тульская семинарія по случаю купила даже человѣческій скелетъ (4). Книгъ для чтенія было вообще мало по библіотекамъ,—большею частію это были книги жертвованныя и преимущественно латинскія. Главный же составъ каждой библіотеки формировался изъ закупавшихся семинаріями во множествѣ разнаго рода учебниковъ, въ которыхъ они наиболѣе нуждались для удовлетворенія требованій своихъ учениковъ. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ эти учебныя библіотеки отдѣлялись отъ фундаментальныхъ и кромѣ того сами заводили у себя большія отдѣленія учебныхъ книгъ

---

(1) Ист. псковск. сем. 61.

(2) Смол. еп. вѣд. 1879 г. стр. 251. Калужск. 1866 г. стр. 321.

(3) Наприм. Ист. спб. акад. 128.

(4) Тульск. еп. вѣд. 1862 г. стр. 597.

продажныхъ. При тогдашней неразвитости книжной торговли внѣ столицъ нужда въ этихъ продажныхъ библіотекахъ была самая настоятельная, потому что ученики только съ помощію ихъ и могли раздобыться учебными руководствами нужными для приготовленія классныхъ уроковъ.

Сами семинаріи выписывали эти руководства, равно какъ и др. книги, изъ столицъ обыкновенно большими партіями. Разсылкой ихъ по семинаріямъ занимался иногда и самъ св. Синодъ. Такъ, въ 1788 г. онъ выслалъ въ семинаріи учебники, изданные комиссіей народныхъ училищъ, и нужное количество напечатанныхъ въ синодальной типографіи сокращенныхъ катихизисовъ. Въ 1790 г. по его распоряженію напечатано было для семинарій при академіи наукъ болѣе 2000 экз. грамматики, переведенной Лебедевымъ, съ прибавленіемъ изъ грамматики называемой Marchica (1). Съ 1767 г. дѣятельнымъ издателемъ классныхъ руководствъ и комиссіонеромъ по духовно-учебному вѣдомству сдѣлался Н. Н. Бантышъ-Каменскій, оказывавшій дух. школамъ большія услуги. Онъ издалъ въ Москвѣ и Лейпцигѣ множество учебныхъ книгъ и пускалъ ихъ въ продажу по весьма умѣренной цѣнѣ. Кромѣ латинскихъ букварей, напечатанныхъ въ Москвѣ 1779, 1780, 1783, 1784, 1786 и того же года въ Лейпцигѣ, и латино-французско-русскихъ прописей, напечатанныхъ въ Москвѣ 1779, 1781, 1783, 1784, 1786, 1788, 1791 и слѣд. г., онъ издалъ латинскую грамматику, которая была напечатана въ Москвѣ 1779 г. дважды, потомъ 1781, 1783 и въ Лейпцигѣ 1789 г., греческую грамматику В. Лящевскаго (Лейпц. 1779, 1785, 1791) и мн. другія книги. Вмѣстѣ съ тѣмъ по просьбамъ архіереевъ и училищныхъ начальствъ онъ принималъ на себя заботы и о доставкѣ своихъ и другихъ книгъ въ дух. училища съ разными

(1) Ист. псков. сем. 61.

при этомъ уступками въ цѣнѣ (1). Комиссія народныхъ училищъ съ своей стороны тоже отпускала изданныя ею книги въ духовно-учебныя заведенія съ уступкою 30% противъ продажной цѣны въ уваженіе того, что при печатаніи нѣкоторой части ихъ пользовалась содѣйствіемъ св. Синода (2).

При всемъ томъ цѣна учебниковъ была все-таки слишкомъ высока для бѣдныхъ дух. школъ и ихъ еще болѣе бѣдныхъ учениковъ. Полнаго числа учебниковъ котораго могло бы достать на однихъ только казенно-коштныхъ учениковъ, не въ состояніи была завести ни одна семинарія. Вотъ наприм. какія цѣны существовали въ началѣ текущаго столѣтія (въ Казани) на самыя необходимыя книги: Библія въ листъ стоила 17 руб., нотный обиходъ 8 р., герменевтика Рамбахія 4 р., исторія Бруккера 5 р. 50 к., философія Баумейстера 3 р. и т. д. Нѣсколько раньше, въ 70-хъ гг. XVIII столѣтія (въ Псковѣ), философія Баумейстера (вѣроятно неполная) продавалась за 1 р. 55 к., исторія Фрейера за 1 р. 50 к., Корнелій Непотъ 2 р. 25 к., Omnia opera Ciceronis 8 р. 80 к. (3). До чего доходилъ недостатокъ книгъ, показываетъ наприм. слѣдующій фактъ, занесенный въ исторію старой казанской академіи: въ 1818 г., слѣдовательно въ самый разгаръ дѣятельности Библейскаго общества, „въ богословскомъ классѣ этой академіи ни у одного студента не было Библіи, да и казенная имѣлась только одна“ (4). Въ высшихъ классахъ не знали, какъ быть безъ Библіи, въ низшихъ не меньшія затрудненія встрѣчались отъ недостатка обиходовъ для пѣнія, очевидно слишкомъ дорогихъ для семинарій и училищъ при обычномъ многолюдствѣ учившихся въ этихъ клас-

---

(1) Странн. 1860 г. IX. 205.

(2) Ист. спб. акад. 78.

(3) Ист. стар. казанск. акад. 136. Ист. пск. сем. 62.

(4) Ист. каз. акад. 136.

сахъ учениковъ. и катихизисовъ съ свящ. исторіями' которые хотя и не особенно были дороги, но мало обращались въ продажѣ. Для снабженія учениковъ обиходами, псалтирями и часословами по епархіямъ нарочно разсылались иногда приглашенія къ пожертвованіямъ на пользу дух. школъ книгъ этого рода изъ церквей, гдѣ найдутся или лишніе или за ветхостію мало годные къ употребленію экземпляры. Объ изученіи катихизисовъ можно привести слѣдующее распоряженіе преосв. Парѳенія смоленскаго въ изданной имъ 1768 года инструкціи для нисшихъ школъ: „понеже свящ. церковной исторіи, такожъ и краткой богословіи столько напечатанныхъ экземпляровъ, сколько учениковъ, можетъ быть, въ школахъ не можно имѣть, того для учителямъ надобно читать предъ учениками и изъяснять, и, что нужное, приказывать переписывать и въ памяти затвердить“ (1). Въ одномъ приказѣ ректора троицкой семинаріи (отъ 1812 г.) ученикамъ грамматическихъ классовъ объ изученіи ариѳметики тоже рекомендовалось: „книги (учебникъ ариѳметики) купите; коли нѣтъ, пишите“ (2).

Такимъ образомъ, не смотря на то, что теперь почти весь семинарскій курсъ можно было пройти съ помощію однихъ печатныхъ книгъ, по недостатку библіотечныхъ средствъ ученики все еще не могли совершенно спастись отъ своего стараго многописанія, и не только въ высшихъ, но, какъ видимъ отсюда, и въ нисшихъ классахъ. При крайне ничтожномъ вознагражденіи за трудъ переписки печатная книга все еще оказывалась дороже такой же книги писанной; поэтому даже такіе ученики, которые имѣли возможность не заниматься собственноручной перепиской какой нибудь грамматики или ариѳметики, считали для себя болѣе выгоднымъ, вмѣсто того, чтобы ку-

(1) Смол. еп. вѣд. 1878 г. стр. 400, п. 7.

(2) Ист. троицк. сем. 338.

пить книгу печатную, нанять для ея переписки кого нибудь изъ своихъ бѣдныхъ товарищей, для которыхъ подобный трудъ составлялъ не маловажное подспорье къ скудному содержанію. Печатная учебная книга цѣнилась ея счастливымъ владѣльцемъ очень высоко и сберегалась тщательно не только въ теченіе всего семинарскаго курса, но и по выходѣ изъ семинаріи, если только нужда не заставляла продать ее какому нибудь младшему по курсу ученику. Подобно тому, какъ на старыхъ рукописяхъ помѣты именъ ихъ владѣльцевъ сопровождались разными заклятіями противъ похитителей, чуть не на каждой книжкѣ старыхъ учебниковъ читаемъ извѣстные семинарскіе стихи: Hic liber meus,—Testis est Deus. Qui illum capit,... далѣе болѣе или менѣе страшныя угрозы, наприм.: Mors eum capit, и подпись имени и фамиліи владѣльца. Къ счастію учениковъ и ихъ бѣдныхъ родителей разъ выбранные учебники держались затѣмъ въ школьномъ употребленіи многіе десятки лѣтъ и переходили отъ отца къ сыну, отъ сына къ внуку, просвѣщая такимъ образомъ преемственно нѣсколько поколѣній и составляя въ нѣкоторомъ родѣ ихъ семейное наслѣдіе. Въ разныхъ духовныхъ семействахъ, оставшихся вѣрными преданіямъ старины, еще не такъ давно можно было во множествѣ встрѣчать эти старыя книжки, испещренныя автографическими подписями цѣлаго ряда почившихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ этихъ семействъ и сохранившіяся въ замѣчательной цѣлости, не смотря на то, что ихъ учило столько народа и въ теченіе такого долгаго времени;—видно, что ихъ берегли необыкновенно тщательно, какъ теперь уже не могутъ беречь свои быстро смѣняющіеся и потому не возбуждающіе къ себѣ уваженія учебники ученики нашего времени.

Въ такомъ положеніи застало духовныя школы царствованіе императора Александра I, который, какъ выразился въ одной академической рѣчи 1814 г. ректоръ петербургской академіи Филаретъ Дроздовъ, „давъ

новый блескъ и силу просвѣщенію гражданскому, отеческимъ сердцемъ обратился и къ смиреннымъ обителямъ духовнаго просвѣщенія, въ которыхъ люди, пожертвовавшіе небесной мудрости блескомъ земнаго счастія и выгодами общежитія, посѣяли первыя сѣмена полезныхъ знаній не токмо для церкви, но и для отечества, и въ которыхъ юношество, по состоянію родителей скудное въ средствахъ къ своему образованію, болѣе терпѣніемъ и неутомимостію, нежели обиліемъ пособій, приготовлялось къ служенію церкви, въ самыхъ обыкновенныхъ степеняхъ важному". По мысли государя предпринята была всесторонняя реформа дух. школъ, которая должна была 1) начертать основательный планъ устройства ихъ сообразно съ цѣлію ихъ учрежденія: распространить кругъ наукъ, усилить преподаваніе однихъ и сократить силу другихъ соотвѣтственно подлинной важности каждой изъ нихъ для дух. образованія; разрозненное по управленію совокупить единствомъ власти и единообразіемъ управленія, и устранить затрудненія, возникающія отъ усмотрѣннаго несоотвѣтствія между способами образованія и нуждами, равно какъ средствами и состояніемъ духовенства; и 2) изыскать способы къ содержанію дух. училищъ, потому что и лучшій планъ долженъ остаться безполезнымъ при недостаткѣ способовъ къ выполненію его.

Послѣ нѣкоторыхъ частныхъ предварительныхъ работъ къ разрѣшенію этихъ вопросовъ, начавшихся еще съ 1801 г., въ ноябрѣ 1807 г. учрежденъ былъ наконецъ особый комитетъ, который долженъ былъ начертать самыя правила общей духовно-учебной реформы и работы котораго въ жизни дух. школъ составили эпоху, начавшую совершенно новый періодъ въ ихъ исторіи.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строки*	*Напечатано:*	*Нужно читать:*
182	1 снизу	въ Запрудѣ	въ Запруднѣ
443	12 сверху	перечитывали	пересчитывали
482	10 —	выработавшая	выработывавшая
—	4 снизу	содержаніе	жалованье
518	2 —	31—115	113—115
627	17 сверху	трогалась	трогались
644	1 снизу	54—155	154—155
723	1 сверху	частныхъ	частыхъ
752	10 —	Квинталіана	Квинтилліана
787	1 снизу	самый	на самый